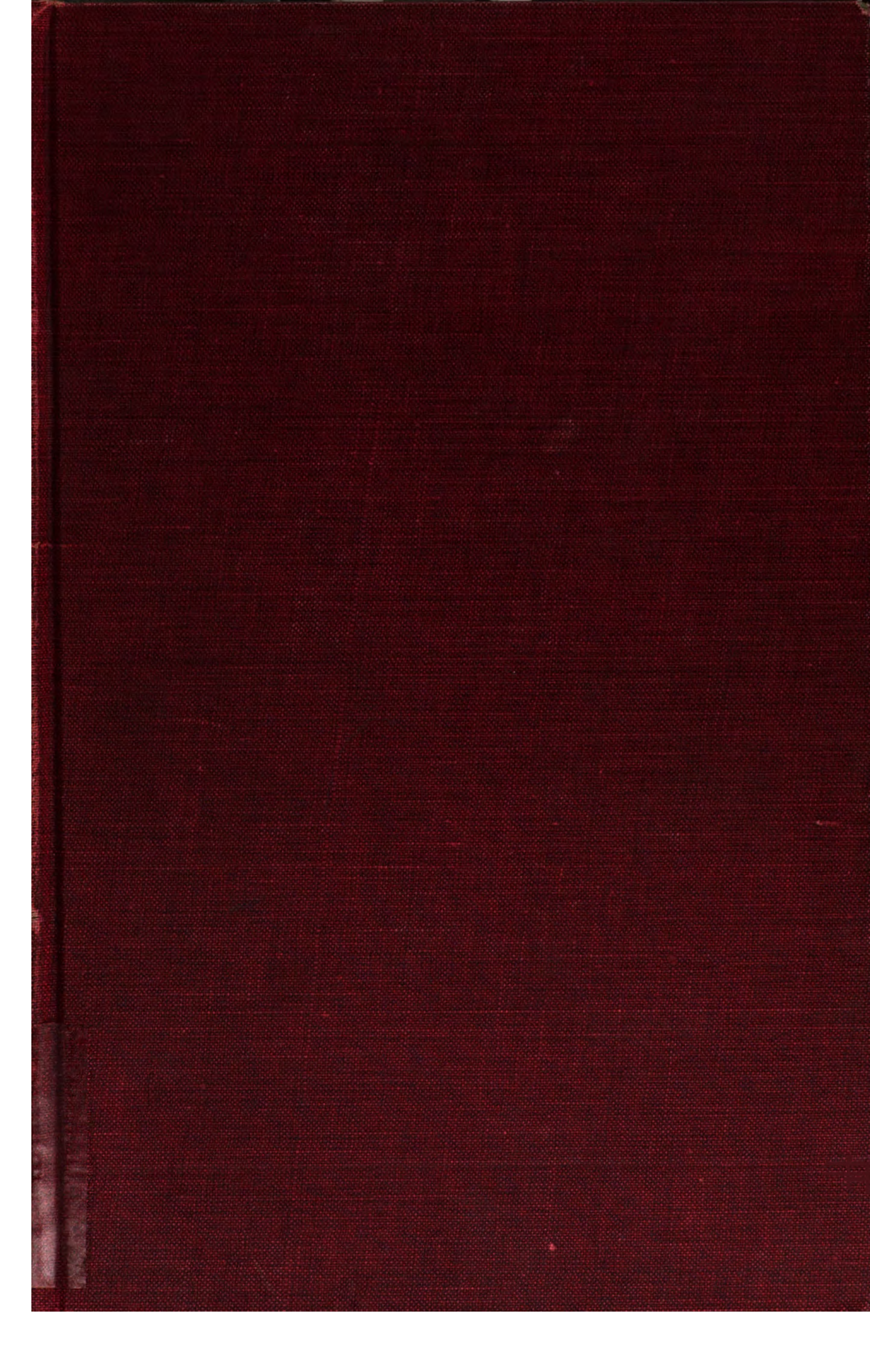
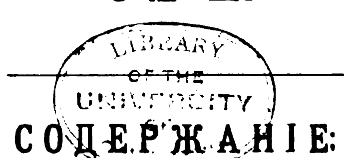


Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ЯНВАРЬ. 1911.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.



СОДЕРЖАНІЕ:

Съ этимъ № разсылается всѣмъ подписчикамъ каталогъ книгоиздательства «Образованіе». Спб. Николаевская, 9.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА
СИНЯЯ МАРКА и ПОДПИСЬ ГЛ. ПРЕДСТ.
Александръ Венцель
С.П.Б. Гороховая 33
ВЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕК. МАГАЗ.
АЛЬПИНА
ЛОЗАННА (ШВЕЙЦАРІЯ)

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ
ПРОДАЮТСЯ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ СОБСТВЕНН. МАГАЗИНАХЪ КОМПАНІИ.
Разсрочка
ПЛАТЕЖА
ОТЪ 1 РУБ.
Ручныя
МАШИНЫ
ОТЪ 25 РУБ.
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
КОМПАНІЯ ЗИНГЕРЪ
КОМПАНІЯ
ЗИНГЕРЪ
МАГАЗИННАЯ ВЫВѢСКА.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ
ПОДДѢЛОКЪ.
МАГАЗИНЫ ВО ВСѢХЪ
ГОРОДАХЪ ИМПЕРІИ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору журнала.

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору журнала и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору журнала (не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала) съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ или его №.

Объявленія въ журналѣ „Русское Богатство“ принимаются по цѣнѣ 70 коп. впереди текста и 40 коп. позади текста за строку нонпарели.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
ДЛЯ ЛИЦЪ СТРАДАЮЩИХЪ
Неврастеніей, половымъ безсиліемъ, старческой дряхлостью, истеріей, невралгіями, малокровіемъ, чахоткой, сифилисомъ, послѣдствіями ртутнаго леченія, сердечными болѣзнями (ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе, перебои, міокардитъ), артеріосклерозомъ, алкоголизмомъ, спинной сухоткой, параличами, слабостью отъ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіемъ и проч.
Въ продажѣ появилось множество малоцѣнныхъ и вредныхъ для здоровья подражаній нашему СПЕРМИНУ, предлагаем. подъ разными на СПЕРМИНЪ похожими названіями, причемъ, для введенія больныхъ въ заблужденіе, подражатели приводятъ въ своихъ рекламахъ наблюденія врачей надъ нашимъ СПЕРМИНОМЪ-ПЕЛЯ, приписывая таковыя своимъ подражаніямъ. Въ виду этого мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь лицъ, пользующихся Сперминомъ, отъ подобныхъ средствъ. Всѣ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія выдающихся ученыхъ и врачей надъ благотворнымъ дѣйствіемъ СПЕРМИНА произведены исключительно надъ нашимъ СПЕРМИНОМЪ-ПЕЛЯ, а поэтому просимъ при покупкѣ обращать вниманіе на названіе
СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ
и на нашу фирму, т. к. всѣ другіе препараты суть не что иное, какъ плохія подделки СПЕРМИНА-ПЕЛЯ, по дѣйствію ничего общаго съ нимъ не имѣющія. Единственнымъ настоящимъ Сперминомъ является СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ, флакон. 3 руб.
Желающимъ высылается безвозмездно богатая литература о Сперминѣ.
ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и С-вья.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—С.-Петербургъ, В. О., 7 лин. 18.
БОЛЬНЫМЪ.

ЯНВАРЬ 1911.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1911.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ЦѢПИ.

Уже свѣтало. Поѣздъ выстукивалъ: „трахъ-та-та“,—подвигаясь къ Крыму среди таврическихъ равнинъ. Въ купе было пыльно, жарко, ни вентиляторъ, ни предразсвѣтное время не спасали отъ духоты.

Ѣхали вторыя сутки. Геннадій Ивановичъ начиналъ уставать отъ пребыванія въ вагонѣ.

Утомленность вызывала у него потерю сна,—въ эту ночь онъ не уснулъ вовсе. А Зина спала отлично на своемъ диванчикѣ, на правомъ боку, лицомъ къ Геннадію Ивановичу, немного выдвинувъ впередъ колѣни, подложивъ подъ щеку правую руку. Никакъ нельзя было уговорить ее раздѣться. Опять легла она въ розовой блузѣ-реформъ, потому что спать въ блузѣ ей, какъ она увѣряла, въ вагонѣ гораздо удобнѣе. Изъ-за этого стѣснялся раздѣться и Геннадій Ивановичъ. Для него-же лежать одѣтымъ въ такую жару было совсѣмъ неудобно. Стоялъ апрѣль, но давно все зазеленѣло, знойно становилось въ степи, какъ среди лѣта. Геннадій Ивановичъ спустилъ на полъ обутыя ноги, хотѣлъ закурить и протянулъ руку за портсигаромъ, но глянулъ на темноволосую голову Зины и остановился.

— Не побезпокоить-бы дымомъ?

Свѣчи были погашены въ поѣздѣ; сквозь спущенную штору слабо пробивался дневной свѣтъ. Въ пыльной полумглѣ фигура Зины съ чуть поджатыми ногами казалась дѣтски-беззащитной. И выраженіе лица было у нея ребяческое, безпомощно-довѣрчивое, недоумѣнное. Теперь она глядѣла моложе своихъ двадцати лѣтъ. Геннадію Ивановичу почему-то стало жаль ее до умиленья.

— Зиникъ,—сказалъ онъ себѣ съ растроганностью, и повторилъ опять:—Зиникъ, милый Зиникъ!

Дома, въ ея семьѣ, ее звали Зинуся, Нуся, Зиникъ и Финикъ. И когда называли Финикъ или Зиникъ, то въ мужскомъ родѣ: Финикъ пришелъ, Зиникъ раскапризни-

чался. Вчера и третьяго дня Геннадій Ивановичъ говорилъ ей: Зина. Ему не хотѣлось относиться къ ней, по примѣру ея родныхъ, какъ къ ребенку. Но мысленно онъ называлъ ее Зиникъ, и это нравилось ему лучше всѣхъ остальныхъ ея прозвищъ.

— Зиникъ—моя жена, милый Зиникъ,—думалъ онъ, непереставая глядѣть на спящую.—И какъ же это вышло, что я женился?

Зина, должно быть, почувствовала во снѣ, что на нее смотрятъ. Она зашевелилась въ смутной тревогѣ, пожевала губами, сдѣлала движеніе, словно собираясь глотнуть, испуганно открыла глаза, приподняла съ подушки голову, озираясь и соображая, гдѣ она, что съ нею. И, точно припомнивъ или выяснивъ, наконецъ, что-то, поспѣшно привстала и сѣла, покачиваясь на пружинахъ дивана.

— Ахъ...—полухрипло произнесла она, чѣмъ-то недовольная, отчего-то смущаясь,—вы уже не спите?

И сейчасъ же вспомнила, что обращеніе на *вы* больше не нравится Геннадію Ивановичу, что теперь надо говорить ему *ты*.

— Ты не спишь уже? — поправилась она все еще полусонно.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Геннадій Ивановичъ.—Но еще рано. Спи, Зиночка, еще ночь.

— А ты?—напомнила она озабоченно.

— Я не могу, мнѣ душно. Хотя постараюсь уснуть и я. Ложись, Зина, рано еще очень.

Но Зина не захотѣла лечь.

— Да, душно. И пыль какая!—сказала она, потирая лѣвой ладонью глаза, носъ, щеки и волосы.—Даже на зубахъ хруститъ. Положительно нечѣмъ дышать, нѣтъ воздуха. Надо открыть окно.

Геннадій Ивановичъ попытался поднять штору и не сладилъ съ нею.

— Я—сама. Я—умѣю, привыкла въ вагонѣ,—уже не соннымъ, а обычнымъ своимъ голосомъ вызвалась Зина, довольная, что и она въ чемъ-то опытна, даже опытнѣй Геннадія Ивановича.—Я вѣдь—кочевая, все переѣзжала съ мѣста на мѣсто. Отъ насъ, съ Кавказа—въ Петербургъ на курсы—какой конецъ огромный. Потомъ—обратно. Или въ вашъ Z., къ бабушкѣ Малаховой? А мы съ мамой постоянно ѣздили. А за границей? Мама вездѣ-вездѣ возила меня. Въ Италіи, на Рейнѣ, на швейцарскихъ озерахъ,—гдѣ мы не побывали. Я еще въ четвертомъ классѣ была, когда начала ѣздить за границу.

Поднявъ штору, Зина безъ труда опустила внизъ окон-

ную раму. Хлынувшій въ купэ прохладный воздухъ показался восхитительнымъ, ароматнымъ и ничуть не пыльнымъ.

— Ты—кочевая, а я—осѣдлый,—пошутилъ Геннадій Ивановичъ, съ удовольствіемъ берясь за портсигаръ.—Я путешествовалъ мало. Разъ лишь былъ за границей, и то—недолго. На медицинскомъ конгрессѣ. Тебѣ не противно, если я буду курить такъ рано?

— О, нисколько. Пожалуйста. Я привыкла. Папочка у насъ—такой трубокуръ, не выпускаетъ изо рта папиросы. Когда онъ членомъ-докладчикомъ въ судѣ и сидитъ надъ дѣлами, готовится къ докладу, у него въ кабинетѣ темно отъ дыма. Я не боюсь. Кури, Геннадій, сколько хочется.

Геннадій Ивановичъ закурилъ съ наслажденіемъ, глубоко вдыхая табачный дымъ. Зина достала изъ саквояжа граненый флаконъ съ мутной смѣсью борной воды и одеколона, налила этой жидкости на полотенце, и стала вытирать лицо, шею, кисти рукъ, уши, за ушами.

— Охъ, какая пылища!

Педантически-опрятная, она который разъ совершала въ пути это обтиранье. Послѣ пригладила гребнемъ кудрявые волосы, не расплетая косы, заложенной въ кружокъ на затылкѣ.

— Ну? Привыкаешь ко мнѣ?—отозвался шутливо Геннадій Ивановичъ, любуясь ею.—Скоро перестанешь стѣсняться?

— Развѣ я стѣсняюсь?

— Есть немножко. Тебя... какъ бы это сказать... временами коробитъ, что ли, мое присутствіе. Напримѣръ, тебѣ непріятно спать наединѣ со мною.

— Конечно, отчасти,—смущенно согласилась Зина.—Но что же дѣлать. Это вѣдь принято. Вездѣ. Я знала, что это будетъ.

— Принято?

Геннадій Ивановичъ едва сдержался, чтобы не разсмѣяться.

Зина продолжала, занятая своими мыслями:

— А правда, мнѣ какъ то странно. Я, вѣрно, не скоро привыкну къ тому, что я... что я замужемъ. Даже смѣшно. Была—была Зиникъ Штоль... и вдругъ—Зинаида Эрастовна Юркевичъ-Сахновская? У тебя интересная фамилія, Геня. Красивая. Мнѣ нравятся двойныя. Закажу себѣ визитныя карточки, хорошенькія, хорошенькія. Зинаида Эрастовна Юркевичъ-Сахновская. Очень красиво. Мнѣ твоя фамилія понравилась, когда ты только появился у бабушки. И даже не появился еще, а только заговорили о тебѣ. Мама вѣдь ѣхала осенью въ Z. рѣзать свою фиброму у профессора Эбана. А бабушка ей сказала: не стоитъ къ Эбану, онъ—

мясникъ, живодеръ, жадный. Теперь у насъ другой гинекологъ въ модѣ, Юркевичъ-Сахновскій, бывшій ординаторъ Эбана. Молодой, восходящій, будущая знаменитость. Операторъ такой, что уже самъ Эбанъ его конкуренціи боится. Легкая рука, и везетъ ему!—еще не было несчастнаго исхода, всѣ у него выздоравливаютъ. Мама обрадовалась, повеселѣла. А я слушаю и думаю: вотъ красивая фамилія, Юркевичъ-Сахновскій.

— Такъ ты, главнымъ образомъ, ради фамиліи моей и вышла за меня?—съ притворнымъ вздохомъ разочарованія, протянулъ Сахновскій.—Больше ничего не нашла во мнѣ хорошаго?

— Ну, есть и другое кое-что,—лукаво замѣтила Зина.—Рука у тебя красивая,—добавила она съ еще большимъ коварствомъ.—Маленькая. Пальцы—какъ точеные. Если-бы ты не былъ хирургомъ, могъ-бы сдѣлаться музыкантомъ. Серьезно, у тебя музыкальная рука. Ухо еще—хорошенькое. Красивой формы, прилегающее. Розовое, какъ у барышни.

— И только?

— Еще мало? Во мнѣ, небось, и того никто не похвалитъ.

— Да въ тебѣ, на мой взглядъ, все хорошо. Я не зналъ бы, что похвалить раньше. Вѣдь я люблю тебя, Зиникъ.

— А я—развѣ нѣтъ?

— А развѣ—да?

— Если бы не да, не сидѣла бы тутъ съ тобою. Никто не неволилъ.

— Наоборотъ, тебѣ всѣ препятствовали. У тебя есть характеръ, Зина. Устойчивость.

— То-то же.

— Такъ скажи мнѣ еще разъ?..

— Что сказать?

— О, недогадливая. Скажи, что ты любишь—меня... меня любишь!

— Но я же сказала? И доказала. Это больше, чѣмъ сказать.

— Еще скажи.

— Ну, люблю.

— Безъ „ну“.

— Ну, безъ „ну“. Вотъ: люблю я тебя. Я, Зиникъ Штоль, люблю тебя, Геннадія Ивановича Юркевича-Сахновскаго. Ну? Доволенъ?

— И долго будешь любить?

— Всегда. Люблю... тебя... всегда. Слышишь? Пока не умру. И послѣ... если послѣ будетъ еще что-нибудь.

— Зина, моя Зина... милая.

Съ загорѣвшимися и одновременно потемнѣвшими глазами Геннадій Ивановичъ стремительно пересѣлъ на диванъ Зины и крѣпко обнялъ ее. Зина—словно испугалась чего-то. Она не уклонилась отъ объятія, не попыталась отодвинуться, но въ глазахъ и на лицѣ ея отразилась полуукоризненно-протестующая просьба, почти мольба. Будто она хотѣла сказать: не надо, или что-то въ этомъ родѣ. Геннадій Ивановичъ понялъ ее. Остывая, но удерживая близко подлѣ себя Зину, онъ заговорилъ по прежнему нѣжно, хотя уже спокойнѣе.

— Зина, милая... какъ же мнѣ не быть благодарнымъ? Вѣдь это ты настояла принять мое предложеніе. Пошла противъ всѣхъ своихъ.

— Не всѣхъ,—ласково, довѣрчиво и дружелюбно возразила успокоенная его благодарностями Зина.—Бабушка за тебя была. Даже находила, что я тебя не стою. Пробирала маму и папочку: чего вамъ еще? Будущая знаменитость, превосходная партія... а что вашъ Финикъ такое?—дѣвченка, какихъ легіоны. Что мои, говоритъ, средства ей когда-то достанутся, такъ когда еще это будетъ. Еще и я пожить не прочь... Да, бабушка за тебя была. И папа, собственно, не противъ. Онъ только находилъ, что лучше бы подождать нѣсколько лѣтъ. Что я молода слишкомъ. Будто я еще фига. Недоразумѣніе, а не женщина. Ну, это, положимъ... родители всегда такъ о дѣтяхъ думаютъ. Вотъ—бабушка. Мама тоже у нея одна, какъ и я у нашихъ. И мамѣ—сорокъ восьмой годъ, я—уже взрослая, а бабушка все о мамѣ: Нюничка, Нюня, Нюра, Нюточка... Будто мама—дѣвочка.

— Такъ что противъ меня одна мама твоя была?

— Мама—страшно противъ. Она и тѣхъ всѣхъ настраивала.

— Но почему? Она сперва такъ благоволила ко мнѣ?

— Во-первыхъ, ей не нравилось, что у тебя семья—тетка и сестра съ дѣвочками. И няня ваша, Тарасьевна.

— Даже и няня поперекъ дороги стала? Но куда же мнѣ дѣвать ихъ? Сестра съ дѣтьми безъ средствъ покинута мужемъ. Тетка—какъ родная мать намъ съ сестрою. И выростила насъ, и воспитала. Не всякая мать отдастъ такъ много своимъ дѣтямъ. А няня... мнѣ, пожалуй, и не обойтись безъ нея. Главный командиръ у меня въ пріемной. Какъ паціентки ее цѣнятъ, какъ любятъ ея прибаутки! И слушаются во всемъ, она у меня строгая.

— Я объясняла мамѣ все. Она и не слушаетъ. Она думаетъ, что попасть молодой дѣвушкѣ въ семью, гдѣ столько женщинъ... что это на всю жизнь отрава. А больше всего ее ужасало, что ты—женскій врачъ.

— Вотъ ужъ никогда не догадался бы, что это препятствіе.

— Для мамы—громаднѣйшее, Геничка. Оттого она такъ и плакала.

— Да что же тутъ страшнаго?

— Ахъ, это объяснять долго. Видишь ли... Папа съ мамою—однолѣтки, мама даже старше на два мѣсяца. И папочка у насъ... онъ—ловеласъ немножко. Даже не немножко, а, говорятъ, большой. И мама много, много выстрадала отъ этого. Они и расходились, и все. Когда я была маленькой, а папа служилъ товарищемъ прокурора въ Саратовѣ... такъ мы и не жили вмѣстѣ. Долго. Мы съ мамой у бабушки нѣсколько лѣтъ провели въ Малаховѣ. Тогда еще не была продана бабушкина деревня. И дома въ Z. еще не покупали. Потомъ опять наладилось съ папой, но у мамы—такое убѣжденіе, что всѣ мужчины только о томъ и думаютъ, какъ бы... словомъ, она имъ никому не вѣритъ. Не любитъ ихъ. Это къ тебѣ она отнеслась особенно. Изъ благодарности, что ты вылѣчилъ ее, что операція была такая хорошая. Мы съ бабушкой поражались: мама—и вдругъ подушку на диванъ тебѣ вышила. И какъ хвалила тебя на первыхъ порахъ: единственный человѣкъ, исключеніе среди мужчинъ. Какъ сойдутся, бывало, съ акушеркой этой, что за мамой ухаживала, съ Бертой Соломоновной,—не наговорятся про тебя, не нахвалятся. За то послѣ... когда увидѣла мама, что ты—ко мнѣ... такъ чуть не въ злодѣи тебя! Безъ передышки плачетъ, кричитъ на насъ съ бабушкой: онъ—дамскій докторъ, это все равно, что оперный пѣвецъ, еще хуже. Какой бы ни былъ скромный,—испортится. У Зины будетъ не жизнь, а каторга... И пойдетъ, и пойдетъ! Ужасно терзалась. Мнѣ и ее было жаль, и отъ тебя не могу отказаться.

— Зина... милая. Ну, все хорошо, что хорошо кончается. Ты—моя жена, теперь—кончено. А мама присмотрится и скоро убѣдится, что женскій врачъ не такъ ужъ страшно. Къ тому же, мы не однолѣтки. Я—увы! на шестнадцать лѣтъ старше тебя. Тридцать шестой годъ. У насъ не тебѣ, а мнѣ придется бояться за будущее. И знаешь, чего я боюсь? Не заскучала бы ты у меня.

— Вотъ еще фантазія.

— Не говори, Зина. Моя жизнь—трудовая, будничная. Я мало могу удѣлять времени своимъ близкимъ. Какъ бы горячо ни стремился къ нимъ, а... некогда, одолѣваютъ больныя. Вотъ и станетъ тебѣ скучно. По Петербургу, по курсамъ, по товаркамъ. Подъ предлогомъ маминой болѣзни тебя

вѣдь оторвали отъ курсовъ насильно. Какъ бы не потянуло опять къ осени.

— Н-нѣтъ. Не думаю. У меня, знаешь, прескверный характеръ. Я люблю поступать наперекоръ. Если замѣчу, что принуждаютъ къ чему-нибудь, тутъ-то и разбираетъ меня упорство. Мамѣ я хоть и уступила, а самой такъ и хотѣлось кричать во весь голосъ: не хочу, не хочу! И это— изъ упрямства. Сами по себѣ курсы уже не тянули меня. Я отъ нихъ ждала большаго, когда ѣхала въ первый разъ. Гораздо большаго. И разочаровалась. Двѣ зимы пробыла, всѣ зачеты въ порядкѣ, а между тѣмъ... не знаю. Можетъ, на медицинскихъ или на другихъ какихъ-нибудь и интереснѣе. Но на историческомъ... та же гимназія, въ сущности. Немножко лишь иначе. Громоздятъ, громоздятъ тебѣ въ голову какія-то отрывочныя знанія, къ чему? Можетъ быть, я бездарная или не гожусь для этого, только... нѣтъ, врядъ ли я соскучусь по курсамъ.

— А соскучишься, я—не помѣха. Скажи только откровенно. Поѣдешь, когда захочешь.

— Вѣдь вотъ какой ты хорошій, Геня. Деликатный, тонкій, понимающій. А мама и на курсы меня не пускала. Ой... какая у насъ баталія изъ-за курсовъ была! Я отравиться хотѣла. Такъ ужъ бабушка и папа тогда меня отстояли. Мама боялась, какъ бы я не увлеклась тамъ... не выскочила замужъ. А увезла въ Z.,—я и выскочила.

— А я постараюсь не бояться. Захочешь—поѣзжай.

— Ты славный. За то я и полюбила тебя.

— А полюбила? Зина, да?

— Ну... я говорила уже. Сколько же разъ? Что я полюбила тебя, это не удивительно. Тебя есть за что полюбить. Ты—такой... особенный. А за что ты—меня? Я вѣдь обыкновенная. Бабушка вѣрно говоритъ: такихъ, какъ я,—легіоны.

— А за то, что ты—это ты. Да и какой же я особенный? Въ чемъ? Почему?

— Ты-то? Понятно, особенный. Такихъ мало. Я помню, когда въ первый разъ увидѣла тебя. Мама побывала у тебя на пріемѣ. Ты назначилъ день операціи и заѣхалъ посмотрѣть, какая комната удобнѣе, залъ или угловая. А передъ тѣмъ про тебя и про дѣла твои у насъ звонили, звонили... прямо трезвонили. И такой, и сякой, и немазанный... Я представляла тебя большимъ—большимъ. Блондиномъ, широкоплечимъ, съ басомъ и съ густой бородой. А ты пріѣхалъ, — худенькій, черненькій, бородка чуть-чуть, руки, какъ у барышни. Голосъ—звонкій. Совсѣмъ не то, что я думала. Но ходишь—важный. Это—прочь, то—долой. Обои снять, потолокъ и стѣны побѣлить съ сулемою, полы — съ

сулемой вымыть. И всѣ передъ тобой, какъ передъ громовержцемъ. Ты мнѣ тогда же страшно понравился. А ты и не замѣтилъ меня?

— Тогда не замѣтилъ. Казнюсь и каюсь. Для меня передъ операціей одна больная только и существуетъ. И даже не она, а болѣзнь ея. Единственно.

— А когда же ты меня запримѣтилъ?

— Послѣ. Значительно позже. Когда Анна Фоминична ужъ поправляться начала. Помнишь, я заѣхалъ, навѣдаться къ ней,—Берты Соломоновны не было, а ты сидѣла возлѣ больной и спала въ креслѣ?

— Помню, помню. Мнѣ еще такъ неловко стало. Я ужъ и тогда была неравнодушна къ тебѣ. И меня сконфузило, что ты пришелъ, а я сплю. Растрепалась я тогда во снѣ.. Правда?

— Нѣтъ. Кажется, нѣтъ.

— А что ты подумалъ, когда замѣтилъ меня?

— Не помню, право. Но что-то лестное.

— Нѣтъ, скажи. Не можетъ быть, чтобы не помнилъ. Это нельзя забыть. Скажи, Геннадій.

— Ну, подумалъ: какая она, однако... Какъ весна, или заря. Какъ лепестокъ самой дивной розы... что-то въ этомъ стилѣ.

— Геничка... Боже мой! И могла ли я предположить, что и ты... тоже? Могла ли ожидать, чтобы ты ради меня сошелъ съ своего пьедестала?

— Да съ какого пьедестала?

— Ну, какъ съ какого? Конечно, съ пьедестала. Съ высокаго.

— И превосходно, что сошелъ, если такъ. Внѣ пьедестала, знаешь ли, лучше. Пріятнѣе. И къ тебѣ ближе. Это важнѣй всего.

— А ты тогда скоро замѣтилъ, что нравишься мнѣ?

— Да... замѣтилъ.

— Ишь, хитрый. И виду не подалъ. Ну, замѣтилъ и что? Что ты подумалъ?

— Думать ничего не думалъ. Думы какъ-то разлетѣлись у меня всѣ. Одни чувства остались.

— А почувствовалъ что?

— Что счастливъ.

— А я долго не замѣчала. И мысли допустить не могла. Мнѣ все казалось: куда мнѣ до него!

— Зиникъ... мой Зиникъ. Зиникъ—мой! Вотъ что—самое главное. Въ этомъ—мое счастье.

Геннадій Ивановичъ порывисто и пламенно цѣловалъ Зину.

Ей стало жарко, тѣсно, неудобно, поцѣлуи мѣшали дышать, хотѣлось вытереть послѣ нихъ до чиста лицо и губы. Но она помнила, что этого--нельзя, что это—обидно, и подчинялась, не сопротивляясь.

Зина хорошо знала Кавказъ,—и гористую часть его, и приморскую. Она видѣла Швейцарію, побывала у береговъ Мессины и въ сѣверной Италіи, жила не разъ на югѣ Франціи. И Крымъ не поразилъ ее красотами, не произвелъ впечатлѣнія новизны. Геннадій же Ивановичъ попалъ къ морю и въ южную полосу впервые, и ему все здѣсь нравилось, все было вновѣ. Постоянно занятой, постоянно непринадлежащій себѣ, онъ былъ теперь ненасытнымъ въ жаждѣ своей все увидѣть, всюду побывать, всѣмъ воспользоваться.

Остановились въ Алупкѣ.

Прожить можно было здѣсь недолго, меньше мѣсяца. Послѣ пятнадцатаго мая у Геннадія Ивановича назначены были операціи нѣсколькимъ больнымъ, и домой приходилось торопиться.

Жара не понижалась. Все цвѣло и расцвѣтало; одуряюще пахло глициніями. Море плескалось сапфирово-синее, а у береговъ его выступала на солнцѣ полоска зелено-голубая, точно изъ нѣжной персидской бирюзы или изъ ляпись-лазури. Въ его ритмическомъ плескѣ и днемъ, и ночью Геннадію Ивановичу чудилась одна и та же зачарованная, колдовски-убаюкивающая фраза:

— Люблю... тебя... всегда.

И Зина соглашалась, что это вѣрно, будто именно такъ говоритъ море.

Она хвалила виды съ балконовъ ихъ дачи, и Геннадія Ивановича радовало, что и ей нравится то же. И правда, было красиво. Съ одной стороны—морская ширь до краевъ горизонта, съ другой—горная панорама, высокій Ай-Петри, похожій на зубчатыя развалины грандіознаго сооруженія. Справа—Алупка съ пятнами бѣлыхъ дачъ, съ ея террасами, идущими отъ моря все кверху, съ ея то блѣдной, то темной зеленью деревьевъ. Слѣва—мечеть съ кипарисами и минаретомъ, за нею—густой Воронцовскій паркъ, боковые дворцовые флигели, обвитые плющемъ или ползучими розами, мавританскія башни у въѣзда. И самый дворецъ, — копія испанской Альгамбры,—изъ сѣраго гранита, въ строго выдержанномъ мавританскомъ стилѣ, тщательно-законченный во всѣхъ деталяхъ, утонченно-воздушный, переброшенный на здѣшнее побережье по прихоти скучающихъ магнатовъ.

Алупку узнали основательно въ нѣсколько дней. Сразу

продѣлали все, что полагалось для пріѣзжихъ туристовъ. Взбирались на Хаосъ, побывали во дворцѣ, понюхали розы возлѣ львиной террасы и долго любовались моремъ съ террасы, стоя возлѣ спящаго льва. Посидѣли на скалѣ Айвазовскаго, обошли верхній и нижній парки, заглянули на грязный базаръ у мечети, гдѣ такъ все скучено и насыщено пылью, гдѣ продаютъ вялый отъ жары редисъ и вялые овощи. Наблюдали татаръ и турокъ, что толпятся вокругъ базара у татарскихъ кофеенъ. Слушали, не понимая, ихъ гортанныя бесѣды съ быстрыми жестами экспансивныхъ южанъ. Обратили вниманіе, какъ странно здороваются они между собою, прикладывая руку къ чужой рукѣ, но не пожимая ея. И больше, какъ будто, ничего не осталось неизвѣданнаго въ Алупкѣ.

Тогда начали ѣздить по окрестностямъ. Въ Ай-Тодоръ, Мисхоръ, Семеизъ, Ореанду и дальше—въ Ялту, Гурзуфъ, Суукъ-Су, въ Никитскій садъ, въ Массандру. Зину огорчила дача Чехова, запыленная, сѣренькая, поблекшая, словно осунувшаяся куда-то въ провалье. Молодой садикъ, балконы, веранды, все—какъ на печатныхъ снимкахъ, но все менѣе величественное и граціозное, почти заурядное.

Систематически недосыпая, истомленная Зина уже тяготилась прогулками. Она не умѣла приносить въ жертву свои желанія и привычки ради удовольствія другихъ, и ей нелегко давалось самопожертвованье ради Геннадія Ивановича. Если бы не боязнь, что мужъ обидится или не захочетъ понять ея побужденій, она бы охотно сказала ему: ты поѣзжай еще, а я посижу дома. Мнѣ здѣсь, на балконѣ, уютнѣе и лучше. И мнѣ уже хочется побыть одной, я устала.

Но, засыпая, Геннадій Ивановичъ мечталъ, куда бы поѣхать имъ завтра, а по утрамъ говорилъ:

— Какъ хорошо... Вѣдь хорошо, Зина?

Она отвѣчала:

— Да, чудесно.

А Геннадій Ивановичъ принимался тормошить и торопить ее.

— Скорѣй. Скорѣй вставай, Зина. И пить чай скорѣе. Не опоздать бы. Потеряемъ день. И такъ ужъ немного осталось.

Онъ былъ настроенъ празднично, какъ школьникъ, вырвавшійся на волю послѣ трудовыхъ будней. И Зинѣ становилось жаль разочаровать и опечалить его нежеланьемъ ѣхать въ горы, не хотѣлось сказать о своей усталости. А уставала она до изнеможенья. Ложились спать поздно, вставали рано, торопясь на экскурсію. Ѣли впопыхахъ и все

передвигались съ мѣста на мѣсто, жарясь подъ солнцемъ, какъ въ огненной печкѣ. Подошвы ногъ не переставали ныть у Зины, разомлѣвало тѣло, рябило въ глазахъ отъ солнечнаго блеска.

На Учанъ-Су, когда поднялись пѣшкомъ вверхъ къ истоку водопада,—Зина съ озлобленностью подумала, что и смотрѣть-то не на что. Сравнить хотя бы съ Рейномъ? Что здѣсь интереснаго—въ сравненьи съ тѣми пейзажами? Неширокая полоса воды бѣлыми брызгами падаетъ съ вершины горы. Сосны на горной верхушкѣ прислушиваются, наклонясь, къ легкому шуму водопада. Особенно внимательно слушаетъ одна, приземистая и круглая. Вмѣстѣ со скалой вода дѣлаетъ колѣно, затѣмъ—другое, стекаетъ глубоко внизъ среди лѣсныхъ зарослей къ каменистому оврагу и, извиваясь, какъ оврагъ, катится ручейкомъ къ Ялтѣ, чтобы слиться съ моремъ. И только. И, какъ вездѣ,—глупыя надписи или именныя росписи всюду. На высотахъ скалъ, на деревьяхъ, на камняхъ, выглядывающихъ изъ земли, на ресторанныхъ столахъ и скамьяхъ, занятыхъ туристами, которые пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ до безконечности.

Весенній съѣздъ въ Крыму былъ большой, публика переполняла каждый мало-мальски извѣстный уголокъ. И вездѣ—ѣли, ѣли, ѣли, Зину раздражало это непрерывное жеванье. Ей мерещилось, будто всюду видитъ она одни и тѣ-же лица, обладатели которыхъ ѣдятъ безъ перерыва, ѣдятъ, никогда не насыщаясь. Ѣли и пили и тутъ, на Учанъ-Су. Солнце припекало, поджаривало. Недоспавшая Зина съ отвращеніемъ отворачивалась отъ толпы, а Геннадій Ивановичъ спросилъ, не замѣчая ея настроенія:

— Можетъ, выпьешь молока, Зина? Или закусишь чего-нибудь?

— О, Боже мой... вотъ—пытка.

Въ ея голосѣ были слезы, слезы наполнили глаза, сдавили горло. Испуганное: „Зиночка! что съ тобой?“ привело ее въ себя, заставило подтянуться. Стало стыдно за вспышку распущенности, захотѣлось загладить ее, уничтожить, вычеркнуть изъ памяти Геннадія Ивановича. Съ напускной беззаботностью Зина объяснила, уже спокойно управляя собою:

— Ничего, ничего, Геня. У меня подвернулась нога, и было немножко больно. Но теперь—прошло. Уже прошло. Хочешь молока? Будемъ пить молоко.

Геннадій Ивановичъ пристально поглядѣлъ на нее и притворился, будто повѣрилъ. Молока не пили. А обѣдали въ Ялтѣ, въ ресторанномъ павильонѣ надъ моремъ, и Геннадій Ивановичъ съ удивленьемъ присматривался къ Зинѣ,

читая теперь ея мысли, какъ раскрывшуюся книгу, читая больше, чѣмъ понимала въ себѣ—сама Зина. Онъ любовался Зининымъ самообладаньемъ,—этой человѣческой способностью угнетать самое себя.

Домой, въ Алупку, вернулись раньше обычнаго. Ѣхали вдвоемъ, въ извозчичьей коляскѣ. Надъ моремъ только еще затемнѣлъ вечеръ, а Зина—дремала, напрасно превозмогая усталость, безуспѣшно стараясь одолѣть набѣгавшій сонъ.

— Ты устала, Зина? Я истомилъ тебя, замучилъ разъѣздами?

— Нисколько. Мнѣ такъ пріятно съ тобой. Я съ удовольствіемъ.

— А зачѣмъ ты плутуешь, Зина?

— Что ты, Геннадій. Я вовсе не...

— Ну, оставь. Какая же ты... неоткровенная. Между близкими людьми прямота—прежде всего. Особенно со мной. Я самъ не умѣю хитрить, и не люблю хитрости. Англичане говорятъ: честность—лучшая политика. Во всемъ: Honesty is the best.

— Но... Геннадій?—обиженно зазвенѣлъ голосъ Зины.— Я просто не хотѣла лишать тебя удовольствія! Что же тутъ безчестнаго? У насъ такъ мало времени. Я видѣла, что тебѣ пріятно и старалась не лишить тебя развлеченья. А моя усталость... выспаться вволю, и она пройдетъ безслѣдно. При чемъ здѣсь честность или политика? Право, обидно даже.

— Но, все таки, пообѣщай мнѣ, что больше не будешь щадить меня. Ни въ чемъ. Не нужно, Зина. Не то я сдѣлаюсь подозрительнымъ. Начну думать: можетъ быть, и то, и это ей не по душѣ, а она молчитъ... лишь бы не лишать меня удовольствія. Ну? Обѣщаешь? Что же? Ты молчишь? Зина? Не хочешь пообѣщать?

— Обѣщаю,—сказала Зина, колеблясь.

— Смотри же. Я повѣрилъ. А теперь признавайся, сильно ты устала?

— Неистово.

— Прилягъ на мое плечо, вздремни, пока доѣдемъ. Вотъ сюда. Тебѣ удобно?

— Вполнѣ. Благодарю.

— Можетъ, и сейчасъ говоришь такъ себѣ... чтобы доставить мнѣ удовольствіе?

— Геннадій!—разсердилась Зина.—И ты долженъ пообѣщать мнѣ...

— Ну, не буду. Спи.

Къ своей дачѣ Геннадій Ивановичъ подвезъ Зину спящей. Онъ поддерживалъ ее, оберегая отъ покачиваній ко-

ляски. Зина вошла въ домъ и раздѣлась полусонная, и уснула мертвецки, едва опустивъ голову на подушку.

Геннадій Ивановичъ тоже усталъ. Но, какъ всегда при усталости, ему не спалось. Онъ вышелъ на балконъ, обращенный къ морю. По весеннимъ облакамъ уже шествовала луна, потемнѣвшее море золотили лунные блики, и оно зыбилось золотистой рябью на далекомъ и широкомъ протяженіи. Сладко до изнурительности пахло южными цвѣтами. Блѣдно поблескивали въ небѣ звѣзды, блѣдно свѣтились въ лунномъ освѣщеніи отдаленные и близкіе дачные огни. Было бы тихо надъ Алупкой, если бы не лаяли на луну безцѣльно и пустозвонно собаки. Докучный, неугомонный лай раздавался съ нѣсколькихъ пунктовъ и, досаждая, теребилъ нервы.

Геннадію Ивановичу хотѣлось дождаться тишины, но собаки не утихали. Послѣ въ сосѣдней дачѣ съ освѣщенными окнами заиграли на пьянино не совсѣмъ искусный аккомпаниментъ, и хорошій мужской голосъ началъ пѣть прочувствованно и вкрадчиво:

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда въ избыткѣ горя
Я говорю, что разлюбилъ тебя.

Тотъ, кто аккомпанировалъ, сдѣлалъ ошибку, запнулся, заигралъ сначала. Это не расхолодило пѣвца. Онъ повторилъ прежнюю фразу съ прежними оттѣнками, потомъ добавилъ эпически-торжественно, нѣсколько строго:

Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря,
Оно къ землѣ воротится, любя.

Выходило красиво и убѣдительно. Но гдѣ-то внизу на дачахъ завели граммофонъ и оттуда неслось: „Всѣ говорятъ, что я вѣтрена бываю. Всѣ говорятъ, что я многихъ люблю“. Получилась неподходящая смѣсь звуковъ. Граммофонъ трещалъ: „Многихъ любила, всѣхъ позабыла, и лишь одного я забыть не могу“. А пѣвецъ многообѣщающе выводилъ: „Мою свободу вновь тебѣ отдамъ“, и заканчивалъ смиренно, хотя неотвратимо:

И ужъ бѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны,
Издалека, къ любимымъ берегамъ.

Геннадій Ивановичъ, досадливо отвернувшись, пересталъ слушать. Онъ задумчиво смотрѣлъ на блестѣвшее вдали море, и оно казалось близкимъ, точно зыбилось, омывая дачу у подножія балкона. Близкимъ на столько, что въ ушахъ звучалъ ритмическій морской плескъ съ однимъ и тѣмъ же ненадоѣдающимъ, очаровательно-постояннымъ рефреномъ:

— Люблю... тебя... всегда.

Выходило какъ-то такъ, что, о чемъ бы ни начиналъ теперь думать Геннадій Ивановичъ, стороннія мысли сами собой отскакивали отъ него. Группировались же и прочно удерживались лишь думы о Зинѣ, обо всемъ, что имѣло прикосновенность къ Зинѣ или къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ и чувствамъ.

Въ этотъ вечеръ Геннадій Ивановичъ впервые спросилъ у себя:

— Да что же за человѣкъ—этотъ кудрявый, стройный, розово-хорошенькій Зиникъ? И знаю ли я его? Чѣмъ живетъ она, какъ воспринимаетъ впечатлѣнія? Что думаетъ, когда молчитъ, не находя нужнымъ высказываться? Зина—съ характеромъ. Вонъ, и отравиться грозила, когда не пускали ее на курсы, и замужъ вышла наперекоръ всѣмъ. Зина умѣетъ поставить на своемъ, знаетъ, что такое самообладаніе. Не все въ ней прозрачно, не все понятно безъ словъ. Кто же и что она? И отчего я ее, какъ будто, не знаю?

До сихъ поръ Геннадій Ивановичъ полагалъ, что онъ лучше, чѣмъ другіе, знаетъ женщинъ. Ужъ кто-кто, а онъ имѣлъ возможность изучить ихъ всесторонне. За десять лѣтъ врачебной практики предъ нимъ открыто было обширное поле для наблюденій надъ женской натурой. Женщины шли къ нему не убывающей, а возрастающей толпой. Онѣ приходили съ своими интимнѣйшими недугами и горестями, съ своей,—иногда трогательной,—готовностью примириться съ наибольшимъ страданіемъ. Приходили все новыя и новыя, но при кажущемся разнообразіи—неуклонно повторяли прежніе, изученные уже Геннадіемъ Ивановичемъ, облики. Онѣ не были однородны вполнѣ. На каждомъ шагу приходилось считаться съ индивидуальностью каждой новой больной. Но Геннадій Ивановичъ зналъ главнѣйшія разновидности женскихъ типовъ, и это помогало ему легко оріентироваться среди своихъ паціентокъ. Онъ опредѣлялъ и классифицировалъ ихъ безошибочно. Въ числѣ ихъ были прямодушно-откровенныя и скрытныя, но когда эти послѣднія начинали хитрить, умалчивали, пріукрашивали, чего-либо не договаривали или говорили неправду, Геннадій Ивановичъ безъ усилія, нелицепріятно и точно возстановлялъ истину въ неприкрашенномъ видѣ. Иной разъ онъ сообщалъ объ этомъ паціенткѣ, иногда же лишь отмѣчалъ въ книгѣ для записи больныхъ, еле замѣтнымъ вопросительнымъ знакомъ сомнительныя мѣста, и послѣ считался не съ показаніями больной, а со своими знаками вопросовъ. Онъ прозорливо говорилъ дежурившимъ у него акушеркамъ:

— Эта больная серьезная, а назвалась вымышленнымъ

именемъ. Внушили бы ей, чтобъ не забыла она этой фамиліи. Вѣдь явится еще, и какъ бы не вышло путаницы.

И нѣсколько разъ подтверждалось, что онъ не ошибался.

Онъ не удивлялся уже ничему, что бы ему ни сообщали больныя. Никакія, самыя чудовищныя признанья не поражали его. Ему довѣряли сокровенныя тайны жизни, у него искали помощи и совѣта въ наиболѣе интимныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ. Съ нимъ разговаривали, какъ съ духовникомъ и докторомъ одновременно, предъ нимъ каялись въ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ, случалось—въ преступленіяхъ. Онъ всѣхъ выслушивалъ терпимо и участливо, ко всѣмъ пытался придти на помощь, не отличая добрыхъ отъ злыхъ, праведныхъ отъ неправедныхъ. По мѣрѣ того, какъ накоплялись его обширныя наблюденія, Геннадій Ивановичъ начиналъ думать, что ужъ онъ-то превосходно знаетъ женщинъ. И собирательный женскій типъ, и разныя отклоненія отъ средняго типа. Но, полюбивъ Зину и очутившись наединѣ съ нею, онъ словно позабылъ о своемъ богатомъ опытѣ, и стоялъ, какъ передъ неразрѣшимой загадкой, передъ этой розовой и стройной, какъ будто еще не вполнѣ сложившейся духовно и физически, женщиной. Предъ этимъ своенравнымъ Зиникомъ, о которомъ ея же отецъ говорилъ: „Зиникъ еще не женщина, а фига, не женщина, а недоразумѣніе".

Эрастъ Антоновичъ Штоль, отецъ Зины, пріѣхалъ на свадьбу дочери въ надеждѣ разстроить свадьбу. Но и независимо отъ этого Штоль не понравился Геннадію Ивановичу съ первой встрѣчи. Самодовольный, съ свѣжимъ лицомъ и еще яркими губами, широкогрудый, но невысокій шатенъ съ подкрашенными, кажется, волосами, жизнерадостный и понимающій толкъ въ примитивно-житейскихъ радостяхъ, человѣкъ изрядно-начитанный, балагуръ и шутникъ изъ русаковъ нѣмецкой крови,—Штоль претилъ Геннадію Ивановичу и апломбомъ своимъ, и фамильярностью.

Вѣнчальное платье Зины было почти готово, а Штоль, познакомившись съ Геннадіемъ Ивановичемъ, сталъ убѣждать его не жениться на Зиникѣ. Да и не жениться вообще, потому что со стороны мужчины это—глупость. Онъ цитировалъ модныхъ авторовъ, чаще другихъ Уайльда, онъ говорилъ по товарищески и чуть покровительственно:

— Дурныя женщины, голубчикъ, портятъ намъ жизнь, а хорошія—дѣлаютъ ее скучной. Вотъ и вся разница между ними. По Уайльду женщины—декоративный полъ. И пусть каждая изъ нихъ помнитъ свое мѣсто. А Финика нашего мнѣ жаль. Глупенькій онъ еще, да для меня милый. Оттого и прошу васъ, не женитесь, дружокъ. Ни на комъ не жени-

тесь, тѣмъ болѣе—на Финикѣ. Вамъ кажется, что она любитъ васъ? И она говоритъ, будто любитъ? Но она—дѣвченка, мало-ли что ей вообразится. Чего она ни понаскажетъ. Мы съ вами не юнцы, и я скажу вамъ съ глазу на глазъ: вся милость Зиника подбита вѣтеркомъ. Это не тотъ возрастъ, когда женщина любитъ.

Геннадій Ивановичъ отмалчивался. А Штоль потомъ безъ всякой надобности разсказалъ будущему зятю, что онъ, Эрастъ Антоновичъ, далеко не примѣрный семьянинъ и никогда имъ не былъ.

— Любить всегда одну и ту же женщину, это—неестественно. Аномалія, голубчикъ, отсутствіе воображенія. Вы, какъ врачъ, обязаны понимать это тоньше насъ, непосвященныхъ. У меня, долженъ признаться, не взирая на раннюю женитьбу, всегда бывали увлеченья на сторонѣ. Есть и теперь конкубина. Прелестная женщина, молодая, но не дѣвочка... женщина—въ полномъ расцвѣтѣ. Вѣдь любовь это—страсть. А какая страсть можетъ быть у ребенка?

Не давши опомниться Геннадію Ивановичу отъ изумленья, Штоль принялся разсказывать рискованнѣйшія подробности о своей возлюбленной и дружески спрашивалъ у Сахновскаго совѣтовъ спеціалиста. Геннадій Ивановичъ сдержанно уклонился отъ заочныхъ совѣтовъ, мысленно опредѣливъ своего собесѣдника однимъ словомъ: пошлякъ. Ему было непріятно, что поэтическая Зиникъ—плоть отъ плоти его, что она могла унаслѣдовать отъ отца если не характеръ, то какую нибудь наклонность или черточку.

Увѣщаньямъ Штоля Геннадій Ивановичъ не внялъ, и свадьба состоялась.

А теперь на балконѣ, глядя на золотисто-зыбкое море, онъ вдругъ припомнилъ: „вся милость Зиника подбита вѣтеркомъ", и это устрашило его. Что-то неопредѣлимое, но гнетущее и отвѣтственное, разростаясь, заныло въ его душѣ, пугая именно своею неопредѣленностью, заставляя тревожно волноваться отъ угрожающихъ предчувствій. Но онъ отогналъ ихъ отъ себя. Не надо позволять пустякамъ тревожить насъ. Вѣдь что, собственно, случилось? Откуда выплыла тревога? Зина не хотѣла лишить его удовольствія и ѣздила повсюду, превозмогая усталость. И все, ничего болѣе. И дѣлала это, любя его, Геннадія Ивановича. Любя, любя... понятно, любя. Вонъ и море, которое плещетъ: люблю... тебя... всегда. Вѣдь это ея слова, Зиника? Вѣдь сама же сказала? Къ чему бы ей говорить неправду?

Онъ бросилъ на золотящееся море уже не тревожный и не пугливый, а скорѣе благодарный взглядъ и, успокоенный, вошелъ въ домъ. Луна свѣтила въ комнатѣ, какъ и на бал-

конѣ; Зина спала, укрытая до подбородка тонкой простыней. Геннадій Ивановичъ началъ потихоньку раздѣваться, но Зина сквозь сонъ угадала его присутствіе. И, чувствуя за собою даже во снѣ какую-то, еще неоформленную сознаніемъ, но несомнѣнную виноватость, — заставила себя проснуться въ неясной, но настойчивой надеждѣ, что, проснувшись сейчасъ, можно ее загладить или сгладить хоть отчасти.

— Ты не ложился, Геня?

— Ложусь.

— А на меня сердитъ еще?

— За что? Не разговаривай, не разгоняй своего сна.

— Я уже не хочу спать. Я выспалась. А отчего не поцѣлуешь меня, если не сердишься?

Поцѣловать ему и самому хотѣлось раньше, чѣмъ она позвала его, прежде, чѣмъ она проснулась. Геннадій Ивановичъ съ жаркой поспѣшностью кинулся на ея зовъ.

— Зина. Скажи мнѣ, Зина... скажи мнѣ...

Зина уже знала, что нужно сказать. Она все еще смутно сознавала себя виновной передъ нимъ, стремилась и на яву загладить или сгладить вину свою, и потому обѣими руками крѣпко обняла Геннадія Ивановича, какъ не обнимала еще ни разу, и, подражая его-же интонаціи, подмѣченной ею въ подобныхъ случаяхъ, съ горячностью прошептала ему въ ухо:

— Люблю тебя всегда. Мой милый... милый...

У Геннадія Ивановича предстоялъ первый пріемъ больныхъ послѣ свадебнаго путешествія.

Пріемъ начинался въ два часа, но нѣсколько паціентокъ,—изъ болѣе опытныхъ,—явились съ часу дня, чтобы захватить первую очередь, да и разузнать попутно накопившіяся о Сахновскомъ новости.

Какъ всегда по средамъ, сегодня должна была дежурить Берта Соломоновна Щебень, пухленькая акушерка, брюнетка съ темными усиками, не такъ давно вышедшая замужъ за молодого,—значительно моложе ея,—студента медика, котораго она и содержала, и учила изъ своихъ заработковъ. Берта Соломоновна еще не появлялась, а Тарасьевна уже священнодѣйствовала на ввѣренномъ ей посту. Она исполняла обязанности и горничной, и какъ-бы надзирательницы, слѣдящей за порядкомъ въ пріемной. Помогала больнымъ раздѣваться, примѣтливо слѣдила за ихъ верхней одеждой, зонтиками и шляпами, раздавала печатные номера съ цифрами, обозначавшими очередной порядокъ пріема, и послѣ отбирала эти номерки, самолично впуская

больныхъ въ кабинетъ Геннадія Ивановича. Внѣ очереди у нея никто не проскользалъ къ пріему. Развѣ—если самъ Геннадій Ивановичъ вызывалъ не въ очередь тяжелую или хирургическую больную. Тарасьевна была строга въ вопросахъ соблюденія порядковъ. На дежурныхъ акушерокъ она покрикивала не тише, чѣмъ на недисциплинированныхъ больныхъ. Думалось, что если-бы она крикнула на самого Геннадія Ивановича, стерпѣлъ бы и онъ. Крѣпкая, необычайно бодрая для своихъ семидесяти съ лишнимъ лѣтъ,—старуха Тарасьевна безшумно, но энергично топталась въ развалку на ногахъ, не присаживаясь въ часы пріема. То суетилась въ прихожей, беззвучно отправляя въ свои бездонные карманы чаевые рубли, полтинники, двугривенные, то, появляясь въ гостиной, оглядывала собравшихся дамъ, какъ полководецъ свое войско передъ сраженіемъ, и, шатко переваливаясь, безъ шума уходила обратно, оставляя отъ своей фигуры постоянное впечатлѣніе мягкости. Вся она была мягкая на видъ. Маленькая ростомъ, полная, съ старчески-толстыми, какъ объемистыя бревна, руками, съ оплывшимъ жирнымъ лицомъ, но съ остро-властными птичьими глазками, беззубая, съ подбородкомъ, мягко-поднявшимся къ рыхло-крючковатому носу, она носила особенно-мягкіе ситцы на опрятныхъ юбкахъ и фартукахъ, на просторныхъ кофточкахъ-бебешкахъ. Темные, тоже мягкіе платочки надвигала низко на лобъ, прикрывая полулысую, давно посѣдѣвшую голову. И ступала она неслышно-мягко въ своей мягкой обуви—зиму и лѣто на войлочныхъ подошвахъ. Всѣхъ больныхъ Тарасьевна знала, помнила, ничего не путала, не смѣшивала одну барыню съ другою. Она умѣла прикрикнуть на непокорныхъ, но она же владѣла умѣньемъ „разговорить“ и утѣшить упавшую духомъ больную, если той было сказано въ кабинетѣ, что операція неизбѣжна и должна быть произведена немедленно. Тарасьевна говорила о себѣ: „я женщина постепенная“, вмѣсто: степенная, и это смѣшило паціентокъ. Она пользовалась симпатіями и нѣкоторой популярностью, несмотря на всѣ свои строгости.

Раннія посѣтительницы размѣстились въ креслахъ и на диванѣ вокругъ преддиваннаго стола. Зазвучалъ негромкій дамскій разговоръ. Говорили о Геннадіи Ивановичѣ, объ его внезапной женитьбѣ; разглядывали знакомую гостиную, ища въ ней перемѣнъ въ зависимости отъ вліянія новой хозяйки. Но гостиная оставалась все той-же большой, пестрой комнатой, старомодно убранной, съ толстыми стѣнами и невысокими потолками старинной постройки. Такъ же, какъ прежде, рядомъ съ простой и старой мебелью, загромождали ее подношенія благодарныхъ паціентокъ, дорогія и модныя лампы,

вазы, канделябры, всевозможныя бездѣлушки, альбомы, дамскія рукодѣлія, диванныя подушки и подушечки, вышитыя скатерти, плато, коврики, покрывала. Окна на тихую улицу были растворены, на подоконникахъ и на цвѣточныхъ этажеркахъ подлѣ оконъ стояло много разнообразныхъ комнатныхъ цвѣтовъ, любимцевъ Тарасьевны. Она и на столахъ гостиной разставляла покупные базарные букетики, на этотъ разъ изъ центифольныхъ розъ съ садовымъ жасминомъ и съ незабудками.

Дамы нюхали цвѣты, переставляли стаканчики съ букетами и говорили, говорили. Въ бесѣдахъ ихъ прорывалось недовольство Геннадіемъ Ивановичемъ. Тѣмъ, что онъ вдругъ взялъ и женился, онъ какъ бы обидѣлъ и разочаровалъ всѣхъ, не исключая Тарасьевны. Здѣсь, среди посѣтительницъ этой пестрой гостиной, его ставили на столько высоко, что отъ него, какъ будто, не ожидали такого общедоступнаго и тривіальнаго поступка, какъ самая обыкновенная женитьба. Имъ были недовольны, его коллективно и огорченно ревновали къ кому-то, пока еще неизвѣстному, но безусловно несимпатичному. Ревновали, словно онъ давалъ обѣты оставаться ненарушимо-вѣрнымъ однѣмъ лишь своимъ больнымъ, а послѣ того взялъ и нарушилъ обѣщаніе, кому-то измѣнилъ, безвольно допустилъ себя до паденія.

Въ гостиную понавѣдалась Тарасьевна.

Дамы стихли, а одна изъ нихъ,—дородная, не первой молодости, давнишняя паціентка Геннадія Ивановича, дающая нянѣ на чай не меньше рублевки,—храбро спросила:

— Какъ-же, нянюшка? Что-жъ ваши молодые? Давно пріѣхали?

Тарасьевна отвѣтила почтительно и охотно, какъ рѣдко кому.

— Третій день, матушка-барыня. Третій день. Уже отдохнувши съ дороги.

— Чтъ-жъ? Что Геннадій Ивановичъ?

— Да что... загорѣли наши, какъ чумаки. Черные, какъ жуки, съ Крыма вернулися.

— А вы, няня, небось, и чумаковъ еще помните?—предположила другая дама, молодая и тонкая, съ черно-синими подглазниками и безкровно-блѣдными, почти бѣлыми губами.

— Ии-и, милая... какъ не помнить. У моихъ господъ, у Чернь-Черницкихъ... какъ я еще крѣпостная дѣвченка была... сколько ихъ наѣзжало. Господа наши, Чернь-Черницкіе, были, дѣйствительно, господа, милая. Земли у ихъ! И въ Херсонской, и въ Черниговской, и тутъ—весь край уѣзда. Ужъ господа—такъ можно сказать, что господа. Такъ, бы-

вало, къ ночи чумаки — какъ понаѣдутъ въ степь, на ночевку. Черные, черные... Штаны у ихъ широкіе, полотняные, а тотъ, который возы дегтемъ мажетъ,—шмаровазъ зовется. Разведутъ костры, кашу варятъ, съ саломъ. Пасутъ, пасутъ воловъ ночь цѣлую, до свѣта. А за ночевку соли намъ, милая, сколько угодно. Соль — крупная, такими-вотъ дробочками. Крѣпкая, сама—ажъ желтая, воды отъ ея—такъ и рыпитъ. Тарани намъ,—мѣшками, лантухами. А тарань была, милая, не такая, какъ нынче. Черноморская, янтарная, хоть губами ѣшь. Жиръ скрозь шкуру—ажъ свѣтится. Ажъ горитъ, какъ посмотрѣть противъ солнца. А выцернешь перьячко сбоку, такъ жиръ прямо тебѣ: капъ-капъ-капъ.

Дородной паціенткѣ хотѣлось послушать о Сахновскомъ, а не о тарани. Съ нетерпѣливой гримасой, но слащаво, она сказала Тарасьевнѣ:

— Чего только не видѣла нянюшка на вѣку своемъ. А какъ же теперь? Молодой хозяюшкой своей довольны, няня?

— Я что-жъ? Я—ничего. Слава Богу, пора уже,—политично отвѣтила старуха.—Она—ничего, ласковая. Хотя нашего брата,—бабу,—не раскусишь въ скорости. Два пуда соли съѣшь съ ею, а все не узнаешь. На языкѣ медъ, подъ языкомъ—ледъ. Оно и такъ бываетъ. А пока—ничего, молодуха утѣшная.

— Берта Соломоновна говорила, красивая она, нянюшка?

— Ии-ии! Ужъ красивая—такъ дѣйствительно. Розанъ. Королевъ-цвѣтъ самой что ни на есть лучшей краски. Бровки у ея—по шнурочку, глазища—темные. Какъ поведетъ,—никакой лампы не нужно. Губочки—вишеньками, самыми, что ни на есть, румяными. Росту сама высокаго, повыше Геннаши будетъ. Все на своемъ мѣстѣ, складная такая. А смѣется, какъ колокольчикомъ звонитъ. Для его—ужъ такая утѣшная, дѣйствительно. А хороша ему, и намъ хороша. Геннаша и мнѣ патретъ ихній привезъ въ подарокъ. Жалко, въ рамочку отдала вдѣлать, а то бы показала. Въ пятницу будетъ готово. Ужъ что за патретъ, смотрѣлъ-бы, не наглядѣлся. Тамъ, въ Крыму снявшись въ паркѣ. Розовые кусты—это шпалерами, а они,—наши,—на дорожкѣ промежду розъ въ парѣ. Она—въ шляпочкѣ. Ну, какъ есть королевъ-цвѣтъ. И онъ—козыремъ такимъ. Ее подъ ручку,—вотъ сей мигъ снимутся и пойдутъ на прогулянье.

— А не тѣсно вамъ съ молодыми, нянечка? Семья-то большая.

— А мы ужъ во флигелѣ, милая. Матушка-попадья,—Надежда Михайловна,—Фаничка, сестрица Геннадія Ивановича съ дѣвочками... Тамъ и мнѣ комната отдѣльная.

Глаза паціентокъ заблестѣли въ предвкушеніи разоблаченія домашнихъ конфликтовъ и неурядицъ. Раздались возгласы изумленья и женскаго злорадства.

— Да?

— Уже?

— Такъ скоро?

— Ай, ай, ай!

— Да когда же это успѣли?

— А покудова молодые въ Крыму гуляли, мы всѣ скорымъ дѣломъ и переселились. Усадьба-то ея, матушкина, послѣ покойника отца Афиногена ей досталась. Священникомъ онъ былъ,—въ соборѣ; денежекъ не оставилъ, а домъ ей записалъ. Бездѣтные были, такъ матушкиныхъ племянниковъ ростили, Геннашу и Фаничку. Тѣ сиротами осталися: сестра матушкина за военнымъ была, и оба умерши въ молодыхъ годахъ. Матушка тогда и взяла дѣтокъ. Геннашу по третьему годочку. Я ихъ и вынянчила обоихъ.

— А теперь матушку изъ собственнаго дома—во флигель?

— Сохрани Боже. Ее никто не заставлялъ, сама надумала. Какъ молодые уѣхали, она квартирантовъ долой и насъ—на переселеніе. Неустойку заплатила, Геннаша и не знаетъ. Онъ не хотѣлъ. Просилъ, какъ ѣхалъ: оставайтесь всѣ по старому, въ тѣснотѣ да не въ обидѣ, размѣстимся. Ну, да ихнее дѣло молодое, домъ не такой большой... чего мы надъ душой у ихъ торчать будемъ? Пойдутъ порядки новые, то да се... Матушка не выдержитъ, выскажетъ свое. А скажешь правду, потеряешь дружбу. Лишнее говорить, себѣ повредить. Что ему, Генашѣ, сушить голову зря? Подальше-то лучше. Мнѣ только цвѣтиковъ моихъ жалко. Развела ихъ—садъ цѣлой. Желтофіоль на весну—вся зацвѣтетъ, горшковъ двадцать одной желтофіоли. Куда съ ими во флигелѣ? И окна не тѣ, и...

— А вы цвѣты здѣсь, у молодыхъ, оставьте.

— Захотятъ ли? Скажутъ: цвѣты да не такіе. Безъ вкусу, скажутъ. Я, милая, цвѣтокъ люблю простой. Мнѣ—чтобы онъ цвѣлъ хорошо или листъ имѣлъ пышной. Герань у меня, фукція, крапивка рябенькая, бальзаминъ, Анютины глазки,—вотъ мои цвѣтики. Жасминъ еще комнатной, у Генаши въ кабинетѣ на все окно постлался. А тамъ пойдутъ пальмы да аракаріи всякія. Я ихъ не уважаю—вѣникъ, какъ есть, никакой красы въ емъ не вижу. Тутъ, милая, все по новому скоро настанетъ. Съ недѣли—вся мебель будетъ новая, кромѣ Генашиныхъ подарковъ, что барыни надарили. А старое все—къ намъ пойдетъ во флигель. Сама молодуха обойщиками верховодитъ, вчерась размѣряли тутъ

все, усчитывали. Все теперь пойдетъ по ейному. Обстановка у тебя, говоритъ, не такая, вкусу мало. Вкусу! Мы сколько лѣтъ съ Генашей выжили, и хватало намъ вкусу. Довольны были, слава Господу, не домъ, а чаша полная. А ей—не угодно. Вишь ты, не хватило ей вкусу.

— Она—со средствами, говорятъ? Богатая?—любопытно освѣдомилась дородная больная.

— И, матушка-барыня. Богатая не она, а бабушка ейная, Малахова Варвара Матвѣевна, материна мамаша. Та—дама дѣйствительная. Помѣщица. Свой домъ собственный на Печенѣжской улицѣ, женщина извѣстная. Да не то денежки, что у бабушки, а то денежки, что за пазушкой. Приданаго Генаша не взялъ. Но мы за этимъ и не гонимся. У насъ у самихъ домъ—чаша полная. Далъ бы Богъ здоровья Генашѣ, а ужъ будетъ онъ милліонщикомъ! У Эбана, у профессора,—два квартала домовъ. А барынь-то потрошитъ Генаша лучше Эбана. Пройдетъ годикъ, другой, такъ ему и не угнаться за нашимъ. Рѣжетъ тоже Саня Самофаловъ, другъ-пріятель Генашинъ отъ дѣтскихъ годовъ. Ну, такъ онъ—копотунъ, медленный, нѣту того спѣху въ рукахъ, что у нашего.

Раздался протяжный электрическій звонокъ изъ прихожей. Тарасьевна шатко заковыляла отпирать двери.

Пришла Берта Соломоновна, раздѣлась и исчезла въ кабинетѣ. И послѣ появилась снова въ снѣжно-бѣломъ халатѣ.

— Просите, няня. Два часа.

— Номеръ первый,—аффектированно выкрикнула Тарасьевна.

Дородная дама прошла въ кабинетъ.

Съ двухъ часовъ больныя стали прибывать одна за другою. Гостинная зажужжала, какъ пчелиный улей. Громче всѣхъ и привлекая къ себѣ вниманіе многихъ, говорила одна изъ паціентокъ, пришедшая въ первый разъ, молодая, востроносенькая, принаряженная заботливо, но по дешевой цѣнѣ, съ жидкими волосами при неимовѣрно-взбитой прическѣ. Она болтала о себѣ и о домашнихъ дѣлахъ своихъ—безъ утайки и безъ стѣсненій.

— А мужъ мой—какъ вспылитъ, и на меня: «ну, что ты пристала? То не я былъ. Тебѣ показалось, что я. Я у ротнаго въ лагерной палаткѣ сидѣлъ и въ винтъ игралъ, а не на́ лихачахъ въ городѣ катался. И дряни никакой не было, то другой кто-то былъ, а тебѣ я показался». А ея ему: какъ не ты? Не замыливай мнѣ глазъ, я сама!—сама, сама, сама!—видѣла. И китель твой, и пуговицы тѣ, что я чистила. А у нея—шляпка экрю, и перья рыжія сбоку. И ты ее за талію

держалъ. И на лихачѣ... я же видѣла, что ты мнѣ глаза хочешь замылить! Нашелъ дуру какую, институтку наивную, чтобы повѣрила. Я—не таковская, меня не проведешь. И говорю: такъ ты вотъ какъ? Всего годъ, что мы женаты, а ты ужъ на лихачахъ? И съ рыжими перьями? А онъ мнѣ: „ты сумасшедшая! Господи мой, Боже... и за что Ты покаралъ меня? За что допустилъ связаться съ этой психопаткою"? А я ему: а! такъ я—психопатка? А онъ кричитъ: „а то кто же? Погубилъ я свою молодость! Жизнь, свободу, карьеру—все принесъ этой дурѣ въ жертву. Вѣдь на дочкѣ командира могъ бы жениться". А я ему: а! Такъ у тебя дочка командира на умѣ? Ты жизнь погубилъ, карьеру, молодость? И пошло тутъ у насъ. Онъ говоритъ: „не я"! Я говорю: ты! Три дня сраженіе продолжалось, просто изъ силъ выбились оба. Онъ подъ конецъ давай просить: „сходи ты, Бога ради, къ Юркевичу-Сахновскому. Ты больна вѣрно". Я ужъ согласилась. Поѣхала изъ лагерей,—у меня тамъ дача поблизости,—пришла сюда, а теперь и сама думаю: а можетъ, и впрямь не онъ? Офицеры вѣдь издали всѣ одинъ на одного похожи. Да еще—въ кителѣ. Ну, только нѣтъ, онъ! Его спина, я не ошибуся. И дрянь эта... понимаете, съ рыжими перьями? Шляпка экрю и перья рыжія. Ахъ, ты, Царица Небесная. И я на этакого развратника здоровье свое положила? Теперь больна, положительно больна, сама чувствую. Така-ая боль въ лѣвомъ боку. И ногу тянетъ, тянетъ... Ооо-ой! Вѣрно, онъ мнѣ мушки пропишетъ. А еще—ждать такъ долго. Вѣдь три ночи не спавши. Голова—какъ капуста... какъ въ туманѣ все. И когда я теперь въ лагери попаду?

— А вы бы, сударыня, вышли прогуляться на свѣжій воздухъ?—сухо, но вѣжливо предложила ей Тарасьевна съ порога передней.—Ваша очередь не скоро, часа два еще. А здѣсь, за угломъ, скверъ отъ насъ недалече. Посидѣли бы въ холодочкѣ на воздухѣ,—голова-то и прояснится.

— А въ самомъ дѣлѣ,—обрадовалась дама.—Тоска зеленая сидѣть и ждать здѣсь. Спасибо, что сказала, бабушка.

Дамочка приколола передъ зеркаломъ громадную, какъ ламповый абажуръ, муслиновую шляпу съ оборочками, взяла свой зонтикъ, перчатки, ридикюльчикъ и вышла.

— Экъ, трещетка... растрещалась!—недовольно пустила ей вслѣдъ Тарасьевна.—Безпокойство одно всѣмъ... которыя дѣйствительно больныя, настоящія. Тоже лѣчиться пришла: Богъ мой, Богъ, болитъ мой бокъ, девятый годъ, не знай которо мѣсто. Дурь-то изъ головы, какъ ни лѣчи, никто не выпотрошитъ.

Праздновали семнадцатаго сентября именины матушки, Надежды Михайловны Чибисовой. Во флигелѣ готовились къ обѣду.

Матушка, костистая, высокая, съ впалымъ животомъ и согнутой спиною, полусѣдая, съ пріятной улыбкой и пріятной манерой рѣчи, сидя за круглымъ столомъ въ столовой, подбирала одинъ къ другому номера „Нивы" за нынѣшній годъ, разсматривала картинки, почитывала повѣсти. По случаю именинъ она была не въ черномъ, а въ рѣдко-надѣваемомъ коричневомъ платьѣ и заботы по хозяйству уступила на сегодня сестрѣ Геннадія Ивановича, Феофаніи Ивановнѣ.

Феофанія Ивановна,—лицомъ похожая на брата, но похуже его, плохо и растрепанно-причесанная, сухенькая и небольшая, съ черными, страдальчески-злобными глазами, съ печеночными пятнами на лицѣ и разъ навсегда обиженно-поджатымъ ртомъ,—суетилась, не присѣдая, хотя никого чужого не ждали къ обѣду. Долженъ былъ лишь пріѣхать съ женою докторъ Самофаловъ, товарищъ Геннадія Ивановича по гимназіи и по университету да еще ждали было Штоль,—Анну Фоминичну, тещу Геннадія Ивановича. Но теща раннимъ утромъ прислала громадный тортъ съ пирамидой изъ леденца да поздравительное письмо на пахучей лиловой бумажкѣ, съ рядомъ сожалѣній по поводу своей внезапной болѣзни, лишающей ее возможности быть на именинномъ обѣдѣ. Фигурка Феофаніи Ивановны, одѣтой въ бѣлое съ черными листочками платье,—носилась взадъ и впередъ по флигелю, появляясь то въ кухнѣ, то въ кладовой, то въ столовой у крашенаго буфета, то на дворѣ, у ледника.

— Салату свѣжаго, Фаничка, не забудь отдѣлить для Генаши. Безъ прованскаго масла ему,—напомнила матушка, когда Фаня стала выбирать изъ буфета тарелки.

— Я помню, тетя. Я отложила. А только теперь Геня ѣстъ и съ прованскимъ. У нихъ и салатъ, и селедки, и соуса,—все съ прованскимъ. Маіонезъ и провансаль постоянно. Зинаида Эрастовна такъ любитъ.

— И ѣла бы сама, коли любитъ. А чего же Геня молчитъ? Сказалъ бы.

— Геня скажетъ? Не знаете вы Гени! Да для нея онъ и не на то готовъ. Пусть хоть на головѣ у него пляшетъ, еще радъ будетъ. Мы вѣдь олухи. Не тою мѣрою мѣримъ, что намъ отсыпаютъ. Къ намъ люди—такъ, а мы—вотъ какъ, мы по иному, насъ норовятъ обойти, обидѣть, а мы благодаримъ да разсыпаемся. Меня мужъ бросилъ и думать забылъ. И про дѣтей не вспомнилъ, идите хоть на панель. А

мы невѣстку взяли,—въ глаза не наглядимся. Хоть бы всѣмъ намъ взгромоздилась на головы, какъ Генѣ,—и еще рады были бы.

— Будетъ тебѣ, Фаня. Хоть ради сегодняшняго дня не гнѣви Бога. Чего тебѣ? Тебѣ на Геню грѣхъ нарекать. Такого брата поищи да поищи. И тебѣ, и дѣвочкамъ твоимъ подавай да подавай, Геннадій Ивановичъ.

— А лучше, если на жену все просадитъ?

— Такъ то жена ему.

— А я сестра. Еще поближе: жена сегодня одна, черезъ годъ—другая. Какъ у профессора Вальтера. А сестры другой не будетъ до вѣку. Намъ-то что перепадаетъ? Объѣдочки. А для нея... вонъ, обстановку ей закатилъ какую. Посадилъ, какъ въ бомбоньерку. Двѣсти шестьдесятъ рублей за пару кроватей! Триста рублей коверъ въ гостиную. Платье новое каждую недѣлю. То на гулянье съ нею, то кататься, то въ театры. Геня за день наморится, еле на ногахъ стоитъ, а придетъ вечеръ, одѣвается и—въ театръ. Зинику захотѣлось. Изъ Гени нашего—хоть веревки вей. Она и мамаша ея всѣмъ командуютъ. А все недовольны. Еще и носы дерутъ. „Зиникъ, Зиникъ...“ а она еще и въ ревъ.

— Ну... женщина въ положеніи.

— И я была въ положеніи. И какъ ревѣла, а никто передо мной не разсыпался. А сватья ваша, маменька ея? Не деретъ носъ передъ нами? Даже сегодня не соизволятъ пожаловать. Какъ-же... не компанія для нихъ.

— А намъ не велика печаль. Мы не нуждаемся.

Появилась въ столовой Тарасьевна, только-что возвратившаяся съ пріема больныхъ. Надежда Михайловна спросила у ней:

— Генаша скоро будетъ?

— Только-что пріемъ кончилъ. Двадцать пятеро сегодня, и еще шли, я ужъ отказывала. Онъ, батюшка, и то побѣлѣлъ, къ концу сталъ, какъ щикатурка на стѣнкѣ. Ажъ губы запеклися, не жалѣетъ онъ себя. У его двѣ руки, и онъ думаетъ—двѣ силы.

— А она дома уже?

— Дома. Воротилась. Сбѣгавши къ мамашѣ, провѣдала больную. Больная!—иронически подчеркнула Тарасьевна.— Химеруетъ да юродствуетъ, опять капризы, дрики-мики напали. Все домой, на Кавказъ собирается. Все будто муженекъ зоветъ да кличетъ. Куды тебѣ, какъ бы не позвалъ. Такъ просили, такъ просили... изъ хаты! Такъ не пускали, такъ не пускали... въ хату! Гулящій, сказываютъ, нѣмецъ ейный. Да хотя бы уѣзжала ужъ, Господь съ ею. По цѣлымъ днямъ торчитъ у дочки. И Геничка не любитъ ея

тещу свою. А она—врагомъ на его. Все-то не такъ, все не по ейному. И то, и то еще надо, всего имъ мало. Охъ, протрутъ онѣ бока Геничкинымъ денежкамъ. У его не съ вѣтру деньга, не шальная, не отъ бабушки. Трудовая копѣйка—не шуточка.

Феофанія Ивановна язвительно замѣтила:

— Тогда ты, няня, изъ своего запаса ссудишь Генѣ. Онъ же—твой любимецъ. И у него на пріемахъ ты набила себѣ мошну. Не меньше вѣдь пяти рублей за разъ каждый. Навѣрное.

— И, батюшко. Въ чужой мошнѣ легко считать. Мошну набила... Откудова? Мнѣ — собрать бы убогой старухѣ на гробъ да на похоронъ. И того еще нѣту.

— Ну, ну... ты, скваль͏га старая. Знаю я тебя. Все ей на гробъ да на похоронъ. Десять лѣтъ собираетъ. Монументъ себѣ, что ли, закажешь на площади? Никакъ на гробъ не насобираетъ. А у кого выигрышные билеты?

— Гдѣ они, батюшко?

— Гдѣ? Не знаешь, гдѣ? Въ кассѣ сберегательной на храненіи. Вотъ гдѣ. И для кого копишь, старая? Заберутъ все безъ завѣщанія внучатные племянники изъ деревни. И спасибо не скажутъ.

— А ты мои деньги видѣла?

— Не видѣла, а знаю.

— Больно много знаешь. То-то и состарилась скоро.

— Да будетъ вамъ!—остановила матушка обѣихъ.—И вѣчно загрызутся. Вели воды кипяченой остудить къ столу, Фаня. Можетъ, кто пить захочетъ.

Феофанія Ивановна побѣжала за водой.

— И что ты, Тарасьевна, заводишься съ нею. Хоть бы ради сегодняшняго дня безъ спора. Женщина она злобная, неудачная, все въ ней—кипитъ. И ты знаешь же, а не уступишь. Не трогать бы ее.

— Кто ее трогаетъ? Она сама кажнаго затронетъ. Ее тронешь... дѣйствительно. Виноватъ кто-то, что старой дѣвкой мальчишкѣ-глупаку нацѣпилась на шею... Связался сатана съ младенцемъ. Уговаривали же всѣ, напередъ говорили,—не послушалась, теперь на себя пеняй. Каковъ онъ былъ,—Васильчукъ ея,—когда женился? Студентишко... Девятнадцати годовъ. Дитя-дитёю. У жены роды подступили первые, мучается, вопитъ... Мы мѣста себѣ не найдемъ со страху. Вперворазъ, немолодая уже, а ему—хоть бы что. Вышелъ въ садикъ, за флигель, на горку, а тутъ квартирантовы дѣти съ горы змѣя бумажнаго пущаютъ. Да хвостъ зацѣпился за дерево у змѣя. Онъ, какъ увидѣлъ, — какъ бросится! Что вы, кричитъ, дѣлаете? Кто-жъ такъ разворачи-

ваетъ нитку? Дайте сюда, я покажу. И давай показывать! Змѣя подводятъ вотъ-этакъ! Хвостъ — вонъ-туда! А нитку вотъ-такъ, на бѣгу чтобы... Да какъ пустится съ горы со змѣемъ: дррръ! Вотъ какъ, кричитъ, надо. А тутъ я иду къ ему въ садъ: съ дочкою тебя, батюшко. Благополучно, слава Господу, съ дочкою. А у его—змѣй въ рукахъ. Вонъ какой былъ родитель. Кто-жъ виноватъ, что плюнулъ на нее, какъ въ лѣта вошелъ да въ люди вышелъ? Ей-то сейчасъ больше сорока годовъ, а ему—есть ли тридцать.

— Ну, будетъ тебѣ. Глянь въ окно. Никакъ во дворъ въѣхалъ кто-то. Не Самофаловъ ли Саня подкатилъ?

— Онъ и есть, гость ранній. Самохвалъ Саня съ жонкою. Ѣдетъ самъ и лягушенку свою въ коробченкѣ везетъ. И похожа же она у его на лягушку. Жаба вылитая, патретъ жабячій, настоящій. Вотъ и старѣй его годовъ на десять, и дѣтей ему не народила... а какъ козыряетъ надъ имъ? Какъ куражится. Тоже убилъ глупакъ куницу, не похуже Васильчука нашего. Такъ всегда они, если женятся студентами. У нашей Фаньки не хватило клепки своего въ лапы забрать, а жаба забрала. И какъ держитъ... дѣйствительно! Эхъ, народы!

Зина и Геннадій Ивановичъ застали во флигелѣ всѣхъ въ сборѣ. Зина шла на именины нехотя и не въ духѣ, но скрывая свое настроеніе отъ Геннадія Ивановича. Она была разстроена и много плакала сегодня, на этотъ разъ не безъ причины. Папочка—Штоль потребовалъ неожиданно развода. И мамочку это свалило въ постель со вчерашняго вечера. За ночь и за сегодняшнее утро повторился четыре раза сердечный припадокъ.

Бабушка-Малахова экстренно рѣшила съѣздить на Кавказъ, и выѣдетъ сегодня-же вечеромъ, чтобы образумить папочку. Очевидно, его кавказская фаворитка потребовала брака, пригрозивъ разлукой. А влюбленный старичокъ испугался, пошелъ на уступки, заварилъ кашу съ разводомъ. Мамочка взяла съ Зины слово не говорить о прискорбной новости никому, особливо Геннадію Ивановичу. У нихъ съ Геннадіемъ Ивановичемъ натянутыя отношенія, и мамочкѣ не хочется, чтобы тотъ узналъ про ея горе. Въ прихожей флигеля, оправляясь передъ зеркаломъ, Зина слышала, какъ Надежда Михайловна хвалилась передъ четой Самофаловыхъ полученными къ именинамъ подарками:

— Это Геничка мнѣ чернаго фаю на платье. Глянь, Александръ Митрофановичъ, дебелый какой. Такъ и стоитъ, какъ кожа. А это—Зинаида Эрастовна сукна англійскаго. На шубу покрышку новую. Рублей по шесть, вѣрно, плачено.

А Самофаловъ,—пухлый блондинъ съ пухлыми руками, лѣниво-лукавый и лѣниво-самолюбивый,—хвалилъ и то, и другое и отвѣчалъ съ слегка завистливой лѣнцою:

— Вамъ повезло съ Геннадіемъ, Надежда Михайловна. Я своей матушкѣ не могу подносить этакіе презенты. Не изъ чего. Фортуна капризна и прихотлива, ея дары не для всѣхъ одинаковы.

Едва вошли Геннадій Ивановичъ съ Зиной,—всѣ сѣли обѣдать.

Глафира Онуфріевна, жена Самофалова,—мало куда выѣзжала. Очень большого роста, ширококостная, зеленоглазая и плосколицая, съ легкой просѣдью и полумужскимъ голосомъ,—она, въ самомъ дѣлѣ, напоминала огромную лягушку, а ревнива и несдержана была до крайности. Полуобразованная мѣщаночка, дочь хозяйки меблированныхъ комнатъ, гдѣ жилъ, будучи студентомъ, Самофаловъ,—она превратилась въ пренепріятную даму. Съ нею никто не могъ поручиться ни на минуту за безопасность въ отношеніи скандала. Ее избѣгали приглашать. Безъ себя же она никогда не отпускала мужа, и потому Самофаловъ слылъ отъявленнымъ домосѣдомъ. Но у матушки Чибисовой оба бывали 17-го сентября изъ года въ годъ, по традиціи со временъ студенчества.

Глафира Онуфріевна—въ тяжеломъ лиловомъ платьѣ съ аграмантомъ изъ бархатныхъ листьевъ и золотого сутажа,—сосредоточенно оглядѣла свѣтло-сѣрое платье Зины.

— Ужъ и сшито на васъ все,—сказала она Зинѣ.— Всегда, какъ съ картинки. Плиссировка на вставочкѣ— будто изъ сливокъ сбита. У кого шьете?

— У Пети.

— Рублей по десяти платите за работу?

— Дороже. Пети меньше двадцати за работу не беретъ.

— За одинъ фасонъ? Безъ приклада?

— За одинъ фасонъ.

— То-то на васъ все такъ прекрасно. Словно бы кожу сняли съ васъ и натянули вторую. По двадцать рублей за фасонъ платить, такъ и пень въ лѣсу сдѣлаютъ красивымъ.

Вышло неловко. Зина замолчала.

За обѣдомъ вспоминали прошлое. Самофаловъ говорилъ имениннице:

— Помните, какъ мы съ Генькою—еще гимназистами— въ сей высокоторжественный день обнесли у васъ въ саду сливу-венгерку до чиста?

— Еще-бы не помнить. Помню. Я на варенье оставляла. И ругала же васъ тогда.

— Добря-ачая была слива. Я потомъ не ѣлъ вкуснѣе, кажется.

— Усохла ужъ. Года четыре, какъ пропала.

— А помните, какъ мы съ Генькой,—студентами еще,— преподнесли вамъ въ день ангела дрессированную обезьяну?

— Охъ, и вороватая же была. Вороватая и шкодливая. Не знали мы, куда дѣваться съ нею. И васъ не хотѣлось обидѣть... вижу, отъ чистаго сердца вы это. И съ обезьяной не было сладу. Спасибо, Тарасьевна сбыла ее куда-то. А Геннадію сказали, будто издохла.

— Вотъ какая честь была нашему дару. А мы-то старались. Я, можно сказать, отъ семьи отрывалъ крохи послѣднія. Вѣдь ужъ женатъ тогда былъ.

— Скоро окажется, что ты былъ женатъ, когда еще и безъ штановъ бѣгалъ, — язвительно бросила Самофалову Глафира Онуфріевна.—Этакой бѣдный сиротка, какимъ малышемъ женился.

Самофаловъ поспѣшно заговорилъ о профессорѣ Вальтерѣ.

— Вотъ еще кому повезло. Вѣдь немногимъ старше меня? Года на три, на четыре, а не сегодня, завтра—свѣтило.

Геннадій Ивановичъ, въ свою очередь, завелъ съ Самофаловымъ рѣчь о какомъ-то консиліумѣ.

— Кого же, кромѣ меня и Вальтера, позовешь для престижа?—полусаркастически спросилъ Самофаловъ.

— Эбана, думаю,—сказалъ Сахновскій.

Самофаловъ поразился.

— Эбана?

— А что?

— Да Эбана какъ-то... какъ-то не того. Удобно ли?

— Почему? Онъ—талантливый, знающій. Мы всѣ у него учились.

— Оттого бы я и не позвалъ. Неладно какъ-то. Будто мы до сей поры учимся. И какъ сложный случай, какъ растерялись... такъ и не обойтись безъ учителя.

— Мы не терялись, и теряться не надъ чѣмъ. Случай несомнительный, показанія—ясны. Но больная боится за свое сердце. Она, наконецъ, богата, ей хочется обставить лѣченье наибольшей помпезностью. Собрать передъ операціей побольше авторитетовъ, чтобъ повнушительнѣй было. И пусть. А избѣгать намъ Эбана... почему? И неблагодарно съ нашей стороны. Будто мы льнули къ нему, пока нуждались въ немъ. А какъ оперились—и отпрянули. Некрасиво. Ни онъ намъ, ни мы ему — никто не страшенъ другъ другу. Онъ дѣлился съ нами своими знаньями, мы все же многимъ обязаны ему.

— А его обращеніе съ нами каково было? Кричалъ, какъ на фельдшеровъ, какъ на служителей больничныхъ! Ты же первый не выдержалъ, ушелъ изъ ординаторовъ раньше срока.

— Ну, кто старое помянетъ. Конечно... тонъ его былъ неподходящій. Но не будемъ черезчуръ злопамятны. Тогда мы были какъ бы учениками. Теперь Эбанъ начинаетъ меркнуть... не будемъ сводить старые счеты. Теперь мы съ нимъ на правахъ равныхъ.

— Да онъ не признаетъ этого ни за что. И если явится на консиліумъ во образѣ Зевеса... въ роли старшаго надъ нами... то-то спектакль для боговъ выйдетъ! Онъ сохранитъ прежній диктаторскій тонъ, я увѣренъ. Еще усилитъ его, нарочно. Для вящаго посрамленья нашего.

— Тѣмъ хуже для него. Но оперирую я, и я приглашу Эбана.

— Sic volo?

— Хотя бы.

— Sapienti sat.

Вечеромъ, у себя дома Геннадій Ивановичъ раздраженно замѣтилъ Зинѣ:

— А Анна Фоминична такъ и не явилась.

— Мама не нарочно. Она захворала,—сообщила Зина, насколько могла спокойно.

Геннадій Ивановичъ мылъ руки у умывальника и повернулся къ Зинѣ уже безъ сюртука, лишь въ сюртучномъ жилетѣ.

— Я не вѣрю ея болѣзни,—произнесъ онъ и добавилъ:— вотъ женщина... шагу не ступитъ безъ осложненій. Тетка обижена, и для всѣхъ насъ обидно. Что за пренебреженье. Такъ носится съ своимъ воспитаньемъ, а между тѣмъ... до такой степени не умѣть соблюсти самой простой, самой первобытной вѣжливости.

— Но мама больна. Въ самомъ дѣлѣ, больна. Она лежитъ, слегла.

— Не слегла, а легла. Вчера болѣзнь не мѣшала ей день цѣлый рыскать по городу за покупками. И тебя таскать за собою. А сегодня — лежитъ. Она и тогда лежала, когда мы изъ Крыма пріѣхали. Лишь бы не встрѣтить насъ... не оказать мнѣ этой чести. Бабушка — старуха, чуть ли не восемьдесятъ лѣтъ на плечахъ, а нашла возможнымъ выѣхать навстрѣчу? И бѣгала по перрону, искала насъ, безпокоилась, какъ бы не пропустить. Это—мелочь, но трогательная. Она говоритъ о сердечности. А твоя мать... у нея атрофія

сердечности. Сердце можетъ быть близорукимъ, какъ глазъ. И у нея—близорукое сердце.

Оттого, что Геннадій Ивановичъ нападалъ на мать, когда та была и непритворно-больна, и удручена сверхъ мѣры, когда она дѣйствительно не нехотѣла, а не могла явиться на эти глупые именины,—Зинѣ стало еще обиднѣй. Слезы готовы были политься изъ ея глазъ. Въ послѣднее время на нее часто вдругъ «накатывало», и она много плакала, какъ будто безъ причины. Становилось скучно какъ-то, щемило странное сознаніе пустоты, появлялось приступами смутное, но ѣдкое недовольство на что-то такое, чего нельзя ужъ поправить... И Зина плакала, плакала.

Геннадій Ивановичъ объяснялъ это нервами и «положеніемъ», мамочка винила Геннадія Ивановича, а во флигелѣ, навѣрное, говорили и говорятъ: капризы. Сама же Зина рѣшительно не понимала, что это такое, но плакала изъ-за всякаго пустяка. Теперь былъ поводъ заплакать, и слезы подступали къ глазамъ, но Зинѣ не хотѣлось проявить слабость передъ обидѣвшимъ ее Геннадіемъ Ивановичемъ. Она сдѣлала неимовѣрное усиліе надъ собой и сдержалась, не заплакала. Лишь повторила съ строптивостью:

— Мама нездорова. Она расхворалась.

— На сегодняшній день. Завтра встанетъ, какъ ни въ чемъ ни бывало.—Геннадій Ивановичъ кипятился, и раздраженіе бурлило въ немъ, наростая.—И чего сидитъ здѣсь?—жестко проговорилъ онъ,—только намъ съ тобой жизнь отравляетъ. Ѣхала бы домой, безъ нея сейчасъ станетъ спокойнѣе.

Зина оставалась, какъ будто, не взволнованной. Но у нея побагровѣли уши, когда она произносила съ разстановкой:

— Ты несправедливъ... Всегда несправедливъ къ мамѣ!

— Я? Я несправедливъ? И всегда? Вотъ ужъ... Я несправедливъ? А она? Она справедлива, когда доводитъ меня до бѣлаго каленія ежедневно? За что она обидѣла сегодня тетку? Что та ей сдѣлала? Она и тебя вооружаетъ противъ моихъ родныхъ. Изъ за нея, по ея наущеніямъ... ты относишься къ нимъ недружелюбно, съ предубѣжденіемъ.

— Онѣ, во всякомъ случаѣ, относятся ко мнѣ хуже, чѣмъ я къ нимъ. Вокругъ меня—атмосфера враждебности. Я—какъ въ непріятельскомъ лагерѣ. Сестра твоя, если говоритъ со мной, то такимъ голосомъ, будто я непрерывно обижаю ее.

— Что, что? Ты—во вражескомъ станѣ? Ты—окружена врагами? Гдѣ? Какими? Это моя тетка и сестра—враги тебѣ? Онѣ, которыя уступили тебѣ честь и мѣсто раньше, чѣмъ ты вошла въ этотъ домъ? Да Аннѣ Фоминичнѣ слѣдовало-

бы поучиться у нихъ, какъ любить близкихъ. Въ чемъ ихъ враждебность? Мы съ тобой ничего другого не видѣли отъ нихъ, кромѣ вниманія и ласки. А ты—сторонишься, не хочешь отвѣтить на ласку лаской... потому что Анна Фоминична...

— Ахъ, сдѣлай милость... я не хочу слушать, какъ бранятъ мою мать!

— Но Анна Фоминична и тебя вышибаетъ изъ колеи. Подумать только, какъ бы мы жили славно и дружно, если бы...

— Если бы не стало моей матери?—гнѣвно подсказала Зина.

— Я не говорю. И въ мысляхъ не имѣю желанья, чтобъ ея не стало. Но если бы она уѣхала. Сколько сценъ вынесъ я отъ нея за эти нѣсколько мѣсяцевъ. Ни счесть, ни вычислить. Да ужъ чего... Даже когда ей сказали, что ты будешь матерью, даже въ такой важный моментъ не обошлось безъ дебоша. Что за рапсодію разыграла она, когда узнала! Оберегать тебя ей отъ кого то понадобилось, брать тебя къ бабушкѣ на время родовъ... потому что здѣсь, дома,—ты окружена врагами, которые могутъ известь, сжить тебя со свѣту. И чего только не наговорила.

— Но все это она, а не я,—сухо произнесла Зина, хотя все въ ней клокотало отъ обиды за мать, отъ раздраженья на Геннадія Ивановича.—И я не пойму, чего ты отъ меня требуешь?

— Ничего я отъ тебя не требую. Мнѣ больно, я кричу.

— Немного не во время. Спать пора. И потомъ... можетъ быть, не тебѣ одному больно, а и мнѣ также? И побольнѣй твоего... однако, я не позволяю себѣ кричать?

Геннадій Ивановичъ удивленно и чуть растерянно посмотрѣлъ на жену. Она раздѣвалась возлѣ своей постели, и между бровями у нея была болѣзненно-нетерпѣливая складочка.

— Извини, если я сказалъ лишнее,—инымъ тономъ, болѣе мягкимъ и примирительнымъ, произнесъ Геннадій Ивановичъ.

Зина ничего не отвѣтила.

— Ты обидѣлась? А? Зина?

Геннадій Ивановичъ подошелъ къ ней и хотѣлъ обнять. Глаза у него стали вопросительные и просительные одновременно. Зина уклонилась отъ примиренья.

— Ахъ, довольно, я спать хочу.

Въ голосѣ ея были нотки сухости, припрятаннаго недовольства. Она уже лежала въ постели. Геннадій Ивановичъ, не отходя отъ нея, покаянно добавилъ:

— Я погорячился... наболталъ лишняго. Прости меня, Зина. Не обижайся.

— Я не обижаюсь, — пробормотала Зина немногословно и сдѣлала видъ, что засыпаетъ.

Что-то злобное тѣснило ей грудь, препятствуя дыханью. Все было противно, и все смѣшивалось въ одну кучу въ мысляхъ Зины. Обида и возмущенье за Анну Фоминичну и жалость къ ней, сознаніе своего безсилія, негодованіе противъ отца, невозможность помочь матери, злость на Геннадія Ивановича, неумѣющаго понимать самыхъ обыденныхъ вещей, когда это наиболѣе нужно; тягостность ненужныхъ и неинтересныхъ для Зины разговоровъ на именинахъ, ненужно - сѣрое лицо Надежды Михайловны, недалекая и злая Фаня съ обидчиво-поджатыми губами, ея коричневыя пятна на лицѣ... Эта крупная, какъ каріатида, вульгарная скандалистка Самофалова въ лиловомъ платьѣ съ золотомъ, лѣниво-завистливый и лѣниво-бездарный Самофаловъ... И опять—Геннадій Ивановичъ—съ тысяча первой бесѣдой на тему, какъ необходимо ей, Зинѣ, оцѣнить и полюбить его тетку и Фаничку. Геннадій Ивановичъ, азартно-порицающій мать Зины, не находящій въ ней ни одной человѣчески-хорошей черты... Зинѣ впору было закричать отъ ядовитой досады, выбраниться грубо и несправедливо, расплакаться отъ безпомощной злости и чисто по-женски выкрикнуть въ заключенье:

— Никогда... никогда не сойдусь я съ твоими гусынями. А ты — не смѣй больше говорить, какъ сегодня, о моей матери.

Но этого нельзя было сдѣлать.

У Геннадія Ивановича завтра операціи, ему нужна твердая рука, необходимо уравновѣшенное настроеніе духа. Достаточно съ него и мамочкиныхъ горькихъ истинъ, ея непріятныхъ выходокъ. Надо, чтобы онъ выспался, былъ спокоенъ. Да и ни къ чему они, эти семейныя объясненья. Все равно, одинъ другого не понимаетъ, и,—что хуже всего,—даже не хочетъ никогда понимать. Недоразумѣнія—непоправимы.

Поздно ночью, когда давно уже уснулъ Геннадій Ивановичъ, не спала въ темнотѣ Зина на своей дорогой, новенькой кровати. Она не переставала думать, и въ головѣ ея разгорался укоризненно-возмущенный протестъ:

— Что за скука—всѣ эти мелочи. И кто это выдумалъ—выходить замужъ?

- - -

Миссія бабушки-Малаховой не увѣнчалась успѣхомъ.

Съ Кавказа Варвара Матвѣевна вернулась ни съ чѣмъ.

Штоль не отступалъ отъ своего рѣшенья, настаивалъ на разводѣ, отказываясь не только жить въ одномъ домѣ съ Анной Фоминичной, но и числиться ея мужемъ, хотя бы издали.

Анна Фоминична лежала больная. Теперь и Геннадій Ивановичъ не сомнѣвался въ ея болѣзни. Слабѣло сердце, появились приступы удушья, тускнѣли глаза. Нѣсколько разъ во время припадковъ пришлось прибѣгать къ кислороду, и профессоръ Вальтеръ прямо сказалъ Зинѣ, что только эта мѣра и спасала Анну Фоминичну. Зина почти не жила дома, всѣ дни проводя у матери, часто и ночуя на Печенѣжской. Зина подурнѣла, осунулась въ лицѣ за это время. Руки стали тонкія, а талія расширилась. У нея посвѣтлѣли, будто выцвѣли, каріе глаза, выступили на пожелтѣвшемъ лицѣ скулы, исчезло привѣтливое выраженіе глазъ и появилось новое, недовольно-сердитое. И походка сдѣлалась тяжелѣе, и всѣ движенія стали болѣе неуклюжими, медлительными. Жизнь Зины раскололась на-двое. Она безтолково металась между двумя этими половинами, и ни здѣсь, ни тамъ никому не могла угодить. Дома недоволенъ былъ Геннадій Ивановичъ, который жаловался, что Зина не принадлежитъ ни дому своему, ни мужу,—и послѣднему въ тѣ немногіе часы, когда онъ свободенъ, приходится сидѣть одному, какъ филину на руинахъ. А на Печенѣжской пеняла на Зину Анна Фоминична, утверждавшая, что теперь ужъ Зинѣ не до матери, потому что у Зины — свой мужъ и свой домъ, свои радости и заботы. Время ползло утомительно-медленно. Казалось, нигдѣ ничего не остается ни веселаго, ни пріятнаго на свѣтѣ.

Съ отечнымъ, черно-желтымъ лицомъ, съ водянисто-темными припухлостями подъ глазами, по большей части въ полудремотѣ,—Анна Фоминична не лежала, а полусидѣла, опираясь спиной на груду подушекъ въ изголовьи. Малѣйшее волненье вызывала у нея сердечный припадокъ, а папочка-Штоль, какъ нарочно, слалъ письмо за письмомъ, убѣждая освободить его отъ старой семьи для новой жизни. Бабушка Варвара Матвѣевна вскрывала эти письма, прочитывала ихъ, повидимому, безстрастно, ничѣмъ не выдавая волненія своего, и прятала ихъ, утаивая отъ больной. Но бабушка и сама начинала походить на тяжело-больного человѣка. Ужасъ передъ возможностью близкой потери застылъ въ ея чертахъ, затеплился въ энергичныхъ и бодрыхъ до сихъ поръ глазахъ, плотно сжалъ въ безсильно-скорбную складку упрямыя и гордыя губы. У нея въ короткое время сгорбилась крѣпкая спина, изчезла безукоризненная заботливость о своихъ старушечьихъ костюмахъ,

стали дрожать по утрамъ голова и руки. Глядя на бабушку, Зина приходила къ огромно-жуткому выводу. Мамочка плоха, она не встанетъ. Дѣлалось холодно, пустынно и безпріютно отъ такой мысли. Страстно хотѣлось приласкаться къ больной, какъ бывало это въ дѣтствѣ, поговорить задушевно, съ полной откровенностью, умиротворить, ублажить, побаловать ее. А Анна Фоминична была озлоблена на всѣхъ, упорно отклоняла всякую попытку ласки, укоряла въ недостаточномъ вниманіи къ ней, къ ея болѣзни. Она угрожала Зинѣ:

— Погоди... умру, не станетъ меня, тогда поймешь, что́ потеряла. Такого друга, какъ мать, не будетъ больше. Другого такого не можетъ быть.

Отъ этой угрозы Зина уходила въ бабушкину столовую и подолгу тамъ плакала, склонившись къ старинному шахматному столику, на которомъ стоялъ графинъ съ водой и хрустальная кружка на потемнѣвшемъ подносѣ. А выплакавшись, пила маленькими глотками отварную воду изъ кружки, освѣжала водой глаза и опять шла къ матери, слушать упреки. Тогда выходила въ столовую бабушка. Но плакала она или нѣтъ, того никто не видѣлъ, и нельзя было распознать слѣдовъ слезъ на ея лицѣ, застывшемъ отъ предчувствій ужаса.

Зина еще не выплакалась сегодня, когда подошла бабушка къ столику съ графиномъ.

— Мать тебя зоветъ,—произнесла она неодобрительно и угрюмо. — Иди. Да вытри глаза. И чего распускаешься? Слова ей не скажи, сейчасъ въ обиду. Нашла время— ревище устраивать. Мать больна,—да вѣдь какъ больна! всего ждать можно... а она только и носится, что съ собою.

— Я не буду, бабушка,—покорно сказала Зина.

Она смочила водой глаза, обсушила ихъ, обвѣяла платкомъ лицо и пошла къ матери.

Затянувшаяся осень не хотѣла перейти къ зимнимъ заморозкамъ. Изо дня въ день лили туманные дожди съ такими незначительными перерывами, что не успѣвали просохнуть домовыя крыши. Отъ туманной мглы, застилающей окна, въ комнатѣ казалось все желто-сѣрымъ, и желтѣй всего отечное темное лицо Анны Фоминичны. Удушливо пахло камфорой и еще какимъ-то лѣкарствомъ. Было сумрачно и уныло, и отъ туманно-сѣраго свѣта съ улицы, и отъ запаха лѣкарствъ, напоминавшаго о непрочности всего земного, и отъ той особой тишины, какая бываетъ возлѣ серьезно-больныхъ людей. Тихо было такъ, что отчетливо слышалось слабое тиканье золотыхъ часиковъ Анны Фоминичны, которые блестѣли открытой крышкой на столикѣ у

кровати, среди недопитыхъ стакановъ, аптечныхъ бутылочекъ, коробокъ съ облатками.

Зина приблизилась къ кровати.

— Подремала, мамочка?

— А ты—опять въ слезы?—тоже вопросомъ отозвалась мать.—Что ужъ это? Я развинчиваю, разстраиваю тебя? Въ твоемъ положеніи... И сама свалилась, и тебя доведу до болѣзни. Можетъ, Геннадій Ивановичъ правъ. Лучше бы тебѣ сидѣть дома, Зиникъ...

Она говорила полусердито, ворчливо. Но сквозили въ ея словахъ забота, сочувствіе, встревоженная нѣжность. И потомъ—это, уже почти забытое, „Зиникъ"? Мать не называла такъ Зину со времени замужества ея ни разу.

— Не обращай вниманья на мои слезы, мамочка,—сказала Зина нѣжно,—со мной что-то такое... Какой-то винтикъ ослабѣлъ или испортился. И здѣсь, и тамъ одинаково не перестаю плакать.

— И дома плачешь?—спросила мать слегка обрадованно.

— Изъ-за ничего, даже самой противно. Ты вотъ все: дома, дома... а развѣ я здѣсь не дома? Больше, чѣмъ тамъ.

— Будто?—послѣдовалъ недовѣрчивый, но полуумиленный вопросъ.

— Разумѣется, мамочка,—убѣдительно подтвердила Зина и сѣла на низкой скамейкѣ у постели матери.—Я тамъ и не привыкла еще. Все—словно въ гостяхъ. Будто въ Петербургѣ на курсахъ... временно. Вотъ-вотъ пора домой собираться. Да, если правду говорить, я — какъ побуду съ тобою... послѣ того—совсѣмъ отвыкаю отъ Геннадія. Ну, какъ съ чужимъ. И раздѣваться при немъ непріятно. Знаешь, будто у доктора: раздѣться нужно, а ужасно неловко... Просто до злобности на него неловко. Думаешь, съ какой стати мнѣ раздѣваться передъ нимъ? Вотъ совершенно такъ.

Анна Фоминична улыбалась. Она попыталась освободить свои руки, плѣненныя Зиной. Но Зина съ такой любовью ихъ поглаживала и цѣловала, что у больной не хватило характера лишить себя этой ласки. И почти противъ воли Анны Фоминичны, приподнялись ея руки, чуть обнажившись изъ подъ бѣлыхъ рукавовъ спальной кофточки, и легли вокругъ шеи Зины.

— Разсказывай.

Возгласъ былъ полонъ сомнѣнья, а руки уже гладили пушисто-темную Зинину голову.

— Ты, мама, всегда такъ. И видишь, что правда, а не вѣришь.

— Да чему вѣрить? „Оставитъ человѣкъ отца и матерь и прилѣпится къ женѣ своей и будете оба въ плоть едину". Это же извѣстно. Что ужъ тутъ. Во плоть-то можетъ и едину, во едину душу—никогда. Сколько ни старайся, всякъ свою линію будетъ тянуть. Никогда мужчинѣ и женщинѣ не слиться. Оттого, вѣрно, ни у кого и ладу нѣтъ, не вытанцовываются слiянiя эти. Мужчина—хоть и женится, все-таки остается прежній. Немножко перемѣнится, но онъ—прежній. А женщина, если выходитъ замужъ... для нея пропало все остальное. Родители, друзья, братья, сестры, все предшествующее — отходитъ, умираетъ для нея. Остается одно: мужъ. Потомъ: мужъ и дѣти. Или дѣти и мужъ, смотря, какая женщина, что у нея на первомъ планѣ. Я и сама, и всѣ—такъ... а ты будешь мнѣ басни сочинять въ утѣшеніе.

— Ну, значитъ, я не въ тебя, мамочка. И не такая, какъ всѣ. Потому что я люблю и мужа... конечно. Но тебя—гораздо больше.

— Лукавишь. Ой, лукавишь, Зиникъ.

— Клянусь, что правда. Никогда бы не пожертвовала для него тобою.

— А выскочила же противъ моего желанія?

— Ну... то—такъ. То тогда еще... пока у меня ослѣпленіе было. Ты напрасно запрещала мнѣ. Я вѣдь упрямая, убоище... ну, и поставила на своемъ. А тутъ еще онъ казался мнѣ недосягаемымъ кумиромъ. Вы же всѣ кругомъ пластомъ передъ нимъ лежали. За то теперь...

Зина подтянула вверхъ губы, сдѣлала самонадѣянную минку и лукаво замолкла на самомъ интересномъ.

Мать то навертывала на свой палецъ, то разворачивала темный завитокъ за лѣвымъ ухомъ Зины. Она ждала продолженья, а Зина не продолжала.

— А теперь—что?—спросила Анна Фоминична, будто безразлично.—Или уже соскочило ослѣпленье?

— Нѣтъ, я Геннадія безгранично уважаю, и онъ заслуживаетъ уваженья. Я знаю, что онъ—хорошій. И любовь къ нему есть, но... онъ больше не кажется мнѣ полубогомъ. Онъ уже и ногти при мнѣ стрижетъ... умывается, и мыло на шеѣ. Одѣвается утромъ, пока я не встала, или спитъ, и носомъ—вотъ такъ. А въ горлѣ у него: ииигхххх... Какое ужъ тутъ божество, когда оно похрапываетъ? Я иногда проснусь рано-рано... и все смотрю на него, смотрю, и сама себѣ не вѣрю, неужели это мужъ мой? И онъ кажется мнѣ такимъ забавнымъ; и жалко его отчего-то, но и смѣшно. Такой онъ худенькій, черненькій... Неужто это его считаютъ выдающимся врачемъ? Умнымъ, талантливымъ? Мнѣ онъ представляется только черненькимъ-черненькимъ. Весь

онъ для меня какой-то черезчуръ свой, домашній. А послѣ, когда проснется и какъ-то вотъ этакъ поглядитъ мнѣ въ глаза, словно онъ виноватъ передо мною въ чемъ-то... И заговоритъ со мной—опять будто виновато... Мнѣ станетъ жаль его еще больше. Нѣтъ, я не умѣю разсказать. Ну, зачѣмъ это, мама, придумали жениться, выходить замужъ? Лучше бы жилось безъ этого... Или, можетъ, я не привыкла еще? Геннадій такъ занятъ,—мы видимся урывками. Больные, родные больныхъ, врачи, акушерки—всѣ рвутъ его на части. Практика растетъ, нѣтъ минутки свободной. Онъ торопится, торопится. То операціи, то на пріемъ, то визиты... а вечеромъ явится до того усталый, жаль потревожить лишнимъ словомъ. Хочется уложить поскорѣй; спи, отдыхай, пожалуйста. А потомъ, — вотъ еще, что у насъ странно. Если онъ не такъ ужъ утомленъ и мы разговоримся, у насъ почему-то начинается ссора. Ссоримся, препираемся, такой подымается кавардакъ. И изъ-за пустяковъ, безъ настоящаго повода. Нѣтъ, мамочка, что ни говори, а... замужемъ быть скучно. Я бы во второй разъ ни за что не вышла!

Анна Фоминична уже не гладила голову Зины, но руки ея оставались на плечахъ дочери. Сама же она глядѣла въ лицо Зины, и припухшіе отъ отековъ глаза ея были сосредоточенно-напряженные, какъ у хорошаго, умнаго, серьезно-освѣдомленнаго въ своей области врача, вдумчиво опредѣляющаго небезопасный недугъ больного.

— Слушай, Зиникъ... а... любишь ты его? Дѣйствительно ли любишь?—внезапно произнесла она и сама испугалась того, что сказала. Часъ назадъ и во все время замужества Зины Анна Фоминична придирчиво ревновала дочь къ Геннадію Ивановичу, усматривала несчастье и обиду для себя въ любви дочери къ мужу. А теперь—пугалась другого, противоположнаго, и не замѣчала противорѣчія своихъ настроеній.

Зина засмѣялась вмѣсто отвѣта. Она перецѣловала одинъ за другимъ всѣ пальцы на рукахъ матери.

— А ты хотѣла бы, чтобъ я не любила?—спросила она потомъ съ укоризной.

— Боже упаси!

— Успокойся, мамочка. Ты не можешь безъ страховъ. Понятно, люблю. Не любила бы, не оставалась бы съ нимъ. Очень просто.

— Не разберу я что-то... развѣ такъ, какъ ты, любятъ? Вонъ, я твоего отца любила, такъ я имъ дышала. Никого и ничего мнѣ не надо было, лишь бы онъ былъ со мной. Ради него всѣмъ поступилась бы, всѣмъ пожертвовала,

даже тобой... О матери—думать не думала, будто и нѣтъ уже ея. Хворала бы, какъ я сейчасъ... грѣшный человѣкъ, но признаюсь, я бы своего сокровища для нея не покинула надолго. Зашла бы между дѣломъ, провѣдала, а чтобы—какъ ты... по трое, по четверо сутокъ сряду? Нѣтъ, не смогла бы добровольно. Можетъ, оттого, что сокровище мое съ глазъ спустить боязно было. Знала, что хуже пѣтуха. Былъ, есть и останется. Какъ онъ, бывало, съ глазъ у меня, я ужъ непокойна. Еще когда слѣдователемъ судебнымъ былъ... уѣдетъ, бывало, въ уѣздъ, на слѣдствіе, я хожу—сама не своя. Гдѣ онъ? Съ кѣмъ онъ? Что съ нимъ? Снялась бы и полетѣла въ догонку. А проснусь среди ночи, если онъ дома... мнѣ въ голову бы не пришло находить его забавнымъ. Я думала: Создатель мой, да за что мнѣ счастье это ниспослано, что онъ мой, со мною, подлѣ меня? Вотъ, какъ я понимала любовь.

— А я—иначе. Я бы ничего не простила. Если бъ мое самолюбіе было задѣто, не забыла бы. Я—злопамятная, хотя что такое ревность, и не знаю еще.

— Храни тебя Богъ, чтобы и не узнала во вѣки. Я бы на твоемъ мѣстѣ извелася въ прахъ при моемъ характерѣ. Эти паціентки, цвѣты, подарки, обожанія, письма.

— А мнѣ—хоть бы что. Смѣшно только.

— Тебѣ все смѣшно.

— Что же мнѣ? Дежурить у Геннадія подъ дверьми во время пріема? Какъ у Самофалова его Глафира Онуфріевна?

— Что-жъ, я бы, пожалуй, дежурила. Я боялась, что и тебѣ на долю мои муки выпадутъ. Но ты не отдаешь себя безъ оглядки, безъ памяти Этакъ-то умнѣе. Въ любви хуже тому, кто любитъ больше. Слава Богу, что не ты, а онъ. Такъ—онъ долго еще въ глаза тебѣ будетъ заглядывать. Имъ всѣмъ подавай то, что къ нимъ не очень-то смолой липнетъ. Больше берегутъ и холятъ такую. Остается еще одно, дѣти. И я скажу тебѣ, Зина, не надо и для дѣтей отдавать себя. Не посвящай и имъ жизнь свою полностью.

— Мамочка?

— Что ты такъ уставилась? Не вѣришь, я ли говорю это? Я, не сомнѣвайся... И говорю по правдѣ, какъ передъ смертью. Не забывай себя изъ любви къ дѣтямъ, не слѣдуетъ. Дѣти,—они всегда эгоисты. А тебѣ твоей жизни никто не вернетъ потомъ. Дѣти, едва подымутся на ноги— у нихъ своя жизнь, свои интересы. Умирать доведется, все равно, одиноко. Каждому.

— Но это же, говорятъ, наибольшая радость—отдать

себя своему ребенку? Многіе находятъ, что женщинѣ одно лишь материнство и даетъ счастье?

— Не вѣрь. Не счастье, а крестъ это.

— Такъ ты бы не хотѣла, чтобъ у меня былъ ребенокъ?

Больная отвѣчала уклончиво.

— Мужчинѣ и дѣти, конечно, не помѣха. Намъ же — кабала. Путы — хуже брачныхъ, самыя неразрывныя. Покуда выростишь ребенка, своя-то жизнь уже — прости, прощай! — прокатила мимо. Вотъ на моихъ глазахъ, въ нашей же семьѣ, три, безъ малаго четыре, поколѣнія. И жертвовали собой... а никому добра отъ тѣхъ жертвъ не было. Мамаша овдовѣла молодою. Даже не столько молодой, а красивая она была очень. За нею и послѣ сорока лѣтъ еще долго ухаживали. Но я одна у нея была на первомъ мѣстѣ. Она—пыль съ меня сдувала, такъ берегла и нѣжила. И помню,—мнѣ ужъ лѣтъ двѣнадцать было,— увлекся ею одинъ... бывшій сосѣдъ нашъ по Малахову. Какъ теперь я понимаю, и мамаша его любила, а устояла все-таки. Онъ женатый былъ, и развода нельзя получить было, — жена никакъ не соглашалась. Сойтись съ нимъ такъ,—мамашѣ по тѣмъ временамъ—позорище... а тутъ—я еще,—она и сдержалась. Стыдно было дать себѣ волю.

— И ничего? Не плакала? Забыла?

— Ого, какъ убивалась, когда исчезъ онъ отъ насъ окончательно. Ну, за меня ухватилась. За меня еще сильнѣй дрожать стала. А я замужъ выпрыгнула и забыла про мать. Она прежде, бывало, если на день, на два разстанется со мною, обалдѣвала съ тоски. Каково же было ей старѣть одной въ деревнѣ? У меня ты родилась, она ужъ на десятомъ мѣстѣ. Я, въ свою очередь, съ тебя пыль сдуваю. Не оглянулась, какъ и ты ужъ взбунтовалась: замужъ! Теперь и ты ждешь ребенка, все одна пѣсня... Вся бабья доля наша одинакова. За мной, кажется, смерть раньше, чѣмъ за мамашей подходитъ. И что же? Мамаша застыла отъ страха за меня, а я вся—тобой полна. Она со мной поговорить хочетъ, а я ей: позовите Зину. О тебѣ всѣ мысли, да еще о томъ поскакунѣ... о женихѣ кавказскомъ. Ты да Эрастъ, для меня вы— главное. У всѣхъ такъ, Зиникъ... Жизнь пробѣжитъ, не оглянешься. И вотъ тебѣ мое благословеніе: никому никакихъ жертвъ, ни для кого не поступайся собою. Не щади, не оберегай, не жалѣй никого сверхъ мѣры. Тебѣ твоей жизни никто не вернетъ, а жертва... О ней послѣ сожалѣть будешь. Такъ и запомни.

— Мамочка... тебѣ вредно такъ много говорить.

— Чего тамъ вредно. Надо же... разъ одинъ поговорить съ самой любимой душой... Вредно? А молчать всю жизнь,

терпѣть да терзаться,—не вредно? Выдумки все. Когда отъ вреда беречь начали. Поздно ужъ. Теперь ничего не осталось вреднаго. На, Зинокъ... возьми. Я тебѣ приготовила, затѣмъ и звала. Нечаянной радости иконка, мое благословеніе. Возьми на счастье. Къ вѣнцу я не отъ сердца благословляла тебя. Такъ... для формы одной. Теперь хочу, какъ слѣдуетъ. Подожди... дай перекрещу, наклони голову. Ну... благословляю. Зиникъ, Зиникъ маленькій! дорогой, ненаглядный... Зинуся моя, дочечка, дѣточка моя! Будь... будь счастлива.

Анна Фоминична перекрестила образкомъ оторопѣвшую Зину. Положила иконку на край постели, взяла руку Зины, подержала въ своихъ рукахъ, съ усиліемъ сжала ее, будто внушая что-то, и произнесла не то молитвенно, не то съ повелительнымъ заклинаніемъ:

— Будь счастлива... только счастлива!

Зина плакала.

О. Н. Ольнемъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ КИНЕМАТОГРАФѢ.

Подъ низкимъ удушливымъ сводомъ
Старинныя „Волны Дуная"
Звенятъ, заглушенныя смѣхомъ
И бархатомъ красныхъ портьеръ.
На бѣломъ блестящемъ экранѣ
Смѣняются, бѣгло мелькая,
И горы, и люди, и море
И лошади быстрый карьеръ.
Порой, въ полосѣ золотистой
Холоднаго свѣта, такъ тонко
Идущей откуда-то сзади
На бѣлый экрана квадратъ,
Мелькнетъ на мгновеніе профиль
Плѣненнаго сказкой ребенка,
Волосъ золотистыя пряди
И нѣжный задумчивый взглядъ.
Отъ стѣнъ, замыкающихъ волю,

Отъ трубъ, заграждающихъ небо,
Отъ глазъ разноцвѣтныхъ трамвая
И блеска ненужныхъ витринъ
Дѣтей, не видавшихъ ни моря,
Ни степи, ни спѣлаго хлѣба,
Уводятъ въ дешевый театрикъ
Къ мелькающей смѣнѣ картинъ.

Ребенокъ съ кудрявой головкой,
Ребенокъ со взглядомъ горящимъ,
Ты видишь, вонъ тамъ, на экранѣ,
Бѣлѣютъ надъ пѣной валовъ
Свободныя легкія чайки
И крикомъ встрѣчаютъ звенящимъ
Дыханье соленаго вѣтра
И стройныя мачты судовъ?

Въ горячемъ и страстномъ порывѣ
Ушелъ ты, охваченъ мечтою,
Навстрѣчу сверкающимъ крыльямъ
Воздушныхъ и радостныхъ птицъ,
Къ багровому низкому небу,
Пахнувшему близкой грозою,
И къ вѣтру, и къ волнамъ встающимъ
И блеску тревожныхъ зарницъ.

. . . .

Ахъ! всѣмъ намъ нужны, какъ ребенку,
И сказки, и смѣлыя птицы,
И блескъ, и соленыя брызги
И пѣна вскипѣвшихъ гребней—
Средь стѣнъ, заграждающихъ волю
И отблески синей зарницы,
Средь трубъ, закрывающихъ въ небѣ
Сіяніе звѣздныхъ огней!..

Ада Чумаченко.

Декабристъ князь Ф. П. Шаховской въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ.

(По неизданнымъ источникамъ *).

Декабристъ Шаховской... Мы немного знаемъ о немъ, но то, что намъ извѣстно, рисуетъ этого человѣка съ такой стороны, которая невольно вызываетъ симпатію къ нему. Отсюда естественно является желаніе поближе познакомиться съ личностью этого человѣка, который, сыгравъ извѣстную роль въ общественномъ движеніи 20-хъ годовъ, подвергся за свои благородные и великодушные порывы и стремленія совершенно несправедливой и въ высшей степени жестокой карѣ, разбившей всю его жизнь и жизнь его семьи. Глубокій трагизмъ, окрашивающій короткую, но полезную и красивую жизнь этого человѣка, не можетъ не вызывать къ нему горячаго сочувствія.

До послѣдняго времени мы почти ничего не знали о декабристѣ Шаховскомъ, если не считать тѣхъ свѣдѣній, которыя содержатся въ приговорѣ Верховнаго Суда и въ опубликованныхъ ранѣе актахъ слѣдственной коммиссіи. Только въ самые послѣдніе годы начинаютъ появляться въ печати свѣдѣнія и матеріалы о Ф. П. Шаховскомъ. Такъ, П. Е. Щеголевъ въ августовской книжкѣ журнала «Былое» за 1907 годъ напечаталъ «біографическую замѣтку» подъ заглавіемъ «Декабристъ князь Ф. П. Шаховской», въ которой приводится не мало новыхъ интересныхъ данныхъ, касающихся общественной дѣятельности и жизни Шаховского. Затѣмъ въ изслѣдованіяхъ В. И. Семевскаго послѣдняго времени, которыя точнѣе мы укажемъ далѣе, встрѣчаются, хотя и отры-

*) Главнымъ матеріаломъ для этого очерка послужило „Дѣло о заключеніи въ Суздальскомъ Спасо-Ефимовскомъ монастырѣ государственнаго преступника Шаховского“, хранящееся въ „секретномъ отдѣленіи“ архива этого монастыря. Затѣмъ многія дополнительныя свѣдѣнія получены нами отъ родного внука Ф. П. Шаховского, извѣстнаго общественнаго дѣятеля, князя Дм. Ив. Шаховского, которому мы и приносимъ за это искреннюю благодарность.

вочныя, но весьма цѣнныя свѣдѣнія для характеристики Шаховского.

Тѣмъ не менѣе, дать полную, исчерпывающую характеристику Шаховского въ настоящее время врядъ-ли представляется возможнымъ, такъ какъ нѣкоторые изъ важныхъ моментовъ его жизни до сихъ поръ еще не вполнѣ освѣщены, недостаточно выяснены.

На сколько были скудны наши свѣдѣнія о Шаховскомъ, видно изъ того, что до самаго послѣдняго времени не было извѣстно ни время его рожденія, ни время его смерти. П. М. Головачевъ, а слѣдомъ за нимъ и П. Е. Щеголевъ годомъ рожденія князя Шаховского считаютъ 1797-ой. Хотя намъ неизвѣстно, откуда они заимствовали эти свѣдѣнія, однако, мы имѣемъ основаніе утверждать, что въ этомъ случаѣ они основывались на неточныхъ данныхъ.

Благодаря свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ намъ княземъ Дм. Ив. Шаховскимъ, теперь является возможность болѣе точно опредѣлить метрику декабриста Шаховского.

Правда, день и годъ рожденія князя Федора Петровича Шаховского не показаны въ его оффиціальныхъ документахъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь этими документами, можно съ приблизительною точностью установить годъ его рожденія. Что же касается дня рожденія Шаховского, то на основаніи его собственныхъ писемъ можно опредѣлить совершенно точно, что онъ родился 11-го марта. Формулярный списокъ Шаховского, составленный 24 ноября 1821 года и подписанный генералъ-лейтенантомъ Паскевичемъ (впослѣдствіи графъ Эриванскій, князь Варшавскій), въ рубрикѣ «сколько отъ роду лѣтъ», показываетъ 27. Указъ же объ отставкѣ Шаховского, выданный 24 февраля 1822 г. въ Тульчинѣ и подписанный графомъ Витгенштейномъ, опредѣляетъ возрастъ Шаховского въ 26 лѣтъ. Такимъ образомъ по формулярному списку годъ рожденія Шаховского—1794-ый, а по указу объ отставкѣ—1795-ый.

Внукъ декабриста Шаховского, кн. Дм. Ив. Шаховской считаетъ первую дату болѣе правильной, такъ какъ Ф. П. Шаховской былъ самъ адъютантомъ у Паскевича, и данныя его формулярнаго списка, вѣроятно, внесены не безъ его вѣдома, а составленный въ главной квартирѣ арміи указъ объ отставкѣ могъ заимствовать свѣдѣнія о возрастѣ изъ какого-либо устарѣлаго документа и допустить ошибку въ немъ легче.

Точно также мы не имѣли свѣдѣній и о времени смерти Шаховского, ничего не знали о послѣднихъ годахъ его жизни и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ произошла его смерть.

Въ «некрологѣ товарищей» *), составленномъ декабристомъ,

---

*) Баронъ А. Е. Розенъ: „Записки декабриста". Изданіе тов-ства „Общественная Польза". СПб., 1907 г., стр. 278.

барономъ А. Е. Розеномъ, годъ смерти князя Шаховского указанъ 1834, а въ графѣ «мѣсто кончины» стоятъ слова: «Во Владикавказѣ, отъ холеры». Лица, знакомыя съ біографіями декабристовъ, конечно, догадаются, что тутъ вкралась корректорская ошибка, что слова: «Во Владикавказѣ, отъ холеры» должны относиться не къ Шаховскому, а къ слѣдующему за нимъ по списку, Коновницыну. Однако ошибка эта въ книгѣ не оговорена. Очевидно, основываясь на свѣдѣніяхъ барона Розена, П. М. Головачевъ точно также смерть Шаховского относитъ къ 1834 году. И только напечатанный нами въ 1907 году въ журналѣ «Былое» «Списокъ сосланнымъ подъ надзоръ и стражу въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь разнаго званія людямъ» установилъ, что Ф. П. Шаховской умеръ 24 мая 1829 года.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены познакомить читателей съ послѣднимъ, до сихъ поръ наименѣе извѣстнымъ періодомъ, жизни князя Ф. П. Шаховскаго, когда онъ, сосланный по приговору Верховнаго Суда, томился въ дебряхъ далекой Сибири, по его собственнымъ словамъ, за шесть тысячъ верстъ отъ родины и отъ своей «осиротѣвшей семьи». Онъ не перенесъ этой ссылки: его поразилъ тяжелый, страшный недугъ, отъ котораго ему уже не суждено было оправиться.

Вмѣсто того, чтобы лѣчить тяжко заболѣвшаго человѣка, его—измученнаго и изстрадавшагося,—по распоряженію императора Николая Павловича, заточаютъ въ монастырь, «подъ строжайшій надзоръ». Этотъ монастырь и становится его могилой...

Но не будемъ забѣгать впередъ.

I.

Основываясь на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя опубликованы въ самое послѣднее время, намъ кажется, можно уже установить, что по своему образованію и начитанности, по своимъ стремленіямъ и цѣлямъ, которыми онъ задавался, по своимъ общественнымъ симпатіямъ, наконецъ, по своей нравственной стойкости, обнаруженной имъ во время слѣдствія и суда, Шаховской безспорно долженъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе передовыхъ и выдающихся людей 20-хъ годовъ.

Какъ извѣстно, онъ явился однимъ изъ основателей «Союза Спасенія» или тайнаго «Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», которое вскорѣ, а именно въ 1817 году, было преобразовано въ «Союзъ Благоденствія». Шаховской принималъ очень активное участіе въ выработкѣ устава или статута этого общества и состоялъ секретаремъ особой коммиссіи, избранной для выработки этого устава. Въ настоящее время уже вполнѣ выяснены тѣ задачи и цѣли, которыя ставили себѣ члены «Союза Спасенія».

По свидѣтельству декабриста фонъ-Визина, при учрежденіи «Союза Спасенія» имѣлось въ виду «ограничить самодержавіе», уничтожить крѣпостное право и добиться осуществленія «тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія, словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ». Необходимо, однако, замѣтить, что, «стремясь къ уничтоженію крѣпостного права и къ ограниченію самодержавія, члены тайнаго общества первоначально не предполагали рѣшительно разрывать съ правительствомъ, а разсчитывали лишь нѣсколько опережать его дѣятельность, подготовляя въ сознаніи общества почву для благодѣтельныхъ реформъ, которыя могли бы быть проведены волею власти» *).

Одновременно съ дѣятельностью въ тайномъ обществѣ, князь Ф. П. Шаховской принималъ участіе въ масонскихъ ложахъ, такъ, въ 1816 году онъ состоялъ членомъ ложи «Соединенныхъ Друзей»—«Amis Réunis», основанной въ 1802 году по французской системѣ Жеребцовымъ. Въ числѣ членовъ этой ложи, между прочимъ, состояли: П. И. Пестель, П. Я. Чаадаевъ, А. С. Грибоѣдовъ и генералъ-майоръ Александръ Бенкендорфъ. Въ 1817 году Шаховской является членомъ въ ложѣ «Трехъ Добродѣтелей»; Въ печати не разъ появлялись сообщенія, рисовавшія Шаховского ревностнымъ масономъ. Такимъ, между прочимъ, онъ изображается и въ запискахъ его знакомаго, декабриста И. Д. Якушкина. Мы думаемъ, однако, что эти утвержденія нуждаются въ болѣе детальной и внимательной провѣркѣ.

Теперь уже имѣется не мало указаній, идущихъ въ разрѣзъ съ только что приведеннымъ мнѣніемъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что, состоя членомъ ложи «Трехъ Добродѣтелей», Шаховской крайне неаккуратно посѣщалъ собранія этой ложи и большею частью считался «отсутствующимъ». Вообще, если въ жизни Шаховского и былъ дѣйствительно періодъ, когда онъ увлекался масонствомъ, то слѣдуетъ признать, что такой періодъ былъ весьма непродолжителенъ. Повидимому, въ этомъ отношеніи съ Шаховскимъ произошло то же самое, что и съ большинствомъ декабристовъ, которые, присмотрѣвшись поближе къ масонству, разочаровались въ немъ и постепенно покинули масонскія ложи. По мнѣнію В. И. Семевскаго, «причинами этого разочарованія должны прежде всего быть политическій консерватизмъ нашихъ масоновъ, ничтожные размѣры ихъ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности и, наконецъ, потеря времени на посѣщеніе ложъ и исполненіе требованій ихъ ритуала» («Политическія и общественныя идеи декабристовъ», стр. 354).

Но разочаровавшись въ масонствѣ, порвавъ съ масонскими

---

*) Декабристы.—86 портретовъ.—Изданіе Зензинова. М., 1906 г. Вступительная статья В. А. Мякотина.

ложами, Шаховской въ то же время задается цѣлью организовать особые общества и кружки, которые были бы свободны отъ всякаго мистицизма и которые преслѣдовали бы задачи главнымъ образомъ культурнаго характера. И, вотъ, въ 1817—1818 гг. онъ устраиваетъ въ Москвѣ тайное литературное общество изъ молодыхъ московскихъ литераторовъ. Общество это имѣло особый писанный уставъ, составленный, безъ сомнѣнія, самимъ Шаховскимъ; къ сожалѣнію, этотъ уставъ не сохранился и до сихъ поръ въ точности не извѣстенъ, а потому о цѣляхъ и задачахъ общества мы можемъ судить лишь по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ декабристовъ, какъ, напримѣръ, фонъ-Визина и Зубкова.

По словамъ Зубкова, цѣль этого общества «заключалась единственно въ распространеніи общеполезныхъ познаній между членами и въ денежныхъ пособіяхъ бѣднымъ членамъ, а средство состояло въ переводахъ на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и нѣкоторыхъ денежныхъ пожертвованій». Уже этихъ краткихъ, отрывочныхъ показаній достаточно для того, чтобы опредѣлить то направленіе, въ какомъ начинаетъ работать мысль Шаховского. Постепенно онъ начинаетъ охладѣвать не только къ масонству, но и къ политикѣ и все болѣе и болѣе проникается стремленіями и интересами культурнаго и просвѣтительнаго характера.

Въ 1819 году въ личной жизни Шаховского происходитъ событіе, не оставшееся безъ вліянія и на его общественной дѣятельности: онъ женится на княжнѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Щербатовой. Въ то время семья князей Щербатовыхъ была, безъ сомнѣнія, одной изъ самыхъ образованныхъ и интеллигентныхъ русскихъ дворянскихъ семей. Этимъ она въ значительной степени была обязана кн. Михаилу Михайловичу Щербатову, извѣстному историку, публицисту и государственному дѣятелю XVIII вѣка *). Безспорно, что это былъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ и крупныхъ людей своего времени. Сынъ Михаила Михайловича, князь Дмитрій Михайловичъ Щербатовъ, получилъ образованіе въ Кенигсбергскомъ университетѣ, въ то время, когда тамъ былъ профессоромъ знаменитый философъ Кантъ.

Жена Шаховского, дочь Дмитрія Михайловича Щербатова, получила по тому времени прекрасное образованіе; между прочимъ, она свободно владѣла нѣсколькими иностранными языками, что въ то время было рѣдкостью даже въ аристократическомъ кругу, къ которому она принадлежала. Родной братъ ея, Иванъ Дмитріевичъ Щербатовъ, служилъ въ Семеновскомъ полку и поддерживалъ дружескія отношенія съ офицерами этого полка Якушкинымъ и Лореромъ, а также состоялъ въ перепискѣ съ С. И. Муравьевымъ. Когда разразилась извѣстная Семеновская исторія, онъ

*) О князѣ М. М. Щербатовѣ см. статью кн. Д. И. Шаховского „Русскій депутатъ XVIII вѣка", „Минувшіе годы". 1908 г., № 11.

былъ всецѣло на сторонѣ солдатъ, отказавшихся повиноваться полковнику Шварцу, вооружившему всѣхъ противъ себя своей необыкновенной грубостью и чисто аракчеевской жестокостью. Князь Шербатовъ не скрывалъ своего сочувствія къ солдатамъ и открыто высказывалъ одобреніе ихъ поведенію. За эти отзывы, за это сочувствіе И. Д. Щербатову пришлось жестоко поплатиться: онъ былъ разжалованъ въ солдаты.

Семеновская исторія коснулась и Шаховского, хотя онъ въ то время уже не служилъ въ Семеновскомъ полку, такъ какъ еще въ 1818 году перевелся въ 38-ой егерскій полкъ. У него былъ произведенъ обыскъ, при чемъ всѣ его бумаги, вся его переписка была отобрана. При возвращеніи ему его бумагъ, съ Шаховского и съ его жены была взята подписка въ томъ, что «по дѣлу Семеновскаго полка и о полковникѣ Шварцѣ они никакой переписки не имѣли». Вскорѣ послѣ этого князь Шаховской выходитъ въ отставку и поселяется въ имѣніи жены, въ селѣ Орѣховцѣ, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

Здѣсь его дѣятельность проявляется главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, онъ заботливо хлопочетъ надъ устройствомъ экономическаго положенія крестьянъ, а съ другой—отдается страсти къ чтенію, много и усердно работая надъ пополненіемъ своихъ знаній, своего образованія. Въ этихъ видахъ онъ устраиваетъ въ Орѣховцѣ замѣчательную, очень рѣдкую по тому времени библіотеку. Судя по каталогу, сохранившемуся до сихъ поръ, библіотека эта «была богата превосходными сочиненіями по всѣмъ областямъ знанія и литературы: богословію, юриспруденціи, философіи, педагогикѣ, политикѣ, политической экономіи, статистикѣ, естествознанію, математикѣ, военнымъ наукамъ, изящнымъ искусствамъ, литературѣ, исторіи и географіи». Всего въ каталогѣ этой библіотеки, составленномъ Шаховскимъ въ 1824 году, «было 1026 названій на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и латинскомъ языкахъ, при чемъ нѣкоторыя книги, быть можетъ, принадлежали къ библіотекѣ М. М. Щербатова, но огромное большинство сочиненій было пріобрѣтено Шаховскимъ».

Между прочимъ, въ «библіотекѣ кн. Шаховского были почти всѣ тѣ сочиненія, которыя чаще другихъ отмѣчались декабристами въ ихъ показаніяхъ, какъ наиболѣе повліявшія на развитіе ихъ міросозерцанія: Монтескьё, Филанджіери, Ж. Ж. Руссо, де-Лольма, Бентама, Бенжамена Констана, Биньона, г-жи Сталь, Беккаріи, Вольтера, Гельвеція, Гольбаха, Рейналя, Вейсса, Адама Смита, Сэя, Байрона, сочиненія Шиллера и Гете, много произведеній греческихъ и римскихъ классиковъ» *).

*) „Политическія и общественныя идеи декабристовъ", В. И. Семевскаго. Дополненія, стр. 678.

Повидимому, Шаховской внимательно слѣдилъ не только за русской, но и за иностранными литературами, при чемъ обнаруживалъ живой интересъ ко всѣмъ новымъ теченіямъ общественной мысли, возникавшимъ на Западѣ. Въ подтвержденіе этого можно, напримѣръ, привести слѣдующій фактъ. При арестѣ и заключеніи Шаховского въ крѣпость была составлена опись тѣхъ книгъ, которыя онъ взялъ съ собою; въ этой описи, между прочимъ, значится книга «О воспитаніи въ Нью-Ланаркѣ»,—очевидно, сочиненіе извѣстнаго соціалиста Роберта Оуэна, которое въ (англійскомъ) изданіи 1816 г. носило названіе: «Новый взглядъ на общество или опытъ объ образованіи характера; пріуготовленіе къ развитію плана для постепеннаго улучшенія быта человѣчества» (Ibidem, стр. 224).

Поселившись въ Орѣховцѣ вмѣстѣ съ женой, Шаховской,—по словамъ В. И. Семевскаго,—«обнаружилъ величайшую заботливость о нуждахъ крестьянъ: для однихъ онъ понизилъ оброкъ, для другихъ не только затратилъ большія деньги на улучшеніе ихъ хозяйства, но даже отдалъ имъ всю пахоту и нанималъ для своей собственной запашки землю на сторонѣ. Сдѣлать для нихъ болѣе оказывалось невозможнымъ вслѣдствіе тяжелаго матеріальнаго положенія самого помѣщика».

Однако и то, что́ онъ сдѣлалъ для крестьянъ, было на столько необычно и вызывало такое негодованіе въ помѣщичьей средѣ, что на Шаховского былъ посланъ доносъ (доведенный до свѣдѣнія государя) о томъ, что онъ «наполненъ вольнодумствомъ и въ разныхъ случаяхъ позволяетъ себѣ дѣлать... сужденія, совсѣмъ неприличныя и не могущія быть терпимы правительствомъ».

На запросъ изъ Петербурга по этому поводу нижегородскій губернаторъ Крюковъ (отецъ декабристовъ Крюковыхъ, членовъ Южнаго Общества) отвѣчалъ 31 марта 1823 г., что Шаховской ведетъ знакомство лишь съ двумя-тремя домами своихъ сосѣдей, «гдѣ между разными разговорами вмѣшиваетъ сужденія, доказывающія вольнодумственныя его качества, восхваляя и приводя въ примѣръ управленія иностранныхъ государствъ». Упомянувъ о томъ, что Шаховской «старается вводить между крестьянами жены его порядокъ улучшенія ихъ въ отношеніи домашняго продовольствія, примѣняясь къ жизни иностраннаго чернаго народа, но никому, однако-жъ, изъ крестьянъ никакихъ закону противныхъ внушеній не дѣлаетъ», губернаторъ сообщилъ далѣе слухъ, что, уплативъ долги, Шаховской собирается уѣхать «въ чужіе края», которые «во всѣхъ отношеніяхъ предпочитаетъ своему отечеству» *).

Конечно, подобное «вольнодумство» не могло быть терпимо администраціей, воспитанной на аракчеевскихъ принципахъ, и по-

*) „Н. И. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ" В. И. Семевскаго. „Вѣстникъ Европы", 1909 г. февраль.

тому губернаторъ счелъ необходимымъ учредить надзоръ за либеральнымъ помѣщикомъ. Надзоръ этотъ доходилъ, между прочимъ, до того, что губернаторъ считалъ себя въ правѣ перехватывать письма, адресованныя на имя князя Шаховского. Одно изъ такихъ писемъ, перехваченное губернаторомъ, и послужило ближайшимъ поводомъ для привлеченія Шаховского къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ.

II.

Будучи арестованъ по дѣлу декабристовъ *), князь Шаховской первое время сидѣлъ въ помѣщеніи главнаго штаба, гдѣ содержались также: А. С. Грибоѣдовъ, Завалишинъ и полковой командиръ Канчіаловъ. Послѣдній заболѣлъ и умеръ въ больницѣ; Грибоѣдовъ, съ которымъ Шаховской былъ знакомъ со времени участія въ масонской ложѣ «Соединенныхъ Друзей», вскорѣ былъ освобожденъ, а Шаховской и Завалишинъ переведены въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь, въ одномъ изъ казематовъ, Шаховской просидѣлъ до самой ссылки въ Сибирь.

Уже въ то время «Петропавловка» пользовалась такой репутаціей въ средѣ общества, что одно ея названіе наводило чуть не паническій страхъ на людей. Зная это, Шаховской не рѣшился даже сообщить женѣ, которая по случаю беременности осталась въ Орѣховцѣ, о своемъ переводѣ въ крѣпость. О томъ, какъ повліяло на самого Шаховского заключеніе въ крѣпость, мы, собственно говоря, не имѣемъ прямыхъ указаній, но есть косвенныя. Можно думать, что на него, какъ и на другихъ декабристовъ, крѣпость произвела подавляющее впечатлѣніе. Этому въ сильной степени способствовали тѣ угрозы, которыя нерѣдко приходилось выслушивать декабристамъ отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, заправлявшихъ слѣдствіемъ. Чего, напримѣръ, стоитъ такого рода сцена.

— Вы думаете, что васъ разстрѣляютъ, что вы будете интересны?.. Нѣтъ, я васъ въ крѣпости сгною!..

Такъ говорилъ императоръ Николай I одному изъ декабристовъ, поручику Анненкову. То же самое на разные лады повторяли декабристамъ члены слѣдственной коммиссіи: Чернышевъ, Левашевъ, Бенкендорфъ и друг. Подобныя угрозы не могли, конечно, не оказывать своего дѣйствія на лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, на ихъ психику.

Перспектива «сгнить въ крѣпости» наводила невольный ужасъ на заключенныхъ. И хотя предварительное заключеніе по дѣлу о 14-мъ декабря тянулось всего шесть мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе

*) Я ничего не говорю здѣсь объ условіяхъ, при которыхъ состоялся арестъ Шаховского, такъ какъ объ этомъ довольно подробно излагается въ указанной статьѣ г. Щеголева.

оно крайне тяжело отозвалось на душевномъ и физическомъ состоянiи большей части заключенныхъ декабристовъ: обезсилило ихъ, истрепало и расшатало ихъ нервы, сломило ихъ рѣшимость. Многiе изъ нихъ, не выдержавъ условiй одиночнаго заключенiя и суроваго крѣпостного режима, пали духомъ, начали излишне откровенничать въ своихъ показанiяхъ, а нѣкоторые даже оговаривать другихъ участниковъ возстанiя; было не мало и такихъ, которые выражали горькое сожалѣнiе о сдѣланномъ ими и спѣшили принести «чистосердечное» раскаянiе въ своихъ «преступленiяхъ». Иначе держался Ф. П. Шаховской, обнаружившiй необыкновенную стойкость характера.

Жестокое, несправедливое и предвзятое отношенiе, проявленное верховнымъ судомъ по отношенiю къ декабристамъ, слишкомъ извѣстно, чтобы нужно было распространяться на эту тему. Шаховской былъ обвиненъ въ принадлежности къ тайному обществу и, главное, въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубiйство». И хотя послѣднее обвиненiе юридически совершенно не было обосновано, тѣмъ не менѣе онъ былъ приговоренъ къ лишенiю всѣхъ правъ, чиновъ, дворянства и къ пожизненной ссылкѣ на поселенiе. Послѣдняя, впрочемъ, была затѣмъ замѣнена двадцатилѣтней.

27 iюля 1826 года Шаховской, въ сопровожденiи фельдъегеря Генриха и жандармовъ былъ отправленъ въ восточную Сибирь. Мѣстомъ поселенiя ему былъ назначенъ Туруханскъ, Енисейской губернiи, куда онъ и былъ доставленъ осенью того же года.

Чтобы дать представленiе о тѣхъ условiяхъ, среди которыхъ приходилось жить или, вѣрнѣе говоря, прозябать въ ссылкѣ Ф. П. Шаховскому, мы приведемъ нѣсколько свѣдѣнiй, касающихся Туруханскаго края. Какъ видно изъ записки самого Шаховского, почта изъ Туруханска отходила одинъ разъ въ мѣсяцъ, а приходила еще болѣе рѣдко, такъ какъ часто задерживалась въ пути вслѣдствiе разлива рѣкъ или же вынуждена была ожидать, пока установится зимнiй путь. Поэтому нерѣдко почта въ Туруханскъ приходила въ два мѣсяца разъ.

Тяжесть положенiя Шаховского въ ссылкѣ еще увеличивалась вслѣдствiе того, что вся его переписка подвергалась контролю Третьяго отдѣленiя: всѣ свои письма онъ долженъ былъ представлять мѣстному начальству, которое отправляло ихъ въ Петербургъ, въ Третье отдѣленiе. Здѣсь письма разсматривались, подвергались цензурѣ и уже затѣмъ отправлялись по назначенiю. Легко себѣ представить, сколько времени тратилось совершенно напрасно при подобномъ способѣ пересылки корреспонденцiи. Я уже не говорю о томъ чувствѣ негодованiя, которое не могъ не испытывать ссыльный, будучи принужденъ даже самыя интимныя письма къ самымъ близкимъ своимъ людямъ отдавать на разсмотрѣнiе полицейскихъ чиновниковъ и жандармовъ.

Туруханскій край, занимающій огромную площадь, и въ настоящее время считается самой пустынной окраиной Россійской имперіи; сѣверная часть этого края состоитъ сплошь изъ необозримыхъ тундръ, а южная—изъ глухой и дикой тайги. Климатъ отличается страшной суровостью и въ то же время рѣзкими переходами отъ зимнихъ морозовъ къ лѣтнему зною; достаточно сказать, что морозы зимою доходятъ здѣсь до 50 градусовъ, а лѣтніе жары достигаютъ 37°. Населеніе края состоитъ изъ тунгузовъ, самоѣдовъ и якутовъ, ведущихъ бродячій образъ жизни. Русское населеніе состоитъ исключительно изъ ссыльныхъ, загнанныхъ сюда противъ воли и разселенныхъ по берегамъ большихъ рѣкъ. Такъ какъ земледѣліе здѣсь невозможно, то жители добываютъ средства пропитанія рыболовствомъ, звѣроловствомъ и оленеводствомъ. Торговля ведется только мѣновая *).

Единственный городъ этого края, Туруханскъ, въ настоящее время имѣетъ двѣсти человѣкъ жителей. Уже по одному этому факту не трудно себѣ представить, что изображалъ собою этотъ «городъ» въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, когда судьба забросила туда Шаховского. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что онъ попалъ туда не одинъ: одновременно съ нимъ въ Туруханскъ былъ сосланъ декабристъ Николай Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ.

Ужасныя условія подневольной жизни въ этомъ отдаленномъ и дикомъ краю, среди полудикихъ инородцевъ, не знающихъ русскаго языка, гибельно отозвались на интеллигентныхъ ссыльныхъ, тѣмъ болѣе, что нервы ихъ были уже въ значительной степени расшатаны одиночнымъ заключеніемъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости. Особенно тяжело было положеніе Бобрищева-Пушкина, такъ какъ въ довершеніе несчастія онъ оказался безъ всякихъ средствъ къ жизни: родственники его, богатые помѣщики одной изъ центральныхъ губерній, не считали нужнымъ помогать ему, а достать какой-нибудь заработокъ въ Туруханскѣ было, конечно, совершенно невозможно. Онъ не вынесъ всѣхъ этихъ бѣдствій, свалившихся на его голову, и вскорѣ заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ въ очень тяжелой формѣ.

Что касается Шаховского, то, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи ему не приходилось испытывать въ ссылкѣ никакой нужды, такъ какъ его жена, Наталья Дмитріевна, аккуратно высылала ему деньги, необходимыя на его прожитье, и вообще принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы возможно лучше обставить его существованіе въ ссылкѣ. Относясь къ своему товарищу Бобрищеву-Пушкину съ искреннимъ сочувствіемъ, Шаховской не переставалъ братски дѣлиться съ нимъ средствами, которыя высылались въ его распоряженіе. Когда Бобрищевъ-Пушкинъ заболѣлъ психическимъ

*) „Туруханскій край". „Настольный энциклопедическій словарь" Граната. М. 1899 г.

разстройствомъ, Шаховской все время съ самымъ нѣжнымъ вниманіемъ ухаживалъ за нимъ. Но сумасшествіе товарища—и притомъ единственнаго—должно было въ высшей степени тяжело и болѣзненно отозваться на самочувствіи самого Шаховского. Онъ еще острѣе долженъ былъ почувствовать свое полное одиночество, свою заброшенность. Можно-ли удивляться послѣ этого, что нервы его, наконецъ, не выдержали?

И хотя изъ Туруханска Шаховской былъ переведенъ въ Красноярскъ, который считается лучшимъ городомъ Енисейской губерніи, тѣмъ не менѣе этотъ переводъ уже не могъ спасти его: вскорѣ его душевное разстройство достигло на столько сильной степени, что пришлось отправить его въ г. Енисейскъ, для помѣщенія въ городскую больницу. Здѣсь кстати будетъ напомнить, что еще покойный С. В. Максимовъ отмѣтилъ, что ссылка въ глухія дебри, вслѣдствіе «отсутствія товарищеской семьи и дружеской поддержки» крайне печально отразилась на многихъ декабристахъ—одиночкахъ, заброшенныхъ въ сибирскія трущобы. Нѣкоторые изъ нихъ пали духомъ и «предались отчаянію, ускорившему ихъ смерть», какъ, напримѣръ, Фохтъ, Фурманъ и Шихаревъ, другіе—заболѣли психическимъ разстройствомъ, какъ напримѣръ: Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ въ Туруханскѣ, Варницкій и Янтальцевъ въ Ялуторовскѣ, князь Шаховской—въ Енисейскѣ. Въ то время, какъ въ Петровскомъ заводѣ изъ 50-ти декабристовъ сошли съ ума двое: Андреевичъ и Андрей Борисовъ, на поселеніи изъ 14-ти человѣкъ заболѣли душевнымъ разстройствомъ пять *). Изъ этого, между прочимъ, можно видѣть, что ссылка у насъ иногда бываетъ хуже каторги.

III.

Въ дѣлѣ, которое послужило намъ матеріаломъ для настоящаго очерка, не мало мѣста занимаютъ «описи имущества государственнаго преступника Федора Шаховского». Часть этого имущества была привезена фельдъегеремъ въ Суздальскій монастырь, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, болѣе-же громоздкія и неудобныя для перевозки вещи были оставлены въ Красноярскѣ и тамъ проданы съ аукціоннаго торга.

Эти «описи имущества» представляютъ несомнѣнный интересъ, такъ какъ даютъ возможность представить себѣ до извѣстной степени образъ жизни, который велъ Ф. П. Шаховской въ ссылкѣ, и его обстановку тамъ. Судя по его вещамъ, которыя остались въ Красноярскѣ, онъ жилъ тамъ своимъ хозяйствомъ, на что указываетъ имѣвшаяся у него разная посуда, столовая, чайная и кухонная, кастрюли мѣдныя, самоваръ, утюгъ и т. д. Затѣмъ у

*) Максимовъ: „Сибирь и каторга". Часть 3-я, стр. 252.

него была своя лошадь, такъ какъ въ числѣ вещей значится: узда, хомутъ, вожжи плетеныя, ремянныя, дуга крашеная и проч.

Въ одномъ изъ чемодановъ было уложено платье: сюртукъ, фракъ, халатъ, жилеты и т. д., въ другомъ—бѣлье. Въ коробкѣ подъ № 1-мъ находились разныя серебряныя и другія болѣе цѣнныя вещи: часы, туалетныя принадлежности въ серебряной оправѣ, принадлежности для бритья въ серебряныхъ футлярахъ, серебряныя ложки столовыя и чайныя, серебряные подносикъ и стаканъ, готовальня съ серебрянымъ циркулемъ и перомъ, серебряный карандашъ, зажигательное стекло въ черепаховой оправѣ, золотое кольцо, внутри котораго было вырѣзано: «ноября 12—1819 г.», янтарный мундштукъ и проч.

Все это, конечно, было взято Шаховскимъ при отправленіи въ ссылку или же переслано ему его женой послѣ его отправки въ Сибирь. Вообще Наталья Дмитріевна Шаховская всячески старалась окружить близкаго ей человѣка по возможности той-же самой обстановкой, съ которой онъ свыкся и въ которой онъ прожилъ свои лучшіе годы на свободѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей, какъ, напримѣръ, туалетныя принадлежности въ серебряной оправѣ и т. п., указываютъ на извѣстныя привычки къ комфорту и даже къ роскоши, столь обычныя въ той средѣ, къ которой принадлежалъ Ф. П. Шаховской по своему происхожденію.

Однако общій складъ жизни въ такихъ трущобахъ, какъ Туруханскъ и Красноярскъ, былъ на столько далекъ отъ всего, что только носитъ печать комфорта, изящества и этикета, что едва-ли тамъ могла встрѣтиться необходимость, напримѣръ, во фрачной парѣ и т. п. И, дѣйствительно, на основаніи тѣхъ-же «описей имущества» мы можемъ сдѣлать заключеніе о томъ, что, попавши въ ссылку, Шаховской быстро опростился и демократизировался, и, вмѣсто фрака и сюртука, у него появились простыя куртки и даже цѣлые костюмы «изъ сермяжнаго крестьянскаго сукна».

Для выясненія характеристики Ф. П. Шаховского, какъ личности, для опредѣленія тѣхъ настроеній, которыя онъ переживалъ въ ссылкѣ, могли бы до извѣстной степени сослужить службу тѣ книги, которыя являлись его друзьями во время прозябанія его въ Туруханскѣ и Красноярскѣ и которыя впослѣдствіи были отправлены вмѣстѣ съ нимъ въ монастырь. Судя по «описи» его имущества, можно думать, что ящикъ подъ № 4-мъ былъ наполненъ главнымъ образомъ книгами—иностранными и русскими. Изъ русскихъ тутъ были сочиненія Пушкина, въ томъ числѣ отдѣльное изданіе поэмы «Цыгане», басни Крылова, Новый Завѣтъ, каноникъ и часовникъ, грамматика, анатомія Мухина, два лѣчебника, «О дѣланіи сахара изъ свекловицы», «Способъ печь хлѣбы», «Аристогнозія», № 33-й «Московскаго Вѣстника» и № 19-й «Магазина естественной исторіи».

Но большая часть библіотеки Шаховского состояла изъ ино-

странныхъ книгъ. Такихъ было отправлено въ монастырь 65. Однако объ этихъ книгахъ мы узнаемъ только то, что 7 изъ нихъ были въ кожаномъ переплетѣ и 58—въ бумажныхъ переплетахъ. Но что это были за книги, остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, такъ какъ списка ихъ въ описяхъ нѣтъ. Очевидно, ни въ Енисейскѣ, ни въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ не нашлось человѣка, который бы составилъ простой перечень иностранныхъ книгъ.

Книги, «гитара въ футлярѣ», готовальня, ящикъ съ красками—указываютъ на тѣ занятія, съ помощью которыхъ ссыльный декабристъ старался наполнить свое время. Кромѣ того, можно думать, что Шаховской былъ не чуждъ занятій литературою. Въ спискѣ его вещей, доставленныхъ въ монастырь, значится, между прочимъ, особый «тюкъ въ холстѣ, съ бумагами», подъ № 6-мъ. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній относительно того, что это были за бумаги. Но изъ писемъ Федора Петровича къ его женѣ видно, что онъ занимался въ ссылкѣ переводами съ французскаго языка историко-географическаго словаря, а также работалъ надъ составленіемъ краткой грамматики русскаго языка.

Увы! всѣ эти занятія, всѣ эти интересы, очевидно, не могли на столько захватить Шаховского, чтобы наполнить его жизнь въ ссылкѣ. Онъ, видимо, страшно томился своимъ одиночествомъ, тяжело страдалъ отъ разлуки съ любимой и любящей женой, тосковалъ о дѣтяхъ «сиротахъ». Будучи человѣкомъ религіознымъ, подобно многимъ другимъ декабристамъ, — онъ начинаетъ искать утѣшенія въ религіи.

Онъ начинаетъ усердно посѣщать церковь, увлекаться богослуженіями, при чемъ принимаетъ на себя обязанности церковнаго чтеца, поетъ на клиросѣ. Со страстью исполняя эти новыя для него обязанности, онъ все болѣе и болѣе отдается религіозному экстазу. Въ этомъ онъ находитъ душевное успокоеніе, о чемъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ спѣшитъ сообщить своей женѣ, «своему нѣжному другу».

Такъ, въ письмѣ отъ 12-го февраля онъ пишетъ женѣ: «Къ ясной жизни моей прибавилось еще удовольствіе духовное: я хожу въ соборъ и отправляю должность чтеца. Съ какимъ восторгомъ излетаютъ изъ устъ моихъ молитвы ко Всевышнему! Какъ я молюсь, вознося съ словами душу мою къ престолу Его! Обѣты мои, чистою жертвою пламенѣя въ сѣни Божіей, прибавляютъ мнѣ жизни духовной, въ которой является святая надежда и упованіе».

Спустя двѣ недѣли послѣ этого, 27-го февраля, онъ сообщаетъ женѣ: «Я всякій день хожу въ соборную церковь, читаю и пою. 25-го февраля исповѣдался и принялъ святыя тайны. По жизни моей я буду прибѣгать къ сему усладительному дару какъ можно чаще; въ концѣ сего поста пріобщусь еще сему источнику жизни». Вообще мистическое настроеніе, подъ вліяніемъ круглаго одиночества и гнетущей тоски по семьѣ, видимо, все сильнѣе завладѣвало

имъ. Это отражалось и на его перепискѣ. Полныя глубокаго и нѣжнаго чувства, его письма къ женѣ заканчиваются обращеніями и возгласами, которые явно говорятъ и о жгучей боли, испытываемой имъ отъ разлуки съ близкими и дорогими ему людьми, и о томъ, что мистицизмъ все больше и замѣтнѣе порабощалъ его разумъ.

Вотъ, напримѣръ, его письмо къ женѣ отъ 12-го марта 1828 г.: «Вотъ еще письмо отъ Тебя, нѣжный другъ мой! Благодарю Тебя, что Ты такъ часто пишешь; отрада получать вѣсть о Тебѣ и милыхъ дѣткахъ составляетъ прелестнѣйшее утѣшеніе въ жизни моей. Всѣ посылки Твои, особенно книги, тѣмъ пріятнѣе для меня, что я попеченію нѣжной и сердечной супруги моей обязанъ развитіемъ способностей моихъ и познаніями, которыя, распространяя кругъ дѣятельной и наблюдательной жизни, уносятъ меня въ міръ, гдѣ душа почерпаетъ ясность и вдохновеніе въ созерцаніи природы, искусствъ, открытій и явленій, созданныхъ рукою Творца, гдѣ пламенныя черты творенія освѣщаютъ путника и ведутъ его на степень высокихъ мыслей, сливающихся въ гармоніи небесной. Преданный симъ прелестнымъ занятіямъ, я оставилъ всѣ хладныя работы подражанья, и отъ того оставилъ переводъ словаря Всеволожскаго *).

«Обнимаю Васъ всѣхъ, родныхъ моихъ и друзей, и съ слезами умиленія поздравляю съ наступающимъ праздникомъ свѣтлаго воскресенія Христа Спасителя нашего.

«Христосъ воскресъ!.. Осиротѣлый, я облобызаю крестъ и помяну имена Ваши у престола Всевышняго. Симъ освящу сей день спасенія.

Th.» **)

Въ слѣдующихъ двухъ письмахъ Шаховской сообщаетъ о составленной имъ и посвященной государю краткой грамматикѣ русскаго языка и о другихъ своихъ занятіяхъ. Во второмъ изъ этихъ писемъ, отъ 15-го апрѣля, прорываются уже выраженія явно болѣзненной восторженности, несомнѣнно, свидѣтельствующія о полномъ разстройствѣ душевнаго равновѣсія, хотя внѣшняя связь мыслей еще выдержана. Послѣднее же письмо, отъ 23-го апрѣля, уже не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно писано сумасшедшимъ.

П. М. Головачевъ, говоря о душевной болѣзни Шаховского, вызванной ссылкой, утверждаетъ, что овладѣвшая имъ «религіозная экзальтація» выразилась «въ формѣ обоснованнаго на раціо-

*) Шаховской, между прочими занятіями, переводилъ съ французскаго на русскій языкъ: „Dictionnaire Géographique—Historique de l'Empire de Russie par N. Vsevolojsky, Moscou, 1813.

**) Th.—Theodore, такъ подписывалъ и раньше свои письма Федоръ Петровичъ.

налистическихъ началахъ протеста противъ господствующаго вѣроисповѣданія» *).

Это же самое утвержденіе, со словъ г. Головачева, повторяетъ въ своей статьѣ и П. Е. Щеголевъ. Только что приведенныя нами письма Шаховского съ несомнѣнной очевидностью показываютъ, что утвержденія г. Головачева относительно характера «религіозной экзальтаціи» Ф. П. Шаховского отнюдь не подтверждаются.

IV.

Первое извѣстіе о болѣзни Шаховского было получено въ Петербургѣ лѣтомъ 1828 года. 13 іюня енисейскій гражданскій губернаторъ сообщилъ въ Третье отдѣленіе, что поселенный въ Енисейскѣ государственный преступникъ Шаховской сошелъ съ-ума. По донесенію губернатора, помѣшательство Шаховского выразилось въ томъ, что онъ началъ считать себя святымъ и одареннымъ Богомъ благодатію къ проповѣдыванію христіанской вѣры. Далѣе губернаторъ сообщалъ, что Шаховской «въ сумасшествіи написалъ и посвятилъ государю императору: правила россійскаго языка, разныя духовныя посланія, пророчества и пр.». По мнѣнію губернатора, «нѣкоторыя изъ сихъ посланій содержатъ въ себѣ прекрасныя мѣста».

По принятому обычаю, губернаторомъ, «на основаніи общихъ правилъ», были представлены въ Третье отдѣленіе письма больного Шаховского «къ его злополучной женѣ». Письма съ несомнѣнной очевидностью «доказывали совершенное разстройство его ума». Можно подумать, что извѣстіе о сумасшествіи Шаховского нѣсколько смутило даже твердо-каменныя сердца заправилъ Третьяго отдѣленія. Очавидно, подъ вліяніемъ этого печальнаго событія, они вдругъ проявляютъ совершенно необычное для нихъ вниманіе и даже, если хотите, деликатность къ женѣ «государственнаго преступника».

Отправляя письма Шаховского, явно доказывавшія его сумасшествіе, въ Москву для выдачи ихъ его женѣ, Третье отдѣленіе просило московскаго генералъ-губернатора, «чтобы онъ изволилъ приказать предварить о семъ несчастіи родственниковъ княгини Шаховской, до врученія сихъ писемъ достойной состраданія супругѣ»... Сейчасъ, однако, мы увидимъ, что это вниманіе, это «состраданіе» къ «злосчастной женѣ государственнаго преступника» со стороны третьеотдѣленцевъ было крайне непродолжительно, непрочно и дальше фразъ не шло.

Убѣдившись изъ писемъ своего мужа Ф. П. Шаховского въ томъ, что онъ заболѣлъ психическимъ разстройствомъ, княгиня

*) „Декабристы".—86 портретовъ. М., 1906 г., стр. 264.

Наталья Дмитріевна тотчасъ же рѣшила ѣхать къ нему въ Красноярскъ, надѣясь, что ея присутствіе благотворно повліяетъ на больнаго. Но для этой поѣздки прежде всего, конечно, требовалось разрѣшеніе свыше. И вотъ Шаховская начинаетъ хлопотать предъ генераломъ-адъютантомъ А. Х. Бенкендорфомъ о разрѣшеніи ей поѣхать «на время» къ ссыльному мужу. Одновременно съ ней съ подобнымъ же ходатайствомъ обратилась къ шефу жандармовъ жена декабриста фонъ-деръ-Бриггена, который по суду былъ приговоренъ къ четыремъ годамъ каторги.

Такъ какъ Шаховская и фонъ-деръ-Бриггенъ, возбуждая свои ходатайства, ставили нѣкоторыя условія, на которыхъ онѣ желали воспользоваться поѣздкой въ Сибирь, то Бенкендорфъ затруднился разрѣшить ихъ просьбы и, согласно высочайшему повелѣнію, обратился къ управляющему министерствомъ юстиціи князю Долгорукову съ просьбою разрѣшить встрѣченныя имъ недоумѣнія «на основаніи существующихъ узаконеній». Въ письмѣ своемъ отъ 25 октября 1828 года на имя князя А. А. Долгорукова Бенкендорфъ писалъ:

«Сосланный на поселеніе въ г. Енисейскъ государственный преступникъ Шаховской сошелъ съ ума. Жена его, свѣдавъ о семъ и полагая, что ея присутствіе подѣйствуетъ благотворно на разстроенныя его душевныя и тѣлесныя силы, проситъ дозволенія посѣтить его на время, не подвергаясь постановленію, коимъ жены, отправившіяся къ мужьямъ - преступникамъ, осужденнымъ въ каторгу, лишаются права на возвращеніе въ Россію. Жена же поступившаго въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ каторжной работы на поселеніе въ Пелымъ фонъ-деръ-Бриггена, желая отправиться къ нему, проситъ разрѣшенія,—можетъ ли она взять съ собою четырехъ дѣтей».

Князь Долгоруковъ, «сообразивъ съ законами» поставленные ему Бенкендорфомъ вопросы, не замедлилъ разрѣшить ихъ по всѣмъ правиламъ бюрократической казуистики. Въ своемъ отвѣтѣ шефу жандармовъ онъ писалъ, что «дворянскія жены и дѣти, не участвовавшія въ преступленіяхъ мужей и отцовъ своихъ, по осужденіи послѣднихъ, остаются въ прежнихъ правахъ своихъ, съ дозволеніемъ женамъ вступать въ новый бракъ съ разрѣшенія духовнаго правительства (указы: 16 августа 1720, 29 марта 1753, 15 іюля 1767; 28 апрѣля 1804 и 16 августа 1807 г.). Впрочемъ, законъ не возбраняетъ невинной женѣ, по привязанности къ мужу, слѣдовать и за нимъ; но въ семъ случаѣ, по 231 параграфу устава о ссыльныхъ, не прежде можетъ вступить въ бракъ, или возвратиться къ родственникамъ своимъ, какъ по смерти мужа, съ которымъ по собственной волѣ раздѣляла ссылку, о временномъ же посѣщеніи женами мужей ссыльныхъ въ законахъ нѣтъ постановленія».

«Что же касается до дѣтей, — продолжалъ блюститель зако-

новъ,—то онымъ дозволяется слѣдовать за отцами въ такомъ только случаѣ, ежели послѣдніе были крестьяне государственные или помѣщичьи, при чемъ нужно одно дозволеніе для первыхъ отъ своихъ обществъ, а для послѣднихъ отъ ихъ помѣщиковъ (указъ 30 сентября 1812 г,). Но сіе постановленіе не можетъ быть распространено на дѣтей дворянскихъ, сколько по точнымъ словамъ онаго, а не менѣе въ томъ уваженіи, что дѣти сіи, принадлежа къ высшему сословію въ государствѣ, должны получить приличное роду ихъ образованіе для вступленія современемъ на службу. Отцы же, находясь въ ссылкѣ, не только лишены способовъ дать имъ воспитаніе, но еще могутъ быть примѣромъ худой нравственности».

Объ этомъ Долгоруковъ считалъ необходимымъ объявить Шаховской и фонъ-деръ-Бриггенъ «прежде дозволенія имъ отправиться къ мужьямъ своимъ». Мнѣніе и соображенія Долгорукова, изложенныя въ его письмѣ къ Бенкендорфу, были доведены послѣднимъ «до свѣдѣнія государя императора и удостоились высочайшаго утвержденія». Приведя почти цѣликомъ эти соображенія, мы со своей стороны полагаемъ, что можемъ освободить себя отъ подробнаго разбора ихъ, такъ какъ они достаточно громко говорятъ сами за себя, являясь яркой иллюстраціей извѣстной, хотя и нѣсколько грубоватой народной пословицы: «законъ—что дышло, куда повернешь, туда и вышло». Долгоруковъ своимъ бюрократическимъ чутьемъ прекрасно, конечно, понялъ, чего отъ него желали и потому, призвавъ на помощь безчисленные «указы» правительства относительно ссыльныхъ, ихъ женъ и дѣтей, явно пошелъ на встрѣчу желаніямъ, которыя предъявлялись къ нему. И его старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: какъ Шаховская, такъ и фонъ-деръ-Бриггенъ вынуждены были отказаться отъ своего намѣренія поѣхать въ Сибирь, къ своимъ мужьямъ.

Лишенная возможности поѣхать въ Сибирь къ больному мужу, княгиня Шаховская возбуждаетъ предъ государемъ новое ходатайство: она проситъ о переводѣ ея мужа, въ виду его тяжелой болѣзни, въ Европейскую Россію и о разрѣшеніи ему поселиться «въ одной изъ удаленныхъ отъ столицъ деревень», которыя ей принадлежали. Но и это ходатайство не встрѣтило сочувствія въ высшихъ сферахъ. Правительство Николая I не нашло возможнымъ разрѣшить душевно-больному человѣку поселиться въ его имѣніи, гдѣ онъ могъ бы пользоваться уходомъ близкихъ ему людей. Въ этой части просьбы княгини Шаховской было категорически отказано. Что же касается до перевода ея мужа въ Европейскую Россію, то хотя такой переводъ и признанъ былъ возможнымъ, но подъ условіемъ, что Шаховской будетъ заключенъ въ Суздальскій монастырь,—«если жена его на это согласится».

Что было дѣлать несчастной женщинѣ? Передъ ней не было выбора: отказавшись отъ перевода мужа въ Суздальскій монастырь.

она этимъ самымъ невольно обрекала его на одинокое прозябаніе въ глухомъ Енисейскѣ «за шесть тысячъ верстъ отъ родины» и близкихъ людей. Согласившись же на переводъ больного мужа въ Суздальскій монастырь, она этимъ самымъ географически улучшала его положеніе, приближала его къ родинѣ и семьѣ, такъ какъ отъ Суздаля до Орѣховцева было не болѣе двухсотъ верстъ. Къ тому же, очевидно, ей совсѣмъ не было извѣстно, какъ будетъ обставлена жизнь ея мужа въ монастырѣ. И она согласилась.

V.

Въ январѣ 1829 года состоялось высочайшее повелѣніе государя императора: перевести Шаховского изъ г. Красноярска, гдѣ онъ находился на поселеніи, въ Суздальскій Спасо-Ефиміевскій монастырь «для содержанія (его) на томъ положеніи, какъ содержатся въ ономъ прочіе арестанты». А такъ какъ «прочіе арестанты» содержались въ монастырѣ въ особой тюрьмѣ, извѣстной подъ именемъ Суздальской крѣпости, то, слѣдовательно, и Шаховской, по смыслу этого указа, долженъ былъ подвергнуться заключенію въ монастырской тюрьмѣ.

Для современнаго читателя только что приведенное «повелѣніе» представляется, конечно, совершенно непонятнымъ и даже необъяснимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ человѣкъ,—хотя бы то былъ и ссыльно-поселенецъ изъ государственныхъ преступниковъ,—заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ, то казалось бы, что такой больной прежде всего нуждается въ лѣченіи и въ больницѣ, а не въ монастырѣ и тѣмъ болѣе не въ тюрьмѣ, хотя бы и монастырской. Но не такъ думали у насъ въ 20-хъ годахъ представители самодержавной бюрократіи и не такъ думалъ Николай I-й, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось «государственныхъ преступниковъ».

И вотъ предъ нами такой фактъ: ссыльно-поселенецъ Шаховской за то только, что онъ имѣлъ несчастье заболѣть душевнымъ разстройствомъ, осуждается къ заключенію въ монастырскую тюрьму и переводится на положеніе обыкновеннаго «арестанта». И все это дѣлается однимъ росчеркомъ пера, безъ всякаго, разумѣется, законнаго основанія. Сказано—сдѣлано.

Въ то время подобнаго рода «повелѣнія», несмотря на отсутствіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, приводились въ исполненіе съ головокружительной быстротой: не путемъ переписки и почтовыхъ сношеній съ мѣстными властями, а посредствомъ особыхъ нарочно командируемыхъ фельдъегерей, которые мчались, сломя голову, загоняя лошадей и избивая ямщиковъ и станціонныхъ смотрителей. И на этотъ разъ фельдъегерь Генрихъ—по всей вѣроятности, тотъ самый, который въ 1826 году отвозилъ Федора

Петровича въ Туруханскъ,—помчался «нарочнымъ» въ Восточную Сибирь, съ тѣмъ, чтобы взять Шаховского на мѣстѣ поселенія и отвезти его прямо въ Суздаль, въ Спасо-Ефиміевскій монастырь, гдѣ и передать архимандриту.

Объ этомъ любимецъ Николая, графъ Чернышевъ, бывшій въ то время товарищемъ начальника главнаго штаба, сообщилъ «секретно» 21 января 1829 года владимірскому гражданскому губернатору, въ районѣ котораго находился г. Суздаль. При этомъ Чернышевъ просилъ губернатора «немедленно предварить отца архимандрита, дабы онъ, по доставленіи къ нему Шаховского, согласно высочайшей воли, принявъ его, содержалъ въ монастырѣ подъ строгимъ надзоромъ и какъ о поведеніи его, такъ и о ходѣ болѣзни извѣщалъ бы васъ ежемѣсячно, а вы не оставите увѣдомлять о томъ меня, для доклада государю императору».

«Вмѣстѣ съ тѣмъ—продолжалъ графъ Чернышевъ — прошу покорнѣйше васъ поставить въ извѣстность о. архимандрита, что государь императоръ, по сродному его величеству милосердію, всемилостивѣйше дозволяетъ, чтобъ жена преступника Шаховского, княгиня Наталья Шаховская, урожденная княжна Щербатова, живя по близости монастыря, имѣла попеченіе о мужѣ ея въ его болѣзни, а потому должна она безпрепятственно допускаема быть къ нему, съ наблюденіемъ, однако жъ, надлежащаго приличія и должной предосторожности».

Владимірскій губернаторъ Курута немедленно же по полученіи сообщенія графа Чернышева посылаетъ это сообщеніе въ копіи, конечно, «секретно», архимандриту Спасо-Ефиміевскаго монастыря Парфенію, при чемъ преподаетъ ему со своей стороны слѣдующее наставленіе о порядкѣ надзора за Шаховскимъ. «Согласно высочайшему повелѣнію, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь,—пишетъ губернаторъ—принявъ преступника Шаховского въ монастырь, когда онъ будетъ доставленъ къ вамъ, помѣстить его подъ строжайшій присмотръ, въ приличной комнатѣ, которая бы отдалена была отъ прочихъ заключенныхъ, отстранивъ всякое между ними сношеніе, равномѣрно не оставьте расположить приличнымъ образомъ свиданія съ нимъ жены его, Натальи Шаховской, коей позволено имѣть попеченіе въ его болѣзни».

Изъ приведеннаго выше отношенія графа Чернышева мы видѣли, что Шаховской, по смыслу этой бумаги, подлежалъ заключенію въ монастырской тюрьмѣ, какъ и «прочіе арестанты». Такъ, очевидно, было рѣшено въ Петербургѣ. Однако владимірскій губернаторъ, которому пришлось приводить въ исполненіе эту мѣру и который, конечно, бывалъ въ Суздальскомъ монастырѣ и лично знакомъ былъ съ условіями заключенія тамъ «арестантовъ», видимо, не нашелъ возможнымъ настаивать на томъ, чтобы Шаховской былъ заключенъ непремѣнно въ тюрьму, а рекомендовалъ

настоятелю помѣстить «преступника» «въ приличной комнатѣ», хотя и «подъ строжайшимъ присмотромъ».

Въ заключеніе губернаторъ просилъ архимандрита извѣстить его о времени доставленія въ монастырь Шаховского, а также сообщить ему подробныя свѣдѣнія о всѣхъ распоряженіяхъ, которыя онъ сдѣлаетъ относительно порядка содержанія въ монастырѣ «преступника» и, наконецъ, увѣдомлять его, губернатора, «каждомѣсячно» о поведеніи Шаховского и о ходѣ его болѣзни.

Архимандритъ Парфеній не замедлилъ, конечно, отозваться на отношеніе губернатора. 6 февраля, увѣдомляя губернатора о полученіи его отношенія, онъ заявлялъ, что «по оному отношенію исполненіе съ моей стороны чинено быть имѣетъ». И вслѣдъ за этимъ о. архимандритъ высказывалъ свои соображенія относительно того, какъ по его мнѣнію, «приличнѣе и удобнѣе» устроить въ монастырѣ государственнаго преступника Шаховского.

Изъ того, что онъ говорилъ по этому поводу, ясно видно, что предложеніе губернатора относительно заключенія въ монастырь Шаховского отнюдь не застало о. настоятеля врасплохъ. Наоборотъ, видно, что о. Парфеній уже достаточно привыкъ къ такого рода порученіямъ тюремно-полицейскаго характера и что, съ своей стороны, онъ не находилъ въ нихъ рѣшительно ничего такого, что не соотвѣтствовало бы его монашескому сану, противорѣчило бы христіанскому ученію и претило бы его нравственному чувству.

«Что же касается до комнатъ къ помѣщенію упомянутаго Шаховского, (то) я нахожу приличными и удобными тѣ, въ коихъ содержался штабсъ-ротмистръ Костромитиновъ»,—писалъ о. архимандритъ въ отвѣтъ губернатору. Но «для строжайшаго за нимъ присмотра» Парфеній признавалъ необходимымъ «поставить въ тѣхъ комнатахъ, сверхъ находящагося тамъ при арестантахъ караула, (еще особый) караулъ, состоящій изъ трехъ человѣкъ рядовыхъ надежныхъ, подъ бдительнымъ надъ ними надзоромъ особаго исправнаго унтеръ-офицера, коему поставить въ обязанность имѣть неослабный надзоръ, не допуская къ преступнику Шаховскому какъ арестантовъ, такъ и прочихъ постороннихъ лицъ, кромѣ тѣхъ, кои будутъ назначены для прислуги по болѣзни его, Шаховского».

Свой отвѣтъ губернатору о. архимандритъ заканчивалъ просьбой «отнестись куда слѣдуетъ о немедленномъ откомандированіи» къ нему въ монастырь «для караула Шаховского надежныхъ и исправныхъ трехъ рядовыхъ и одного унтеръ-офицера».

Весь этотъ отвѣтъ, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ о томъ, что настоятель Спасо-Ефиміевскаго монастыря о. Парфеній не только не тяготился тѣми обязанностями тюремщика, которыя возлагались на него свѣтской властью, но, напротивъ, охотно, съ пол-

ной готовностью шелъ на встрѣчу этой власти при исполненіи такого рода обязанностей.

Усердіе о. архимандрита въ этомъ направленіи даже мѣстному военному начальству показалось нѣсколько чрезмѣрнымъ. Объ этомъ, между прочимъ, можно судить по тому факту, что «командующій владимірскимъ внутреннимъ гарнизоннымъ баталіономъ», со своей стороны, призналъ вполнѣ достаточнымъ командировать въ Спасо-Ефиміевскій монастырь для учрежденія караула надъ государственнымъ преступникомъ Шаховскимъ вмѣсто трехъ рядовыхъ, о которыхъ просилъ архимандритъ, только двухъ и одного унтеръ-офицера.

Сообщая объ этомъ настоятелю монастыря, владимірскій губернаторъ выражалъ увѣренность въ томъ, что о. архимандритъ сумѣетъ со своей стороны распорядиться относительно «аккуратнѣйшаго учрежденія со стороны сего караула наблюденія за преступникомъ, сообразно мѣстнымъ удобствамъ и важности его».

Вся эта переписка показываетъ, что какъ гражданскія, такъ и духовныя власти видѣли въ Шаховскомъ не тяжко больного человѣка, а «преступника» и заботились не о томъ, чтобы доставить ему медицинскую и иную необходимую помощь, а лишь о томъ, чтобы обставить возможно строже и тщательнѣе надзоръ и караулъ за нимъ, какъ за важнымъ арестантомъ.

VI.

Пока шла эта переписка между свѣтскими и духовными властями, фельдъегерь Генрихъ мчался по направленію г. Енисейска, гдѣ въ то время Федоръ Петровичъ Шаховской лежалъ въ городской больницѣ «по случаю помѣшательства его въ умѣ». Фельдъегерь везъ съ собой предписаніе графа Чернышева, съ изложеніемъ высочайшаго повелѣнія на имя енисейскаго губернатора Александра Петровича Степанова о томъ, чтобы «немедленно отправить» государственнаго преступника Шаховского съ нарочно посланнымъ фельдъегеремъ въ Суздаль, къ архимандриту Спасо-Ефиміевскаго монастыря.

Въ какомъ положеніи находился въ этотъ моментъ больной, на сколько тяжелый характеръ имѣла его болѣзнь и какъ она протекала — мы не знаемъ, такъ какъ никакихъ свѣдѣній и даже намековъ на это въ дѣлѣ нѣтъ. Очевидно, никому изъ начальства не пришло въ голову предъ отправленіемъ больного въ такой дальній путь освидѣтельствовать его для выясненія вопроса о томъ, можетъ ли онъ безъ вреда для своего здоровья перенести столь тяжелую и утомительную дорогу, при томъ въ морозную зимнюю пору.

Разъ фельдъегерю было приказано «взять» и «немедленно до-

ставить», а губернатору высочайше предписывалось «немедленно отправить», то, конечно, тутъ ужъ никакихъ разговоровъ, никакихъ промедленій, а тѣмъ паче послабленій не могло быть допущено. Боже сохрани! Если бы даже оказалось, что Шаховской въ этотъ моментъ умиралъ, то и въ такомъ случаѣ едва-ли бы губернаторъ и фельдъегерь нашли возможнымъ отложить исполненіе возложеннаго на нихъ порученія.

Между тѣмъ есть много основаній думать, что больной, во время его отправки въ Суздаль, находился уже въ крайне тяжеломъ состояніи. Конечно, трудно сказать, на сколько онъ сознавалъ то, что творилось вокругъ него, на сколько отдавалъ себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ. Однако то обстоятельство, что не только все его имущество, но даже платье, необходимое ему въ пути, было отдано не ему, а на руки фельдъегерю Генриху, даетъ право предполагать, что больной въ это время врядъ-ли что-либо сознавалъ.

Какъ бы то ни было, но уже 16 февраля фельдъегерь Генрихъ выѣхалъ изъ Енисейска въ обратный путь вмѣстѣ съ Шаховскимъ. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ отъ губернатора Степанова пакетъ на имя архимандрита Спасо-Ефиміевскаго монастыря, а также вещи Шаховского, упакованныя въ чемоданахъ и ящикахъ, по особой описи. На сколько быстро мчались путники, можно видѣть изъ того, что 6 марта они были уже въ Суздалѣ, и фельдъегерь въ тотъ же день «сдалъ» архимандриту Парфенію подъ его расписку «преступника Шаховского», вмѣстѣ съ принадлежавшими ему вещами.

Принявши «арестанта», архимандритъ помѣстилъ его въ заранѣе предназначенныя для него комнаты, «подъ особый строжайшій присмотръ суздальской инвалидной команды унтеръ-офицера Василія Касаткина и двухъ рядовыхъ: Козьмы Кириллова и Родіона Безсонова». Это были тѣ самые «благонадежные въ поведеніи» нижніе чины, которые были «откомандированы въ распоряженіе архимандрита», согласно его ходатайству, для спеціальнаго надзора за Шаховскимъ.

Выдавъ фельдъегерю Генриху «установленную расписку» въ принятіи отъ него новаго узника, архимандритъ поспѣшилъ тотчасъ же сообщить объ этомъ владимірскому губернатору, при чемъ онъ особенно старательно подчеркивалъ, что имъ приняты всѣ мѣры относительно «строжайшаго присмотра» за преступникомъ Шаховскимъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого архимандритъ сообщалъ губернатору болѣе подробныя свѣдѣнія о новомъ монастырскомъ узникѣ, главнымъ образомъ, о состояніи его здоровья. Между прочимъ, онъ писалъ, что «преступникъ Шаховской находится въ помѣшательствѣ ума и болѣзненномъ положеніи». Когда его раздѣли, то оказалось, что больной былъ доставленъ фельдъеге-

ремъ въ весьма печальномъ положеніи, а именно, у него были поморожены: носъ, ухо, три пальца лѣвой ноги и мизинцы на обѣихъ рукахъ, при чемъ на мизинцѣ лѣвой руки не оказалось ногтя. Это было тѣмъ болѣе странно, что при выѣздѣ изъ Енисейска на руки фельдъегерю было выдано много теплаго дорожнаго платья для Шаховского: шерстяныя фуфайки, рукавички теплыя, шуба «на мерлущетомъ мѣху», крытая нанкою, волчья шуба и «сакуй оленій». И тѣмъ не менѣе онъ былъ привезенъ въ монастырь съ обмороженнымъ лицомъ и съ обмороженными пальцами рукъ и ногъ.

Все это, разумѣется, свидѣтельствовало о томъ, что во время пути за несчастнымъ больнымъ, душевное разстройство котораго, очевидно, достигло сильнѣйшей степени, не было достаточнаго присмотра. Отсутствіе-же ногтя на мизинцѣ невольно наводитъ на мысль о возможности даже насилій и борьбы во время пути. Конечно, это только догадка, но она, какъ мы увидимъ далѣе, имѣетъ за себя нѣкоторое основаніе.

Для пользованія больного узника архимандритомъ,—какъ онъ сообщалъ губернатору — были «приняты надлежащія мѣры», а именно былъ приглашенъ «суздальскій уѣздный штабъ-лѣкарь Чижовъ», который нашелъ, что «опасности не предвидится». Въ виду того, что штабъ-лѣкарь Чижовъ нерѣдко отлучался въ уѣздъ по дѣламъ службы, архимандритъ просилъ разрѣшенія губернатора на то, чтобы во время отсутствія Чижова «смотрѣніе за Шаховскимъ» было дозволено лѣкарю Навроцкому.

Губернаторъ отвѣчалъ настоятелю Парфенію, что онъ находитъ возможнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ допускать къ больному Шаховскому лѣкаря Навроцкаго, «но съ тѣмъ, чтобы дѣйствія его въ семъ случаѣ были подъ наблюденіемъ и руководствомъ означеннаго г. Чижова». Въ заключеніе губернаторъ выражалъ надежду, что архимандритъ не оставитъ «со своей стороны наблюсти, дабы преступнику Шаховскому оказано было въ болѣзни всевозможное пособіе».

Какъ только княгиня Н. Д. Шаховская узнала о томъ, что заболѣвшій душевнымъ разстройствомъ мужъ ея «назначенъ къ заключенію въ Спасо-Ефиміевскій монастырь», она начала хлопотать о томъ, чтобы ей было разрѣшено послать на встрѣчу больному мужу слугу, который сопровождалъ бы его до монастыря, а затѣмъ остался бы при немъ, для услугъ, и во время пребыванія его въ монастырѣ. Кажется, ходатайство самое простое и несложное: допустить къ больному человѣку, хотя и ссыльно-поселенцу, слугу, который бы ходилъ за нимъ. Однако для того, чтобы получить такое разрѣшеніе, потребовалось потревожить не только шефа жандармовъ, знаменитаго генерала Бенкендорфа, но и самого государя.

Долго шла переписка по этому поводу, наконецъ 12 февраля

владимірскій губернаторъ извѣстилъ архимандрита Спасо-Ефиміевскаго монастыря, что имъ получено отъ г. генералъ-адъютанта Бенкендорфа увѣдомленіе о томъ, что «государь императоръ высочайше соизволилъ, дабы женѣ государственнаго преступника Шаховского, который назначенъ къ заключенію въ управляемый вами монастырь, дозволено было послать навстрѣчу ему слугу для препровожденія его до монастыря, и гдѣ сей слуга долженъ остаться при немъ подъ надзоромъ начальства».

Въ виду этого губернаторъ просилъ архимандрита «по доставленіи Шаховского въ монастырь, допустить этого человѣка къ нему, но въ то-же время учредить за симъ послѣднимъ строжайшій надзоръ, дабы онъ никакъ не могъ имѣть соотношеній съ кѣмъ-либо изъ стороннихъ людей и вообще воспрещенъ бы ему былъ свободный выходъ изъ монастыря». Вслѣдствіе этого, когда въ монастырь явился «присланный женою государственнаго преступника Шаховского для услугъ ему дворовый человѣкъ Ларіонъ Кондратьевъ», то архимандритъ тотчасъ-же объявилъ ему, что отнынѣ онъ лишается права «входить въ сношенія съ кѣмъ-либо изъ стороннихъ людей» и что ему «воспрещается свободный выходъ изъ монастыря».

Княгиня Шаховская жила въ это время въ Москвѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми. 18 апрѣля она пишетъ своему мужу въ Суздальскій монастырь: «Другъ мой! въ концѣ прошлой недѣли узнала о твоемъ прибытіи въ Суздаль. Мы опять скоро увидимся. Ты прижмешь къ сердцу твоихъ дѣтей.—Дурная дорога и разлитіе рѣкъ препятствуютъ мнѣ исполнить немедля необходимое желаніе моего сердца—тебя видѣть. На той недѣлѣ, при первой возможности, отправлюсь къ тебѣ, другу моему. Мы вмѣстѣ возблагодаримъ Всевышняго, внемлющаго молитвамъ несчастныхъ. Прости, другъ души моей, до радостнаго свиданія.

«Тебя любящая жена Наталья Шаховская.

«Дѣти, слава Богу, здоровы; Мишенька начинаетъ хорошо писать, а Ваня такъ милъ, что и пересказать не съумѣю.

«Посылаю къ тебѣ Ларіона, который при тебѣ останется, и съ нимъ немного бѣлья и прочихъ бездѣлокъ. Всему данъ ему реестръ.

«Вся моя надежда въ сострадательномъ о тебѣ попеченіи отца архимандрита.

«Папинька и сестра слава Богу здоровы. Сестра Катя *) ко мнѣ часто пишетъ,—она въ Петербургѣ».

---

*) Екатерина Петровна Шаховская, по мужу Слѣпцова, принимала особенно горячее участіе въ судьбѣ своего брата, Федора Петровича. Живя въ Петербургѣ, вращаясь въ высшемъ кругу, будучи знакома и съ Бенкендорфомъ, и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, она сообщала Н. Д. Шаховской все то, что ей удавалось узнать отъ нихъ объ ея мужѣ.

Съ переводомъ Федора Петровича въ Суздальскій монастырь его жена, очевидно, желая смягчить тяжелыя условія его заточенія, окружаетъ его особенно нѣжнымъ вниманіемъ и заботливостью. Она пользуется каждымъ случаемъ, чтобы переслать своему больному мужу-узнику все то, въ чемъ только можетъ встрѣтиться у него необходимость, что можетъ хотя сколько-нибудь скрасить его существованіе среди суровой и удручающей монастырско-тюремной обстановки. Она посылаетъ ему бѣлье, платье, фуфайки, халаты, фуражки, постель, подушки пуховыя, шелковые платки, сапоги разныхъ сортовъ—обыкновенные черные и цвѣтные сафьяновые, зеленые и желтые, калоши, валенки, самоваръ «со всѣмъ приборомъ», хрустальные стаканы, кастрюли мѣдныя, коверъ, чай, сахаръ, почтовую бумагу, табакъ, трубки, мыло, различныя лѣкарства, фрукты, апельсины, лимоны и т. д.

Чтобы быть возможно ближе къ больному мужу, Наталья Дмитріевна рѣшаетъ переселиться, вмѣстѣ съ дѣтьми, въ г. Владиміръ, и съ этой цѣлью намѣревается купить домъ въ этомъ городѣ. Владиміръ отстоитъ отъ Суздаля на разстояніи 34-хъ верстъ. Поселиться въ самомъ Суздалѣ она, очевидно, не могла вслѣдствіе того, что предстояла необходимость учить дѣтей. Но для своихъ пріѣздовъ въ этомъ городѣ она сняла квартиру въ домѣ Д. П. Маренкова. Владимірскіе знакомые княгини Шаховской, относившіеся къ ней съ глубокимъ уваженіемъ и искреннимъ участіемъ, по просьбѣ ея, пріискали уже во Владимірѣ домъ, который вполнѣ отвѣчалъ желаніямъ Натальи Дмитріевны. Но смерть князя Шаховского заставила его жену отказаться отъ мысли переселиться во Владиміръ.

VII.

О. настоятель монастыря, конечно, не забылъ предписанія начальства о томъ, чтобы «каждомѣсячно» сообщать губернатору о поведеніи государственнаго преступника Шаховского и о ходѣ его болѣзни. Поэтому уже въ концѣ марта мѣсяца архимандритъ Парфеній спѣшитъ донести губернатору, что «переведенный изъ Сибири, по высочайшему повелѣнію, государственный преступникъ Шаховской въ теченіе текущаго марта мѣсяца находился въ помѣшательствѣ ума, сопряженномъ съ дерзостью и упрямствомъ».

Въ чемъ состояли «дерзости» душевно-больного «преступника», а также въ чемъ именно выражалось его «упрямство» — о. архимандритъ не считалъ нужнымъ объяснять. И губернатовъ, повидимому, вполнѣ довольствовался такими донесеніями и не требовалъ никакихъ разъясненій, хотя и за слѣдующій апрѣль мѣсяцъ архимандритъ далъ ту же самую характеристику поведенія Шаховского, какъ за мартъ, т. е. — «находился въ помѣшательствѣ ума, сопряженномъ съ дерзостью и упрямствомъ».

Съ своей стороны губернаторъ ежемѣсячно доносилъ въ Петербургъ, на имя графа Чернышева, какъ «о поведеніи Шаховского» въ монастырѣ, такъ и о состояніи его здоровья «для доклада государю императору», при чемъ въ своихъ донесеніяхъ онъ лишь повторялъ то, что ему сообщалъ архимандритъ. Но и въ Петербургѣ эти донесенія, повидимому, ни въ комъ не возбуждали никакихъ недоумѣній.

Между тѣмъ несчастный больной, вдругъ попавшій на положеніе «арестанта», за которымъ неотступно день и ночь слѣдили караульные солдаты, спеціально приставленные къ нему, безъ сомнѣнія, жестоко страдалъ. Его душевное разстройство подъ вліяніемъ тяжелой тюремно-монастырской обстановки, неизбѣжно, конечно, должно было быстро прогрессировать. И, дѣйствительно, кризисъ не заставилъ себя ждать.

6-го мая настоятель пишетъ губернатору, что государственный преступникъ Шаховской «находится въ сильномъ помѣшательствѣ ума и болѣзненномъ положеніи, не принимая никакой пищи три дня, отъ чего пришелъ въ крайнее изнеможеніе и слабость». «Донося о семъ вашему превосходительству, — писалъ архимандритъ,—покорнѣйше прошу: не благоугодно ли будетъ увѣдомить жену его, княгиню Шаховскую, чтобы она поспѣшила пріѣхать сюда или отписать о семъ, куда слѣдуетъ».

Это «донесеніе», видимо, встревожило губернатора. Онъ спѣшитъ тотчасъ же отвѣтить настоятелю монастыря на его «донесеніе». «Я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь,— писалъ губернаторъ,—принять со своей стороны всевозможныя мѣры къ предотвращенію упорства преступника Шаховского въ принятіи пищи, возложивъ на обязанность медика, дабы онъ хотя въ медикаментахъ давалъ ему бульонъ, или что-либо другое, могущее поддержать жизнь, а въ случаѣ дальнѣйшаго несогласія Шаховского къ принятію пищи, по мнѣнію моему, можно даже употребить нѣкоторое въ томъ принужденіе».

Въ концѣ своего отвѣта губернаторъ прибавлялъ, что онъ отнесся къ московскому оберъ-полицеймейстеру съ просьбою объявить «женѣ Шаховского, княгинѣ Шаховской», о положеніи ея мужа, «дабы и она приняла со своей стороны въ семъ случаѣ попеченіе».

Не довольствуясь этимъ, губернаторъ самъ ѣдетъ въ Спасо-Евфиміевскій монастырь, чтобы лично познакомиться съ положеніемъ больного «государственнаго преступника». Въ дѣлѣ есть указаніе, что 13 мая губернаторъ, въ сопровожденіи архимандрита, посѣтилъ Шаховского, но, къ сожалѣнію, о результатахъ этого посѣщенія въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Черезъ день послѣ отъѣзда губернатора, 15-го мая, настоятель снова пишетъ ему, сообщая еще болѣе тревожныя извѣстія о со-

стояніи здоровья Шаховского. «Находясь въ сильномъ помѣшательствѣ ума и болѣзненномъ положеніи, не принимая никакой пищи, ни питья, преступникъ Шаховской пришелъ въ крайнее изнеможеніе и безсиліе, такъ что уже не можетъ и съ постели встать». Свое донесеніе архимандритъ кончалъ просьбой извѣстить княгиню Шаховскую, «дабы она поспѣшила пріѣхать сюда».

Проходитъ недѣля и архимандритъ снова пишетъ губернатору отъ 22 мая: «Вслѣдствіе личнаго вашего превосходительства приказанія мнѣ, честь имѣю донести, что переведенный изъ Сибири государственный преступникъ Шаховской, находясь въ сильномъ помѣшательствѣ ума и крайне болѣзненномъ положеніи, не принимая не только пищи, но и никакого питья, совершенно изнемогъ, такъ что безъ поддержанія другихъ сидѣть не можетъ и говоритъ очень тихо и непонятно».

Дальше въ черновикѣ донесенія слѣдовали слова: «и едва только въ немъ дыханіе малое остается». Но слова эти оказались зачеркнутыми. Въ заключеніе архимандритъ просилъ губернатора «чрезъ эстафету увѣдомить княгиню Шаховскую, дабы она поспѣшила немедленно пріѣхать въ монастырь застать мужа въ живыхъ».

Тревога отца архимандрита была не напрасна: дѣйствительно, черезъ день послѣ только что приведеннаго «донесенія», Шаховского не стало: несчастный узникъ умеръ, заморивъ себя голодомъ. 24 мая настоятель доноситъ губернатору, что «преступникъ Шаховской, находясь въ сильномъ помѣшательствѣ ума и бывъ одержимъ сильною болѣзнію, сего мая 24 числа, въ первомъ часу пополудни, волею Божіею померъ». «Донося о семъ вашему превосходительству,—писалъ архимандритъ,—покорнѣйше прошу снабдить меня предписаніемъ: предавать ли тѣло землѣ означеннаго покойнаго Шаховского или дожидаться прибытія жены его, княгини Шаховской?»

Одновременно съ этимъ «донесеніемъ», настоятель монастыря послалъ «покорнѣйшій репортъ» о смерти «государственнаго преступника Шаховского» владимірскому архіерею. Губернаторъ не замедлилъ, конечно, разъяснить недоумѣніе о. архимандрита, сообщивши ему, что «умершаго Шаховского слѣдуетъ похоронить въ узаконенное время, т. е. черезъ три дня, если бы къ сему времени и не пріѣхала жена его».

Но 25 мая въ монастырь пріѣхала княгиня Н. Д. Шаховская и похоронила мужа. По обычаю, который былъ принятъ въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ, Шаховской похороненъ на «арестантскомъ кладбищѣ», на которомъ хоронились всѣ колодники и узники, содержавшіеся въ монастырской тюрьмѣ, кромѣ завѣдомыхъ «еретиковъ». Кладбище это находится за братскимъ корпусомъ, въ монастырскомъ саду и подходитъ къ самой церкви Ни-

колая Угодника, также служившей въ прежнее время для арестантовъ и колодниковъ *).

29 мая о. архимандритъ доносилъ губернатору, что жена содержавшагося во ввѣренномъ ему монастырѣ государственнаго преступника Шаховского, княгиня Н. Д. Шаховская, проситъ его, архимандрита, «уволить къ ней въ домъ присланнаго ею для услугъ мужу ея, двороваго человѣка Ларіона Кондратьева и выдать ей или довѣренному отъ нея лицу вещи, оставшіяся послѣ смерти ея мужа». Но о. Парфеній, прошедшій, какъ видно, суровую бюрократическую школу, не рѣшился взять на свою отвѣтственность разрѣшеніе этой просьбы и счелъ долгомъ обратиться по этому поводу къ губернатору, прося снабдить его предписаніемъ относительно увольненія изъ монастыря человѣка княгини Шаховской, а также относительно выдачи ей вещей, оставшихся послѣ ея мужа.

Въ отвѣтъ на это губернаторъ увѣдомилъ архимандрита, что онъ, съ своей стороны, «не находитъ препятствій на выпускъ изъ монастыря человѣка княгини Шаховской, находившагося въ услуженіи при ея мужѣ и на выдачу ей или довѣренному отъ нея лицу вещей, принадлежавшихъ Шаховскому, подъ расписку». Однако, несмотря на это разъясненіе, бѣднаго Ларіона Кондратьева не такъ-то скоро выпустили изъ монастыря на свободу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ княгиня Н. Д. Шаховская обращается къ министру внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ, въ которомъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи ей «перевезти прахъ мужа въ Донской монастырь въ Москвѣ, въ случаѣ же, если въ семъ встрѣтится невозможность», то хотя въ имѣніе ея, находящееся въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи и «отстоящемъ отъ Суздаля не болѣе 200 верстъ». Свое ходатайство она заканчиваетъ словами, полными глубокой грусти: «Дозволеніе на сіе мое прошеніе—пишетъ она—будетъ мнѣ особенною милостію и послѣднимъ утѣшеніемъ, какое можетъ имѣть несчастная вдова съ малолѣтними сиротами».

Но правительство Николая I-го, очевидно, боялось декабристовъ даже послѣ ихъ смерти и не переставало мстить имъ даже мертвымъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отвѣтъ на ходатайство Н. Д. Шаховской, обратился къ владимірскому губернатору съ требованіемъ, чтобы «тѣло покойнаго Шаховского было погребено въ оградѣ Спасо-Ефиміева монастыря». Такимъ образомъ, Шаховской пришлось волей-неволей примириться съ тѣмъ, что прахъ дорогого ей человѣка остался на суздальскомъ арестантскомъ кладбищѣ.

Тогда на могилѣ своего мужа, такъ преждевременно и такъ трагически погибшаго, княгиня Н. Д. Шаховская поставила памятникъ изъ прекраснаго чернаго мрамора. На одной сторонѣ

*) Подробное описаніе монастырскаго „арестантскаго кладбища" см. въ моей книгѣ: „Въ казематахъ", Спб., 1909 г., стр. 187—195.

этого памятника сдѣлана надпись: «Здѣсь покоится прахъ раба Божія Ѳедора Петровича Шаховского, отъ горестей и суетъ міра ко Всемогущему Богу въ вѣчное блаженство переселившагося 1829 года маія 24 дня, на 34 году отъ рожденія своего». На другой сторонѣ памятника высѣчено: «Господи, предъ Тобою все желаніе мое, и воздыханіе мое отъ Тебя не утаится. Помяни мя, Владыко всесвятой, егда пріидеши во царствіи Твоемъ».

Русскій народъ и русская культура потеряли въ лицѣ Шаховского образованнаго и энергичнаго работника, съ глубокими и искренними стремленіями къ свободѣ и просвѣщенію,—горячо желавшаго быть полезнымъ родной странѣ и родному народу. При болѣе благопріятныхъ политическихъ условіяхъ изъ него, конечно, могъ бы выйти весьма крупный и полезный общественный дѣятель... но молодой, образованный и энергичный, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, онъ палъ—на ряду со многими другими—жертвою тѣхъ желѣзныхъ тисковъ, которые безжалостно давили русское общество и русскій народъ при самодержавно-приказномъ режимѣ.

А. Пругавинъ.

Въ странѣ возмездія.

I.

Тобольская каторга.

Тюмень стоитъ въ тупикѣ. Здѣсь кончается желѣзная дорога, и больше «податься» некуда. Сообщеніе зимой съ Тобольскомъ поддерживается только на лошадяхъ. Лѣтомъ же ходятъ пароходы Сибирскаго Пароходнаго Общества. Они совершаютъ огромные рейсы по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и т. д. вплоть до Семипалатинска (черезъ Омскъ). Весь рейсъ они дѣлаютъ въ 20 сутокъ.

Пароходъ «Казанецъ», на которомъ я ѣхалъ въ Тобольскъ, было судно старое и неважное. Но по другимъ сибирскимъ рѣкамъ встрѣчаются еще худшіе пароходы. Кормятъ сносно и недорого. Путь изъ Тюмени сначала идетъ по Турѣ (чрезвычайно маловодной), потомъ пароходъ входитъ въ Тоболъ и только близь самого Тобольска прорѣзываетъ волны широкаго и глубокаго Иртыша. Публика на пароходѣ была довольно невзрачная. Въ 1 классѣ ѣхало, кромѣ меня, человѣкъ 5—6. Большинство палубныхъ пассажировъ состояло изъ сибирскихъ крестьянъ или, какъ ихъ здѣсь насмѣшливо зовутъ,—«чалдоновъ».

1-го іюля 1908 года, утромъ, въ 7 часовъ, я проснулся отъ стука въ дверь моей каюты.

— Тобольскъ виденъ! Вставайте.

Я поспѣшно одѣлся и вышелъ на палубу.

Передо мною разстилался широкій Иртышъ, а на правомъ берегу, сквозь утренній туманъ, дѣйствительно, былъ виденъ Тобольскъ. Сначала шелъ рядъ домовъ, стоящихъ прямо въ водѣ (своего рода Венеція). Это—пригородъ. А затѣмъ ужъ начинались разныя пристани и вмѣстѣ съ ними и самый Тобольскъ.

Шелъ мелкій дождь. Небо было хмурое, лица кругомъ хмурыя. И эту мрачную сѣверную картину дополняли темныя ели и кедры, растущіе кругомъ въ изобиліи...

Когда пароходъ причалилъ къ пристани, я невольно сказалъ себѣ:

— Да, это тотъ край, куда Макаръ телятъ не гонялъ!

Уже на пристани я увидѣлъ ссыльныхъ.

Несмотря на ихъ изнуренныя лица и обтрепанные костюмы (преобладала, конечно, молодежь), я слышалъ бодрый и хорошій смѣхъ, и глаза у всѣхъ смотрѣли весело.

Они постоянно провожаютъ и встрѣчаютъ пароходы на пристани. Это ихъ единственное развлеченіе.

Молодой человѣкъ въ валенкахъ и студенческой тужуркѣ (ссыльный) предложилъ отнести мнѣ мой чемоданъ на извозчика. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что онъ третьекурсникъ казанскаго университета и проходитъ «курсъ лѣченія» въ Тобольскѣ. Сосланъ на 5 лѣтъ. Я, страшно сконфузясь, отдалъ ему одинъ чемоданъ. Другой я понесъ самъ. Сѣвши на извозчика, я (должно быть, краснѣя) предложилъ ему рубль. Но онъ отвѣтилъ:

— Эквивалентъ моего труда не соотвѣтствуетъ такому вознагражденію,—и спросилъ, нѣтъ ли у меня папиросъ. Я ему отдалъ свои папиросы, и мы разстались. Прощаясь со мною, онъ мнѣ совѣтовалъ остановиться въ гостиницѣ «Аккерманъ». Названіе, дышащее въ холодномъ Тобольскѣ знойнымъ югомъ, соблазнило меня, и я рѣшилъ поѣхать туда...

Маленькую одноэтажную гостиницу содержалъ откормленный, жирный нѣмецъ. Комнату мнѣ отвели маленькую, но за то очень грязную и кормили прямо ужасно. Режимъ у нѣмца былъ лишь немного мягче, чѣмъ въ каторжной тюрьмѣ. Знакомыхъ нельзя было принимать у себя въ комнатѣ, а только внизу, въ спеціально для этого отведенномъ помѣщеніи.

Умывшись и переодѣвшись, я пошелъ бродить по городу.

Тобольскъ—довольно старинный городъ, но вся его исторія сосредоточивается на знаменитой каторгѣ и другихъ достопримѣчательностей онъ не имѣетъ... Природа кругомъ мрачная, климатъ чрезвычайно суровый. Зимой морозъ доходитъ до 42° ниже нуля. Растительность тоже какая-то мрачная. Темные кедры и ели выглядываютъ зловѣще. Весь городъ можно обойти и осмотрѣть въ два часа. Дѣлится онъ на двѣ части: верхнюю и нижнюю. Верхняя—лежитъ на довольно высокой горѣ и содержитъ въ себѣ всѣ присутственныя мѣста, эпархіальное училище и—каторжную тюрьму. Въ нижней части расположенъ базаръ, почта, телеграфъ. Тамъ же и губернаторскій домъ (Изъ частныхъ домовъ это почти единственный каменный). Памятникъ въ Тобольскѣ есть только одинъ—Ермаку, недалеко отъ того мѣста Иртыша, гдѣ онъ утонулъ. Памятникъ очень невзрачный, въ видѣ обелиска надъ обрывомъ въ верхней части города. Рядомъ съ нимъ помѣщается, дѣйствительно, интересный губернскій музей.

Главная промышленность города сосредоточена на воскобойныхъ и винокуренныхъ заводахъ.

Тобольскъ, какъ административный центръ, имѣетъ много чи

новниковъ. Кромѣ того, въ немъ живетъ масса ссыльныхъ (политическихъ). Они влачатъ ужасное существованіе, ибо, какъ люди въ большинствѣ случаевъ интеллигентныхъ профессій, они въ Тобольскѣ не находятъ примѣненія своего труда. Большинство изъ нихъ получаетъ отъ казны по 4 рубля 50 коп. въ мѣсяцъ, сумма,—съ трудомъ спасающая человѣка отъ голодной смерти. Ссыльные привилегированныхъ сословій получаютъ по 11 рублей въ мѣсяцъ. На эти деньги немыслимо жить въ Тобольскѣ, гдѣ все очень дорого. Поэтому ссыльные обыкновенно живутъ артелями. Такая коллективная голодовка, по ихъ словамъ, переносится легче (Впрочемъ, въ г. Березовѣ, еще сѣвернѣе Тобольска, условія жизни для нихъ еще ужаснѣе).

Развлеченій въ Тобольскѣ мало. Въ лѣтнее время таковымъ является прибытіе парохода, а зимою устройство драматическихъ спектаклей въ Народномъ Домѣ. Центромъ тобольскаго общества служитъ клубъ, помѣщающійся въ довольно обширномъ деревянномъ зданіи съ порядочною (по величинѣ) концертною залой. Клубъ—единственное мѣсто въ Тобольскѣ, гдѣ можно пріѣзжему человѣку сносно поѣсть.

Вечеромъ тамъ сходятся поиграть въ картишки мѣстные чиновники. Но что въ Тобольскѣ дѣйствительно замѣчательно, такъ это его мостовая. Она во всемъ городѣ деревянная. Объясняется это тѣмъ, что кругомъ Тобольска кромѣ лѣса и болота ничего нѣтъ, камень привозится издалека и потому страшно дорогъ. По такой мостовой, очень пріятно ходить и ѣздить, но она постоянно портится и вѣчно нуждается въ ремонтѣ. Доски гніютъ, вываливаются и ночью легко сломать себѣ ногу, попавъ въ такую дыру между досками... Прибавьте къ этому курьезное объявленіе, вывѣшанное повсюду, о томъ, что «куреніе табаку на улицѣ воспрещается», и вы поймете, что деревянная мостовая не есть послѣднее слово городского благоустройства...

Послѣ того, какъ я въ своей гостиницѣ поразительно скверно позавтракалъ, я поѣхалъ къ губернатору Н. Л. Гондатти. Это—человѣкъ чрезвычайно любезный и обходительный и, кажется, единственный губернаторъ въ Россіи, промѣнявшій каѳедру ученаго профессора на карьеру администратора. Онъ сумѣлъ снискать себѣ расположеніе безчисленнаго количества ссыльныхъ Тобольской губерніи, а это задача не легкая. Они даже шутливо называли его «товарищъ Гондатти».

Будучи самъ этнографомъ, Н. Л. Гондатти сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить мнѣ мою задачу, т. е. запись тюремныхъ пѣсенъ...

Онъ по телефону предупредилъ администрацію тюрьмы о моемъ пріѣздѣ, и мы условились что я 3-го числа (іюля) буду въ тюрьмѣ.

Тутъ я немного отвлекусь въ сторону.

Жилъ я когда-то на дачѣ около станціи «Химки» Николаевской ж. д. Станція маленькая и грязненькая. Въ одинъ прекрасный день получается извѣстіе что одно очень высокопоставленное лицо, проѣздомъ изъ Петербурга въ Крымъ, будетъ имѣть въ Химкахъ остановку для завтрака въ вагонѣ. Утромъ того дня, когда это событіе должно было совершиться, я по дѣламъ долженъ былъ ѣхать въ Москву и попалъ, благодаря сему, на станцію. И тутъ я увидѣлъ нѣчто изъ сказокъ Шехерезады. Все было вновь выкрашено, вымыто. Чистота наведена, прямо таки, жуткая. Грязный дворъ былъ вымощенъ и посрединѣ его билъ фонтанъ. Вездѣ цвѣты и тропическія растенія. Какъ мнѣ потомъ передавали, начальникъ дороги (онъ, разумѣется, сопровождалъ поѣздъ) увѣрялъ высокопоставленное лицо, что на Николаевской ж. д. всѣ станціи таковы. Когда я черезъ три дня возвращался изъ Москвы въ Химки, станція была грязна и скверна, какъ и всегда.

Я не высокопоставленное лицо, но тобольская администрація все-таки чуяла во мнѣ хотя бы «хитраго нѣмца» и, на всякій случай, старалась показать «товаръ лицомъ».

Тобольская каторжная тюрьма расположена на горѣ, гдѣ помѣщаются и присутственныя мѣста. Когда вы подъѣзжаете къ городу на пароходѣ, вамъ сразу же бросаются въ глаза эти громадныя бѣлыя зданія, занимающія цѣлый кварталъ и возвышающіяся надъ городомъ. Раньше тюремъ было двѣ, но въ прошломъ году каторжная тюрьма № 2 сгорѣла и теперь существуетъ лишь № 1.

Главный фасадъ, выходящій на улицу, занимаютъ контора, канцелярія и квартиры служащихъ. Къ этому небольшому зданію съ большими глубокими воротами посрединѣ примыкаетъ высокая четыреугольная стѣна съ башнями на углахъ, вокругъ которой и размѣщены камеры.

Пріѣхалъ я въ тюрьму, въ ея контору, утромъ. Администрація уже была предупреждена о моемъ пріѣздѣ и меня встрѣтилъ помощникъ тюремнаго инспектора, г-нъ Флеровъ, который, въ свою очередь, познакомилъ меня съ инспекторомъ, г-номъ Гофляндъ.

Г-нъ Гофляндъ полный, очевидно, довольный собой, блондинъ лѣтъ 40, сообщилъ мнѣ, что, хотя имѣется распоряженіе г-на губернатора о пропускѣ меня въ тюрьму, но, тѣмъ не менѣе, ему все-таки не совсѣмъ удобно пропустить меня безъ согласія фактическаго хозяина каторги, смотрителя, г-на Могилева, который сейчасъ долженъ придти. Между прочимъ, г. инспекторъ разсказалъ мнѣ, что онъ ѣздилъ въ Германію, осматривалъ тамошнія тюрьмы и что теперь, благодаря ему, въ тобольской каторгѣ введена «военная дисциплина по образцу германскихъ тюремъ».

Немного погодя, вошелъ въ кабинетъ самъ смотритель каторги, г-нъ Могилевъ. Это былъ высокій, худощавый человѣкъ, также лѣтъ 40, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица. Это было

выраженіе не то испуга, не то ожиданія чего-то. Замѣчательны были и глаза: выпученные и съ какимъ то стекляннымъ, мертвымъ оттѣнкомъ. Ни разу во время всего нашего знакомства это выраженіе не мѣнялось. И не даромъ, видно, испугъ и смутное ожиданіе такъ крѣпко запечатлѣлись на лицѣ Ивана Семеновича Могилева: 20 августа 1909 года онъ былъ убитъ на улицѣ однимъ изъ ссыльныхъ револьвернымъ выстрѣломъ....

Его предшественникъ Б. былъ убитъ такимъ же образомъ.

Инспекторъ и его помощникъ вышли, и мы остались со смотрителемъ одни.

Г. Могилевъ сказалъ, что готовъ мнѣ показать свое «учрежденіе» и всячески содѣйствовать мнѣ по записи пѣсенъ.

— Но это ужъ не зависитъ отъ меня,—прибавилъ онъ.— Заставить каторжанъ пѣть мы не можемъ—и извиняясь, что покидаетъ меня на нѣсколько минутъ, такъ какъ у него есть «кое-какія хозяйственныя распоряженія», ушелъ, оставивъ меня въ кабинетѣ тюремнаго инспектора.

Осматриваясь кругомъ, я вдругъ, къ моему крайнему изумленію, увидѣлъ на этажеркѣ—что вы думаете?—Пару плетей!!

Г. Могилевъ скоро вернулся.

Я, конечно, спросилъ его, къ чему находятся здѣсь эти инструменты, изъятые изъ употребленія закономъ въ 1901 году.

На это г. смотритель заявилъ, что въ Тобольскѣ хотятъ устроить тюремный музей...

Что же! Дѣло хорошее!...

Г. смотритель началъ мнѣ давать кое-какія предварительныя свѣдѣнія и сообщилъ, что въ настоящее время въ каторжной тюрьмѣ находится около 600 арестантовъ. Затѣмъ мы начали съ г. Могилевымъ и двумя надзирателями обходъ тюрьмы.

Заскрипѣли тюремныя ворота, и мы вошли во внутренній дворъ.

На этомъ дворѣ помѣщаются: пекарня, кухня, прачечная и тюремная больница, куда мы прежде всего и направились.

— Скажите, Иванъ Семеновичъ,—спросилъ я по дорогѣ,— кажется, арестанты сами выбираютъ пекаря, повара и т. п.?

— Прежде такъ было,—отвѣтилъ Могилевъ,—но я это уничтожилъ. У меня нѣтъ артели и самоуправленія. Я самъ назначаю кого куда нужно.

При входѣ въ больницу насъ встрѣтилъ для сопровожденія по палатамъ тюремный врачъ г. Дунаевъ.

Старичекъ, докторъ Сергѣй Флегонтовичъ Дунаевъ, сначала что-то пробормоталъ и вообще показался мнѣ не особенно дружелюбно настроеннымъ. Потомъ онъ обошелся, но объясненія свои давалъ какъ-то странно. Въ строго оффиціальномъ тонѣ, какъ даютъ ревизору.

Мы обошли всѣ девять палатъ больницы. Все я нашелъ въ

образцовомъ порядкѣ и чистотѣ (тутъ вспомнилась невольно ст. Химки!), но докторъ жаловался, что ни ему, ни его тремъ фельдшерамъ нѣтъ квартиръ при больницѣ и всему персоналу, живущему въ городѣ, трудно оказывать немедленную помощь въ экстренныхъ случаяхъ. При этомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «Имѣю честь покорно просить ваше превосходительство похлопотать по этому дѣлу въ Петербургѣ». Я объяснилъ ему, что я никогда не былъ, да никогда и не буду «превосходительствомъ», на что онъ только молча поклонился.

Преобладающій элементъ больныхъ — легочные, вплоть до туберкулеза. Особенно много среди нихъ мингрельцевъ и вообще кавказцевъ, которые не переносятъ суроваго тобольскаго климата, и почти всѣ умираютъ отъ легочныхъ заболѣваній. Для нихъ ссылка въ Тобольскъ равняется медленной смертной казни.

Есть отдѣльная палата для сифилитиковъ, гдѣ я засталъ 6—7 больныхъ, конечно, третичнаго періода, такъ какъ первичныхъ заболѣваній здѣсь никогда не бываетъ. Чтобы демонстрировать мнѣ больного, докторъ взялъ какого-то Алексѣева и, не говоря ему ни слова, открылъ ему ротъ съ цѣлью показать язвы въ горлѣ. Онъ продѣлалъ эту манипуляцію, точь-точь какъ ветеринаръ, когда тотъ открываетъ пасть лошади больной мытомъ.

Есть и тифозная палата, но тифа въ тюрьмѣ въ это время не было, и она стояла пустая.

Тюремная аптека богата медикаментами и содержится въ порядкѣ. При больницѣ есть чистая свѣтлая операціонная и ванная комната съ 5 ваннами. Совершенно отдѣльно, во 2-мъ этажѣ, помѣщается, такъ называемая, верхняя палата, раздѣленная на камеры, въ которыхъ находятся больные изъ одиночнаго заключенія и психическіе. Въ одной изъ этихъ камеръ я засталъ политическаго заключеннаго Тахчогло, оставленнаго при университетѣ и стрѣлявшаго въ Екатеринославѣ въ пристава. Онъ два раза покушался на самоубійство, перерѣзая себѣ вены на рукахъ, первый разъ перомъ, а второй—кускомъ стекла, но оба раза неудачно. Положеніе его было тяжелое. Этотъ Тахчогло—«enfant terrible» тобольской каторги. Г. Могилевъ мнѣ разсказывалъ, что когда привезли Тахчогло въ каторгу, то онъ объявилъ ему, что въ каторгѣ всѣ должны подчиняться режиму. На это Тахчогло отвѣтилъ: «Вы можете подчинить себѣ 600 человѣкъ, но не меня». Тахчогло послѣ покушенія на самоубійство выглядитъ очень плохо. Когда врачъ при мнѣ началъ уговаривать его не повторять подобныхъ экспериментовъ, онъ молчалъ и иронически улыбался. Эту улыбку молодого интеллигентнаго человѣка, замурованнаго въ четырехъ сѣрыхъ стѣнахъ, я не забуду долго.

Въ психіатрической камерѣ я засталъ всего одного больного (Кубачева). Онъ изъ ревности убилъ свою жену и, осужденный

на каторгу, сошелъ съ ума. Онъ не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы и только усиленно крестится и молится.

Здѣсь также находился какой-то бродяга на «испытаніи», Онъ не открываетъ, кто онъ такой, и, вдобавокъ, оказывается глухонѣмымъ. Но докторъ утверждаетъ, что онъ просто симулянтъ, а изъ того, что онъ цѣлый день равномѣрнымъ шагомъ ходитъ взадъ и впередъ по камерѣ, заключаетъ, что онъ бывшій солдатъ. Докторъ при мнѣ провозгласилъ какую-то военную команду и заставилъ бродягу продѣлать кое-какіе военные артикулы. Мнѣ стало страшно.

Но наиболѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня юноша Буцинскій (политическій). Онъ умиралъ отъ чахотки и ему оставалось жить два-три дня (Надзиратель разсказалъ мнѣ, что при задержаніи его, ему «нутро отшибли»). Представьте себѣ восковую, прозрачную фигуру юноши со страдальческими, молящими, красивыми глазами. Его послѣднимъ удовольствіемъ была бесѣда съ «людьми съ воли», и надо было слышать тотъ молящій тонъ, какимъ онъ просилъ доктора зайти къ нему побесѣдовать послѣ обхода. Докторъ обѣщалъ.

Больничный супъ (изъ крѣпкаго навара) и бѣлый хлѣбъ, который я здѣсь пробовалъ, были, и тотъ, и другой, прямо превосходны. Но мнѣ ихъ поднесли на подносѣ, и я не ручаюсь, что это не было, хотя бы... изъ кухни г. смотрителя...

Затѣмъ я еще осматривалъ больничную кухню, гдѣ все опять таки оказалось очень опрятнымъ.

Въ больничномъ режимѣ меня поразили два явленія:

1) Большинство больныхъ были въ кандалахъ.

Когда я обратился съ вопросомъ по этому поводу къ администраціи, мнѣ заявили, что снятіе кандаловъ зависитъ отъ врача... А докторъ Дунаевъ сказалъ мнѣ потомъ, что снятіе кандаловъ, хотя бы на время только, во власти администраціи...

2) Почти всѣ больные при нашемъ входѣ вскакивали съ коекъ и вытягивались во фронтъ.

Среди нихъ, несомнѣнно, были такіе, для которыхъ такая казенная манипуляція составляла трудъ, вредный для здоровья.

Обходили мы больницу два часа и, несмотря на чистоту и порядокъ, которые сдѣлали больницу гордостью тюрьмы, я все же былъ радъ, когда выбрался изъ нея снова на дворъ...

Дальше мы осматривали мастерскія.

Въ тобольской каторжной тюрьмѣ принудительныхъ каторжныхъ работъ нѣтъ. Т. е. нѣтъ тѣхъ безсмысленныхъ и спеціально для каторги выдуманныхъ тяжелыхъ работъ, которыя прежде искусственно задавали въ формѣ «урока» и т. п. Если есть заказы, арестанты исполняютъ ихъ, если же заказовъ нѣтъ, то арестанты сидятъ, запертые по камерамъ. Часть денегъ, вырученныхъ за работу, поступаетъ въ казну, часть же — въ пользу

арестантовъ, при чемъ деньги эти хранятся въ конторѣ и расходуются по требованію арестантовъ на покупку разрѣшенныхъ предметовъ. Строго наблюдается, чтобы не покупались предметы роскоши, какъ, напримѣръ, кофе или какао. Здѣсь я немного отвлекусь въ сторону.

Я читалъ недавно въ газетахъ о министерскомъ проектѣ относительно перевода каторжныхъ тюремъ въ центральную Россію. Такой проектъ надо привѣтствовать и поддерживать всей душой по двумъ причинамъ:

1) Рынки такихъ городовъ, какъ напримѣръ, Кіевъ, Харьковъ, Одесса и т. д., могутъ давать сбытъ для арестантскихъ работъ и тѣмъ улучшить существованіе заключенныхъ.

2) Въ этихъ городахъ хозяйскій глазъ высшей администраціи все таки лучше будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было произвола или злоупотребленій по отношенію къ каторжанамъ со стороны мелкихъ служащихъ.

Но продолжаемъ нашъ обходъ.

Мастерскія существуютъ: столярная, слесарная, сапожная и портняжная.

При мнѣ въ мастерскихъ работало, въ среднемъ, по 10 человѣкъ на каждую, что, конечно, очень мало при громадномъ контингентѣ обитателей тюрьмы. Настроеніе работающихъ я нашелъ бодрымъ и оживленнымъ. Видно было, что работа доставляла имъ удовольствіе, интересъ здраво проведеннаго времени.

Къ сожалѣнію, Тобольскъ представляетъ слишкомъ небольшой рынокъ для сбыта трудовъ каторжанъ, и этимъ объясняется незначительность работъ каторги. Изумительны издѣлія въ видѣ статуетокъ, прессъ-папье, рамокъ и прочее, изъ чего бы вы думали?.. Изъ чернаго хлѣба... Онъ какъ-то прессуется и дѣлается твердымъ, какъ камень. Выработанные предметы положительно художественны и по рисунку, и по формѣ. Тамъ же мнѣ арестанты поднесли для передачи моей женѣ двѣ изумительныхъ по красотѣ цѣпочки для часовъ изъ конскаго волоса.

Оборудованіе мастерскихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Оборудованы онѣ всѣми необходимыми и даже новѣйшими инструментами.

Въ столярной мастерской одинъ арестантъ былъ занятъ выдѣлкой изъ дерева герба какого-то дворянскаго рода.

— Это заказъ бывшаго вице-губернатора,—сообщилъ мнѣ смотритель.

Въ сапожную мастерскую г. Могилевъ со мной не вошелъ и остался за дверьми. Странное чувство ощутилъ я, пробывъ нѣсколько минутъ съ этими людьми (почти все уголовными каторжанами), работающими кругомъ меня острыми ножами. На мѣстѣ г. Могилева я тоже сюда бы не входилъ...

Кромѣ вышеупомянутыхъ мастерскихъ, есть еще кузнечная,

швальная (гдѣ шьютъ мѣшки) и даже маленькое ателье для живописи (иконы).

По осмотрѣ мастерскихъ мы прошли въ камеры каторжанъ. Зданій съ камерами нѣсколько. Построены они по коридорной системѣ. Громадный, мрачный, каменный коридоръ идетъ по срединѣ, а по бокамъ его размѣщены камеры очень разнообразныя по величинѣ. Дубовыя, постоянно запертыя двери нарушаютъ однообразіе коридора своими глазками, или, какъ ихъ здѣсь зовутъ, «волчками». Гулко разносятся въ воздухѣ твердые шаги пяти-шести дежурныхъ надзирателей, постоянно ходящихъ изъ одного конца зданія въ другой и откидывающихъ «глазки», чтобы видѣть, что дѣлается въ камерахъ.

Обстановка камеръ одинакова повсюду. Деревянный столъ, двѣ-три узкія скамейки исключительно для сидѣнія, такъ какъ лечь на нихъ нѣтъ возможности, деревянныя нары для спанья и неизбѣжная, пахучая «параша». Камеры, какъ я сказалъ уже, всѣ различныхъ величинъ и вслѣдствіе этого есть такія, гдѣ обитаетъ всего два человѣка, между тѣмъ какъ въ другихъ помѣщается до 30.

При моемъ посѣщеніи окна, снабженныя, конечно, толстыми рѣшетками и выходящія въ стѣну, были все же открыты и благодаря этому воздухъ въ камерахъ былъ терпимъ.

Во время нашего обхода, во всѣхъ коридорахъ появлялся старшій дежурный надзиратель со связкою ключей. Онъ шелъ передъ нами и кричалъ: «Смирно. По мѣстамъ». Для заключенныхъ это означало, что идетъ начальство и что они должны приготовиться къ «встрѣчѣ». И въ каждой камерѣ, куда бы мы ни входили, мы видѣли каторжанъ уже выстроенныхъ во фронтъ. При этомъ они насъ, т. е. г. Могилева, встрѣчали громкимъ возгласомъ: «Здравія желаемъ, ваше высокородіе»!..

Это все плоды введенной г. Гофляндомъ «военной дисциплины по образцу германскихъ тюремъ». Не могу передать, какъ это выходило смѣшно и отвратительно.

Для каторжниковъ (особенно уголовныхъ) самый гуманный начальникъ тюрьмы, прежде всего, человѣкъ, лишающій ихъ свободы. Одни политическіе способны разсуждать логично, но и тѣ, все-таки, видятъ въ немъ противника или, по крайней мѣрѣ, человѣка другого лагеря. И всякій каторжникъ, при видѣ начальника тюрьмы, конечно, въ душѣ скажетъ: «Чтобъ ты провалился, восьмиглазый чортъ». А тутъ его заставляютъ желать «здравія ихъ высокородію». Вѣдь въ эту казенную, никому ненужную ложь ни начальство, ни арестанты не вѣрятъ.

По послѣднему министерскому циркуляру, каторжниковъ не дѣлятъ на уголовныхъ и политическихъ, и поэтому камеры поражаютъ разнообразіемъ своего состава.

Конечно, не приходится обсуждать такое постановленіе, но (по крайней мѣрѣ, по словамъ тюремнаго начальства) при такомъ

смѣшенія ничего хорошаго не выходитъ: политическаго «преступника» тюрьма не заставитъ измѣнить его убѣжденія; наоборотъ, онъ постарается привить свои идеи уголовнымъ. Въ результатѣ, въ лицѣ уголовныхъ образуется огромное количество горючаго матерьяла, который вспыхиваетъ въ формѣ бунтовъ и т. п.

Тяготятся вынужденнымъ сожительствомъ и оба элемента каторги.

Когда я въ Петербургѣ передалъ г. предсѣдателю совѣта министровъ ходатайство политическихъ каторжанъ о томъ, чтобы ихъ изолировали отъ уголовныхъ, г. министръ сказалъ мнѣ: «Циркуляръ Главнаго Тюремнаго Управленія» говоритъ только о томъ, чтобы одинаковъ былъ режимъ для всѣхъ каторжанъ безъ исключенія. Размѣщеніе же ихъ въ тюрьмѣ зависитъ отъ мѣстнаго начальства». А «политическіе» въ Тобольскѣ, мнѣ сказали, что они согласны на какой угодно «режимъ», лишь бы ихъ изолировали отъ рыцарей «большой дороги».

Да и въ интересахъ начальства, повторяю, не имѣетъ смысла такое общеніе между «крамольниками» и уголовными. Мнѣ г. Могилевъ разсказывалъ, что политическіе добились одно время того, что никто не ходилъ на богослуженіе, и церковь пустовала. Потомъ это улеглось. Впослѣдствіи мнѣ приходилось много и подолгу бесѣдовать съ профессіональными убійцами, грабителями, фальшивомонетчиками, поджигателями и т. п., и я считаю долгомъ констатировать, что большинство моихъ собесѣдниковъ отличалось вполнѣ устойчивыми консервативными убѣжденіями, «патріоты»; эти всей душой ненавидѣли своихъ «крамольныхъ» товарищей.

Одинъ уголовный (Колесниковъ) при мнѣ заявилъ претензію начальству тюрьмы на то, что его по постнымъ днямъ кормятъ скоромнымъ.

— Я не безбожникъ, не студентъ,—сказалъ онъ,—а православный человѣкъ.

Этотъ православный человѣкъ зарѣзалъ съ цѣлью грабежа на своемъ вѣку болѣе 10 человѣкъ и два раза бѣжалъ съ Сахалина.

Кромѣ того, уголовный арестантъ, я бы сказалъ—убѣжденный арестантъ,—мирится легко съ тюремнымъ режимомъ, а политическій борется съ нимъ до конца. У уголовнаго есть одна удивительная особенность: онъ свято стоитъ за то, чтобы все было «по закону». Онъ безропотно ложится подъ какое угодно количество розогъ, если они будутъ даны «по закону». Но онъ подниметъ бунтъ, готовъ убить надзирателя, выломать двери, если ему не дадутъ $^{1}/_{100}$ доли того золотника коровьяго масла, которое онъ имѣетъ по закону въ видѣ приправы къ кашѣ.

И почти всѣ тюремные бунты возникали, въ сущности, по такимъ пустымъ поводамъ. Напримѣръ, въ январѣ 1908 года, вспыхнулъ бунтъ по слѣдующему поводу: лишній хлѣбъ, который оставался у арестантовъ отъ казеннаго пайка, они продавали.

Это завелось очень давно и вошло, такъ сказать, «въ обычное право». Въ одинъ прекрасный день имъ это запретили. Если бъ здѣсь нашелся умный человѣкъ и объяснилъ имъ, что это не есть ихъ законное право, а только обычай, быть можетъ, возможно было бы предотвратить бунтъ, но... имъ это просто, безъ объясненія причинъ, запретили.

И вотъ 9 января, утромъ, каторжане отказались выйти на работы; тогда администрація велѣла вынести зачинщиковъ для «порки». Товарищи подняли бунтъ, не желая выпускать ихъ изъ камеръ. При этомъ, надзиратель Григорьевъ былъ убитъ сзади. Начальникъ тюрьмы немедленно вытребовалъ военный караулъ. Унтеръ-офицеръ Змычеревскій отказался стрѣлять въ арестантовъ. Тѣмъ не менѣе, два изъ нихъ были убиты.

А въ результатѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ страстной четвергъ, на тюремномъ дворѣ были повѣшены и тамъ же зарыты 13 человѣкъ арестантовъ. Прямо́ чудомъ спасся каторжникъ Клечковскій. Его защитникъ, тобольскій адвокатъ г. Пигнатти (который и сообщилъ мнѣ всѣ эти свѣдѣнія), доказалъ по больничному журналу, что Клечковскій во время бунта лежалъ въ тюремной больницѣ. А тюремный врачъ забылъ объ этомъ!..

Другой бунтъ въ тобольской каторгѣ случился годомъ раньше и былъ учиненъ политическими. Причиной послужило намѣреніе начальства выпороть двухъ заключенныхъ политическихъ арестантовъ. Тяжело и страшно мнѣ было слышать подробности. Онѣ ужасны...

Кромѣ общихъ камеръ, существуютъ одиночныя камеры и карцеры.

Одиночныя камеры отличаются отъ общихъ лишь величиною, но карцеры уже лишены всякой мебели... Это какіе то каменные мѣшки, изъ которыхъ нѣкоторые даже лишены дневного свѣта.

Я посѣтилъ, между прочимъ, знаменитый «горячій карцеръ», о которомъ въ Тобольскѣ ходитъ масса самыхъ ужасныхъ легендъ. Говорятъ, что въ этомъ карцерѣ наказанные задыхаются отъ жары. Температура въ немъ, дѣйствительно, сильно повышена и долго пробыть въ немъ никто не можетъ. Во время моего посѣщенія въ этомъ карцерѣ сидѣло двое арестантовъ. Когда я спросилъ г. Могилева о причинѣ этой жары, онъ объяснилъ мнѣ ее неудачнымъ устройствомъ печей.

Это было 3 іюля!..

Побывавъ еще въ нѣскольких камерахъ, мы пошли дальше, осматривать кухню, прачечную и баню. Вездѣ большой порядокъ и образцовая чистота. Хлѣбопеки, кашевары, прачки—все арестанты. Они не выбираются изъ товарищей, какъ это было прежде, а назначаются начальствомъ. Говорить о своихъ отдѣльныхъ бесѣдахъ съ арестантами я не буду. Каждая личность интересна по стольку, по скольку она рисуетъ драму своей жизни,

а этихъ драмъ, самыхъ разнообразныхъ, самыхъ изумительныхъ, общественныхъ и личныхъ, въ камерахъ этихъ мрачныхъ зданій до 600 и передать ихъ нѣтъ возможности.

Политическихъ заключенныхъ тамъ около 300 и бесѣда съ ними составила бы страницу изъ исторіи русской революціи.

Что касается режима тюрьмы, то прослѣдить его на собственномъ опытѣ я до сихъ поръ, слава Богу, не имѣлъ возможности, передаю о немъ со словъ смотрителя г. Могилева.

Лѣтомъ въ 5 часовъ, а зимою въ 6 часовъ утра, нары въ камерахъ подымаются и арестанты встаютъ. Сейчасъ же надзирателями эти нары замками прикрѣпляются къ стѣнѣ; этимъ арестантъ лишается какой бы то ни было возможности днемъ, до 8 часовъ вечера, прилечь хоть на минуту.

Происходитъ утренняя повѣрка, послѣ которой арестантамъ выдается кипятокъ и казенный паекъ хлѣба. Сахаръ и чай каждый долженъ имѣть свой. Занятые на работахъ отправляются въ мастерскія, остальные остаются въ камерахъ.

Въ 12 часовъ дня дается обѣдъ, состоящій по скоромнымъ днямъ изъ щей и $^1/_4$ фунта мяса, а по постнымъ днямъ изъ похлебки. Въ 5 часовъ дня дается ужинъ изъ каши и по 1 золотнику масла на человѣка.

Щи и кашу арестанты поднесли мнѣ на подносѣ. И щи, и каша были очень вкусны, но поручиться, что они были изъ арестанскаго котла, я опять таки не могу.

Въ 8 часовъ вечера происходитъ вечерняя повѣрка, послѣ чего нары спускаются и настаетъ тюремная ночь.

Камеры и днемъ, и ночью, конечно, всегда заперты.

Весь тюремный караулъ состоитъ изъ 70 человѣкъ надзирателей и 20 солдатъ.

Въ канцеляріи тюрьмы вывѣшены Правила Главнаго Тюремнаго Управленія отъ 28 іюня 1907 года. Они настолько интересны, что позволяю себѣ ихъ привести цѣликомъ.

ПРАВИЛА

о порядкѣ содержанія и исчисленія сроковъ наказанія арестантовъ каторжнаго разряда, сообщенныя Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ въ отношеніи отъ 28 іюня 1907 года за № 20847.

1) Въ порядкѣ содержанія каторжныхъ арестантовъ и тюремной дисциплины надлежитъ руководствоваться правилами Устава о ссыльныхъ.

2) Всѣ арестанты разряда испытуемыхъ, не исключая и происходящихъ изъ привилегированнаго званія, должны содержаться въ кандалахъ, которые могутъ быть сняты согласно правиламъ указаннаго устава и циркулярнымъ разъясненіемъ Главнаго Тю-

ремнаго Управленія, съ разрѣшенія Губернатора и Тюремнаго Инспектора (286 ст. Уст. ссыльн. прод. 1906 г., Тюремный Вѣстникъ за 1905 годъ № 6 стр. 375, циркуляръ 16 декабря 1906 г. № 27).

3) Время пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ (ст. 285 Уст. ссыльн. по прод. 1906 года) опредѣляется въ слѣдующемъ размѣрѣ: безсрочнымъ—восемь лѣтъ, присужденнымъ къ работамъ: на время свыше 20 лѣтъ—пять лѣтъ, на время свыше 15 до 20 лѣтъ—четыре года, на время свыше 12 до 15 лѣтъ—два года, на время свыше 6 до 12 лѣтъ—полтора года, на время отъ 4 до 6 лѣтъ—одинъ годъ, на время отъ 2 до 4 лѣтъ — шести мѣсяцевъ и на время менѣе двухъ лѣтъ—три мѣсяца. Для несовершеннолѣтнихъ, приговариваемыхъ къ каторжнымъ работамъ на сроки, сокращенные одною третью (ст. 139 Улож. Наказ. по прод. 1906 года), соотвѣтствующее тѣмъ срокамъ время испытанія сокращается также одною третью (ст. 299 Уст. о ссыльн. и прим. по прод. 1906 года).

4) Въ отрядъ исправляющихся должны перечисляться съ большой осторожностью лишь «подавшіе надежду на исправленіе доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбія» (ст. 300 Уст. о ссыльн.). Въ виду сего необходимо, чтобы Начальникъ тюрьмы велъ дисциплинарный листокъ о каждомъ заключенномъ съ подробными указаніями о его поведеніи, занятіяхъ, подчиненіи тюремнымъ правиламъ и объ отношеніи къ начальствующимъ лицамъ.

5) Распредѣленіе арестантовъ по камерамъ зависитъ отъ усмотрѣнія Начальника тюрьмы, при чемъ къ содержащимся въ одиночныхъ камерахъ ограничительныя правила, установленныя ст. 482^2 Уст. ссыльн. (по прод. 1906 года.) для одиночнаго заключенія, примѣняются лишь въ отношеніи подвергнутыхъ сему заключенію въ наказаніе за преступленія и проступки.

6) Всѣ камеры всегда (днемъ и ночью) непремѣно должны быть на запорѣ.

7) Въ отношеніи наложенія взысканій за нарушеніе порядка въ тюрьмѣ и проступки каторжныхъ, безразлично въ отношеніи ихъ происхожденія, слѣдуетъ руководствоваться ст. 395—397 Уст. сод. подъ стр. по прод. 1906 года и ст. 443 Уст. ссыльн. по прод. 1906 года, при чемъ указанное въ п. 1 и 2 ст. 397 Уст. сод. подъ страж. (по прод. 1906 г.) взысканіе установленное ст. 443 Уст. ссыльн. (по прод. 1906 г.) наказаніе розгами и одиночное заключеніе за маловажныя преступленія и проступки опредѣляются окончательно и приводятся въ исполненіе Начальникомъ тюрьмы, а также и по распоряженію Тюремнаго Инспектора и Губернатора.

8) Всѣ арестанты должны непремѣнно носить казенныя: одежду,

бѣлье и обувь. Собственныя постельныя принадлежности не разрѣшаются.

9) При хорошемъ поведеніи заключеннаго Начальникомъ тюрьмы можетъ быть дозволено ему куреніе табаку, съ соблюденіемъ циркуляровъ Главнаго Тюремнаго Управленія отъ 24-го августа 1905 года и 16 декабря 1906 года за №№ 13 и 27.

10) Въ отношеніи подаяній, собственныхъ денегъ, переписки, свиданій арестантовъ, письменныхъ занятій и чтенія книгъ надлежитъ примѣнять правила, изложенныя въ ст. 11—18.

11) Въ пользу всѣхъ арестантовъ, безъ указанія опредѣленныхъ лицъ или группъ, подаянія принимаются и деньгами, и съѣстными припасами, допускаемыми въ пищу арестантамъ. Ближайшіе родственники (родители, жена, дѣти, родные братья и сестры) заключеннаго могутъ и лично для него передавать въ контору тюрьмы деньги.

12) Арестанту, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и при невозможности предоставить ему обязательную платную работу, можетъ быть дозволено, изъ собственныхъ денегъ, израсходовать на улучшеніе пищи до 10 коп. въ день; на табакъ, спички, марки и бумагу до 1 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ, и на покупку книгъ тетрадей для занятій и карандашей съ машинкою, для починки ихъ, въ размѣрѣ дѣйствительной надобности.

13) Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль по поступленіи въ тюрьму арестанту не могутъ быть дозволены ни переписка, ни свиданія; исключенія допускаются лишь при особо уважительныхъ причинахъ, оцѣнка коихъ зависитъ отъ Начальника тюрьмы.

14) По истеченіи двухъ недѣль по поступленіи въ тюрьму арестанта, при хорошемъ его поведеніи, можетъ быть дозволено ему писать не болѣе двухъ писемъ въ мѣсяцъ, каждое не болѣе листа почтовой бумаги обыкновеннаго малаго формата. Чернила и перья въ общія камеры не выдаются, для писанія же прошеній и писемъ арестанты въ установленное время должны выводиться въ особое помѣщеніе. Писать письма къ арестантамъ въ той же тюрьмѣ, такъ и содержащимся въ другихъ мѣстахъ заключенія, и получать отъ нихъ письма не дозволяется. Прошенія, жалобы и письма каторжныхъ арестантовъ отправляются по назначенію непосредственно Начальникомъ тюрьмы, которымъ должна быть сдѣлана отмѣтка или поставленъ штемпель о просмотрѣ каждой бумаги и о разрѣшеніи отправить ее.

15) Свиданіе съ ближайшими родственниками (родителями, женою, дѣтьми, родными братьями и сестрами) съ разрѣшенія Начальника тюрьмы допускается не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, въ теченіе 15 минутъ и не болѣе, какъ съ тремя лицами каждый разъ, въ опредѣленный день недѣли, черезъ рѣшетку. Свиданіе не черезъ рѣшетку дозволяется лишь въ особо уважительныхъ слу-

чаяхъ (напримѣръ, глухимъ и больнымъ). Съ дальними родственниками и посторонними лицами свиданіе можетъ быть допущено, по усмотрѣнію Начальника тюрьмы, лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ и всегда черезъ рѣшетку. Позволившимъ себѣ во время свиданія непристойно вести себя или не подчинившимся требованію тюремной администраціи прекратить о чемъ либо разговоръ можетъ быть воспрещенъ допускъ на свиданіе: на срокъ до трехъ мѣсяцевъ Начальникомъ тюрьмы, на болѣе же продолжительный срокъ или навсегда—по распоряженію Губернатора.

16) Въ свободное отъ обязательныхъ работъ время заключенные могутъ читать книги и заниматься письменною работою. Книги для чтенія арестанты могутъ или получать изъ тюремной библіотеки, или пріобрѣтать черезъ тюремную администрацію на собственныя средства, при чемъ покупать дозволяется книги лишь духовно-нравственнаго и научнаго содержанія. Каждый арестантъ можетъ имѣть одновременно въ камерѣ не болѣе двухъ книгъ и кромѣ того молитвенникъ, евангеліе, библію и для справокъ при научныхъ занятіяхъ словари, географическія карты и другія пособія съ особаго разрѣшенія Начальника тюрьмы. Газеты и другія періодическія изданія читать не дозволяется.

17) Для письменныхъ работъ арестантамъ выдаются, за счетъ ихъ, карандаши съ машинкою для чинки ихъ и пронумерованныя тетради одновременно не болѣе двухъ. Записи въ тетрадяхъ должны вестись на русскомъ языкѣ и лишь съ особаго разрѣшенія Начальника тюрьмы на иностранномъ языкѣ.

Заполненныя тетради, содержащія литературный или научный трудъ, сохраняются въ тюрьмѣ до выбытія изъ нея арестанта, а остальныя тетради, по просмотрѣ ихъ тюремною администраціей, уничтожаются. Арестанты, вырвавшіе листы изъ тетради и уничтожившіе ихъ или всю тетрадь, лишаются права получать новыя тетради для занятій на срокъ до трехъ мѣсяцевъ Начальникомъ тюрьмы, на болѣе же продолжительный срокъ или навсегда—по распоряженію Губернатора.

18) Пожертвованія книгами допускаются, и тѣ изъ этихъ книгъ, которыя Начальникъ тюрьмы признаетъ возможнымъ выдавать для чтенія арестантамъ, поступаютъ въ тюремную библіотеку, а остальныя, если пожертвовавшимъ не будутъ взяты обратно въ теченіе мѣсяца, по распоряженію Начальника тюрьмы, продаются или уничтожаются, сообразно содержанію ихъ; на деньги же, вырученныя отъ продажи книгъ, пріобрѣтаются другія книги для тюремной библіотеки. Принятіе книгъ на иностранныхъ языкахъ зависитъ отъ усмотрѣнія Начальника тюрьмы.

Вѣрно: И. д. Тобольскаго Тюремнаго Инспектора
Помощникъ Инспектора *Флеровъ*.

Свѣрялъ: Дѣлопроизводитель *Никитинъ*.

Вотъ эти правила...
Они способны навести на размышленія.

По окончаніи обхода тюрьмы, мы съ г. Могилевымъ возвратились въ его кабинетъ. Зная, что кромѣ общаго тюремнаго режима существуетъ особый режимъ наказаній, который теперь усиленно волнуетъ русское общество, я обратился къ нему съ просьбою разсказать что-нибудь по этому поводу.

Онъ пригласилъ меня сѣсть и развилъ передо мною цѣлую систему наказаній. Какъ музыкантъ, я опредѣлю эту систему музыкальными терминами. Существуетъ цѣлая гамма наказаній; тона ея слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: лишеніе выписки, т. е. лишеніе права распоряжаться заработанными или собственными деньгами для покупки хлѣба, чая и сахара и другихъ необходимыхъ предметовъ; лишеніе права куренія (оффиціально куреніе въ тюрьмѣ запрещено, но, въ виду возникшихъ изъ-за куренія бунтовъ, разрѣшеніе его предоставлено усмотрѣнію ближайшаго начальства), лишеніе переписки съ родными, надѣваніе кандаловъ послѣ кандальнаго срока (кандалы надѣваются за всякія, сравнительно ничтожныя провинности; при моемъ вторичномъ посѣщеніи Тобольска я узналъ, что Тахчогло, напр., получилъ опять кандалы за то, что разговаривалъ со смотрителемъ тюрьмы, не держа рукъ по швамъ и выставивъ впередъ ногу); сажаніе въ свѣтлый карцеръ на срокъ до мѣсяца; сажаніе въ темный карцеръ (срокъ такой же) и, наконецъ, какъ заключительный аккордъ, тѣлесное наказаніе розгами до 100 ударовъ по единоличному распоряженію смотрителя тюрьмы. Самъ смотритель, г. Могилевъ, не скрылъ отъ меня, что въ тюрьмѣ широко практикуется этотъ послѣдній способъ наказанія и прибавилъ, что его онъ считаетъ единственнымъ средствомъ, помогающимъ ему держать этихъ 600 преступниковъ въ повиновеніи.

— Вы знаете,—сказалъ онъ мнѣ,—что въ моемъ распоряженіи я всего имѣю 70 человѣкъ надзирателей и 20 человѣкъ солдатъ. А для арестантовъ выбить скамейкой дверь—дѣтская игра, чему бы я, въ случаѣ коллективнаго возстанія, съ такими ничтожными силами, воспрепятствовать не могъ. Единственное средство держать ихъ въ повиновеніи это—страхъ.

Въ бытность мою въ Тобольскѣ два арестанта получили по 99 ударовъ за покушеніе на побѣгъ.

— Почему 99?—спросилъ я г. Могилева:

— Видите ли,—отвѣтилъ онъ,—мы можемъ ошибиться и дать ударомъ больше и тогда арестантъ будетъ справедливо претендовать, такъ какъ мы имѣемъ право давать лишь сто ударовъ. Вотъ, чтобы не было этихъ неудовольствій, я постоянно и назначаю 99 ударовъ.

Я возразилъ «точному» г. Могилеву, что и 99 ударовъ едва ли способны вызвать особенный восторгъ у каторжанъ. Когда въ Тобольскѣ распространился слухъ, что вышеупомянутыхъ арестантовъ (Архипова и Филиппова) «засѣкли въ тюрьмѣ», я по просьбѣ нѣкоторыхъ жителей поѣхалъ справиться о нихъ. Г. Могилевъ немедленно представилъ мнѣ обоихъ и, хотя они держались на ногахъ, но слѣды ужаснаго наказанія были очевидны...

Но—они были живы...

Мировой судья Тобольска, г. Феодоровичъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ 21 человѣка, которые «лежали на животахъ, ибо сидѣть не могли, такъ какъ у нихъ были отбиты ягодицы».

Какъ бы то ни было, все это совершается на основаніи закона. Но вотъ слѣдующія явленія уже ни съ чѣмъ не согласуются.

Необходимою принадлежностью къ кандаламъ являются такъ называемые «подкандальники». Это—кусокъ кожи, который кладется между ногой и охватывающимъ ее желѣзнымъ кольцомъ. Безъ подкандальниковъ отъ тренія желѣза о голую ногу являются очень трудно поддающіяся лѣченію язвы и раны.

Тахчогло долгое время былъ лишенъ такихъ подкандальниковъ, что доставляло ему не мало ужасныхъ страданій, и только заступничество тобольскаго депутата Государственной Думы Н. Л. Скалозубова, да брата Тахчогло, полковника Тахчогло, заставило, наконецъ, тюремную администрацію выдать 17 августа несчастному подкандальники. Н. Л. Скалозубовъ передалъ мнѣ свою бесѣду съ начальникомъ тюрьмы о Тахчогло. Тахчогло, сказалъ г. Могилевъ, одинъ, который отравляетъ мое существованіе, его я ненавижу, и если бы онъ былъ на волѣ, я бы далъ ему по физіономіи. Скалозубовъ возразилъ на это, что на волѣ онъ свободенъ поступать, какъ ему угодно, но въ тюрьмѣ онъ не имѣетъ права проявлять свою ненависть.

Теперь нѣсколько словъ о личности хозяина этого большого казеннаго дѣла исправленія человѣчества, о смотрителѣ этой каторги, г. Могилевѣ.

Тотъ же депутатъ Н. Л. Скалозубовъ, съ которымъ я бесѣдовалъ на тюремныя темы, сказалъ мнѣ, что въ разговорѣ съ Могилевымъ послѣдній сдѣлалъ слѣдующее характерное для себя замѣчаніе: «Я не педагогъ въ тюрьмѣ, а исполнитель закона».

Этимъ онъ опредѣлился вполнѣ.

Для г. Могилева каторжникъ, конечно, былъ только № такой-то или такой то и больше ничего!.. А «правилъ», кромѣ изданныхъ Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, не существуетъ. Сердца у такого человѣка, конечно, быть не можетъ. При себѣ носилъ онъ, какъ самъ мнѣ показывалъ, постоянно «наготовѣ» револьверъ, но въ концѣ концовъ, онъ не спасъ его отъ смертельной пули. Я же думаю, что г. Могилевъ былъ не лучше и не хуже другихъ своихъ товарищей по профессіи.

По § 7 «правилъ» можно, пожалуй, заключить, что смотритель собственноручно производитъ «порку» арестантовъ. Когда я спросилъ г. Могилева объ этомъ, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Да что вы! Я даже не любитель смотрѣть на это. Для этой цѣли у меня есть два арестанта (одинъ бывшій городовой, другой бывшій жандармъ). Они и палачи въ случаѣ надобности. Разумѣется, они у меня сидятъ отдѣльно отъ другихъ».

Лично по отношенію ко мнѣ г. Могилевъ былъ удивительно предупредителенъ и, прощаясь со мною, увѣрялъ меня, что отъ моего взора не былъ скрытъ ни одинъ уголокъ тюрьмы...

— Все, что говорятъ въ Тобольскѣ о засѣканіяхъ и ужасахъ здѣшней каторжной тюрьмы,—добавилъ онъ, — все это, какъ вы видѣли, нелѣпая выдумка.

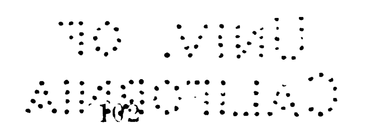
Дѣйствительно, ужаснаго я ничего не видѣлъ, никакихъ стоновъ истязуемыхъ я не слышалъ, даже грубаго слова со стороны г. Могилева или надзирателей по адресу каторжниковъ не долетѣло до *моихъ* ушей. Одинъ только разъ, на дворѣ, надзиратель далъ арестанту весьма лестное обѣщаніе показать ему «кузькину мать», на что арестантъ только осклабился.

Но, во первыхъ, г. Могилевъ, прекрасно понялъ изъ разговора со мной, что я человѣкъ другого лагеря и, во всякомъ случаѣ, человѣкъ не свой... И, если существуютъ въ Тобольской каторгѣ истязанія и застѣнки, то, конечно, не *мнѣ* ихъ было показывать.

Но въ общемъ, я даже склоненъ думать, что г. Могилевъ по своей природѣ вовсе не былъ жестокъ, хотя жителямъ Тобольска онъ и представлялся чѣмъ то въ родѣ Малюты Скуратова.

Этотъ сухой исполнитель закона въ письмѣ ко мнѣ, высказываетъ даже извѣстную дозу своеобразной гуманности. Онъ пишетъ: «Глубокоуважаемый Вильгельмъ Наполеоновичъ! 3 и 5 сего іюля, Вы удостоили Вашимъ посѣщеніемъ ввѣренную мнѣ каторжную тюрьму и убѣдились, что при отсутствіи каторжныхъ работъ здѣсь существуютъ мастерскія, въ которыхъ заняты исполненіемъ столярныхъ, слесарныхъ, сапожныхъ, переплетныхъ и подобныхъ заказовъ до 100 каторжниковъ.

«Въ тюрьмѣ ихъ 600 человѣкъ. Изъ этой цифры на долю 500 арестантовъ остаются немногія хозяйственныя по тюрьмѣ работы или полнѣйшее бездѣйствіе за отсутствіемъ опредѣленнаго дѣла. Эту бездѣятельность арестантовъ я считаю «каторгой» хуже всѣхъ и всякихъ каторжныхъ работъ, заставляющей ихъ направлять свою энергію нерѣдко въ нежелательную сторону. Развитіе вышеупомянутыхъ мастерскихъ, хотя и подвигается, но медленно, такъ какъ мѣстный рынокъ небогатъ, и сбытъ арестантскихъ издѣлій слабъ. Заботясь о развитіи полезнаго физическаго труда, также весьма желательно дать арестантамъ возможность заполнить время чтеніемъ. Тюремная библіотека, за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ, довольно бѣдна; при этомъ нѣтъ совершенно книгъ



на языкахъ — эстонскомъ, латышскомъ и татарскомъ; каторжниковъ же, владѣющихъ этими языками, до 200 человѣкъ.

«Вы были такъ любезны, что обѣщали взять на себя трудъ помочь духовнымъ нуждамъ каторжныхъ, находя возможнымъ съ вашей стороны обратиться къ жертвователямъ.

«Пользуясь столь благопріятнымъ случаемъ, прошу васъ о благосклонномъ содѣйствіи въ этомъ направленіи. Въ тюремной библіотекѣ весьма необходимо имѣть книги прикладныхъ знаній, научныя для лицъ съ серьезной подготовкой и книги популярнаго содержанія, всевозможныя учебныя пособія, особенно по математикѣ, физикѣ, механикѣ; историческія, путешествія, беллетристику и ноты для церковнаго пѣнія. Газеты и журналы къ чтенію воспрещаются. Потребность въ книгахъ очень велика, такъ какъ неграмотные учатся грамотѣ здѣсь же, у своихъ товарищей по заключенію.

«Въ тюремной лютеранской и католической церквахъ не имѣется ни музыкальнаго инструмента, ни стройнаго хора пѣвчихъ. Наличность фисгармоніи въ этихъ молитвенныхъ домахъ дала бы много утѣшительнаго въ монотонной жизни каторжныхъ, исповѣдующихъ римско-католическую и лютеранскую религіи. Но и на эту роскошь тоже нѣтъ средствъ».

Въ кабинетѣ г. Могилева я и простился съ нимъ.

Когда я вышелъ изъ тюремныхъ воротъ на яркій солнечный свѣтъ, мнѣ, только случайному гостю каторги, вспомнился крикъ наболѣвшей души Достоевскаго: «Экая славная минута!»

На другой день, въ Тобольскѣ (да и позже, когда я ѣхалъ обратно, въ Тюмени, Екатеринбургѣ и Перми), меня прямо поражалъ вопросъ который мнѣ вездѣ задавали:

— А что, настроеніе у каторжанъ, угнетенное?

Поистинѣ странный вопросъ.

Когда нѣсколько лѣтъ назадъ мой врачъ подвергъ меня на нѣсколько дней домашнему аресту, то я и то чувствовалъ себя не только угнетеннымъ, но и глубоко несчастнымъ. Никогда, кажется я не пылалъ такимъ страстнымъ желаніемъ уйти изъ своей квартиры, какъ въ эти дни.

Я, повторяю, никогда не видѣлъ никакихъ застѣнковъ, никакихъ «ужасовъ» въ посѣщенной мною каторжной тюрьмѣ, но она произвела на меня страшное, скажу, потрясающее впечатлѣніе. Это какой то «домъ молчанія», какая то большая «братская могила», наполненная живыми покойниками. Вѣдь и покойниковъ можно, пожалуй, назвать «бывшими людьми». Даже самая фамилія «Могилевъ», какъ нельзя болѣе, гармонируетъ съ этимъ сравненіемъ тюрьмы и могилы.

Неслышно выступая въ своихъ «котахъ», арестанты и выглядя

дятъ какими-то мертвецами. А такъ какъ разговоровъ никакихъ не допускается, то получается нѣчто жуткое, ужасное, леденящее кровь. Я представлялъ себѣ «каторгу», какъ мѣсто истязаній, произвола и муки, но то, что я видѣлъ на самомъ дѣлѣ, ужаснѣе того, что я ожидалъ. И виновата въ этомъ только «военная дисциплина, введенная по образцу германскихъ тюремъ». При «германскомъ» режимѣ, человѣкъ остается живъ, но, какъ личность, онъ вполнѣ умираетъ. И въ этомъ-то и заключается, по моему убѣжденію, ужасъ современной каторги.

Мрачно описаніе Достоевскимъ «Мертваго Дома». Отвратительно ужасенъ его вѣчно-пьяный капитанъ, начальникъ тюрьмы, человѣкъ-звѣрь. Страшны были плети, «тысяча палокъ» и т. п. Но между всѣмъ этимъ Достоевскій описываетъ театръ, въ которомъ на святкахъ позволяли играть арестантамъ. Онъ разсказываетъ, какъ послѣ провѣрки каторжане ходили въ «гости» другъ къ другу изъ одной казармы въ другую. Теперь же театръ или хожденіе въ гости немыслимо себѣ и представить. Наконецъ, онъ описываетъ личности своихъ товарищей. Теперь бы онъ не могъ этого сдѣлать, ибо при нынѣшней «германской» дисциплинѣ личность заключеннаго много-много черезъ 2—3 мѣсяца уже умираетъ и остается лишь № такой-то. Режимъ въ настоящее время, какъ будто, и «гуманнѣе». Пьяный-звѣрь начальникъ — рѣдкость. Палки и плети уничтожены (хотя послѣднія еще и найдутся въ кабинетѣ начальника тобольской каторги, какъ предназначенныя «для музея»). Но соберите всѣхъ 600 каторжанъ въ Тобольскѣ, прочтите имъ «Мертвый Домъ» и они, навѣрно, скажутъ:—«Вотъ это такъ жизнь! Умирать не надо».—И если имъ предоставить выборъ, то они, вмѣсто нынѣшняго «гуманизма», безусловно выберутъ старый режимъ времени Достоевскаго. Даромъ, что теперь и пища сносная, и начальники трезвы и не всегда по своему капризу дерутъ.

II.

Пѣсни каторжанъ.

> Какъ вопль души, какъ тяжкій
> стонъ,
> Звучитъ кандальный перезвонъ...
> (Изъ поэзіи Урала)

До сихъ поръ я разсказывалъ о томъ, что я видѣлъ въ Тобольской каторгѣ. Теперь я хочу подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, что я слышалъ, т. е. разсказать о пѣсняхъ сибирскихъ бѣглыхъ бродягъ и каторжниковъ, тѣмъ болѣе, что непосредственной цѣлью моей поѣздки было записываніе и собираніе этихъ пѣсенъ. Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, я позволю себѣ немного отклониться въ сторону...

Глинка какъ то сказалъ:

«Народъ творитъ, а мы только аранжируемъ.»

Какъ это ни грустно, но русскій народъ пересталъ творить. И къ этому масса причинъ. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, сдѣлавшихъ общедоступнымъ сношеніе съ городской цивилизаціей, съ ея зачастую низкимъ музыкальнымъ уровнемъ. А главное — фабрика, гдѣ выработался жанръ такъ называемой «фабричной частушки», ничего общаго съ народнымъ творчествомъ, выливающимся въ пѣснѣ, не имѣющей *).

Она, эта фабричная частушка, по внутреннему содержанію тяготѣетъ къ «музыкѣ» пѣсенъ, именуемыхъ цыганскими, но которыя, собственно говоря, имѣютъ очень мало точекъ соприкосновенія съ музыкальнымъ творчествомъ этого народа. Фабричная пѣсня именно фабрикуется и отдаетъ душной атмосферой мастерской, такъ же какъ «цыганская» пѣсня пресыщена винными парами кафешантана. Ничтожная по музыкѣ, эта фабричная частушка, важна, какъ отраженіе рабочей жизни; она является единственной музыкальной литературой цѣлаго класса, за которымъ, если вѣрить соціалистамъ, стоитъ великое будущее... Но для музыканта это значеніе фабричной пѣсни не важно, и для насъ она и кафешантанная цыганщина одинаково противны. Разница между ними и народной пѣсней такова же, какъ между настоящимъ чистымъ брилліантомъ и искусной имитаціей «Тэта».

За послѣдніе три года въ Россіи сложился новый родъ пѣсенъ — политическихъ. И хотя онѣ богаты по своему общественному содержанію, но, къ сожалѣнію, въ музыкальномъ отношеніи онѣ совершенно ничтожны, ибо отражаютъ въ себѣ западные уличные мотивы.

Иное дѣло настоящая русская народная пѣсня. Въ ней слышится историческое прошлое народа—гнетъ татарскаго ига, крѣпостничества,—поэтому то въ ней, главнымъ образомъ, преобладаетъ минорный тонъ, придающій пѣснѣ ту задушевно-мягкую тоску о чемъ то далекомъ, потерянномъ...

Но о русскихъ народныхъ пѣсняхъ такъ много написано людьми компетентными, что мнѣ нечего о нихъ особенно распространяться. Собираніемъ русскихъ пѣсенъ занимались и занимаются многія культурныя общества и отдѣльные композиторы и музыканты. Идея же собиранія сибирскихъ пѣсенъ бродягъ и каторжниковъ пришла мнѣ на умъ въ 1905 году въ Москвѣ, куда въ то время попали случайно двѣ такія пѣсни, поразившія меня своимъ совершенно особеннымъ оттѣнкомъ, крайне оригинальнымъ.

И вотъ я воспользовался своей поѣздкой по Сибири, чтобы

*) Пѣсни, распѣваемыя „знаменитой“ г-жей Плевицкой, именно, фабричныя частушки и съ русской народной пѣсней ничего общаго не имѣютъ.

познакомиться болѣе подробно съ этой оригинальной своеобразной пѣсней и получить эти мотивы, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, непосредственно отъ ихъ созидателей. Мною изслѣдованъ съ этой стороны великій сибирскій путь вплоть до Нерчинска и сѣверъ Сибири, включая Тобольскъ. Читатель-горожанинъ будетъ пораженъ тѣмъ, что въ Сибири народная пѣсня абсолютно отсутствуетъ... Сибиряки при всѣхъ ихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, при ихъ энергіи, ихъ большомъ предпринимательномъ чутьѣ и выносливости, крайне не музыкальны и совершенно не поютъ. Въ сибирской деревнѣ, даже самой богатой и наиболѣе развитой въ томъ отношеніи, что туда проникла техническая культура вѣка, вы услышите лишь ту же самую частушку съ ея примитивнымъ напѣвомъ и массой (замѣчу въ скобкахъ) фривольно-циничныхъ прибаутокъ на деревенско-общественныя темы... Единственными носителями музыкальной культуры въ этомъ краѣ, какъ это ни странно, являются каторжники, бродяги и бѣглые, въ особенности эти двѣ послѣднія категоріи.

Случай услышать пѣсни бѣглыхъ и бродягъ еще можно найти, услышать пѣніе каторжниковъ можетъ только человѣкъ, рожденный подъ особенно счастливою звѣздою. Я уже не говорю о томъ, что путешествіе отъ русскихъ культурныхъ центровъ къ глухимъ мѣстамъ Сибири сопряжено съ массою неудобствъ. Кромѣ всего этого, нужно еще проникнуть въ каторжную тюрьму, а это очень трудно. Тюремная администрація ревниво оберегаетъ свои секреты, и только по приказанію свыше передъ вами откроются тюремныя ворота.

Заручившись такимъ приказаніемъ, вы, наконецъ, проникли въ тюрьму и вдругъ... оказывается, что никто изъ каторжниковъ не знаетъ никакихъ пѣсенъ... Объясняется это «незнаніе» очень просто. Во всѣхъ каторжныхъ тюрьмахъ Сибири всякое пѣніе—кромѣ богослужебнаго—строго запрещено. И когда мы со смотрителемъ каторги въ Тобольскѣ дѣлали обходъ тюрьмы и спрашивали арестантовъ, не знаютъ ли они какихъ-либо пѣсенъ, то всѣ они въ одинъ голосъ увѣряли насъ:—«Помилуйте, ваше благородіе, знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, какія такія пѣсни. Будь онѣ прокляты.» Такой отвѣтъ понятенъ. Въ тюрьму я явился вмѣстѣ со смотрителемъ, предупредительное отношеніе котораго ко мнѣ еще болѣе утвердило въ головахъ арестантовъ мысль, что я тоже какое-нибудь «начальство», и вдругъ я требую отъ нихъ то, что имъ строго-настрого запрещено. Арестанты вообще очень недовѣрчиво относятся въ начальству, а тутъ ужъ увидѣли явный поводъ и потому хоромъ стали открещиваться.

И, все таки, въ концѣ концовъ, я услышалъ въ тобольской каторгѣ пѣсни ея обитателей. Случилось это благодаря одному каторжнику по фамиліи Мурайченко (бывшій священникъ). Мурайченко, регентъ каторжнаго церковнаго хора, сосланъ за из-

насилованіе на 20 лѣтъ. Это — коренастый мужчина лѣтъ около 45, съ легкой просѣдью, живыми маленькими глазками и сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ. За нимъ послалъ смотритель и Мурайченко явился и сталъ около дверей во фронтъ.

По всему было видно, что Мурайченко человѣкъ цѣнный и на хорошемъ счету у начальства.

— Скажи, пожалуйста, Мурайченко,—обратился къ нему смотритель,—неужели арестанты не знаютъ никакихъ пѣсенъ?..

— Какъ не знаютъ!?—съ живостью отвѣтилъ регентъ.—Всѣ наши каторжныя пѣсни знаютъ и съ удовольствіемъ споютъ...

— Вотъ те на!—сказалъ смотритель.—Такъ чего же они врутъ и говорятъ, что пѣснями не грѣшны?

— Боятся, что начальство ихъ подвести желаетъ...

— Ну, такъ я сейчасъ объявлю, что имъ за это ничего не будетъ,—сказалъ Мурайченку смотритель.

— А я, такъ ихъ еще поблагодарю, прибавилъ я отъ себя.

Мурайченко что то замялся и сказалъ:

— Ужъ лучше, если хотите, я съ ними поговорю... а то вамъ то они не особенно повѣрятъ, а я ужъ съумѣю съ ними сговориться.

— Пожалуй, поди поговори съ ними ты,—сказалъ ему смотритель,—а мы подождемъ здѣсь отвѣта.

Конвой увелъ нашего музыканта и минутъ черезъ 15 привелъ обратно съ радостнымъ для меня извѣстіемъ, что арестанты, если разрѣшитъ начальство, послѣзавтра споютъ мнѣ свои пѣсни. Мурайченко объяснилъ мнѣ, что эти два дня ему нужны, чтобы ихъ немного подготовить.

Я поблагодарилъ его, и мы условились, что я пріѣду въ тюрьму 5 іюля въ 11 часовъ утра.

Въ условленное время я пріѣхалъ въ тюрьму.

Для нашего утренняго «концерта» отвели помѣщеніе въ зданіи канцеляріи, куда мы и отправились со смотрителемъ и двумя надзирателями.

Вскорѣ я услышалъ звонъ кандаловъ и, подъ усиленнымъ конвоемъ солдатъ, вошли арестанты-исполнители подъ предводительствомъ Мурайченка.

Хористовъ каторжанъ было 12 человѣкъ. Ихъ помѣстили около окна, Мурайченко съ нотнымъ пюпитромъ сталъ среди нихъ, а я сѣлъ невдалекѣ, готовый записывать ихъ пѣсни. Передъ началомъ «концерта» ко мнѣ подошелъ Мурайченко поздороваться и подалъ програму съ названіемъ пьесъ и именъ хористовъ-каторжанъ. При этомъ онъ сказалъ (онъ вообще любилъ выражаться немного витіевато):

— Въ нашихъ пѣсняхъ вы услышите весь психическій міръ заключенныхъ.

И это правда. Молитвы, застольныя пѣсни, любовныя изліянія,

разбойничьи пѣсни, марши,—словомъ, всѣ моменты жизни находятъ себѣ иллюстраціи въ этихъ пѣсняхъ. Поются онѣ часто однимъ голосомъ, двумя, но большинство—хоромъ. Мотивы ихъ также разнообразны. Замѣчу, кстати, что, чѣмъ дальше удаляешься къ востоку, тѣмъ мотивы тюремныхъ пѣсенъ становятся болѣе оригинальными, и въ Нерчинскомъ и Акатуевскомъ округахъ есть уже пѣсни, которыя отдаютъ бурятскими и якутскими мотивами, а къ сѣверу отъ Тобольска въ мотивахъ этихъ уже звучитъ пѣсня остяковъ, заимствованная чуть ли не вполнѣ. Напримѣръ, двѣ пѣсни: «Вслѣдъ за буйными вѣтрами» и «Ой, безлюдная ты тундра», слышанныя мною отъ тобольскихъ каторжанъ, я слышалъ потомъ въ остяцкой юртѣ, у остяка подъ фамиліей «Телячья Нога» (Съ этимъ «Телячьей Ногой» былъ курьезъ. Его подозрѣвали въ томъ, что онъ увезъ одного политическаго ссыльнаго, котораго поймали. Спустя нѣкоторое время схватили другого остяка съ фамиліей «Коровья Нога». «Ничего, сказалъ исправникъ, былъ онъ телячьей, теперь выросъ въ коровью, пусть посидитъ». И посадили).

Разнообразіе пѣсенъ колоссальное.

Я раздѣлилъ бы ихъ на двѣ категоріи. Первую я назвалъ бы «пѣснями русскихъ арестантовъ», а вторую—«пѣснями инородцевъ»

Самыя интересныя пѣсни относятся ко второй категоріи.

Въ нихъ преобладаютъ восточные лады съ ихъ замѣчательными полутонами, чрезвычайно трудно поддающимися записи. Соприкосновеніе съ инородцами отражается и на русскихъ арестантскихъ пѣсняхъ, такъ что даже иной разъ трудно установить тональность той или другой пѣсни. Вотъ, напр., въ пѣснѣ: «Вотъ на пути село родное» (тобольская каторга) запѣвало начинаетъ пѣсню съ тональности la бемоль мажоръ, хоръ подхватываетъ и, къ изумленію, вся пѣсня кончается въ si бемоль мажоръ. Запѣвало, опять таки, какимъ то чутьемъ, начинаетъ второй куплетъ въ la бемоль мажоръ... Фокусъ, который не продѣлаетъ ни одинъ оперный пѣвецъ безъ посторонней помощи.

Гармонизація въ русскихъ арестанскихъ пѣсняхъ почти сплошь построена на церковный ладъ. Характернымъ признакомъ такой пѣсни является пустая квинта, которой пѣсня обычно кончается. Но есть пѣсни, гдѣ гармонизація не церковнаго лада, напримѣръ:

Тамъ, гдѣ бьетъ Каспійское море
У подножія каменныхъ скалъ,
Эту пѣсню про узника-горе,
Написалъ Циклаури Егоръ.

Егоръ Чиклаури, очевидно, кавказецъ, такъ какъ вся эта пѣсня дышитъ знойнымъ ароматомъ Кавказа съ его своеобразною восточной тональностью. Есть пѣсни, проникнутыя глубокою, какъ музыкальной, такъ и литературной поэзіей, какъ, напримѣръ, «Мечта узника».

Вотъ ея текстъ:

Звѣзда, прости, пора мнѣ спать,
Но жаль разстаться мнѣ съ тобою.
Съ тобою я привыкъ мечтать,
Вѣдь я живу одной мечтою.

———

А ты прелестная звѣзда,
Порою ярко такъ сіяешь
И сердцу бѣдному тогда
О лучшихъ дняхъ напоминаешь.

———

Туда, гдѣ ярко свѣтишь ты,
Стремятся всѣ мои желанья,
Тамъ сбудутся мои мечты.
Звѣзда, прости и до свиданья.

Музыка этой пѣсни по своей гармоніи—захватывающая.

Есть пѣсни и юмористическія, при чемъ юморъ хорошо переданъ и музыкой. Напримѣръ, пѣсня:

Въ Петербургѣ я родился,
Воспитался у родныхъ,
Воровать я научился
У пріятелей своихъ.

Пѣсня разудалая и поется подъ аккомпаниментъ балалайки.

Потрясающее впечатлѣніе произвелъ на меня «Подкандальный маршъ».

Такъ какъ въ тюрьмѣ запрещены всякіе музыкальные инструменты, то исполняется онъ на гребешкахъ съ тихимъ пѣніемъ хора и равномѣрными ударами кандаловъ. Игру на гребешкахъ ввели матросы съ «Потемкина». У нихъ во время этапа по Сибири былъ цѣлый оркестръ изъ этихъ своеобразныхъ инструментовъ. Во время марша хоръ поетъ съ закрытымъ ртомъ—получается нѣчто замѣчательно похожее на стонъ—гребешки ехидно и насмѣшливо пищатъ, кандалы звенятъ холоднымъ лязгомъ. Картина, отъ которой мурашки бѣгаютъ по спинѣ. Маршъ этотъ не для слабонервныхъ, и на меня, слушавшаго это въ мрачной обстановкѣ тобольской каторги, онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Трудно повѣрить, но одинъ изъ надзирателей во время этого марша заплакалъ. «Подкандальный маршъ» можно назвать гимномъ каторги.

(Маршъ этотъ былъ мною исполненъ въ 60 городахъ Россіи во время моего концертнаго турнэ 1909 года, а затѣмъ, по распоряженію изъ Петербурга, запрещенъ для публичнаго исполненія).

Что меня пріятно поразило во время нашего музыкальнаго matinée въ тобольской каторгѣ, помимо самыхъ пѣсенъ, это исполненіе. Видно было, что хористы, обладающіе къ тому же хорошими

голосами, пѣли съ одушевленіемъ, да и Мурайченко управлялъ хоромъ съ большимъ умѣніемъ. Нѣкоторыя пѣсни мнѣ пришлось попросить повторить, такъ какъ трудно было съ одного раза вѣрно записать ихъ гармонію.

Но вотъ, пѣніе кончилось, зазвенѣли кандалы, застучали винтовки, вся «труппа» выстроилась и удалилась.

Я собралъ свои записи, простился со смотрителемъ и уѣхалъ изъ тюрьмы домой, въ гостиницу. Дома я легъ на диванъ и пролежалъ до поздняго вечера почти въ забытьи. Въ ушахъ все стояли звуки страшнаго «Подкандальнаго марша».

Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Тобольска, унося съ собой нѣкоторые перлы истинной поэзіи въ видѣ слышанныхъ мною пѣсенъ. Конечно, не надо думать, что всѣ эти пѣсни одинаково замѣчательны. Напротивъ. Между ними попадаются плоскіе фабричные напѣвы, но немного мусору не уменьшаетъ цѣны истинныхъ драгоцѣнностей.

Какъ я уже говорилъ, музыка и пѣніе строго запрещены въ тюрьмѣ. Хорошо ли это? Не излишняя ли это жестокость? Конечно, если смотрѣть на музыку и пѣніе, какъ на забаву, о! разумѣется, администрація тюрьмы права, когда говоритъ, что тюрьма— не увеселительное заведеніе. Но если смотрѣть на музыку и пѣніе съ болѣе правильной точки зрѣнія, т. е. какъ на нѣчто тѣсно связанное съ человѣческой природой, то придется пожалѣть о томъ, что у арестанта—и безъ того уже лишеннаго многаго— отнимаютъ еще и очень для него дорогое—пѣсню...

III.

Балалайка.

Это было въ одной изъ отдаленныхъ каторжныхъ тюремъ Сибири.

Утромъ, послѣ того, какъ мы съ начальникомъ тюрьмы обошли заключенныхъ, вызывая охотниковъ пѣть и вездѣ получили отвѣтъ: «Пѣснями не грѣшны, ваше благородіе, никогда ихъ не знали» и т. д., мы, наконецъ, вошли въ большую камеру безсрочныхъ. Ихъ было въ камерѣ 18 человѣкъ. Угрюмый, молчаливый народъ, люди, которымъ не до шутокъ, люди, какъ говорятъ въ тюрьмѣ, «сурьезные».

— Ну, что, ребята,—спросилъ начальникъ,—какъ у васъ насчетъ пѣсенъ?

Угрюмое молчаніе...

— Мы, ваше благородіе,—отвѣтилъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ, глядя исподлобья на начальника,—хищныя птицы. *«На волѣ и то не поемъ, а мясо клюемъ!»*

И дѣйствительно, на совѣсти этихъ 18-ти человѣкъ (всѣ уго-

ловные) лежатъ въ общемъ 123 души. Имъ, пожалуй, не до пѣсенъ...

Мы уже собирались уйти, когда одинъ высокій старикъ, бѣлый, какъ лунь, съ лицомъ патріарха (сосланъ безсрочно за грабежъ и убійство 8 человѣкъ) сказалъ:

— Вотъ Клочковъ намедни хвастался, что поетъ да еще на балалайкѣ балуется.

Видно было, что старикъ принадлежитъ къ числу «Ивановъ», т. е. предержащей власти въ камерѣ, и было также замѣтно, что онъ говоритъ отъ лица другихъ товарищей (Какъ мы потомъ узнали, арестанты хотѣли «подставить ногу» Клочкову и выдать его грѣхи начальству).

— Ай да Клочковъ,—сказалъ начальникъ,—молодчага! Подойди-ка, братъ!

Медленно, переваливаясь, съ тяжелыми кандалами, отдѣлился отъ другихъ Клочковъ и подошелъ къ намъ. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

Увидѣлъ я человѣка еще не стараго, лѣтъ 35, крѣпкаго сложенія съ свѣтлорусыми волосами и съ какими-то мутными водянистыми глазами.

— Брешутъ они все, ваше благородіе,—сказалъ Клочковъ:— когда работалъ на фабрикѣ, да когда убѣгъ и бродяжничалъ, точно что этими дѣлами занимался...

— Ну, а теперь?—спросилъ я,

Въ глазахъ Клочкова, какъ молнія, блеснулъ огонекъ.

— Что грѣхъ таить,—тихо сказалъ онъ, угрюмо опуская глаза,—пѣсни знаю...

Арестанты злорадно переглянулись между собой. Мы же начали объяснять Клочкову, что ему за пѣніе «ничего не будетъ», и что, наоборотъ, я его поблагодарю.

— Когда же вы мнѣ споете, Клочковъ?—спросилъ я его.

— Да я, ваше благородіе, нàголосъ не могу пѣть, а только съ балалайкой,—отвѣтилъ Клочковъ.

— А кто же на балалайкѣ-то будетъ играть?—спросилъ я.

— Да я же... играть... могу...—тихо возразилъ Клочковъ.

— Великолѣпно! А когда?

— Когда прикажете,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, что же,—сказалъ начальникъ,—я тебя вызову въ контору, когда нужно будетъ.

Мы оставили камеру и пошли въ контору, гдѣ на мой вопросъ, что это за арестантъ Клочковъ, начальникъ сказалъ мнѣ:

— А чортъ его знаетъ. Удивительный, доложу вамъ, субъектъ. Всѣхъ своихъ питомцевъ хорошо знаю, но Клочкова никакъ не разберу. Арестантъ онъ смирный, никогда не буянитъ, ни въ чемъ не замѣченъ, а главное молчитъ. А разъ человѣкъ молчитъ, значитъ, у него свое на умѣ. Положимъ, у насъ много не нагово-

ришь,—но Клочковъ въ этомъ отношеніи прямо какой-то чемпіонъ молчанія...

— А за что онъ очутился здѣсь?—спросилъ я.

— Дѣло его тоже чудное,—отвѣтилъ мнѣ начальникъ,—гдѣ-то, около Ярославля (самъ онъ ярославецъ), онъ ворвался на свадьбу, уложилъ жениха и невѣсту двумя ударами топора, а затѣмъ самъ явился съ повинной.—Вообще, человѣкъ чудной.

Вотъ все, что я узналъ о Клочковѣ. Осталось еще разрѣшить затрудненіе, гдѣ бы достать балалайку.

Одинъ изъ надзирателей вызвался купить инструментъ въ деревнѣ, и мы послали его за покупкой. Онъ скоро вернулся со старой, довольно истрепанной балалайкой, и начальникъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы привели Клочкова.

Тяжело и неуклюже, гремя кандалами, Клочковъ вступилъ съ конвойными въ комнату. Увидя у меня въ рукахъ балалайку, онъ сразу выпрямился и покраснѣлъ.

— Ну, вотъ, Клочковъ, и балалайка,—сказалъ я.—Достали. Споете, значитъ?

— Дозвольте въ руки взять,—попросилъ онъ.

Я подошелъ къ нему и отдалъ ему балалайку. Онъ бережно взялъ ее, боясь, какъ будто, что она сейчасъ развалится, почему-то погладилъ ее и сказалъ:

— Отчего бы и не спѣть... только десять лѣтъ... этимъ не занимался... дайте срокъ... денька три... приспособлюсь... да постараюсь... утѣшить ваше благородіе.

Я потихоньку переговорилъ съ начальникомъ, и онъ разрѣшилъ Клочкову оставить у себя инструментъ на три дня для упражненія.

— Хорошо, Клочковъ,—сказалъ онъ арестанту.—Поучись, братецъ, хорошенько, — мы тебя черезъ три дня вызовемъ, покажи удаль. Конвойные, уведите его!

— Дозвольте, ваше благородіе—просьба...—сказалъ Клочковъ, обращаясь къ начальнику.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ начальникъ.

— Боюсь... — запинаясь, сказалъ Клочковъ, — что ребята... смѣяться будутъ... да, пожалуй, ее... сердешную... какъ бы по злобѣ... не повредили... Явите божескую милость, ваше благородіе... посадите меня... въ одиночку...

— Да одиночки всѣ заняты, — хмуря брови, отвѣтилъ начальникъ.

— А можетъ свободенъ... карцеръ... — робко просилъ Клочковъ.

— Вотъ чудакъ-то!—расхохотался толстый начальникъ.—Ха, ха, ха! Первый разъ вижу человѣка, который самъ проситъ его въ карцеръ посадить. За что я тебя посажу? Тамъ вѣдь темно и не на что сѣсть, да и одному тебѣ три дня просидѣть не сладко будетъ

— А мнѣ, ваше благородіе, способнѣе стоя играть,—сказалъ Клочковъ.—А касательно одиночества не извольте безпокоиться... я вѣдь... съ нею... вдвоемъ... буду... съ балалайкой-то...

Начальникъ опять залился смѣхомъ и, наконецъ, сказалъ:

— Чудакъ ты, Клочковъ, я вижу... Быть по твоему... На три дня посажу тебя въ карцеръ... Сегодня четвергъ — значитъ въ воскресенье, послѣ обѣдни, мы тебя на свѣтъ Божій сюда и вытащимъ...

Онъ махнулъ рукой, унтеръ-офицеръ скомандовалъ: «Налѣво, кругомъ маршъ»... И Клочковъ исчезъ со своимъ конвоемъ.

Въ воскресенье послѣ обѣда я пріѣхалъ въ тюрьму со своими тетрадями, карандашами и т. д. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда распорядились привести Клочкова.

Онъ явился, щуря глаза на свѣтъ (вѣдь три дня провелъ онъ въ темномъ карцерѣ), блѣдный и весь какой-то взъерошенный.

Для его пѣнія отвели большую комнату около конторы.

Въ этой комнатѣ во время пѣнія Клочкова находились, кромѣ самого концертанта, еще 2 солдата, 2 надзирателя, начальникъ тюрьмы и я.

Клочковъ съ балалайкою въ рукахъ, войдя въ комнату, поклонился намъ и сразу спросилъ:

— Прикажете начать?

— Пожалуй...—сказалъ я.

Онъ отошелъ къ окну. Я сѣлъ около стола, разложилъ свои тетради и карандаши, солдаты и надзиратели стали около дверей.

Клочковъ началъ пѣть.

День былъ хорошій, солнечный, и онъ, стоя все время около окна, пѣлъ, облитый солнечнымъ свѣтомъ. Началъ онъ какъ-то вяло, нерѣшительно и затѣмъ вдругъ запѣлъ «Долю», пѣснь, очень популярную въ Сибири. Тутъ онъ весь преобразился. Голосъ его (хотя и небольшой, но симпатичный теноръ) съ невыразимой тоской и глубокимъ чувствомъ передалъ эту пѣснь.

Не за пьянство и буянство
И не за ночной разбой
Стороны родной лишился...
За крестьянскій міръ честной.

буквально стоналъ Клочковъ.

Вотъ гдѣ бы фразировкѣ поучиться нашимъ оперннымъ пѣвцамъ,—подумалъ я, но меня Клочковъ поразилъ не столько пѣніемъ, сколько игрой на балалайкѣ.

Этотъ ужасный, плоскій инструментъ, даже, можно сказать, не инструментъ, а недоразумѣніе какое то, превратился въ рукахъ Клочкова прямо въ мандолину хорошаго итальянскаго мастера. Техника у Клочкова колоссальная. Если г-на Трояновскаго, котораго мнѣ пришлось слышать, какъ солиста оркестра Андреева,

можно назвать балалаечнымъ Сарасате, то Клочкова на этомъ инструментѣ можно назвать Паганини.

Клочковъ спѣлъ мнѣ съ балалайкой 6 пѣсенъ, изъ которыхъ послѣдняя начинается словами:

Зачѣмъ я мальчикъ уродился,
Зачѣмъ тебя я полюбилъ,
Вѣдь мнѣ же суждено судьбою
Идти въ сибирскіе края...

Словами:

Дойду до русской я границы
Урядникъ спроситъ:—Чей таковъ?—
Я назову себя бродягой,
Не помню родины своей...

закончилъ Клочковъ свой «сеансъ».

Я горячо благодарилъ его, пожимая ему руку, а онъ мнѣ тихонько шепталъ:

— Похлопочите, ваше благородіе, чтобы мнѣ денька хотя бы на два оставили балалайку...

Но когда я попросилъ объ этомъ начальника, онъ категорически заявилъ, что это невозможно, что онъ самъ можетъ быть въ отвѣтѣ, что можетъ узнать тюремный инспекторъ.

— Отдай, братъ, балалайку-то...—обратился онъ къ Клочкову.

Но тутъ произошло что-то неожиданное, нелѣпое, ужасное...

Тихій и смирный Клочковъ смертельно поблѣднѣлъ. Глаза его налились кровью, и онъ, принявши угрожающую позу, закричалъ, размахивая балалайкой:

— Не отдамъ!.. Убью!.. Не отдамъ!..

Мы всѣ остолбенѣли...

— Возьмите у арестанта балалайку!..—холоднымъ, звенящимъ голосомъ скомандовалъ начальникъ.

Клочковъ, тяжело дыша, ждалъ.

Солдаты и надзиратели бросились къ нему, но онъ, очевидно, понялъ уже, что силы неравныя (три винтовки, двѣ сабли и четыре револьвера противъ одной балалайки), и безпомощно опустилъ балалайку на полъ.

Солдатъ ее поднялъ и торжественно поднесъ начальнику.

Мы всѣ облегченно вздохнули, а Клочковъ самъ упалъ на полъ и зарыдалъ.

Никогда въ жизни я не слыхалъ такихъ ужасныхъ рыданій. Съ нимъ была истерика, и только врачъ, который случайно находился въ тюрьмѣ, могъ привести его въ чувство.

Когда его успокоили, я его еще разъ горячо поблагодарилъ и сказалъ: «Я на ваше имя, Клочковъ, положу въ контору 5 рублей» (огромныя деньги въ тюрьмѣ).

А Клочковъ мнѣ угрюмо отвѣтилъ:

— Эхъ, баринъ, нешто за эфти дѣла можно брать деньги. Не

надо. Если будетъ ваша милость, то въ городѣ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, что недалече отъ Ярославля, поставьте свѣчку въ церкви и закажите панихиду за упокой души рабы Божіей Аграфены...

И, почти улыбаясь, онъ сквозь слезы просилъ дать ему «на минуточку» балалайку.

Ему дали.

Онъ бережно взялъ инструментъ, два раза поцѣловалъ его и вернулъ мнѣ.

Солдаты увели его.

Мнѣ начальникъ далъ слово, что Клочкову за его «буйство» ничего не будетъ, и, какъ я потомъ узналъ, онъ сдержалъ свое слово.

В. Н. Гартевельдъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ГОДЪ.

I.

Молодой крестьянинъ навивалъ на дровни у гумна снопы перебитой молотилкой соломы и поглядывалъ на солнце. Оно уходило за темную стѣну лѣса, и небо пылало холоднымъ пламенемъ заката. Шелъ вечеръ: синія зимнія сумерки стлались по меркнувшему простору снѣговъ за деревней, куда вынесены были длинныя, черныя гумна.

Высоко наросшая, плотно убитая и твердая дорога извилистой лентой убѣгала между вечерними полями, пряталась въ ложбинкахъ, темнѣла на взгоркахъ и пропадала между кустарникомъ, подступавшимъ къ деревнѣ со стороны далекаго лѣса.

Когда-то этотъ лѣсъ подходилъ вплотную къ деревнѣ, но послѣ воли его вырубили, и отъ него остался лишь мелкій парусникъ, перемежавшійся съ низинами, въ которыхъ постоянно скоплялась вода, гдѣ осенью мочили ленъ. Въ послѣдніе годы мѣста повыше и посуше отдѣльные хозяева стали покупать у деревни за четверть или полведра водки и раздѣлывали ихъ подъ ленъ или яровое.

Крестьянинъ смотрѣлъ на дорогу, по которой одиноко маячилъ поздній путникъ, и думалъ о томъ, что на весну не худо бы было взять у деревни такой кусокъ.

Онъ недавно пришелъ изъ города, гдѣ работалъ на огородахъ до смерти отца, и не помнилъ хорошо, но зналъ, что въ этой низинѣ должны быть гожія мѣста для посѣва. Хорошо бы было еще пройти все болото канавой, повыкорчевать старые пни, но съ деревней не столкуешься. Съ мужиками трудно столковаться и о пустякахъ, а о такомъ дѣлѣ, какъ общественная канава, и говорить нечего. Каждый тянетъ въ свою сторону, боится, какъ бы его не подвели чѣмъ и какъ бы сосѣду не стало лучше чѣмъ ему, всѣ въ разныя стороны—и толку никакого нѣтъ. А въ послѣднее время

и совсѣмъ никакого согласія не стало, всѣ живутъ ощетинившись и другъ за другомъ, какъ за врагомъ, смотрятъ — совсѣмъ плохія времена стали...

Путникъ, шедшій отъ лѣса, подошелъ ближе, и можно было узнать, что это нищій. Одѣтъ онъ былъ въ рваный тулупъ, поверхъ котораго былъ натянутъ еще болѣе рваный армякъ, худые, стоптанные лаптишки и старую шапку. Грязная холстинная торба болталась сбоку, спускаясь ниже колѣна. Онъ былъ уже старъ, съ сѣрой отъ грязи сѣдой бородой, лицомъ, изсѣченнымъ глубокими морщинами, и когда, подойдя, снялъ шапку, то показалъ голову, совсѣмъ лысую, блестящую и круглую какъ костяной шаръ.

— Богъ помочь!—проговорилъ онъ и остановился, опершись на длинную палку, неразлучную, какъ и торба, спутницу деревенскаго нищаго.

Крестьянинъ посмотрѣлъ на него внимательно и неторопливо отвѣтилъ:

— Спасибо.

Старикъ приглядывался къ нему тусклыми водянистыми глазами, изъ которыхъ морозъ выжималъ мутную старческую слезу, и сказалъ:

— А вѣдь не признать мнѣ, глазами слабъ сталъ,—чьихъ же ты будешь, молодецъ? Гумно будто Данилово, а тебя опознать не могу...

— Коли гумно Данилово, такъ и я, стало быть, Даниловъ,—усмѣхнувшись, промолвилъ парень, туго перетягивая солому веревкой.—А ты откуда-жъ, дѣдъ?

— Такъ, такъ, Даниловъ,—бормоталъ нищій, по дѣтски моргая глазами, — то-то я не призналъ-то... Ты не Серёга будешь?

— Сергѣй...

— Такъ, такъ, домой, значитъ, пришелъ, вотъ оно что... Отецъ померъ, такъ ты, сталоть, домой... Это хорошо, парень, что дому не забываешь, отлично-хорошо это!..

— Да ты-то чей, старикъ, будешь?—повторилъ парень, когда солома была уже увязана, и оставалось только запереть гумно.

— Я-то? — повторилъ старикъ. — А мы сами по себѣ... Такъ, въ кусочки ходимъ, Христовымъ именемъ, сталоть... Зимой въ кусочки, лѣтомъ въ пастухи наймуемся, такъ и живемъ...

— Такъ ты Захаръ?—спросилъ парень, улыбаясь.

— Захаръ и есть,—подтвердилъ старикъ, и дѣтская чуть-чуть какъ будто лукавая улыбка раздвинула старыя, слежавшіяся плотно морщины на его лицѣ.

— Все живъ еще?—изумился перень.

— А что-жъ мнѣ дѣлается? Я Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ—что-жъ мнѣ не жить... День хожу, ночью полежу, гдѣ хлѣбца кусочекъ, гдѣ кваску-глоточекъ—вотъ я и живъ!

Онъ бормоталъ еще что-то, когда парень тронулъ лошадь, запряженную для скорости въ одинъ хомутъ, прихваченный къ дровнямъ веревочными возжами, и пошелъ слѣдомъ за санями.

— А сыновья твои что-жъ? — спросилъ Сергѣй, когда они шли рядомъ за возомъ.

— Что-жъ сыны—сыны сами по себѣ,—уклончиво отвѣчалъ старикъ.—Егоръ въ городъ ушедши, на веревочномъ заводѣ никакъ работаетъ, а Максимъ дома...

— Правду говорятъ, они тебя выгнали?

— Ну, выгнали! — недовольно отвернулся старикъ, — я самъ ушелъ, потому вижу: имъ тоже, братъ, не сласть...

— Прежде ты по зимамъ дома жилъ, подъ чужое окно ходить не приходилось,—усмѣхнулся Сергѣй.

— Въ этомъ худого тоже нѣту, — отозвался Захаръ. — Богъ далъ вѣку—дастъ и хлѣбу... А сыны — что-жъ сыны: я на нихъ не обиждаюсь!.. Чтобы обиды — этого у меня нѣту. Говаривалъ ли покойникъ батька Захонскій—каждый за себя, а Богъ за всѣхъ!..

— Развѣ что такъ...

Первымъ домомъ въ деревнѣ была крохотная избушка, выстроенная изъ бѣлыхъ, еще не потемнѣвшихъ бревенъ тонкаго плохого лѣса. Построена она была, очевидно, на скорую руку, и, должно быть, не успѣли еще хозяева сложить какъ слѣдуетъ печь, потому что топилась она по черному: надъ дверью виднѣлся слѣдъ копоти.

Была странна эта избушка тѣмъ, что стояла довольно далеко на отшибѣ, высокая отъ четырехъ огромныхъ камней, служившихъ ей фундаментомъ, не забранныхъ подъ стѣнами другими камнями, такъ что вѣтеръ свободно гулялъ подъ поломъ избы, гдѣ кучами возвышалась желтая на бѣломъ снѣгу щепа, оставшаяся отъ постройки.

Вмѣсто крыльца къ избѣ была приставлена прямо лѣсенка; сѣней не было, и дверь избы отворялась прямо на улицу. Вся она производила поэтому впечатлѣніе не постояннаго жилья, а чего-то временнаго, скоро преходящаго, вродѣ тѣхъ будокъ, которыя строятся гонщиками плотовъ, или крохотныхъ избушекъ лѣсныхъ сторожей на мѣстѣ рубки.

Не было около нея ни двора, ни хлѣва, ни даже изгороди, и бѣдность, послѣдняя деревенская голодная нищета глядѣла въ крохотныя, закрытыя до половины веретьемъ, окна.

Старикъ поглядѣлъ на нее и помоталъ головой.

— Ишь, ты говоришь: „въ кусочки, въ кусочки",—забормоталъ онъ, кивая головой на избушку,—а этому, братъ, похуже кусочковъ... Вотъ, братъ, гдѣ жисть-то... А какого роду-то, надо подумать. Отецъ, можно сказать, на деревнѣ въ первыхъ людяхъ, а сынъ эвона въ какомъ дворцѣ.. Подумать только! Хуже нищаго!..

— Хуже нищаго не придумаешь...

— Какъ сказать...—буркнулъ старикъ и замолчалъ.

Прошли еще нѣсколько избъ—кое-гдѣ свѣтился уже огонь, и трепетными красными очами глядѣли въ синемъ сумракѣ освѣщенныя окна, когда лошадь сама повернула въ прогонъ и стала у воротъ.

— Старуха-то, Данилиха-то, говорю, поночевать-то пуститъ?—спросилъ старикъ.

— А что-жъ—заходи, а либо мѣста всѣмъ хватитъ!..—отвѣтилъ парень, проходя во дворъ, чтобы открыть ворота,—иди въ избу-то, сзябъ, пожалуй...

— Пройду, пройду, дай тебѣ Владычица!..

Нищій аккуратно обколотилъ на ступенькахъ крыльца свои промерзшія лапти, высморкался пальцами, вытеръ руку объ армякъ и прошелъ въ сѣни. Сергѣй вогналъ лошадь во дворъ и сталъ отпутывать веревочныя постромки.

Онъ еще не успѣлъ затворить ворота послѣ того, какъ поставилъ въ конюшню лошадь, какъ во дворъ вошла съ коромысломъ на плечѣ высокая здоровая дѣвушка. Она осторожно переступила обледѣнѣвшій порогъ калитки и, чуть колыхаясь на ходу подъ тяжестью полныхъ ведеръ, прошла въ сѣни.

— Вернулся уже?—бросила она мимоходомъ, увидя, что братъ распутываетъ веревки, обвязывающія солому.—Мать давеча тебя спрашивала...

— А Лушка гдѣ?—спросилъ Сергѣй про другую сестру.

— Въ лавку мать послала...

Она появилась на порогѣ сѣней уже безъ коромысла и посмотрѣла на брата. Ей шелъ только семнадцатый годъ, и она едва вошла „въ годы", т. е. въ возрастъ, когда уже можно вступать въ бракъ, но, глядя на нее, ей можно было дать лѣтъ восемнадцать, такъ выросла и окрѣпла она въ постоянной работѣ. Въ сумракѣ дѣвушка казалась еще больше и тяжелѣе отъ старой ватной кацавейки и высоко подоткнутой юбки, оставлявшей неприкрытыми крѣпкія сильныя ноги въ бѣлыхъ толстыхъ чулкахъ и черныхъ полусапожкахъ, отъ воды и мороза затвердѣвшихъ съ вѣчно поднятыми кверху носами.

— Коровы обряжены, соломы еще оставши никакъ,—

проговорила она, неподвижно глядя на брата,—теперь все... Иди въ избу-то.

— И то!—согласился Сергѣй и, закинувъ отвязанную веревку на возъ, пошелъ въ домъ.—Зачѣмъ мать спрашивала?

— Не знаю... Она вѣдь все молчитъ, все мудруетъ... Меня нонче ругала...

— За что?

— А я знаю? По ней все не такъ... Дома сидишь—худо, зачѣмъ сидишь?.. Пойдешь куда — опять худо,—не ходи! Намедни я у Миронихи на посидѣлкахъ спозднилась—ругала, ругала...

— Ну, ничего, Дунь, обойдется,—успокаивающе замѣтилъ Сергѣй, проходя въ избу,—авось тебя не убудетъ...

Въ избѣ уже горѣла лампа, привѣшанная къ черному отъ дыма и копоти потолку, и мать копалась у тагана, разведеннаго на припечкѣ.

Старикъ Захаръ сидѣлъ на лавкѣ возлѣ двери, очевидно не рѣшаясь изъ деликатности расположиться на другомъ мѣстѣ, и рядомъ на полу лежали его торба, армякъ и тулупъ, распространявшіе въ теплѣ противный запахъ мокрой овчины и застарѣлаго пота. Онъ уже разулся и теперь сидѣлъ, разламывая плохо слушающимися озябшими руками закаленѣвшія подвертки, съ которыхъ сыпались на полъ мелкія льдинки, тутъ же таявшія и оставлявшія небольшія лужицы.

Возясь съ подвертками, онъ говорилъ негромкимъ голосомъ, слегка шамкая, съ тѣмъ выраженіемъ не то равнодушія, не то особой внутренней убѣдительности, съ какимъ говорятъ обычно старики, часто и подолгу бывающіе въ одиночествѣ, такъ что невозможно понять,—говоритъ ли онъ потому, что есть люди, которые могутъ слушать его, или просто думаетъ вслухъ, провѣряя свои одинокія, старыя мысли.

— Вотъ я и смекаю,—ронялъ онъ слова ровнымъ, спокойнымъ говоркомъ:—хуже нищаго! Нѣтъ, братъ, погоди, бываетъ много похуже нищаго... Нищій чтó—у нищаго нѣтъ ничего, такъ и нѣтъ, а на нѣтъ и спросу нѣтъ... Пустили поночевать—слава Богу, дали хлѣбца пожевать—спасибо... Ночь поспалъ, утромъ всталъ, торбу на шею и пошелъ себѣ—людямъ не помѣха, себѣ не бѣда! А тутъ ты тó возьми—ребятишки скулятъ, жена все рывкомъ норовитъ, съ сердцовъ ни вѣсть за что взяться готова, ухватъ не ухватъ, ведро не ведро, а достать надобно, а достать негдѣ!.. Обиды одной да злости-то, злости что!.. Праздникъ зашелъ въ людяхъ—и кусокъ, и чаекъ, на заговѣнье убоинка, на розговѣны яичко, а тутъ ничѣмъ ничего—достать надобно, а до-

стать негдѣ!.. Нищему что?—говорятъ: бери ложку да хлѣбай—онъ сѣлъ да и все, питайся добротою христіанской, а тамъ забѣжитъ баба иголку занять—попала къ обѣду, садись, чего тамъ—ѣшь! Анъ нѣтъ: спасибо, мы ужъ обѣдавши! А въ брюхѣ-то третій день, окромя воды да желудоваго хлѣба, ничѣмъ ничего... А дома-то ребятишки скулятъ, мужъ туча-тучей ходитъ, гляди—не то самъ возжей на чердакѣ обратается, не то родного отца ножикомъ зарѣжетъ, а обиды-то, а злости-то, а стыдобушки-то—бѣ-да!.. Это, братъ, много похуже нищаго будетъ. Нищему что: нищій легъ, свернулся, всталъ, встряхнулся и былъ таковъ, да!

Вошла Дуня и стала молча раздѣваться. Старикъ посмотрѣлъ на нее и снова опустилъ голову.

— То-то вотъ и оно,—продолжалъ онъ, аккуратно раскладывая портянки рядомъ съ собою на лавкѣ,—я правду говорю, мнѣ что... Такъ оно и вертится: я—въ кусочки Христовымъ именемъ, а сыны: одинъ дома на печкѣ съ бабой, другой въ городѣ въ чайной. А тутъ отецъ въ богатствѣ, первый домъ на деревнѣ, а сынъ въ бѣдности-лишеніи, курятникъ замѣсто избы, да-а-а... Такъ вотъ оно и вертится все!...

— Куда-жъ теперь пробираешься?—спросила старуха.

— Я-то? А въ Рождественъ погостъ, ярмарка тамъ...

— Не близко. Верстъ, чай, сорокъ будетъ...

— А мнѣ что близко, что далеко—все одно... Я на липовыхъ вагонахъ съ березовымъ кондукторомъ и дальше махивалъ... Мнѣ что? — нынче здѣсь, завтра тамъ, такое дѣло!...

— А къ веснѣ опять къ намъ въ пастухи?

— А хоть бы и къ вамъ.., Возьмете—у васъ буду гоняться, а нѣтъ—такъ въ другое мѣсто пойду... Нынче меня вонъ хуторщикъ Кирила звалъ, хоть къ нему!...

— Это что на банковскихъ хуторахъ-то? Заболоцкій Кирила?—спросилъ Сергѣй.

— Ну да, онъ... Восминадцатый нумеръ, что-ли, ему... Они тамъ по нумерамъ—Кирила будетъ восьминадцатый, рядомъ съ нимъ Николай—тотъ семнадцатый, послѣ—на шешнадцатомъ чухно Густавъ сидитъ...

— Какъ же живутъ они?—заинтересовался Сергѣй.

— А что-жъ — живутъ! — неопредѣленно отозвался старикъ,—жить надо, такъ и живутъ, куда-жъ дѣнешься?

Старуха отлила похлебки въ большую глиняную чашку и поставила на столъ.

— Садись къ столу-то ближе, что-жъ ты тамъ-то,—позвала она Захара, въ то время какъ Сергѣй рѣзалъ хлѣбъ большими ровными ломтями,—да никакъ еще Лушки нѣтъ?

— Придетъ ужо...

Всѣ сѣли вокругъ стола, только Дуня не двинулась, словно не видѣла ничего кругомъ. Она раздѣлась и была въ свѣтлой ситцевой кофтѣ, изъ которой уже выросла, такъ что спереди подъ грудью и на животѣ матерія собралась поперечными складками, съ короткими рукавами, открывавшими почти до локтей большія, красныя, загрубѣвшія въ работѣ руки. Сѣрыми выпуклыми глазами неподвижно глядѣла она на огонь лампы, словно видѣла тамъ любопытное, чему улыбалась чуть-чуть мягкой, задумчивой улыбкой.

— Чего-жъ ты, Дунька? Ай заснула? — окликнула ее мать,—стоитъ столбомъ, объ чемъ думаетъ только...

Дѣвушка двинулась и не сразу отвела глаза отъ огня.

— Вы про Лушу, мамонька? Ужо придетъ она,—проговорила она, садясь къ столу,—надо быть, зашла куда...

— Знаю, что придетъ, не заблудилась, чай! — ворчала мать,—не вамъ, стрекотухамъ, чета...

Старуха была не то что сердита, а недовольна: ныла у нея спина, должно быть—на ростепель, старый ревматизмъ грызъ колѣни, а въ ухо стрѣляло такъ, что въ головѣ звонъ шелъ.

Ей было уже много лѣтъ, и пора бы старухѣ на покой, но жизнь все шла такъ, что о покоѣ некогда было и думать. Послѣдніе два года болѣлъ умершій по веснѣ старикъ; ей одной съ помощью двухъ дочерей приходилось управляться со всѣмъ—и съ землей и скотиной, домомъ и огородомъ. Сынъ жилъ въ городѣ у огородника, и жаль было его стронуть съ мѣста, гдѣ онъ хорошо получалъ и былъ „на дорогѣ“, не хотѣлось запрягать въ мужицкій тугой хомутъ. А когда умеръ старикъ — пришлось выписать, никакъ безъ мужика не справиться было, и то много упущеній вышло.

Старикъ умеръ по веснѣ, а сынъ по условію долженъ былъ дожить годъ до поздней осени, когда съ огорода снимали послѣднюю капусту, и за это время много вышло потери. Нанять трудно, а помощи отъ сосѣдей по нынѣшнимъ временамъ не жди, пришлось натягиваться, какъ двужильному мерину. Тутъ-бы Дуньку замужъ отдать, благо годы вышли,—и то трудно: времена стали голодныя, въ своей деревнѣ парни на перечетъ, либо бѣднота, либо озорство такое, что за дѣвку страшно становится. Ни одной праздничной, чтобы безъ драки: еще ребра другъ другу переломаютъ, да ножиками порѣжутся... Ножики эти самые пошли, да гирьки, да свинчатки—разбойники, сущіе разбойники съ большой дороги!..

Сергѣй пришелъ и сразу принялся за хозяйство, какъ будто уходилъ только на день, на два, и хотя все шло точно такъ же, какъ прежде, но стало какъ-то больше увѣренности, что дѣлается именно тò и тогда, когда должно было дѣлаться.

По прежнему вѣдала всѣмъ старуха, хоть и дѣлала видъ, что все перешло къ сыну, а она не сегодня-завтра полѣзетъ на печку, и когда у нея спрашивали дочери что-либо, отвѣчала покорно:

— Какъ Сергунька, его надо спросить... Его хозяйство, его и отвѣтъ!..

Но на самомъ дѣлѣ сама старая держала въ своихъ скрюченныхъ отъ многолѣтней работы и болѣзней рукахъ всѣ нити сложнаго дѣла хозяйствованья, сама за всѣмъ присматривала своими черными, глубоко прячущимися въ темныхъ ямахъ глазами, острыми и проницательными, словно она видѣла человѣка насквозь.

Хитрая была старуха и умная, не даромъ повитухой была на всю деревню и лѣчить умѣла своими средствами, которыхъ никому не открывала.

Когда уже кончали ужинъ, и Захаръ, громко рыгнувъ, положилъ ложку и отеръ рукавомъ ротъ, сказавъ: „спасибо!"—въ сѣняхъ послышался топотъ, и дверь отворилась.

Пришла Луша, старшая изъ троихъ дѣтей Данилихи. Она была горбата — уродливый наростъ выпиралъ у нея на груди и точно такой же былъ сзади между плечами, и отъ этого было впечатлѣніе, будто большая не по росту голова втиснута между неестественно вздернутыми кверху плечами прямо безъ шеи, такъ что уши приходились ниже плечей. И особенную странность ея фигурѣ придавали длинныя, почти до колѣнъ, цѣпкія руки съ прямыми и проворными пальцами.

Глядя на эти пальцы въ то время, когда Луша сидѣла за станкомъ или пряжей или на плотной, обтянутой холстомъ, болванкѣ плела кружева, на что она была великая охотница и мастерица,—иной разъ казалось, что эти живые, непрестанно мелькающіе пальцы одушевлены особой самостоятельной жизнью, независимой отъ жизни самой Луши. Какъ бѣлые умные пауки, неуловимо бѣгали они, пускали челнокъ или продергивали спутавшуюся основу, наставляли бердо и опять подхватывали челнокъ, и все это точно, проворно и безъ суетливой торопливости; всякій невольно въ такую минуту смотрѣлъ не на саму Лушу, а на ея руки. И, посмотрѣвъ, бормоталъ про себя съ невольнымъ изумленіемъ:

— И задастся же дѣвка такая—кладъ, а не руки, прямо

можно сказать—истинно золотыя руки! Кабы такой дѣвкѣ да не горбъ...

И съ сожалѣніемъ и участіемъ смотрѣли всѣ на глубоко вдавленную въ плечи голову, подпертую нелѣпыми наро, стами на груди и спинѣ.

Одна Луша, кажется, не замѣчала своего уродства и носила горбъ такъ же легко, какъ сестра Дуня свое здоровое, стройное тѣло. Какъ всѣ дѣвушки, ходила она на супрядки, смѣялась и шутила и звонкимъ, немного крикливымъ, какъ у большинства деревенскихъ дѣвушекъ, голосомъ пѣла пѣсни. Дома, по безсилію, очевидно явившемуся результатомъ неправильнаго развитія, не могла работать въ полѣ и на огородѣ, какъ Дуня, но за то искупала это тѣмъ, что обшивала всю семью, ткала холсты, плела кружева на продажу и часто послѣ ярмарки или поѣздки въ торговое село за тридцать верстъ приносила матери деньги, вырученныя отъ продажи.

И мать помнила это и относилась къ ней съ той особой суровой мягкостью и заботливостью, которыя прячутся подъ старческимъ ворчаньемъ, досадливымъ окрикомъ и стыдятся самихъ себя, какъ худого.

Старуха любила горбунью: можетъ быть, чего-то чувствуя гдѣ-то глубоко въ душѣ полубезсознательную вину свою передъ ней за то, что тридцать два года назадъ не покорилась подвыпившему мужу и повздорила съ нимъ, а онъ побилъ ее, беременную, и она родила прежде времени уродца, полгода отстаивая его у смерти со всею страстностью перваго материнскаго чувства; а можетъ быть, она просто жалѣла ее материнской жалостью за то, что чужды и недоступны были ея Лушѣ яркія радости женской доли, радости, заставляющія забывать унылую цѣпь долгихъ буденъ крестьянской женщины, полную лошадинаго труда, обиды и долгой неизбывной тоски полуголоднoго существованія.

И часто во время работы вдругъ поднимала голову и смотрѣла на дочь съ нѣмой, темной печалью. Быстро мелькали живыя, проворныя руки, широкіе сѣрые глаза внимательно, не отрываясь, смотрѣли на работу, и твердый горбъ упруго и дико выпиралъ наружу, обтянутый тонкимъ ситцемъ легкой кофты.

— А можетъ, и къ лучшему,—думала мать, припоминая всѣ темные дни, всѣ безсонныя ночи, когда, измученная долгимъ трудомъ страднаго дня, не могла заснуть отъ писка еле живого ребенка, когда треснувшая грудь невыносимо болѣла, такъ что хотѣлось кричать, и — самое страшное—эти ужасные первые роды, когда въ теченіе четырехъ

сутокъ непрестанно выла она отъ мучительнѣйшей боли, умолкая только тогда, когда обмирала, и безпамятную, безвольную ее мяли и терли и встряхивали, сами перепуганныя на смерть, деревенскія повитухи...

— Можетъ, и къ лучшему... Бѣдненькій «охъ!» а за бѣдненькимъ Богъ, кто знаетъ!..

И теперь старуха смотрѣла, какъ ужинала Луша, быстро двигая своими удивительными руками, совершенно равнодушная къ тому, что дочь опоздала къ ужину и пришла тогда, когда всѣ уже кончили ѣсть.

Было еще рано, но ночь уже шла надъ землею и смотрѣла въ окна холодными звѣздами, особенно яркими и живыми отъ крѣпчавшаго съ вечера мороза.

Захаръ еще разъ поблагодарилъ и, дождавшись, когда поднялся Сергѣй, считавшійся въ домѣ хозяиномъ, всталъ и принялся развѣшивать свои портянки на шестокъ печки. Ему хотѣлось спать, цѣлый день, проведенный въ ходьбѣ отъ одной деревни до другой, давилъ плечи усталостью, отъ которой глаза слипались въ сладкой истомѣ, и было трудно держать ихъ открытыми. Но спросить, гдѣ можно лечь ему, было неловко, и онъ долго перебиралъ и развѣшивалъ поближе къ печкѣ свои пахучія лохмотья, бормоча что-то про старость, про бѣдность, про добрыхъ людей.

Старуха тоже поднялась и, кряхтя, пошла за занавѣску, которой была отдѣлена отъ печки до стѣны кровать. На этой кровати спали дочки, а она помѣщалась по старому дѣлу своему на печкѣ, къ которой, для того, чтобы легче ей было забраться туда, была приставлена сдѣланная сыномъ лѣсенка. Она собрала свои вещи—жидкую, колючую подушку, на которой спала, и овчинный тулупъ и снесла все на печь.

— Что-жъ, нынче опять пойдете?—спросила она, снимая валенки.

— А что-жъ, за что-жъ не идти?—отозвалась Луша,—чай, и мы не хуже людей!—Ты, Сергѣй, пойдешь?—обратилась она къ брату.

— А не знаю—можетъ, и пойду,—усмѣхнулся тотъ.

Они говорили про посидѣлки, на которыя собиралась деревенская молодежь каждый вечеръ въ нанятой у старухи-бобылки избѣ. Дѣвушки коротали длинные зимніе вечера за пряжей, судачили и пѣли, а попозднѣе приходили парни съ гармоникой, веселой шумной ватагой вваливаясь въ избу, угощая орѣхами и леденцами, а иногда принося и наливки. Тогда подымалось веселье: ревѣла неистово растягиваемая гармоника, нѣсколько паръ принимались танцовать, и не столько было работы на этихъ вече-

рахъ, сколько смѣху и забавы, разнообразившихъ скучное зимнее время.

Сергѣй тоже былъ на супрядкахъ раза два или три, и всегда приходилъ какъ будто невзначай, дѣлая видъ, что зашелъ только такъ посмотрѣть, встрѣтившись на улицѣ съ деревенскими парнями, затащившими его.

Ему и хотѣлось побыть на народѣ, посмѣяться съ дѣвушками, послушать гармошки, какъ всякому неженатому молодому парню, и немного неловко было оттого, что онъ все же, какъ ни какъ, хозяинъ, уже самостоятельный мужикъ, не пара всѣмъ другимъ мальцамъ, глядящимъ изъ отцовскихъ рукъ и продающимъ лавочнику Ларіону утянутую мѣрку ржи или овса для того, чтобы угостить знакомыхъ дѣвушекъ.

Луша посмотрѣла на него лукаво и сказала, какъ будто безъ всякаго намека:

— Давеча бѣгу я отъ лавошника, а на встрѣчу Танюшка Пѣгарева: „приходи, говоритъ, сегодня, нынче всѣ будутъ, Ванька хуторскій новую гармонь принесетъ"...

— Что я его гармони не видалъ, что ли,—не глядя на нее, отвѣчалъ Сергѣй,—невидаль тоже...

— Занятно все же, онъ играетъ хорошо... И всѣ будутъ, Танюшка тоже...

Сергѣй промолчалъ на это вторичное напоминаніе, словно не слыхалъ его. Онъ совсѣмъ отвернулся отъ свѣта и копался на полочкѣ у образовъ, гдѣ у него былъ положенъ привезенный изъ города календарь, серебряные часы, гребень и новый солдатскій пѣсенникъ, который онъ любилъ перечитывать, хотя никогда солдатомъ не былъ.

— Никешка Собакинъ лучше играетъ,—равнодушно проговорила Дуня, по обыкновенію глядя куда-то передъ собой выпуклыми сѣрыми глазами и словно не замѣчая окружающаго,—онъ пѣсни гораздъ играть...

— Тоже добра—Никешка! Дубина трехполѣнная твой Никешка!—возразила Луша и, кончивъ ужинъ, такъ же быстро, какъ ѣла, собрала все со стола и разставила въ поставцѣ.

— Все Никешки да Ваньки, гулянки да погулянки!—ворчала старуха, подбирая подъ повойникъ выбившіеся волосы,—только и знаютъ, что посидѣлки да супрядки... Завтра хлѣбы мѣсить, то бы подумали!..

— Такое дѣло—покуль молоды, потуль живы. Намъ съ тобой ничего нынче не надо,—а-а-а-ха-ха!—замѣтилъ Захаръ.

Онъ кончилъ развѣшивать свою одежду и сѣлъ вѣжливо возлѣ двери, разложивъ руки на колѣняхъ, въ ожиданіи, когда ему укажутъ мѣсто для сна.

Дѣвушки накинули салопы и, захвативъ прялки, отправились. Сергѣй еще копался на своей полочкѣ, отыскивая что-то.

— Кого ты тамъ, Серега?—окликнула съ печки мать.

— Ключъ отъ сундучка былъ тутъ, не знаю, куда подѣвши...

— Глянь въ печуркѣ-то, никакъ тамотко видала я...

Она помолчала, зѣвнула и перекрестила ротъ.

— А ты что-жъ, старый, не ложишься, ай тоже на супрядку собрался?—продолжала она, обращаясь къ Захару?—Эвона тамъ на лавкѣ и легъ бы...

— Наша супрядка нонмя плохая,—отозвался нищій,—гдѣ бы полежать, костямъ угомонъ дать, вотъ наша супрядка какая, да-а!..

Онъ снялъ только что развѣшанные армякъ и тулупъ, армякъ аккуратно сложилъ подъ голову, легъ и накрылся тулупомъ.

— Да, вотъ какая наша супрядка нонмя,—все ворчалъ онъ, укладываясь поудобнѣе на твердой, узкой лавкѣ.—Легъ, поспалъ, всталъ—пошелъ, тутъ добрые люди накормили, тамъ старику стаканчикъ поднесли—вотъ наша супрядка какая, да!

Сергѣй ушелъ за занавѣску и долго тамъ копался въ красномъ съ полукруглой крышкой сундучкѣ, который привезъ изъ города. Онъ вынулъ оттуда новый пиджакъ, разложилъ его на кровати и долго разглаживалъ руками залежавшія складки. Потомъ осторожно, стараясь сдѣлать это незамѣтнымъ отъ матери, хотя та все видѣла съ печки,—надѣлъ его и еще разъ провелъ рукою по рукавамъ, смятымъ отъ долгаго лежанья. И, закрывъ сундукъ и задвинувъ его снова подъ кровать, вышелъ изъ-за занавѣски, захвативъ съ кровати полушубокъ.

— Я пойду, матушка,—неопредѣленно сказалъ онъ, припуская фитиль въ лампѣ передъ тѣмъ, какъ погасить ее.

— А иди, иди, сынокъ, что-жъ тебѣ такъ-то, иди, Христосъ съ тобой!..—забормотала мать съ печки и закряхтѣла, поворачиваясь,—о о-охъ, Господи-Батюшка!..

Слабый голубоватый огонекъ мигнулъ въ послѣдній разъ въ пыльномъ, засиженномъ еще лѣтними мухами стеклѣ, и тьма разомъ надвинулась отовсюду, быстро и беззвучно затопивъ хрипящій огонекъ. И сразу ясно и мягко выступили на полу и на углу стола два голубоватыхъ лунныхъ пятна, рѣзко расчерченныхъ переплетами рамъ.

Сергѣй вышелъ, плотно притворивъ за собою дверь. Старуха слышала, какъ онъ прошелъ по сѣнямъ, закрылъ вторую дверь и черезъ минуту звякнулъ щеколдою калитки.

— Пошелъ!—усмѣхнулась она внутренней слабой усмѣшкой.

И она стала думать о молодости, о сынѣ, о хозяйствѣ, о жизни.

Старыя мысли медленно плыли въ тишинѣ, нарушаемой только слабымъ посвистываніемъ спящаго Захара.

Время отъ времени открывая глаза, она видѣла два лежавшихъ на полу серебристыхъ пятна, отъ которыхъ по всей избѣ струился странный голубоватый свѣтъ, въ которомъ знакомая привычная изба глядѣла по новому. Иногда легкая дрема налетала внезапно, путала мысли и туманомъ застилала голову, потомъ снова старуха пробуждалась и оглядывала избу.

Мѣсяцъ такъ же лежалъ прямыми лучами на полу, такъ же посвистывалъ носомъ старый нищій Захаръ, знакомый Захаръ, легкій духомъ старикъ, все принимавшій отъ жизни съ добродушнымъ смиреніемъ и примиряющей покорностью; гдѣ-то осторожно и воровато скреблась мышь.

И время плыло тихой ночью, двигалось надъ темной избой, и связанныя съ нимъ двигались серебряныя пятна мѣсяца на полу.

Вдали, на другомъ концѣ деревни, острыми, переливающимися звуками звенѣла гармоника, и звонкій молодой голосъ вспыхивалъ неожиданной припѣвкой:

— Стары тропочки запали,
Ихъ снѣжочкомъ занесло.
Стары милки захворали,
Лихоманкой затрясло-о-о-о!..

— Гуляютъ!—бормочетъ старуха, усмѣхаясь прежней внутренней усмѣшкой, пущай гуляютъ!..

И думаетъ о томъ, что пора-бы вывозить купленную дѣлянку изъ банковскаго лѣсу; о томъ, что надо бы привезти сѣна съ мокраго покоса за Струковой деревней; о томъ, что пора начать класться курамъ...

И вспоминаетъ: старика, сломленнаго работой и ушедшаго, оставивъ ее доживать старый вѣкъ; дочерей—надо бы, надо бы Дуньку сбывать; сына, которому пора-бы жениться—не сталъ-бы побаловывать въ скукѣ деревенской послѣ города,—и нельзя жениться, покуда Дунька не выдана, и такъ бабъ полный домъ...

Загадываетъ: мѣсяцъ дюже свѣтитъ, и звѣздъ что усыпано—хлѣбу родъ добрый будетъ!..

Еще день не наступилъ вполнѣ, и тѣни еще стлались по землѣ синія и холодныя, когда Сергѣй поднялъ голову и посмотрѣлъ въ окно, подъ которымъ спалъ. Небо затучилось къ утру, и крыша клѣти противъ окна бѣлѣла на его сумрачной синевѣ опредѣленно и плотно, какъ вылѣпленная.

Двѣ галки сидѣли на самомъ конькѣ ея и серьезно и молча копались носами въ натопорщенныхъ перьяхъ.

— Надо быть, теплѣетъ,—подумалъ Сергѣй, зѣвая и почесываясь, и спустилъ босыя ноги на полъ.—Пора въ Ростково справляться...

Старикъ Захаръ тоже проснулся и копался въ своей торбѣ. Онъ молча посмотрѣлъ на Сергѣя и продолжалъ рыться, отыскивая что-то.

— Морозъ-то, надо думать, сдалъ,—проговорилъ Сергѣй, опять зѣвая такъ, что въ ушахъ у него что-то хрустнуло,— не было-бъ снѣгу... Кого ты тамъ шаришь, въ торбѣ-то?

— Табачишко никакъ оставался сколько-то,—пробормоталъ старикъ,—будто на трубченку завалющую было, вчера думалъ покурить, да дай, думаю, до утра...

Онъ вытащилъ изъ угла торбы щепотку махорки, перемѣшанной съ хлѣбными крошками и мусоромъ, и сталъ на ладони разбирать, пригнувшись къ самому окну.

— Снѣгу, снѣгу, — ворчалъ онъ, — на то и зима, чтобы снѣгъ былъ, да-а... Такое дѣло, братъ—у Бога всего много!.. А ты что-жъ всталъ-то, чай рано?

— Нонче въ Ростково за сѣномъ ѣздить, на обрѣзъ-то, такъ покуда что—справиться тоже надо...

— Такъ, такъ... Нонче, стало быть, сами косили—на обрѣзѣ-то?

— Сами... Кто отдалъ, а мы сами.

— Такъ... Мѣсто худое—мокро гораздъ.

— То-то что мокро—косить, такъ бѣда, по пузо въ водѣ, Одонья ставить, такъ сколько одного хворосту набьешь, а сѣно брать только что зимой...

— Плохо, братъ, плохо... Ладно какъ такой годъ, а какъ— помню я—былъ годъ—сущая бѣда, рѣки объ Рождествѣ вышли, болота такъ вплоть и простояли...

Захаръ разобралъ табакъ, крошки аккуратно ссыпалъ назадъ въ торбу, а табакомъ набилъ черную, старую трубку.

Потомъ присѣлъ къ печуркѣ, въ которую вставляли трубу самовара, и закурилъ, пуская струйки синяго пахучаго дыма.

На печкѣ завозилась старуха, заохала и закряхтѣла и разразилась долгимъ старческимъ кашлемъ.

— Дѣвки, а, дѣвки!—звала она въ промежутки кашля, колотившаго старую, разбитую многими простудами, грудь,—

дѣвки, а дѣвки!.. Ишь спятъ, гулёхи!.. Дунька, кобыла лѣнаяя, чать вставать пора, заспалась!..

Кровать заскрипѣла. Дунька сонно вздохнула и стала подыматься.

— Заспалась съ супрядки со своей,—ворчала старуха,— гдѣ бы пораньше встать, перехватку справить, спитъ, какъ пропитая... Вставай, вставай, нечего чесаться-то!..

Дунька молча поднялась и, оправляя разбившуюся во снѣ косу, вышла изъ-за занавѣски.

Такъ же молча она задвигалась по избѣ, шлепая босыми ногами и сопя носомъ, еще не стряхнувшая тупой тяжести сна, опутавшаго тѣло лѣнивой, тягучей паутиной.

Старуха тоже поднялась и сѣла, опустивъ ноги на приставленную къ печкѣ лѣсенку.

— Коровамъ-то воды отогрѣтой есть-ли?—спросила она, повязывая черный платочекъ,—обряжать пора.

— Естя!—коротко отвѣтила Дуня и стала обуваться.

Сергѣй уже одѣлся и пошелъ изъ избы.

Какъ ни уменьшился морозъ, но все же послѣ жаркой, насыщенной дыханіемъ спящихъ людей, избы въ сѣняхъ было холодно, и онъ вздрогнулъ отъ этого разомъ охватившаго холода. Синее утро тонкими полосками глядѣло въ расщелины между кривыми бревнами сѣней, и казалось, отъ ярко намѣчавшихся въ темнотѣ полосъ свѣта и идетъ этотъ прохватывающій холодъ.

Слѣдомъ за Сергѣемъ вышелъ и Захаръ. Какъ деликатный человѣкъ, онъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь отблагодарить хозяевъ за ночлегъ и шелъ помочь Сергѣю при уборкѣ коня. На дворѣ онъ тщательно выколотилъ свою трубку, затопталъ огонь рванымъ лаптемъ и пошелъ за Сергѣемъ въ конюшню.

И все время, пока тотъ убиралъ лошадь и справлялъ сани, тихо и незамѣтно помогалъ ему, бѣгалъ въ избу за веревочкой, чтобы подвязать кресла на дровняхъ, принесъ воды попоить коня, а когда вышли Дуня и Луша обряжать скотину—сталъ помогать имъ, носилъ воду, закладывалъ сѣно и дѣлалъ все такъ, какъ будто годы жилъ здѣсь.

Было въ старикѣ пріятно это желаніе пособить, такъ же какъ его манера говорить, какъ будто бы ни къ кому не обращаясь, особенныя примирительныя слова, та легкость, съ которой онъ говорилъ о своемъ нищенствѣ, объ оставившихъ его съ торбой сыновьяхъ, про которыхъ говорили, будто они выгнали его изъ дому, чтобы даромъ хлѣба не ѣлъ.

Когда старуха позвала къ перехваткѣ, онъ замѣшкался въ хлѣву, перестраивая курошестъ, поставленный такъ, что куры могли запакостить сѣно,—очевидно, стѣсняясь слишкомъ пользоваться добротою хозяевъ; но когда его клик-

нули—пошелъ спокойно, не ломаясь и не подхалимничая, какъ сдѣлалъ бы всякій нищій.

За сѣномъ надо было ѣхать на обрѣзъ въ Ростково, гдѣ у столбухинскихъ мужиковъ былъ покосъ. Дома, около своей деревни, покоса почти не было, и сѣно приходилось возить за девять верстъ; пробраться съ лошадью туда можно было только зимою, когда болота станутъ вплотную, потому что покосъ былъ мокрый, по топкимъ мочлявинамъ. Нѣкоторые столбухинскіе хозяева сдавали свои покосы, другіе косили сами и ставили до зимы одонья сѣна на болотѣ, но и то, и другое было невыгодно: первое потому, что сосѣдніе струковскіе мужики, пользуясь выгодою положенія, платили мало, а второе—оттого, что съ этимъ покосомъ терялось очень ужъ много времени, какъ въ самый сѣнокосъ, когда приходилось выбираться на болото изъ дому и жить таборомъ на покосѣ, такъ и зимою, когда надо было перевозить сѣно—терять время и мучить лошадей по бездорожью.

Да и сѣно было плохое, болотное—острецъ да осока, про которую деревенскіе остроумцы говорили, что во время ѣды у коровъ одинъ конецъ сѣнины торчитъ изо рту, а другой сзади; къ тому же, и народъ сталъ по нынѣшнимъ временамъ подлый—крали много, пользуясь дальностью разстоянія отъ хозяевъ — и не иначе, какъ струковскіе мужики крали, изъ тѣхъ, что не сошлись на предлагаемой дешевкѣ съ столбухинцами.

Еще смѣялись при случаѣ: „мы и такъ, говорятъ, дарма возьмемъ, чего намъ за деньги снимать!..“

Поэтому между струковцами и столбухинцами была давняя вражда, принятая нынѣшними мужиками, какъ наслѣдіе отцовъ. Злобились другъ на друга, выискивали случай напакостить и жестоко мстили за всякую малость, а парни той и другой деревни безпощадно дрались при каждомъ удобномъ случаѣ, придираясь къ малѣйшему предлогу.

Когда у столбухинцевъ шла косьба въ Ростковѣ, струковскіе парни прятались и обходили обрѣзъ, стараясь не попасть на глаза столбухинцамъ. За то, въ свою очередь, столбухинцы зимой, отправляясь за сѣномъ, никогда не ѣздили въ одиночку, а сбивались партіями въ двое-трое саней: струковскіе мальцы ловили одинокаго столбухинца и били смертнымъ боемъ.

Сергѣй съ вечера сговорился съ однимъ изъ сосѣдей ѣхать за сѣномъ вмѣстѣ.

Алексѣй жилъ на другомъ концѣ деревни въ старой, полуразвалившейся избѣ, которую онъ необыкновенными усиліями удерживалъ отъ полнаго разрушенія.

Онъ былъ молодъ—едва ли ему было больше двадцати

пяти лѣтъ, а по внѣшнему виду его можно было признать за одного изъ тѣхъ парней, которымъ нынче идти въ наборъ, но онъ уже шесть лѣтъ былъ женатъ, имѣлъ четверыхъ дѣтей, слабыхъ, болѣзненныхъ, полуголодныхъ, съ темными землистыми лицами и огромными испуганными глазами. По зимамъ ребята почти не бывали на улицѣ, потому что не въ чемъ было выпустить, и отъ этого они дичали, боялись чужихъ и при входѣ въ избу посторонняго человѣка забивались въ темные углы и смотрѣли оттуда уныло и пугливо, какъ звѣрьки.

Несмотря на то, что изба была старая, доставшаяся „отъ отцовъ“, и бревна на углахъ въ срубѣ повыгнили и грозили разсыпаться изъ связи, какъ спички изъ коробки, оставивъ обитателей вмѣстѣ съ печкой и со всѣмъ убранствомъ прямо на улицѣ,—видно было, что примѣнялись прямо героическія усилія удержать какъ-нибудь все это въ цѣлости, какъ-нибудь поддержать падавшее строеніе, видны были огромныя заботы устроиться хоть по внѣшности „какъ всѣ добрые люди“. Крохотный дворикъ изъ кривого осиноваго лѣса, очевидно недавней стройки, прилѣпился къ избѣ, и жалобно скрипѣла обвисшая воротина.

Сергѣй подъѣхалъ къ избѣ вмѣстѣ съ Захаромъ: онъ хотѣлъ подвезти старика до крестовъ, отъ которыхъ отходилъ большакъ въ Рождественъ погостъ:

— И изба!—качалъ головою нищій, глядя на Алексѣево строеніе,—какъ живутъ, какъ бьются, понять невозможно... А держатся!—изумленно продолжалъ онъ:—сидя спятъ, можно сказать, вотъ какая изба, а держатся!..

Онъ подумалъ немного и опять покачалъ головой.

— А ты говоришь: хуже нищаго!—вспомнилъ онъ, очевидно за живое задѣтый давешнимъ словомъ Сергѣя,—нѣтъ, многимъ есть и похуже нищаго. Нищій что? Всталъ да пошелъ, вотъ те и все...

Онъ остался съ лошадью у воротъ, а Сергѣй направился въ избу.

Въ самой избѣ, удивительно миніатюрной, словно-будто игрушечной, съ игрушечными оконцами, забранными для тепла снаружи соломою до половины, съ крохотной новой печью, сложенной недавно самимъ Алексѣемъ, съ маленькими, похожими тоже на игрушечные, образами въ углу,—дѣйствительно, спать можно было развѣ только сидя.

Но по чистотѣ, по тому порядку, въ какомъ были разставлены казавшіеся также игрушечными горшки и чашки, по всему было видно, что люди крѣпко держатся, держатся съ остервенѣніемъ, со злобой, съ глубокой тайной надеждой додержаться, а порой, можетъ быть, и съ темнымъ

ужасомъ передъ тѣмъ, что въ концѣ концовъ додержаться будетъ невозможно.

Всѣ усилія, вся воля, все упорство обитателей этой избушки на куриныхъ лапкахъ ушли на то, чтобы все было, какъ у добрыхъ людей, какъ у настоящихъ хозяевъ. Объ этомъ говорили чистота и порядокъ въ избѣ, вымытый и даже выскобленный полъ, даже миніатюрныя вырѣзанныя изъ бумаги разными узорами занавѣсочки на окнахъ, робко говорившія о наивномъ и стыдливомъ желаніи прикрыть и украсить угрюмую бѣдность, глядящую изъ всей этой чистоты и порядка.

Послѣ женитьбы, раздѣлившись по согласію деревни съ отцомъ и братомъ, Алексѣй бился на выдѣленной одной душѣ самъ-шестъ, мучился, не доѣдалъ и не досыпалъ и— держался. При другой женѣ ему непосильно было бы выполнить эту задачу, которая больше была похожа на фокусъ, но баба у него была немолодая, на семь лѣтъ старше его, здоровая и видавшая всякіе виды по части нужды еще въ своей семьѣ, и съ нею вмѣстѣ онъ несъ огромную, почти непосильную тяготу кормленія одной душой шести человѣкъ.

Сергѣй зналъ Алексѣя давно, выросъ вмѣстѣ и былъ съ нимъ друженъ, какъ бываютъ дружны крестьянскія дѣти, не считающіяся съ степенью той или иной зажиточности отцовъ. Потомъ Алексѣй женился, раздѣлился съ отцомъ, а Сергѣй ушелъ въ городъ, и они видѣлись рѣдко и мало. Но память о прежнихъ отношеніяхъ осталась, и, придя назадъ въ деревню, Сергѣй поддерживалъ сношенія со старымъ пріятелемъ, несмотря на недовольство старухи-матери, неодобрительно посматривавшей на дружбу сына—средняго, не бѣднаго хозяина, съ деревенской голью.

Была и еще одна причина, по которой Сергѣй не хотѣлъ прекращать отношеній съ Алексѣемъ, хотя послѣ долгой разлуки у нихъ, казалось бы, мало осталось общаго, и въ его глазахъ Алексѣй былъ, какъ будто, совсѣмъ не тотъ, котораго онъ зналъ прежде, но объ этой причинѣ онъ никому не говорилъ и даже самъ старался о ней не думать, какъ старался дѣлать видъ, что не замѣчаетъ намековъ сестры Луши, звавшей его на посидѣлки. И каждый разъ, когда Сергѣй входилъ въ эту избу, онъ испытывалъ смѣшанное чувство не то неловкости, какъ будто онъ провинился въ чемъ-то передъ Алексѣемъ, не то смущенія за то, что онъ не можетъ не видѣть всей бѣдности жизни этой семьи.

Быстро, порывисто двигалась по избѣ Лукерья съ замкнутымъ окаменѣвшимъ лицомъ, встрѣчала входившаго ко-

роткимъ привѣтствіемъ и тотчасъ умолкала и пряталась гдѣ-нибудь за занавѣской или въ сѣняхъ, словно ни отъ кого не ждала ничего добраго.

Дикіе, испуганные ребята жались въ углахъ, глядя оттуда сверкающими глазами, какъ злые волчата; и самъ Алексѣй—уже не прежній спокойный, добродушный Алексѣй съ мягкой улыбкой, немного лѣнивый и медлительный, котораго зналъ Сергѣй, а какой-то новый, незнакомый, съ неожиданными движеніями, какъ будто онъ все куда-то спѣшилъ, что-то хотѣлъ сдѣлать и не зналъ или забылъ—что.

Его нельзя было узнать, такъ измѣнился онъ за это сравнительно короткое время: сильно похудѣлъ и какъ-то вытянулся, руки были не по росту длинны съ широкими костлявыми кистями, а лицо съ русой недлинной бородкой и острыми выступающими скулами потемнѣло, и тѣнь напряженной тревоги лежала на немъ. И глаза—большіе, сѣрые, быстро переходившіе съ одного предмета на другой, внезапно упиравшіеся неподвижно въ собесѣдника,—гдѣ-то въ сѣрой глубинѣ своей таили такое выраженіе, что невозможно было смотрѣть въ нихъ и хотѣлось отвернуться.

Въ избѣ была Лукерья, съ ожесточеніемъ скоблившая и такъ чистую лавку. При входѣ Сергѣя она подняла голову, поправила сбившійся на бокъ черный повой и коротко бросила:

— Здравствуйте!

Потомъ выпрямилась и цыкнула на ребятъ, въ ужасѣ кинувшихся къ ней.

— Алешку? Никакъ во дворѣ коня справляетъ!—отрывисто отвѣтила она на вопросъ Сергѣя и тотчасъ же снова наклонилась къ лавкѣ.

Алексѣй, дѣйствительно, былъ на дворѣ и возился около худой, какъ скелетъ, рыжей лошаденки, ростомъ чуть не по поясъ самому Алексѣю.

— Сейчасъ, сейчасъ—крикнулъ онъ, завидѣвъ Сергѣя,—готовъ, поѣзжай впередъ полегоньку, сейчасъ мы... Больше никого не ѣдетъ?

— Нѣтъ, никого...

— Не нарыли-бъ намъ струковскіе-то?

— Авось не нароютъ...

Сергѣй вышелъ на улицу и сталъ поворачивать лошадь.

— Ѣдетъ, что ль?—спросилъ Захаръ, помогая вывернуть сани.

— Сейчасъ ѣдетъ...

— Хватишь горя съ нимъ ѣхать... Конь-то гораздъ худой, почитай съ собаку добрую будетъ...

— Какъ-нибудь...

Они поѣхали шагомъ по деревнѣ. Уже совсѣмъ стало свѣтло, и народъ шевелился возлѣ избъ. Шли бабы съ ведрами къ рѣчкѣ; въ кузницѣ Василія Семенова на поворотѣ сверкалъ красный огонь, и желѣзо звенѣло тонко и звучно въ остромъ утреннемъ воздухѣ.

Старый бездомовый Флегонтъ, жившій въ работникахъ у Прокофія Ельникова, одного изъ самыхъ зажиточныхъ крестьянъ деревни, стоялъ возлѣ привязаннаго къ жернову жеребца, нетерпѣливо бившаго ногой и пугливо косившагося на черную дверь кузницы, и вертѣлъ цыгарку.

— Ковать, что-ль?,—спросилъ Захаръ, когда проѣзжали мимо,—здравствуй, Флегонтъ Мосеичъ!..

— Велѣлъ ковать, ѣхать ладитъ никакъ,—отозвался Флегонтъ.

— Кто, старый ай Иванъ?..

— Старикъ... Въ волостное, кажись.

— Ага.

— Укрѣпляться хочетъ старый, Прокофій-то Егорычъ,—продолжалъ Захаръ, когда проѣхали кузницу,—все справки наводитъ, узнать какъ слѣдоваетъ хочетъ... Давеча Кирила-хуторщикъ болталъ, будто къ банковскому барину ходилъ,—это Прошка то,—тоже будто приторговываетъ...

— Хуторъ купить хочетъ?

— Ну да, хуторъ... Будто въ сорокъ десятинъ на два пая взять хочетъ, а баринъ-то на два не даетъ... Кабы, говоритъ, ты съ сыномъ не дѣливши былъ, тогда другой разговоръ, а такъ, говоритъ, по семейственному списку тебѣ не выходитъ... Вотъ старикъ-то и кориться сыну не хочетъ,—самъ же, почитай, выгналъ Дмитрія-то, а и съ однимъ Иваномъ не сдолить взять, кусъ-то захватить банковскій!..

Когда выѣхали за деревню, стало, какъ будто, холоднѣе. Незамѣтный между избами вѣтеръ тянулъ съ востока упорно и безостановочно, подымалъ сухую снѣговую пыль и вертѣлъ ее въ воздухѣ, разсыпая по ямамъ и впадинамъ.

— Быть завирухѣ!—бормоталъ Захаръ, кутаясь въ свой рваный армякъ,—помяни мое слово—быть!.. Напутаетесь вы нынче съ сѣномъ вашимъ...

— А либо какъ-нибудь!—усмѣхнулся Сергѣй, останавливая лошадь и оглядываясь.—Что-то Лешка долго тамъ...

Онъ зналъ, что Алексѣй поѣдетъ не одинъ, и отъ этого чувствовалъ себя нѣсколько необычно. Теперь онъ смотрѣлъ назадъ, съ нетерпѣніемъ ожидая спутника, досадуя на то, что тотъ долго не ѣдетъ.

— Чего глядишь—небось, мимо не проѣдутъ,—ворчалъ Захаръ,—все тутъ-же будутъ...

Онъ, должно быть, догадывался, кого ждалъ Сергѣй, потому что тотчасъ-же заговорилъ:

— Что-жъ, Дуньку-то ладите выдавать, ай нѣтъ?

— Пойдетъ, такъ выдадимъ, не удержимъ.

— То-то не удержимъ... Гляди, Прокофій-то Ваньку своего обратать хочетъ, вотъ бы и пропить дѣвку-то... И тебѣ-бъ руки развязались тогда...

Сергѣй молча тронулъ лошадь.

— Ѣдутъ, что-ль?

— Никакъ ѣдутъ,—отвѣтилъ онъ.

— Тоже, братъ, жизнь не въ сласть,—продолжалъ бормотать Захаръ, отвертываясь отъ вѣтра, обжигавшаго лицо ледянымъ дыханіемъ, и говоря, очевидно, не про Алексѣя, а про кого-то другого,—матка-то бьётся, бьётся, дѣвка на выданьи, способовъ никакихъ... Кабы дѣвка-то съ долей была— иншее дѣло, а то вѣдь только и богачества всего, что алтынъ денегъ да новый вѣникъ...

Чѣмъ дальше отъѣзжали отъ деревни, тѣмъ сильнѣе подымался вѣтеръ. Съ тонкимъ свистомъ несся онъ по полю обдувая твердые, какъ каменные, скованные морозомъ сугробы, острыми мысами отточенные съ навѣтренной стороны, подхватывалъ сухой, разсыпавшійся, какъ песокъ, снѣгъ и носилъ его длинными, закручивающимися кверху вихрами по скользкому насту.

Лошадь фыркала и мотала головой, и на мордѣ у нея, у ноздрей и губъ, наросли тяжелыя сосульки, которыя она тщетно старалась стряхнуть. Сергѣй кутался въ армякъ, надѣтый поверхъ полушубка, и чувствовалъ, какъ гдѣ-то подмышкой, вѣроятно въ разошедшіяся прорѣхой овчины, забирается вѣтеръ и знобитъ тѣло острымъ колющимъ холодкомъ.

Онъ посматривалъ на отвернувшагося отъ него нищаго, что-то бубнившаго себѣ въ бороду, и невольно подумалъ о томъ, какъ должно быть холодно этому безпріютному старику въ его рваномъ полушубкѣ, вытертомъ до того, что на внутренней сторонѣ шерсть свалялась грязнымъ войлокомъ или вылѣзла широкими плѣшинами, а сверху едва прикрытомъ дырявымъ армякомъ, вытертымъ до того, что сквозь толстыя нитки основы виднѣлся полушубокъ.

— Только званіе, что одѣтъ,—думалъ онъ, прислушиваясь къ тому, что бубнилъ отвернувшійся отъ вѣтра Захаръ, и, не разобравъ, спросилъ громко:

— Кого ты тамъ, старый?

Захаръ повернулся краснымъ обвѣтреннымъ лицомъ съ слезящимися тусклыми глазами и, напрягая голосъ, крикнулъ:

— Говорю: не однимъ намъ, а и всѣмъ плохо. А ты говоришь: хуже нищаго!.. Даве былъ я въ Рюхѣ селѣ... Фу ты, Господи Владычица небесная! Тутъ тебѣ и собственники, которые въ собственность укрѣпились, тутъ и которые хуторщики, и вовсе продавшіе, и старые хозяева, что въ міру — не приведи Богъ!..

Онъ еще что-то говорилъ; вѣтеръ жегъ лицо, и онъ отвернулся, продолжая говорить, но Сергѣй уже не слышалъ что. Мысли были заняты тѣмъ, что было сзади его. Раза два онъ приподнялся и, несмотря на вѣтеръ, распахивавшій армякъ, оглянулся назадъ.

Крохотная рыжая лошаденка съ обледенѣлой мордой трусила, плохо справляясь съ спокойнымъ ходомъ его коня, а въ саняхъ рядомъ съ сѣрымъ, вылѣзшимъ мѣстами ушаномъ Алексѣя виднѣлась обвязанная крестъ на крестъ по плечамъ и груди большимъ сѣрымъ платкомъ женская фигура.

Лица нельзя было разобрать, потому что она сидѣла, почти повернувшись назадъ, но Сергѣй зналъ, кто ѣдетъ и, несмотря на холодъ, отъ котораго коченѣли въ новыхъ рукавицахъ руки, улыбался смущенно и радостно.

„Какъ говорила, такъ и есть, поѣхала таки! — думалъ онъ, вспоминая вчерашній вечеръ и супрядку у Миронихи: — дарма что смѣется вокругъ меня!..“

Ему хотѣлось думать объ этой дѣвушкѣ, единственной дочери вдовы-старухи, изъ милости живущей въ деревнѣ, той самой Танькѣ Пѣгаревой, о которой говорила вчера Луша, и эти мысли были связаны неуловимой связью со всѣмъ, что говорилъ нищій Захаръ, что приходило ему на память и что видѣлъ онъ кругомъ.

Какъ самого себя чувствовалъ онъ неразрывно и плотно связаннымъ со всѣмъ, на что падалъ случайно взглядъ его — была ли то запотѣвшая, курчавившаяся длинной зимней шерстью спина гнѣдого мерина, или чуть видимая изъ-подъ снѣга изгородь, отдѣляющая яровое, или дальняя полоса лѣса, въ которомъ ему придется работать, рубя и вывозя купленную дѣлянку, — со всѣмъ, о чемъ думалъ и вспоминалъ онъ; какъ онъ въ мысляхъ своихъ растворялся и тонулъ въ этомъ знакомомъ и трудномъ мірѣ, состоявшемъ изъ земли, работы, жизни, — такъ и мысли о Татьянѣ связывались плотно и неразрывно съ предположеніемъ купить у деревни уголъ на мочлявинѣ подъ ленъ, или разсчетомъ — стоитъ ли брать у Матвѣя Шерстобита полторы души подъ яровое или нѣтъ, также какъ съ тѣмъ, что къ веснѣ непремѣнно надо прикупить какую ни на есть лошаденку на помощь старому мерину.

Это было общее, неразрывное, не такое, о чемъ онъ пріучилъ себя думать, а что чувствовалъ такъ же непосредственно и безъ предварительныхъ размышленій, какъ голодъ послѣ работы, необходимость отдыха послѣ какой-нибудь молотьбы, такъ же какъ чувствовалъ—не разсчитывалъ, не думалъ, а чувствовалъ—что по веснѣ надо орать подъ овесъ и гречу, раздѣлывать подъ ленъ, послѣ Петрова дня—косить, и все это для того и въ силу того, чтобы жить, т. е. нести свое невѣдомое назначеніе къ невѣдомой цѣли.

Кругомъ лежали поля—холодныя, пустыя, блестѣвшія мертвой бѣлизной настывшаго снѣга, но гдѣ-то въ глубинѣ, подъ этимъ наружнымъ покровомъ смерти, скрывавшія и копившія то творческое начало, что яркой зеленью выбьется весной и снова превратитъ ихъ въ широкія знакомыя равнины, сверкающія веселой озимью, темнѣющія влажными глыбами черной земли поднятаго пара, переливающія кованымъ золотомъ волнующейся ржи, повитыя жемчужной сѣдиной усатыхъ овсовъ, краснѣющія медовой гречихой...

И въ глубокомъ, таинственномъ предчувствіи грядущаго творчества, болѣе глубокомъ, чѣмъ мысль, и болѣе таинственномъ, чѣмъ рожденіе и смерть, идущемъ изъ глубины темнаго прошлаго, о которомъ онъ никогда не думалъ и котораго не зналъ,—кутаясь отъ вѣтра и постукивая калянымм новыми рукавицами о грядки саней, отвѣчалъ столбухинскій парень Сергѣй неясному зову замершихъ зимнихъ полей мыслями о ѣдущей сзади дѣвушкѣ: вѣдь эти затаившіяся поля жили и одушевлены были тою же жизнью, что и озябшій парень...

Лежали бѣлыя ожидающія поля, ѣхала сзади дѣвушка въ большомъ платкѣ, и мысли о ней такъ же, какъ мысли о новой лошади, о лишнемъ надѣлѣ подъ яровое, — все связывалось въ одно чувство такой же неизбѣжности, какъ ожидающая гдѣ-то въ далекомъ темномъ будущемъ смерть, такой же необходимости, какъ остановка у расходящихся крестами дорогъ, гдѣ надо было спустить озябшаго Захара. Все было одинаково важно, и обо всёмъ надо было думать—не о томъ, почему и для чего это сдѣлать, ибо это было нѣчто принятое и не пробуждавшее мысли, какъ длинная цѣпь дней, мѣсяцевъ и годовъ, тянувшаяся съ момента рожденія, а о томъ, какъ лучше, толковѣе и выгоднѣе сдѣлать для наилучшаго выполненія той же невѣдомой и не возбуждавшей сомнѣній цѣли—жизни.

Старикъ, кряхтя, вылѣзъ изъ саней и поколотилъ зазябшими ногами о твердую дорогу.

— Не, братъ, на своихъ на двоихъ теплѣе,—сказалъ онъ, прощаясь съ Сергѣемъ,—быть завирухѣ, говорю...

— Гляди, не замерзъ бы гдѣ на дорогѣ... Занесетъ, и слѣда не найдешь,—съ сомнѣніемъ проговорилъ Сергѣй,—помрешь еще...

— А вѣдь и помрешь—не откажешься,—согласился старикъ,—никто, какъ Богъ да добрые люди... Спасибо, что подвезъ. Прощай покудова!

Онъ еще разъ постучалъ твердыми, какъ деревянные, лаптями, поправилъ сползшую на грудь торбу и зашагалъ по большаку, подпираясь палочкой.

— Заходи когда!—крикнулъ ему вслѣдъ Сергѣй и оглянулся. Маленькая рыжая лошаденка шагомъ подходила къ санямъ.

Татьяна повернулась и, встрѣтившись глазами съ Сергѣемъ, ухмыльнулась и кивнула головой.

— Живы-ль вы, ай совсѣмъ смерзли?! — крикнулъ онъ, стоя въ саняхъ и придерживая лошадь.

— Ништо!—весело отозвалась Татьяна и добавила еще что-то, но вѣтеръ подхватилъ слова, и слышно было только:—„а-а-а-у-у-о!“

— Кого?!—переспросилъ Сергѣй.

— Ста-ри-ка-а зря-а пусти-и-лъ, замерзнетъ!

— Цѣлъ будетъ, ништо!—безпечно ухмыльнулся Сергѣй, думая больше о кричавшей Татьянѣ, чѣмъ объ ушедшемъ по большаку старикѣ,—садись кто-нибудь ко мнѣ, вашему коню легче.

Онъ хотѣлъ, чтобы сѣла Татьяна, но поднялся Алексѣй и, подвязавъ возжи къ передку дровней, подошелъ къ нему.

— Трогай, что-ль!—бросилъ онъ, вваливаясь въ сани,—и то моей крысѣ легче!..

Сергѣй погналъ лошадь и сѣлъ самъ. Говорить по вѣтру было трудно, и ѣхали молча. Вѣтеръ свистѣлъ жалобно и пронзительно, заворачивалъ на бокъ хвостъ лошади и трепалъ гривой, а голые придорожные кусты мотались подъ его порывами безпомощно и жалко. Кое-гдѣ на нихъ виднѣлись пучки соломы, нацѣпленные заботливой рукой боявшагося заблудиться во вьюгу крестьянина.

Когда ѣхали по опушкѣ Банковскаго бора, тамъ, гдѣ узкая лента проселка бѣжала по неширокой просѣкѣ—вдали между деревьями черными трепетными зигзагами мелькали перелетавшіе на морозѣ тетерева.

— Ау-бины-ау!—забубнилъ что-то Алексѣй.

— А-сь?—переспросилъ Сергѣй.

Вѣтеръ въ перелѣскѣ былъ меньше, но деревья шумѣли глухо и сердито, и въ этомъ жуткомъ неугомонномъ шумѣ тонули всѣ звуки.

— Морозу большому быть—птица летаетъ! — повторилъ Алексѣй.—Теперь скоро!

Алексѣй повернулся лежа, стараясь не вынимать запрятанныхъ въ рукава кистей рукъ, и движеніемъ головы показалъ на узкій и прямой, какъ стрѣла, лыжный слѣдъ, тянувшійся вдоль дороги.

— Собакины бѣжали, Ѳедоръ съ Никитой; нынче, сказываютъ, въ ночь ушли въ банковскую дачу...

— Можетъ, лѣсникъ?

— Не, они, я знаю... Козловъ видѣли въ шуровской дачѣ, вотъ и отправились...

— Отчаянный народъ!—покачалъ головой Сергѣй.

— Чего отчаянный—совсѣмъ сбившійся народъ... Съ нихъ все и началось!

— Что началось-то?

— Да насчетъ передѣлу этого самаго.

Алексѣй вдругъ оживился и сѣлъ. Красное обвѣтренное лицо его задергалось мучительной судорогой, которой не зналъ или не замѣчалъ въ немъ раньше Сергѣй. Какъ хозяинъ, заинтересованный въ деревенскихъ дѣлахъ, онъ зналъ, въ чемъ дѣло, и зналъ, что поднятый Алексѣемъ вопросъ больнѣе всего касался его именно, но сейчасъ онъ не могъ и не хотѣлъ думать объ этомъ.

Онъ непрестанно ощущалъ присутствіе ѣдущей сзади Татьяны, и это чувство путало мысли и мѣшало слушать. Онъ вспоминалъ вчерашнюю посидѣлку, то, какъ онъ встрѣтился на ней, съ Татьяной, и какъ она сказала ему, что Алексѣй, доводившійся ей двоюроднымъ братомъ,—проситъ ее ѣхать съ нимъ въ Ростково, помочь убраться съ сѣномъ. Сергѣй, съ своей стороны, сообщилъ ей, что тоже ѣдетъ; тогда она начала, смѣясь, увѣрять, что все наврала и ни о чемъ Алексѣй не просилъ ее; а когда Сергѣй сталъ приставать съ разспросами — твердила, что ему вѣдь все равно, ѣдетъ она или нѣтъ. И все смѣялась, чуть-чуть щуря лукавый черный глазъ и закрываясь обратной стороной ладони, а онъ стоялъ передъ ней, смущенный, не зная, что сказать и чему вѣрить.

Сергѣй безпрестанно оглядывался и почти не слушалъ Алексѣя, а тотъ разсказывалъ про свою давнюю обиду, морщилъ лицо и ругалъ кого-то скверно—не то Собакиныхъ, не то всѣхъ столбухинскихъ мужиковъ.

Его дѣло было извѣстно всей деревнѣ, и вся деревня, въ томъ числѣ и Сергѣй, относились къ этому дѣлу такъ, какъ будто рѣшеніе зависѣло не отъ нихъ, крестьянъ, а отъ кого-то другого, противъ кого ничего не подѣлаешь.

Это дѣло заключалось въ томъ, что послѣ всякихъ свалокъ-

наваловъ земли, происходившихъ въ деревнѣ для уравненія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это уравненіе въ послѣдніе годы передъ передѣломъ прекратилось совершенно. Въ нынѣшнемъ году истекалъ двѣнадцатилѣтній срокъ, послѣ котораго долженъ бы быть передѣлъ. Алексѣй, сидѣвшій на одной душѣ самъ-шестъ, употреблялъ всѣ возможныя усилія, всю изобрѣтательность и выносливость, чтобы додержаться кое-какъ до этого передѣла, вопросъ о которомъ былъ вопросомъ жизни и смерти всего его существованія.

И онъ, и жена вытягивались изъ послѣднихъ силъ, чтобы сдержать хозяйство, „какъ у добрыхъ людей", заявить себя передъ міромъ настоящими хозяевами, нуждавшимися только по малоземелью, на которое были осуждены до новаго передѣла.

Въ послѣдніе годы земельныя надежды всякаго рода, прекратившія даже обычную „свалку-навалку", а въ особенности новые законы объ укрѣпленіи надѣла въ собственность и правѣ расходиться углами—посѣяли раздоръ въ деревнѣ, и такъ плохо столковывавшейся со всякимъ передѣломъ. Ясно было, что передѣлъ затормазится, что ему, пожалуй, и совсѣмъ не бывать, но въ это возможное будущее Алексѣй боялся заглядывать, такъ какъ вся, опора его усилій и стремленій была именно въ передѣлѣ, когда ему неминуемо должны были нарѣзать вмѣсто одной три души.

Какъ всѣ растерявшіеся, сбитые съ толку люди, онъ вообще боялся думать о будущемъ и только искалъ виновниковъ того, что неумолимо и навѣрняка надвигалось на него. То, что Собакины, обычно отдававшіе землю и сами совершенно не занимавшіеся ею, первые заговорили о ненадобности передѣла, заставило его относиться къ нимъ подозрительно и враждебно.

— Я знаю, въ чемъ ихъ разсчетъ,—говорилъ онъ, гримасничая и морщась, какъ отъ боли,—имъ все одно, они окромя охоты ничего знать не хотятъ... Укрѣпятъ да продадутъ Прошкѣ, а тотъ давно зарится, тоже знаю—думаетъ, коли съ банковскимъ бариномъ не выйдетъ насчетъ футоровъ, хоть здѣсь обсадить. Только не бывать, нѣ-е-е-тъ, не бывать этому!..

— А и другіе тоже, къ кому сунься на-къ возьми—я не я, лошадь не моя, и я не повозникъ!..—продолжалъ онъ, садясь и разминая застывшія ноги,—ты подумай самъ, Господи, ужли-жъ въ тебя ума нѣту...

И онъ опять начиналъ высчитывать и ругаться, и чѣмъ больше говорилъ, тѣмъ скучнѣе было слушать его Сергѣю. Все это онъ давно зналъ, обо всемъ этомъ слышалъ и думалъ самъ, но все это сейчасъ мало или совсѣмъ не касалось его.

Все это должно устроиться и, несомнѣнно, устроится такъ, какъ устроится, и что бы ни говорилъ сейчасъ Алексѣй, какъ бы ни ругалъ онъ Ельникова Прокофія, нацѣливавшагося купить выдѣленные надѣлы, или Собакиныхъ, стремившихся продать ихъ,—все это будетъ такъ, какъ будетъ.

— Гляди, Струково видать,—перебилъ онъ Алексѣя,—тоже народъ—воръ на ворѣ...

— Разбойникъ - народъ... Намедни въ волостномъ говорили, Саньку Деменьтева въ Сибирь, будто, угнали...

— Это что приказчика лѣсного зарѣзалъ?

— Онъ самый... Да и у насъ не лучше... Надо къ Танькѣ сѣсть, не было-бъ чего.

— Я сяду...

Сергѣй проворно соскочилъ и остановился. Рыжая лошаденка поровнялась съ нимъ, онъ прыгнулъ и съ размаху свалился въ дровни, гдѣ сидѣла Татьяна.

— Струковскіе парни балуютъ,—какъ бы извиняясь, проговорилъ онъ, беря вожжи,—не было бы чего...

Но Струково проѣхали благополучно. Встрѣтился только сѣдой, какъ лунь, старикъ въ длинномъ полушубкѣ и черныхъ валенкахъ, молча посмотрѣвшій на проѣзжавшихъ. Да въ концѣ деревни баба съ подоткнутымъ высоко подоломъ, показывавшимъ толстыя въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ ноги, тащила на обледенѣлыхъ салазкахъ мокрое бѣлье.

— На работѣ всѣ, видно, лѣсъ возятъ,—проговорила Татьяна.

— Пусть бы сунулись, я-бъ имъ далъ!—проговорилъ Сергѣй.

— Они съ ножиками...

— Я и безъ ножика трепку задалъ бы!

Онъ искоса посматривалъ на высовывавшееся изъ плотно повязывавшаго голову платка лицо Тани, съ плотно сжатыми губами, и ему хотѣлось сказать что-то значительное и большое, что копилось въ груди, но словъ не было.

Такъ, въ молчаніи, они съѣхали съ дороги за деревней и направились по узенькому, заваленному снѣгомъ, зимнику на покосъ.

Лошади шли, увязая въ снѣгу, какъ по цѣлинѣ, дровни шуршали отводами по болотнымъ кустамъ, между которыми они ѣхали, кое-гдѣ виднѣлись клоки сѣна на черныхъ обломанныхъ мѣстами вѣтвяхъ—слѣды проѣзжавшихъ ранѣе возовъ.

Сергѣй два раза за зиму былъ уже здѣсь за сѣномъ, но теперь ему казалось, что это было неизмѣримо давно, и теперь все глядитъ иначе: тяжелыя одонья сѣна, торчавшія

вдалекѣ на пустомъ бѣломъ пространствѣ заваленнаго снѣгомъ покоса, казавшіяся черными отъ налегшихъ сверху снѣговыхъ шапокъ, неровная, прячущаяся подъ сугробами, плохо проѣзженная дорога, унылая рыжая Алексѣева лошаденка, съ трудомъ тащившая пустыя дровни...

На одну минуту ему показалось, что то, что было на самомъ дѣлѣ, было когда-то ужасно давно: давно уже нѣтъ на свѣтѣ холостого парня Сергѣя, ѣдущаго въ чужихъ саняхъ съ чужой дѣвушкой на покосъ за сѣномъ, а вмѣсто него ѣдетъ лѣсной дорогой, возвращаясь изъ города, женатый мужикъ Сергѣй со своей хозяйкой, поспѣшая домой къ ребятамъ, оставленнымъ на призоръ бабки,—и такъ показалась ему эта выдуманная картина уютной и трогательной, что онъ оглянулся на Татьяну въ странномъ и смутномъ волненіи. Но это было только минуту—въ слѣдующую онъ забылъ объ этомъ, и только на душѣ осталось теплое ласковое ощущеніе.

Сѣно навивали быстро, торопясь и стараясь согрѣться работой, помогая другъ другу, перебрасываясь короткими замѣчаніями, но, какъ ни торопились время шло, и короткій зимній день уходилъ съ неуловимой быстротой. Когда довивали второй возъ, подошелъ лѣсникъ Кирила, хромоногій мужикъ, который за три рубля брался у столбухинскихъ крестьянъ караулить сѣно. Сторожъ онъ былъ плохой, и сѣно у него крали струковцы напропалую, но все же изрѣдка онъ заглядывалъ на покосъ.

Онъ поговорилъ о дѣлахъ, пожаловался на струковцевъ, но когда жаловался—глядѣлъ въ сторону и такъ божился, что можно было заподозрить его самого въ стачкѣ съ ворами. У Сергѣя онъ попросилъ двугривенный въ долгъ и, получивъ отказъ, сказалъ, словно продолжая прежде начатый разговоръ:

— Чего ты не женишься, Сергуха?

— Дай невѣсту, такъ и женюсь, — шутливо отвѣчалъ тотъ.

— Эва, братъ, добра-то!.. Ихней сестры,—онъ кивнулъ на Татьяну,—сколь хошь, хоть рукамъ подбирай...

— Погоди, женюсь, дай срокъ...

— То-то, что срокъ, а, поди, годовъ тебѣ не мало...

— Чай, не перестарокъ какой,—вставила Татьяна.

Сергѣй благодарно взглянулъ на дѣвушку, какъ будто она сказала не просто такъ, а съ умысломъ.

И когда ѣхали назадъ съ покоса, онъ пустилъ свою лошадь сзади, а самъ шелъ рядомъ съ возомъ Алексѣя, стараясь попасть на ту сторону, гдѣ была Татьяна.

Назадъ ѣхать было мучительно трудно. По непробитой

дорогѣ сани тонули въ снѣгу, возъ то и дѣло накренялся, и приходилось поддерживать его плечами. Алексѣва лошаденка совсѣмъ выбилась изъ силъ, и они втроемъ ухватывались за оглобли и вытягивали возъ изъ ухаба. И весь этотъ проведенный въ рабочей суетѣ день, за который они сказали другъ другу едва ли десять словъ, невидимыми, тонкими нитями связывалъ уже Сергѣя съ Татьяной, какъ не могли ихъ связать ни гулянья, ни супрядки, ни разговоры.

Когда выбрались на торную дорогу уже вечерѣло, и блѣдныя синія тѣни легли на снѣгу, а даль задернулась тусклой дымкой идущей съ востока ночи.

Опять лежали кругомъ молчаливыя поля, казавшіяся мертвыми, таившія въ глубинѣ будущую жизнь, опять смотрѣлъ на нихъ Сергѣй съ смѣшаннымъ чувствомъ ожиданія и увѣренности; только теперь эта увѣренность была шире и больше и связывалась съ шедшей рядомъ дѣвушкой, внезапно ставшей близкой и не чужой.

Вѣтеръ утихъ, но морозъ сталъ сильнѣе, и это замѣтно было по сухому визгу саней и по тому, какъ упруго и неподатливо скрипѣлъ снѣгъ подъ ногами. Время отъ времени Сергѣй колотилъ себя рукавицами по плечамъ и кричалъ на лошадь, и голосъ разносился звонко и чисто въ чуткомъ, сжавшемся воздухѣ.

Когда проѣхали кресты, гдѣ сошелъ утромъ нищій Захаръ, взошелъ мѣсяцъ, и блѣдный свѣтъ незамѣтно вошелъ въ твердый снѣгъ, заискрился на острыхъ, отполированныхъ вѣтромъ сугробахъ, наполнилъ воздухъ. Слабыя синія тѣни двигались рядомъ съ возами, ломаясь и прыгая черезъ ямы и выбоины, живыя и связанныя общностью движеній съ ними.

Дѐнь прошелъ и лишь напоминалъ о себѣ яркимъ голодомъ и усталостью, сѣрый, будничный день, одинъ изъ тысячи другихъ такихъ же дней, что идутъ длинной цѣпью надъ человѣкомъ, будничный день, таившій въ себѣ, какъ земля зерно, зачатокъ дѣлъ и поступковъ, чувствъ и мыслей, словъ и ощущеній—всего, что называется жизнью.

И Сергѣй забылъ бы его, какъ тысячи другихъ дней, если бы передъ самой своей деревней не сказалъ въ смутномъ желаніи подвести итогъ всему, что было въ это будничное сегодня:

— Ужо постомъ надо Дуньку замужъ ладить, а либо тогда руки развяжутся...

И, отвѣчая не столько тому, что сказалъ Сергѣй, сколько своимъ и его мыслямъ, странно соединившимся въ одну

общую мысль за сегодняшній будничный, одинъ изъ тысячи подобныхъ, день, Татьяна проговорила раздумчиво:

— Парней-то у насъ нѣтъ, развѣ на сторону куда... Дома-то либо бѣдность непокрытая, либо озорство такое, что брось все... Вонъ Прокофій Ивана своего ладитъ женить...

Они больше ничего не сказали, но когда въѣхали въ деревню и попрощались,—разошлись съ чувствомъ неясной, но окончательной перемѣны, происшедшей въ ихъ жизни и послѣ этого каждый изъ нихъ зналъ, что жизнь его опредѣлена и направлена, какъ опредѣлена и направлена жизнь брошеннаго въ борозду сѣмени...

В. Муйжель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Марія Конопницкая.

(1846—1910).

Въ минувшемъ году польская литература понесла двѣ тяжелыя утраты: одна за другою, на протяженіи короткаго времени, сошли въ могилу двѣ крупныя представительницы польской беллетристики и поэзіи—Элиза Ожешко и Марія Конопницкая. Оба эти имени знакомы русскимъ читателямъ,—хотя знакомы далеко не въ одинаковой степени. Значительная часть повѣстей и романовъ Ожешко уже очень скоро послѣ ихъ появленія въ свѣтъ на родинѣ автора были переведены на русскій языкъ, и Элиза Ожешко давно пользуется большою и прочной популярностью среди широкихъ круговъ русской читающей публики. Нѣсколько иначе сложилось дѣло съ Конопницкой. Лишь лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Конопницкая занимала уже видное и совершенно опредѣленное мѣсто въ рядахъ польскихъ писателей, стали появляться русскіе переводы отдѣльныхъ ея стихотвореній. Послѣ того въ русскихъ журналахъ не разъ печатались и переводы ея беллетристическихъ произведеній, но отдѣльныхъ изданій этихъ произведеній на русскомъ языкѣ почти не существуетъ, и только теперь, уже послѣ смерти писательницы, вышелъ въ свѣтъ первый томикъ предпринятаго однимъ изъ русскихъ книгоиздательствъ собранія беллетристическихъ произведеній Конопницкой. Сравнительно мало въ русской литературѣ и писалось о ней. Благодаря этому у большинства даже тѣхъ изъ русскихъ читателей, которые болѣе или менѣе знакомы съ Конопницкой, знакомство это является далеко неполнымъ и часто носитъ нѣсколько случайный характеръ. А между тѣмъ Конопницкая до самой своей смерти оставалась одной изъ наиболѣе крупныхъ и оригинальныхъ фигуръ въ современной польской литературѣ, одной изъ тѣхъ фигуръ, въ которыхъ находятъ себѣ своеобразное отраженіе вновь возникающія въ обществѣ умственныя теченія, и уже съ этой точки зрѣнія болѣе обстоятельное знакомство съ нею представляетъ высокій интересъ. Нисколько не претендуя на полную, исчерпывающую характеристику этой выдающейся фигуры—для такой характери-

стики, помимо всего прочаго, быть можетъ, не наступило еще и время на страницахъ русскихъ изданій,—я и хотѣлъ бы попытаться возстановить передъ читателемъ хотя бы нѣкоторыя, наиболѣе яркія черты духовной личности покойной польской писательницы *).

I.

Долголѣтняя литературная дѣятельность Конопницкой отличалась большой разносторонностью. Въ жизни покойной писательницы было время, когда она принимала дѣятельное участіе въ польской журналистикѣ, и даже тогда, когда это время уже миновало, Конопницкая не разъ писала и критическіе этюды, и публицистическія статьи. Но главной ея сферой всегда оставались поэзія и беллетристика, и именно въ этой области ярко развернулось ея дарованіе, выдвинувшее ее въ первые ряды современныхъ ей польскихъ писателей. Въ частности, путь, какимъ шло развитіе дарованія Конопницкой, скоро сблизилъ ее съ той писательницей, имя которой я уже упоминалъ,—съ Ожешко. Раньше, чѣмъ эти два имени случайно объединила смерть, ихъ прочно связала жизнь. Сохраняя каждая свою оригинальность, Элиза Ожешко и Марія Конопницкая шли, однако, въ общемъ одною и тою же дорогой, стремились къ однѣмъ и тѣмъ же цѣляхъ и въ самомъ характерѣ ихъ творчества было не мало чертъ, близко роднившихъ ихъ между собою. Свою литературную дѣятельность Конопницкая начала почти на десять лѣтъ позднѣе Ожешко, но по возрасту она приходилась почти что ровесницей этой послѣдней, будучи всего на четыре года моложе ея, и моментъ вступленія въ сознательную жизнь у нихъ обѣихъ совершился въ одной и той же обстановкѣ, оказавшей на нихъ одинаково могущественное вліяніе. Это было время, когда въ польскомъ обществѣ подъ вліяніемъ, съ одной стороны, неудачнаго исхода возстанія 1863 г. и послѣдовавшихъ затѣмъ печальныхъ событій, съ другой—глубокихъ измѣненій соціальнаго строя, главнымъ факторомъ которыхъ явилась крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ, началось страстное исканіе новыхъ путей народнаго развитія и съ особенною силою проявилось теченіе мысли, соединявшее въ себѣ горячій патріотизмъ съ

*) Подобная попытка была уже сдѣлана мною довольно давно, въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Русская Мысль“ въ 1892 г., но въ этой статьѣ, охватывавшей лишь первые пятнадцать лѣтъ литературной дѣятельности Конопницкой, я вдобавокъ совсѣмъ не касался ея беллетристическихъ произведеній. Тѣмъ не менѣе сейчасъ, конечно, мнѣ придется повторить кое-что изъ связаннаго раньше. Отмѣчу къ слову, что нѣкоторыя произведенія Конопницкой, а именно, стихотворные сборники „Ludziom i Chwilom“ и „Spiewnik Historyczny“, выпущенные ею въ недавніе годы во Львовѣ подъ псевдонимомъ Яна Сава, не нашли себѣ доступа въ Россію.

искреннимъ, глубокимъ демократизмомъ. Адептомъ именно этого теченія общественной мысли выступила въ своихъ произведеніяхъ Ожешко, къ нему же вскорѣ примкнула и Конопницкая, перенеся его въ область польской поэзіи.

Правда, это послѣднее случилось не сразу. Первыя поэтическія произведенія Конопницкой примыкали еще къ старой школѣ, нося на себѣ явственные слѣды вліянія польскихъ и французскихъ романтиковъ, въ особенности Юлія Словацкаго и Виктора Гюго, и внѣшность въ этихъ произведеніяхъ нерѣдко далеко перевѣшивала содержаніе, пышная риторика заступала нерѣдко мѣсто искренняго чувства. Но уже очень скоро Конопницкая освободилась отъ крайностей подражанія и нашла для себя самостоятельную дорогу. Вмѣстѣ съ тѣмъ сразу опредѣлился и основной характеръ ея художественнаго творчества. Въ ея глазахъ, какъ и въ глазахъ Ожешко, искусство для искусства представлялось чѣмъ-то несерьезнымъ, не имѣющимъ для себя оправданія. Отъ художественныхъ произведеній она требовала содержанія, имѣющаго общественное значеніе, къ художнику подходила съ требованіемъ отклика на идеи и стремленія волнующейся вокругъ него общественной жизни. «Вы вѣкъ вините,—обращалась она въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній къ современнымъ ей поэтамъ—

вѣкъ, что̀ идеалы
Лишаетъ ихъ одежды бѣлоснѣжной...
Вы говорите: свѣтлый геній пѣсенъ
Въ смертельномъ снѣ лежитъ, съ разбитой лютней...
Вы говорите: некому пѣть пѣсни
И свѣтъ оглохъ, стремясь въ тельцу златому,
И среди бурь, среди борьбы кровавой
Безъ эхо пѣснь поэта замираетъ...
Но гдѣ же пѣснь, что̀ силой чаръ могучихъ
Бойцовъ, летящихъ въ битву, привлекаетъ?
Та пѣсня, передъ святостью которой
Измученный сомнѣньемъ снова вѣритъ?
. . . .
Но гдѣ же пѣснь, что̀ смѣло достигаетъ
Вершинъ, къ которымъ духъ въ тоскѣ стремится,
Въ крови остывшей пламя зажигаетъ
И для милліоновъ—знамя ихъ въ борьбѣ?
. . . .
Такую пѣсню, слабые поэты,
Запойте вы среди мірского шума,
Среди толпы остывшей, мертвой черни
И горсти, алтари ея хранящей...
Такая пѣснь орломъ взлетитъ пусть къ небу,
И трупы дрогнутъ. Правду молвлю вамъ:
Найдите тонъ, что̀ въ пульсѣ бьетъ столѣтій,
Я милліонъ сердецъ, зажженныхъ пѣсней, дамъ.

Сама Конопницкая въ своемъ художественномъ творчествѣ неизмѣнно стремилась удовлетворить этому требованію и нащупать

пульсъ общественной жизни. Вѣрнѣе было бы сказать,—это стремленіе вдохновляло все ея творчество, такъ какъ ея муза была связана кровнымъ родствомъ съ окружавшей ее жизнью и ея пѣсни непосредственно вытекали изъ чуткаго и глубоко раненаго сердца. Громадное большинство поэтическихъ произведеній Конопницкой представляютъ собою небольшія лирическія стихотворенія, но въ этой лирикѣ узко-личное чувство проявляется лишь крайне рѣдко и отодвинуто далеко на задній планъ, на первый же планъ выдвигаются чувства и мысли, вызываемыя въ поэтессѣ общими условіями современной человѣческой жизни. Отъ этихъ чувствъ и мыслей ничто не могло отвлечь Конопницкую, не отвлекало ее отъ нихъ даже созерцаніе природы. Тонкая наблюдательница и цѣнительница природы, поразительный мастеръ пейзажа, она дала въ своихъ произведеніяхъ много великолѣпныхъ картинъ природы, но голоса послѣдней никогда не могли заглушить въ ея ушахъ человѣческихъ стоновъ, и отъ красотъ природы мысль поэтессы неизмѣнно возвращалась къ ранамъ и язвамъ человѣческой жизни. Сама Конопницкая не разъ подчеркивала эту особенность своего душевнаго настроенія, рѣзкими штрихами отразившуюся въ ея творчествѣ.

«Нѣтъ,—восклицала она въ одномъ изъ своихъ стихотвореній,—мнѣ не стать на такой высотѣ,

Гдѣ предъ взоромъ, на міръ устремленнымъ,
Тонетъ, блѣднѣя, земля въ нищетѣ
Радуги яркой лучемъ отдаленнымъ.
Не отдохну я въ лазурной тиши,
Тамъ, гдѣ покой вѣкового дыханья
Еле доноситъ до сонной души
Голосъ людского страданья...
Мнѣ не дойти чрезъ снѣга и чрезъ ледъ
До олимпійской вершины конечной,
Гдѣ нѣтъ восторговъ, но нѣтъ и невзгодъ,
Есть лишь тронъ ясности вѣчной.
Раненой птицей я буду летать
Низко надъ гибнущей въ мукахъ землею,
Чтобъ милліоны гонимыхъ судьбою
Къ сердцу могла я прижать.

«Жизнь, какъ вода,—говорила поэтесса въ другомъ стихотвореніи...—Кто хочетъ пить изъ морской глубины, у того уста полны горькой пѣны... Пламя жажды сжигаетъ мои губы, но я отворачиваю голову отъ васъ, мелкіе ручьи обыденности. Ты, глубина жизни, напой меня горькой водою твоихъ пропастей и пусть бездна послужитъ кипящимъ кубкомъ для устъ, снѣдаемыхъ тайнымъ пожаромъ. Пусть соленая волна слезъ бьетъ мнѣ въ грудь, пусть я пью горечь, но я буду пить изъ моря!» Это стремленіе, не отходя отъ человѣчества, подняться на высшій доступный ему уровень, стремленіе «пить изъ глубины жизни»,

страстное желаніе осмыслить жизнь, соединенное съ не менѣе страстнымъ интересомъ къ людямъ, придавленнымъ жизнью, «гонимымъ судьбою», и составили основной мотивъ поэзіи Конопницкой. Передъ ея умомъ нерѣдко вставали горькіе вопросы: «кому и на что служатъ общія цѣли человѣчества? на что служатъ его борьба, его труды, восторги, страданія и радости? куда летятъ вѣка? куда идутъ народы?» Сознаваемая самою поэтессою невозможность разрѣшенія этихъ вопросовъ наложила на ея произведенія отпечатокъ скорби. Но эта скорбь имѣла и другой источникъ, еще болѣе глубокій. Не ограничиваясь вопросами объ общемъ смыслѣ человѣческаго существованія, Конопницкая искала для человѣка возможности осмыслить собственную жизнь въ ея естественныхъ предѣлахъ, искала «правды, что манитъ безъ раздѣла», искала «цѣли, достойной стремленій, крови, дѣла, мгновеній жизненныхъ, великихъ думъ людскихъ». Такою цѣлью для нея явилось установленіе справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ. Несправедливость существующаго общественнаго строя, неравномѣрность распредѣленія между людьми земныхъ благъ, вражда, раздѣляющая угнетателей и угнетенныхъ,—все это представлялось ей въ видѣ глубокой пропасти, которая «въ началѣ вѣковъ раздѣлила на жертвъ и тирановъ собратьевъ-людей».

Безбрежна она, какъ просторъ неоглядныхъ морей,
Страшна, какъ отверстая рана, темна, какъ могила.
. . . .
Сердца исполиновъ, умовъ безкорыстнѣйшихъ силы,
Движенья народовъ, народовъ могилы,—
Все въ ней исчезаетъ, какъ въ мірѣ потокъ:
Отъ берега берегъ все такъ же далекъ!
Боецъ въ нее лозунгъ бросаетъ мятежный,
Мыслитель спокойный—законъ неизбѣжный,
Бѣднякъ—свою скорбь и кровавый свой потъ,
Герой—свою славу, труды свои—геній,
Исторія—смѣну и право явленій;
Самъ Богъ, возмутясь, свои громы беретъ
И мечетъ въ ту бездну: она все зіяетъ—
Высокое небо безъ словъ упрекаетъ.

И своимъ творчествомъ Конопницкая стремилась возбудить мысли и чувства, которыя могли бы содѣйствовать заполненію этой страшной, зіяющей пропасти. Правда, по временамъ ее охватывало сомнѣніе въ осуществимости этого, въ достижимости самой цѣли, намѣченной ею, и тогда у нея вырывались горькія жалобы или же, что бывало гораздо рѣже, въ ея пѣсни вкрадывались рѣзко саркастическія ноты. «Какъ птица надъ землею,— жаловалась она—человѣчество бьется связанными крыльями... Передъ нимъ ясный день и заря новаго солнца; но долетитъ ли оно, о Боже?».. Что толку,—спрашивала она въ другой разъ,— во всѣхъ великихъ созданіяхъ, мысляхъ и стремленіяхъ немно-

рихъ, когда міръ окованъ цѣпями и тонетъ въ застарѣломъ безправіи, когда въ толпѣ

Ни одной пустой улыбки
Съ устъ пурпурныхъ никогда
Не спугнетъ стыдомъ, не сгонитъ
Міра страшная нужда...
Не минуетъ арлекина
Одобреній шумный плескъ
Въ часъ, когда зари вечерней
Отъ стыда погаснетъ блескъ.
Не поднять лица открыто
Угнетенному рабу
И не броситъ тотъ оружья,
Кто для денегъ велъ борьбу.

«Стоитъ ли плакать горячими слезами, тосковать и мучиться, когда всѣ безнадежныя раны земли остаются раскрытыми?»—спрашивала поэтесса. И временами она почти готова была признать смерть единственнымъ врачемъ этихъ безнадежныхъ ранъ и, обращаясь къ Богу, восклицала:

О, лучше бы навѣкъ на сомкнутыя очи
Земли Ты наложилъ печать мертвящей ночи—
Небытія печать...

«Я не жалуюсь, Боже,—говорила она въ другой разъ,—я не плачу, хотя вѣтеръ съ глухими стонами разноситъ полныя слезъ тучи по всей печальной землѣ»... И, перечисливъ въ яркихъ образахъ рядъ темныхъ сторонъ жизни, она вновь повторяла: «Я не жалуюсь!.. И чѣмъ поможетъ міру, хотя бы я потрясла его ураганомъ моихъ жалобъ?.. Мнѣ грустно только, что ты, Великій Боже, владыка надъ всей этой нуждой!» Въ эти минуты тяжелаго сомнѣнія жалобы представлялись поэтессѣ не только безцѣльными, но и глубоко оскорбительными для самихъ жалующихся, безполезно унижающими ихъ достоинство. Не плачьте, скорбящіе!..—писала она:

Ахъ, развѣ вѣрите вы,
Что тамъ, высоко, среди этой нѣмой синевы,
Вашъ вопль, отраженный отъ звѣздъ золотого порога,
Встревожитъ спокойствіе Бога?
Иль вѣрите вы, что страдальца мучительный стонъ,
Въ мольбѣ обращенный въ прозрачную эту безбрежность,
Лазурь заволнуетъ, сіянья лишитъ небосклонъ,
Нарушитъ небесъ безмятежность?
Иль вѣрите вы, что когда-нибудь слезъ океанъ,
Который отъ вѣка земля на груди своей носитъ,
Свѣтъ солнца погаситъ—и вѣчную тѣчь и туманъ
Въ лицо всемогуществу броситъ?
Міръ—слишкомъ громаденъ, вы—слишкомъ ничтожны, увы!
Хотя бы слезами кровавыми плакали вы,—
Ничто не измѣнится вашимъ желаніемъ страстнымъ
Въ пространствѣ спокойномъ и ясномъ.

Туда не доносится крикъ и мольба бѣдняковъ.
Гдѣ лишь безконечность движенія атомовъ слышитъ,
И голосъ отвѣтный безмолвныхъ небесъ не всколыхнетъ:
Молчаніе - сила боговъ!
Кто знаетъ: въ великой гармоніи міра—и слезы,
И крики послѣдніе гибнущихъ въ мукѣ людей
Имѣютъ ли больше значенья, звучатъ ли сильнѣй,
Чѣмъ вздохъ увядающей розы?
Кто знаетъ: на арфѣ, настроенной Духомъ духовъ,
Упавши на струны, хвалебно звенящія,
Не въ гимнъ ли слагаются стоны и звуки оковъ?..
Ахъ, не плачьте, скорбящіе!..

Но эти пессимистическія ноты не возобладали въ настроеніи Конопницкой, не сдѣлались господствующими въ ея творчествѣ. Картины нужды и несчастья, изображаемыя поэтессой, наложили на всѣ ея созданія отпечатокъ глубокой скорби и грусти, но эта грусть не перешла у нея въ безысходную печаль, отравляющую душу и заставляющую разъ навсегда безсильно опустить руки. Конопницкая нашла исходъ въ проповѣди активной любви и, рѣзко возставая противъ мертвой покорности судьбѣ, противъ безвольной пассивности, обратила свои произведенія въ страстный призывъ къ труду и подвигу во имя свѣтлаго будущаго, которое можетъ быть создано только человѣческими усиліями. «Будущность—говорила она въ одномъ изъ своихъ стихотвореній—это трудъ; она не сойдетъ съ неба какимъ-либо чудомъ, ее надо добыть, ей на службу надо отдать годы энтузіазма, уносящаго сердца въ область идеала. Кто ждетъ, тотъ сталкиваетъ на плечи своего сына тотъ крестъ, подъ тяжестью котораго шатается самъ»... «О, довольно уже оглядываться на сыновей! Имъ—вѣнки изъ розъ, намъ—терніи и лавры. Намъ—бой и гибель въ полномъ тревоги пилигримствѣ, имъ—ясный разсвѣтъ и тихія, свѣтлыя дороги». Однако, призывая къ подвигамъ и борьбѣ, которые должны заполнить зіяющую соціальную пропасть и открыть путь къ свѣтлому будущему, Конопницкая—и это очень характерно для нея—придаетъ этимъ подвигамъ и этой борьбѣ въ большинствѣ случаевъ мирный характеръ. Ея муза была въ данномъ случаѣ музой скорби и печали, но не мести. Она взывала къ чувству любви, стараясь не пробудить ненависти, проповѣдывала созиданіе, воздерживаясь отъ призывовъ къ разрушенію. Причиной этого былъ не одинъ только личный характеръ поэтессы. Помимо него, здѣсь дѣйствовали и другія условія, въ равной, если не въ большей еще мѣрѣ, опредѣлившія собою характеръ ея творчества.

II.

Среди того міра обездоленныхъ, «гонимыхъ судьбою», которому Конопницкая отдала свои симпатіи, два предмета особенно приковывали къ себѣ ея вниманіе, въ наибольшей степени сосредоточивали на себѣ ея любовь. Этими предметами были: ея печальная родина, Польша, и въ Польшѣ крестьянская хата. Горячій, дѣйственный патріотизмъ составлялъ одну изъ основныхъ стихій поэзіи Конопницкой. Грустная судьба родины, разорванной на части, лишенной самостоятельнаго существованія, пытавшейся воскресить его и потерпѣвшей неудачу въ этой попыткѣ, вѣчно стояла передъ глазами писательницы и она изобразила эту судьбу въ глубоко трогательныхъ строфахъ одного изъ своихъ стихотвореній:

Синій лѣсъ подъ дымкой дремлетъ,
Гаснетъ ясный день...
И тебя, мой край, объемлетъ
Мертвый мракъ и тѣнь.
Надъ тобою, золотою
Радугой горя,
Шла отъ моря и до моря
Пышная заря.
Свѣтелъ былъ твой величавый
Солнечный восходъ
И гремѣла пѣсня славы
У твоихъ воротъ.
Все до полдня ликовало...
Пала тьма кругомъ,—
И надъ гробомъ солнце стало
Огненнымъ крестомъ.

Но, говоря объ осѣненномъ огненнымъ крестомъ гробѣ, поэтесса разумѣла только гибель попытки воскрешенія самостоятельности родины, а не смерть самой родины. Такая смерть была въ ея представленіи чѣмъ-то невозможнымъ. «Не говорите и не вѣрьте,—восклицала она въ другомъ стихотвореніи—будто отчизна въ гробу. Всю ее, цѣлой и живою, духъ Польши и тѣло Польши, мы носимъ, братья, въ себѣ. Не говорите и не вѣрьте, будто Польша убита! Она дышетъ, она растетъ въ каждой соснѣ нашихъ лѣсовъ, въ каждомъ зернѣ хлѣба». Польша живетъ—убѣждала поэтесса сомнѣвающихся—въ каждомъ пшеничномъ колосѣ, въ каждомъ цвѣткѣ родныхъ полей, звенитъ въ ясномъ серпѣ, блеститъ въ свѣтлой косѣ, живетъ въ мужицкой сермягѣ, въ взрывающемъ землю плугѣ, въ народныхъ молитвахъ и пѣсняхъ, въ сказкѣ столѣтняго дѣда, въ колыбельной пѣсенкѣ, которой мать убаюкиваетъ дитя.

Это живое чувство родины никогда не покидало Конопницкой,

какъ не покидала ее и мысль о судьбахъ Польши. Съ любовью и неподражаемымъ мастерствомъ описывая родные пейзажи, во всѣхъ ихъ безконечно милыхъ для нея подробностяхъ, поэтесса не могла отрѣшиться отъ воспоминаній о нихъ и тогда, когда сама была отъ нихъ далеко. И съ далекой чужбины она неизмѣнно возвращалась мыслями на родину, и, говоря о видахъ этой чужбины, постоянно вспоминала родные пейзажи и родныхъ людей. Великолѣпный восходъ солнца въ Италіи, зрѣлище быстро наступающаго дня, который «не встаетъ, а вырывается», немедленно приводили ей на память ея сѣверную родину, въ которой «встающій день долго, весь въ слезахъ, упрашиваетъ Бога, чтобы тотъ не приказывалъ ему смотрѣть на застарѣлыя страданія земли». То же самое повторялось и въ другихъ случаяхъ. Гдѣ бы ни была Конопницкая, какая бы жизнь ни окружала ее, видѣніе Польши почти неотступно стояло передъ ея глазами, и страданія родины отбрасывали свою мрачную тѣнь почти на всѣ переживанія писательницы. И эта тѣнь была тѣмъ болѣе мрачной, тѣмъ болѣе глубокой, что для Конопницкой видѣть Польшу значило прежде всего видѣть польскую деревню, слышать крестьянскую рѣчь, наблюдать крестьянскую жизнь. Страстный патріотизмъ соединялся у Конопницкой съ глубокимъ интересомъ въ судьбѣ обездоленныхъ слоевъ внутри самого польскаго общества, и прежде всего къ судьбѣ крестьянъ, и эти два чувства взаимно перекрещивались въ ея поэтическихъ произведеніяхъ, въ значительной мѣрѣ опредѣляя собою ихъ внутренній характеръ.

Изображеніе крестьянской жизни занимало видное мѣсто въ творчествѣ Конопницкой. Въ частности, среди ея лирическихъ стихотвореній не мало такихъ, которыя воспроизводятъ картины и настроенія крестьянскаго быта отъ имени самихъ крестьянъ, и эти стихотворенія могутъ быть поставлены въ ряды лучшихъ ея произведеній. Красивый, гибкій языкъ, въ зависимости отъ темы то энергическій, то нѣжный, обиліе смѣлыхъ и удачныхъ образовъ, пѣвучій стихъ, какъ бы щеголяющій разнообразіемъ и музыкальностью размѣровъ,—всѣ эти характерныя особенности Конопницкой ярко проявились въ названныхъ стихотвореніяхъ, полныхъ тѣмъ большей прелести, что писательница сумѣла въ нихъ, не отказываясь отъ своей индивидуальности, очень близко подойти къ безыскусственному стилю народной пѣсни. Что касается ихъ содержанія, то въ немъ рѣшительно преобладаютъ мотивы соціальнаго характера. Правда, порою поэтесса разрабатывала здѣсь и другіе мотивы, влагая свои пѣсни въ уста то крестьянской дѣвушки, довольной своей дѣвичьей долей, прекрасно уживающейся въ тѣсныхъ предѣлахъ родной деревушки и лишь въ туманныхъ мечтахъ представляющей себѣ широкій міръ, то парня, охваченнаго любовью или же увлекаемаго неяснымъ для него самого порывомъ молодыхъ силъ въ какую-то невѣдомую даль, «за седьмую

гору, за седьмое море». Но подобныя фигуры людей, болѣе или менѣе жизнерадостныхъ или же поглощенныхъ своими внутренними переживаніями, мало зависящими отъ внѣшней обстановки, сравнительно рѣдки въ той своеобразной портретной галлереѣ, какую представляютъ собою эти стихотворенія. Гораздо болѣе часты въ ней другія фигуры, на которыхъ рѣзко отпечатлѣлись соціальныя условія жизни крестьянина. Мать вынуждена хоронить ребенка безъ погребальнаго звона, такъ какъ у колоколовъ «твердое сердце, холодная грудь» и за свою услугу они требуютъ «свѣтлый талеръ». Малолѣтняго мальчика крестьянка уже отправляетъ на заработки, напутствуя его совѣтами выслужить тяжелой работой хоть старые сапоги да плохонькій кожухъ. На заработки уходитъ и взрослый парень, уходитъ въ далекіе края и проситъ отца съ матерью лучше не думать о томъ, каково ему будетъ въ этомъ далекомъ странствіи. Юношу берутъ въ солдаты и онъ проситъ мать сшить ему рубашку, чтобы, если онъ получитъ пулю въ грудь, была у него на сердцѣ «рубашка изъ нашего льна, изъ нашей деревеньки». Горько жалуется крестьянинъ на землю: онъ засѣваетъ ее не только хлѣбомъ, но и головами своихъ дѣтей, а она даетъ ему жалкій урожай, съ котораго нельзя прокормиться. И иной, доведенный до отчаянія, бѣднякъ готовъ покончить съ собою, лишь бы не слышать, какъ отъ стоновъ больной жены дрожитъ хата, лишь бы не знать, что «въ избѣ голодныя дѣти, а на гумнѣ нѣтъ хлѣба». Таковы картины деревенской жизни, которыя чаще всего набрасывала поэтесса, таковы фигуры, въ уста которыхъ она вкладывала большую часть своихъ пѣсенъ о крестьянской долѣ.

Тяжелая нужда и горькая безпомощность — таково, если не исключительное, то все же главное содержаніе картинъ крестьянской жизни, какія рисовались воображенію писательницы. Деревня въ лицѣ своего трудового населенія отрѣзана отъ верхнихъ слоевъ общества, заброшена и забыта ими и жизнь ея идетъ рѣзко отличной отъ нихъ дорогой. Ярко и образно выражена эта мысль въ небольшомъ, сдѣлавшемся популярнымъ и у насъ и вошедшемъ даже въ концертныя программы нѣкоторыхъ нашихъ пѣвцовъ, стихотвореніи—пѣснѣ Конопницкой:

Какъ король шелъ на войну
Въ чужедальную страну,
Заиграли трубы мѣдныя
На потѣхи на побѣдныя.

А какъ пошелъ на войну Стахъ, зашумѣли ясные ручьи, зашумѣло колосьями поле—на тоску, на недолю. На войнѣ свистятъ пули, народъ валится, какъ снопы,—и всѣхъ храбрѣе бьются короли, и всего больше гибнутъ хлопы.

Конченъ бой, труба гремитъ,—
Съ тяжкой раной Стахъ лежитъ,
А король стезей кровавою
Возвращается со славою.
И на встрѣчу у воротъ
Шумно высыпалъ народъ,
Дрогнулъ зáмокъ града стольнаго
Отъ трезвона колокольнаго.
А какъ легъ въ могилу Стахъ,—
Вѣтеръ пѣсню пѣлъ въ кустахъ
И звонилъ, летя дубровами,
Колокольцами лиловыми.

Цѣною своего пота, крови и самой жизни крестьяне поддерживаютъ пышное зданіе государственности, но сами мало выгадываютъ отъ этого. Тѣсенъ кругозоръ убогой заброшенной деревни и немного дорогъ въ распоряженіи ея обитателей.

Отъ убогихъ хатъ
Три пути лежатъ—
Три пути на долю и недолю.
На одномъ пути—
Цѣлый вѣкъ идти
За сохою по чужому полю.
На другомъ пути—
Къ кабаку придти,
Гдѣ народъ умъ-разумъ пропиваетъ.
Третій путь ведетъ,—
Гдѣ кладбище ждетъ,
Гдѣ бѣднякъ отъ горя отдыхаетъ...
Первый путь лежитъ—
Весь росой покрытъ:
Много слезъ тамъ, много пота льется.
На второмъ—порой
Горько сынъ родной
Надъ отцомъ, надъ матерью смѣется.
Третій—тихъ, унылъ.
Вѣетъ сномъ могилъ.
Только днемъ звенятъ въ травѣ стрекозы,
Только по ночамъ,
Наклонясь къ крестамъ,
Тихо плачутъ бѣлыя березы.
Отъ убогихъ хатъ
Три пути лежатъ:
Про иные не слыхать въ народѣ...
Кто-жъ укажетъ путь,
Гдѣ-бъ душѣ вздохнуть,
Путь широкій къ свѣту и свободѣ.

Тѣ же самые мотивы звучали въ произведеніяхъ Конопницкой и тогда, когда она изображала жизнь крестьянъ и городскихъ рабочихъ непосредственно отъ своего имени. Дѣти бѣдняковъ, преждевременно умирающія въ сельскихъ хатахъ или чахнущія безъ солнца и воздуха въ городскихъ подвалахъ, дѣти-сироты, остающіяся безъ крова, замерзающія рядомъ съ жилищами богачей, на

порогѣ церквей, посвященныхъ ихъ «небесному отцу», гонимыя нуждой на путь преступленія и порока, дѣвушки, попадающія въ вертепы, мать-крестьянка, съ разрывающимся сердцемъ провожающая своего сына въ солдаты, крестьянинъ, благодаря неурожаю обратившійся въ «свободнаго наймита», городской рабочій, передъ которымъ въ немногіе часы отдыха открыта одна торная дорога—въ шинокъ,—таковы образы, которые чаще всего вставали въ воображеніи писательницы, пробуждая въ ней горячую симпатію къ жертвамъ нужды и соціальной несправедливости и горькое чувство тяжелой вины. Описывая смерть крестьянскаго мальчика, не дождавшагося въ сырой и темной хатѣ живительнаго весенняго солнца, поэтесса скорбно восклицала:

Ахъ, сколько есть такихъ могилъ на бѣломъ свѣтѣ!
Ихъ сторожитъ печаль... Намъ надо много силъ,
А жертвы смерть слѣдитъ и ставитъ всюду сѣти,
И больше съ каждымъ днемъ безвременныхъ могилъ!
Вѣдь этотъ рядъ гробовъ, великій и ужасный,
Пытливые умы смущающій давно,
Вѣдь это—пустоцвѣтъ, вѣдь это—сѣвъ напрасный,
Отъ стужъ и холодовъ погибшее зерно!
. . . .
О братья, неужель въ томъ вашей нѣтъ вины,
Что не дождался Ясь весны?

Изорванная сермяга на согнутой спинѣ старой крестьянки вызывала въ умѣ поэтессы скорбно-ироническія мысли. «Грустная вещь—восклицала она—эта сѣрая сермяга, пропитанная потомъ и слезами... Грустная вещь она, стóитъ надъ нею подумать и такую жалость она возбуждаетъ, какъ будто это не лохмотья, а живая рана на народномъ тѣлѣ. Когда-нибудь, когда улягутся бури и вихри и прояснится небо, объ этой сермягѣ будутъ говорить въ мірѣ и будутъ называть ея исторію эпопеей народовъ. И, быть можетъ, тогда даже мы, мы сами, будемъ хранить этотъ жалкій, грязный, изорванный лоскутъ среди народныхъ сокровищъ и памятниковъ и будемъ обливать его слезами!»

Отсутствіе свѣта знанія среди народныхъ массъ волновало поэтессу не менѣе глубоко, чѣмъ ихъ матеріальная нужда, и вызывало не менѣе острое сознаніе вины. Въ одномъ изъ стихотвореній Конопницкой судьѣ, задумавшемуся надъ дѣломъ малолѣтняго преступника, знакомаго съ суровой нуждой, но незнакомаго со школой, чудится предостерегающій голосъ: «Пусть разсудитъ Христосъ,—говоритъ этотъ голосъ,—кто изъ васъ болѣе виновенъ: этотъ ли бѣднякъ, не знающій дороги и блуждающій во мракѣ, или вы, исписывающіе толстые томы уголовныхъ законовъ и не заботящіеся о томъ, чтобы учить ребенка-сироту? Пусть васъ судитъ Христосъ!» «Но черное распятіе—заканчивала поэтесса свой страстный вопль—тихо и неподвижно стояло на столѣ, словно алтарь, отвѣчающій молчаніемъ на слезы»... Подчеркивая винов-

ность верхнихъ слоевъ общества въ народномъ невѣжествѣ, Конопницкая съ тѣмъ болѣе горячимъ сочувствіемъ и съ тѣмъ болѣе трогательною нѣжностью останавливалась на образахъ людей, отдающихъ свои силы борьбѣ съ этимъ невѣжествомъ и пытающихся удовлетворить духовные запросы народныхъ массъ. «Молодая жница—писала она въ стихотвореніи, изображающемъ похороны сельской учительницы,—смѣло встала на общей трудовой нивѣ и съ неустаннымъ терпѣніемъ вязала свой тяжелый снопъ. Хотя никто не ободрялъ ее словомъ поощренія, никто не пришелъ къ ней на помощь, она стояла на этой нивѣ съ утра и до ночи. И только по временамъ, блѣдная, измученная, съ влажными глазами, она простирала въ широкую даль свои натруженныя руки, и только по временамъ, тщетно борясь съ смертельнымъ недугомъ, теряя надежду, шептала: «какъ темно! когда же разсвѣтъ?»... Ахъ, она была какъ бы радугой, что соединяетъ землю съ небомъ... Была она жаворонкомъ для дремлющей деревушки, хлѣбомъ для духа... Была росою, оживляющей на разсвѣтѣ усталыя растенія... Была звѣздочкой, свѣтящей на небѣ передъ восходомъ солнца». И съ пламеннымъ воодушевленіемъ, съ неослабѣвающей энергіей звала поэтесса къ работѣ, цѣлью которой являлось бы умственное пробужденіе народныхъ массъ. «Мечтаютъ ли когда-нибудь,—спрашивала она въ одномъ изъ наиболѣе яркихъ своихъ стихотвореній—мечтаютъ ли когда-нибудь эти склоненныя головы, на которыхъ лежитъ надъ поблѣднѣвшимъ отъ слезъ лицомъ терновый вѣнецъ ежедневной заботы? Мелькаетъ ли порою въ ихъ затуманенныхъ глазахъ искра великаго огня, у котораго отъ вѣка согрѣваются души общей надеждой? Блѣдные труженики у чужихъ станковъ, засыпающіе тяжелымъ сномъ, и тѣ, которые влачатъ свои дни въ обвалившейся хатѣ,—мечтаютъ ли они? Слышатъ ли они порою, въ часы одиночества, глухой шумъ идущихъ одно за другимъ столѣтій и тихій шелестъ таинственнаго рожденія великихъ идей?.. Сознаетъ ли себя ихъ обездоленная мысль частицей милліона? Вѣрятъ ли ихъ усталыя, изнывающія души въ близящійся конецъ мрака? Предчувствуютъ ли онѣ солнце болѣе свѣтлыхъ дней? Мечтаютъ ли онѣ? Если нѣтъ—шире разведемъ огонь—пусть будетъ больше свѣта и тепла!—и въ братскомъ объятіи близко притянемъ къ себѣ окаменѣвшую грудь народа! Если нѣтъ—выше подниммемъ знамена! Пусть бѣднякъ увидитъ борющихся съ мракомъ и услышитъ кличъ, полный вѣры въ золотую зарю!»

Эта борьба съ мракомъ, долженствующая пробудить трудящіяся массы къ сознательной жизни и поэтому обращающаяся въ борьбу съ народною нуждой, въ сознаніи самой поэтессы имѣла тѣмъ больше значенія и представлялась тѣмъ болѣе настоятельной, что въ ней она видѣла своего рода актъ искупленія исторической вины. Такой мотивъ неоднократно прорывался въ произведеніяхъ Конопницкой. Съ особенной силой и отчетливостью выраженъ онъ

въ небольшомъ ея стихотвореніи, носящемъ характерное заглавіе—*На порогѣ*:

Какъ послѣ долгихъ лѣтъ разлуки къ брату братъ
Упавъ въ объятія, отъ слезъ молчитъ при встрѣчѣ,
Такъ мы, когда стоимъ у вашихъ бѣдныхъ хатъ,
Отъ трепета сердецъ связать не можемъ рѣчи.
Куда мы отошли и гдѣ остались вы?
О, почему у насъ не вмѣстѣ шла дорога?
Зачѣмъ мы велики, вы-жъ малы такъ, увы?..
Кто дастъ за то отвѣтъ передъ судомъ у Бога?..
О, братья, если есть въ чемъ повиниться намъ,—
Сейчасъ, теперь простимъ... раздоровъ, слезъ довольно...
Вы обнимите насъ... идемъ мы сами къ вамъ,
Вѣдь мы виновнѣй васъ и потому намъ больно!

Существованіе соціальной пропасти, раздѣляющей «великихъ» отъ «малыхъ», вызывало такимъ образомъ у поэтессы острое чувство личной отвѣтственности, если не за полное соціальной неправды прошлое, то во всякомъ случаѣ за настоящее, выросшее изъ этого прошлаго и унаслѣдовавшее его основныя традиціи. Этотъ мотивъ личнаго покаянія за грѣхи общественнаго строя, это стремленіе къ сліянію съ народной массой, общіе у Конопницкой съ Ожешко и нѣкоторыми другими польскими писателями того же времени, вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени роднили ее съ русской школой поэтовъ и беллетристовъ-народниковъ. Но рядомъ со сходствомъ въ данномъ случаѣ шло и существенное различіе. Какъ ни глубоко было у Конопницкой сознаніе царящей въ современномъ обществѣ соціальной розни, оно находило себѣ извѣстный противовѣсъ и ограниченіе въ національномъ чувствѣ писательницы. Это послѣднее, болѣзненно и непрерывно раздражаемое современной дѣйствительностью, искало себѣ выхода, и, пойдя по пути наименьшаго сопротивленія, нашло или, вѣрнѣе, временами находило такой выходъ въ воспоминаніяхъ о быломъ величіи и славѣ родины,—родины, какъ одного цѣлаго, въ качествѣ таковаго противопоставляемой другимъ національнымъ и государственнымъ организмамъ. Въ результатѣ та самая поэтесса, изъ-подъ пера которой вылилось цитированное выше стихотвореніе: «Какъ король шелъ на войну», въ другое время восторженно воспѣвала Грюнвальденскій бой и побѣды Собѣскаго, съ увлеченіемъ воспроизводя батальныя картины, въ этихъ случаяхъ ничѣмъ, какъ будто, не отталкивавшія ее. Эта же тенденція неизбѣжно окрашивала до нѣкоторой степени въ свой цвѣтъ и отношеніе писательницы къ настоящему. Крестьянская привязанность къ землѣ принимала въ ея глазахъ характеръ стремленія къ защитѣ національнаго дѣла и польская крестьянская хата рисовалась воображенію поэтессы не только главной жертвой общественной несправедливости, но и «Пястовской хатой», хранилищемъ національныхъ традицій и опорой національной силы.

Трактуемую съ этой точки зрѣнія крестьянскую хату нельзя уже было черезчуръ рѣзко противопоставлять помѣщичьей усадьбѣ, и поэтесса, дѣйствительно, мечтала о томъ моментѣ, когда хата и усадьба станутъ на одномъ общемъ полѣ, сойдутся въ одномъ общемъ дѣлѣ. Не устраняя и не ослабляя демократизма Конопницкой, національная тенденція сдѣлала, однако, его менѣе послѣдовательнымъ, чѣмъ онъ могъ бы быть при другихъ условіяхъ, и, въ связи съ личнымъ характеромъ писательницы, сообщила ея поэтическимъ произведеніямъ особый отпечатокъ. Глубоко захватывая условія соціальнаго быта, они въ цѣломъ являлись все же не столько призывомъ къ борьбѣ, обращеннымъ къ обездоленнымъ, сколько страстною, хотя временами нѣсколько туманной и расплывчатой, проповѣдью соціальнаго мира, достигаемаго путемъ дѣятельной любви и самопожертвованія со стороны тѣхъ, кому досталось мѣсто на жизненномъ пиру.

III.

Тѣ же основныя черты свойственны были и беллетристическимъ произведеніямъ Конопницкой. Громадное большинство ихъ представляли собою небольшіе очерки, разсказы и новеллы,—въ беллетристикѣ, какъ и въ поэзіи, покойная писательница, за рѣдкими исключеніями, избѣгала большихъ полотенъ и довольствовалась сравнительно незначительными по своимъ размѣрамъ картинками. Содержаніемъ этихъ картинъ являлись опять-таки по преимуществу различные моменты изъ жизни обездоленныхъ членовъ общества, тѣхъ, къ кому оказались особенно безпощадны судьба или люди, соціальныя условія или природа. Счастливыхъ людей и идиллическихъ моментовъ мало въ разсказахъ Конопницкой. Въ нихъ преобладаютъ трагедіи, но трагедіи, лишенныя яркихъ красокъ, тѣ сѣрыя трагедіи обыденной жизни, мимо которыхъ многіе проходятъ, совершенно не замѣчая ихъ жертвъ. Крестьянскія дѣти, почти никогда не видавшія чистаго хлѣба, съ голоду полакомившіяся сыромъ и масломъ въ чужой клѣти и предстающія передъ судомъ по обвиненію въ кражѣ со взломомъ; дѣти городского рабочаго, съ наивнымъ дѣтскимъ любопытствомъ наблюдающія разореніе своей семьи, благодаря болѣзни и смерти матери; юноша-рабочій, погибающій при взрывѣ заводскаго котла и оставляющій старуху-мать; сельскій рабочій, умирающій изъ-за неосторожности помѣщика и ему же завѣщающій свою землю въ благодарность за уходъ во время болѣзни; юродивые, бродящіе по деревнямъ и таящіе въ груди невыплаканныя слезы и невысказанныя драмы; работница, покинутая возлюбленнымъ, отъ котораго у нея есть дѣти, но сохраняющая въ глубинѣ своей измученной души любовь къ измѣннику; солдатка, въ отсутствіи мужа

прижившая въ деревнѣ ребенка, но оказавшаяся не въ состоянiи перенести свой позоръ съ возвращенiемъ мужа, къ которому она въ душѣ сохранила привязанность и вѣрность; старая кухарка, для которой вся радость жизни и всѣ надежды сосредоточились въ сынѣ; еврей, переживший погромъ, убивший въ немъ любовь къ родному городу; гувернантка изъ бѣдныхъ шляхтянокъ, съ трогательной заботливостью провожающая въ могилу опустившуюся женщину, которая нѣкогда разбила ея молодое счастье; старая дѣвушка изъ шляхетской семьи, дошедшая до крайней степени бѣдности и испытывающая всѣ муки и униженiя тщательно скрываемой нищеты,—таковы были излюбленные герои и героини разсказовъ Конопницкой. Всѣ эти герои и героини были близки ея сердцу и всѣхъ ихъ она умѣла, нисколько не прикрашивая ихъ неприглядной обстановки, показать съ ихъ наиболѣе человѣчной стороны и сдѣлать близкими своему читателю и въ этомъ заключалась тайна того сильнаго впечатлѣнiя, какое производили ея небольшiе разсказы.

«Книги—говоритъ одинъ изъ героевъ Уэллса — это широкiя окна, открывающiяся на нашу жизнь и освѣщенныя свѣтлой душою писавшихъ ихъ людей». Въ окна, которыя раскрывала передъ своими читателями Конопницкая, они могли видѣть безграничное море человѣческихъ страданiй, горя и нужды, могли видѣть людей, безпомощно утопающихъ въ этомъ морѣ, хотя ихъ такъ легко было бы спасти, и людей, въ тяжелой борьбѣ съ нимъ обнаруживающихъ лучшiя силы человѣческаго духа. И это зрѣлище дѣйствовало тѣмъ сильнѣе, что показывала его писательница въ высшей степени просто. На первыхъ беллетристическихъ произведенiяхъ Конопницкой лежалъ еще отпечатокъ нѣкоторой сентиментальности и писательница нерѣдко допускала въ нихъ лирическiя отступленiя, безъ нужды подчеркивавшiя основную мысль произведенiя. Но чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше развертывалось художественное дарованiе Конопницкой, тѣмъ проще, жизненнѣе и реалистичнѣе становилась ея беллетристическая манера. Въ лучшихъ своихъ разсказахъ покойная писательница достигала поразительной безыскусственности повѣствованiя, соединявшейся съ глубокимъ проникновенiемъ въ психологiю изображаемыхъ лицъ. Вела ли она отъ имени мальчика, сына городского рабочаго, разсказъ о разоренiи рабочей семьи, благодаря затянувшейся болѣзни матери, разсказъ, въ которомъ дѣтское воображенiе выдвигало на первый планъ по преимуществу забавныя подробности быстро совершающагося обѣднѣнiя, не умѣя еще осмыслить всего ихъ печальнаго значенiя, разсказывала ли отъ своего собственнаго имени о своеобразномъ аукцiонѣ въ швейцарской деревнѣ, на которомъ община, запретившая въ своихъ предѣлахъ нищенство, отдаетъ потерявшихъ способность пропитаться своимъ трудомъ бѣдняковъ въ услуженiе тѣмъ изъ

своихъ сочленовъ, кто меньше всѣхъ беретъ съ общины за ихъ содержаніе, повѣствовала ли о бѣдной деревенской старухѣ, притащившейся въ Львовъ, чтобы умереть у зятя и дочери, но черезчуръ зажившейся на свѣтѣ и вынужденной платить изъ скудныхъ сбереженій, сдѣланныхъ на похороны, штрафы за несвоевременную прописку въ участкѣ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ она выводила передъ читателемъ живыя фигуры и, тщательно соблюдая гармонію между сюжетомъ картины и ея красками, старательно избѣгая яркихъ словъ и красивыхъ позъ, въ спокойномъ изложеніи давала какъ бы куски подлинной жизни. И все же за этимъ выдержаннымъ спокойствіемъ, за внѣшнею невозмутимостью тона неизмѣнно чувствовались чистая и свѣтлая душа, безпокойная мысль и чуткое сердце писательницы, отдавшей всѣ свои симпатіи міру трудящихся и обремененныхъ и своими произведеніями широко открывавшей окна въ этотъ міръ для другихъ.

Въ беллетристикѣ, какъ и въ поэзіи, Конопницкая не ограничивалась изображеніемъ одной только польской жизни. Но и при наблюденіяхъ надъ жизнью другихъ странъ ея вниманіе привлекали, главнымъ образомъ, трудящіеся классы, имъ она отдавала свои симпатіи и изображенію ихъ быта посвящала свои силы. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи нѣсколько ея очерковъ, объединенныхъ общей темой и общимъ названіемъ: *«На нормандскомъ берегу»*. Въ десяти маленькихъ разсказахъ, изъ которыхъ самый большой занимаетъ едва два десятка страницъ, писательница сумѣла ярко обрисовать своеобразную жизнь нормандскихъ рыбаковъ, обвѣянную суровымъ дыханіемъ моря, сумѣла показать ихъ въ церкви и въ семьѣ, на сушѣ и на морѣ, на промыслѣ и на ярмаркѣ, сумѣла познакомить читателя съ ихъ несложными радостями и заставить перечувствовать глубокую печаль и тревогу, разлитыя въ этой связанной съ моремъ жизни. Попутно она въ тѣхъ же разсказахъ нѣсколькими штрихами набросала рядъ индивидуальныхъ фигуръ, на столько типичныхъ и характерныхъ въ своей ничѣмъ не прикрашенной жизненности, что приходится удивляться тому, какъ могла писательница такъ глубоко проникнуть въ сущность чуждой ей жизни, такъ безпристрастно и тонко подмѣтить душевныя движенія чужихъ ей по національности людей. То же безпристрастіе и та же тонкость психологическихъ наблюденій являлись характерными чертами и другихъ произведеній Конопницкой, изображавшихъ иноземную жизнь, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда писательница касалась чужеземной культуры, насильственно вторгающейся въ польскіе предѣлы, въ ея разсказахъ вспыхивала яркая національная тенденція. Но такіе разсказы среди беллетристическихъ произведеній покойной писательницы составляютъ лишь ничтожное меньшинство.

IV.

Наиболѣе полное воплощеніе эта національная тенденція получила въ самомъ крупномъ поэтическомъ произведеніи Конопницкой, составившемъ главный трудъ послѣднихъ лѣтъ ея жизни, въ поэмѣ «*Панъ Бальцеръ въ Бразиліи*» („Pan Balcer w Brazylii"). Эта грандіозная поэма, заключающая въ себѣ около двадцати пяти печатныхъ листовъ, посвящена, какъ показываетъ уже ея названіе, эмиграціи поляковъ въ Бразилію. Отъ поэтессы-народницы можно было ожидать, что, взявъ такую тему, она воспользуется ею для того, чтобы развернуть рядъ яркихъ картинъ народной жизни. На дѣлѣ, однако, случилось нѣчто иное.

Правда, въ картинахъ польской жизни и въ характерныхъ польскихъ фигурахъ въ поэмѣ нѣтъ недостатка. Великолѣпно написана въ ней прежде всего фигура главнаго героя, отъ имени котораго ведется весь разсказъ въ поэмѣ,—пана Бальцера. Бравый кузнецъ, горячій патріотъ и ревностный уніатъ, человѣкъ уже не первой молодости, но сильный, смѣлый и разсудительный, потершійся по свѣту и кое о чемъ наслышавшійся, одаренный врожденнымъ почтеніемъ къ установившимся порядкамъ и общественнымъ различіямъ, но не забывающій и о своемъ личномъ достоинствѣ, напротивъ, охотно при удобномъ случаѣ вспоминающій, что онъ записанъ въ цехъ, а по праздникамъ носитъ даже въ процессіяхъ цеховое знамя, и что братъ у него ксендзомъ въ Краковѣ и называется уже паномъ Бальцерскимъ,—панъ Бальцеръ представляетъ собою художественно отдѣланную, дышащую жизнью фигуру бывалаго ремесленника изъ маленькаго польскаго мѣстечка. Трудную задачу вести длинный разсказъ отъ имени такого лица, не сбиваясь съ тона, поэтесса въ общемъ выполнила съ большимъ искусствомъ. Въ свою очередь не менѣе жизненны и типичны и многія второстепенныя фигуры поэмы,—главнымъ образомъ, фигуры польскихъ крестьянъ, товарищей пана Бальцера по переселенію въ чужія края. Но нельзя было бы сказать то же самое и о тѣхъ положеніяхъ, въ какія ставитъ поэтесса выводимыхъ ею лицъ. Въ этихъ положеніяхъ нерѣдко чувствуется натяжка, и при томъ натяжка далеко не случайнаго характера.

Поэма открывается моментомъ отплытія изъ Бремена большого эмигрантскаго корабля, увозящаго на себѣ въ Бразилію пана Бальцера и немалое количество его земляковъ. Живо и ярко описываетъ поэтесса устами своего героя впечатлѣнія переѣзда черезъ океанъ, принимающія особенно грандіозные размѣры въ умахъ людей, никогда раньше не видавшихъ моря, живо и ярко изображаетъ она тревоги и бѣдствія переселенцевъ на кораблѣ и передаетъ бесѣды и споры эмигрантовъ-крестьянъ, наивно убѣжденныхъ

въ томъ, что ихъ вызвала въ Бразилію сама тамошняя королева черезъ посредство королевы англійской, которая выслала за ними спеціальный корабль. Въ Бразиліи наивныхъ переселенцевъ, конечно, ожидаетъ горькое разочарованіе. При первыхъ же ихъ шагахъ на бразильской почвѣ ихъ постигаютъ тяжелыя испытанія, на первой же эмигрантской стоянкѣ значительная часть польскихъ переселенцевъ гибнетъ отъ лихорадки, а уцѣлѣвшіе, не имѣя никакого понятія о странѣ, въ которую они попали, не представляя себѣ мѣста, въ какомъ хотѣли бы поселиться, проявляютъ полную безпомощность, составляя въ этомъ отношеніи рѣзкую противоположность дѣловитымъ эмигрантамъ-нѣмцамъ. Въ концѣ концовъ завѣдующіе разселеніемъ эмигрантовъ чиновники, потерявъ надежду добиться чего-либо опредѣленнаго отъ польской партіи переселенцевъ, по собственному почину дѣлятъ ее на двѣ части и посылаютъ одну, составленную изъ болѣе слабыхъ людей, на кофейныя плантаціи, а другую, въ которую вошли болѣе сильные работники,—корчевать дѣвственный лѣсъ. Разсказъ пана Бальцера объ этихъ первоначальныхъ злоключеніяхъ переселенцевъ изложенъ поэтессой, за немногими исключеніями, еще въ реалистическихъ тонахъ. Но, чѣмъ дальше развивается повѣствованіе поэмы, тѣмъ больше реализмъ описанія отступаетъ на задній планъ передъ сознательной національно-патріотической тенденціей, заставляющей писательницу обрушивать на головы ея героевъ рядъ невѣроятныхъ несчастій, чтобы тѣмъ сильнѣе разжечь въ нихъ любовь къ родинѣ.

Дальнѣйшее содержаніе поэмы, если опустить вводные эпизоды, можетъ быть передано въ немногихъ словахъ. Та часть переселенцевъ, къ которой присоединился панъ Бальцеръ и которая занялась корчеваніемъ дѣвственнаго лѣса, послѣ долгой и тяжелой работы, сопровождавшейся рядомъ новыхъ бѣдствій, убѣждается, что она не сможетъ справиться съ задачей созданія на мѣстѣ этого лѣса земледѣльческаго хозяйства, и, подъ предводительствомъ Бальцера, рѣшаетъ возвратиться на родину. Черезъ дѣвственный лѣсъ, безлюдную степь и горы бѣглецы выбираются на приморскую равнину и случайно наталкиваются на ту самую кофейную плантацію, на которой работаютъ разставшіеся раньше съ ними товарищи. Но и здѣсь эмигрантамъ не повезло. Работавшіе на той же плантаціи негры черезчуръ назойливо пристаютъ къ польскимъ женщинамъ и въ концѣ концовъ дѣло доходитъ до столкновенія, описываемаго поэтессой въ стилѣ Гомеровскихъ битвъ. Въ этомъ столкновеніи разъяренные поляки перебиваютъ почти всѣхъ бывшихъ на плантаціи негровъ и, не помня себя отъ бѣшенства, бросаются на близъ лежащій городокъ. Но навстрѣчу имъ изъ предупрежденнаго бѣжавшими неграми города выходитъ процессія, во главѣ которой идетъ съ крестомъ въ рукахъ священникъ. Пристыженные эмигранты останавливаются, а священникъ, оказавшійся

также полякомъ, ведетъ ихъ въ церковь и заставляетъ каяться—каяться въ томъ, что они покинули родную польскую землю, не любили ее такъ, какъ должны были любить, не защищали такъ, какъ должны были защищать. Проведя ночь у церкви, эмигранты утромъ встрѣчаются на городскомъ рынкѣ съ земляками, давно уже переселившимися въ Бразилію и устроившимися земледѣльческой колоніей неподалеку отъ города. Побывавъ въ этой колоніи, которая пользуется полнымъ матеріальнымъ благополучіемъ, но въ которой дѣти колонистовъ-поляковъ начинаютъ уже говорить по португальски, панъ Бальцеръ съ товарищами не только не покидаютъ своего намѣренія вернуться на родину, но, напротивъ, еще болѣе укрѣпляются въ немъ. Возвратившись въ городъ, они нанимаются тутъ же въ порту на тяжелыя работы, съ единственной цѣлью заработать средства на обратную дорогу домой, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ упорнаго труда, перемежаемаго новыми бѣдствіями и приключеніями, получаютъ, наконецъ, возможность сѣсть на корабль, который долженъ отвезти ихъ въ Европу. Описаніемъ отъѣзда эмигрантовъ, сопровождаемаго восторженнымъ обращеніемъ ихъ къ родинѣ: «мы идемъ къ тебѣ, мать! идемъ къ тебѣ!», и заканчивается поэма.

На этой канвѣ поэмы поэтессой разбросано не мало великолѣпныхъ описаній природы, яркихъ бытовыхъ сценъ и прекрасныхъ цвѣтовъ лирической поэзіи, согрѣтыхъ горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ. И тѣмъ не менѣе взятая въ общемъ поэма не оставляетъ цѣльнаго впечатлѣнія. Слишкомъ искусственно пригнано ея содержаніе къ одной опредѣленной тенденціи, слишкомъ явно господствуетъ эта тенденція надъ взятыми въ основу поэмы жизненными фактами. Изъ всѣхъ причинъ, которыя создаютъ эмиграцію изъ Польши, поэтесса съ полною опредѣленностью намѣчаетъ лишь одну—гоненія на уніатскую церковь. Встрѣчаются, правда, въ поэмѣ и упоминанія о тѣхъ экономическихъ условіяхъ, которыя гонятъ польскаго крестьянина за океанъ, но эти упоминанія мелькаютъ въ ней лишь мимоходомъ и остаются недостаточно развитыми. Такимъ образомъ то крупное явленіе, какое представляетъ собою въ жизни польскаго народа годъ отъ году усиливающійся и уносящій съ собою все большее количество людей эмиграціонный потокъ, нашло себѣ у Конопницкой далеко не полное, чтобы не сказать, одностороннее, освѣщеніе. Съ другой стороны, чрезмѣрное изобиліе несчастій, обрушиваемыхъ поэтессой на головы своихъ героевъ, и поистинѣ невѣроятные подвиги, какіе она заставляетъ ихъ совершать, равно какъ ежеминутное подчеркиваніе ею чувства горячаго патріотизма и въ этихъ герояхъ, и въ каждомъ встрѣчаемомъ ими порядочномъ полякѣ, отдаютъ явнымъ преувеличеніемъ, которое не можетъ пройти незамѣченнымъ и неизбѣжно ослабляетъ производимое поэмой впечатлѣніе. Въ концѣ концовъ послѣдняя представляетъ собою не

столько изображеніе реальной жизни польскихъ переселенцевъ на чужбинѣ, сколько облеченное въ поэтическую форму предостереженіе противъ эмиграціи, страстный гимнъ любви къ родинѣ, любви, на столько горячей и напряженной, что она заставляетъ смотрѣть на оставленіе родной земли не какъ на несчастіе даже, а какъ на нѣчто грѣховное, какъ на тяжелый проступокъ. Патріотическая тенденція въ этомъ единственномъ крупномъ произведеніи Конопницкой рѣшительно одержала такимъ образомъ верхъ надъ реалистическими вкусами и народническими симпатіями писательницы. Но тѣ и другія пробиваются во всякомъ случаѣ и въ этой, по преимуществу патріотической, поэмѣ.

Взятая въ цѣломъ, литературная, и въ особенности поэтическая, дѣятельность Конопницкой оставила по себѣ глубокій и благотворный слѣдъ. Въ польской литературѣ послѣ смерти Конопницкой раздавались даже голоса, объявлявшіе ее геніальной или, по меньшей мѣрѣ, великой поэтессой. Это были, конечно, преувеличенія, быть можетъ, и естественныя въ минуту свѣжей скорби, но во всякомъ случаѣ ненужныя для славы покойной писательницы. Вѣрно то, что со смертью Маріи Конопницкой сошла въ могилу крупная и благородная сила. Въ ея лицѣ польская литература похоронила крупное художественное дарованіе и одного изъ наиболѣе видныхъ и чистыхъ дѣятелей того переходнаго момента, когда на смѣну господствовавшимъ въ ней ранѣе идеаламъ чистаго націонализма стали выдвигаться демократическія идеи и чаянія. Ярко и полно отразила Конопницкая этотъ моментъ въ своихъ произведеніяхъ и, быть можетъ, лучшей характеристикой смысла и значенія послѣднихъ являются строфы того стихотворенія, въ которомъ покойная теперь поэтесса сама характеризовала свою вѣру и свою дѣятельность:

Я вѣрю: по смерти мой камень могильный
Украсится надписью „братство и миръ" —
И блага польются рѣкою обильной,
И руку протянетъ богатый и сильный
Тому, кто обиженъ и сиръ.
Сейчасъ еще ночь отступить не готова,—
И сердце томится, тревогой горя;
Для тѣхъ, негодуя, звучитъ мое слово,
Чья совѣсть проснется не раньше, чѣмъ снова
Блеснетъ на востокѣ заря.
Звучитъ мое слово, какъ бичъ, надъ сердцами
Спокойно глядящихъ, какъ ширится зло;
Однихъ я бичую, трясу я цѣпями
Другихъ, чтобы всѣмъ золотыми мечтами
Повѣдать, что станетъ свѣтло.

В. Мякотинъ.

ПРОФЕССОРЪ ФРОГЕМУТЪ.

Повѣсть *Феликса Зальтена.*

Пер. съ нѣм. Э. К. Пименовой.

I.

Гимназическій профессоръ Антонъ Фрогемутъ сидѣлъ одинъ въ учительской комнатѣ и просматривалъ газету. Онъ всегда заходилъ туда по окончаніи уроковъ и оставался нѣкоторое время, выжидая, пока прекратится шумъ уходящихъ учениковъ. Всѣхъ этихъ мальчиковъ, съ ихъ веселыми лицами, онъ могъ выносить только тогда, когда они сидѣли противъ него рядами, на скамьяхъ, молчаливые и присмирѣвшіе. Но ихъ разнузданный смѣхъ и веселые возгласы казались ему всегда чѣмъ-то враждебнымъ, ихъ прыжки и бѣганіе возмущали его и ему представлялось, что вся эта возня и суматоха направлены именно противъ него. Онъ уже столько разъ напрасно выходилъ изъ себя тамъ, за дверями гимназіи, что теперь уже не хотѣлъ больше подвергать себя такому испытанію и поэтому почти цѣлый день проводилъ въ просторной учительской. Тамъ онъ былъ одинъ, но чувствовалъ себя нѣсколько приниженнымъ и точно въ тюрьмѣ. Однако, выходить онъ все же не рѣшался и читалъ газету, чтобы скорѣе прошли роковые четверть часа.

Пробѣгая разсѣянными взорами газету, онъ вдругъ остановился: изъ хаоса буквъ, мелькавшихъ у него передъ глазами, выдѣлилось одно имя: ф р е й л е й н ъ О л ь г а Ф р о г е м у т ъ!.. Онъ испугался, точно совершилъ какую нибудь неосторожность или сорвалъ завѣсу съ закрытой картины, которая должна была оставаться неприкосновенной... Онъ старался не смотрѣть на это имя, читать дальше, но оно постоянно вертѣлось у него передъ глазами. Мучительное чувство затаенной ненависти и злобы закипѣло въ его душѣ, раскрывались старыя ноющія раны.

Профессоръ противъ воли читалъ отдѣльныя, отрывочныя фразы статьи: „Очаровательная пѣвица... любимица публики... покорительница сердецъ..." Слова эти прыгали у него передъ глазами, окружая имя, которое представлялось ему живымъ существомъ. Онъ прочелъ еще одно слово: романъ! Это была нескромная болтовня, часто появляющаяся въ газетахъ, когда рѣчь идетъ о какомъ нибудь извѣстномъ лицѣ. Тутъ были намеки на какого-то принца, который въ дѣтствѣ былъ товарищемъ игръ знаменитой пѣвицы, ея дѣтской любовью. Теперь они снова встрѣтились, оба окруженные блескомъ и славой...

Газета выпала изъ рукъ профессора. Позоръ, только позоръ доставила ему эта дочь! Напрасно онъ увѣрялъ себя, что вырвалъ память о ней изъ своего сердца, что забылъ ея имя! Она стоитъ тутъ, передъ его глазами, ею наполнены всѣ улицы! Напрасно онъ принялъ рѣшеніе считать ее умершей и погребенной. Она живая и постоянно, безудержно напоминаетъ ему о себѣ! Принцъ Эмануэль Фердинандъ?.. Конечно, это онъ! Онъ былъ его ученикомъ, въ этой самой гимназіи, потому что мода требуетъ, чтобы сыновья королевской семьи посѣщали публичныя школы. Профессоръ долженъ былъ пригласить къ себѣ домой это маленькое высочество, и мальчикъ въ бархатной курточкѣ появился въ его бюргерскомъ жилищѣ и весело игралъ съ его дѣтьми, съ вѣчно серьезной Эрминой, съ веселой, насмѣшливой Ольгой и даже съ Антономъ, который былъ тогда совсѣмъ еще маленькимъ и упрямо называлъ принца Антоніо...

Мысли профессора невольно унеслись въ это прошлое. Быть можетъ, уже тогда онъ проглядѣлъ то, что начиналось. Злое подозрѣніе набросило тѣнь даже на эти свѣтлыя воспоминанія о невинныхъ годахъ дѣтства. И снова профессоръ Фрогемутъ вычеркнулъ изъ своей памяти имя отверженной дочери, замкнулъ за нею дверь на ключъ навсегда и, уходя изъ гимназіи, онъ уже не ощущалъ ничего, кромѣ неопредѣленнаго и непріятнаго чувства досады.

Онъ вышелъ изъ темнаго подъѣзда гимназіи на яркоосвѣщенную и залитую солнцемъ улицу. Близость садовъ наполняла воздухъ весеннимъ запахомъ сырой земли. На улицѣ было тихо; ученики уже разошлись и слышенъ былъ только звонъ полдневныхъ колоколовъ, раздававшійся въ мягкомъ весеннемъ воздухѣ. Профессоръ пошелъ сначала обычною дорогой, но потомъ свернулъ на Рингштрассе. Прежде онъ всегда возвращался по этой улицѣ въ солнечные дни.

Жена его выходила къ нему на встрѣчу съ дѣтьми. Завидѣвъ его, она останавливалась, робко улыбаясь ему, и они

всѣ стояли смирно, пока онъ самъ не подходилъ къ нимъ. Только маленькая Ольга иногда вырывалась, бросалась къ нему на встрѣчу съ громкими возгласами и, смѣясь и болтая, прыгала около него, пока онъ строгимъ голосомъ не призывалъ ее къ порядку. Ея сіяющее личико, смотрѣвшее на него послѣ этого выговора широкораскрытыми глазами, въ которыхъ свѣтилась робкая, сдержанная нѣжность вмѣстѣ съ испугомъ, всегда вызывало въ его душѣ какое-то особенно пріятное нѣжное чувство.

Теперь онъ рѣдко ходилъ по этой дорогѣ и только иногда, по привычкѣ, сворачивалъ на нее. Но она уже не вызывала въ немъ никакихъ воспоминаній; онъ навсегда отогналъ ихъ отъ себя въ своемъ озлобленіи. И теперь онъ насильственно постарался заглушить ихъ, послѣ того, какъ газетная статья снова вызвала въ его душѣ минувшіе образы. Онъ медленно шелъ съ нахмуреннымъ видомъ по оживленной, богатой улицѣ, мимо роскошныхъ витринъ магазиновъ, стараясь ни о чемъ не думать. На углу онъ остановился, такъ какъ проѣзжавшій мимо великолѣпный экипажъ преградилъ ему дорогу. Онъ разсѣянно взглянулъ на него и сначала замѣтилъ только бѣлыя перья на дамской шляпѣ, но въ слѣдующую секунду онъ уже видѣлъ прекрасное, тонкое женское личико, видѣлъ какъ оно болѣзненно передернулось, и съ какой нѣмой мольбой взглянули на него свѣтлые, сіяющіе глаза, обратившіеся къ нему. Онъ узналъ это лицо, и боль и злоба снова закипѣли въ его душѣ. Онъ рѣзко отвернулся и, ощущая на себѣ взглядъ этихъ блестящихъ глазъ, быстро свернулъ въ боковую улицу.

Долго онъ не могъ успокоиться отъ полученнаго имъ неожиданнаго удара. Злоба бушевала въ немъ, и все же въ мозгу его безсознательно шевелилась мысль: „Какъ она была блѣдна!..“ Но онъ не хотѣхъ поддаваться этому чувству и нарочно разжигалъ въ себѣ ярость, стараясь заглушить въ сердцѣ всякое состраданіе и любовь къ дочери. „Негодница... низкая... безстыдная... распутная“... повторялъ онъ мысленно, силясь отогнать отъ себя ея образъ, и все-таки въ его ушахъ звучали слова: „Какая она блѣдная!“...

Онъ съ такой силой хлопнулъ дверью, придя домой, что всѣ домашніе, сидѣвшіе въ столовой и ожидавшіе его къ обѣду, вздрогнули. Они слышали его шаги въ комнатѣ, стукъ окна, которое онъ съ гнѣвомъ захлопнулъ, и Эрмина тихо шепнула Антону:

— Онъ, навѣрное, видѣлъ ее!..

Антонъ пожалъ плечами и такъ же тихо отвѣтилъ:

— ...Или прочелъ о ней въ газетахъ!..

Они оба взглянули на мать, сильно постарѣвшую и удру-

ченную горемъ. Она опустила глаза на свою тарелку, точно виноватая. Всѣ трое молчали. Такъ же молча пришелъ и сѣлъ на свое мѣсто профессоръ, не обращая вниманія на робкія привѣтствія домашнихъ. Холодомъ вѣяло отъ его окаменѣвшаго лица и этотъ холодъ пронизывалъ сердца его близкихъ...

II.

Ольга Фрогемутъ играла въ этотъ вечеръ. Когда она появилась на сценѣ, въ роли молодой королевы, въ великолѣпной діадемѣ, сверкавшей на ея пепельныхъ волосахъ, въ роскошномъ бѣломъ атласномъ платьѣ, шлейфъ котораго несли два хорошенькихъ пажа въ голубыхъ костюмахъ, то весь театральный залъ задрожалъ отъ грома апплодисментовъ, привѣтствовавшихъ ее. Она, улыбаясь, заняла свое мѣсто на сценѣ.

Въ заднихъ рядахъ партера стоялъ Адальбертъ Клингеръ и съ сильно бьющимся сердцемъ прижимался грудью къ деревянному барьеру. Онъ былъ еще совсѣмъ мальчикъ, учился въ гимназіи и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ первый разъ пришелъ въ театръ изъ любопытства, чтобы взглянуть на дочь своего профессора, о которой они такъ много разговаривали между собою въ школѣ. Но съ той поры онъ уже не пропускалъ ни одного вечера въ театрѣ. Его занятія сильно страдали отъ этого, и сознаніе вины не покидало его въ теченіе цѣлаго дня. Но всѣ эти мучительныя мальчишескія заботы тотчасъ же покидали его, какъ только на сценѣ появлялась Ольга Фрогемутъ, и сладкое, жуткое чувство любви волновало его юношескую кровь.

Впрочемъ, такая же точно любовная лихорадка охватила всю залу, съ низу до верху, всѣхъ мужчинъ, находившихся въ ней. Даже женщины были взволнованы и онѣ ощущали на себѣ то обаяніе, которое исходило отъ Ольги Фрогемутъ. Въ первомъ ряду сидѣлъ молодой человѣкъ, который поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и схватился за сердце, когда на сценѣ появилась Ольга. Ея сверкающій взоръ скользилъ мимо него, по залѣ, точно не замѣчая его, и черты его лица исказились. Вѣдь еще позавчера онъ могъ цѣловать эти дѣтскія уста, улыбающіяся со сцены, эти сверкающіе глаза, смотрящіе мимо него!.. Еще такъ недавно она искала его взглядомъ и весело привѣтствовала его. Онъ не зналъ, что готовитъ ему будущее, онъ только смутно предчувствовалъ, и ужасъ сжималъ ему сердце, точно передъ страданіемъ или смертью, захватывая ему дыханіе.

На верху, въ придворной ложѣ, убранной коврами, сидѣлъ

принцъ Эмануэль Фердинандъ. Его профиль ясно выдѣлялся въ красноватыхъ сумеркахъ ложи, задрапированной пурпурными занавѣсями. Воротникъ его мундира блестѣлъ, точно маленькій золотой обручъ, охватывавшій его шею. Рука его схватила бинокль, когда появилась Ольга Фрогемутъ, но тотчасъ же положила его назадъ. Ему вдругъ пришло въ голову, что всѣ эти элегантные господа, сидящіе въ театрѣ, имѣютъ привычку разсматривать въ бинокль своихъ любовницъ, появляющихся на сценѣ, и что въ этомъ привычномъ жестѣ заключается нѣчто пошлое и унизительное. Онъ не хотѣлъ третировать Ольгу, какъ всѣхъ другихъ. Пусть его лицо остается открытымъ, и она видитъ его глаза и его уста, какъ и онъ видитъ ея глаза и ея милую улыбку, обращенную къ нему...

Ольга Фрогемутъ пѣла своимъ прозрачно-чистымъ, дѣтски-невиннымъ голосомъ какую-то веселую, возбуждающую арію. Только иногда въ ея голосѣ слышалось какъ будто тихое дыханіе чувственности; онъ становился глубже и сильнѣе проникалъ въ сердце. Точно тяжелый, опьяняющій ароматъ красныхъ розъ наполнялъ тогда залу. Ольга начала танцовать, граціозно приподнявъ шлейфъ своего длиннаго платья и сквозь тонкую шелковую ткань виднѣлись всѣ движенія ея стройнаго молодого тѣла, сверкали ея обнаженныя плечи и высоко вздымалась молодая грудь. Ея сіяющіе глаза улыбались, и вся она точно была проникнута ощущеніемъ счастья. Вдругъ она закружилась, какъ будто подхваченная вихремъ, и сразу остановилась у самой рампы, снова подхватила мелодію пѣсни и закончила ее звонкой, высокой нотой, прозвучавшей въ залѣ, точно побѣдный крикъ.

Громъ апплодисментовъ снова раздался въ залѣ, но она уже скрылась за кулисами и, смѣясь и задыхаясь, довѣрчиво облокотилась на плечо режиссера, точно это былъ ея лучшій другъ. Неистовые вызовы заставили ее снова выйти. Но она показалась только на минуту и опять убѣжала за кулисы, съ удивленной миной, точно ея успѣхъ былъ для нея чѣмъ-то необычнымъ...

Когда она вошла въ свою уборную, ярко освѣщенную и увѣшанную костюмами, то увидѣла мать, безмолвно сидящую на стулѣ, сложивъ на колѣняхъ утомленныя руки, съ выраженіемъ тоски и виновности въ потускнѣвшихъ глазахъ. Веселость Ольги сразу пропала. Точно нашалившая маленькая дѣвочка стояла она передъ своей матерью, въ своемъ королевскомъ одѣяніи и съ діадемой на головѣ. „Здравствуй... мама!..“ сказала она тихо. Мать кивнула головой. Нѣсколько минутъ онѣ сидѣли молча рядомъ. Ольга

смотрѣла на руки матери, загорѣлыя и покрытыя мелкими морщинками, смотрѣла на ея впалыя щеки, тоже покрытыя мелкими морщинами, на ея измученное постарѣвшее лицо, но не смѣла ни прикоснуться къ ея рукамъ, ни прижаться къ ея печальному лицу. Эта нѣжная ласка исчезла, какъ исчезли дѣтскіе годы. Какъ часто ни приходила мать къ ней въ театръ тайкомъ, безъ разрѣшенія и вѣдома отца, ей все же казалось всегда, что она говоритъ съ нею откуда-то съ другого берега и что ихъ раздѣляетъ невидимая и непроницаемая стѣна.

Молчаніе всегда угнетало Ольгу и поэтому она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Я только хотѣла спросить тебя... не видѣлъ ли тебя... кто нибудь... не видѣла ли ты кого нибудь сегодня?—проговорила мать, смущенно, прерывающимся голосомъ, точно изнемогая подъ тяжестью своего горя.

— Отецъ!—тихо и испуганно воскликнула Ольга и затѣмъ съ внезапною надеждой прибавила:—Онъ что нибудь разсказывалъ вамъ?

— Ни слова!—отвѣчала мать, смотря передъ собой блуждающимъ взоромъ. — Ни слова!.. Но онъ вернулся домой такой сердитый и злой сегодня...

— Ни слова! — прошептала Ольга и вдругъ возмущеніе овладѣло ею.—Ну да, вѣдь я для него умерла... Никто не смѣетъ упоминать моего имени въ домѣ!—воскликнула она.

Мать кивнула головой.

— Онъ запретилъ... Ты это знаешь.—сказала она.

Ольга громко заплакала, точно ребенокъ, который больно ушибся. Опустивъ руки, она, всхлипывая, восклицала:

— Отецъ! Отецъ!—и крупныя слезы скатывались по ея щекамъ на платье.

Плача, Ольга вспоминала свое дѣтство, тѣсную квартиру, отца, разгуливающаго взадъ и впередъ по комнатѣ большими шагами или отдыхающаго на софѣ, послѣ обѣда... Вотъ упала съ одной ноги туфля на полъ и выставилась пятка бѣлаго носка. Ольга такъ ясно припомнила какое неудержимое желаніе пощекотать эту пятку являлось у нея всегда... Страстная тоска по дому сжала ей сердце.

— Отецъ! отецъ! — рыдая, говорила она. Но эти слезы, лившіяся ручьемъ изъ ея свѣтлыхъ глазъ, такъ легко вызываемыя ея внутреннимъ чувствомъ, обладали въ тоже время свойствомъ уносить съ собой тоску и печаль изъ ея сердца.

Ольга быстро успокоилась, вытерла лицо и вставъ съ мѣста, принялась снимать свои украшенія и тщательно укладывать ихъ. Она сбросила королевское одѣяніе и распустила волосы. Подойдя къ зеркалу въ одной рубашкѣ, она

принялась искусной рукой счищать размазанныя слезами бѣлила и румяна на своемъ хорошенькомъ личикѣ.

— Какъ поживаетъ Эрмина?—спросила она мать.

Та отвѣчала вздохомъ.

— А господинъ учитель Пляшекъ?

— Если-бъ знать, что онъ дѣйствительно будетъ скоро профессоромъ!..—проговорила мать тихимъ голосомъ.

— Ахъ, зачѣмъ ждать этого?—воскликнула Ольга.—И такъ это уже длится достаточно долго. Эрмина же знаетъ, что она можетъ обратиться ко мнѣ, если ей нужно...

Ольга улыбалась, причесывая свои волосы.

— Да,—отвѣтила мать коротко.

— Ну, а Антонъ?.. Что дѣлаетъ Антиной?—пропѣла она.

— Я хотѣла тебя спросить...—нерѣшительно проговорила мать.

— Что такое?

Ольга повернулась къ ней.

— Я хотѣла тебя спросить... про то... что именно сегодня... напечатано въ газетѣ?..

— Фердинандъ?—нечаянно вырвалось у Ольги.

Мать взглянула на нее. Ольга стояла передъ ней полунагая, въ тонкой рубашкѣ, спустившейся съ плечъ и мать замѣтила, какъ она густо покраснѣла.

Обѣ смотрѣли другъ на друга и въ маленькой комнатѣ было совсѣмъ тихо, но казалось, будто произошло какое то важное событіе.

Ольга шепнула:

— Мама!..—и бросилась ней, охвативъ ея шею своими тонкими руками и скрывая на ея груди свое лицо, пылавшее счастьемъ и стыдомъ.

Мать держала въ своихъ объятіяхъ теплое, трепещущее тѣло своей дочери и смотрѣла въ пространство своими угасшими глазами.

Электрическій звонокъ заставилъ вздрогнуть обѣихъ. Кто то постучалъ въ дверь, и вошла горничная Ольги.

III.

У дома, гдѣ жила Ольга, стояла открытая коляска. Двери балконовъ въ верхнемъ этажѣ были открыты, и ароматъ сирени, цвѣтущей въ паркѣ, врывался въ комнату.

Въ салонѣ дожидался молодой человѣкъ, тотъ самый, который наканунѣ, въ театрѣ, едва могъ скрыть свое страданіе. Онъ и теперь испытывалъ сердечную муку, но онъ былъ гораздо сдержаннѣе и спокойнѣе, потому что чув-

ствовалъ, что рѣшеніе близко, а въ душѣ у него еще теплилась надежда.

Ему сказали, что фрейлейнъ Фрогемутъ нѣтъ дома. Онъ овладѣлъ собой и спокойно замѣтилъ горничной, что экипажъ фрейлейнъ стоитъ у подъѣзда, слѣдовательно, она никуда не выѣзжала. Горничная вернулась и съ нѣсколько высокомѣрнымъ, но смущеннымъ тономъ сообщила ему, что фрейлейнъ нельзя видѣть. Онъ ошеломилъ ее своимъ неожиданнымъ отвѣтомъ:

— Я буду ждать!

И вотъ теперь онъ ждалъ, униженный и несчастный. Вѣдь еще такъ недавно онъ чувствовалъ себя здѣсь, какъ дома, могъ оставаться столько времени, сколько ему хотѣлось! И вдругъ все измѣнилось какимъ-то неожиданнымъ и таинственнымъ для него образомъ. Внезапно и безъ всякаго перехода онъ сталъ здѣсь чужимъ. Что-то чуждое чувствовалось ему въ каждомъ углу, въ каждой вещи, находившейся въ этой комнатѣ. Все какъ будто измѣнилось кругомъ него. Онъ говорилъ себѣ, что онъ долженъ уйти, что его достоинство не позволяетъ ему оставаться, быть навязчивымъ... Его благовоспитанность возмущалась противъ этого. И все-таки онъ оставался. Его гордость, его сила воли, все это исчезло куда-то. Онъ приходилъ въ отчаяніе и надѣялся въ одно и то же время.

Ольга вошла въ шляпкѣ, собираясь уходить.

— Тебѣ что-нибудь нужно отъ меня, Евгеній?—спросила она весело и присѣла на минутку, прибавивъ нерѣшительно:—У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ времени...

Онъ ясно почувствовалъ, что всякая надежда потеряна для него. Но видъ ея ослѣпилъ его, а долгое ожиданіе окончательно лишило его воли.

Сдавленнымъ голосомъ, едва сдерживая себя, онъ спросилъ:

— Можно узнать, куда ты отправляешься?

Она съ удивленіемъ взглянула на него и тотчасъ же отвѣтила:

— Нѣтъ, этого нельзя знать.

Онъ поблѣднѣлъ отъ стыда и поникъ, точно сраженный ея словами, а она повторяла нѣсколько разъ нѣжнымъ речитативомъ, точно уговаривая его:

— Нѣтъ, нѣтъ, этого никто не долженъ знать... никто!..

Съ этими словами она прошла въ переднюю и коридоръ и спустилась по лѣстницѣ. Молодой человѣкъ шелъ за нею, горничная отворявшая дверь, мѣшала ему говорить. Онъ стыдился начинать разговоръ при ней и потому сдерживался. Тамъ, на улицѣ, онъ будетъ говорить съ ней, онъ

сядетъ съ ней въ экипажъ, будетъ просить ее, не отпуститъ ее отъ себя! Онъ слѣдовалъ за ней по пятамъ, слышалъ шелестъ ея шелковаго платья, вдыхалъ ароматъ ея духовъ и на мгновеніе поддался иллюзіи, что ничего не измѣнилось, что все по старому! Дѣйствительность казалась ему невѣроятной и порожденіемъ его фантазіи.

На улицѣ Ольга протянула ему руку и сказала:

— Прощай, милый Евгеній!—Ея лицо было серьезно и какъ всегда обаятельно. Ея сверкающій взглядъ остановился на немъ и онъ, безвольный, помогъ ей сѣсть въ экипажъ. Она еще разъ протянула ему руку.

— Прощай!—сказала она тихо и еще тише прибавила:— Не забывай меня...

Онъ приподнялъ шляпу и улыбнулся, повинуясь непреодолимой потребности подчиниться ея волѣ. Только когда колеса экипажа застучали по мостовой, онъ понялъ, что это было окончательное прощаніе. Никогда больше!.. Онъ вдругъ почувствовалъ слабость, зашатался и долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ дома, чтобъ не упасть.

Какой то прохожій спросилъ его, не боленъ ли онъ? Онъ ничего не отвѣтилъ.

Экипажъ Ольги проѣхалъ черезъ городъ и мимо загородныхъ виллъ къ лѣсу. У опушки, тамъ гдѣ проходитъ тропинка въ Дорнбахъ, дожидался принцъ Фердинандъ. Кучеръ сдержалъ лошадей. Принцъ подошелъ улыбаясь, церемонно поклонился и помогъ Ольгѣ выйти изъ экипажа. Въ его обращеніи съ ней было что-то робкое и въ тоже время покровительственное. Своими манерами, какъ и всѣ прочіе принцы, королевскаго дома, онъ подражалъ императору.

Нѣкоторое время они шли молча. Затѣмъ онъ заговорилъ о случайностяхъ судьбы, которая теперь опять свела ихъ вмѣстѣ, послѣ столькихъ лѣтъ! Онъ старался говорить развязно, шутить, вставлялъ смѣшныя цитаты въ свою рѣчь, какъ это дѣлаютъ офицеры, но неловкость и внутреннее волненіе сквозили въ каждомъ его словѣ.

— Фрейлейнъ Ольга,—сказалъ онъ,—не находите ли вы, что это была хорошая мысль явиться къ вамъ тотчасъ же по прибытіи въ Вѣну?.. Первое, что я сдѣлалъ, это повергъ себя къ вашимъ стопамъ!..

Но Ольга перебила его:

— Я думала, что ты меня уже забылъ давно!—воскликнула она и прямо посмотрѣла ему въ глаза.

Онъ густо покраснѣлъ и какъ будто растерялся. Съ минуту онъ молчалъ, потомъ просто сказалъ:

— Ты видишь, что я тебя не забылъ.

Вотъ они говорили другъ другу „ты“, какъ въ прежнія времена.

Ольгѣ даже казалось, что все было какъ прежде. Какъ и тогда его манеры были преисполнены врожденнаго благородства, придававшаго ихъ свиданію особенную торжественность и церемонность, но нѣжный взглядъ его глазъ, смотрѣвшихъ на Ольгу, сообщалъ ему интимность и сердечность. Она поддавалась его обаянію еще тогда, когда была совсѣмъ маленькой дѣвочкой, и теперь воспоминанія дѣтства нахлынули на нее съ новой силой и настоящее казалось ей возвращеніемъ ея свѣтлаго прошлаго, которымъ она спѣшила насладиться. Какъ темно становилось въ комнатѣ, когда Эмануэль-Фердинандъ уходилъ домой! Съ какою силой ощущала она тогда всѣмъ своимъ юнымъ существомъ тѣсныя рамки своей домашней обстановки! Она думала о принцѣ и рисовала себѣ преувеличенно яркими красками тотъ блестящій міръ, откуда онъ являлся. Какой несчастной и обездоленной чувствовала она себя! Возможно, что уже тогда въ ней зародилось неудержимое стремленіе къ веселью и блеску, которое заставило ее, едва вышедшую изъ дѣтства, бѣжать изъ родительскаго дома на театральныя подмостки, въ поискахъ радости и веселья, не задумываясь надъ ихъ источникомъ. Возможно, что ея безумная погоня за успѣхомъ, за славой, ея странствованіе по большимъ и маленькимъ сценамъ, весь тотъ извилистый путь, по которому она прошла, все это обусловливалось лишь однимъ стремленіемъ, одною цѣлью—возвыситься до принца!

Но она и сама не сознавала этого. Она только чувствовала, идя съ нимъ рядомъ, что все это такъ и должно было случиться. Даже тоска по дому, такъ часто терзавшая ее, исчезла, и горькое воспоминаніе о томъ, что отецъ оттолкнулъ ее отъ себя, часто пробуждавшееся въ ея душѣ и мучившее ее, совершенно испарилось изъ ея души.

Принцъ разсказывалъ ей о своей жизни. Изъ гимназіи онъ попалъ въ кадетскій корпусъ. Тамъ онъ подвергся суровой дисциплинѣ, и ему было довольно таки тяжело выносить ее. Онъ долженъ былъ выслушивать строгіе выговоры отъ своихъ начальниковъ и даже однажды подвергся аресту. И къ тому же у него тамъ не было ни одного друга, онъ чувствовалъ себя одинокимъ! Затѣмъ, получивъ чинъ лейтенанта, онъ былъ назначенъ въ отдаленный гарнизонъ въ Галиціи, тамъ заболѣлъ, и мать его привезла домой. Для возстановленія силъ его отправили на военномъ кораблѣ въ тропическія моря, на многіе мѣсяцы. Онъ охотился на тигровъ въ индійскихъ джунгляхъ и на львовъ въ африкан-

ской пустынѣ. Много приключеній было съ нимъ, и онъ видѣлъ многое. Потомъ онъ опять очутился въ маленькомъ гарнизонѣ, въ Богеміи, гдѣ дни проходили однообразно въ военныхъ упражненіяхъ, въ манежѣ и офицерскомъ казино. И вотъ, наконецъ, онъ могъ опять вернуться въ Вѣну. Вездѣ, вездѣ онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Ему было особенно тяжело, что возлѣ него никого не было, съ кѣмъ бы онъ могъ говорить по душѣ. „Какъ человѣкъ съ человѣкомъ", сказалъ онъ. Съ чисто юношескимъ паѳосомъ говорилъ онъ о своемъ положеніи, называя его „ледяной вершиной", на которой онъ осужденъ всегда находиться.

Разсказъ былъ конченъ. Въ этотъ солнечный день въ лѣсу было такъ чудно хорошо! Все точно купалось въ золотистыхъ лучахъ. Они шли молча нѣсколько времени, потомъ остановились, обнялись и поцѣловались.

Ольга чувствовала, что онъ съ какимъ-то благоговѣніемъ цѣлуетъ ее и какъ-то бережно обнимаетъ. Въ первый моментъ она испытала легкое удивленіе, но потомъ во всемъ ея существѣ какъ будто произошла перемѣна. Все пережитое ею исчезло, было смыто чистымъ источникомъ любви, излившимся на нее и она снова почувствовала себя ребенкомъ, невиннымъ и чистымъ, ничего не испытавшимъ и безъ всякихъ воспоминаній...

IV.

Всѣ дорожки и аллеи въ Пратерѣ были наполнены людьми, спѣшившими на праздникъ весны, устроенный въ выставочномъ зданіи. Мелкіе бюргеры стекались туда, чтобы посмотрѣть на богачей во всемъ ихъ блескѣ и великолѣпіи, а богатые спѣшили тутъ приблизиться къ аристократіи, желающей и здѣсь еще лишній разъ насладиться своимъ привилегированнымъ положеніемъ и властью надъ толпой.

Въ боковыхъ аллеяхъ устроены были базары и раскинуты палатки продавщицъ. Импровизированные цвѣтники, панорамы, балаганы и храмъ счастья виднѣлись среди зелени аллеи. Желающіе могли подняться на Риги и напиться тамъ кофе, могли сидѣть на пляжѣ въ Остендэ, передъ полотномъ, изображающимъ море, или же прогуляться въ охотничью хижину въ лѣсу и вообразить себя въ полномъ уединеніи.

Посрединѣ сада были разставлены полукругомъ кресла и возвышалась эстрада. Тутъ должны были выступать разные знаменитые артисты и между ними Ольга Фрогемутъ. Она скрывалась за перегородкой, гдѣ была устроена гардеробная, и ждала, чтобы ее вызвали.

Ольга должна была въ первый разъ сегодня пропѣть новую арію. Директоръ театра, гдѣ она выступала, и композиторъ находились тутъ же. Директоръ, жирный, широкоплечій человѣкъ, сидѣлъ въ низенькомъ креслѣ и, поглаживая свой гладко выбритый подбородокъ, посматривалъ на Ольгу, ходившую взадъ и впередъ по небольшому пространству.

Композиторъ былъ пожилой, элегантный господинъ, съ нафабренными усами и чувственнымъ ртомъ. Онъ заглянулъ въ нотный листокъ и обратился къ Ольгѣ:

— Будьте добры, фрейлейнъ... вотъ въ этомъ мѣстѣ, въ припѣвѣ...

— Дружище, да она даже не слышитъ, что вы ей говорите!—возразилъ директоръ. — Развѣ вы не замѣчаете, что у нея совсѣмъ другія мысли въ головѣ, а совсѣмъ не вашъ романсъ и какія-то тамъ мѣста въ припѣвѣ?...

— Но вѣдь это очень важно!—сказалъ композиторъ.

Директоръ громко разсмѣялся.

— Для нея важно только одно, чтобы дверь раскрылась и вошелъ „онъ", самый блестящій и лучшій изъ всѣхъ... Не правда ли, Ольга?—сказалъ директоръ, поймавъ ее за руку.

Ольга вырвалась у него. Въ коридорѣ послышался какой-то шумъ, слуга открылъ дверь, и вошелъ принцъ Фердинандъ. Директоръ вскочилъ, дѣлая отчаянные знаки композитору, и, прежде чѣмъ принцъ успѣлъ оглянуться, они оба уже исчезли.

За дверью директоръ многозначительно сказалъ композитору:

— Вѣдь эта пара безъ ума другъ отъ друга... Это длится уже три недѣли. Вы должны это знать, потому что это извѣстно всему городу...

Онъ цинично улыбнулся и прибавилъ:

— Будьте покойны, если дѣвочка сегодня въ голосѣ, то она будетъ пѣть великолѣпно.

Фердинандъ смутился, очутившись наединѣ съ Ольгой. Поспѣшный уходъ директора и композитора при его появленіи произвелъ на него непріятное впечатлѣніе, какъ будто его чувство къ Ольгѣ, ихъ взаимная любовь, все то, что надо было хранить отъ нескромныхъ взоровъ чужихъ, безучастныхъ людей, выставлялось здѣсь напоказъ. Онъ чувствовалъ себя неловко и нервничалъ, но Ольга ничего не замѣчала: она привыкла къ такимъ безцеремоннымъ выходкамъ въ театрѣ и теперь испытывала только удовольствіе быть наединѣ съ Фердинандомъ. Она такъ жаждала видѣть его! Однако тѣнь неудовольствія на его лицѣ все же

не ускользнула отъ нея. Она обняла его и поцѣловала въ глаза и губы, чтобы прогнать эту тѣнь. Они не говорили ни слова другъ съ другомъ и, усѣвшись вдвоемъ на низенькое кресло, на которомъ сидѣлъ директоръ передъ этимъ, цѣловались точно послѣ долгой разлуки. Эти поцѣлуи опьяняли ихъ, у нихъ захватывало дыханіе. На мгновеніе они прекращали поцѣлуи и смотрѣли другъ на друга затуманившимся взоромъ, затѣмъ ихъ губы снова смыкались... Въ дверь постучали и послышался голосъ директора:

— Дитя... пора!

Принцъ растерянно оглянулся. Испугъ точно парализовалъ его члены. Но Ольга быстро и легко соскочила съ его колѣнъ и весело крикнула: „Сейчасъ“! Потомъ она еще разъ нагнулась къ Фердинанду и бѣгло поцѣловала его волосы.

Взбѣжавъ по маленькой лѣстницѣ на эстраду, она вышла къ публикѣ съ сіяющимъ лицомъ, на которомъ еще горѣли поцѣлуи принца. Бурный восторгъ охватилъ толпу при видѣ ея. Ольга запѣла. Она чувствовала потребность пѣть, излить въ звукахъ свое чувство. Композиторъ со страхомъ аккомпанировалъ ей. Толпа притихла, и свѣжій чистый голосъ Ольги свободно разносился въ тепломъ, весеннемъ воздухѣ. Она пѣла такъ, какъ подсказывало ей чувство, пренебрегая всѣми замѣчаніями композитора, и пѣснь ея широкимъ потокомъ изливалась у нея изъ сердца, переполненнаго любовью. Она пѣла, и публика, притаивъ дыханіе, слушала ее. Когда она кончила, ей устроили настоящую овацію. Публика махала платками и шляпами и забрасывала ее цвѣтами.

Пять или шесть разъ пришлось ей повторить эту пѣсенку, и она съ упоеніемъ внимала восторгамъ толпы, опьяненная успѣхомъ, славой и любовью.

Когда она вышла въ послѣдній разъ на подмостки, то увидала принца Фердинанда. Онъ стоялъ въ толпѣ, которая тѣснила и толкала его со всѣхъ сторонъ, но на его лицѣ она прочла восторгъ и упоеніе. Она подошла къ нему въ толпѣ, крѣпко прижала его руку къ своей груди и тихо спросила: „любишь ли ты меня“? Онъ отвѣчалъ ей глазами... Вокругъ нихъ гудѣла толпа, повторяя припѣвъ пѣсни...

Ольга пробыла нѣсколько времени за досчатой перегородкой, въ своей уборной. Туда пришелъ композиторъ, съ чувствомъ благодарившій ее. Директоръ говорилъ о томъ, что она будетъ теперь каждый вечеръ пѣть эту пѣсню въ его театрѣ и это будетъ добавочнымъ номеромъ. Приходили газетные репортеры, слуги приносили цвѣты. Одинъ изъ нихъ принесъ ей двѣ соломенныя мужскія шляпы, поднятыя

имъ на эстрадѣ, и спросилъ ее, что съ ними дѣлать? Ольга взяла ихъ и подбросила, какъ мячикъ, въ потолокъ. Ей нравилась эта игра, и она забавлялась ею, не обращая вниманія на людей, толпившихся въ ея уборной.

Явились устроители праздника, члены комитета, и выражали ей горячую благодарность за ея участіе. Всѣ напѣвали мотивъ припѣва, чтобы доказать ей, что ея пѣснь запечатлѣлась у нихъ въ головѣ, и всѣ торопились привѣтствовать ее какъ героиню пѣсни.

„Ein Wiener Mädel blond und jung...“ Этотъ припѣвъ разносился по всѣмъ аллеямъ Пратера, заглушая всѣ другіе праздничные звуки, и Ольга слышала его, когда садилась въ экипажъ. Въ глазахъ толпы она была та самая „вѣнская дѣвушка бѣлокурая и молоденькая“, про которую сложена была пѣсня, спѣтая ею, и ее встрѣчали этимъ припѣвомъ.

Коляска Ольги медленно проѣхала сквозь толпу, разступившуюся шпалерами. Когда Ольгу узнали, то въ толпѣ замахали шляпами и закричали „ура“. Изъ нѣкоторыхъ экипажей на нее съ любопытствомъ посматривали дамы, а молоденькія дѣвушки бросали ей цвѣты. Она слышала похвалы, восхищенные возгласы и съ наслажденіемъ вдыхала эту атмосферу любви и поклоненія...

Среди всеобщаго шума и грохота, она все-таки распознала стукъ копытъ лошадей принца. Оглянувшись, она увидѣла его, когда онъ проѣзжалъ въ шарабанѣ мимо стоящихъ рядами экипажей. Онъ украдкой улыбнулся ей. Толпа уже связывала ихъ имена и сочувственно смотрѣла на нее, когда она покраснѣла, замѣтивъ его улыбку. Ея любовь какъ будто тоже была праздникомъ для всѣхъ.

V.

Случай съ Адальбертомъ Клингеромъ произошелъ какъ разъ около этого времени. Профессоръ Фрогемутъ сидѣлъ въ классѣ и, объясняя урокъ, строго посматривалъ на юношей, рядами сидѣвшихъ передъ нимъ. Всѣ сидѣли смирно, точно замороженные холодомъ, исходившимъ отъ него. Онъ всегда наблюдалъ за ними во время объясненій. Они какъ будто внимательно слушаютъ его, но онъ зналъ, что они только показываютъ это изъ страха къ нему и что слова его падаютъ въ пустоту. И это сознаніе наполняло его душу горечью. Онъ угадывалъ скрытый протестъ во всѣхъ этихъ юношахъ, и съ годами это чувство только усиливалось въ немъ, такъ что онъ и его классъ въ концѣ концовъ стояли другъ противъ друга, словно два противника, подстерегав-

шіе одинъ другого. Профессоръ зналъ, что онъ можетъ сдерживать ихъ строгостью и, чтобы сохранить надъ ними власть, онъ не долженъ поддаваться слабости. Но онъ чувствовалъ также, что они ждутъ только благопріятной минуты, чтобы сбросить съ себя то послушаніе, которое онъ заставилъ ихъ нести.

Во время урока онъ вдругъ замѣтилъ, что одинъ изъ учениковъ низко наклонилъ голову надъ своимъ пюпитромъ. Это былъ Адальбертъ Клингеръ. Что это значитъ?—подумалъ профессоръ. Неужели Адальбертъ осмѣлился спрятать въ пюпитрѣ книгу, какой-нибудь романъ, чтобы читать его во время его объясненій? Но вотъ онъ поднялъ голову, и профессоръ замѣтилъ, что глаза его блестѣли и щеки покраснѣли. Теперь онъ какъ будто со вниманіемъ слушаетъ его лекцію!..

Профессоръ не показалъ виду, что замѣтилъ что-нибудь, а продолжалъ говорить. Въ душѣ онъ былъ доволенъ своимъ открытіемъ. Онъ терпѣть не могъ Адальберта Клингера, потому что это былъ элегантный, увѣренный въ себѣ юноша, напоминавшій ему принца Фердинанда. Одна мысль о немъ разжигала его ненависть, и поэтому онъ не могъ выносить Клингера. Однако Клингеръ всегда хорошо отвѣчалъ ему, никогда не выказывалъ особенной строптивости, но никогда и не потуплялъ глазъ передъ профессоромъ. Профессоръ угадывалъ пробуждавшуюся мужественность въ этомъ мальчикѣ. Онъ точно выросталъ на его глазахъ и держалъ себя спокойно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, поэтому-то профессоръ такъ и удивился, что этотъ юноша читалъ романъ, спрятанный у него подъ пюпитромъ.

Вотъ онъ снова углубился въ свою книгу и нагнулъ голову, очевидно, не видя и не слыша, что дѣлалось кругомъ.

Профессоръ всталъ. Теперь онъ думалъ только о томъ, какъ бы поймать Клингера на мѣстѣ преступленія, такъ чтобъ онъ не могъ увернуться. Сойдя съ каѳедры, профессоръ подошелъ къ окну и заглянулъ въ него, продолжая свою рѣчь... Клингеръ не шевельнулся. Отъ окна оставалось только сдѣлать два шага, чтобы очутиться возлѣ Клингера.

Теперь осторожность! Профессоръ Фрогемутъ продолжалъ говорить, растягивая слова, однотонно. Наконецъ, онъ медленно повернулся и къ великой своей радости убѣдился, что Клингеръ не поднималъ головы. Но ученикъ, сидѣвшій возлѣ него, замѣтилъ взглядъ профессора, устремленный на Клингера, и толкнулъ его, чтобъ предупредить объ опасности.

— Клингеръ!—прогремѣло въ классѣ.

Профессоръ прервалъ свою лекцію и подскочилъ къ Клингеру. Точно ударъ молніи разразился въ классѣ. Схвативъ за плечи испуганнаго Клингера, онъ потрясъ его и выхватилъ у него изъ рукъ то, что онъ такъ тщательно пряталъ въ пюпитрѣ...

Но это не была книга. Профессоръ ощупалъ своими руками папку. Онъ пытался ее вытащить изъ пюпитра, прягибая къ нему туловище мальчика, сердце котораго билось такъ, что готово было выскочить.

Что это было такое? Что пряталъ Клингеръ въ этой папкѣ? Профессоръ, наконецъ, отнялъ ее у Клингера и вдругъ вздрогнулъ, точно его ударили плетью. Въ рукахъ у него былъ портретъ Ольги...

Она была въ королевскомъ костюмѣ, съ діадемой въ волосахъ. Ея обнаженныя плечи рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ фотографіи. Ея прелестное личико улыбалось...

Въ груди профессора клокотала ярость. Это улыбающееся личико, казалось, насмѣхалось надъ нимъ, надъ его работой. Онъ чувствовалъ, что она владѣла всѣми этими юными сердцами и что въ нихъ поднималось возмущеніе противъ него. Желаніе дать ему отпоръ быстро сообщилось всѣмъ этимъ юношамъ. Точно электрическая искра пробѣжала по всѣмъ рядамъ учениковъ, разжигая въ ихъ душѣ жажду сопротивленія.

Онъ на мгновеніе остановился. Вѣдь они всѣ знал этотъ портретъ, который украдкой пряталъ Адальбертъ Клингеръ.

— Безстыдный мальчишка!—крикнулъ профессоръ.

Безумными глазами взглянулъ онъ на портретъ и, не помня себя отъ ярости, два раза ударилъ Клингера по лицу.

Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина. Всѣ чувствовали, что профессоръ былъ пораженъ въ самое сердце, не какъ учитель, а какъ отецъ дѣвушки, и всѣ смутно сознавали, что этого не слѣдовало касаться. Клингеръ былъ забытъ. Блѣдный, какъ смерть, стоялъ онъ на своемъ мѣстѣ, сжавъ губы, и на побѣлѣвшей щекѣ выступили двѣ багровыя полосы, становившіяся постепенно все краснѣе...

Возвращаясь на каѳедру, профессоръ дрожащими руками изорвалъ въ мелкіе клочки портретъ Ольги. Онъ снова сѣлъ за столъ и бросилъ клочки въ ящикъ, но затѣмъ тотчасъ опять вытащилъ ихъ, собралъ всѣ кусочки и запряталъ въ карманъ. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ вернулъ постепенно свое спокойствіе и продолжалъ свою лекцію съ того самаго мѣста, на которомъ прервалъ ее. Его голосъ звенѣлъ, точно надтреснувшее стекло, но по мѣрѣ того

какъ онъ говорилъ, къ нему возвращалось его самообладаніе, и онъ окончательно овладѣлъ собой.

Адальбертъ Клингеръ думалъ съ огорченіемъ:

— Онъ знаетъ, что я люблю его дочь!— И всѣ его товарищи думали то же самое, а онъ чувствовалъ себя подавленнымъ, разоблаченнымъ, и сознаніе вины передъ профессоромъ не оставляло его.

Тяжелая атмосфера стыда давила всѣхъ. Профессоръ съ изумленіемъ замѣтилъ, что Клингеръ смотритъ на него съ раскаяніемъ и смиреніемъ, и въ выраженіи лицъ другихъ учениковъ онъ видѣлъ то, чего раньше не замѣчалъ у нихъ: почтительность и уваженіе къ нему. И это было ему непонятно. Ему не приходило въ голову, что Адальбертъ Клингеръ былъ влюбленъ въ его дочь, и что всѣ его товарищи тоже восхищались ею и любили ее. Онъ думалъ, наоборотъ, что надъ нимъ хотятъ посмѣяться, оскорбить его, пользуясь для этого его падшей дочерью...

VI.

Былъ чудный, свѣтлый безоблачный день. Ольга стояла на балконѣ и смотрѣла на улицу, убѣгавшую вдаль бѣлой полосой на паркъ, разстилавшійся точно пышный зеленый коверъ внизу. Изъ за деревьевъ блестѣли мраморныя стѣны Бургъ-театра и виднѣлись дворцы на Рингштрассе. Все блестѣло и сверкало въ это солнечное утро.

Ольга взглянула на башенные часы ратуши. Черезъ десять минутъ будетъ одиннадцать часовъ! Черезъ десять минутъ долженъ пріѣхать Фердинандъ! Она съ нетерпѣніемъ смотрѣла на улицу, ожидая появленія хорошо знакомаго ей фіакра изъ за угла улицы.

Какой чудный день ожидалъ ее! Они посидятъ на балконѣ, потомъ будутъ обѣдать вдвоемъ въ полутемной столовой. Послѣ обѣда они собирались поѣхать на скачки, она въ своей коляскѣ, онъ въ своемъ шарабанѣ. Вечеромъ она должна играть, а послѣ спектакля онъ опять придетъ къ ней.

Осталось пять минутъ. Сердце Ольги начало биться сильнѣе, но даже это усиленное біеніе доставляло ей наслажденіе, какъ предвѣстникъ ожидающей ее радости.

Одиннадцать часовъ! Ольга, улыбаясь, подумала: „Онъ сейчасъ войдетъ!“ Но внизу улица оставалась пуста. Когда же раздался бой башенныхъ часовъ и фіакръ все же не показывался, то Ольга уже знала, что Фердинандъ не пріѣдетъ сегодня...

Легкое безпокойство овладѣло ею. Она говорила себѣ: Фердинандъ не пріѣдетъ! — и все-таки оставалась стоять на балконѣ, застывшая въ ожиданіи. Все покрылось точно туманнымъ флеромъ въ ея глазахъ, но она старалась поддержать въ себѣ мужество. Мало ли какія важныя дѣла могли задержать его? Но въ сердцѣ у нея зарождалось недоброе предчувствіе, какъ будто горе и страданіе ожидали ее. Это было лишь мимолетное чувство, быстро исчезнувшее изъ ея сознанія, но все ея существо на мгновеніе было охвачено страхомъ приближающейся бѣды.

Она обѣдала одна, разсѣянная и встревоженная. Все сильнѣе и сильнѣе охватывала ее боязнь, что случилось что нибудь дурное, и ея самоувѣренность исчезала. Она знала, что можетъ найти принца на скачкахъ, но почему то ей было страшно туда поѣхать. Однако нетерпѣніе и тревога до такой степени овладѣли ею, что она въ концѣ концовъ не выдержала и поѣхала.

Скачки уже кончились, когда Ольга заняла мѣсто передъ трибунами. Она тотчасъ же взглянула на ложу принцевъ: Фердинанда тамъ не было. Но она его увидѣла передъ домикомъ, куда жокеи приводили лошадей для взвѣшиванія. Онъ стоялъ, окруженный группой элегантныхъ молодыхъ людей. Ольга присоединилась къ толпѣ, тѣснившейся къ низкой рѣшеткѣ, и стала смотрѣть на него. Ей было такъ странно видѣть его среди чужихъ и смотрѣть, какъ на чужого...

Онъ замѣтилъ ее, но отвернулся и сдѣлалъ видъ, будто не видитъ ее. Она испуганно взглянула на него. Три раза онъ какъ то мелькомъ посмотрѣлъ на нее и, наконецъ, нерѣшительно поклонился, смущенно приложивъ руку къ фуражкѣ.

Антрактъ кончился, и Фердинандъ, вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ и маленькой свитой молодыхъ щеголей, направился къ своей ложѣ. Но эти люди увидѣли Ольгу, и такъ такъ всѣмъ имъ была извѣстна ея связь съ принцемъ, то они скромно отошли назадъ, такъ что Ольга и принцъ были предупредительно оставлены вдвоемъ, сами не желая этого. Онъ видѣлъ, что не можетъ уклониться отъ встрѣчи съ ней, такъ какъ она стояла теперь одна, точно покинутая всѣми. Тѣнь смущенія промелькнула на его лицѣ. Онъ подошелъ ближе, какъ то вяло приложилъ опять руку къ козырьку и съ какою то снисходительною небрежностью проговорилъ:

— Интересныя скачки, неправда-ли?.. Очень интересные...

Она глазами спрашивала его: „Отчего ты не пріѣхалъ?

Отчего?..“ И ему казалось, что всѣ угадываютъ этотъ настойчивый вопросъ, обращенный къ нему...

Но она ничего не прочла въ его окаменѣлыхъ, спокойныхъ чертахъ, никакого отвѣта или привѣтствія. Онъ держалъ себя холодно-сдержанно, но она уловила тѣнь неудовольствія на его лицѣ и покраснѣла.

— Сейчасъ начнется steeple-chase... — сказалъ Фердинандъ, снова приложивъ руку къ козырьку съ холодной вѣжливостью и прошелъ мимо.

Ольга осталась. Она чувствовала себя теперь такой же безпомощной и униженной, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда маленькій принцъ, наскучивъ играть съ нею, со спокойнымъ равнодушнымъ видомъ уходилъ домой.

Фердинандъ стоялъ въ придворной ложѣ, недоступный и далекій, окруженный блескомъ своего привилегированнаго положенія, а Ольга смотрѣла на него изъ толпы.

Безъ всякой цѣли она прокатилась по Пратеру и потомъ по городу, а вечеромъ съ радостью отправилась въ театръ, чтобы отвлечься и найти желанное успокоеніе въ обычныхъ восторгахъ толпы. Но взоръ ея постоянно обращался къ ложѣ, убранной коврами. Ложа была пуста.

Ольга увезла съ собой домой старуху, завѣдующую театральнымъ гардеробомъ, такъ какъ рѣшительно не въ состояніи была оставаться одна въ комнатѣ, со своею тоской. Она мечтала весь вечеръ о томъ, что придетъ ея мать. Мать не пришла. Она подумала даже сначала, не послать ли за ней, но вспомнила, что это было бы безполезно, такъ какъ отецъ прогналъ бы ея посланнаго. Если даже отца не было дома, то мать все же не рѣшилась бы такъ поздно отправиться къ Ольгѣ. Она никогда не оставалась дольше перваго акта, когда приходила къ дочери въ уборную, изъ боязни, что отецъ узнаетъ объ этихъ тайныхъ свиданіяхъ.

Одно мгновеніе у Ольги была мысль отправиться самой, послѣ представленія въ отцовскій домъ и постучаться въ двери стараго мрачнаго дома, какъ три года тому назадъ. Молить о прощеніи, выдержать гнѣвъ, бурные упреки, нападки, негодованіе? Можетъ быть, отецъ отнесся бы къ ней снисходительнѣе сегодня? Можетъ быть, его строгое лицо склонилось бы надъ нею, и она могла бы плакать, какъ дитя, положивъ голову на его колѣни?

Думать объ этомъ значило еще прибавлять страданія къ своимъ теперешнимъ страданіямъ. Вчера у нея хватило бы мужества на это. Ея счастье, успѣхъ и любовь давали ей силу и она могла бы рѣшиться преодолѣть отцовскій гнѣвъ. Но сегодня она чувствовала себя слишкомъ слабой и виноватой, чувствовала себя брошенной и униженной. Нѣтъ,

сегодня она не въ состояніи вынести грубое прикосновеніе къ своей душѣ.

Она привезла съ собой старуху гардеробщицу, усадила ее за столъ, угощала и заставляла разсказывать себѣ разныя театральныя сплетни, принимая сама живое участіе въ этомъ разговорѣ. Она судила и рядила о своихъ товарищахъ и подругахъ, вспоминала свои успѣхи, первое представленіе, разные комическіе случаи, споры и распри на репетиціяхъ, интриги соперницъ, затѣмъ она стала играть въ карты и въ домино со старухой и, наконецъ, утомленная, улеглась въ постель, заставивъ старуху сидѣть возлѣ себя и разсказывать о своей прежней блестящей жизни, когда она была молодой хористкой и ужинала съ важными господами. Потомъ она говорила о своемъ покойномъ мужѣ и горькой участи, которая выпала ей на долю, пока, наконецъ, эти разсказы не усыпили Ольгу, и она заснула крѣпкимъ сномъ невиннаго ребенка.

На слѣдующее утро Ольга вскочила съ постели и въ рубашкѣ принялась писать письмо Фердинанду. Письмо было безумное, мало понятное, состоящее изъ отрывочныхъ фразъ и безконечныхъ повтореній. Но всѣ чувства, волновавшія душу Ольги, тоска, тревога, страстное нетерпѣніе вылились въ этихъ безпорядочныхъ строкахъ.

Гардеробщица, которая должна была доставить это письмо принцу, вернулась. Принцъ уѣхалъ вчера вечеромъ на охоту въ Штирію...

Фердинандъ бѣжалъ. Онъ пережилъ тяжелыя минуты и совершенно потерялъ голову. Поздно вечеромъ, возвращаясь отъ Ольги, онъ зашелъ въ Жокей-клубъ, чтобы выпить тамъ чашку чаю. Тамъ къ нему подсѣлъ графъ Диттербергъ, почти слабоумный старикъ, и завелъ съ нимъ разговоръ объ Ольгѣ. Онъ горячо восхищался ею, видѣлъ ее почти во всѣхъ ея роляхъ и могъ съ точностью назвать всѣ даты ея успѣховъ.

— Вы интересуетесь фрейлейнъ Фрогемутъ?—спросилъ его принцъ, только чтобы сказать что-нибудь, такъ какъ ему всегда было неловко, когда съ нимъ прямо заговаривали объ Ольгѣ. Но этого было достаточно для болтливаго старичка, желавшаго доказать принцу, что ему хорошо извѣстна біографія Ольги. Онъ сталъ перечислять всѣхъ ея любовниковъ, передавалъ всѣ разсказы о ней, раскрылъ передъ ошеломленнымъ принцемъ все ея бурное прошлое, о которомъ никогда ни одинъ человѣкъ не говорилъ ему и которое смутно представлялось ему только въ сіяніи искусства и успѣха.

Фердинандъ слушалъ разсказъ старика, съ трудомъ пе-

реводя дыханіе, но скрывая подъ застывшей на устахъ улыбкой свое страданіе и стыдъ. Его изумляло, что ему было такъ больно слушать все то, что говорилъ этотъ слабоумный старикъ.

Онъ чувствовалъ полное изнеможеніе, когда вернулся домой, и тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ. Но на другое утро онъ проснулся съ чувствомъ остраго горя, причину котораго онъ сначала не могъ вспомнить. Онъ хотѣлъ думать, какъ прежде, объ Ольгѣ и не могъ; что-то заслоняло ея образъ въ его душѣ, и вдругъ все припомнилъ! Идти къ Ольгѣ онъ не могъ теперь. Онъ не въ состояніи былъ бы скрыть отъ нея своей душевной муки, но и говорить съ нею объ этомъ онъ также не могъ. Что-то дорогое, святое было разрушено навсегда. Эту маленькую дѣвочку, съ которою онъ игралъ въ дѣтствѣ, дочь его учителя, онъ видѣлъ всегда въ семейной обстановкѣ. Къ ней уносились его юношескія мечты, когда она стала подросткомъ. Когда же теперь онъ увидѣлъ ее, окруженную блескомъ славы, и она упала въ его объятія, то онъ думалъ, что она всегда его ждала. И что же? Сколько чужихъ и грубыхъ прикосновеній запятнало его нѣжнѣйшія чувства, сколько чужихъ лицъ встало теперь между нимъ и ею и сколько чужихъ, ненавистныхъ голосовъ, произносившихъ ей слова любви, раздавалось въ его ушахъ!

Онъ хотѣлъ раньше успокоиться, перестрадать и тогда уже идти къ Ольгѣ. Но когда онъ внезапно увидѣлъ ее на скачкахъ, то испыталъ такую острую сердечную боль, что едва могъ сдерживать себя. Мучительная злоба поднималась въ немъ. Фантазія его усиленно работала и рисовала ему картины изъ прошлаго Ольги, того прошлаго, о которомъ онъ только что узналъ. Придя домой, онъ тотчасъ же сдѣлалъ всѣ распоряженія къ отъѣзду и съ вечернимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Штирію, въ свой уединенный охотничій домикъ, чтобы тамъ, наединѣ, обдумать свое положеніе. Можетъ быть, онъ справится со своимъ разочарованіемъ, можетъ быть, эта любовь заглохнетъ въ немъ? Онъ думалъ уѣхать въ отпускъ, путешествовать, постараться забыть Ольгу... А можетъ быть, онъ опять вернется къ ней, объяснится съ нею и проститъ ее? Онъ самъ не зналъ, что будетъ. Онъ былъ разстроенъ и хотѣлъ прежде всего привести въ порядокъ свои чувства. Ольга должна подождать.

Но Ольга ждать не могла. Когда отецъ отъ нея отвернулся, у нея было утѣшеніе. Она наслаждалась своимъ успѣхомъ, всеобщимъ поклоненіемъ, передъ нею открывался широкій и блестящій путь. Она была полна ожиданія. Все это сосредоточилось теперь въ Фердинандѣ. Внѣ его у

нея не было ни утѣшенія, ни надеждъ, ни ожиданій. Путь былъ закрытъ для нея. И вотъ, во второй разъ ее оттолкнули. Перенести это у нея уже не хватало силъ. Что-то надломилось въ ней, и жизнь потеряла для нея цѣну.

Она блуждала, точно во снѣ, цѣлый день. Наконецъ, послала за Евгеніемъ. Внезапно ей вспомнилось его блѣдное, разстроенное лицо въ тотъ день, когда она прошла мимо него, отправляясь на свиданіе съ принцемъ. Это было всего нѣсколько недѣль тому назадъ! Съ нетерпѣніемъ ждала она Евгенія, чтобы поговорить съ нимъ, но когда онъ пришелъ, она не велѣла его впускать. Онъ ждалъ, дрожа, въ передней и, наконецъ, Ольга велѣла передать ему, что вечеромъ, послѣ театра, она встрѣтится съ нимъ. Онъ уже спускался съ лѣстницы, когда его нагнала горничная и передала ему желаніе Ольги, чтобы онъ позвалъ другихъ знакомыхъ. Онъ спросилъ: кого? И ему была названа цѣлая куча именъ. Тутъ были актеры, пѣвицы, офицеры. Собраться всѣ должны были въ шикарномъ ресторанѣ Захера.

Ольга боялась оставаться одна вечеромъ. Весь день ее преслѣдовала мысль объ одинокихъ вечернихъ часахъ. Она стала немного спокойнѣе, зная, что ей не придется провести вечеръ въ одиночествѣ и плакать въ темнотѣ, пока благодѣтельный сонъ не пошлетъ ей успокоенія. Она отправилась въ театръ съ тайной надеждой, что найдетъ тамъ письмо отъ Фердинанда или депешу или вообще какое-нибудь посланіе отъ него. Она играла, волнуясь и думая о томъ, что какое-нибудь извѣстіе отъ него должно же быть получено. Все время она находилась въ возбужденномъ состояніи и каждый разъ, выходя на сцену, она говорила себѣ, что письмо уже ждетъ ее.

Послѣ театра она хотѣла вернуться домой и обмануть ожидавшую ее компанію у Захера. Но когда представленіе кончилось и никакого письма не было получено, она силою воли подавила свое разочарованіе. Вооружившись мужествомъ и стараясь смѣхомъ заглушить свою тоску, она выбрала самое нарядное бальное платье, переодѣлась и поѣхала въ ресторанъ, гдѣ ее ожидали. Ее встрѣтили бурными проявленіями восторга. Она сидѣла возлѣ Евгенія за длиннымъ столомъ, а противъ нея сидѣлъ какой-то лейтенантъ, совершенно ей незнакомый и все время не спускавшій съ нея глазъ.

Ольга была необыкновенно оживлена въ этотъ вечеръ, смѣялась, залпомъ пила ледяное шампанское, точно ее мучила неутолимая жажда, и распѣвала свои знаменитыя пѣсенки, приводившія публику въ такой неистовый восторгъ.

Евгеній не осмѣливался заговорить съ нею. Всѣ видѣли

по его лицу, какъ онъ страдалъ и надѣялся, только Ольга не обращала на него вниманія. Иногда онъ близко нагибался къ ней и тихо шепталъ ея имя. Она угадывала глубокое горе и отчаяніе въ его дрожащемъ голосѣ и горько смѣялась. Ей казалось, что она слышитъ отзвукъ своего собственнаго страданія и какое-то злорадное чувство охватывало ее при мысли, что она дѣлаетъ другого несчастнымъ.

Вдругъ она вскочила, потребовала, чтобы отодвинули столъ и начались танцы. Евгеній пригласилъ ее на вальсъ и она сначала пошла съ нимъ, но потомъ бросила его среди танца: „Нѣтъ!.. Съ тобою?.. Нѣтъ"! Она не могла выносить его прикосновенія и того, что его дыханіе касалось ея щеки. Замѣтивъ лейтенанта, который продолжалъ съ какимъ-то удивленіемъ смотрѣть на нее, она кивнула ему головой. Онъ подошелъ, смущенный и проговорилъ, запинаясь: „Фрейлейнъ, это—такая честь для меня... такая великая артистка!.." Она взглянула ему прямо въ глаза и, положивъ руку на плечо, повелительно произнесла: „Танцуйте!.. Быстрѣе!.. Быстрѣе!.." приказывала она ему. Онъ остановился, наконецъ, почувствовалъ, что у него кружится голова. Тогда она бросила его и тотчасъ же закружилась съ другимъ кавалеромъ. Когда она оставила и его, то лейтенантъ снова подошелъ къ ней, и они унеслись въ вихрѣ вальса. Танцуя, онъ вдругъ сказалъ ей задушевнымъ тономъ:

— Мнѣ такъ жаль васъ: вѣдь вы несчастливы!

Ольга посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Кто вамъ сказалъ это?—спросила она робко.

— Никто!—отвѣчалъ онъ, глядя на нее въ упоръ.—Я вижу это!..

Она громко разсмѣялась и, отвернувшись отъ него, крикнула, обращаясь къ остальному обществу:

— Дѣти мои! Я ѣду домой!.. Съ меня довольно... довольно!

Послѣднія слова она повторила нѣсколько разъ.

Щеки у нея пылали и она тяжело дышала. Вдругъ она расхохоталась громко, истерически. Всѣ замѣтили, что она внѣ себя.

— Накидку! — приказала она. — Гдѣ мой рыцарь или оруженосецъ?.. Подайте накидку!..

Она продолжала хохотать. Евгеній набросилъ ей накидку на плечи и тутъ она замѣтила, что онъ держитъ свою шляпу въ рукахъ.

— Нѣтъ!—крикнула она, задыхаясь отъ смѣха.—Нѣтъ! Ты меня не будешь провожать!.. Никто меня провожать не будетъ!.. Мой рыцарь или оруженосецъ... Никто... Съ меня довольно!.. Довольно!..

Вдругъ она перестала смѣяться, окинула всѣхъ мрачнымъ взглядомъ и, поклонившись, спокойно сказала:

— Я—отверженная! Я должна добровольно сознаться въ этомъ... Я отверженная! Это истина... Мой отецъ отвергъ меня, моя мать отвергла меня, мой возлюбленный отвергъ меня!.. Теперь я должна идти... я должна сначала выплакать это, а потомъ привыкнуть... Имѣю честь кланяться...

Она кивнула головой и вышла.

Евгеній, еще двѣ дамы и два господина, испуганные, бросились за нею. Но она отклонила ихъ дружескія услуги и, точно придя въ себя, спокойно проговорила:

— Что вамъ нужно?—Вѣдь со мной ничего не случилось!..

Голосъ ея звучалъ совершенно равнодушно и даже высокомѣрно, что поразило всѣхъ. Ласково протянувъ руку Евгенію, она прибавила:

— Благодарю тебя... Это было очень мило съ твоей стороны.

Всѣ проводили ее до экипажа. Она привѣтливо кивнула головой и уѣхала, но какъ только коляска завернула за уголъ, она сказала кучеру:

— Поѣзжай въ Пратеръ... и скорѣе!

Кучеръ осторожно замѣтилъ, повернувъ къ ней голову

— Но сударыня... мнѣ кажется... начинается буря!

— Не бѣда!—отвѣтила она коротко.

VII.

Коляска покатила по главной аллеѣ Пратера, окутанной ночнымъ мракомъ и совершенно пустынной. Прислонившись къ подушкамъ коляски, Ольга сбросила накидку, открывъ свои обнаженныя плечи. Дулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, насыщенный запахомъ пыли и свѣжихъ листьевъ. Но Ольга не замѣчала ничего. Она смотрѣла въ темноту и видѣла передъ собой свой жизненный путь. Онъ представлялся ей такимъ же темнымъ, такимъ же пустыннымъ. Со всѣхъ сторонъ ее окружалъ мракъ. Ея взоры встрѣчали только пустоту и нигдѣ не находили поддержки.

Ольга мелькомъ вспомнила дни, когда она проѣзжала здѣсь, по этой самой аллеѣ, охваченная жаждой жизни, внимая восторгамъ толпы, привѣтствуемая и любимая...

Но эти дни исчезли, какъ сонъ. Она чувствовала себя такой одинокой, покинутой, отвергнутой, и не только Фердинандомъ, а всѣми людьми, которые столько разъ восторженно привѣтствовали ее здѣсь и улыбались ей.

Невыносимая тоска раздирала ей душу. Боль, которую она такъ старалась заглушить, съ новою силой охватила ее. Она стонала, металась, не находя себѣ мѣста и подставляя свою открытую, пылавшую грудь холодному, пронизывающему вѣтру. Она страстно желала, чтобы съ ней случилось что нибудь ужасное. Весь вечеръ она мечтала объ этомъ. Пусть она погибнетъ, пусть ея не станетъ, тогда всѣ тѣ, кто оттолкнулъ ее и оставилъ одну, Фердинандъ и другіе, почувствуютъ свою вину!

Верхушки старыхъ деревьевъ, раскачиваемыя вѣтромъ, казались ей темными призраками, предвѣстниками того, что должно было свершиться. Ей было страшно, какъ бывало страшно въ дѣтствѣ, когда она просыпалась ночью въ темнотѣ. Но теперь въ этомъ страхѣ она находила какое то жгучее наслажденіе и въ шумѣ вѣтра ей слышалась торжественная мелодія, воспѣвающая ея несчастья. Какъ бы она желала заплакать! Но слезъ у нея не было!..

На ея обнаженное плечо упала дождевая капля. Она вздрогнула, точно къ ней кто-то прикоснулся холодными пальцами. Затѣмъ дождь зачастилъ, и холодная вода скатывалась по ея шеѣ и плечамъ на грудь и смачивала ей волосы. Она ощущала холодную струю, стекавшую ей по спинѣ, но продолжала сидѣть неподвижно. Наконецъ, буря разразилась со страшной силой. Кучеръ едва сдерживалъ лошадей, становившихся на дыбы. Онъ повернулъ, чтобы не ѣхать противъ вѣтра, превратившагося въ настоящій ураганъ, и, остановившись, поднялъ верхъ экипажа. Но Ольга уже успѣла совершенно вымокнуть. Ея тонкое платье было смочено насквозь и прилипало къ ея тѣлу. Она насмѣшливо улыбнулась, замѣтивъ испугъ кучера, который снова влѣзъ на козлы и, уже не спрашивая Ольгу, галопомъ погналъ лошадей домой.

Но она уже не въ силахъ была сопротивляться. Совершенно ослабѣвшая, она откинулась на холодныя мокрыя подушки. Холодъ пронизывалъ ея тѣло, ея обнаженныя руки окоченѣли и оцѣпенѣніе медленно охватывало ее всю, только въ вискахъ стучало и дышать становилось труднѣе. Въ глубинѣ души шевельнулся страхъ, но она тотчасъ же подавила его. Въ сердцѣ ея снова вспыхнуло возмущеніе...

Дома пришлось разбудить слугъ, и кучеръ, вмѣстѣ съ швейцаромъ, почти вынесли Ольгу изъ экипажа. Она совсѣмъ не могла стоять на ногахъ. Колѣни у нея подгибались и дрожали. Ее трясла лихорадка, но она ни за что не хотѣла принимать ничьей помощи и что-то возбужденно говорила однообразнымъ голосомъ. Но что она говорила, понять было трудно, такъ какъ лихорадочная дрожь преры-

вала ея слова и дыханіе. Ее уложили въ постель, укрыли теплыми одѣялами, но тѣло ея продолжало дрожать, и она не могла согрѣться, хотя щеки ея пылали огнемъ. Глаза у нея стали совсѣмъ стеклянные, блуждающіе, и она начала заговариваться. Когда же пришелъ врачъ, за которымъ послала испуганная горничная, Ольга уже была безъ сознанія...

VIII.

Въ одно прекрасное, солнечное утро Ольга открыла глаза, почувствовавъ рѣзкій запахъ какой то эссенціи. Она осматривалась кругомъ со спокойнымъ любопытствомъ, какъ будто все, что окружало ее, стало вдругъ ей чуждо. Однако это была все та же комната съ блестящими шелковистыми обоями. На ея туалетномъ столикѣ сверкали хрустальные флакончики и со стѣнъ на нее смотрѣли красивыя, яркія картины. Она лежала на кровати, подъ роскошнымъ балдахиномъ, каждая складка котораго была хорошо ей знакома. А въ окно свѣтило яркое, весеннее солнце... Но все казалось ей такимъ далекимъ, такимъ чуждымъ, какъ будто это была не ея комната, не ея кровать. Всѣ вещи казались ей не реальными, а какимъ то отраженіемъ того, что было когда-то. Но за то во всемъ своемъ существѣ она ощущала какую то легкость; горе, тоска, все это отступило далеко, оставивъ лишь легкую тѣнь на ея душѣ. Ей представлялось, что она можетъ теперь заглянуть въ свою душу, но тамъ, куду она смотрѣла, была пустота...

Она лежала, испытывая странное чувство благосостоянія. Точно какой то ласкающій, неудержимый потокъ уносилъ ее съ собой, подальше отъ береговъ, на которыхъ она блуждала когда-то. Они проносились мимо, становились прошлымъ... Она уже не участвовала ни въ чемъ, она была простой зрительницей, смотрящей съ плывущаго корабля на убѣгающій берегъ, только что покинутый ею...

Какъ давно она покинула эти берега,—она не знала, но ей казалось, что прошло уже много времени съ тѣхъ поръ. Чьи то невидимыя, неживыя руки какъ будто развязали крѣпкія узы, связывавшія ее съ этими берегами, и она стала свободна. Ничто уже не удерживало ее на привязи, и она какъ будто уносилась куда то, въ свободную высь...

Со стѣны на нее смотрѣлъ портретъ принца Фердинанда. Она вдругъ замѣтила его и сильно удивилась. Вѣдь много, много лѣтъ тому назадъ этотъ портретъ убѣжалъ изъ своей рамки, покинулъ ее, и она такъ много плакала тогда! Теперь онъ, повидимому, снова вернулся, снова

хотѣлъ быть съ нею и, разумѣется, это было выраженіемъ дружескаго расположенія къ ней. Ольга улыбнулась портрету, хотѣла сдѣлать ему знакъ рукой, но не могла поднять ее. Это ее удивило. Какъ странно измѣнился міръ вокругъ нея, что она даже не могла двигать рукой!..

Врачъ нагнулся надъ ней и ласково спросилъ:

— Вы спали теперь, фрейлейнъ Фрогемутъ?

Ольга слышала его вопросъ, видѣла его сѣдую бороду, старый толстый носъ и прищуренные глаза. Но вдругъ, вмѣсто него, къ ней нагнулось лицо Фердинанда и онъ говорилъ ей: «Я опять здѣсь... здѣсь!» А на стѣнѣ, вмѣсто портрета принца, висѣлъ портретъ врача. Она съ удивленіемъ наблюдала, что оба лица сливались, превращались въ одно, и напряженіе вниманія причиняло ей боль въ головѣ и груди. Она тихо вздохнула и, снова впадая въ забытье, улыбнулась...

Это повторялось каждый день. Она приходила въ себя, точно просыпаясь послѣ сна. Мракъ вокругъ нея разсѣивался, и она видѣла комнату и дневной свѣтъ, но все это каждый разъ становилось туманнѣе, отдаленнѣе и снова исчезало на долго. Періоды безсознательнаго состоянія становились длиннѣе, и врачи уже потеряли надежду спасти ее. Когда однажды ее снова привели въ чувство послѣ глубокаго обморока, ее вдругъ охватилъ какой-то необъяснимый ужасъ. Былъ ли то ужасъ передъ возвращеніемъ къ жизни, къ дѣйствительности или же онъ коснулся ея въ таинственныхъ глубинахъ небытія, куда она погружалась, и вмѣстѣ съ пробужденіемъ сознанія вернулся къ ней—кто могъ бы сказать это? Глаза ея испуганно блуждали по комнатѣ и съ лихорадочной мольбой устремлялись на дверь. Одно горячее желаніе было въ ней: чтобы онъ вошелъ въ эти двери, взялъ ее за руку и крѣпко держалъ, не отпуская, когда она снова начнетъ погружаться въ мракъ. Безъ такой поддержки она не удержится на поверхности, она погрузится въ темную бездну—она знала это. Она была слишкомъ слаба, а силы, увлекавшія ее,—слишкомъ могущественны... Глаза ея свѣтились невыразимой тоской и ожиданіемъ, когда врачъ поддержалъ ея голову, которую она приподняла съ трудомъ, чтобъ посмотрѣть на дверь... Но эта мгновенная вспышка сознанія исчезла, разсѣялась, какъ легкое облачко дыма угасающаго костра, уносимое вѣтромъ. Безсознательное состояніе наступало такъ быстро, что она даже не успѣла почувствовать огорченія, что ее такъ долго заставляютъ ждать...

Вечеромъ пришла мать. За ней послали еще утромъ, когда профессоръ былъ на урокѣ. Но она не рѣшилась сейчасъ же придти и остаться весь день, изъ страха передъ

мужемъ. Теперь она сидѣла возлѣ постели Ольги, удрученная горемъ и испуганная, какъ всегда. У нея уже не хватало мужества противостоять этому новому удару. Въ половинѣ девятаго она ушла. Она всегда уходила домой въ этотъ часъ, когда посѣщала Ольгу въ театрѣ.

Эрмина и Антонъ спросили ее про Ольгу, когда она вернулась. „Плохо... очень плохо!..“—шепнула она имъ, и слезы хлынули изъ ея старческихъ глазъ. Вошелъ профессоръ, и они всѣ, какъ всегда, сѣли за столъ. Онъ не замѣтилъ, что ея глаза были заплаканы и губы дрожали. Онъ не замѣтилъ и того, что Эрмина по временамъ сердито взглядывала на него и какъ будто что-то хотѣла сказать, не замѣтилъ и блѣдности и разстроеннаго лица Антона... Послѣ ужина онъ взялъ книгу и началъ читать. Дѣти его тоже взяли книги, какъ это имъ было приказано, и смотрѣли на страницы, ничего не видя. Мать вязала. Въ десять часовъ профессоръ объявилъ, что пора ложиться спать, и всѣ повиновались, какъ это дѣлали всегда. Однако, Эрмина и Антонъ сговорились украдкой идти завтра утромъ къ Ольгѣ, вмѣстѣ съ матерью. Они шепнули объ этомъ ей и поспѣшно объяснили, что они всѣ, втроемъ, успѣютъ во время вернуться домой, и отецъ ничего не узнаетъ.

Но Ольга прожила только до разсвѣта. Агонія была легкая, такъ какъ она почти все время была въ забытьи. Когда при первыхъ звукахъ пробуждающагося дня на улицѣ раздался грохотъ проѣзжавшаго экипажа, она вдругъ съ усиліемъ приподняла голову съ подушки и прислушалась. Ей стало легко и весело; въ душѣ ея была теперь увѣренность, что ея страстное желаніе исполнится, что кто-то придетъ и залѣчитъ ея рану. И она начала пѣть веселую, бравурную пѣснь изъ одной роли, которую она когда-то играла. Внезапно въ ея памяти встали радостныя слова; они раздавались въ ея ушахъ. Она пѣла, чтобы тотъ, кто войдетъ, не замѣтилъ, что она больна и не разсердился бы на нее снова. Но врачъ, сидѣвшій у ея кровати и поддерживавшій ея голову, не слышалъ ея пѣсни. Онъ видѣлъ только, какъ шевелись ея губы, и не могъ знать, какихъ усилій стоила ей эта пѣсня. Ольга пѣла и голосъ ея звучалъ въ ея собственныхъ ушахъ. Какой-то удивительный восторгъ постепенно охватывалъ ее. Вотъ она видитъ, что кто-то идетъ по лѣстницѣ... какъ это странно... Принцъ Эмануэль Фердинандъ поднимался по ней, вмѣстѣ съ ея отцомъ... И вдругъ мракъ снова окружилъ ее. Теперь они не найдутъ ее. Она должна извиниться передъ ними... „Я не могла больше ждать!“—хотѣла она крикнуть, но только улыбнулась, умирая...

IX.

Профессоръ только что позавтракалъ и отбиралъ книги, которыя хотѣлъ взять съ собой въ гимназію. Мать, Эрмина и Антонъ смотрѣли, какъ онъ укладывалъ ихъ, украдкой взглядывая на часы. Они знали, что въ половинѣ восьмого, онъ, какъ всегда, выйдетъ изъ дому. Оставалось всего нѣсколько минутъ, и они ждали спокойно. Тревога по поводу болѣзни Ольги, испытанная ими вчера, улеглась.

Утро было такое ясное, солнечное, полное жизни, и съ улицы доносился такой веселый шумъ, что какъ-то не вѣрилось въ болѣзнь и смерть, и всѣ трое чувствовали поэтому спокойную вѣру въ то, что горе минуетъ ихъ.

У входной двери раздался звонокъ. Они переглянулись, прислушиваясь, и всѣ трое рѣшили, что это почтальонъ. Антонъ не удержался и выскочилъ, услышавъ, какъ горничная отворяетъ дверь. Безпокойство овладѣло матерью, и она торопливо и безцѣльно передвинула чашки, стоявшія на столѣ. Чей-то чужой голосъ доносился съ лѣстницы, кто-то говорилъ быстро и возбужденно. Въ комнатѣ всѣ прислушивались, ничего не понимая и ощущая неопредѣленную тревогу.

Вдругъ раздался крикъ. Это кричалъ Антонъ, громко, по дѣтски, какъ въ тѣ времена, когда онъ былъ маленькимъ мальчикомъ и его кто нибудь побилъ. Профессоръ поднялъ голову и вопросительно посмотрѣлъ на мать, у которой подогнулись колѣни, и она должна была сѣсть. Въ эту минуту Антонъ съ крикомъ вбѣжалъ въ комнату. Слезы ручьемъ лились у него по щекамъ. Онъ бросился къ матери и, задыхаясь, со стономъ проговорилъ: „Ольга умерла... умерла!..“ Онъ упалъ на стулъ и, закрывъ лицо руками, громко зарыдалъ.

Профессоръ поблѣднѣлъ, какъ смерть. Въ головѣ его вдругъ все смѣшалось. Что то точно оборвалось въ его сердцѣ, какая то надежда, тайно жившая въ немъ. Онъ и самъ не подозрѣвалъ ея существованія, и только крикъ Антона и слова его, разрушившія ее однимъ ударомъ, обнаружили ему истину. Боль обманутаго ожиданія наполнила его душу. Только теперь онъ почувствовалъ, что чего-то лишился, что-то потерялъ... навсегда! Нестерпимая душевная мука лишила его на мгновеніе самообладанія..

Однако онъ все же овладѣлъ собой. Онъ замкнулъ свое сердце и, стиснувъ зубы, строго оглядѣлъ всѣхъ. Эрмина

стояла возлѣ Антона, ласково гладила его по головѣ, и въ ея глазахъ, устремленныхъ на отца, онъ прочелъ жгучій вопросъ. Мать подняла руку, точно она хотѣла схватить его. Профессоръ боялся ея прикосновенія; онъ боялся, что она однимъ взмахомъ руки уничтожитъ все, что онъ воздвигъ въ своемъ оскорбленномъ сердцѣ послѣ событій послѣднихъ лѣтъ. Его жена, его дѣти ускользали отъ него! Точно какая-то стѣна отдѣлила его отъ нихъ. Онъ хотѣлъ найти то могучее слово, которое вернуло бы ихъ, но не могъ собрать мыслей.

— Та, о которой здѣсь говорится... давно умерла!.. Это слѣдовало знать!..

Ему казалось, что кто-то другой сказалъ это. Его существо точно раздвинулось, и одна половина съ ужасомъ слушала то, что говорила другая.

Рыданія Антона затихли, и въ комнатѣ наступила тишина. И вдругъ тихій стонъ сорвался съ губъ матери. Онъ донесся точно откуда-то издалека. Всѣ поняли, что она хочетъ говорить, но не можетъ. Мужество покинуло профессора, и онъ почувствовалъ, что теперь онъ уже не состояніи сопротивляться.

Эрмина выступила впередъ.

— Такъ нельзя!.. Такъ нельзя!—вскрикнула она, внѣ себя. Гнѣвъ и угроза слышались въ ея словахъ, виднѣлись въ ея взорахъ, обращенныхъ на отца. Но они то заставили его стряхнуть свою слабость. Возмущеніе дочери пробудило въ немъ всю его прежнюю строгость. Онъ видѣлъ теперь только одно, что дочь возстаетъ противъ отца! Это нарушало его міровоззрѣніе, порядокъ вещей, установленный имъ, и онъ сразу вернулъ свою суровость.

— Молчи!—крикнулъ онъ дочери такимъ голосомъ, что она невольно отступила.—Никто не смѣетъ здѣсь говорить... Молчите!..

Но чѣмъ громче онъ кричалъ на нихъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, что они были далеко, что онъ одинокъ. Онъ зналъ, что причиняетъ имъ страданія, и не могъ удержаться. Его крикъ покрывалъ стоны матери. Онъ хотѣлъ укрыться отъ этихъ стоновъ, преслѣдующихъ его, и ему казалось, что гнѣвные звуки его собственнаго голоса обволакиваютъ его, создаютъ вокругъ него волнующуюся непроницаемую туманную завѣсу, точно удерживающую его въ плѣну.

— Что сказано, то сказано!—кричалъ онъ Эрминѣ.—Это остается въ силѣ сегодня, какъ и четыре года тому назадъ... Ты можешь уйти изъ дому, если не желаешь повиноваться... сейчасъ же!.. Ты не будешь первая, бѣжавшая изъ этого дома... не будешь первая!...—Онъ задыхался, говоря это.—Кто

знаетъ, можетъ быть, теперь такая мода... одна за другой!..

Онъ сорвалъ шляпу съ вѣшалки, схватилъ свои книги и ушелъ, громко хлопнувъ дверью, такъ что весь домъ задрожалъ...

По дорогѣ въ гимназію профессоръ старался привести въ порядокъ свои мысли. Развѣ онъ не стоялъ твердо на своемъ рѣшеніи всѣ эти годы считать Ольгу мертвой для себя и своихъ? Этотъ ребенокъ, убѣжавъ изъ родительскаго дома, швырнулъ къ его ногамъ все, чѣмъ онъ такъ дорожилъ. Однимъ ударомъ было уничтожено, смыто все; годы совмѣстной жизни, работы, воспитаніе, привязанность и душевная жизнь. Все было попрано ногами, разрушено!.. Мало того! Въ сердцѣ его оставались только развалины, но и эти развалины были обезчещены, осмѣяны, лишены всякаго смысла... Онъ потерпѣлъ крушеніе, отвергнутъ, какъ отецъ, оскорбленъ въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, потому что его дитя, игнорируя его приказанія, бѣжала отъ него, чтобы окунуться въ омутъ жизни!...

Чтобы спасти себя, свое достоинство, онъ инстинктивно отвернулся отъ бѣглянки, рѣшивъ на всегда покончить съ нею, захлопнуть надъ нею крышку гроба и считать ее умершей. Онъ строго провелъ это рѣшеніе, уничтоживъ всякое воспоминаніе о ней, всякіе слѣды ея пребыванія въ домѣ и старательно изгнавъ ея образъ изъ своей памяти. Онъ глубоко похоронилъ въ своемъ сердцѣ все то, что согрѣвало его когда-то. Онъ постарался забыть ея милое дѣтское личико, ея живой нравъ, ея звонкое пѣніе, раздававшееся по всему дому, когда она выросла. И это не легко далось ему. Онъ состарился въ этой борьбѣ и еще больше замкнулся въ себѣ.

Но онъ уже перестрадалъ, пережилъ это. Неужели же онъ снова долженъ бороться съ собой, снова долженъ переживать горе? Неужели онъ долженъ сказать себѣ: моя дочь умерла сегодня... и этимъ признать, что она была жива до сихъ поръ? Развѣ это не посрамитъ отца, хотѣвшаго отвергнуть своего ребенка, и развѣ онъ уже не былъ посрамленъ тогда, когда воображалъ, что можетъ принудить ее къ послушанію? Вѣдь такъ онъ потерпитъ крушеніе во второй разъ!..

Профессоръ твердыми шагами вошелъ въ классъ. Лицо его было суровое, замкнутое, какъ всегда, и, какъ всегда, холодно звучалъ его голосъ. Но временами подъ этой ледяной холодностью чувствовалось какое-то жгучее, насильственно сдерживаемое горе. Профессоръ самъ сознавалъ это

и взглядъ его становился еще строже, еще суровѣе... Онъ не хотѣлъ поддаваться слабости.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то смотритъ на него, слѣдитъ за нимъ. Онъ быстро обернулся и увидалъ, какъ Адальбертъ Клингеръ поспѣшно опускалъ голову. Съ минуту онъ внимательно смотрѣлъ на мальчика и былъ пораженъ его видомъ. Клингеръ былъ мертвенно блѣденъ и, казалось,—сейчасъ упадетъ. Въ сердцѣ профессора снова вспыхнулъ гнѣвъ, но тотчасъ же погасъ. Что это такое?.. Профессоръ взошелъ на каѳедру и, усѣвшись, скрылъ свое лицо за пюпитромъ, боясь глазъ этого мальчика, котораго онъ ненавидѣлъ, но съ которымъ онъ чувствовалъ себя связаннымъ какимъ-то страннымъ, необъяснимымъ образомъ.

X.

Послѣ обѣда профессоръ принесъ съ собой тетрадки учениковъ и ихъ сочиненія для просмотра. Онъ сидѣлъ за столомъ, разложивъ свою работу и показывая этимъ своимъ домашнимъ, что по крайней мѣрѣ его жизнь течетъ обычнымъ порядкомъ, какъ будто ничего не случилось. Онъ не говорилъ ни слова ни съ женой, ни съ дѣтьми. Онъ смотрѣлъ въ пространство, черезъ ихъ головы, и когда они между собой шептались, то онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Онъ даже не поднялъ головы, когда они вышли изъ комнаты и не посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Передъ нимъ стоялъ пузырекъ съ красными чернилами, и онъ осторожно макалъ въ него перо, подчеркивая и исправляя ошибки учениковъ. Онъ казался погруженнымъ въ свою работу, и, конечно, никто не рѣшился бы помѣшать ему.

Мать сидѣла у окна вмѣстѣ съ Эрминой. Антонъ стоялъ возлѣ нихъ и смотрѣлъ, какъ онѣ работаютъ. Профессоръ, однако, зналъ, что онѣ шьютъ траурныя платья и нашиваютъ крепъ на свои шляпы. Онѣ дѣлали это открыто, нисколько не прячась отъ него. Значитъ, то, что онъ сказалъ имъ сегодня утромъ, не имѣло для нихъ значенія? Онѣ просто-на-просто игнорировали это!..

Развѣ Ольга не заставила его снова почувствовать, что въ сущности его воля безсильна, его рѣшенія безполезны, его приказаніе не имѣетъ значенія? Антонъ вбѣжалъ сегодня въ комнату со слезами и крикомъ, что Ольга умерла, какъ будто Ольга еще жила для этого дома, какъ будто ея общеніе съ братомъ и сестрой нарушилось только въ эту минуту? Для нихъ, для всѣхъ, Ольга продолжала оставаться и любимой дочерью, и любимой сестрой! Не взирая

на его запретъ, они не порывали съ ней, они были на ея сторонѣ!..

Эрмина подошла къ столу, что-то разложила на немъ, и профессоръ слышалъ, какъ ея ножницы рѣзали какую-то мягкую матерію. Кончикъ крепа внезапно продвинулся къ нему и коснулся открытой тетради. Это длилось одну секунду, потому что Эрмина дернула къ себѣ крепову матерію. Однако, онъ вздрогнулъ, какъ отъ внезапнаго испуга. Онъ какъ будто только теперь понялъ, что смерть представляетъ нѣчто непоправимое, откуда нѣтъ возврата. Ему вдругъ стало ясно, что онъ все упустилъ въ жизни, и ему показалось, что какая-то злая сила мѣшала ему всегда и что теперь всѣ пути для него закрыты. Онъ чувствовалъ себя ограбленнымъ, но не зналъ, что у него похитили; онъ чувствовалъ себя обманутымъ, но не зналъ, въ чемъ его обманули. Горечь наполняла его душу, точно ему была оказана какая-то несправедливость, какъ будто Ольга снова пренебрегала его словами и во второй разъ упрямо бросила его.

Снаружи такъ громко позвонили, что всѣ вздрогнули. Въ передней послышались поспѣшные шаги, чей-то торопливый вопросъ, дверь раскрылась, и на порогѣ стоялъ принцъ Фердинандъ. Онъ былъ блѣденъ и точно потерянный, ничего не видя передъ собой, шатаясь, прошелъ мимо пораженной Эрмины, смотрѣвшей на него съ изумленіемъ, прямо къ окну, у котораго сидѣла мать.

— Простите меня,—сказалъ онъ тихо, дрожащимъ голосомъ,—простите меня!.. Я долженъ былъ... Я не могъ... Я только что оттуда...

Мать приподнялась и, видя, что онъ едва стоитъ на ногахъ, протянула ему руки. Онъ опять повторилъ, заикаясь:

— Простите меня... Я только сегодня... сегодня пріѣхалъ изъ Штиріи...

Онъ замолчалъ. Видно было, что онъ больше не въ состояніи выговорить ни слова.

Онъ почти неожиданно очутился въ обстановкѣ, знакомой ему съ дѣтства. Этихъ людей онъ зналъ давно и теперь смотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ и испугомъ. Воспоминанія нахлынули на него, и что-то, казалось, давно уже исчезнувшее оживало въ его душѣ. Прошлое тысячами нитей опутывало его. Ольга!.. Ольга!.. Этотъ крикъ неумолчно раздавался въ его ушахъ. Онъ въ сердцахъ покинулъ ее, далъ ей почувствовать всю силу своего осужденія, своей строгости, и ея смерть была ужаснымъ отвѣтомъ на это. Не раздумывая, не колеблясь, онъ бѣжалъ сюда, точно можно

было спасти что-нибудь. Онъ думалъ только одно: есть люди, которые оплакиваютъ Ольгу, какъ онъ! Ему хотѣлось дотронуться до рукъ, которыя когда-то ласкали ее, взглянуть въ глаза, въ которыхъ онъ могъ найти отблескъ глазъ Ольги. Страстное желаніе покаяться передъ этими людьми, сказать имъ то, что могло ему служить вмѣстѣ и обвиненіемъ и оправданіемъ, овладѣло имъ. Ему хотѣлось сказать имъ нѣчто такое, что должно было возвысить Ольгу, очистить ее...

И вотъ онъ стоялъ посреди комнаты, точно занесенный сюда вихремъ. Онъ нарушилъ всѣ преграды и ворвался въ чужую, запретную область и чувствовалъ, что та ограда, которою онъ окружилъ себя и за которою скрывался, была также разрушена. Ему было стыдно, хотѣлось говорить, но онъ не могъ. Безпомощно заглянулъ онъ въ глаза матери и прочелъ въ нихъ все, что хотѣлъ сказать. Она, повидимому, знала, что судьба Ольги была связана съ нимъ, угадывала и тотъ ужасъ, который примѣшивался къ его страданію. Она тяжело вздохнула и склонила голову, точно прислушиваясь къ крику его души: Ольга!.. Ольга!.. Онъ вдругъ зарыдалъ и бросился на грудь матери. Она обняла его, прижала къ груди его голову, и тихія слезы катились по ея щекамъ...

Эмануэль Фердинандъ поднялъ свое заплаканное лицо и растерянно осмотрѣлся. Онъ только теперь замѣтилъ профессора, одиноко стоявшаго у стола. Густая краска залила его ще :к, когда онъ увидѣлъ своего стараго учителя, и все, что произошло между ними, сказалось въ этомъ смущеніи. Онъ робко подошелъ къ профессору, и въ глазахъ его была мольба, признаніе и такая глубокая печаль, которую нельзя выразить словами. Точно повинуясь внутреннему, непреодолимому побужденію, профессоръ взялъ протянутую ему руку, ощутилъ ея горячее пожатіе и услышалъ шепотъ принца, выражавшій ему соболѣзнованіе. Все это онъ слышалъ точно издалека... Онъ поклонился, но оставался безмолвнымъ.

Эмануэль Фердинандъ смущенно смотрѣлъ на своего стараго учителя, точно искалъ словъ, чтобы заговорить съ нимъ. И снова картины прошлаго вставали передъ нимъ. Онъ видѣлъ себя ребенкомъ, въ этой комнатѣ, среди этихъ дѣтей. Видѣлъ ее, которая уже тогда, маленькой дѣвочкой, выказывала ему какую-то особенную привязанность, такъ довѣрчиво, сердечно и весело смотрѣла на него... Онъ не могъ больше выдержать; онъ взялъ Антона и Эрмину за руки, какъ бывало въ прежнія времена, точно ища у нихъ поддержки и утѣшенія въ своемъ горѣ.

— Ольга!.. Ольга!..—тихо повторялъ онъ и всѣмъ стало страшно, что онъ вызывалъ умершую.

Ноги у него подкашивались. Онъ сѣлъ къ столу и, положивъ голову на руки, тихо плакалъ. Когда мать подошла къ нему, онъ поймалъ ея руку и почтительно поцѣловалъ. Она нѣжно погладила его свѣтлые волосы, точно онъ былъ еще ребенокъ. Антонъ и Эрмина стояли возлѣ него и тоже тихо плакали. Въ эту минуту всѣ они были близки другъ другу, всѣхъ ихъ связывало общее горе...

Профессоръ вышелъ изъ комнаты, но они этого не замѣтили.

XI.

Въ эту ночь профессоръ оставался одинъ. Онъ не видѣлъ своихъ дѣтей вечеромъ, когда пошелъ спать, и кровать его жены, стоявшая возлѣ его кровати, оставалась пустой. Онъ не думалъ о томъ, гдѣ они могли находиться; онъ зналъ только, что они ушли, чтобы не быть съ нимъ, чтобы гдѣ-нибудь, въ другомъ мѣстѣ, оставаться другъ съ другомъ, объединиться въ своемъ горѣ...

Тихо было въ домѣ. Комнаты имѣли видъ, какъ будто ихъ покинули навсегда. Мебель стояла по стѣнамъ, точно никому ненужная больше. Было пусто и одиноко.

Профессоръ лежалъ безъ сна и смотрѣлъ въ темноту. Онъ ощущалъ вокругъ себя безнадежную пустоту. Онъ вспоминалъ свои старыя разочарованія, огорченія, свою давнишнюю печаль и, наконецъ, новое горе, новую обиду, все то, что окружило его стѣной и заключило въ ней на всю жизнь. Никто больше не входилъ къ нему, и онъ самъ не могъ выйти и соединиться съ другими. И теперь его близкіе, его дѣти, жена ускользнули отъ него! Они ушли туда, гдѣ они могли быть вмѣстѣ и держать другъ друга за руки. О немъ же забыли, его руки никому не были нужны!..

Въ ночной тишинѣ раздался бой часовъ. Профессоръ вздрогнулъ, точно внезапно услышалъ чей-то голосъ...

Утромъ онъ вышелъ, замкнувшись въ своей твердой рѣшимости ничѣмъ не обнаруживать своего внутренняго состоянія, дѣлать видъ, будто онъ ничего не замѣчаетъ. Эрмина и Антонъ стояли у стола, когда онъ вошелъ, и тотчасъ же убѣжали. Онъ даже не взглянулъ на нихъ. Но его вдругъ охватила странная тревога, и онъ началъ торопливо укладывать свои книги, чувствуя сильнѣйшую потребность поскорѣе уйти. Проведенная имъ одинокая ночь оставила глубокую рану въ его сердцѣ. Онъ скрывалъ это подъ своимъ суровымъ, неприступнымъ видомъ, но чувствовалъ при этомъ

непреодолимый страхъ, что кто-нибудь изъ его близкихъ подойдетъ къ нему и прикоснется къ этой ранѣ. Тогда онъ не выдержитъ и закричитъ, тогда онъ выдастъ себя...

Когда онъ взялъ шляпу и собрался уходить, дверь открылась, и въ комнату вошла его жена. Онъ отвернулся, чтобы не смотрѣть на нее, и, не поднимая головы, хотѣлъ пройти мимо. Но она вдругъ сдѣлала шагъ впередъ и схватила его за руку.

— Ты не пойдешь сегодня въ школу,—сказала она твердымъ голосомъ.

Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее. Его поразилъ звукъ ея измѣнившагося голоса. Она была блѣдна и дрожала, но глаза ея грозно блестѣли, и въ нихъ онъ прочелъ, что она ждетъ его сопротивленія, приготовилась къ нему и твердо рѣшила сломить его.

Профессоръ думалъ въ эту минуту, что его оставили ночью одного, и отвѣтилъ:

— Сегодня, какъ и всегда, я пойду на урокъ...

Рука, державшая его, крѣпче схватила его за рукавъ.

— Пусти меня!—шепнулъ онъ, недовольный, и хотѣлъ вырваться.

— Антонъ!—крикнула она, назвавъ его по имени.

Это поразило его. Давно уже она не называла его иначе, какъ „отецъ“, и это имя прозвучало въ его ушахъ, какъ давно забытый звукъ. Онъ тоже называлъ ее „мать“. Они оба совершенно ушли въ своихъ дѣтей и говорили между собою только о дѣтяхъ. И вдругъ, точно забывъ дѣтей, устраняя ихъ, она назвала его тѣмъ именемъ, какимъ называла въ тѣ времена, когда они еще не были другъ для друга только „отцомъ“ и только „матерью“.

Профессоръ смотрѣлъ на жену. Это уже не было прежнее безвольное, порабощенное существо. Исчезла ея смиренная покорность, ея кроткая боязливость. Она сбросила съ себя иго послушанія, подъ которымъ сгибалась въ теченіе столькихъ лѣтъ, и онъ чувствовалъ, что его приказанія теперь уже были безсильны...

— Что ты хочешь отъ меня?—спросилъ онъ угрюмо, стараясь не смотрѣть на нее. Но она придвинулась къ нему ближе и, прямо глядя ему въ глаза, сказала тихо и настойчиво:

— Я хочу, чтобы ты пошелъ со мною!..

— Куда?

Онъ выговорилъ это слово твердымъ, суровымъ тономъ, чувствуя, какъ гнѣвъ закипаетъ въ немъ.

— Туда ты долженъ идти за мной!.. Ты знаешь, что я хочу сказать... туда!

Онъ вырвалъ у нея руку и, вспыливъ, сердито закричалъ:

— Никогда я не пойду туда... Никогда тебѣ не удастся...

Но она не дала ему договорить и со спокойной твердостью сказала:

— Послушай меня, Антонъ! Или ты пойдешь со мной туда, къ нашему ребенку, или...

— Никогда!..

— ... или я покину твой домъ навсегда, и ты никогда больше не увидишь меня...

Эти спокойныя, твердыя слова ударили его въ сердце, точно молотомъ.

Онъ снова взглянулъ на ее. Въ ея измѣнившемся лицѣ онъ прочелъ отвѣтъ на все: на его поступки съ ней, на его злобу, его запрещенія, на все, что онъ дѣлалъ и рѣшалъ. Онъ смотрѣлъ на нее и читалъ упреки, затаенные и сокрытые въ теченіе столькихъ лѣтъ, обвиненія, которыя никогда не высказывались и далеко были запрятаны въ глубинѣ души. Теперь все, что вышло наружу, лежало передъ нимъ и онъ видѣлъ это и не могъ никуда скрыться...

Профессоръ молча глядѣлъ на свою жену, точно онъ только что теперь узналъ ее. Онъ понялъ, что съ этой минуты все между ними будетъ по другому. И вдругъ, что-то въ чертахъ ея сморщеннаго старческаго лица напомнило ему Ольгу. Въ ея глазахъ, такъ прямо и твердо смотрѣвшихъ на него въ эту минуту, была такая же жажда ласки, любви, какую онъ всегда видѣлъ въ глазахъ Ольги, съ мольбою смотрѣвшихъ на него послѣ строгаго выговора или тогда, когда онъ заставлялъ ее подчиняться своему суровому режиму. Онъ вспомнилъ, что его жену тоже зовутъ Ольгой, и это поразило его, какъ неожиданность...

— Пойдемъ,—сказала она и нѣжно взяла его за руку. Онъ послушно послѣдовалъ за ней.

Онъ шелъ молча рядомъ съ ней по улицѣ, почти не поднимая глазъ. Мысли его точно заволокло туманомъ, но въ душѣ онъ продолжалъ все ту же борьбу, которую онъ только что перенесъ, и онъ спрашивалъ себя, отчего это онъ сталъ такимъ слабымъ, отчего онъ не могъ противостоять ей. Онъ казался самому себѣ униженнымъ послѣ этого и ждалъ, что жена потребуетъ отъ него еще чего нибудь, начнетъ говорить, будетъ жаловаться, упрекать...

Однако, она также молча шла возлѣ него, скромная и робкая, какъ всегда. Онъ замѣтилъ, что она тихо плакала, но была спокойнѣе, оттого что онъ былъ съ нею и, повидимому, ничего больше не намѣрена была требовать отъ него.

Когда они подошли къ подъѣзду дома, гдѣ жила прежде Ольга, и поднялись по мраморной лѣстницѣ, устланной ков-

ромъ, то профессоръ только тогда понялъ, куда онъ послѣдовалъ за своей женой. Въ душѣ его снова поднялся протестъ, но это продолжалось лишь нѣсколько мгновеній и замѣнилось другимъ чувствомъ, вызваннымъ мыслью, что тамъ, въ этомъ домѣ, лежитъ Ольга. Тамъ, за этимъ порогомъ, находится міръ, въ которомъ жила Ольга и который онъ представлялъ себѣ чѣмъ то дурнымъ и запретнымъ. Онъ со стыдомъ и возмущеніемъ отворачивался отъ этого неизвѣстнаго ему міра, и всѣ женщины, находившіяся въ немъ, были въ его глазахъ падшими и погибшими созданіями. И теперь онъ чувствовалъ возмущеніе, онъ боялся, какъ позора, этой атмосферы, которую вдыхалъ, и ему надо было употребить всю свою силу воли, чтобы преодолѣть въ себѣ это чувство и пойти за своей женой по мраморной лѣстницѣ.

Въ полутемной передней, куда они вошли, открылась дверь, и на встрѣчу имъ полился яркій свѣтъ. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и очутился въ свѣтлой высокой комнатѣ, за которой открывался цѣлый рядъ такихъ же большихъ, великолѣпно убранныхъ комнатъ. Въ воздухѣ носился тонкій ароматъ духовъ. Профессоръ медленно двигался, точно во снѣ, и ему казалось временами, что онъ перенесенъ въ какую-то неизвѣстную, прекрасную страну, залитую солнцемъ и жизнерадостную. Ничто не говорило о презрѣніи и униженіи тѣхъ, кто находился въ этой волшебной странѣ. Все здѣсь сіяло, сверкало и ласкало взоры. Развѣ это онъ ожидалъ найти? Онъ думалъ, что здѣсь должны прятаться отъ свѣта, скрываться въ темныхъ углахъ и что каждая вещь должна громко взывать о позорѣ... Онъ вдругъ остановился и прижалъ руки къ груди, ощущая кончиками своихъ пальцевъ сильное біеніе своего сердца. Теперь онъ только со страхомъ ожидалъ того, что должно произойти за этими дверями...

Мать пошла впередъ. Миновавъ двѣ бѣлыя комнаты, профессоръ увидѣлъ въ стѣнѣ черный открытый входъ, за которымъ находилась задрапированная чернымъ же сукномъ комната, показавшаяся ему мрачной пещерой. Тяжелый, сырой запахъ несся оттуда. Мать вошла туда и исчезла въ темнотѣ...

Профессоръ машинально послѣдовалъ за ней, точно его кто-то неудержимо тянулъ туда въ этотъ мракъ. Очутившись въ темнотѣ, онъ крѣпко стиснулъ зубы. Что-то оборвалось въ его груди, и онъ боялся, что закричитъ. Когда его глаза привыкли къ темнотѣ, онъ увидалъ массу лежащихъ на полу цвѣтовъ и вѣнковъ и горящія кругомъ восковыя свѣчи. Наконецъ, онъ различилъ черный помостъ, окруженный ве-

зиколѣнными канделябрами и темными пальмами; и подъ ними на бѣломъ атласѣ подушки, слабо выдѣлялось мертвое личико Ольги. Онъ видѣлъ ее, какъ во снѣ, видѣлъ бѣлое одѣяніе изъ газа и кружевъ и сложенныя на немъ двѣ маленькія, точно дѣтскія ручки, обвитыя четками. Все какъ будто уносилось на его глазахъ темнымъ потокомъ, казалось ему не реальнымъ и это лицо, на бѣлой, атласной подушкѣ, какъ будто было только изображеніемъ Ольги, быть можетъ, пророческимъ видѣніемъ, она же сама должна была находиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, далеко отсюда...

Онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе къ своей рукѣ и услышалъ тихій плачъ своей жены. Она все тѣснѣе прижималась къ нему, охваченная слабостью, и вдругъ припала къ нему на грудь головой. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, слышалъ ея рыданія и чувствовалъ, что она ищетъ въ его сердцѣ отзвука своей печали. Эти слезы разрушили, наконецъ, завѣсу, воздвигнутую между ними и гробомъ, стоящимъ на высокомъ помостѣ. Онъ ясно видѣлъ теперь Ольгу. Лицо ея было спокойно и торжественно. Ея бѣгство изъ родительскаго дома, жизнь, которую она вела, все это отступило въ темноту, окружавшую ее. Онъ смотрѣлъ и смутно чувствовалъ, что надъ нею свершился судъ, болѣе строгій, чѣмъ его собственный, что за проступокъ, содѣянный противъ него, послѣдовала кара, такая неумолимая, что весь его гнѣвъ, всѣ его обвиненія сразу были смыты, уничтожены этимъ, и на его долю уже больше ничего не оставалось, ему некого было судить...

Мать, прижимавшаяся къ его груди, зарыдала сильнѣе. Онъ нагнулся къ ней и шепнулъ: „Да... да!..“

Выйдя изъ этой темной пещеры въ свѣтлыя бѣлыя комнаты, гдѣ на него снова повѣяло нѣжнымъ ароматомъ, которымъ былъ пронизанъ воздухъ этихъ комнатъ, онъ чувствовалъ уже и въ этомъ воздухѣ и во всѣхъ предметахъ, окружавшихъ его, что-то близкое ему, родное. „Ольга“! невольно прошепталъ онъ. Да, эти комнаты были пропитаны атмосферой ея жизни, эта мебель, эти стѣны сохраняли еще слѣдъ ея существованія. Только теперь онъ ощутилъ ея присутствіе и понялъ, что онъ былъ у своего собственнаго ребенка...

XII.

Дома онъ сидѣлъ безмолвный и замкнутый, какъ всегда, но онъ уже не чувствовалъ себя одинокимъ. Эрмина и Антонъ поцѣловали ему руку, когда онъ вошелъ въ комнату, оставались возлѣ него и плакали, не скрывая отъ него сво-

его горя. Онъ чувствовалъ, что они снова приблизились къ нему, что онъ уже не былъ исключенъ изъ круга ихъ жизни, и онъ больше не ощущалъ горечи въ своей душѣ. Вообще точно какая-то тяжесть, долгіе годы угнетавшая его, свалилась съ души. Но глубоко, глубоко въ душѣ зарождалась глухая скорбь, которая только теперь давала себя чувствовать.

Мать, съ мокрыми отъ слезъ глазами, занималась своею домашнею работой, которую она не могла оставить. Когда же болѣе сильный приступъ горя заставлялъ ее бросать работу, она подходила къ мужу, садилась возлѣ него, и ей становилось легче.

Горничная просунула голову въ дверь и доложила. Изъ гимназіи пришелъ сторожъ, г. директоръ послалъ его пропросить г. профессора, чтобы онъ немедленно явился. Въ гимназіи что-то случилось.

Профессоръ тотчасъ же отправился и дорогою думалъ: зачѣмъ они посылаютъ за мной? Вѣдь они же знаютъ, что у меня умерла дочь. И вдругъ онъ самъ себѣ показался очень нуждающимся въ состраданіи, въ сочувствіи...

Онъ прошелъ по безмолвнымъ коридорамъ гимназіи, мимо запертыхъ классовъ, за дверями которыхъ сидѣли мальчики и учились. Онъ совершенно не думалъ объ этомъ и его даже нисколько не интересовало, зачѣмъ директоръ послалъ за нимъ, мысли его были похищены однимъ видѣніемъ: онъ старался возстановить въ своей памяти блѣдное личико на бѣлой атласной подушкѣ, хотѣлъ видѣть ея черты, но оно исчезало, расплывалось въ мутномъ сумеречномъ свѣтѣ, и ему не удавалось удержать его передъ глазами.

Директоръ вышелъ къ нему на встрѣчу и, протянувъ руку, сказалъ:

— Прежде всего я долженъ выразить вамъ соболѣзнованіе по поводу вашей тяжелой утраты...

Профессоръ вдругъ вспомнилъ, что ни директоръ, ни другіе учителя никогда не упоминали при немъ объ Ольгѣ. Значитъ, они тоже знали, что она бѣжала изъ дому и что отецъ отрекся отъ нея? А теперь директоръ вдругъ выражаетъ ему соболѣзнованіе,, сочувствуетъ его печали. Слѣдовательно, и онъ тоже находитъ, что Ольга искупила свою вину?..

Они посмотрѣли другъ на друга и все поняли съ одного взгляда.

— Къ сожалѣнію... къ сожалѣнію, я вынужденъ былъ васъ побезпокоить, несмотря на ваше горе,—сказалъ дирек-

торъ многозначительнымъ тономъ. — Произошелъ печальный случай... Адальбертъ Клингеръ застрѣлился.

Профессоръ вздрогнулъ. Онъ былъ пораженъ, но могъ только выговарить беззвучнымъ голосомъ: „Ужасно!..“

— Да, ужасно!—повторилъ директоръ. По дрожащему звуку его голоса можно было догадаться, какъ онъ волнуется.—Юноша, подававшій такія надежды... гордость своихъ родителей...

Онъ больше ничего не могъ сказать и пожалъ плечами.

— Я не могу себѣ объяснить... — проговорилъ профессоръ съ усиліемъ, — у меня онъ имѣлъ очень хорошія отмѣтки, по греческому и математикѣ... на сколько мнѣ извѣстно... онъ шелъ успѣшно... Не было же у него какихъ-либо затрудненій въ другихъ наукахъ?

Директоръ смотрѣлъ въ окно. Онъ какъ будто обдумывалъ какое-то рѣшеніе и не зналъ, какъ поступить.

— Адальбертъ Клингеръ,—сказалъ онъ, наконецъ,—былъ превосходный ученикъ... Тутъ другая причина...—Директоръ вдругъ повернулся къ профессору.—Къ сожалѣнію... я долженъ вамъ сказать... самоубійство Адальберта Клингера находится въ извѣстной связи... съ... съ... съ печальнымъ событіемъ въ вашей семьѣ...

Профессоръ испуганно посмотрѣлъ на говорившаго. Онъ почувствовалъ, что его ожидаетъ тяжелый ударъ.

Директоръ потупилъ глаза и, разсѣянно играя линейкой, лежащей передъ нимъ на столѣ, тихо и смущенно произнесъ:

— Адальбертъ Клингеръ застрѣлился... изъ-за любви... и горя вслѣдствіе смерти вашей дочери...

Профессоръ пошатнулся. Ужасъ, стыдъ и горе съ такой силой охватили его, что ему сдѣлалось дурно. Съ трудомъ онъ овладѣлъ собой. Онъ вспомнилъ все: портретъ Ольги, который онъ нашелъ у Клингера, и свое подозрѣніе, что Клингеръ хотѣлъ посмѣяться надъ нимъ... вспомнилъ свой гнѣвъ, свое нападеніе на мальчика... Это все было не то, это было хуже, и то подозрѣніе, которое теперь зарождалось въ его душѣ, причиняло ему невыносимыя страданія.

Голосъ директора прервалъ его мысли. Видно было, что онъ дѣлаетъ надъ собой усиліе, стараясь говорить мягко, но въ тонѣ его звучало возмущеніе.

— Мы еще не знаемъ подробностей,—сказалъ онъ.—Произошло это сегодня, на разсвѣтѣ. Его нашли въ паркѣ, передъ домомъ, какъ мнѣ кажется, вашей дочери... Вѣдь ваша дочь тамъ жила?

Въ этомъ вопросѣ профессору послышался уничтожающій упрекъ, поэтому онъ ничего не отвѣтилъ.

— Осталось письмо, въ которомъ несчастный объясняетъ мотивы своего поступка,—продолжалъ директоръ.—Во всякомъ случаѣ, этотъ случай... Я хочу сказать: шумъ, вызванный этимъ... общественное вниманіе... всѣ эти тяжелыя, непріятныя вещи...

Онъ замолчалъ и снова отвернулся.

Профессоръ вышелъ отъ него, совершенно подавленный новымъ ударомъ. Когда онъ проходилъ по пустымъ коридорамъ, то ему казалось, что на немъ лежитъ тяжелая вина, что онъ опозоренъ. Ему было страшно, что которая-нибудь изъ запертыхъ дверей откроется, и выйдутъ мальчики, которые тамъ скрываются и увидятъ его... Робко, боясь оглянуться назадъ, проскользнулъ онъ на улицу. Какъ могло это случиться? Неужели она не пощадила дѣтства, завлекла этого мальчика и затѣмъ унесла его съ собой въ могилу? Какія вещи творились въ этомъ ужасномъ мірѣ, въ которомъ жила Ольга?..

Онъ остановился, задыхаясь, и сдавилъ грудь руками. Передъ его затуманившимися взорами носилось ея лицо, но не то, которое онъ видѣлъ сегодня въ гробу, а то, которое видѣлъ на портретѣ, въ рукахъ Клингера, улыбающееся и обаятельное. Онъ готовъ былъ закричать отъ раздирающей душу муки. Неужели онъ долженъ былъ опять отвернуться отъ своей дочери и еще разъ оттолкнуть ее отъ себя, мертвую? Всѣ его мысли, всѣ его ощущенія потонули въ этомъ невыразимомъ остромъ страданіи.

Когда онъ вернулся домой, то засталъ у себя въ комнатѣ какого-то незнакомаго господина, который сидѣлъ возлѣ матери и держалъ ее за руки. Но профессоръ узналъ его съ перваго взгляда по сходству. Это былъ отецъ Адальберта Клингера, тѣ же горящіе глаза и то же гордое выраженіе лица. Профессоръ вздрогнулъ, увидя его, какъ будто это былъ судья, призванный судить его. Онъ опустилъ глаза, какъ виноватый...

Чей-то надломленный голосъ, въ которомъ онъ узнавалъ отдаленное сходство съ голосомъ Адальберта, говорилъ ему:

— Насъ обоихъ сразилъ тяжелый ударъ... г. профессоръ!..

Онъ взглянулъ на блѣдное, судорожно-подергивающее лицо отца Клингера, изъ всѣхъ силъ старавшагося справиться со своимъ волненіемъ.

— Я не знаю... не понимаю... какъ это могло случиться!.. Какъ это могло быть!.—пробормоталъ онъ.

— Ахъ, господинъ профессоръ! — проговорилъ отецъ Клингера со стономъ,—что мы знаемъ про своихъ дѣтей?..

Онъ замолчалъ, потомъ прибавилъ:

— Мой сынъ... Мы думали... Онъ былъ еще ребенокъ.. Мы считали это невиннымъ увлеченіемъ...

— Моя дочь...—возразилъ профессоръ. Онъ хотѣлъ сказать, что между нимъ и его дочерью не было ничего общаго. Но отецъ Клингера прервалъ его.

— Ваша дочь!—сказалъ онъ.—Если бъ она знала моего мальчика... если бъ она знала, чѣмъ она была для него!.. Она бы ласково отнеслась къ нему!.. Не оскорбилась бы этимъ чистымъ поклоненіемъ.

Профессоръ смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами, точно ничего не понимая.

— Да,—продолжалъ отецъ Клингера.—Она бы не могла сердиться на него за это чувство... Онъ ей открылъ бы все свое сердце... А мы это принимали за дѣтскую мечтательность... О, Господи!..

Онъ говорилъ, все болѣе и болѣе волнуясь, и въ голосѣ его звучала горечь. Самообладаніе, повидимому, окончательно покинуло его.

— Можетъ быть, вы находите, что ваша потеря больше моей!—воскликнулъ онъ.—Такая великая артистка... и такая молодая!.. Но ваша дочь... всѣ почитали ее... По крайней мѣрѣ, вы могли радоваться на нее... вы видѣли ея славу... и хотя это должно быть вдвойнѣ тяжело теперь... но все-таки... А мое бѣдное дитя... мой Адальбертъ! Что могло бы быть изъ него... неправда ли?.. О, вся моя жизнь теперь разрушена...

Онъ закрылъ лицо руками и разразился такими страшными рыданіями, точно душа разрывалась у него на части.

Профессоръ неподвижно смотрѣлъ въ пространство. Великая артистка!.. Эти слова теперь сверкали передъ его глазами, словно сіяніе. Никогда онъ не думалъ объ этомъ. Ольга была для него только ребенкомъ, причинившимъ ему глубокое оскорбленіе и горе, потому что она пренебрегла его ученіемъ и его любовью. Она была дочерью, покрывшею его позоромъ, потому что она пѣла и танцовала для публики. Великая артистка!

Выставлять себя на показъ людямъ и дѣлать то, что запрещено дѣлать дѣвушкѣ,—развѣ это называется великимъ искусствомъ? У него были другія понятія объ искусствѣ. Для него оно заключалось въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ, было великимъ наслѣдіемъ прошлаго, передъ которымъ склонялись всѣ ученые и которое они съ благоговѣніемъ изучали...

Профессоръ мысленно повторилъ слова отца Клингера: „Всѣ почитали ее... всѣ!“ Это было ново для него. То, что

всѣ люди любовались и восхищались ею, всегда составляло его горе. А то, что эта дочь, оторвавшись отъ него, стала игрушкой для неизвѣстнаго и внушающаго ему страхъ міра, было его позоромъ и мукой. Ее почитали?.. Адальбертъ Клингеръ, этотъ благородный, гордый мальчикъ убилъ себя ради нея, и его отецъ всетаки пришелъ сюда и говоритъ о ней съ уваженіемъ, какъ о великой артисткѣ!..

Онъ подошелъ къ плачущему человѣку и, ласково положивъ руку ему на плечо, проговорилъ задушевнымъ голосомъ:

— И я тоже потерялъ своего ребенка, г. Клингеръ!..

XIII.

Передъ домомъ Ольги стояла толпа. Широкая улица была переполнена людьми и экипажами. Полицейская стража торопливо наводила порядокъ и заставляла толпу разступаться шпалерами. Профессоръ былъ смущенъ, увидѣвъ такое стеченіе народа. Толпа всегда стѣсняла его и внушала ему страхъ. И теперь эта толкотня, давка, гулъ безчисленныхъ голосовъ, ожиданіе, дѣйствовали на него удручающимъ образомъ. Ему казалось, что все, пережитое имъ, всѣ его чувства, страданія, выносятся на мостовую. Среди этой толпы профессоръ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ, ничтожнымъ, безсильнымъ и какъ будто выставленнымъ на показъ...

Онъ поднялся по лѣстницѣ вмѣстѣ съ женой. Антонъ и Эрмина слѣдовали за нимъ. Но и лѣстница была переполнена людьми. Молодыя дѣвушки стояли на ступеняхъ, молодые люди проходили вверхъ и внизъ по лѣстницѣ и шептались. При видѣ профессора всѣ посторонились, чтобы дать ему дорогу. Наверху стояла бѣлокурая дѣвочка подростокъ. Она что-то шепнула своимъ подругамъ и, поспѣшно подойдя къ женѣ профессора, поднесла ей цвѣты, зардѣвшись отъ смущенія, и ея молоденькое испуганное личико внезапно залилось слезами.

Двери квартиры Ольги были широко раскрыты и комнаты наполнены людьми въ траурной одеждѣ. Они также образовали шпалеры, когда проходилъ профессоръ. Много рукъ протягивалось къ нему, и онъ пожималъ ихъ. Ему кланялись и провожали его грустными взорами.

Онъ опять прошелъ въ черную комнату и увидѣлъ блестящіе канделябры вокругъ гроба, который былъ теперь закрытъ и сіялъ въ темнотѣ, точно великолѣпная серебрянная груда. Тяжелый запахъ цвѣтовъ, свѣчей и ладана пахнулъ

ему въ лицо, но къ нему теперь примѣшивался какой-то другой, неуловимый запахъ, вызывавшій въ немъ мучительное ощущеніе и ужасъ.

Къ нему подошелъ какой-то господинъ съ гладко выбритымъ лицомъ. Это былъ директоръ театра. Онъ поздоровался съ профессоромъ, точно со старымъ пріятелемъ, и сказалъ:

— Я глубоко опечаленъ... Это—страшное горе... Господь да пошлетъ вамъ и всѣмъ намъ силу перенести его!..

Онъ говорилъ, и въ его голосѣ слышались слезы. Профессоръ смотрѣлъ на него и думалъ: кто бы это могъ быть? Потомъ онъ замѣтилъ дамъ возлѣ гроба. Онѣ были въ траурѣ; длинныя креповыя вуали закрывали ихъ лица, такъ что онъ не могъ ихъ разглядѣть. Онѣ вполголоса разговаривали между собой, и звукъ ихъ голосовъ показался профессору особенно мелодичнымъ и благороднымъ. Пришли еще другія дамы, и онъ слышалъ, какъ онѣ плакали. Одна изъ нихъ подошла къ матери Ольги и обняла ее, рыдая. Профессору казалось, что сюда собралась другая семья Ольги, которая оплакиваетъ ее. Эта семья была ему неизвѣстна, но Ольга жила въ ней, когда ушла отъ него, и теперь эта семья, отстраняя его, выдвигается впередъ...

Гладко выбритый господинъ снова подошелъ къ профессору, съ дѣловымъ видомъ онъ шепнулъ ему многозначительно:

— Извините... но его превосходительство г. министръ желаетъ выразить вамъ свое соболѣзнованіе...

Профессоръ растерянно взглянулъ на него, но гладковыбритый господинъ, обернувшись, проговорилъ почтительно:

— Это—отецъ... Г. профессоръ Фрогемутъ...

Тотчасъ же какой то высокій господинъ съ сѣдыми бакенбардами нагнулся къ профессору и ласково протянулъ ему руку.

— Искренно сочувствую вашему горю,—сказалъ онъ.— Я былъ глубоко потрясенъ... Такая молодая... и такъ внезапно!.. Это по истинѣ трагическій случай... Я... я... также лично зналъ вашу дочь и былъ ея почитателемъ...

Профессоръ смотрѣлъ на монокль, болтавшійся на груди этого важнаго старика, и рѣшительно не зналъ, что ему отвѣтить. По счастью опять вмѣшался гладко выбритый господинъ и, подойдя къ нему, шепнулъ такимъ тономъ, точно сообщалъ ему радостную вѣсть:

— Г. профессоръ... прошу васъ... Г. бургомистръ!..

Профессоръ увидѣлъ передъ собой чрезвычайно популярное лицо бургомистра, почувствовалъ крѣпкое пожатіе

его руки. Бургомистръ ласково притронулся къ его плечу и сказалъ:

— Это—тяжелая потеря... для искусства... и для нашего города. Да, мой милый профессоръ! Такія, какъ ваша дѣвочка, не часто встрѣчаются... Но вы видите... мы всѣ горюемъ съ вами... вся Вѣна горюетъ вмѣстѣ съ вами.

Профессоръ задрожалъ. Все, что онъ видѣлъ, все что онъ слышалъ здѣсь, переворачивало вверхъ дномъ всѣ его понятія. Точно во снѣ проходили передъ нимъ какіе-то фантастическіе образы, шептали ему непонятныя вещи, какъ будто подсмѣиваясь надъ его мыслями. Все, во что онъ вѣрилъ въ теченіе столькихъ лѣтъ и что чувствовалъ, было сразу отнято отъ него... Все новые люди подходили къ нему, жали ему руку и говорили, но его мысли были связаны, и онъ не могъ отвѣчать имъ.

Раздался слабый, дрожащій голосъ священника въ бѣломъ облаченіи, произносившаго слова молитвы. Въ воздухѣ запахло ладаномъ. Сильныя мужскія руки протянулись къ гробу и подняли его. Толпа двинулась къ выходу.

Во время отпѣванія, въ церкви, когда запѣлъ хоръ молодыхъ дѣвушекъ, странное чувство овладѣло профессоромъ. Онъ думалъ о томъ, что тутъ собралась около гроба настоящая семья Ольги. Это поютъ ея сестры, а мягкій мужской голосъ, раздающійся надъ гробомъ,—это голосъ ея отца, того, который не оттолкнулъ ее и поэтому имѣетъ право проститься съ нею теперь. И ему казалось, что онъ самъ, ея дѣйствительный отецъ, прибѣжавшій сюда впопыхахъ, слишкомъ поздно явился и потому остался одинъ. Какимъ бѣднякомъ, всѣми пренебрегаемымъ, казался онъ себѣ въ эту минуту.

На кладбищѣ гладко выбритый господинъ сталъ на возвышеніе и громкимъ голосомъ произнесъ:

— Ольга Фрогемутъ!..

Толпа затихла. Въ душѣ профессора шевельнулось враждебное чувство. Опять чужой становится между нимъ и могилой и мѣшаетъ ему привести въ порядокъ свои мысли!

— Ольга Фрогемутъ!—повторилъ этотъ человѣкъ, обращаясь къ гробу.—Весь городъ явился сюда, чтобы проводить тебя къ мѣсту вѣчнаго успокоенія... Тутъ собрались и представители науки и искусства, и всѣ тѣ, чьи имена покрыты славой, такъ же какъ и представители власти и высшаго свѣта...

Профессоръ не слышалъ, что онъ говорилъ дальше, но въ его ушахъ неумолчно раздавались слова: „Всѣ собрались сюда...“

— Да, мы всѣ пришли сюда,—сказалъ ораторъ, словно

отвѣчая на его мысль,—и въ ясный, солнечный, весенній день опускаемъ мы тебя въ темную могилу! Ты незабвенная, ты сама была для всѣхъ веселымъ весеннимъ днемъ, слишкомъ кратковременнымъ, слишкомъ быстро закончившимся темной ночью...

Мать со стономъ опустилась на землю, и профессоръ долженъ былъ поддержать ее, чтобы она не упала. Послышались громкія рыданія вокругъ, заглушавшія временами слова оратора.

— Мы будемъ чтить твою память, Ольга!—говорилъ ораторъ.—Ты была намъ подаркомъ боговъ. Точно дочь античной Эллады, ты посвятила себя служенію красотѣ, ты была мила и чистосердечна и наполняла нашъ городъ солнечнымъ сіяніемъ, своею обаятельною живостью и блескомъ своей красоты...

Каждое слово, произносимое ораторомъ, было ударомъ въ сердце профессора. Онъ зашатался, но не замѣтилъ, что его поддерживали. Теперь уже онъ не спускалъ глазъ съ оратора.

— Ты давала радость, Ольга Фрогемутъ! Ты была ниспослана намъ для того, чтобы расточать радость и свѣтъ. И теперь, когда ты такъ быстро покинула насъ — теперь мы чувствуемъ, что безъ тебя стало темнѣе вокругъ насъ...

Профессоръ отступилъ назадъ. Люди пропустили его, не глядя. Онъ слышалъ за собою голосъ оратора и ему казалось, что этотъ голосъ изгоняетъ его. Но ему было все равно. Онъ не могъ оставаться. Въ душѣ его поднималась цѣлая буря чувствъ и она гнала его все дальше и дальше.

Онъ въ смущеніи остановился у широкихъ воротъ ограды кладбища. По ту сторону рѣшетки виднѣлась дорога, идущая подъ гору, зеленѣющіе луга, бѣленькіе деревенскіе домики, а тамъ дальше—холмы, покрытые виноградниками и темная полоса лѣса. Оттуда, съ этихъ цвѣтущихъ луговъ и изъ этихъ бѣлыхъ домиковъ, выглядывавшихъ изъ-за зелени, къ нему доносился веселый, дѣтскій смѣхъ. И ему когда-то улыбалось веселое дѣтское личико!.. Теперь улыбка исчезла съ этого личика, потухли смѣющіеся глаза и земля закрыла ихъ навсегда...

— Она была послана на землю, чтобы доставлять радость,—думалъ онъ, прикрывъ глаза рукой,—и я былъ одинъ, единственный изъ всѣхъ, не понявшій этого! Я одинъ только не радовался на нее, я одинъ оттолкнулъ ее и злобствовалъ на нее!..

Онъ пошелъ дальше, повторяя все тѣ же слова. Дойдя до обсерваторіи, онъ взглянулъ на городъ внизу, окутанный золотистымъ туманомъ и подумалъ:

— Тамъ ее всѣ знали... всѣ понимали ее. А я?.. Она выросла у меня на глазахъ, была моимъ ребенкомъ, всѣ дни она была со мной, я слышалъ ея голосъ, видѣлъ ея глаза... и я не не понималъ... не понималъ...

— Дочь античной Эллады!—Онъ даже громко произнесъ это слово.—Что же такое преподавалъ онъ своимъ ученикамъ въ школѣ? Развѣ онъ не говорилъ имъ о древней Греціи, о ея культѣ красоты? Или это все были пустыя слова?.. Воспоминаніе объ этомъ преслѣдовало его. Съ какимъ важнымъ видомъ говорилъ онъ объ эллинскомъ мірѣ, о его чудесахъ и вотъ, только теперь, посторонній, чужой ему человѣкъ, у гроба Ольги, объяснилъ ему, чѣмъ она была, сказалъ, что она была подаркомъ боговъ...

— А онъ? Какъ поступилъ онъ съ этимъ подаркомъ боговъ? Онъ запятналъ ее своими мыслями, оскорбилъ ее своимъ гнѣвомъ и жестоко поступилъ съ нею...

Вдругъ онъ вспомнилъ Адальберта Клингера. Онъ такъ ясно увидѣлъ передъ собою блѣдное лицо юноши, что даже отскочилъ въ сторону, какъ будто Адальбертъ дѣйствительно шелъ ему на встрѣчу. И онъ подумалъ, что этотъ мальчикъ всѣмъ своимъ юнымъ сердцемъ любилъ его дочь, понималъ ее. Онъ не разставался съ ея портретомъ и пренебрегалъ всякой опасностью, только бы могъ любоваться ея личикомъ. Вспомнилъ профессоръ, какъ онъ вырвалъ этотъ портретъ у Адальберта и изодралъ его въ клочки. Онъ слышалъ тогда, какъ сильно билось сердце мальчика, и ему казалось, что онъ слышитъ это и теперь...

Но и это сердце замолкло навсегда. Оно не могло жить послѣ того, какъ Ольга умерла. И снова профессоръ увидѣлъ передъ собою Адальберта Клингера, его блѣдную щеку съ красною полосой отъ удара и горящіе, устремленные на него глаза. Въ своей слѣпой ярости онъ оскорбилъ этого мальчика, и тотъ молча стерпѣлъ оскорбленіе, ради Ольги.

Горячая любовь къ погибшему мальчику вдругъ пробудилась въ сердцѣ профессора. Слишкомъ поздно! Онъ никогда ничего не могъ понять. Онъ никогда не заглядывалъ въ душу своихъ дѣтей, которые росли возлѣ него. Онъ не интересовался тѣмъ, что они думали и чувствовали, онъ требовалъ безусловнаго подчиненія своей волѣ, покорности отъ нихъ, онъ строго и холодно обращался съ ними и всегда оставался чуждымъ для нихъ...

Нѣсколько часовъ онъ пробродилъ такимъ образомъ, мысленно перебирая свою жизнь и произнося надъ собой приговоръ. Наконецъ, онъ безсознательно повернулъ по дорогѣ домой, и когда узналъ улицу, то испугался. Одна мысль, что онъ увидитъ свою жену, Эрмину, Антона, приводила его въ

ужасъ. Сколько зла онъ причинилъ имъ! Они должны были молча и терпѣливо переносить то, что онъ сталъ между ними и Ольгой и закрылъ для нихъ всѣ пути къ ней. Конечно, они страдали отъ этого, гораздо больше, чѣмъ онъ, который считалъ себя въ правѣ быть ея жестокимъ судьей. Они оставались вѣрны своей привязанности къ Ольгѣ, они любили ее, и онъ отнялъ ее, у нихъ, отнялъ ту частицу счастья, которая принадлежала имъ...

Онъ медленно шелъ по улицѣ и только одно желаніе было у него въ душѣ: никому больше не попадаться на глаза... Самое лучшее было бы вернуться назадъ, въ улицы, ведущія къ Дунаю, взойти на мостъ и однимъ прыжкомъ броситься въ воду. Но эта мысль не могла быть приведена въ дѣйствіе, не потому, чтобы онъ боялся смерти, а вслѣдствіе отсутствія воли, руководящей его поступками. Онъ совершенно обезсилѣлъ нравственно; онъ думалъ о смерти и машинально двигался впередъ, не поворачивая къ мосту. Онъ не сознавалъ этого и чувствовалъ только, что его мощное тѣло сразу ослабѣло, что его плечи уже не въ состояніи нести никакой тяжести. Ему хотѣлось сѣсть и прислониться къ чему-нибудь... Онъ понялъ, что это старость пришла къ нему и, увидя передъ собой свой домъ, вошелъ въ него.

XXV.

Мать вышла изъ кухни, чтобъ посмотрѣть, что дѣлаетъ ея мужъ. Наканунѣ вечеромъ, когда онъ вернулся домой, послѣ похоронъ, онъ прямо легъ въ постель, не говоря никому ни слова, какъ будто ему хотѣлось скорѣе спрятаться отъ всѣхъ. Но онъ не спалъ всю ночь. Утромъ онъ всталъ, тихо, какъ всегда, замкнутый и молчаливый. Онъ сидѣлъ на софѣ съ осунувшимся лицомъ и потухшими глазами и выглядѣлъ совершенно больнымъ. Дѣти ничего не замѣтили, Антонъ оставался въ своей маленькой комнаткѣ и занимался, а Эрмина сидѣла у окна къ нему спиной и вязала. Но мать сразу замѣтила въ немъ перемѣну. Спросить его она не рѣшалась, потому что онъ никогда не допускалъ никакихъ вопросовъ, никакого вмѣшательства въ свои дѣла; никто не смѣлъ подходить къ нему безъ зова. Поэтому и теперь она не подходила къ нему и не спрашивала его ни о чемъ. Она приходила въ комнату изъ кухни, какъ будто отыскивая что-то, и украдкой взглядывала на него. Она боялась новаго несчастья...

Профессоръ сидѣлъ въ глубокой задумчивости. Онъ испытывалъ странное чувство отчужденія отъ всего, что его окру-

жало. Его точно удивляло, что ясно свѣтитъ солнце, кругомъ кипитъ жизнь и теплый весенній воздухъ, льющійся въ окна, приноситъ съ собой уличный шумъ. Все казалось ему чуждо, сегодняшній день пересталъ для него существовать и какъ будто не касался его.

Долгіе часы просидѣлъ онъ такимъ образомъ одиноко и точно уходилъ все дальше и дальше...

Съ какимъ то страннымъ любопытствомъ онъ оглядывалъ комнату, какъ будто только теперь увидѣлъ ее. Онъ смотрѣлъ на мебель, на стѣны, точно только что призналъ въ нихъ старыхъ знакомыхъ: широкій и высокій буфетъ, обѣденный столъ, покрытый красной плюшевой скатертью, висячая лампа надъ нимъ, въ углу этажерка съ книгами—все это онъ зналъ давно. Полинявшій коверъ, съ полустертыми цвѣтами, напоминалъ лицо, на которомъ слезы смыли всѣ жизненныя краски. Плюшевая скатерть тоже имѣла сильно поношенный истертый видъ, особенно по краямъ, а занавѣси на окнахъ поблекли и висѣли какими-то небрежными, помятыми складками, точно сознавая, что праздникъ давно миновалъ и никакая пышность уже не нужна больше.

Профессоръ поникъ головой: значитъ все прошло, вся жизнь, протекшая въ этой обстановкѣ, всѣ годы, слѣды которыхъ еще сохранились здѣсь. И ему казалось, что онъ сгубилъ свою жизнь, пропустилъ свое счастье...

Прошлое вставало передъ нимъ. Онъ видѣлъ крошечную дѣвочку, стоящую у буфета и улыбающуюся ему. Онъ видѣлъ, какъ ея маленькое, дѣтское тѣльце, переваливаясь съ боку на бокъ, двигалось по комнатѣ, и она держалась рученками за мебель. Онъ видѣлъ ея веселое, крошечное личико, блестящіе глазки, улыбающіеся каждому, заговаривавшему съ ней. Его даже не удивило, что онъ снова видитъ ее здѣсь, въ этой обстановкѣ. Вѣдь въ сущности она всегда находилась здѣсь, и только онъ не хотѣлъ замѣчать ее. Какъ часто она стояла возлѣ буфета, поднимаясь на цыпочки и стараясь рученками достать бѣлую фарфоровую сахарницу! Эта сахарница и теперь еще стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Какъ радовалась дѣвочка, когда приходила мать и давала ей кусочекъ сахару. Но она улыбалась даже тогда, когда отецъ запрещалъ давать ей сахаръ и строго удалялъ ее отъ ея любимаго буфета.

Видѣніе исчезло, точно растаяло въ воздухѣ. Профессоръ сидѣлъ тихо и неподвижно смотрѣлъ на дверь, выходящую въ кухню. Можетъ быть, тамъ раздается ея пѣніе? Обыкновенно она распѣвала по утрамъ, такъ громко и радостно, какъ будто только что получила великолѣпный подарокъ. Когда его начинало раздражать ея пѣніе, то онъ кричалъ

въ дверь: „Молчать“! Онъ слышалъ тогда веселый, тихій смѣхъ, и затѣмъ все умолкало. Но по ея блестящимъ глазамъ, по ея улыбкѣ, которую она старалась сдерживать, онъ видѣлъ, что радость жизни продолжаетъ бить въ ней ключомъ. Онъ всегда испытывалъ странное наслажденіе, когда отдавалъ ей какое нибудь приказаніе. Ему казалось, что она какъ будто заключаетъ въ объятія каждое его слово, что она принимаетъ его, какъ даръ, всегда одинаково хорошій и пріятный. Поэтому-то онъ и былъ такъ пораженъ, когда вдругъ она воспротивилась его запрещенію, отстранила отъ себя его слова, точно что-то совершенно чужое для нея. Это привело его въ недоумѣніе, потому что онъ замѣтилъ, что она ускользаетъ отъ него, что ея душа находится гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Онъ огорчился тогда, и это огорченіе давало себя чувствовать даже подъ спудомъ его гнѣва. Теперь гнѣвъ его испарился и осталось только горе. Онъ видѣлъ, что это горе тѣсно переплелось въ его душѣ съ любовью къ Ольгѣ. То, что она жила съ другими, улыбалась другимъ и другіе протягивали къ ней руки—это всегда уязвляло его, и подъ его гнѣвомъ оставалась глубокая рана. Свою безсильную обиду, свою ревность онъ прикрывалъ строгими принципами нравственности и добродѣтели, но глубоко, на днѣ души, у него таилась все таки надежда, что онъ будетъ когда нибудь снова возстановленъ въ своихъ правахъ, будетъ приказывать, карать и прощать. Однако онъ стыдился этой надежды и даже самъ себѣ не хотѣлъ признаваться въ ней, запрятывая какъ можно глубже въ тайникахъ своей души.

Среди всѣхъ этихъ знакомыхъ образовъ, проносившихся въ его воображеніи, онъ увидѣлъ и принца Эмануэля Фердинанда. Онъ вспомнилъ, какъ Фердинандъ вбѣжалъ въ комнату и рыдая упалъ на грудь матери. Теперь только профессоръ понялъ его. И мать обняла его, точно онъ былъ одинъ изъ ея дѣтей, одинъ изъ братьевъ Ольги. Онъ довѣрилъ ей свое горе и съ благоговѣніемъ склонился къ ея рукѣ. Власть Ольги, сила ея личности, даже послѣ ея смерти оказывала на него свое дѣйствіе. Она заставила его покинуть свою среду, и пути къ нимъ, какъ будто онъ принадлежалъ къ ихъ семьѣ, былъ связанъ съ нею узами крови. Его лицо, глаза, его тонкія плечи и руки и каждое его движеніе казалось было проникнуто любовью Ольги.

А гдѣ же былъ онъ, ея отецъ? Его не было около нея. Профессоръ снова заглянулъ въ свою душу. Быть можетъ, все было бы иначе, если бъ онъ тогда далъ ей высказаться, если бъ онъ не испугалъ ее, если бъ онъ притянулъ ее къ

своей груди и ласково погладилъ ея бѣлокурые, мягкіе волосы...

Онъ невольно протянулъ руки. Ему такъ хотѣлось обнять, почувствовать на своихъ колѣняхъ ея бѣлокурую головку.

Впервые онъ понялъ, что дѣтскую головку можно ласкать не только мыслями, но и руками. Отчего же онъ удерживался тогда? Отчего онъ лишилъ себя этого счастья, не хотѣлъ ощущать въ своихъ рукахъ теплоту нѣжнаго тѣла? Онъ и самъ не зналъ теперь. Вѣроятно, была какая нибудь причина, но если даже она и казалась ему особенно важной тогда, теперь онъ не находилъ ея въ своемъ сердцѣ. Она была погребена подъ обломками всѣхъ другихъ его принциповъ, неузнаваемая и давно отжившая и онъ понималъ въ эту минуту, что онъ напрасно осуждалъ себя на такое лишеніе, напрасно отворачивался отъ счастья.

«Ребенокъ»... Мысленно повторялъ онъ это милое слово, точно онъ впервые слышалъ его. „Ребенокъ"... онъ живетъ въ насъ... Онъ расцвѣтаетъ, развивается около насъ и уноситъ съ собою въ жизнь частицу нашего существа. Онъ становится другимъ, и все таки, даже тамъ, вдали отъ насъ онъ сохраняетъ эту частицу насъ самихъ.

Взоръ профессора съ тоской устремился на дверь, точно онъ ждалъ, что вотъ сейчасъ въ комнату войдетъ ребенокъ, своею невѣрной, шатающейся походкой. Онъ мысленно и горячо призывалъ его. Глаза его блуждали по комнатѣ, какъ будто слѣдя за колеблющимися шагами ребенка.

Вдругъ онъ увидѣлъ Эрмину, сидящую у окна съ вязаньемъ въ рукахъ. Ея бѣлокурые волосы напоминали волосы Ольги, ея молодая шея, плечи, ея тонкая, стройная фигура такъ была похожа на фигуру Ольги... Задыхаясь отъ волненія, онъ поднялся съ дивана, колеблющимися шагами подошелъ къ Эрминѣ и тихо положилъ на ея свѣтлые, мерцающіе передъ его глазами волосы свою дрожащую руку...

Эрмина вздрогнула и, быстро обернувшись, испуганно взглянула на него. Одно мгновеніе они смотрѣли другъ на друга, и Эрмина прочла въ глазахъ отца всю его горькую исповѣдь...

Она замѣтила, что онъ пошатнулся, и бросилась къ нему, чтобы поддержать его. Онъ раскрылъ руки и прижалъ ее къ своей груди, изъ которой вырвался стонъ, точно крикъ обезумѣвшаго человѣка.

— Мама! Мама!—позвала Эрмина въ испугѣ.

Но мать уже слышала крикъ и прибѣжала вмѣстѣ съ Антономъ. Она увидѣла, что отецъ крѣпко держитъ Эрмину, точно борется съ нею. Она горько плакала и стонала, и они всѣ трое охватили его своими руками, точно защищая,

спасая его; она гладила его сѣдые волосы, говорила ласковыя слова...

Замѣтивъ, что онъ шатается, она осторожно подвела его къ дивану и усадила на него. Они были страшно напуганы, хлопотали около него, съ ужасомъ слушая его надорванный голосъ, его рыданія. И какое-то непонятное чувство стыда поднималась у нихъ въ душѣ. Этотъ голосъ, всегда звучавшій такъ повелительно, такъ неумолимо строго, теперь звучалъ такъ жалобно, и столько въ немъ было страданія и мольбы. Это былъ голосъ слабаго, состарѣвшагося человѣка смирившагося передъ ними.

Они смотрѣли на него, когда онъ сидѣлъ, сгорбившись, на диванѣ и, закрывъ лицо руками, тихо плакалъ. Они нѣжно брали его за руки, гладили его по ввалившимся щекамъ и осторожно вытирали ему слезы, какъ ребенку. Они чувствовали, что теперь онъ нуждается въ нихъ, что онъ весь отдается имъ...

Онъ еще не могъ говорить и только смотрѣлъ на нихъ такимъ взглядомъ, какъ будто только теперь нашелъ ихъ. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ руки Эрмина и Антона и не спускалъ съ нихъ глазъ. Онъ съ какимъ то удовольствіемъ ощущалъ живую, пріятную теплоту ихъ мягкихъ рукъ и прижималъ ихъ къ лицу. Потомъ онъ покачалъ головой и прошепталъ что-то такое, чего никто изъ нихъ не понялъ.

Мать ближе придвинулась къ нему, обняла его и, приложивъ свое лицо къ его лицу, тихо спросила:

— Что ты говоришь?

Онъ покачалъ головой и она, замѣтивъ, что его лицо опять передернулось судорогой, съ мольбой проговорила:

— Скажи же мнѣ... скажи, что ты хочешь?..

Онъ шепнулъ ей на ухо:

— Никогда... никогда я не видѣлъ ее... никогда!..—Горячая слеза скатилась изъ его глазъ на руку жены.

Она начала утѣшать его, какъ больного:

— Какъ это ты говоришь... никогда? Вѣдь это же не такъ...

— Тамъ...—прошепталъ онъ, нагибаясь къ ея уху.—Тамъ... гдѣ она... ты знаешь... никогда я ее тамъ не видѣлъ!..

Она кивнула головой.

— А я ее видѣла тамъ,—сказала она тихо.

Онъ вдругъ прижалъ ее къ себѣ.

— Разскажи мнѣ!..—молилъ онъ.—Разскажи мнѣ!..

И она разсказала ему все, какъ она видѣла Ольгу на сценѣ. Онъ раньше строго запретилъ ей это зрѣлище но

она нарушила его запретъ и теперь, какъ спасительное средство, извлекшее его изъ бездны горя и отчаянія, принесла ему свой разсказъ о томъ, что она видѣла...

Онъ улыбнулся и затихъ.

XV.

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Профессоръ снова началъ выходить изъ дому, сначала не одинъ, потому что жена и дѣти, не рѣшаясь отпускать его одного, всегда провожали его. Потомъ онъ началъ уже бродить по улицамъ, одинокій, погруженный въ свои думы. Онъ останавливался передъ витринами магазиновъ, гдѣ были выставлены портреты Ольги. Онъ смотрѣлъ на портреты другихъ актрисъ и сравнивалъ ихъ съ нею. Онъ покупалъ всѣ портреты Ольги, какіе только могъ найти, во всѣхъ ея роляхъ и костюмахъ, и всегда онъ находилъ въ нихъ ея жизнерадостный взглядъ, ея улыбку, ея свѣтлый обликъ, который онъ съ каждымъ днемъ начиналъ понимать все больше...

Гуляя по городу, онъ ощущалъ вездѣ ее присутствіе, вся атмосфера Вѣны казалась ему пропитанной ею, точно тонкимъ ароматомъ цвѣтовъ. Вонъ тутъ идутъ люди, которые ей апплодировали! Вонъ тамъ стоятъ молодыя дѣвушки, которыя старались перенять ея улыбку! А вонъ тамъ молодые люди, носящіе въ своемъ сердцѣ воспоминаніе о ней, какъ святыню!..

Мысленно онъ уже составилъ себѣ представленіе о томъ, чѣмъ былъ театръ, который знакомъ ему былъ только издалека. Онъ предалъ его проклятію, но теперь онъ сталъ ему особенно дорогъ, и онъ воображалъ его себѣ какимъ то раемъ, источникомъ свѣта и божества, возвышающимъ всѣхъ людей и просвѣтляющимъ ихъ. Они должны купаться въ этомъ источникѣ свѣта, очиститься и почерпнуть въ немъ силу, чтобы далѣе нести бремя своего существованія. Онъ совсѣмъ не зналъ, что тамъ дѣлается и какъ. Онъ видѣлъ только залитое свѣтомъ мѣсто и въ немъ Ольгу, расточающую радость и веселье, и думалъ, что при видѣ ея люди должны были становиться лучше, добрѣе, счастливѣе.

Мало-по-малу ему начало казаться, что онъ вернулъ къ себѣ своего ребенка, что онъ научился понимать его и наслаждаться его присутствіемъ. Онъ упивался тѣмъ сіяніемъ, отблескъ котораго еще оставался и послѣ того, какъ Ольги не стало. Оно согрѣвало и успокаивало его.

Но по ночамъ темнота уносила всѣ эти свѣтлыя видѣнія. Когда онъ лежалъ, безъ сна, въ своей постели, исчезали

всѣ яркія картины, гасли огни и мысли, согрѣвавшія его днемъ. Онъ зналъ тогда, что Ольга умерла и что его горе не уменьшилось. Онъ зарывался головой въ подушку и плакалъ. Потомъ садился на постель и, протянувъ руку къ своей женѣ, молилъ ее:

— Разскажи... разскажи мнѣ!

И она садилась къ нему въ темнотѣ, слушая, какъ судорожно бьется его старое сердце, и разсказывала:

— Занавѣсъ поднялся, и на сценѣ стало свѣтло, какъ днемъ... тогда она вышла... Ольга! Она была одѣта, какъ королева, и на головѣ у нея была корона... и два голубыхъ пажа несли шлейфъ ея бѣлаго атласнаго платья... Она запѣла...

Каждую ночь разсказывала она ему это. И онъ слушалъ ее благоговѣйно и молилъ:

— Дальше!.. Дальше!..

Деревенскія картинки.

(Замѣтки).

I.

Петръ Васильевичъ Терехинъ — крестьянинъ умный и, по его словамъ, «порядочно захватившій ума при отсиживаніи въ тюрьмѣ»—при каждой встрѣчѣ убѣждаетъ меня, что «деревня теперь не то, что раньше», что «мужика теперь надо раскусить, да раскусить». Въ чемъ выражается это измѣненіе деревни и мужика Петръ Васильевичъ сказать затрудняется и, не приводя яркихъ примѣровъ, отдѣлывается общими разсужденіями.

— Возьмите хотя бы меня въ примѣръ: много ли я понималъ раньше-то? А теперь все для меня, какъ на ладони...

— Но много ли такихъ, какъ вы?

— Есть малая толика... Раньше мужикъ слѣпымъ былъ, а теперь глаза у него открылись. Теперь, братъ, не то; теперь ты его голыми-то руками не схватишь...

— То-то и дѣло, что берутъ... На вашихъ глазахъ вѣдь берутъ и проглатываютъ еще чище, чѣмъ прежде...

— Проглатываютъ... Глотаютъ съ большимъ удовольствіемъ, но только теперь мужикъ это понимаетъ. Кто и почему глотаетъ— мужику извѣстно, потому что другой онъ жизни хлебнулъ... У Щедрина вонъ Салтыкова баранъ непомнящій во снѣ только барана-то свободнаго увидалъ и то съ тоски померъ. Не сладкимъ видно, свой хлѣвъ-то, баранья жизнь да бараньи занятія показались... Что же мы—хуже скотины, чтоль? Хоть чуть-чуть, а дохнули новой-то жизни, а теперь опять въ хлѣвъ... Другой, какъ во снѣ, свѣтлые-то деньки вспоминаетъ: сонъ, молъ, былъ хорошій, да проснулись плохо, а другой и побольше что смыслитъ...

Мы сидимъ съ нимъ около амбара; мимо проходитъ урядникъ, ведя за узду лошадь.

— Господину генералъ-губернатору - поклонъ съ кисточкой,— остритъ Петръ Васильевичъ. «Генералъ-губернаторъ» хмурится. Крестьяне хохочутъ.

— Не любитъ,—замѣчаетъ Петръ Васильевичъ.—Они этого не долюбливаютъ, чтобы надъ ними смѣяться, имъ уваженія надо...

— Почетъ имъ, какъ коту сало,—соглашается подсѣвшій къ намъ сосѣдъ.

— Было время, уважали, а теперь пусть повременятъ... Заслужить его надо, уваженіе-то, тогда получай его, сколько угодно, а нагайкой да кулакомъ ты его не заслужишь...

— Страхъ этими инструментами наведешь, а чтобы уваженіе—сомнительно...

— Страхъ и бѣшеная собака наводитъ, никакихъ заслугъ для этого не надо... Но только какой ты начальникъ, если тебя боятся? Вотъ—обращается Петръ Васильевичъ ко мнѣ—раньше урядникъ у насъ первымъ человѣкомъ считался, бывало, свадьба ли, крестины ли—почетный гость, а теперь...

— Теперь я бы Богъ знаетъ чего не взялъ знаться съ ихъ братомъ...—добавляетъ сосѣдъ.

— То-то и есть...

Поговоривъ еще на тему о томъ, что «мужикъ теперь свою гордость имѣетъ», Петръ Васильевичъ ведетъ меня къ своему зятю, переселившемуся на отрубъ. Зять Петра Васильевича принадлежитъ къ числу счастливцевъ среди получившихъ отруба. Спустившись подъ горку и перейдя мостикъ черезъ рѣку, мы вступили въ полосу «единоличныхъ хозяйствъ». Картина обычная—гдѣ землянка, гдѣ шалашъ, гдѣ красивенькій домикъ съ ярко-красной желѣзной крышей. На встрѣчу намъ попадается священникъ, шлепающій по грязи около телѣги, нагруженной пирогами, хлѣбами, лепешками и иными продуктами доброхотнаго жертвованія. Въ потертой рясѣ, порыжелой скуфейкѣ, длинныхъ сапогахъ, священникъ хлещетъ лошадь вожжами, ругая отставшаго сторожа.

— Добраго здоровья, батюшка,—кланяется Петръ Васильевичъ.

— Здравствуйте.

— Хорошъ возокъ-то, батюшка, награждаютъ православные-то...

— Иди, иди съ Богомъ...—сердито ворчитъ священникъ.

— Иду, батюшка, иду, не сердитесь...

— Ну и иди!

— За апостолами, небось, телѣги не слѣдовали... «Не стяжайте и не угождайте чреву», а сами—возокъ въ пору лошади везти...

— Иди отъ грѣха...

— Иду... До свиданія!

Встрѣтивъ отставшаго сторожа, Петръ Васильевичъ не преминулъ уколоть и его...

— Клюнулъ, Семенычъ?

— Есть малая толика... Къ зятю шагаете?

— «Не упивайтесь виномъ—въ немъ бо есть блудъ!» Эхъ выстяжатели! Къ зятю иду.

— Побѣгу, а то заругаетъ...—мигаетъ на священника сторожъ.

— Бѣги, бѣги... Отцы духовные...

— Не любятъ,—говоритъ онъ мнѣ, когда сторожъ отошелъ на порядочное разстояніе...—Вы думаете, почему попъ-то разсердился? Мало собралъ—вотъ почему! Бывало за новью-то пойдетъ—подводъ пять везетъ, а теперь скупо. Плохо молятся—вотъ и даютъ плохо... Дать не жалко, если есть, и давали. А теперь у кого и есть, не даютъ.

— Почему же?

— Умнѣе стали... Въ нашей же округѣ учительница три года за попа въ школѣ ребятъ закону учила, а денежки, по 30 рублей въ годъ, онъ себѣ въ карманъ клалъ. А потомъ, когда на нее эти деньги повернуть хотѣли, «не годится—говоритъ:—у святого причастія не бываетъ и въ церковь не ходитъ; а потому прошу, говоритъ, ее удалить...» Вотъ мужики теперь и говорятъ: ничего давать не будемъ.

Помолчавъ немного, какъ бы давая возможность обдумать разсказанный случай, Петръ Васильевичъ продолжалъ:

— Корыстолюбія у нихъ сколько угодно, и народъ это понимаетъ. Вотъ теперь хоть хуторянъ взять,—изъ-за нихъ недавно у священниковъ чуть драки не вышло. Одинъ говоритъ: они моего прихода, потому что раньше въ моемъ приходѣ состояли... А другой говоритъ: мнѣ ничего не извѣстно, потому разъ послѣ пересела они у меня,—значитъ, мои. Долго они тутъ ругались, а народъ глядитъ да хохочетъ...

Такіе мелкіе факты измѣненія крестьянскихъ взглядовъ и отношеній встрѣчались на каждомъ шагу, и Петръ Васильевичъ не упускалъ случая каждый изъ нихъ для себя и другихъ отмѣтить. Проѣзжаетъ на тройкѣ земскій и никто изъ группы, стоящей около лавочки, не снимаетъ шапки,—Петръ Васильевичъ подмигиваетъ мнѣ и улыбается; прочитываетъ онъ въ «Копѣйкѣ», что крестьяне одного села выслали палача, немедленно разсказываетъ объ этомъ всѣмъ и, слыша въ отвѣтъ: «такъ ему, сукину сыну, и надо!»—снова подмигиваетъ и покручиваетъ усъ; узнаетъ, что нѣсколько крестьянъ повезли дѣтей въ земскую гимназію,—торжеству его нѣтъ предѣла! «Вали, братцы! Захватывый побольше ума въ голову! Бери всѣ дѣла въ свои руки»! Находитъ у одного деревенскаго парня «Исторію революціи» Минье, хватаетъ меня за руку и тащитъ убѣдиться, что парень прочелъ и хорошо понялъ книгу...

Несомнѣнно, что деревня за послѣдніе годы значительно измѣнилась. Крестьяне пережили послѣднюю войну, пережили волненія и усмиренія, выбирали въ Думу и теперь переживаютъ правитель-

ственную землеустроительную политику. Многое они, конечно, поняли... И едва ли не больше всего другого просвѣтила ихъ землеустроительная политика.

Въ самомъ дѣлѣ, на глазахъ крестьянъ совершаются такія явленія, которыя представляются имъ вопіющимъ нарушеніемъ всякой справедливости. И все это дѣлается подъ покровомъ закона, такъ что—по выраженію Петра Васильевича—«самый глупый, наконецъ, скажетъ: да что же у насъ за законы»! Всѣ закулисныя стороны землеустроительной политики, всѣ ходы, которые, казалось бы, трудно понять и распутать самому опытному казуисту, крестьяне понимаютъ и объясняютъ совершенно правильно. Оказывается, что надѣяться на что-то, ждать, что «кто-то облагодѣтельствуетъ», «дастъ поддержку»—безсмысленно. И вотъ начинается лихорадочная работа ума, попытки отвѣтить на вопросъ—что дѣлать?

II.

Вопросъ «что дѣлать»? современная деревенская жизнь ставитъ на каждомъ шагу. Въ безвыходное положеніе люди становятся не только тогда, когда игнорируютъ отвѣты на этотъ вопросъ землеустроителей, но и тогда, когда точно исполняютъ всѣ ихъ совѣты и предложенія.

Вотъ мы съ Петромъ Васильевичемъ подходимъ къ хутору его зятя. Къ концу нашего пути начался дождь и пробилъ насъ до костей. Дождь льетъ почти безпрестанно уже второй мѣсяцъ. Въ концѣ августа неубранный хлѣбъ гніетъ въ полѣ, гніетъ на гумнахъ, и обрадованные было хорошимъ урожаемъ, люди пріуныли, ходятъ, какъ опущенные въ воду. Дождь повыбилъ хлѣбъ, рожь проросла въ снопахъ и вмѣсто ожидаемыхъ ста пудовъ на десятину едва ли придется собрать 20—30 пудовъ плохого зерна.

Въ избѣ зятя Петра Васильевича собралось человѣкъ десять крестьянъ и ожидаютъ статистика «для переписи». Прерванный нашимъ приходомъ, разговоръ скоро возобновился.

Говорили о вредѣ дождя, о столкновеніяхъ съ общинниками, о платежахъ. Дождь настроилъ всѣхъ довольно мрачно. То и дѣло смотрѣли на небо и качали головами.

— Потопъ! Всемірный потопъ...

— Восьмой десятокъ живу на свѣтѣ, а такихъ дождей объ это время не припомню,—говоритъ старикъ Селезенкинъ,—былъ точно одинъ августъ дождливый, но такого не было...

— А что, баринъ,—обращается онъ ко мнѣ:—правду ли болтаютъ, что это комета сотрясеніе надѣлала?

— Пустяки.

— Я тоже говорю—не иначе, какъ Божье попущеніе...

— За что же?—спрашиваетъ Петръ Васильевичъ.

— Знамо за грѣхи,—безнадежно заключаетъ старикъ.

— Да какіе у насъ грѣхи то, дѣдушка? Я такъ понимаю, что если говорить по писанію, то за нашу жисть въ раю наше прямое мѣсто.

— Мели!

— Да ,ей Богу, адъ-отъ у насъ здѣсь...

— А ты терпи.

— Вѣдь и терпѣнью конецъ бываетъ. Что ни день, то новая выдумка; что ни выдумка, то мужику на шею!

— Это вѣрно!—соглашаются крестьяне.

— Единственно можно сказать, что не умираешь съ голоду, а чтобы прибытокъ—ни, ни...

— Что хотятъ, то и дѣлаютъ!

— Да! Встрѣчаю вчера на базарѣ (яблоки я возилъ туда) мужика изъ Тормозова. Слово за слово и разсказываетъ онъ мнѣ о своихъ дѣлахъ. Все общество у нихъ перешло въ собственники и укрѣпили надѣлы. Хорошо, укрѣпили... Послѣ этого времени кто началъ продавать землю, а кто скупать. Нѣкоторые, говоритъ, десятинъ по 50 скупили...

— Цссс...

— Да ну?

— Вѣрно говорю, да не къ тому дѣло. Староста Афанасій Ивановъ купилъ 4 надѣла, получилось у него со своими-то 14 десятинъ, вотъ онъ и началъ просить вырѣзать ихъ къ одному мѣсту.

— Вишь, стерва!..

— Да вѣдь земля-то, чу-ка, укрѣплена?

— Въ томъ-то и дѣло, что вся укрѣплена. Они и укрѣпили то потому, чтобы не давать кулакамъ выкраивать покупную землю. А землемѣръ пріѣхалъ и вырѣзалъ старостѣ тамъ, гдѣ онъ указалъ. Откорналъ 14 десятинъ и уѣхалъ. Извѣстно, староста началъ опахивать, а мужики—чья земля отошла—получай клинья! Вотъ вамъ и законы!..

— Такъ укрѣпленную землю и отрѣзалъ?

— Такъ и отмахнулъ! У мужиковъ акты, а подѣлать ничего не могутъ...

Нѣсколько минутъ всѣ молчатъ. Довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, разсказчикъ достаетъ изъ кармана початую осьмушку махорки и вертитъ папироску. Затянувшись нѣсколько разъ и сплюнувъ въ уголъ, онъ подвигается къ столу и съ явнымъ намѣреніемъ окончательно «оглаушить» слушателей, продолжаетъ:

— За старостой другіе богатые мужики.

— Ну?

— Ну и вырѣзали! Общество подало прошеніе въ землеустроительную коммиссію. Мы—пишутъ—по совѣту вашему укрѣпили

землю всѣ, съ общаго согласія, чтобы, то есть, ее не клинить, а теперь вы насъ обезземеливаете. Потому-де никому не охота собирать за ними опашки, а имъ давать унавоженную землю. Въ коммиссіи сказали: не наше дѣло!—Чье же, спрашиваютъ мужики—дѣло-то?—Подавайте въ окружный судъ!—Подали они теперь въ судъ, но думаютъ, что толку не будетъ.

— Ничего не выйдетъ!

— Такое время теперь—кто поспѣлъ, тотъ и съѣлъ. Вѣдь думашь, думашь,—голова кругомъ! Чѣмъ, къ примѣру, виноватъ мужикъ, что Афанасьевъ, аль тамъ Ивановъ его землю захотѣлъ? Рѣжь въ этомъ мѣстѣ—и все! Мужики навозили, навозили землю-то, вдругъ—разъ и готово! Бери, что Ивановъ дастъ!.. Дѣла!..

— Тоже и тѣ хороши, Ивановы-то ваши! Я бы съ ними не сталъ судиться-то, я бы поиначе...

— Чего же ты сдѣлаешь?

— То и сдѣлаю—выберу ночь потемнѣе, да...

— Ну, братъ, за это нашего брата не хвалятъ...

— Все одно!..

Неразбериха и путаница охватили деревню и вопросъ: что дѣлать? — встаетъ на каждомъ шагу не только передъ общественниками.

— Что дѣлать?—спрашивали тормозовцы годъ назадъ.—Укрѣпляйте землю,—отвѣчали землеустроители,—тогда будете жить хорошо!—Тормозовцы укрѣпляютъ, имъ выдаются документы, въ котыхъ описаны ихъ участки, начерчены планы. Каждый, какъ на ладони, видитъ свой участокъ, начинаетъ унаваживать его и считается хозяиномъ до тѣхъ поръ, пока какой нибудь Ивановъ, поглаживая бороду, ни скажетъ: «къ этому мѣсту тоже бы, ваше благородіе»! «Хозяинъ» недоумѣваетъ, широко открываетъ глаза, первое время думаетъ, что это шутка. Но землемѣръ серьезно беретъ цѣпь, серьезно мѣритъ; Ивановъ, серьезно-истово перекрекрестясь, берется за плугъ и опахиваетъ.

— Вотъ такъ законы пошли!..—вырывается, наконецъ, у остолбенѣвшаго «хозяина».— Съ чѣмъ же я-то?

— Не мое дѣло,—равнодушно отвѣчаетъ землемѣръ.

— Зако-о-о-ны...

— Можешь жаловаться.

— Да ужъ, извѣстное дѣло, такъ не оставимъ. Ужъ это, сдѣлайте милость, извините! Тоже вамъ, ваше благородіе, палецъ въ ротъ не клади.

— Чт-о-о?

— Ничего. Мимо проѣхали. Тамъ все разъяснится...

Черезъ часъ «хозяинъ» сидитъ съ компаніей за бутылкой и въ сотый разъ разсказываетъ фактъ «денного грабежа». Всѣ возмущены. Возмущены обидой, нанесенной бѣдному человѣку, и особенно явнымъ и беззастѣнчивымъ покровительствомъ богатѣю.

— Ты вотъ что, Максимъ,—ты, братъ, этого дѣла такъ не оставляй!

— Я?! Я до царя дойду! Я имъ пропишу законы! Я имъ покажу!..

— Валяй!...

— А этому Ванькѣ—охъ! Удружу я ему штуку!.. Будетъ онъ меня помнить по гробъ жизни...

Я намѣренно подробно остановился на этомъ примѣрѣ, потому что онъ выясняетъ многія темныя стороны деревенской жизни. Явное покровительство богатымъ въ ущербъ бѣднякамъ ведетъ къ тому, что всѣ болѣе или менѣе зажиточные люди спѣшатъ захватить одинъ-два надѣла и вырѣзать къ одному мѣсту. Начинается соревнованіе въ скорости захвата наиболѣе унавоженныхъ и удобныхъ земель. Тѣ же, чьи земли захватываютъ,—бѣгутъ въ суды искать «закона». Никогда въ деревняхъ не было столько сутяжничества, сколько теперь! Одни идутъ искать «закона», но когда оказывается, что и законъ на сторонѣ богатыхъ, прибѣгаютъ къ «своимъ средствіямъ»—поджогамъ, кражѣ, порчѣ скота и хлѣба... За это тащатъ въ судъ ихъ... Въ одномъ селѣ я познакомился съ крестьяниномъ, который одновременно ведетъ 27 дѣлъ.

Въ деревняхъ появились «ходатаи по земельнымъ дѣламъ»; ходатаи эти — люди мало-грамотные и невѣжественные—пишутъ просьбы, заявленія и получаютъ мзду съ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Интересно, что люди, прежде чѣмъ приступить къ «своимъ средствіямъ», настойчиво пытаются отстоять свое право инымъ путемъ: двое крестьянъ, отецъ и сынъ, разсказывали мнѣ, что они, проигравъ дѣло въ судахъ, подавали прошеніе и въ Государственную Думу, и въ Совѣтъ Министровъ, и даже въ Святѣйшій Синодъ; ничего не вышло. Дѣло ихъ—по ихъ словамъ—правое, а «разъ такъ, то сами пропадемъ, ну да и ему удружимъ». Попробуйте разговорить этихъ людей—ничего не выйдетъ. — Намъ едино гибнуть-то, и въ Сибири люди живутъ!..

— Что это за законъ—богатому все, а бѣдный хоть умирай!..

— И кто это, братцы мои, такой законъ выдумываетъ?!..

— Извѣстно, не нашъ братъ. Свой, видно, для своего старанье прилагаетъ...

III.

— Все для богатыхъ!—такое сѣтованіе слышится не только отъ общественниковъ: къ нему присоединяется большинство собственниковъ и хуторянъ. И каждый шагъ землеустройства подтверждаетъ, что выводъ этотъ — все для богатыхъ! — создался не безъ основаній.

Когда живешь въ деревнѣ и знакомишься съ такими деталями землеустройства, которыя ускользаютъ отъ бѣглаго наблюдателя,

то невольно поражаешься той картиной, которую представляютъ собой всѣ части землеустроительной работы. Происходитъ какая-то земельная вакханалія! Малоопытные, незнакомые съ условіями деревенской жизни люди кроятъ и рѣжутъ землю по какимъ-то причудливымъ, непонятнымъ на взглядъ планамъ,—а жадная толпа охотниковъ до наживы, въ большинствѣ своемъ ничего общаго съ крестьянствомъ не имѣющихъ, нетерпѣливо ждетъ конца операціи, протягивая руки за лучшими кусками. И въ концѣ концовъ оказывается, что люди, кроящіе землю, всегда почему то рѣжутъ землю именно такъ, чтобы обязательно получились жирные куски, которые обязательно и попадаютъ въ предназначенныя руки.—Въ карманъ-то, въ карманъ-то поболѣ норови!—вотъ что слышится въ каждомъ шагѣ землеустройства...

По рѣкѣ Птани въ Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губ. разбитъ подъ хутора довольно значительный участокъ. Отрубовъ понадѣлано больше сотни; всѣ они разобраны; но переселилось пока 25—30 домохозяевъ. Даже человѣкъ, ничего не понимающій въ разверсткѣ земли, при взглядѣ на планъ этихъ отрубовъ поразится странностью нарѣзки: отруба по р. Птани, противъ деревни Любимки, по размѣру больше другихъ, имѣютъ почти квадратную форму, съ небольшимъ наклономъ къ рѣкѣ; отруба въ глубь участка начинаютъ принимать причудливыя формы трехугольниковъ и многоугольниковъ. Между ними встрѣчаются отруба шириной 60 саж., длиной больше версты, отруба въ видѣ буквы *S* и другихъ художественно-фантастическихъ формъ. Среди этихъ всевозможныхъ геометрическихъ фигуръ кое гдѣ попадаются почти квадратные участки, хорошо приспособленные для единоличнаго хозяйства.

Та же исторія въ бывшемъ имѣніи Мосолова, въ Силинѣ и другихъ мѣстахъ.

— Если бы я хотѣлъ компрометировать землеустройство,—говорило мнѣ близкое къ землеустройству лицо,—я бы безо всякихъ коментаріевъ напечаталъ планы отрубныхъ участковъ. Этого было бы довольно!

Чѣмъ объясняется эта безпорядочность? Можетъ быть, различіемъ качества земли, близостью воды, сообщеніемъ съ мѣстомъ сбыта? Ничего подобнаго! Участки по р. Птани—наилучшіе во всѣхъ отношеніяхъ; самые-же далекіе участки,—участки и наиболѣе мелкіе,—поставлены опять таки во всѣхъ отношеніяхъ въ самыя худшія условія. Неужели просто преступная небрежность? Землеустроители именно такъ и говорятъ, оправдываясь необходимой спѣшностью работы. Крестьяне же утверждаютъ, будто клинья получились потому, что необходимо было вырѣзать наилучшіе участки, и ихъ вырѣзали, не считаясь съ тѣмъ, каковы будутъ остальные.

— Вотъ видишь ты участокъ съ лощинкой-то?

— Ну?

— Такъ вотъ его выдѣлять имъ надо было, а по сторонамъ, извѣстно, остались клинья. Ужъ это обязательно такъ бываетъ.

— Почему же его нужно было выдѣлить въ первую голову?— удивляетесь вы.

— А потому, что земля на ёмъ жирнѣе и лощинка.

— Такъ что же?—продолжаете вы ничего не понимать.

— То же самое. Получился, слѣдовательно, не участокъ, а яичко.

— За то вѣдь другіе никуда не годны.

— Такъ тѣ и пошли нашему брату, а получше—богатымъ.

— Развѣ для нихъ вырѣзали особо?

— Особо или не особо—намъ неизвѣстно, а только попали имъ что ни на есть удобные участки.

— Всѣмъ?

— Кто просилъ, тѣмъ дали.

И начинается длинный рядъ примѣровъ. Лучшіе участки по р. Птани—напротивъ д. Любимки—получили мѣщане: Никита Соломатинъ, Александръ Соломатинъ, Дмитрій Пантелѣевъ, Петръ Соломатинъ и др. Степень зажиточности этихъ мѣщанъ характеризуетъ то обстоятельство, что всю плату за участки они предлагали внести сразу; однако, банкъ не согласился принять всю плату и назначилъ разсрочку на 10—13 лѣтъ. Всѣ эти богатѣи, предлагавшіе внести деньги сразу— получили ссуды на переселеніе, а многіе хуторяне-нищіе (въ дальнѣйшемъ приведу примѣры) не получили ссудъ, несмотря на слезныя просьбы и ходатайства.

Въ Силинѣ лучшій участокъ получилъ богатый волостной старшина. Землевладѣлецъ Волковъ, имѣющій два собственныхъ участка въ 75 и 40 десятинъ, и еще арендующій 340 десятинъ, получилъ два участка. Мельникъ Долговъ—деревенскій капиталистъ—получилъ прекрасный участокъ. Самъ Долговъ на участкѣ не живетъ и цѣликомъ сдаетъ его Волкову «подъ картошку». Волковъ это—мѣстный воротила. Онъ имѣетъ крахмальный заводъ и какъ 340 десятинъ арендованной земли, такъ и собственную засѣваетъ картошкой. Сынъ священника с. Владиміровскаго, бывшій виноторговецъ, Николай Вьюновъ, получилъ хорошій участокъ. На участкѣ онъ выстроилъ амбаръ и холостыя строенія, обрабатываетъ его наемнымъ трудомъ, а самъ живетъ у отца. Господская усадьба въ Любимкѣ отдана мѣщанину. Самъ онъ служитъ, а на участкѣ поселилъ младшаго брата... И т. д. и т. д.

Такими свѣдѣніями васъ засыпаютъ со всѣхъ сторонъ, и остается впечатлѣніе, что во время земельной вакханаліи всѣмъ лучшимъ воспользовались присосавшіеся къ деревнѣ ловкіе люди. Какъ видно, происходитъ это очень просто. Мѣщане, напримѣръ, издавна занимаются торговлей. Разъѣзжая по деревнямъ, они скупаютъ скотъ,

кожи; снимаютъ сады. Въ тяжелое для деревень время за безцѣнокъ съ торговъ скупаютъ крестьянскую рухлядь; потомъ все это продаютъ крестьянамъ съ хорошей для себя выгодой. Однимъ словомъ, они извлекаютъ изъ деревни все, что можно извлечь. Узнали они, что мужичкамъ предлагаютъ участки земли,—дѣло выгодное! Въ ходъ пускается множество незамѣтныхъ, но вліятельныхъ винтиковъ и колесиковъ и—лучшіе участки въ ихъ рукахъ. Ухвативъ участки, они сознаютъ, что получили ихъ «не совсѣмъ по закону», что «могутъ отобрать» и торопятся закрѣпить сдѣлку, предлагая сразу всю сумму.

— Покрѣпче такъ будетъ, ваше благородіе!

— Пустяки! Аль деньги лишніе?

— Оно точно, что въ торговомъ дѣлѣ капиталъ требуется, но... опаско.

— Пустяки!

— Такъ что не безпокоиться?

— Нисколько.

Успокоенный мѣщанинъ, которому «капиталъ», дѣйствительно, требуется,—становится смѣлѣе и проситъ ссуду. Даютъ и ссуду. То же происходитъ съ сидѣльцами винныхъ лавокъ, богатыми кулаками и иными господами, крѣпко впившимися въ деревенское тѣло. «Дѣло, вродѣ, какъ выгодное. Надо попробовать!» Пробуютъ и получаютъ лучшіе куски...

— Почему такая странность?—спрашиваю одного изъ мѣстныхъ землеустроителей: вѣдь, дѣйствительно, лучшіе участки попали деревенскимъ хищникамъ!..

— Мужики сами виноваты: намъ предписали понадѣлать возможно больше хуторовъ, а крестьяне ломаются. Тотъ же Терехинъ, который теперь кричитъ о беззаконіи, тогда больше всѣхъ кричалъ, что брать не надо. Что же прикажете дѣлать? Доложить, что нѣтъ желающихъ,—скажутъ: не энергиченъ; вотъ и раздавали кому придется. Потомъ уже, когда лучшіе-то участки повыбрали, полѣзли мужики. Ну и получили зàваль...

Когда съ подобнымъ же вопросомъ обращаешься къ крестьянамъ, то начинаются толки о «фальши въ жеребіи», о «прогусариваніи деньжатъ», что «жеребій раньше обѣщали, т. е. на счастье—кому какой, а потомъ...» «Деньги-то онѣ, братъ, ого-го!..»

— Вонъ онъ Никита-то... сỳпулъ...

— Болтаютъ, что такъ...

— Самъ хвалился, что хоть, говоритъ, и вошелъ въ раззоръ, за то теперь на одной бахчѣ семьсотъ выручилъ.

— Се-е-ѐ-мь сотъ?

— Какъ одну денежку!..

— Изъ такихъ денегъ сунешь...

— При такомъ обстоятельствѣ дѣла дашь... Да!

— Ну и порядки, скажу я вамъ, пошли...

— По закону объегориваютъ... Дѣл-а-а...

Чья тутъ вина не берусь судить, но какъ бы то ни было, такіе разговоры приходится слышать на каждомъ шагу: лучшіе участки попали деревенскимъ хищникамъ, а деревенская бѣднота получила малопригодные клинья...

Вотъ еще нѣсколько фактовъ изъ многихъ, собранныхъ мной во время послѣдней поѣздки *). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мѣщане получили лучшіе куски по р. Птани, бѣднякамъ дали безплодные клинья: участокъ № 104—всего въ 4 десятины—получилъ многосемейный бѣднякъ, участокъ № 103—3 десятины—получилъ Корташовъ, по его словамъ, «не умершій доселѣ съ голоду со всей семьей потому только, что въ Москвѣ сынъ работаетъ и красныхъ по шесть подаетъ ежегодно».Любимовскіе крестьяне получили самые дальніе участки, а участки, примыкающіе къ любимовскимъ землямъ, получили мѣщане. Въ Овсянниковѣ бывшее мосоловское имѣніе роздано пришлымъ и богатымъ, а овсянниковцы, арендовавшіе это имѣніе, не получили ничего. Иванъ Михайловичъ Бородкинъ—деревенскій банкиръ, «процентщикъ», снабжающій деньгами крестьянъ и помѣщиковъ,—имѣетъ лавку и 10 десятинъ собственной земли. Отецъ его былъ старостой у помѣщика и «скопилъ деньгу». Когда силинское общество рѣшило купить землю у помѣщицы Соколовой, Бородкинъ былъ ходатаемъ этого общества—результатомъ «ходатайства» и явились собственныя 10 десятинъ. Кромѣ того, Бородкинъ укрѣпилъ за собой три надѣла. «Не сдѣлай я этой крѣпи,—говоритъ онъ,—ничего бы мнѣ не досталось: плодится народъ, какъ мухи!» Этотъ крестьянинъ получаетъ прекрасный участокъ. Торговецъ и пчеловодъ Силаевъ—тоже, а деревенскіе нищіе ходятъ, просятъ, кланяются и ихъ «гонятъ въ шею». Если же и даютъ, наконецъ, то отдаленный и негодный клинъ, «лишь бы заткнуть глотку!..»

— Вамъ предлагали—вы ломались: теперь земли нѣтъ!

— Точно что былъ предлогъ...

— То-то и есть...

— Все для богатыхъ, какъ есть...—бормочетъ крестьянинъ, выходя отъ землеустроителя.

И—повторяю—полная безвыходность, полная безнадежность хоть какъ-нибудь осмыслить, хоть что-нибудь понять въ томъ, чтó творится въ деревнѣ, рождаетъ въ бѣднякахъ злобу и противъ

---

*) По порученію редакціи „Русск. Бог.", я ѣздилъ въ Тульскую и Тамбовскую губ. Черезъ двѣ недѣли по моемъ пріѣздѣ въ Тульскую губ. полиція предложила мнѣ выѣхать, заявивъ устами урядника, что „на счеть хуторовъ теперь строго"! Пользуюсь случаемъ здѣсь поблагодарить статистиковъ, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе при наблюденіяхъ жизни хуторянъ и предоставившихъ богатый матеріалъ для знакомства съ землеустройствомъ.

законовъ и противъ тѣхъ богатыхъ, которыхъ эти законы «лелѣютъ и холятъ»...

— Съ закономъ, братъ, я ничего не подѣлаю, а тебѣ уважу!.

— Наскрозь всѣ дистанціи прошелъ, а толку не добился,— разсказываетъ крестьянинъ Силинъ,—нѣтъ и не будетъ!—вотъ и всѣ отвѣты. А все онъ, все Васька—вездѣ былъ, навилялъ хвостомъ, по его вездѣ и дѣлаютъ.., Ну, да погоди!..—Дѣло въ данномъ случаѣ идетъ о свободномъ участкѣ, на который было нѣсколько претендентовъ и который попалъ «Васькѣ»... Десятки такихъ случаевъ разжигаютъ злобу, «подливаютъ масла въ огонь» и достаточно незначительнаго повода, чтобы создался острый конфликтъ. Жеребенокъ, пробѣжавшій по озими, попытка проѣхать «не по своей дорогѣ», или «не по своему мосту», похороны на общественномъ кладбищѣ и т. д., и т. д.,—все это ведетъ къ схваткамъ, потомъ начинается сутяжничество и «свои средствія»...

Крестьянская масса видитъ, что прямую выгоду отъ ликвидаціи помѣщичьихъ земель получили: банкъ, помѣщики и богатые люди деревни. Въ Тульской губ. банкъ купилъ земли В. К. Николая Николаевича при сельцѣ Травинѣ по 148 руб., а крестьянамъ продалъ по 180—200 руб. за десятину; земля Трухачева куплена по 153 р., а продана по 180—200 руб. и т. д. По общему отзыву земля эта не стоитъ и банковскихъ цѣнъ, слѣдовательно—банкъ дѣлаетъ повышенную оцѣнку, а этимъ вздуваетъ цѣны земель вообще. Помѣщикъ А. В. Афанасьевъ говорилъ мнѣ, что за короткое время цѣна его земли поднялась съ 138 руб. до 165, благодаря конкуренціи банка съ крестьянскими обществами, желающими купить землю.

Малоземельные же крестьяне остались совершенно не при чемъ: надѣлы малы, да и ихъ разорвали вышедшіе «въ собственники»; арендовать негдѣ. Если же и остались небольшія помѣщичьи имѣнія, сдающіяся въ аренду, то арендная плата такова, что съ земли невозможно выручить даже ее. За четыре года операціи банка повысили аренду съ 14 до 27 руб. за десятину,—это второй плюсъ помѣщикамъ отъ землеустройства.

Какъ видно, крестьяне имѣютъ всѣ основанія говорить, что «все это придумано только для богатыхъ»...

IV.

При описанныхъ пріемахъ ликвидаціи земель получились хутора двухъ совершенно-противоположныхъ типовъ: богатые, прочные, «на которые любо-дорого посмотрѣть» и нищенскіе, отъ которыхъ приходишь въ ужасъ и «дни которыхъ сочтены».

Землеустройство затрагиваетъ два крыла деревни: богачей, извлекающихъ отъ хуторовъ наибольшую выгоду, и умирающихъ съ

голоду бѣдняковъ, которые ищутъ «хоть какого нибудь исхода». Среднiй крестьянинъ—какъ общее правило—землеустройствомъ не затронутъ совершенно, а если затронутъ, то отрицательно—ликвидацiей арендуемыхъ имъ земель.

Типы богатыхъ и бѣдныхъ хуторовъ въ каждомъ поселкѣ рѣзко бросаются въ глаза.

Вотъ Петръ Наумовичъ Бочковъ. Красивый бодрый старикъ. Густые, бѣлые, какъ снѣгъ, волосы падаютъ на плечи. Одѣтъ въ чистую казинетовую поддевку, смазные сапоги.

Хозяйство у него прекрасное, земли около 15-ти десятинъ. Скота много:

Лошадей.	3
Коровъ	2
Быковъ	2
Овецъ.	30
Телятъ	3

Какъ видно, навозу получается много, земля поэтому хорошо удобрена. Урожай до сихъ поръ собираетъ хорошiй. Постройки прочныя, красивыя; банку платитъ аккуратно. Знаетъ, что весь долгъ его банку 3345 руб., а ежегодная плата 150 руб. 30 коп. Надѣлъ не укрѣпляетъ, изъ боязни поссориться съ обществомъ. Избу въ деревнѣ не продалъ.

— Кто ѐ знаетъ,—говоритъ онъ,—дѣло съ хуторами этими не сурьезное. Не прочно чувствуется. То на хутора гнали, а то возьмутъ метлу, да всѣхъ и сметутъ...

— Почему вы переселились на хуторъ?

— Тѣсно въ обществѣ-то. Я-то, положимъ, и раньше много земли снималъ, да цѣны одолѣли. Здѣсь сподручнѣе: платить меньше.

— Хорошо, значитъ, живете?

— Не гнѣвимъ Бога—первыми людьми и въ деревнѣ считались!

Осматривая хуторъ, вы повсюду видите признаки зажиточнаго и прочнаго хозяйства: окованыя желѣзомъ телѣги, запасныя сани, изобилiе сельско-хозяйственныхъ орудiй. Видно, что человѣкъ засѣлъ крѣпко и боится не того, что не уплатитъ, а что «тамъ могутъ раздумать»; «для бѣдноты какъ будто сдѣлано, а бѣднота осталась не при чемъ—это вѣрно, этого не скроешь—всякъ видитъ! Дойдетъ до верховъ-то и низвергнутъ насъ. А такъ бы жить можно»! Пока у него еще трехполье, но думаетъ «раскинуть семь полей».

— Өедору Петровичу Зенину агрономъ устроилъ — хорошо! Погляжу вотъ еще годокъ, какъ у него выйдетъ, а тогда можно и попытать.

«Попытаетъ» и, несомнѣнно, успѣшно.

— Семь разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь. Съ буху-то не всегда хорошо бываетъ... Да.. Вотъ, говорятъ, бѣдность, бѣдность, а чуть обмолотили хлѣбъ—на базаръ. По 53 рожь-то отдали, а она, Богъ дастъ, до рубля дойдетъ...

— Въ банкъ людямъ надо платить.

— То-то и есть, что въ банкъ! Какъ не разсчитаютъ тамъ люди! Одной рукой ссуду даютъ, а другой хозяйство разоряютъ. Нѣтъ, я пообожду—овецъ продалъ паръ пять...

Почти рядомъ съ Бочковымъ живетъ Прокофій Прокофьевичъ Соколовъ. Здѣсь вы встрѣчаете картину совершенно противоположную. Живетъ онъ въ землянкѣ семи аршинъ въ длину и шести въ ширину. Треть землянки занимаетъ печь, полъ земляной, съ крыши сыплется земля. Столъ, лавка, кровать для женатаго сына,—вотъ и вся мебель, но она занимаетъ почти все пространство. Семья состоитъ изъ хромого старика 72-хъ лѣтъ, его жены, двухъ сыновей съ женами, дочери-вдовы и шестерыхъ ребятишекъ. Попробуйте втиснуть въ землянку эту массу людей, и вы поймете, каково имъ живется!

Старикъ съ гладко зачесанными длинными волосами и длинной бородой раньше служилъ въ помѣщичьей конторѣ. Сыновья—одинъ портной, другой столяръ—работы по спеціальности не имѣютъ: портной живетъ при отцѣ, а столяръ живетъ караульщикомъ въ саду.

Участокъ у нихъ въ $7^1/_2$ десятинъ, и даже въ лучшіе годы прокормиться съ него нельзя.

— Откуда онъ хлѣбъ-то, — сердито говоритъ старикъ,—голодали въ прошломъ году и теперь будемъ. Въ конторѣ хорошо было: 8 руб. получалъ и хлѣба вдоволь. Бывало, войдешь въ общую застольную—рай!

— Какъ-же жить-то думаете, Прокофій Прокофьевичъ?

— Какъ хочешь, такъ и живи! Мое мѣсто видите какое—сидѣнье, да лежанье,—чужой хлѣбъ ѣмъ... Нынче овесъ вонъ портится, почернѣлъ, цвѣту настоящаго нѣтъ... Съ чего уплатишь? Прошлый годъ на ѣду постройку продалъ, и то не хватило!.. При участкѣ лѣсокъ есть—рубить не велятъ. Срубъ стоитъ—отдѣлать не на что. Пять разъ писалъ, а ссуды не даютъ.

Такъ несвязно и угрюмо жалуется старикъ. Понятнѣе и бойче объясняетъ дѣло его невѣстка. Молодая, красивая женщина съ ребенкомъ на рукахъ подходитъ къ дѣлу прямо.

— Лѣтомъ въ шалашѣ жили—день не ѣмши, два дня такъ, а мужиковъ въ острогъ посадили. Были тутъ колодезники и сказали мужикамъ, чтобы работать на колодезяхъ. Мужики работаютъ, а денегъ не даютъ. Пойдутъ просить—имъ говорятъ: вы пьяницы; они говорятъ: куды намъ пьянствовать, когда намъ ѣсть нечего!

А сами колодезники, дѣйствительно,—не пролей капли! Мужъ говоритъ мужикамъ: что-же, говоритъ, ребята, вѣдь попьянствуютъ, да и были таковы; надо настоять. Выдай, да выдай деньги, а то работу бросимъ. Мы, говорятъ, день и ночь работали, намъ ѣсть нечего. Не знаю, куда колодезники поѣхали и наговорили на мужиковъ. Взяли всѣхъ въ острогъ и продержали двѣ недѣли. А колодезники у Зениныхъ напили, наѣли на 12 рублей, уѣхали и не заплатили.

— Заверни языкъ-то,—останавливаетъ старикъ.

— Не правда, что ль? Рабочее время, а мужики сидятъ, мы безъ хлѣба. Тоже намыкались горя-то и конца ему не будетъ.

— А ты зареви!

— А ты, батюшка, не ревѣлъ?.. Законы теперь пошли—жить нельзя! Былъ у насъ, господа, раньше другой участокъ. Огорвало здѣсь мужику ногу на молотилкѣ, онъ умеръ. Жена и продала намъ мужнинъ участокъ—куда, говоритъ, онъ мнѣ теперь. Заплатили мы 150 руб., изъ ничего собрали, засѣяли овсомъ—израсходовались. А она возьми да снова замужъ выйди. Вотъ согнали насъ и ничего не дали, и овесъ себѣ убрали. Тогда вотъ батюшка-то и плакалъ...

— Ребятишки вотъ еще все болѣютъ,—продолжала невѣстка.—Съ мальчикомъ ѣздила я къ доктору—отъ ноги пахнуть стало; они говорили—такъ, ничего, пройдетъ. Теперь до кости разъѣло, сами сдѣлали лѣкарство, мажемъ,—не проходитъ. Ходить пересталъ мальчишка-то!

— Я говорилъ тогда фершалу,—вставилъ старикъ:—привить надо! Не сталъ прививать. Я ругалъ, ругалъ его... Болѣзнь такая повальная...

— Какъ-же думаете прожить этотъ годъ?

— Какъ прожить? Ссуды ждемъ. Дадутъ—такъ уплатимъ банкѣ и пропитаемся, а нѣтъ—что хошь, то и дѣлай...

— Какъ прожить, господа, какъ хошь, такъ и живи, — добавляетъ невѣстка,—не было бы ребятишекъ и горя не было-бы, а теперь прямо голодъ на насъ претъ. Чего здѣсь скрывать-то? Може умремъ, а може и промаемся... Только жисти настоящей нѣтъ и не будетъ.

Я заинтересовался біографіею Прокофія Прокофьевича, и вотъ что я узналъ. Послѣ «крѣпости» онъ, какъ дворовый, земли не получилъ и началъ искать работы. Спеціальностью его была «письменная часть», и послѣ долгихъ поисковъ и скитаній онъ находитъ, наконецъ, конторскую работу. Получаетъ гроши, но за то имѣетъ возможность радовать свою душу «общей застольной». Съ помощью этой застольной онъ воспитываетъ дочь и сыновей. Между тѣмъ, времена начинаютъ измѣняться: на его мѣсто въ контору предлагаютъ свои услуги «люди съ образованіемъ»; недоучки изъ гимназій, духовныхъ семинарій, городскихъ училищъ

и много иного голоднаго народа. Старикъ не выдерживаетъ конкуренціи этихъ «молодыхъ» и—остается безъ мѣста. Женатые сыновья, существующіе со своими семьями тоже благодаря кускамъ этой-же «застольной», остаются лишь при заработкѣ, котораго едва-едва хватаетъ «на кашу ребятишкамъ». И вотъ—начинается періодъ голода, нищеты, займовъ и попрошайничества. «Каждый кусокъ въ ту пору—говоритъ старикъ,—поровну дѣлили. Думали—пропадемъ. Глядь, эти участки и обозначились. Хуже не будетъ—думаемъ. Скопировали задатокъ и перешли сюда».

Здѣсь,—какъ видите,—на участокъ погнала полная безвыходность. Здѣсь нѣтъ даже обычной для дворовыхъ «тяги къ землѣ», желанія хоть какой-нибудь осѣдлости; «хоть какъ-нибудь продовольствоваться нѣкоторое время, а тамъ видно будетъ»,—вотъ мотивъ переселенія на хуторъ. Мотивомъ этимъ руководствуется и вся деревенская бѣднота. Но этотъ мотивъ—«если некуда, то хоть на хутора»—характеренъ.

Приведу разсказъ другого хуторянина.

— Сказалъ мнѣ отецъ,—я самъ съ голоду умираю, иди, какъ хошь, такъ и живи... Что станешь дѣлать? Говорю: давай выдѣлъ!—Вотъ тебѣ лошадь и телѣга.—Запрягъ я лошадь, положили женнинъ сундукъ, выѣхали со двора, а куда ѣхать не знаемъ. Плачемъ въ три ручья, а исхода нѣтъ никакого. «Поѣдемъ къ батюшкѣ»,—говоритъ жена. Поѣхали. Ѣдемъ, молчимъ, слезы такъ и катются. Семнадцать верстъ проѣхали—слова другъ другу не сказали. Пріѣхали. Отецъ ейный—старикъ сурьезный: что,—говоритъ,—объѣдать пріѣхали. Мы въ ноги. Ну, — говоритъ,—живите. Стали мы работать, но только дѣла нѣтъ никакого. Силы-то кажется гору своротилъ-бы, а земли клинъ, вотъ и сидимъ безъ дѣла. Прямо стыдно ложку въ руки взять. Посовѣтовались ночью съ женой,—надо говорю,—итти въ работники. Она плачетъ, а говоритъ—иди! Такъ мнѣ послѣ этихъ ейныхъ словъ стало горько, хоть въ рѣчку. Думалъ я, признаться, что жена отговаривать станетъ,—какъ-нибудь, молъ, перебьемся, а она прямо: иди! Прожилъ я въ работникахъ одиннадцать лѣтъ! Работы много, а прибытка никакого. Если бы вамъ разсказать про всю мою жисть-то въ работникахъ, такъ прямо бы ахнули. Одно скажу: за одиннадцать лѣтъ и тестю я не помогъ, и женѣ не подавалъ, я самъ едва пропитывался. А тутъ дѣти пошли. Прямо хоть умирай. Вотъ въ это-то, другъ, время и пошли эти хутора. Призываетъ меня тесть: «не цѣлый,—говоритъ—вѣкъ жить тебѣ въ работникахъ; случай подходящій,—бери участокъ». Какъ услышалъ я эти его слова,—вѣришь ли,—слезы такъ и полились. Опять мы съ женой ему въ ноги. Хоть умремъ, говоримъ, только на своемъ мѣстѣ. Старикъ онъ хорошій, тоже заплакалъ.—Умирать,—говоритъ,—вамъ нечего, а берите бычка и лошадь. Пошелъ я послѣ этого къ отцу, разсказалъ все ему. Онъ малость поло-

мался,—далъ, говоритъ, я тебѣ лошадь, а ты ее проѣлъ. Я въ слезы. Въ концѣ концовъ далъ двѣ овцы и онъ. Такъ вотъ и сконобожили мы деньги на задатокъ.

— Ну, а потомъ?

— Взяли участокъ. Пришли мы на этотъ участокъ—прямо ни съ чемъ. Прямо надо говорить, ни съ чего начали! Пришли съ женой на участокъ, ребятишки у тестя. Помолились, обошли его кругомъ, сѣли посередки и глядимъ другъ на друга. Нѣтъ ничего, а на душѣ тоски какъ бы нѣтъ вовсе. Она поглядитъ на меня—засмѣется, а я, на ея смѣхъ глядучи, прямо въ хохотъ пускаюсь. А отчего смѣемся—сами не знаемъ. Только скоро одумались. «Ну,—говорю,—надо начинать». Перво на перво снялъ я съ себя сапоги и послалъ ее за котелкомъ, да за ложками. Ушла она, а самъ я тѣмъ временемъ палатку раскинулъ, набралъ щепокъ, палокъ, помету коровьяго, разложилъ костерикъ,—жду! Пришла она; за сапоги,—говоритъ,—лавочникъ далъ рупъ двадцать. Ну и то,—говорю,—слава Богу. Сварили картошки, хлѣба нарѣзали—ѣдимъ, а на душѣ кошки скребутъ... Вотъ съ чего я началъ свой хуторъ. И если есть теперь у меня землянка, да кусокъ хлѣба, то денно и нощно мы Господа за это благодаримъ!..

— Какъ же теперь?

— Теперь, если получу я ссуду, то укрѣпимся мы на этотъ годъ хорошо. А не получу,—смерть неминучая. Потому дождикъ все испортилъ; прокормиться, Богъ дастъ, прокормлюсь, но платежу нѣтъ. Это говорю прямо!

Участокъ этого хуторянина (фамилія его Семеновъ)—6 десятинъ. Семья, правда, небольшая: онъ, жена и двое дѣтей, но все же прокормиться на участкѣ ему очень трудно. Вотъ уже два года онъ сдаетъ по одной десятинѣ за 11 рублей и одну десятину пускаетъ исполу. Въ результатѣ: прошлый, очень урожайный годъ онъ уплатилъ банку съ помощью тестя, а этотъ годъ всѣ надежды его возложены на ссуду, и если ссуды не будетъ, то онъ самъ признается, что съ участка «полетитъ турманомъ».

Я говорилъ уже, что богатые мѣщане ссуды давнымъ давно получили, а Прокофій Прокофевичъ, Семеновъ и цѣлый рядъ другихъ нищихъ ссудъ до сихъ поръ почему-то не получили А между тѣмъ для этихъ людей ссуды—жизнь или смерть, мѣщане же совершаютъ на эти ссуды коммерческіе обороты!..

— Во-о-о-тъ!—говоритъ мнѣ Петръ Васильевичъ, показывая всѣ эти, по его словамъ, «мерзости»,—видите вотъ: мужикъ прак-

тику получаетъ! Онъ, братъ, видитъ... Хоть общинники хуторянъ и не долюбливаютъ, но хуторяне получаютъ свое просвѣщеніе мозга... Вся эта бѣднота съ нами пойдетъ, не бѣда, что хуторяне. Ужъ вы мнѣ это повѣрьте!..

V.

Съ первыхъ же шаговъ хуторской жизни между богатыми и бѣдными хуторянами рѣзко намѣтилась линія раздѣла. У хуторянъ нѣтъ никакихъ общихъ интересовъ, общихъ задачъ, которые хоть временно объединяли бы ихъ въ стремленіи къ какой-либо обще-хуторской цѣли. Въ общинѣ часто бываютъ случаи, когда она выступаетъ, какъ одинъ человѣкъ. При столкновеніяхъ съ помѣщиками, съ сосѣдними деревнями въ общинѣ объединяются богатые и бѣдные, всѣ дружно отстаиваютъ общіе интересы. У хуторянъ нѣтъ такихъ общихъ интересовъ. Здѣсь каждый за себя; поэтому здѣсь сразу начались конфликты и антагонизмы. Всякій старается урвать что-либо себѣ, не считаясь съ тѣмъ, какъ это урываніе отразится на сосѣдѣ. А такъ какъ урывать можно, главнымъ образомъ, у землеустроителей, то всякій старается забѣжать раньше другого, «заискать» и выслужиться. Вообще процвѣтающая на хуторахъ система подачекъ, наградъ «за хорошее поведеніе», развиваетъ въ хуторянахъ лесть, прислужничество и поддакиваніе. Всякое возраженіе, всякій протестъ ведетъ къ тому, что землеустроитель «обходитъ» грубіяна въ дѣлежѣ того или иного блага. Вотъ, напримѣръ, коммиссія «подарила» хуторянамъ описываемой мѣстности нѣсколько десятковъ яблонь. Началась бѣготня, поклоны. Въ концѣ концовъ яблони получили тѣ, за кѣмъ «были заслуги». Въ чемъ выражались эти заслуги—извѣстно лишь землеустроителямъ, но подачка «избраннымъ» вызвала завистливую злобу и рядъ нареканій.

Ефимъ Леонтьевичъ Семинъ разсказываетъ такую исторію.

— Пріѣхалъ ко мнѣ управляющій банковскій, и дернулъ меня нечистый сказать, что прудъ, молъ, у насъ неспособный. А ему это непріятно! Вотъ онъ меня и подсидѣлъ. Какъ пришелъ срокъ — плати! Всѣмъ далъ отсрочку, а мнѣ запретилъ хлѣбъ вѣять. Я просилъ, просилъ милости до 15-го—не моги! Какъ начнетъ кричать—мѣста нѣтъ никакого! Пропустилъ я сроки, и оштрафовали на семь рублей. Вотъ какъ съ начальствомъ говорить-то!

Какъ видите, за участокъ берутъ человѣка цѣликомъ, запрещая даже имѣть свои сужденія о «неспособности пруда». Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть что-либо плохо у гг. землеустроителей?

У землеустроителей есть среди хуторянъ любимчики, которыхъ «награждаютъ» въ первую очередь; есть «люди на замѣчаніи», которыхъ «не нынѣ—завтра спихнутъ»; есть и шпіоны, подробно

докладывающіе, кто и въ чемъ «преступаетъ» землеустроительные законы и наказы. Понятно, что все это ведетъ къ взаимной ненависти, а порой и угрозамъ.

Часто къ этимъ «хуторскимъ» причинамъ взаимной озлобленности присоединяются причины старыя, перешедшія въ наслѣдство отъ общины. Такъ что въ общемъ большинство хуторянъ живетъ другъ съ другомъ «на ножахъ».

Хуторяне Модинъ и Зотовъ постоянно враждуютъ и судятся. Достаточно самаго незначительнаго повода и каждый изъ нихъ бѣжитъ съ жалобой. Тѣ самые «ходатаи», о которыхъ я уже говорилъ, получили отъ нихъ не одинъ десятокъ рублей. Модинъ—дегтярь, человѣкъ зажиточный. На участкѣ у него кирпичныя постройки; скота—пятьдесятъ шесть головъ; есть двѣ вѣялки, молотилка. Вообще—типичный богатый хуторянинъ. Зотовъ живетъ въ ригѣ и строитъ землянку на зиму. Скота у него—одинъ подтелокъ; землю отдаетъ исполу. Однимъ словомъ—типичный бѣднякъ. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ разговаривать мнѣ не пришлось, и исторію ихъ я узналъ отъ Петра Васильевича.

Какъ-то онъ пришелъ ко мнѣ и пригласилъ къ своему другу, Егору Силантьевичу Килину, у котораго остановился книгоноша. Въ избѣ Кидина собралось порядочно крестьянъ. Разговоръ шелъ о томъ, что жить въ деревнѣ «стало немыслимо», что «во всѣхъ смыслахъ хоть волкомъ вой»: нищихъ расплодилось «тьма тьмущая», воровъ «силы невиданныя»; парни «отъ рукъ отбиваются»—пьянствуютъ, безобразничаютъ, воруютъ; почти ежедневно «то сямъ, то тамъ убійство»; что земли поблизости распроданы и снимать приходится за тридцать верстъ; что «правительство только о хуторянахъ и думаетъ» и т. д., и т. д. Вообще, картина деревенской жизни получалась мрачная и безпросвѣтная. Объясняли эти явленія различно: кто близостью «послѣднихъ дней», кто слишкомъ высокимъ жалованьемъ депутатамъ («нѣтъ, кабы заставили ихъ поголодать—они бы по иному заговорили!»); кто отсутствіемъ строгости; самъ хозяинъ, гласный земства, находилъ, что «причина всего—мало училищъ», но соглашался, что и «пороть тоже эдакихъ хулигановъ не мѣшаетъ»... Тема была унылая, но разговоръ шелъ оживленно.

— При эдакихъ порядкахъ обидѣть человѣка—плевое дѣло! А одинокаго, вродѣ какъ я,—пустякъ! Нашъ братъ теперь долженъ ухо держать востро,—говоритъ книгоноша.

— Для **нихъ** изуродовать человѣка—разлюбезное дѣло!

— **Имъ** это вродѣ игры...

— Возьми такой случай: прихожу въ Тетеркино, село большое, и народъ, можно сказать, образованный: три училища, городъ близко, двѣ церкви, кажется,—могли бы имѣть понятіе? Прихожу—всѣ вдрызгъ! Престолъ справляютъ. На улицахъ дымъ коромысломъ: крики, пѣсни, гармоньи; кто цѣлуется, кто дерется... Обступили

меня: «показывай!» Нечего дѣлать—разложилъ книжки.—Картинками не торгуешь?—Нѣтъ, говорю, теперь нѣтъ.—Начали трепать книжки, передаютъ изъ рукъ въ руки, пачкаютъ. Ну, думаю, теперь имъ не до книжекъ: продашь на два пятака, а растащутъ да перепортятъ на цѣлковый. Началъ укладывать. «Нѣтъ, ты, говорятъ, повремени»! «Завтра», говорю. «Сдѣлай одолженіе—уважь мужиковъ»! То, другое... Обступили, кричатъ... Вдругъ два парня оттолкнули меня, схватили сумку, да въ толпу; начали книжки раскидывать. Всѣ закричали, загоготали, хватаютъ, рвутъ... Бросился я было за ними, кто-то далъ мнѣ подножку—я въ грязь носомъ... Хохочутъ. Имъ шуточки, а человѣкъ на мѣсяцъ безъ куска...

— Ну, и какъ же ты?

— То есть что?

— Привлекъ ихъ?

— Кого привлекать-то? Судъ да дѣло—собака съѣла; мнѣ съ этимъ возиться некогда. На утро собрали мнѣ три рубля—вотъ и все! Досадно, что безъ толку все—и книжекъ-то ни у кого не оказалось: всѣ перервали, замяли въ грязь. На другой день ребятишки изъ грязи выбирали... Вотъ вамъ и образованный народъ!..

Крестьяне посѣтовали на пьяницъ, пожалѣли книгоношу, который говорилъ серьезно, отчетливо. Хозяинъ, къ которому разсказчикъ, главнымъ образомъ, обращался, ничего не возразилъ. Снявъ съ ногъ валенки, онъ потрогалъ подошвы большими пальцами, почему-то покачалъ головой и поставилъ валенки на печку.

Остриженный «подъ ерша», востроглазый парень хихикнулъ, но, увидя строгій взглядъ книгоноши, замолчалъ.

На минуту водворилось общее молчаніе. Хозяйка начала накрывать на столъ.

— Народъ, дядя, у насъ, дѣйствительно, бѣдовый: у насъ въ лѣсу недавно мужика ограбили, два рубля вытащили и сапоги сняли. Деньги,—разсказывалъ потомъ,—Богъ съ ними; три версты, говоритъ, по грязи въ чулкахъ бѣжалъ, до сей поры ногами маюсь.

Этотъ примѣръ «народнаго озорства» привелъ другой парень—Андрейка, деревенскій серцеѣдъ, ухарь и гармонистъ. Въ избу вошло еще нѣсколько крестьянъ «послушать». Хозяйка поставила на столъ чашку съ кислымъ молокомъ и груду лепешекъ.

— Присаживайся, — пригласилъ хозяинъ. Книгоноша помолился и сѣлъ.

— А ты, Петръ Василичъ?

— Нѣтъ, я уже... Спасибо.

— А то закусилъ бы!

— Кушайте на здоровье.

— Откуда будешь?—спросилъ одинъ изъ крестьянъ книгоношу.

— Какъ тебѣ, отецъ, сказать? Ходимъ отъ торговца Сытина,

гдѣ день, гдѣ два... А если интересуешься родиной, то я рязанскій...

— А тебѣ, Андрейка,—началъ вдругъ хозяинъ,—о такихъ вещахъ надо помалкивать!

— О какихъ такихъ?

— Да вотъ о мужикѣ то ограбленномъ.

— Почему это?—вызывающе спросилъ Андрейка.

— Такъ. Помалкивай въ тряпочку, глядишь—оно и лучше будетъ. Вотъ они,—обратился хозяинъ къ книгоношѣ, кивая головой на Андрейку,—они съ тобой говорятъ, а потомъ сами же тебя и оберутъ.

— А ты видалъ?

— Это ужъ дѣло мое.

Андрейка замолчалъ.

— Все это точно бываетъ, но я скажу такъ, что и не озлобиться народу невозможно,—вступился за Андрейку Петръ Васильевичъ,—не все на парня, скажи и за парня.

— Я къ тому это, Петръ Василичъ, что онъ про ограбленнаго въ лѣсу упомянулъ. Извѣстно, вѣдь, чьи это продѣлки.

— А я опять скажу, что народъ накопилъ въ себѣ большую злобу; не на комъ ему горе-то сорвать, вотъ и ѣстъ другъ друга.

— Ѣстъ! Да ты ѣшь-то хоть съ разборомъ. Найди хоть прицѣпку какую ни на есть. А то такъ, по волчьи, ни съ того, ни сего, взялъ-да съѣлъ. Это хорошо говорить со стороны, а какъ самого начали бы кусать—по иному бы заговорилъ.

— Кусали и меня, Силантичъ; больнѣе блохъ кусали!..

— Кусали, кусали... Пріѣхали къ намъ лѣтомъ,—снова обратился къ книгоношѣ хозяинъ,—два китайца. Какъ и твое же вотъ дѣло, торгуютъ, только не книжками, а ситцемъ. Народъ смирный, очесливый, никому вреда отъ нихъ никакого. Что же ты думаешь? Вотъ эти кошачьи-то обгрызки сдѣлали имъ удовольствіе: косы поотрѣзали! Намъ-то это хи, хи, хи, да ха, ха, ха, а китайцу коса дороже жизни! Законъ у нихъ такой: безъ косы онъ, къ примѣру, не китаецъ, а такъ себѣ... Свои ихъ безкосыхъ-то не принимаютъ. Слезами обливались китайцы-то! А вѣдь такъ, ни за что ихъ изобидѣли...

— Ты, Силантичъ, знаешь Зотова?—прервалъ хозяина Петръ Васильевичъ.

— Это хуторянина что ли?

— Да. Высокій, черный мужикъ. Изъ Чулкова.

— Ну, знаю.

— А знаешь, почему онъ на хуторъ перешелъ?

— Почему?

— А вотъ почему: нагрянули къ нимъ за податями; обыкновенно—у кого есть, отдали, а у кого опись имущества начали. Къ первому, къ нему, къ Зотову отправились за этимъ дѣломъ. Сграж-

ники съ понятыми начали вытаскивать изъ избы вещи, а онъ блѣдный, какъ мертвецъ, облокотился на плетень, стоитъ и молчитъ, словно языкъ у него отнялся. Урядникъ его спрашивать начнетъ, а онъ дергаетъ себя за бороду, мотаетъ головой, какъ лошадь, да бормочетъ: «Мое, мое... Вали все въ груду!.. Валяй»! Только отъ него и словъ. Когда все повытаскали, онъ взглянулъ въ окошко, да къ уряднику. Хочетъ засмѣяться, а зубы стучатъ. «Иконы-то что же, говоритъ, не вынесли»? Что-о?—тотъ ему.—«Иконы-то, молъ, забыли, господинъ урядникъ».—Они у тебя въ золотѣ что ли?—«Все равно ужъ... Очищайте все ужъ... За одно ужъ»... Ужъ да ужъ—только отъ него и словъ!

— Къ чему ты клонишь, Петръ Василичъ, не могу я взять въ толкъ?—спросилъ хозяинъ.

— Дѣйствительно, вродѣ какъ бы не туда поѣхалъ... — замѣтилъ одинъ изъ слушателей...

— Вѣдь цифра эта намъ всѣмъ доподлинно извѣстна...

— Слушайте дальше—оно и видно будетъ. Хорошо! Распоряжаются, значитъ, зотовскимъ имуществомъ, а народъ собрамши стоитъ, да ушами хлопаетъ. Кто вздохнетъ, кто головой махнетъ, а кто руками разведетъ.—Дѣла!—вздохнетъ одинъ.—Такія, братецъ мой, дѣла скажу тебѣ, что ай да ну, ну! . Ахъ, ты, Господи, твоя воля! Переговариваютъ такъ по-мужицки между собой, а соображенья никакого не дѣлаютъ. На дворѣ тѣмъ временемъ ужъ куръ начали ловить. Въ это время вотъ и подбѣжалъ къ нимъ ихній же мужикъ Илья Кузьмичевъ, человѣкъ умнѣющій, и если бы не пилъ,—первая была бы голова въ деревнѣ. Хорошо! Подбѣгаетъ онъ къ нимъ и первое дѣло вопросъ:

— Не началось еще?

— Чего не началось?

— Продавать-то, говорю, не начали еще?

— Нѣтъ, говорятъ,—товаръ пока раскладываютъ. А ты покупать торопился?

— Не только, говоритъ, я не покупать, но и вамъ не совѣтую. Даромъ, говоритъ, не берите. Пусть ихъ себѣ все забираютъ.

Признаюсь, я тоже не могъ понять, какое это имѣетъ отношніе къ вопросу объ «озорствѣ», но такъ какъ слышалъ уже о Зотовѣ и его сутяжничествѣ съ Модинымъ, то заинтересовался. Кромѣ того я зналъ, что Петръ Васильевичъ любитъ начать издалека, чтобы неожиданно «огорошить» выводомъ; поэтому рѣшилъ, что всѣ подробности о несчастіяхъ Зотова онъ приводитъ не безъ основаній.

— Извѣстно, народъ сразу не уговоришь... Одинъ кричитъ: покупатели найдутся!—другой: «не мы, такъ другіе»! Кузьмичевъ на нихъ: «братцы, кричитъ, не берите грѣха на душу. Сегодня, говоритъ, у него, завтра у васъ»! Схватилъ одного богатенькаго за руку, оттащилъ въ сторону, да на колѣни передъ нимъ... «Чего

ты ко мнѣ лѣзешь?—кричитъ тотъ,—какой я покупщикъ? Шлею, развѣ, возьму»... «Ни шлею, говоритъ, ничего, ни синь пороха... Кровь, говоритъ, вѣдь это!..» Народъ зашабутился.—Извѣстно не брать, кричатъ,—пусть везутъ!—И подводъ не давать!—Гони, робя, лошадей въ лѣсъ! - Пока они такъ кричали, глядь на дворѣ-то Зотова ужъ и продажа началась.' Перво-на-перво почти на рукахъ вынесли трехнедѣльнаго жеребенка. Худенькій, ноги тоненькія. Поставили его на полъ, а онъ трясется, трясется, да бухъ на колѣни! Опять поднимутъ; пока за шею, да за задъ поддерживаютъ —стоитъ. Поставили середь двора. Имъ смѣхъ: «Вотъ конь—такъ конь! Кому нуженъ конь? Налетайте»! Всѣ молчатъ, переглядываются. Зотовъ почти всю бороду выдралъ себѣ, глядя, какъ добро-то расхищали. Извѣстно, жеребенокъ онъ, може, хуже хорошей кошки, може, онъ и впрямь смѣха достоинъ, да хозяину-то онъ дорогъ! Видитъ Зотовъ, что никто не беретъ, повеселѣлъ малость. Отошло отъ сердца-то. А тѣ навязываютъ:—Ну, что же, говорятъ, —вы? Лошадь добрая, если четыре подпоры, то и стоять можетъ! Чья какая цѣна будетъ этому лихачу? Всѣ молчатъ. *Тѣ* уже сердиться начали.—Вы, говорятъ, не больно форсите,—мы покупателей найдемъ.—Полтинникъ! — раздается вдругъ изъ толпы. Всѣ такъ и ахнули! Глядятъ, анъ дегтярь Модинъ впередъ лѣзетъ. Подошелъ къ жеребенку, осмотрѣлъ, похлопалъ по шеѣ, по брюху.— Коли, говоритъ, хорошенько покормить, такъ и впрямь конь будетъ хорошій.—«Что-жъ ты, собака, въ полтинникъ то цѣнишь?—кричитъ Зотовъ,—за жеребенка шутя, шутя пять монетъ надо дать». Тотъ мнется. Такое-де дѣло... Набьютъ-де еще... Ну, рупъ цѣна этому коню!..—Дальше дѣло извѣстно: «рупъ за жеребенка! Кто больше? Рупъ—разъ, рупъ—два, рупъ — три... Твой жеребенокъ, заверни, братъ, его въ пеленки и неси домой»!.. Нужно сказать, что эту часть разсказа всѣ прослушали съ большимъ вниманіемъ. Даже хозяинъ, который вначалѣ усмѣхался и пожималъ плечами, какъ бы удивляясь, къ чему человѣкъ несетъ всю эту канитель,—даже онъ подъ конецъ заинтересовался. Книгоноша, который тѣмъ временемъ кончилъ ѣсть и теперь пришивалъ ремемь къ сумкѣ, изрѣдка покачивалъ головой и произносилъ: «ай, ай, ай... дѣйствительно! ишь ты змѣй»!.. Оживленнѣе всѣхъ слушалъ Андрейка.

Когда шла рѣчь о покупкѣ жеребенка, парень не выдержалъ

— Я бы такую ехидну... Я бы не потерпѣлъ!..

На что хозяинъ замѣтилъ:

— Ну, да ты, конечно... Про тебя всѣ четыре говорили...

— Купилъ дегтярь жеребенка,—продолжалъ Петръ Васильевичъ,—словно плотину прорвало: полѣзли одинъ за другимъ. Зотовъ совсѣмъ осѣлъ. Жена и ребятишки ревутъ, съ жеребенкомъ прощаются, цѣлуютъ его. А Модинъ опять къ вещамъ. Выбралъ двухъ циплаковъ, взялъ въ руки по одному, похлопываетъ ими, какъ рукавицами. — Сколько за циплаковъ-то? — спрашиваетъ. Тѣ,

извѣстно, просятъ свою цѣну назначить.—Пятиалтынный,—говоритъ.—Ну, кто больше? Нѣтъ? Твои циплаки. Зажарить бы одного надо.—Въ какой нибудь часъ раскупили всѣ вещи. Начальство уѣхало, а мужики около Ивана Кузьмича собрались. А Иванъ-то Кузьмичъ сидитъ на бревнѣ, да горько, горько плачетъ. Кто утѣшаетъ его, кто покупателей ругаетъ, однимъ словомъ, идетъ разговоръ. И то, надо сказать, иной и не купилъ-то ничего, потому что не на что. Самъ Иванъ Кузьмичъ говорилъ мнѣ, что и такіе разговоры были:—Ни за что, молъ, пошли вещи! Вотъ кабы деньги—хомутъ совсѣмъ почти новый!—Передокъ вотъ тоже... У меня никудышный передокъ-то...—Извѣстно, народъ только что говоритъ, а въ душѣ многіе и завидовали... Есть, только, въ Чулковѣ кузнецъ Кондратій, высокій такой, всегда молчитъ, ходитъ сгорбившись; силищу ему Господь далъ, что медвѣдю; подкову сломать ему все равно, что два раза плюнуть. Такъ вотъ этотъ кузнецъ подошелъ вечеромъ къ дому дегтяря и стучитъ въ окно.—Кто тамъ?—Выдь-ка, Яковъ, на минутку.—Это ты, Кондратій? Сейчасъ выду.—Какъ вышелъ Модинъ-то, кузнецъ со всего размаха какъ шаркнетъ его по рожѣ. Тотъ кубаремъ!..

— Молодецъ! Это по моему!—не утерпѣлъ Андрейка.

— И стоитъ...—раздался одобрительный гулъ.

Довольный Петръ Васильевичъ продолжалъ:

— Это ты за что?—спрашиваетъ Модинъ.—За что почтешь!—и ушелъ. А ночью парни выбили у Модина окошки... И гумно у него вскорѣ сгорѣло... Теперь я спрошу тебя, Силантичъ, кто тутъ виноватъ: тѣ, что Зотова грабили, парни, или Модинъ?

Закончивъ этимъ вопросомъ свой разсказъ, Петръ Васильевичъ, выпилъ квасу и—готовый къ схваткѣ,—посмотрѣлъ на хозяина.

— Во-о-отъ ты къ чему велъ...

— Къ этому самому. Къ тому и пришелъ, съ чего началъ: «не все на парня, скажи и за парня!» Въ Чулковѣ тоже нашлись такіе: «галашничество, молъ, хулиганство!» Кузнецъ-то вотъ и не молодой человѣкъ, да не выдержалъ! А въ парнѣ кровь горячая...

— По моему еще мало ему,—замѣтилъ Андрейка.

— Не въ ту сторону загнулъ ты, Петръ Васильичъ: мы про Фому, а ты про Ерему. Мы про баловство говорили... Примѣрно, итайцы, аль вотъ человѣкъ про себя случай разсказалъ... А ты... Это совсѣмъ другое.

— Озорства много,—вставилъ книгоноша.

— Разорили Зотова, ограбили и—за щеку! Что хочешь, то и дѣлай. Началъ онъ послѣ этого пить, такъ закрутилъ, что спустилъ все, что осталось отъ расхищенія.

— Здѣсь запьешь!..—сказалъ одинъ изъ крестьянъ, какъ видно прекрасно понимающій Зотова.

— Какъ еще загуляешь-то... Оно скребетъ, залить хочется,—добавилъ другой.

— Какъ пошли хутора-то, онъ и записался. Землю продалъ, избу продалъ—живетъ теперь въ рыгѣ, да и оттель не нынѣ-завтра турнутъ... Разорить человѣка очень не трудно, а подняться...

— Модинъ тоже два участка взялъ.

— Какъ же? Нашъ пострѣлъ—вездѣ поспѣлъ!

— Говорятъ: «чужое добро въ прокъ не идетъ», а вотъ вѣдь шибко живетъ мужикъ!..

— Живетъ до время...

— Вотъ у насъ тоже былъ случай...

Одинъ за другимъ, крестьяне разсказали десятокъ случаевъ, одинъ другого возмутительнѣе, одинъ другого невѣроятнѣй. Въ каждомъ изъ нихъ люди гибли жертвами «новыхъ вѣяній», которыхъ не могли усвоить и понять. Старикъ, продавшій землю въ разсчетѣ на то, что «все равно у нихъ отберутъ», а потомъ понявшій ошибочность этого разсчета и повѣсившійся; парень, убивающій отца за то, что въ отсутствіе парня отецъ продалъ домъ и землю и перешелъ къ «полюбовницѣ»; мужикъ, посаженный въ тюрьму за то, что продалъ участокъ тремъ покупателямъ по очереди; разореніе изъ-за тюрьмы, тюрьма изъ-за «забастовочки», «забастовочка» изъ за выдѣла въ собственники... и т. д. и т. д. Чаще всего повторялись фразы—«вышелъ въ нищіе», «какъ пошли эти хутора», «продалъ онъ участокъ»... Вездѣ оказывалось, что «чужое добро шло въ прокъ», что пословица эта потеряла свое значеніе и что въ силѣ иныя пословицы: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ» и «на кого Богъ, на того и добрые люди». Выяснилось еще, что разсказъ Петра Васильевича бросилъ нѣкоторый свѣтъ на «темныя» стороны деревенской жизни, что всякое почти «безобразіе» въ видѣ убійства, грабежа, поджога имѣло въ основаніи конфликтъ на почвѣ продажи земли, выдѣла, разоренія, доноса; что парни не всегда «съ жиру бѣсятся», а часто бунтуютъ отъ духовной и умственной голодовки, часто протестуютъ. Другое дѣло—хороши, или нѣтъ ихъ элементарныя формы протеста, но самый фактъ учащенія этихъ протестовъ ярче всего говоритъ за необходимость коренного переустройства деревни... Такъ что—какъ ни странно—въ концѣ концовъ договорились до того, что находили «отрадныя» стороны во многихъ «темныхъ явленіяхъ». Словъ нѣтъ—многія явленія печальны, но побужденія къ нимъ часто самыя прекрасныя.

— Нѣтъ, други!—кричалъ Петръ Васильевичъ,—народъ становится умнѣе! Терпѣть перестаетъ и многимъ это не по вкусу! Подождите, какъ станетъ во весь ростъ-то, такъ... о-го-го!..

— А всетаки и лишняго озорства много,—настаивалъ хозяинъ,—чѣмъ виноваты китайцы?

VI.

Въ Тульской губерніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, минувшимъ лѣтомъ производилось статистическое изслѣдованіе «единоличныхъ хозяйствъ». Статистики приходили къ единогласному выводу, что картина получается очень мрачная, и что представить имъ придется далеко не тѣ свѣдѣнія, какихъ отъ нихъ желаютъ получить. Приведу картину опроса хуторянъ статистиками, наиболѣе типичную изъ тѣхъ, которыя мнѣ пришлось видѣть.

Большая крестьянская изба раздѣлена на двѣ части: въ передней за столомъ сидятъ ститистики, вызываютъ хуторянъ и опрашиваютъ. Въ задней—десятка два хуторянъ ждутъ очереди, сидятъ па лавкахъ, на полу; разговариваютъ шепотомъ.

— Чепеленковъ!—вызываетъ статистикъ.

Подходитъ высокій, худой мужикъ, безъ усовъ, безъ бороды; русые лохматые волосы; одѣтъ въ вышитую рубашку, пиджакъ; въ рукахъ держитъ картузъ съ зеленымъ околышемъ. Говоритъ отрывисто, съ лица не сходитъ виноватая улыбка.

— Сколько земли у тебя на хуторѣ?

— Надо быть, на двухъ-то участкахъ 19 десятинъ.

— Когда переселился?

— Прошлаго года къ пахотѣ.

— Надѣлы гдѣ?

— Продалъ за годъ до высела, за 300 рублей.

— Ссуду получилъ?

— Сто рублей получили; съ 14-го года, значитъ, пойдетъ платежъ.

— Другихъ долговъ нѣтъ у тебя?

— Какъ не быть: тотъ годъ весь хлѣбъ продалъ для банка; пришлось занять 75 пудовъ у купца Конькова, а платить чтобы деньгами по семи гривенъ пудъ.

— Всю землю самъ обрабатываешь, или часть сдаешь?

— Три десятины общественникамъ сдаю, по 13 рублей за десятину.

— Почему дешево? помѣщичьи земли вѣдь идутъ по 24 рубля?

— Не даютъ больше, то-то нужда-то наша!

— Что сѣялъ этотъ годъ?

— Ржи три десятины; овса—четыре; картошки—одну; проса—осьминникъ; гороху—осьминникъ; гречихи—полнивы.

— Навозъ возилъ?

— Нѣтъ; гдѣ его возьмешь навозу-то?! Одна лошадь, да и та на привязи; покосу нѣтъ, лѣсу нѣтъ—ходитъ по пару, да по жнивѣ...

— Садъ, огородъ есть у тебя?

— Какіе у насъ сады!.. Ничего нѣтъ.

— Теперь скажи: какія у тебя постройки и сколько стоятъ?

— Изба безъ сѣней, крыша соломенная, стоила сто рублей; рыга, скажемъ, 15 рублей; привезъ изъ деревни.

— Игнатъ! Дороже цѣни, сгонятъ!—кричатъ изъ второй половины.

— Тише тамъ! Еще что у тебя есть?

— Соха, борона деревянная, телѣга, сани, хомутъ. Все изъ деревни, здѣсь ничего еще не нажилъ.

— Этотъ годъ прокормишься?

— Гдѣ же, баринъ, прокормиться, когда я все до зерна продалъ! Овесъ продалъ 48 коп., рожь—50,—а Конькову надо платить по 70, вонъ какое дѣло-то! А здѣсь аренды 114 рублей!..

— Какъ же думаешь жить-то?

— На васъ, ваше благородіе, одна надежда... Овецъ по три рубля продалъ, все въ эту прорву ушло, въ банкъ!

— Заработки есть какіе-нибудь?

— Какіе у насъ заработки? Одну жену съ ребятишками зимнее время не бросишь, вѣдь у меня ближе шести верстъ человѣка нѣтъ. Одинъ, какъ пень...

— Колодезь есть?

— Колодезь у насъ, баринъ, хорошій!—съ довольной улыбкой тянетъ хуторянинъ.

— Землеустроители выкопали?

— Да, какъ же... Колодезь—не жалуемся...

— Когда его выкопали?

— Я то не помню. Говорятъ, что лѣтъ тридцать.

— Когда?!

— При баринѣ Вяльцовѣ еще, баринъ такой былъ... Мы его ужъ не застали...

У другого стола опрашиваютъ Ефима Леонтьевича Семина, о которомъ я уже упоминалъ, говоря, какъ опасно заявлять о «неспособности пруда».

Это—молодой рыжій мужикъ; въ зимнемъ полушубкѣ, грязныхъ лаптяхъ. Говоритъ оживленно.

У него четыре сына, старшій женатъ, младшему—7 лѣтъ. Участокъ въ 16 десятинъ. Было посѣяно:

Ржи	5 десятинъ
Овса	5 »
Картошки	полниві
Проса	осьмина.

Землю не навозимъ. «Навозу нѣтъ; солому не паримъ—продалъ

всю»!.. Надѣлъ сдалъ на 4 года за 40 руб., повинности платитъ арендаторъ.

— Не продалъ. Лѣгось было дѣло, нарывался одинъ,—нѣтъ, утерпѣлъ! Не стоитъ изъ-за него колупаться—точно, да и денегъ недостатокъ, а все таки въ арендѣ 4 года пройдутъ, опять моя земля.

Зиму думаетъ жить въ деревнѣ: «хату поставилъ, да не отдѣлалъ; не миновать зимовать здѣсь»!

Хлѣбъ весь продалъ, оставивъ лишь «себѣ на пропитаніе». И цѣны и ссыпка дурная!.. Надо мной смѣются—рано продалъ; это вотъ за погодкой, а то бы давно всѣ его сбыли для завѣдующаго. Дай лишь проведрится,—такъ ой, ой какъ попрутъ.

— Сколько стоитъ твой участокъ?

— Да нѣшто я знаю!

— А если взыщутъ тысячъ пять?

— Съ начальствомъ что подѣлаешь? Меня вонъ управляющій-то за что оштраховалъ?—Дальше приводится переданный уже разсказъ о «неспособномъ прудѣ».

— Огородъ, садъ есть?

— Когда тутъ заниматься-то этимъ? И такъ голова кругомъ! Ахъ ты Господи Боже мой—развѣ обзаведешься?! Картошки тоже почему мало сѣялъ, управляющій спрашиваетъ. Картошки не дешева цѣна—ей надо 12 мѣръ на десятину. Дали бы окопироваться и картошку посадимъ!

— Слушайтесь начальства, а то хуторъ отберутъ!—шутитъ статистикъ.

— Да мы бы и счастливы были, кабы не было-то ихъ! Они намъ голову вскружили! Какая намъ отъ нихъ польза? У меня два парня въ Питерѣ жили, по 150 руб. въ годъ подавали, а теперь вызвалъ ихъ сюда на работу. Ну и сидимъ, да ждемъ милости банка. Помилуетъ—выдюжимъ, нѣтъ...—Онъ протягиваетъ руку, показывая какъ просятъ милостыню.

— На кого сдѣланы данныя?—спрашиваетъ статистикъ.

— Все на себя. Очень легко, почета не будетъ. Онъ тѣ—сынъ-отъ — такъ шагнетъ, что... Полнивы не дастъ... Все на себя! Запишите, ваше благородіе, что управлющій-то оштраховалъ,—я хотѣлъ на съѣздъ подать, да боюсь, какъ бы тамъ еще больше не наложили!..

Приведу еще нѣсколько наиболѣе интересныхъ показаній.

Тихонъ Гриненковъ, сѣдой, бородка обдергана, глаза впалые, лицо въ морщинахъ. Одѣтъ въ рваный армякъ и лапти.

— Проѣли деньги всѣ. Нечѣмъ платить, милости прошу.

— Да не мое это дѣло,—волнуется статистикъ,—въ контору вызовутъ за деньгами.

— Съ деревней своей—шабашъ теперь, ничего нѣтъ, куды я дѣнусь?

— Скажи лучше, почему ты перешелъ на хуторъ?

— Всѣ участки наши врозь и никакой общинности нѣтъ; у меня братъ самъ-четвертъ; у дяди семьи семь человѣкъ, да насъ восемь... Вотъ какое многолюдство! А земля тамъ никудышная; вотъ и перешли. Теперь взять негдѣ—хлѣбъ проросъ... Оттяжку надо!

Дворовый Игнатъ Дорофеевъ, шорникъ. Человѣкъ веселый, неунывающій. На положеніе свое смотритъ съ юмористической точки зрѣнія.

— Почему перешелъ на хуторъ?

— Общество заѣло! Вѣдь насъ, дворовыхъ, они прямо грызутъ, что волки. Заведешь коровенку—плати имъ за выгонъ; платить—платишь, а всякій оретъ: «Ишь навелъ табунъ-то! Ишь распустилъ»! Особенно эти горлопаны-то!—Передразнивалъ онъ горлапановъ довольно удачно, произнося слова въ носъ. Хуторяне хохотали.

— И здѣсь не то, чтобы рай... Вода замучила—разъ! Банкъ замучилъ—два! Никогда я безъ бѣлаго хлѣба въ праздникъ не бывалъ, а сегодня сѣлъ за столъ съ чернымъ—инда заплакалъ!..

— Не боишься, что сгонятъ?

— Мнѣ бояться нечего: наше дѣло мастеровое. Взялъ дратву, да шило, сѣлъ за работу и пошло дѣло: «сію минуту-съ! сію минуту-съ!» Глядь—къ вечеру и полтина! Жалко одного—не досталъ образованія!—Говоря это, Дорофеевъ жестикулировалъ и показывалъ, какъ начнетъ дѣйствовать шиломъ и дратвой, чѣмъ опять возбудилъ смѣхъ. Веселый человѣкъ, а положеніе его не изъ завидныхъ: изъ опроса выяснилось, что «этотъ годъ не протянетъ».

— Эхъ, ужъ и закручу я, коли сгонютъ, ваше благородіе!..

— Мастеровой гдѣ не пьетъ,—замѣчаетъ кто-то изъ крестьянъ.

— Да, ужъ! Попыталъ, не вывезетъ—въ галахи! Такова судьба видно!..

Степановъ,—низенькій, щупленькій; лицо красное; одѣтъ въ рваную австрійскую куртку со свѣтлыми пуговицами; изъ одной полы куртки вырванъ значительный квадратъ.

— Земля въ обществѣ клиньями; къ одному мѣсту, ваше благородіе, общество не позволитъ: потому она, земля-то, у дворовъ у насъ унавожена, а дальше нѣтъ.

— Вырѣжутъ!

— Хорошо бы тогда знать, а то голодалъ, голодалъ и—продалъ. А какъ продалъ—совсѣмъ сталъ несчастнымъ. Ну и перешелъ на хуторъ.

— Что у тебя есть теперь?

— Плужокъ дали, какъ же! Эмильлипгартовскій...

— А еще что?

— Пока его только и высидѣлъ. Нужда! Того мало, того не

хватаетъ! Спасибо, подъ вексель далъ сосѣдъ, а то бы и сгибнулъ...

— Подъ процентъ далъ?

— Нѣтъ, ради уваженія... Ну, поработали ему недѣли двѣ...

— Скотъ есть?

— Всей скотины у меня, ваше благородіе, поросенокъ, да лошадь. Была корова, да продалъ—30 рублей не хватало банку.

— Урожай хорошій?

— Нѣтъ, никудышный. Хлѣбъ тоже никудышный... Въ обществѣ, ваше благородіе, мнѣ усадьбу не даютъ. Оно, общество-то, что хочетъ, то и дѣлаетъ: съ нимъ разговоры коротки!..

Я беру наиболѣе интересныя мѣста изъ показаній крестьянъ, потому что общія условія у нихъ, приблизительно, одинаковы. Изъ богатыхъ на этотъ разъ былъ опрошенъ одинъ Бочковъ, о которомъ я уже говорилъ. Черезъ нѣсколько дней въ числѣ десятка бѣдняковъ нашелся еще Ереминъ, у котораго хуторъ «процвѣтаетъ», который во всякомъ случаѣ жалуется меньше другихъ

Ереминъ говоритъ горячась; руки то держитъ въ карманѣ, то опирается ими на стулъ; довольно молодъ, крѣпокъ. Изъ его опроса выяснилось, что живетъ онъ хорошо, но хуторской жизни вообще не хвалитъ. Участокъ его—15 десятинъ; плата общая 2990 руб.; въ годъ—127 руб. 20 коп. На участкѣ—домъ, постройки и рига («на четырехъ парахъ—хорошая рыга»!). Скота:

Лошадей: двѣ по	40	руб.
Двѣ молодыя »	35	»
Корова	55	»
Телка	15	»
Овецъ («нынѣшній годъ онѣ всѣ перекотились») 16 по.	4	»
Свиней («пуда по полтора») 3 по . .	8	»

Инвентарь: плужокъ двухлемешный («лѣтомъ купилъ»!); борона, дробачъ («дробачъ у меня форменный»!), борона съ желѣзными зубьями и вѣялка. Телѣги двѣ новыя, сани, два хомута («по пятерику смѣло цѣни»!), пахотныхъ 3 хомута. И т. д.

Для уплаты банку продалъ:

Ржи 100 пудовъ по	— 53	коп.
Овса 35 четверт. »	3 р. —	»
Картошки 100 пуд. »	— 13	»
Соломы на	6 р. —	»

— Хлѣбомъ платилъ аренду, тотчасъ же выложилъ. Вотъ такъ оправдаешь годъ и—слава Богу!

— Осталось самому на зиму?

— Голодать не буду. Вѣдь у меня сынъ въ Царскомъ Селѣ работаетъ.

— Много высылаетъ?

— Рублей 75 въ годъ подаетъ. Тамъ тоже они знаютъ, какъ ихъ расходовать-то!

— Почему ты перешелъ на хуторъ?

— Снималъ я раньше землю въ Воскресенскѣ, а теперь, вишь, она отошла банку. Вотъ и приходится бѣжать, гдѣ попросторнѣе. Тѣсно въ деревнѣ-то!

— Много раньше снималъ?

— Рублей на 200—300 въ годъ.

— Лучше здѣсь жить, чѣмъ въ общинѣ?

— Просторнѣе. А вообще не поймешь: голда, колгота, а прибыли особой нѣтъ. Такъ думаю, что даже при среднемъ урожаѣ— трудно что-либо отложить.

— Землю навозишь?

— Вывезъ 20 возовъ... По малости навозимъ!..

Выходя послѣ опросовъ немного вздохнуть, мы со статистиками уже на улицѣ были окружены хуторянами.

— Помощи надо безпремѣнно!..

— Прошенье пишите въ коммиссію.

— Безъ помощи, господа, не обойдешься... Трудно! Вотъ и дѣдушка скажетъ!

— Мнѣ 77 лѣтъ, батюшки,—подошелъ къ намъ старикъ,—я прошеньевъ этихъ написалъ—числа нѣтъ: и въ окружный судъ, и въ съѣздъ писалъ—нигдѣ нѣтъ толку! Только на высочайшее имя Господь не привелъ. Я старшиной былъ; по милости Божьей отъ министра двѣ благодарности получилъ...

— Да ничего мы не можемъ сдѣлать! Толкомъ вѣдь вамъ говорятъ!.. Наше дѣло переписать васъ и—все!

Хуторяне недовѣрчиво посмотрѣли на насъ и начали лѣниво расходиться...

VII.

— Вонъ, они, лизоблюды-то пошли!—говорятъ общественники, показывая на проходящихъ хуторянъ,—имъ, братъ, хорошо—имъ и Дума и коммиссіи всякія, все для нихъ... Они съ голоду не помрутъ!..

— И хорошо, ей Богу, этимъ общественникамъ!—разсуждаютъ хуторяне...—Придутъ за податями—далъ трешку и повременятъ; голодъ—земство поможетъ, а здѣсь все аккуратно въ срокъ подай. Не заплати и полетишь!...

Но «хорошаго» мало, какъ у общественниковъ, такъ и у хуторянъ. Да хуторяне и сами знаютъ, что «трешка» не всегда спасаетъ, примѣръ Зотова на лицо. Но таковы ужъ люди: находясь въ одинаково-тяжелыхъ условіяхъ, они всегда стараются отыскать преимущества въ положеніи другихъ. Не знаю, какъ въ другихъ

мѣстахъ, но крестьянъ Тульской губерніи этотъ годъ наградилъ лишеніями и голодомъ: хуторяне многіе полетятъ съ хуторовъ «турманомъ», а многіе изъ общественниковъ превратятся въ кандидатовъ на хутора. Ежедневно бѣдняки продаютъ земли, проѣдаютъ деньги; зимой же ожидается повальная продажа и разореніе. И все это надѣлалъ несвоевременный дождь! Выпади онъ въ другое время—сколько радости и счастья принесъ бы онъ людямъ!.. А теперь—крестьяне ходятъ, безнадежно опустивъ голову. «Раззоръ! Что тутъ дѣлать? А?! Не иначе, какъ въ Сибирь, либо на хуторъ придется подаваться»!..

Получается порой странный круговоротъ: голодъ заставляетъ мужика продать общинную землю, онъ продаетъ, бѣжитъ въ городъ на заработки; въ городѣ находитъ тотъ же голодъ, ту же, если не большую нищету, тогда онъ «подается» на хуторъ. Черезъ годъ его сгонятъ съ хутора, онъ бѣжитъ снова въ городъ, затѣмъ снова къ землѣ, куда-нибудь въ другую губернію или Сибирь и т. д. Мнѣ приходилось много встрѣчать такихъ «постоянныхъ кочевниковъ», и въ другой разъ я остановлюсь на этомъ явленіи русской жизни подробно. Не всѣ, конечно, попавшіе въ городъ, возвращаются снова къ землѣ: кое-кто находитъ мѣсто; кое-кто наполняетъ ночлежки, питается Христовымъ именемъ, а въ минуты безвыходности крадетъ и грабитъ.

— Ну, укажите! Дайте хоть какой выходъ! Что дѣлать-то?! Нельзя же такъ! Что же это?—Такія фразы приходится въ деревнѣ слышать то и дѣло. Никто, конечно, не можетъ указать «выхода» и научить «что дѣлать». Мужикъ «своимъ умомъ» доходитъ до того или иного рѣшенія.

Иногда «оттягиваетъ гибель», но чаще «гибнетъ». Даже такіе люди, какъ Петръ Васильичъ, на всякой мелочи констатирующіе «просвѣщеніе мужика», и они становятся въ тупикъ передъ сложными вопросами и твердятъ одно: «соображать надо»!

— Соображать-то, соображать, но и ѣсть тоже охота... Пока соображаешь, анъ ноги и протянулъ.

— Ну, думай...

— То то и дѣло, милый другъ, надо думать. Все какъ будто ясно, а ничего не понимаешь!.. Запутали они насъ хуторами, да отрубами... Разобрать ничего нельзя!

И вотъ эта «невозможность разобраться», это отсутствіе перспективъ, «уголъ» — злоба дня современной деревни... Какъ крестьянинъ разберется во всѣхъ вопросахъ деревенской жизни какъ рѣшитъ ихъ—не знаю. Съ мучительнымъ напряженіемъ мужикъ старается «осилить», «предолѣть» путаницу, бросается на хутора, въ собственники—иногда устраивается, а чаще «запутывается» еще больше. Нѣкоторые кончаютъ самоубійствомъ. И это характерно, потому что десять лѣтъ тому назадъ самоубійство въ деревнѣ было исключительнымъ явленіемъ... **Ив. Коноваловъ.**

Піо Бароха.

I.

Трудно назвать въ современной литературѣ другого такого писателя, какъ Піо Бароха, который былъ бы почти неизвѣстенъ за предѣлами родины, хотя дома значеніе его давно уже признано и оцѣнено. Я знаю переводъ только одного романа Піо Бароха, да и то на итальянскій языкъ—«La Scuola de Furbi» (въ оригиналѣ «La Feria de los discretos). Къ этому переводу Амичисъ прибавилъ восторженную статью объ авторѣ. Везинэ, написавшій два года тому назадъ книгу о современныхъ испанскихъ беллетристахъ *), не упоминаетъ даже про Бароху. То же самое дѣлаетъ Кильярде **). Джемсъ Фицморисъ-Келли на послѣдней страницѣ своихъ «Очерковъ испанской литературы» только упоминаетъ, что Бароха «внесъ свѣжую ноту соціальной сатиры» ***). Между тѣмъ, въ лицѣ Барохи мы имѣемъ оригинальнаго беллетриста, пользующагося большой извѣстностью въ Испаніи и въ латинскихъ республикахъ Южной Америки. Еще прежде, чѣмъ мнѣ удалось прочесть хотя бы одинъ романъ Барохи, меня очень заинтересовало одно мѣсто о немъ у Гонсалеса Бланко, автора громадной «Исторіи романа въ Испаніи отъ романтизма до нашихъ дней».

«Если въ современной Испаніи есть романистъ, котораго можно сравнивать съ русскими писателями (я имѣю въ виду романистовъ, произведенія которыхъ преисполнены гуманизма и христіанскихъ чувствъ),—говоритъ Гонсалесъ Бланко,—то это, конечно, Піо Бароха... И въ то же время, не смотря на родство съ знаменитыми писателями возрожденной Россіи, т. е. съ Толстымъ, Достоевскимъ, Гоголемъ и Короленко, Піо Бароха, сильно отличается отъ нихъ въ одномъ отношеніи. Толстой, Гоголь и Короленко глядятъ на міръ съ христіанской точки зрѣнія. Все ихъ сочувствіе къ несчастнымъ и угнетеннымъ основано на ученіи Христа. Бароха же, напротивъ, проникнутъ современными идеями; онъ—послѣдователь Ницше, разрушитель и богоборецъ. Бароха воспитывался въ клиникѣ экспериментальной психологіи и очень часто не питаетъ ровно никакихъ христіанскихъ симпатій къ тѣмъ несчастнымъ и обойденнымъ, которыхъ онъ изображаетъ съ такою силою. Очень часто, какъ человѣкъ, авторъ не только ихъ не любитъ, но даже презираетъ. Бароха интересуется своими отвратительными героями, какъ художникъ... По способности тонко

*) F. Vézinet, «Les Maitres du Roman Espagnol contemporain».
**) «Espagnols et Portugais chez eux».
***) «Chapters on Spanish Literature», p. 251.

изображать психологію бродягъ и падшихъ людей Піо Бароха родственeнъ Короленку,—продолжаетъ Гонсалесъ Бланко,—но отъ знаменитаго русскаго романиста испанскій беллетристъ отличается тѣмъ, что не читаетъ проповѣдей, какъ лютеранскій пасторъ, не громитъ и не обличаетъ. Какъ и Короленка, Бароху мучитъ призракъ втоптанныхъ въ грязь, которыми никто не интересуется и которыхъ всѣ презираютъ: нищихъ, стоящихъ на перекресткахъ, неудачниковъ, выползающихъ изъ своихъ квартиръ и бродящихъ безъ опредѣленной цѣли; богемъ, одержимыхъ великой тоскою и предпринимающихъ вслѣдствіе этого отчаянныя выходки; людей, для хлѣба берущихся за грязныя дѣла, и такъ далѣе. Какъ и Короленко, Бароха простъ и не любитъ вычурности, какъ это и подобаетъ человѣку, изучающему подобныя темы. «Жесты» и манерность глубоко антипатичны Барохѣ. Въ изображеніяхъ испанскаго писателя нѣтъ горечи. Даже тогда, когда онъ ведетъ насъ въ клоаки человѣчества, въ кварталы и жилища нищеты, тряпичниковъ, Бароха никогда не теряетъ grand air художника-аристократа... Бароха не морализируетъ, не дѣлаетъ выводовъ... Онъ избѣгаетъ проповѣдей. И въ этомъ его самая главная заслуга. Ибо онъ знаетъ, какъ былъ бы смѣшонъ докторъ, промывающій язвы, анатомируя трупъ» *).

Читатель видитъ, что ученый испанскій историкъ литературы имѣетъ нѣсколько своеобразное представленіе о русскихъ беллетристахъ. Мнѣ кажется также, что прочитавшій внимательно всѣ романы Піо Бароха не совсѣмъ согласится съ характеристикою его творчества, сдѣланною Гонсалесомъ Бланко. Въ лицѣ Піо Барохи мы имѣемъ крайне интереснаго писателя, который, по всей вѣроятности, будетъ такъ популяренъ у насъ, какъ теперь Бласко Ибаньесъ, хотя они совершенно различны по темпераменту и по міропониманію. Бласко Ибаньесъ—южанинъ. Въ каждомъ произведеніи его чувствуется кипучій, страстный темпераментъ. Піо Барохи—сѣверянинъ, баскъ родомъ. Въ романахъ его отражается печальная, скорбная, чуждая иллюзій, нѣсколько холодная натура горца. Скорбь эта—меньше всего заученная поза. Передъ нами тонкій наблюдатель, холодно смотрящій на добро и зло. Впрочемъ, «добра» онъ видитъ очень мало. Неопытный развѣдчикъ можетъ принять иногда блестки слюды, вкрапленной въ сѣрый камень, за золото. Бароха опытный и знающій развѣдчикъ. Онъ не придетъ въ восторгъ отъ отдѣльныхъ блестковъ. но спокойно подвергнетъ ихъ анализу и покажетъ, что онѣ малоцѣнны. Авторъ много жилъ, много наблюдалъ и много думалъ. И онъ пришелъ къ заключенію, что жизнь можетъ дать только непріятный, тошнотворный привкусъ. Во всѣхъ романахъ своихъ Бароха говоритъ о скукѣ жизни

---

*) A. Gonzales Blanco, «Historia de la novela en Espana desde el romanticismo á nuestros dias. Madrid. 1909. p p. 746—749.

и о той усталости, которую она оставляетъ. Въ этомъ отношеніи Бароха опять представляетъ прямую противоположность Бласко Ибаньесу. Скуку и тошнотворность жизни въ романахъ Барохи чувствуютъ одинаково, какъ люди, живущіе во дворцахъ, такъ и бездомные бродяги и нищіе. И мы увидимъ дальше, что самъ Бароха далъ великолѣпный анализъ происхожденія этой тоски. Передъ нами тѣ же «устранимыя препятствія», которыя я выяснялъ, когда писалъ о романахъ Бласко Ибаньеса. Основной тонъ произведеній Барохи—пессимизмъ.

«Знаніе—врагъ счастья и блаженства,—говоритъ ученый бродяга Эскабедо въ романѣ «La Feria de los discretos». То состояніе мира и спокойствія, которое греческіе философы, въ отношеніи къ организму, называли *euphoria*, а въ отношеніи къ душѣ—*ataraxia*, можетъ быть достигнуто только невѣдѣніемъ. Въ двадцать лѣтъ, поэтому, когда на все у насъ ложный взглядъ, намъ кажется, что въ жизни много блестящихъ цѣлей, къ которымъ можно стремиться. Житейскій театръ кажется намъ тогда сравнительно красивымъ, музыка—пріятной, а игра актеровъ насъ развлекаетъ. Но вотъ дурной инстинктъ знанія побуждаетъ насъ въ одинъ день заглянуть за кулисы. И тогда начинается разочарованіе. Актрисы оказываются некрасивыми. Кромѣ того, онѣ еще печальны и накрашены. Комики, занимавшіе насъ раньше, кажутся глупыми, скучными и пошлыми. Вблизи мы убѣждаемся, что декораціи грубо намалеваны. Оказывается, что все убого, сѣро. Сперва женщины кажутся намъ ангелами; потомъ, когда мы сходимся съ ними,—демонами. И только потомъ, мало-по-малу, мы приходимъ къ заключенію, что онѣ только самки, какъ кобылы или какъ коровы. Впрочемъ, нѣсколько хуже, такъ какъ у женщины еще есть какая-то индивидуальность... И горше всего то,—продолжаетъ Эскабедо,—что насъ постоянно обманываютъ. Намъ говорятъ про дѣйствительность усилій. Насъ убѣждаютъ бороться настойчиво, смѣло, чтобы достигнуть успѣха. И только къ концу жизни мы убѣждаемся, что нѣтъ въ сущности ни борьбы, ни тріумфа, ничего, кромѣ сѣраго прозябанія. Случай тасуетъ нашу судьбу. Счастье невозможно... Искренность? Она невозможна, какъ и счастье. Взрослый человѣкъ или ребенокъ, великій мыслитель или глупецъ, если посмотрятъ на себя въ зеркало, увидятъ передъ собою притворщика» *).

Онъ отошелъ отъ жизни,—не пробудившись отъ прекраснаго сна,—говоритъ своей женѣ одинъ изъ героевъ трилогіи Барохи «La lucha por la vida» по поводу смерти мечтателя Хуана.—Онъ унесъ съ собою прекрасную иллюзію и вѣру, что настанетъ день, когда массы завоюютъ для себя новый міръ, полный чудесъ. Не поднимутся забитые! Никогда не засіяетъ солнце новаго дня.

*) Pio Baroja, «La Feria de los discretos», Capitulo XX.

Мракъ и несправедливость будутъ продолжаться вѣчно. Ни коллективно, ни индивидуально никто никогда не освободится отъ страданій, отъ скуки жизни, отъ сѣраго прозябанія.

— Ложись спать,—сказала Сальвадора мужу, видя его въ такомъ возбужденномъ состояніи. Мануэль чувствовалъ полный упадокъ силъ и легъ. Ему приснился странный и непріятный сонъ. Мануэль увидѣлъ себя на Пуэрта дель Соль *). Праздновалось какое-то рѣдкое и необычное торжество. На носилкахъ несли статуи, на которыхъ значилось: «Истина», «Справедливость», «Братство». Позади шли люди въ синихъ блузахъ и высоко поднимали красное знамя. Мануэль съ изумленіемъ смотрѣлъ на процессію, какъ вдругъ одинъ изъ стражниковъ въ фригійскомъ колпакѣ крикнулъ:

— Сними шапку, товарищъ!

— Что это такое? Какая тутъ процессія проходитъ?—допытывался Мануэль.

— Сегодня праздникъ Анархіи.

Тутъ Мануэль усмотрѣлъ нѣсколько оборванцевъ, въ которыхъ узналъ своихъ пріятелей Мадридца и Освободителя (анархисты, выведенные въ послѣдней части трилогіи). Они кричали: «долой анархію»! И стражникъ въ фригійскомъ колпакѣ гнался за ними и билъ ихъ саблей точно также, какъ и на яву, когда они кричали: «да здравствуетъ анархія! долой буржуазію!» **) Послѣдняя часть трилогіи заканчивается восклицаніемъ Мануэля: «Проклятая жизнь! Весь этотъ міръ надо было бы испепелить»!

Знакомаго съ новѣйшей испанской литературой (т. е. съ тою, которая появилась послѣ Хосе Переды, Хуана Валеры и Переса Гальдоса) поразитъ въ романахъ Піо Барохи, кромѣ пессимизма, еще одна черта. Въ предыдущихъ статьяхъ объ испанской литературѣ я указалъ, что въ ней въ видѣ антитезы презрѣнія къ тѣлу создалось чрезмѣрное прославленіе его. Явилась цѣлая школа «сенсуалистовъ» и «эротиковъ», представители которой, Фелипе Триго, Альбертъ Инсуа, Лопесъ де-Аро, Эдуардо Самакоисъ и др., воспѣваютъ, выражаясь словами современнаго поэта Рубено Даріо,

«Carne, carne celeste de la mujer».

(т. е. «тѣло, божественное тѣло женщины»). Въ своихъ романахъ «эротики» и «сенсуалисты» заходятъ иногда гораздо дальше не только нашихъ модернистовъ, но и французовъ. Мы имѣемъ передъ собою людей съ кипучимъ темпераментомъ юга, а не безсильныхъ неврастениковъ, выросшихъ, на придачу, на холодномъ петербургскомъ болотѣ. Романъ «Mujer Facil» Инсуа — представляетъ собою, по всей вѣроятности, послѣднее слово эротизма въ

*) Центральная площадь въ Мадридѣ.

**) La Lucha por la vida. Aurora Roja. Paginas 354—355.

современной европейской литературѣ (Романъ не талантливый и имѣетъ только симптоматическій интересъ). О характерѣ романовъ «сенсуалистовъ» говорятъ уже одни заглавія: «Memorias de una cortesana» (Записки блудницы), «El Seductor» (Обольститель), «Loca de amor» (Помѣшанная отъ любви), «Incesto» (Кровосмѣшеніе). Это все заглавія романовъ одного и того же автора—Самакоиса. Дань эротизму отдалъ и Бласко Ибаньесъ, спѣшащій, впрочемъ, прибавить, что «La Mujer no es toda la vida»! (Женщина не все въ жизни).—Она не составляетъ даже половины жизни мужчины. Жизнь сама составляетъ самоцѣль». Мистика вообще чужда современнымъ испанскимъ беллетристамъ; но въ эротизмѣ нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до мистицизма. Таковъ Сальвадоръ Руэда, авторъ страннаго романа или, точнѣе, поэмы въ прозѣ—«La Copula» (Совокупленіе).

Въ романахъ Барохи нѣтъ ни одной страницы, противъ которой могъ бы протестовать самый строгій пуританинъ. Въ смыслѣ «сенсуализма» Бароха представляетъ исключеніе среди современныхъ испанскихъ беллетристовъ.

По мнѣнію Барохи, любовь не является единственнымъ прекраснымъ пятномъ на общемъ сѣромъ фонѣ жизни, какъ склонны думать многіе современные пессимисты. Напротивъ, Бароха, вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ, полагаетъ, что, любя, мы исполняемъ только наказъ Воли или Безсознательнаго, глумящихся надъ всѣмъ живымъ. Если вообще у человѣка можетъ быть какая-нибудь цѣль въ жизни, она исчезаетъ совершенно въ семейной жизни. Любовь превращаетъ «Цезаря», имѣющаго широкіе планы, въ сѣраго благополучнаго обывателя. Въ моментъ наивысшаго личнаго счастья «Сесаръ чувствовалъ глубокую тоску. Ему казалось, что въ глубинѣ души его сломалось самое сильное въ его индивидуальности... Въ первые дни своей любви Сесаръ испытывалъ безпрерывное безпокойство. Ему казалось, что нельзя жить постоянно такимъ образомъ; нельзя думать только объ исполненіи желаній женщины. Онъ ждалъ, что должно придти пробужденіе. Но оно не приходило» *).

II.

Какъ почти всѣ испанскіе беллетристы, Піо Бароха прежде всего, реалистъ и бытовой писатель. Въ его произведеніяхъ прежде всего мы находимъ рядъ портретовъ во весь ростъ и сочныхъ жанровыхъ картинъ. Романы Барохи даютъ намъ возможность понять современную Испанію и составить себѣ представленіе о психологіи различныхъ классовъ населенія. Бароха не «сочиняетъ»; онъ не занимается наряжаніемъ манекеновъ въ раз-

*) «Pio Baroja». «Cesar ó nada». Madrid. 1910. Paginas 404—405.

ные символическіе костюмы. И прежде всего я хочу дать представленіе читателямъ о Барохѣ, какъ о бытовомъ писателѣ. Мнѣ придется дѣлать довольно большія выдержки. Бароха не умѣетъ создавать такихъ яркихъ типовъ, какъ Бласко Ибаньесъ. Онъ не старается, впрочемъ, даже дѣлать это. Бароха глубоко убѣжденъ, что личность тонетъ въ сѣромъ человѣческомъ потокѣ, поэтому надо вообще изображать прежде всего этотъ потокъ. Затѣмъ Бароха импрессіонистъ и рисуетъ широкими мазками. Какъ японскій художникъ, онъ умѣетъ передать цѣлую картину двумя-тремя штрихами. И при всемъ томъ портретная галлерея старой и новой Испаніи, представленная въ романахъ Барохи, очень велика. Вотъ, напр., оригинальная фигура педагога. Онъ слѣпо вѣрилъ въ старинный принципъ испанскихъ монаховъ: «чтобы науку понять, надо драть» (La letra con sangre entra). «Наружность у домине Пиньюсла была замѣчательная: толстый, красный и распухшій носъ, толстыя губы, большіе, мутные, выпученные, вѣчно слезящіеся глаза. На учителѣ былъ узкій, длинный сюртукъ, когда-то черный, теперь засаленный и съ воротникомъ, покрытымъ перхотью, узкіе панталоны съ мѣшками на колѣняхъ и черная ермолка. Пиньюсла признавалъ только латинскій языкъ, риторику и каллиграфію. Система преподаванія заключалась въ раздѣленіи всего класса на двѣ группы: на Римъ и на Карѳагенъ. Затѣмъ и въ римлянъ и въ карѳагенянъ одинаково вколачивалась латинская грамматика. Дѣлалось это при помощи пощечинъ, плетки, трости и длиннаго кожанаго мѣшечка, наполненнаго дробью. Пиньюсла обучалъ старинной испанской калиграфіи, т. е. училъ, какъ выводить острыя буквы. Для этого надобно было очинять перья особымъ образомъ. И тутъ Пиньюсла рѣшительно не имѣлъ соперниковъ... Домине Пиньюсла, съ перомъ за ухомъ, мѣрилъ шагами классъ. И если замѣчалъ, что кто-нибудь изъ ребятишекъ не учится или не выводитъ достаточно острыхъ хвостиковъ у буквы, то билъ виновника тростью или кожанымъ мѣшечкомъ.

— Ты шалишь!—бормоталъ онъ.—Я тебѣ дамъ шалить!

Болѣе серьезные проступки домине каралъ плеткой. Но такъ какъ родители наказанныхъ ребятишекъ являлись въ школу и требовали, чтобы плеть больше не примѣнялась, то домине Пиньюсла утверждалъ, что Испанія вырождается и гибнетъ» *).

Таковы педагоги, въ рукахъ которыхъ, вслѣдствіе усилій духовенства, находится дѣло народнаго воспитанія въ Испаніи. Каждая попытка замѣнить «домине Пиньюслу» болѣе подходящимъ педагогомъ, встрѣчается воплями со стороны духовенства, что «атеисты и масоны» хотятъ погубить подрастающее поколѣніе.

Вотъ оригинальный типъ поэта-бродяги, по прозвищу Корнего, котораго нанимаютъ для сочиненія пасквилей и для распро-

**) Ib., pagina 235.

страненія ихъ черезъ посредство маленькой кордовской газетки *La Vibora* (Гадюка).

«Поэтъ похожъ былъ на линя. Глаза у него были тусклые, какъ у заснувшей рыбы. На немъ были очень короткія панталоны въ желтыхъ и черныхъ клѣткахъ. Въ рукѣ поэтъ носилъ трость, ставшую до того короткой отъ времени, что надо было нагнуться, чтобъ опереться на нее... Корнего питался, главнымъ образомъ, алкоголемъ и тщеславіемъ... Всю жизнь онъ провелъ, проходя изъ таверны въ таверну, декламируя тамъ стихи Эспронседы или Соррильи. Въ кабакахъ же онъ сочинялъ свои романсы, мадригалы и свирѣпыя стихотворенія, въ которыхъ увѣрялъ, что любитъ только одну жидкость—кровь, одинъ запахъ—кладбища и одинъ звукъ—вой бури» *).

Въ томъ же романѣ мы находимъ рядъ яркихъ и сочныхъ фигуръ прошлаго: тутъ бѣшеные бретеры, бандиты, представители вырождающихся древнихъ родовъ и пр. Но историческая Испанія занимаетъ Бароху только мимоходомъ. Главнымъ образомъ онъ интересуется современной Испаніей и изображаетъ ее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Мы видимъ передъ собою нравственно обанкротившійся строй, поддерживаемый только силой. Правосудіе превратилось въ отвратительный фарсъ. «Въ Мадридѣ есть дворецъ съ громадными залами и длинными галлереями, въ которыхъ во всѣхъ углахъ видны распятія. Онъ принадлежитъ старой, родовитой женщинѣ, исполняющей самую важную и наиболѣе суровую функцію современнаго общества. Старуха облачена въ черную тогу и такой же беретъ; говоритъ она важно и серьезно. Сидя подъ распятіемъ, она дѣлаетъ выговоры и присуждаетъ къ наказаніямъ. Когда-то ея предкомъ на Олимпѣ была суровая, нелицепріятная жена съ завязанными глазами. Старуха представляетъ собою гарпію, съ глазами рыси, толстымъ брюхомъ, бездоннымъ желудкомъ и съ цѣпкими когтями. На Олимпѣ женщина съ завязанными глазами обсуждала каждый случай и была окружена безсмертными. Теперь старуха, вмѣсто того, чтобъ обсуждать, заглядываетъ въ книгу, имѣющую больше толкованій, чѣмъ Библія. Вмѣсто безсмертныхъ, старуху окружаютъ попы, альгвазилы, секретари, обвинители, знаменитые адвокаты и адвокаты начинающіе и вообще люди почтенные и благонамѣренные. У этой старухи безчисленная свита во главѣ которой стоятъ столпы государства, а въ концѣ—палачъ» **).

«Старуха» очень лицепріятна. У нея разныя названія для однихъ и тѣхъ же поступковъ, смотря по тому, кто ихъ дѣлаетъ. Въ одномъ случаѣ они называются преступленіями и кара-

*) «Aurora Roja», paginas 209—210.

**) «La Feria de los discretos», paginas 38—39.

ются лишеніемъ свободы или даже отнятіемъ жизни. Въ другихъ случаяхъ тѣ же поступки удостаиваются похвалы. Даже въ томъ случаѣ, когда, по опредѣленію старухи, поступокъ именуется преступленіемъ, онъ не всегда наказывается. Все зависитъ отъ того, имѣются ли у преступника богатые и вліятельные друзья. Съ другой стороны, „старуха“ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы невинный, арестованный совершенно случайно и не имѣющій вліятельныхъ друзей, пошелъ на каторгу. Совершено убійство игрока и сутенера Виндаля, имѣющаго сильныхъ покровителей. По подозрѣнію арестовали ни въ чемъ неповиннаго юношу Мануэля, двоюроднаго брата убитаго. У судебнаго слѣдователя Мануэль даетъ подробныя показанія про ту жизнь, которую велъ убитый, причемъ сообщаетъ о титулованныхъ содержателяхъ игорныхъ домовъ и о начальникѣ полиціи, покровительствующемъ мошенникамъ. Судебный слѣдователь доволенъ тѣмъ, что предстоитъ важный процессъ. Но черезъ часъ заинтересованные люди знали уже, что Мануэль далъ показанія. „Черезъ нѣсколько часовъ судебный слѣдователь получилъ три письма. Раскрывъ ихъ, онъ позвонилъ.

— Кто принесъ эти письма?—спросилъ онъ у явившагося слуги.

— Лакей.

— Есть ли здѣсь кто-нибудь изъ полицейскихъ агентовъ?

— Да, Гарро.

— Зови его сюда.

Вошелъ агентъ и приблизился къ столу.

— Въ этихъ письмахъ,—сказалъ слѣдователь,—говорится о показаніяхъ, данныхъ молодымъ арестантомъ. Какимъ образомъ кто-нибудь могъ узнать про это?

— Не знаю.

— Юноша говорилъ съ кѣмъ нибудь?

— Ни съ кѣмъ,—спокойно отвѣтилъ Гарро *).

— Въ этомъ письмѣ министръ, подъ давленіемъ двухъ дамъ, которымъ не можетъ отказать, совѣтуетъ мнѣ похоронить все дѣло. Какой интересъ могутъ находить пріятельницы министра въ этомъ дѣлѣ?

— Не знаю. Будь мнѣ извѣстно ихъ имя, тогда, вѣроятно, догадался бы.

— Одна изъ нихъ сеньора де-Браганса, другая—Маргарита де-Бусидія.

— Кажется, понимаю. Собственники игорнаго дома, гдѣ служилъ арестованный юноша, заинтересованы въ томъ, чтобы не было лишнихъ разговоровъ про ихъ клубъ. Одна изъ собствен-

*) Именно этотъ агентъ ввелъ незадолго до того въ камеру арестованнаго шулера высокой марки, находящагося подъ спеціальнымъ покровительствомъ.

ницъ—полковница. Она просила дамъ, а дамы обратились къ министру.

— Что общаго между полковницей и пріятельницами министра?

— Полковница даетъ деньги въ ростъ. Сеньора де-Браганса подписала фальшивый вексель отъ имени своего мужа. Документъ въ рукахъ полковницы.

— А маркиза?

— Тутъ другое дѣло. Вы знаете, вѣроятно, что ея возлюбленнымъ былъ недавно Рикардо Саласаръ.

— Бывшій депутатъ?

— Онъ самый... Отчаянный мошенникъ. Годъ или два тому назадъ, когда связь между маркизой и Рикардо была еще недавняго происхожденія, дама время отъ времени получала записки такого содержанія: «У меня въ рукахъ письмо, посланное вами любовнику. Оно можетъ васъ сильно скомпрометировать, какъ можете судить по слѣдующей выдержкѣ. Если не пришлете мнѣ тысячу песетъ, то отправлю письмо вашему мужу». Испуганная маркиза платила. Такъ было разъ шесть, покуда по совѣту одной пріятельницы, дѣйствовавшей по указанію своего возлюбленнаго—депутата, задержали человѣка, явившагося съ запиской. Оказалось, что посылалъ его никто иной, какъ Рикардо Саласаръ.

— Возлюбленный?

— Онъ самый.

— Вотъ такъ рыцарь!

— Когда маркиза поссорилась съ Рикардо...

— По поводу того, что раскрылось дѣло съ записками?

— Нѣтъ. Это маркиза простила. Ссора произошла изъ-за того, что Рикардо требовалъ денегъ, которыхъ маркиза не могла или не хотѣла дать. Саласаръ былъ долженъ полковницѣ три тысячи дуросъ (15 тысячъ франковъ). И наконецъ она предложила Рикардо: «дайте мнѣ письма маркизы, и я возвращу вамъ вексель». Рикардо согласился. И вотъ теперь маркиза всецѣло находится въ рукахъ у полковницы и у ея сообщниковъ.

Слѣдователь всталъ и нѣсколько разъ молча прошелся по кабинету.

— Кромѣ того, мнѣ пишетъ еще редакторъ газеты «El Popular». Онъ проситъ прекратить дѣло. Какое отношеніе существуетъ между игорнымъ домомъ и газетой?

— Издатель тоже одинъ изъ собственниковъ.

— Какъ тутъ заботиться о правосудіи?—бормоталъ судебный слѣдователь.

Въ глазахъ Гарро блеснулъ ироническій огонекъ» *).

Полицейскій агентъ не счелъ нужнымъ сказать судебному слѣдователю, что въ дѣлахъ игорнаго дома и «полковницы» заинтересованы

*) Pio Baroja, «Mala Hierba», paginas 325—327.

также не только высокіе представители министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, но даже и члены двора. И выпущенный на свободу Мануэль, случайно заглянувшій въ «царство правосудія», «чувствуетъ глухое раздраженіе противъ всего міра. Раздраженіе перешло потомъ въ отвращеніе. Онъ ненавидѣлъ людей и порядокъ, созданный ими.

— Скажу тебѣ правду! — заканчиваетъ Мануэль, когда передалъ о своихъ приключеніяхъ своему товарищу по типографіи, по прозвищу Хесусъ.—Я хотѣлъ бы, чтобы цѣлую недѣлю падалъ съ неба градъ динамитныхъ бомбъ и чтобы потомъ пустился Богъ-отецъ и превратилъ въ пепелъ все.

Хесусъ слушалъ внимательно Мануэля.

— Ты—анархистъ,—сказалъ онъ.

— Я?—переспросилъ крайне изумленный Мануэль.

— Да, ты. Я тоже анархистъ» *).

Еще большее болото, чѣмъ правосудіе, представляетъ собою политика въ Испаніи. Даже честные люди, искренно желающіе служить родинѣ и имѣющіе широкіе планы, борясь съ политическими противниками, не останавливающимися ни передъ какимъ мошенническимъ пріемомъ, вынуждены перенять у своихъ враговъ нѣкоторые методы борьбы.

«Ты прибѣгаешь къ варварской политикѣ, — говоритъ Алсугарки своему пріятелю Цезарю, выступающему на выборахъ въ провинціальномъ городѣ Кастро Дуро.

— Это—единственная возможная политика,—отвѣчаетъ за Цезаря мѣстный дѣятель докторъ Ортигоса.—Наша политика научная. Это—бандитство, возведенное въ философію. Мы играемъ въ политическіе шахматы съ падре Мартиномъ (вождемъ консервативной партіи въ Кастро Дуро) и его друзьями. Посмотримъ, нельзя ли выиграть эту партію.

— Все такъ. Но можно ли пользоваться услугами наемныхъ громилъ?

— Милый другъ, — вставилъ Цезарь, — въ политикѣ нельзя иначе. Честный политическій дѣятель головой касается облаковъ, т. е. онъ думаетъ о спасеніи родины и о возрожденіи народа. Ноги же постоянно находятся въ грязи. Въ настоящее время политическій дѣятель, какъ бы онъ ни былъ честенъ, вынужденъ имѣть дѣло съ гадинами.

— Не говоря уже о томъ, что мы только беремъ методы, придуманные нашими противниками, — сказалъ Ортигоса, — мы не должны питать угрызеній совѣсти еще вотъ почему. Населеніе Кастро Дуро для насъ является тѣмъ же, чѣмъ морскія свинки для экспериментатора. Мы должны продѣлать соціальный опытъ» **).

---

*) «Mala Hierba», pagina 357.

**) Pio Baroja, «Cesar ó nada», pagina 394.

Только въ Испаніи мы видимъ такую группировку политическихъ силъ, какую изображаетъ Бароха въ романѣ, изъ котораго я только что сдѣлалъ выдержку. «Цезарь основалъ въ Кастро Дуро газету, которую назвалъ «Свобода». Душой ея явился докторъ Ортигоса (анархистъ). «Газета отражала интересы всѣхъ прогрессивныхъ группъ въ городѣ, отъ сторонниковъ либеральной монархіи до анархистовъ» *).

Но политическіе враги Цезаря умѣютъ лучше использовать нечестные пріемы. На сторонѣ враговъ правительство, духовенство и мѣстные «касики» (воротилы). Не было никакой возможности начать правильную выборную кампанію въ Кастро Дуро и въ окружныхъ деревняхъ. Цезарь поэтому рѣшилъ устроить центръ пропаганды возлѣ каждаго мѣста для голосованія.

Митинги въ деревняхъ разгонялись. Полиція и гражданская гвардія пользовались малѣйшимъ предлогомъ, чтобы войти въ помѣщеніе, гдѣ собрались либеральные избиратели, и разогнать ихъ прикладами. Если предлогъ не находился, то полиція разгоняла митинги и безъ предлога. Газета не могла сказать ни слова о всѣхъ этихъ злоупотребленіяхъ: нумера немедленно конфисковались. Цезарь не посылалъ въ Мадридъ протестующихъ телеграммъ, но работалъ молча и настойчиво. Онъ намѣренъ былъ пустить въ ходъ всѣ средства, до обмана и взятокъ включительно.

Гарсіа Падилья (консервативный кандидатъ) и правительство нашли, что методъ Цезаря гораздо болѣе опасенъ для нихъ, чѣмъ протесты. Цезарь предложилъ уплатить сто песетъ каждому, кто обнаружитъ и докажетъ какую-нибудь уловку, пущенную въ ходъ противникомъ во время выборовъ. Въ одной изъ курій, гдѣ большинство избирателей было за Цезаря, сторонники консерватора ночью перемѣнили табличку съ номеромъ надъ домомъ, въ которомъ происходило голосованіе. Сторонники Цезаря напрасно искали домъ, а въ это время сторонники консерватора наполнили избирательныя урны своими записками. Въ деревнѣ Валь де Санъ Хиль консерваторы придумали другую уловку. Мѣстомъ для голосованія назначили сѣновалъ, на который надо было взбираться по узкой лѣстницѣ. Покуда подозрѣваемые сторонники Цезаря стояли внизу и дожидались, чтобы приставили лѣстницу, консерваторы поднимались по другой лѣстницѣ. Когда, наконецъ, лѣстница явилась и крестьяне начали взбираться на сѣновалъ, начальство, сидѣвшее у урнъ, заявило, что голосовать больше нельзя, такъ какъ ящики уже наполнились. Такъ какъ по узкой лѣстницѣ избиратели могли подниматься только въ одиночку, то никто изъ нихъ не рѣшился протестовать. Кромѣ того, на сѣновалѣ у избирательныхъ ящиковъ стояли вооруженные

*) Ib. p. 432.

палками и пистолетами громилы, готовые избить или застрѣлить протестанта.

И, не смотря на все это, Цезарь былъ увѣренъ, что побѣда останется за нимъ, если только правительство прямо не пойдетъ на какое-нибудь грубое и открытое нарушеніе всѣхъ законовъ. Въ послѣдній моментъ Цезарь узналъ, что правительство прислало въ Кастро Дуро новый отрядъ гражданской гвардіи и что представители центральной власти получили приказъ во что бы то ни стало содѣйствовать побѣдѣ Гарсіи Падильи. Въ субботу вечеромъ Цезарю сказали, что делегатъ и начальникъ полиціи находятся въ тавернѣ, гдѣ раздаютъ пропойцамъ подложныя избирательныя записки. Цезарь немедленно поѣхалъ въ таверну. При видѣ Цезаря консервативный кандидатъ смутился.

— Я знаю, что вы здѣсь дѣлаете,—началъ Цезарь.—Берегитесь. Вы за это можете пойти на каторгу *).

— Если кто пойдетъ на каторгу, такъ это вы!—крикнулъ начальникъ полиціи.—Посмѣйте только арестовать меня.

Начальникъ полиціи поднялся изъ-за стола и вышелъ, обронивъ на полъ одну изъ подложныхъ избирательныхъ записокъ. Цезарь обратилъ вниманіе на людей, сопровождавшихъ начальника полиціи, и въ одномъ изъ нихъ узналъ «Чиспина» (Искрякъ). Незадолго до того «Искрякъ», назвавшій себя анархистомъ, явился къ Цезарю и предложилъ агитировать за него. «Искрякъ» оказался начальникомъ агентовъ, посланныхъ правительствомъ въ Кастро Дуро» **). На другой день, когда избиратели устроили тайное собраніе (митинги разгонялись немедленно полиціей), они узнали, что главные дѣятели радикальной партіи, и въ томъ числѣ редакторъ «Свободы», докторъ Оргигоса, арестованы. Узнали еще избиратели, что заключенныхъ жестоко избили въ тюрьмѣ. И эти извѣстія превращаютъ мирныхъ избирателей въ сторонниковъ самыхъ крайнихъ мѣръ.

«Возбужденіе среди собравшихся достигло крайняго напряженія. Хромоножка предлагалъ немедленно организовать нападеніе на тюрьму. Послѣ того, какъ высказались многіе ораторы, поднялся Цезарь и предложилъ всѣмъ обождать до слѣдующаго дня. Онъ торжественно обѣщалъ, что, если завтра побѣдитъ на выборахъ, заключенные будутъ немедленно освобождены. Если же другая сторона одержитъ верхъ...

— То что же тогда дѣлать?—спросилъ кто-то.

— Что дѣлать? Я тогда самъ выскажусь за самыя крайнія мѣры: за поджогъ тюрьмы, за вооруженное возстаніе. Я соглашусь на все...

---

*) Цезарь—человѣкъ очень богатый, съ большими связями въ Мадридѣ и въ Ватиканѣ, гдѣ дядя его—одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ кардиналовъ.

**) «Cesar ò nada». Paginas 447—449.

— Первая обязанность смѣлаго человѣка—нарушать несправедливый законъ!—крикнулъ кто то.—Надо сейчасъ же устроить нападеніе на тюрьму» *)!

Цезарю удается успокоить своихъ друзей. Надо прежде испробовать всѣ законныя средства,—говоритъ онъ.

На другой день въ Цезаря, объѣзжающаго въ автомобилѣ своихъ избирателей, стрѣляетъ изъ окна публичнаго дома громила, только что возвратившійся съ каторги и нанятый политическими противниками кандидата. Цезарь тяжело раненъ. Наиболѣе пылкіе друзья его пробуютъ устроить возстаніе, но попадаются въ руки провокатора, который всѣхъ ихъ предаетъ. Безъ Цезаря правительство ужъ смѣло пускаетъ въ ходъ насиліе и поджогъ, чтобы добиться избранія консервативнаго кандидата.

«Извѣстія о ходѣ выборовъ съ каждымъ часомъ становились все хуже и хуже. Сторонники Гарсіи Падильи, зная, что Цезарь Монкада тяжело раненъ, творили ужасы. Въ куріяхъ въ Бильяміель прогнали сидящихъ у урнъ друзей Цезаря. «Касики» завладѣли урнами и записками. Въ Санта Инесъ избиратели высказались за Цезаря, но на предсѣдателя выборовъ напали шесть человѣкъ, отняли у него протоколы, поддѣлали цифры въ нихъ и доставили въ такомъ видѣ въ городскую ратушу. Въ Пералеко (одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ мѣстныхъ сторонниковъ Цезаря) всадили десятокъ пуль. Многіе агенты Цезаря, узнавъ, что его дѣло погибло, поспѣшили перейти на другую сторону». На выборахъ побѣдилъ Падилья. И въ тотъ же вечеръ на банкетѣ въ честь побѣдителя прокуроръ хвалилъ «энтузіазмъ и лояльность, проявленныя населеніемъ при защитѣ праведнаго дѣла».

«Мы никогда не допустимъ,—сказалъ ораторъ,—чтобы авантюристы, не признающіе ни религіи, ни отечества, тревожили жизнь нашего дорогого города. Мы станемъ защищать всѣми средствами дорогія намъ традиціи. Мы не допустимъ, чтобы въ Кастро Дуро народилась гидра анархіи. И, если она народится и подниметъ голову, мы растопчемъ ее. Когда люди отвертываются отъ Бога, когда открыто проповѣдуются мятежъ и развратъ, когда не признаются ни человѣческая, ни божеская власть, всѣ честные люди должны грудью стать за традиціи. Мы прежде всего католики и испанцы, поэтому не допустимъ, чтобы анархисты, масоны и святотатцы завладѣли нашимъ благословеннымъ краемъ, уничтоживъ священныя права нашей общей матери-церкви.

— Да здравствуетъ святая церковь!—крикнулъ одинъ изъ священниковъ».

«Теперь въ Кастро Дуро снова царствуетъ порядокъ,—говоритъ единственное періодическое изданіе, выходящее здѣсь—консервативный еженедѣльникъ. Источники изсякли и школа закры-

*) Ib. p. 450.

лась. Ежегодно сотни людей эмигрируютъ. Но Кастро Дуро живетъ согласно священнымъ традиціямъ и принципамъ, не дозволяя авантюристамъ безъ вѣры и отечества посягать на права церкви. Городъ спитъ въ пыли, въ нечистотахъ, залитый солнцемъ, его окружаютъ поля, безплодныя вслѣдствіе отсутствія орошенія» *). «Кастро Дуро» это, конечно, символическое изображеніе всей Испаніи, какъ въ драмѣ Гальдоса героиня *Электра*, имя которой носитъ пьеса.

III.

Современныхъ испанскихъ писателей не можетъ увлечь мысль, что вѣра возродитъ ихъ родину. Они слишкомъ хорошо знаютъ для этого церковь и слишкомъ близко наблюдаютъ взрывы фанатической вѣры. Во всѣхъ странахъ защитники стараго порядка любятъ говорить о древнемъ благочестіи. Очень часто это только одни пустыя слова. Даже поверхностное знакомство съ исторіей показало бы такимъ защитникамъ старины, что церковь никогда не пользовалась сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ. Были крѣпки обряды. Было сильно суевѣріе, но не вѣра, какъ творческое и моральное начало. Въ Испаніи такое „древнее благочестіе" дѣйствительно было и довело великую страну до полной гибели и геніальный народъ до одичанія. Піо Бароха, какъ и другіе современные испанскіе беллетристы, показываетъ намъ полное банкротство вѣры. Наиболѣе искренніе и честные бѣгутъ изъ церкви. „El semenario es una porqueria completa!" (Семинарія—одна мерзость)—восклицаетъ молодой Хуанъ, который скоро долженъ стать священникомъ. Онъ заявляетъ пріятелю, что не возвратится больше въ семинарію.

— Почему?—спрашиваетъ изумленный пріятель.

— Потому что я рѣшилъ не быть священникомъ.

Юноша опустилъ на землю палочку, которую стругалъ, и съ изумленіемъ взглянулъ на говорившаго.

— Но ты съ ума сошелъ, Хуанъ?

— Нѣтъ, я не безумный, Мартинъ.

— Ты не намѣренъ возвратиться въ семинарію?

— Нѣтъ.

— Что же ты будешь дѣлать?

— Что придется. Все будетъ лучше, чѣмъ стать священникомъ. У меня нѣтъ призванія.

— Ну, вотъ еще! Призваніе! Призваніе! Да развѣ у меня оно есть?

— Но я не вѣрю больше.

— А развѣ нашъ ректоръ падре Пульпонъ вѣритъ?...—Мартинъ пожалъ даже плечами.

---

*) «Cesar ó nada». Paginas 458—463.

— Падре Пульпонъ по натурѣ своей бандитъ, а по пріемамъ— мошенникъ—отвѣтилъ Хуанъ.—Я не хочу обманывать людей, какъ онъ.

— Вѣдь надо жить чѣмъ-нибудь, другъ мой! Будь у меня деньги, развѣ я сталъ бы священникомъ? Нѣтъ. Я отправился бы въ деревню, завелъ бы землю и пахалъ бы ее, какъ говоритъ Горацій: „Paterna rura bobus exercet suis". Но у меня—ни гроша. Моя мать и сестры ждутъ не дождутся, когда, наконецъ, постригутъ. Что бы я дѣлалъ на волѣ? Что ты будешь дѣлать?

— Мое рѣшеніе твердо. Ни за что не вернусь въ семинарію.

— Чѣмъ ты станешь жить?

— Не знаю. Свѣтъ великъ.

— Ты говоришь глупости. Ты—лучшій студентъ, получаешь стипендію, не имѣешь родныхъ. Профессора всѣ хорошо къ тебѣ относятся. Ты можешь легко стать докторомъ богословія, потомъ каноникомъ и, кто знаетъ, быть можетъ, даже епископомъ.

— Пусть мнѣ обѣщаютъ, что сдѣлаютъ папой, я все же не возвращусь въ семинарію.

— Но почему?

— Потому что не вѣрю, не вѣрю и никогда больше не буду вѣрить»! *).

Помирившіеся съ „мерзостью" и ставшіе служителями культа, оставаясь атеистами,—являются самыми ревностными защитниками вѣковыхъ „традицій".

— Вамъ католическая мораль представляется абсурдомъ и ложью,—говоритъ Цезарю падре Мартинъ, одинъ изъ вождей католической партіи въ Кастро Дуро.

— Да, именно такъ.

— Вы не обсуждаете даже, справедливъ ли или нѣтъ католицизмъ. Вы его считаете гибельной доктриной, ведущей народъ къ гибели! Мнѣ передали, что именно такъ вы выразились.

— Вѣрно. Вамъ правильно передали мои слова.

— Въ такомъ случаѣ мы рѣзко расходимся во взглядахъ. Католицизмъ полезенъ. Католицизмъ дѣйствителенъ.

— Для чего? Чтобъ жить?

— Да.

— Нѣтъ. Онъ пригоденъ для смерти. Гдѣ католицизмъ, тамъ руины и нищета.

— Но въ Бельгіи, напримѣръ, нѣтъ руинъ.

— Несомнѣнно; но въ этой странѣ католицизмъ другой, чѣмъ въ Испаніи... Вамъ умственное и нравственное положеніе Кастро Дуро нравится? не такъ ли?

— Да.

— А мнѣ оно кажется ужаснымъ. Мы видимъ здѣсь голодъ,

---

*) «Aurora Roja», paginas 7—9.

нищету, гнусные пороки, одичаніе... Вы полагаете, что все должно остаться, какъ раньше. Не правда ли?

— Совершенно вѣрно.

— Вы меня считаете смутьяномъ и врагомъ общественнаго порядка... То, что вы находите великолѣпнымъ, мнѣ кажется отвратительнымъ, животнымъ, мерзкимъ.

— Понимаю! Какъ доброму революціонеру, вамъ все дѣйствительное противно. Вы желаете измѣнить жизнь въ Кастро Дуро и думаете, что это вамъ по силамъ одному!

— Нѣтъ, я буду дѣйствовать съ другими.

— То есть, вы съ другими внесете къ намъ анархію.

— Я внесу анархію? Нѣтъ. Я внесу порядокъ. Я хочу покончить съ анархіей, царствующей въ Кастро.

— И по какому праву вы станете дѣйствовать?

— По праву сознанія, что сила теперь на моей сторонѣ.

— Хорошо! Если вы окажетесь болѣе слабымъ, не посѣтуйте, если мы злоупотребимъ силой.

— Сѣтовать? Но вѣдь вы и безъ того много вѣковъ дѣлали то же самое. Теперь мы говоримъ и протестуемъ, но повелѣваете вы.

— Мы препятствуемъ, чтобы совершились безумства. Мы возстаемъ противъ утопій. Неужели вы думаете разрѣшить вопросъ о землѣ и капиталѣ? Думаете ли вы, что возможно дать сексуальному вопросу другое значеніе, чѣмъ дали мы? Докторъ Ортигоса говоритъ въ „Свободѣ“ о новомъ обществѣ, въ которомъ не будетъ ни несправедливости, ни неравенства. Раздѣляете ли вы мысли Ортигосы? Если да, то я нахожу, что вы задумали безумное дѣло, крайне трудно осуществимое.

— Я тоже думаю, что трудно. Но надо попытаться.

— Но можете ли вы ввести такую гармонію, такой порядокъ, какія создалъ католицизмъ за двадцать вѣковъ своего существованія?

— Мы установимъ лучшую гармонію.

— Неужели? Сомнѣваюсь!

— То же самое, что и вы, говорили христіанамъ язычники; но только съ бóльшимъ правомъ, потому что христіанство по отношенію къ язычеству было шагомъ назадъ.

— Этотъ пунктъ я не могу даже обсуждать съ вами,—сказалъ падре Мартинъ, приподнимаясь. Цезарь тоже всталъ.

— Не смотря на все, —продолжалъ падре Мартинъ,—я васъ уважаю, потому что у васъ есть твердыя убѣжденія. Но я васъ считаю опаснымъ, и меня порадуетъ, если удастся васъ удалить изъ Кастро Дуро.

— Такимъ же образомъ порадуюсь я, когда васъ удалятъ, какъ больной зубъ.

— Значитъ, мы открытые и честные враги.

— Честные! Къ чему это слово? Вѣдь мы готовы причинить другъ другу возможный вредъ!

— Во всякомъ случаѣ я готовъ!—съ твердостью сказалъ падре Мартинъ.—Буду дѣйствовать всѣми средствами... Вы ведете опасную игру.

— Она одинаково опасна, какъ для меня, такъ и для васъ,—сказалъ Цезарь.

— Ставкой служитъ ваша голова.

— Что жъ? Я поставилъ и выиграю.

Падре Мартинъ поклонился и съ дѣланной улыбкой вышелъ изъ комнаты» *).

Мы видѣли уже, что Цезарь теряетъ игру, которую ведетъ въ символическомъ Кастро Дуро.....

Въ произведеніяхъ Барохи, а въ особенности въ трилогіи „La Lucha por la Vida“ (Борьба за жизнь) мы имѣемъ еще безконечную серію своеобразныхъ типовъ, которая дала критику Гонсалесу Бланко основаніе сравнить испанскаго беллетриста съ В. Г. Короленкомъ. Я говорю о «подонкахъ»: тутъ воры всѣхъ категорій, убійцы, нищіе, словомъ, всѣ лишніе въ современномъ строѣ. Пio Бароха часто бываетъ символистомъ, какъ въ романѣ «Cesar ó nada»; но онъ всегда остается реалистомъ въ томъ смыслѣ, что никогда не облечетъ своихъ героевъ въ такой нарядъ, какого они никогда не носятъ въ жизни. Бароха не дѣлаетъ такой грубой художественной ошибки, какъ Максимъ Горькій, одѣвшій своихъ символическихъ героевъ и сверхъ-человѣковъ русскими хулиганами и босяками. Испанскіе «босяки» грубы, мелки душой, жалки, порой—отвратительны; но въ цѣломъ они удивительно дополняютъ ту символическую картину, которую рисуетъ Піо Бароха. «El color de la vida es siempre gris» (цвѣтъ жизни всегда сѣрый),—могъ бы сказать Бароха вмѣстѣ со своимъ современникомъ Бенавентой.

IV.

Естественнымъ результатомъ такого порядка дѣла, какой изображаетъ Піо Бароха (вмѣстѣ съ другими испанскими романистами), порядка, при которомъ церковь, судъ, правительство, семья и прочіе институты представляютъ собою сплошной обманъ,—является отрицаніе порядка: общій анархизмъ во всѣхъ сферахъ и во всѣхъ классахъ. Въ романахъ Барохи мы находимъ богатую коллекцію анархистовъ всякаго рода и всякихъ цвѣтовъ: красныхъ, бѣлыхъ и черныхъ. Анархистами являются открытые враги установленнаго порядка; но анархистами выступаютъ также профессіональные защитники установленныхъ институтовъ, т. е. тѣ, которые обли-

*) Pio Baroja. «Cesar ó nada». Paginas 437—441.

чаютъ красныхъ анархистовъ, ловятъ ихъ, судятъ и подаютъ имъ распятіе на эшафотѣ. Профессіональные защитники старыхъ институтовъ сами не вѣрятъ въ то, что проповѣдуютъ и защищаютъ. Культъ, государство, судъ, семья—все это подрыто. Подкопали фундаменты старыхъ институтовъ не кто иные, какъ профессіональные ихъ защитники. Лицепріятный судъ, который по одному и тому же дѣлу оправдываетъ или осуждаетъ по указанію правительства,—подрываетъ въ глазахъ всего населенія всякое уваженіе къ законности. Другими словами, анархисты въ тогахъ и судейскихъ беретахъ дѣйствительно взрываютъ государство, тогда какъ красные анархисты своими бомбами могутъ убить только нѣсколько несчастныхъ случайныхъ прохожихъ. Священники и монахи, превращая церковь въ полицейскій участокъ, неизмѣримо успѣшнѣе разрушаютъ въ глазахъ населенія культъ, чѣмъ могли бы сдѣлать это своими брошюрами всѣ красные анархисты, взятые вмѣстѣ. Всѣ испанцы, по словамъ Барохи, анархисты въ томъ смыслѣ, что отрицаютъ тѣмъ или другимъ способомъ существующій порядокъ. «Крайне интересно, что анархическіе инстинкты присущи всѣмъ испанцамъ»,—констатируетъ одинъ изъ героевъ Барохи *). Старый порядокъ сгнилъ. Защитники его ни во что не вѣрятъ. Онъ можетъ держаться только вслѣдствіе трусости и слабости общества. Съ одной стороны—мертвые принципы, а съ другой—«общество, состоящее изъ евнуховъ». «У него нѣтъ ни пороковъ, ни добродѣтелей, ни страстей. Здѣсь все—слизь. Политика, религія, судъ—все это слизь» **).

Піо Бароха даетъ намъ длинный рядъ анархистовъ, формулирующихъ свое отношеніе къ дѣйствительности по степени своего развитія и по силѣ ненависти къ причинѣ своихъ страданій.

«Фабрика пыхтѣла и выбрасывала черезъ трубы клубы дыма.

— Не надо фабрикъ!—крикнулъ Хесусъ (голодный прогнанный наборщикъ) въ припадкѣ внезапной ярости.

— А почему нѣтъ?—спросилъ донъ Алонсо (одинъ изъ наиболѣе яркихъ типовъ въ коллекціи бродягъ, бывшій директоръ цирка, не могущій забыть про минувшую славу).

— Потому что не надо.

— Чѣмъ же будутъ жить рабочіе? Гдѣ будутъ изготовляться товары, если не станетъ фабрикъ?

— Пусть всѣ бездѣльничаютъ, какъ мы... Земля должна кормить всѣхъ,—прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія Хесусъ.

— А что станетъ съ цивилизаціей?—спросилъ донъ Алонсо.

— Цивилизація? Зачѣмъ она намъ? Какой намъ прокъ въ ней. Цивилизація хороша для богачей; голоднымъ бѣднякамъ она не нужна!

---

*) „Aurora roja“, p. 298.

**) ib., p. 344.

— А электрическій свѣтъ? А паръ? А телеграфъ?

— Вы развѣ пользуетесь всѣмъ этимъ?

— Нѣтъ, но когда-то пользовался.

— Когда имѣли деньги. Цивилизація существуетъ для тѣхъ, которые имѣютъ деньги. Не имѣющіе ихъ должны умереть. Когда-то и богачъ и бѣднякъ освѣщали свои дома одинаковой свѣчей. Теперь бѣдняку осталась его сальная свѣча, а богачъ освѣщаетъ свой домъ электричествомъ. Раньше бѣднякъ шелъ пѣшкомъ, а у богача была верховая лошадь. Теперь бѣднякъ идетъ пѣшкомъ, а у богача—автомобиль. Когда-то богачу приходилось жить рядомъ съ бѣднякомъ. Теперь онъ живетъ отдѣльно, въ особомъ кварталѣ. Богачъ отгородился отъ бѣдняка обитой ватой стѣной и не слышитъ ничего» *).

На ряду съ анархизмомъ голодныхъ людей мы видимъ аристократическій анархизмъ.

— Анархія—для всѣхъ невозможна,—говоритъ богатый донъ-Роберта печатнику Мануэлю, которому покровительствуетъ.—Для отдѣльныхъ индивидуумовъ она означаетъ очень многое—свободу. И знаешь, что надо дѣлать, чтобы стать свободнымъ? Прежде всего надо разбогатѣть, а потомъ — думать. Масса, толпа всегда останутся ничѣмъ. Когда въ обществѣ будетъ олигархія избранныхъ, свободныхъ людей, каждый изъ которыхъ будетъ повиноваться только законамъ, продиктованнымъ собственной совѣстью,— тогда наступитъ царство гармоніи. Свободные люди по добровольному соглашенію между собою будутъ управлять массами. Законы останутся только для массъ, для сволочи (para la canalla), которые не въ силахъ эмансипироваться.

— Чего вы добиваетесь теперь? — спрашиваетъ потомъ Мануэль.—Вы добились богатства. Вы женаты и счастливы.

— Я хочу власти и возможности господствовать, — говоритъ бѣлый анархистъ.—Я не могу лежать, какъ трупъ, на мѣстѣ. Въ жизни надо безпрестанно бороться. Двѣ клѣточки борятся за крупицу альбумина, два тигра—за кусокъ мяса; два дикаря ведутъ борьбу за горсть бусъ; предметомъ борьбы двухъ культурныхъ людей являются любовь или слава. Я борюсь за власть.

— И всегда надо вести борьбу?

— Всегда.

— Вы не вѣрите, значитъ, что придетъ пора всеобщаго братства?

— Нѣтъ.

— Развѣ невозможенъ порядокъ, при которомъ не будетъ ни эксплуататоровъ, ни эксплуатируемыхъ?

— Невозможенъ. Покуда мы живемъ въ обществѣ, мы являемся или должниками, или заимодавцами. Средняго состоянія не суще-

*) «Mala hierba», p. 227.

ствуетъ. Въ дѣйствительности каждый не работающій и ничего не производящій живетъ на счетъ работы другого человѣка или сотни людей. Это несомнѣнно. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ больше имѣетъ рабовъ, которыхъ даже не знаетъ. Но тѣмъ не менѣе эти рабы существуютъ. Такъ останется всегда. Сильному человѣку всегда будутъ служить одни своими знаніями или искусствомъ, другіе—своею красотою.

— У васъ очень мрачные взгляды на будущее.

— Нисколько.

Донъ Роберто стоитъ за деспотизмъ сильныхъ и талантливыхъ людей.

— Повиноваться тирану—ужасно!—восклицаетъ Мануэль.

— Для меня, для моей свободы болѣе обидно уважать законъ, чѣмъ подчиняться насилію» *).

Въ другомъ мѣстѣ бѣлый анархистъ еще болѣе рѣшительно защищаетъ просвѣщенный деспотизмъ.

«— Для меня онъ болѣе пріемлемъ, чѣмъ законъ, — говоритъ донъ-Роберто.—Законъ—жестокъ, безцвѣтенъ и представляетъ собою нѣчто окаменѣлое. Деспотизмъ болѣе удобенъ и, по существу, болѣе справедливъ.

— Но не ужасно ли подчиняться волѣ одного человѣка?

— Я предпочитаю подчиняться тирану, чѣмъ толпѣ; предпочитаю подчиняться толпѣ, чѣмъ догмату. Тиранія идей и массъ мнѣ противна,—говоритъ бѣлый анархистъ.

— Вы не вѣрите въ демократію.

— Нѣтъ. Демократія—начальная, а не конечная форма общества. Это—пустырь, заваленный камнями разрушеннаго зданія. Демократія—переходная общественная форма. Мало-по-малу воздвигается новое зданіе, не похожее на прежнее.

— И всегда будутъ камни высокіе и низкіе?

— Разумѣется.

— Вы не вѣрите, что люди идутъ къ равенству?

— Наоборотъ: мы идемъ къ неравенству. Будутъ созданы новыя цѣнности другихъ категорій»... Донъ Роберто дальше доказываетъ, что «право каждаго кончается тамъ, гдѣ начинается сила другого» **).

Взгляды, высказываемые домомъ Роберто, не новы и присущи не только Испаніи. Мы ихъ находили всюду, гдѣ существуютъ «бѣлые анархисты». Недавно въ Англіи вышелъ очень интересный трудъ Нормана Энджелля «The Great Illusion», о которомъ мнѣ пришлось уже говорить подробно въ *«Русскихъ Вѣдомостяхъ»*. Во второй части своего труда авторъ анализируетъ часто выставляемый тезисъ, что человѣческой природѣ свойственно стрем-

*) „Aurora roja“, p. p. 146—150.

**) „Aurora roja“. paginas 327—331.

леніе къ насилію, т. е. къ войнѣ. Послѣдняя признается однимъ изъ законовъ жизни, однимъ изъ тѣхъ необходимыхъ факторовъ, которые человѣкъ со среднимъ мужествомъ долженъ непремѣнно учесть. Всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя далъ намъ XIX вѣкъ объ эволюціи жизни на нашей планетѣ, примѣняются защитниками теоріи, что «право одного кончается тамъ, гдѣ начинается сила другого». Намъ напоминаютъ о выживаніи наиболѣе приспособленныхъ; о томъ, что слабые обречены на гибель; что жизнь всѣхъ организмовъ, какъ высшихъ такъ и низшихъ, есть вѣчная борьба. Защитники теоріи увѣряютъ, что военные инстинкты присущи человѣку; что человѣческая природа не мѣняется; что воинственные народы наслѣдуютъ землю и что только боевыя качества могутъ дать націи ту мужественную энергію, которая необходима для того, чтобы выйти побѣдителемъ изъ борьбы за существованіе. Норманъ Энджелль опровергаетъ этотъ часто выставляемый тезисъ пунктъ за пунктомъ. Авторъ доказываетъ, что природа человѣческая не остается неизмѣнной; что военные народы не наслѣдуютъ землю; что война не ведетъ къ выживанію наиболѣе приспособленнаго, что борьба между націями не составляетъ одного изъ проявленій эволюціоннаго закона. Отожествленіе войны между индивидуумами или государствами съ борьбой за преобладаніе является результатомъ непониманія біологическаго закона. Авторъ доказываетъ дальше, что въ человѣческихъ дѣлахъ грубое насиліе составляетъ все уменьшающійся факторъ и это уменьшеніе ведетъ за собою глубокія психологическія измѣненія. Измѣненія человѣческой природы, впрочемъ, отчасти признаетъ и донъ Роберто.

«— Развѣ невозможно полное измѣненіе идей, руководящихъ человѣчествомъ и человѣческихъ страстей?—спрашиваетъ Мануэль.

— Черезъ много сотенъ лѣтъ, быть можетъ. Снѣгъ, тающій на вершинахъ Гадаррамы, въ концѣ-концовъ, достигаетъ русла Тахо. Идеи, какъ и рѣки, ищутъ естественныя русла. Требуется много лѣтъ, чтобы рѣка измѣнила русло или чтобы человѣчество измѣнило ходъ мышленія.

— Вы не вѣрите, значитъ, что какими-нибудь радикальными мѣрами можно измѣнить формы общества?

— Нѣтъ. Болѣе того. Не существуетъ такой реформы, какъ бы она ни была рѣшительна, которая могла бы измѣнить по существу современныя условія жизни. На мѣсто одного разрушеннаго предразсудка нарождается другой. Безъ предразсудковъ же человѣчество теперь не можетъ жить. Ему надобенъ какой-нибудь самообманъ, чтобъ жить» *).

*) «Aurora roja», p. 330.

V.

Кромѣ «черныхъ» анархистовъ, какъ падре Мартинъ въ «Cesar ò nada» и «бѣлыхъ» анархистовъ, какъ донъ Роберто (Aurora roja) и Кинтинъ (La Feria de los discretos), порядокъ, существующій въ Испаніи, создалъ безконечное число красныхъ анархистовъ, Тутъ тоже Бароха выводитъ людей разныхъ оттѣнковъ: отъ иделистовъ до разбойниковъ; отъ анархистовъ, вышедшихъ изъ массъ и всю жизнь боровшихся съ голодомъ, до богачей, отрекшихся отъ состоянія. «Экономическая сторона вопроса, которая для Моралеса играла первую роль, въ глазахъ Хуана (талантливаго скульптора-анархиста) имѣла второстепенное значеніе. Хуанъ глубоко вѣрилъ, что прогрессъ является результатомъ только побѣды инстинкта мятежа противъ принципа власти. Послѣдняя, по мнѣнію Хуана, представляетъ собою олицетвореніе всего злого, тогда какъ мятежъ заключаетъ въ себѣ все доброе. Власть—это принужденіе, законъ, суровая формула, застывшій догматъ ограниченія. Инстинктъ мятежа—это любовь, свободное соглашеніе, симпатія, альтруизмъ, доброта. Прогрессъ сводится къ формулѣ: замѣна принципа власти свободнымъ соглашеніемъ» *).

Клубъ «Красная заря» устраиваетъ большой анархическій митингъ. И Піо Бароха пользуется этимъ, чтобы демонстрировать цѣлый рядъ дѣятелей.

«Поднялся тщательно одѣтый юноша въ длинномъ черномъ сюртукѣ и въ туго накрахмаленномъ, очень высокомъ воротникѣ. То былъ неизвѣстный журналистъ, пытавшійся ловить рыбу въ мутныхъ водахъ анархизма. Публика, довольно равнодушно слушавшая первыхъ двухъ ораторовъ, стала аплодировать первымъ фразамъ, произнесеннымъ молодымъ человѣкомъ въ длинномъ сюртукѣ. Въ свою напыщенную, трескучую и пустозвонную рѣчь онъ напихалъ соціологическіе и антропологическіе термины. Лицо юноши все время выражало вызовъ кому-то. Казалось, оно говорило оборванной публикѣ:—Вы видите? на мнѣ новый сюртукъ. Я ношу круглую шелковую шляпу. Я—образованный человѣкъ. И тѣмъ не менѣе пришелъ къ вамъ. Удивляйтесь же! Умиляйтесь! Я съ вами за одно»!

Въ своей рѣчи юноша въ черномъ сюртукѣ сказалъ дальше, что презираетъ всѣхъ политическихъ дѣятелей за то, что они глупцы; презираетъ соціологовъ, за то, что они по своему невѣжеству и умственному убожеству не становятся анархистами; презираетъ соціалистовъ за то, что они продались правительству, и вообще презираетъ весь міръ.

*) «Aurora roja» pagina 229.

И каждая трескучая фраза покрывалась аплодисментами. Юноша въ черномъ сюртукѣ принималъ аплодисменты нѣсколько пренебрежительно, какъ должное признаніе таланта. Свою рѣчь юноша въ черномъ сюртукѣ закончилъ хлестко:

— Силѣ оружія мы противопоставимъ силу нашего убѣжденія Если этого будетъ мало, мы встрѣтимъ оружіе оружіемъ. И если правительство пожелаетъ насъ истребить, мы тоже прибѣгнемъ къ истребительной силѣ динамита. Спокойная и содержательная рѣчь другого оратора не произвела уже никакого впечатлѣнія послѣ трескучихъ фразъ юноши въ черномъ сюртукѣ. Оратора едва слушали и онъ поспѣшилъ поэтому кончить скорѣе. Но вотъ на каѳедру поднялся загорѣлый, мрачный работникъ въ синей блузѣ. Онъ положилъ на столъ свои большіе, волосатые кулаки и ждалъ, покуда наступитъ молчаніе. Затѣмъ онъ заговорилъ, задыхаясь отъ волненія и злобы. Акцентъ показывалъ, что ораторъ—андалузецъ.

— Рабы капитала! Вы—идіоты, позволяющіе каждому обманывать себя!—крикнулъ андалузецъ.—Вы—дураки, не имѣющіе понятія о собственныхъ интересахъ. Только что тутъ аплодировали оратору, сказавшему, что есть интеллигентные работники, у которыхъ съ вами общіе интересы. Неправда. Господа, называющіе себя интеллигентными работниками, являются наиболѣе горячими защитниками буржуазіи. Эти журналисты похожи на собакъ, лижущихъ ту руку, которая даетъ имъ хлѣбъ.

Раздались аплодисменты.

— Неправда!—крикнулъ кто-то.

— Прогнать его!

— Пусть говоритъ!

— Я не зналъ ни одного, такъ называемаго, интеллигентнаго рабочаго,—продолжалъ андалузецъ.—Я когда-то встрѣтилъ *настоящаго* апостола, не похожаго на этого франта въ черномъ сюртукѣ. То былъ школьный учитель, проповѣдывавшій анархизмъ въ горныхъ деревняхъ, въ окрестностяхъ Ронды. Этотъ апостолъ всегда ходилъ пѣшкомъ и одѣвался хуже любого сельскаго работника. Онъ довольствовался небольшимъ количествомъ масла и кускомъ хлѣба. За хлѣбъ онъ училъ грамотѣ рабочихъ. Тотъ былъ настоящій анархистъ и истинный другъ эксплоатируемыхъ. Тѣ, которые выступали здѣсь, болтаютъ много, но ничего не дѣлаютъ. Что дѣлаетъ печать для насъ? Ничего. Я работаю на кирпичномъ заводѣ. Мы живемъ тамъ хуже, чѣмъ свиньи, въ шалашахъ, не укрывающихъ ни отъ солнца, ни отъ дождя. И въ день мы вырабатываемъ только двѣ песеты. Да и то не каждый день. Когда идетъ дождь, мы ничего не получаемъ. За то мы безплатно должны тогда складывать сырые кирпичи подъ навѣсъ, чтобы хозяинъ не терпѣлъ убытковъ. И въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается въ Андалузіи вообще, наше положеніе еще блестяще. И вотъ, что и

вамъ скажу: если народъ терпитъ все это, то нѣтъ больше людей. Остались только куры».

Ораторъ началъ снова осыпать ругательствами публику, которая въ отвѣтъ на это апплодировала. Видно было, что ораторъ— фанатикъ и свирѣпый человѣкъ. Челюсти у него были, какъ у волка. Жевательныя мышцы у него выдавались, какъ у хищнаго звѣря. Когда онъ говорилъ, у него искривлялись губы и морщился лобъ. Видно было, что этотъ озлобленный человѣкъ способенъ убить, поджечь или выполнить самое безумное дѣло. Чтобы лучше доказать безполезность интеллигенціи, андалузецъ заговорилъ объ астрономахъ, которыхъ обозвалъ дураками за то, что они теряютъ время, глазѣя на небо. Затѣмъ андалузецъ призвалъ публику къ грабежу и закончилъ такъ:

— Намъ не надо ни Бога, ни хозяина! Долой буржуазію! Къ чорту обманщиковъ, называющихъ себя интеллигентнымъ пролетаріатомъ! Да здравствуетъ соціальная революція!

Андалузцу апплодировали долго. Затѣмъ на каѳедру поднялся толстый, мѣшковатый, лысый человѣкъ лѣтъ пятидесяти и сказалъ, улыбаясь, что у него одинъ только врагъ—библія. Въ противоположность андалузцу, это былъ человѣкъ спокойный, повидимому, очень зажиточный и преуспѣвшій въ жизни. По мнѣнію оратора, все зло въ мірѣ имѣетъ только одинъ корень, который надо уничтожить. Корень этотъ — библія. Ораторъ длинно и скучно принялся разбирать легенды ветхаго завѣта: сотвореніе міра въ шесть дней, грѣхопаденіе, потопъ и т. д. Повстрѣчайся я съ Ноемъ,—продолжалъ ораторъ—я спросилъ бы: «Зачѣмъ вамъ понадобилось взять въ ковчегъ клоповъ, таракановъ и другихъ насѣкомыхъ? Не лучше ли было бы оставить ихъ на волѣ, чтобы они погибли во время потопа? Въ интересахъ дамъ, находившихся въ ковчегѣ, не надо было бы брать блохъ. «И еще одинъ вопросъ задалъ бы я Ною. «Если ласточки питались мушками и въ ковчегѣ, то онѣ должны были бы съѣсть тѣхъ двухъ мушекъ, которыхъ взялъ Ной. А если такъ, то откуда же взялись теперь мушки?» Публика апплодировала много и этому разрушителю библіи. Наконецъ, поднялся скульпторъ Хуанъ.

«Анархія,—началъ онъ,—не есть ненависть, а любовь и симпатія. Люди должны освободиться отъ ига власти безъ насилія, при помощи доводовъ одного только разума. Борьба, къ сожалѣнію, необходима. Человѣкъ стремится вырваться изъ душнаго подвала на свѣжій воздухъ».

Хуанъ хотѣлъ бы, чтобы исчезло государство, такъ какъ оно беретъ деньги и силы трудящихся, которыя передаетъ трутнямъ Хуанъ хотѣлъ бы, чтобы исчезъ законъ, такъ какъ послѣдній является проклятіемъ для индивидуума и источникомъ неправды на землѣ. Пусть исчезнутъ судья, военный и кура, являющіеся болѣзнетворными микробами человѣчества. Человѣкъ поприродѣ

своей добръ и свободенъ. Никто не имѣетъ права командовать имъ. Не нужна коммунистическая организація, которая ограничила бы естественныя права человѣка. Людямъ нужно свободное соглашеніе, основанное на братской любви. Лучше голодъ и нищета въ свободномъ состояніи, чѣмъ сытость въ рабствѣ.

«Только свободное прекрасно! — воскликнулъ Хуанъ. — Вода, которая такъ чиста и такъ бурно пѣнится въ потокѣ, становится мутной и печальной въ лужѣ. Птицѣ завидуютъ на свободѣ, но не жалѣютъ въ клѣткѣ. Нѣтъ прекраснѣе корабля, поднявшаго якорь и несущагося впередъ на вздувшихся парусахъ. Своимъ килемъ онъ напоминаетъ рыбу, а снастями—птицу. Бушпритъ будетъ клювъ. Но какъ печально старое, разснащенное судно, не могущее болѣе выйти изъ порта! Старость всегда и всюду является цѣпью!» Хуанъ переходилъ отъ одного вопроса къ другому. Надо, чтобы страсти, которыя теперь сдерживаются и осуждаются кодексами морали, являлись мощными двигателями человѣчества. Соціальный вопросъ отнюдь не сводится только къ заработной платѣ. Тутъ идетъ рѣчь о возрожденіи человѣческаго достоинства и о дѣйствительномъ освобожденіи его. Больше даже, чѣмъ работникъ, въ освобожденіи нуждаются женщина и дитя, теперь оставленныя совершенно обществомъ и не имѣющія оружія, чтобы бороться за жизнь. Хуанъ говорилъ о дѣтяхъ, выростающихъ въ сточныхъ канавахъ или чахнущихъ въ мастерскихъ, и о женщинахъ, втоптанныхъ въ грязь мертвой моралью. Ихъ топчутъ буржуазія своими сапогами и работники своими альпаргатасъ *). Хуанъ говорилъ о томъ, какъ жаждутъ ласки всѣ обойденные въ жизни; говорилъ о никогда не удовлетворяемомъ стремленіи къ любви.

Въ залѣ раздались всхлипыванія женщинъ... Хуанъ продолжалъ говорить. Глухой голосъ его сталъ звучнѣе. На блѣдныхъ, впалыхъ щекахъ появился румянецъ. Въ этотъ моментъ казалось, что Хуанъ физически страдаетъ за всѣхъ обойденныхъ. Никто въ залѣ не думалъ о томъ, осуществимо или нѣтъ, что говорилъ Хуанъ. Всѣ были захвачены прекрасной мечтой **).

Мечтатель Хуанъ умираетъ, потому что для него нѣтъ мѣста въ жизни. Испанскіе критики называютъ Бароху «анархистомъ»; но не потому, что онъ симпатизируетъ теоріи анархизма или носителямъ ея. «Боевые анархисты», фигурирующіе въ романѣ «Aurora roja», являются полицейскими агентами. Бароха—скептикъ вообще и не вѣритъ ни въ какіе ужасы, которыми пугаютъ другъ друга бѣлые, черные и красные анархисты.

«Между различными формами страха, испуга и ужаса, есть нѣкоторыя чрезвычайно комичныя и причудливыя,—говоритъ Піо

*) Родъ лаптей.
**) Pio Baroja, «Aurora roja», paginas 272—276.

Бароха.—Къ этой категоріи принадлежитъ страхъ, внушаемый католикамъ масонами, республиканцамъ іезуитами, затѣмъ ужасъ, внушаемый анархистамъ полиціей и полиціи анархистами. Страхъ, внушаемый дѣтямъ букою, болѣе серьезенъ, чѣмъ всѣ упомянутые выше ужасы. Католики не могутъ себѣ представить, что масонство только своего рода танцовальные клубы; республиканцы не вѣрятъ, что іезуиты—тщеславные, невѣжественные монахи, которые считаютъ себя поэтами, когда пишутъ скверные стихи, и учеными, когда умѣютъ отличать барометръ отъ микроскопа. По представленію католика, «масонъ» — нѣчто ужасное. Изъ таинственной глубины своихъ «ложъ» масоны, по представленію католиковъ, ведутъ войну противъ церкви, предводительствуемые своимъ «краснымъ папою». Въ этихъ ложахъ будто бы хранится цѣлый арсеналъ кинжаловъ, шпагъ и флаконовъ съ ядомъ для устраненія защитниковъ церкви. Республиканецъ представляетъ себѣ іезуита тонкимъ политикомъ съ умомъ Маккіавели, ученымъ, кладеземъ премудрости и зловредности. Для анархиста полицейскій агентъ—это индивидуумъ, изворотливый, какъ дьяволъ. Онъ постоянно мѣняетъ свою внѣшность до неузнаваемости. Полицейскій агентъ, по представленію анархиста, вездѣсущъ и постоянно сидитъ въ засадѣ. Полиція всесильна и обладаетъ чрезвычайной энергіей. Составилось ли такое представленіе о непріятелѣ по глупости, вслѣдствіе склонности къ романтизму или изъ желанія придать себѣ большее значеніе? Вполнѣ возможно, что въ наличности имѣются всѣ три причины вмѣстѣ. Католики не могутъ понять, что распространеніе антирелигіозныхъ идей обусловливается не вліяніемъ масоновъ и ложъ, но тѣмъ, что люди начинаютъ думать. Республиканцевъ тоже никто не убѣдитъ въ томъ, что вліяніе іезуитовъ объясняется не діавольскою хитростью и великою ученостью ихъ, но тѣмъ, что современное испанское общество состоитъ изъ безработныхъ людей, управляемыхъ ханжами. Полиція не хочетъ вѣрить, что анархическія покушенія являются актомъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, и разыскиваетъ всегда нити заговора. Что же касается анархистовъ, то они не могутъ отказаться отъ идеи, что ихъ преслѣдуютъ всю жизнь. Анархисты, кромѣ того, находятся постоянно подъ впечатлѣніемъ мысли о провокаторахъ. Тамъ, гдѣ собираются пять анархистовъ, по ихъ представленію, есть всегда провокаторъ» *).

Піо Бароха, впрочемъ, самъ показываетъ, что анархическіе клубы состоятъ въ равной пропорціи изъ анархистовъ и полицейскихъ агентовъ. Подготовляется заговоръ противъ короля и оказывается потомъ, что главный бомбистъ Пассаланъуа—провокаторъ, да еще очень неискусный.

Піо Бароха не склоненъ также идеализировать теоретиковъ анар-

*) Aurora roja, paginas 300—303.

хизма, которыхъ называетъ «Los Sanchas Panzas del anarquismo» (т. е. Санчо Пансами анархизма). «За Донъ-Кихотами анархіи, за учеными соціологами и за энтузіастами слѣдуютъ издатели анархическихъ газетъ, являющіеся Санчо Пансами движенія. Они кормятся догматомъ, какъ и черные анархисты. Эти добрые Санчи пишутъ статьи, наполненныя общими мѣстами и тѣми соціологическими фактами, которые стали уже достояніемъ улицы. Санчо Пансо пишетъ объ абуліи, о вырожденіи буржуазіи, о безнравственности ея, объ ажіотажѣ. Какъ и черные анархисты, Санчо Пансо пишетъ проповѣдь; но только вмѣсто Св. Ѳомы Аквината цитируетъ Жана Грава. Какъ и анархистъ въ сутанѣ, Санчо Пансо опредѣляетъ, что можно и чего нельзя правовѣрному анархисту. Санчо Пансо утверждаетъ, что только онъ знаетъ настоящую, чистую доктрину. Только онъ говоритъ истину, тогда какъ всѣ остальные—низкіе фальсификаторы, продавшіеся правительству. Санчо Пансо имѣетъ манію изображать себя въ статьяхъ сильнымъ, свободнымъ, жизнерадостнымъ, живущимъ безъ заботъ». Въ дѣйствительности же онъ—бѣдное домашнее животное, которое всю жизнь только и дѣлаетъ, что пишетъ статьи, наклеиваетъ бандероли на газеты и напоминаетъ неаккуратнымъ подписчикамъ о срокѣ платежа. Каждый изъ этихъ Санчо Пансо имѣетъ свой кружокъ восторженныхъ поклонниковъ, передъ которыми выступаетъ, какъ павлинъ. Санчо Пансо удивительно нагль порой, надо видѣть, какъ какой-нибудь Пересъ расправляется съ Ибсеномъ или Толстымъ, обзываетъ ихъ старыми кретинами и доказываетъ, что они недостойны принадлежать къ партіи.

VI.

Мы видѣли, какимъ образомъ сложился «анархизмъ» Барохи. Происхожденіе его міровоззрѣнія обусловливается испанской дѣйствительностью, гдѣ во всѣхъ сферахъ мы имѣемъ анархистовъ всякихъ цвѣтовъ. Подъ вліяніемъ этой дѣйствительности сложилась «философія», которая можетъ быть сведена къ слѣдующему. Міръ наполненъ мошенниками, обманщиками и хищниками, придумавшими для того, чтобы удержать захваченное, всякаго рода кодексы и культъ. Сложившійся порядокъ обрекаетъ отъ рожденія милліоны людей на нищету. Но если кому-либо предстоитъ сдѣлать выборъ между положеніемъ эксплуатируемаго и эксплуатирующаго, то лучше уже быть послѣднимъ. Честь, честность и благородство, какъ они понимаются принятыми кодексами морали, выгодны только богатымъ людямъ. У бѣдняковъ можетъ быть только одна забота, созданная тою же дѣйствительностью, забота быть сытымъ.

«— Все зависитъ отъ того, что ты называешь гадкимъ поступкомъ,—убѣждаетъ бродяга Хесусъ своего совѣстливаго товарища

Мануэля.—Ты считаешь обманъ гадкимъ поступкомъ? Но **надо** обманывать. Въ жизни предстоитъ выборъ между тѣмъ, чтобы обманывать и быть обманутымъ... Торговать и грабить, въ сущности, одно и то же. Разница только та, что торгующій пользуется почтеніемъ, тогда какъ грабящаго отводятъ въ тюрьму.

— Ты такъ думаешь?

— Да, дружище! Въ мірѣ есть двѣ категоріи людей: одна отнимаетъ работу или деньги и живетъ хорошо. Другая даетъ себя обирать и живетъ плохо... Надо или ѣсть самому, или быть съѣденнымъ. На какой сторонѣ ты хочешь быть?» *).

Человѣчество, въ сущности, не стоитъ того, чтобы изъ-за него жертвовать собою, а въ особенности, когда жертва должна быть принесена для проблематическаго благоденствія въ далекомъ будущемъ. Идеалистъ Хуанъ пытается доказать своему брату, что, если человѣкъ, стремящійся къ благу общества, встрѣчаетъ на пути своемъ живыя препятствія, онъ имѣетъ право переступить черезъ нихъ. Другими словами, Хуанъ развиваетъ тотъ же тезисъ, который излагалъ въ своей статьѣ о преступленіи Раскольниковъ. «Необыкновенный» человѣкъ имѣетъ право, то есть не оффиціальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть черезъ иныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того потребуетъ... Если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ-нибудь комбинацій, никакимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людьми иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ-бы этому открытію, или ставшихъ-бы на пути, какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ-бы право, и даже былъ бы обязанъ... **устранить** этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству... Всѣ законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и такъ далѣе, всѣ до единаго были преступники уже тѣмъ однимъ, что, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято чтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужъ конечно не останавливались и передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблестно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы **).

«— Во имя права на жизнь тѣхъ, которые должны явиться

*) Mala Hierba, p. p. 262—263.

**) „Преступленіе и наказаніе". (Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго, т. V, стр. 241, изданіе 1891 г.

на землю только въ будущемъ, ты признаешь «устраненіе» людей теперь, въ томъ числѣ дѣтей, женщинъ и стариковъ?—задаетъ Хуану вопросъ его братъ.

— Такъ необходимо!—мрачно отвѣтилъ Хуанъ.

— Неужели необходимо?

— Да. Хирургъ, ампутирующій пораженную гангреной ногу, долженъ рѣзать и здоровое тѣло.

— И ты, проповѣдующій, что право человѣка на жизнь выше всего; ты, не признающій ни за кѣмъ права уклоняться отъ работы и заставлять другихъ трудиться за себя,—ты все же утверждаешь, что невинный долженъ пожертвовать жизнью, чтобы человѣчеству въ будущемъ жилось хорошо,—отвѣчаетъ Мануэль.— Ну, такъ я тебѣ скажу, что это нелѣпо и чудовищно. Скажи мнѣ кто-нибудь, что для счастья всего человѣчества въ будущемъ необходимо теперь причинить ребенку страданія и заставить его плакать; находись этотъ ребенокъ у меня въ рукахъ, я не пошевельнулъ бы даже рукой, хотя бы все человѣчество стояло передо мною на колѣняхъ» *).

Пессимизмъ Барохи не ведетъ къ проповѣди «недѣланія» или резигнаціи. Напротивъ, Бароха, какъ и другіе современные испанскіе беллетристы,—пѣвецъ сильныхъ людей. «Прежде всего надо научиться сильно желать» (desear con fuerza),—говоритъ одинъ изъ героевъ Барохи **). Человѣкъ, умѣющій сильно желать, будетъ идти впередъ, не считаясь съ существующими кодексами морали.

«— Для меня,—говоритъ Цезарь Монкада,—индивидуальная мораль состоитъ въ подчиненіи жизни одной мысли, одному задуманному плану. Предположимъ, кто-нибудь захотѣлъ стать ученымъ и напрягаетъ всѣ силы для преодолѣнія препятствій. Такого человѣка я нахожу моральнымъ, хотя бы даже онъ кралъ или былъ въ другихъ отношеніяхъ отмѣннымъ негодяемъ.

— По вашему, значитъ, то, что сильно и настойчиво, будетъ нравственно, а то, что слабо и трусливо,—безнравственно?

— Пожалуй, въ сущности это такъ. Человѣкъ, способный подчинить себя извѣстной идеѣ, какова бы она ни была, мнѣ всегда кажется нравственнымъ. Бисмарка, напримѣръ, съ моей точки зрѣнія, я признаю нравственнымъ человѣкомъ».

Но Цезарь спѣшитъ высказать основную мысль Барохи, которую можно найти во всѣхъ романахъ его: борьба и дѣятельность нужны совсѣмъ не ради абстрактнаго блага человѣчества которое не стоитъ жертвы. Борьба необходима индивидууму, какъ самоцѣль.

---

*) „Aurora roja", p. 318.

**) «Mala Hierba», p. 25.

«Въ общемъ жизнь кажется мнѣ темной, мутной и непривлекательной,—говоритъ Цезарь.

— Но зачѣмъ же требовать отъ жизни больше, чѣмъ она можетъ дать!—восклицаетъ сестра Цезаря, маркиза Лаура.—Прекрасны небо, солнце, общеніе съ интересными людьми, любовь, море, лѣсъ, произведенія искусства. Неужели все это можетъ причинить только скуку? Неужели необходима интенсивная работа только для того, чтобы уйти отъ всего этого и чтобы забыть о жизни?

— Да. Замѣчать, что живемъ—непріятно,—отвѣтилъ Цезарь.

— Но почему?

— Какъ почему? Потому что жизнь—не идиллія. Мы живемъ, уничтожая и убивая все окружающее. Мы достигаемъ до цѣли только по тѣламъ нашимъ враговъ. Кругомъ идетъ безпрерывная борьба.

— Я не вижу этой борьбы. Въ давно прошедшія времена, когда люди были дикарями, быть можетъ, они постоянно душили другъ друга, но не теперь.

— Теперь—то же самое. Разница только въ томъ, что открытая борьба, во время которой въ ходъ пускались мышцы, приняла другую форму. Безъ сомнѣнія, теперь человѣку не приходится гнаться за быкомъ или кабаномъ, такъ какъ туши можно купить у мясника. Современному обывателю большого города не требуется также свалить на землю противника, чтобы одержать побѣду надъ нимъ. Теперь врага побѣждаютъ въ конторѣ, на фабрикѣ, въ редакціи, лабораторіи. Борьба теперь такъ же ожесточенна, какъ когда-то въ лѣсахъ, но она ведется болѣе хладнокровно и приняла болѣе благообразныя формы» *).

Такимъ образомъ, чтобы забыть о жизни, надо стать «инструментомъ одной идеи» и идти впередъ, не обращая вниманія на нарушающихъ.

«— И вы надѣетесь побѣдить?—спрашиваетъ Цезаря его пріятель, деревенскій докторъ.

— Да. А больше всего имѣю призваніе быть «инструментомъ одной идеи». Если я добьюсь побѣды, меня провозгласятъ великимъ человѣкомъ. Если я буду побѣжденъ, знавшіе меня скажутъ: «Онъ былъ негодяемъ, разбойникомъ». Быть можетъ, какой-нибудь жалостливый пріятель назоветъ меня «бѣднягой». Люди, имѣющіе честолюбіе быть сильными, никогда не получаютъ безпристрастную надгробную надпись.

— Но что вы сдѣлаете, если выйдете побѣдителемъ?

— То именно, о чемъ вы мечтаете. Я свалю «касиковъ», покончу съ властью богачей, возвращу землю народу и порву клерикальную сѣть, опутавшую населеніе».

*) «Cesar ó nada», paginas 15—17.

Цезарь желаетъ въ случаѣ побѣды возродить символическій городъ Кастро Дуро, т. е. Испанію.

Мы знаемъ уже, что Цезарь не побѣдилъ. Въ природѣ силы бываютъ или въ статическомъ, или въ динамическомъ состояніи, То же самое съ людьми. Большинство ихъ рождается для того, чтобы всю жизнь пробыть въ статическомъ состояніи.

Эти люди довольствуются сѣрой дѣйствительностью, которую окрашиваютъ тусклыми призраками. Для закрѣпленія сѣрой дѣйствительности они придумали мертвящіе кодексы, которые нарушаютъ люди «динамическаго состоянія», изрѣдка появляющіеся въ жизнь. «Жизнь—безконечный лабиринтъ, въ которомъ люди динамическаго состоянія имѣютъ въ рукахъ только одну нить Аріадны—дѣятельность» *). Человѣкъ «динамическаго состоянія» живетъ только настоящимъ, нисколько не интересуясь ни прошлымъ, ни будущимъ.

«— Я считаю совершенно безполезнымъ знать вещи, не имѣющія немедленнаго примѣненія,—говоритъ Цезарь.—Зачѣмъ мнѣ знать, когда я прохожу мимо горы, какъ она поднялась, изъ чего состоитъ, какая на ней флора и что за фауна въ ея лѣсахъ? Зачѣмъ мнѣ знать исторію города, куда я пріѣзжаю? Зачѣмъ засорять память? Я ненавижу исторію. Я предпочитаю лучше совершенно не знать ее и давать явленіямъ объясненія, подсказанныя капризомъ моего воображенія».

Теоретики искусства кажутся Цезарю «цвѣтомъ скоморошества, педантства и буржуазности». Въ особенности Цезарь ненавидитъ Рескина. «Я только перелисталъ его книгу подъ страннымъ названіемъ «Семь лѣтъ архитектуры». И я натолкнулся на тезисъ, что носить фальшивый алмазъ или другой камень—будетъ ложь. Я немедленно сказалъ: «человѣкъ, думающій, что алмазъ—истина, а страза—ложь,—не уменъ и не заслуживаетъ, чтобы его читали» **).

Мнѣ остается коснуться теперь двухъ своеобразныхъ фантастическихъ романовъ Піо Барохи ***) и сказать нѣсколько словъ о немъ, какъ о сатирикѣ.

Діонео.

*) «Cesar ò nada», pagina 56.

**) «Cesar ò nada», paginas 164—165.

***) 1) «Aventuras, inventos y mixtificaciones de Silvestre Paradox», 2) «Paradox, Rey».

С. Н. Южаковъ, соціологъ и публицистъ.

I.

С. Н. Южаковъ былъ свѣжимъ и незауряднымъ мыслителемъ, который очень рано составилъ себѣ серьезный научный багажъ и очень рано же выступилъ въ литературѣ съ разработкой вопросовъ большой важности. Его первыя статьи появились, когда ему было всего 23 года. Біографы неоднократно указывали на тотъ фактъ, что замѣчательные мыслители и артисты рано обнаруживаютъ свою индивидуальность. Первыя произведенія ихъ творчества относятся обыкновенно къ той порѣ, когда средній человѣкъ еле начинаетъ жить сознательной жизнью. Правда, изъ этого правила есть нѣкоторыя исключенія, и исключенія поистинѣ замѣчательныя. Такъ, у Дарвина первыя ясныя очертанія его всеобъемлющей біологической теоріи стали складываться къ 30-ти годамъ. А Кантъ становится великимъ Кантомъ, родоначальникомъ критической философіи, лишь къ 50-ти. Но, повторяемъ, то изъятія, которыя лишь подтверждаютъ общее правило. По большей же части выдающіеся люди очень молодыми проявляютъ свои особенности. И къ такой категоріи принадлежалъ Южаковъ.

Замѣчательно, что его первыя статьи касались вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе серьезныхъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые онъ разрабатывалъ въ теченіе своей жизни. Онѣ были посвящены изслѣдованію основныхъ законовъ общества и хорошо характеризуются общимъ названіемъ «Соціологическіе этюды». Первоначально онѣ представляли рядъ самостоятельныхъ очерковъ, появившихся въ номерѣ 12-мъ «Знанія» за 1872 г. и въ №№ 1, 4 и 5 того же журнала за 1873 г. Мы будемъ цитировать ихъ по «исправленному и дополненному изданію», вышедшему въ свѣтъ въ началѣ 1891 г. Впрочемъ, эти исправленія и дополненія сводятся къ двумъ вновь написаннымъ главамъ, тогда какъ все остальное содержаніе статей осталось почти совершенно въ первоначальномъ видѣ, и даже научный матеріалъ не былъ подновленъ. Разбирая ихъ, мы будемъ, значитъ, имѣть дѣло съ Южаковымъ, какъ онъ явился передъ русской читающей публикой въ началѣ 70-хъ годовъ: уже вполнѣ сложившимся и опредѣленнымъ писателемъ.

Посмотримъ же, каковы были взгляды молодого автора на общество и общественную жизнь, законами которой занимается рѣзко очерченная впервые Огюстомъ Контомъ наука—соціологія. Съ самыхъ начальныхъ страницъ Южаковъ заявляетъ, что его прежде всего интересуетъ вопросъ «объ отношеніи общества къ

другимъ формамъ бытія» (С. Н. Южаковъ, «Соціологическіе этюды», Спб., 1891, изд. пересмотрѣнное и дополненное, стр. 3). Ставя ребромъ эту задачу, нашъ изслѣдователь тутъ же показываетъ читателю, что онъ далекъ отъ тѣхъ предразсудковъ, которыми загромождено поле изученія явленій, относящихся къ совмѣстной жизни людей. Онъ не боится реабилитировать такихъ находившихся въ то время въ загонѣ мыслителей, какъ Сэнъ-Симонъ и Фурье. Онъ съ почтеніемъ относится къ обобщеніямъ перваго видя въ нихъ подготовленіе взглядовъ Конта. И онъ съ большой симпатіей характеризуетъ точку зрѣнія Фурье, который, несмотря на нѣкоторыя причуды воображенія въ родѣ лимонадныхъ морей и сѣверныхъ коронъ (couronnes boréales), предлагаетъ формулу закона, охватывающаго всѣ явленія, какъ міровыя, такъ въ частности и общественныя, и, однако, при этомъ отмѣчаетъ и особенности общаго закона въ развитіи соціальной жизни. Но уже съ истиннымъ энтузіазмомъ Южаковъ относится къ «великому основателю соціологіи», Огюсту Конту, которому принадлежитъ, по его мнѣнію, громадная заслуга «научнаго включенія общества въ великій міръ природы» (стр. 4).

Общества слагаются изъ живыхъ существъ,—продолжаетъ Южаковъ. Но надо отличать процессы жизни вообще отъ общественныхъ процессовъ. Если до Конта общество разсматривалось совершенно иначе, чѣмъ всѣ другіе предметы, подлежащіе изученію, то, наоборотъ, послѣ Конта прокинулась обратная реакціи, «отождествленіе общественнаго процесса съ другими процессами природы именно съ процессами жизни» (стр. 5). И вотъ изслѣдователи начинаютъ смѣшивать общественное развитіе то съ развитіемъ отдѣльнаго организма, дѣлая странныя уподобленія между обществомъ и особью, то съ формой коллективнаго развитія самыхъ низшихъ особей, цѣликомъ подпадающихъ дѣйствію органическихъ процессовъ и своею слабою связью не могущихъ даже составлять того, что должно называться обществомъ. Даже такіе умы, какъ Дарвинъ или Спенсеръ, грѣшатъ этимъ уподобленіемъ различныхъ процессовъ. Тѣмъ крупнѣе является передъ нами научная личность Конта, который указалъ одновременное значеніе двухъ повидимому противоположныхъ, но на самомъ дѣлѣ лишь дополняющихъ другъ друга процессовъ: «принципа компетентности біологическихъ законовъ въ предѣлахъ общественной жизни и принципа своеобразности общественнаго процесса» (стр. 6).

Что же такое общество? Подобно всѣмъ другимъ «формамъ природы», оно—аггрегатъ. Общественный живой аггрегатъ ассимилируетъ вещество и силу, съ одной стороны, дифференцируясь на части, съ другой—интегрируя ихъ въ цѣлое, при чемъ происходитъ трата энергіи, могущая доходить до такой степени, что начинается процессъ дисинтеграціи, распаденія, и въ разлагающихся элементахъ снова накопляется источникъ силы. Южаковъ

очень умѣло подчеркиваетъ одну особенность процессовъ, происходящихъ съ тѣми элементами, «дифференцованіе» *) и сростаніе которыхъ создаетъ болѣе сложныя системы. Если дифференцированіе и интегрированіе совершаются чрезвычайно дѣятельно, то простѣйшіе элементы, сближенные въ пространствѣ, превращаются въ органы болѣе высшей особи, а ихъ коллективная группировка—въ высшій организмъ. «Общественность, какъ неполная интеграція, есть повсюду начало процесса, индивидуальность, его результатъ» (стр. 13). Живя, подвергаясь разнымъ вліяніямъ внѣшней среды, живыя тѣла для продолженія своего существованія должны приспособляться двояко: пассивно и активно. Въ первомъ случаѣ жизненный процессъ прилаживается къ внѣшнимъ вліяніямъ. Во второмъ онъ, наоборотъ, передѣлываетъ, прилаживаетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ условія среды къ своимъ потребностямъ. И Южаковъ отмѣчаетъ то важное обстоятельство, что этотъ второй способъ, а именно активное приспособленіе, приводитъ жизнь въ равновѣсіе съ внѣшней средой путемъ коллективнаго процесса, путемъ одновременнаго воздѣйствія вмѣстѣ живущихъ организмовъ на обстановку, между тѣмъ какъ это активное приспособленіе проявляется крайне ограниченно внутри процесса индивидуальной жизни. Можно даже установить такой законъ: если коллективная жизнь развивается по первому направленію, т. е. не столько измѣняетъ среду, сколько измѣняется сама, то, при возможности интеграціи, она даетъ организмъ; и, наоборотъ, если коллективная жизнь гораздо менѣе поддается вліяніямъ обстановки, чѣмъ сама передѣлываетъ послѣднюю, на сколько можетъ, въ своихъ интересахъ, то сростанія не происходитъ, и мы имѣемъ передъ собою общество.

Всматриваясь въ основные жизненные процессы коллективной жизни, мы замѣчаемъ въ нихъ явленія «наслѣдственности, размноженія, измѣнчивости, скрещиванія и болѣзненности» (стр. 19). То—простые дѣятели органическаго прогресса, носители основныхъ біологическихъ законовъ. Но, находясь подъ извѣстными вліяніями среды, сочетаясь между собою и взаимодѣйствуя, они производятъ и другую группу органическихъ дѣятелей, которыхъ можно назвать вторичными. Къ числу этихъ вторичныхъ дѣятелей, которые являются въ результатѣ сочетанія и взаимодѣйствія элементовъ коллективной жизни, находящейся подъ давленіемъ извѣстной среды, Южаковъ относитъ: естественный подборъ, какъ выживаніе лишь приспособленнѣйшихъ, вытекающее изъ того обстоятельства, что среда имѣетъ только ограниченное количество матеріала, годнаго для преобразованія въ живую матерію, а порожденіе новыхъ жизненныхъ процессовъ можетъ идти въ неограниченномъ количествѣ;

*) Южаковъ любитъ употреблять эту форму вмѣсто „дифференцированія“, которое взято нами отъ варварскаго окончанія нѣмецкихъ, заимствованныхъ съ иностраннаго, глаголовъ на iren.

и подборъ половой, который въ данномъ случаѣ опредѣляется уже не борьбою за существованіе, а борьбою за спариваніе, если обнаруживается перевѣсъ потребностей къ соединенію у одного пола надъ числомъ особей другого пола, способныхъ къ спариванію.

II.

Мы здѣсь еще не сходимъ съ почвы органическаго прогресса. Мы имѣемъ пока дѣло съ разными простыми дѣятелями, проявляющимися въ процессѣ приспособленія къ средѣ, равно какъ съ двумя сложными органическими же дѣятелями: подборомъ естественнымъ и подборомъ половымъ. Такимъ образомъ, пока, коллективная жизнь совершается еще цѣликомъ пассивно. Это—«видовая» жизнь, обнаруживающая минимумъ связи между особями. Но въ дальнѣйшемъ развитіи возникаетъ новая, высшая, форма коллективной жизни, форма общественная. Здѣсь уже выступаетъ общественный процессъ, который приспособляетъ среду къ себѣ и тѣмъ самымъ ограничиваетъ всемогущество чисто органическаго процесса. Что, дѣйствительно, происходитъ на этой высшей стадіи общественнаго сожительства? Общественный процессъ, приспособляясь, съ одной стороны, къ средѣ, начинаетъ съ другой стороны, видоизмѣнять ее согласно потребностямъ усложнившейся коллективной жизни, переходящей, какъ мы сказали выше, на высшую ступень собственно общественной жизни. Эта высшая форма общежитія отчасти прямо преобразуетъ физическую среду, а отчасти, — и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, — создаетъ рядомъ съ нею уже совершенно новую среду, среду «общественную,—богатство, орудія, науку, политическія учрежденія, однимъ словомъ, все то, что мы обыкновенно соединяемъ подъ именемъ **культуры** и **цивилизаціи**» (стр. 22). Замѣтимъ здѣсь, что эта общественная среда представляетъ собою то явленіе, которое впослѣдствіи получило такую извѣстность при выработкѣ марксистскаго міровоззрѣнія подъ именемъ «искусственной среды». «Культура,—продолжаетъ Южаковъ,—является связующимъ элементомъ аггрегата, превращающимъ отвлеченную, такъ сказать, аггрегацію—племя—въ реальную—общество; своя собственная среда, на ряду съ общей всему живому физической средой,—вотъ особенность общества, и различія этой особой среды (культуры) обусловливаютъ различія обществъ» (стр. 22). Эта ясная и многозначительная фраза заслуживаетъ лишь одного замѣчанія: здѣсь русскій соціологъ нѣсколько забываетъ, что терминъ «племя» характеризуетъ такое состояніе коллективной жизни, въ которомъ она уже приняла характеръ общественной въ настоящемъ значеніи этого слова и создала хотя бы слабую, но все же соціальную среду.

Когда коллективный процессъ общественной жизни переходитъ

на эту высшую стадію, то въ немъ мы уже можемъ различать двѣ стороны: первичный общественный процессъ, состоящій въ томъ, что живыя единицы соціальнаго аггрегата активно приспособляютъ къ своимъ потребностямъ окружающую среду; и вторичный, производный общественный процессъ, состоящій въ томъ, что соціальная среда, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на членовъ общества. Здѣсь будетъ умѣстно привести слѣдующую цитату, такъ какъ въ ней заключается важная особенность міровоззрѣнія Южакова, сблизившая его, несмотря на расхожденіе во взглядахъ о методѣ соціологіи, съ такъ называемой русской субъективной школой: «Среда создается личностями, личности же являются, до извѣстной степени, продуктами этой среды; приспособляющій жизненный процессъ (т. е. дѣятельность личностей, создающая среду) обновляется, размножается, преобразуется согласно общимъ законамъ жизни; среда, постоянно создаваемая этимъ процессомъ и затѣмъ постоянно имъ потребляемая, обновляется, разростается и преобразуется, слѣдуя тѣмъ же законамъ. Но если съ этой стороны она является продуктомъ жизненнаго процесса, то съ другой, она сама, разъ созданная, начинаетъ регулировать обновленіе, размноженіе и въ особенности преобразованіе жизненнаго процесса. Личности создаютъ общественныя условія и сами, въ свою очередь, являются отчасти продуктомъ этихъ условій» (стр. 25).

Я попрошу читателей обратить вниманіе на выраженія «до извѣстной степени» и «отчасти», которыми Южаковъ характеризуетъ воздѣйствіе среды на личностей. Эти слова не нужно, конечно, истолковывать въ томъ смыслѣ, что личности лишь «отчасти» подлежатъ дѣйствію великихъ законовъ природы. Суть этого разсужденія заключается не въ томъ, что дѣятельность личности представляетъ собою нѣкоторый неразложимый остатокъ, который, такъ сказать, выходитъ самопроизвольно изъ нея самой и не подчиняется процессамъ природы. Такая мистическая точка зрѣнія была чужда тому позитивисту и реалисту, какимъ былъ Южаковъ. Онъ лишь говоритъ, что, разъ создалась на почвѣ общественной жизни личность, то извѣстная доля ея дѣйствій опредѣляется уже не рабскимъ отраженіемъ вліяній окружающей ее, хотя бы и самой же ею созданной среды, но активнымъ проявленіемъ силъ и возможностей, уже сконцентрировавшихся въ развивающемся человѣкѣ.

Нѣсколько дальше Южаковъ еще яснѣе развиваетъ этотъ взглядъ. Онъ задаетъ себѣ, дѣйствительно, вопросъ, какова же динамика соціальной жизни, и отвѣчаетъ: «ходъ общественнаго процесса, въ общихъ чертахъ, слѣдующій: вся совокупность общественныхъ условій вырабатываетъ личность, единственный **активный** элементъ общества; извѣстная частная совокупность общественныхъ условій въ данный моментъ производитъ въ личности, этомъ продуктѣ всего предыдущаго состоянія среды, рядъ настроен-

ностей и потребностей; эти настроенности и потребности, переходя въ дѣйствіе, порождаютъ рядъ общественныхъ явленій; дѣйствія всѣхъ личностей даннаго общества производятъ всю совокупность общественныхъ явленій слѣдующаго момента. Черезъ посредство личностей, такимъ образомъ, одно общественное состояніе въ его цѣломъ производитъ другое, а вовсе не одно общественное явленіе производитъ другое независимо, изолированно отъ дѣйствія всѣхъ остальныхъ. Всякое явленіе общественное производится всѣми предшествующими, произведшими дѣятельность личностей, и черезъ личностей же взаимно оказываетъ свое вліяніе на произведеніе всѣхъ послѣдующихъ. Рядъ общественныхъ условій образуетъ рядъ личностей, а дѣятельность послѣднихъ производитъ новый рядъ общественныхъ условій, и въ этомъ заключается характеристическое отличіе общественнаго процесса отъ органическаго. Здѣсь среда создается жизнью, а жизнь преобразуется подъ вліяніемъ этой среды, будучи первоначально создана другою средою; въ органическомъ прогрессѣ среда, создавшая жизнь, продолжаетъ и послѣ полновластно направлять ея дальнѣйшее развитіе» (стр. 27—28).

Небезынтересныя соображенія высказываются Южаковымъ при анализѣ воздѣйствія соціальной среды, созданной человѣкомъ, на самого же человѣка. Это созданіе людей, общественная культура, вліяетъ на личностей въ двухъ направленіяхъ: она повышаетъ напряженность воли людей, участвующихъ въ данномъ общежитіи; и она устанавливаетъ «различныя отношенія между волею отдѣльныхъ личностей»,—мы бы сказали: не различныя отношенія между волею, а извѣстныя градаціи, извѣстный коэффиціентъ, словомъ разный удѣльный вѣсъ разныхъ человѣческихъ воль,—«тѣмъ, что даетъ **власть** въ ея различныхъ видахъ въ руки однихъ, лишая ея другихъ». И Южаковъ дѣлаетъ слѣдующую оцѣнку этому вліянію цивилизующей среды: «Знаніе даетъ власть человѣку свѣдущему надъ невѣжественнымъ; религія и установленіе іерархіи даетъ власть духовенству надъ мірянами; богатство даетъ власть собственнику надъ пролетаріемъ. Войско даетъ власть правительству надъ народомъ и одному народу надъ другими; законодательство распредѣляетъ власть въ различныхъ степеняхъ между различными категоріями личностей. Власть же во всѣхъ ея видахъ заключается, повидимому, въ томъ, что воля личности, ею обладающей, въ общемъ итогѣ личныхъ воль, рѣшающемъ то или другое направленіе общественнаго развитія, значитъ болѣе воли личностей, лишенныхъ власти. Этою стороною своего вліянія вторичные соціальные дѣятели достигаютъ того, что значеніе для общественнаго процесса дѣятельности различныхъ личностей совершенно непропорціонально ихъ личной силѣ, энергіи, уму; оно опредѣляется болѣе соціальными условіями. Такимъ образомъ, сила, создающая соціальныя условія, сама почти всецѣло обусловлена

этими условіями, такъ что вообще, не дѣлая грубой ошибки, на практикѣ можно разсматривать соціальныя условія, какъ продукты предыдущихъ соціальныхъ условій; но теоретически такое представленіе будетъ невѣрно, потому что, какъ бы ни была обусловлена соціальною средою дѣятельность личностей, все же она и ничто другое создаетъ эту среду» (стр. 29).

У Южакова слѣдуетъ далѣе мастерской анализъ взаимодѣйствія между упомянутой нами коллективной соціальной жизнью и уже извѣстными читателю сложными и простыми дѣятелями органическаго процесса. И простые дѣятели, каковы наслѣдственность и измѣнчивость, и сложные, каковы подборъ естественный и подборъ половой, сильно нейтрализуются общественнымъ процессомъ. Прогрессъ историческій беретъ рѣшительный верхъ надъ прогрессомъ органическимъ. Онъ побѣждаетъ физическую среду. А поскольку это вліяніе физической среды остается, постольку оно лишь задерживаетъ историческій процессъ, дѣйствуетъ на него лишь отрицательно, т. е. безъ нея не понадобились бы противодѣйствующіе соціальные процессы,—и только. Два-три примѣра уяснятъ взглядъ Южакова на эту противоположность физической и соціальной среды. Возьмемъ, напр., климатъ. Его вліяніе, оказывающееся столь громаднымъ въ органическомъ прогрессѣ, уже неизмѣримо меньше въ прогрессѣ соціальной жизни, ведущей людей прямо въ противоположномъ направленіи. Дѣйствительно, климатъ дифференцируетъ племена различныхъ территорій, хотя бы одного происхожденія и одной культуры, и ассимилируетъ жителей одной мѣстности, несмотря на всю разницу ихъ расъ и культуръ. А соціальная среда? Та, наоборотъ, дифференцируетъ племена различныхъ культуръ, дифференцируетъ людей одного и того же племени по профессіямъ и наоборотъ, ассимилируетъ племена, раздѣленныя большимъ пространствомъ другъ отъ друга, но объединенное одной культурой. И эту нейтрализацію физической и соціальной, природной и общественной среды Южаковъ прослѣживаетъ и по отношенію къ почвѣ, и по отношенію къ пищѣ, и даже по отношенію къ тому «общему виду природы» (терминологія Бокля), который такъ вліяетъ, согласно взглядамъ этого историка, на развитіе мифическихъ воззрѣній, на умственный прогрессъ, на науку.

Въ заключеніе этихъ соображеній Южаковъ считаетъ возможнымъ дать опредѣленіе обществу. Онъ разсуждаетъ такъ. Жизнь въ своемъ развитіи и сочетаніи съ вліяніемъ среды обнаруживаетъ прогрессъ, состоящій въ «процессѣ установленія равновѣсія между требованіями жизни (потребностями, вызываемыми непрерывнымъ и непремѣннымъ круговоротомъ матеріи и энергіи) и условіями среды» (стр. 34). Поскольку активность человѣческихъ личностей, скомбинированная въ общественной жизни въ «могучую самостоятельную силу природы», побѣждаетъ физическую среду, приспособляя ее къ потребностямъ общежитія, при помощи культуры, «какъ особой об-

щественной среды», постольку мы имѣемъ историческій прогрессъ, прогрессъ общества. Или шире и общѣе: «Если общежитіемъ мы назовемъ всякое собраніе (аггрегатъ) всякихъ живыхъ особей (пассивныхъ организмовъ или активныхъ), то обществомъ мы должны будемъ назвать общежитіе активныхъ особей, создавшее свою особую общественную среду или культуру и слившееся съ нею въ одно сложное тѣло. Короче говоря, общество есть активно-культурное общежитіе» (стр. 36).

III.

Слѣдуютъ мысли о половомъ подборѣ и о дифференцированіи половъ въ органическомъ прогрессѣ. Но онѣ уже гораздо менѣе интересны, такъ какъ ихъ историческое значеніе въ сильной степени утратилось. За послѣднія сорокъ лѣтъ разбираемыя Южаковымъ біологическія явленія, съ одной стороны, оказались гораздо сложнѣе, а съ другой стороны, несмотря на ихъ лучшее изученіе, возбуждаютъ крайне много споровъ. Тотъ, кто хотя бы поверхностнымъ образомъ слѣдитъ за развитіемъ біологіи, знаетъ, въ какой степени въ настоящее время обострилась, напр., борьба между крайними дарвинистами, стоящими почти исключительно за значеніе естественнаго подбора путемъ безконечно длинной игры наслѣдственности въ рядѣ поколѣній, и между ламаркіанцами, которые подчеркиваютъ значеніе измѣненій, происходящихъ въ организмѣ подъ вліяніемъ среды даже въ теченіе его индивидуальной жизни. Не вдаваясь въ подробности, укажу хотя бы на интересный споръ по этому поводу, возникшій недавно на страницахъ «The Nineteenth Century» между извѣстнымъ англійскимъ біологомъ, Рееμъ Лэнкестеромъ, и кн. П. Кропоткинымъ, при чемъ запальчивость перваго была обратно пропорціональна его убѣдительности, и диспутъ окончился врядъ ли въ его пользу. Оказалось, напр., что рядъ раціонально поставленныхъ опытовъ, направленныхъ на систематическое измѣненіе среды, далъ возможность превращать столь всѣмъ извѣстнаго въ акваріумахъ аксолотля (Siredon pisciformis), характеризующагося тремя парами жаберъ, въ земную саламандру (Amblystoma tigrinum) и обратно; или что ракъ-отшельникъ (Pagurus), любимое животное Вейсмана, видѣвшаго въ его недоразвившемся мягкомъ брюшкѣ продуктъ чрезвычайно медленнаго дѣйствія естественнаго подбора, былъ превращенъ въ теченіе всего одного мѣсяца въ жесткобрюхаго рака *). На этихъ примѣрахъ, кстати сказать, можно видѣть, до какой степени, даже въ наукахъ, изучающихъ природу, проява-

*) Kropotkin, „The Response of the Animals to their Environment“ въ декабрьской книжкѣ „The Nineteenth Century and after“ за 1910, стр. 1049 и 1054 (окончаніе).

ляется вліяніе общественнаго положенія и идей изслѣдователя, значеніе которыхъ мы отмѣтимъ, говоря ниже о субъективномъ методѣ въ соціологіи и объ отношеніи Южакова къ этому пріему изслѣдованія. За спиною, повидимому, чисто научныхъ, сталкивающихся теорій, стоятъ въ данномъ случаѣ интересы революціоннаго и консервативнаго міровоззрѣній въ общественной области. Дарвинъ давно пересталъ быть пугаломъ буржуазныхъ мыслителей, которые видятъ въ немъ могущественный авторитетъ для доказательства того, какъ, молъ, вездѣ и всюду малѣйшее измѣненіе требуетъ безконечнаго ряда временъ и поколѣній. Съ другой стороны, люди съ болѣе крайнимъ міровоззрѣніемъ сочувственно слѣдятъ теперь за опытами ламаркіанцевъ, показывающихъ, что даже въ области біологіи особь, поставленная въ иную среду, можетъ подвергнуться въ сравнительно короткій промежутокъ времени очень существеннымъ измѣненіямъ. И нѣтъ сомнѣнія, что будь опыты этого послѣдняго рода начаты сорокъ лѣтъ тому назадъ, русскій прогрессивный писатель, непремѣнно воспользовался бы ими для обработки своихъ взглядовъ, въ особенности по отношенію къ вліянію среды...

Возвратимся, впрочемъ, къ Южакову, который кончаетъ свое нѣсколько абстрактное статистико-біологическое изслѣдованіе въ духѣ Дарвина выводомъ, что «половой подборъ имѣетъ наклонность измѣнять всю породу безъ различія пола» (стр. 64), и переходитъ къ разсмотрѣнію дѣйствія «полового подбора въ бракѣ», а именно, къ вопросу, можетъ ли этотъ процессъ стать соціальнымъ факторомъ (стр. 64 и слѣд.). И въ этой части аргументаціи намъ нечего останавливаться на мелочахъ, такъ какъ явленія брака въ то время только что начинали изучаться, и у выдающихся изслѣдователей въ родѣ Лёббока, Макъ-Лэннана, Спенсера, и др. было еще не мало недоразумѣній и ошибокъ при описаніи формъ, а, главное, эволюціи различныхъ видовъ спариванія въ человѣческомъ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, для своего времени Южаковъ былъ очень хорошо знакомъ съ литературою вопроса и набрасываетъ въ общемъ приблизительно вѣрную картину развитія брака, картину, изъ которой, по его мнѣнію, слѣдуетъ, что и брачный процессъ спариванія, по мѣрѣ эволюціи общественной жизни, обнаруживаетъ все менѣе и менѣе дѣйствія на историческій прогрессъ.

Южаковъ, дѣйствительно, говоритъ: «Итакъ, мы можемъ сказать о послѣдовательномъ развитіи подбора въ человѣческомъ обществѣ, что главные фазисы его были слѣдующіе: 1) коммунальный бракъ—подборъ обусловленъ абсолютною неравночисленностью половъ вслѣдствіе дѣтоубійства; 2) поліандрія—подборъ обусловленъ тѣмъ же, подбирается красота и развивается эндогамія; 3) рядомъ съ поліандріей, полигамія умычкой—подборъ обусловленъ господствомъ личной силы, какъ регулятора

брачныхъ отношеній; 4) законная полигамія—подборъ обусловленъ кастовымъ устройствомъ и деспотизмомъ высшихъ классовъ; 5) моногамія—подборъ обусловливается сословностью и связью подбираемыхъ женскихъ качествъ съ плодовитостью при взаимномъ подборѣ женщинами мужскихъ качествъ. Ходъ прогресса въ послѣднемъ фазисѣ уничтожаетъ оба условія, такъ что половой подборъ, игравшій на первыхъ ступеняхъ прогресса большую роль, теряетъ, повидимому, при его поступательномъ движеніи всякое значеніе и долженъ быть, наконецъ, исключенъ, какъ кажется, изъ числа факторовъ историческаго прогресса, хотя бы второстепенныхъ... Возникновеніе государственной власти, распространеніе моногаміи, торжество демократіи, измѣненіе идеаловъ—вотъ послѣдовательныя ступени паденія полового подбора» (стр. 80—81).

Привлекши къ изслѣдованію область такъ называемыхъ незаконныхъ связей и обозрѣвъ такимъ образомъ всю сферу возможнаго вліянія полового подбора на характеръ личностей и, стало быть, отчасти на направленіе общественной эволюціи, Южаковъ считаетъ возможнымъ заключить свой анализъ слѣдующимъ выводомъ: «Относительно роли полового подбора должно заключить, что значеніе его все стѣснялось; начавъ съ роли самостоятельнаго фактора прогресса, половой подборъ былъ постепенно выбиваемъ изъ своихъ позицій развивающимися и вновь возникающими соціальными дѣятелями, на время былъ даже вовсе вытѣсненъ отъ вліянія на ходъ прогресса и, если потомъ дальнѣйшимъ развитіемъ онъ, повидимому, и можетъ возвратиться къ дѣятельности, то съ ролью служебною, съ значеніемъ воплотителя идеаловъ нравственнаго движенія и мультипликатора послѣдствій общественныхъ условій, идеаловъ, которые и безъ него воплотились бы, и послѣдствій, которыя и безъ него осуществились бы» (стр. 96).

Съ мыслями объ историческомъ подборѣ и о вліяніи его на человѣческія общества, начиная съ первобытныхъ, мы опять вступаемъ въ область собственно соціальнаго изслѣдованія, гдѣ Южаковъ высказываетъ рядъ особенно свѣжихъ по тому времени мыслей. Историческій подборъ является, очевидно, факторомъ прогресса въ обществѣ по стольку, поскольку путемъ этого подбора члены общежитія вырабатываютъ въ себѣ такія или иныя качества и создаютъ извѣстныя отношенія. Южаковъ очень умѣло пользуется взглядами Дарвина на развитіе умственныхъ и нравственныхъ свойствъ въ человѣкѣ, чтобы показать, какъ и здѣсь мы можемъ прослѣдить полярную противоположность между дѣйствіями органическаго прогресса и дѣйствіями прогресса историческаго. Любопытно, что Дарвинъ, который, не мудрствуя, любитъ переносить явленія борьбы за существованіе между особями изъ міра животнаго въ міръ человѣческій, тѣмъ не менѣе при-

нужденъ остановиться на особомъ родѣ подбора, являющемся въ результатѣ борьбы за существованіе уже не отдѣльныхъ особей между собою, а цѣлыхъ племенъ и цѣлыхъ обществъ. Дарвину приходится здѣсь признать, что, между тѣмъ, какъ въ случаѣ борьбы между особями въ нихъ вырабатываются чувства вражды, злобы, жестокости, эгоизма,—словомъ, свойства противообщественныя, въ борьбѣ человѣческихъ союзовъ съ союзами лишніе шансы на побѣду даются, наоборотъ, тѣмъ общежитіямъ, въ нѣдрахъ которыхъ личности энергичнѣе вырабатываютъ общественные инстинкты и чувства самопожертвованія. Казалось бы, такіе индивидуумы должны погибать въ первыхъ рядахъ. Да такъ, дѣйствительно, и бываетъ въ жестокія времена чисто зоологической борьбы: кто болѣе жертвуетъ собою, тотъ раньше вычеркивается изъ списка живыхъ. А разъ это такъ, то подобныя самоотверженныя личности могутъ лишь въ сравнительно слабой степени передавать свои качества потомкамъ. Наиболѣе приспособленными къ этимъ условіямъ первобытнаго существованія являлись бы, какъ кажется, именно наиболѣе эгоистичныя натуры.

Но здѣсь вдвигается другой могучій факторъ, который, по мнѣнію самого же Дарвина, измѣняетъ дѣйствіе неумолимаго зоологическаго закона. Въ общежитіяхъ начинаютъ распространяться соціальныя добродѣтели, но распространяться не путемъ наслѣдственности, такъ какъ остаются презрительные Терситы и гибнутъ благородные Патроклы, а путемъ подражанія, заразительности примѣра,—я бы сказалъ: путемъ духовной, а не физіологической наслѣдственности. Инстинктивно вырабатывается, напр., убѣжденіе въ томъ, что самоотверженная храбрость выгодна всему племени, а, стало быть, въ концѣ концовъ и каждому отдѣльному члену. Такъ образуется привычка къ солидарности, такъ усиливается взаимная симпатія одноплеменниковъ, въ концѣ концовъ переходящая и по наслѣдству. Присоедините къ этому одобреніе прочихъ членовъ союза, славу, желаніе отличиться своимъ героизмомъ. И вотъ постепенно, и по мнѣнію Дарвина, на почвѣ междуплеменной борьбы вырабатываются внутри каждаго общежитія такіе благородные и нравственные характеры, которые въ послѣднемъ счетѣ вліяютъ и на поднятіе общаго уровня нравственности среди даннаго союза. Южаковъ какъ разъ беретъ своимъ отправнымъ пунктомъ эти мысли Дарвина и ведетъ ихъ дальше, все рѣзче и рѣзче подчеркивая значеніе разницы между историческимъ и естественнымъ подборомъ: «Такимъ образомъ, историческій подборъ стремится размножить качества, которыми (въ предѣлахъ племени) одна особь помогаетъ, содѣйствуетъ, сочувствуетъ другимъ, и прямо устраняетъ наклонности, разъединяющія людей (соплеменныхъ)... Историческій подборъ направляетъ свою дѣятельность на развитіе чувства симпатіи, сознанія солидарности, явленій прямо противодѣйствующихъ, по

крайней мѣрѣ, въ борьбѣ за существованіе между членами общества и тѣмъ подрывающихъ проявленія естественнаго подбора» (стр. 106).

Эту нѣсколько общую мысль Южакова можно было бы значительно развить и заострить, приблизивъ ее къ конкретной дѣйствительности. Соціологъ намъ сказалъ только что со словъ Дарвина о борьбѣ между племенами. Но именно по мѣрѣ того, какъ развивается историческій прогрессъ, эта неумолкающая вражда-война между отдѣльными племенами сравнительно ослабѣваетъ и все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто борьбѣ между тѣми вырабатывающимися въ процессѣ коллективной жизни группами, корпораціями, сословіями и классами, на которые начинаетъ дифференцироваться каждый усложняющійся общественный союзъ. Выражаясь фигурально, борьба ведется теперь не столько между группами людей, вертикально отдѣленными другъ отъ друга пограничными столбами, сколько между обитателями различныхъ горизонтально напластованныхъ этажей одной и той же общественной пирамиды, заключающей въ себѣ, на разныхъ уровняхъ благосостоянія и силы, высшія, среднія и низшія сословія. Мы такимъ образомъ пришли бы къ воззрѣніямъ на общественный процессъ, которыя выражаются съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка въ формулѣ такъ называемой борьбы классовъ. Впрочемъ, сама мысль Южакова нѣкоторыми своими сторонами очень близко подходитъ къ только что упомянутымъ взглядамъ.

Введите, въ самомъ дѣлѣ, сюда разсужденія нашего соціолога относительно роли историческаго подбора, который даетъ побѣду племенамъ болѣе многочисленнымъ, гдѣ увеличеніе потребностей растетъ параллельно съ увеличеніемъ средствъ ихъ удовлетворенія, и гдѣ первоначальная грубая борьба за существованіе, носящая органическій характеръ, превращается въ болѣе сложный процессъ выживанія группъ, наиболѣе приспособившихся къ историческому развитію. На этой почвѣ историческій подборъ и прямо, и косвенно содѣйствуетъ исчезновенію тѣхъ передающихся по закону біологической наслѣдственности способностей, которыя опредѣляютъ характеръ органической борьбы, и выдвигаетъ на первый планъ пользованіе орудіями соціальной среды, которыя уже не являются органически наслѣдственными. «Искусственныя орудія борьбы—власть, богатство, знаніе, привилегія и т. д. Пользованіе этими орудіями въ борьбѣ за существованіе измѣняетъ ея характеръ; прямое насиліе замѣняется эксплуатаціей... Если... такимъ образомъ, замѣна грубой борьбы за существованіе, гдѣ орудіями борьбы служатъ сила, быстрота, умъ, ловкость, жестокость, неразборчивость средствъ, тою формою этой борьбы, которая зовется конкуренціей и употребляетъ орудія, органически не наслѣдственныя: богатство, знаніе, привилегію, искусство, власть,— если эта замѣна оказывается выгодною въ борьбѣ племенъ, то

историческій подборъ даетъ преобладаніе послѣдней формѣ, хотя вообще онъ ослабляетъ всякую борьбу за существованіе» (стр. 108—109). Мы видимъ, какъ близко Южаковъ подходитъ къ современному рѣшенію задачи, указывая на ту сторону историческаго прогресса, въ результатѣ которой наиболѣе цѣлесообразными орудіями общественной борьбы являются не наслѣдственно-біологическія, а общественныя силы и свойства, различно распредѣленныя между различными дѣленіями даннаго общества. Уже въ замѣнѣ «прямого насилія эксплуатаціей» ярко выражается противоположность въ ходѣ органическаго процесса и процесса историческаго.

Но послѣдуемъ дальше за нашимъ соціологомъ. Возьмемъ вопросъ объ увеличеніи средствъ къ существованію, который, какъ ни какъ, долженъ лежать въ основаніи всякой возможности общественнаго развитія. При несложности первобытнаго экономическаго быта, гдѣ пища не столько производится искусственными орудіями, сколько берется непосредственно изъ природы, «добывается», и гдѣ, съ другой стороны, нѣтъ еще сложной коопераціи, соединяющей въ одно цѣлое группы людей, разбившихся по разнымъ занятіямъ, въ обществѣ дикарей долженъ еще царить органическій прогрессъ; и борьба за существованіе должна вестись при помощи тѣхъ орудій, которыми являются біологическія свойства людей и которыя поэтому подлежатъ закону біологической же наслѣдственности. Правда, и на этой ступени развитія «отчасти нарушается значеніе, личныхъ органически-наслѣдственныхъ качествъ въ борьбѣ за существованіе, но покамѣстъ это нарушеніе не идетъ дальше простого колебанія, быть можетъ, замедленія естественнаго подбора» (стр. 115).

Въ такомъ же зачаточномъ состояніи, какъ экономическая, находится и политическая жизнь первобытнаго племени. И въ этой области соціальныя орудія лишь мало по малу начинаютъ нейтрализовать дѣйствіе органическихъ орудій въ борьбѣ за существованіе: на столько еще слаба политическая дифференцировка такого племени. Здѣсь, кстати сказать, Южаковъ, говоря о власти различнаго рода предводителей, дѣлаетъ очень вѣрное и для своего времени очень тонкое замѣчаніе, что знахарь предшествовалъ жрецу, какъ пріемы колдовства предшествовали выработкѣ собственно-религіозныхъ воззрѣній (вообще освѣдомленность Южакова въ эту раннюю пору поистинѣ замѣчательна; такъ, онъ уже знаетъ, что скотоводство отнюдь не всегда предшествуетъ непосредственно земледѣлію: ходъ американской культуры въ особенности доставилъ много свидѣтельствъ для подтвержденія этой мысли въ трудахъ послѣдующихъ этнографовъ).

Итакъ, по мѣрѣ того, какъ растетъ общественная среда какъ разнообразится производство и какъ развивается сложное сотрудничество, начинающее проявляться все сильнѣе и сильнѣе со времени распространенія земледѣлія, возникаютъ одновре-

менно и одно за другимъ уже знакомыя намъ различныя орудія усложняющейся общественной борьбы въ видѣ капитала, собственности, сословій, рабства, государственной власти, жреческой іерархіи, «которыя не могутъ быть унаслѣдованы органически и которыя не связаны причинною связью ни съ какимъ органически наслѣдственнымъ признакомъ» (стр. 125). Отсюда Южаковъ дѣлаетъ блистательный для своей эпохи выводъ, что, «наконецъ, въ цивилизованномъ государственномъ быту мы находимся лицомъ къ лицу съ чрезвычайно сложнымъ механизмомъ культуры и гражданственности, гдѣ успѣхи каждаго члена общества заранѣе, такъ сказать, предопредѣлены его положеніемъ и управляются теченіемъ обстоятельствъ въ весьма слабой степени зависимымъ отъ его воли. Знатность, участіе во власти, богатство, образованіе, покровительство сильныхъ міра сего, политическія учрежденія родины, образованіе и состоятельность среды и пр. и пр.—вотъ главныя орудія успѣха въ цивилизованномъ обществѣ. Говорятъ: находчивость, предпріимчивость, энергія много значатъ; но что со всѣми этими достоинствами подѣлаетъ бѣднякъ, не получившій образованія и не имѣющій сильнаго покровителя? А получить образованіе, составить состояніе, пріобрѣсть покровителя—развѣ это зависитъ отъ бѣдняка, всѣмъ обдѣленнаго, а не отъ ряда обстоятельствъ, сложившихся, быть можетъ, за много времени даже до его рожденія и надъ которыми во всякомъ случаѣ онъ не властенъ? Вообще я не могу представить себѣ пути, который естественный подборъ могъ бы проложить себѣ на арену соціальнаго прогресса въ цивилизованномъ быту» (стр. 125—126).

И нашъ авторъ посвящаетъ нѣсколько остроумныхъ страницъ полемикѣ со взглядами Дарвина и Спенсера, изъ каковой явственно слѣдуетъ, что въ современномъ обществѣ борьба за существованіе,—«гуманность цивилизованнаго вѣка» — убиваетъ побѣжденныхъ, какъ остроумно выражается Южаковъ, «въ два пріема»: сначала общественныя условія связываютъ слабѣйшаго человѣка по рукамъ и по ногамъ; а столкновеніе его съ другими конкурентами, пользующимися болѣе усовершенствованными орудіями борьбы, наноситъ затѣмъ роковой, смертельный ударъ уже разъ обреченному на гибель. И отсюда, наконецъ, окончательный выводъ: «Борьба за существованіе и сопровождающая ее неизбѣжная гибель павшихъ вовсе не совершенствуетъ породу, сохраняя только лучшихъ особей, и губя менѣе одаренныхъ. Она равно разитъ тѣхъ и другихъ, и выживаніе обусловливается вовсе не личнымъ превосходствомъ, а соціальными условіями. Личное превосходство иногда является послѣдствіемъ этихъ условій и потому сопровождаетъ побѣду, а это ведетъ къ ошибочному заключенію, что именно оно и рѣшаетъ борьбу» (стр. 139).

IV.

Далѣе Южаковъ переходитъ къ анализу очень интереснаго вопроса о значенiи въ развивающемся обществѣ нравственнаго элемента. И органическiй, и общественный процессъ борьбы за существованiе не исчерпываютъ, однако, коллективной жизни. Мы уже видѣли, что въ каждомъ союзѣ людей существуетъ рядъ извѣстныхъ привычекъ, навыковъ, а порою даже и очень сознательныхъ стремленiй человѣка къ извѣстнымъ дѣйствiямъ, которыя парализуютъ односторонній уклонъ членовъ общежитiя въ сторону эгоизма и вражды. Что же такое нравственность, выростающая изъ этихъ привычекъ и стремленiй? Южаковъ беретъ здѣсь отправнымъ пунктомъ опредѣленiе автора анонимной статьи (Лаврова) „Современныя ученiя о нравственности и ея исторiя", появившейся въ №№ 3, 4 и сл. „От. Записокъ" за 1870 г.: нравственно то, что «лежитъ въ предѣлахъ убѣжденiя». Но анализъ этой формулы показываетъ, что здѣсь дѣло можетъ идти не о всякихъ убѣжденiяхъ, — скажемъ, астрономическихъ,—а лишь о такихъ, которыя имѣютъ отношенiе къ общественному поведенiю людей. Отсюда вэглядъ на нравственность, какъ на извѣстное явленiе, вырабатывающееся изъ самихъ условiй общественной жизни и въ интересахъ ея дальнѣйшаго развитiя. Южаковъ ставитъ вопросъ о нравственности на эту очень реальную почву, говоря: «Если мы сравнимъ послѣдовательно направленiя нравственности (добродѣтели), преобладавшiя въ различныя эпохи и въ различныхъ обществахъ, то мы безъ труда замѣтимъ, что они соотвѣтствовали нуждамъ общества данной эпохи и при данномъ общественномъ состоянiи, или, лучше сказать, они были такого рода, что обусловливали самое его (общества) существованiе въ данномъ видѣ. Будучи продуктомъ предшествовавшаго историческаго развитiя, эти добродѣтели были необходимымъ условiемъ настоящаго общественнаго состоянiя» (стр. 144).

И далѣе: «Если бы мы перебрали одно за другимъ всѣ послѣдующiя нравственныя ученiя, то легко было бы показать, что всѣ они суть формулированiе, выясненiе началъ, на которыхъ зиждется или должно созидаться общество; всѣ они суть или освященiе, возведенiе въ принципъ даннаго общественнаго строя, или предложенiе новыхъ основанiй для этого строя; всѣ они или реальныя, или идеальныя начала общественности, потому что всѣ они даютъ теорiю того, какъ должна жить личность въ обществѣ, сообразно тому или другому реальному или идеальному общественному порядку. Такимъ образомъ мы нашли ту неизмѣнную формулу нравственности, которую

искали: нравственно то, что соотвѣтствуетъ реальнымъ или идеальнымъ началамъ общественности; безнравственно все, что имъ противорѣчитъ» (стр. 145—146). Для большей ясности мы должны прибавить, что, по мнѣнію Южакова, въ данной формулѣ дѣло идетъ о реальныхъ началахъ общественности тогда, когда личность просто живетъ согласно выгодному для устойчивости общества нравственному міровоззрѣнію; а идеальныя начала вступаютъ въ силу тогда, когда предъ нами личность, сознательно стремящаяся къ новымъ формамъ жизни, которыя только что намѣчаются въ развитіи общественныхъ силъ и будутъ благопріятствовать лишь новымъ формамъ установляющейся жизни.

Заключительныя разсужденія этого анализа отношеній между общественною жизнью и общественною нравственностью приводятъ снова Южакова къ выводу, что борьба за существованіе, всецѣло царившая въ періодѣ органическаго прогресса, наталкивается въ дальнѣйшемъ развитіи на сопротивленіе нравственнаго чувства, ограничивающаго и вытѣсняющаго борьбу за существованіе развитіемъ чувствъ нравственности, т. е. такихъ стремленій, которыя способствуютъ прочности общественнаго союза. Южаковъ вовсе не принадлежитъ къ категоріи фаталистовъ оптимистическаго типа, утверждающихъ, что все и всегда ведетъ неизбѣжно къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Наоборотъ, онъ совершенно опредѣленно утверждаетъ, что въ теченіе человѣческой исторіи ведется постоянная борьба между двумя только что указанными антагонистическими принципами, и что далеко не всегда исходъ этой борьбы оканчивается въ пользу высшаго начала, связующаго общества.. Неоднократно бывали эпохи, когда въ обществѣ развивались противорѣчивыя тенденціи, приводившія его къ распаденію. Дѣло, значитъ, идетъ о томъ, чтобы указать на условія, благопріятствующія побѣдѣ элементовъ, связующихъ людей въ крѣпкое общежитіе, надъ элементами, разлагающими союзъ.

Изслѣдуя эти условія, Южаковъ считаетъ возможнымъ сказать, что въ концѣ-концовъ прочность всякаго общежитія должна зависѣть отъ возможности установить равновѣсіе между потребностями развивающагося человѣческаго союза и средствами удовлетворенія этихъ потребностей. Здѣсь нашему соціологу приходится, въ свою очередь, заняться тѣмъ вопросомъ о ростѣ населенія, съ одной стороны, и о размноженіи пищи—съ другой, который со времени Мальтуса играетъ такую роль въ соціальной философіи. Двойственный характеръ задачи,—т. е. его природная сторона и его сторона соціальная,—удачно схваченъ Южаковымъ въ слѣдующей обоюдоострой формулѣ: «Что самая лучшая система организаціи труда не въ состояніи доставить средства существованія населенію, матеріальная культура котораго не обезпечиваетъ необходимой производительности труда—положеніе, не требующее доказательствъ.

Но не трудно убѣдиться, что безъ должной организаціи труда самая высокая культура не обезпечиваетъ населенію его существованія» (стр. 159). Итакъ, мы видимъ, что нашъ соціологъ ставитъ вопросъ объ общей возможности развитія человѣческаго союза на совершенно реальную почву. Безъ извѣстной производительности труда всякій прогрессъ общества долженъ фатально упереться въ тупикъ, ослабѣть и остановиться. Но, съ другой стороны, разъ трудъ достигъ этой степени производительности, дальнѣйшее развитіе общественнаго союза немыслимо иначе, какъ въ рамкахъ организаціи труда, наилучше удовлетворяющей потребностямъ членовъ все растущаго и усложняющагося общежитія. Авторъ заканчиваетъ свои соціологическіе этюды, поэтому, совершенно естественно критикой мальтусіанства, умѣло пользуясь разсужденіями, уже сдѣланными въ этой области Н. Г. Чернышевскимъ. Въ подкладкѣ этой аргументаціи лежитъ чрезвычайно вѣрная мысль Фурье относительно того, что настоящая культура сковываетъ производительность труда въ очень сильной степени и не даетъ возможности человѣчеству пользоваться всѣми тѣми благами, которыя уже была бы способна дать современная производительность труда, опираясь этотъ трудъ на цѣлесообразную организацію.

Мы не будемъ слѣдовать за этой аргументаціей Южакова въ виду извѣстности тѣхъ взглядовъ Чернышевскаго на предметы, которые такъ или иначе лежатъ въ основаніи послѣднихъ главъ перваго и наиболѣе законченнаго, равно какъ наиболѣе оригинальнаго, соціологическаго произведенія Южакова. Зато мы остановимся довольно подробно на томъ этюдѣ, выдѣленномъ въ особое приложеніе, въ которомъ молодой авторъ подвергъ критикѣ такъ называемую русскую школу соціологовъ, стоявшихъ за «субъективный методъ въ соціологіи».

V.

Что такое эта русская школа соціологіи, и какой смыслъ имѣетъ субъективный методъ, который она считаетъ необходимымъ примѣнять къ изученію общественныхъ условій? Было бы довольно безполезно отыскивать первые зачатки воззрѣній, сложившихся у насъ въ школу соціологическаго субъективизма. Совершенно справедливо замѣтилъ одинъ выдающійся историкъ, что нѣтъ ничего неблагодарнѣе, какъ останавливаться на тѣхъ зародышахъ извѣстной мысли, становящейся въ данный моментъ популярною, которые составляютъ лишь первые слабые и разрозненные подходы къ основному ученію послѣдующихъ дней. Ибо они являются только догадками, они не связаны между собою нитями внутренней зависимости, не ведутъ къ тѣмъ существеннымъ выводамъ, которые составляютъ специфическую особенность созрѣвшаго міросозерцанія. Такъ, напр., основы субъективизма,—и порою отнюдь

не наивнаго,—можно было бы отчасти найти уже у Протагора *). Первую общую ступень къ этому міропониманію можно было бы видѣть въ той «антропологической» точкѣ зрѣнія, которая связана въ исторіи философіи съ славнымъ именемъ Фейербаха. Но все это не тотъ субъективизмъ, который вырабатывался въ Россіи на рубежѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ и въ послѣдующее десятилѣтіе господствовалъ надъ умами русской интеллигенціи. Отцами этой соціологической школы должно считать Лаврова и нѣсколько позднѣе пришедшаго къ тѣмъ же почти выводамъ, но пришедшаго самостоятельно, Михайловскаго.

Первый очень явственный абрисъ этого ученія былъ данъ Лавровымъ приблизительно одновременно въ одномъ изъ самыхъ первыхъ его «Историческихъ писемъ», печатавшихся съ 1868 по 1869 г. въ «Недѣлѣ», равно какъ въ этюдѣ «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе», появившемся на страницахъ «Современнаго Обозрѣнія» за 1868 г. Нѣсколько позже этотъ вопросъ сталъ разрабатываться и Михайловскимъ въ его статьяхъ: «Что такое прогрессъ» (въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1869 г.) и «Теорія Дарвина и общественная наука» (Отеч. Зап.», 1870 г.). Въ чемъ же заключается смыслъ «субъективнаго метода», насколько онъ схваченъ въ этихъ первыхъ, но очень рельефныхъ формулировкахъ своихъ родоначальниковъ? Кстати сказать, мы здѣсь остановимся, главнымъ образомъ, на этихъ первыхъ абрисахъ, такъ какъ именно съ ними ведетъ полемику Южаковъ. Подробное же указаніе на дальнѣйшую выработку этого ученія, поскольку это опредѣлялось столкновеніемъ противоположныхъ мнѣній и сознаніемъ необходимости для его сторонниковъ выяснить встрѣчающіяся недоразумѣнія,—это указаніе лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ предмета нашей статьи, имѣющей своею задачею нарисовать физіономію Южакова, какъ соціолога и публициста.

Посмотримъ прежде всего, что говоритъ авторъ «Историческихъ писемъ» и «Задачъ позивитизма».

Изслѣдователь долженъ изучать всѣ явленія, подлежащія его анализу, вполнѣ научнымъ способомъ. Ни въ одной отрасли человѣческаго знанія не можетъ быть мѣста мистицизму и произвольнымъ мнѣніямъ, которыя до такой степени загромождаютъ

*) Любопытно, что этотъ древній философъ является родоначальникомъ и для современнаго прагматизма, похожаго нѣкоторыми своими сторонами (конечно, за исключеніемъ своихъ религіозныхъ тенденцій) на русскій субъективизмъ. Одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ прагматистовъ, оксфордскій профессоръ Шиллеръ связываетъ даже свое ученіе съ именемъ «гуманиста Протагора» и называетъ свою систему «нео протагореанствомъ». См. Marcel Hébert, «Le pragmatisme, Etude de ses diverses formes etc»; Парижъ, 1909, стр. 43—48. Читатель нашего журнала могъ составить себѣ ясное понятіе о прагматизмѣ изъ статьи г. П. Мокіевскаго „Прагматизмъ въ философіи“: „Русское Богатство, 1910, №№ 5 и 6.

область науки въ предшествовавшіе періоды развитія человѣческой мысли. Но если явленія, каковы бы они ни были, должны изучаться строго трезвымъ и научнымъ способомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не было разницы въ извѣстныхъ пріемахъ изученія, сообразно съ нѣкоторыми спеціальными особенностями того или другого ряда явленій. Такъ, говоря о явленіяхъ, относящихся къ разряду общественныхъ, и о событіяхъ, изучаемыхъ въ исторіи, Лавровъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ явленій, которыя подлежатъ изученію въ физическихъ наукахъ. Да и въ этой послѣдней области возможно, по его мнѣнію, провести извѣстную грань между двумя рядами явленій. Одни изъ нихъ относятся къ категоріи явленій, повторяющихся въ неизмѣнномъ порядкѣ, и изучаются въ наукахъ, которыя слѣдуетъ называть поэтому феноменологическими, т. е. науками явленій, возвращающихся безпрестанно на глазахъ наблюдателя. Вода, при извѣстной температурѣ, начинаетъ переходить въ пары: совершается процессъ кипѣнія. Желѣзный прутъ при нагрѣваніи удлиняется, накаливается, снова охлаждается и сокращается. Какое-нибудь небесное тѣло описываетъ въ міровомъ пространствѣ болѣе или менѣе правильныя кривыя, снова и снова пробѣгая различныя точки своей орбиты. Всѣ эти явленія повторяются, воспроизводятся безконечное число разъ. Естествоиспытатель, изучая эти феномены, наблюдая ихъ, и даже производя во многихъ случаяхъ надъ ними систематическіе опыты, имѣетъ возможность въ силу самой ихъ повторяемости, установить извѣстные законы, т. е. извѣстныя обобщающія формулы, позволяющія ему осмыслить замѣчаемые имъ процессы измѣненія.

Но есть и другія явленія, изучаемыя естественными науками. Эти явленія не повторяются по отношенію къ опредѣленному тѣлу или группѣ тѣлъ. За то аналогичные процессы происходятъ безпрестанно въ другихъ тѣлахъ и комбинаціяхъ тѣлъ. Бабочки откладываютъ яйца, изъ которыхъ вылупляются гусеницы, превращающіяся въ куколки, въ свою очередь переходящія въ новыхъ бабочекъ. Различныя растительныя и животныя формы проходятъ правильно черезъ разныя стадіи процессовъ, начиная отъ зародыша, переходя послѣдовательно къ фазисамъ молодого, зрѣлаго, дряхлаго существа и, наконецъ, кончая смертью и слѣдующимъ за нею разложеніемъ. Вотъ эта бабочка, вотъ этотъ зародышъ могутъ пройти по лѣстницѣ своего развитія только одинъ разъ. Индивидуальный процессъ, значитъ, не повторяется. Но за то раньше, позже, въ данный моментъ, рядомъ, вблизи и вдали, сколько мы замѣчаемъ подобныхъ же органическихъ процессовъ, которыя совершаются съ другими бабочками, съ другими животными или растительными формами, и позволяютъ наблюдателю охватывать однимъ общимъ закономъ переходъ всѣхъ этихъ формъ отъ одного фазиса къ другому!.. Такія науки называются морфологическими.

Посмотримъ теперь, что дѣлается въ области общественныхъ явленій и въ особенности событій историческихъ. Французская революція 1789 г. представляетъ собою единственное явленіе въ мірѣ общественно-человѣческой жизни, единственный экземпляръ, такъ сказать, уникумъ комбинаціи историческихъ условій, подобнаго которому больше не было. Возьмите затѣмъ революцію 30-го года, революцію 48-го года, возьмите, наконецъ, коммуну 18-го марта 1871 г., все въ той же Франціи. Были неоднократныя попытки провести методъ сравненія и различенія между этими великими историческими движеніями. И что же? Эта работа анализирующей и обобщающей исторической мысли именно и приводитъ насъ къ заключенію, что сочетанія условій, въ которыя выливались эти могучіе общественные процессы, были настолько своеобразны, что нельзя говорить не только о тождествѣ одного движенія съ другимъ, но даже трудно бываетъ во всѣхъ нихъ уловить большое количество очень сходныхъ элементовъ, кромѣ самыхъ общихъ мѣстъ, въ родѣ, напр., того, что и тамъ, и здѣсь боролись извѣстныя общественныя группы, что на исходъ событій оказывала не только внутренняя, но и внѣшняя жизнь страны, ея международное положеніе и т. п.

Спрашивается теперь: можетъ ли тотъ ученый изслѣдователь, который называется историкомъ, примѣнять къ изученію составляющихъ его спеціальность явленій тѣ самые пріемы, какіе пускаетъ въ ходъ естественникъ, изучающій извѣстныя явленія въ феноменологическихъ и морфологическихъ наукахъ? Первой задачей ученаго является отдѣлить главные элементы процесса отъ второстепенныхъ, существенные отъ неважныхъ. Именно повторяемость тѣхъ же самыхъ или строго аналогичныхъ явленій даетъ натуралисту возможность отдѣлить основныя обстоятельства отъ побочныхъ. Это достигается путемъ такихъ простыхъ логическихъ пріемовъ, что дѣло заключается лишь въ одномъ: умѣть наблюдать, умѣть производить опытъ.

Но какъ отличить въ какомъ-нибудь историческомъ процессѣ элементы главные и элементы второстепенные, если судьба даетъ намъ возможность встрѣтиться съ даннымъ событіемъ, движеніемъ, процессомъ, лишь одинъ разъ? Несомнѣнно, въ этихъ случаяхъ изслѣдователю приходится пускать въ ходъ другіе пріемы. И Лавровъ развиваетъ довольно подробную аргументацію относительно невозможности устанавливать основную или побочную роль извѣстныхъ элементовъ комбинаціи на основаніи другихъ признаковъ, кромѣ повторяемости, напр., количества личностей, захваченныхъ водоворотомъ извѣстнаго событія: «для современнаго историка завоеваніе огромной Китайской имперіи монголами будетъ, я думаю, менѣе значительно, чѣмъ борьба нѣсколькихъ горныхъ кантоновъ Швейцаріи съ Габсбургами» («Историческія Письма», 2-е изд., дополненное и исправленное; Женева, 1891 г., стр. 28). Чѣмъ же руководиться въ такомъ случаѣ, стараясь уловить проявленія

исторической законосообразности? Вотъ и приходится откинуть этотъ, объективный, способъ изслѣдованія и ввести субъективную оцѣнку по степени нравственнаго вліянія данныхъ событій, насколько это представляется каждому данному историку. Приходится произносить судъ надъ внутреннимъ значеніемъ извѣстныхъ историческихъ явленій сообразно съ нравственнымъ идеаломъ изслѣдователя. Только такимъ путемъ мы можемъ осмыслить связь явленій, которая въ данной комбинаціи представляется нашему взору лишь одинъ разъ.

Но и это не все. До сихъ поръ мы говорили о нѣкоторыхъ особенностяхъ самихъ историческихъ явленій, какъ неповторяющихся, явленій, для изученія которыхъ приходится отыскивать иные пріемы, чѣмъ тѣ, какіе обыкновенно прилагаются къ изслѣдованію явленій физической природы. Теперь мы должны указать еще на одну сторону изученія историческихъ процессовъ, вытекающую уже не изъ свойствъ объекта, т. е. изучаемаго нами міра явленій, а изъ свойствъ субъекта, т. е. логическаго аппарата самого изслѣдователя. Такъ какъ дѣло идетъ о человѣческихъ процессахъ, смыслъ и суть которыхъ составляетъ субъективный міръ,— т. е. и цѣли, преслѣдуемыя людьми въ данную эпоху, и міросозерцаніе современниковъ этихъ событій, оцѣнивавшихъ упомянутыя цѣли, и оцѣнка самого изслѣдователя, который прилагаетъ свой личный масштабъ, чтобы выбрать центральные элементы въ данной комбинаціи процесса,—то здѣсь всѣ явленія различаются нами, какъ благодѣтельныя или вредныя, какъ добро и зло съ нашей точки зрѣнія. При чемъ нашъ нравственный идеалъ развертываетъ намъ общую перспективу историческаго процесса, въ исходѣ котораго получается требованіе относить все движеніе событій къ нашему пониманію, къ нашей идеѣ о прогрессѣ, будетъ ли изучаемое нами теченіе событій вести насъ, по нашему убѣжденію, къ этому идеалу или отодвигать насъ отъ него.

Здѣсь объективизму не мѣсто. Здѣсь объективизмъ—одинъ обманъ, ибо люди, держащіеся мнимо-объективной точки зрѣнія, или въ сущности, какъ говоритъ Лавровъ, «всѣ, вѣрующіе въ безусловную непогрѣшимость своего нравственнаго міросозерцанія, хотѣли бы себя увѣрить, что не только для нихъ, но и само въ себѣ важнѣе лишь то въ историческомъ процессѣ, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ основамъ этого міросозерцанія. Но, право, пора бы людямъ мыслящимъ усвоить себѣ очень простую мысль, что различіе важнаго и неважнаго, благодѣтельнаго и вреднаго, хорошаго и дурного суть различія, существующія лишь для человѣка, а вовсе чуждыя природѣ и вещамъ самимъ по себѣ, что одинаково неизбѣжна для человѣка необходимость прилагать ко всему свой человѣческій (антропологическій) способъ воззрѣнія и для вещей въ ихъ совокупности необходимость слѣдовать процессамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ человѣческимъ воззрѣ-

ніемъ... Безсознательные процессы природы вырабатываютъ мысль о всемірномъ тяготѣніи, о солидарности людей совершенно такъ же, какъ ворсинку на ногѣ жука или стремленіе лавочника сорвать лишнюю копѣйку съ покупщика; Гарибальди и ему подобные для природы—совершенно такіе же экземпляры породы человѣка въ XIX вѣкѣ, какъ любой сенаторъ Наполеона III, любой бюргеръ маленькаго города Германіи, любой изъ тѣхъ пошляковъ, которые гранятъ тротуары Невскаго проспекта. Наука не представляетъ никакихъ данныхъ, по которымъ безпристрастный изслѣдователь имѣлъ бы право перенести свой нравственный судъ о значительности общаго закона, геніальной или героической личности, изъ области человѣческаго пониманія и желанія въ область безстрастной и безсознательной природы» (Цитировано у Южакова на стр. 242—243 «Соціологическихъ этюдовъ»; въ новомъ изд. «Историческихъ Писемъ» упомянутая цитата находится на стр. 31—32).

Южаковъ начинаетъ свою аргументацію съ возраженія на мысль о совершенно особомъ характерѣ соціальныхъ явленій и историческихъ процессовъ. Точно ли событія историческія не повторяются? И онъ небезыскусно доказываетъ, что, съ одной стороны, буквально не повторяются и природные процессы, какъ утверждалъ это Спенсеръ въ спорѣ съ англійскимъ писателемъ Фроудомъ, отмѣчая то обстоятельство, что въ сущности нѣтъ даже совершенно точныхъ повтореній астрономическихъ явленій, а есть только повторенія приблизительныя. Съ другой стороны, продолжаетъ Южаковъ, если въ области исторіи эта неповторяемость, дѣйствительно, бросается въ глаза, то все же и тутъ можно сказать, что отсутствіе повтореній даннаго конкретнаго явленія не исключаетъ еще возможности приблизительнаго повторенія родовыхъ подходящихъ явленій. Взять, напр., паденіе какого-нибудь опредѣленнаго государства. Да, несомнѣнно, это событіе—единственное въ своей конкретности. Но за то у насъ есть цѣлый рядъ приблизительно подходящихъ паденій государствъ. И, изслѣдуя эти различныя историческія катастрофы, мы можемъ уловить въ нихъ общіе признаки и такимъ образомъ сдѣлать попытку вывести отсюда нѣкоторую законосообразность.

Правда, явленія историческія гораздо сложнѣе природныхъ. Въ нихъ отсутствуетъ элементъ безграничной повторяемости физическихъ процессовъ. Да и число элементовъ, дающихъ ту или другую комбинацію, неизмѣримо значительнѣе. Но отсюда, по мнѣнію Южакова, слѣдуетъ заключать лишь о предпочтеніи дедуктивнаго метода при изслѣдованіи соціологическихъ явленій передъ индуктивнымъ. Во всякомъ случаѣ, нашъ авторъ отказывается видѣть рѣзко качественное различіе между природными процессами и историческими явленіями.

Что касается до второго положенія Лаврова, а именно, той осо-

бенности нашего логическаго аппарата, которая заставляетъ насъ судить историческіе процессы исключительно съ нашей субъективной точки зрѣнія, то Южаковъ указываетъ прежде всего на то недоразумѣніе, которое скрывается для него въ этомъ взглядѣ. Въ сущности, по его мнѣнію, «объективисты убѣждены не въ томъ, что ихъ соціологическія воззрѣнія важны «сами по себѣ», но въ томъ, что они, будучи научно истинны, логически обязательны для всякаго мыслящаго о соціологическихъ предметахъ человѣка» (стр. 245). Человѣкъ воспринимаетъ вещи, конечно, по человѣчески и не можетъ ихъ воспринимать иначе. Но и у одного, и у другого, и у третьяго человѣка, и у всѣхъ людей есть всетаки выработавшіеся въ теченіе длиннаго ряда поколѣній логическіе пріемы мышленія и психологическія воспріятія. Южаковъ отказывается считать существеннымъ возраженіе противъ объективистовъ, будто бы они гонятся за безусловнымъ и за какой-то объективной реальностью въ сферѣ человѣческихъ воззрѣній. Наоборотъ, они знаютъ, что логическіе и психологическіе процессы совершаются только въ человѣкѣ. Но это, однако, не препятствуетъ имъ искать и здѣсь законосообразности.

Не надо, впрочемъ, думать, что Южаковъ безъ оговорки зачисляетъ себя въ ряды приверженцевъ объективизма. Скорѣе, онъ самъ близко подходитъ къ міровоззрѣнію своихъ противниковъ и полемизируетъ съ ними лишь по поводу умѣстности говорить о какомъ-то спеціально годящемся для изученія общественныхъ явленій—«субъективномъ методѣ». По его мнѣнію, если субъективисты ограничатся утвержденіемъ, что изслѣдованіе историческихъ событій несомнѣнно вызываетъ у человѣка потребность нравственной оцѣнки и нравственнаго суда, то, вѣдь, такое же требованіе вытекаетъ какъ разъ изъ того взгляда на нравственность, который былъ раньше развитъ самимъ Южаковымъ. Не говорилъ ли онъ выше, что развитіе нравственности есть процесъ приспособленія жизни къ условіямъ общественнаго существованія? Итакъ, если особенность субъективнаго метода состоитъ во взглядахъ изслѣдователя на надлежащія отношенія членовъ общежитія и другъ къ другу, и къ цѣлому союзу, равно какъ «въ построеніи научной теоріи при помощи того же критерія», то въ этой формѣ упомянутое требованіе будетъ допущено, по мнѣнію нашего автора, и самымъ прямолинейнымъ защитникомъ единства научнаго метода во всѣхъ сферахъ человѣческаго мышленія. «Тутъ никакого особеннаго метода даже и нѣтъ вовсе, а есть просто провозглашеніе одной весьма важной теоремы соціологіи, именно, что общество основано на личностяхъ, и что развитіе общества совершается не иначе, какъ личностями, чрезъ личности и въ личностяхъ» (стр. 249).

Установивши это положеніе, Южаковъ обращается теперь съ своей аргументаціей уже не противъ Лаврова, а противъ Михай-

ловскаго, который обосновываетъ субъективный методъ самостоятельно, хотя и довольно близко къ Лаврову. Михайловскій, дѣйствительно, говоритъ: «Коренная и ничѣмъ неизгладимая разница между отношеніями человѣка къ человѣку и отношеніями человѣка къ остальной природѣ, состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не просто съ явленіями, а съ явленіями, тяготѣющими къ извѣстной цѣли, тогда какъ во второмъ—цѣль эта для человѣка не существуетъ. Различіе это до такой степени важно и существенно, что само по себѣ уже намекаетъ на необходимость примѣненія различныхъ методовъ въ двухъ великихъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія» (Южаковъ, стр. 251; цитата находится въ статьѣ «Что такое прогрессъ» на стр. 145 т. I-го «Полнаго собранія сочиненій Н. К. Михайловскаго», Спб., 1906, изд. 4). И далѣе: «Сочувственный опытъ, вмѣстѣ съ опытомъ личнымъ, комбинируясь извѣстнымъ образомъ, входитъ въ наше психическое содержаніе и, на ряду съ категоріями истиннаго и ложнаго, установляетъ категоріи пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и нежелательнаго, нравственнаго и безнравственнаго, справедливаго и несправедливаго. Отрѣшиться отъ этой стороны эмпирическаго содержанія нашего «*Я*» столь же невозможно. какъ произвольно вычеркнуть изъ своей памяти какія-нибудь знанія (Михайловскій, стр. 150; Южаковъ, стр. 257).

И опять таки Южаковъ возражаетъ противъ этой аргументаціи съ той точки зрѣнія, что введеніе въ изслѣдованіе общественныхъ явленій нравственнаго элемента и субъективный методъ, т. е. провозглашеніе нашего суда надъ событіями научнымъ критеріемъ, далеко не одно и то же. А «что касается того положенія,—продолжаетъ Южаковъ,—что, мысля общественныя явленія, мы необходимо мыслимъ пользу, вредъ, благо и прочія категоріи, окрашенныя для насъ въ цвѣтъ желательности и нежелательности—въ этомъ я такъ же мало сомнѣваюсь, какъ и въ томъ, чтобы эта неизбѣжность налагала на насъ обязанность строить общественную науку, исходя изъ положеній одного изъ отдѣловъ ея, изъ нравственныхъ теорій. Общество не только основано на личностяхъ, но по самому нашему положенію, какъ личностей, его составляющихъ, мы и наблюдать-то ничего не можемъ, кромѣ отношеній между личностями, личностей къ обществу и общественной средѣ, если не считать, конечно, самихъ явленій этой среды, которая въ нашихъ глазахъ получаетъ смыслъ все же только тогда, когда опредѣлимъ ея значеніе для личностей. Натурально, что вся наша терминологія имѣетъ такую же утилитарную окраску. Поэтому борьба съ этою окраскою для всякаго мыслителя и невозможна, и безполезна: всѣ слова, относящіяся къ обществу, запечатлѣны ею; всѣ отвлеченныя и почти всѣ общія конкретныя названія въ соціологической терминологіи непремѣнно или прямо означаютъ, или соозначаютъ пользу, вредъ,

благо или что-либо подобное и, употребляя эти названія, вы необходимо называете и указанные признаки... Такимъ образомъ, пишучи и мысля при помощи нашихъ языковъ, нельзя избыть утилитарнаго элемента» (стр. 267).

VI.

Здѣсь, собственно говоря, мы могли бы прекратить въ нашей статьѣ разговоръ о субъективномъ методѣ. Самъ Южаковъ не продолжалъ дальше диспута по этому поводу. Признавая неизбѣжность и даже должность нравственнаго суда и оцѣнки при изслѣдованіи общественныхъ явленій, онъ возражалъ лишь только противъ того, чтобы изслѣдовать эти явленія особымъ способомъ, «субъективнымъ методомъ», въ отличіе отъ прочихъ предметовъ человѣческаго изученія. Лавровъ же и Михайловскій утверждали, что въ этой необходимой нравственной оцѣнкѣ уже и заключается особый «методъ». Ясное дѣло, что для обѣихъ сторонъ разговоръ шелъ скорѣе о словахъ. Но въ виду того, что русская субъективная школа въ соціологіи и пропагандировавшійся ею особый методъ при изслѣдованіи общественныхъ процессовъ, играли значительную роль среди умственныхъ теченій, овладѣвавшихъ русской интеллигенціей, мы продолжимъ краткую исторію выработки этого міровоззрѣнія.

Оба главные руководителя русской соціологической школы подняли перчатку, брошенную Южаковымъ, и старались показать, что если есть недоразумѣніе, то оно скорѣе на сторонѣ Южакова. Такъ, Михайловскій въ своихъ любопытныхъ «Запискахъ профана», относящихся къ 1875 г., цитировавъ только что упомянутое нами мѣсто изъ Южакова, счелъ нужнымъ сказать, что такая аргументація его противника въ сущности «устраняетъ чуть ли не половину причинъ спора между нами» (Соч., т. III, стр. 391). Но онъ констатируетъ рядъ новыхъ недоумѣній, вытекающихъ, по его мнѣнію, изъ послѣдовательнаго проведенія взглядовъ Южакова, и пользуется этимъ случаемъ для того, чтобы снова и снова укрѣпить свою точку зрѣнія. Напр.: «Мы можемъ различать два рода истинъ: однѣ свидѣтельствуютъ о существованіи извѣстныхъ явленій и отношеній между ними; другія свидѣтельствуютъ о степени удовлетворенія, которое эти явленія даютъ различнымъ требованіямъ природы наблюдателя помимо потребности познанія. Послѣднія субъективны» (Ibid., стр. 393). По мнѣнію Михайловскаго, человѣкъ желаетъ не одной истины, хотя, конечно, онъ желаетъ и стремится и къ истинѣ. Есть другія стороны человѣческаго бытія, которыя удовлетворяются другими категоріями, кромѣ категорій истиннаго. Истина есть удовлетвореніе познавательной потребности человѣка. Но у человѣка могутъ существо

вать и искать своего удовлетворенія другія потребности. Напр., потребность справедливости: «На... объективной ступени соціологическое изслѣдованіе можетъ останавливаться только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ... рядомъ съ потребностью познанія становится та потребность нравственнаго суда, которая молчитъ или, по крайней мѣрѣ, должна молчать въ изслѣдованіи физическомъ» (стр. 394).

Михайловскій нисколько не скрываетъ того обстоятельства что нравственная оцѣнка объективно установленныхъ соціологическихъ явленій различна у различныхъ наблюдателей. Но изъ этого, по его мнѣнію, слѣдуетъ только то, что, опредѣляясь условіями ихъ соціальнаго и прочаго положенія, эта оцѣнка является для каждаго изъ нихъ и несомнѣнно истинною, удовлетворяющею его. А потому, если бы мы хотѣли найти соціологическую точку зрѣнія, могущую быть принятой болѣе или менѣе всѣми изслѣдователями, то мы должны были бы постараться такъ измѣнить внѣшнія условія, окружающія каждаго изъ изслѣдователей, чтобы они отличались большею однородностью и поэтому ставили бы разныхъ наблюдателей приблизительно въ одинаковую умственную позицію. Михайловскій доказываетъ, что въ сущности ни одинъ изслѣдователь по общественнымъ вопросамъ не можетъ выдвинуть взгляда на вещи, который бы отличался безусловной объективностью и всеобщей обязательностью. Многіе ученые лишь кичатся этою своею объективностью, а на самомъ дѣлѣ предъявляютъ претензію къ другимъ раздѣлять ихъ личную точку зрѣнія, какъ выраженіе абсолютной истины *). Поэтому, по мнѣнію Михайловскаго, даже интересы чисто объективнаго изслѣдованія внѣшней, фактической стороны общественныхъ явленій могутъ осуществляться полнѣе и лучше въ томъ случаѣ, если каждый изслѣдователь, стараясь не искажать факты въ угоду своихъ субъективныхъ взглядовъ, тѣмъ не менѣе откровенно заявитъ о своей основной точкѣ зрѣнія, вносящей связь и смыслъ въ накопленныя наблюденія.

Еще больше работалъ надъ уясненіемъ такъ называемаго субъективнаго метода Лавровъ, который въ теченіе всей своей жизни возвращался снова и снова къ выясненію недоразумѣній, вызывавшихся воззрѣніями русской соціологической школы и ко-

*) Ср. одного изъ представителей прагматизма: „какого бы темперамента ни былъ профессіональный философъ, онъ пытается, философствуя, оставить въ тѣни (to sink) фактъ своего темперамента. Темпераментъ не считается признаннымъ по условію достаточнымъ основаніемъ, и вотъ онъ напираетъ на безличныя основанія для своихъ выводовъ. И однако его темпераментъ сообщаетъ ему извѣстную склонность въ болѣе сильной степени, чѣмъ какая бы то ни было изъ его болѣе объективныхъ посылокъ“ (William James, „Pragmatisim. A new name for some old ways of thinking. Popular lectures on philosophy“; Лондонъ. 1908, стр. 7).

торый далъ одну изъ послѣднихъ и окончательныхъ формулировокъ своего взгляда на вещи въ книгѣ «Задачи пониманія исторіи». Здѣсь Лавровъ прямо говоритъ, что въ наукѣ есть безусловныя требованія объективизма, которыя исключаютъ, какъ субъективизмъ некритическаго личнаго аффекта, такъ и субъективизмъ произвольнаго логическаго мнѣнія, такъ, наконецъ, и субъективизмъ простого невѣдѣнія и недостаточнаго знанія. Но за всѣмъ тѣмъ въ явленіяхъ общественности остается неразложимый средствами объективнаго анализа остатокъ, который для своего осмысливанія нуждается уже не просто въ «болѣе критической установкѣ фактовъ», а въ «болѣе упорной работѣ историка надъ своимъ общимъ личнымъ развитіемъ, выработкѣ болѣе широкаго личнаго міросозерцанія, личномъ усвоеніи высокихъ жизненныхъ цѣлей» (С. С. Арнольди (псевдонимъ Лаврова), «Задачи пониманія исторіи»; Москва, 1898 г., стр. 88).

Лишь такимъ путемъ, по мнѣнію Лаврова, можно отдѣлять въ историческихъ явленіяхъ не только главные процессы отъ второстепенныхъ, но и нормальные отъ патологическихъ, равно какъ ряды возможныхъ, по мнѣнію изслѣдователя, явленій отъ явленій осуществившихся. Такъ, напр., для каждаго историка новѣйшаго рабочаго движенія, разумѣется, одинаково обязателенъ объективизмъ, устанавливающій извѣстные факты, документы, событія, въ родѣ точнаго текста «Коммунистическаго манифеста» Маркса, дебатовъ на конгрессахъ Интернаціонала, или перипетій «кровавой недѣли» при подавленіи Коммуны. Но степень важности, какая будетъ придана изслѣдователемъ тому или другому явленію, скажемъ, международной группировкѣ рабочихъ и вообще трудящихся массъ, или же чисто дипломатическимъ сношеніямъ различныхъ государствъ, борющихся съ міромъ труда, будетъ уже зависѣть отъ субъективнаго взгляда историка, которому въ данномъ случаѣ не поможетъ никакое чисто фактическое знаніе, если оно не освѣщено, если можно такъ выразиться, изнутри свѣтомъ извѣстнаго идеала.

Можно замѣтить, правда, что и при такомъ толкованіи Южаковъ остается внѣ рядовъ чистыхъ объективистовъ. Уже одна его теорія нравственности развертывала въ достаточной степени, какъ мы видѣли, значеніе этическихъ элементовъ въ исторіи человѣческихъ обществъ. Что касается до роли личности въ исторіи, то тутъ Южаковъ уже цѣликомъ стоялъ на точкѣ зрѣнія русской соціологической школы. Мы слышали отъ него, что одно общественное состояніе переходитъ въ другое лишь при посредствѣ личности, и что личность, хотя и является сначала продуктомъ природной, а затѣмъ общественной, ею же созданной, среды, представляетъ собою съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе активную силу, перерабатывающую общественныя формы. Такъ борьба за существованіе, принимающая чисто органическій характеръ, создаетъ чувства жестокости и разъединенія между людьми. Но необходимость жить

въ извѣстномъ человѣческомъ союзѣ вырабатываетъ, наоборотъ, чувства солидарности и симпатіи и кладетъ основаніе нравственности, т. е. тяготѣнію человѣка къ такимъ общественнымъ отношеніямъ, которыя обезпечиваютъ большую устойчивость за даннымъ общежитіемъ.

Если сравнить взгляды Южакова со взглядами Михайловскаго и Лаврова въ этомъ отношеніи, то трудно будетъ установить какую-нибудь существенную разницу между этими мыслителями, въ сущности выдвигавшими одинъ и тотъ же идеалъ и только различно смотрѣвшими на приложеніе его, какъ способа работы, къ изслѣдованію общественныхъ явленій (замѣтимъ, кстати, что такой несомнѣнный выразитель субъективизма въ соціологіи, какъ г. Карѣевъ, считаетъ, подобно Южакову, неудобнымъ называть субъективнымъ «методомъ» неизбѣжное нравственное отношеніе человѣка къ общественнымъ явленіямъ).

Въ настоящее время мы можемъ не останавливаться на тѣхъ возраженіяхъ противъ значенія личности, которыя дѣлались противниками русской соціологической школы во второй половинѣ 90-хъ годовъ, въ эпоху распространенія ортодоксальнаго марксизма. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ самимъ же критикамъ Михайловскаго *) приходилось, напр., замѣчать, что въ его взглядахъ отнюдь нельзя отыскать того «культа героевъ», въ какомъ его упрекали раньше идейные враги. Михайловскій, правда, всегда настаивалъ на обязательности для живой человѣческой личности, лежавшей въ центрѣ его міровоззрѣнія, активно вмѣшиваться въ ходъ исторіи во имя своихъ идеаловъ. Но онъ не допускалъ, что личности могутъ дѣлать что угодно съ исторіей. Болѣе останавливала на себѣ личность, какъ активный дѣятель прогресса, Лаврова, неоднократно возвращавшагося къ вопросу о томъ, насколько отдѣльный человѣкъ и организація людей могутъ проявлять свое дѣйствіе въ развитіи коллективной жизни. Однако и тутъ придется сказать, что, конечно, Лавровъ былъ слишкомъ критическимъ мыслителемъ и слишкомъ трезвымъ изслѣдователемъ общественныхъ условій, чтобы приписывать даже такъ называемымъ великимъ историческимъ личностямъ ту исключительно громадную роль, какую приписывали имъ банальные историки,— въ чемъ русскіе ученики Маркса упрекали и нашихъ субъективистовъ. Но этотъ же серьезный умъ никогда не забывалъ ука-

*) См., напр.: Николай Бердяевъ, „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ". Спб., 1901, стр. 141 и сл.—Г. Бердяевъ признаетъ „психологическій субъективизмъ" при оцѣнкѣ общественныхъ явленій, но отстаиваетъ одновременно „логическій объективизмъ" ихъ изученія, при чемъ этотъ „логическій" объективизмъ обосновывается имъ экскурсіями въ метафизическую отраву „до-опытнаго", куда, какъ остроумно выразился Михайловскій, мыслитель позитивнаго склада мышленія „не вхожъ".

зывать на возможность сравнительно сильнаго вліянія нѣкоторыхъ личностей на ходъ событій въ соотвѣтствіи не столько съ ихъ личными силами, сколько съ ихъ положеніемъ въ узлѣ перекрещивающяхся общественныхъ нитей, не ими, конечно, созданныхъ, но попавшихъ по волѣ исторіи въ ихъ руки. Такъ, Лавровъ и въ своихъ «Задачахъ исторіи» упоминаетъ, напр., о томъ, что исторія Пруссіи, а, стало быть, и другихъ европейскихъ государствъ конца XVIII в. могла пойти иначе, если бы ожесточенная непріятельница Фридриха Великаго, Елисавета Петровна, не смѣнилась слишкомъ рано на русскомъ престолѣ страстнымъ поклонникомъ прусскаго короля, Петромъ III *).

VII.

Но возвратимся къ Южакову. Надо сказать, что въ теченіе всей своей послѣдующей жизни этотъ выдающійся писатель лишь повторялъ соціологическія идеи, брошенныя имъ въ такомъ раннемъ возрастѣ на страницахъ «Знанія». Тутъ нѣтъ ничего обиднаго для нашего мыслителя. Біографамъ людей науки приходилось указывать неоднократно на тотъ фактъ, что у цѣлой группы тѣхъ самыхъ свѣжихъ и оригинальныхъ мыслителей, которые рано составляли себѣ міровоззрѣніе, остановка въ дальнѣйшемъ процессѣ творчества обнаруживалась тоже сравнительно рано. Возьмите хотя бы геніальнаго математика и астронома д'Аламбера, который всю вторую половину жизни упорно отказывался отъ какой бы то ни было разработки научныхъ идей, высказанныхъ имъ въ началѣ карьеры, и наоборотъ съ видимымъ удовольствіемъ исполнялъ свою

*) Вопросъ о роли личности въ „узловые" моменты исторіи отнюдь не можетъ считаться рѣшеннымъ окончательно. Я нахожу, напр., что извѣстный историкъ Рима, Гульельмо Ферреро, черезчуръ легко отдѣлывается отъ затрудненія, говоря, что личное настроеніе Цезаря, переходящаго Рубиконъ, принадлежитъ „роману, поэмѣ, лирикѣ", а не исторіи, изслѣдующей законообразность. А психологія Цезаря? Развѣ и она не подлежитъ этой законосообразности? См. короткую, но любопытную замѣтку Ферреро о Толстомъ, какъ историкѣ: Guglielmo Ferrero, „Le idee di Leone Tolstoi sulla storia" въ „Nuova Antologia", Римъ, № отъ 1 декабря 1910, стр. 517-521.—Въ на рѣдкость художественно написанномъ введеніи, въ свою „Философію исторіи", Гегель, которому ужъ, конечно, нельзя отказать въ пониманіи міровой законосообразности, очень искусно вводитъ наоборотъ, въ необходимое развитіе исторіи элементъ „страсти" личности Цезаря и другихъ. Нельзя безъ волненія читать его знаменитой тирады объ „историческихъ личностяхъ": „это—великіе люди, именно потому, что они желали и свершили великое, и не воображаемо, не мнимо великое, а истинное и необходимое и т. д." (Hegel's Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte; Берлинъ, 1840, т. 1 второго изданія „Сочиненій", стр. 39 и сл.). Вопросъ заключается въ томъ, насколько мы можемъ считать что-либо „великимъ" потому лишь, что оно было „необходимымъ", хотя бы развитіе цезаризма въ римской исторіи.

роль секретаря Академіи, состоявшую въ писаніи похвальныхъ некрологовъ и произнесеніи публичныхъ рѣчей передъ свѣтской аудиторіей *). Правда, Южаковъ постоянно продолжалъ работать надъ своими первоначальными взглядами, но новаго онъ прибавлялъ мало къ тому созданію обобщающаго ума, которое далъ въ раннiй періодъ своей писательской дѣятельности.

Такъ, изучая второй томъ его «Соціологическихъ этюдовъ», составившійся изъ работъ 80-хъ и 90-хъ годовъ, мы видимъ въ нихъ систематизацію основныхъ мыслей его первоначальнаго изслѣдованія, но не замѣчаемъ никакихъ существенныхъ дополненій. Можно лишь отмѣтить то обстоятельство, что на этой второй стадіи своего развитія, отдѣленной отъ первой, какъ извѣстно, невольнымъ путешествіемъ въ Сибирь, Южаковъ почти цѣликомъ вошелъ въ ряды русской соціологической школы, съ которой онъ раньше полемизировалъ по вопросу о пріемахъ изслѣдованія, и рѣзче подчеркнулъ свои глубокія симпатіи къ Михайловскому, въ которомъ уже и раньше онъ видѣлъ, впрочемъ, одного изъ самыхъ талантливыхъ и яркихъ мыслителей по общественнымъ вопросамъ. Въ главѣ «Нравственность, какъ форма активности», Южаковъ выражаетъ сожалѣніе, что ему не удалось до сихъ поръ исполнить обѣщанія, даннаго еще въ 1888 г., «обстоятельнѣе коснуться всей совокупности соціологическихъ работъ Н. К. Михайловскаго, котораго я считаю,—говоритъ онъ,—занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ европейскихъ мыслителей, работающихъ въ области общественной философіи («Соціологическіе этюды»; т. II, изд. пересмотрѣнное и дополненное, Спб., 1896, стр. 84).

Съ другой стороны, нѣкоторыя обобщенія частнаго порядка,—напр., о значеніи человѣческой активности, которая подавляется въ культурномъ обществѣ сложной игрой общественныхъ силъ (стр. 190), или о трехъ родахъ дѣятельности личности: самостоятельной, но не согласованной, съ интересами общества; принудительной, но насильственно согласованной съ обществомъ; и наконецъ, самостоятельной и свободной, согласуемой въ интересахъ общества и личности (стр. 191),—все же не могутъ закрыть отъ взора внимательнаго читателя, что Южаковъ второго періода злоупотреблялъ своею способностью къ абстрагированію, черезчуръ упрощая или, какъ бы сказали теперь, стилизуя, конкретную человѣческую исторію въ угоду нѣкоторымъ красивымъ схемамъ. Такъ, не безъ нѣкотораго недоумѣнія останавливаешься на характеристикѣ того довольно фантастическаго періода человѣческой эволюціи, который Южаковъ называетъ перiо-

*) См., напр., небольшую, но интересную книжку мало извѣстнаго у насъ позитивиста, Ѳ. Вешнякова: Theodore Wechniakoff, „Savants, penseurs et artistes. Biologie et pathologie comparées“; Парижъ. 1899. стр, 50—64.

домъ «монополіи» и вдвигаетъ между періодомъ «рабовладѣнія» и періодомъ «капитализма», сливая феодальный періодъ съ періодомъ рабства. Спрашивается, когда же существовалъ этотъ режимъ, служившій «орудіемъ борьбы противъ рабовладѣнія», «дававшій богатство гильдіямъ и цехамъ», «направлявшій ихъ усилія противъ феодаловъ»—и, наконецъ, «очистившій мѣсто капитализму»? (стр. 286 — 287). Повидимому, подъ строемъ «монополіи» Южаковъ разумѣлъ слагавшуюся цеховую организацію, а, пожалуй, отчасти и меркантильную систему. Но имѣемъ ли мы право такъ представлять себѣ дѣйствительную исторію? Не забудемъ, что цеховой порядокъ былъ лишь одною изъ сторонъ феодальнаго строя, правда вырабатывавшею въ нѣдрахъ корпорацій и мало по малу освобождавшихся городскихъ общинъ будущихъ противниковъ феодализму. Съ другой стороны, меркантильная система являлась, главнымъ образомъ, государственнымъ насажденіемъ крупнаго торговаго капитала, т. е. знаменовала собою уже начало періода капитализма. Такимъ образомъ, періодъ монополіи (введенный Южаковымъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ идей Прудона) былъ лишь абстракціей нѣкоторыхъ сложныхъ и одновременно существовавшихъ явленій на рубежѣ средневѣковаго и новаго порядка вещей.

Подобной же абстракціей, не считающейся съ сложностью общественно-историческихъ процессовъ, является, напр., высказанный Южаковымъ въ самомъ концѣ второго тома «Соціологическихъ этюдовъ» взглядъ на Россію, какъ на такую страну, которая въ періодъ всемірнаго капитализма «представляетъ трудъ въ международныхъ отношеніяхъ и страдаетъ отъ экономическаго дифференцованія, отъ господства капитала» (стр. 340). Эта мысль о Россіи, какъ о представительницѣ будто бы исключительно труда, противъ которой выступаютъ на интернаціональномъ рынкѣ другія страны въ качествѣ представительницъ исключительно капитала, была ранѣе уже положена Южаковымъ въ его небольшую политическую работу «Англо-русская распря. Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ» (Спб., 1885 г.). Въ самомъ дѣлѣ, разбирая причины, которыя въ половинѣ 80-хъ годовъ влекли Россію и Англію къ столкновенію въ Средней Азіи, Южаковъ начертываетъ такую схему этихъ политическихъ отношеній, какая черезчуръ упрощаетъ, а потому и искажаетъ дѣйствительную картину современнаго международнаго періода. Напр.: «Буржуазный капиталистическій режимъ, дошедшій (въ Европѣ) до самаго крайняго выраженія именно въ Англіи и при томъ именно въ лицѣ Англіи, перенесшей свое господство и въ международныя отношенія, этотъ режимъ встрѣчаетъ въ лицѣ Россіи страну не буржуазную и не капиталистическую, а построившую свою культуру на идеѣ крестьянства; борьба между двумя міровыми колоссами поневолѣ явится борьбою между двумя режимами, провѣркою ихъ со-

стоятельности и ихъ значенія и роли въ будущемъ» (стр. 4). Увы! дѣйствительность много сложнѣе, и Россія перестала быть представительницею чистаго труда, если вообще была когда-нибудь таковой; а, съ другой стороны, и въ Англіи не одинъ капиталистъ является носителемъ общественнаго развитія. Но всѣ эти увлеченія схемами не мѣшаютъ общему размаху соціологической мысли Южакова, который остается интереснымъ и свѣжимъ мыслителемъ во всѣхъ приложеніяхъ соціологіи къ публицистикѣ и, въ частности, къ политикѣ.

Передо мною лежитъ, напр., его книга «Добровольцъ Петербургъ. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія» (Спб., 1894 г.). Развертываю въ этой живой, прекрасно написанной вещи, страницы, трактующія о женскомъ вопросѣ въ Японіи. Вотъ вамъ сначала сценка изъ мѣстнаго быта. Пользуясь обыкновеніемъ такъ называемыхъ временныхъ браковъ, бравый русскій офицеръ заключилъ такой союзъ съ молодой и прекрасной японкой изъ хорошей семьи. Супругъ былъ столь очарованъ спутницей своей жизни, что твердо рѣшился превратить временный союзъ въ постоянный, крестить жену и сочетаться съ ней по всѣмъ обрядамъ православной церкви; а пока принужденъ былъ отправиться въ пятимѣсячную разлуку, чтобы устроить свои дѣла. Все время молодой человѣкъ мечтаетъ въ разлукѣ о предстоящемъ счастьи. Наконецъ билъ желанный день возврата. Встрѣча. Нѣжныя объятія двухъ супруговъ. Дальше пусть говоритъ самъ авторъ.

«Но что это за молодой человѣкъ, очевидно, живущій въ квартирѣ и теперь собирающій свои пожитки, чтобы удалиться?

— Съ твоимъ возвращеніемъ онъ, конечно, немедленно исчезнетъ,—отвѣчаетъ нѣжная жена, сіяя счастливою улыбкою.—На этомъ условіи я его и приняла послѣ твоего отъѣзда» (стр. 140).

Дальше слѣдуетъ описаніе страшнаго горя, постигшаго молодого супруга при видѣ такой очевидной, такой безцеремонной «измѣны», и не менѣе сильнаго горя оставшейся жены, которая никакъ не могла понять, чѣмъ, собственно, такъ огорчился ея нѣжный супругъ:

«— О, если бы я знала, что это тебѣ непріятно,—твердила она ему передъ разлукою,—я бы никогда не приняла этого молодого человѣка... Я такъ тебя люблю, зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ раньше?» (Ibid.).

А еще дальше идетъ мастерское обобщеніе этого факта и объясненіе его на основаніи пережитковъ въ Японіи періода такъ называемаго коммунальнаго брака или гетеризма (стр. 143).

Широкая соціологическая точка зрѣнія проглядываетъ у Южакова и въ «Вопросахъ просвѣщенія» (Спб., 1897 г.). Съ какимъ умѣніемъ онъ объясняетъ современную среднюю школу изъ «классовой системы», царящей въ нашемъ обществѣ (стр. 10)! Какъ искусно онъ очерчиваетъ историческое возникновеніе классицизма (стр. 16 -

27)! Даже элементъ утопичности, который встрѣчаешь въ этой книгѣ, является свѣжимъ, привлекательнымъ, мыслебудящимъ утопизмомъ. Возьмите, напр., хотя бы его мысль покрыть всю Россію сѣтью самодовлѣющихъ образовательно-хозяйственныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою гимназію съ 1000 учениками того и другого пола, обрабатывающую 2000 слишкомъ десятинъ земли и могущую удовлетворять всѣмъ потребностямъ своихъ учащихся силами полурабочихъ и рабочихъ членовъ этого своеобразнаго фаланстера. При вычисленіи бюджета и хозяйственныхъ силъ этой ячейки, Южаковъ, умѣло занимавшійся и статистикой (см., напр., его труды: «Мысли о земледѣльческой будущности черноземной полосы» (Москва, 1882 г.); «Нормы народнаго землевладѣнія» (въ «Русской Мысли» за 1885 г.); «Статистическое описаніе крестьянскаго хозяйства Ямбургскаго уѣзда» (Спб., 1885),—очень подробно и обстоятельно показываетъ, какъ осуществима эта мысль всеобщей средней и при томъ самодовлѣющей школы. Если это утопизмъ, то утопизмъ приблизительно того рода, какой такъ привлекаетъ насъ въ планахъ Фурье, желавшаго получить для своихъ опытовъ лишь одинъ «кантонъ» во Франціи въ видѣ рычага соціальнаго преобразованія, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ перевернуть имъ весь современный порядокъ, основанный на неправдѣ и насиліи.

Минуя тонкій и гуманный «критическій» этюдъ Южакова «Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина» (Одесса, 1895 г.) и историко-географическую и политическую работу «Афганистанъ и сопредѣльныя страны» (Спб., 1885 г.), я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о двухъ біографіяхъ, написанныхъ Южаковымъ для Павленковской серіи «Жизнь замѣчательныхъ людей», а именно: «Жанъ-Жакъ-Руссо» (Спб. 1894 г.) и «М. М. Сперанскій» (Спб. 1891 г.). Взглядъ на Руссо близко совпадаетъ у Южакова съ точкой зрѣнія Луи Блана, рисующаго намъ въ авторѣ «Причинъ неравенства» и «Общественнаго договора» пламеннаго провозвѣстника соціализма въ эпоху Великой французской революціи, подготовившей торжество буржуазіи. «Его идеалы, его идеи,—говоритъ Южаковъ,—еще и теперь факторы современной исторіи, и задумчивый, меланхолическій Жанъ-Жакъ еще участвуетъ въ развитіи современныхъ событій. Вольтеръ, Монтескьё, Дидро, Кенэ, возставъ противъ феодальнаго господства и клерикальной опеки, полагали служить интересамъ народа, который былъ угнетаемъ этимъ господствомъ и деморализуемъ этой опекой. Они успѣли подготовить ниспроверженіе этого строя, но вмѣстѣ съ тѣмъ подготовили для народа новыхъ господъ и новыхъ опекуновъ, подготовили торжество плутократіи. Вся политическая философія Руссо есть протестъ противъ этой эволюціи. Болѣе всякаго другого оказавъ содѣйствіе ниспроверженію стараго порядка, Руссо, одинъ изъ немногихъ, не только не положилъ ни одного камня для возведенія буржуазнаго господства,

не даже подготовилъ борьбу и съ этой новой формой общественнаго неравенства и народнаго порабощенія» (стр. 16).

Что касается біографіи Сперанскаго, то въ этомъ отношеніи Южакову принадлежитъ неоспоримая заслуга въ сжатой и популярной формѣ изобразить знаменитаго государственнаго дѣятеля не только какъ всѣмъ извѣстнаго кодификатора, а какъ политическаго реформатора (стр. 83), стремившагося установить въ Россіи начала законности и представительнаго правленія и, такимъ образомъ, являвшагося однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ піонеровъ политическаго преобразованія страны,—точка зрѣнія для того времени далеко не банальная.

Я позволю себѣ заключить нѣсколькими словами о Южаковѣ, какъ иностранномъ обозрѣвателѣ. Его хроника заграничной жизни порою вызывала критики не только со стороны уже извѣстной читателю склонности нашего автора къ очень широкимъ и порою черезчуръ упрощающимъ дѣло соціологическимъ обобщеніямъ, но и по отношенію къ той позиціи, въ которую становился иногда Южаковъ, играя будто бы роль публициста-дипломата государственническаго пошиба. Съ этой оцѣнкой можно согласиться лишь отчасти. Слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что такое впечатлѣніе зачастую производятъ работы почти всѣхъ учениковъ Конта и вообще позитивистовъ, писавшихъ о политикѣ. Дѣло объясняется тѣмъ, что мыслители этого типа, преувеличивающіе важность чисто философскихъ обобщеній для дѣйствительной жизни, часто въ своихъ оцѣнкахъ политическихъ событій даютъ не столько анализъ конкретныхъ условій, сколько очень умный, но отзывающійся книжностью рецептъ, какъ устроить судьбу людей на основаніи раціональной доктрины. Не былъ чуждъ этой склонности и Южаковъ. Но эта тѣневая сторона его исчезаетъ въ свѣтовой сторонѣ: онъ былъ, дѣйствительно, мыслящимъ политикомъ, который руководился въ сложной игрѣ и международныхъ сношеній, и жизни каждой исторической страны широкими идеями, основанными на серьезномъ соціологическомъ и философскомъ знаніи.

Приглашенный редакціей «Русскаго Богатства» взять на себя роль иностраннаго обозрѣвателя, я счелъ долгомъ высказать откровенный взглядъ на особенности своего предшественника, такъ какъ заранѣе не желалъ бы вводить въ заблужденіе читателей нашего журнала. Отъ меня далека мысль претендовать на широту и оригинальность, обнаруженныя Южаковымъ еще въ ранней молодости. Чувствуя размѣры своихъ силъ, я и не претендую на эту роль политика-соціолога. Мнѣ хотѣлось бы лишь быть добросовѣстнымъ проводникомъ между читателями «Русскаго Богатства» и тѣми событіями, теченіями и

живыми лицами культурнаго міра, которые даютъ въ настоящее время такой богатый и поучительный матеріалъ для размышленія. Конечно, и у меня есть общая точка зрѣнія: это—міросозерцаніе труда, это—соціализмъ. Подъ этимъ, по моему, достаточно широкимъ угломъ зрѣнія я буду разсматривать явленія текущей заграничной жизни, но разсматривать не какъ представитель какой нибудь борющейся партіи Запада, а какъ простой рядовой выразитель великаго міроваго теченія, видящаго въ трудящемся человѣчествѣ и матеріалъ, но и самого строителя будущаго города всеобщаго труда и всеобщаго счастія. Если у крупныхъ соціологовъ прошлаго періода была вѣра въ извѣстные рецепты, въ извѣстные планы, какъ повести человѣчество по данному пути, въ направленіи къ научному рѣшенію общественной задачи, то у меня есть вѣра въ то, что называется цѣлебной силой самого общественнаго организма, vis medicatrix naturae. Въ самихъ условіяхъ жизни, въ непосредственной борьбѣ и столкновеніи интересовъ, идей и потребностей, я буду стараться отыскивать вмѣстѣ съ читателемъ возможныя формы рѣшенія современныхъ проблемъ. Но прежде всего для меня вырисовывается задача по возможности точно и ясно знакомить читателя съ положеніемъ дѣлъ въ культурномъ мірѣ, намѣчать выдвигаемые самою жизнью пріемы рѣшенія практическихъ затрудненій и не столько быть апологетомъ той или другой изъ сталкивающихся партій, сколько давать читателю возможность самому дѣлать выводы изъ извѣстнаго фактическаго матеріала.

Н. С. Русановъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Китайскія осложненія. Самобытная „оппозиція“. „Новый циклонъ революціи“.—2. „Наука, а не политика“. Запросъ правыхъ о высшихъ школахъ. — 3. Еще о наукѣ и политикѣ. Къ съѣзду правыхъ профессоровъ.—4. Въ одесскомъ университетѣ. „Боевой академизмъ“.—Къ кончинѣ В. А. Караулова.

Поговариваютъ о надвигающейся неизбѣжности дальнѣйшихъ испытаній военнаго счастья въ предѣлахъ Поднебесной имперіи. Эта общая мысль недавно приняла форму проекта—послать за Амуръ войска по случаю чумы. Но дѣло не въ одной чумѣ. «Китай житья не даетъ». Все время послѣ Портсмута онъ открыто, не стѣсняясь, производитъ какія-то сложныя стратегическія операціи. Не далѣе, какъ минувшимъ лѣтомъ, печать сообщила о такой, напр., новости: китайскимъ правительствомъ усиленно и спѣшно заселяется амурское побережье; «противъ каждаго рус-

скаго поселка устраивается на правомъ берегу Амура китайскій военный постъ изъ полуроты солдатъ, подъ командой офицера», а вокругъ военныхъ постовъ располагаются переселенцы изъ внутреннихъ областей Китая *). Помимо стратегическихъ приготовленій, Китай и вообще,—жалуется «Голосъ Москвы»,—по отношенію къ намъ систематически практикуетъ «обыкновенный азіатскій пріемъ пользованія моментомъ, когда силы сосѣда такъ или иначе ослаблены». Въ подтвержденіе октябристская газета приводитъ довольно длинный перечень фактовъ. Они, дѣйствительно, характерны. Беру одинъ изъ многихъ примѣровъ:

„Договоръ 1881 г. опредѣленно указываетъ, что изъ числа зерновыхъ продуктовъ запрещенъ къ вывозу изъ Китая только рисъ. Въ нынѣшнемъ году.. былъ запрещенъ вообще вывозъ хлѣбовъ изъ бодунескаго округа".

Запрещеніе это затронуло интересы Японіи; къ протесту русской миссіи присоединился японскій посланникъ, и китайское правительство временно отмѣнило запретъ. Но когда мы протестуемъ по поводу тѣхъ или иныхъ эпизодовъ въ одиночествѣ, безъ поддержки, на насъ плохо обращаютъ вниманіе,—нерѣдко не удостоиваютъ «удовлетворителанаго отвѣта» или даютъ отвѣтъ, равносильный предложенію забыть о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, когда мы хозяйничали, какъ хотѣлось.

„Русская фирма Бергъ и К° вчинила искъ въ 187,000 р. къ харбинскому отдѣленію китайскаго правительственнаго банка. Даотай Юй отказался разбирать это дѣло въ Харбинѣ; ..китайцы настаивали на перенесеніи дѣла въ Цицикаръ, въ китайскій судъ... Русскій консулъ наложилъ арестъ на хранящіяся въ русско-китайскомъ банкѣ суммы китайскаго банка, а даотай Юй отвѣтилъ арестомъ на улицахъ Харбина двухъ служащихъ фирмы Бергъ и К° и отправилъ ихъ на судъ въ Цицикаръ. На заявленный протестъ Юй хладнокровно заявилъ, что онъ не знаетъ договоровъ, которые запрещали бы производить аресты въ Харбинѣ безъ участія и вѣдома русской полиціи" **).

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ газеты сообщали о такомъ же конфликтѣ на болѣе чувствительной для русскаго правительства почвѣ. Какой-то японскій подданный рѣшилъ издавать въ Харбинѣ газету на русскомъ языкѣ. Попытка со стороны русскихъ властей примѣнить кары и аресты къ этому органу встрѣтила рѣзкій отпоръ: не смѣете. Обратились къ японскому консулу, но онъ не видитъ въ газетѣ никакого нарушенія японскихъ законовъ. А даотай не знаетъ договоровъ, которые обязывали бы его исполнять обязанность русскаго цензора. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами русскіе подданные въ китайцахъ находятъ опору для предъявленія тѣхъ или иныхъ притязаній къ русскимъ же властямъ.

*) „Сибирь", 9 іюня 1910 г.
**) „Голосъ Москвы", 4 января 1911 г.

Между прочимъ, поводомъ одной изъ такихъ непріятностей для русскаго правительства послужило изданное въ минувшемъ ноябрѣ управленіемъ манджурской дороги обязательное постановленіе объ изоляціи Харбина чумнымъ карантиномъ. Постановленіе это было составлено во вкусѣ генерала Толмачева. И на ближайшемъ же собраніи городскихъ уполномоченныхъ Харбина представитель китайскаго населенія, г. Джавансуанъ, поднялъ вопросъ о правильности вновь изданныхъ карантинныхъ правилъ.

Предсѣдатель собранія. Критика обязательнаго постановленія управленія дороги допущена быть не можетъ.

Джавансуанъ. Я... прошу о ходатайствѣ (относительно пересмотра изданныхъ правилъ). Если этотъ путь для насъ неосуществимъ, то, вѣдь, мы можемъ и иначе объ этомъ ходатайствовать...

Китайца довольно горячо поддерживаютъ представители русскаго населенія:

— Мы вправѣ высказываться. Съ нами власти не считаются и дѣйствуютъ, какъ имъ угодно...

Джавансуанъ сказалъ: «мы можемъ ходатайствовать и иначе»... И предсѣдатель не настаивалъ на своемъ запретѣ критиковать распоряженія начальства. Уполномоченные «раскритиковали» и приняли резолюцію:

„Заслушавъ объявленіе объ оцѣпленіи Харбина и порядкѣ пропуска людей и грузовъ и находя, что нѣкоторыя детали его могутъ возбудить много недоразумѣній, собраніе уполномоченныхъ проситъ пересмотрѣть его вновь при участіи представителей города“ *).

Можно представить, какая судьба постигла бы подобный отзывъ, напримѣръ, петербургской или одесской городской думы объ обязательныхъ постановленіяхъ градоначальника. Въ азіатскомъ Харбинѣ приходится терпѣть. И не только это приходится терпѣть. Вотъ, напр., краткая справка, иллюстрирующая правовое положеніе харбинской печати:

25 ноября пришелъ приговоръ суда, коимъ редакторъ „Новой Жизни“... присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца безъ замѣны штрафомъ.

Въ тотъ же день редактору „Новой Жизни“... доставленъ приговоръ иркутской судебной палаты: ... мѣсяцъ тюрьмы.

Въ тотъ же день редактору „Новой Жизни“... врученъ приговоръ суда: 100 рублей штрафа или мѣсяцъ тюрьмы.

Въ тотъ же день редакторъ „Новой Жизни“ оштрафованъ за замѣтку въ хроникѣ въ порядкѣ административномъ гражданскимъ управленіемъ китайско-восточной желѣзной дороги на 100 р. **).

Бываютъ такіе счастливые дни у газеты, кстати сказать,

*) Харбинская „Новая Жизнь“, № 312, 1910 г.
**) „Сибирь“, № 273, 1910 г.

очень сдержанной и умѣренной. И бываютъ, если редакторъ — русскій-подданный. И рядомъ, въ томъ же Харбинѣ или поблизости отъ него можетъ, какъ мы видѣли, существовать газета на русскомъ языкѣ, не подлежащая истинно-русской юрисдикціи только потому, что ея оффиціальный редакторъ—японецъ или китаецъ. Словомъ, Китай ухитряется дѣйствовать одновременно и какъ врагъ внѣшній, и какъ врагъ внутренній. Какъ врагъ внутренній, онъ въ данное время причиняетъ, конечно, ничтожный вредъ. Но онъ раздражаетъ. Раздражаетъ тѣмъ, что въ немъ уже теперь находятъ пріютъ враждебныя оффиціальной Россіи теченія. Раздражаетъ тѣмъ, что для него, видимо, началась эра радикальныхъ реформъ, демократизаціи государственнаго строя. И если усилія нынѣшнихъ китайскихъ революціонеровъ, добивающихся парламентаризма, увѣнчаются хотя бы и относительнымъ успѣхомъ, «самобытная» Россія окажется окруженной со всѣхъ сторонъ государствами, введшими въ свой оффиціальный обиходъ разныя тлетворныя идеи французской революціи. Этотъ вѣковой врагъ нашей самобытной государственности, долгое время угрожавшій намъ только съ фронта, съ запада, явно дѣлаетъ обходное движеніе. Онъ уже успѣлъ зайти въ тылъ, и даже нанести ударъ со стороны Японіи. Теперь онъ пробирается и въ Китай. Непосредственный вредъ пока, повторяю, не великъ. Но матеріала для раздраженій и опасеній достаточно.

Китай, какъ врагъ внѣшній, несомнѣнно, пользуется нашей слабостью. Пока онъ наступаетъ медленно, осторожно, бьетъ насъ въ мелкихъ дипломатическихъ стычкахъ по поводу всякаго рода пограничныхъ и желѣзнодорожныхъ недоразумѣній, повышаетъ тонъ. Но онъ замѣтно накапливаетъ силы, дающія основаніе надѣяться на успѣхъ и въ случаѣ болѣе рѣшительной схватки... Конечно, нашей слабостью пользуются не только на Дальнемъ Востокѣ. И не только сибирскую окраину приходится признать угрожаемой по беззащитности. Но Китай все таки пока что соперникъ, кажись, посильный для насъ. И не слѣдуетъ ли предупредить событія, не пора ли «дѣйствовать по отношенію къ Китаю иначе, чѣмъ мы дѣйствовали за послѣднее время»? Конечно, пора,—говоритъ между прочимъ, «Голосъ Москвы». Пора проявить въ Китаѣ «политику твердую, чтобъ не сказать суровую, политику, всегда готовую перейти отъ энергичныхъ требованій къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ» *). Да, съ точки зрѣнія традиціонной русской политики, и нельзя не быть «готовымъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ». Конфликтовъ за послѣднее пятилѣтіе накопилось множество. То и дѣло возникаютъ новые конфликты. Всякаго рода осложненія могутъ наступить неожиданно.

Помимо этой внѣшней необходимости, назрѣваютъ и внутренніе

*) „Голосъ Москвы“, 4 января.

позывы къ нѣкоторому риску. Сознаніе государственнаго безсилія привело къ оригинальному способу топтаться на одномъ мѣстѣ: установилась система перекрестной грызни, Совѣтъ грызется съ Думой, Дума—съ Совѣтомъ, Пуришкевичъ - съ Дубровинымъ, Коновницынъ съ Пуришкевичемъ, Государственный Совѣтъ въ оппозиціи относительно министровъ, Думбадзе побѣдоносно сражается съ Сенатомъ, Столыпинъ въ конфликтѣ съ Коковцевымъ, Коковцевъ съ Кривошеинымъ, у Столыпина-второго дѣло доходитъ чуть не до потасовки съ Марковымъ-вторымъ... Къ этой атмосферѣ взаимнаго обстрѣла особенно оригинально приспособился гр. Витте съ его потребностью и талантомъ всѣмъ нравиться: онъ слегка и язвительно фрондируетъ во всѣ стороны, все опровергаетъ и ничего не утверждаетъ,—не то государственный Мефистофель, не то путникъ, не знающій, изъ котораго сосуда пить, въ который плевать. Вынужденъ приспособляться и г. Столыпинъ. Движеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ законопроектовъ стало напоминать энергическій бѣгъ на мѣстѣ. Правительство то посылаетъ ихъ въ Думу, то снова требуетъ назадъ, и снова посылаетъ. Вчера оно требовало реформы мѣстнаго суда, ссылаясь, между прочимъ, на то, что замѣна общиннаго землевладѣнія единоличнымъ, требуетъ и замѣны «обычнаго» волостного суда новымъ судомъ, основаннымъ на писанномъ правѣ. Сегодня оно объявляетъ свое вчерашнее требованіе ошибкой,—и мотивируетъ это тѣмъ, что общинному землевладѣнію наиболѣе соотвѣтствуетъ именно волостной судъ, руководящійся обычнымъ правомъ, хотя это послѣднее считается тѣмъ же правительствомъ недѣйствительнымъ при проведеніи въ жизнь аграрной политики... Съ трогательной наивностью приспособилась ко всему этому группа крестьянъ-депутатовъ: махнувъ рукой на свое «высокое званіе» членовъ Государственной Думы, «законодателей», депутаты эти написали членамъ Государственнаго Совѣта почтительную просьбу: посодѣйствовать проведенію новаго закона, который, по мнѣнію этой группы, желателенъ. Впрочемъ, никому неизвѣстно, кто захочетъ отозваться на депутатскую просьбу, а главное,—кто сможетъ ее выполнить: разнородныя вліянія и вѣянія сталкиваются, переплетаются, нынче кажется истиной одно, завтра другое, утромъ высока одна звѣзда, къ вечеру на той же высотѣ другая... Замѣчаніе покойнаго Плеве, просившаго указать ему, «всесильному» министру, адресъ русскаго правительства, врядъ ли когда-либо бывало болѣе умѣстно, чѣмъ теперь. При системѣ взаимно-сталкивающихся и другъ друга уничтожающихъ вліяній государственная машина идетъ сама собою, подчиняясь закону логической необходимости—развивать и проводить въ жизнь тѣ охранительныя начала, которыя всѣми «хозяевами», всѣми вліяніями, одинаково признаются обязательными. Охранительныя начала крѣпнутъ. Поступательный ходъ машины равенъ нулю. Такія условія вообще предрасполагаютъ къ стремленію замаскировать внѣшнею экспансивностью внутреннюю непо-

движность,—со многими правителями подобные порывы случались. И это можетъ случиться тоже само собою,—просто въ силу психологической предрасположенности къ энергическимъ внѣшнимъ жестамъ. Возникъ же, повторяю, вдругъ проектъ—послать въ Китай войска для борьбы съ чумою.

Стремленіе сорваться въ эту сторону съ мели, на которой засѣлъ государственный корабль, отражается, какъ мы видимъ, въ «Голосѣ Москвы». Отражается оно и въ «Новомъ Времени». Но другія есть тучи на горизонтѣ. «Гражданинъ» убѣждаетъ хозяевъ забыть всѣ ссоры, раздоры, прекратить взаимную грызню,—объединиться надо, ибо подымаетъ голову врагъ, болѣе опасный, чѣмъ всѣ китайцы и японцы, вмѣстѣ взятые: обозначился «новый циклонъ революціи». Откуда и почему онъ взялся, въ точности не извѣстно. «Гражданинъ» полагаетъ лишь, что корень зла въ Москвѣ, — въ бывшей когда-то православной, вѣрноподданной, но нынѣ совершенно ожидовѣвшей, окосмополитѣвшей Москвѣ. Черезъ Москву когда-то собиралась Русь въ самодержавное государство, а нынѣ черезъ Москву какъ будто надвигается «разложеніе». И вотъ доказательство:

„Первая революція началась въ Москвѣ и изъ Москвы уже пошла гулять по всей Россіи. И теперь революціонный циклонъ... оказалъ свое давленіе опять-таки на Москву, разразившись тамъ"... на „демонстративныхъ похоронахъ Муромцева, что было одновременно сигналомъ и пробнымъ камнемъ новаго цикла революціоннаго движенія.".

Изъ Москвы «оно» перекинулось въ Петербургъ, Кіевъ, Одессу, въ цѣлый рядъ другихъ, большихъ и малыхъ, городовъ, но особенно сосредоточилось въ университетскихъ центрахъ. Въ чемъ именно «оно» заключается—не разберешь. Въ арміи, кажись, ничего эдакого португальскаго незамѣтно. Крестьянская крамола, разумѣется, есть, но она сидитъ по угламъ и молчитъ. Крамола рабочая, пролетарская, если и проявляется въ чемъ, то лишь въ частичныхъ забастовкахъ, да и то на чисто экономической почвѣ. Интеллигенція въ общемъ, какъ будто, такая же, какъ всегда. Слышно будируетъ почему-то московское торговое и промышленное купечество. Но что, собственно, ему нужно? Одни жалуются на чугунный голодъ —точнѣе, на искусственное и чрезмѣрное повышеніе цѣнъ на металлическое сырье; другіе, наоборотъ, дѣлаютъ на этомъ «голодѣ» прекрасныя дѣла; одни хвалятъ Коковцева, другіе «критикуютъ»; кое-кто ворчитъ на стѣсненіе «иниціативы», на «застой» по случаю утраты рынковъ; жалуются на то, что крупнѣйшіе куски государственнаго пирога идутъ помѣстному землевладѣнію, а промышленности съ торговлей достаются лишь объѣдки... Но сытый русскій человѣкъ ужъ нѣсколько десятилѣтій и самъ не можетъ понять, чего ему, въ сущности, хочется: не то конституціи, не то севрюжины съ хрѣномъ. И бить тревогу по поводу этого стараго

недоумѣнія—по меньшей мѣрѣ неосновательно... Тихо какъ будто въ Россіи, столь тихо, что лишь только разъѣхалась учащаяся молодежь на рождественскія вакаціи по домамъ, и такая у насъ, слава Богу, благодать настала,—хоть шаромъ покати, до того все ровно и гладко. Зацѣпиться не за что. Ничего, кажись, особеннаго не случилось: только вотъ студентъ въ концѣ года бунтовалъ...

Тихъ по прежнему омутъ русской жизни. Но не даромъ снова усилены порціи ссылокъ, высылокъ, арестовъ, выемокъ, конфискацій, штрафовъ. И врядъ ли случайно, самъ г. Дубровинъ только что уволенный было въ запасъ, снова и спѣшно призванъ на дѣйствительную службу и снабженъ темными деньгами. Есть, вѣроятно, что-то нервирующее въ этой тишинѣ. И что-то, должно быть, водится въ этомъ омутѣ. И успокоенъ, кажись, обыватель. Но загадочно онъ ведетъ себя. То прячется, молчитъ, словно онъ всѣ слова забылъ, то вдругъ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, на похоронахъ Муромцева, тысячами высыпаетъ на улицу. Правда, для проявленія своихъ оппозаціонныхъ чувствъ онъ пока пользуется главнымъ образомъ такими поводами, которыя трудно уязвимы съ полицейской точки зрѣнія: похороны Муромцова, смерть Толстого, похороны студента Иглицкаго въ Одессѣ, въ Саратовѣ даже проводы губернатора Татищева... Но и въ такомъ видѣ «крамола» все таки «крамола». Загадочно и нынѣшнее броженіе учащейся молодежи. Характерная, между прочимъ, подробность: вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ идутъ, не переставая, волненія молодежи въ высшихъ и среднихъ школахъ духовнаго вѣдомства; «бунтуютъ» то семинаріи, то академіи, и это стало такимъ же повседневнымъ явленіемъ русской жизни, какъ смертныя казни, какъ самоубійства Къ нимъ до того привыкли, что ихъ словно перестали замѣчать на нихъ почти не обращаютъ вниманія. Болѣе или менѣе рѣзкіе эпизоды почти не прекращаются и въ среднихъ школахъ. Какъ это ни странно, но до послѣдняго времени наиболѣе спокойны по внѣшности были университеты, хотя въ нихъ-то по традиціи и предполагаются очаги крамолы.

Тихо. Но какое-то глухое, какъ бы подземное броженіе ощущается. «Гражданинъ» склоненъ въ этомъ видѣть явленіе стихійнаго характера: «циклонъ»... Гдѣ-то — вѣроятно, въ Москвѣ, а можетъ быть, и въ Финляндіи, нарушилось какое-то равновѣсіе; возникли, поэтому, вихревыя движенія, и надо ждать бури. Сравненію съ циклономъ нельзя отказать въ мѣткости. Въ капризной измѣнчивости общественныхъ настроеній много стихійнаго. И объяснить, почему происходитъ переломъ настроенія въ ту или другую сторону, такъ же трудно, какъ сказать, откуда взялся вихрь. Въ томъ и въ другомъ явленіи много темнаго, загадочнаго, не изученнаго. И все-таки, мнѣ кажется, нѣкоторыя особенности текущей жизни позволяютъ сдѣлать выводъ, болѣе опредѣленный, чѣмъ простое сравненіе. Вообще обывателя мы оставимъ въ сто-

ронѣ. Предполагаемый переломъ общественнаго настроенія ярче всего сказался среди учащейся молодежи. На ней мы и остановимся. По какой, въ самомъ дѣлѣ, причинѣ она волнуется? Что съ нею случилось?

II.

Ужъ много лѣтъ и много разъ всякія студенческія волненія неизмѣнно объясняются, на основаніи оффиціальныхъ и оффиціозныхъ изысканій, одной и той же причиной: либо сама молодежь не хочетъ учиться, а хочетъ заниматься политикой, либо подпольные агитаторы совращаютъ ее,—вовлекаютъ въ политику и заставляютъ забыть о наукѣ. Это объясненіе намъ предлагается и теперь. Въ частности, съѣздъ «правыхъ профессоровъ» о которомъ нѣсколько словъ придется сказать ниже, получилъ изъ разныхъ оффиціальныхъ мѣстъ и отъ разныхъ оффиціальныхъ лицъ соотвѣтственныя этому выводу руководящія указанія: наука, а не политика, молодежь должна учиться и только учиться, поддерживайте только тѣхъ, кто учится и, слѣдовательно, боритесь съ тѣми, кто предается политикѣ. Говоря вообще, въ этихъ объясненіяхъ и указаніяхъ поражаетъ прежде всего непримиримое противорѣчіе тому, что мы видимъ въ дѣйствительности.

Наука, а не политика...

Не такъ давно, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, я имѣлъ возможность произвести кое-какія наблюденія надъ жизнью одной профессіональной средней школы... Въ послѣднее время—между прочимъ, по причинѣ усиленнаго ценза политической благонадежности—обнаруживается большой «некомплектъ» учителей. И въ той школѣ, о которой я хочу сказать нѣсколько словъ, довольно долгое время не было учителя россійской словесности. Весной 1910 г. предстояло произвести очередной выпускъ, а ученики старшаго класса не выслушали ни одного урока по словесности. Программа не выполнена, выпуска сдѣлать нельзя,—«скандалъ»! Не безъ труда удалось найти «частнаго» учителя, который согласился «прочесть» нѣсколько уроковъ, чтобы хоть формально выполнить требованіе закона. Другая бѣда,—образовательный цензъ у этого учителя въ полной исправности, но цензъ политической благонадежности считается сомнительнымъ, а директоръ школы—союзникъ, патріотъ изъ истинно-русскихъ инородцевъ. Выходъ былъ, однако, найденъ,—учителя пригласили лишь для временнаго исполненія обязанностей, «изъ платы по найму». Сверхъ того, начальство приняло мѣры, чтобъ онъ только давалъ уроки, и внѣ уроковъ ни въ какое общеніе съ учениками не вступалъ. И, наконецъ, директоръ рѣшилъ лично присутствовать на урокахъ, чтобы подозрѣваемый въ крамольномъ образѣ мыслей не имѣлъ ни малѣйшей возможности пропагандировать какія-либо

разрушительныя теоріи. Присутствуя на урокахъ, директоръ изъ инородцевъ и самъ ознакомился съ русской литературой, и пришелъ въ ужасъ: учитель говоритъ о Тургеневѣ, о Толстомъ, о Бѣлинскомъ, о Достоевскомъ... А главное, даже простое чтеніе и объясненіе произведеній,—положимъ, Гоголя—подрываетъ, по мнѣнію директора, «священныя основы». И нельзя обвинить учителя,—онъ говоритъ только то, съ чѣмъ требуется ознакомить учениковъ министерской программой, и что излагается въ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ, прошедшихъ суровую цензуру ученаго комитета при министерствѣ. Сгоряча директоръ потребовалъ было, чтобы о «вредныхъ» писателяхъ было сказано лишь нѣсколько словъ, и чтобы главное вниманіе было посвящено писателямъ «полезнымъ», благонадежнымъ. Но по справкѣ оказалось, что именно «вредные» писатели и составляютъ литературу. Директоръ поставилъ условіемъ, чтобъ хоть для очередной письменной работы былъ избранъ писатель, извѣстный своимъ благонадежнымъ образомъ мыслей. Сообразуясь съ этимъ условіемъ, учитель предложилъ приблизительно такую тему: «Императрица Екатерина II, какъ писательница, и проводимыя въ ея сочиненіяхъ идеи». Проектъ такой темы привелъ директора въ восторженное состояніе: «вѣнценосная писательница» чего лучше! Но когда учитель сталъ знакомить учениковъ съ матеріалами, необходимыми для этой темы,—директоръ снова пришелъ въ ужасъ: оказалось, и «вѣнценосная писательница» не удовлетворяетъ требованіямъ политической благонадежности. Словомъ, забывая чисто учебную сторону дѣла и стараясь предугадать, какое прикладное и при томъ политическое значеніе можетъ имѣть знакомство съ русской литературой, директоръ пришелъ къ увѣренности, что въ головахъ учениковъ долженъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ сложиться враждебный для существующаго правительства выводъ. Конечно, изъ идей, проводимыхъ въ сочиненіяхъ хотя бы Екатерины II, въ дѣйствительности могутъ быть безконечно разнообразные прикладные выводы. Въ частности, могутъ быть политическіе выводы очень пріятные для существующаго правительства. Но нѣкоторый рискъ дать толчекъ въ сторону именно непріятныхъ выводовъ, во всякомъ случаѣ, есть. На немъ-то директоръ и сосредоточилъ въ свое вниманіе. Отмѣнить своею властью министерскую программу онъ, разумѣется, не рѣшался. Онъ сталъ лишь полутребовать-полупросить:

— О, эта проклятая литература! Пожалуйста,—меньше словъ, больше упражненій. Время есть теперь... какъ это его?.. sehr schlecht... Плохое время. Можетъ имѣть мѣсто донесеніе. И тогда мы имѣемъ подлежать отвѣтственности...

Такимъ образомъ простое преподаваніе словесности оказалось опаснымъ политическимъ дѣйствіемъ. Учитель только для того, чтобъ добросовѣстно ознакомить учениковъ съ тѣмъ, что требуется выполнить министерской программой, вынужденъ вести сложную

и опасную для него политическую борьбу. Къ огорченію директора, и ученики пожелали серьезно усвоить программу за тѣ 2—$2^1/_2$ мѣсяца до экзаменовъ, какіе остались для ея выполненія. Во-первыхъ, они стали усиленно брать въ библіотекѣ книги,—правда разрѣшенныя, дозволенныя, а все-таки мало ли какіе, въ самомъ дѣлѣ, прикладные политическіе выводы могутъ быть изъ идей, проводимыхъ въ этихъ книгахъ? Во-вторыхъ, на урокахъ литературы и въ связи съ ними вообще возникаютъ разные вопросы, о которыхъ ученикамъ хочется поговорить съ компетентнымъ человѣкомъ. Учитель доступенъ, «добръ»,—смѣло иди къ нему на квартиру и спрашивай. Но ученики—юноши въ возрастѣ 16-18 лѣтъ; всѣ мѣры изоляціи и надзора относительно «новаго учителя» производились на ихъ глазахъ. Они умѣютъ видѣть и понимать. Мало того, черезъ училищную прислугу и разными другими путями они освѣдомлены о томъ, какія объясненія имѣютъ учителя съ директоромъ, чего требуетъ начальство, и почему требуетъ. Имъ извѣстно, что такъ просто пойти къ «новому учителю» нельзя: «узнаетъ директоръ—бѣда». Они знаютъ даже, что за нимъ существуетъ особый надзоръ. И чтобъ обмануть бдительность аргусовъ, на которыхъ возложено не допускать внѣшкольнаго общенія между угрожаемымъ по крамолѣ учителемъ и учениками, пускаются въ ходъ сложные пріемы конспираціи, тайныхъ и организованныхъ дѣйствій,—они оказываются необходимыми для того, чтобъ пробраться вечеромъ на квартиру къ учителю и спросить у него, напр., о томъ, какая связь между нѣкоторыми эпизодами въ романѣ «Анна Каренина» и эпиграфомъ къ этому роману: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ». Словомъ, ученики ведутъ своеобразную политическую борьбу, создаютъ «подпольную организацію», пріобрѣтаютъ констративный навыкъ, и все это имъ нужно именно потому, что они желаютъ серьезно учиться, только учиться,—усвоить, между прочимъ, обязательную для нихъ министерскую программу.

Такое въ дѣйствительности примѣненіе имѣетъ руководящій принципъ: наука, а не политика. Конечно, сторонники этого принципа могутъ отвѣтить:

— Вся бѣда въ томъ, что программа плоха. Ее писали «кадеты». Правда, ее затѣмъ исправляли и до Шварца; въ особенности исправлялъ Шварцъ. Но работа, очевидно, не закончена. Требуются коренныя, радикальныя исправленія.

Коренныя и радикальныя реформы, впрочемъ, уже и произведены въ школахъ духовнаго вѣдомства. Изъ ихъ учебныхъ программъ удалено по возможности все, что можетъ натолкнуть мысль ученика на непріятныя для «гражданскаго» или церковнаго начальства прикладные выводы. И какъ разъ именно школы духовнаго вѣдомства наиболѣе «неблагонадежны по безпорядкамъ». Изъ программъ все можно удалить. Но, во-первыхъ, трудами Леонтьева и Побѣдоносцева доказано, что при нынѣшнемъ состояніи обще-

ства само по себѣ просвѣщеніе безусловно вредно для авторитарной государственности. Фамусовы съ своей точки зрѣнія правы. Собственно надо бы всѣ книги сжечь, науки упразднить. Во-вторыхъ, вычеркиваніями изъ программъ нельзя устранить потребность и необходимость учиться тому, что обязательно знать человѣку по современнымъ для него условіямъ жизни. Юноша оканчиваетъ курсъ, готовится вступить въ самостоятельную жизнь, и даже для простого чтенія газетъ ему надо усвоить цѣлый рядъ хотя бы, напр., такихъ общеупотребительныхъ выраженій: октябристы, кадеты, соціалисты, анархисты, большевики, меньшевики, марксизмъ, народничество, черносотенство; надо узнать, далѣе, какое реальное значеніе имѣетъ цѣлый рядъ популярныхъ въ данное время именъ писателей, общественныхъ дѣятелей. Я, вотъ, присматриваюсь, какъ всему этому учится нынѣшняя молодежь? Увы,—по существу такъ же, какъ учились и мы въ свои школьные годы. Тайкомъ, крадучись не только отъ учителя, но иногда и отъ родителей, мы доставали томы или томики Писарева, Чернышевскаго, Добролюбова, книги или книжечки по соціологіи, по политической экономіи, тайкомъ, конспиративно читали, тайкомъ обсуждали, помогали другъ другу понять прочитанное. Это была наша первая полусознательная, порою даже и вовсе безсознательная, но политическая борьба,—борьба ради того, чтобъ преодолѣть общія условія, отнимающія у насъ легальные способы выучиться тому, что необходимо знать, безъ чего грамотному человѣку въ современныхъ намъ условіяхъ трудно, во многихъ отношеніяхъ прямо невозможно жить. И многому необходимому мы научились, лишь отвоевывая лично для себя нѣкоторую возможность учиться, ускользнувъ изъ-подъ школьнаго, учительскаго, и внѣшкольнаго, полицейскаго, надзора. То же идетъ и теперь. Только положеніе нынѣшнихъ школьниковъ и труднѣе и сложнѣе. Старыя имена и теченія остаются все еще вычеркнутыми и запрещенными. Явились имена новыя, обозначились и новыя теченія. Нынѣшнему школьнику нужно больше усвоить, прилежнѣй учиться. У насъ все-таки преобладала простая любознательность. Запрещенное школьными правилами, изгнанное изъ школьныхъ программъ находилось во время нашей юности, главнымъ образомъ, въ литературѣ и подъ спудомъ, въ подпольѣ. Теперь многое уже не вмѣщается въ подпольѣ. Различныя теченія общественной жизни и мысли сталкиваются на публичной, а иногда и на легальной аренѣ,—въ той же Государственной Думѣ, напр. И надо знать запрещенное и преслѣдуемое въ школахъ даже по практическимъ соображеніямъ,—иначе просто не будешь понимать того, что открыто и гласно происходитъ въ жизни, о чемъ «всѣ говорятъ». Необходимѣе стало учиться, и труднѣе преодолѣвать общія политическія условія, мѣшающія пріобрѣсти необходимыя для жизни знанія. И прежде было—помилуй Богъ, если начальство обнаружитъ, что у тебя есть, положимъ, нѣсколько статей Чер-

нышевскаго, собранныхъ изъ старыхъ журналовъ и переплетенныхъ въ одну книжку. Теперь еще строже стало. Особыми циркулярами предписано: каждаго ученика, при малѣйшемъ подозрѣніи въ неблагонадежности, исключать. Сыскъ сталъ изощреннѣй и безцеремоннѣй. Расправа еще болѣе коротка и безпощадна.

Средняя школа предназначена для возраста, которому свойственно усваивать болѣе или менѣе элементарныя знанія, необходимыя для жизни. И уже потому, что они элементарны, ихъ политическое безразличіе, казалось бы, должно стоять внѣ спора. Но сама власть смотритъ даже на элементарныя знанія прежде всего съ точки зрѣнія охранной полиціи: не могутъ ли отъ того или иного чисто учебнаго свѣдѣнія проистекать политическіе выводы антиправительственнаго характера. И все, въ чемъ полицейская экспертиза усматриваетъ вѣроятность извѣстныхъ политическихъ выводовъ, объявляется не наукой, а политикой. Тѣмъ самымъ пріобрѣтеніе юношами даже элементарныхъ знаній сталкивается на плоскость политической борьбы. И чѣмъ больше знаній необходимыхъ для жизни находится подъ запретомъ, тѣмъ больше въ школахъ политики, тѣмъ напряженнѣе должна стать политическая борьба. Логическая несообразность, такимъ образомъ, приводитъ къ практическому абсурду: старанія изгнать изъ школъ политику дѣлаютъ ее неизбѣжнымъ явленіемъ школьной жизни.

Несообразность ярко вскрывается уже въ среднихъ школахъ. Съ переходомъ молодежи къ школамъ высшимъ, положеніе еще болѣе усложняется, несообразности становятся нагляднѣе. Молодежь должна учиться. И она, въ огромномъ большинствѣ, старается это дѣлать. А въ результатѣ... Позвольте напомнить хотя бы о такомъ конкретномъ случаѣ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ группа студентовъ московскаго коммерческаго института, воодушевленная по преимуществу желаніемъ учиться и только учиться, рѣшила основать «философскій кружокъ» для совмѣстнаго изученія «Лаврова и Михайловскаго, какъ основателей русской субъективной школы въ соціологіи». Подчеркну: упомянутая группа студентовъ рѣшила основать кружокъ философскій,—т. е. была намѣрена изучать Лаврова и Михайловскаго съ общефилософской, а не злободневной и политической точки зрѣнія. Сверхъ того, она желала заниматься избраннымъ дѣломъ открыто, легально, съ надлежащаго разрѣшенія начальства. Былъ выработанъ уставъ кружка и представленъ директору коммерческаго института, профессору Новгородцеву, на утвержденіе. И тутъ наивные студенты узнали, что совмѣстно изучать Лаврова и Михайловскаго нельзя. Профессоръ Новгородцевъ,—какъ онъ самъ впослѣдствіи заявилъ на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля—просто «вычеркнулъ» изъ проекта устава слова: «имени Михайловскаго и Лаврова» и разрѣшилъ лишь

«совмѣстное изученіе студентами философіи и ея исторіи»,—«вычеркнулъ» Лаврова и Михайловскаго, вѣроятно, не столько за совѣсть, сколько по тонкимъ и больше полигическимъ соображеніямъ, въ оцѣнку которыхъ мы входить не будемъ. Такъ или иначе, «философскій кружокъ» хотя и въ изуродованномъ видѣ, но возникъ; въ студенческой средѣ его называли все таки въ отличіе отъ другихъ кружковъ, «кружкомъ Михайловскаго». Вскорѣ имъ заинтересовалась полиція. И возникло политическое дѣло.

Охранные эксперты разсудили, повидимому, такъ. Кружокъ «занимается» Михайловскимъ и Лавровымъ. И того, и другого называютъ своими учителями соціалисты-революціонеры. А значитъ,—нужны аресты, обыски... По попутности жандармскимъ дознаніемъ обнаруженъ «кружокъ экономистовъ», который, оказалось, спеціально занимается изученіемъ теорій Маркса,—явное дѣло, соціалъ-демократы. Обнаружены и другіе столь же подозрительные, на оцѣнку полицейскихъ экспертовъ, студенческіе кружки и организаціи. Какъ распорядилась власть относительно всѣхъ этихъ «очаговъ крамолы», я въ подробностяхъ не знаю. Передо мною лишь судебный отчетъ по дѣлу студентовъ Полянскаго и Генсена, преданныхъ суду московской судебной палаты въ качествѣ обвиняемыхъ «въ принадлежности къ преступному сообществу: *философскому кружку имени Михайловскаго и Лаврова*, завѣдомо для нихъ,—Полянскаго и Генсена—поставившему цѣлью своей дѣятельности насильственное посягательство на измѣненіе установленнаго въ Россіи основными законами образа проявленія». Прокуратура нашла, что преступленіе это предусмотрѣно 102 ст. уголовнаго уложенія, и взяла на себя трудъ на судѣ публично и гласно доказать, что совмѣстное изученіе Лаврова и Михайловскаго, и при томъ съ философской точки зрѣнія, юридически равносильно совмѣстной подготовкѣ террористическихъ актовъ. Московская палата разсматривала это дѣло въ октябрѣ 1908 г. Тогда россійская юстиція еще не была доведена до нынѣшняго совершенства. Да и то надо сказать: ужъ слишкомъ рискованную задачу возложила на себя прокуратура. И для ея представителя въ судебномъ засѣданіи палаты было, повидимому, большой неожиданностью узнать отъ одного изъ подсудимыхъ, Полянскаго, что этотъ послѣдній даже не считаетъ себя послѣдователемъ Михайловскаго и Лаврова, по многимъ важнымъ вопросамъ съ ними не согласенъ, а если и находитъ необходимымъ изучить «русскую субъективную школу въ соціологіи», то лишь потому, что знакомство съ этой школой обязательно для каждаго, кто желаетъ быть образованнымъ человѣкомъ. Словомъ, судебная палата не признала обвиненіе доказаннымъ и, ссылаясь на недоказанность, оправдала обоихъ подсудимыхъ *). Въ тѣхъ счаст-

*) „Голосъ Москвы" 25 октября 1908.

ливыхъ странахъ, гдѣ правительство считаетъ себя обязаннымъ признавать авторитетъ и независимость судебной власти, этотъ приговоръ могъ бы служить важнымъ прецедентомъ. У насъ онъ тоже, конечно, принятъ къ свѣдѣнію и руководству на будущее время. И какъ разъ, между прочимъ, теперь обысками среди студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній обнаружено множество всякаго рода организацій, преступныхъ по опредѣленію полицейскихъ экспертовъ. Преступниковъ исключаютъ, высылаютъ, ссылаютъ, караютъ иными способами безъ суда, на основаніи исключительныхъ положеній, въ административномъ порядкѣ. Получается слѣдующее. Съ одной стороны, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, пройти черезъ высшую школу, жить въ Россіи, быть русскимъ гражданиномъ и не заинтересоваться, и не знать, что такое русское народничество. Въ частности, нельзя не знать и Михайловскаго. Вѣдь не только въ извѣстныхъ партійныхъ группировкахъ сказалось его вліяніе. Я лично знавалъ одного священника, очень религіознаго и ведущаго суровый аскетическій образъ жизни, и въ то же время большого поклонника Михайловскаго. Михайловскій былъ его «настольнымъ» писателемъ. И по словамъ этого священника, именно «ученіе»—какъ онъ почти благоговѣйно выражался—Михайловскаго о правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости помогло ему понять и полюбить Евангеліе. Онъ говорилъ, что семинарская наука было убила въ немъ «всякую вѣру», и Михайловскій «вернулъ» его «къ Богу». И это надо понимать. Большая мысль глубоко западаетъ въ милліоны человѣческихъ сердецъ. И каждое сердце, оплодотворенное ею, приноситъ плодъ, свойственный ему, именно этому сердцу. Вліяніе Михайловскаго сказывается въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ современной намъ жизни. Пройти мимо этого вліянія и не ознакомиться съ нимъ просто невозможно для человѣка, обладающаго хотя бы только любознательностью, или желающаго имѣть опредѣленныя убѣжденія. Съ другой стороны,—если не 102 статья, то административное распоряженіе.

Наравнѣ съ «кружкомъ Михайловскаго» подвергся «раскассированію» кружокъ экономистовъ. И опять приходится сказать: доктрина Маркса, какъ и всякая другая большая мысль, можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ крайне многочисленные и крайне разнообразные практическіе выводы. Отъ марксизма одни отправлялись въ театральныя исканія, другіе—къ проблемѣ новаго религіознаго догматизма, третьи—къ живописи, музыкѣ, литературной критикѣ, и т. д., до безконечности. Въ немъ ищутъ лозунговъ для рабочаго движенія, почвы для политической или профессіональной организаціи пролетаріата; и въ немъ кое-кто нашелъ аргументы даже для апологіи кулакамъ и міроѣдамъ. И все таки, «кружокъ экономистовъ»—«преступное сообщество».

Точно также невозможно не ознакомиться съ партійными разслоеніями русскаго общества. Но для этого уже прямо нужна «не-

легальщина»,—въ Россіи запрещены даже простые сборники партійныхъ программъ. По меньшей мѣрѣ, крайне трудно не заинтересоваться такимъ крупнымъ явленіемъ, какъ религіозно-философскіе трактаты Толстого. Но они въ большинствѣ не разрѣшены,—надо доставать опять таки «нелегальщину»,—рискуя, конечно, попасть подъ жандармское дознаніе... И рискъ непрестанно возрастаетъ: начальство систематически усиливаетъ сыскную часть.

Кажется, наибольшаго совершенства въ смыслѣ организаціи сыска достигъ одесскій университетъ. Въ немъ создана «новоявленная инспекція, въ видѣ такъ называемыхъ смотрителей зданія». Сверхъ этихъ смотрителей призванъ для надзора «многочисленный штатъ простыхъ сыщиковъ, взятыхъ прямо изъ охраннаго отдѣленія, заполняющихъ всѣ входы и выходы, вестибюли и лѣстницы и даже нерѣдко присутствующихъ на самыхъ лекціяхъ,—случай 9 октября на лекціи у профессора Веряго и 25 октября у профессора Левашева». И, наконецъ, независимо отъ профессіональныхъ филёровъ, работаютъ въ томъ же направленіи студенты-союзники, называющіе себя «академистами». И объ усиленіи этого товарищескаго сыска много заботится, между прочимъ, проректоръ Алмазовъ; онъ «вызываетъ необезпеченныхъ матеріально студентовъ и предлагаетъ имъ широкую матеріальную помощь, подъ условіемъ вступать въ число сотрудниковъ университетской администраціи» по надзору за студентами *). И все это нужно, между прочимъ, для того, чтобъ не допустить «кружковъ самообразованія», пресѣкать даже чисто научное углубленіе въ предметы, знаніе которыхъ обязательно для каждаго образованнаго человѣка, но которые начальствомъ признаны не наукой, а политикой.

Одесскій университетъ, конечно, образцовый по сыску. Въ другихъ мѣстахъ проректоры не занимаются тѣми дѣлами, которымъ посвящаетъ свои силы г. Алмазовъ. Однако, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ проректоры находятъ для себя занятіе, болѣе приличествующее ихъ званію, все время непрерывно усиливается «надзоръ» не только за студентами, но и за профессорами. Въ частности, организаціи студентовъ-союзниковъ, боевыхъ «академическихъ» дружинъ стали, явленіемъ, почти повсемѣстнымъ. Малѣйшая оплошность, и невинный чисто научный или самообразовательный кружокъ студентовъ съ библіотечкой необходимыхъ для него пособій замѣченъ филёромъ, академистомъ. Филеръ или академистъ сообщаетъ, кому слѣдуетъ. А тамъ обыскъ, арестъ,—исторія извѣстная.

Остается посѣщеніе лекцій, изученіе открытыхъ и не вычеркнутыхъ начальствомъ наукъ и курсовъ. Но, во-первыхъ, часто для пониманія этихъ наукъ и курсовъ студенту нужно позаботиться о знакомствѣ съ предметами, легальное изученіе которыхъ

---

*) «Кіевская Мысль», 13 декабря.

сдѣлано невозможнымъ. А во-вторыхъ, мѣры приняты и относительно согласованія всѣхъ вообще наукъ съ видами правительства. Какъ разъ въ началѣ текущаго академическаго года однимъ изъ первыхъ подвергся доносу союзниковъ-студентовъ профессоръ Петражицкій. Сколько мнѣ извѣстно, теорія Петражицкаго опредѣленнаго прикладного вывода въ политикѣ пока не получила. Прикладные выводы изъ нея, во всякомъ случаѣ, могутъ быть весьма разнообразны. Но студентъ-союзникъ, прослушавъ лекцію названнаго профессора, заключилъ, что выводы должны быть враждебны существующему государственному строю. И этотъ зеленый юнецъ, взявшій на себя смѣлость предрѣшить коллективную работу многихъ умовъ, пока еще критически взвѣшивающихъ посылки и аргументацію профессора Петражицкаго, можетъ считать себя побѣдителемъ: по слову его, въ глазахъ успокоителей Россіи теорія Петражицкаго стала сомнительной наукой и вѣроятной политикой... Почти одновременно подвергся доносу и цѣлый рядъ другихъ профессоровъ—Гредескулъ, Гессенъ и т. д. Думская фракція правыхъ внесла запросъ. Комиссія по запросамъ обработала доставленный интерпеллянтами матеріалъ, дополнила его какими-то другими «частными» разслѣдованіями и свѣдѣніями. И спеціально относительно преподаваемыхъ въ высшихъ школахъ наукъ пришла къ такимъ выводамъ:

„Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, содержащихся на государственный счетъ, нѣкоторые профессора, поддаваясь партійному увлеченію, понижающему при этомъ уровень преподаванія иногда до фельетоннаго по своей поверхностности, на лекціяхъ своихъ возбуждаютъ своихъ слушателей *по существу* противъ существующаго правительства и государственнаго строя". И „если подобное ненормальное явленіе грозитъ стать общимъ, закрываніе на него глазъ было бы несомнѣннымъ недостаткомъ бдительности". *).

Подписали: князь Куракинъ, секретарь и докладчикъ князь Тенишевъ,—имена достойныя того, чтобъ о нихъ упомянуть, ибо ими скрѣпленъ документъ, гдѣ во всеуслышаніе объявляется, наконецъ, въ чемъ состоитъ принципіальное различіе между наукой и «политикой». Наука есть то, что *по существу* не можетъ возбуждать противъ *существующаго*, въ каждый данный моментъ дѣйствующаго, правительства. Принципъ не новъ. Думской коммиссіи по вопросамъ принадлежитъ лишь заслуга открытаго провозглашенія этого принципа. И правительственная «Россія», конечно, радостно поддержала не оригинальную, но смѣлую мысль. По мнѣнію «Россіи», для оцѣнки того, какъ возбуждаетъ нынѣшняя высшая школа противъ существующаго правительства и существующаго строя, мало знакомиться съ изданными курсами и лекціями профессоровъ. Многіе профессора «благоразумно воздерживаются отъ печатанія своихъ курсовъ, предпочитая обдѣлывать

*) Цит. по „Русскимъ Вѣдомостямъ. 17 ноября. Курсивъ подлинника.

свои партійныя дѣла втихомолку». Такъ какъ, дѣйствительно, многіе профессора не печатаютъ своихъ курсовъ, то самъ собою складывается выводъ: необходимо, чтобы на лекціяхъ присутствовали уполномоченныя правительствомъ лица для надзора за характеромъ преподаванія.

Съ своей стороны, не дремлетъ и церковная власть. И она права. Если необходимо слѣдить, чтобы наука не возбуждала противъ существующаго правительства, то не менѣе необходима бдительность, чтобы не подрывались космогоническія и метафизическія ученія православной церкви. Мы возвращаемся къ завѣтамъ Шишкова: нужно устранить изъ науки все то, что, по мнѣнію и толкованію начальства, не согласуется съ православіемъ и самодержавіемъ. И ставъ на этотъ путь, мы рискуемъ пойти дальше Шишкова, такъ какъ жизнь за тѣ 90 лѣтъ, которые минули послѣ его владычества, страшно усложнилась. Достаточно напомнить, что въ Одессѣ даже фармакопея и бактеріологія могутъ «возбуждать» студентовъ противъ генерала Толмачева. Матемика, механика и технологія всюду могутъ возбуждать противъ правительства, принявшаго и одобрившаго нашумѣвшіе на всю Европу проекты новыхъ военныхъ судовъ. Санитарія и гигіена могутъ возбуждать населеніе Петербурга противъ администраціи, построившей знаменитый «коллекторъ». Приближается 50-лѣтіе со дня освобожденія крестьянъ, — простое ознакомленіе съ положеніемъ о надѣльныхъ земляхъ можемъ возбуждать противъ правительства, нарушившаго право общинной собственности..

Мы подошли къ открытію «истины»: всякая вообще наука есть политика. Этотъ неизбѣжный выводъ, впрочемъ, давно уже усвоенъ тѣми городовыми и стражниками, которые знаютъ, что студентъ есть врагъ внутренній уже потому, что онъ студентъ и обучается наукамъ. Вахмистры по воспитанію и убѣжденіямъ лишь приближаются къ откровенному провозглашенію истинъ, не скрываемыхъ вахмистрами по служебному положенію.

III.

Наука а не политика... Какъ бы ни были условны термины: мысль и воля, но оба разряда душевныхъ явленій, обозначаемыхъ этими словами, все-таки существенно различны. Наука относится по преимуществу къ области мысли, политика—къ области воли, практической дѣятельности. И говоря вообще, я совершенно не понимаю, какъ можно отъ какого бы то ни было человѣка требовать, чтобы онъ удовлетворялъ только потребности мысли и совсѣмъ не имѣлъ потребностей воли, не стремился къ дѣйствованію. Можетъ быть, и бываютъ отдѣльные люди, организованные такъ, что они способны выполнить это противоестественное требованіе.

Но вообще природа создаетъ человѣческій матеріалъ, въ которомъ волевыя потребности, во всякомъ случаѣ, не менѣе насущны, чѣмъ потребности мысли. Администраторамъ, которые предписываютъ, чтобы та или иная группа населенія имѣла только умственные интересы и не стремились къ дѣйствованію, слѣдовало бы предварительно вымолить у Бога, чтобы Онъ созданнаго имъ человѣка замѣнилъ спеціально для нихъ какой-либо особой породой человѣкообразныхъ.

Могутъ, однако, сказать:

— Мы не требуемъ недѣланія, мы не допускаемъ лишь политическаго дѣйствованія.

Беру для поясненія пунктъ первый доклада думской коммиссіи по запросамъ о «ненормальныхъ» и «незаконныхъ» явленіяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ въ чемъ большинство коммиссіи усматриваетъ прежде всего ненормальность и незаконность:

«Въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—напр., въ петербургскомъ университетѣ, горномъ и политехническомъ институтахъ — фактическое завѣдываніе казенными стипендіями, пособіями и освобожденіемъ отъ платы за ученіе незаконно находится въ рукахъ студенческихъ организацій, дѣйствующихъ на началахъ студенческаго представительства и нерѣдко допускающихъ въ своей дѣятельности злоупотребленія».

Въ подтвержденіе этого пункта докладъ коммиссіи приводитъ фактическій матеріалъ, изъ котораго явствуетъ, что составители доклада прежде всего пишутъ неправду. Фактически распредѣленіе пособій, стипендій и т. д. находится въ рукахъ совѣтовъ, Но такъ какъ пособій всѣхъ видовъ гораздо меньше, чѣмъ нуждающихся въ нихъ, то опредѣленіе степени нужды, дѣйствительно, «находится въ рукахъ» студентовъ, какъ товарищеское дѣло, въ высшей степени деликатное. Дѣловая оцѣнка всѣхъ данныхъ относительно степени нужды того или иного кандидата на пособіе передается представительнымъ студенческимъ органамъ, которые въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ носятъ разное названіе. Такой порядокъ сложился по вполнѣ понятнымъ соображеніямъ. Во-первыхъ, товарищамъ лучше знать,—кто изъ нихъ больше нуждается. А во-вторыхъ, представительный органъ, дѣйствуя подъ двойнымъ контролемъ—всего студенчества и совѣта профессоровъ, даетъ наибольшую гарантію безпристрастія. Въ этомъ сложномъ и, повторяю, крайне деликатномъ дѣлѣ трудно обойтись совсѣмъ безъ недоразумѣній, нареканій и неудовольствій. Но обыкновенно товарищеская взаимная оцѣнка нужды такова, что совѣты профессоровъ почти не имѣютъ поводовъ признавать ее неправильной *). И казалось бы никому въ голову не

*) Авторы запроса говорятъ о «нерѣдкихъ злоупотребленіяхъ». И вотъ чѣмъ это доказываютъ. Г. Пуришкевичъ печатно обвинилъ представительный органъ студентовъ горнаго института въ злоупотребленіи при опредѣленіи степени нужды. Обвиненные привлекли г. Пуришкевича къ судебной отвѣтственности за клевету. На судѣ г. Пуришкевичъ утверждалъ,

можетъ прійти, что здѣсь есть что-то политическое. А вотъ подите жъ,—это-то и есть политика: самочинная студенческая организація, для которой существуютъ выборы, да и не просто прямые, равные, тайные со всеобщей подачей голосовъ, а, обыкновенно, еще и пропорціональные... Словомъ и спорить нечего,—конечно, «политика». Вотъ въ одесскомъ университетѣ, гдѣ торжествуютъ принципы, провозглашаемые авторами запроса, порядки совсѣмъ другіе. Тамъ не разрѣшаются ни землячества, ни кружки самообразованія, ни открытіе студенческихъ библіотекъ; не разрѣшается даже курсу совмѣстно обсудить распредѣленіе экзаменовъ или практическихъ работъ,—все это, конечно, политика. Студентъ Шидловскій собралъ нѣсколько рублей въ пользу нуждающихся товарищей: явное дѣло, что онъ занимается политикой, и Шидловскаго за этотъ поступокъ исключили изъ числа студентовъ. Наступаетъ столѣтіе со дня рожденія Пирогова. Пироговъ былъ, какъ извѣстно, одно время былъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. У одесскихъ студентовъ возникаетъ желаніе—почтить особымъ собраніемъ, посвященнымъ памяти Пирогова, знаменитаго ученаго,—бывшаго представителемъ государственной власти, лицомъ начальствующимъ, между прочимъ, и надъ однимъ изъ прежнихъ поколѣній мѣстнаго студенчества. Два профессора берутъ на себя ручательство, что чествованіе памяти Пирогова пройдетъ въ полномъ порядкѣ во всемъ согласно съ существующими законами. Но и въ этомъ желаніи студентовъ усматриваютъ политику, и въ интересахъ порядка и государственной безопасности чествовать память Пирогова запрещается. Однако, сама администрація чувствуетъ, что у нея получается абсурдъ, доведенный до неприличія. Вся Россія собирается отмѣтить «пироговскіе дни», и только одесскій университетъ, именно тотъ, которому, на ряду съ кіевскимъ университетомъ, слѣдовало бы проявить наибольшую инициативу, устраиваетъ какъ бы надругательство надъ памятью давно почившаго. Группа правыхъ профессоровъ отъ имени медицинскаго факультета беретъ на себя устройство «торжественнаго» пироговскаго собранія. По просьбѣ студентовъ, ректоръ обѣщаетъ, что они на это собраніе будутъ допущены; обѣщаетъ даже, что одному изъ среды студентовъ будетъ представлено на собраніи слово. Студенты съ этимъ примирились,—память знаменитаге ученаго и человѣка будетъ ими почтена. Но въ послѣднюю минуту начальство передумало, — даже въ такой формѣ чествованіе Пирогова есть политика. И на оффиціальное

что имѣлъ основаніе вѣрить тому, что имъ опубликовано,—другими словами, отрицалъ завѣдомость и допускалъ добросовѣстное заблужденіе. Усовершенствованный г. Щегловитовымъ судъ внялъ этому доводу и, ссылаясь на то, что г. Пуришкевичъ имѣлъ основаніе вѣрить слухамъ о злоупотребленіяхъ, вынесъ оправдательный приговоръ. Этотъ приговоръ авторы запроса и считаютъ доказательствомъ того, что „злоупотребленія нерѣдки“.

торжество допускаются по приглашенію: члены союза русскаго народа и палаты архангела Михаила, нѣсколько десятковъ переодѣтыхъ городовыхъ, и какъ бы на помощь имъ дружина студентовъ-союзниковъ, вооруженныхъ, какъ мы теперь знаемъ, револьверами. Мѣстность вокругъ университета на 3 квартала во всѣ стороны оцѣплена отрядами городовыхъ и жандармовъ. Не пропускаютъ къ университету всѣхъ вообще студентовъ, кромѣ союзниковъ,—обычно снабжаемыхъ въ такихъ случаяхъ особыми пропускными билетами *). О желаніи отслужить панихиду по Муромцевѣ или Толстомъ и говорить нечего, — тутъ ужъ «политика» явная.

Въ той же Одессѣ попечительство о бѣдныхъ студентахъ устраиваетъ періодически вечера, балы, называемые «студенческими». Въ послѣдніе годы балы эти «бойкотировались прогрессивнымъ студенчествомъ», составляющимъ значительное большинство. И «бойкотировались» потому, что среди студентовъ возникла увѣренность въ неправильномъ распредѣленіи суммъ, получаемыхъ при посредствѣ этихъ баловъ.

«По мнѣнію студентовъ, попечительство при распредѣленіи денегъ руководствуется не степенью нужды, а политическими симпатіями. Союзникамъ и академикамъ выдаютъ по 25—50 р., а другимъ—по 2—3 р.» **).

Да и то, если желающій получить эту сумму получитъ рекомендацію отъ союзниковъ. Какова объективная цѣнность этихъ нареканій,—судить, разумѣется, мудрено. Но субъективная увѣренность, что суммы распредѣляются неправильно, существовала и до сихъ поръ существуетъ у большинства студентовъ, и это вызываетъ не мало всякаго рода осложненій. Казалось бы, ужъ по этому-то поводу можно допустить объясненіе со студентами, даже необходимо такъ или иначе доказать, что нареканія неосновательны, если они, дѣйствительно, неосновательны. Но, конечно, даже выраженіе претензій въ этомъ случаѣ есть политика. Оно—политика, если претензія исходитъ отъ отдѣльныхъ студентовъ. Тѣмъ паче оно политика, если претензію выражаетъ цѣлая студенческая группа,—тутъ ужъ прямо преступный комплотъ.

«Прогрессивное студенчество» уже нѣсколько лѣтъ «бойкотируетъ» балы. Это значитъ, въ сущности, что оно уже нѣсколько лѣтъ дѣлаетъ, приблизительно, такое заявленіе:

— По нашему мнѣнію, вы распредѣляете суммы неправильно, отдаете ихъ группамъ, которыя пользуются вашими особенными симпатіями. Между тѣмъ, деньги вы собираете отъ имени всего студенчества. Вы вводите публику въ заблужденіе...

*) Для характеристики правового положенія одескихъ студентовъ пользуюсь матеріалами, напечатанными, между прочимъ, „Кіевской Мыслью 13 декабря.

**) „Кіевская Мысль“, 11 декабря.

И опять, казалось бы, не можетъ быть двухъ мнѣній: вечеръ, отъ участія въ которомъ отказывается значительное большинство, очевидно, не можетъ называться вообще *студенческимъ*. Устроители такъ или иначе обязаны заявить, что исходитъ онъ отъ опредѣленныхъ студенческихъ группъ, которыя въ немъ принимаютъ участіе. Это—вопросъ элементарной порядочности. Но и напоминаніе начальству объ «элементарной порядочности есть политика...

Повторяю, одесскій университетъ занимаетъ крайній правый флангъ. Но не надо забывать, что уже приняты мѣры къ общему равненію направо, по Одессѣ. Выше мною уже упомянутъ съѣздъ правыхъ профессоровъ. Онъ созванъ клубомъ націоналистовъ. Собрался и засѣдалъ какъ бы въ явочномъ порядкѣ. И устраивали его, повидимому, главнымъ образомъ для того, что бы «само общество», «по собственной иниціативѣ» высказалось въ пользу окончательнаго возрожденія идеи Дмитрія Толстого, слегка поновленной законопроектами Шварца: нѣтъ студенчества, есть отдѣльные слушатели наукъ.» Правда, «общество» получилось довольно таки подозрительное. Отъ участія въ съѣздѣ отказались многіе даже «правые» профессора. И хотя съѣздъ вынесъ рѣшеніе въ пользу шварцевскихъ проектовъ, однако, на затѣю «націоналистовъ» можно бы и вниманія не обращать. Но рѣшенія съѣзда правительственная «Россія» привѣтствовала, именно какъ «голосъ самого общества». Съѣздъ обласканъ оффиціальными и оффиціозными сферами. Да и сама по себѣ логика «успокоенія Россіи» естественно ведетъ къ полному возрожденію крайнихъ реакціонныхъ принциповъ. И, во всякомъ случаѣ, у насъ довольно твердо установилось правило: дѣйственное проявленіе инстинкта общественности опасно въ политическомъ отношеніи, а потому подозрительно и за рѣдким исключеніями недопустимо.

Проявленія насущныхъ потребностей человѣческаго духа стихійны. Стихійна пытливость человѣческаго ума, его жажда знаній, стремленіе къ истинѣ. Стихійна и потребность въ дѣйствованіи. И въ сущности успокоители Россіи одержимы претензіей даже не повелѣвать стихіями, а просто упразднить ихъ. Охотники упразднять стихіи бывали. Но еще никто изъ этого сраженія не возвращался побѣдителемъ. Сколько ни запрещаютъ, даже кружки самообразованія въ той же Одессѣ, но это не значитъ, что тамъ нѣтъ студенческихъ организацій. Начальство преслѣдуетъ «самочинныя организаціи». Преслѣдованіями вызываются протесты. На протесты отвѣчаютъ репрессіями. Репрессіи ведутъ къ дальнѣйшему раздраженію. «Дальше въ лѣсъ, больше дровъ». На этомъ пути неизбѣжно развитіе паровъ столь высокаго давленія, что въ стѣнахъ школы они удержаться не могутъ; а когда до этого доходитъ, пары могутъ прорываться наружу, «на улицу» по неожиданнымъ и случайнымъ поводамъ. Но оставимъ общія соображенія. Посмотримъ, какъ оно складывается конкретно.

IV.

Равненіе производится «по Одессѣ». И по примѣру Одессы, стало быть, можно судить, къ какимъ побѣдамъ мы идемъ. Ради краткости, не будемъ вспоминать, какъ жила Одесса въ прошломъ, какъ участвовала въ похоронахъ Муромцева, Толстого. Начнемъ прямо «съ пироговскихъ дней». Г. Левашовъ, какъ мы знаемъ, разрѣшилъ было студентамъ присутствовать на устроенномъ начальствомъ чествованіи памяти Пирогова. А вслѣдъ затѣмъ тайно, безъ всякаго предупрежденія, это разрѣшеніе было отмѣнено. Студенты въ назначенное начальствомъ же время направились на чествованіе. Дорогу преградила полиція, а на помощь послѣдней явились ея неизмѣнные въ Одессѣ помощники черносотенцы... Надо добавить къ этому, что въ Одессѣ студенты, наравнѣ съ евреями, фактически какъ бы изъяты изъ общей охраны закона. Студентовъ, по одесскому обычному праву, можно бить безнаказанно,—время отъ времени просто на улицахъ появляются вдругъ какіе-то «неизвѣстные люди», бьютъ того или иного проходящаго мимо студента, и затѣмъ также вдругъ и «неизвѣстно куда» исчезаютъ. «Неизвѣстные люди» воспользовались своимъ обычнымъ правомъ и тогда, когда студенты шли,—разумѣется, по одиночкѣ—чтобы почтить вмѣстѣ съ начальствующими лицами память Пирогова.

Побужденія г. Левашова намъ неизвѣстны. Объективное же значеніе его трудовъ въ данномъ случаѣ сводится къ слѣдующему. Обѣщаніями онъ устранилъ опасность подготовки студентами неразрѣшеннаго начальствомъ чествованія Пирогова. Нарушеніемъ обѣщаній онъ устранилъ студентовъ отъ всякаго чествованія,—быть можетъ, онъ сдѣлалъ это, опасаясь какой-либо «выходки» со стороны студентовъ на оффиціальномъ «торжествѣ», которое можно было принять за надругательство надъ памятью Пирогова. И, наконецъ, «неизвѣстные люди» явились для того, чтобъ побоями терроризовать студентовъ и тѣмъ заставить возможно скорѣе разойтись по домамъ. Студенты же, захваченные врасплохъ, вмѣсто того, чтобъ разойтись, произвели на Дерибасовской улицѣ демонстрацію въ память Пирогова, оффиціально чествуемаго всюду, даже въ Одессѣ, самимъ начальствомъ. То есть г.г. Левашевъ и Толмачевъ своими мѣрами добились какъ разъ того, чего они всего больше желали не допустить, и чего не хотѣли и не предполагали устраивать сами студенты. Раздраженное начальство отвѣтило усиленными репрессіями. 80 человѣкъ подвергнуты аресту на срокъ отъ 2 недѣль до 3 мѣсяцевъ; сверхъ того, они подлежатъ особой карѣ со стороны университетской администраціи. Этого мало. Нѣкоторыхъ арестованныхъ во время демонстраціи допрашивалъ лично г. Тол-

мачевъ. При этомъ все время находился какой-то студентъ-союзникъ; онъ счелъ возможнымъ въ присутствіи градоначальника обратиться къ арестованнымъ съ такимъ увѣщаніемъ:

— Я вамъ совѣтую успокоиться, а то будемъ бить морды *).

Пущено стало быть, въ ходъ и запугиваніе кулачной расправой. И студенты безъ сомнѣнія знали, что это не пустая угроза. Въ отвѣтъ появляется новая, уже болѣе внушительная демонстрація: цѣлый рядъ студенческихъ организацій обратился «ко всему студенчеству и обществу», къ Государственной Думѣ, министру народнаго просвѣщенія и совѣту мѣстнаго университета съ протестомъ противъ университетскаго режима вообще, противъ двусмысленной роли ректора въ пироговскіе дни, въ частности и противъ дѣйствій г. Левашова, проректора Алмазова и секретаря совѣта Герича, въ особенности. Протестъ появился какъ разъ во время подготовки къ очередному «студенческому» вечеру,—а какъ устраиваются въ Одессѣ эти вечера, бойкотируемые прогрессивнымъ студенчествомъ, мы уже знаемъ. Одесскіе «вечера» и сами по себѣ протекаютъ при повышенной температурѣ у студентовъ. Коллективный протестъ не могъ не озлобить туземныхъ успокоителей. О дальнѣйшемъ такъ повѣствуетъ правительственное сообщеніе.

„5 сего декабря въ Одессѣ состоялся студенческій вечеръ мѣстнаго университета, при чемъ завѣдываніе кассою было передано въ руки профессоровъ. Недовольные этимъ студенты лѣваго направленія объявили бойкотъ вечеру и выпустили соотвѣтственное воззваніе, а во время концертнаго отдѣленія, разлили въ залѣ зловонную жидкость и бросили какой-то химическій составъ, давшій чрезвычайно удушливый дымъ. Виновные были немедленно схвачены студентами и публикой и подверглись легкимъ побоямъ, но затѣмъ были освобождены изъ рукъ толпы бывшими на вечерѣ представителями власти и чинами полиціи. Публика осталась на вечерѣ, который послѣ провѣтриванія зала продолжался въ полномъ порядкѣ".

Чѣмъ недовольны «студенты лѣваго направленія» и почему они систематически объявляли бойкотъ,—мы уже знаемъ. На этотъ разъ было выпущено «соотвѣтственное воззваніе», но и оно не подѣйствовало: вечеръ не былъ отмѣненъ, его устроители и на сей разъ не признали, что ихъ предпріятіе не имѣетъ основаній считаться общестуденческимъ. Для правильнаго пониманія, чѣмъ вызвана химическая обструкція, эта часть правительственнаго сообщенія весьма существенна. Въ другихъ частяхъ сообщеніе вызвало и разъясненія, и возраженія. Такъ, напр., студенты, о которыхъ само правительство говоритъ, что они наносили побои, по свѣдѣніямъ частныхъ газетъ, принадлежатъ либо къ союзу русскаго народа, либо къ палатѣ архангела Михаила. О «публикѣ», помогавшей бить, въ думскомъ запросѣ находимъ такія свѣдѣнія: «въ избіеніи участвовали, между прочимъ, чинов-

*) „Кіевская Мысль", 13 декабря.

никъ особыхъ порученій Скурыдинъ, профессоръ Головинъ, секретарь совѣта университета Геричъ»... Побои, которые правительственное сообщеніе называетъ «легкими», думскій запросъ называетъ «жестокими», «истязаніями»... Не оспаривается лишь жестокая подробность, которую правительство не скрываетъ и, видимо, не видитъ нужды скрывать: били, а потомъ стали веселиться,—«закончили вечеръ въ полномъ порядкѣ»; побѣдили и отпраздновали побѣду на костяхъ...

Надо напомнить, что въ первые дни въ печати ничего не могло появиться о событіи 5 декабря, кромѣ свѣдѣній, прошедшихъ цензуру г. Толмачева. Но этимъ свѣдѣніямъ никто не рѣшался вѣрить. Одесса питалась слухами, а слухи, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, придавали событіямъ легендарный характеръ. Передавали, напр., что есть избитые до смерти; въ частности о студентѣ Цвѣтковѣ, сынѣ члена окружнаго суда, говорили, что онъ умеръ отъ полученныхъ на балу побоевъ *). Впослѣдствіи выяснилось о томъ же Цвѣтковѣ, что хотя побои, нанесенные ему, серьезны (между прочимъ, у него вывихнута челюсть), но къ счастью, не смертельны. Но въ теченіе двухъ дней—*какъ разъ 7 и 8 декабря*—о смерти Цвѣткова говорили, какъ о несомнѣнномъ фактѣ. Казалось бы, при такихъ условіяхъ и полицейское, и учебное начальство должны понимать, что студентамъ необходимо выяснить и обсудить создавшееся положеніе. И начальство это понимало: студенческую сходку оно, разумѣется, не разрѣшило, но не сомнѣвалось, что состоится сходка явочная. Были приняты мѣры. 8 декабря съ ранняго утра «повсюду въ районѣ университета были разставлены наряды полиціи» **).

„8 декабря—говоритъ правительственное сообщеніе—въ химической аудиторіи Новороссійскаго университета послѣ лекціи профессора Петренко состоялась сходка около 300 студентовъ, въ числѣ коихъ было до 15 академистовъ прибывшихъ на лекціи. Появленіе въ аудиторіи секретаря университета, предложившаго студентамъ расходиться, было встрѣчено свистомъ и ругательствами, въ виду чего онъ принужденъ былъ удалиться".

Съ «секретаремъ университета» мы уже въ третій разъ встрѣчаемся: это тотъ самый г. Геричъ, противъ котораго студенты протестовали въ концѣ ноября, который, по свѣдѣніямъ думскаго запроса, билъ студентовъ на балу 5 декабря; теперь онъ явился, неизвѣстно по чьему полномочію, для исполненія обязанностей ректора или проректора, и явился 8 декабря, именно въ тотъ день, когда по Одессѣ ходили слухи, что студентъ Цвѣтковъ умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему, между прочимъ, и г. Геричемъ... Отсюда психологически понятно, какія чувства могло возбудить у студентовъ появленіе такого господина въ такой моментъ.

---

*) См., напр., „Кіевскую Мысль", 11 декабря.
**) „Одесскія Новости", 9 декабря.

Дальнѣйшее въ правительственномъ сообщеніи излагается странно и довольно таки страннымъ тономъ. Лишь только г. Геричъ удалился,

„демонстранты, разбрасывая воззванія по поводу происшествія на студенческомъ вечерѣ и стрѣляя вверхъ, произвели избіеніе академистовъ, которые принуждены были бѣжать".

Странны даже мелочи. Чѣмъ, напр., объяснить характерное различіе терминовъ: въ одномъ и томъ же сообщеніи правительство пишетъ: «студентамъ лѣваго направленія» на вечерѣ 5 декабря нанесены легкіе побои, «академистовъ» на сходкѣ 8 декабря избивали, 300 человѣкъ избивали 15, двадцать избивали одного, и хотя «избіеніе» было произведено, тѣмъ не менѣе академисты убѣжали?! И зачѣмъ собственно «демонстранты» «стрѣляли вверхъ», хотя они знали, что университетъ окруженъ полиціей? Хотѣли они что-ль поскорѣе призвать полицію? Но суть конечно, не въ мелочахъ. Главное: «демонстранты» стрѣляли. Однако изъ чего собственно они стрѣляли? Полиціей арестовано и обыскано въ университетѣ 244 студента (цифра правительственнаго сообщенія). Внѣ университета арестованы и обысканы всѣ предполагаемые участники сходки. Обыски производились по два, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и по 3 раза. Но ни у кого изъ «демонстрантовъ» никакого огнестрѣльнаго оружія не найдено. Всѣ университетскія помѣщенія, гдѣ могло быть спрятано оружіе, также обысканы, но и въ нихъ ничего огнестрѣльнаго не оказалось. Изъ чего же демонстранты, въ самомъ дѣлѣ, стрѣляли?

Этому загадочному обстоятельству правительственное сообщеніе предлагаетъ такое объясненіе. Когда раздались выстрѣлы, въ университетъ вошелъ «съ нарядомъ полиціи помощникъ пристава»; нарядъ «былъ встрѣченъ градомъ выстрѣловъ и вытѣсненъ во дворъ, при чемъ во время перестрѣлки были ранены два студента, изъ коихъ одинъ тяжело. Подоспѣвшее къ этому времени подкрѣпленіе съ полицеймейстеромъ во главѣ было встрѣчено выстрѣлами изъ оконъ, на которые городовые, по приказанію полиціймейстера, отвѣчали тѣмъ же, а затѣмъ полицеймейстеръ силою проникъ въ университетъ черезъ главный входъ, группа же студентовъ около 30 человѣкъ бѣжала черезъ боковыя двери. При этомъ нѣсколько городовыхъ и пытавшійся задержать убѣгавшихъ студентовъ сторожъ университета получили легкія пораненія»... 30 человѣкъ успѣли убѣжать,—они-то, стало быть, и унесли оружіе. Правда, оно и у нихъ не найдено, но это значитъ, хорошо спрятали. Дѣло лишь въ томъ, что ни у кого изъ городовыхъ нѣтъ огнестрѣльныхъ ранъ. А главное,—правительственная версія плохо вяжется съ планомъ мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе. Изъ химической аудиторіи, гдѣ была сходка, можно выйти двумя ходами: главнымъ—черезъ вестибюль и главный дворъ на Херсонскую улицу

и чернымъ,—который сообщеніе употребляетъ во множественномъ числѣ: «боковыя двери», черезъ задній дворъ университета, прилегающій къ канцеляріи и занятый полиціей, на Елизаветинскую улицу. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по плану, которымъ комментировали газеты правительственную версію (См., напр., «Кіевскую Мысль», 16 декабря).

Въ Государственной Думѣ при обсужденіи спѣшности запроса объ одесскихъ событіяхъ, г. Шульгинъ предложилъ другую гипотезу. Когда въ университетѣ раздалась стрѣльба, полиціей, вошедшей въ вестибюль, овладѣла паника. Городовые стремительно убѣгали, бросались въ окна, при этомъ, повидимому, и получили тѣ «легкія» — рѣзаныя и рваныя — раны, о которыхъ говорится въ правительственномъ сообщеніи. «Бѣгство было до такой степени паническимъ, что стоявшіе на Херсонской улицѣ стражники бросили лошадей и бѣжали»... Въ эту минуту никакой охраны вокругъ университета не было, чѣмъ, по гипотезѣ г. Шульгина, революціонеры и воспользовались, чтобъ скрыться и унести оружіе... А затѣмъ, полиція вернулась, такъ какъ подоспѣлъ полицеймейстеръ съ свѣжими подкрѣпленіями ушедшіе изъ университета стали стрѣлять сквозь окна изъ унесеннаго или оружія... Повидимому слишкомъ ужъ поспѣшно строилъ г. Шульгинъ свою гипотезу. А впрочемъ, можетъ быть, и не онъ авторъ ея. Ее отстаиваетъ самъ ректоръ университета, г. Левашевъ. Студенты съ браунингами, по его словамъ, были, имъ лишь удалось скрыться. «Мы—говоритъ г. Левашевъ—отлично знаемъ ихъ; они всѣ переписаны; ихъ было 45 человѣкъ»... Но если они извѣстны, переписаны, по почему же ихъ не арестовали?

„Дѣло въ томъ—объясняетъ г. Левашевъ—что они скрылись чернымъ ходомъ не одни, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ другихъ участниковъ сходки, невооруженныхъ, съ которыми они постарались смѣшаться" *).

Итакъ, было на сходкѣ около 300 человѣкъ, а за исключеніемъ «академистовъ», около 285; по первоначальной телеграммѣ «Петербургскаго агентства» изъ Одессы отъ 8 декабря даже 270; изъ нихъ 244 арестовано да 45 студентовъ съ браунингами въ сопровожденіи *нѣсколькихъ десятковъ* безоружныхъ скрылись... Но не одна ариѳметика тутъ хромаетъ. «Черный ходъ», какъ мы уже знаемъ, ведетъ на Елизаветинскую улицу. 8 декабря полиція ловила студентовъ, появляющихся на этой улицѣ. Между прочимъ, «одинъ студентъ былъ задержанъ въ вагонѣ конки, спеціально остановленномъ для этой цѣли». *) Кромѣ того,—вѣдь, поименно извѣстны революціонеры, извѣстно ихъ «мѣстожительство», по горячимъ слѣдамъ были произведены обыски.

*) «Кіевская Мысль», 20 декабря.

Куда же дѣвалось оружіе? Его искали со всею тщательностью, на какую способны лучшіе мастера одесскаго сыска. Не было игнорировано даже предположеніе, что студенты успѣли закопать оружіе на университетскомъ дворѣ. Хоть и явно не было у студентовъ времени это дѣлать «а все таки догадка не оставлена безъ вниманія,—перекопали дворъ, но безрезультатно».

Отрицательныя положенія—въ данномъ случаѣ: у студентовъ не было оружія—вообще не могутъ быть доказываемы. Доказательству подлежитъ утвердительное положеніе: у студентовъ, называемыхъ почему-то «демонстрантами», оружіе было. Но вмѣсто докательствъ, намъ предъявляютъ гипотезы. Причемъ ни одной сколько-нибудь удовлетворительной гипотезы пока не предложено. Иначе говоря, надо предполагать, что движеніе, доведенное до примѣненія такихъ средствъ, какъ химическая обструкція, все таки осталось въ основѣ своей мирнымъ. Остается другое утвердительное положеніе, безспорное и доказанное: выстрѣлы были. И вопросъ приходится ставить такъ: кто стрѣлялъ? Авторы думскаго запроса, ссылаясь на многочисленныя показанія мѣстныхъ людей и очевидцевъ, утверждаютъ, что стрѣляли такъ называемые «академисты»,—точнѣе, члены союза русскаго народа и палаты архангела Михаила. Они явились со спеціальной цѣлью—сорвать сходку; расположившись на верхнихъ скамьяхъ аудиторіи, они и старались это дѣлать. А затѣмъ, «въ горячій моментъ пререканій», открыли стрѣльбу изъ револьверовъ,—сначала вверхъ, въ потолокъ, потомъ въ толпу студентовъ, находившуюся внизу, у каѳедры. Этими выстрѣлами и ранено нѣсколько человѣкъ,—изъ нихъ студентъ Иглицкій, сидѣвшій на нижней скамьѣ и записывавшій лекцію, получилъ смертельную рану въ затылокъ. Объ этомъ крупномъ фактѣ: академисты стрѣляли, правительственное сообщеніе почему-то совершенно умолчало, хотя именно онъ-то и является наиболѣе безспорнымъ. Его не оспариваютъ ни сами «академисты»; онъ не оспаривается и внѣуниверситетскими руководителями ихъ. И наоборотъ,—правительственное сообщеніе отмѣтило, что стрѣляли «демонстранты», но именно это утвержденіе - одно изъ наиболѣе спорныхъ и недоказанныхъ. И, между прочимъ, уже этотъ штрихъ цѣненъ для сужденій о безпристрастіи авторовъ сообщенія.

Академисты стрѣляли. Зачѣмъ и почему? Вообще это былъ повидимому отвѣтъ на «обструкцію», дальнѣйшее развитіе успокоительныхъ мѣръ. Относительно частностей бывшій руководитель одесскихъ союзниковъ, а нынѣ одинъ изъ видныхъ руководителей центральныхъ петербургскихъ организацій того же союза, гр. Коновницынъ, по словамъ «Голоса Москвы», «допускаетъ», что академисты стрѣляли съ провокаторской цѣлью. И если это «допу-

---

*) „Одесскія новости“ 9 декабря.

щеніе» принять, то выстрѣлы союзниковъ не только привлекли полицію (она бы и безъ стрѣльбы пришла)—они помогли двинуть впередъ мѣропріятіе общегосударственнаго значенія, сыграли роль въ общей системѣ мѣръ, направленныхъ къ равненію высшихъ школъ направо. Первыя извѣстія объ одесскихъ событіяхъ появились 9 декабря. И уже на слѣдующій день, 10 декабря, было опубликовано новое распоряженіе:

„Совѣтъ министровъ, на основаніи статьи 158 учрежденія министерствъ, призналъ необходимымъ поручить главнымъ начальникамъ подлежащихъ вѣдомствъ, независимо отъ общеустановленной отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ среди учащихся за учиненныя ими преступленія и проступки, безотлагательно распорядиться объ исключеніи изъ учебныхъ заведеній тѣхъ изъ нихъ, которые являются подстрекателями къ самовольнымъ сходкамъ и безпорядкамъ, равно какъ руководителей послѣдними, и вообще всѣхъ тѣхъ, которые своими рѣчами и другими выступленіями обнаружили упорное нежеланіе подчиняться закону и установленнымъ для учебныхъ заведеній правиламъ".

И началось массовое исключеніе студентовъ, помимо совѣтовъ «автономныхъ» школъ. Доказывая резонность этихъ и другихъ крутыхъ мѣръ, «Россія», между прочимъ, писала: «то, что произошло въ Одессѣ, безспорно остановитъ на себѣ широкое вниманіе русскаго общества... Это уже активное выступленіе, говорящее обществу: берегитесь» и т. д. И въ самомъ дѣлѣ,—студенты уже начали стрѣлять въ полицію, устраиваютъ настоящія сраженія съ полиціей—можно ль тутъ церемониться? Съ какой бы цѣлью ни стрѣляли академисты, но поспѣшить осуществленіемъ указанной мѣры они помогли. А черезъ мѣсяцъ, въ январѣ, послѣдовала и другая мѣра: совѣтъ министровъ отмѣнилъ права профессорскихъ коллегій разрѣшать студенческія собранія внутри высшихъ школъ; отнынѣ всякія сходки запрещены. Правда, даже нѣкоторые октябристы находятъ, что совѣтъ министровъ не имѣлъ права издавать такое распоряженіе. Но, что жъ, дѣлать, если на сходкахъ доходитъ до смертоубійства? Непосредственная цѣль стрѣльбы понятна безъ объясненій: запугать, терроризовать. Но сверхъ того, стрѣльба получила и общее значеніе.

Членъ Государственной Думы Шульгинъ задался другимъ вопросомъ: почему стрѣляли? И отвѣтилъ на него въ своей думской рѣчи такъ:

„Я вполнѣ понимаю академистовъ, что они стрѣляли, когда ихъ хотѣли бить. Когда мы ихъ посылаемъ въ университетъ, мы имъ говоримъ: будьте осторожны, терпите, сколько можете, а если васъ хотятъ бить,—стрѣляйте, потому что гораздо лучше видѣть васъ мертвыми, чѣмъ видѣть васъ съ пощечиной"...

«Мы», политическая организація, къ которой принадлежитъ г. Шульгинъ, *посылаемъ*, «мы говоримъ: *стрѣляйте...*» «Мы», очевидно, должны и снабдить посылаемыхъ необходимымъ для

стрѣльбы оружіемъ. Въ дальнѣйшемъ выяснилась и еще одна подробность относительно вооруженія: ссылаясь на оффиціальные документы, «Рѣчь» утверждала, что о снабженіи боевыхъ студенческихъ дружинъ союза русскаго народа и палаты архангела Михаила оружіемъ заботились градоначальникъ г. Толмачевъ и ректоръ университета г. Левашевъ. Въ связи съ этимъ не лишена интереса еще одна подробность. Члены боевой студенческой дружины, оказывается, имѣли у себя 8 декабря какіе-то пропуски, предъявляя эти бумажки, они свободно проходили сквозь густую цѣпь полицейскихъ, оцѣпившихъ университетъ. Но почему, собсве нно, г. Шульгинъ увѣренъ, что руководимыя при его участіи боевыя дружины имѣютъ право стрѣлять? Утвержденіе, что студенты били академистовъ, авторами думскаго запроса оспаривается; обстоятельство это тоже не доказано. Но предположимъ, что его удастся доказать. 5 декабря на балу «академисты» били студентовъ, 8 декабря студенты если и не били, то намѣревались бить академистовъ. Допустимъ, повторяю, что эта обоюдность доказана. Но что бы сказалъ г. Шульгинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и одесскій градоначальникъ Толмачевъ, если бы студенты, когда ихъ стали бить на балу, открыли пальбу изъ револьверовъ? Сомнѣній для г. Шульгина быть не можетъ,—конечно, преступниковъ надо предать военному суду. При тѣхъ же, какъ утверждаетъ г. Шульгинъ, обстоятельствахъ открыли пальбу «академисты», и онъ твердо убѣжденъ, что тутъ никакого преступленія нѣтъ. И не только г. Шульгинъ въ этомъ убѣжденъ. «Академисты» стрѣляли,— и никто изъ нихъ не арестованъ, не привлеченъ къ отвѣтственности. Всѣ неакадемисты, захваченные въ университетѣ, отправлены подъ арестъ. И многіе изъ нихъ сидятъ понынѣ, хотя огнестрѣльнаго оружія, повторяю, ни у кого не найдено. Послѣ 8 декабря нѣкоторые обыкновенные студенты выѣхали въ Петербургъ, между прочимъ, затѣмъ, чтобы сообщить фактическій матеріалъ членамъ Думы. Съ тою же цѣлью пріѣхали въ Петербургъ и нѣкоторые «академисты». Въ Петербургѣ обыкновенныхъ студентовъ арестовали, академисты свободны и обласканы. Но допустимъ, арестованные виновны,—кто на сходкѣ былъ, кто съ оппозиціей якшается. Не всѣ же, однако, виновны. Многихъ студентовъ не было на сходкѣ 8 декабря. Многіе не дали никакого повода ни для ареста, ни для обыска. Но они не академисты. Имъ надо внушить страхъ. И къ нимъ послѣ 8 декабря примѣненъ режимъ, о которомъ можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующая замѣтка «Бессарабской Жизни».

«Студентъ „Б., избитый черносотенцами до смерти, похороненъ какъ-то конспиративно, украдкой. Генералъ Толмачевъ запретилъ родителямъ его, уважаемымъ въ городѣ людямъ, сдѣлать обычныя траурныя оповѣщанія въ газетахъ о смерти юноши и днѣ его похоронъ. Судьба другого, грузина по національности, еще, быть можетъ, трагичнѣе. Онъ загадочно

исчезъ. Исчезъ безслѣдно. На квартирѣ, гдѣ онъ проживалъ, событіе это отмѣчено (повидимому, дворникомъ, въ домовой книгѣ.—*А. П.*) такъ:

— Выбылъ неизвѣстно куда.

Глухая молва вычеркиваетъ его изъ списка живыхъ. Исчезновеніе стоитъ въ связи съ университетскимъ кошмаромъ" *).

Одесское обычное право, разрѣшающее время-отъ-времени бить студентовъ на улицахъ, въ кофейняхъ, во всякихъ другихъ публичныхъ и непубличныхъ мѣстахъ, проявилось въ особенно острыхъ формахъ. Для сомнѣній едва ли остается мѣсто: обыкновенные студенты виноваты уже потому, что они не академисты, не соглашаются вступить въ ряды «патріотической и поощряемой начальствомъ организаціи.

Авторы думскаго запроса отмѣтили, между прочимъ, и такую подробность. Дождавшись полиціи и окончивъ стрѣльбу,

„академисты безпрепятственно вышли во дворъ и примкнули тамъ къ группѣ только въ этотъ моментъ прибывшихъ къ мѣсту событія ректора и проректора университета, а также градоначальника. Здѣсь же, неизвѣстно въ какой роли находился бывшій редакторъ одесской „Резины", извѣстный своими боевыми выступленіями и скандалами Глобачевъ, не имѣвшій никакого отношенія къ университету. Какъ Глобачевъ, такъ и академисты, только что стрѣлявшіе въ студентовъ, издѣвались надъ студентами, когда ихъ переписывали и проводили во дворъ..." „Ругань и издѣвательства производились въ присутствіи вышеупомянутыхъ начальствующихъ лицъ".

Что-жъ,—оно понятно. «Академисты» все время находились при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Имъ выдаются награды и пособія. Ихъ снабжаютъ револьверами. И они, слѣдовательно, обязаны именно служить. И такъ какъ это люди служилые, то къ ихъ поступкамъ нельзя прилагать общую норму отвѣтственности, какъ нельзя, напримѣръ, по воззрѣніямъ русской администраціи, городового равнять съ обывателемъ. Если обыватель выстрѣлитъ въ городового,—нуженъ военный судъ. А если городовой въ обывателя,—бываетъ, нужна награда. Такъ и въ данномъ случаѣ. Либеральная печать отмѣчала слухи, будто самъ г. Столыпинъ смущенъ подвигами «академистовъ», будто генерала Толмачева ждетъ какая-то кара. Этимъ слухамъ явно не соотвѣтствовалъ тонъ правительственнаго сообщенія. И они не оправданы послѣдующими событіями. Патріотическая газета «Гроза», новая сестра «Русскаго Знамени», по своему правильно пишетъ: «воинствующій академизмъ долженъ процвѣтать, какъ бы это многимъ ни не нравилось». Такого же мнѣнія и «Земщина». Оно и резонно. Система, достигшая наиболѣе яркаго выраженія въ Одессѣ, развиваетъ пары столь высокаго давленія, что они изъ школьныхъ стѣнъ рвутся наружу, на улицу. И чтобъ удержать ихъ,

*) Цит. по „Кіевскимъ Вѣстямъ", 19 декабря

нужны спеціальныя боевыя организаціи, нуженъ тотъ самый бѣлый терроръ, которымъ грозилъ г. Шульгинъ въ Государственной Думѣ: въ случаѣ, если движеніе приметъ массовый характеръ, — ждите погромовъ. Правда, не всѣмъ это нравится. Октябристы, напр., нѣсколько смущены, стыдливо пожимаютъ плечами. Но пусть они укажутъ другія средства борьбы. Требовать, чтобъ допускалась только такая наука, которая не можетъ возбуждать противъ существующаго правительства, они умѣютъ. Дѣйственное проявленіе инстинкта общественности и они признали преступнымъ. Изъ октябристовъ, вѣдь, кн. Тенишевъ. Пусть же они и найдутъ, какими способами подавлять послѣдствія системы, при которой естественное проявленіе насущныхъ потребностей признается дѣломъ преступнымъ.

Критиковать «боевой академизмъ» легко,—это даже «Новое Время» умѣетъ. Оно высказывало, напримѣръ:

„Правительство несетъ на себѣ отвѣтственность передъ страной за порядокъ въ учебныхъ заведеніяхъ: оно обязано охранять личную безопасность дѣтей, посылаемыхъ нами въ университеты не на убой, а для просвѣщенія и подготовки къ жизни"... „Если наши дѣти находятъ въ аудиторіяхъ не познаніе, а смерть, то общество въ правѣ негодовать и укорять" .

Безъ сомнѣнія, «боевой академизмъ» —лѣкарство, въ сущности, болѣе опасное, чѣмъ та болѣзнь, противъ которой оно назначается. Студенческое броженіе, даже вылившись на улицу, все-таки остается студенческимъ. Студенты сами по себѣ, обыватель самъ по себѣ. Студенты «пошумѣли» въ пироговскій день, студенты опубликовали коллективный протестъ,—обывательская масса не была этимъ задѣта за живое, никакой потребности дѣятельно вмѣшаться въ эту студенческую исторію обыватель не почувствовалъ. Иное дѣло, если боевыя дружины приступаютъ къ отправленію своихъ служебныхъ обязанностей. Тутъ и рядовой, даже чиновный обыватель задѣтъ за живое:

— Что-жъ это такое, въ самомъ дѣлѣ? На убой что ль мы посылаемъ нашихъ дѣтей?

И разумѣется,—«такъ дальше жить нельзя»... Примѣръ на лицо: въ той же Одессѣ, несмотря на всѣ принятыя г. Толмачевымъ мѣры, похороны студента Иглицкаго, умершаго отъ раны, превратились въ молчаливую, но внушительную общеобывательскую демонстрацію... Словомъ, если разсуждать критически, то «боевой академизмъ» есть одна изъ тѣхъ опасныхъ мѣръ, которыя могутъ не оттянуть, а ускорить развитіе уже замѣченнаго «циклона». Но, во-первыхъ, администрація на то вѣдь и призвана, чтобъ безстрашно проявлять энергію и отличаться. А во-вторыхъ, что же дѣлать? Откуда взять другія средства? Либералы говорятъ, что, вѣдь, учиться нельзя при такихъ условіяхъ. Но это ужъ другой вопросъ. Въ системѣ государственныхъ учрежденій школа, и въ

особенности высшая,—аппаратъ наиболѣе тонкій и хрупкій. Немудрено, что онъ раньше, чѣмъ другіе аппараты, приведенъ успокоительной политикой въ чрезвычайно разстроенное состояніе. Но въ томъ же направленіи совершенствуется и вся вообще русская жизнь. Нельзя учиться; повидимому, не за горами такое благоустройство, что нельзя станетъ и просто жить.

Народоволецъ; революціонеръ, преданный военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени, грозящимъ смертною казнью; каторжанинъ, отбывавшій свой срокъ въ страшномъ Шлиссельбургѣ и отправленный отсюда «съ бритой головой и съ кандалами на ногахъ» «по безконечной Владимиркѣ» въ Сибирь... Таково въ краткихъ чертахъ политическое прошлое Василія Андреевича Караулова, только что сошедшаго въ могилу. Общеизвѣстно его полное достоинства заявленіе объ этомъ прошломъ въ третьей Думѣ:

— «То, что я былъ каторжаниномъ, составляетъ гордость на всю мою жизнь. Въ... могучей волнѣ» народнаго движенія, завершившагося манифестомъ 17 октября, «есть одна капля моей крови и моихъ слезъ. Она мала и незамѣтна, но я знаю ея существованіе, и это даетъ мнѣ право оправдать свое существованіе передъ людьми и передъ Богомъ».

И тѣмъ не менѣе, этотъ человѣкъ, гордившійся своимъ прошлымъ, на одномъ многолюдномъ собраніи въ Красноярскѣ передъ выборами въ первую Думу рѣзко высказалъ, между прочимъ, такую мысль:

— «Если передо мною—говорилъ онъ—будутъ стоять два лагеря: въ одномъ правительственныя войска, въ другомъ—революціонеры съ пресловутымъ лозунгомъ диктатуры пролетаріата, то я, не задумываясь, пойду съ первыми противъ вторыхъ»...

«Эта фраза—поясняетъ «Красноярская Мысль»—стоила Караулову мѣста въ первыхъ двухъ Думахъ» *)... И на почвѣ подобныхъ же фразъ произошло недоразумѣніе, о которомъ, по словамъ «Красноярской Мысли», разсказывалъ самъ Василій Андреевичъ:

„Осенью 1905 г. его вызвалъ къ себѣ предсѣдатель совѣта министровъ, гр. Витте и предлагалъ ему поддержать новый кабинетъ, сославшись на одну изъ рѣчей Караулова... Гр. Витте говорилъ, что Василій Андреевичъ будетъ амнистированъ, если согласится ходатайствовать объ этомъ".

Карауловъ, какъ передаетъ та же газета, отказался и «ходатайствовать», и «поддерживать новый кабинетъ». Гр. Витте «самостоятельно, помимо всякаго ходатайства, возстановилъ въ общемъ

*) „Красноярская Мысль", 30 декабря 1910 г.

порядкѣ права Караулова», и такимъ образомъ послѣдній могъ попасть въ избирательные списки *), а впослѣдствіи и пройти въ третью Государственную Думу. Ошибался Витте,—чужимъ былъ Карауловъ для него. Но не своимъ онъ былъ и дя тѣхъ, противъ кого Витте приглашалъ его бороться.

Карауловъ говорилъ о себѣ, что онъ былъ своеобразнымъ народовольцемъ, — не причастнымъ къ народовольческой тактикѣ. Искренній сторонникъ правовой и даже демократической государственности, онъ высказывался, по крайней мѣрѣ, въ концѣ своей жизни, противъ тѣхъ методовъ борьбы, которые въ силу извѣстныхъ историческихъ условій чаще всего оказывается неизбѣжными при переходѣ отъ старыхъ формъ политической жизни къ новымъ. Перехода возможно болѣе мирнаго и безболѣзненнаго желаютъ почти всѣ. Но Василій Андреевичъ не только желалъ этого,—для него это было какъ бы conditio sine qua non... Онъ въ это вѣрилъ. И уже отсюда до нѣкоторой степени психологически понятно, почему онъ свое вниманіе въ третьей Думѣ сосредоточилъ главнымъ образомъ на вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Въ этомъ пунктѣ соціальные интересы различныхъ группъ населенія сталкиваются не такъ замѣтно, какъ въ другихъ областяхъ государственной жизни. И при переходѣ отъ нетерпимости къ вѣроисповѣдной свободѣ наиболѣе легко мыслимы безболѣзненныя формы. Не только по этой, конечно, причинѣ Карауловъ сосредоточился на вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Безъ сомнѣнія, много значитъ нѣкоторая личная склонность. Много значитъ и то, что третья Дума и не вспомнила, вѣдь, о другихъ «свободахъ», кромѣ «свободы совѣсти». Но, во всякомъ случаѣ, при проведеніи этой свободы программныя чаянія Караулова всего меньше могли столкнуться съ его тактическими предпосылками. А человѣкъ вообще интинктивно предпочитаетъ сосредоточиваться на томъ, въ чемъ для него наименѣе вѣроятно впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Да и подходилъ Карауловъ къ вопросу о свободѣ совѣсти такъ же своеобразно, какъ и ко многому другому. Онъ называлъ себя вѣрнымъ сыномъ православной церкви; онъ убѣждалъ признать и осуществить вѣротерпимость, какъ начало, обязательное въ православіи и необходимое для возрожденія самой церкви. По основательному замѣчанію г-на Винавера въ «Рѣчи», Карауловъ въ данномъ случѣѣ явился послѣдователемъ развитой нѣкогда Владиміромъ Соловьевымъ теоріи конфессіональнаго государства на началахъ политической свободы,—«теоріи, которая никогда еще не была осуществлена въ историческія времена» *). И всего меньше, добавимъ отъ себя, могла быть и можетъ быть примирена съ истори-

*) Тамъ же.
**) «Рѣчь», 20 декабря.

чески сложившимся греко-россійскимъ православіемъ. Словомъ, Василій Андреевичъ аргументировалъ призывъ къ вѣротерпимости ссылками не на то православіе, которое въ дѣйствительностя существовало, а на то, которое по его мнѣнію, желательно. Для тѣхъ, кто къ вопросу о свободѣ совѣсти подходитъ съ точки зрѣнія правъ человѣческой личности, аргументація Караулова была чужда. По многимъ соображеніямъ она и опасна. Господствующія въ странѣ политическія силы ничего не имѣли противъ этой аргументаціи; въ частности, ничего не имѣли противъ идеализаціи православія; но рѣшительно отвергли основанные на этой идеализаціи выводы. Извѣстна судьба «старообрядческаго законопроекта», которому Василій Андреевичъ посвятилъ такъ много трудовъ. Извѣстно также, что время третьей Думы совпало съ рѣзкимъ поворотомъ въ сторону нетерпимости и къ систематическому ухудшенію положенія старообрядцевъ и сектантовъ. Быть можетъ, именно эти огорченія и разочарованія окончательно подорвали здоровье Караулова, сильно расшатанное Шлиссельбургомъ, Владимиркой и Сибирью.

Своебразны были пути, которыми шелъ Василій Андреевичъ къ намѣченной цѣли. Но цѣли этой онъ жаждалъ искренно, горячо и страстно. Иновѣрное и инославное населеніе Россіи потеряло въ лицѣ Караулова ревностнаго защитника. И вмѣстѣ съ Карауловымъ ушла въ могилу еще одна надежда на ту идеальную форму перехода къ лучшимъ условіямъ, о которой мечталъ покойный,— перехода даже не къ правовой государственности вообще, а хотя бы только къ вѣротерпимости.

Умеръ Василій Андреевечъ 19 декабря, 56 лѣтъ отъ роду.

А. Петрищевъ.

Угловые жильцы.

(Изъ впечатлѣній счетчика).

Пятиэтажный домъ, извѣстный въ нашей улицѣ подъ двумя названіями: «Пропартуръ» и «Васина деревня», — имѣлъ, по предварительнымъ полицейскимъ свѣдѣніямъ, 108 квартиръ и 720 жителей. Послѣ переписи число жителей оказалось вдвое большимъ.

По внѣшнему виду, это обыкновенный, грязноватый домъ петербургскихъ окраинъ, съ дешевыми столовыми, чайными, пивными въ нижнемъ этажѣ, по лицевой сторонѣ и съ маленькими квартирками внутри. Квартиры эти оказались буквально налитыми гущей человѣческихъ тѣлъ — угловыми жильцами и ихъ мелкой

дѣтворой. Мнѣ давно уже приходится наблюдать изъ оконъ Горнаго Института этихъ маленькихъ «пропартурцевъ»,—съ утра и до ночи жизнь ихъ проходитъ на улицѣ, на берегу Невы. Какъ стаи воробьевъ, они цѣлыми днями вертятся, бѣгаютъ, прыгаютъ, борются, дерутся и промышляютъ на великолѣпномъ гранитѣ набережной, между дорическими колоннами институтскаго портика, на мостовой, на панеляхъ, на пристаняхъ и баркахъ. И, какъ у маленькихъ сѣренькихъ птичекъ, въ ихъ дѣтскихъ лицахъ и взглядахъ, въ движеніяхъ, въ пріемахъ чаще всего вмѣсто дѣтской безпечности и беззаботности замѣтны сторожкая, выслѣживающая добычу озабоченность и мысль объ окружающей опасности. Это отъ того, что тутъ, на берегу Невы, въ виду исконныхъ враговъ всякой голытьбы и вольницы, городовыхъ, сторожей, таможенныхъ, солдатъ, дворниковъ, приказчиковъ,—имъ приходится впервые упражнять себя въ борьбѣ за полуголодное существованіе, вырабатывать пріемы нападенія и защиты, подвергаться риску, пытать счастье.

Теперь, зимой, когда Нева скована льдомъ, пустынна, нѣма и скудна для добычи,—жалко смотрѣть на этихъ маленькихъ пропартурцевъ, которые вмѣстѣ въ разсвѣтомъ уже вьются по набережной. Одѣты они въ самыя фантастическія одежды: въ женскія кофты, въ отцовскіе пиджаки, въ громадные картузы, треухи, въ старенькіе гимназическіе мундирчики, въ вязаныя дворницкія фуфайки, обуты въ высокія дамскія калоши, въ необъятные сѣрые валенки, въ штиблеты съ чужой ноги. Пестрое обмундированіе!.. И видно, что голодны. А улицы пустынны, поживиться нечѣмъ. Съ рискомъ нырнуть подъ ледъ или попасть подъ тяжелый кулакъ городового тѣ, что побольше, выламываютъ пластины изъ затертой льдомъ баржи. Труда много, риску много, а нажива скудная. Но вотъ везутъ каменный уголь,—длинный караванъ глубокихъ, корытообразныхъ телѣгъ. Если извозчикъ не идетъ съ боку, а сидитъ на передкѣ и беззаботно дремлетъ или сосетъ цыгарку,—пропартурцы уже тутъ, какъ тутъ; забрались сзади, спѣшно выбросили по нѣскольку матово-черныхъ кусковъ угля и, подобравъ ихъ, мчатся въ ближайшую мелочную лавочку ликвидировать посланное судьбою даяніе.

Хорошо тоже бываетъ, когда провозятъ кули съ мукой, съ овсомъ,—юные пропартурцы и тутъ умѣютъ использовать положеніе дѣлъ: ножичкомъ прорѣжутъ мѣшокъ и заботливо подставляютъ картузы: на рынкѣ все имѣетъ цѣну.

Не всегда это сходитъ съ рукъ безнаказанно. На дняхъ везли сахарный песокъ съ Маслянаго Буяна. Сладкая добыча привлекла не только опытныхъ, болѣе взрослыхъ мародеровъ, но и малыши съ своими треухами и шапченками прилипли къ прорѣзанному мѣшку. Замѣтилъ артельщикъ,—погоня поднялась. Пропартурцы разсыпались по сосѣднимъ улицамъ, по дворамъ, но одинъ, искавшій убѣжища между ногами чугуннаго Плутона, похищающаго

Прозерпину,—статуя эта украшаетъ портикъ Горнаго Института,— былъ все-таки изловленъ. Артельщикъ козырькомъ картуза, наполненнаго сахарнымъ пескомъ, тыкалъ ему въ лицо и, надо думать, очень больно, потому что пропартурецъ-отрицатель принципа собственности громко ревѣлъ и закрывался локтями. Городовой писалъ что-то въ свою записную книжку и, когда онъ лизалъ языкомъ кончикъ карандаша, видъ у него былъ угрожающе-многозначительный. Кругомъ стояла толпа зрителей, лишь въ ничтожномъ меньшинствѣ осуждающая, во имя закона, мародерство, въ большинствѣ же сочувствующая, сожалѣющая и даже протестующая противъ насильственныхъ дѣйствій артельщика...

Лѣто для пропартурцевъ, какъ и для всякой вольной птахи,— самая живая пора: и тепло, и способы пропитанія разнообразны, и сравнительно безопасно. Любимая область ихъ опустошительныхъ набѣговъ—барки съ дровами. Въ обычный день, говорятъ, они умудряются перетаскать сажени двѣ дровъ. Кругомъ шумъ, грохотъ, лязгъ, свистки пароходовъ, сверкающая зыбь рѣки, суета и веселая ругань. Тутъ лишь не зѣвай. Въ полдень кáтали, грузчики, извозчики уходятъ въ ближайшія столовыя обѣдать. И въ эту пору пропартурцы проворными стайками налетаютъ на кучи сваленныхъ полѣнъ, хватаютъ, кто сколько осилитъ, иной разъ по доброй охапкѣ, и, любовно обхвативши ихъ руками, мчатся къ воротамъ своей «Васиной деревни». За ними мчится городовой или приказчикъ съ барки. Если преслѣдованіе достаточно энергично, похитители бросаютъ часть добычи. Облегчивъ себя, они отбѣгаютъ на безопасное разстояніе и издали вступаютъ въ словесную полемику съ городовыми.

— Паликма-ахеръ!..—кричатъ они по адресу охранителя порядка.

Должно быть, есть что-нибудь особенно обидное въ этомъ прозвищѣ, потому что нерѣдко городовой, уже остановившій преслѣдованіе, снова подбиралъ шашку и мчался за обидчиками. И тогда двадцатая, двадцать первая и двадцать вторая линія Васильевскаго острова представляли собой оживленную картину заразительнаго массоваго бѣгства,—точно листья, гонимые вѣтромъ, мчались дѣтишки отъ городового, всѣ, безъ различія пола и возраста, даже и двухлѣтніе карапузы-рахитики на кривыхъ ножонкахъ, не принимавшіе, конечно, участія ни въ похищеніи чужой собственности, ни въ полемикѣ съ полицейской властью,—всѣ мчались и видно было, какъ на пространствѣ не менѣе четверти версты, точно мелкая зыбь, мелькали дѣтскія пятки.

— Пираты, сукины дѣти! — кричалъ городовой имъ вслѣдъ, оставанливая безнадежное преслѣдованіе.

— Паликмахеръ!—неслось изъ глубины улицы.

— Хулиганы!..

— За день сажени двѣ дровъ перетаскаютъ!..—говорилъ городовой, громко дыша и отдуваясь, случайному зрителю.

— И ужъ если бы домой... а то на папироски, на ломпасе... Народецъ! А то продадутъ въ лавчонкѣ да въ орлянку...

Лицевая, наружная сторона жизни «Пропартура», или «Васиной деревни» почти всецѣло исчерпывалась этими маневрами ея маленькихъ пиратовъ. По праздникамъ, правда, около пивныхъ и столовой, гдѣ торговали, очевидно, не однимъ кушаньемъ, было шумно, пьяно и казалось небезопаснымъ проходить мимо. Но въ будни тутъ собирались лишь вечеромъ. Въ полдень, подъ воющіе звуки фабричныхъ и заводскихъ гудковъ, сюда тянулись вереницы рабочихъ съ лицами, выпачканными угольною пылью, известью, мукой, усталыми сумрачными лицами. Черезъ полчаса шли они назадъ на пристань, къ заводамъ и складамъ. Внутренняя жизнь «Васиной деревни», та, что была въ ея стѣнахъ, оставалась закрытой для посторонняго наблюдателя. А между тѣмъ къ ней тянуло любопытство,—хотѣлось прочитать хоть одну страничку этого особаго міра, хотѣлось спросить, чѣмъ они живы, эти сумрачные люди, съ закоптѣлыми и запыленными лицами, эти женщины въ ветхихъ, до конца изношенныхъ одеждахъ, эти кучки ихъ босыхъ или фантастически одѣтыхъ бойкихъ дѣтей бѣдокуровъ...

И когда представилась возможность заглянуть въ ихъ жилища во время переписи, я съ особенной готовностью взялъ на себя именно «Васину деревню».

Въ 10 часовъ утра 11 декабря я долго звонилъ у ея воротъ въ звонокъ къ дворнику. Никто не выходилъ. Лишь дѣтвора окружила меня живымъ, любопытствующимъ кольцомъ и съ интересомъ цѣплялась взглядами за толстый синій портфель счетчика, набитый бумагами. Худенькая дѣвочка съ живыми черными глазками и безкровнымъ личикомъ спросила:

— Вамъ кого?

— Я по переписи. Дворника надо...

— Намъ вчера листокъ приносили... Дворника? Это туда, во дворъ.

Окруженный добровольными провожатыми, я вошелъ во дворъ. Кстати сказать, эти маленькіе провожатые послѣ, во время переписи, гурьбой сопровождали меня, давали поясненія о расположеніи дома, біографическія свѣдѣнія объ обитателяхъ и проч. По началу они оставались на лѣстницѣ, пока я былъ въ квартирѣ, а потомъ стали входить и въ квартиры вслѣдъ за мною. Изъ-за этого между ними и квартирохозяевами возникали даже конфликты, заканчивавшіеся изгнаніемъ моихъ чичероне на лѣстницу. Впрочемъ, это обстоятельство, кажется, нисколько не охлаждало ихъ усердія.

Тѣсная дворницкая, куда привели меня дѣти, была биткомъ набита народомъ. Оказалось, что какъ разъ въ эти предпраздничные дни хозяинъ дома былъ занятъ взысканіемъ платы съ жильцовъ. Видно, сложны были счеты и не очень исправны плательщики, потому что благообразный старичекъ съ красной лысиной и съ тонкимъ голосомъ, ликомъ очень похожій на Николая, мирликійскаго чудотворца, горячился и кричалъ:

— Хочешь, бѣленькую бумажку пришлю? Мнѣ не долго!

— Егоръ Васильичъ! Вы же сами говорите, что солидарны къ бѣднымъ,—и гдѣ же мнѣ взять? Праздники заходятъ, сами знаете...

— Платила бы частями, я и полтинниками беру! Сколько ни принеси, беру... Лишь бы за время... А ты чего?...

— Насчетъ отхожаго, Егоръ Васильичъ. Какая же это исправка: досками кой-какъ забилъ плотникъ, а какъ кто сдѣлаетъ, такъ весь духъ въ комнаты.

— За шестнадцать рублей парфюмерію Ралле хочешь? Нѣтъ, это ужъ извини-съ! Не могу-съ... Духъ идетъ, открой фортку. Ду-ухъ... Эка штука какая, подумаешь...

По тону голосовъ, достаточно смиренному и даже подобострастному, по выраженію лицъ и фигуръ, видно было, что хозяинъ дома держитъ въ своихъ рукахъ возможность благодѣтельствовать или карать эту стоящую передъ нимъ часть человѣчества, а они чувствуютъ себя, если не облагодѣтельствованными, то во всякую минуту подлежащими болѣе суровому обращенію, чѣмъ то, которое предоставлено имъ отъ Егора Васильича.

Я обратился съ просьбой о дворникѣ, для сопровожденія по квартирамъ.

— Заняты-съ дворники,—сказалъ домовладѣлецъ далеко не любезнымъ тономъ:—да вы идите тамъ... по квартирамъ извѣстно... всѣмъ объявлено.

— Полагаю, что и вамъ должна быть извѣстна инструкція городского управленія?

— Читалъ-съ!

— Если читали, то, значитъ, и толковать нечего... Потрудитесь откомандировать старшаго дворника въ распоряженіе счетчиковъ.

— Занятъ, говорю вамъ, старшій. Онъ съ судебнымъ приставомъ въ 15-мъ номерѣ.

— Но, вѣдь, 108 квартиръ. Ихъ надо обойти сегодня. Гдѣ же тутъ ждать?

— А я сегодня долженъ собрать деньги за квартиры. Дѣло тоже казенное-съ. Иначе, ежели мы не соберемъ, вамъ и жалованье нечѣмъ будетъ уплатить.

Тонъ былъ рѣшительный и безапелляціонный. Мнѣ ужъ не захотѣлось освѣдомлять этого благообразнаго старичка о томъ,

что о моемъ жалованьѣ онъ могъ бы и не очень безпокоиться, что я работаю безвозмездно и проч. Я понималъ, что краснорѣчіе мое здѣсь будетъ безполезно. Какъ-то конфузно сознаться, а я поступилъ упрощеннымъ россійскимъ порядкомъ: по телефону сообщилъ о разговорѣ съ домовладѣльцемъ въ участокъ. Черезъ пять минутъ всѣ три дворника—въ домѣ при 108 квартирахъ было только три дворника—были въ распоряженіи моемъ и моихъ товарищей по переписи—студента и курсистки.

— Намъ вѣдь все равно, господинъ, ходить-то, что по хозяйскому дѣлу, что по вашему,—тономъ извиненія говорилъ старшій дворникъ, сопровождая меня по квартирамъ:—ну, только хозяинъ не приказываетъ, такъ какъ же... Мы ни при чемъ тутъ...

— Я васъ не обвиняю.

Рыжій человѣкъ, въ грязномъ сюртукѣ и картузѣ блиномъ, шедшій позади насъ, сказалъ въ видѣ поддержки дворнику:

— Такихъ людей, какъ нашъ Егоръ, и на свѣтѣ мало. Хамлетъ и больше ничего. Я, говоритъ, честнымъ трудомъ нажилъ. Чортъ чесалъ, да гребенку сломалъ объ этотъ твой честный трудъ!..

— А что за трудъ?

— Да развѣ это отъ труда? Отъ труда много разбогатѣли?.. Онъ, Егоръ Васильевъ, сказать,—просто изъ нашего брата, изъ крестьянъ. Да и изъ крестьянъ-то еще самаго низкаго званія: тряпки собиралъ... тряпизонъ... А сейчасъ—пять домовъ, болѣ 600 однихъ квартиръ!.. Честнымъ трудомъ... Нѣтъ, братъ, отъ труда не будешь богатъ, а будешь горбатъ!.. Честнымъ трудомъ, такъ объ нуждѣ бы понималъ, а то объ нуждѣ никакъ не понимаетъ.

— Неуважителенъ?

— Нитнюды! Деньги неси къ числу, а то сейчасъ: «пришлю бѣленькую бумажку»...

— Это что же значитъ?

— Судебному приставу-съ.

Я началъ обходъ съ первыхъ номеровъ, съ каменнаго флигеля, выходящаго на задній дворъ, очень тѣсный, грязный и вонючій. Всѣ квартиры были одинаковаго размѣра. Въ сущности—одна комната, раздѣленная деревянными перегородками иногда на двѣ, иногда на три клѣтки. Двери нигдѣ не запирались на ключъ или крючокъ. Дворникъ увѣренной рукой отворялъ одну половинку и мы втискивались въ темную, тѣсную, уставленную ведрами, чугунками, кучками дровъ кухонку съ плитой. Время дня было какъ разъ такое, когда плиты вездѣ были растоплены, готовился обѣдъ, стоялъ чадъ и угаръ. Во всѣхъ квартирахъ воздухъ былъ спертый, сырой, липкимъ жаромъ охватывало лицо и все тѣло. Въ одной квартирѣ стояла такая духота, что даже лампа тухла отъ недостатка кислорода, — писалъ я здѣсь ужъ

вечеромъ. Въ первый день приходилось обходить квартиры лишь для раздачи переписныхъ листковъ. Больше пяти минутъ рѣдко гдѣ приходилось задерживаться. Но и въ этотъ короткій срокъ я почти задыхался отъ жары и спертаго воздуха и выходилъ изъ квартиры на лѣстницу совершенно мокрымъ отъ испарины. И даже воздухъ вонючихъ, загаженныхъ лѣстницъ «Пропартура» казался мнѣ свѣжимъ и пріятнымъ послѣ воздуха въ квартирахъ. Въ послѣдній день переписи одинъ изъ моихъ сотоварищей по переписи, студентъ Горнаго института, угорѣлъ отъ этого ужаснаго воздуха до обморока. А вѣдь грудныя дѣти и больные взрослые обитатели угловъ проводятъ въ этомъ воздухѣ круглые сутки безвыходно.

Мы съ дворникомъ не входили, а втискивались въ кухню. Нѣсколько мгновеній нужно было, чтобы оглядѣться въ ея полумракѣ,— кухня была безъ оконъ.

— Хозяйка!—вызывалъ дворникъ командующимъ тономъ:—поди-ка сюда!

Выходила хозяйка. Я объяснялъ цѣль нашего визита, а дворникъ заканчивалъ поясненіе:

— Говори, сколько у тебя народу?

Этотъ вопросъ въ иныхъ квартирахъ возбуждалъ какъ будто нѣкоторое подозрѣніе,—на него не сразу отвѣчали. Неуловимая тѣнь подозрительной настороженности проходила по лицу хозяйки или хозяина квартиры. Я потомъ понялъ причину опасеній, внушаемыхъ вопросомъ: городское управленіе, совмѣстно съ полиціей, въ заботахъ объ оздоровленіи города, обратило вниманіе на переполненіе дешевыхъ квартиръ и энергично начало штрафовать хозяевъ, державшихъ угловыхъ жильцовъ больше, чѣмъ можно было допустить по правиламъ разумной гигіены. Въ результатѣ угловой жилецъ въ значительномъ количествѣ былъ вытѣсненъ сначала въ ночлежку, а потомъ, за переполненіемъ ночлежекъ, и подъ открытое небо. Углы и мѣста въ ночлежкахъ вспухли въ цѣнѣ (прежде уголъ стоилъ полтора-два рубля, теперь дешевле трехъ нѣтъ), а жилищныя условія для низовъ столичнаго населенія не улучшились, а ухудшились.

— Такъ сколько же всѣхъ живущихъ въ этой квартирѣ?—повторяешь вопросъ дворника.

— Въ квартирѣ? Да сколько же, четверо ихъ у меня, жителевъ. Семенъ Васильевъ съ Настасьей да Прокудиныхъ двое...

— Нѣтъ, всѣхъ вообще. И васъ считая, и дѣтей.

— И дѣтей?

— Непремѣнно. На каждаго будетъ писаться отдѣльный листокъ.

— На дитя? Да что вы? Вотъ у Настасьи пяти мѣсяцевъ, и на него?

— Обязательно!—солидно и съ вѣсомъ пояснялъ дворникъ:—

ты вотъ и большая, а на тебя двухъ билетовъ не дадутъ. Всѣмъ—ровно. И дитю.

— Мало того. Если въ ночь на 15-е родится ребенокъ, то и онъ долженъ войти въ списокъ жителей Петербурга.

Хозяйка всплескиваетъ руками и изгибается отъ смѣха.

— У васъ такихъ не предвидится?—спрашиваетъ дворникъ.

— Нѣтъ, къ 15-му не успѣемъ.

— Ты-то лопнуть не собираешься?..

— Ну—тебя!.. Сорокъ восьмой ужъ... гдѣ тамъ...

— И Иванъ Митричъ твой не собирается?

— Развѣ отъ водки лопнетъ... а то нѣтъ!.. И дѣтей! Ну-ну-у... Съ дѣтьми то у насъ наберется десятка два: у насъ трое, у Насти—пятеро, у Прокудиныхъ—пятеро... Сынъ-то у нихъ отдѣльно живетъ, въ Кронштадтѣ. Это сколько же выйдетъ?..

Считаемъ: выходитъ 18. Отсчитываю личные листки. Спрашиваю: есть-ли кому написать? Грамотные есть, но написать едва-ли сумѣютъ. Почти половина квартиръ сразу заявила, что написать некому. И это было лучше. Впослѣдствіи, въ большинствѣ тѣхъ квартиръ, гдѣ жильцы выразили желаніе сами заполнить листки, пришлось записывать послѣ счетчикамъ. Въ иной квартирѣ и былъ «писучій» человѣкъ, да запилъ. Въ другой—все занятые люди оказались, а заполнять десятка два листковъ дѣло нудное и, въ концѣ концовъ, надоѣдливое. Это обстоятельство чрезвычайно осложнило и отягчило работу счетчиковъ.

Идемъ дальше. И въ слѣдующей квартирѣ дворникъ голосомъ коменданта кричитъ:

— Хозяйка! Говори, сколько у тебя народу?

Шапку онъ не снимаетъ, идетъ въ комнату въ грязныхъ сапогахъ. Замѣтивъ, что я снимаю калоши, говоритъ:

— Не снимайте, господинъ, калоши. Не къ чему.

Я не могу сказать, чтобы въ этихъ тѣсныхъ, налитыхъ людьми клѣткахъ было грязно. Было бѣдно, скудно, ветхо, тѣсно, душно, но грязи было немного болѣе, чѣмъ въ иной культурной квартирѣ. А въ иныхъ квартирахъ, особенно тамъ, гдѣ хозяевами были нѣмцы и поляки, было положительно чисто. Но сырой воздухъ былъ и тамъ спертъ, и удушливый газъ шелъ отъ плиты. А между тѣмъ дворникъ съ комендантскими замашками не только самъ не стѣснялся пачкать тутъ полы своими грязными сапогами, но и мнѣ рекомендовалъ не снимать калошъ. Невольно приходило въ голову: что, если бы въ квартиру съ культурными жильцами ввалился такой комендантъ въ грязныхъ сапогахъ и, не снимая картуза, крикнулъ: Хозяинъ! говори, сколько у тебя народу?—неужели онъ не встрѣтилъ бы протеста? А тутъ вотъ не только самъ бывшій «тряпизонъ» ежедневно требуетъ своего жильца передъ собственныя ясныя очи, но и его подручные тяжелыми мужицкими сапогами могутъ невозбранно наступать на очень чувствительныя

мѣста человѣческаго самолюбія... И ничего. Молчитъ квартирантъ... И не потому молчитъ, чтобы былъ нечувствителенъ къ этому хамству. Видно было, что чувствуетъ, болѣзненно, остро чувствуетъ... Какая же степень нужды въ этомъ смрадномъ жилищѣ должна быть у него, чтобы даже въ «тряпизонѣ» чувствовать безграничнаго владыку?..

Меня потомъ положительно смущала та деликатность и мягкость тона, съ которой угловые жильцы удовлетворяли мои разсспросы, та предупредительность, съ которой очищали мнѣ для записыванія маленькій столикъ, подавали стулъ, помогали надѣвать пальто. Я для нихъ начальствомъ не былъ, — они это понимали. И перепись, въ ихъ глазахъ, была дѣломъ если не вполнѣ для нихъ безполезнымъ, то, во всякомъ случаѣ, постороннимъ. А вотъ находили же они привѣтливый и вѣжливый тонъ по отношенію ко мнѣ, счетчику, человѣку все-таки безпокоющему, отрывающему ихъ отъ дѣла, любопытствующему. Чувствовалось какое-то природное благородство въ этомъ тонѣ, говорило инстинктивное чувство человѣческаго достоинства, сохранившееся даже тутъ, въ попирающихъ условіяхъ бѣдности, зависимости, голодной нужды, угрюмости и невольнаго озлобленія... А я немножко боялся этого дома. Боялся оскорбленій, непріязненнаго отношенія, прямой грубости. Боялся того, что увижу здѣсь подтвержденіе приговора, не одинъ разъ при мнѣ вынесеннаго воинствующимъ городовымъ маленькимъ обитателямъ «Васиной Деревни»: «хулиганы, пираты»... Боялся подтвержденія злопыхательныхъ увѣреній «сотрудниковъ» этого городового въ печати,—увѣреній объ одичаніи, хулиганствѣ, пьяномъ оскотѣніи народа. Но за все время встрѣтилъ пьяныхъ лишь въ трехъ мѣстахъ: одного—въ чайной,—онъ ругался непечатными словами, просто такъ, на воздухъ, а на него шикали, усовѣщевали люди съ нѣсколько подпухшими и подозрительными физіономіями; двухъ — въ квартирахъ, это были очень мирные, пьяненькіе люди,—одного я даже не видѣлъ, а слышалъ, какъ онъ горестно крякалъ за перегородкой, а на него тоже испуганно шикали трезвые сожители. Я читалъ послѣ въ газетахъ, что одинъ генералъ послалъ счетчика за свѣдѣніями о своей персонѣ къ дворнику; офицеръ предлагалъ «хоть десять рублей» за то, чтобы его не отрывали этими пустяками — переписью—отъ его серьезныхъ занятій; какой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ въ графѣ о полѣ написалъ: «паркетный», какой-то студентъ въ своемъ личномъ листкѣ далъ свѣдѣніе, что онъ питается молокомъ матери... И я порадовался за моихъ милыхъ, угловыхъ обитателей, ибо,—надо признать,—больше одичанія, хамства, некультурности проявили все-таки бель-этажи, а не подвалы, не чердаки, не угловыя клѣтки «Васиной деревни»,—она же Пропартуръ.

А вѣдь, казалось бы, трудно сохранить мягкость тона, доброжелательство и вѣжливость въ такой обстановкѣ, какая была въ

«Васиной деревнѣ» съ ея одуряющимъ сырымъ воздухомъ, тѣснотой, кричащей и нѣмой нуждой, которую я потомъ увидѣлъ, когда приходилъ уже безъ дворника переписывать ея населеніе. Вполнѣ естественно было бы ждать грубыхъ, озлобленныхъ выходокъ при видѣ лучше одѣтаго, пообѣдавшаго, праздно любопытствующаго человѣка, отрывающаго людей отъ дѣла какими-то пустяками.

Условія работы счетчика здѣсь были таковы, что въ день я дѣлалъ два-три перерыва по часу, чтобы отдохнуть,—крилась ужъ голова и страшная усталость чувствовалась во всемъ тѣлѣ.

— Очень ужъ сырые у васъ квартиры,—говорю дворнику:—какъ въ нихъ и живутъ?..

— Нѣтъ, квартиры у насъ сухія... ничего...

— А это что?—показываю на зеленыя фантастическія пятна.

— Эта стѣна, точно, сырая. Да, вѣдь, у насъ, господинъ, и житель такой. Порядочнаго жителя нѣтъ... Точно, что дому—ежели по совѣсти—давно бы ужъ ремонтъ настоящій надо. Ну, у хозяина карманъ толстый: кому слѣдуетъ, даетъ,—и ничего... сходитъ... А потомъ по рублику, по два накинетъ на жителевъ,—вотъ ему и не убытокъ... Лѣтомъ нынче санитарный надзоръ его поприжалъ было. Такъ онъ взялъ, составилъ прошеньице и пошелъ по квартирамъ: подпишитесь, молъ, что я къ бѣдному народу уважителенъ,—я спущу платы. Ну, извѣстная вещь, подписались: съ дѣтьми, молъ, дѣться намъ некуда, бѣднымъ жителямъ дешевле этихъ квартиръ по всему городу не сыскать, молъ, и мы живемъ безъ всякихъ препятствій... Такъ его по этому прошенію безъ всякаго нарушенія и оставили...

— Что же, обѣщаніе-то сдержалъ?

— Насчетъ цѣны-съ? Набавилъ. Гдѣ рубликъ, гдѣ два накинулъ. Нельзя, говоритъ: санитарный надзоръ придирается, расходы по ремонту растутъ. А какіе расходы? Въ лѣтнее время—рабочіе въ цѣнѣ—у насъ ни за что ремонту не дѣлается. Вотъ сейчасъ, копѣекъ за 30 въ день, ну, позоветъ одного-двухъ плотниковъ. Да и то не съ добромъ: ходишь-ходишь... Квартирантъ обижается, ругаетъ дворника, а дворнику что? Спрашивай съ хозяина, намъ хозяйскаго не жалко...

Въ слѣдующіе дни, при обходѣ квартиръ, вмѣсто дворника меня сопровождали дѣтишки.

Войдешь въ переднюю—она же и кухня,—полутьма, тѣсно, повернуться съ трудомъ. Какой-нибудь изъ моихъ чичероне нырнетъ впередъ—разыскать хозяйку—и слышно торопливое, торжественно предупреждающее:

— По дѣлу тутъ пришли... перепись...

Вслѣдъ за симъ слышится приглашеніе въ комнату хозяйки. Если тамъ не очень чисто, просятъ въ какую-нибудь изъ жилецкихъ комнатъ:

— Сюда пожалуйте, тутъ вотъ почище.

Иногда, если нашъ визитъ приходился на обѣденную пору, суетливо убирались со стола аттрибуты трапезы,—столики вездѣ крошечные, съ трудомъ двѣ тарелки поставить,—сметались крошки, старательно вытирали мокрое. Получалось впечатлѣніе, что нашъ приходъ являлъ въ своемъ родѣ важнѣйшее событіе и по цѣлямъ, и по значительности лицъ, причастныхъ къ его осуществленію. Дѣло же было не такъ уже важно—для нихъ, по крайней мѣрѣ,—они это, разумѣется, отлично понимали и знали. Помнили нѣкоторые старую перепись, кое-кто даже двѣ.

Иногда спрашивали, и легкая шутливость тона прикрывала нѣсколько конфузливое любопытство:

— Для чего же это, господинъ, переписываютъ? Можетъ, намъ къ празднику рубликовъ по сту дать хотятъ? Не худо бы...

— А то не окажется ли гдѣ земли праздношатающей,—тоже годилось бы...

— Ухъ, и работнулъ бы теперь... косой, напримѣръ...

Но тутъ же слышались и пессимистическія замѣчанія:

— Держи карманъ! Какъ же... по сту рубликовъ... На нашу же шею ляжетъ,—больше никакихъ...

— Да нашему брату когда давали? У насъ взять—это такъ...

— А что брать-то? Горсть волосъ... и тѣхъ не наберешь.

Было какъ-то совѣстно давать одно голое объясненіе: перепись—чтобы исчислить населеніе. Вѣдь, несомнѣнно, изъ этихъ прикрытыхъ шуткой вопросовъ робко выглядывала и тайная надежда хоть на маленькое улучшеніе жизни. Но и обманывать ихъ не хотѣлось. Говорилъ предположительно: можетъ быть, городъ приметъ во вниманіе, напримѣръ, жилищную нужду населенія. И тутъ же вспоминалъ объ отцахъ города, стародумцахъ, общественныхъ пирогахъ и проч., и становилось стыдно собственной наивности.

Начиналъ я записывать съ перечневаго листка, чтобы предварительно выяснить живущихъ въ квартирѣ лицъ, начиная съ хозяина квартиры, его семьи и кончая прислугою и квартирующими. При этомъ предварительномъ перечисленіи приходилось сдерживать избытокъ усердія лицъ, дававшихъ свѣдѣнія,—безъ особой надобности и помимо моего желанія, называя имя и фамилію, хозяйки тотчасъ же вызывали въ комнату и обладателей сихъ именъ.

— Хозяинъ—стало быть—Иванъ Павловъ. Вѣдь вотъ бѣда какая, нѣту-ти его сейчасъ. На работѣ. Онъ на гвоздильномъ служитъ.

— А о немъ дать свѣдѣнія можете? Когда родился, гдѣ, чѣмъ занимается?

— Да это-то знаемъ. Чай, женой довожусь ему. Иванъ Павловъ—пишите...

И сейчасъ же подробныя свѣдѣнія о возрастѣ и мѣстѣ рожденія.

— Нѣтъ, погодите. Сперва лишь имена и фамиліи, а тогда на каждаго отдѣльный листокъ буду писать уже подробно...

— На каждаго? У-у, это вамъ писанія много,—сочувственно вздыхаетъ и качаетъ головой собесѣдница.

— Теперь слѣдуетъ хозяйка...

— Хозяйка,—вотъ она я: Прасковья Романова.

— По фамиліи—Павлова?

— Романова-съ.

— Да вѣдь вы замужемъ?

— Семнадцатый годъ.

— Ну, я васъ по мужу—Павловой записываю.

— Онъ-то Павловъ, а у насъ фамилія: Романова.

Эта особенность крестьянъ сѣверныхъ губерній,—текучесть и измѣнчивость фамилій,—меня, южнаго уроженца, долго приводила въ недоумѣніе. Одна семья,—нѣсколько фамилій: дѣдъ, напримѣръ, Савелій Никитичъ говоритъ фамилію «Никитинъ» и въ паспортѣ значится: Савелій Никитинъ. У сына уже въ паспортѣ фамилія—Савельевъ: Яковъ Савельевъ. И, кажется, только въ паспортахъ послѣдняго времени уже стали обозначать имя, отчество и фамилію, общую и обязательную для послѣдующихъ поколѣній.

Уроженцы центра, востока, юга и запада Россіи называли настоящія фамиліи, въ общепринятомъ значеніи этого слова, и здѣсь, въ угловыхъ квартирахъ, гдѣ перевѣсъ былъ за сѣверянами, фамиліи эти нерѣдко возбуждали благодушный смѣхъ.

— Васъ какъ записать?—спрашиваешь жильца, вызваннаго изъ угла къ столу.

— Андрей Лепешкинъ.

— Лепешкинъ!—съ изумленіемъ повторяетъ кто-нибудь изъ присутствующихъ угловыхъ обывателей, знавшій до сего времени Лепешкина Андреемъ Лукичемъ:—хорошо, что не Блиновъ!..

И вспыхиваетъ взрывъ общаго смѣха, заражающій и самого обладателя веселой фамиліи.

— Теперь ваша очередь,—обращаюсь къ слѣдующему жильцу, записавъ Лепешкина.

— Иванъ Зуевъ,— съ нѣкоторой конфузливостью говоритъ опрашиваемый, и опять фыркаетъ молодая, легкомысленная часть публики, присутствующая при переписи. Вокругъ счетчика, на первомъ планѣ, всегда торчала мелкая дѣтвора, за нею шла болѣе взрослая, но все-таки юная, часть населенія угловъ и уже въ самыхъ дверяхъ комнаты торчали наиболѣе солидные представители квартиры.

— И не знаю, отколь и почему такая фамилія?—оправдывающимся тономъ говоритъ Зуевъ.

Но оправданія ни къ чему: фамилія прилѣплена и—кончено

дѣло... Носи, братъ... Такъ говорилъ веселый смѣхъ угловой молодежи.

Эта молодежь, особенно школьнаго возраста, давала отвѣты самые обстоятельные и полные.

— Екатерина Ивановна Налимова,—говоритъ на вопросъ объ имени и фамиліи дѣвочка девяти лѣтъ.

— Ива-новна...—иронически, вполголоса замѣчаетъ одна изъ пожилыхъ обитательницъ квартиры и качаетъ головой, точно это прибавленіе «Ивановна» совершенно искажаетъ привычный обликъ Кати, дочери легкового извозчика Ивана Петрова.

Неугасающая способность сохранить шутку, милый, добродушный смѣхъ въ условіяхъ, при которыхъ легче всего можно, кажется, разучиться улыбаться, изумляла и глубоко трогала. Съ шутки начиналось заполненіе листковъ почти въ каждой квартирѣ.

— Екатерина Ундра... Катя, иди-ка сюда, опишутъ тебя, какая ты есть?

Женщина съ заморенным, преждевременно износившимся лицомъ, въ поношенной одеждѣ, жена безработнаго, выходитъ и бойкимъ, веселымъ голосомъ говоритъ:

— Что? Вотъ я!.. Это что же? Не дадутъ ли земли?.. Вотъ хорошо-то бы!.. Не дадутъ? Э-э... что же такъ-то? Кабы земли... Ну, господинъ, за вами же пять рубликовъ запишу, а то и сказывать не буду.

Но по мѣрѣ того, какъ пишешь опросный листокъ, выясняется безотрадность и безнадежность положенія. Ундра показываетъ мнѣ совершенно обтрепанные рукава своего пальто, сапоги съ дырами и съ однимъ лишь намекомъ на подошвы. Говоритъ—и въ голосѣ ея дрожатъ слезы горечи, озлобленія и отчаянія:

— Труда намъ не даютъ! Пошла бы поискать работы, да въ чемъ пойти?.. Промочишь ноги, сляжешь,—мужу камень на шею... Теперь мнѣ не то рупь,—гривенникъ дороже десяти рублей! А было время—по шести рублей теряла и хоть бы чуточку пожалѣла!.. Въ церкви у меня, милая, разъ вынули,—поясняетъ она ближайшей слушательницѣ.

Даже при заполненіи квартирнаго листка съ его сухими, на первый взглядъ не особенно существенными вопросами объ этажахъ, окнахъ, отопленіи, водѣ, отхожихъ мѣстахъ, платѣ, условіяхъ сдачи жильцамъ,—начинаясь съ ироническихъ отзывовъ о жилищѣ, рѣчь кончалась рядомъ жалобъ и вздоховъ, выступала наружу голая нищета и безотрадная стиснутость существованія.

— Сколько платите за квартиру?

Невольно какъ-то при этомъ окинешь взглядомъ оборванные обои, плѣсень, полутемную каморку, въ которой стоятъ двѣ кровати да еще три-четыре весьма примитивныхъ ложа изъ досокъ.

— Шестнадцать. Платили четырнадцать, два набавилъ хозяинъ. А за что? Ни ремонту, ни свѣту. Окнами глядимъ въ са-

рай. Духовка вонъ перегорѣла,—сказала хозяину.—«А почему раньше не заявила?»

Образъ бывшаго «тряпизона», получающаго десятки тысячъ дохода отъ этихъ смрадныхъ угловъ, неотступно рѣялъ надъ этой нуждой и безвыходностью, ходилъ за нами изъ квартиры въ квартиру, постепенно обросталъ все новыми и новыми подробностями.

— Три рубля ему задолжали, такъ онъ подалъ ко взысканію за два мѣсяца. Исполнительный листъ подаютъ: 32 рубля! Мы и знать не знали, что дѣло было въ суду. Головушка моя горькая! Куда, молъ, теперь съ дѣтьми?.. Прихожу къ нему: Егоръ Васильевичъ! я у васъ третій годъ живу... Три рубля задолжала, а вы на 32 подали! Я же вамъ чистыми деньгами отдавала...—«Ну-ну... я забылъ, забылъ... я—постращать... Давай помиримся въ шести рубляхъ... я за судебныя издержки уплатилъ»... Такъ и взялъ шесть...

— И какъ жить нынче, господинъ, посудите сами: мужъ 70 копѣекъ на гвоздильномъ получаетъ... Цыцъ ты, Колька!.. Живемъ съ угловъ. А лѣтомъ пришла полиція, докторъ. «Чѣмъ квартира отапливается?»—Плитой. «15 рублей штрафу!»—Да за что же, помилуйте? Ищите съ хозяина, а мы причемъ въ этомъ дѣлѣ?

Пожалуй, что ни причемъ. Требованія санитаріи, можетъ быть, резонны, правильны, но почему они здѣсь обращены исключительно къ квартиронанимателю, а не къ домохозяину, понять мудрено. Неужели правъ былъ дворникъ,—а дворникъ сторонникъ хозяйскихъ интересовъ,—когда утверждалъ: «у хозяина карманъ толстъ, вотъ и ничего»...

— Квартиру найми, а народу не смѣй пущать,—а чѣмъ же намъ правдаться, скажите на милость? 70 копѣекъ въ день, а я сама шеста... Оставь ты мое сердце терзать, Колька, пока я тебя не выгнала!.. Лѣтомъ чернорабочіе были, артель, восемь человѣкъ. Конечно, народъ грязный,—словъ нѣтъ. А нужда заставляетъ: держишь. А хозяинъ требуетъ: чтобъ не было! Санитарный надзоръ, говоритъ, не приказываетъ...

— Ну, куда же теперь дѣваться нашему брату!—слышится голосъ изъ таинственнаго сумрака кухни—голосъ чернорабочаго:—всѣ подвалы были полны, углы полны. Повыгнали; народъ—въ ночлежки. А въ ночлежкахъ и такъ—руки не пробьешь... Куда же дѣваться бѣдному народу?

— Ночуй на улицѣ...—отвѣчаетъ насмѣшливо-сочувственный голосъ изъ-за тонкой стѣны.

— На Гаваньскомъ полѣ...—добавляетъ новый голосъ за моей спиной.

— Въ родѣ какъ на дачѣ.

— Да и тамъ не дадутъ!..

— Сними квартиру, да порожняя чтобы она стояла, жильцовъ не пущай,—вторитъ хозяйка.

Подъ эти разговоры, по мѣрѣ знакомства съ углами, незамѣтно вырисовывается и картина оригинально оздоравляемаго Петербурга, и «его страданіе подъ ледяной корой, его страданіе больное». Оказывается, переходъ отъ угла въ полтора рубля цѣною къ навознымъ пещерамъ Горячаго поля теперь упрощенъ до послѣдней степени. «Трапизонъ»-домовладѣлецъ всѣ требованія санитаріи сводитъ къ ограниченію количества живущихъ въ его смрадныхъ квартиркахъ. Дѣлаетъ это онъ вполнѣ спокойно и увѣренно, зная, что на дешевыя квартиры спросъ всегда далеко превышаетъ предложеніе. Квартиронаниматель, живущій сдачей угловъ, повышаетъ цѣну за уголъ въ той самой пропорціи, въ какой сокращено число его жильцовъ,—иначе ему матъ. Часть угловыхъ жильцовъ волей-неволей спускается въ ночлежку: и угловъ стало меньше, и не подъ силу платить по три рубля въ мѣсяцъ за ночевку... Но переполненныя свыше всякой мѣры ночлежки выбрасываютъ новыхъ кліентовъ на улицу, на Горячее поле, въ зазимовавшія барки и имъ подобныя просторныя помѣщенія. Казалось бы, какія удобства можетъ представлять собою обледенѣвшая барка? Однако, и она является вожделѣннымъ и часто недоступнымъ пріютомъ бездомному человѣку.

— Барка?.. Помилуйте, господинъ .. Барка это—прямо мобилизованная комната... Переночевать въ ней куда способнѣе, чѣмъ на дачѣ...

Ночевать «на дачѣ», т. е. на улицѣ, на берегу или на Гаваньскомъ полѣ, возможно лишь въ «дозволительную» погоду: тогда три-четыре человѣка спятъ на землѣ, прижавшись другъ къ другу. Но въ морозъ приходится попросту «ломать тальянку», т. е. ходить всю ночь, пока не откроются дешевыя чайныя заведенія, куда невольные фланеры бѣгутъ грѣться.

Но это ужъ «дно» жизни, это—сама безнадежность. Здѣсь, въ углахъ, люди еще кое-какъ цѣпляются за каждый карнизъ и выступъ, чтобы не упасть въ яму, временами обрываются и снова карабкаются вверхъ, при первой возможности, борятся даже за одну видимость человѣческаго существованія. И зрѣлище этой борьбы, даже при такомъ случайномъ, мимолетномъ знакомствѣ съ ней, какъ обходъ счетчика, производитъ впечатлѣніе самой подлинной трагедіи человѣческаго бытія. Сухой «личный» листокъ съ своими вопросами о возрастѣ, мѣстѣ рожденія и приписки, о званіи, семейномъ состояніи, грамотности, занятіяхъ, шагъ за шагомъ развертываетъ пеструю картину человѣческихъ мытарствъ, неудачъ, страданій и нужды, въ которой перемѣшаны всѣ національности и областныя особенности, въ которой равноправно объединены новгородцы и поляки, костромичи и малороссы, калужане и бѣлоруссы, латыши и херсонцы, финны, нѣмцы, цыгане, пензяки... Всѣ сословія, начиная отъ дворянскаго (Іосифъ Поплавскій, чернорабочій, дворянинъ), продолжая мѣщанскимъ и кончая

всезатопляющимъ крестьянскимъ моремъ. Чуть-ли не всѣ спеціальности, начиная съ свободныхъ артистическихъ профессій: акробатовъ, фокусниковъ, пѣвцовъ, пѣвицъ, балетныхъ танцовщиковъ. «Выходитъ на театръ представлять»—каракулями изображено въ нѣсколькихъ личныхъ листкахъ.

Въ ярко-красномъ платьѣ съ золотыми цвѣтами, разводами и крупными прорѣхами стоитъ у стола и артистка, передавшая мнѣ листки. Прелестные черные глаза, профессіональная улыбка, папироска между двумя пальцами, на отлетѣ.

— Въ какомъ же вы театрѣ играете?

— Въ Михайловскомъ манежѣ.

— Что представляете?

Смѣется, играетъ глазами.

— А вотъ пойдемъ ко мнѣ въ комнату, покажу.

— Некогда,—говорю.

— Ну, на праздникахъ приходи, поглядишь. Что представляемъ? Все. Поемъ, пляшемъ, играемъ. гадаемъ. Хочешь, погадаю?.. Романцы поемъ: «Распашолъ», «Отойди, не гляди»... Все можемъ.

А вотъ артистъ изъ балета, танцами нажившій жесточайшій ревматизмъ. Бѣдность и нужда глядятъ изо всѣхъ четырехъ угловъ крошечной комнатки, а по стѣнамъ фотографіи людей безъ штановъ въ изумительно пластическихъ позахъ.

Не особенна численна, но характерна, категорія лицъ, живущихъ на средства благотворительности. Они держатъ себя суховато, скупы на разговоръ,—можетъ быть, потому, что въ предпраздничное время имъ много хлопотъ и заботъ: надо обойти нѣсколько учрежденій въ чаяніи получить ничтожное пособьице.

И, правду сказать, метаніе это диктуется не только попрошайничествомъ, но и дѣйствительной нуждой: все это—люди, потерявшіе трудоспособность. И, кажется, далеко не всегда можно найти теплый откликъ въ массѣ благотворительныхъ обществъ, около которыхъ, какъ установлено, хорошо грѣютъ руки жители бельэтажей, а не «пропартурцы».

Августа Вербо, старушка 60 лѣтъ. У нея сынъ и дочь. Сынъ, механикъ, годъ тому назадъ изувѣченъ при взрывѣ подводной лодки. Дочь въ октябрѣ попала подъ автомобиль,—тоже, какъ и сынъ, сейчасъ находится въ больницѣ. Обращается старуха ко мнѣ, счетчику, гдѣ ей искать помощи?—жить нечѣмъ...

— Ходила къ нашему пастору,—у насъ есть лютеранское благотворительное общество. Пасторъ сказалъ: «не могу ничего, уставъ запрещаетъ,—вы вышли замужъ за православнаго и дѣти ваши православные»... Вотъ теперь и сижу, проѣдаю, что можно.

Главное ядро «Васиной деревни»—люди крестьянскаго званія: портовые, заводскіе рабочіе, чернорабочіе, отслужившіе срокъ солдаты, лѣтомъ имѣвшіе работу на берегу, сейчасъ—безработные, торговцы въ разносъ, плотники, граверы, штукатуры и прочіе ре-

месленники. Значительное число—безработныхъ. Пока была навигація, пока тянулись лѣтнія работы на постройкахъ, ремонтѣ и т. п.,—была работа. Сейчасъ нѣтъ. И дѣться некуда.

— На наше горе и зима-то какая: ни снѣгу, ни морозу. То бы на Невѣ ледъ колоть, снѣгъ расчищать на конкѣ, а то— некуда! Никуда не берутъ...

Записываешь мѣсто рожденія: губернія, уѣздъ, волость. Крестьянинъ?

— Крестьянинъ. Только безземельный. Подзаборный житель, какъ говорится...

Безземельныхъ не такъ много. Но и владѣющіе землей, при упоминаніи о ней, лишь безнадежно машутъ рукой.

— Земля-то есть, да сколько? Всю въ горшокъ можно собрать. Четыре брата насъ. Отецъ одну душу держалъ, вотъ она на насъ, на четырехъ и отошла.

— На лѣтнія работы не ѣздите, значитъ?

— Нѣтъ. Въ деревнѣ давно ужъ не былъ. Не къ чему. Оно и радъ бы съѣздить, ну—въ чужую избу... кому нуженъ... И тутъ не медъ, но и горько, и сладко—все тутъ...

Упоминаніе о деревнѣ будило всякій разъ оживляющій интересъ, воспоминанія, вызывало сравненія, робкія надежды и немножко фантастическіе толки о землѣ. И даже въ явной безнадежности этихъ наивныхъ мечтаній вслухъ все-таки звучало что-то ласковое и теплое, рожденное и забытое гдѣ-то тамъ, позади, въ глухихъ родныхъ уголкахъ.

Пожилая, одинокая женщина, прачка-поденщица, на вопросъ: бываетъ-ли въ деревнѣ,—говоритъ, махнувъ безнадежно рукой:

— Нѣтъ, давно.

— Тамъ пепелъ одинъ остался,—шутливо замѣчаетъ кто-то изъ молодежи.

— И пепелу-то ужъ нѣтъ... Ступить некуда. Такъ, лишь во снѣ иной разъ увижу и—все...

И безнадежная грусть слышалась въ этихъ скупыхъ словахъ.

Но мечта о деревнѣ, видимо, долго не оставляетъ человѣка, родившагося въ ней и нуждой занесеннаго въ городъ даже на десятки лѣтъ. Тутъ же высокій, 54-лѣтній, богатырски сложенный, новгородецъ, торговецъ селедками, съ отроческихъ лѣтъ попавшій въ Питеръ, говорилъ:

— Въ деревню не миновать ѣхать,—умирать. Тутъ доходитъ точка,—жить нечѣмъ. Вотъ мы со старухой селедками торгуемъ. Лѣтомъ еще туды-сюды, а зимой и душу пропитать нечѣмъ. А тутъ за комнату 8 рублей отдай, за однѣ стѣны!...

Больше сорока лѣтъ не видѣлъ онъ деревни, но думаетъ, что гдѣ-то тамъ есть у него земля. Помнитъ лѣсъ, покосы,—все это такое широкое, раздольное. За 30 рублей цѣлый домъ можно построить—двѣ теплыхъ горницы съ чуланомъ.

— Лѣсъ свой у насъ, луга свои... Тамъ жизнь развѣ такая? Не сравнительная жизнь! Любую вошь на пузѣ бьешь... А тутъ лѣтъ черезъ десять вовсе нельзя будетъ жить... Одно лишь и держитъ: привычка. Привыкнешь къ аду, такъ думаешь: лучше, чѣмъ въ раю...

— А вы давно-ли были въ деревнѣ-то?

— Да, какъ увезли парнишкой въ городъ, съ той поры ни разу и не довелось. Не съ чѣмъ поѣхать. И старуха у меня, признаться, не съ охотой... А то бы я давно! Старуха—городская. А здѣшнія женщины, извините, привычны въ подштаникахъ ходить... А въ деревнѣ подштаники-то надо снять...

Онъ долго еще развивалъ вслухъ свои мечтанія о деревнѣ, о деревенской жизни, какъ онъ ее тамъ устроилъ бы, разыскавъ свою землю, и кругомъ слушали его съ мягкой улыбкой сомнѣнія и снисходительной ласки къ наивнымъ мечтаніямъ старика.

— А работать на чемъ будешь? — спрашивалъ его иной скептикъ.

— Очень просто. Въ деревнѣ? Сдѣлай одолженіе! Тамъ уговорился изъ снопа,—вотъ тебѣ и хлѣбъ. Онъ спахалъ, засѣялъ. Выросло... И вотъ ты ужъ и видишь, какое зерно—твое... Это не то, что вынесъ лотокъ съ десяткомъ селедокъ и жди, когда навернется покупатель...

Прежде онъ работалъ на заводѣ. Закрыли заводъ—взялся за торговлю. Кормиться еще можно, но дѣло такое маленькое, что старуха и одна справилась бы. Ходилъ въ разныя мѣста, искалъ работы—не берутъ.

— Сдѣлали эту черную книгу какую-то: сверхъ 40 лѣтъ не годится. А я этихъ двадцатилѣтковъ-то нынѣшнихъ пятерыхъ обработалъ бы. Придешь на заводъ: нѣтъ-ли работы? Поглядятъ: изъ себя я человѣкъ свѣжій.—«Хорошо, приходи завтра». А на завтра паспортъ принесъ, глядятъ: 53 или 54 года.—«Нѣтъ, нельзя: свыше сорока!.. Такъ, по голосу и по волосу можно бы, а книга не дозволяетъ»...

Мечта о деревенской жизни была тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ скуднѣе и тѣснѣе была жизнь въ городѣ. Въ одной квартирѣ записываю старушку, пріѣхавшую къ сыну изъ деревни на нѣсколько дней.

— Гдѣ же лучше, бабушка?

— Въ деревнѣ, родимый, не сравнить, что въ городѣ. Въ городѣ харчъ дорогой. Тутъ возьмутъ рупь, пойдутъ, купятъ... Принесли домой и поглядѣть не на что! Товару нѣтъ и денегъ нѣтъ. А въ деревнѣ—вотъ тебѣ огурчикъ, вотъ капустка, хлѣбушка—я и сыта цѣлый день, родимый...

Это несложное перечисленіе деревенскихъ прелестей возбуждаетъ въ прочихъ жильцахъ-слушателяхъ цѣлый потокъ хвалебныхъ гимновъ деревнѣ.

— Въ деревнѣ! Какое же сравненіе, Господи!—быстро говорить нервная, худая женщина съ блестящими глазами:—тамъ картошка своя, морковка своя, вотъ тебѣ—не полѣнился, пошелъ, грибковъ набралъ—свои... Капустка, рѣпа, огурчикъ, лучекъ—все свое, все! А тутъ: пошелъ, за гривенникъ картошки взялъ, разрѣзалъ—она гнилая! Рѣпу такую вотъ взялъ, разрѣзалъ—не годится!.. А деньги отдай! И все съ копѣйки, все съ копѣйки, а какъ ее нынче добыть, копѣйку-то!..

— Въ нынѣшнемъ году и какъ только жить народу... Го-осподи!..

— Придешь въ лавку.—Что-жъ вы за хлѣбъ все по шести копѣекъ дерете? На той сторонѣ давно ужъ пять, а тамъ богатые живутъ! Вы двѣ-то копѣйки какъ считаете? Онѣ бы мнѣ на чай, на сахаръ годились, я бы день сыта была на нихъ...—«Молчи»—говорятъ,—«пока затылкомъ двери не отвѣдала»...

Городъ вытравилъ, повидимому, всѣ надежды. Въ перспективѣ—ничего кромѣ лишеній, тѣсноты, отсутствія своего угла. И пусть возвратъ въ деревню для большинства—вещь несбыточная (не съ чѣмъ, да и некуда поѣхать, если ни хаты, ни даже «пепла» родного не осталось), но она, деревня, почему-то все-таки свѣтитъ—смутно и робко—въ туманной дали маленькимъ маякомъ надежды: авось когда-нибудь прибьетъ волна къ родному, покинутому берегу...

— А можетъ, вы бы намъ тамъ, господинъ, землицы какой... хоть завалященькой какой-нибудь?—говоритъ голодная, но бойкая Екатерина Ундра, костромичка, вышедшая замужъ за поляка:—ухъ, и работнула бы я теперь!..

— Все ждемъ земли,—говоритъ молодой рабочій, слесарь, и въ голосѣ его звучитъ иронія:—отецъ пишетъ: «дадутъ земли, пріѣзжай, сынокъ, домой». А больше трехъ аршинъ не дождется старикъ...

— Я мужу говорю: поѣдемъ на мою родину! тамъ народъ, хотя и русскій, а хорошій.—«Да куда же мы пріѣдемъ? Къ чему? Къ кому?»

— Конечно. У чужой печи не согрѣешься.

— А тутъ? Это—жизнь? Петля, а не жизнь! Пойду вотъ, эссенціи возьму, отравлюсь!.. Буду лежать, хоть тираниться не буду!.. И мужъ говоритъ: зарѣжусь, говоритъ, я, силъ моихъ больше нѣтъ! Возьму вотъ ножикъ, полосну себя по шеѣ, по крайней мѣрѣ, не по куску отъ сердца рвать!..

И такъ во всѣхъ тѣсныхъ углахъ владѣній «тряпизона». Начинали съ шутки, конфузливо прикрывая ею наготу и беззащитность тѣсной жизни. Потомъ тонъ становился глуше, грустнѣе, а подъ конецъ звенѣли слезы и ѣдкая горечь отчаянія. Въ томъ самомъ углу, гдѣ такъ задушевно покатывались со смѣху надъ

неожиданно обнаруженной фамиліей «Лепешкинъ», бесѣда къ концу описи свелась къ горькимъ слезамъ.

— Вѣдь вотъ они... четверо!—съ плачемъ говорила вдова, поденная работница:—имъ по фунтику—четыре фунта! Взяла вотъ каравай, а его ужъ половины нѣтъ; ѣсть просятъ, какъ не дашь?.. А работникъ-то вотъ онъ—одинъ! Что съ него спросить? 20 копѣекъ заработалъ за починку, только вотъ и есть всѣхъ денегъ... На всѣхъ—одинъ...

Посмотрѣлъ я на «работника»: мальчуганъ лѣтъ четырнадцати. Недавно закончилъ обученіе у сапожника. Бережно держалъ онъ мою никкелевую чернильницу-жолудь, чтобы не опрокинулась, и раза два повторилъ, присматриваясь къ ея устройству:

— Спеціальная штучка!

Бѣлыя брови, бѣлая голова, серьезный не по лѣтамъ взглядъ. И тутъ же, подъ рукой у него, хорошенькая дѣвочка, его сестренка, съ ясными глазками, съ ломтемъ чернаго хлѣба въ рукѣ. Ей хочется поглядѣть, что я записываю, а онъ хмуро шепчетъ на нее:

— Да цыцъ ты! Сиди смирно!..

И, время отъ времени, осторожно, нѣжно даетъ ей пальцемъ щелчокъ въ лобъ. Милый, обездоленный работникъ! Въ его возрастѣ только бы учиться, читать книжки, кататься на конькахъ, развивать мускулатуру, а онъ цѣлый день въ полутемномъ углу сидитъ надъ починкой старья, чтобы получить двугривенный, на который даже четырехъ фунтовъ хлѣба не купишь...

— Труда намъ не даютъ,—слышится жалоба изъ всѣхъ угловъ:—вотъ вы говорите, ребятъ учить. И рады бы учить, сами знаемъ: надо бы отдать въ школу. Да вотъ одёжей обились. Въ школу—обуть, одѣть надо его, надо книжки, бумагу, надо фрыштикъ съ собой дать, а гдѣ же намъ?.. Кабы обуть-одѣть...

Въ поискахъ и разсчетахъ на безплатную обувь и одежду использовано было даже «потѣшное» званіе. Василій Карушинъ, 15 лѣтъ, на вопросъ о занятіи, отвѣчаетъ, что ничѣмъ не занимается.

— Никуда не берутъ: малъ, росту очень маленькаго. Никто не вѣритъ, что ему 15 лѣтъ. Не берутъ. Въ потѣшную дружину опредѣлили, да толку не вышло: отставили.

— Почему же?

— Да что тамъ за интересъ! Лишь обувку избиваютъ. Кабы дали чего... Сперва давали по блюзкѣ да по картузу да поясъ, а кто послѣ поступилъ, ничего не дали!

— Которые въ одёжѣ, въ Царское повезли,—говоритъ бывшій потѣшный со вздохомъ.

— Въ одежѣ! А намъ гдѣ взять ее, одёжу-то?.. Хоть бы поѣсть давали. А то придетъ, пробѣгается, лишь больше поѣстъ...

— Жалованье, говорятъ, положатъ,—со смѣхомъ говоритъ кто-то изъ присутствующихъ:—три копѣйки въ мѣсяцъ...

— Ушей больше оборвутъ, чѣмъ на три копѣйки.

— Случается?

— У насъ унтеръ сердитый. Бывало, и по щекамъ...

— Наука, братъ, дѣло такое: нельзя безъ бою...

— Наука не мудрая: повороты... направо, налѣво... ряды вздвой. Только и всего.

«Мудрая» наука здѣсь никому не доступна. На вопросъ: гдѣ, въ какомъ учебномъ заведеніи, учились?—большинство даетъ отвѣтъ:

— Да какое ученье! Нигдѣ не учился... такъ... кой-какъ...

— Я учился въ деревнѣ, что называется, за осьмину картошки,—говоритъ кочегаръ съ Балтійскаго завода:—замѣсто учителя такъ... мужикъ... былъ у насъ. Читать читалъ, а писать не умѣлъ. А послѣ даже ходатаемъ по дѣламъ былъ. Черновикъ, бывало, составитъ—мое почтенье! А написать не напишетъ... Вотъ у него образованіе я и начиналъ, и кончилъ,—все за одну зиму... Зиму проходилъ, а весной послали «спасибо» разносить по людямъ...

— То-есть?

— То-есть по міру... побираться... въ кусочки...

Для маленькихъ обитателей «Васиной деревни» главной школой, черствой, суровой, полной риска, брани, сквернословія, дурмана,—была, есть и будетъ улица, берегъ Невы—съ ихъ сраженіями изъ-за полѣна дровъ, ближайшія портерныя и трактиры. Дѣти тутъ всецѣло предоставлены на игру судьбы, ибо здѣсь они не радость, не цвѣты земли, а обуза, несчастіе, наказаніе Божіе.

— Чѣмъ бы работать, а тутъ колотись съ ними! Голова вспухнетъ... Хоть бы прибралъ Господь половину...

— Жалѣть будете,—говорю.

— Ничуть. У насъ ихъ... чего-чего, а дѣтей—не въ проворотъ. Урожай на нихъ въ нашихъ мѣстахъ...

И точно: много дѣтей въ «Васиной деревнѣ»—и законныхъ, и внѣбрачныхъ. Внѣбрачныхъ чуть ли не больше даже. Вотъ молодой рабочій съ гвоздильнаго завода. Онъ услужливо держитъ лампу, чтобы свѣтлѣе было читать, часто говоритъ: такъ точно-съ... крестьянинъ... земли? никакъ нѣтъ.

На кровати сидитъ, кормитъ грудью ребенка молодая женщина, полька.

— Это—ваша жена?

— Никакъ нѣтъ-съ... Мы—извините-съ—гражданскимъ бракомъ.

Трое дѣтей. Изъ нихъ два пяти мѣсяцевъ, двойни. Нужда глядитъ изъ всѣхъ угловъ.

— Трудно?

— Трудно-съ, такъ точно. Да Богъ съ ними, пусть растутъ... Запятая, видите ли, у насъ выходитъ: она — по католическому обряду, въ нашу церкву не хочетъ, а мнѣ въ ихнюю нельзя...

Внѣбрачное сожительство, жизнь на содержаніи здѣсь, повидимому, дѣло привычное, открытое, не вызывающее ни осужденія, ни конфуза, иногда даже какъ будто афишируемое.

— Вамъ какое занятіе записать?—осторожно спрашиваю немножко кокетничающую даму.

— Запишите: на собственныя средства. По правдѣ-то сказать, на Захара Ивановича кушанье готовлю... Симпатёръ мой...

И, разсмѣявшись, она добавила:

— Шучу, шучу... Старая ужъ стала. Такъ, въ темнотѣ, кое-кто и пріутреплетъ, а подведутъ къ фонарю:—«ну ее къ чорту! у ней зубовъ нѣтъ»...

Въ другомъ мѣстѣ, заполнивши личный листокъ дѣвицы, работницы съ папиросной фабрики, я сказалъ:

— Ну, теперь вы свободны...

— Да вѣдь это сейчасъ я свободна,—возразила она немножко обиженнымъ тономъ,—недѣли двѣ, не больше. А то я съ однимъ жила, да его въ солдаты взяли.

Въ одной квартирѣ, удрученный тѣснотой, сыростью, спертостью воздуха, я не удержался, сказалъ:

— И какъ вы тутъ живете?

Дѣвица, стоявшая ближе всѣхъ у стола, считая, что вопросъ обращенъ исключительно къ ней, сказала:

— Я на содержаніи,—меня одинъ содержитъ... съ 21 линіи...

А вслѣдъ за ней хворая жилица угасающимъ голосомъ подтвердила:

— Ея-то дѣло—слава Богу... А вотъ мое... Мужъ вонъ лежитъ, издыхаетъ, а у меня вонъ ихъ—пятеро...

Подъ эти больныя, ноющія жалобы я и разстался съ «Васиной деревней», она же—Пропартуръ. Мое платье, порфель и бумаги долго носили запахъ гнилого, сырого помѣщенія, въ ушахъ моихъ долго звенѣли озлобленныя слезы нужды и отчаянія, по ночамъ снился мнѣ «тряпизонъ» съ огромнымъ плакатомъ: «солидаренъ къ бѣднымъ». А рядомъ съ нимъ иногда стоялъ дворянинъ Поплавскій, чернорабочій, и говорилъ:

— День вотъ работалъ, а два дня такъ хожу... Шесть гривенъ—лишь душу пропитать—заработалъ, а за квартиру ужъ нечѣмъ... Сегодня лишь чаю напился и вотъ, до самой ночи, крохи во рту не было...

Ѳ. Крюковъ.

Юбилей, который не нуженъ.

(Замѣтка).

«Которыя письма не нужно, чтобъ доходили, тѣ всегда у насъ пропадаютъ»... Съ письмами это хорошо налажено. Да и вообще на счетъ ненужныхъ вещей правила у насъ хорошія. Если, напримѣръ, собраніе ненужное, то оно не состоится; газета ненужная долго не просуществуетъ; ненужное общество даже не возникнетъ. Ежели ненужный человѣкъ окажется, то и онъ какъ разъ исчезнетъ: укромное мѣстечко для него всегда найдется... Главное же, тѣмъ эти правила хороши, что «никакихъ тутъ разъясненій не требуется». «А ежели и существуютъ особыя соображенія, въ силу которыхъ адресуемое является равносильнымъ неадресованному, то тайность сію, мой другъ, вы лѣтъ черезъ тридцать изъ «Русской Старины» узнаете» *). Пока же довольно и того: не доставила почта письма,—ну, стало быть, не нужное.

Но вотъ еще ненужные юбилеи бываютъ. Съ ними, казалось бы, ничего не подѣлаешь: они вѣдь сами собой приходятъ... Однако, и на этотъ счетъ хотя одно правило у насъ имѣется. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Россіи, какъ извѣстно, разрѣшается справлять юбилеи не менѣе, чѣмъ пятидесятилѣтніе. Само собой понятно, что тѣмъ юбилеямъ, которые нужны, это нисколько не мѣшаетъ наступать черезъ какіе угодно сроки. Генералъ Толмачевъ, напримѣръ, недавно справилъ даже трехлѣтній юбилей своего управленія Одессой. Между тѣмъ ненужныхъ юбилеевъ это правило предупредило не мало. Можно даже сказать, что его одного до сихъ поръ было вполнѣ достаточно, чтобы непріятныхъ юбилеевъ совсѣмъ не было.

На сколько могу припомнить, былъ лишь одинъ случай, когда правительству пришлось поступить внѣ этого правила. Приближался 1903 годъ и вмѣстѣ съ нимъ двухсотлѣтіе періодической печати. Юбилей былъ явно ненужный, между тѣмъ по правилу его можно было справить. Но Плеве не сталъ, конечно, церемониться: онъ вызвалъ къ себѣ нѣсколькихъ писателей, вошедшихъ въ составъ «самочиннаго комитета», и объявилъ имъ, что желающіе справлять юбилей должны будутъ отправиться въ Якутскую область: ближе этого никакихъ юбилейныхъ оказательствъ правительство не потерпитъ. Двухсотлѣтняго юбилея такъ и не было.

Теперь приблизился другой «ненужный юбилей», который не

*) Щедринъ, «Письма къ тетенькѣ». Письмо III.

правилу слѣдуетъ справить. Прежде, однако, чѣмъ говорить о немъ, не лишне будетъ напомнить, когда и почему появилось самое правило.

Это было въ срединѣ 80-хъ годовъ,—въ глухую пору русской общественности, въ родѣ той, какую мы теперь переживаемъ. Приближался день 25-лѣтія отмѣны крѣпостного права, и въ обществѣ начались уже разговоры, что необходимо это событіе вспомнить и такъ или иначе ознаменовать. Само собой понятно, что достойно ознаменовать можно было только однимъ: нужно опять взяться за дѣло, которое когда-то начали, испортили и бросили. Иначе вѣдь и вспоминать объ этомъ дѣлѣ не зачѣмъ. Общественная мысль не успѣла, однако, на этомъ вопросѣ даже сосредоточиться. Воспользовавшись первымъ подвернувшимся предлогомъ, правительство объявило, что юбилеи могутъ быть только пятидесятилѣтніе, столѣтніе и т. д.

Распоряженіе было вполнѣ резонное, и возражать противъ него, если бы даже имѣлась возможность, было трудно. Въ самомъ дѣлѣ, у Моисея вѣдь совершенно ясно сказано:

«И насчитай себѣ семь субботнихъ лѣтъ, семь разъ по семи лѣтъ, чтобы было у тебя въ семи субботнихъ годахъ сорокъ девять лѣтъ... И освятите пятидесятый годъ и объявите свободу на землѣ... Да будетъ это у васъ юбилей».

Какъ бы то ни было, правительственнаго распоряженія по тѣмъ временамъ было совершенно достаточно, и ненужный юбилей былъ на двадцать пять лѣтъ отсроченъ. Разсчетъ былъ, конечно, ясенъ: за это время много воды утечетъ, а тамъ видно будетъ...

Воды, дѣйствительно, утекло не мало: пережили мы послѣ того рядъ голодныхъ лѣтъ, пережили великую смуту, переживаемъ «успокоеніе»... И за «реформы» давно уже взялись: тогда же, въ 80-хъ еще годахъ, вернули народу «близкую власть» въ лицѣ земскихъ начальниковъ, а теперь, подъ предлогомъ «землеустройства», отбираемъ у него землю. Еще немного и отъ «великихъ реформъ» слѣда не останется...

Между тѣмъ времена какъ разъ исполнились: и насчитали мы семь субботнихъ лѣтъ, семь разъ по семи лѣтъ. Наступилъ юбилейный годъ, пришло время «объявить свободу на землѣ»... Больше того: нужно вѣдь черный передѣлъ устроить, чтобы заповѣдь, данную Моисею на горѣ Синаѣ, до конца выполнить... Нѣтъ! Лучше ужъ отъ заповѣди отказаться... Конечно, въ серьезъ дѣлить землю или освобождать кого-либо сейчасъ не придется. Но даже напоминіе о такихъ вещахъ, какъ земля и воля, донельзя непріятно. Юбилей, хотя и правильный, но явно ненужный. Теперь это лучше, чѣмъ когда либо, видно...

Единственное юбилейное правило оказалось такимъ образомъ неспособнымъ вмѣстить «особыя соображенія, въ силу которыхъ адресуемое должно явиться равносильнымъ неадресованному». Благодаря этому, не черезъ тридцать лѣтъ, не изъ «Русской-Старины», а уже теперь мы можемъ ознакомиться съ этими соображеніями.

Изложить ихъ взялась «Россія». Это и понятно: ея прямой вѣдь задачей является—какъ она сообщаетъ въ своихъ объявленіяхъ—«выяснять взгляды и намѣренія правительства по вопросамъ текущей государственной жизни». И вотъ что съ мѣсяцъ тому назадъ мы узнали изъ нея относительно этихъ «взглядовъ и намѣреній», по скольку они касаются юбилея крестьянской реформы.

«Не велика—говорилось въ газетѣ—цѣна соціальной реформы, которой едва хватило на полъ-столѣтія. Да и хватило ли»?.. «Передо мною — писалъ какой-то г. Рцы,—замѣчательная записка двухъ министровъ по крестьянскому и землеустроительному дѣлу. Въ сущности все приходится начинать сызнова» *).

До сихъ поръ намъ усиленно внушалось, что г. Столыпинъ продолжаетъ дѣло, начатое въ 1861 году. Самъ онъ неоднократно заявлялъ, что его миссія окончательно «раскрѣпостить крестьянство», «писанную свободу превратить и претворить въ свободу настоящую». Когда указъ 9 ноября проводился черезъ Думу, то сторонники правительства усердно подчеркивали, что онъ «является естественнымъ продолженіемъ и развитіемъ началъ, заложенныхъ въ положеніе 1861 г.»—въ этотъ «законъ, который по своему значенію и по размѣрамъ не имѣетъ, можетъ быть, себѣ равнаго въ исторіи нашего государства». Теперь оказывается, что этотъ великій законъ ровно ничего не стоилъ съ самаго начала, и теперь г. Столыпинъ не продолжаетъ начатое въ 1861 г., а все сызнова началъ. Да и нельзя было не начать сызнова.

Главная бѣда, по мнѣнію газеты, выясняющей взгляды и намѣренія правительства, въ томъ, что крестьяне были освобождены съ землею. Благодаря этому, «экономія» оказалась отдѣленной отъ «благотворительности», и такимъ путемъ была совершена «болѣе, чѣмъ теоретическая ошибка; это едва ли не преступленіе противъ религіи, нравственности и соціальнаго мира». «На основахъ *чистой* экономіи—поясняетъ г. Рцы—легко поднять зависть, раздѣленіе, классовую борьбу». Нужно было «экономію» не разлучать съ «благотворительностью»,—тогда бы все хорошо вышло. И сдѣлать это было не трудно. Въ писаніи говорится:

«Когда обѣднѣетъ у тебя братъ твой и проданъ будетъ тебѣ, то не налагай на него работы рабской (*какая утонченная психологія!*—вставляетъ г. Рцы). Онъ долженъ быть у тебя, какъ наемникъ, какъ поселенецъ, до юбилейнаго года пусть работаетъ

---

*) „Россія“, 16 декабря.

у тебя, а тогда пусть отойдетъ онъ отъ тебя, самъ и дѣти его съ нимъ»...

А земля пусть при тебѣ останется... Вотъ если бы такъ было сдѣлано, то для благотворительности осталось бы широкое поле и можно было бы поступать, какъ учитъ библія. «Попадавшихъ ягодъ въ виноградникѣ—сказано въ ней—не подбирай: оставь это бѣдному и пришельцу». «Аналогичный обычай—пишетъ г. Рцы—существуетъ и у насъ, не далѣе Петербурга: добрый хозяинъ, когда строитъ домъ изъ дерева, не запрещаетъ бѣднымъ людямъ кое-что подбирать изъ строительныхъ матеріаловъ... Это прекрасный обычай! Онъ роднитъ насъ съ психологіей глубочайшей древности, приближаетъ къ намъ правила Моисея боговидца». И въ деревнѣ нужно было бы такъ же устроиться: добрый помѣщикъ собиралъ бы со всей земли жатву, а бѣдные крестьяне подбирали бы колосья... Тогда было бы «все орошено обильными слезами, но и обвѣяно духомъ милосердія, смягчено участіемъ человѣчности, укрѣплено вѣрою въ Бога, который всегда жилъ въ сердцахъ добрыхъ людей».

А то что-же получилось! «Разорванная 19 февраля цѣпь—пишетъ г. Рцы—ударила, по словамъ Некрасова, однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику... Именно съ мужицкой точки зрѣнія, былъ ли хоть одинъ годъ отдыха, чувства благосостоянія за истекшія 50 лѣтъ? Чего же было торжествовать? Чему радоваться?»

«Именно съ мужицкой точки зрѣнія» реформа ничего не стоила... Еще хуже вышло дѣло, если посмотрѣть съ точки зрѣнія барина. «Гдѣ же онъ? Баринъ?—патетически восклицаетъ г. Рцы.—Русской культуры какъ бы и не бывало, ибо если со счетовъ скинуть все то, что дали дворянскія гнѣзда, то много ли останется?» Именно дворянскія-то гнѣзда и приходится строить «сызнова».

Ясно, что юбилея устраивать незачѣмъ... Конечно, безъ юбилеевъ прожить трудно—чѣмъ же будетъ питаться народная гордость? Но «Россія» имѣетъ вѣдь возможность предложить компенсацію,—и еще какую! «Сравните теперь—пишетъ она—другую эпоху, эпоху Отечественной войны, столѣтній юбилей которой тоже близится. Какіе люди, какая сила, какой героизмъ, какой подъемъ духа, при томъ въ полной слитности всѣхъ классовъ русскаго общества, безъ малѣйшей возможности провести точно грань между бариномъ и мужикомъ». Вотъ тутъ есть что вспомнить и чему порадоваться!

О еще большей радости, какая предстоитъ русскому народу въ 1913 году, газета не упоминаетъ. И безъ того «взгляды и намѣренія», которыя она должна выяснять, могутъ быть всѣми поняты.

Но... оказалось, что не всѣ поняли,—быть можетъ, потому, что не обратили достаточнаго вниманія. Даже въ Одессѣ,—ужъ на что смышленные люди живутъ,—и тамъ, оказывается, не поняли.

И тамъ юбилей крестьянской реформы задумали устраивать. Между прочимъ, намѣрены устроить народныя чтенія, посвященныя 19 февраля, и раздавать брошюры... А это вѣдь что значитъ? И безъ того, по оплошности начальства («слѣва, очевидно, подсказали»), «ежегодно въ этотъ день умные агитаторы и глупые батюшки въ церквахъ толкуютъ о крѣпостныхъ ужасахъ, о небываломъ рабствѣ» и въ самомъ дѣлѣ внушаютъ впечатлѣніе, «будто помѣщики были что-то вродѣ лютыхъ татаръ». Теперь, по случаю юбилея, такихъ разъясненій преподнесутъ, пожалуй, утроенную порцію. «Въ народныхъ аудиторіяхъ, въ копѣечныхъ брошюрахъ, въ газетахъ-копѣйкахъ будутъ переворачивать старый пятидесятилѣтній хламъ: вотъ, молъ, православный народъ,—полюбуйся, какъ издѣвались надъ твоими отцами и дѣдами, погляди, какое это было чудовищное униженіе, какой сплошной грабежъ. Вотъ почему ты до сихъ поръ нищъ и убогъ,—обобрали тебя еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ и пустили по міру» *). И все это будутъ переворачивать будто бы съ разрѣшенія и даже одобренія начальства...

Ужъ если одесситы не поняли, то очевидно, что казенная газета не сумѣла выяснить «взглядовъ и намѣреній», какъ слѣдуетъ. Къ счастію, теперь за это «вольный» писатель взялся, г. Меньшиковъ (кстати онъ и что такое «воля» объяснилъ: если не солдатъ и не чиновникъ,—ну стало быть, вольный человѣкъ).

Цѣпляться за Некрасова, какъ сотрудникъ изъ «Россіи», г. Меньшиковъ, конечно, не сталъ,—этого «радикальнаго поэта» онъ просто-на-просто «Дубинушкой» огрѣлъ: веселая пѣсня, говоритъ, а Некрасовъ за стонъ принялъ. Да и вообще къ вопросу г. Меньшиковъ проще, безъ всякихъ такихъ выкрутасовъ, подошелъ. Тѣ же мысли, что и казенному сотруднику, ему въ голову пришли, даже тѣ же слова въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ употребилъ, но только все это инымъ стилемъ изложилъ. И статью свою прямо—«Ненужный юбилей»—озаглавилъ. Самую же ненужность его на-двое доказалъ.

Съ одной стороны, говоритъ, никакого рабства у насъ никогда не было и мною, Меньшиковымъ, это уже доказано. Было лишь нормальное и даже идеальное состояніе, къ которому очень хорошо было бы вернуться. Было не рабство, а «бытовое, т. е. никѣмъ не навязанное, а органически возникшее явленіе». Было не рабство, а «слишкомъ великое по замыслу учрежденіе». И «отмѣнено было не рабство, а дисциплинарная власть образованнаго общества надъ необразованной массой» (*Какая утонченная психологія!*—могъ бы тутъ г. Рцы вставить). «Для революціонеровъ и анархистовъ отмѣна столь древней дисциплины, какова была феодальная, составляло торжество—родъ блистательной побѣды. Ну а

---

*) «Новое Время», 11 января.

пусть себѣ празднують *они*». *Намъ* же — говоритъ г. Меньшиковъ—присоединяться къ этому тріумфу нѣтъ никакого основанія.

Съ другой стороны, «если крѣпостное право было рабствомъ, то что же пріятнаго и что почетнаго вспоминать объ этомъ?» Для крестьянъ нѣтъ ничего почетнаго въ томъ, что они были рабами. «Можно ли считать заслугой, что человѣкъ когда-то былъ въ услуженіи у помѣщика?» Для дворянъ же нѣтъ ничего пріятнаго въ томъ, что они лишились «дисциплинарной власти». «Прошлаго— пишетъ г. Меньшиковъ—не вернешь, но будто ужъ есть основаніе дворянамъ и потомству дворянъ праздновать отнятіе у нихъ владѣтельныхъ привилегій. Едва ли возможенъ *искренній* восторгъ по поводу экспропріаціи, облегчившей ваши карманы, при томъ столь существенно». Въ этомъ, конечно, главное...

Впрочемъ, еще болѣе важный доводъ имѣется. Обѣ аргументаціи можно вѣдь слить. Было ли рабство, или его не было, но вражда у крестьянъ къ помѣщикамъ имѣется. Достаточно вспомнить объ «аграрной анархіи и разгромѣ и безъ того оскудѣвшей помѣщичьей культуры». «61-й годъ,—пишетъ г. Меньшиковъ, — не сумѣлъ предупредить девятьсотъ пятаго,—стало быть, что же кричать о *величіи* реформы, столь жалко провалившейся?». Напоминаніями можно вѣдь раздуть огонь, который едва удалось потушить имѣющимися силами.

Крестьянство, это—костеръ, способный всякую минуту вспыхнуть. Прежде всего его нужно раскидать и свои огнетушительныя силы увеличить. «Развѣ не теперь, въ юбилейный годъ,—восклицаетъ г. Меньшиковъ,—приходится разрушать то, что составляло фундаментъ освобожденія—общину?» Развѣ не теперь—пояснимъ отъ себя—приходиться спѣшно создавать «новыхъ помѣщиковъ»?

Какой тутъ юбилей, когда разрушаютъ самый фундаментъ, когда почти всю помѣщичью культуру приходится начинать «сызнова!..» Впрочемъ, и г. Меньшиковъ обѣщаетъ компенсацію. «Пусть прирожденные хамы, способные смѣяться надъ недостатками отечества, — пишетъ въ заключеніе онъ, — вытаскиваютъ сданные въ архивъ обвинительные документы, слишкомъ преувеличенные и поддѣльные. Долгъ истинныхъ гражданъ Россіи предать благородному забвенію то, что раздѣляло ихъ предковъ, и съ чувствомъ глубокой благодарности вспомнить то, что ихъ соединяло».

Прирожденные господа такъ, конечно, и поступятъ... Что именно съ чувствомъ глубокой благодарности они должны вспомнить, г. Меньшиковъ на этотъ разъ не сказалъ, ограничившись однимъ намекомъ. Развернуть послѣдній онъ еще успѣетъ. Судя же по тому, что имъ уже сказано, на 12-мъ годѣ, какъ сотрудникъ «Россіи», онъ не остановится, а пойдетъ дальше и сразу предложитъ компенсацію въ ея полномъ видѣ. «Народъ,—пишетъ онъ,— умнѣе радикаловъ: онъ давно и начисто позабылъ о татарскомъ игѣ». Судя по этому, можно забыть, хотя бы не начисто, и о на-

шествіи двунадесяти языковъ. Только въ 13-мъ году и найдется что вспомнить.

Теперь, когда самъ г. Меньшиковъ «взгляды и намѣренія» выяснилъ, одесситы, конечно, поймутъ всю ненужность затѣваемыхъ ими народныхъ чтеній и всего прочаго въ память 19 февраля. Впрочемъ, не только одесситы... Всѣ имѣющіе уши слышать, нужно думать, услышатъ.

Судя по приведеннымъ авторитетнымъ разъясненіямъ, въ кругахъ, близкихъ къ правительству, имѣется склонность пойти на этотъ разъ по стопамъ не Моисея, а римскаго папы. Послѣдній, какъ извѣстно, постановилъ считать весь 1911 годъ, въ которомъ исполнится 50-лѣтіе объединенія Италіи, годомъ траура для всѣхъ вѣрныхъ католиковъ. Въ видѣ компенсаціи папа обѣщалъ, по словамъ газетъ, признать 1912-й годъ годомъ радости *).

Планъ, какъ видите, очень схожій, почти тождественный съ планомъ «Россіи» и г. Меньшикова. По словамъ поэта, «мысли съ вѣтромъ носятся,—ихъ и вѣтру не догнать». Трудно поэтому даже сказать, гдѣ этотъ планъ первоначально возникъ, въ Римѣ или Петербургѣ. Возможно, что тамъ и здѣсь онъ самостоятельно сложился. Но папа уже осуществилъ свою мысль, соотвѣтствующее постановленіе издалъ, а русское правительство все медлитъ...

Можно, однако, думать, что это—не случайность. Оно, конечно, выжидаетъ, пока «ненужный юбилей» хоть сколько-нибудь опредѣлится. Во-первыхъ, неизвѣстно еще, какого онъ окажется размѣра. Возможно,—при подавленномъ состояніи общественности даже очень вѣроятно, — что онъ окажется совсѣмъ незначительнымъ. Во-вторыхъ, неизвѣстно, какова будетъ въ немъ пропорція нужнаго и ненужнаго. Напримѣръ, одинъ изъ московскихъ театровъ составилъ такую программу юбилейнаго спектакля: «Будутъ поставлены: *Жизнь за Царя*, а затѣмъ апофеозъ, въ которомъ на заднемъ планѣ будетъ изображена картина Кремля съ бюстомъ Царя-Освободителя на пьедесталѣ. Вокругъ пьедестала расположатся былинные богатыри: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Микула Селяниновичъ и Алеша Поповичъ, какъ аллегорическое изображеніе силы и мощи Россіи. По сторонамъ богатырей расположатся въ красивыхъ пестрыхъ группахъ всѣ народности, населяющія Россійское государство» **). Правда, къ освобожденію крестьянъ все это имѣетъ очень малое отношеніе, но за то явно, ничего ненужнаго не будетъ, — не будетъ и крѣпостного права даже «на заднемъ планѣ». Не будетъ ненужнаго и въ Перми. «Состоявшееся подъ предсѣдательствомъ губернатора совѣщаніе, высказавшись исключительно за церковный характеръ празднества, по предло-

*) См. „Рѣчь“, 19 декабря.

**) „Новое Время“, 15 января.

ложенію губернатора, рѣшило раздать народу брошюры, выпускаемыя національнымъ клубомъ, отвергнувъ брошюры Князькова, Тулупова, Шестакова и другихъ» *). Если принять во вниманіе, что иниціаторомъ національнаго союза былъ г. Меньшиковъ, онъ же, быть можетъ, редактируетъ и брошюры, выпускаемыя національнымъ клубомъ, то можно думать, что юбилей сведется въ Перми къ апофеозу крѣпостного права...

Если же гдѣ ненужное и окажется, то таковое не трудно будетъ устранить при помощи всякихъ иныхъ правилъ, до ненужныхъ вещей относящихся. Мѣстныя власти, въ ооjбенности когда «взгляды и намѣренія» имъ извѣстны, конечно, сумѣютъ это сдѣлать.

Если такъ, то пусть юбилей будетъ...

Пусть почта ходитъ... «Которыя письма не нужно чтобъ доходили, тѣ всегда у насъ пропадаютъ»...

А. Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

Леонидъ Андреевъ. Собраніе сочиненій. Разсказы, очерки, статьи. Изд-тво „Просвѣщеніе". Спб. 1911. Съ портретомъ автора и вступительной статьей М. А. Рейснера. Стр. XXXI+324. Ц. 1 р. 25 к.

Кромѣ двухъ небольшихъ разсказовъ, изъ которыхъ одинъ хорошъ, а другой ничтоженъ, въ книгу вошли до сихъ поръ неизвѣстные широкимъ кругамъ читателей публицистическіе фельетоны изъ московской газеты «Курьеръ». «Въ нашу задачу, —говорится во вступительной статьѣ М. А. Рейснера,—совершенно не входитъ художественная и литературная критика». Вотъ это напрасно. Если бы критикъ примѣнилъ къ новооткрытымъ статьямъ г. Леонида Андреева важнѣйшій критерій, по которому надлежало бы судить о нихъ, то, разумѣется, онъ прежде всего рѣшилъ бы, что поклоннику г. Леонида Андреева самое лучшее стыдливо отвернуться отъ нихъ. Конечно, М. А. Рейснеръ—писатель талантливый и человѣкъ образованный, и онъ сумѣлъ сварить съѣдобную кашу изъ топора, но, по совѣсти, этого дѣлать не слѣдовало. «Нашей цѣлью,—говоритъ г. Рейснеръ,—было свести къ единымъ исходнымъ пунктамъ все міровоззрѣніе поэта, какъ идеолога личности, создателя индивидуальныхъ формъ въ русскомъ общественномъ созданіи». Помилуй Богъ, какъ торжественно,—не о Пуш-

*) „Рѣчь", 16 января.

кинѣ ли здѣсь рѣчь? Нѣтъ, это о Леонидѣ Андреевѣ по поводу его фельетоновъ.

Надо было въ опьяненіи отъ фиміамовъ совершенно потерять естественное чувство самокритики, чтобы въ положеніи Леонида Андреева выступить съ этой печальной коллекціей второстепенныхъ газетныхъ статей. Положеніе вѣдь обязываетъ—въ обѣ стороны. Леонидъ Андреевъ стоитъ достаточно высоко, чтобы имѣть всѣ основанія относиться бережнѣе къ своему имени и не создавать новыхъ читателей своимъ фельетонамъ, которые—мы хотимъ вѣрить—и ему самому не кажутся достойными насильственнаго воскресенія и жизни вѣчной. Съ другой стороны, Леонидъ Андреевъ—и это, надѣемся, также ясно ему—не поднялся еще до той высоты, на которой каждая строчка, написанная имъ, должна быть сохранена для потомства. «Къ сожалѣнію,—говоритъ М. А. Рейснеръ,—мы не знаемъ даже всѣхъ фельетоновъ, такъ какъ молодой поэтъ начиналъ свой газетный періодъ подъ печальнымъ гнетомъ краснаго карандаша, и по «независящимъ причинамъ» только ничтожная часть написаннаго г. Андреевымъ увидѣла свѣтъ». Надо прочитать внимательно всю новую книгу г. Андреева, чтобы оцѣнить размѣры удивленія, вызываемаго этимъ замѣчаніемъ. Какъ ни свирѣпъ былъ «красный карандашъ», какъ ни нелѣпы «независящія причины», все же совершенно непонятно, гдѣ нашли они себѣ пищу въ фельетонахъ г. Андреева. «Ничтожная часть» это—все-таки 324 страницы убористаго текста; полагаемъ, по ней можно судить о прочемъ. И вотъ, здѣсь вѣдь нѣтъ ни тѣни политической мысли, политическаго настроенія, ничего такого, что могло бы вызывать столь энергичное вмѣшательство краснаго карандаша въ дѣятельность молодого фельетониста, прогрессивно протестующаго, но съ цензурной точки зрѣнія достаточно невиннаго. Легко повѣрить, что при курьезной практикѣ русской цензуры недавняго времени могло пострадать и даже погибнуть нѣсколько фельетоновъ г. Андреева,—но надо ли такъ ужъ преувеличивать ихъ количество и значеніе? «Къ сожалѣнію» ли?

Г. Рейснеръ сумѣлъ найти въ этихъ фельетонахъ и «основную проблему о человѣкѣ, какъ сынѣ безконечнаго бытія, носителя подсознательной воли», «и приматъ жизни передъ разумомъ» и шопенгауэровскій пессимизмъ, и законъ царственнаго естества, принятый Андреевымъ отъ Ничше «на крылья своего вдохновенія», и «хаосъ въ душѣ безликаго, гдѣ умерла природа и родилось звѣрство», и такъ далѣе. Все это очень хорошія вещи. Но попробуйте развернуть *въ любомъ мѣстѣ* новую книгу г. Леонида Андреева и вы найдете не «приматы» и «проблемы», а совсѣмъ, совсѣмъ другое:

«Я уже зналъ, что фонари на физіономіяхъ сторожей служатъ важнымъ ресурсомъ къ освѣщенію Царицына» (стр. 136).

Или: «Въ одну изъ газетъ, ту, въ которой были снимки съ

проектовъ гоголевскаго памятника, я завернулъ колбасу, и колбаса испортилась» (стр. 179).

Или: «Мой знакомый имѣетъ 144 аттестата среднихъ учебныхъ заведеній и 48 дипломовъ высшихъ и служитъ въ настоящее время въ акцизѣ—спиртъ мѣряетъ» (стр. 239).

Или: «Самый простой и вѣрный способъ поймать воробья—это насыпать воробью соли на хвостъ. По заключенію многихъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ настоящій вопросъ во всей его глубинѣ и широтѣ, соль, будучи обыкновенно только соленой, въ сочетаніи съ воробьинымъ хвостомъ пріобрѣтаетъ совершенно особыя, даже нѣсколько загадочныя свойства. Воробей положительно не выноситъ, когда на его хвостъ попала хоть крупица соли это—фактъ. Воробей остается вертлявымъ, жизнерадостнымъ, болтливымъ, но лишь до той минуты, пока его не коснулась соль. Съ этой же минуты характеръ воробья рѣзко мѣняется къ худшему: крылышки воробья безсильно опускаются, головка нахохливается и глазки смотрятъ такъ печально, какъ будто всѣ надежды на скромное воробьиное счастье утеряны имъ безвозвратно» (стр. 42).

Просимъ извиненія въ непомѣрной длинѣ этой цитаты. Что дѣлать,—когда указываешь на чудовищную безвкусицу выдающагося писателя, надо же быть доказательнымъ. Мы могли бы привести десятки такихъ же яркихъ и болѣе длинныхъ цитатъ. Разсказъ о томъ, какъ г. Андреевъ видѣлъ драму Ибсена: «Когда мы, мертвые пробуждаемся», начинается слѣдующимъ образомъ: «Я не хочу сегодня говорить о городскихъ избирателяхъ, которыхъ обучаютъ, подобно екатерининскимъ инвалидамъ, отличать правую руку отъ лѣвой, ни о выборахъ въ городскомъ кредитномъ обществѣ и г. Шмаковѣ. Не хочу я говорить ни о сумасшедшихъ, пойманныхъ на улицѣ, ни о подкидышахъ, ни о покойникахъ, ни о юбилярахъ, ни о многихъ другихъ прекрасныхъ и назидательныхъ вещахъ, вызывающихъ на размышленіе пытливый человѣческій умъ».

Еще примѣръ. Рѣчь идетъ о тиранніи мелочей. «Я зналъ человѣка, котораго однажды осѣнила блестящая, но ужасная по послѣдствіямъ идея: чтобы быть человѣкомъ—открылъ онъ—нужно носить высокіе воротнички и ходить на высокихъ каблукахъ. И это былъ пренесчастный человѣкъ, много несчастнѣе Прометея, Фауста, Гамлета и другихъ великихъ страдальцевъ за великое. Ежедневно съ ранняго утра онъ начиналъ жертвовать собой: взлѣзалъ на высокіе каблуки и подпиралъ голову крахмальнымъ заборомъ. И при этомъ онъ улыбался... Ноги его вихлялись и ныли, шею ломило, какъ у повѣшеннаго, глаза выпирало, какъ у удивленнаго рака, отъ котораго сбѣжала съ актеромъ жена,—но онъ улыбался». И еще цѣлая страница, такихъ же остротъ: «Своего маленькаго племянника онъ зналъ только по слухамъ, такъ какъ не могъ наклонить шеи, чтобы увидѣть его»...

Едва ли намъ удалось представить читателямъ лучшіе перлы

этого несноснаго, утомительнаго, провинціальнаго шаржа, заполняющаго книгу г. Андреева. Съ безвкусицей ея остроумныхъ выходокъ можетъ сравниться только безвкусица нѣкоторыхъ панегиристовъ г. Андреева. М. А. Рейснеръ еще держится въ предѣлахъ, но В. Г. Танъ въ послѣдней своей статьѣ говоритъ: «Кромѣ Андреева, будущій историкъ не найдетъ въ нашей литературѣ ничего или почти ничего... Своей философской схемой Андреевъ ближе всего подошелъ къ Байрону. За это сравненіе меня уже упрекали печатно, но я не согласенъ взять свое слово назадъ. Ибо между Андреевымъ и Байрономъ можно указать многія черты страннаго сходства, какъ будто фамильнаго».

Сколь дурную услугу оказываютъ г. Андрееву такія—по истинѣ безобразныя—сопоставленія, лучше всего уясняетъ лежащій передъ нами сборникъ. Не трудно было потерять голову и выступить предъ читателями съ книгой, достойной, быть можетъ, московскаго «Курьера», но все же недостойной Леонида Андреева. Боимся, что читатели согласятся съ г. Рейснеромъ въ томъ, что газетныя статьи г. Леонида Андреева бросаютъ свѣтъ на его міровоззрѣніе,—но только съ маленькой разницей. Г. Рейснеръ нашелъ въ фельетонахъ Андреева философію, а читатели увидятъ въ философіи Андреева сплошной фельетонъ.

Собраніе сочиненій Маріи Конопницкой. Томъ I. На нормандскомъ берегу. Авторизованный переводъ съ польскаго Маріи Троповской. Книгоиздательство «Современныя проблемы». М. 1911. Стр. 241. Ц. 1 р.

Книгоиздательство «Современныя проблемы» вознамѣрилось дать русской читающей публикѣ собраніе беллетристическихъ произведеній Маріи Конопницкой въ русскомъ переводѣ. Эту мысль можно было бы только привѣтствовать, если бы не то обстоятельство, что ея выполненіе, поскольку, по крайней мѣрѣ, рѣчь можетъ идти о лежащемъ передъ нами первомъ томѣ русскаго изданія, далеко нельзя признать вполнѣ удачнымъ. Издатели какъ будто хотѣли дать русскому читателю не только переводъ произведеній Конопницкой, но и нѣкоторую общую характеристику покойной писательницы. Очевидно, въ этихъ цѣляхъ къ первому тому, помимо трехъ страничекъ предисловія «отъ переводчицы», приложены еще, какъ бы въ качествѣ введенія, двѣ небольшія переводныя статейки — Казиміра Тетмайера и Генриха Сенкевича. Однако обѣ эти статейки представляютъ собою нечто иное, какъ простые отклики на смерть Конопницкой, отклики, въ которыхъ напрасно было бы искать сколько-нибудь полной и отчетливой характеристики писательницы и которые русскому читателю, во всякомъ случаѣ, дадутъ для ея пониманія очень немногое. А между тѣмъ, если даже издатели желали ограничиться исключительно переводнымъ матеріаломъ, они легко

могли найти въ польской литературѣ несравненно болѣе подходящія статьи для ознакомленія русскихъ читателей съ жизнью и творчествомъ Конопницкой. Выборъ для этой цѣли статеекъ Тетмайера и Сенкевича является своего рода загадкой, трудно объяснимой, если только не предположить, что тутъ имѣла мѣсто простая случайность. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя произведенія Конопницкой въ первомъ томѣ русскаго ихъ собранія представлены въ нѣсколько неряшливомъ видѣ. Прежде всего подъ однимъ общимъ названіемъ: «На нормандскомъ берегу» въ этомъ первомъ томѣ объединены и такія произведенія Конопницкой, которыя, дѣйствительно, входятъ въ названный циклъ ея разсказовъ, и такія, которыя не имѣютъ къ нему никакого отношенія, изображая не жизнь нормандскихъ рыбаковъ, а бытъ польскихъ крестьянъ и рабочихъ. Къ этой внѣшней неряшливости присоединяется и другая, гораздо болѣе важная—неряшливость перевода. Однимъ изъ главныхъ достоинствъ беллетристическихъ произведеній Конопницкой является ихъ языкъ—очень простой, но при всей своей простотѣ чрезвычайно гибкій, красивый и выразительный. Г-жа Троповская совершенно не сумѣла справиться съ трудной задачей передать этотъ языкъ болѣе или менѣе близко къ подлиннику и въ то же время не искалѣчить послѣдняго. Ея переводъ, неуклюжій и тяжеловѣсный, переполненъ грубыми полонизмами. Французскіе рыбаки у нея молятся «святому Яну» (118), «заклинаются всѣмъ святымъ» (83); маленькіе глазки стариковъ «ужъ мало чего и видятъ на свѣтѣ» (83). Подобныхъ оборотовъ въ переводѣ г-жи Троповской можно найти сколько угодно, а наряду съ этимъ она пытается приблизить переводимую ею писательницу къ русскимъ читателямъ, передѣлывая строй ея рѣчи въ мнимо-народномъ русскомъ стилѣ, и тѣмъ самымъ, конечно, достигаетъ прямо обратнаго результата, извращая подлежащій передачѣ литературный обликъ. Въ цѣломъ этотъ грубый и далеко не свободный отъ ошибокъ переводъ какъ нельзя менѣе способенъ передать изящную простоту и граціозную прелесть беллетристическихъ новеллъ и разсказовъ Маріи Конопницкой, и нельзя не пожалѣть, что собраніе этихъ произведеній не нашло себѣ лучшаго перевода.

Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. Второе изданіе Академіи Наукъ. Спб. 1910. Стр. 577. Ц. 3 р.

П. Е. Щеголевъ. Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина. I—XIV. Спб. 1910. Стр. 141.

Широко поставленная и напряженная работа надъ Пушкинымъ знаменуетъ послѣдніе годы. Два капитальныхъ изданія—академическое и С. А. Венгерова—стремятся прежде всего установить окончательный, не подлежащій дальнѣйшимъ измѣненіямъ текстъ полнаго собранія сочиненій великаго поэта. Правда, уже простое

сличеніе этихъ двухъ изданій легко убѣждаетъ въ томъ, что мы еще очень далеки отъ такого пушкинскаго канона; да едва ли онъ возможенъ; всегда останутся разночтенія, всегда возможенъ споръ о томъ, какой текстъ предпочтительнѣе, особенно тамъ, гдѣ не желательно смущать читателя варіантами. Но самая тщательность новыхъ изданій, примѣняемые въ нихъ новые пріемы съ ихъ научной осторожностью и послѣдовательностью позволяютъ надѣяться, что мы хоть Пушкина будемъ имѣть въ достойномъ видѣ. Цѣлый рядъ серьезныхъ трудовъ группируется вокругъ этихъ изданій, то предпринимаемый для нихъ, то вызываемый ихъ естественными въ дѣлѣ человѣческомъ погрѣшностями. Новые матеріалы чрезвычайнаго значенія, очевидно, долго еще не перестанутъ появляться, возбуждая мысль изслѣдователя, ставя передъ нимъ новыя задачи, понуждая перестроить старыя предположенія. Такія работы, какъ, появившіяся въ минувшемъ году, описаніе библіотеки Пушкина (Б. Л. Модзалевскаго) или опытъ характеристики его синтаксиса (проф. Е. Ф. Будде) показываютъ, что мы находимся въ самомъ началѣ изученія Пушкина. Интересъ къ «солнцу русской поэзіи» можно только привѣтствовать. Онъ, очевидно, не связанъ ни съ какими временными настроеніями: онъ коренится въ необходимости осознать себя, оцѣнить свое прошлое и тѣмъ углубить настоящее. Позитивность новыхъ изученій Пушкина, ихъ историчность служитъ отраднымъ свидѣтельствомъ того, что намъ слишкомъ мало говорятъ самые убѣдительные субъективные портреты; маленькій подлинный фактикъ о Пушкинѣ намъ цѣннѣе его блестящихъ характеристикъ, которыя съ каждымъ днемъ становятся все блѣднѣе по мѣрѣ того какъ утверждаются факты. Что осталось, напримѣръ, отъ великолѣпной рѣчи Достоевскаго? Потрясающая и, быть можетъ, вѣчная публицистика—и ни одного критическаго штриха для уясненія подлиннаго Пушкина.

Въ области біографическихъ фактовъ остаются оба труда, названные нами въ заголовкѣ, какъ ни различны они по широтѣ задачи и по значительности даннаго на нее отвѣта. Н. О. Лернеръ ограничился тѣмъ, что далъ подробнѣйшую хронологическую канву для будущей біографіи Пушкина, безусловно точную и исчерпывающую. Таково, по крайней мѣрѣ, было его заданіе и если въ въ выполненіи потребуются поправки—кой что въ этомъ отношеніи уже сдѣлалъ самъ составитель,—то онѣ не способны измѣнить основной характеръ труда, во второмъ изданіи увѣнчаннаго преміей пушкинскаго лицейскаго общества. То, что книга г. Лернера если не навсегда, то на очень долго останется необходимѣйшимъ пособіемъ и настольной книгой каждаго пушкиниста, быть можетъ, не заставило бы насъ говорить о ней; но она представляетъ значительный интересъ для рядового читателя и любителя Пушкина. Въ самой мелочности и сухости ея есть привлекательныя стороны, которыхъ лишены существующія біографіи поэта. Да и бу-

дущія его біографіи, какихъ мы уже въ правѣ требовать отъ русской науки, какъ бы онѣ ни были живы, литературны и глубоки, не будутъ содержать этой массы мелочей, скрывающихся въ обобщеніи и обнаженно выступающихъ въ скучной хронологіи. Въ книгѣ г. Лернера живешь съ Пушкинымъ изо дня въ день; не видишь глубокаго, не видишь тѣхъ большихъ событій, которыя бываютъ не связаны ни съ какой хронологіей, но проходишь всю жизнь поэта въ ея повседневныхъ подробностяхъ; это удивительно сближаетъ съ поэтомъ, переноситъ его обликъ изъ міра документовъ въ міръ реальнаго ощущенія, а это вѣдь тоже нужно читателю.

Напечатанная первоначально въ извѣстномъ періодическомъ изданіи Академіи Наукъ «Пушкинъ и его современники», работа П. Е. Щеголева не ограничивается сводкой фактовъ: она устанавливаетъ новые и очень интересные. Громадная начитанность въ пушкинской литературѣ, знакомство съ подлинными текстами и умѣлое примѣненіе къ нимъ средствъ очень тонкаго анализа даютъ П. Е. Щеголеву возможность съ полной убѣдительностью отвергнуть нѣкоторыя предположенія, не безъ остроумія выдвинутыя въ послѣдніе годы, и самостоятельно заполнить содержаніемъ остававшіеся темными пробѣлы въ жизни и дѣятельности поэта. Любопытнѣйшимъ результатомъ изслѣдованія П. Е. Щеголева является утвержденіе его, что Пушкинъ любилъ М. Н. Раевскую, впослѣдствіи княгиню Волконскую, жену декабриста. До сихъ поръ самымъ напряженнымъ усиліямъ изслѣдователей не удавалось установить, къ кому относится извѣстное посвященіе «Полтавы»: «Тебѣ—но голосъ музы темной коснется-ль уха твоего?» Теперь П. Е. Щеголевъ съ убѣдительностью, на нашъ взглядъ безспорной, сумѣлъ показать, что поэма посвящена именно княгинѣ Волконской. Въ высшей степени любопытно слѣдить, какъ изслѣдователь нанизываетъ мелкіе факты, какъ тонко изучаетъ ихъ, какъ строитъ изъ неустойчиваго матеріала цѣлое зданіе, пока послѣдній камень, замыкающій его систему, не сообщаетъ ему окончательную прочность. Такимъ заключительнымъ доводомъ въ аргументаціи П. Е. Щеголева является найденный имъ въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина варіантъ одного стиха. Въ печатномъ текстѣ посвященія, бывшаго доселѣ однимъ изъ «недоумѣнныхъ мѣстъ въ біографіи Пушкина», было неопредѣленно сказано: «Твоя печальная пустыня»; въ первоначальной редакціи оказался зачеркнутый варіантъ:

Сибири хладная пустыня.

И этотъ открытый и, по понятнымъ соображеніямъ, отвергнутый поэтомъ стихъ рѣшаетъ вопросъ. Фактъ—не крупный, но и въ біографіи поэта, и въ толкованіи «Полтавы» имѣющій значеніе. Такъ изъ второстепенныхъ данныхъ выростаютъ серьезныя

предположенія, понемногу, благодаря трудамъ изслѣдователей, становящіяся неопровержимыми.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изданіе Товарищества бр. А. и И. Гранатъ и К°. Выпуски 29—34.

Изданіе «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ», о которомъ намъ не разъ уже приходилось говорить на страницахъ «Русскаго Богатства», быстро близится къ окончанію. Не подводя пока его итоговъ, такъ какъ это и удобнѣе, и правильнѣе будетъ сдѣлать съ выходомъ въ свѣтъ послѣднихъ выпусковъ изданія, приходится все же отмѣтить, что вновь вышедшіе заключительные выпуски его сохраняютъ тотъ же характеръ пестроты и разнокалиберности, какой былъ присущъ ему съ самаго начала. По прежнему въ нихъ рядомъ съ строго научными статьями встрѣчаются статьи, очень слабыя въ научномъ отношеніи, рядомъ со статьями, заключающими въ себѣ богатый и цѣнный матеріалъ, имѣются статьи, страдающія отсутствіемъ содержательности. Благодаря этому, различныя стороны русской исторіи XIX вѣка представлены въ изданіи далеко неравномѣрно, не говоря уже о томъ, что освѣщаются онѣ передъ читателемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, на столько разныхъ, что порою это различіе переходитъ въ прямую противоположность.

Во вновь вышедшіе 29—34 выпуски «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» включены семь статей: статья М. И. Боголѣпова о государственномъ хозяйствѣ за періодъ времени съ 1892 года по 1903 г., Л. Мартова о развитіи промышленности и рабочаго движенія съ 1893 г. по 1903 г., Ю. Д. Энгеля—о музыкѣ въ Россіи послѣ 60-хъ годовъ, В. Я. Канеля—объ общественной медицинѣ въ связи съ условіями жизни народа, М. Невѣдомскаго—о 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ нашей литературѣ, В. Л. Омелянскаго—о развитіи естествознанія въ Россіи въ послѣднюю четверть XIX вѣка и незаконченная еще пока статья В. М. Фриче—о русской высшей школѣ въ концѣ XIX вѣка.

Наиболѣе интересными изъ перечисленныхъ статей являются статьи гг. Боголѣпова и Канеля. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ сжатый, но очень содержательный и чрезвычайно ясно написанный очеркъ развитія и результатовъ русской финансовой политики за то время, когда во главѣ министерства финансовъ стоялъ г. Витте. «Безотчетность и безотвѣтственность власти—такъ формулируетъ авторъ свои конечные выводы объ этомъ періодѣ,—совершенно исказили природу государственнаго хозяйства и превратили государственное хозяйство въ факторъ развращенія привилегированныхъ классовъ и въ факторъ разоренія обездоленныхъ классовъ... Современная Россія живетъ и будетъ долго жить съ тѣмъ тяжелымъ наслѣдствомъ, которое осталось отъ этого

періода; громадный государственный долгъ, или затраченный непроизводительно, или растраченный на достиженіе химерическихъ цѣлей; колоссальное государственное хозяйство, приносящее странѣ каждогодные убытки, требующіе податного покрытія; чрезмѣрное напряженіе податныхъ силъ; сельское хозяйство помѣщика, окруженное голоднымъ крестьянствомъ; фабрично-заводское производство, работающее на казну, переживающую затяжной кризисъ, и на истощенный внутренній рынокъ» (вып. 29, стр. 66). Сами по себѣ эти выводы, конечно, не новы, но авторъ сумѣлъ обставить ихъ обильнымъ фактическимъ матеріаломъ и тѣмъ самымъ сдѣлать чрезвычайно убѣдительными, нисколько не выходя при этомъ изъ рамокъ популярнаго изложенія. Благодаря этому, статья г. Боголѣпова, небезынтересная и спеціалистамъ, можетъ имѣть особенное значеніе для тѣхъ широкихъ слоевъ читающей публики, для которой въ сущности и предназначено настоящее изданіе. Въ свою очередь, не меньшій интересъ для нихъ должна, пожалуй, представить и статья г. Канеля, также богатая фактическимъ содержаніемъ и рисующая яркую картину постановки медицинскаго дѣла въ Россіи въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка и послѣдовавшаго затѣмъ постепеннаго развитія общественной медицины.

Къ названнымъ двумъ статьямъ до нѣкоторой степени примыкаетъ и статья г. Мартова. Интересная по своей темѣ, она заключаетъ въ себѣ не мало любопытнаго матеріала, къ сожалѣнію, передаваемаго авторомъ въ черезчуръ ужъ сухой и лѣтописной формѣ. Вдобавокъ изложеніе г. Мартова, проявляющаго чрезмѣрно большую склонность къ увлеченію марксистскими схемами и къ нѣсколько наивному преувеличенію силы и мощи соціалъ-демократическихъ организацій, не свободно порою и отъ серьезныхъ фактическихъ ошибокъ. Въ противоположность статьѣ г. Мартова очень живо написаны статьи гг. Энгеля и Омелянскаго, хотя самыя темы этихъ двухъ статей—о музыкѣ въ Россіи послѣ 60-хъ годовъ и о развитіи естествознанія въ послѣдней четверти XIX вѣка—неизбѣжно обрекали ихъ авторовъ, въ согласіи съ общимъ планомъ изданія, на нѣкоторую поверхностность изложенія.

Наибольшею поверхностностью отличаются, однако, въ новыхъ выпускахъ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» не только что упомянутыя статьи, а статья г. Невѣдомскаго о русской литературѣ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Довольно большая по своему объему, статья эта тѣмъ не менѣе очень мало даетъ читателю. Все изложеніе взятаго имъ періода изъ исторіи русской литературы г. Невѣдомскій сводитъ къ разложенію и гибели народничества въ 80-хъ годахъ и къ расцвѣту марксизма въ 90-хъ, нерѣдко насильственно втѣсняя въ эту формулу тѣ или иные частные литературные факты и отдѣльныя фигуры. При этомъ его замѣчанія о различныхъ литературныхъ явленіяхъ по большей части крайне блѣдны, а даваемыя имъ характеристики писа-

телей, въ большинствѣ своемъ чрезвычайно произвольныя и спутанныя, порою вдобавокъ основаны на прямыхъ ошибкахъ или, по меньшей мѣрѣ, на небрежномъ обращеніи съ фактами. Говоря о Н. К. Михайловскомъ, напримѣръ, г. Невѣдомскій очень рѣшительно говоритъ: «въ писаніяхъ Михайловскаго, начиная съ 80-хъ годовъ, вы уже почти не встрѣчаете прежнихъ смѣлыхъ построеній, да и вообще теоретизація почти отсутствуетъ въ нихъ» (вып. 33, стр. 14). Это сказано, конечно, очень рѣшительно, но едва-ли очень вѣрно: вѣдь именно въ 80-хъ годахъ Михайловскимъ были написаны и напечатаны «Герои и толпа», «Научныя письма», «Патологическая магія», не говоря уже о другихъ, болѣе мелкихъ теоретическихъ статьяхъ. Сергѣя Атаву и Муравлина-Голицына г. Невѣдомскій, не желая считаться съ хронологіей, заставляетъ «подтягивать мотиву чеховской «Свирѣли», вторить монологамъ его Астрова въ частномъ пунктѣ о нашемъ дворянствѣ» (вып. 34, стр. 85). Въ повѣсти Вересаева «Безъ дороги» г. Невѣдомскій находитъ «типъ врача совсѣмъ чеховскій или, вѣрнѣе, каронинскій» (вып. 34, стр. 104), хотя самъ же въ другомъ мѣстѣ проводитъ рѣзкую грань между Каронинымъ и Чеховымъ. Подобныхъ эпизодовъ, относящихся то къ отдѣльнымъ лицамъ, то къ цѣлымъ умственнымъ теченіямъ, въ статьѣ г. Невѣдомскаго не мало и въ нихъ какъ нельзя болѣе ярко раскрывается истинный характеръ переполняющихъ ее схематическихъ построеній, черезчуръ узкихъ и поверхностныхъ, наивно прикрывающихъ и затушевывающихъ живую дѣйствительность, вмѣсто того, чтобы передавать и объяснять ее.

Намъ остается прибавить, что къ вновь вышедшимъ выпускамъ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ», какъ и къ предшествовавшимъ имъ, приложенъ рядъ художественно выполненныхъ снимковъ съ произведеній русскихъ живописцевъ и скульпторовъ и съ портретовъ различныхъ выдающихся дѣятелей Россіи въ XIX столѣтіи.

Ѳ. М. Уманецъ. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910. Стр. 169. Ц. 1 р.

Хотя г. Уманецъ и склоненъ принимать свою книжку за «историческую монографію», заявляя объ этомъ даже на обложкѣ, но это съ его стороны не болѣе, какъ простое недоразумѣніе. Въ дѣйствительности эта книжка какъ нельзя болѣе далека отъ типа исторической монографіи, не заключая въ себѣ ничего, что хотя отдаленно напоминало бы спеціальное научное изслѣдованіе историческихъ вопросовъ и фактовъ, связанныхъ съ тѣми лицами, имена которыхъ поставлены въ ея заглавіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ книжка г. Уманца, строго говоря, не можетъ быть причислена и къ разряду историческихъ повѣствованій. Ея содержаніе довольно своеобразно. Это не изслѣдованіе историческихъ фактовъ и не повѣ-

ствованіе объ нихъ, а своего рода непринужденная бесѣда по ихъ поводу, но бесѣда, не обнаруживающая въ авторѣ ни основательныхъ свѣдѣній въ сферѣ затрагиваемыхъ ею вопросовъ, ни даже серьезнаго знакомства съ ихъ литературой и вмѣстѣ съ тѣмъ изобилующая постоянными отступленіями въ сторону и переполненная претензіями на большое остроуміе и чрезвычайное глубокомысліе. Читатель встрѣтитъ въ книжкѣ г. Уманца и разсужденія объ общемъ характерѣ русскихъ людей, и мнѣніе автора о «крайнихъ» русскихъ партіяхъ, и заявленіе о ненужности учредительныхъ собраній вообще и, въ частности, для Россіи, и сѣтованія на современныя земскія учрежденія, и еще многое другое, имѣющее весьма отдаленное отношеніе къ эпохѣ Александра I и къ законодательнымъ работамъ и проектамъ Сперанскаго. Не найдетъ читатель у г. Уманца только одного — сколько-нибудь обстоятельнаго анализа и сколько-нибудь отчетливаго изображенія той эпохи, которую онъ взялся живописать, и тѣхъ личностей, которыхъ онъ выбралъ главнымъ предметомъ своей бесѣды съ читателемъ. Взятую на себя обязанность историческаго портретиста г. Уманецъ понялъ какъ нельзя болѣе просто, ограничившись въ своей характеристикѣ избранныхъ имъ историческихъ лицъ до-нельзя поверхностными разсужденіями и произвольными, ни на чемъ не основанными догадками, изложенными, однако, въ самомъ претенціозномъ тонѣ, особенно утомительномъ, благодаря непрерывной погонѣ автора за упорно не дающимся ему остроуміемъ. Изрѣдка, правда, въ потокѣ словъ г. Уманца мелькаютъ отдѣльныя, дѣйствительно, остроумныя и небезынтересныя замѣчанія, но разыскиваніе этихъ немногихъ цѣнныхъ крупицъ среди груды банальныхъ разсужденій автора представляетъ собою такой тяжелый и такъ мало окупающій себя трудъ, что мы, съ своей стороны, не посовѣтовали бы читателю браться за него.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ редакціей Владиміра Бончъ-Бруевича. Выпускъ третій. Штундисты. Постники. Свободные христіане. Духовные скопцы. Старообрядцы. Спб. 1910. Стр. 311. Ц. 2 р.

Третій выпускъ «Матеріаловъ» г. Бончъ-Бруевича, какъ и два предыдущіе, содержитъ въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній объ ученіяхъ и бытѣ русскихъ старообрядцевъ и сектантовъ и въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны лицъ, интересующихся религіозною жизнью русскаго народа въ его прошломъ и настоящемъ. Особенно любопытны помѣщенныя здѣсь свѣдѣнія о штундистахъ, свободныхъ христіанахъ и духовныхъ скопцахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ появленіе этого новаго выпуска «Матеріаловъ» естественно выдвигаетъ на очередь вопросъ объ общемъ характерѣ даннаго изданія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ дальше подвигается впередъ это послѣднее, тѣмъ съ большею наглядностью выясняется,

что у редактора «Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества» нѣтъ собственно никакого сколько-нибудь обдуманнаго и стройнаго плана изданія. И это отсуствіе плана сказывается не только въ томъ, что въ одномъ и томъ же выпускѣ самымъ пестрымъ образомъ перемѣшиваются матеріалы, относящіеся къ самымъ разнообразнымъ сектамъ и къ различнымъ толкамъ старообрядчества. Съ такого рода пестротой еще можно было бы примириться и до извѣстной степени ее можно было бы даже оправдать соображеніями внѣшней необходимости. Гораздо хуже другой недостатокъ настоящаго изданія, заключающійся въ крайней разнохарактерности включаемаго въ него матеріала по самому существу послѣдняго. Въ подборѣ и распредѣленіи этого матеріала нѣтъ и слѣдовъ какой-либо опредѣленной системы, и редакторъ, повидимому, просто печатаетъ то, что имѣется у него подъ руками и въ данный моментъ почему-либо представляется ему интереснымъ. Разнаго рода документы, вышедшіе изъ-подъ пера старообрядцевъ и сектантовъ, и непосредственныя воспоминанія послѣднихъ о своей жизни, попытки историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій и полубеллетристическія произведенія безъ всякаго видимаго порядка чередуются одни съ другими на страницахъ настоящаго изданія, обращая его въ собраніе крайне разнороднаго и разноцѣннаго матеріала. Что касается работы редакціи, то такая работа проявляется почти исключительно въ комментаріяхъ, къ отдѣльнымъ пунктамъ печатаемаго матеріала, комментаріяхъ иногда цѣнныхъ, иногда довольно наивныхъ, но въ большинствѣ своемъ совершенно ненужныхъ для тѣхъ читателей, на которыхъ можетъ разсчитывать настоящее изданіе. Такой способъ составленія «Матеріаловъ» можетъ, конечно, сильно подорвать ихъ цѣнность, какъ систематическаго изданія. Между тѣмъ во вновь вышедшемъ третьемъ ихъ выпускѣ только что указанныя особенности выступаютъ наиболѣе ярко и замѣтно. Хотѣлось бы надѣяться, что въ дальнѣйшемъ редакція все-таки озаботится ихъ устраненіемъ и приметъ мѣры къ внесенію въ свое интересное изданіе нѣсколько большей планомѣрности и цѣльности.

Рауль Рихтеръ. Скептицизмъ въ философіи. Томъ первый. Перев. съ нѣмецк. В. Базарова и Б. Столпнера. Спб. 1910 г. 390+LXI стр. Ц. 8 руб.

«Философскій скептицизмъ, говоритъ авторъ, есть провозглашеніе основного и методическаго сомнѣнія въ возможности человѣческаго познанія, при чемъ полный скептицизмъ подвергаетъ сомнѣнію эту возможность во всѣхъ областяхъ, а частичный (имманентный или трансцендентный) скептицизмъ ограничиваетъ свое сомнѣніе тѣми или другими изъ крупныхъ существующихъ сферъ познанія» (стр. 28). Первый томъ своей интересной работы Рих-

теръ посвящаетъ полному скептицизму и именно тѣмъ представителямъ полнаго скептицизма, которые стояли на точкѣ зрѣнія крайняго реализма, т. е. греческому скепсису, проявившемуся, какъ извѣстно, въ видѣ двухъ теченій: въ видѣ пирронизма и въ видѣ ученій, такъ называмой, «средней академіи».

Отношеніе между этими двумя теченіями скептической мысли древней Греціи нашъ авторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Оригинальность, безспорно, на сторонѣ пирониковъ: Пирронъ первый въ человѣческой исторіи проповѣдывалъ принципы радикальнаго скептицизма... Но главная, имѣющая систематическое значеніе, разница заключается въ томъ, что школа Пиррона представляетъ болѣе крайнюю и послѣдовательную, академія же, благодаря введенію понятія вѣроятности, болѣе умѣренную къ требованіямъ жизни форму скептицизма. Наконецъ... пирроники всегда обращали особенное вниманіе на опытъ, наблюденіе и факты (вспомнимъ о врачахъ эмпирикахъ). Наоборотъ, источникъ академическаго скепсиса, Сократо-Платоновская діалектика, направляетъ главныя усилія скептиковъ Аркезилая и Карнеада въ сторону чисто теоретической... разработки аргументовъ» (стр. 84).

Когда мы теперь, съ разстоянія многихъ столѣтій, обозрѣваемъ теченіе философской мысли въ древней Греціи, то намъ становится очевиднымъ, что не только борьба различныхъ философскихъ школъ вела къ скептицизму, но и внутри самихъ этихъ философскихъ школъ были элементы, неизбѣжно ведшіе къ скептицизму. Академія, руководимая учениками Платона и занятая разработкой ученія этого великаго догматика, довольно скоро превратилась въ разсадникъ скептицизма. Два такія совершенно противоположныя (но оба рѣшительно догматическія) ученія, какъ ученія Гераклита и элеатовъ,—оба привели къ скептицизму; и именно къ школѣ Гераклита принадлежалъ Кратилъ, который даже отказался отъ употребленія языка и лишь пальцемъ указывалъ на разные предметы, такъ какъ онъ находилъ, что всякая вещь, пока успѣешь ее назвать, уже сдѣлается иной.

Противъ всѣхъ догматическихъ ученій древній скептицизмъ выставилъ принципъ «изостеніи», т. е. равносилія. На основной вопросъ древней философіи, вопросъ о томъ, какова природа вещей, скептики отвѣчали, что каждому тезису о природѣ вещей можно противопоставить совершенно равносильный антитезисъ. Когда мы видимъ палку всю въ воздухѣ, она кажется намъ прямой, а когда та же палка наполовину опущена въ воду—она кажется намъ изломанной; и такъ какъ нельзя доказать, что наше воспріятіе формы палки въ первомъ случаѣ было правильнѣе, чѣмъ во второмъ, то, слѣдовательно, мы съ одинаковымъ правомъ можемъ утверждать и то, что палка пряма, и то, что палка изломана. Если мы смотримъ на шею голубя, то цвѣтъ этой шеи совершенно мѣняется, смотря по тому, будемъ ли мы смотрѣть на

нее спереди, сзади, справа или слѣва; теперь спрашивается: каковъ же истинный цвѣтъ этой шеи? Ясно, что мы съ одинаковымъ правомъ можемъ утверждать и то, что голубь имѣетъ шею розоваго цвѣта, и то, что онъ имѣетъ шею зеленаго цвѣта и т. д. Мы можемъ утверждать, что существуетъ Провидѣніе, ибо всюду въ природѣ видимъ порядокъ и гармонію, но съ одинаковымъ правомъ можемъ утверждать и то, что Провидѣнія нѣтъ, ибо очень часто видимъ, что хорошему человѣку живется плохо, а дурному—хорошо.

Такъ древній скептикъ доказывалъ свой основной тезисъ: принципъ изостеніи. Если всякому утвержденію можно противопоставить совершенно равносильное противоположное утвержденіе, тогда, конечно, ничего утверждать нельзя, тогда, слѣдовательно, торжествуетъ абсолютный скептицизмъ.

Древне-греческій скептицизмъ былъ великимъ завоеваніемъ. Античная мысль не могла преодолѣть этого скептицизма, ибо его сила покоилась на основномъ недостаткѣ греческихъ догматиковъ, которые стремились познать то, что мы теперь называемъ «вещами въ себѣ». Но сами представители скептицизма были дѣтьми своей эпохи и поэтому стояли на той же точкѣ зрѣнія, что и ихъ противники—догматики. Для самихъ представителей скептицизма познаніе какого либо предмета означало познаніе «истинной его природы», и все ихъ отличіе отъ догматиковъ заключалось лишь въ томъ, что они считали подобное познаніе недостовѣрнымъ, тогда какъ догматики думали, что имъ удалось разгадать сущность вещей.

На сколько правы были въ данномъ случаѣ скептики, видно хотя бы изъ того, что, какъ выражается Рихтеръ, «скептическая изостенія нашла себѣ убѣжище въ самой значительной изъ философскихъ системъ новаго времени» (стр. 183), ибо то, что Кантъ назвалъ «антиноміями чистаго разума», есть не что иное, какъ изостенія древнихъ скептиковъ.

Но громадное отличіе Канта и вообще новой философіи отъ древнихъ скептиковъ заключается въ томъ, что Кантъ и новые философы всѣ свои скептическіе доводы относятъ лишь къ «вещамъ въ себѣ», отнюдь не думая, будто эти доводы наносятъ какой либо ударъ нашему познанію «явленій». Древніе же скептики не знали этого различія между «явленіями» и «вещами въ себѣ», и потому, когда они, напримѣръ, замѣчали, что палка въ одномъ случаѣ кажется прямой, а въ другомъ сломанной, то они и думали, что мы вообще ничего достовѣрнаго о палкѣ знать не можемъ.

Книга Рауля Рихтера (появившаяся въ нѣмецкомъ подлинникѣ въ 1904 г.) уже пользуется среди спеціалистовъ почетною извѣстностью, какъ безпристрастное и полное изложеніе скептицизма, т. е. того философскаго теченія, къ которому слишкомъ часто относятся съ легкомысленнымъ пренебреженіемъ, забывая, что скеп-

тицизмъ всегда является симптомомъ господства какого либо философскаго заблужденія, и, подчеркивая это заблужденіе, дѣлаетъ серьезный шагъ къ его устраненію.

Если древніе скептики сами и не замѣтили заблужденія античной мысли, которая искала лишь познанія сущности вещей, то, во всякомъ случаѣ, своимъ скепсисомъ они сдѣлали невозможными дальнѣйшія догматическія изысканія и, слѣдовательно, подготовили почву для новѣйшаго различенія «явленія» и «вещи въ себѣ».

Эта заслуга скептицизма мастерски выяснена нашимъ авторомъ.

Ф. Ауэрбахъ. Эктропизмъ или физическая теорія жизни. Перев. съ нѣмецкаго І. М. Бикермана. Книгоиздательство „Образованіе". Спб., 1911 г. Цѣна 60 к.

Небольшая по размѣрамъ книга Ауэрбаха представляетъ выдающійся интересъ. Цѣль ея — опредѣлить, уяснить «жизнь». Средство достиженія цѣли—«самыя общія понятія познанія», не имѣющія прямого отношенія ни къ матеріализму и идеализму, ни къ критицизму и позитивизму. Это тѣ понятія, которыя даются теоретической физикой послѣдняго времени. Авторъ книги, профессоръ іенскаго университета, хорошо владѣетъ всѣми методами «холоднаго» научнаго знанія. Но онъ въ то же время и незаурядный мыслитель, который свободно подходитъ къ крупнымъ проблемамъ и, сживаясь съ ними, заражаетъ своими исканіями читателя, во всякомъ случаѣ, дѣйствуетъ на него чрезвычайно плодотворнымъ, возбуждающимъ образомъ.

Въ статьѣ «Царица міра и ея тѣнь» (есть русскій переводъ) Ауэрбахъ далъ мастерское изложеніе основаній ученія объ энергіи и энтропіи. Энергія — богиня — царитъ въ мірѣ. Она—единственно реальное въ жизни нашихъ чувствъ и ощущеній. Передъ лицомъ этой реальности «вещество» изъ теоретико-познавательнаго принципа превращается въ призракъ. Міръ имѣетъ свою конституцію, и принципъ энергіи—вотъ первый ея параграфъ, который до сихъ поръ не былъ нарушенъ, которому, можно надѣяться, удастся подчинить и такъ называемую психическую энергію. Въ «Эктропизмѣ» Ауэрбаха ученіе объ энергіи получаетъ дальнѣйшее и очень своеобразное развитіе. Наряду съ закономъ сохраненія имѣется еще второй параграфъ міровой конституціи, который гласитъ: энергіи присуща тенденція къ измѣненіямъ. Эти измѣненія направлены въ сторону *выравниванія* всѣхъ различій, или иначе, въ сторону *разсѣиванія* энергіи, или еще иначе—въ сторону *обезцѣниванія* энергіи. Этими тремя названіями одинаково выражается процессъ ниспаденія энергіи съ того уровня, на которомъ она въ любой моментъ находится, уменьшеніе ея свободы. То свойство энергіи, благодаря которому

измѣненіе влечетъ за собой уменьшеніе ея способности къ проявленію вовнѣ, называется *энтропіей*. Послѣдняя и есть та тѣнь, которую отбрасываетъ царица міра, тѣнь, которая медленно, но увѣренно возрастаетъ, и предупреждаетъ насъ о томъ, что космосъ идетъ навстрѣчу «вечеру» и что неизбѣжно наступленіе момента, когда тѣнь должна будетъ «все окутать глубокой тьмой». И тогда космосъ, который, съ самаго момента возникновенія изъ хаоса, былъ полонъ напряженій, надеждъ, возможностей, движенія,—вернется къ хаосу. Ибо то, что прошло черезъ цѣпь измѣненій, больше уже неизмѣняемо, оно становится безплоднымъ, и энергія его для космоса обезцѣнена: достигшая максимума энтропія разрушитъ окончательно міръ; однажды заведенные часы,—а вѣдь міръ подобенъ заведеннымъ часамъ,—станутъ въ моментъ, когда вся энергія будетъ разсѣяна.

Итакъ, міръ идетъ по *нисходящей* линіи. Правда, наряду съ процессами нисходящими, процессами обезцѣненія энергіи, въ космосѣ имѣются процессы концентрирующіе, восходящіе. Но первые нормальны, вторые—ненормальны, первые больше связываютъ энергіи, чѣмъ вторые освобождаютъ; и въ суммѣ нисхожденіе превышаетъ восхожденіе. Казалось бы, нѣтъ выхода... Однако, такъ ли это? Нѣтъ ли въ мірѣ чего нибудь такого, что могло бы стать поперекъ дороги, противодѣйствовать разрушающей міръ тенденціи и естественнымъ путемъ, но съ «сверхъестественной мощью» положило бы предѣлъ ея вліянію? *Есть*, говоритъ Ауэрбахъ. Сама природа создала чудесную организацію, которая, такъ сказать, старому принципу обезцѣненія противопоставляетъ новый принципъ восхожденія. И такой организаціей является *жизнь*. Это—фактъ колоссальной важности. Органическая жизнь восполняетъ убывающую мощь царицы міра и укорачиваетъ тѣнь ея. Въ космосѣ, взятомъ въ цѣломъ, нѣтъ развитія въ томъ смыслѣ, въ какомъ о немъ говорится въ біологіи. Развитіе присуще исключительно царству органической жизни. Но что же по существу должно разумѣть подъ развитіемъ? Классъ особыхъ восходящихъ процессовъ, которые поднялись на ступень независимыхъ дѣйствій. Развитіе это—самостоятельный принципъ въ міровомъ процессѣ, который становится рядомъ съ обезцѣниваніемъ и вступаетъ съ нимъ въ борьбу. И разъ считаютъ уже нужнымъ говорить о смыслѣ жизни, то приходится сказать: жизнь это—та организація, которую міръ создалъ для борьбы противъ обезцѣненія энергіи. Развитіе есть увеличеніе сложности, сосредоточеніе и накопленіе энергіи, есть самостоятельное усиленіе энергетической системы, есть, наконецъ, организованная способность дѣйствовать эктропически. И если искать названія для чисто физической или,—по Ауэрбаху это одно и то же,—теоретико-познавательной теоріи жизни, то оно имѣется въ словѣ *эктропизмъ*.

Два потока пересѣкаютъ вселенную: главное теченіе обезцѣненія и встрѣчное теченіе развитія. Первый движется незамѣтно, но неуклонно, подобно глетчеру, только по истеченіи тысячелѣтій достигающему долины; второй бѣжитъ нервно и судорожно, подобно вырывающейся изъ трубы струѣ пара, мгновенными клубами исчезающей и вновь возрождающейся. Это одинъ изъ образовъ, въ которыхъ Ауэрбахъ старается представить *дуализмъ* космоса, родившагося изъ хаоса, изобразить сосуществованіе двухъ противоположныхъ началъ въ энергетической экономіи природы. Мы ограничимся этимъ образомъ. Но тутъ же прибавимъ: Ауэрбахъ *не* усматриваетъ сплошного и рѣзкаго противорѣчія между энтропической природой мертвой матеріи и эктропической способностью живого вещества. Видимая противоположность не исключаетъ нѣкотораго сходства; неорганическое и органическое хотя и отдѣлены другъ отъ друга подвижными границами, но и связаны между собой мостами, переходами. Различнымъ ступенямъ и формамъ жизни отвѣчаетъ, конечно, различная степень эктропической способности. Своей высшей степени эта способность достигаетъ въ человѣкѣ. Послѣдній болѣе всего измѣняетъ характеръ міpового процесса тѣмъ, что строитъ новое царство духа. Воля человѣка это—организующее начало, которое вноситъ порядокъ въ разсыпающуюся храмину космической энергіи и прогоняетъ тьму энтропіи. Гдѣ говорятъ о человѣкѣ, говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ о личности, объ индивидуальности. Личность—могучій источникъ тѣхъ восходящихъ процессовъ, которые позволяютъ намъ, если не быть увѣренными, то надѣяться на то, что освобождающая сила нѣкогда одержитъ побѣду, и міръ станетъ эктропическимъ.

Мы не исчерпали всего содержанія небольшой книги Ауэрбаха. Книга изобилуетъ интересными сопоставленіями, сравненіями, развязывающими мысль, открывающими передъ ней неожиданные горизонты. Она сама въ истинномъ смыслѣ «эктропична»,—такъ много въ ней сосредоточено энергіи. Конечно, и послѣ ознакомленія съ физической теоріей жизни остаются вопросы и сомнѣнія. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ существенныхъ вопросовъ. Если человѣку открыты двѣ возможности,—плыть по теченію добровольнаго нисходящаго процесса и плыть противъ этого теченія, въ восходящемъ направленіи, то почему избираетъ онъ одну возможность, а не другую? Допускаемъ, что, какъ это утверждаетъ Ауэрбахъ, причинность и свобода воли другъ другу не противорѣчатъ, что телеологія это—обращенная въ будущность причинность; однако, эти допущенія не объясняютъ выбора между возможностями, не показываютъ, почему человѣкъ «можетъ нисходящему процессу противопоставить свою волю, логикѣ вещей—свое вдохновеніе». Неразрѣшенными остаются еще и другія сомнѣнія, связанныя съ вопросомъ о происхожденіи, смыслѣ,

цѣли жизни въ равнодушно-безстрастномъ космосѣ. Да и легко ли ихъ разрѣшить, если даже они вообще и разрѣшимы? Но все это не умаляетъ цѣнности мыслей, высказанныхъ Ауэрбахомъ. Нѣмецкая наука и нѣмецкая философія идутъ другъ другу на встрѣчу въ поискахъ новыхъ истинъ и обобщеній. О характерѣ этихъ поисковъ можно, между прочимъ, судить по «Эктропизму» Ауэрбаха, который, не оставляя опытной почвы, жадно вглядывается въ будущее и ждетъ отъ человѣческаго духа величественныхъ подвиговъ.

П. К. Энгельмейеръ. Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній. Книгоиздательство „Образованіе", Спб., 1911. Ц. 1 р.

Заглавіе книги шире содержанія, вложеннаго въ нее. Въ книгѣ много говорится о творческой личности, объ изобрѣтателѣ, объ условіяхъ, при которыхъ изобрѣтеніе становится «здоровымъ», жизненнымъ, практически цѣлесообразнымъ, и очень мало говорится о средѣ. Авторъ правильно замѣчаетъ, что «много, безконечно много мыслей навѣваютъ эти слова: творческая личность и среда». Однако, въ книгѣ эти мысли, къ тому же отрывочныя и бѣглыя, отступаютъ на второй планъ. Во всякомъ случаѣ проблема взаимодѣйствія между творческой личностью и косной консервативной средой, которая боится новшествъ, такими вскользь высказанными мыслями ни въ какой степени не рѣшается.

Но книга Энгельмейера интересна въ другомъ отношеніи. Публика, общество почти не знакомы ни съ тѣмъ міромъ идей, въ которомъ живутъ изобрѣтатели, ни съ тѣми фазами развитія, черезъ которыя проходитъ изобрѣтеніе, раньше чѣмъ оно получаетъ, такъ сказать, право гражданства на рынкѣ всемірнаго состязанія. Публика видитъ готовые плоды технической изобрѣтательности, но отъ ея взоровъ скрытъ процессъ созрѣванія этихъ плодовъ. Энгельмейеръ останавливаетъ наше вниманіе на этомъ процессѣ и вводитъ насъ въ лабораторію технически творческаго духа. Въ своей «Теоріи творчества» Энгельмейеръ показалъ, что въ основѣ всякаго творческаго процесса, а слѣдовательно, и техническаго изобрѣтенія лежитъ особый «трехактъ». Догадка, знаніе и умѣніе— вотъ три члена процесса, которые въ своей совокупности даютъ законченное произведеніе, т. е. изобрѣтеніе науки, искусства, техники. Въ разбираемой теперь книгѣ Энгельмейеръ прослѣживаетъ, какимъ образомъ должны сочетаться три момента творчества—созданіе идеи, выработка плана и выполненіе его—для полученія такъ называемаго «здороваго» изобрѣтенія. Эту задачу авторъ, которому, по его словамъ, «въ теченіе многихъ лѣтъ приходилось имѣть дѣло съ техническими изобрѣтателями», выполняетъ съ той добросовѣстностью и любовью, которыя отвѣчаютъ серьезности пред-

мета. Изобрѣтатели часто переживаютъ крупныя личныя драмы. Быть изобрѣтателемъ скорѣе несчастье, чѣмъ счастье; вѣдь для успѣха здѣсь необходимы не только геніальность (хотя бы въ самой скромной дозѣ), научныя знанія, умѣнье преодолѣть матерію, но еще коммерческая смекалка и, наконецъ, то, что принято обозначать общимъ словомъ «удача». Если одно изъ этихъ условій отсутствуетъ, гложущая изобрѣтателя идея новаго техническаго замысла чаще всего готовитъ ему либо тяжелыя испытанія, либо просто несчастье.

Но изобрѣтатели не только драмы переживаютъ; они играютъ опредѣленную общественную роль. Ложная идея, надъ которой работаетъ мозгъ изобрѣтателя, отнимаетъ не меньше силъ и средствъ, чѣмъ истинная идея. Энгельмейеръ усматриваетъ «гуманную и патріотическую задачу» въ томъ, чтобы по возможности противодѣйствовать такой растратѣ силъ и способствовать ихъ болѣе полезному направленію. Окажутъ ли его разумныя и согрѣтыя сочувствіемъ указанія вліяніе на изобрѣтателей, удержать ли они «несчастныхъ» отъ напрасной траты силъ,—вопросъ спорный. Въ нѣсколькихъ очень любопытныхъ примѣрахъ Энгельмейеръ разсказываетъ, какъ упорны «больные» изобрѣтатели, и какъ дружескіе совѣты оказываютъ на нихъ совсѣмъ обратное дѣйствіе, т. е. усиливаетъ ихъ вѣру въ осуществимость явно неосуществимыхъ или просто ненужныхъ замысловъ. На такихъ одержимыхъ никакая аргументація, конечно, не повліяетъ. Но для другихъ, болѣе спокойныхъ и уравновѣшеннымъ, все то, что говоритъ Энгельмейеръ о здоровомъ и больномъ изобрѣтеніи, будетъ только поучительно. Та общественная роль, которую играетъ «творческая личность», занятая техническимъ изобрѣтеніемъ, естественно заставляетъ обратить вниманіе на вопросъ о желательности и возможности воспитанія творчества.

Энгельмейеръ правильно указываетъ на значеніе въ этомъ случаѣ школы. Живое общеніе съ природой сообщаетъ учащемуся *вѣрное чутье*, которое и подсказываетъ ему, выполнима ли данная идея или нѣтъ. Но школа можетъ и должна сдѣлать больше. Она должна развивать въ воспитанникахъ *догадку*, взращивать въ нихъ ту *способность* къ созданію новыхъ идей, которая является первымъ источникомъ творческаго трехакта. Нынѣшняя школа въ этомъ отношеніи неудовлетворительна. Она убиваетъ догадку, а не поощряетъ ее. Занятая «массовымъ производствомъ» врачей, инженеровъ и т. п., она нивеллируетъ учащихся и менѣе всего возбуждаетъ ихъ самодѣятельность. «Изобрѣтателей слишкомъ много», но обладающихъ вѣрнымъ чутьемъ и догадкой изобрѣтателей сравнительно очень мало. Этому горю могла бы отчасти помочь школа, если бы она въ числѣ прочихъ своихъ цѣлей задалась также цѣлью воспитанія творчества. Конечно, школа не можетъ заронить искру геніальности въ томъ, въ комъ ея нѣтъ отъ природы. Однако

она въ силахъ направлять творческое воображеніе на истинныя, а не ложныя задачи и тѣмъ самымъ ослабить потокъ «больныхъ» изобрѣтеній, который все возрастаетъ.

Заслуживаетъ особаго вниманія тотъ вопросъ, на которомъ останавливаются и великіе, и малые изобрѣтатели, къ которому, несмотря на многократныя неудачи, упорно возвращается безпокойное творческое воображеніе изобрѣтателей. Это вопросъ о *вѣчномъ движеніи* (perpetuum mobile).Откуда берется странная вѣра въ возможность вѣчнаго движенія? Энгельмейеръ думаетъ, что основа этой вѣры физіологическая. Человѣческій организмъ по природѣ своей смѣшиваетъ воспріятіе силы съ воспріятіемъ работы, какъ если бы это были явленія одного и того же порядка, различныя только количествомъ. А разъ такое смѣшеніе имѣетъ мѣсто, то «вѣчное движеніе дѣлается логически необходимымъ», конечно, для того сознанія, которое оказалось неспособнымъ расчленить воспріятій, на самомъ дѣлѣ неоднородныхъ. Изобрѣтатели вѣчнаго движенія встрѣчались прежде, нерѣдки они и теперь. И, что любопытнѣе всего, трудно, даже невозможно разбить ихъ вѣру. Разубѣдить кого-нибудь въ вѣчномъ движеніи такъ же трудно, какъ убѣдить въ законѣ сохраненія энергіи. Основные принципы знанія, говоритъ Энгельмейеръ, не могутъ быть доказаны. Искатели вѣчнаго движенія держатся иной «вѣры», иного «исповѣданья», чѣмъ отрицатели этого движенія. Вотъ почему безнадежны большей частью всѣ попытки, направленныя къ вразумлѣнію такого рода больныхъ изобрѣтателей. Тутъ нужны не логическія доказательства, а убѣжденность, которая дается всей совокупностью научной, вообще духовной культуры. Дѣлу этой культуры служитъ и книга Энгельмейера. Наивныя, мѣстами, мысли автора, а равно и то, что взаимодѣйствіе между личностью и средой не развито надлежащимъ образомъ, не умаляютъ достоинствъ книги, въ которой спеціальная на первый взглядъ тема изложена такъ, что пріобрѣтаетъ общій интересъ.

Ю. Делевскій. Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи. Спб. 1910.

Въ области соціологіи больше, чѣмъ гдѣ-либо, появляется изслѣдованій, обусловленныхъ не столько самымъ предметомъ изслѣдованія, сколько существующими или существовавшими теоріями этого предмета. Анализъ и классификація общественныхъ явленій, если и не совсѣмъ отступаетъ на задній планъ, то попадаетъ въ зависимость отъ болѣе или менѣе враждебно анализуемыхъ теорій. Если же полемика занимаетъ значительное мѣсто, то результаты такого соціологическаго изслѣдованія очень часто сводятся къ постановкѣ отрицаній на мѣстѣ утвержденій въ испытуемыхъ теоріяхъ.

Русская соціологія послѣднихъ лѣтъ была по преимуществу соціологіей полемической, отражая живую полемику общественныхъ отношеній. Наряду съ чрезвычайно слабымъ развитіемъ положительныхъ элементовъ того или иного соціологическаго построенія замѣтно было рѣзкое противопоставленіе одного другому, другого третьему въ ихъ взаимно-отрицающихъ элементахъ. Соціологическія «школы» давали поученіе, а не науку. Подчеркиваніе «объективизма» одними въ пику «субъективизму» другихъ тоже было одною изъ разновидностей поученія.

Изслѣдованіе г. Делевскаго имѣетъ предметомъ какъ разъ тотъ отдѣлъ соціологіи, около котораго сосредоточено наибольшее количество полемики. Г. Делевскій преслѣдуетъ задачу найти мѣсто классовой борьбы въ ряду другихъ соціальныхъ антагонизмовъ. При этомъ онъ заявляетъ, что «на первомъ планѣ въ книгѣ стоитъ положительное изслѣдованіе» (предисл.).

Книга открывается широкимъ обобщеніемъ космологическаго характера: антагонизмы и борьба происходятъ повсюду, потому что повсюду существуютъ различія въ признакахъ, свойствахъ и положеніяхъ тѣлъ; «атомы борятся съ атомами», клѣточки организма между собою, химическіе элементы другъ съ другомъ, «море борется съ сушею» и т. д. (стр. 4 — 5). Не останавливаясь на отдѣльныхъ опредѣленіяхъ, которыя даетъ г. Делевскій входящимъ въ составъ этого обобщенія терминамъ, можетъ быть, слѣдуетъ отмѣтить, что, даже принимая данное имъ опредѣленіе антагонизма, какъ «стремленія къ противоположнымъ дѣйствіямъ», едва ли можно, вслѣдъ за авторомъ, признать всеобщность антагонизмовъ и борьбы въ природѣ больше, чѣмъ «простой литературой» (10). Во всякомъ случаѣ здѣсь можно легко очутиться во власти простого антропоморфизма. Не менѣе метафорически звучитъ и понятіе «борьбы за индивидуальность» въ приложеніи къ сохраненію или разрушенію «основнаго признака» всякаго предмета (стр. 8).

Общество со всѣми антагонизмами, ему свойственными, представляетъ только часть обширнаго мірового комплекса. Оно и само по себѣ не есть «единый комплексъ», а «комплексъ комплексовъ» (240). «Простѣйшимъ» (?) элементомъ общественнаго бытія является дѣйствующая личность съ ея индивидуальными и групповыми признаками. «Каждый индивидуумъ является одновременно членомъ нѣсколькихъ группъ, біологическихъ или соціальныхъ, изъ которыхъ каждая характеризуется особымъ типическимъ признакомъ» (11). Такъ, индивидуумъ не можетъ быть... одновременно мужчиною и женщиной... Но, въ виду разнообразія признаковъ и интересовъ, индивидуумъ можетъ входить... одновременно въ нѣсколько соціальныхъ группъ разнаго типа» (28).

Таковы самыя общія положенія г. Делевскаго, служащія переходомъ отъ космологіи къ соціологіи и, въ частности, къ вопросу

о мѣстѣ, занимаемомъ классовой борьбой въ ряду соціальныхъ антагонизмовъ. Соціологія, понимаемая г. Делевскимъ, какъ философія исторіи, имѣетъ дѣло съ чрезвычайно сложной совокупностью отношеній: „въ исторіи выступаютъ и дѣйствуютъ расы, націи, племена и семейные союзы; группы, объединенныя общностью пола, и группы, объединенныя общностью возраста; общества, касты, сословія, классы; политическіе организмы: государства, правящія корпораціи, династіи; религіозныя общества, церкви, секты; партіи, идейные союзы и многія другія соціальныя группы, постоянныя или временныя, возникающія и функціонирующія для осуществленія тѣхъ или другихъ матеріальныхъ либо идеологическихъ цѣлей“ (26). Разрѣшая задачи удовлетворенія различныхъ *потребностей* человѣка, всѣ эти соціальныя группы вступаютъ между собой въ тѣ или иныя отношенія антагонизма и солидарности.

Всѣ эти общія положенія, равно какъ и обстоятельныя опредѣленія каждаго изъ отдѣльныхъ терминовъ, входящихъ въ общую характеристику, служатъ у г. Делевскаго только вступленіемъ въ подробный анализъ историческихъ фактовъ, долженствующихъ иллюстрировать многообразіе соціальнаго процесса. Къ сожалѣнію, именно здѣсь съ нашимъ авторомъ и происходитъ то, чего можно было опасаться съ самаго начала. Отъ ничего не говорящихъ постулатовъ и опредѣленій г. Делевскій не переходитъ непосредственно къ анализу и описанію соціальныхъ антагонизмовъ, а погружается въ кропотливый анализъ теоріи классовой борьбы, какъ она представлена въ школѣ, такъ называемаго, „экономическаго матеріализма“. А разъ вступивъ на этотъ путь, г. Делевскій уже не можетъ освободиться отъ послѣдствій своей полемики: громадное количество историческихъ фактовъ, которое онъ съ большой эрудиціей перебираетъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи, пріобрѣтаетъ значеніе только свидѣтельскихъ показаній противъ историческаго матеріализма.

Нельзя, конечно, отрицать значенія такой отрицательной работы, но все-таки было бы, несомнѣнно, предпочтительнѣй, если бы въ книгѣ г. Делевскаго дѣйствительно „на первомъ планѣ“ стояло „положительное изслѣдованіе“.

Можетъ быть, однако, изъ тѣхъ отрицательныхъ показаній, которыя собираетъ г. Делевскій, возможны какіе-нибудь выводы положительнаго свойства? Отношеніе автора „Соціальныхъ антагонизмовъ“ къ экономическому матеріализму и классовой борьбѣ резюмировано имъ самимъ въ такихъ выраженіяхъ: „Претензія на монополію экономическихъ интересовъ, хотя бы и въ „послѣднемъ счетѣ“, должна быть отвергнута, претензія на монополію классовыхъ интересовъ должна быть вдвойнѣ отвергнута“ (39)... „Классовый антагонизмъ и классовая борьба... составляютъ лишь одинъ изъ многихъ видовъ антагонизма и борьбы, какіе знаетъ

исторія“ (54). Соотвѣтственно этому отношенію группировка историческихъ фактовъ идетъ у г. Делевскаго примѣрно такъ. Если взять такой распространенный въ исторіи фактъ, какъ война, то ее, какъ борьбу между странами или націями, ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать классовой борьбой (55). Христіанство, при своемъ возникновеніи, объединяло въ религіозной солидарности представителей различныхъ классовъ и сословій (76). Другого рода солидарность существуетъ между классами одной и той же націи, если послѣдняя подвергается угнетенію (130). Такія личности, какъ Цезарь, Кромвель, Наполеонъ, не были выдвинуты какимъ-нибудь опредѣленнымъ классомъ или экономическимъ интересомъ страны (199). „Въ каждую эпоху королевская власть вступаетъ къ любому классу въ отношенія то солидарности, то антагонизма“ (204). Вообще же политическіе антагонизмы рѣдко совпадаютъ съ классовыми (217). Отсюда г. Делевскій переходитъ къ положительному выводу о роли *силы* въ исторіи. Формы римскаго деспотизма, роль средневѣковаго дворянства, происшедшаго, главнымъ образомъ, отъ рабовъ и вольноотпущенниковъ германскихъ военачальниковъ-королей, даютъ по его мнѣнію, картину, „довольно близко подходящую къ воззрѣнію Дюринга на роль *силы* въ исторіи“ (224).

Если указаніе на роль „силы“ въ исторіи и отличается слишкомъ общимъ характеромъ, все же его можно признать указаніемъ положительнаго свойства, позволяющимъ болѣе самостоятельно оріентироваться въ многообразіи историческаго процесса. Г. Делевскій очень удачно пользуется этимъ указаніемъ, разбирая теорію Штаммлера о формальномъ характерѣ государственнаго элемента въ обществѣ: „Политико-правовая организація общества,—говоритъ онъ,—осуществляется при помощи государственной власти, которая есть не только *форма*, но и *сила*“ (242). Такъ, „судьба римскаго колоната представляетъ яркій примѣръ того, какимъ образомъ сила государственной власти можетъ создать новый классъ безправныхъ людей чисто законодательнымъ путемъ“ (315).

Не входя, однако, въ болѣе обстоятельный анализъ „силы“ въ ея взаимодѣйствіи съ другими факторами историческаго процесса, г. Делевскій снова и снова возвращается къ историческому матеріализму. Онъ энергично вооружается противъ того положенія марксизма, по которому формы классоваго господства смѣняются въ опредѣленной исторической послѣдовательности. Такъ, во многихъ случаяхъ крѣпостничество не было эволюціей рабства въ высшее состояніе, а „прямымъ превращеніемъ свободныхъ людей въ полусвободное состояніе“ (290). Онъ возстаетъ противъ предразсудка, распространеннаго не только среди марксистовъ, относительно того, что рабство было условіемъ культурнаго прогресса. Въ Африкѣ, Океаніи рабство длилось вѣка, не

выводя народы изъ варварскаго состоянія. Наоборотъ, были высокіе типы цивилизаціи въ Египтѣ, Вавилонѣ, Ассиріи при незначительномъ развитіи рабства (290—302). Примыкая къ теоріи Тарда, г. Делевскій даетъ, между прочимъ, такое заключеніе о рабствѣ и крѣпостничествѣ: и рабство, и крѣпостничество—*изобрѣтенія*, въ силу опредѣленной иниціативы нашедшія *подражаніе* и поэтому ставшія *традиціей*. Что же касается причинъ, по которымъ въ однихъ случаяхъ укрѣплялось изобрѣтеніе рабства, въ другихъ—крѣпостничества, то г. Делевскій ихъ относитъ къ *индивидуальнымъ* особенностямъ даннаго общественнаго конгломерата, особенностямъ, не допускающимъ соціологическаго объясненія.

Увлеченный сводомъ отрицательныхъ показаній по адресу экономическаго матеріализма, г. Делевскій такъ-таки и не даетъ обѣщанной имъ «схемы характеристическихъ моментовъ и основанной на ней системы сложныхъ формъ антагонизма и солидарности» (238), по какому нибудь цѣльному, единому плану. Измѣряя общественныя отношенія то съ точки зрѣнія потребностей, то съ точки зрѣнія факторовъ и силъ, онъ не отводитъ опредѣленныхъ границъ указываемымъ «характеристическимъ моментамъ», такъ что остается недоумѣвать, какое, напр., отношеніе существуетъ между «силой», «политическимъ факторомъ», «государствомъ» или между «потребностью», «интересомъ», «подражаніемъ», и т. д.: имѣетъ ли здѣсь мѣсто отношеніе общаго къ частному, главнаго ко второстепенному? Было бы, конечно, очень цѣнно систематическое описаніе сложныхъ формъ общественныхъ антагонизмовъ и солидарности; научная философія признаетъ даже такое «чистое описаніе» идеаломъ науки, отвергая претензіи на безусловныя обобщенія; но простое перечисленіе терминовъ соціологическаго характера слишкомъ далеко отъ такого «чистаго описанія».

Несомнѣнно, однако, что книга г. Делевскаго представляетъ извѣстный вкладъ въ анализъ, такъ называемаго, историческаго матеріализма.

Бэмъ-Баверкъ. Капиталъ и прибыль. Исторія и критика теорій процента на капиталъ. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія. Л. І. Форберта. Спб. 1909. Цѣна 3 руб.

Какъ правильно указывается въ предисловіи къ русскому переводу, «книга Бэмъ-Баверка принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя не нуждаются въ рекомендаціи; ея репутація прочно установилась во всемъ мірѣ, какъ одного изъ тѣхъ научныхъ произведеній, которыя по справедливости называютъ классическими»..

Сочиненіе Бэмъ-Баверка состоитъ изъ двухъ частей: въ первой дается изложеніе и критика существовавшихъ и существующихъ теорій прибыли съ капитала, во второй авторъ излагаетъ свое собственное ученіе о капиталѣ и прибыли. Русскій переводчикъ по-

ступилъ вполнѣ правильно, ограничившись одной лишь первой частью, которая и такъ составила объемистый томъ въ 644 страницы. Собственная теорія автора, сводящаяся къ тому, что прибыль есть результатъ различія между оцѣнкой тѣхъ предметовъ, которыми мы обладаемъ въ настоящее время, и тѣхъ, которыми мы сможемъ пользоваться въ будущемъ, хотя и оригинальна, но на столько безжизненна, на столько находится внѣ всякой связи съ окружающей насъ дѣйствительностью, что едва-ли можетъ имѣть большое научное значеніе. Напротивъ, лежащая предъ нами первая часть сочиненія знакомитъ читателя со всевозможными направленіями и взглядами въ области проблемы о прибыли и съ цѣнными, блестяще написанными критическими сужденіями Бемъ-Баверка объ этихъ теоріяхъ. Съ критикой его можно, конечно, не соглашаться, можно стоять на совершенно иной точкѣ зрѣнія, но едвали можно отказать автору въ мастерствѣ изложенія, въ логической силѣ и ясности его взглядовъ. Представителямъ современной философіи, пишущимъ туманно, доступнымъ лишь для немногихъ спеціалистовъ слогомъ, есть чему поучиться у Бэмъ-Баверка. При чрезвычайной сложности и запутанности самой проблемы прибыли, пробираясь чрезъ всѣ тонкости терминологіи, авторъ излагаетъ и свои, и чужія мысли поразительно ясно и понятно; абстрактныя философскія построенія, ясныя автору, становятся ясными и читателю.

Къ сожалѣнію, Бэмъ Баверкъ заканчиваетъ, въ сущности, книгу критикой теорій начала 80-хъ годовъ, когда появилось первое изданіе его сочиненія. Хотя переводъ и сдѣлалъ со второго изданія, вышедшаго въ 1900 году, но теоріи прибыли 80-хъ и 90-хъ годовъ изложены чрезвычайно кратко и поверхностно, въ особомъ приложеніи, имѣющемъ мало цѣнности. Авторъ боялся ихъ внести въ текстъ и продолжить изложеніе съ того мѣста, гдѣ онъ закончилъ каждую группу теорій въ первомъ изданіи, ибо въ этомъ случаѣ осталось бы невыясненнымъ вліяніе его собственнаго ученія, напечатаннаго въ 1889 г., на послѣдующіе взгляды различныхъ авторовъ о прибыли. Однако, даже изъ этихъ опасеній, едва ли правильныхъ, не вытекала вовсе необходимость отдѣлаться отъ большинства теорій, появившихся за послѣднее время, немногими словами, скомкать весь новѣйшій періодъ до неузнаваемости.

Названіе книги (первой части): «Исторія и критика теорій процента на капиталъ» не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Исторію мы находимъ лишь на первыхъ страницахъ, въ дальнѣйшемъ ея вовсе нѣтъ. Начиная съ Адама Смита, авторъ при анализѣ отдѣльныхъ группъ теорій нигдѣ не дѣлаетъ даже попытки выяснить, чѣмъ вызвано появленіе того или иного взгляда на прибыль, въ какой связи данное ученіе находится съ экономической жизнью данной эпохи. Всего этого для него не существуетъ. Мало того, даже тамъ, гдѣ онъ самъ замѣчаетъ принципіальную перемѣну въ основномъ взглядѣ на прибыль, въ теоріяхъ такъ наз. эклектиковъ

къ концу XIX вѣка, онъ не старается объяснить ее какими-либо перемѣнами, происшедшими въ хозяйственномъ развитіи, и поэтому не въ состояніи понять этихъ новыхъ направленій: онъ видитъ въ нихъ (напр. у Дицеля, Лексиса и др.) одну лишь непослѣдовательность.

При всемъ томъ, всякій, интересующійся вопросами экономической теоріи, долженъ ознакомиться съ воззрѣніями этого выдающагося мыслителя, и поэтому появленіе русскаго перевода книги Бэмъ-Баверка можно только привѣтствовать. Переводъ, дѣло, въ данномъ случаѣ весьма нелегкое, выполненъ вполнѣ добросовѣстно.

Русскіе учителя за границей. Годъ второй. Изданіе Коммиссіи по организаціи образовательныхъ экскурсій при Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній. М. 1911. Стр. 282+336+X. Ц. 1 р. 60 к.

Въ прошломъ году намъ уже приходилось по поводу выпущеннаго создавшейся въ Москвѣ Коммиссіей по организаціи образовательныхъ экскурсій отчета говорить о дѣятельности этого любопытнаго и симпатичнаго учрежденія, поставившаго своей задачей устройство, безъ извлеченія матеріальныхъ выгодъ въ свою пользу, возможно болѣе дешевыхъ коллективныхъ образовательныхъ экскурсій за-границу для недостаточныхъ слоевъ населенія, главнымъ образомъ для народныхъ учителей. Теперь вышелъ изъ печати отчетъ той же Коммиссіи за второй годъ ея дѣятельности, 1910-й, и этотъ новый отчетъ не менѣе интересенъ, чѣмъ первый. Дѣло, начатое Коммиссіей, видимо, растетъ и развивается. Растетъ прежде всего число лицъ, обслуживаемыхъ Коммиссіей. Въ 1909 г. въ организованныхъ ею образовательныхъ экскурсіяхъ за-границу приняло участіе около 1200 человѣкъ, а въ 1910 г. такихъ лицъ было уже болѣе 1650. Вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ дѣла сказался и въ усовершенствованіи его организаціи. Воспользовавшись опытомъ предыдущаго года, указавшимъ на нѣкоторые дефекты въ постановкѣ экскурсій, Коммиссія произвела теперь въ этой постановкѣ рядъ соотвѣтственныхъ улучшеній. Такъ, руководство культурной стороной экскурсій было передано на мѣста, куда направлялись послѣднія, спеціально приглашеннымъ для этой цѣли лицамъ, а завѣдываніе хозяйственной стороной было отдѣлено отъ такого культурнаго руководства и поручено представителямъ Коммиссіи на мѣстахъ и спеціальнымъ проводникамъ, сопровождавшимъ каждую группу экскурсантовъ во время ея путешествія. Съ другой стороны, въ связи съ указаніями, данными кампаніей предыдущаго года, Коммиссіей были пересмотрѣны самые типы поѣздокъ и наряду съ главнымъ типомъ общеобразовательныхъ экскурсій, въ маршрутахъ которыхъ было нѣсколько сокращено количество осматриваемыхъ городовъ, были установлены еще два типа: поѣздокъ, предпринимаемыхъ ради спе-

ціальнаго знакомства съ какой-либо отраслью знанія, и поѣздокъ, разсчитанныхъ на доставленіе ихъ участникамъ болѣе продолжительнаго отдыха гдѣ-нибудь на лонѣ природы. Правда, спеціальныхъ поѣздокъ на 1910 годъ было намѣчено только двѣ — для ознакомленія съ искусствомъ и съ постановкой школьнаго дѣла, и изъ этихъ двухъ поѣздокъ удалось осуществить на дѣлѣ одну послѣднюю, но руководители Коммиссіи совершенно правы, отмѣчая въ своемъ отчетѣ, что именно этотъ типъ спеціальныхъ поѣздокъ представляетъ на практикѣ наибольшія затрудненія, благодаря чему уже и одну осуществленную поѣздку такого типа приходится разсматривать, какъ нѣкоторый успѣхъ. Въ общемъ, если принять во вниманіе, что Коммиссія въ истекшемъ году дала возможность своимъ кліентамъ совершить рядъ заграничныхъ поѣздокъ, продолжавшихся отъ 25 до 45 дней, сопровождавшихся раз личными лекціями и объясненіями и потребовавшихъ отъ каждаго участника расхода всего въ 80—185 р., нельзя не признать, что ею было выполнено серьезное культурное дѣло.

Правда, не все въ этомъ дѣлѣ и въ минувшемъ году прошло гладко. И прежде всего предпріятіе Коммиссіи встрѣтилось на своемъ пути опять-таки съ тѣми препятствіями, которыя роковымъ образомъ тормазятъ всякое культурное начинаніе въ Россіи и силу которыхъ уже и раньше Коммиссіи довелось извѣдать на собственномъ опытѣ. Въ 1909 г. она была вынуждена подъ угрозой отнятія у ея кліентовъ обѣщанной имъ льготы въ видѣ выдачи коллективныхъ заграничныхъ паспортовъ отказаться отъ устройства намѣченныхъ было поѣздокъ въ Парижъ и Лондонъ. Въ прошломъ году въ результатѣ простого недоразумѣнія (въ одномъ московскомъ учрежденіи, аналогичномъ, но не тожественномъ съ Коммиссіей, былъ произведенъ обыскъ, а газеты по ошибкѣ сообщили объ обыскѣ въ Коммиссіи) ей передъ самымъ началомъ экскурсій было категорически отказано въ выдачѣ ея кліентамъ коллективныхъ паспортовъ. Вслѣдствіе этого многіе записавшіеся уже было на экскурсіи сельскіе учителя, которымъ не подъ силу были хлопоты и расходы, связанные съ полученіемъ индивидуальныхъ заграничныхъ паспортовъ, отказались отъ участія въ поѣздкахъ, и Коммиссіи пришлось ради спѣшнаго заполненія убылыхъ мѣстъ допустить къ участію въ экскурсіяхъ, помимо педагоговъ и фельдшеровъ, еще и частныхъ лицъ, которыхъ она первоначально не предполагала включать въ число своихъ кліентовъ. Въ конечномъ счетѣ, въ то время, какъ въ 1909 г. учащіе составляли 90% всѣхъ участниковъ экскурсій, въ 1910 г. составъ этихъ участниковъ распредѣлился слѣдующимъ образомъ: на долю учащихъ различныхъ начальныхъ школъ приходилось 43,8% (въ томъ числѣ на долю учителей и учительницъ сельскихъ школъ—17,1%), на долю учащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — 18,5%, фельдшерскаго персонала — 4,1%, учащихся — 14,5% и частныхъ

лицъ—19,1%. Иначе говоря, учителя сельскихъ школъ составили немного болѣе шестой части общаго числа кліентовъ Коммиссіи, вообще учителя начальныхъ школъ—меньше половины этого числа, а больше трети лицъ, воспользовавшихся услугами Коммиссіи, явилось частными лицами, не имѣвшими никакого отношенія ни къ фельдшерамъ, ни къ школѣ, хотя бы даже средней. На практикѣ это отразилось большою разнородностью и даже пестротой состава отправлявшихся въ экскурсіи группъ, что въ свою очередь, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ Коммиссіи, замѣтно сказывало неблагопріятное вліяніе и на характеръ экскурсій, и на взаимныя отношенія экскурсантовъ. Въ то время, какъ большая часть лицъ педагогическаго и фельдшерскаго персонала смотрѣла на экскурсіи серьезно и заранѣе готовились къ нимъ, большинство частныхъ лицъ видѣло въ этихъ экскурсіяхъ ничто иное, какъ способъ совершить удешевленнымъ способомъ увеселительную поѣздку, и это различіе интересовъ неизбѣжно всплывало наружу и проявлялось въ весьма явственныхъ формахъ. Въ виду этого едва-ли правильно, думается намъ, поступаетъ Коммиссія, собираясь и въ настоящемъ году открыть доступъ въ число экскурсантовъ частнымъ лицамъ. Идя по этому пути, на который ее толкаютъ исключительно соображенія матеріальнаго характера, она рискуетъ черезчуръ далеко отойти отъ первоначально поставленной ею себѣ задачи «внести нѣкоторую струю западной культуры въ деревню черезъ людей, ближе всего къ ней стоящихъ». Отчетъ Коммиссіи намѣчаетъ, со словъ частью руководителей экскурсіями, частью самихъ экскурсантовъ, и нѣкоторые другіе недостатки въ постановкѣ дѣла за прошлый годъ, но эти недостатки имѣютъ уже второстепенное значеніе. Наличность ихъ во всякомъ случаѣ не помѣшала тому, что въ отвѣтахъ на разосланные Коммиссіей опросные листки 90% отвѣтившихъ экскурсантовъ признали экскурсіи имѣвшими для нихъ образовательное значеніе и выразили готовность опять воспользоваться услугами Коммиссіи и при ея содѣйствіи совершить поѣздку съ образовательной цѣлью.

Къ обстоятельному отчету, изданному Коммиссіей, приложены правила записи въ число экскурсантовъ, маршруты экскурсій, предположенныхъ въ настоящемъ году, и рядъ статей на разныя темы, принадлежащихъ перу лицъ, являвшихся руководителями экскурсій на мѣстахъ въ прошломъ году. Для тѣхъ читателей, которые не собираются стать кліентами Коммиссіи, большинство этихъ статей не представляетъ особаго интереса, но самый отчетъ Коммиссіи, рисующій живую и яркую картину развитія новаго у насъ культурнаго дѣла, безусловно заслуживаетъ вниманія со стороны всѣхъ, кого интересуютъ вопросы образованія въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріообрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. В. М. Саблина. М. 1910.— ***Джекъ Лондонъ***. Собака привидѣніе. Пер. М. Языкова. Ц. 1 р. — ***Гекторъ Мало***. Книга 1-я и 2-я. Пер. В. Займовской. Ц. 2 р.—Избранныя стихотворенія для дѣтей. Книга 1-я. Ц. 60 к.—Книги для раскрашиванія по 50 и 75 к.—***М. Галевичъ*** и ***П. Стахевичъ***. Польскія народныя легенды о Богородицѣ. Пер. В. Ходасевичъ. Ц 1 р.

Изд. Т-ва „Знаніе". Спб. 1910.— XXXIII Сборникъ Т-ва Знаніе за 1910 г. Ц. 1 р.—***М. Коцюбинскій***. Разсказы. Т. I. Съ украинскаго. Пер. М. Могилянскаго. Ц. 1 р.

Изд. „Посредникъ". М. 1910. — ***В. Донъ*** и ***Ф. Тиннеръ***. Наглядная географія. Ц. 55 к.—***В. Кембель***. Наглядная геометрія. Ц. 1 р.—***Н. А. Рубакинъ***. Янъ Амосъ Коменскій. Ц. 12 к.—***Его же***. Исторія маленькаго человѣка. Ц.17 к.— ***Л. Н. Толстой***. Единая заповѣдь. Ц. 20 к. — ***Его же***. Благодарная почва. Ц. 7 к.— ***Его же***. Ученіе Христа изложенное для дѣтей. Ц. 18 к.—Маякъ №№ 8, 9. 10 и 11.—Свободное воспитаніе №№ 11 и 12 и за 1911 г. № 1 и 2.— Сельскій и деревенскій календарь за 1911 г.—Календарь для каждаго за 1911 г. ***В. Лукьянская***. Тысяча лѣтъ назадъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 30 к.— ***П. Штормъ***. Безъ вѣсти пропавшій. Изд. 3-е. Ц. 30 к.—***Л. Толстой***. Кругъ чтенія. Т. II. В. I. Ц. 40 к.—***Е. Симонъ***. Школа и хлѣбъ. Ц. 25 к.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1910.— ***В. Э. Боцяновскій***. Богоискатели. Ц. 1 р. 25 к.—***К. К. Флугъ***. Викинги и Русь.

Изд. „Вятскаго Т-ва". Спб. 1911.— ***С. Слобожанскій***. Италія. Ч. 2-я. Ц. 65 к.

Изд. Н. Н. Клочкова. М. 1911.— ***Ю. Энгель***. Очерки по исторіи музыки. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во П. П. Сойкина. Спб. 1911.— Л. Толстой, жизнь и творчество. В. III.

Кн-во „Образованіе" Спб. 1911.— ***Генр. Риккертъ***. Наука о природѣ и наука о культурѣ. Пер. С. О. Гессена. Ц. 85к.—***П. К. Энгельмейеръ***. Руководство къ привилегированію изобрѣтеній. Ц. 80 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1911.— ***И. Данилинъ***. Разсказы. Кн. III. Ц. 1 р.—***И. И. Игнатовичъ***. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.—***Н. Н. Златовратскій***. Какъ это было. Очерки и воспоминанія изъ шестидесятыхъ годовъ. Ц. 1 р.—***Н. П. Полянскій***. Уголовный процессъ. Ц. 50 к.—***Н. Рождественскій***. Сборникъ задачъ и вопросовъ по природовѣдѣнію. 2.е изд. Ц. 25 к.- ***В. А. Бутенко***. Краткій очеркъ исторіи русск. торговли въ связи съ исторіей промышленности. Ц. 60 л.—Альбомъ свящ. картинъ. Ц. 15 к.—***А. П. Афонскій***. Ник. Ив. Пироговъ. Ц. 30 к.—***Н. В. Тулуповъ*** и ***П. М. Шестаковъ***. Третья ступень въ литературу. Хрестоматія. Ц. 1 р. 40 к.— Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ настоящемъ и прошломъ. Т. I и II.

Кн-во «Воскресеніе». Спб.—Послѣдніе дни Л. Н. Толстого. Съ портретомъ біограф. очеркомъ и статьями разныхъ авторовъ. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1911. — ***Джонъ Макгованъ***. Китайцы у себя дома. Очерки семейн. и обществ. жизни. Пер. В. В. Ламанскаго Ц. 3 р.

М. А. Круковскій. Родная жизнь. Разсказы по родиновѣдѣнію. Ц. 1 р. 60 к.

Кн-во Т-во «Просвѣщеніе». Спб. 1911.— ***В. Г. Танъ***. Восемь племенъ. Ц. 1 р. 25 к. ***Леонидъ Андреевъ***, Собр. сочин. Разсказы, очерки, статьи. Ц. 1 р. 25 к.—***В. Г. Вольтеръ***. Музыкальное образованіе любителя. Изд. 2-е. Ц. 1 р.—***Р. Т. Сѣверцовъ - Полиловъ***. Странички прошлаго. ***Его же***. Сказки и были. — ***С. Карасевичъ-Ющенко***. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р.—***В. Г. Танъ***. Собр. соч. Т. V. Американскіе разсказы. Ц. 1 р.— ***А. В. Амфитеатровъ***. Собр. соч. Отравленная совѣсть. Романъ. Ц. 1 р.

50 к. - ***Сем. Юшкевичъ***. Комедія брака. Ц. 60 к.

Изд. Т-во „Обществ. Польза". Спб. 1911.—***Теодоръ Гомперцъ***. Греческіе мыслители. Т. I. Пер. Е. Герцыкъ и Д. Жуковскій. Ц. 2 р. 75 к.—***Б. С. Бычковскій***. Современная философія. Ч. 1-я. Проблема матеріи и энергіи. Ц. 2 р.

Кн-во „Атенеумъ". М. 1911.—***Израэль Зангвиль***. Собр. соч. Т. II. Мечтатели и фантазеры Гетто. Ц. 1 р.—Т. III. Плащъ пророка. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Бернаръ Шоу. Женщина съ саблей. Злободневный очеркъ. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1911.—***Өедоръ Сологубъ***. Собр. соч. Т. X. Ц. 1 р. 50 к.—***Ал. Ремизовъ***. Сочин. Т. 2-й. Ц. 1 р. 25 к.—***К. Чуковскій***. Критическіе разсказы. Кн. 1-я. Ц. 1 р. 25 к.—***Гюи де-Мопасанъ***. Полное собр. соч. Т. XIV. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Освобожденіе". Спб. 1911 г.—***Н. Олигеръ***. Праздникъ весны. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.—***И. Василевскій***. (Не Буква). Житейское кабаре. Ц. 1 р. 25 к.- ***Евг. Аничковъ***. Предтечи и современники. Ц. 2 р. 50 к.

Кн-во „Современныя проблемы." М. 1911.—***Бласко Ибаньесъ***. Собр. соч. Т. IV. Винный складъ. Пер. М. Ватсонъ. Ц. 1 р.—Т. V. Куртизанка Сонника. Пер. Ол. Семеновой. Ц. 1 р.—Т. VII. Толедскій соборъ. Пер. З. Венгеровой. Ц. 1 р.—***Томасъ Маннъ***. Собр. соч. Т. IV. Паденіе одной семьи. Пер. Берманъ. Ц. 1 р. 25 к.—***Томасъ Гарди***. Собр. соч. Т. I. Настоящая женщина. Пер. Л. П. Никифорова. Ц. 1 р. 25 к.—***Авг. Стринбергъ***. Собр. соч. Т. XIII. Развитіе народной души (Романъ). Мастеръ Улофъ (Драма). Пер. Ан. Липшицъ. Ц 1 р. 25 к.—***Вл. Реймонтъ***. Мужики. 3 тома. Ц. 3 р. 75 к. Пер. М. Троповской.—***М. Конопницкой***.. Собр. соч. Т. I. На Нормандскомъ берегу. Пер. М. Троповской. Ц. 1 р.—***Шоломъ-Алейхемъ***. Собр. соч. Т. IV. Записки комми-вояжера. Пер. Ю. Ионуса Ц. 1 р. —***Францъ фонъ-Винкель***. Общая гинекологія. Изученіе женщины. Пер. д-ра Н. А. Мусатова. Пред. пр. П. Побѣдинскаго. Ц. 3 р.

Изд. „Посѣвъ" Спб.—***Ал. Лунде-гордъ***. На смертномъ одрѣ. Романъ изъ жизни Г. Гейне. Пер. М. Благовѣщенской Ц. 1 р.

Пав. Зайкинъ. Разсказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

С. Р. Минцловъ. Литва. Историческая новѣсть. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Мищенко-Атэ. День испытанія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Густ. Зелинскій. Киргизъ. Поэма. Пер. Г. Гребенщикова. Томскъ. 1910. Ц. 60 к.

Вл. Гессенъ. Желтыя листья. Стихотворенія. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Ал. Гангелинъ. Четвертая симфонія Чайковскаго въ стихахъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. Бурнакинъ. Разлука. Пѣсенникъ. М. 1910. Ц. 50 к.

Е. Курловъ. Ира. Вторая книга разсказовъ. М. 1911. Ц. 85 к.

М. Линтваревъ. Въ чемъ счастье. Сцены изъ жизни. М. 1909. Ц. 25 к.

А. М. Гущинъ. Новые разсказы. Спб. 1911. Ц. 75 к.

В. П. Городня. Цвѣтки и ягодки. Царицынъ 1911 Ц. 1 р. 50 к.

И. Сильченко. Некараемыя закономъ убійства. Разсказъ. Од. 1911. Ц. 40 к.

Джіовани. (И. А. П-скій). Маленькіе разсказы. Стихи. Никол. Ц. 50 к.

Н. Е Поповъ. Лили (власть женщины). Романъ. М. 1911. Ц. 1 р.

Н. Кашнаровъ. Повѣсти, разсказы и драмат. произведенія. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Хр. Сперанская. Мои пѣсни. Стихотвор. М. 1911. Ц. 65.

Жоз. Бетлеръ. Воспоминанія и мысли. Пер. Е. Корнелли. Од. 1911. Ц. 1 р.

Ник. Палигинъ. Кровь. Разсказъ. 1911. Ц. 10 к.

Звуки былого. Новозыбковъ. 1910. Ц. 85 к.

Тевтонскіе Крестоносцы. (1410—1910). Н. Новгородъ. 1910. Ц. 10 к.

Винт. Евтихіевъ. Reqiuem. М. 1910. Ц. 75 к.

Н. И. Пироговъ. Сочиненія 2 т. Кіевъ. 1910. Ц. 3 р.

Е. Спекторскій. Проблемы соціальной физики въ XVII ст. Т. I. Варш. 1910. Ц. 3 р.

А. Флоровскій. Изъ исторіи Екатерининской законодательной Коммиссіи. 1767 г. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Од. 1910.

Василій Темный. Современный Моисей. М. 1910. Ц. 40 к.

С. Прокоповичъ. Проблемы соціализма. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Версъ. Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общит. инстинктовъ. 1908. Ц. 40 к.—***Его-же***. Борьба за существованіе на небѣ. 1906

Ц. 20 к.—***Его же.*** Естественная исторія чорта. 1908 г. Ц. 30 к.

И. Линниченко. Альфредъ де Мюссе. 1810—1910. Од. 1910.

Энциклопедія сценическаго образованія. Костюмъ. Подъ ред. Ѳ. Коммисаржевскаго. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

Арк. Петровъ. Китай за послѣднее десятилѣтіе. Спб. 1910. Ц. 1 р. 30 к.

Проф. ***Р. Випперъ.*** Очерки теоріи историческаго познанія. М. 1911 Ц. 1 р.

Сборникъ Т-ва „Прогрессъ". Т. I. М, 1911. Ц. 1 р. 25 к.

А. Львовъ. Въ странѣ Амонъ-Ра (очерки Египта). Спб. 1911.

М. Солнскій. Раскрѣпостите дѣтей. Спб. 1911.

Д. И. Малининъ. Что читать по русск. литературѣ XIX в. М. 1911. Ц. 40 к.

I. Войтинскій. Стачка и рабочій договоръ по русскому праву. Спб. 1911. 50 к.

А. Фортунатовъ. О статистикѣ. Учебное пособіе. Изд. 2-е. М. 1910. Ц. 30 к.

Проф. ***В. Алексѣевъ.*** Толстой и наука. В. Волочекъ. 1910. Ц. 30.

Русскіе учителя заграницей. Годъ второй. М. 1911. Ц. 1. р. 60 к.

А. Морской. Исходъ россійской революціи 1905 г. и правительство Госаря. М. 1911. Ц. 50 к.

Серг. Булгаковъ. Два града. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. 2 т. М. 1911 г. Ц. 3 р.

В. Веретенниковъ. Изъ исторіи Тайной Канцеляріи. 1731 — 1782 г. Очерки. Харьковъ. 1911.

П. Л. Кирѣевскій. Полное собр. сочиненій. 2 т. Подъ ред. М. Гершензона. М. 1911. Ц. 45.

I. Бикерманъ. Черта еврейской оеѣдлости. Спб. 1911. Ц. 75.

Винт. Острогорскій. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій. Изд. 5-е Спб. 1911. Ц. 50 к.

Бэнъ-Давидъ. Новая англійская хрестоматія. Ч. I-я. Ц. 70 к.

В. Пясецкій. Нормальныя и идеальныя пропорціи челов. тѣла. Спб. Ц. 50 к.

Д-ръ ***В. Энгельманъ.*** Лечебныя средства Крейцнаха. Берлинъ. Ц. 35 к.

В. Бѣловежскій. Система желѣзно-дорожн. тарифовъ. Изд. 2-е Ц. 1 р. 25 к.—***Его-же.*** Результаты эксплоатаціи росс. ж. дорогъ съ 1901—1906. Ц. 50 к.

С. Столкиндъ, д-ръ. Туберкулезъ. В. I. Борьба съ туберкулезомъ въ Германіи. М. 1910. Ц. 25 к.

А. А. Николаевъ. Хлѣбъ и свѣтъ. Матеріальный и духовный бюджетъ трудовой интеллегенціи у насъ и заграницей (по даннымъ анкеты «Вѣстника Знанія»). Подъ ред. В. Битнера. Спб. 1911. Ц. 60 к.

А. Недашенко. Указатель книгъ и журн. статей по сельск. хозяйству въ 1908 г. Изд. Гл. Упр. Зем. и З. Спб. 1910.

Къ характеристикѣ соврем. студенчества по даннымъ переписи 1909—10 гг. въ Спб. Технолог. Институтѣ. Подъ ред. пр.-д. М. Берницкаго и д-ра Д. Никольскаго. В. I. 1910. Ц. 50 к.

Календарь-книга на 1911 г. Изд. „Новь" Спб. Ц. 50 к.

Альманахъ-календарь для всѣхъ. Изд. „Разумъ". Спб. 1910. Ц. 20 к.

Отчетъ о состояніи народнаго здравія въ 1908 г. Изд. М. В. Дѣлъ.

Обзоръ работъ по внутренадѣльному межеванію на переселен. участкахъ за Ураломъ въ 1908—1909 гг. Изд. Гл. Упр. Зем. и З. 1910.

А. М. Скабичевскій.

Некрологъ.

Въ лицѣ Александра Михайловича Скабичевскаго, скончавшагося въ самомъ концѣ прошлаго года послѣ полувѣковой неустанной дѣятельности, ушелъ въ вѣчность заслуженный литературный работникъ. Русская общественность потеряла въ немъ не живую силу — его значеніе было уже въ прошломъ и популярность на ущербѣ,—но въ былой роли его были черты, обезпечивающія ему мѣсто въ нашей культурной исторіи. Ближайшій сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ» съ 1868 г. по моментъ закрытія, покойный писатель, много и успѣшно потрудившійся и въ послѣдующую четверть вѣка, самъ считалъ важнѣйшей и чуть не единственно цѣнной частью своей многолѣтней работы именно это участіе въ «Отечественныхъ Запискахъ». Охватывая общимъ взглядомъ всю дѣятельность А. М. Скабичевскаго, трудно не согласиться съ нимъ въ этой оцѣнкѣ, тѣмъ болѣе, что въ ней коренится объясненіе его писательской личности и его былого значенія. Цѣня Скабичевскаго, мы всегда имѣемъ въ виду Скабичевскаго «Отечественныхъ Записокъ» — и это есть показатель той роли, которую игралъ въ его творчествѣ боевой журналъ семидесятыхъ годовъ. А. М. Скабичевскій писалъ много и послѣ закрытія журнала, откликался чуть не на всѣ явленія нашей текущей литературной жизни, издалъ нѣсколько монографій, собралъ въ двухъ объемистыхъ томахъ свои старыя статьи, выступилъ въ качествѣ автора популярной исторіи новой русской литературы; все это очень читалось—исторія литературы выдержала семь изданій—и, однако, общественная значительность автора не росла, его литературный авторитетъ—если таковой еще признавали—питался его прошлымъ. Въ этомъ прошломъ, и только въ немъ, было нѣчто безусловно необходимое для творчества Скабичевскаго: была сплоченная и высоко авторитетная группа, выразителемъ литературныхъ воззрѣній которой могъ быть писатель, была идейная атмосфера, подымавшая и обязывавшая его, была точка опоры. Эклектикъ безъ силы синтеза, Скабичевскій нуждался въ этой точкѣ опоры и, конечно, не въ «Новостяхъ» восьмидесятыхъ годовъ онъ могъ найти ее. Нѣтъ необходимости соглашаться или не соглашаться съ статьями Скабичевскаго изъ «Отечественныхъ Записокъ»; высказываетъ ли онъ въ нихъ взгляды, лишь подтвержденные дальнѣйшимъ развитіемъ литературной жизни, или проявляетъ наивный вандализмъ въ оцѣнкахъ, отличающійся отъ писаревскаго развѣ лишь отсутствіемъ блеска, — насъ мало трогаетъ теперь все это: для насъ важно, что это — выраженіе цѣлаго міровоззрѣнія, до сихъ поръ

играющаго громадную роль въ нашемъ общественномъ развитіи.. И любопытно: въ кружкѣ болѣе сильныхъ единомышленниковъ Скабичевскій былъ самобытнѣе, чѣмъ позже. Когда Скабичевскій оцѣнивалъ Шеллера-Михайлова, лишь какъ «сентиментальное прекраснодушіе въ мундирѣ реализма», когда онъ говорилъ о «золотушныхъ идеальчикахъ» Омулевскаго, называя его «самозваннымъ защитникомъ новыхъ людей», въ этомъ было больше индивидуальной смѣлости, чѣмъ въ насмѣшкахъ надъ Гончаровымъ или въ пренебреженіи къ Тютчеву: и этой смѣлости не было у позднѣйшаго Скабичевскаго, когда, популярный и признанный, онъ чувствовалъ себя морально одинокимъ и потому идейно слабымъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ имѣлъ болѣе яркую физіономію; въ общемъ хорѣ слышался его голосъ уже по особенности его темъ. Онъ былъ въ журналѣ не присяжнымъ критикомъ—и какъ-то выражалъ даже удовольствіе, что не обязанъ по должности откликаться на всякое литературное явленіе; онъ отдавалъ много вниманія историческимъ работамъ. Эти справки по исторіи русской общественности, «Сорокъ лѣтъ русской критики», «Три человѣка сороковыхъ годовъ», «Исторія русской цензуры»,—конечно, были подсказаны публицистическими задачами, но онѣ знакомили и съ прошлымъ, и даже «Исторія новѣйшей русской литературы», написанная позже, но въ общемъ повторяющая уже высказанные взгляды автора, свидѣтельствуетъ о его стремленіи исторически подойти къ литературѣ, хотя именно въ исторической складкѣ ему отказывали его критики. Наряду съ исторіей вниманіе его привлекала теорія литературы. Онъ чувствовалъ недостаточность и просто невозможность старой точки зрѣнія элементарнаго реализма; онъ пытался дать среднее, болѣе сложное рѣшеніе вопроса, но не шелъ дальше эклектики; трудно, конечно, возложить на него вину въ томъ, что онъ не рѣшилъ вопросовъ, о которыхъ спорятъ и въ наши дни. Ему казалось, что его механически-примирительная позиція заключаетъ нѣчто самостоятельное, и своимъ сочиненіямъ онъ предпосылалъ гордое заявленіе, что «въ эстетическихъ своихъ теоріяхъ, проповѣдуя свободу и естественность творческихъ процессовъ, авторъ *всегда* былъ равно далекъ, какъ отъ теоретиковъ чистаго искусства, ограничивающихъ его однимъ услажденіемъ художественными красотами, празднаго изнѣженнаго сибаритства, такъ равно и отъ теоретиковъ полезнаго искусства, обрекающихъ его на подневольное орудіе въ рукахъ какихъ бы то ни было политическихъ партій. Требованіе, чтобы искусство служило не исключительно одной красотѣ, не столь же исключительно одной политикѣ, а всей жизни, во всей ея совокупности, помогло автору съ одинаковымъ безпристрастіемъ и почетомъ отнестись и къ поэту-гражданину въ лицѣ Некрасова, и къ жрецу чистаго искусства въ лицѣ Пушкина». Конечно, ни для этого примирительнаго рѣшенія, ни для Пушкина, ни для Некрасова онъ не

нашелъ ясной, опредѣляющей, углубляющей формулы; онъ ставилъ себѣ въ заслугу безпристрастіе, которое, въ сущности, вытекало изъ безстрастія, а между тѣмъ здѣсь могла рѣшать только страсть: та зиждующая односторонность, тотъ паѳосъ мысли, безъ котораго немыслимо ея творческое движеніе. Но самое сознаніе необходимости новыхъ основъ критики, новыхъ оцѣнокъ въ немъ было всегда; онъ измѣнялся—и тѣмъ цѣннѣе настойчивость, съ которой онъ противополагалъ этимъ законнымъ измѣненіямъ думающаго человѣка свою общественно-моральную устойчивость. Онъ цѣнилъ ее и хотѣлъ, чтобы его читатели вѣрили въ нее, и говорилъ о собраніи своихъ сочиненій: «Авторъ будетъ вполнѣ доволенъ, если книга его убѣдитъ читателей, что въ продолженіе всей его литературной дѣятельности онъ служилъ благому дѣлу и оставался неизмѣненъ въ своихъ кровныхъ убѣжденіяхъ. Можетъ быть, они и найдутъ какія-нибудь противорѣчія въ мелочахъ и частностяхъ,—было бы неестественно, чтобы въ продолженіе двадцати лѣтъ, съ 1868 по 1888 годъ человѣкъ оставался до послѣднихъ мелочей безъ малѣйшихъ измѣненій, какъ набальзамированная мумія,—но это не помѣшаетъ имъ, если они отнесутся къ нему безъ враждебныхъ предубѣжденій, убѣдиться, что въ статьяхъ, появившихся въ 1888 году, онъ остался тѣмъ самымъ писателемъ, какимъ былъ въ 1868 году, когда былъ приглашенъ въ возрожденныя «Отечественныя Записки»: всегда онъ ставилъ выше всего народное благо и проповѣдывалъ народные принципы труда и братства; всегда онъ ратовалъ противъ всякаго возвышенія брата надъ братомъ, хотя-бы во имя интеллектуально-нравственнаго превосходства». Ничѣмъ не пытаясь ограничить эти заявленія, мы, наоборотъ, могли бы у свѣжей могилы покойнаго писателя продолжить эти всегда. Всегда Скабичевскій не только проповѣдывалъ свои принципы, но, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, и въ жизни не расходился съ ними. Всегда онъ былъ трудолюбивъ и отзывчивъ, въ каждомъ словѣ своемъ былъ честенъ и благожелателенъ. Устарѣла его манера, устарѣло многое въ его оцѣнкахъ, но не все отвергнуто новымъ временемъ. Онъ ушелъ на склонѣ дней, какъ осколокъ далекаго прошлаго, а между тѣмъ, не говоря ужъ о томъ, что для исторіи своего времени его литературныя статьи представляютъ незамѣнимый матеріалъ, его сводныя работы еще ничѣмъ не замѣнены, его устарѣвшія для насъ книги еще читаются: удѣлъ завидный и незаурядный для средняго писателя. Надо думать, что историкъ русскаго просвѣщенія скорѣе, чѣмъ современникъ, питающійся личными впечатлѣніями, найдетъ доброе слово признанія для опредѣленія духовной личности и культурнаго значенія А. М. Скабичевскаго.

А. Горнфельдъ.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: отъ П. М.—25 р.; отъ Семенова, изъ Холмогоръ—3 р. 10 к.; отъ Натана В. и Розы М. 17-го декабря—5 р.; отъ В. О.—10 р.; отъ А. П. Э.—15 р.; черезъ М. П.—70 р.; изъ Шлиссельбурга—10 р.; отъ Голубятникова—1 р.; отъ В. Горбаконь—3 р.; отъ А. Константинова—1 р.; отъ О. Сапоцкой—3 р.; отъ Т. З.—15 р.; отъ неизвѣстнаго—10 р.; отъ М. Т. С.—2 р. 50 к.; отъ М. О.—10 р.; отъ Е. Д.—1 р.; отъ двухъ студентовъ взамѣнъ взноса въ фондъ имени С. А. Муромцева—3 р.

Итого . . . 187 р. 60 к.

На учрежденіе музея имени Л. Н. Толстого: черезъ Москотина—44 р.; отъ И. Комарова, изъ г. Бодайбо—5 р.

Итого . . . 49 р. —

На памятникъ Л. Н. Толстого: отъ Г. Насонова—1 р.; отъ кружка учительницъ народныхъ школъ Костромской губ.—7 р.

Итого . . . 8 р. —
А всего съ прежде поступившими 18 р. —

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства“: отъ А. Кнорре—2 р.; отъ С. Н. Барсукова, изъ Кіева—3 р.; отъ Н. Клейнъ—10 р.; отъ администр. ссыльныхъ города Березова—5 р.; отъ А. Черенкова—6 р.; отъ А. Н.—3 р.; отъ В. Карачевскаго-Вожкь—10 р.; отъ К. Грачева—5 р.; отъ П. Таразанова—2 р.; отъ Г. Гребенникова—1 р.

Итого . . . 47 р. —
А всего съ прежде поступившими 451 р. 89 к.

На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ И. Комарова, изъ г. Бодайбо—5 р.; отъ Любовникова, изъ Тамбова—1 р.

Итого . . . 6 р. —

ОПЕЧАТКА.

Въ статьѣ Діонео «Піо Бароха» на стр. 63, строка 3 сверху вмѣсто «силы», слѣдуетъ читать: «тѣла».

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

При каждомъ № „НИВЫ“ подписчики получатъ по одной книгѣ, всего въ годъ — **52 книги.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1911 ГОДЪ
(42-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе **1911** года:

52 №№ еженедѣльнаго художественно-литературнаго журнала „НИВА“: романы, повѣсти и разсказы; снимки съ картинъ, рисунки, фотоэтюды и иллюстраціи современныхъ событій.

52 КНИГИ, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“: романы, повѣсти, разсказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

дополнительныя КЪ ПОЛНОМУ СОБРАНІЮ СОЧИНЕНІЙ
12 КНИГЪ **Ант. П. ЧЕХОВА.**

То, что получатъ наши подписчики на 1911 годъ, представляетъ большое литературное наслѣдіе: — *болѣе трехсотъ разсказовъ Чехова*, отдѣльно не изданныхъ и обнимающихъ собою значительный періодъ его творческой дѣятельности. Намъ удалось найти все это послѣ многихъ лѣтъ неустанныхъ тщательныхъ поисковъ, и подписчики „Нивы“ на 1911 годъ, прибавивъ ихъ къ „Собранію сочиненій Чехова“, данному „Нивой“ въ 1903 году, будутъ имѣть дѣйствительно „Полное собраніе сочиненій Чехова“.

остальныя ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
20 КНИГЪ **А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.**

Въ эту вторую часть „Полнаго Собранія Сочиненій А. Ѳ. Писемскаго“ войдутъ его знаменитые большіе романы: „Люди сороковыхъ годовъ“, „Въ водоворотѣ“, „Массоны“ и драматическія произведенія, среди которыхъ особенно извѣстны: „Горькая судьбина“, украшеніе и гордость русской сцены,—„Самоуправцы“, „Ваалъ“, „Финансовый геній“—и др.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ
8 КНИГАХЪ **Льва Алекс. МЕЯ.**

Мей, давшій русской поэзіи „Царскую невѣсту“ и „Псковитянку“, давно уже поставленъ критикой рядомъ съ великими авторами „Бориса Годунова“ и „Смерти Іоанна Грознаго“. Знаніе народной русской жизни, сокровенныхъ ея началъ и завѣтныхъ вѣрованій народа ярко сказалось и въ его поэмахъ, былинахъ и пѣсняхъ, а также въ его повѣстяхъ и разсказахъ. Владѣя въ совершенствѣ стихомъ, Мей на ряду со своими оригинальными произведеніями создалъ на русскомъ языкѣ цѣлую переводную литературу лучшихъ образцовъ міровой поэзіи.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльн. и выпильн. работъ и выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральн. величину.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1911 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: без доставки 6 р. 50 к.; съ доставкой . 7 р. 50 к.
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, у Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи. . . . 8 р.
За границу — 12 р.

Подписчики, желающіе получить также первыя 18 книгъ Писемскаго 1910 г., доплачиваютъ: 1) Безъ доставки въ СПБ.— 2 руб., въ Москвѣ и Одессѣ—2 р. 25 к.; 2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи— 2 р. 50 к.; 3) За границу 3 руб.

Подписчики, желающіе получить первые 16 томовъ соч. Чехова 1903 г., доплачиваютъ: 1) Безъ доставки: въ СПБ. — 4 руб., въ Москвѣ и Одессѣ—4 р. 25 к.; 2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи— 4 р. 50 к.; 3) За границу—5 руб.

Допускается разсрочка платежа за „Ниву“ и за книги соч. Чехова 1903 г. и Писемскаго 1910 г.—въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **безплатно.**

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

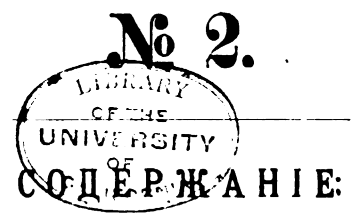
Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

По постановленію С.-Петербургской Судебной Палаты № 11 „Русскаго Богатства“ выдается подписчикамъ послѣ изъятія изъ него повѣсти Вл. Табурина—„Жива душа“ (стр. 13—67).

ФЕВРАЛЬ. 1911.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 2.



СОДЕРЖАНІЕ:

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.
Изданіе С. Я. ЯЖБОРЪ.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Пятое* изд. 1910 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. *Второе* изд. 1910 г. Цѣна 40 коп.

— ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА. I. Раннее дѣтство и Годы ученія. Изд. *второе*. 1911 г.—461 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— БЫТОВОЕ ЯВЛЕНІЕ. Замѣтки публициста о смертной казни. 1910 г. 84 стр. Ц. 15 к.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд *третье*. 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scripium автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Третье* изд. 1909 г.—

336 стр. Ц. 1 р. Любимцы каторги.—Искорка.—Маленькіе люди.—Чортовъ яръ.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.—Юность (изъ воспоминаній неудачницы).

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. *Распроданы.*

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаю.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

В. Муйжель. РАЗСКАЗЫ. Т. II. 1909 г. Цѣна 1 руб. Пока.—Волкъ.—Проклятіе.—Дача.—Въ мертвомъ углу.—Кошмаръ.—Нищій Ахитоѳелъ.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к. Распродано.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

— ТРИСТА ЛѢТЪ (1606—1906). Изд. 2-ое. Ц. 25 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. I. Наканунѣ. II. Въ темную ночь. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— СТАРЫЙ и НОВЫЙ ПОРЯДОКЪ ВЛАДѢНІЯ НАДѢЛЬНОЙ ЗЕМЛЕЙ. Ц. 10 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

— ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ. Эра продолжается прежняя.— Революція наоборотъ.—Эпоха казней.—Указъ объ экспропріаціи.—Второе междудумье.—Третья Дума.—Въ обновленномъ строѣ.—«Санинцы» «Санинъ»—Оскудѣвающая семья.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ.

Т. I. *Шестое* изд.
Т. II. *Четвертое* изд.
} *Вышли въ книгоиздательствѣ «Просвѣщеніе».*

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ **П. Я.** Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

В. И. Семевскій. ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ ДЕКАБРИСТОВЪ. Спб. 1909 г. Ц. 3 р. 50 к.

А. Вернеръ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1909 г. Мск. 211 стр. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ЧАСОВЪ М. СОКОЛОВА

Мастера-специалиста, С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 71.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всякое торговое дѣло имѣетъ цѣлью доставить нѣкоторую выгоду своему владѣльцу, но также справедливо и то, что не всѣ пути къ наживѣ—дозволительны.

Къ стыду нашему, извѣстный лозунгъ «не обманешь—не продашь» и сейчасъ еще имѣетъ великое множество послѣдователей, логика которыхъ очень проста: «Россія-де велика и обильна и на нашъ вѣкъ... простаковъ хватитъ».

И дѣйствительно, многіе довѣряются широковѣщательнымъ рекламамъ, вродѣ тѣхъ, которыя обѣщаютъ чуть ли не даромъ золотые часы или же за 2 р. 65 к. болѣе 40 цѣнныхъ предметовъ. Въ результатѣ у покупателя опустошенные карманы и никуда негодный хламъ, который онъ на другой день принужденъ бросить.

Къ счастью для русской торговли, существуютъ предпріятія, имѣющія въ основѣ честныя начала, предпочитающія сомнительному обогащенію, можетъ быть, медленное, но зато вѣрное развитіе своего дѣла путемъ постепеннаго увеличенія числа своихъ покупателей.

Въ такихъ предпріятіяхъ даютъ кліенту за его деньги дѣйствительно нужную и соотвѣтствующую цѣнѣ вещь.

Вотъ такія-то честныя начала и заложены въ основаніе часовой фирмы мастера-спеціалиста М. Соколова въ С.-Петербургѣ (Невскій пр., 71), работавшаго болѣе 12 лѣтъ у знаменитой фирмы часовъ Г. Мозеръ и К°.

Лозунгъ этого предпріятія: «добросовѣстное выполненіе заказовъ и умѣренныя цѣны».

Мы обращаемъ на эту часовую фирму особенное вниманіе живущихъ въ провинціи, гдѣ очень трудно получить хорошіе и умѣло вывѣренные часы.

Чтобы устранить затрудненія, часто возникающія при заочномъ выборѣ часовъ, считаемъ нужнымъ указать, что М. Соколовъ при высылкѣ часовъ руководствуется нижесл. правилами:

№ 239. Часы мужск. серебрян., 84 пр., заводъ головкой, массивныя три крышки, лучш. сорта, анкерные на 15 камн. 12 р. и 13 р. 50 к. Такіе же высш. сорта 15 р. и 18 р.

1) Онъ высылаетъ часы только лучшихъ швейцарскихъ фабрикъ (Лонжинъ, Гризель, Зенитъ, Одемаръ, Фавръ Жако, Перре С-ья и др.), выполненные по особому заказу и лично имъ вывѣренные.

2) Всѣ часы снабжаются письменнымъ ручательствомъ за вѣрность хода и прочность механизма на 5 лѣтъ.

3) Такъ какъ самъ М. Соколовъ работалъ болѣе 12 лѣтъ у извѣстной фирмы Г. Мозеръ и К°, и располагаетъ всестороннимъ опытомъ мастера-спеціалиста, то его личная провѣрка является лучшей гарантіей точнаго хода часовъ; а это особенно важно для провинціи, гдѣ почти нѣтъ хорош. мастер.

№ 250. Часы мужск., черные открытые, хорош. сорта цилиндр. 3 р. 75 к. и 4 р. 80 к. Такіе же высш. сор. анк. 7 р. 75 к. и 12 р. Закр. черн. часы анкерн. 10 р. и 12 р. 50 к.

4) Не понравившіеся часы принимаются въ теченіе 14 дней обратно для обмѣна, если съ нихъ не снята пломба.

5) Всѣ заказы выполняются налож. плат. безъ задатка; пересылка на счетъ М. Соколова.

6) При всѣхъ часахъ прилагается безплатно цѣпь.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ М. Соколовъ пользуется солиднѣйшей р тацiей не только въ самомъ Петербургѣ, но и далеко за его предѣлами. Къ М. Со ву обращаются съ заказами со всѣхъ концовъ Россіи и многіе, ранѣе обманутые н торыми фирмами, съ радостью убѣдились, что существуютъ еще на Руси и добро с стныя предпріятія.

Складъ часовъ М. Соколова существуетъ самостоятельно около 15 лѣтъ.

ный иллюстрированный каталогъ склада часовъ М. Соколова высыл. по первому требованію безплатно.

ВРАЧАМЪ,

сестрамъ милосердія

и вообще лицамъ, ухаживающ. за больными желудочн. инфекціон. болѣзнями (холера, тифъ и пр.); рекоменд. обратить особое вниманіе на

ЛАКТОБАЦИЛЛИНЪ

какъ на могучее средство предупрежденія и борьбы съ этими заболѣваніями.

НАСТОЯЩІЕ продукты ЛАКТОБАЦИЛЛИНА пригот. подъ покров. проф. И. И. МЕЧНИКОВА Обществомъ LE FERMENT:

ТАБЛЕТКИ И ПОРОШОКЪ имѣются во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и складахъ.

ПРОСТОКВАША, ЗАКВАСКА И КВАСЪ изъ Парижск. культуръ можно получать въ Гл. складѣ.

Мал. Конюшенная, 3. Спб. Телеф. 58-39.

Требуйте

НОВОСТИ:

ДУХИ
О-ДЕ-КОЛОНЪ
ПУДРА
МЫЛО

„АМУРЕЗЪ"

(Amoureuse)

по силѣ и нѣжности

ВНѢ КОНКУРРЕНЦІИ

Т-во парфюмерной фабрики

С. И. Чепелевецкій съ С-ми,

Москва.

СПИНОДЕРЖАТЕЛИ,
выпрямляющіе фигуру
МАРКУСЪ ЗАКСЪ СПБ., Литейный, 45.

ДЛЯ ВСЯКАГО РОДА СПОРТА

Фуфайки полосатыя, клѣтчатыя
Фуфайки для атлетовъ
Фуфайки для гребцовъ
Фуфайки ситцевыя
Фуфайки охотничьи
Фуфайки велосипедныя
Рубашки для лаунтениса
Костюмы для борцовъ
Рейтузы для конькобѣжцевъ
Свитера англійскіе
Рейтузы дамскіе
Чулки, гамаши, перчатки и проч.

ДЛЯ ЛЫЖНАГО СПОРТА

Спеціально заготовлено: теплыя перчатки, рукавицы, вязаныя рубашки безъ застежки съ высок. воротник. гамаши, чулки высокіе, рейтузы, кашкалъ, башлыки, валенки, теплыя стельки, наколѣнники, бѣлыя шапки, шапки вязаныя съ наушниками и проч.

Гоночные костюмы, трико для театра и вообще всевозможныя фуфайки **„ФАНТАЗИ“** дѣлаю на заказъ скоро и аккуратно.

Д. ДАЛЬБЕРГЪ С.-Петербургъ, Гороховая, 16. Прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

ВЕЛИЧАЙШІЙ ВЪ РОССІИ
Универсальный магазинъ

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ.

Москва, Петровка, 2.

Вышелъ изъ печати ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ НА СЕЗОНЪ ВЕСНЫ и ЛѢТА 1911 г., **который разсылается,** по требованію, **всѣмъ иногороднимъ** БЕЗПЛАТНО.

Натуральная Кавказская
углекисло-щелочная вода
БОРЖОМЪ
ПРЕВОСХОДНАЯ
ЛѢЧЕБНАЯ ВОДА.
При Боржомѣ и нужной діэтѣ нѣтъ мѣста упорнымъ заболѣваніямъ желудочно-кишечнымъ и печени, отложеніямъ песка и камней въ желчныхъ и мочевыхъ путяхъ, проявленіямъ разстройствъ обмѣна веществъ: подагрѣ, ожирѣнію и діабету.
БОРЖОМЪ
ЕКАТЕРИНИНСКІЙ

НОВОСТЬ!
О-ДЕ-КОЛОНЪ
РЕЖАНСЪ
НОВЫЙ ЧУДНЫЙ ЗАПАХЪ
ИЗОБРѢТАТЕЛИ
А. СІУ и Ко.

ФЕВРАЛЬ. 1911.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1911.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ

ГОДЪ.

II.

Зима шла ровнымъ безостановочнымъ шагомъ, равнодушная къ людскимъ дѣламъ и мыслямъ, чуждая страстямъ и волненіямъ, какъ все въ природѣ, не тише и не скорѣе, чѣмъ это полагалось ей. Морозы сковали глубокіе снѣга, покрывавшіе твердую, промерзшую землю, и этотъ бѣлый блестящій покровъ лежалъ, какъ одинъ кусокъ, смягчившій неровности почвы, окутавшій воды, подступившій къ деревнямъ высокой стѣной, такъ что на выѣздѣ приходилось лѣзть въ гору, вышиной съ крышу.

Бѣлый разсѣянный свѣтъ лежалъ на поляхъ, и казалось, шелъ онъ не съ неба—мутнаго, низкаго, покрытаго тяжелыми свинцовыми тучами, а отъ бѣлой застывшей земли, отъ этого снѣга, необозримаго, широкаго и унылаго въ однообразной бѣлизнѣ своей.

Утро вставало медленное, тяжелое, какъ заспавшійся лѣнивый работникъ, и вяло пробуждался въ лиловомъ сумракѣ короткій день.

Уже сверкали блестящими ребрами сугробы на мѣстахъ повыше, а въ лѣсу подъ деревьями, подъ низко свѣсившимися вѣтвями еще лежалъ синій сумракъ, неохотно уступающій пядь за пядью идущему свѣту. Неподвижными призрачными силуэтами подымались черные стволы деревьевъ, странно короткіе отъ закрывавшаго ихъ чуть не до половины снѣга, и низкія, отягощенныя обледенѣлымъ снѣгомъ вѣтви были, какъ парчевая риза, пышно спускающаяся до самой земли.

Лѣсъ умеръ—и строгое величественное молчаніе стало между соснами, чутко ловило звукъ и гасило его, ревниво оберегая холодную тишину.

Беззвучно, едва касаясь пушистыми лапками твердаго наста, мягкими, круглыми скачками промелькнетъ неуло-

вимо заяцъ, и задѣтый прутикъ долго качается, нарушая торжественную неподвижность и рождая смутное движеніе въ густомъ голомъ парусникѣ, тянущемъ изъ-подъ снѣга свои зазябшія вѣточки.

По тонкимъ, согнутымъ вьюгами дугой березкамъ на опушкахъ стрекочутъ сороки, сверкая бѣлыми перьями, пробираются ближе къ жилью, усаживаются на занесенныя сугробами изгороди и наглѣютъ, лѣзутъ въ гумна и рѣзко будятъ студеную тишину своимъ металлическимъ четкимъ стрекотомъ.

Тихо въ лѣсу, мертво въ полѣ, и нѣтъ жизни въ деревнѣ. Люди сидятъ по избамъ, толкутся другъ около друга, и, стиснутые на долгія недѣли тѣсными стѣнами домовъ, ссорятся и сердятся, раздражаются и бранятся; но улица пустынна, и можно подумать, что укрывшіяся подступившимъ подъ самыя окна снѣгомъ, прячущіяся подъ огромными бѣлыми крышами избы пусты и мертвы, какъ лѣсъ. И только дымъ плотными грязными кругами подымается изъ этихъ кучъ снѣга, изъ теплыхъ закопченыхъ трубъ, на которыхъ по вечерамъ озябшія вороны грѣютъ лапы.

Короткій и пустой день скоро проходитъ, и ночь идетъ съ востока, какъ владѣтельная царица, знающая свою силу и власть на этой замерзшей молчащей землѣ. Какъ будто ниже осѣдаетъ свинцовое небо, какъ будто роняетъ оно сѣрыя краски свои на бѣлый снѣгъ и темными, путанными пятнами бросаетъ въ овраги и ложбинки и будитъ въ нихъ холодные тусклые призраки, и медленно встаютъ они, подымаются блѣдными тѣнями—чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и копятся толпой, заслоняютъ горизонтъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и обступаютъ со всѣхъ сторонъ бѣлесымъ мракомъ, въ которомъ все призрачно и незнакомо и все чуждо человѣку.

То, что пряталось днемъ, лежало, забившись, въ гущѣ болотнаго кустарника, въ темной дебри заглохшаго лѣса, выползаетъ изъ темныхъ логовищъ и медленно, осторожно, бродитъ по лѣсу, прислушивается къ глубокому молчанію его и длинной мелькающей цѣпью скользитъ по опушкѣ...

И часто въ такія ночи случайно вышедшіе изъ натопленныхъ избъ люди слышали далекій вздрагивающій вой, странный стонъ повитыхъ печалью полей, полный жуткаго выраженія и непонятной человѣку тоски.

Заслышавъ этотъ стонъ, голодныя облѣзлыя деревенскія собаки волновались, прислушивались, наставивъ одно ухо, потомъ мотали головой и нюхали воздухъ. И, забравшись куда-нибудь на засыпанную снѣгомъ пуньку, на кучу сваленныхъ бревенъ, задирали оскаленныя морды кверху и

отвѣчали далекой звѣриной тоскѣ отчаяннымъ, пугающимъ воемъ...

Тогда въ конюшняхъ лошади поднимали сонныя головы и, въ недоумѣніи, слушали. Потомъ, вздрогнувъ, начинали тяжело подниматься, стуча подковами по досчатому помосту и гремя о жолобъ цѣпью недоуздка.

И на крытомъ, пропитанномъ теплымъ запахомъ навоза и парного молока дворѣ, распространялась та же неясная тревога. Хлопая тяжелыми ушами, умолкали вѣчно жующія коровы; овцы, дробно перебивая копытцами, сбивались въ кучу гдѣ-нибудь въ углу и толклись въ жидкомъ навозѣ, готовыя каждый моментъ ринуться въ противоположный уголъ; и разбуженныя этой суетней куры цапались лапками гдѣ-то наверху подъ крышей, гдѣ сложены на стропилахъ тонкія жерди и лежатъ на нихъ закинутыя за ненадобностью сохи и бороны, и пѣтухъ, вѣрный стражъ и хранитель потонувшаго въ темнотѣ двора, пробуждался и рѣзкимъ вопросительнымъ крикомъ освѣдомлялся — въ чемъ дѣло?

Иногда поднимался вѣтеръ—тогда все мѣнялось.

Буйными порывами налеталъ онъ на деревню, толкался въ стѣны такъ, что избы тряслись, рвалъ чуть пріотворенную дверь и оглушительно хлопалъ ею и скрипѣлъ неплотной воротиной, шуршалъ соломой крышъ.

Съ дикимъ воемъ носился онъ надъ деревней, забивалъ дымъ обратно въ трубы, такъ что нельзя было затопить печи, и въ то же время выдувалъ остатки тепла въ щели оконъ, плохо пригнанную дверь, сквозь сгнившую конопатку стѣнъ...

Въ такія ночи люди сидѣли по домамъ, жутко прислушиваясь къ вою и хохоту вѣтра, подавленные буйной, нечеловѣческой жизнью, крестились и вздыхали; въ такія ночи звѣрь наглѣлъ и лѣзъ въ самую деревню, вбивался въ сады, подбирался къ самымъ дворамъ, наводя ужасъ на ощетинившихся, жмущихся къ дому собакъ; въ такія ночи старухи вспоминали давнія, сѣдыя были и, кряхтя и охая, вели темный сказъ, а ребята слушали съ расширенными отъ ужаса глазами, боясь спустить подобранныя подъ себя ноги съ лавки, и, напуганныя бабкой, тряслись, жались и кряхтѣли, не будучи въ силахъ выйти на дворъ, когда это было необходимо нужно, рискуя подвергнуться большой непріятности...

А мужики съ темноты заваливались спать въ такое время и спали, хрипя и стоная во снѣ подъ жаркими полушубками, по шестнадцати часовъ, просыпались среди ночи покурить, или шарили на полкѣ хлѣба и опять вали-

лись, какъ подстрѣленные, не зная, куда дѣть безконечную ночь...

Бабы сидѣли до позднихъ пѣтуховъ за пряжей, думали свои длинныя бабьи думы, и долгими часами бойко прыгало, ударяясь въ полъ, толстое веретено, пузатилось, тяжелѣло и сулило новые полтинники, тайно замотанные въ какой-нибудь клубокъ шерсти или запиханные въ моткѣ тряпокъ въ сваленную въ кладовушкѣ грязную волну такъ, что и самой прятавшей не сразу найти можно было, собираясь на ярмарку...

А когда утихало, все оказывалось такъ глубоко заваленнымъ снѣгомъ, что пробраться куда-нибудь на гумно представлялось дѣломъ необычайно труднымъ. Высокіе сугробы равнялись съ крышей, а вербы на ручьѣ были занесены до такой степени, что видна была только ихъ похожая на перевернутый вѣникъ верхушка, набитая снѣгомъ, какъ корзина. И только у самыхъ стволовъ виднѣлась воронкообразная яма съ крутыми, блестящими боками, заканчивающаяся острымъ ребромъ сугроба.

Огромныя шапки снѣга покрывали торчащія, какъ мачты разбитаго корабля со дна бѣлаго отвердѣвшаго моря,—жерди затопленной вьюгой изгороди; плотными массами свисалъ онъ съ наличниковъ оконъ, съ коньковъ воротъ, и было удивительнымъ, какъ могъ онъ держаться тамъ, не свалившись и не разсыпавшись сухой морозной пылью.

Отъ нѣкоторыхъ избъ, стоявшихъ въ прогонахъ, выходившихъ въ поле, на улицу, вели цѣлыя траншеи, въ которыя съ непомѣрно наросшей, твердой дороги надо было скатываться чуть не кувыркомъ.

Кузнецъ Василій Семеновъ прежде, чѣмъ добраться до своей низенькой кузницы, отъ которой была видна только крыша съ трубой да кусокъ двери, съ выжженнымъ на ней чернымъ крестомъ, долженъ былъ позвать помогавшаго ему въ качествѣ молотобойца Дмитрія Прокофьева, и оба они, вмѣстѣ съ мальчишкой, жившимъ у одинокаго Василія и обычно раздувавшаго въ кузницѣ горнъ, вплоть до перехватки откапывали погребенную кузницу, кляня того дурака, который поставилъ ее на перекресткѣ двухъ улицъ, открытой всѣмъ вѣтрамъ.

И хотя дуракомъ этимъ былъ тотъ же Василій Семеновъ, никто не ругалъ его такъ забористо и крѣпко, когда барахтался по поясъ въ осыпавшемся, какъ песокъ, снѣгу, какъ самъ бородатый, вѣчно черный отъ копоти и жара кузнецъ.

У Алексѣя совсѣмъ занесло дворъ, а оставленныя на улицѣ у воротъ дровни пришлось откапывать лопатой, по-

тому что отъ нихъ торчали только верхушки креселъ, да загнутыя вверхъ концы полозьевъ.

Всѣмъ надѣлала бѣды вьюга: у кого дерево сломала, у кого плетень вывернула; у лавочника Ларіона развалила трубу на старой избѣ, а у Сергѣя Данилова такъ занесло привезенныя наканунѣ бревна, что онъ, такъ же, какъ кузнецъ, цѣлое утро провозился съ Дуней, откапывая ихъ. И когда они кончили отгребать снѣгъ, пора было уже идти обѣдать.

Когда сидѣли за обѣдомъ, Луша замѣтила, что кто-то мелькнулъ подъ окнами, и сказала:

— Дмитрій, никакъ, идетъ къ намъ...

— Какой Дмитрій? —спросила старуха.

— А Прокофьевъ Дмитрій, какой же въ насъ еще есть?..

Жидкія половицы въ сѣняхъ, прыгавшія при каждомъ шагѣ, какъ клавиши, заскрипѣли, и дверь отворилась.

Пришелъ, дѣйствительно, Дмитрій. Онъ снялъ у двери свою вылѣзшую барсучью шапку-ушанъ и проговорилъ:

— Хлѣбъ да соль!

— Милости просимъ,—отвѣтилъ Сергѣй,—садись, что-ль, пообѣдаемъ вмѣстѣ...

— Не, спасибо...—Дмитрій хотѣлъ сказать, что онъ уже обѣдалъ дома, но понялъ, что ему, все равно, никто не повѣритъ, и промолчалъ.

Онъ присѣлъ на лавку у окна, прислонясь спиной къ стѣнѣ и положивъ на колѣни свою пеструю шапку.

— Тихо-ль въ васъ?—спросила старуха, подымаясь отъ стола, чтобы добавить въ чашку похлебки.

— Покуда... Какъ вы?

— А да чтожъ? Живемъ!

Видно было, что Дмитрій пришелъ по дѣлу, но не хочетъ говорить при всѣхъ и ждетъ конца обѣда.

— Отецъ-то какъ?—спросила старуха.

— А песъ его знаетъ!—отозвался Дмитрій и добавилъ, усмѣхнувшись зло и горько:—что ему дѣлается! жретъ да пьетъ, да деньги копитъ, старый кобель!

— Ой, ой, молодецъ, ладно ли такъ про отца-то говорить,—съ серьезнымъ упрекомъ покачала головой старуха,—ну, ссоритесь вы, ну, обидѣлъ онъ тамъ тебя, а тоже не годится такъ-то про родного отца... чать, не кто тебѣ, а отецъ!

Дмитрій исподлобья посмотрѣлъ на нее и опять усмѣхнулся.

— Оте-е-цъ!—протянулъ онъ:—такому отцу камень на шею да въ прорубь, вотъ какой это отецъ!..

— Господи Боже ты мой, Владычица матушка,—испугалась старуха,—молчалъ бы ты лучше, ну тебя!.. Такія слова...

Дмитрій вдругъ вспыхнулъ и смялъ въ рукахъ шапку такъ, что она затрещала. Онъ вообще имѣлъ эту черту въ характерѣ—внезапно загораться страстнымъ гнѣвомъ или страстной тоской—и этимъ напоминалъ отца въ молодости, превратившагося въ старости въ крутого нравомъ старика, угрюмаго и требовательнаго до того, что съ нимъ трудно было ужиться.

— Слова!—вскрикнулъ онъ, дернувшись на лавкѣ, какъ будто его ударили по больному мѣсту,—а его поступки каковы? Коли онъ мнѣ отецъ, такъ я ему сынъ али нѣтъ? Со мной онъ какихъ поступковъ себѣ допустилъ? Нешто мысленно? Нынче, вонъ онъ, на укрѣпленіе хлопочетъ, а я ему сынъ ай нѣтъ?! У меня трое ребятъ, самъ жилы съ себя рву—далъ онъ мнѣ хоть корку сухую когда? Я на него работалъ, хребетъ ломалъ-ломалъ, а теперь пошелъ вонъ и живи, какъ хошь?.. То не отецъ, а ворогъ лютый, звѣрь истинный, вилы ему въ бокъ надо, либо колъ осиновый въ спину, вотъ что!..

— Брось, Дмитрій, чего тамъ!—остановилъ его Сергѣй,—мало что промежь своими бываетъ...

Ему было неловко слушать такія слова про Прокофія, за второго сына котораго, Ванюху, брата Дмитрія, онъ хотѣлъ выдать Дуньку.

„...Кто его знаетъ, сейчасъ слушаешь этого Дмитрія, доведеннаго до послѣдняго выгнавшимъ его крутымъ старикомъ, а послѣ случится играть свадьбу—неловко будетъ и предъ старикомъ, и предъ Дмитріемъ..."

Была еще одна тайная глубокая мысль, въ которой Сергѣй никогда не сознался бы даже самому себѣ: такъ была она глубоко похоронена гдѣ-то въ самомъ темномъ углу мозга,—мысль, рожденная вѣчной безпощадной борьбой за каждый день и каждый кусокъ хлѣба для этого дня, себялюбивая, коротенькая, полубезсознательная мысль о Дунькѣ, о томъ, что хозяйство стараго Прокофія, цѣльное и крѣпкое, именно тѣмъ и крѣпко, что не дѣлилось, въ однѣхъ рукахъ, которыми будутъ послѣ смерти старика рука Ивана, будущаго Дунькина мужа...

Эта мысль на мгновенье подняла голову, какъ хитрая змѣйка, и тотчасъ же спряталась въ сырыхъ, темныхъ камняхъ, такъ что нельзя было даже понять, была она или нѣтъ, и если бы мягкому, добродушному Сергѣю, удивлявшемуся и разводившему руками при видѣ примѣровъ новой, дикой деревенской злости и жестокости, сказали, что онъ думалъ это, онъ не повѣрилъ бы и сталъ бы открещиваться и почелъ бы такое предположеніе за большую обиду себѣ.

Дмитрій нѣсколько успокоился и опять отклонился спиной къ стѣнкѣ съ усталымъ и равнодушнымъ видомъ.

Даниловы кончили обѣдъ, и дѣвки вмѣстѣ съ матерью собирали посуду и мыли ее у бадьи возлѣ двери, гдѣ висѣлъ привѣшенный за двѣ ручки кувшинчикъ для мытья.

Сергѣй одѣвался, потому что съ утра еще хотѣлъ перелопатить хлѣбъ въ амбарѣ, оставленный для сѣва, а то не попортили бы мыши, да не слежался бы и не засырѣлъ бы.

Они вышли вмѣстѣ съ Дмитріемъ и, какъ только ступили на дворъ, Дмитрій сказалъ, глядя въ сторону:

— Что я хотѣлъ попросить тебя, Сергѣй Данилычъ...

— А что такое?

— Да хлѣбомъ поиздержавши я, почитай ни пястки муки нѣту, а самъ знаешь—ребята... Можетъ, сколько далъ бы?

Сергѣй посмотрѣлъ на занесенную снѣгомъ крышу клѣти и не сразу отвѣтилъ:

— Что-жъ, это можно,—проговорилъ онъ, думая въ то же время о томъ, что хлѣба самимъ осталось еле-еле до Свѣтлаго дня, а Дмитрію дать—навѣрно, не скоро отдастъ,—не знаю только, какъ молотого-то, намедни ладился на мельницу ѣхать, да погода зашла, собаки не выгнать, не то что со двора справляться... Ладно, ужо подъ вечеръ принесу, сейчасъ будто неловко...

— Спасибо, и то подъ вечеръ лучше... Не боюсь собаки, да не люблю ея звяги,—усмѣхнулся Дмитрій не то надъ тѣмъ, что они безъ словъ поняли другъ друга, не то надъ этой, въ сущности, ненужной попыткой скрывать то, что у всѣхъ было на глазахъ и о чемъ всѣ знали.

— Спасибо,—повторилъ онъ еще разъ,—а то ребята ревутъ, баба сама не своя ходитъ, самъ знаешь... А я ужо отъ кузнеца-то свово, можетъ, получу, либо поработаю тебѣ что... скажешь тамъ, какъ лучше...

— Ладно, чего тамъ, сочтемся...

— Такъ вечеромъ, значитъ... Спасибо...

Съ минуту Дмитрій смотрѣлъ на Сергѣя особеннымъ страннымъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать и не могъ выговорить. Тотъ въ недоумѣніи стоялъ, ожидая, и только что хотѣлъ спросить, въ чемъ дѣло, какъ щеки Дмитрія дрогнули и онъ шморгнулъ носомъ.

— Спа... сиб... бо!—запинаясь и съ трудомъ, еще разъ проговорилъ онъ, и вдругъ лицо его мгновенно измѣнилось, глаза стали круглыми и блестящими, а губа приподнялась, открывая рядъ бѣлыхъ, острыхъ, какъ у хищнаго звѣря, зубовъ.

— А отецъ...—вдругъ захрипѣлъ, а не заговорилъ Дми-

трій,—отцу... ввѣкъ не забуду!—Онъ остановился и съ той же холодной, безпощадной жестокостью, отъ которой Сергѣй невольно дрогнулъ и подался назадъ, докончилъ:—истинно говорю, смертный часъ придетъ, жизни буду рѣшаться, а этого ему ввѣкъ не забуду, вотъ тѣ крестъ!..

Онъ снялъ свой пестрый барсучій ушанъ, на которомъ шерсть мѣстами вытерлась и виднѣлись большія проплѣшины, и истово-медленно перекрестился, потомъ разомъ нахлобучилъ ушанъ на глаза и, ни слова не говоря больше, широкими шагами пошелъ прочь.

— „Ну, этотъ точно не забудетъ,—думалъ Сергѣй, глядя ему вслѣдъ,—надѣлаетъ онъ хлопотъ старику...“

Онъ сталъ отпирать клѣть ключемъ величиною съ маленькій топорикъ, похожимъ на тѣ ключи, съ которыми изображается апостолъ Петръ на иконахъ. Вдали еще видѣнъ былъ Дмитрій—высокій, тощій, согнувшійся такъ, какъ будто плечи его давила невидимая ноша, въ короткомъ полушубкѣ и стоптанныхъ валенкахъ—Сергѣй зналъ, единственныхъ на всю семью,—изъ которыхъ торчали худыя жилистыя ноги, стянутыя узкими портками изъ красной съ бѣлымъ домотканины.

Этотъ Дмитрій возбуждалъ жалость и страхъ своей голодной, ужасной жизнью, въ которой самъ былъ ничѣмъ не виноватъ, и тѣмъ, что заставлялъ всѣхъ посматривать на эту жизнь со страхомъ и ожиданіемъ, что вотъ-вотъ не сегодня-завтра она разразится чѣмъ-нибудь дикимъ, страшнымъ и жестокимъ...

Ссора его съ отцомъ было ихъ дѣло, и деревня не мѣшалась въ него, не судила—кто правъ, кто виноватъ, относясь одинаково къ обѣимъ сторонамъ. То, что Сергѣй, выгнанный отцомъ, изъ четырехъ душъ надѣла не давшимъ ему ничего, долженъ былъ жить Богъ знаетъ чѣмъ и Богъ знаетъ какъ—это тоже было его дѣло, въ которое соваться никому не слѣдъ; деревня земли ему выдать не могла—это уже было дѣло деревенское: она только присматривалась со стороны къ этой ссорѣ сына съ отцомъ, ожидая и опасаясь могущихъ произойти послѣдствій.

И всѣ привыкли смотрѣть на эту ссору, какъ на что-то касающееся каждаго и поглядывая на избу Дмитрія, странную избу отъ отсутствія фундамента, не забраннаго между четырьмя камнями, на которые она опиралась, безъ сѣней, безъ какой-либо постройки около, обдуваемую всѣми вѣтрами, свободно гулявшими подъ поломъ, съ дверью, отворявшейся прямо на улицу, гдѣ вмѣсто крыльца была приставлена обледенѣлая лѣсенка,—поглядывая на это немудрое жилище, въ которомъ дѣти ревѣли отъ холода, дыма

топившейся по черному печки и вѣчнаго голода, и бормоча опасливо:

— Быть дѣламъ!.. Не миновать.

Когда стало темнѣть, Сергѣй взялъ изъ сѣней приготовленный мѣшокъ съ мукой и вышелъ на улицу. Онъ не хотѣлъ встрѣтиться съ матерью, а она вышла куда-то, и прежде чѣмъ завернуть изъ прогона въ улицу, онъ выглянулъ изъ-за угла Феклистова сада, огороженнаго полуповаленнымъ вѣтромъ тыномъ.

—„Не боюсь собаки, да не люблю ея звяги!..—припомнились ему слова Дмитрія. Эво времена—добро человѣку дѣлаешь, и то ровно крадешь!"

Онъ усмѣхнулся той сложности и запутанности деревенской жизни, по которой даже добро приходилось дѣлать съ такимъ чувствомъ боязливости, какъ обычно крадутъ, въ то время какъ въ городѣ, гдѣ онъ былъ какъ дома,—все просто и ясно,—и не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ наткнулся на Лушу.

— Ты куда пробираешься?—спросила она, поглядывая на мѣшокъ,—гляди, замѣтитъ матка, что подарки Танькѣ носишь—дастъ тебѣ!.

— Ладно, подарки!—пробормоталъ Сергѣй, отлично понимая, что Луша догадалась, что и кому онъ несетъ, и нарочно говоритъ про Татьяну, чтобы не подать вида.

— Подарки!—продолжалъ онъ бормотать, минуя Феклистову избу, освѣщенную лавочку Ларіона по сосѣдству, потомъ длинный заборъ Собакиныхъ и подходя къ высокой, съ мезониномъ, широко расползшейся старинной избѣ отца Дмитріева Прокофія,—вотъ этому отъ Митьки будетъ подарокъ, это ужъ какъ есть... Затравилъ старый Митьку, какъ есть въ уголъ прижалъ—не хорошо!..

Дальше былъ дворъ Пѣгаревыхъ. Сергѣй попробовалъ было вглядѣться въ окошки, не увидитъ ли Татьяну,—но оба окна, выходящія на улицу, были завѣшаны красными занавѣсками, и только тамъ, гдѣ въ одномъ изъ нихъ занавѣска не вплотную подходила къ краю, виднѣлся огонь привѣшанной къ потолку лампы, клавшій на улицу длинный прямой лучъ.

И опять, какъ всегда, когда онъ думалъ о Татьянѣ или видѣлъ ее при другихъ, когда нельзя было перекинуться словомъ,—гдѣ-то внутри поднялось спокойное, немного гордое чувство увѣренности и покопченности, передъ чѣмъ настоящее казалось не важнымъ и не главнымъ, какъ канунъ передъ праздникомъ.

— Вотъ только-бъ Дуньку кому ни на есть пропить; пока сестра дома—никакъ нельзя, ну да алибо... Старуха, поди

ужъ старается, что-то часто изъ дому бѣгать стала, раньше бывало, съ печи не слѣзетъ вечеромъ...

За Пѣгаревыми жилъ Алексѣй, глубоко воткнувшись избой въ прогонъ, выходящій въ поле, потомъ—Никитьевы два брата, Борисъ и Егоръ, потомъ шелъ большой задичавшій садъ, въ которомъ яблони расползлись во всѣ стороны кривыми перекрученными вѣтвями, а кусты стояли вплотную, перепутавшись такъ, что сквозь нихъ нельзя было продраться.

Сергѣй вспомнилъ, какъ мальчишкой, вмѣстѣ съ другими ребятами, бѣгалъ онъ въ въ этотъ садъ задолго до Спаса воровать маленькія горькія яблоки, отъ которыхъ лицо сводилось судорожной гримасой, а животы такъ разстраивались, что нерѣдко при вторичномъ набѣгѣ съ кѣмъ-нибудь изъ участниковъ помоложе тутъ же случалось несчастье—предметъ издѣвательства остальныхъ, не дававшихъ впослѣдствіи прохода потерпѣвшему обидными кличками...

Тогда былъ живъ еще старикъ Никита—огромный, весь заросшій волосами, какъ лѣсной звѣрь, подстригавшій усы на верхней губѣ, чтобъ можно было ѣсть, ревѣвшій на воришекъ такъ, что у тѣхъ въ животѣ холодѣло, и кидавшій въ нихъ чѣмъ попало: камнемъ, оглоблей, чашкой для меду, съ которой шелъ онъ подрѣзать новыя соты...

Обычно въ этихъ набѣгахъ участвовала и Татьяна—тогда худенькая Танька, съ длинными такими тонкими и худенькими руками и ногами, какъ будто онѣ состояли изъ однѣхъ плоскихъ, какъ узкія досочки, костей, обтянутыхъ загорѣлой коричневой кожей.

Никто не зналъ, кто былъ ея отецъ. Мирониха принесла ее изъ города, куда каждую осень отправлялась трепать ленъ,—и это обстоятельство было причиной немалаго смущенія старухи Данилихи, матери Сергѣя, видѣвшей, къ чему клонятся всѣ эти посидѣлки и супрядки...

Теперь, когда она выросла и измѣнилась такъ, что въ стройной, сильной дѣвушкѣ нельзя было узнать замарашку-дѣвченку въ одной до невозможности грязной рубахѣ, едва достигавшей худыхъ, загрубѣлыхъ колѣнъ, съ вздернутымъ на веревочку воротомъ, открывавшимъ тонкія кости ключицъ, съ вѣчно болтавшимся на боку или на спинѣ мѣднымъ крестомъ на грязной, свернувшейся отъ пота и грязи, тесемкѣ,—теперь, пожалуй, можно было предполагать, что отцемъ ея былъ не мужикъ, не крестьянинъ.

Продолговатое, необычное у крестьянскихъ дѣвушекъ, лицо съ тонкими чертами, высокій бѣлый лобъ и общая блѣдность лица, чуть подернутая на щекахъ слабымъ за-

стѣнчивымъ румянцемъ, и темные сѣрые глаза такъ же, какъ небольшія, съ длинными пальцами руки и вся фигура—не приземистая, короткая, крѣпкая, какъ камень, фигура крестьянской дѣвки, налитая силой и выносливостью, фигура, про которую парни говорятъ: „круглая, что бутылка",—а главнымъ образомъ, то особенное впечатлѣніе хрупкости, неустойчивости, даже какъ будто слабости, какое оставалось у всякаго, глядѣвшаго на Татьяну,—все это говорило о не мужицкомъ происхожденіи.

Обстоятельство это какъ-то особенно волновало Сергѣя, и, возвратившись съ супрядки, онъ долго, случалось, ворочался на скамьѣ, перевертывая подушку, вставая попить, сбрасывая и вновь натягивая душный полушубокъ, не будучи въ силахъ побороть власть, сохраненную цѣломудріемъ страсти, молодого, сильнаго тѣла.

За садомъ Никитьевыхъ находился мостъ черезъ ручей, теперь замерзшій, окруженный голыми прутьями прибрежныхъ кустовъ, лѣтомъ веселый, звонкій, прячущійся въ густой заросли; тамъ по веснамъ прилетавшіе соловьи напоминали людямъ своимъ побѣдоноснымъ, радостнымъ громомъ о веснѣ, о любви, о радости...

И сразу же за мостомъ, на голомъ открытомъ мѣстѣ, ограниченномъ со стороны мокраго болотца, вплотную подходившаго къ деревнѣ,—темными силуэтами длинныхъ гуменъ стояла, какъ на тычкѣ, доступная всѣмъ вѣтрамъ и всѣмъ непогодамъ изба Дмитрія.

Деревня поскупилась дать землю для постройки разсорившемуся съ отцомъ мужику на полевой землѣ и—частью въ угоду властному отцу, которому многіе были обязаны деньгами, хлѣбомъ или работой—отвела самое неугожее, самое плохое мѣсто—на берегу ручья, весною разливавшагося такъ, что часть Никитьевскаго сада бывала затоплена, рядомъ съ болотомъ, гдѣ, какъ только оттаетъ ледъ, по вечерамъ подымался гнилой, пронизывающій туманъ, отъ котораго, какъ говорили, болѣютъ и мрутъ дѣти....

Въ этомъ сказалась полубезсознательная жестокость крестьянъ, въ душѣ которыхъ всегда скрыто гдѣ-то въ глубинѣ подъ неимовѣрной толщей нужды, зависимости и тьмы нѣчто похожее на злорадное желаніе добить упавшаго, случайно неостерегшагося, споткнувшагося тамъ, гдѣ споткнулся хоть разъ въ жизни каждый: не на ссорѣ съ отцомъ, такъ на смерти кого-либо изъ семьи, на падежѣ лошади, на довѣрчивой темнотѣ, ввѣрившейся подпольному ходатаю въ городѣ, на случайномъ загулѣ, подорвавшемъ благосостояніе цѣлой жизни...

Въ окнахъ Дмитріевой избы было темно, и Сергѣй оста-

новился въ нерѣшительности—можетъ, дома нѣтъ? Но если нѣтъ самого—дома, вѣрно, хозяйка, хлѣбъ отдать все равно кому... Онъ поднялся по дрожащей, качающейся лѣсенкѣ и отворилъ дверь. Внутри было еще темнѣй, и Сергѣй не зналъ, куда ступить.

— Иди, иди, затворяй двери-то, настудишь!—услышалъ онъ откуда-то изъ темноты голосъ Дмитрія,—ступай впередъ, не бойсь, не провалишься...

Сергѣй ступилъ и тотчасъ наткнулся колѣномъ на что-то. Должно быть, это стояла кадка около дверей.

— Что-жъ вы такъ-то... въ потемкахъ?—спросилъ онъ, сбрасывая мѣшокъ на полъ возлѣ своихъ ногъ. Здравствуйте...

— Здравствуй... Посидишь и въ потемкахъ, какъ огня нѣту... Керосинъ весь вышелъ...

Темный силуэтъ поднялся съ лавки у крохотнаго окна и выпрямился, уйдя головой куда-то подъ самый потолокъ.

— Спасибо тебѣ, Сергѣй Данилычъ, въ вѣкъ не забуду! Садись, что-ль...

Сергѣй ощупью пробрался къ столу и сѣлъ. Несмотря на то, что глаза должны бы были привыкнуть къ темнотѣ, онъ ничего, кромѣ чуть свѣтлѣвшихъ оконъ, не видѣлъ. Дмитрій опять сѣлъ и потонулъ въ этой темнотѣ, и слышно было только его дыханіе гдѣ-то тутъ же у окна.

На печкѣ или возлѣ нея негромко возились, и оттуда слышался сдержанный шепотъ.

— А это кто пришелъ?—шелестилъ кто-то чуть слышно.

— Молчи, сынокъ, это дядя, знакомый дядя, ништо...—также шепотомъ отвѣчала ему мать.

— А онъ что принесъ? А? Мамка, что?

— Хлѣба, сынокъ, принесъ, молчи!.. Хлѣба теперь печь будемъ, поѣдимъ ужо...

— А лепешку будемъ печь?

— И лепешку спекемъ...

Странный незнакомый запахъ стоялъ въ избѣ. Пахло, какъ будто, угаромъ и еще чѣмъ-то, чего никакъ не могъ разобрать Сергѣй и только немного спустя догадался: изба топилась по черному, и это былъ запахъ холоднаго дыма и давно простывшихъ кирпичей.

Въ избѣ было очень холодно, очевидно—печь давно не топилась; въ щели пола сильно дуло, и вѣтеръ, незамѣтный въ деревнѣ за постройками и садами, гудѣлъ тамъ жалобно и тоскливо, и смутнымъ, жуткимъ шуршаньемъ отзывалась ему солома на крышѣ... Моментами этотъ шорохъ стихалъ, и тогда было такое впечатлѣніе, что то, что бродитъ осторожной поступью на сквозномъ, открытомъ съ двухъ сто-

ронъ чердакѣ, прислушивается къ тому, что дѣлается въ погруженной въ мракъ избѣ. Потомъ опять тихо шуршитъ, бродитъ невидимый подъ конькомъ крыши и трогаетъ старую солому, на спѣхъ связанную подъ лопату...

Въ одномъ изъ оконъ, должно быть, было разбито стекло, потому что тонкій, дребезжащій звонъ несся съ той стороны вмѣстѣ съ острой струйкой холода.

Опять у печки завозился кто-то и захныкалъ.

— Цы-ы-цъ!—предостерегающе громко протянулъ Дмитрій, и хныкавшій тотчасъ же стихъ.

— Какъ же... какъ же вы живете тутъ?—спросилъ Сергѣй, чтобы хоть чѣмъ-нибудь нарушить жуткую тишину.

— Какая ужъ наша жизнь,—плаксиво отозвался бабій голосъ отъ печки,—маята одна, а не жизнь...

— Еще ты начни!—такъ же угрожающе прервалъ Дмитрій.

— Что-жъ, живемъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Сергѣю,—живемъ ничего, заправскими, можно сказать, хозяевами... Читалъ вонъ разъ Алешка Мироновскій изъ книжки: есть и овощь въ огородѣ—хрѣнъ да луковица, есть и мѣнная посуда—крестъ да пуговица... Х-х-ха!—отхаркнулся онъ съ непонятнымъ и жуткимъ выраженіемъ.—Главное дѣло,—снова заговорилъ онъ, и было страшно слушать этотъ идущій изъ темноты голосъ,—главное дѣло, не къ чему прибиться совсѣмъ... Какъ есть не къ чему! Только что у Василія Семеновича молотомъ помахаешь, да вѣдь и у него работы-то только слава одна—все ковка больше... На той недѣлѣ махалъ, махалъ, руки въ плечьяхъ, думалъ, отвалятся—до того боль въ кости вошла, двадцать копѣекъ вымахалъ... Съѣли!—добавилъ онъ, помолчавъ.

— Ну, а дальше-то какъ?—полюбопытствовалъ Сергѣй.

— Дальше? — переспросилъ Дмитрій, — х-х-ха! Дальше видно будетъ... Вотъ ты погляди, что дальше будетъ: сейчасъ у насъ мясоѣдъ, черезъ полмѣсяца масляная, такъ... Хлѣба у насъ у кого до Рождества своего хватило, у кого до масляной будетъ, а до Пасхи такъ и мало кто дотянетъ, такъ... Х-х-ха! Ну, коли сейчасъ ты далъ мнѣ, скажемъ, сколько тамъ, такъ ужъ когда покупать будешь—не дашь, не, не бойсь, братъ, тогда не дашь, х-х-а!... Ну, такъ... Теперь тò взять: Рождество только что отошло, стало-ть, считать надо ползимы, а ползимы еще впереди... Дровъ у нашихъ мужиковъ у кого и есть, такъ купленные, а купленныхъ, что хлѣба,—повѣсься на воротахъ,—никто не дастъ... Которые кусты въ Лѣшихинской дачѣ, такъ и тѣ подѣлены по надѣлу, значитъ, кому сколько слѣдуетъ, а мнѣ, ты знаешь, какой надѣлъ, избу-то вонъ гдѣ выбили, самъ, чай, понимаешь!.. Вотъ и гляди, что дальше-то, х-х-ха!..

У печки опять заплакали, но на этотъ разъ шмургая носомъ, всхлипывая и вытираясь, должно быть, подъ чуть слышныя, подавленныя причитанія.

— Ну-у-у?!—опять свирѣпо протянулъ Дмитрій.

Причитанія прекратились, но плачъ продолжался и вскорѣ перешелъ въ жалобный вой, похожій на длинный протяжный стонъ.

Сергѣю стало страшно отъ этого воя, и онъ поднялся.

— Идешь?—спросилъ Дмитрій.—Ну, иди и то, братъ, сидѣть тутъ не въ радость, хх-х-ха!..

Онъ поднялся и хотѣлъ, должно быть, проводить гостя.

По прежнему тонкой струйкой вился въ воздухѣ слабый стонъ, похожій на вой, и это вывело изъ себя Дмитрія.

— Молчать, стерва, еще ли тутъ выть будешь!—рявкнулъ онъ страшнымъ голосомъ и выругался длинно и злобно грубой скверной бранью.—Мало того, ребята ревутъ, что ни часъ, она еще тутъ...

Сергѣй поспѣшилъ выйти и, когда лѣзъ по лѣсенкѣ внизъ, услышалъ, какъ въ избѣ поднялся ревъ въ три голоса, и визгливый женскій голосъ, полный гнѣва и отчаянія, кричалъ изступленно и громко:

— Убей меня лучше, убей сразу, мучитель ты мой, убей. и съ ребятами за одно убей и въ землю закопай!..

Вышедшій на порогъ, слѣдомъ за Сергѣемъ. Дмитрій захлопнулъ дверь, и голоса разомъ смолкли, какъ придушенные.

— Началась музыка,—услышалъ за собой Сергѣй, когда сошелъ внизъ,—теперь пойдетъ исторія...

Дмитрій спустился съ лѣсенки и остановился.

— Спасибо еще разъ... Ужо мѣшокъ-то я отнесу назадъ. Онъ помолчалъ немного и опять отхаркнулся громкимъ и продолжительнымъ:—к-ха-ха-а!..

— Вѣришь ли,—заговорилъ онъ придавленнымъ, сиплымъ шепотомъ,—сидишь вотъ такъ въ потемкахъ-то, и всякое-то тебѣ думается: и кто обиду тебѣ какую сдѣлалъ, посмѣялся надъ тобой и чѣмъ досадилъ когда... Все копишь, все копишь и копишь, и счетъ всему ведешь—долгій счетъ, ухъ, долгой...

Онъ остановился, и Сергѣй слышалъ только порывистое, хриплое дыханіе, отъ котораго, казалось, качается длинная, придавленная невидимой тяжестью, черная фигура Дмитрія.

— Ухъ, долгой счетъ, ха-х-ха-а! А на послѣдокъ всему счету—отцу моему родному Прокофію Кудимычу Ельникову запись стоитъ, большая запись, слезамъ-кровью сыновней записанная!..

— Брось, что ты, Дмитрій Прокофьичъ...—началъ было Сергѣй, но Дмитрій не далъ ему договорить:

— И ни-ни, молчи!.. Ни-ни-ни!—захрипѣлъ онъ надъ самымъ ухомъ, часто и горячо дыша въ щеку:—и ни Боже мой!.. А твоего добра—по смертной часъ не забуду, истинно говорю!..

Онъ отшатнулся и проворно и ловко полѣзъ по своей лѣсенкѣ къ двери.

— Бѣда-а!—думалъ Сергѣй, шагая обратно.—Бѣда чистая, и быть бѣдѣ, не миновать!..

Онъ попробовалъ было вообразить жизнь изо дня въ день въ этой прокуренной горькимъ дымомъ избѣ, гдѣ вѣтеръ ходитъ подъ поломъ, завываетъ, какъ голодный звѣрь, и шевелитъ волосы спящихъ дѣтей, просыпающихся отъ холода и воющихъ оттого, что послѣ голоднаго дня легли не ѣвши...

Сидитъ въ темнотѣ Дмитрій, сидитъ часами, сжавшись въ углу около окна, и думаетъ. Какія мысли приходятъ ему въ голову въ эти страшные, наполненные темнотой часы! Какая звѣриная тоска грызетъ этого длиннаго, сгорбленнаго мужика съ окаменѣвшимъ, замкнутымъ въ злой и холодной гримасѣ, лицомъ?

Ползетъ часъ за часомъ плывущаго во мракѣ вечера, шуршитъ подъ невидимымъ прикосновеніемъ солома на крышѣ, бушуетъ вѣтеръ подъ поломъ, налетаетъ на стѣны и звенитъ пронзительно въ разбитомъ стеклѣ, и разбуженные ребята скулятъ, какъ забитые щенки. А изъ угла, тамъ, гдѣ притаилась неподвижная черная фигура отца, время отъ времени доносится темное и страшное:

— К-х-ха!..

И копится счетъ. Каждый день и каждый часъ вносится новая цифра, и не ее ли отмѣчаетъ отчаявшійся человѣкъ своимъ характернымъ и жуткимъ кашлемъ?..

Копится одно къ другому, цифра къ цифрѣ, и страшенъ будетъ послѣдній итогъ этого счета!..

Дома Сергѣй нашелъ только Дуньку. Она сидѣла за занавѣской на кровати, пристроивъ трехугольный осколокъ разбитаго зеркала на подушкахъ, а надъ нимъ къ изголовьямъ кровати прилѣпивъ тоненькую восковую свѣчку отъ образовъ, и разсматривала свое круглое красное лицо съ блестящими, какъ лакированныя, щеками, заплетала тонкую коротенькую косичку рыжеватыхъ волосъ и желѣзной шпилькой, нагрѣтой тутъ же на свѣчкѣ, пыталась устроить кудряшки надъ низкимъ веснушчатымъ лбомъ.

Она такъ увлеклась этимъ занятіемъ, что не замѣтила, какъ вошелъ братъ.

Сергѣй долго смотрѣлъ на нее, слегка приподнявъ занавѣску, и что его забавляло больше всего—это мѣняющееся выраженіе лица Дуньки, смотрѣвшейся въ осколокъ зеркала то прямо, то искоса, закатывая глаза такъ, что сверкалъ напряженный желтоватый бѣлокъ. Можно было подумать, что она слушаетъ чей-то тихій разговоръ, передъ кѣмъ-то жеманится и улыбается и даже отвѣчаетъ кому-то, чуть шевеля губами.

— Кого-жъ это ты такъ улещаешь, Дунь?!—насмѣшливо спросилъ Сергѣй.

Дунька быстро обернулась, и лицо ея мгновенно потухло, стало сѣрымъ и неподвижнымъ, и привычное тупое выраженіе разомъ легло на немъ, какъ старая, полинявшая маска.

Она тотчасъ потушила свѣчу, сунула куда-то обломокъ текла и вышла изъ-за занавѣски, равнодушная и спокойная какъ будто ничего не было.

— Куда-жъ ты такъ справляешься, а?—снова спросилъ Сергѣй,—еще накрасилась никакъ...

У Дуньки щеки, дѣйствительно, были накрашены,—смѣшной обычай, привитый городомъ, въ которомъ не нуждались совершенно полнокровныя лица деревенскихъ дѣвушекъ. Такъ какъ румяна были дороги и поѣздки въ городъ рѣдки, такъ что купить ихъ могла не всякая, то для притиранія употреблялись всякія средства, большей частью бумажки отъ конфектъ, покрытыя красной, линючей краской.

Это очень портило и такъ испорченныя морозомъ и вѣтромъ лица, и часто послѣ такого притиранія конфектной бумажкой на щекахъ появлялись прыщи, подозрительныя пятна, но обычай держался твердо, и никто не могъ бы разубѣдить деревенскихъ модницъ въ ненадобности для нихъ притиранііі.

— Ова расписалась, что икона суздальская!—усмѣхнулся Сергѣй, разсматривая сестру.

— А тебѣ что—болитъ отъ этого, что ли?—равнодушно отозвалась Дунька.

— Зря это, вотъ что... И совершенно даже ни къ чему!

— За то, что ты ничего не понимаешь, — она улыбнулась слабой, далекой улыбкой,—и то сказать: мазанный блинокъ, ай не мазанный...

— Ты, мазанный блинокъ, туда же... Куда матка-то ушедши, съ коихъ поръ нѣту?..

— А кто ее знаетъ... Къ Пѣгарихѣ никакъ, что ли. Пойдешь вечеромъ-то сегодня, ай нѣтъ?

— А тебѣ что?

— Да такъ...

— Може, и пойду...

— Коли пойдешь, такъ иди вмѣстяхъ, не то мѣсто займутъ.

— Кто-жъ займетъ-то?

— А Ванька Прокофьевъ, онъ давно ладится къ Танькѣ присѣсть..

— Ладно, пущай садится!—усмѣхнулся Сергѣй.—Какъ сядетъ, такъ и встанетъ!

На супрядкахъ было въ обычаѣ каждому парню садиться къ той дѣвушкѣ, съ которой онъ былъ связанъ обѣщаніемъ жениться, или просто чувствомъ, тѣмъ безсознательнымъ чувствомъ влеченія, которому поддается деревенская молодежь, такъ же, впрочемъ, мало называя его любовью, какъ и думая о подборѣ, заставляющемъ самца-звѣря выбирать именно ту, а не другую самку.

Сергѣй пропускалъ иногда супрядки, иногда являлся поздно, когда всѣ уже сидѣли на своихъ мѣстахъ, и раза два видѣлъ около Татьяны Прокофьевскаго Ивана, котораго та усиленно, гнала, прочь, иногда вступая съ нимъ въ шутливую борьбу: упершись обѣими руками, дѣвушка толкала со скамьи Ваньку, а тотъ упирался и, придерживая одной рукой гармонь, другой пытался обнять Таню.

— А Луша?—спросилъ Сергѣй.

— Она никакъ съ матерью къ Танькѣ, что ли, побѣгла...

— Чего онѣ всѣ туда забрались!—проворчалъ Сергѣй, какъ будто бы недовольно, въ сущности догадываясь, зачѣмъ пошла мать, и съ нѣкоторой тревогой думая объ этомъ:— ты собиралась—иди, я подожду пока...

Дунька натянула материнъ салопъ и, прихвативъ прялку, вышла. И на крыльцѣ встрѣтилась съ матерью, возвращавшейся отъ Пѣгарихи.

— Идешь, что-ль? — прокряхтѣла старуха, съ трудомъ подымаясь по обледенѣлымъ ступенькамъ крыльца,—домъ, я чай, такъ бросила...

— Тамъ Сергѣй.

— То-то что Сергѣй... Все гулянки да погулянки... Давеча встрѣтила Феклистова Матвѣя, шерстобита,—ужо, говоритъ, догуляются, дай срокъ, догуляются!..

Старуха прошла въ сѣни и долго шарила рукой по двери, ища скобу.

— Догуляются!—бормотала она, очевидно, думая о чемъ-то другомъ и забывъ про Дуню,—ужо, говоритъ, будетъ имъ!..

Не дожидаясь Сергѣя, Дуня пошла на супрядку.

Онъ пришелъ поздно, когда всѣ почти уже собрались, и въ сѣняхъ, и въ самой избѣ у дверей стояла плотная

толпа мальчишекъ, обычно скоплявшихся въ избѣ, гдѣ была супрядка. Они торчали тамъ до поздняго вечера, задирали другъ друга, толкались, иногда дрались и поминутно сновали изъ сѣней въ избу и обратно, хлопая дверью и напуская холоду. На нихъ цыкали, бранились, порой крѣпкій подзатыльникъ обрушивался на чью-нибудь голову, ихъ гнали, выталкивая изъ избы въ сѣни, а оттуда на дворъ, но проходило нѣсколько минутъ, и—мелюзга снова набивалась въ избу плотной кучей, сверкавшей любопытными глазами и красными съ мороза щеками, шушукаясь, толкаясь и затрудняя входъ желавшимъ войти...

Сергѣй раза два прошелъ по тѐмной улицѣ мимо Пѣгаревой избы, заглядывая въ окна, свѣтившіяся яркимъ желтымъ огнемъ. Морозъ закрылъ стекла плотнымъ лапчатымъ узоромъ, и съ улицы видны были только черныя фигуры, двигавшіяся по избѣ уродливыми тѣнями.

Ему не хотѣлось входить, когда собрались еще не всѣ деревенскіе парни, которымъ нѣтъ никакого другого дѣла кромѣ посидѣлокъ да супрядокъ; чтобы оттянуть время, онъ пошелъ въ лавочку Ларіона, на другой конецъ деревни.

Ларіонъ уже хотѣлъ запирать лавку и стоялъ возлѣ нея на улицѣ, пристраивая къ окошку ставню.

— Никакъ ко мнѣ?—спросилъ онъ, когда Сергѣй подошелъ.

— Да такъ коё-чего взять, орѣшковъ тамъ либо пряниковъ.

Ларіонъ пристроилъ ставню и, отряхая руки, вошелъ за Сергѣемъ въ лавку.

— Дѣвокъ баловать?—спросилъ онъ, ухмыляясь въ черную широкую бороду,—чего-жъ тебѣ, орѣховъ, что-ль? Волоцкихъ?

— Хоть ихъ фунтикъ, да пряничковъ какихъ тамъ...

— Вонъ мятные намедни съ городу привезъ, свѣжіе...

Онъ отвѣсилъ по фунту орѣховъ и пряниковъ и ссыпалъ все въ подставленный Сергѣемъ платокъ.

— Неси, неси, а либо которая добрѣй будеть,—говорилъ Ларіонъ, принимая деньги.—Моя Машка тамъ ужъ и Степанъ никакъ справляется... Гляди, не увези кого съ супрядки-то...

Онъ говорилъ о старинномъ, уцѣлѣвшемъ до сихъ поръ обычаѣ, когда молодую дѣвушку увозили съ супрядки и прятали въ домѣ кого-нибудь изъ пріятелей жениха съ недѣлю, а потомъ, когда можно было уже предположить, что дѣвушка перестала быть дѣвушкой,—оба, женихъ и невѣста, въ сопровожденіи родныхъ жениха, являлись съ по-

винной къ отцу и матери потерпѣвшей за прощеніемъ и благословеніемъ. Увозъ дѣлался почти всегда съ согласія дѣвушки, приходившей на супрядку съ узелкомъ бѣлья и кое-какими „окрутами“, часто даже съ согласія родителей невѣсты и жениха, не желавшихъ тратиться на свадьбу, но бывали случаи, когда увозъ совершался и безъ согласія невѣсты, силкомъ, какъ въ то старое время, отъ котораго дошелъ этотъ обычай: тогда дѣвушка переживала драму, первымъ актомъ которой являлось изнасилованіе гдѣ-нибудь въ темномъ, скрытомъ углу, приготовленномъ заранѣе дружками жениха...

Сергѣй заплатилъ деньги изъ особенныхъ своихъ сбереженій, составившихся частью изъ остатковъ не цѣликомъ отданнаго матери жалованья, полученнаго еще осенью въ городѣ, частью изъ хозяйственныхъ суммъ, вырученныхъ продажею льна или хлѣба, утаенныхъ на всякій случай, чтобы не ходить къ старухѣ за каждымъ гривенникомъ. Это не было воровствомъ, потому что было освящено обычаемъ, и сами старики въ большинствѣ случаевъ знали о подобныхъ утайкахъ и лишь дѣлали видъ, что ничего не видятъ.

Изба уже полна была народу, когда Сергѣй отворилъ дверь изъ темныхъ сѣней, гдѣ мальчишки сновали невидимыми тѣнями, и горячій, нагрѣтый дыханіемъ многихъ людей воздухъ, рванулся въ холодныя сѣни, поднявъ сѣдые клубы пара.

Кое-какъ, расталкивая сгрудившихся у порога мальчишекъ, онъ вошелъ въ середину и поклонился. Гости сидѣли на широкихъ лавкахъ по стѣнкамъ, даже за печкой на кровати, занавѣска которой была закинута высоко къ потолку, за поддерживающую ее жердь. У всѣхъ дѣвушекъ были прялки, а у двухъ—Маши Ларіоновой, дочери лавочника, и Наташи, дальней родственницы Даниловой семьи, дочери дѣдушки Өедора Романовича—новыя желтыя, полированнаго дерева, точеныя самопрялки съ большимъ колесомъ и приводнымъ ремнемъ, приводившимся въ движеніе ногой.

Пока Сергѣй обходилъ всѣхъ, здороваясь, онъ рѣшилъ, что въ ближайшую ярмарку купитъ такую же самопрялку и подаритъ Татьянѣ, весело кивавшей теперь ему издали головой. Она сидѣла вплотную около задвинутаго въ уголъ стола, плечомъ къ плечу съ сидѣвшей рядомъ Настушкой Матвѣевой, около которой пристроился Ванька-хуторянинъ, придерживавшій на колѣнѣ новую трехрядную итальянку, а съ другой стороны, за недостаткомъ мѣста на скамьѣ, присѣвъ бокомъ на столъ, сидѣлъ Иванъ Прокофьевъ, тоже

съ гармонью, и, наклонясь черезъ прялку, лицомъ почти касаясь прицѣпленной къ ней кудели, говорилъ что-то.

Сергѣй понялъ, почему Татьяна сѣла въ самый уголъ, такъ, чтобы не было мѣста сѣсть рядомъ, и, здороваясь съ ней, улыбнулся забавной, подмигивающей улыбкой.

— Ладно, уходите, пожалуста, и ни къ чему все то, что вы говорите!—проговорила Татьяна, обращаясь къ Ивану:— и даже совсѣмъ напрасно...

Она подтолкнула чуть-чуть локтемъ Настушку, та— Ваньку-хуторянина, тотъ—сидѣвшую рядомъ Наташу, и такъ толчокъ дошелъ до угла: весь рядъ посжался, и рядомъ съ Татьяной образовалось пустое мѣсто.

Иванъ кинулся было къ нему, но Сергѣй ловко оттолкнулъ его и разомъ шлепнулся на лавку, едва втиснувшись своимъ широкимъ тѣломъ и приминая юбку Татьяны.

Всѣ захохотали, а мальчишки у дверей завыли отъ восторга и подались ближе, на что хозяйка избы, Пѣгариха, намахнулась на нихъ ухватомъ и закричала не своимъ голосомъ:

— Кышь вы, паршивые!..

— Такъ что—не въ свои сани не садись, Иванъ Прокофьичъ, не то носъ разобьешь!—крикнулъ младшій Собакинъ, сидѣвшій рядомъ съ Дуней.

— Не ожидалъ этого отъ васъ, совсѣмъ даже не ожидалъ!—съ укоризненной галантностью говорилъ Татьянѣ Прокофьевъ.—Что-жъ, сыграть, что-ль, на грустяхъ, безъ подружки въ одиночествѣ!..

Онъ развелъ широкимъ размахомъ гармонь и сдѣлалъ частый ловкій переборъ. Но тотчасъ же смолкъ и собралъ мѣхъ гармони.

Парни близко наклонялись къ своимъ дѣвушкамъ и говорили такъ, что разобрать могли только онѣ однѣ, и отъ этого въ избѣ стоялъ негромкій гулъ, похожій на гулъ въ пчелиномъ ульѣ передъ тѣмъ, какъ долженъ отойти новый рой. Иногда у кого-нибудь вырывалось неосторожно сказанное громкое слово, и тогда всѣ подхватывали на смѣхъ промахнувшуюся пару, и со всѣхъ сторонъ сыпались шутки и намеки, заставлявшіе визжать отъ восторга мальчишекъ у двери.

Пущенныя ловкой рукой веретёна прыгали, ударяясь объ полъ, и это было похоже на странный танецъ какихъ-то маленькихъ сѣрыхъ существъ, пузатенькихъ и юркихъ, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ лѣнивѣе становились эти прыгуны, тѣмъ меньше ихъ крутилось возлѣ ногъ сидѣвшихъ вдоль стѣнъ дѣвушекъ. И часто занесенная уже рука, съ пальцами, готовыми пустить бойкимъ вертуномъ

обмотанное ссученной пряжей веретено, застывала въ воздухѣ, въ то время, какъ лицо дѣвушки съ потупленными глазами и вспыхнувшими легкой краской щеками смущенно улыбалось на слова совсѣмъ приникшаго къ ней парня...

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ ближе и тѣснѣе сжимались пары, и, въ странной зависимости отъ этого, всѣ почти парни оказывались однорукими, ухитрявшимися этой одной рукой дѣлать одновременно нѣсколько дѣлъ: держать гармонь, угощать дѣвушку сластями, подкрутить усъ, достать маленькое зеркальце со щеткой на обратной сторонѣ и провести имъ по волосамъ. А въ это же время подъ спущеннымъ съ одного плеча полушубкомъ или ватной кофтой дѣвушки, въ которыхъ онѣ, придя въ избу, садились прямо на мѣсто и почему-то держали ихъ все время накинутыми на плечи, что-то подозрительно шевелилось вокругъ таліи, ничуть, впрочемъ, не пугая дѣвушку...

Иванъ прошелся нѣсколько разъ по избѣ, пробуя заговаривать съ той или другой парой, но вездѣ его встрѣчали насмѣшкой или просто гнали, и когда онъ хлопнулся было на мѣсто вышедшаго на минуту Степки Ларіонова— поднялось цѣлое возмущеніе.

Прежде всего дѣвушка, къ которой онъ подсѣлъ, вдругъ запѣла пронзительнымъ тонкимъ голосомъ:

— Всѣмъ по пары, всѣмъ по пары,
Всѣмъ по пары дадено,
Ахъ, всѣмъ по пары дадено
Со мной посаженъ гадина!..

И подъ общій хохотъ, прибаутки и улюлюканье, Ивана вытолкнули изъ ряда, какъ онъ ни упирался. А въ это время, пользуясь суматохой, у двухъ дѣвушекъ украли изъ прялокъ личинки. Онѣ долго просили отдать украденное, но всѣ только отвѣчали смѣхомъ, и парни глядѣли такъ, что никакъ нельзя было догадаться, кто воръ.

Тогда первая, обнаружившая пропажу, поднялась съ мѣста и съ глубокимъ поясным поклономъ обратилась къ сосѣду слѣва и, обнявъ за шею, поцѣловала его, потомъ такъ же всѣхъ слѣдующихъ по всѣмъ рядамъ вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ.

Дѣвушки смѣялись, подбадривали подругу, а парни дурачились, тянули время, пытались цѣловать два раза, вмѣсто одного, и смѣхъ стоялъ въ избѣ сплошнымъ гомономъ.

Такъ перецѣловала она всѣхъ находившихся въ избѣ парней; ее заставили перецѣловать даже толкавшихся у двери мальчишекъ, и когда она вернулась къ своей прялкѣ—

личинка была уже на мѣстѣ, лукаво поблескивая своимъ блестящимъ отъ долгаго употребленія желтымъ деревомъ и сѣдой бородой кудели.

То же должна была продѣлать и вторая дѣвушка; также, какъ и первой, Сергѣй послѣ поцѣлуя далъ горсть пряниковъ и орѣховъ.

— Вотъ настоящій кавалеръ,—крикнула Наташа,—хоть наградилъ дѣвушку, не дарма ходила!.. Не то, что вы, на даровщинку!..

Наташа была бойкая дѣвушка и нравомъ задалась въ отца—веселаго старика Федора Романыча, котораго никто на деревнѣ не звалъ иначе, какъ дѣдушкой.

Ваня - хуторянинъ, котораго звали такъ потому, что онъ жилъ съ отцомъ на банковскомъ хуторѣ, подтолкнулъ ее локтемъ:

— Ой, не смѣйся, Наташь, просмѣешься! Алибо всѣ на даровщинку?

— Съ васъ пользы—что съ козла молока!

— Наша польза впереди, не то, что сразу все...

— Ваша польза: покуда въ дѣвкахъ—такая ни сякая, а замужъ возьмете—возжами стегать сразу!

— Зачѣмъ такъ, мы такъ никогда въ жизни...—онъ наклонился ближе и зашепталъ что-то, въ то же время для большей убѣдительности пряча одну руку куда-то подъ пальтушку Наташи, а та слушала, опустивъ глаза и недовѣрчиво улыбаясь.

— Ахъ, не летай сорока въ полѣ—
Воронята разорятъ!..—

вдругъ рѣзко и сильно выкрикнула здоровая черноглазая и круглая, какъ бутылка, дѣвушка, и всѣ дѣвушки разомъ, какъ будто стараясь перекричать одна другую, подхватили:

— Не садись, миленокъ, рядомъ,
Про насъ славу говорятъ!..
— Золото мое колечко
Тянетъ трубочкой ко дну!..—

выдѣлывала дѣвушка, сверкая своими черными, круглыми, застывшими въ вѣчномъ изумленіи, глазами, а хоръ дружно и согласно, отрывистыми рѣзкими тэмпами рубилъ:

— Ты скажи, милой, на совѣсть—
Любишь двухъ али одну!..
— Всѣ я рощи исходила
И крутые бережка...—

старалась запѣвала, до звона напрягая свой сильный, высокій голосъ.

— Не нашла такой травинки
Присушить къ себѣ дружка-а-а!..—

какъ топоромъ рубилъ хоръ, растягивая только послѣдній звукъ.

Младшій Собакинъ, Өедоръ, толкнулъ хуторскаго Ваньку, и тотъ сразу передалъ ему гармонь. Собакинъ великолѣпно игралъ на ней, научившись этому въ городѣ, и, кажется, охота и гармонь были единственными занятіями этого лихого красиваго парня.

Онъ, не торопясь, надѣлъ ремешекъ на палецъ, открылъ свободный клапанъ и растянулъ мѣхъ и вдругъ подсталъ къ хору тоненькимъ чистымъ голосомъ верхняго клапана, въ которомъ напѣвъ завился, какъ юркая живая змѣйка.

— Не ходите дѣвки замужъ,
Не губите красоты!..

гремѣлъ хоръ, и по мѣрѣ того, какъ дальше и дальше развертывались припѣвки — къ тоненькому ладу гармони въ Өединыхъ рукахъ присоединялись другіе тона, несложный мотивъ развертывался шире, пріобрѣталъ неожиданныя варіаціи, внезапные переходы съ басовъ на самые верхи, и гармонь то ревѣла короткими хриплыми вздохами, то звенѣла, выбрасывая тысячи перевивавшихся между собой острыхъ нитей, разсыпавшихся стеклянными колокольчиками.

И временами казалось, что и онъ, этотъ квадратный ящикъ изъ дерева, кожи и блестящихъ мѣдныхъ клапановъ, этотъ нехитрый инструментъ, способный оглушить самыя тугія уши,—выговариваетъ переложеннымъ на вибрирующіе звуки человѣческимъ языкомъ слова частушки:

— Попляшите вы, ботинки,
Можетъ, больше не плясать:
Замужъ выйду, плакать буду,
Вы—на полочкѣ лежать!..—

И когда по окончаніи припѣвки голоса смолкли, Собакинъ сдѣлалъ бурный, оглушающій переходъ и, растянувъ до послѣдней степени мѣхъ, осторожно, негромко, какъ будто боясь порвать подмывающую цѣпь не окрѣпшихъ, не осмѣлѣвшихъ еще звуковъ, началъ казачка—отъ одного начала этого совершенно невозможно было усидѣть, и сами ноги дергались въ тактъ ритмическимъ, все болѣе и болѣе крѣпчавшимъ звукамъ. И когда Собакинъ, высоко взмах-

нувъ гармоніей, ударилъ во всю,—изъ длиннаго ряда сидящей по стѣнамъ молодежи сразу вырвались три пары и, грохоча по деревянному полу такъ, что огонь въ лампѣ на стѣнѣ вспыхивалъ и припадалъ, завертѣлись и понеслись въ бѣшеной пляскѣ.

Одинъ танецъ смѣнялъ другой: послѣ казачка танцовали русскую, потомъ кадриль, послѣ которой всѣ взялись за руки и повели хороводъ съ пѣснями и пляской въ серединѣ круга, въ то время какъ Собакинъ, подладившись съ Иваномъ Прокофьевымъ, въ двѣ гармоніи подыгрывали поющимъ.

Потомъ опять ударили казачка, и плясало уже паръ шесть, и не успѣли еще устать, какъ слѣдуетъ,—дверь отворилась, и въ клубахъ морознаго пара показался дѣдушка Ѳедоръ Романычъ. Въ пляскѣ да за толпой ребятъ молодежь не сразу замѣтила низенькаго коренастаго старика съ огромной во всю грудь бородой, завивающейся на концахъ такъ, что она похожа была на спутанную гриву старой лошади, но старикъ растолкалъ ребятъ, какъ-то незамѣтно втерся въ середину и, подбоченясь и въ то же время придерживая сползающій съ плечъ, накинутый на бѣлую, длинную, какъ у старовѣровъ, рубаху, лихо притопнулъ новыми, по старинному чисто сплетенными лаптями.

— Ахъ, Евлашкина мать
Собиралась помирать.
Да помереть не померла,
Да только время провела,—

съ гиканьемъ и уханьемъ закричалъ старикъ, притоптывая въ тактъ лапотками и, взмахнувъ рукой съ такимъ выраженіемъ, что, молъ, пропадай все, а я разойдусь,—согнулся въ три погибели и пошелъ семенить:

— Стали гробъ тесать,
А она плясать!..

Хохотъ и крикъ встрѣтили веселаго старика. Мигомъ пары разбились и всѣ окружили дѣдушку, а онъ остановился, поправилъ слѣзавшій полушубокъ и, лукаво мигая маленькими, прячущимися подъ густыми, нависшими бровями глазками, улыбался и качалъ головой.

— Ай парни, ай дѣвушки, умѣютъ повеселиться, ай молодцы́, молодцы́, что говорить, за весельемъ въ люди не ходятъ!..—говорилъ онъ, въ то же время отыскивая глазами дочку Наташу, за которой пришелъ.—Одначе, хоть какъ ни весело, а время-то позднее... Наташечка, не пора-ль къ дому, завтра день рабочій...

Это послужило знакомъ расходиться. Парни взялись за прялки—каждый той дѣвушки, съ которой сидѣлъ—и со смѣхомъ и шутками, подзадориваемые веселымъ старикомъ, забравшимъ дочернюю прялку (онъ не долюбливалъ Ваньку-хуторщика, по всѣмъ видимостямъ имѣвшаго нѣкоторые виды на Наташу), гурьбой вывалились изъ избы.

Сергѣй шелъ вмѣстѣ съ Татьяной, которая вышла подъ предлогомъ проводить Лушу, единственную дѣвушку на всей супрядкѣ, которая сама несла свою прялку.

На улицѣ Луша задержалась около дѣдушки, балагурившаго съ молодежью, а Татьяна съ Сергѣемъ прошли впередъ.

— Поди, возьми Лушину прялку, что-жъ ей тащить,— проговорила Татьяна, когда они отошли немного.

Сергѣй вернулся къ сестрѣ.

— Давай, я донесу...—сказалъ онъ, вынимая прялку изъ-подъ руки Луши. Та благодарно взглянула на него и хотѣла что-то сказать, но въ это время дѣдушка опять что-то сморозилъ, и она захохотала вмѣстѣ съ другими.

Татьяна отошла уже довольно далеко, когда ее снова нагналъ Сергѣй.

Погода измѣнилась и жесткій полуночный вѣтеръ мелъ съ крышъ сухой снѣгъ, летѣвшій въ воздухѣ бѣлымъ искристымъ дымомъ. Порой этотъ снѣгъ поднимался съ земли, изъ-подъ заборовъ, гдѣ лежалъ острыми, какъ застывшія волны, гребнями, и тогда казалось, что поднимается кто-то старый, сѣдой, похожій на привидѣніе въ бѣломъ саванѣ, и тотчасъ падаетъ, исчезая во мракѣ.

На углу у прогона, гдѣ была изба Даниловыхъ, Сергѣй съ Татьяной остановились. Вѣтеръ мелъ на нихъ снѣгъ изъ сосѣдняго сада и обдавалъ лицо ледяной пылью.

Сергѣй подвинулся вплотную къ дѣвушкѣ и обнялъ свободной рукой ее, закрываясь вмѣстѣ накинутымъ ею на плечи большимъ платкомъ. Теплое, упругое женское тѣло, едва прикрытое тонкой, ситцевой кофтой, волновало его и туманило голову, и, съ трудомъ переводя дыханіе, вздрагивающимъ голосомъ онъ спросилъ:

— Такъ объ осени рѣшено?

Она приникла совсѣмъ къ нему, такъ что онъ почувствовалъ, какъ колышется сдержаннымъ дыханіемъ ея небольшая, горячая грудь, и, обдавая его особымъ, едва уловимымъ запахомъ молодого тѣла здоровой женщины, таинственнымъ и влекущемъ запахомъ, ударяющимъ въ голову, какъ крѣпкое густое вино, прошептала:

— Мы-то порѣшивши, а какъ мамонька...

— А либо противъ не встанетъ!

Онъ мялъ и сжималъ это близкое, пьянящее тѣло, полное сладостныхъ тайнъ, незнакомыхъ холостому мужчинѣ, налитое, какъ сосудъ виномъ, любовью, сулящее наслажденія. А она прижималась къ нему все крѣпче и крѣпче, возбужденная, какъ и онъ, желаніемъ, стыдясь и сдерживая его и безмолвно прося новыхъ ласкъ, толкая молчаніемъ на большую смѣлость.

Кто-то шелъ, направляясь въ прогонъ,—маленькая придавленная къ землѣ фигурка съ прячущейся между неестественно вздернутыми кверху плечами головой.

— Прощай!—успѣла шепнуть Татьяна, и въ тотъ же моментъ онъ почувствовалъ острое и быстрое прикосновеніе мягкихъ губъ на своей щекѣ. И еще не успѣлъ сообразить толкомъ, въ чемъ дѣло, какъ Таня была уже далеко. Она что-то крикнула Лушѣ, мимо которой бѣжала, закутавшись въ свой сѣрый шерстяной платокъ, и исчезла, поглощенная бѣлыми призраками, внезапно появлявшимися изъ мрака и въ мракъ уходившими.

Весь полный ощущеніемъ вспыхнувшаго искрой поцѣлуя, смѣшаннымъ съ ощущеніемъ щекочущей щеку пряди волосъ, выбившихся у Тани изъ-подъ платка, полный напряженія и силы, сокращавшей крѣпкіе мускулы, Сергѣй пошелъ къ дому.

У воротъ, также оба закрывшись однимъ полушубкомъ, какъ онъ съ Татьяной платкомъ, стояла пара. При его приближеніи парень отдѣлился и быстро, хотя, очевидно, не желая показывать особенной торопливости, пошелъ дальше по прогону, выходящему въ поле. По короткому, значительно выше колѣнъ, полушубку, такъ же какъ по большой ушастой шапкѣ, Сергѣй узналъ меньшого Собакина. Онъ быстро пропалъ въ темнотѣ, а когда Сергѣй оглянулся на ворота, никого не было. И когда онъ вошелъ въ избу, Дунька сидѣла на скамьѣ возлѣ стола, расплетая косу.

— Это Ѳедька съ тобой былъ?—негромко, чтобъ не разбудить мать, спросилъ Сергѣй.

— А хоть бы и Ѳедька, тебѣ что?—отвѣчала Дунька, глядя, по обыкновенію, куда-то вдаль своими выпуклыми бараньими глазами.

— А то, что нечего тебѣ съ нимъ путаться, вотъ какое дѣло!..

— Въ тебя спрошусь...

— И спросишься!

— Бы-ы-ыть...

— А вотъ и бы-ыть!—снова повторилъ Сергѣй.

— Я не мѣшаюсь, что ты съ Танькой Пѣгаревой пу-

таешься, такъ и ты не лѣзь! — равнодушно возразила Дунька.

— Тебѣ до меня дѣла нѣтъ, ты за мной не приставлена...

— А и тебѣ до меня нѣтъ...

— Нѣтъ, есть, когда говорю...

Оба раздражились и готовы были поссориться. Дунька нарочно злила брата, дѣлая видъ, что не понимаетъ, почему ей нельзя путаться съ тѣмъ парнемъ, съ какимъ ей нравится, а Сергѣя сердило то, что она хочетъ, чтобы онъ прямо сказалъ, что ей надо искать жениха и выходить замужъ, а не якшаться съ Собакинымъ, который обманулъ уже много дѣвушекъ и никогда не женится.

— Тебѣ до всего есть дѣло... Глядѣлъ бы лучше за Танькой за своей, чтобъ она Ваньку Прокофьева спать къ себѣ не пустила!—зло бросила Дунька.

— Молчи, стерва, не ври, дура!—сдержанно, все еще боясь, чтобы не услышала мать, зарычалъ Сергѣй.

— Отъ дурака слышу!

Старуха все же проснулась.

— Кого вы тамъ, ребята?—спросила она.—Всѣ пришедши, ай нѣтъ?

— Луши еще нѣтъ, идетъ сейчасъ...—мягко отвѣтилъ Сергѣй.

— Все гулянки, погулянки...—бормотала старуха.—Говорилъ ли даве Матвѣй-шерстобитъ:—ужо, говоритъ, будетъ имъ... Чтой-то хрянцы гудутъ, къ погодѣ, видно...

— И то мятель наметываетъ...

— То-то я чую, будто и въ ухо стрѣлять стало...

Она замолкла и, повозившись на жаркой печкѣ, утихла. Пришла Луша, отряхнула у порога снѣгъ съ полусапожекъ и шепотомъ, указывая глазами на печку, спросила:

— Спитъ?

— Не, говорила сичасъ...

Дунька заплела косу и пошла за занавѣску на кровать. Луша стала разуваться.

— Сейчасъ Фроську, Дмитрія Прокофьева женку, встрѣтила,—шепотомъ разсказывала она,—ночь, завируха идетъ, морозъ, а она со старшимъ сынишкой на Алексѣевой клячѣ на станцію выбравши...

— Чего ее понесло?

— Мальченку, что ли, предѣлять куда... У нихъ будошникъ сродственникъ, такъ къ нему никакъ...

— Такъ въ ночь-то чего? Дня мало ей, что ли?

— Къ поѣзду, что ли... Будошникъ завтра въ городъ ѣдетъ, ну такъ мальченку свезетъ, въ депо предѣлять никакъ... Да и коня днемъ Алексѣй не даетъ...

Сергѣй покачалъ головой.

— Лошаденка Алексѣева чѣмъ жива только, снѣгъ мететъ, дорогу позанесетъ, не доѣхать имъ...

— И я говорю—не доѣхать,—согласилась Луша,—одѣты-то рвань-рванью, а вѣтеръ съ полуночи...

— А либо доберутся...

— Знамо, и тутъ имъ не сласть. Хоть ротъ лишній вякать не будетъ!..

Сергѣй устроился уже на лавкѣ, Луша разулась и переплела косу.

— Тушить, что-ль?

— Туши!

Тьма волнами хлынула въ избу и сомкнулась подъ чернымъ потолкомъ. И, словно отъ исчезновенія свѣта, стало слышнѣе, что дѣлается на улицѣ.

Вѣтеръ толкался въ стѣны мягко и сильно, бросалъ въ стекла горсти обледенѣлаго снѣга и гудѣлъ въ трубѣ.

Сергѣй вспомнилъ бѣлые призраки, беззвучно бродившіе по улицѣ, появляясь изъ мрака и уходя въ мракъ, хотѣлъ было подумать что-то насчетъ Фроськи, Дмитріевой жены, и ея сынишки, выбравшихся въ эту жуткую ночь на плохой лошаденкѣ на станцію за девятнадцать верстъ, но не успѣлъ, такъ какъ вспомнилъ теплое, живое тѣло Тани, щекочущую лицо прядь волосъ и острый холодокъ внезапнаго поцѣлуя.

Съ этимъ онъ и заснулъ.

На вершинѣ холма лошадь остановилась. Она похожа была на большую собаку, эта тщедушная рыжая лошаденка, съ лохматой, курчавившейся застывающимъ на морозѣ потомъ шерстью и непомѣрно раздутымъ брюхомъ.

Для того, чтобы вытащить дровни съ бабой и ребенкомъ по заметенной снѣгомъ дорогѣ на некрутой изволокъ, она употребила послѣднія усилія и, втащивъ, стала, тяжело водя боками и опустивъ голову. Казалось, никакіе удары размочалившагося въ щепки кнутовища не могли бы сдвинуть ее съ мѣста, такъ безнадежна была ея поза съ широко разставленными короткими ногами, почти по колѣна утонувшими въ снѣгу, и безпомощно склоненной мордой.

Не видно было въ темнотѣ, но, должно быть, глаза у нея были закрыты, а губа отвисла съ выраженіемъ презрительнаго равнодушія ко всему, что бы ни случилось.

Вѣтеръ, особенно замѣтный на вышинѣ, заворачивалъ въ сторону хвостъ и трепалъ гривой. Какъ бѣлый тусклый дымъ, несъ онъ тучи снѣга, засыпалъ спину лошади,

дровни, сидящихъ въ нихъ женщину съ ребенкомъ, пряталъ дорогу, наметая на ней глубокіе, топкіе сугробы.

Кругомъ тѣснымъ кольцомъ стояла ночь. Въ пяти шагахъ отъ саней она упиралась слѣпой темнотой въ слабо бѣлѣвшій снѣгъ, и только временами стѣны этого замкнутаго круга раздвигались, чтобы пропустить несущійся сѣдымъ облакомъ снѣгъ, и тотчасъ смыкались, не выпуская усталой обезсилѣвшей лошади и заносимыхъ все больше людей.

Это была та особенная вьюга, когда морозы долго стоятъ, не отступая, не давъ оттепели сковать снѣгъ твердой коркой наста. Онъ лежалъ, какъ песокъ, сухой и разсыпчатый. изъ котораго морозъ выжалъ послѣднюю влагу, и при первомъ дуновеніи даже слабаго вѣтра подымался цѣлыми тучами, крутясь по полю, заметая кусты, дороги, глубокіе овраги...

Сидѣвшая въ дровняхъ женщина поднялась, отряхнула снѣгъ и оглянулась.

Замкнутый кругъ ночи позволялъ видѣть только очень ограниченное пространство. Чахлый, мотающійся подъ вѣтромъ парусникъ уходилъ по склону холма внизъ, пропадая во мракѣ. Направо, налѣво виднѣлась—или это только казалось—какая-то засыпанная снѣгомъ канава, мягкимъ изгибомъ уходившая впередъ. За лошадью ничего не было видно—крутился снѣгъ и стояла тьма. Тамъ было царство ночи и вьюги.

Туда и рѣшила ѣхать женщина. Она задергала возжами, ударила два раза лошадь кнутовищемъ, но та только слабо отмахнулась на эти удары хвостомъ и не подняла головы.

Тогда женщина вышла изъ саней и, утопая стоптанными до дыръ валенками въ сугробѣ, подпряглась въ пару къ оглоблѣ и, крича и ухая на лошадь, силилась стронуть сани съ мѣста. Лошадь сдѣлала попытку двинуться, но дровни глубоко ушли въ снѣгъ, и когда совмѣстными усиліями женщины и лошади это удалось сдѣлать, въ передкахъ дровней между оглоблями, какъ волна передъ лодкой, потащился снѣгъ крутымъ сугробомъ.

Такъ они сдѣлали нѣсколько шаговъ, тотчасъ выбившись оба изъ силъ, и долго стояли—женщина и лошадь,—тяжело дыша, прислонившись другъ къ другу. Потомъ прошли еще нѣсколько шаговъ и опять остановились, лошадь—широко разставивъ ноги и опустивъ голову къ самой землѣ, женщина—привалившись къ холодной обмерзшей оглоблѣ.

На склонѣ холма, спускавшагося длиннымъ скатомъ съ навѣтренной стороны, не видно было уже никакихъ признаковъ дороги.

Бѣлая мертвая гладь снѣговъ, прерываемая мѣстами тѣмъ же чернымъ, безвольно шатающимся парусникомъ, глухо шумѣвшимъ голыми обледенѣлыми вѣтвями.

Женщина помнила, что гдѣ-то въ этомъ мѣстѣ, на такомъ же склонѣ пологаго холма, невдалекѣ отъ Банковскаго лѣса, по опушкѣ котораго были разсыпаны хутора съ переселившимися жителями, долженъ быть поворотъ на банковскій большакъ.

Она сообразила время съ выѣзда изъ дому, чтобы хоть приблизительно установить мѣсто, гдѣ они сейчасъ были, и ей показалось, что поворотъ долженъ быть именно здѣсь. Можетъ быть, въ этой увѣренности играло главную роль то обстоятельство, что ей очень хотѣлось выбиться на банковскій большакъ, проложенный по просѣкѣ въ густомъ высокомъ березнякѣ, не позволявшемъ вѣтру заносить дорогу, какъ на открытомъ мѣстѣ.

Она дернула лошадь за правую возжу и, хотя та уперлась было и не хотѣла идти, кнутовищемъ и собственными усиліями, изо всей мочи напирая на оглоблю, заставила ее повернуть. Несмотря на разбѣгавшійся волной въ щиткахъ дровней снѣгъ, подъ гору тащить было легче, и лошадь прошла нѣсколько саженей. Но тутъ она окончательно остановилась—и не оттого, что выбилась изъ силъ и ждала новаго накопленія ихъ для слѣдующихъ десяти саженей, а потому, что чуяла что-то впереди. Она захрапѣла и уперлась всѣми четырьмя ногами въ снѣгъ, откинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ и задравъ голову подъ самую дугу. Женщина прошла нѣсколько шаговъ впередъ—и чуть не сорвалась вмѣстѣ съ осыпающимся снѣгомъ въ глубокую балку. Тогда она повернула лошадь, чтобы попасть на старую дорогу, съ которой свернула, но найти ее уже было невозможно. Снѣгъ заметалъ все, по прежнему курился въ воздухѣ дымной тучей, садился на плечи, на окутывавшій голову платокъ, на спину лошади.

Тогда началось страшное медленное круженіе на одномъ мѣстѣ, похожее на затрудненное движеніе не до смерти раздавленнаго червяка, извивающагося въ послѣдней агоніи.

Женщина искала, кричала—не то на лошадь, не то въ надеждѣ, что ее кто-либо услышитъ; выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, тащила за оглоблю, иногда падала, запутавшись валенками въ высокомъ сугробѣ; снѣгъ набирался въ рукава, попадалъ за пазуху и жегъ ледянымъ прикосновеніемъ потное отъ усилій лицо. Такъ она лежала, распластавшись на немъ нѣсколько времени, набираясь новыхъ силъ для послѣдней безпощадной борьбы, потомъ вставала, снова искала и кричала и, цѣпляясь за холодные скользкіе ремни запряжки,

силилась тащить сани съ ребенкомъ и изнемогавшей совершенно лошадью.

И, ослабѣвъ совершенно, опустила руки и подошла къ санямъ.

— Живъ ли, сынокъ?

Толстый куль въ саняхъ, обмотанный тряпками, долго молчалъ. Наконецъ, раздался слабый, заглушенный звукъ:

— У-гм...

Женщина остановилась у дровней и молчала. Изъ темнаго заколдованнаго круга ночи на нее шло отчаяніе. Оно выло побѣдоноснымъ радостнымъ воемъ, гудѣло въ густой поросли безсильныхъ кустовъ, въ дикой забавѣ заигрывало съ обезсилѣвшимъ человѣкомъ, бросая въ него горстями промерзлый снѣгъ.

Тьма стояла кругомъ плотнымъ кольцомъ, и, казалось, за его гранью мечется въ нечеловѣческомъ восторгѣ тысяча неуловимыхъ, враждебныхъ существъ, радуясь побѣдѣ надъ заблудившимся.

Тогда она подняла лицо къ небу,—но неба не было. Сверху нависала та же тьма, и въ ней, какъ живые злорадные призраки, носились облака снѣга.

Куль въ саняхъ вдругъ зашевелился и закряхтѣлъ.

— Ма-амка, холодно... Ма-а-амка!..

Женщина не сразу разслышала, но, когда поняла, рванулась къ лошади и, вновь схватившись за оглоблю, закричала на лошадь, и крикъ этотъ былъ, какъ стонъ послѣдняго отчаянія. И, какъ будто понявъ, лошадь напряглась и прошла нѣсколько шаговъ, но вдругъ провалилась передними ногами въ наполненную снѣгомъ яму, подалась внизъ и вбокъ и мягко, словно раздумывая, какъ удобнѣе лечь, — упала на бокъ.

Она попробовала встать, но ноги бороздили податливый разсыпающійся снѣгъ, и черезсѣдельный ремень упряжи давилъ книзу, и, захрипѣвъ отъ затягивавшаго шею хомута, она опустила голову и такъ и осталась лежать головой и передними ногами въ ямѣ, а задомъ на высокомъ краю ея, гдѣ были дровни.

Лазая по поясъ въ снѣгу, женщина попробовала разстегнуть супонь и освободить черезсѣдельный ремень, но упряжь застыла, и замерзшіе пальцы не слушались. И, какъ ударъ кнута, отъ котораго она начинала растерянно метаться отъ саней къ упавшей лошади и опять къ санямъ—изъ темнаго куля, обмотаннаго засыпанными снѣгомъ тряпками, пищалъ дѣтскій голосъ:

— Ма-амка, холодно!..

Женщина бормотала и пыталась не то сообразить что-то, не

то молиться въ смертной тоскѣ материнской, какъ птица съ пришибленнымъ крыломъ, кружась около дровней.

— Господи Батюшка, не допусти... Владычица матушка... на футора бы, тутъ футора близъ должны быть... Кирила, либо Чухно-Карлъ... Угодница Иверская...

И вдругъ пошла въ сторону, утопая въ снѣгу, карабкаясь на сугробы, быстро и бокомъ, какъ птица съ перебитымъ крыломъ, подгоняемая вьюгой, воющимъ вѣтромъ, морозомъ и слабымъ, тонущимъ въ этомъ побѣдоносномъ гулѣ, пискомъ:

— Ма-а-амка, холонно!.. Ма-амка страшно, ма-амка-а-а!..

Въ то время, какъ деревенская молодежь думала о посидѣлкахъ и супрядкахъ, а старики соображали о придвигающейся масляницѣ, расчитывая, къ кому надо ѣхать въ гости и кого у себя принимать, въ холодной избѣ Дмитрія стояло молчаніе.

Оно вошло послѣ того, какъ банковскій лѣсникъ Фролъ привезъ полуживую, съ отмороженными пальцами, бабу и совершенно замерзшаго ребенка; послѣ того, какъ вся деревня, кромѣ стараго Ельникова, отца Дмитрія, уѣхавшаго наканунѣ въ городъ, перебывала въ темной, пропахшей угаромъ и дымомъ избѣ, поахала и поглядѣла на застывшій синій трупъ мальчика.

Когда всѣ разошлись, Ефросинья долго стонала, причитая, и нельзя было понять, надъ чѣмъ она причитаетъ—надъ замерзшимъ сыномъ или своими отмороженными пальцами, невыносимо горѣвшими, несмотря на снѣгъ, принесенный Дмитріемъ въ чашкѣ, куда она опустила руки.

Потомъ успокоилась и замолчала, съ тупымъ и безжизненнымъ выраженіемъ сидя на лавкѣ у двери. А Дмитрій молчалъ съ самаго начала. Онъ только стиснулъ плотно зубы, такъ что мускулы щекъ стали твердыми и неподвижными, и когда всѣ ушли и покойника положили на лавку ногами въ уголъ, гдѣ были образа,—забрался въ самый темный уголъ къ печкѣ и сидѣлъ тамъ, поблескивая свѣтлыми зеленоватыми глазами, въ которыхъ зрачекъ сузился и сжался въ булавочную головку.

Никто не обмылъ умершаго, не обрядилъ, никто даже не пытался снять съ него то тряпье, въ которое былъ замотанъ онъ послѣ того, какъ его пытались оттирать въ Фроловой сторожкѣ.

Какъ привезли его, такъ, и лежалъ онъ съ незакрытыми стеклянными глазами, судорожно скрюченными пальцами, которыми цѣплялся въ послѣднемъ усиліи удержать ухо-

дившую жизнь, съ тонкой, слабой, непомѣрно вытянувшейся шеей, похожей на усохшую былинку мертваго уже цвѣтка...

Мать не могла этого сдѣлать изъ-за отмороженныхъ рукъ, а отецъ даже не подумалъ, что это надо сдѣлать. А сосѣди разошлись, и было такое впечатлѣніе, будто это послѣднее несчастье окружило Дмитріеву избу холодной стѣной отчужденія, словно люди боялись этого мѣста, гдѣ несчастье свило гнѣздо свое.

Такъ просидѣли они въ молчаніи цѣлый день, и въ такомъ же молчаніи, сбившись въ кучу, просидѣли на холодной печкѣ остальные трое ребятъ.

Дико, выпученными глазами поглядывали они оттуда на невѣдомое и страшное, отдаленно напоминавшее знакомаго Митьку, что лежало въ углу на лавкѣ, жались другъ къ другу и боялись подать голосъ.

И только подъ вечеръ, когда голодъ сталъ уже нестерпимымъ,—робко поглядывая на сидѣвшаго возлѣ печки отца, пропищали:

— Мамка, исты!..

И тотчасъ-же смолкли, упершись глазами въ темнѣющій уголъ, гдѣ лежало страшное.

Мать, должно быть, не слышала, а повторить просьбу они не рѣшались. И только самая маленькая трехлѣтняя Агашка заскулила тоненькимъ, прерывистымъ голосомъ.

Тогда Дмитрій всталъ, молча отрѣзалъ три сукрая хлѣба и сунулъ ихъ на печку. И опять сѣлъ, какъ прежде, переплетя руки такъ, что длинными сухими пальцами, напоминавшими птичью лапу, охватывалъ собственныя локти, и стиснулъ по прежнему зубы и щурилъ маленькіе зеленоватые глаза.

Тьма подымалась въ углахъ строгими молчаливыми тѣнями, стлалась по грязному полу, густилась у потолка. Свѣтъ за окнами сталъ лиловымъ и холоднымъ, и казалось, отъ него именно и распространялся по избѣ знобкій, пронизывающій холодъ, въ которомъ запахъ остывшаго дыма и давняго угара давилъ грудь, какъ камнемъ.

И было еще что-то въ избѣ—невидимое, но ясно ощущаемое, что стояло, какъ молчаливыя тѣни въ углахъ, терпѣливо и беззвучно, въ безстрастномъ равнодушіи, чуждомъ человѣку. Отъ этого было впечатлѣніе незнакомой и жуткой пустоты, какъ будто опустѣлъ весь міръ, и жизнь остановилась, прерванная безстрастной рукой нѣмого равнодушія. Не было ни сосѣдей, ни деревни, ни родныхъ, ни знакомыхъ, не было людей, звуковъ, все замерло и умолкло, и пустота вошла въ міръ, лежала на холодныхъ, тусклыхъ поляхъ, стала въ голомъ озябломъ лѣсу и потушила жизнь.

И только на самомъ днѣ этого бездоннаго, пустого колодца, куда не достигаетъ ни одинъ звукъ, бьются въ судорожномъ томленіи опустошающей скорби неслышно бьются придавленные, скованные ею два человѣка: сухой, костлявый мужикъ съ стиснутыми жестоко зубами и омертвѣвшая, словно погруженная въ тупой сонъ, баба съ отмороженными пальцами.

И когда совсѣмъ стемнѣло, и ползавшія по полу тѣни слились съ тѣми, что выжидали въ углахъ, и ничего не было видно кромѣ чуть намѣчавшихся оконъ, изъ темноты отъ печки раздался голосъ:

— Кхха-а-а... Попу надо и гробъ... гдѣ достать?..

Долго было молчаніе. Такъ долго, что можно было подумать, что никто не слышалъ сказаннаго. Наконецъ, послышался вздохъ—легкимъ колебаніемъ прошелъ въ настывшемъ воздухѣ—и родились слова такія жалобныя и тихія, какъ шелестъ умершихъ листьевъ:

— Пошла я... до хутора добиться хоть... а сзади: «мам-ка-а, страшно!..»

И опять молчаніе, черное молчаніе потонувшей во мракѣ избы. И снова голосъ отъ печки:

— А помнишь объ рождествѣ: Сергѣй Даниловъ вертепъ съ городу привезъ, махонькая такая звѣздочка... Митюшка-то: я, говоритъ, славить пойду... я пѣсню знаю!..

И женскій голосъ напомнилъ:

— «Рождество твое... волки со звѣздою...» Сколько говорила: волхви, нѣтъ—все «волки»!..

— Кхха-а-а!.. Я, говоритъ, денегъ насбираю со звѣздою, мамкѣ калачъ куплю, а тятькѣ—махорки...

Опять долго было молчаніе. Шла ночь неслышной поступью, и такъ же молчаливо и безстрастно съ равнодушнымъ терпѣніемъ стояло въ темнотѣ нѣчто, чуждое человѣку и жизни.

У печки послышался шорохъ, и скрипнула лавка.

— Гробъ надобенъ, попу тоже—гдѣ возьму?

Не вздохъ, а стонъ—длинный и жалобный—отвѣтилъ изъ другого угла.

— Къ дѣдушкѣ, говоритъ, Христа славить пойду!..

— Со звѣздою!—поддержалъ мужской голосъ.

— Пѣсню ему спою: «я маленькій хлопчикъ»...

На моментъ опять наступило молчаніе. И вдругъ порвалось страшнымъ воплемъ, отъ котораго разомъ проснулись и заголосили на печкѣ дѣти.

— Сыночекъ мой родненькій, дитятко ненаглядное, не съумѣла я, глупая, злая мать, сберечь тебя, солнышко наше, о-о-о-о!..

— Еще ли хорошо терпѣть надо! Али мало битъ, али еще принять надо!.. Али я Богу грѣшнѣй всѣхъ?!.

Дико потрясая руками, металась въ темнотѣ, задѣвая столъ и лавки, длинная, выпрямившаяся, какъ пущенная пружина, фигура мужика, мелькала передъ окнами и спрашивала съ гнѣвомъ и страстью послѣдняго отчаянія, и въ отвѣтъ рвался вопль смертной материнской тоски и боли.

— Къ чорту, къ дьяволу!.. Ничего нѣтъ, къ бѣсу все!..— топая ногами такъ, что доски пола подгибались и прыгали, дико оралъ Дмитрій,—все къ дьяволу, ничего нѣтъ: ни звѣзды, ни пѣсни, ничего, все къ чорту!..

Онъ метнулся опять въ уголъ къ печкѣ и, вцѣпившись скрюченными пальцами въ волоса, уперся локтями въ стѣну и такъ замеръ.

И замерла мать, и притихли вспугнутые внезапной вспышкой отцовскаго гнѣва дѣти,—и опять молчаніе встало подъ низкимъ, чернымъ потолкомъ, и въ немъ, какъ терпѣливый заимодавецъ, неразлучный съ тѣмъ, что лежало въ углу, у образовъ, ждало чуждое человѣку. И такъ же неслышной поступью шла ночь—по бѣлымъ, холоднымъ полямъ, по темнымъ, гудящимъ лѣсамъ, надъ деревнями, надъ избами, надъ людьми.

И когда это молчаніе ночи, казалось, достигло высшаго напряженія, когда стало не въ мочь слушать звенящую тишину погруженной въ мракъ избы, и—пройди еще минута, люди завыли бы отъ ужаса, заброшенности и безпомощности,—наружная лѣстница вдругъ заскрипѣла подъ чьими-то неувѣренными шагами.

Кто-то шарилъ рукою по двери, ища ручку, и долго не могъ найти. Наконецъ, дверь отворилась, и въ смутно бѣлѣющемъ квадратѣ ея, чуть выдѣляясь чернымъ силуэтомъ, показалась маленькая, сутулая фигурка съ головой, вдавленной въ плечи, и длинными не по росту руками.

— Есть ли кто тута?—неувѣренно спросилъ тонкій голосъ,—Дмитрій, Фрося...

Мужикъ отдѣлился отъ стѣны и двинулся къ двери.

— Кого надо, что тамъ еще?—хрипло спросилъ онъ.

— Некогда мнѣ гораздъ, и то еле урвалась... Темно у васъ, и лѣстница эта...—Луша говорила быстро и чуть-чуть задыхаясь,—ждутъ меня, сейчасъ хватятся, я не сказала... Вотъ...

Она протягивала съ чѣмъ-то руку и все оглядывалась назадъ, съ трудомъ держась на зыбкой, качающейся лѣсенкѣ.

— Вотъ, что нашла у себя, время такое—нѣтъ больше... Кабы ярманка... у меня кружева сплетены, полотенецъ пол-

дюжины въ сундукѣ лежитъ, да вѣдь кому продашь?.. Кабы ярманка... Два рубля вотъ, больше нѣтъ... И въ Сергѣя спрашивала—у того тоже нѣтъ, вотъ...

Дмитрій слушалъ, не вполнѣ понимая и не двигаясь, а она качалась слабыми ногами горбуньи на шаткой лѣсенкѣ, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не упасть, и протягивала въ черную избу руку съ деньгами.

И вдругъ услышала странный, костлявый стукъ объ деревянныя доски пола. Длинная свѣтлая фигура мужика передъ дверью вдругъ стала ниже и захрипѣла, всхлипывая и захлебываясь.

Не слушая, не вполнѣ понимая, въ чемъ дѣло, съ сжавшимся отъ внезапнаго ужаса и боли сердцемъ, она положила принесенное на полъ, захлопнула дверь и торопливо начала спускаться по лѣсенкѣ.

И когда уже бѣжала прочь отъ мрачной, темной избы, когда миновала мостикъ, за которымъ начинался Никитьевъ садъ, почувствовала, что лицо ея мокро отъ внезапныхъ, сладостныхъ слезъ...

В. Муйжель.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Черноморскія картинки.

I.

Бѣлый штиль.

Штиль... Прозрачная гладь... Ни облачка въ тихомъ просторѣ,
Ни дымки въ дали голубой!..
Парусъ безсильно повисъ, и въ странно-бѣлое море
Льется томительный зной...

Какъ видно песчаное дно! Зеленыя, длинныя травы,
Подводный таинственный міръ... Вонъ рыбы испуганный глазъ...
Въ морѣ—ни звука. И дремлетъ одинъ, величаво,
Съ солью тяжелый баркасъ...

II.

Свѣтаетъ.

Не ночь, но еще не разсвѣтъ. Смутною сѣрою мглою
Дышитъ пустынная степь... Холодно! Вѣтеръ шумитъ,
Черныя тучи, сливаясь, плывутъ, одна за другою,
Бурное море поетъ, и брызгами пѣна летитъ.

Волны рыдаютъ, зовутъ—и съ тихимъ безсилія стономъ
Грудью на скалы идутъ, песокъ заливая родной,
И, словно струны, звучатъ страннымъ, невѣдомымъ звономъ...
Море, и степи, и тьма...

III.

Весна.

Въ воздухѣ свѣтлая тишь... Бѣлымъ сады зацвѣтаютъ,
Сладко пахнетъ миндаль; персика розовый цвѣтъ,

Словно румянецъ зари, отъ счастья весенняго таетъ...
И дышитъ, и бредитъ весна... Зелень, море и свѣтъ...

Вышли на рейдъ корабли. Парусъ мелькаетъ широкій,
Сонно-лѣнивый баркасъ тихо, какъ призракъ, плыветъ.
Вонъ, далеко-далеко, вьется дымокъ одинокій—
Ясно на солнцѣ блестя, первый крейсеръ идетъ!..

И Графская жизнью кипитъ: грезя, колонны бѣлѣютъ;
Шлюпки снуютъ, катера, золотомъ ленты горятъ.
Солнце, гомонъ и шумъ... Ласково бухта синѣетъ,—
Городъ полонъ весной... яркія пѣсни звучатъ...

Мой Севастополь святой! Свѣтлою сказкой любимой,
Дѣтства глубокой мечтой, счастьемъ былое живетъ!

. . . .

IV.

Полдень.

Жарко! Полуденный зной... Ласково-синее море
Въ солнцѣ блеститъ серебромъ, бухта стихла на часъ.
Городъ, сады, Инкерманъ... броненосцы вдали, на просторѣ...
И—черный на глади зеркальной—сонно штилюетъ баркасъ.

На крейсерѣ стирка: висятъ между мачтъ, по вантамъ и реямъ,
Гирлянды матросскихъ рубахъ... Не дохнетъ вѣтерокъ...
Рейдъ уснулъ... Далекó круглая крѣпость сѣрѣетъ,
Рѣзко, задорно свистя, юркій бѣжитъ катерокъ...

Лѣниво и нѣжно волна дремлющій берегъ ласкаетъ...
Ждетъ у Графской вельботъ, матросикъ, зѣвая, сидитъ—
Скучно!.. Нигдѣ ни души, изрѣдка чайка мелькаетъ
Южный сверкающій день ослѣпительно-ярко горитъ.

V.

Осень.

Солнца нѣтъ... Сурово море дышитъ.
Сѣрый день, вдали не видно горъ.

Вѣтеръ спитъ,—едва-едва колышетъ
Волнъ печальный разговоръ.

Степь въ туманѣ... Не видать дороги,
Сыро, влажно; потемнѣлъ песокъ.
Лучъ блеснулъ—прояснилось немного...
Тихо все... Какъ Божій міръ широкъ!

Посмотри: нѣмая даль очнулась,
Грезятъ волны, берегъ золотой...
И тихонько море улыбнулось
И поетъ глубокой синевой!

Нина Кудрина.

Въ странѣ возмездія.

IV.

Кусокъ мыла.

Это было въ кабинетѣ начальника каторжной тюрьмы.

Я чуть не цѣлый день провелъ въ тюрьмѣ, обходя камеры арестантовъ и бесѣдуя съ ними въ своей погонѣ за пѣснями.

Толстый и довольно добродушный начальникъ тюрьмы Адріанъ Федоровичъ самъ собирался уходить.

Прощаясь съ нимъ, я шутя сказалъ:

— Ну, теперь вы, значитъ, nach Hause, да и закусите какъ слѣдуетъ?

— Какой тамъ «закусите»!—воскликнулъ онъ.—Я сегодня нарочно пораньше пообѣдалъ, сейчасъ хочу заснуть часикъ-другой.

— Что вы!—удивился я.—Теперь еще 7 часовъ нѣтъ.

— А вы что думаете, вѣдь мнѣ сегодня ночью и лечь-то не придется.

— Почему?—спросилъ я.

— Да вы развѣ ничего не знаете?—удивился, въ свою очередь, Адріанъ Федоровичъ.—Вѣдь Матохину-то капутъ, вчера приговоръ былъ конфирмованъ, а сегодня на разсвѣтѣ...—и онъ краснорѣчиво провелъ рукою кругомъ шеи.

— Да неужели...—я не договорилъ.

— Да-съ, голубчикъ,—подтвердилъ Адріанъ Федоровичъ,—Матохину на разсвѣтѣ предстоитъ пренепріятная процедура...—Онъ помолчалъ и, немного погодя, прибавилъ:—А онъ про васъ спрашивалъ. Если хотите, я вамъ дамъ пропускъ.

— Пожалуйста, дайте,—попросилъ я.

Адріанъ Федоровичъ быстро написалъ мнѣ пропускъ къ Матохину, и я съ этой бумажкой вернулся обратно въ тюрьму.

Рѣшивъ посѣтить несчастнаго, я хотѣлъ узнать: быть можетъ, у него есть какія-нибудь пожеланія передъ «этимъ» или, можетъ быть, онъ хочетъ передать что-либо своимъ близкимъ въ Россіи. Матохинъ былъ родомъ изъ г. Костромы.

Про него я зналъ только слѣдующее:

Матохинъ даже между каторжанами считался чѣмъ-то исключительнымъ по своей жестокости. Онъ вырѣзалъ съ товарищемъ въ Россіи цѣлую семью, причемъ не пожалѣлъ даже малолѣтнихъ дѣтей, а въ Сибири, во время побѣга, искромсалъ ножемъ, по его собственному признанію, болѣе 8 человѣкъ. Будучи вновь схваченъ, онъ былъ присужденъ къ безсрочной каторгѣ и состоялъ подъ особымъ наблюденіемъ. Это былъ человѣкъ еще не старый, лѣтъ 40—42, средняго роста, коренастый, съ черными вьющимися, какъ у негра, волосами и съ маленькими, острыми, вѣчно бѣгающими глазами. Матохинъ, вѣроятно, кончилъ бы свою жизнь просто на каторгѣ (бѣжать еще разъ, ему уже не удалось бы—слишкомъ за нимъ внимательно смотрѣли), еслибъ не выкинулъ «штуки», повергшей въ изумленіе всю каторгу.

Какъ-то, по окончаніи вечерней повѣрки, Матохинъ, безо всякой ссоры, такъ, здорово живешь, всадилъ ножъ прямо въ сердце одному изъ арестантовъ. Это убійство поразило всѣхъ своей нелѣпостью и безсмысленностью. Убитый имъ каторжанинъ былъ изъ другой камеры, и Матохинъ его почти не зналъ.

Спрошенный на судѣ о причинахъ убійства, онъ угрюмо молчалъ и, наконецъ, только отвѣтилъ:

— Такъ нужно... Нельзя было... Подошла моя пора...

Больше отъ него ничего не добились.

Арестанты были страшно озлоблены на Матохина за это убійство и своимъ судомъ рѣшили убить его, если онъ снова попадется среди нихъ.

А военный судъ присудилъ Матохина къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ уже былъ утвержденъ, и часы Матохона сочтены.

Вотъ все, что я зналъ о немъ.

Я пошелъ по мрачнымъ корридорамъ углового зданія тюрьмы, гдѣ меня встрѣтилъ старшій надзиратель.

— Вотъ—сказалъ я,—пропускъ для меня въ камеру № 38.

— Пожалуйста. Я вамъ отворю и подожду около двери. Тамъ вѣдь у насъ птица сидитъ, настоящая... Если чуть что—вы только крикните...

Подойдя къ камерѣ № 38, надзиратель сперва взглянулъ черезъ «волчокъ», а потомъ быстро отворилъ дверь.

Такъ какъ Матохинъ былъ «на особомъ положеніи», то для него отвели одиночку. Камера была крошечная. Стояли тамъ нары, деревянный столикъ и деревянный стулъ. Больше ничего.

Было темно, такъ какъ лампъ въ корридорѣ еще не зажигали.

Когда я вошелъ, осужденный въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ лежалъ на нарахъ. Онъ быстро поднялся на локтѣ, но, узнавъ меня, сѣлъ. Я подошелъ къ нему.

— Здравствуйте, Матохинъ,—сказалъ я.—Что? Какъ? Здоровы?

— Здоровъ-то здоровъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—но ежели пѣсенъ ищете, то проходите дальше. Моя пѣсенка спѣта.

— Боже!—подумалъ я.—И этотъ человѣкъ шутитъ.

— Да вы развѣ что нибудь особенное узнали, Матохинъ?—осторожно спросилъ я его.

— Да особеннаго ничего... Но только меня, должно быть, сегодня ночью вздернутъ...

Я даже отшатнулся.

— Такъ что-же,—продолжалъ Матохинъ,—это, по моему, правильно. Они бы попались мнѣ, я бы ихъ всѣхъ зарѣзалъ. Попался я имъ—они меня вздернутъ. Чего проще!

Онъ угрюмо замолчалъ.

— Но послушайте, Матохинъ,—началъ я. — Мнѣ смотритель сказалъ, что вы пожелали меня видѣть, т. е. вы, по крайней мѣрѣ, спрашивали обо мнѣ. Ну, вотъ и скажите мнѣ на милость, для чего убили вы этого несчастнаго Беккера (такъ звали покойную жертву)? Хоть бы и на каторгѣ, а жили бы да жили, а тамъ кто знаетъ... Ну, скажите, для чего нужно это было дѣлать?

— Да такая ужъ вышла планида... Пришла пора...—заладилъ Матохинъ какъ бы нехотя.

— Да перестаньте,—перебилъ я его.—Какая тамъ «планида»! Что за «пора»! Бросьте дурачиться, Матохинъ! Даю вамъ слово, что, если вы мнѣ все разскажете, я унесу вашу тайну съ собой въ могилу и никому ее не открою.

Онъ молчалъ.

— Можетъ быть, у васъ были какіе-нибудь давнишніе счеты съ Беккеромъ? Да, наконецъ, можетъ быть, вы ему, отомстили за какого-нибудь товарища?—допытывался я.

— Вотъ всѣ съ этимъ также и на судѣ ко мнѣ приставали. Скажи, да скажи! Вынь да положь! Тайна да тайна! А тайны тутъ никакой и нѣтъ. Беккера я почти что не знавалъ и сердца къ нему не имѣлъ. Подвернулся человѣкъ—и все тутъ. Не попадайся!—какъ-то грозно сказалъ Матохинъ.

— Но вѣдь это же дико! Нелѣпо!—вскричалъ я.

Онъ опять промолчалъ.

— Видите ли,—началъ онъ, наконецъ,—я съ малолѣтства имѣю страсть къ этимъ дѣламъ. Отца и матери я не знавалъ. Мальчишкой по деревнямъ бѣгалъ, пріютъ имѣлъ, гдѣ пришлось. Рано у меня эти замашки проявились... Любилъ я шибко—взять хотя бы кошку или мышонка да помучить... А то у таракана или, скажемъ, у бабочки то одну, то другую ногу отрывать—потѣха!—бьется, да ничего сдѣлать не можетъ. А лѣтъ девять мнѣ было, какъ я ножичкомъ искромсалъ котенка. Ну, и смѣха тутъ было!.. Хоть и драли же меня за это! А тамъ и пошло... Людей-то я началъ рѣзать уже къ 20 годамъ, послѣ того, какъ въ Тулѣ служилъ на бойнѣ. Попался и пошелъ по Владимiркѣ. Ну, вотъ, ны-

нѣшній годъ все чувствую себя неладно. Не сплю, не ѣмъ, да все какіе-то зеленые круги передъ глазами вертятся. Мутно стало мнѣ. Это, значитъ, приходитъ пора моя... крови бы... Ну, вотъ и случилось дѣло... а противъ Беккера я ни-ни... Даже жаль: сказываютъ, парень ничего былъ... А мнѣ послѣ этого точно полегчало, сплю хорошо, ѣмъ хорошо, будто камень съ меня упалъ. Знатно поправился.

— Боже мой, подумалъ я,—и этого человѣка вѣшаютъ, вмѣсто того, чтобы лѣчить!

— Скажите, Матохинъ,—спросилъ я его,—не говорилъ ли съ вами когда-нибудь докторъ?

Онъ даже ухмыльнулся.

— Да что я за баринъ такой! Плетьми да розгами больше пользовали,—сказалъ онъ.—Сегодня, небось, и вылѣчатъ въ конецъ. Ну, спасибо, что зашли. Теперь бы мнѣ маленько соснуть.

Я понялъ, что ему не до разговоровъ, и сказалъ:

— Ну, до свиданія пока, Матохинъ.

— Нѣтъ ужъ, прощайте,—отвѣтилъ онъ.

— Можетъ быть, вы чего-нибудь особенно хотите или имѣете передать,—я бы съ удовольствіемъ...

— Да чего мнѣ еще желать... Кажись, все устроено по чести.— Развѣ бы... вотъ, если милость ваша будетъ... Сказывали, видите ли, что со мною вмѣстѣ выведутъ и товарищей—смотрите, молъ, чтобы неповадно было... такъ вотъ, боюсь, не сдрефить бы мнѣ... а то ребята смѣяться будутъ... Такъ вотъ, мнѣ водочки бы... такъ, знаете, для форсу... для куражу, что ли...

— Постараюсь достать,—сказалъ я и вышелъ изъ камеры.

Я рѣшилъ, во что бы то ни стало, исполнить желаніе Матохина и съ этой цѣлью пошелъ на квартиру смотрителя.

На мой звонокъ самъ Адріанъ Федоровичъ отворилъ мнѣ дверь. Онъ былъ безъ кителя и немного удивился моему приходу.

— А я только что собирался прикурнуть, — встрѣтилъ онъ меня.

— Да я къ вамъ на одну минуту,—извинился я.

— Зайдите въ кабинетъ.

Я, не снимая своего плаща, пошелъ за нимъ.

— Ну, разскажите, въ чемъ дѣло. Видали его?—спросилъ онъ.

— Видѣлъ,—сказалъ я,—и вотъ я къ вамъ съ просьбой—разрѣшите, Адріанъ Федоровичъ, принести Матохину водки, такъ, для куражу... Очень онъ объ этомъ проситъ.

— Да вы, голубчикъ, съ ума сошли!—вскричалъ Адріанъ Федоровичъ.—Развѣ я могу разрѣшить что-нибудь подобное? Вы же знаете, что водки и картъ въ тюрьмѣ ни-ни. Самъ могу попасть въ отвѣтъ. Я вамъ сейчасъ напишу опять пропускъ и вы зайдете къ Матохину и скажете ему, чтобы онъ объ этомъ и не думалъ.

Адріанъ Федоровичъ сѣлъ къ письменному столу, написалъ и

передалъ мнѣ пропускъ. Потомъ онъ всталъ и, подойдя къ окну, обернулся ко мнѣ спиной и, смотря на улицу, равнодушнымъ тономъ заговорилъ:

— Вы-то человѣкъ корректный и этого не сдѣлаете, но, еслибы вы были человѣкомъ не корректнымъ, то все равно надули бы меня. Вотъ, напримѣръ, у меня въ передней на окнѣ стоитъ, какъ разъ, эдакій, знаете, флаконъ... Вы, уходя сейчасъ, могли бы его стибрить и спрятать подъ плащемъ... да и пронести Матохину. Я бы, конечно, объ этомъ ничего не узналъ. Но, вы, понятно, этого не сдѣлаете...—тихо закончилъ онъ.

Я подошелъ къ нему и крѣпко пожалъ ему руку.

— Конечно, я этого не сдѣлаю.

— Ну васъ къ чорту!—какъ-то плаксиво и между тѣмъ смѣясь, сказалъ онъ мнѣ.—Ступайте. Прислугу я сегодня отослалъ. Я самъ запру за вами.

Черезъ пять минутъ я былъ у Матохина, передалъ ему живительную влагу и уже собирался уходить, какъ онъ мнѣ сказалъ:

— Если вамъ не будетъ противно, то приходите сегодня ночью... Мнѣ, какъ будто, веселѣе будетъ...

— Что же,—отвѣтилъ я,—если можно будетъ, т. е. если пустятъ, я приду, разъ вамъ этого хочется.

Я вышелъ изъ тюрьмы и отправился домой.

Часамъ къ десяти вечера я поѣхалъ въ клубъ. Какъ разъ тамъ былъ «семейный вечеръ», и уже съ улицы слышны были веселые звуки военнаго оркестра. Было свѣтло, тепло и послѣ тюрьмы какъ-то особенно уютно. Масса нарядныхъ дамъ и барышенъ и около нихъ, какъ пчелки около меда, увивающіеся молодые коллежскіе регистраторы и асессоры.

Когда я вошелъ въ залъ, какъ разъ танцовали послѣднюю фигуру кадрили. Молоденькій поручикъ дирижировалъ танцами и выказывалъ массу рвенія. Онъ со сдвинутыми бровями выкрикивалъ: «Balancez vos dames! Messieurs en avant!» и т. д.

Я прошелъ въ карточную комнату, гдѣ за зеленымъ полемъ уже занимались дѣломъ почтенные обыватели.

Только началъ я здороваться со знакомыми, какъ подбѣжалъ ко мнѣ тюремный врачъ Іоганнъ Карловичъ.

Іоганнъ Карловичъ, добродушный и веселый нѣмецъ среднихъ лѣтъ, толстый и всегда въ духѣ, былъ очень популяренъ въ городѣ и пользовался репутаціей отличнаго врача.

— Пожалста, пожалста, eine kleine партія — беря меня за руки и уводя куда-то, сказалъ онъ мнѣ.—Одинъ партнеръ не хватаетъ. Вы какъ разъ пришли во время. Kommen Sie!

И онъ меня увелъ къ столу, у котораго уже стояли готовые къ бою два господина. Онъ меня познакомилъ съ моими партнерами, причемъ, представляя меня, смѣясь, добавилъ: — «Великій музыкеръ».

Мы сѣли. Іоганнъ Карловичъ какъ-то особенно виртуозно распечаталъ колоду картъ, и начался неизбѣжный винтъ. Послѣ шести роберовъ онъ предложилъ сыграть еще три «разгонныхъ», на что всѣ охотно согласились.

Въ время предпослѣдняго робера жена и дочь доктора вошли въ карточную комнату и направились къ нему. Дочка Іоганна Карловича, маленькая бѣлокурая нѣмочка, подошла къ столу и сказала:

— Vergiss nicht Papachen... heute Nacht... Du weiss doch... (Не забудь, папаша, сегодня ночью... ты знаешь...)

На что Іоганнъ Карловичъ ей отвѣтилъ:

— Natürliech, Kindchen... es'ist noch viel Zeit!.. (Конечно, дѣточка. Еще есть время).

Дамы ушли, и я спросилъ доктора:

— Вы сегодня заняты, должно быть—тамъ... въ тюрьмѣ.

— Да—отвѣтилъ онъ серьезно. Fatale geschichte, а ѣхать надо.— Я, вѣдь, служебный человѣкъ...

— Я тоже собираюсь,—сказалъ я—пойдемте вмѣстѣ.

— Sehr gut—согласился онъ.—Вамъ ходить, Петръ Ивановичъ,—обратился онъ къ партнеру, и игра продолжалась.

Около часа ночи мы съ докторомъ поужинали (его дамы уѣхали домой раньше), а въ два часа, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ:

— Пора ѣхать. Это не близко.

Мы вышли изъ клуба, взяли извозчика и около 3 часовъ утра подъѣхали къ тюремнымъ воротамъ.

Я послалъ черезъ дежурнаго надзирателя записку къ Адріану Федоровичу съ просьбой дать мнѣ пропускъ, и черезъ 10 минутъ мы уже входили на тюремный дворъ, гдѣ должна была совершиться казнь.

Было еще совсѣмъ темно, и только на востокѣ еле-еле виднѣлась бѣленькая полоска, обѣщавшая скорый восходъ солнца. На деревѣ, единственномъ здѣсь, уже пѣла какая-то птичка. На тюремномъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ мрачными высокими стѣнами, я замѣтилъ взводъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ. Они были съ ружьями, но стояли «вольно». Около солдатъ, спиною ко мнѣ, стоялъ офицеръ и о чемъ-то говорилъ съ Адріаномъ Федоровичемъ. Офицеръ какъ разъ обернулся, и я узналъ молоденькаго поручика, усерднаго дирижера танцевъ въ клубѣ. Онъ, видимо, страшно торопился сюда, такъ какъ даже не успѣлъ снять голубой шелковой розетки—танцовальнаго дирижера.

На выступахъ стѣны между кухней и прачешной положена была толстая перекладина а на перекладинѣ болталась довольно длинная и какъ мнѣ показалось, тонкая веревка. Подъ перекладиной стояла деревянная скамейка.

Адріанъ Федоровичъ подошелъ къ намъ и поздоровался со мной и съ докторомъ. Выраженіе его лица было необыкновенно серьезно и сосредоточенно.

— Что-то свѣжо,—сказалъ онъ, поднимая воротникъ своего пальто и знакомя меня съ поручикомъ.

Это былъ совсѣмъ молоденькій офицеръ съ розовыми щечками, носившій пенснэ.

Мы всѣ молчали.

Немного погодя я услышалъ, какъ кто - то подъѣхалъ къ тюремнымъ воротамъ, и вскорѣ на дворъ вошли два господина— въ военномъ платьѣ.

— Ну, вотъ и всѣ въ сборѣ,—произнесъ серьезно Адріанъ Федоровичъ.

Онъ познакомилъ меня съ пришедшими: — прокуроръ С. и членъ суда г. Н.

— А батюшка гдѣ же?—спросилъ Адріанъ Федоровичъ старшаго надзирателя, проходившаго мимо.

— Батюшка тамъ,—отвѣтилъ надзиратель,—онъ уже давно тамъ, ваше благородіе, должно, скоро выйдетъ.

— Ну, что же, подождемъ маленько,—сказалъ Адріанъ Федоровичъ, посматривая на часы.

Черезъ пять минутъ изъ двери, ведущей въ казарму каторжанъ вышелъ священникъ съ псаломщикомъ. Послѣдній осторожно несъ что-то завернутое.

Батюшка подошелъ къ намъ.

— Ну, что, батюшка?—спросилъ членъ суда послѣ того, какъ мы всѣ поздоровались съ нимъ.—Какъ идутъ дѣла? Исповѣдали?

— Исповѣдалъ и причастилъ—отвѣтилъ священникъ, еще не старый и плотный человѣкъ съ окладистой бородой,—все въ порядкѣ. Похоже, что смягчился маленько.

— Ну, и слава Богу,—сказалъ членъ суда—все пойдетъ, значитъ, по-хорошему... тихо, смирно.

— А что Елизавета Григорьевна?—спросилъ онъ опять священника.—Все еще не поправляется?

— Какой тамъ поправляется—вздохнулъ батюшка.—Горе мнѣ съ нею, все маюсь... главное дѣло въ опухоли—одинъ день будто меньше, анъ глядишь, на другой—яко смоква, а все Іоганнъ Карловичъ рѣзать не хочетъ.

— Придетъ время,—сказалъ докторъ,—и съ ножемъ приду, а пока—покой и діэта.

— Ну, дастъ Богъ, поправится,—сказалъ членъ суда.

Въ это время загремѣли гдѣ-то кандалы, и изъ воротъ казармы вышло человѣкъ двадцать каторжанъ съ надзирателями.

Ихъ подвели и поставили противъ перекладины на противоположной сторонѣ отъ солдатъ.

Тогда священникъ обратился къ Адріану Федоровичу и сказалъ:

— Ну, мое дѣло кончено. Не подобаетъ мнѣ больше здѣсь пребывать. Доброй ночи, господа.—И онъ ушелъ черезъ тюремныя ворота.

— Дежурный! — крикнулъ Адріанъ Федоровичъ.— Вывести Шишкова.

— Кто это Шишковъ?—потихоньку спросилъ я стоявшаго близъ меня надзирателя.

— Это, ваше благородіе, палачъ,—такъ же тихо отвѣтилъ онъ мнѣ,—тоже изъ каторжныхъ.

Становилось жутко.

Между тѣмъ, уже почти совсѣмъ разсвѣло, и я ясно могъ разглядѣть Шишкова, который вмѣстѣ съ двумя надзирателями вышелъ изъ казармы и направился къ перекладинѣ. Это былъ крѣпко сложенный человѣкъ въ арестантской курткѣ, но безъ кандаловъ, лѣтъ около 45, весь какой-то бѣлобрысый и съ красными глазами, какъ у альбиносовъ. Скулы у него необыкновенно выдавались.

— Шишковъ!—окрикнулъ его Адріанъ Федоровичъ.

Шишковъ быстро подошелъ.

— Смотри ты у меня, чтобы все было въ порядкѣ, безъ фокусовъ. А то, помнишь, прошлый разъ?.. Да что говорить!.. По тебѣ давно уже розга скучаетъ.

— Да помилуйте, ваше благородіе, почитай весь день работалъ! Все въ порядкѣ. Не впервые, ваше благородіе, — отвѣтилъ Шишковъ.

— Ну, пошелъ!—перебилъ его смотритель и громко произнесъ по направленію къ казармѣ:

— Вывести Матохина.

Тутъ мы всѣ, неизвѣстно почему, сняли шляпы и фуражки.

Я еще замѣтилъ одно: хотя мы всѣ, здѣсь присутствовавшіе, были страстными курильщиками, но никто не курилъ. Было, какъ будто, неловко. Докторъ вынулъ было портсигаръ, но, увидя, что никто не куритъ, убралъ его обратно въ карманъ.

На крыльцѣ казармы, въ сопровожденіи надзирателя, показался Матохинъ, все еще въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ.

Онъ былъ какъ-то неестественно красенъ, но шелъ довольно твердо, смотря исподлобья кругомъ себя.

. . . .

Шишковъ перешелъ къ Матохину и, взявъ его подъ мышки, подвелъ къ перекладинѣ.

А барабаны трещали.

Подъ перекладиной онъ съ Матохинымъ остановился, пощупалъ веревку и вдругъ началъ что-то искать. Искалъ онъ и на землѣ, и у себя, но повидимому, не находилъ того, что ему было нужно, и вдругъ подбѣжалъ къ Адріану Федоровичу.

— Ваше благородіе—скоро и прерывисто заговорилъ онъ,—что то неспособно... нечѣмъ намылить веревку-то... Былъ кусокъ мыла, запамятовалъ куда дѣлъ... Прикажите выдать кусокъ мыла...

— Что я тебѣ, подлецъ, прикажу выдать розогъ, это ужъ навѣрно—сказалъ ему Адріанъ Федоровичъ и подошелъ къ поручику.

Барабаны замолкли и смотритель, обращаясь къ арестантамъ, сказалъ:

— А ну-ка, ребята, кто-нибудь изъ васъ пусть сходитъ въ казарму, да принесетъ кусокъ мыла.

Никто не тронулся.

— Что же дѣлать,—пожалъ онъ плечами.—Дежурный!—сказалъ онъ, обращаясь къ старшему надзирателю:—я тебѣ напишу сейчасъ записку къ Лечинскому. Разбуди его, пусть немедленно выдастъ въ счетъ канцеляріи кусокъ мыла,—и онъ на колѣнѣ написалъ записку, съ которой надзиратель быстро исчезъ.

Мы, т. е. я, членъ суда, прокуроръ и докторъ, оставаясь въ нашемъ углу, потихоньку ругали порядки, заставляющіе Матохина мучиться, хотя бы нѣсколько минутъ лишнихъ.

Адріанъ Федоровичъ громко ругался по адресу Шишкова и обѣщалъ задать ему «такую баню, что небу жарко станетъ».

Но громче всѣхъ ругался самъ Матохинъ. Онъ зналъ, что ему все равно терять нечего.

— Черти полосатые!—кричалъ онъ.—И повѣсить-то человѣка толкомъ не умѣете. Давно могли бы, небось, покончить дѣло. Разбудили меня, чортъ знаетъ когда! Вы-то, кричалъ онъ поручику— стеклышки носите передъ глазами, а что надо, и не видите.—Да и его благородію (онъ указалъ на Адріана Федоровича), небось, дрыхать хочется, а ты тутъ и сиди.

— Молчать!—пробовалъ остановить его поручикъ, но Матохинъ не унимался и продолжалъ неистовствовать.

Поручикъ краснѣлъ и ершился, а Адріанъ Федоровичъ нервно ходилъ взадъ и впередъ. Тогда поручикъ подошелъ къ смотрителю и сказалъ:

— Не забить ли въ барабаны?.. Заглушить негодяя.

— Да для чего?—возразилъ Адріанъ Федоровичъ.—Въ сущности, вѣдь онъ правъ...

Наконецъ Матохинъ, какъ будто, утихъ (должно быть усталъ) и присѣлъ на скамейку подъ перекладиной. Рядомъ съ нимъ усѣлся и Шишковъ.

— Эхъ, хоть покурить бы дали!—сказалъ Матохинъ.

Шишковъ сейчасъ же вынулъ изъ кармана табакъ и высыпалъ себѣ на ладонь. Затѣмъ онъ откуда-то досталъ кусочекъ газетной бумаги и свернулъ двѣ «цыгарки»—одну для себя, а другую для Матохина. Такъ они рядышкомъ на скамейкѣ сидѣли и покуривали.

— А я сегодня видѣлъ Федю Ядренаго,—вдругъ обратился Шишковъ къ Матохину.—Изъ окна видѣлъ, мимо ходилъ.

— Да что ты?—съ живостью спросилъ Матохинъ.—И что-же?

— Да я почемъ знаю — отвѣтилъ Шишковъ, — сказываютъ, опять съ Катей валандается...

— Счастливъ его Богъ! — угрюмо проговорилъ Матохинъ. Встрѣтить бы мнѣ его—свелъ бы счеты.

Тутъ они начали о чемъ-то тихо шептаться, будто два пріятеля.

Вдругъ, какъ-то сразу, между ними появился надзиратель и протянулъ Адріану Федоровичу пакетъ.

— Передай Шишкову,—сказалъ ему смотритель.

Надзиратель отдалъ пакетикъ Шишкову. Поручикъ опять скомандовалъ:—Смирно! Барабанщики впередъ!

Солдаты подтянулись, затрещали барабаны, а Шишковъ все возился съ веревкой.

Наконецъ, онъ вынулъ изъ-за пазухи какой-то небольшой мѣшокъ. Это была бѣлая холщевая маска, вродѣ тѣхъ, которыя носятъ капуцины, съ большими дырами для прососыванія рукъ. Эту маску, такъ сказать, полу-саванъ онъ хотѣлъ было надѣть Матохину на голову, но тотъ отстранилъ его и что-то сказалъ. За трескотней барабановъ ничего не было слышно.

Шишковъ помогъ Матохину встать на скамейку,—тому съ кандалами было трудно на нее подняться,—тщательно надѣлъ ему на шею петлю, и для этого даже самъ влѣзъ рядомъ съ осужденнымъ.

Затѣмъ онъ быстро соскочилъ внизъ и выдернулъ скамью изъ-подъ ногъ Матохина...

Я отвернулся...

Можетъ быть, прошло съ полминуты, когда я опять взглянулъ туда...

Глаза повѣшеннаго стали стеклянными, лицо приняло какое то странное, какъ будто удивленное выраженіе, а пальцы рукъ быстро, быстро перебирали что-то...

И въ то же время я почувствовалъ острую боль въ правой рукѣ. Это, стоящій рядомъ со мною, членъ суда, судорожно схвативъ мою руку ногтями, сжалъ ее до крови.

— Смотрите,—шепталъ онъ,—пальцы... пальцы...

— Пустите, ради Бога,—чуть не крикнулъ я,—мнѣ больно.

Докторъ, стоявшій неподалеку отъ насъ, отвернулся и, плюнувъ, только сказалъ: «Tfiu, Teufel!»

Со мной сдѣлался какой-то столбнякъ. Я не хотѣлъ смотрѣть туда и, все-таки, смотрѣлъ.

Пришелъ я въ себя черезъ минутъ 15, увидѣвъ доктора съ часами въ рукахъ, стоявшаго около повѣшеннаго: онъ щупалъ его сердце и пульсъ и потомъ сказалъ что-то поручику.

Поручикъ сдѣлалъ саблею знакъ барабанщикамъ, и барабаны замолкли. Затѣмъ онъ вложилъ саблю въ ножны.

А Іоганнъ Карловичъ громко произнесъ:

— Делинквентъ уже умиралъ!..

— Можно снять, Шишковъ!—крикнулъ Адріанъ Федоровичъ.— Сними скорѣе!

Шишковъ, съ ловкостью обезьяны взобрался на перекладину, чтобы распутать веревку.

— Чего копаешься?—заоралъ на него смотритель.—Отрѣжь, и все тутъ!

— Чего портить веревку-то, ваше благородіе,—возразилъ Шишковъ,—веревка хорошая, еще пригодится.

Солнце уже взошло, и какъ разъ его лучи падали на лицо Матохина. То же удивленное и странное выраженіе оставалось на немъ.

Два солдата откуда-то принесли деревянный гробъ.

Уложили туда трупъ.

Прокуроръ и членъ суда подписали какую-то бумагу и вручили ее поручику, при этомъ прокуроръ сказалъ:

— Часовъ въ 10 вы пойдете съ докладомъ, г-нъ поручикъ.

Тотъ, взявъ бумагу, молча поклонился.

При этомъ я замѣтилъ, что поручикъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и подбродокъ его дрожалъ.

— Ну, пора! Kommen Sie!—сказалъ докторъ.—Пойдемте, господа.

Мы всѣ простились съ Адріаномъ Федоровичемъ и вышли изъ тюрьмы.

Было что-то около 5 часовъ утра, когда мы, т. е. прокуроръ, членъ суда, докторъ, поручикъ и я вышли изъ тюрьмы.

Солнце свѣтило ярко на голубомъ небѣ. Все обѣщало хорошій день. Мы спустились съ горы (на которой стоитъ тюрьма) внизъ, въ городъ.

Дорога наша шла все время берегомъ.

Въ кустахъ пѣли птички, а по рѣкѣ подымался отъ воды паръ. Шли мы молча.

Я поглядывалъ на поручика. Онъ шелъ, словно пьяный, и вдругъ зашатался и остановился.

Я подошелъ къ нему и спросилъ:

— Что съ вами? Не дурно ли вамъ?

— Нѣ-ѣтъ, это такъ... пройдетъ,—отвѣтилъ онъ,—много, знаете, танцовалъ сегодня... вотъ и голова немного кружится...

— Ну, ну, молодой человѣкъ,—сказалъ добродушно докторъ,—какая такая голова кружится, какъ у молодой фрейлейнъ?

Поручикъ немного оправился, и мы пошли дальше.

—Что-то спать не хочется,—сказалъ прокуроръ.—Самый лучшій сонъ ужъ пропалъ.

— Да и зрѣлище такого сорта, —замѣтилъ членъ суда,—что, пожалуй, и не заснешь.

Я же чувствовалъ во всемъ тѣлѣ какой-то ознобъ и простодушно сказалъ.

— Я бы съ наслажденіемъ сейчасъ выпилъ бы чего-нибудь эдакого...

— А знаете ли, господа, —вдругъ остановился членъ суда,—

у меня есть конькъ... я вамъ доложу, не коньякъ, а сливки. Живу я сиротой,—холостякомъ... Пойдемте ко мнѣ, выпьемъ, да кстати,—робко сказалъ онъ — устроимъ эдакій утренникъ... Знаете... три робера, не больше... Все равно, спать вѣдь никто не будетъ послѣ этого.

— Я,—сказалъ прокуроръ,—всегда считалъ васъ, Иванъ Федоровичъ, за геніальнаго человѣка и съ радостью принимаю ваше предложеніе.

Докторъ, поручикъ и я подтвердили лестное мнѣніе прокурора, и прибавивъ шагу, мы скоро дошли до дома члена суда.

— Я прислуги будить не стану,—сказалъ,—онъ сами будемъ хозяйничать.

И онъ, вынувъ изъ кармана ключъ (причемъ руки у него почему-то дрожали, и онъ долго не могъ попасть въ замокъ), отперъ дверь.

Мы вошли. Раздѣлись въ передней и черезъ гостиную прошли въ кабинетъ.

— Располагайтесь, какъ дома, господа,—радушно предложилъ намъ Иванъ Федоровичъ.—Я сейчасъ достану...

Онъ принесъ двѣ бутылки коньяку, откупорилъ ихъ и поставилъ на столъ.

Я не переставалъ наблюдать за поручикомъ. Онъ все время не говорилъ ни слова и, войдя въ квартиру члена суда, усѣлся въ гостиной. Онъ былъ все такъ же блѣденъ и безсмысленно смотрѣлъ въ пространство.

Когда поставили коньякъ на столъ, онъ молча всталъ, налилъ и залпомъ выпилъ два большихъ стакана коньяку.

Затѣмъ возвратился въ гостиную и, опять-таки не говоря ни слова, сѣлъ на прежнее мѣсто,

Обратившись къ Ивану Федоровичу, я сказалъ:

— Если мы будемъ играть въ карты, то не позволите ли мнѣ сначала вымыть руки?

— Пожалуйста,—сказалъ любезно хозяинъ,—тамъ, въ спальнѣ, все есть.—И, войдя въ гостиную, онъ обратился къ поручику:

— Можетъ быть, и вы, господинъ поручикъ, желаете умыться? Тамъ все есть въ спальнѣ, полотенце и мыло...

Поручикъ вдругъ вскочилъ. И еще больше поблѣднѣлъ.

— Какъ вы смѣете,—закричалъ онъ,—меня оскорблять. Я честный офицеръ, а не палачъ... Мнѣ вашего мыла не надо... Не смѣйте дѣлать подобныхъ намековъ!..

И онъ кулакомъ ударилъ по столу такъ, что лампа, стоявшая на немъ, упала на полъ и разбилась вдребезги.

Мы всѣ выбѣжали въ гостиную.

— Помилуйте, поручикъ... какой тутъ намекъ...—сказалъ оторопѣвшій членъ суда.—Я и не думалъ...

Но поручикъ уже вышелъ въ переднюю, еще разъ крикнувъ:

— Вы мнѣ за это дадите еще удовлетвореніе!..—Съ этими словами онъ отворилъ дверь и ушелъ.

Мы всѣ молча переглянулись.

— Молодой человѣкъ, очевидно, пьянъ,—сказалъ прокуроръ.— Вѣдь онъ хватилъ сразу два стакана.

— Гм,—сказалъ докторъ,—хорошо, если только пьянъ. Я боюсь, что здѣсь etwas anderes (что-то другое).

Мы какъ то всѣ осовѣли и рѣшили отложить нашу игру до слѣдующаго раза. Скоро разошлись.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ въ клубѣ Іоганна Карловича.

— А поручикъ-то нашъ,—началъ онъ.—Вы помните?.. Сегодня я его видѣлъ... онъ у насъ въ больницѣ, горячка у него... Все бредитъ... То grand rond'омъ, то мыломъ...

V.

Злодѣй на покоѣ.

Изъ Тобольска я черезъ Тюмень и Челябинскъ проѣхалъ дальше по великому сибирскому пути и сдѣлалъ первую остановку въ г. Курганѣ, Тобольской губ. Отъ Челябинска до него сравнительно недалеко—всего какихъ-нибудь 10 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Курганъ—городъ небольшой и, какъ всѣ сибирскіе города, грязный. Но онъ болѣе интеллигентенъ, чѣмъ Златоустъ, Челябинскъ и Тобольскъ вмѣстѣ взятые. Онъ имѣетъ сносныя гостиницы, а главное—въ немъ есть жизнь. Даже существуетъ «Курганское музыкальное общество», имѣющее свой собственный симфоническій оркестръ. Весьма возможно, что всѣ эти культурныя начинанія зависятъ отъ массы иностранцевъ, здѣсь живущихъ (англичане, нѣмцы и датчане).

На улицахъ Кургана поражаютъ свѣжаго человѣка вывѣски съ нижеслѣдующими надписями: «Здѣсь покупаютъ масло». Такихъ вывѣсокъ на главной улицѣ множество, и подъ ними всегда красуется какая нибудь иностранная фамилія вродѣ Джонсона, Вернсена или Мюллера.

Въ гостиницѣ Соловьева, гдѣ я остановился, со мной рядомъ жилъ купецъ изъ Ново-Николаевска, и я высказалъ ему свое недоумѣніе по поводу того, что покупателями масла являются все иностранцы.

— Да что Бога гнѣвить,—сказалъ купецъ,—сами мы въ этомъ виноваты. Изъ Сибири, какъ вамъ можетъ быть извѣстно, каждый годъ вывозится сливочнаго масла на милліоны рублей. Такого прекраснаго масла вы не найдете въ цѣломъ мірѣ, и вотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы завязали сношенія съ фирмами Лондона, Берлина и Копенгагена. Мы условились высылать имъ

масло, а они намъ денежки... Первый разъ мы имъ, дѣйствительно, выслали, честь честью, хорошее масло, а они намъ, въ свой чередъ, денежки. Но потомъ, разсудивъ, что нечего баловать ихъ, нѣмцевъ, прибавили въ масло немного мучки... Они обидѣлись и послали намъ сказать, чтобы мы, дескать, не обманывали ихъ, а то они дѣла съ нами вести не будутъ.

— Скажите на милость! Точно мука намъ даромъ достается! Послѣ этого мы послали имъ одно чистое масло, но нѣкоторые купцы стали въ бочки класть камни — больше для вѣса, а не то что для чего дурного. Тутъ-то они ужъ окончательно на насъ взъѣлись и прекратили съ нами всякія сношенія... Народъ придирчивъ да обидчивъ! Ты толкомъ поговори да обсуди! Можетъ, и сошлись бы по совѣсти, а они—конецъ. И все тутъ! Послѣ этого они отправили сюда своихъ людей, и тѣ теперь сидятъ здѣсь. Сами у крестьянъ масло покупаютъ и сами высылаютъ его въ нѣметчину. А цѣною такъ избаловали мужиковъ, что намъ съ ними тягаться нѣтъ возможности. Вотъ,—кончилъ онъ, показывая себѣ на затылокъ,—гдѣ эти иностранцы у насъ сидятъ! А кто хлѣбомъ кормитъ всѣ эти разныя тамъ Европы, если не мать Рассея?

Когда я робко замѣтилъ купцу, что за хлѣбъ въ Европѣ вѣдь платятъ деньги, онъ въ порывѣ патріотическаго подъема отрѣзалъ:

— Да на что намъ деньги-то ихнія? У насъ своихъ дѣвать некуда!

Счастливецъ!

Я остановился въ Курганѣ въ силу слѣдующихъ соображеній.

Во время русско-японской войны, когда японцы высадились на о. Сахалинѣ, изъ сахалинскихъ каторжниковъ тогда были наскоро сформированы, такъ назыв., «вольныя дружины», чтобы дать отпоръ японцамъ. При этомъ дружинникамъ были обѣщаны всякія льготы, вплоть до правъ свободнаго поселенія въ Сибири. Почти всѣ каторжники записались въ эти дружины. Но до какихъ-либо стычекъ или сраженій дѣло не дошло, ибо каторжники, увидя регулярныя японскія войска, убѣжали вглубь острова. Тамъ ихъ мало-по-малу опять переловили и, по окончаніи войны, эвакуировали въ Сибирь, гдѣ этимъ бывшимъ дружинникамъ, дѣйствительно, было дано, конечно, подъ надзоромъ властей, разрѣшеніе поселиться. И вотъ, около города Кургана явились такъ называемыя «Сахалинскія поселенія», въ которыхъ бывшіе каторжники получили по немногу земли, по избѣ и кое-что на обзаведеніе хозяйства. Находятся эти поселенія въ 7 верстахъ отъ города.

Сначала все шло хорошо. Но мало-по-малу «сахалинцы» начали грабить и красть. Были и убійства. Наконецъ, вышли крупные безпорядки: «сахалинцы» чуть не штурмомъ намѣревались брать городъ. Тутъ ихъ сократили. Многіе изъ нихъ были пере-

биты, другіе разбѣжались, и «Сахалинскія поселенія» почти совсѣмъ перестали существовать. Осталось всего человѣкъ 10 бывшихъ сахалинскихъ героевъ. Они ведутъ себя смирно, тихо, и ихъ уже не трогаютъ.

Я зналъ, что на Сахалинѣ было въ ходу множество тюремныхъ пѣсенъ, и рѣшилъ обязательно побывать въ поселеніяхъ. Вотъ почему я и сдѣлалъ остановку въ Курганѣ.

Одинъ чиновникъ, съ которымъ я познакомился, совѣтовалъ мнѣ обратиться по этому дѣлу къ старику-сахалинцу—Антону Арефьеву.

— Это, я вамъ доложу, старикъ бывалый,—сказалъ мой чиновникъ,—онъ еще живетъ здѣсь, въ «Сахалиновкѣ». Если онъ вамъ не поможетъ, такъ поѣзжайте дальше, мимо насъ. Больше никого нѣтъ.

Чиновникъ этотъ принималъ участіе въ водвореніи сахалинцевъ на курганскія поселенія, и у него осталась масса статейныхъ списковъ этихъ людей. Нашелъ я въ нихъ и Арефьева и узналъ про него слѣдующее.

Антонъ Зиновьевъ Арефьевъ, крестьянинъ, родился въ 1840 г. близъ г. Калуги. Въ 1865 г. за убійство семьи помѣщика и за поджогъ съ цѣлью скрыть преступленіе былъ сосланъ на каторгу на 20 лѣтъ. Въ 1880 г. былъ водворенъ на о. Сахалинѣ. Вскорѣ бѣжалъ и скитался полтора года по острову, живя у айносовъ. Снова былъ пойманъ и снова бѣжалъ. На этотъ разъ ему посчастливилось перебраться черезъ Татарскій проливъ на материкъ. Въ 1885 году въ г. Читѣ съ цѣлью грабежа опять совершилъ убійство 5 человѣкъ и чуть ли не на мѣстѣ преступленія былъ схваченъ и осужденъ въ безсрочную каторгу безъ перевода изъ разряда испытуемыхъ. При этомъ ему было дано 400 ударовъ розгами, и вернули его опять на Сахалинъ. Во время русско-японской войны онъ записался въ дружинники и, въ концѣ концовъ, очутился въ поселеніяхъ близъ г. Кургана.

Таковъ «формулярный» списокъ отставного убійцы и грабителя Антона Арефьева.

Я поблагодарилъ чиновника за свѣдѣнія и рѣшилъ, во что бы то ни стало, повидать этого старика (ему, по спискамъ, было теперь 68 лѣтъ).

Сахалинскія поселенія находятся, какъ я уже говорилъ, въ 7 верстахъ отъ города, и, по совѣту моихъ курганскихъ знакомыхъ, я отправился туда верхомъ. Хозяинъ гостиницы далъ мнѣ маленькую, бойкую киргизскую лошадку, и на другое утро, около 9 часовъ, я сѣлъ и поѣхалъ. Предварительно я тщательно осмотрѣлъ свой револьверъ и просилъ знакомыхъ побывать у Арефьева, если бы къ полудню другого дня не возвратился въ Курганъ.

Дорогу къ поселеніямъ мнѣ описали очень точно, и сбиться я не могъ. Сначала долгое время я ѣхалъ степью, потомъ густымъ лѣсомъ

по широкой и удобной тропинкѣ. Затѣмъ, выѣхавъ на открытую поляну, я очутился на берегу рѣчки и, свернувъ направо, какъ мнѣ сказали, увидѣлъ нѣсколько избъ. Это и были «Сахалинскія поселенія». Подъѣхавъ къ нимъ ближе, я обратилъ вниманіе, что большинство домовъ было заколочено и, видимо, оставлено своими хозяевами на произволъ судьбы. Кругомъ было тихо и безлюдно.

Держась все время берега рѣчки, я замѣтилъ вдругъ какого-то человѣка, который, стоя на колѣняхъ, копался въ огородѣ (огородъ этотъ тянулся отъ избы до самаго берега). Лица этого человѣка я не могъ разобрать, такъ какъ онъ стоялъ ко мнѣ спиною.

Я остановилъ лошадь и спросилъ:

— Гдѣ бы мнѣ здѣсь повидать Антона Арефьева?

Работавшій въ огородѣ, не перемѣнивъ позы и даже не обернувшись ко мнѣ, продолжая свое дѣло, отвѣтилъ громкимъ и зычнымъ голосомъ:

— Весь тутъ, батюшка! Весь тутъ! Насчетъ рѣпы, что ли?

— Нѣтъ,—сказалъ я,—совсѣмъ по другому дѣлу.

Тогда мой собесѣдникъ довольно бодро всталъ, выпрямился, немного покряхтѣлъ и, щурясь и закрываясь отъ солнца рукою, подошелъ ко мнѣ.

Я рѣдко видѣлъ такого красиваго, я бы сказалъ,—«библейскаго» старика.

Огромнаго роста, съ могучими плечами, съ лицомъ чисто русскаго типа, съ черными, еще живыми глазами и съ серебристой бородой чуть не до пояса.

Одѣтъ онъ былъ въ нѣчто вродѣ подрясника, а голову его покрывала маленькая суконная шапочка.

Онъ могъ бы свободно сойти за схимника. Не торопясь, подошелъ онъ ко мнѣ и спросилъ:

— Такъ въ чемъ же дѣло, батюшка?

— Да я къ вамъ въ родѣ какъ въ гости,—отвѣтилъ я.—Хотя и дѣло есть.

— Премного благодаренъ,—съ поклономъ сказалъ онъ,—всякому гостю радъ. Сойдите съ коня... У меня сѣнцо найдется, да пойдемте ко мнѣ въ домикъ, коли не побрезгуете.

Я соскочилъ съ сѣдла. Арефьевъ сейчасъ же откуда-то досталъ охапку сѣна и положилъ ее передъ лошадью, которую мы подвели къ дому, гдѣ и привязали, а сами вошли въ него.

Домикъ Арефьева представлялъ изъ себя простой «сибирскій» срубъ, сколоченный изъ толстыхъ стоячихъ бревенъ, и вмѣщалъ, кромѣ миніатюрныхъ сѣней, еще двѣ комнаты. Сперва мы вошли въ кухню, а потомъ въ комнату съ двумя окнами.

Въ кухнѣ стояла русская печь съ лежанкой наверху, большой самодѣльный столъ и деревянная скамья. Въ комнатѣ въ одномъ углу передъ нѣсколькими дешевыми иконами горѣла лампадка и стоялъ столъ со скамейками. Особенное вниманіе во мнѣ воз-

будилъ комодъ, очевидно, самодѣльный, съ тремя ящиками, весь разрисованный зеленой, красной и синей краской. Въ противоположномъ углу стояло что-то вродѣ кровати. Это были простыя деревянныя нары, но покрытыя сложеннымъ вдвое кускомъ грубаго солдатскаго войлока. На окнахъ вездѣ стояли горшки съ незатѣйливыми цвѣтами. Было очень чисто и вѣяло какимъ-то простымъ уютомъ. Но замѣчательнѣе всего было — множество клѣтокъ, повсюду развѣшенныхъ въ комнатѣ. Въ этихъ клѣткахъ безпрерывно чирикали и пѣли маленькія птички, чижи, зяблики и др. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ скворецъ, который, какъ только мы вошли, закричалъ: — «Стыдно, Антоша! Стыдно!»

— Ну, ну,—сказалъ Арефьевъ, смѣясь и подходя къ клѣткѣ,— молчи ужъ, знаю, что стыдно, да что при гостѣ срамить-то... Чѣмъ бы гостя угостить?—обратился онъ ко мнѣ.—Развѣ, пока что, чайку попить?

— Я бы выпилъ,—сказалъ я,—чай и сахаръ у меня есть съ собой.

— Да это все и у меня найдется,—возразилъ Арефьевъ.— Самовара вотъ у меня нѣтъ, но кипякъ есть, пойду орудовать («кипякомъ» — въ Сибири называютъ котелокъ, который вѣшаютъ въ русскую печь и въ которомъ варятъ чай).

— Я вамъ помогу, — предложилъ я, и мы оба вышли въ кухню.

Здѣсь, къ моему удивленію, старикъ обратился вдругъ какъ бы къ печи и спросилъ:

— Ну, что, Силантьичъ, все у тебя не ладится еще, опять ломитъ, что ли?

На лежанкѣ кто-то пошевелился. Оказалось, тамъ лежалъ закутанный въ полушубокъ человѣкъ.

— Охъ, другъ мой,—застоналъ онъ сверху,—всю ночь въ ногахъ ломило!.. Умереть бы...

— Ну, ну, поспѣешь,—утѣшалъ Арефьевъ больного,—сейчасъ тебѣ чайку поднесу, благо гость пріѣхалъ.

— Товарищъ...—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—больной... всѣ ноги ломитъ... жалко человѣка, а недавно какимъ еще орломъ ходилъ!

Наливъ въ «кипякъ» воды, онъ развелъ огонь и сказалъ:

Къ чайку хорошо бы медку добыть. А у меня тутъ и ульи есть. Пчелками забавляюсь! Пойдемте, я вамъ покажу.

Мы вышли изъ домика.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него у Арефьева была маленькая пасѣка.

— Вы дальше-то, пожалуй, не ходите. А то пчелы, чего добраго, заволнуются да и ужалятъ васъ. Меня - то они знаютъ...

Я присѣлъ на траву и смотрѣлъ издали, какъ старикъ возился съ пчелами, жужжавшими вокругъ него. Вдругъ я услышалъ

сзади себя какой-то стонъ и, обернувшись, увидѣлъ старуху, лежавшую на землѣ. Подъ головой у нея была подушка, а покрыта она была какой-то рванью, замѣнявшей ей одѣяло. Указывая на старуху, я спросилъ подошедшаго ко мнѣ Арефьева:

— Кто это?

— Да вотъ, намедни подобралъ въ тайгѣ. Старушка Божія, сама не знаетъ, куда и что... ужъ очень плоха да дряхла, душа еле держится... Живетъ пока у меня. Сегодня вотъ вынесъ на солнышко, пусть, думаю, погрѣется.

— Что, Марья,—спросилъ онъ ее,—можетъ, на лежанку хочешь? Отнести, что ли?

Старуха молчала.

— Ну, ну, полежи. Сегодня щей сварю да шанегъ напеку. (шаньги—сибирскіе хлѣбцы съ разной начинкой).

Мы вернулись въ домъ.

Чай успѣлъ уже вскипѣть, и Арефьевъ поставилъ на столъ «кипякъ», медъ, тарелку съ костяникой (сибирская ягода) и большой каравай ржаного хлѣба.

Во время нашего чаепитія, я изложилъ хозяину мое дѣло, т. е. спросилъ его, не помнитъ ли онъ какихъ-нибудь пѣсенъ изъ тѣхъ, которыя пѣвались на Сахалинѣ.

Арефьевъ, не ломаясь, отвѣтилъ, что, пожалуй, кое-что вспомнитъ, и прибавилъ:

— Я только сперва поставлю въ печку щи да запеку шаньги а потомъ мы съ вами и позаймемся этимъ дѣломъ.

Когда мы кончили пить чай, онъ налилъ еще двѣ большія чашки и, унося ихъ собой, сказалъ:

— На минутку пойду къ своимъ...

Скворецъ ему вслѣдъ закричалъ:—«Стыдно Антоша!»—и я остался одинъ.

Осматриваясь кругомъ, я на палочкѣ возлѣ иконъ увидѣлъ большую старую книгу, очевидно, часто употребляемую.—Это было русское Евангеліе изданія англійскаго Библейскаго общества.

— Почитываете?—обратился я къ вновь вошедшему Арефьеву.

— По вечерамъ читаю,—отвѣтилъ онъ.—Своимъ вслухъ читаю... Не безъ Бога же жить... Ну-съ,—сказалъ онъ,—пойду стряпать. А вы, пока что, или прогуляйтесь или полежите тутъ.

— Знаете что, я лучше буду вамъ помогать стряпать.

— Ну, что-же,—согласился Арефьевъ,—и то дѣло.

Мы опять пошли въ кухню и начали «стряпать».

Обѣдъ былъ скоро готовъ. Щи (грибныя) оказались очень вкусными. Кромѣ того, мы ѣли шаньги и печеныя рѣпы. Послѣ того, какъ мы пообѣдали и старикъ накормилъ «своихъ», мы принялись за дѣло.

— Только, знаете что?—предложилъ старикъ,—выйдемте-ка на

лужайку, а то въ комнатѣ скворецъ разбойникъ не дастъ мнѣ пѣть. Все время будетъ орать, что мнѣ «стыдно». Этому его научилъ мой товарищъ.

Я взялъ карандашъ въ руки, вынулъ изъ кармана нотную бумагу, и мы сѣли «на лужокъ, подъ липки».

Многимъ я обязанъ Арефьеву.

Онъ спѣлъ мнѣ, правда, старческимъ, надтреснутымъ голосомъ, около 16 пѣсенъ. Настоящихъ, ярко-характерныхъ каторжныхъ пѣсенъ.

Кромѣ того, онъ спѣлъ мнѣ три айносскихъ пѣсни на айносскомъ же языкѣ (какъ я упоминалъ уже, онъ прожилъ около двухъ лѣтъ на Сахалинѣ у айносовъ).

Многія пѣсни ему пришлось повторить для меня по 5—6 разъ, что онъ охотно дѣлалъ. Во время исполненія нѣкоторыхъ пѣсенъ онъ воодушевлялся, и все лицо его преображалось.

Когда мы кончили, я горячо поблагодарилъ его.

— Ну, пустяки,—сказалъ онъ,—и мнѣ вѣдь забавно вспомнить старое.

Было уже поздно, что-то около 6 часовъ вечера, когда мы кончили наше пѣніе, и я хотѣлъ ѣхать обратно въ Курганъ; но Арефьевъ настоялъ на томъ, что мы «еще разъ попьемъ чайку, а тамъ и поѣзжайте съ Богомъ».

— Все горло засохло, — сказалъ онъ уходя возиться съ «кипякомъ».

Немного погодя, мы опять сидѣли съ нимъ и пили чай съ медомъ. Исполнялъ онъ эту процедуру медленно, степенно, съ какой-то важностью, а по окончаніи чаепитія тщательно вытеръ чашки полотенцемъ и перекрестился на образа.

— Вамъ не жестко здѣсь спать, Арефьевъ?—спросилъ я его, указывая на покрытыя войлокомъ нары.

— Здѣсь не я сплю,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—здѣсь спитъ мой товарищъ, а я ночую въ кухнѣ на лежанкѣ.

— Вотъ какъ,—удивился я,—за что такой почетъ вашему товарищу?

Онъ серьезно сказалъ:

— Товарищъ мой не то, что я... Онъ принялъ муки за правду... А я получилъ, что слѣдовало мнѣ за свои пакости... А товарищъ мой—правильный человѣкъ! Не мнѣ чета.

— Да онъ политическій, что ли?—спросилъ я его.

Арефьевъ какъ-то подозрительно на меня покосился.

— Какъ вамъ сказать,—нерѣшительно произнесъ онъ,—онъ—человѣкъ правильный...

Тутъ на меня напало страстное желаніе узнать что-нибудь отъ Арефьева о его прежнихъ похожденіяхъ и кровавыхъ подвигахъ. Но на всѣ мои намеки и подходы Арефьевъ только отмалчивался и отвѣчалъ односложно: „Такъ-съ, да, гм“, и т. п. Наконецъ,

онъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ съ какимъ-то особенно озабоченнымъ выраженіемъ лица.

Ходилъ, ходилъ и вдругъ остановился предо мною.

— Знаете... Я хотѣлъ васъ спросить... объ одномъ...—какъ-то робко и нерѣшительно произнесъ онъ.

— А что?—спросилъ я.

— Да вотъ видите ли,—замялся старикъ,—вы, конечно, читали Евангеліе... Вотъ хочу васъ спросить... Вы человѣкъ образованный... если помните, тамъ сказано, что Христосъ обѣщалъ разбойнику взять его къ себѣ въ рай. Какъ вы это понимаете, т. е. какой это былъ разбойникъ: воришка просто, или—очень тихимъ голосомъ досказалъ онъ—прямо-таки убійца?..

— Ну, разумѣется, убійца,—сказалъ я.—А то было бы сказано: воръ, грабитель, а тутъ совершенно ясно—разбойникъ. Значитъ, убійца.

Лицо его, какъ будто, просіяло, и, крѣпко пожимая мнѣ руку, онъ проговорилъ:

— И я такъ думаю!

Онъ опять началъ ходить взадъ и впередъ и опять вдругъ, остановившись предо мною, спросилъ:

— А какъ вы думаете, какой былъ самый тяжкій преступникъ на свѣтѣ?

Второй вопросъ моего экзамена я также разрѣшилъ блестяще, ибо отвѣтилъ:

— Надо полагать, что Іуда-Предатель.

— Умный вы человѣкъ, я вижу,—сказалъ онъ радостно,—и правильно разсуждаете. — И, подойдя вплотную ко мнѣ, тихо прибавилъ:

— И я былъ убійцей, но товарища никогда не выдавалъ.

Послѣ этого онъ надолго замолчалъ.

Во время нашего богословскаго диспута я не обратилъ вниманія, что почти совершенно стемнѣло, и уже началъ прощаться съ Арефьевымъ, когда онъ предложилъ мнѣ остаться ночевать.

— Время позднее,—сказалъ онъ,—еще собьетесь съ пути, да лихого народа и здѣсь не мало шатается. Право, ночуйте лучше!

Дѣствительно, стало уже совсѣмъ темно, и я согласился.

Арефьевъ постлалъ для меня на нарахъ тюфякъ съ сѣномъ и, послѣ того какъ мы еще немного посидѣли и поболтали на крыльцѣ, я вернулся въ комнату и началъ приготовляться къ ночлегу.

Но тутъ взяло меня раздумье. Какъ бы тамъ ни было, а ночую я у бывшаго каторжника, имѣющаго на своей совѣсти около десяти человѣкъ. А вдругъ въ немъ проснется старый звѣрь, и онъ присоединитъ и меня къ своей коллекціи? Тутъ и скворецъ напрасно будетъ кричать:—«Стыдно, Антоша!»..

И я придвинулъ раскрашенный комодъ къ двери, тщательно осмотрѣлъ всѣ окна и, вообще, забаррикадировалъ себя, какъ могъ. Подъ подушку положилъ револьверъ и рѣшилъ не засыпать вовсе.

Но усталость взяла свое, и я не замѣтилъ, какъ уснулъ.

Разбудилъ меня скворецъ своимъ крикомъ:—«Стыдно Антоша!»... Я вскочилъ и въ просонкахъ схватился за револьверъ, но его подъ подушкой не оказалось.

А посрединѣ комнаты стоялъ Арефьевъ и весело улыбался. Комодъ былъ придвинутъ на старое мѣсто, на столѣ стоялъ «кипякъ» съ чаемъ. Солнце весело играло въ открытое окно.

Я сконфуженно сказалъ Арефьеву:

— Я вчера здѣсь, подъ подушку, положилъ одну вещь...

— Знаю,—смѣясь перебилъ онъ меня,—пистолетъ. Я побоялся, какъ бы вы ночью, нечаянно, вреда себѣ не сдѣлали... Я его осторожно изъ-подъ подушки и вынулъ. Вотъ онъ...

И онъ мнѣ подалъ револьверъ.

— Не угодно ли,—сказалъ онъ показывая на столъ съ чаемъ.

Я всталъ, одѣлся и, напившись чаю, простился со «злодѣемъ на покоѣ».

На прощанье я предложилъ ему денегъ.

Онъ молча отвелъ мою руку.

— Спрячьте,—сказалъ онъ,—безъ нихъ проживу. А насчетъ моего товарища,—прибавилъ онъ,—тамъ, въ городѣ-то, лучше вамъ не распространяться.

На одно мгновенье что-то грозное промелькнуло у него въ глазахъ...

— Я тоже не Іуда,—успокоилъ я его.

И поскакалъ обратно въ Курганъ.

В. Н. Гартевельдъ.

ЦѢПИ.

Едва стемнѣло, зарядилъ ожесточенный осенній дождь. Ночь подступала воровская, безпросвѣтно-черная, долгая. Буря гудѣла надъ городомъ, подхватывала дождевыя капли, бросала ими въ окна.

Утомившись, полусидя на кровати, Анна Фоминична дремала подъ легкимъ восточнымъ одѣяломъ на ватѣ. Болѣзненно-искаженное лицо ея не напоминало о спокойствіи спящихъ. Вѣрно, тяжелые сны подползали къ ней въ этотъ слякотный вечеръ. Зина молчаливо сидѣла въ сторонѣ отъ постели. Горѣла у образа лампада, а на столѣ за умывальникомъ—крошечная ночная лампа съ розовоматовымъ колпачкомъ. Два различные свѣта странно смѣшивались другъ съ другомъ, но въ комнатѣ было не свѣтло. Тускло-золотящаяся полумгла придавала затихшей спальнѣ странно-мягкій уютъ, что-то умиротворяющее и тревожное одновременно. Вѣтеръ дулъ въ окна. Водяныя капли дождя часто стучались въ оконныя стекла, каждый разъ пугая Зину нежданностью стука. Звуки дождя выводили Зину изъ непонятнаго ей самой безразличія, смѣшаннаго съ усталостью и полнымъ безмысліемъ, изъ того состоянія духа, когда забывается все, что составляетъ текущую жизнь, ни о чемъ не думается, не ощущаешь себя и отсутствуетъ самое сознаніе убѣгающей отъ насъ жизни. И даже отчасти непріятенъ былъ Зинѣ возвратъ къ дѣйствительности, когда бабушка, заглянувъ въ дверь, знаками позвала Зину въ коридоръ за собою. Зина предположила: „Геннадій?—и отвѣтила себѣ: не можетъ быть въ такую непогоду...“

Геннадій Ивановичъ, оказалось, пріѣхалъ, не взирая ни на что.

Зина вышла къ нему въ гостинную.

Послѣ сегодняшняго разговора съ Анной Фоминичной мужъ показался чужимъ и далекимъ въ сравненіи съ той

вспышкой нѣжности, какая пробудилась у Зины къ матери. Впрочемъ, припрятавъ свое впечатлѣніе, она сказала радушно:

— Геня? Такъ поздно? И въ такую погоду?

У Геннадія Ивановича было усталое, безкровное лицо съ впалыми отъ утомленья глазами. Это утомленное лицо не освѣтилось улыбкой, осталось сумрачнымъ и послѣ поцѣлуя Зины. И на поцѣлуй онъ отозвался не такъ, какъ всегда, не обрадованно и горячо, а скорѣе оффиціально.

— Что съ нимъ?—подумала Зина.

Но привыкшая не выдавать своихъ мыслей, она не предложила вопроса прямо, а спросила немного приторно:

— Соскучился?

Геннадій Ивановичъ не переставалъ хмуриться.

— Ты усталъ?—произнесла Зина привѣтливо.

— Да, усталъ,—отвѣтилъ онъ кратко. Но не приласкалъ Зину, не поблагодарилъ за заботливость, какъ дѣлалъ въ другое время.

Она предположила, не неудача ли какая-нибудь,—и сказала:

— Операціи?.. Были трудныя?

— Да... операціи. У одной больной осложненія съ сердцемъ. Опасныя. Съ двухъ часовъ побывалъ тамъ три раза.

Онъ сообщалъ отрывисто, будто принуждая себя.

Тогда Зина стала говорить то, что въ другое время сказалъ бы самъ Геннадій Ивановичъ.

— А послѣ такой адской работы пріѣхалъ домой усталый? А дома пустота? Тебѣ не захотѣлось сидѣть одному? И ты недоволенъ мною?

Онъ пожалъ плечами и замѣтилъ колко:

— Пора привыкнуть. Я теперь чаще одинъ, чѣмъ съ тобою.

— Что съ тобой, Геннадій?—серьезно спросила Зина.— Ты скрываешь что-то. Я вижу.

— Ты прозорливѣй меня. Когда ты скрытничаешь, я не вижу.

— Геннадій!..

Зина не понимала. Геннадій Ивановичъ молчалъ, но чувствовалось, что онъ чѣмъ-то обиженъ.

— Да что такое?—уже занервничала Зина съ нетерпѣніемъ.

Послѣ того онъ сказалъ:

— Я получилъ письмо отъ твоего отца.

— Ахъ... вотъ что.

Зина, наклонивъ голову, затеребила бахрому на своемъ платьѣ.

— Ну и что же? О чемъ онъ пишетъ?—произнесла она, помолчавъ.

— Проситъ моего содѣйствія... въ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ. А у меня, оказывается, никакого представленія обо всемъ этомъ.

— И ты обиженъ?

— Нѣтъ... почему же? Если у тебя есть секреты, если ты не находишь нужнымъ посвящать меня въ твое горе... а предпочитаешь переносить его безъ моего участія...

Зина вспылила.

— Остановись, не расходуй краснорѣчія. Секретъ не мой, а маминъ. Она не хотѣла, чтобы ты зналъ про это.

— Капризъ больного человѣка.

— Пусть капризъ. Для меня онъ обязателенъ. Если бы ты, здоровый или больной, пожелалъ, чтобы мама не узнала о чемъ-нибудь твоемъ... я бы такъ же не сочла себя вправѣ распоряжаться твоей тайной. Особенно такой щекотливой. И вообще, оставимъ. Мы объ этомъ не сговоримся.

— Такъ не уѣхать ли мнѣ домой по добру, по здорову?

— Какъ хочешь.

Зина смотрѣла отчужденно и холодно.

Геннадій Ивановичъ сознавалъ, что обида его въ значительной степени растопилась отъ объясненій съ женою. Ему не хотѣлось разставаться съ Зиной, ѣхать домой одному въ эту мокрую непогоду, бродить одиноко по тихимъ, словно опустошеннымъ комнатамъ и, просыпаясь ночью, видѣть вблизи себя нарядную кровать Зины пустою. Онъ жаждалъ горячаго привѣта и самъ готовъ былъ къ задушевному примиренію, а языкъ его, точно наперекоръ, произносилъ и произноситъ ядовито-колкимъ тономъ уязвляющія слова. Зина отвѣчала ему тѣмъ же не безъ находчивости и изворотливо. Каждому изъ нихъ было, до извѣстной степени, отрадно помучить другого. Каждому казалось, что онъ недостаточно любимъ и недостаточно оцѣненъ, тогда какъ по своимъ достоинствамъ, за свое чувство и вниманіе, заслуживалъ бы лучшей доли, высшей, болѣе справедливой оцѣнки. Каждый думалъ о себѣ: того ли я достоинъ?—и мстительно подзадоривалъ себя къ дальнѣйшему пререканью. Они препирались не мало времени, пока Геннадій Ивачовичъ не смирился первымъ.

— Зина,—заговорилъ онъ по иному, такъ перемѣнивъ тонъ и голосъ, словно сказалъ это не тотъ человѣкъ, что пикировался только что болѣе получаса.

Зина изумленно повернула къ нему голову.

Усталое лицо Геннадія Ивановича было скорбное, черточка горькаго, скрытаго упрека кривила губы, а въ умоляющихъ глазахъ засвѣтилась тоскующая нѣжность.

— Оставимъ, Зина. Что за нелѣпость. И откуда это у насъ?—раздумчиво проговорилъ онъ.—Сколько разъ давалъ я себѣ слово... а никогда не удается сдержаться. И не удается понять мнѣ, почему мы такъ часто ссоримся, Зина?

— Я также не понимаю,—устало и печально вздохнула Зина.—Почему мы ссоримся, едва сойдемся?

— Вѣдь я, напримѣръ... да я каждый свободный мигъ о тебѣ мечтаю. Небывалая со мною вещь, но порой злобность начинаю питать къ больнымъ своимъ. Такъ бы и закричалъ имъ: да оставьте меня, не отрывайте отъ Зины! Чего бы я не отдалъ, лишь бы опять ты была одна со мною. Чтобы опять луна надъ Алупкой... И ты... и твое... тѣ слова твои дорогія. Ты еще помнишь ихъ? Не забыла?

— Помню,—неопредѣленно отозвалась Зина.

— Не забывай, Зина. Если забудешь... я не знаю, что со мной станется! Ни въ чемъ нѣтъ для меня живой души, если тебя нѣтъ со мною. Весь день впопыхахъ, врачую, рѣжу, зашиваю... а самъ объ одномъ: Зина. Вотъ, думаю, подойдетъ вечеръ, и—Зина, Зина, Зина... Но выпадетъ часокъ, другой побыть намъ вмѣстѣ, и какъ бѣсъ какой-то въ насъ вселится. Перепалки, обмѣнъ колкостями, препирательства, упреки. Я какъ начну вспоминать, что наговорилъ тебѣ... точно варомъ обдаетъ отъ стыда! Кажется, подошвы обуви твоей цѣловалъ бы, такъ просилъ бы прощенья!

— И мнѣ стыдно бываетъ за себя,—призналась Зина.— И какъ это у насъ выходитъ? Вѣдь изъ-за ничего? Безъ повода. Послѣ не вспомнишь, съ чего началось. Слово за слово, ты—мнѣ, я—тебѣ... и ни тебѣ, ни мнѣ не хочется затихнуть первому. И ты вѣдь—такой мягкій, чуткій... такъ умѣешь и съ больными, и съ здоровыми. Такъ понимаешь всѣхъ, а тутъ...

— А тутъ какъ ошалѣю. Буйствую, точно одержимый. И умѣнье, и пониманіе—все вверхъ тормашками. Съ тѣмъ, кого наиболѣе люблю, не могу сговориться.

— Я часто думаю, всѣ ли такъ, или мы только? Неужели это одни мы съ тобой такіе... несдержанные? Ты замѣтилъ? Наединѣ мы, будто, устаемъ вскорѣ другъ отъ друга. И принимаемся терзать одинъ другого, словно въ отместку за что-то. Что это, Геннадій?

— Не постигаю. Ѣдемъ домой, Зина.

— Можетъ быть, это лишь вначалѣ? Пока мы не спѣлись еще? Какъ ты думаешь?

— Не знаю. Ѣдемъ, Зина. Я хочу домой.

— Въ такой дождь? Слышишь, какъ бьетъ въ окна? Будто швыряетъ дробью.

— Не бѣда. Экипажи крытые. Плащъ со мною.

Зина разсмѣялась.

— „Я плащемъ тебя о-одѣну?"—лукаво и вопросительно вывела она зазвенѣвшимъ отъ смѣха голосомъ. И глаза у нея стали задорные, веселые, оживленно-блестящіе, какіе бывали до замужества. Ей стало веселѣй, она внезапно похорошѣла.

— Ѣдемъ, Геннадій, ѣдемъ. „Пусть стонетъ лѣсъ, пусть плачетъ вьюга!" Мы бѣ-ѣжи-имъ... намъ по колѣни море. Браво, Геннадій. Ты—мой похититель. Въ бурю, въ грозу... бѣжимъ изъ-подъ крова родительскаго. Жаль, нѣтъ веревочной лѣстницы... „Я умчу тебя въ Грена-аду на крыла-ахъ мое-ей любви-и!"

Ты не бойся, если звѣзды
Слишкомъ ярко свѣтятъ.
Я плащемъ тебя укрою
Такъ, что не замѣтятъ.

Она пѣла и, живо поворачиваясь, что-то разыскивала на подзеркальникѣ.

— Геня! Гдѣ мои булавки отъ шляпы?

Геннадій Ивановичъ, въ невѣдѣніи, комически моталъ головою.

— Ищи, Геня. Безъ нихъ нельзя бѣжать въ Гренаду.

Хотѣлось смѣяться безъ причины.

Булавки нашлись, и Зина прикалывала передъ зеркаломъ шляпу. Геннадій Ивановичъ залюбовался, глядя на нее. Безсознательно, но съ нѣсколько-залихватской удалью онъ началъ закручивать свои усы. Это не шло ко всей его скромно-интеллигентской фигурѣ, и Зина подмѣтила это въ зеркалѣ. Уже въ шляпѣ, она шутливо подбѣжала къ мужу, передразнила его жестъ и пропѣла:

Усы героя украшаютъ!

Оба смѣялись облегченно и беззаботно. Ледяная заслонка между ними была, какъ будто, сломана.

Зина проснулась передъ утромъ среди крѣпкаго сна, словно невзначай разбудилъ ее кто-то рѣзкимъ и сильнымъ толчкомъ. Толчекъ ощутила она до того явственно, что на яву показалось непостижимымъ, какъ же никого нѣтъ, когда кто-то толкнулъ ее, пробуждая? Въ груди учащенно

билось сердце, тяжесть и неудобная неловкость ощущались въ тѣлѣ, разбиралъ безотчетный страхъ, было большое желаніе разбудить спящаго Геннадія Ивановича и сказать ему о странномъ своемъ пробужденіи. Зина только что собралась окликнуть его, но толчекъ повторился опять, и на этотъ разъ внутри, а не снаружи тѣла. Теперь сдѣлалось понятно, кто прервалъ ея сонъ... Умиленно, съ особымъ, покровительственно-нѣжнымъ чувствомъ прислушивалась Зина къ проявленію той загадочно-милой и нерасторжимо-близкой жизни, что теплилась внутри ея самой. Толчки учащались. Одинъ былъ рѣзко-стремительный и проворный, словно перекувырнулся кто-то. Зина улыбалась въ темнотѣ ночи кому-то, еще невѣдомому, но уже безпредѣльно-любимому, и уснуть снова ей не удалось больше.

Очень медлено наступало утро съ осенними сумерками вмѣсто свѣта. Опять слезящееся небо поливало взмокшій городъ новыми дождями, опять, какъ съ вечера, постукивали въ окна дождевыя капли. Продолжительный звонокъ съ подъѣзда пронесся по дому и затихъ. Зина прислушалась. Никакого движенія со стороны корридора изъ кухни; вѣрно, горничная спитъ и не услышала. Звонокъ повторился, такой же долгій, настойчивый. Тогда позвонила и отъ себя въ кухню Зина и крикнула перепуганно:

— Геннадій! Геннадій! Звонятъ, Геннадій... случилось что-то.

Она дрожала въ тревогѣ.

— Не пугайся, Зинокъ. Это отъ моей больной. Ослабленіе сердечной дѣятельности... я сказалъ прислать, хотя бы ночью, если будетъ хуже. Спи, не тревожься.

Онъ одѣвался, торопясь. Зинѣ слышны были отдаленные взволнованные голоса. Геннадій Ивановичъ вышелъ, потомъ вернулся. Осторожно обнявъ Зину поверхъ одѣяла, онъ сказалъ какъ-то необыкновенно мягко:

— Вставай и ты, Зина. Прислали съ Печенѣжской. Аннѣ Фоминичнѣ... мамѣ... нехорошо.

— Мама!—въ ужасѣ крикнула Зина, угадавъ истину раньше, чѣмъ рѣшился высказать ее Геннадій Ивановичъ.

Анна Фоминична скончалась въ эту ночь въ припадкѣ удушья. Не помогли ни профессоръ Вальтеръ съ ассистентами, ни кислородъ и другія средства. Когда пріѣхали Сахновскіе, она уже лежала въ залѣ, на столѣ, обмытая и обряженная. Бабушка, какъ въ столбнякѣ, стояла около тѣла, глядѣла, не отрываясь, въ лицо трупу, и нельзя было никакими мѣрами отвлечь и отвести ее отъ умершей. Старуха ничего не видѣла, кромѣ дорогого мертваго лица. Не слыхала ни громкаго плача Зины, ни увѣщаній Ген-

надія Ивановича, ни вопросовъ о послѣднихъ минутахъ покойной.

Къ утренней панихидѣ явилась тетка Геннадія Ивановича и его сестра съ дѣвочками, а изъ посторонних ъ— одинъ профессоръ Вальтеръ съ вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Крупный и красивый спортсмэнъ-гимнастъ съ коротко-остриженной, густоволосой головою, Вальтеръ пріѣхалъ въ черномъ сюртукѣ съ чернымъ жилетомъ, по обыкновенію изящный и элегантный,—какъ всегда, нѣсколько похожій на иностранца,—съ грустными, плавно-тихими движеніями мускулистой фигуры, съ намѣренно-опечаленнымъ выраженіемъ на самодовольномъ и жизнерадостномъ лицѣ. Онъ участливо растиралъ руки захлебывающейся отъ плача Зинаидѣ Эрастовнѣ и говорилъ утѣшительно-ласкающимъ баритономъ:

— Нельзя такъ, голубка. Нельзя, золотая. Въ вашемъ положеніи... ну, довольно, довольно. Сдѣлано все, что въ силахъ человѣческихъ. Я самъ пытался помочь. Большее не въ нашихъ силахъ. Параличъ сердца, голубка. Кончина наступила мгновенная, безъ боли... больная не сознавала, что конецъ. Такъ умереть дай Богъ и намъ всѣмъ. Перестаньте же, голубка. Полно, золотая.

Онъ такъ часто повторялъ: „голубка" и „золотая", такъ усердно согрѣвалъ руки Зины въ своихъ рукахъ, что Геннадій Ивановичъ обратилъ на это вниманіе и сказалъ Зинѣ строго:

— Перестань. Ты и Виталія Витальевича утруждаешь. Слышишь? Перестань!

— Не меня, не меня, голубка... себя утруждаете, себя волнуете!—поспѣшилъ опровергнуть Вальтеръ.—Въ вашемъ положеніи—нельзя... нельзя такъ волноваться. Впрочемъ... если отъ слезъ вамъ легче,—поплачьте, золотая. Мы васъ оставимъ. Выйдемте, Геннадій Ивановичъ. Дадимъ ей выплакаться. Но поплачьте тихо, не надрывайтесь, не надо бурныхъ рыданій.

Еще до панихиды телеграфировали на Кавказъ Штолю о кончинѣ его жены. Къ вечеру отъ него получился отвѣтъ: Штоль просилъ хоронить безъ него, такъ какъ не можетъ пріѣхать. А затѣмъ умолялъ зятя, насколько возможно скорѣе, выслать свидѣтельство о смерти Анны Фоминичны, которое ему, Штолю, необходимо.

Зима прошла для Зины, какъ одинъ день, однообразно-тягостный. Нельзя было, да и не хотѣлось нигдѣ бывать. Вторая половина беременности становилась все непереноси-

мѣй. Днемъ трудно было сидѣть, стоять, двигаться, ночью не удавалось подобрать подходящую позу, чтобы лечь поудобнѣй. Изуродованная фигура, поблекшіе глаза, осунувшееся лицо съ обостренными чертами — оскорбляли собственное эстетическое чувство Зины. Она избѣгала подходить къ зеркалу... И все, какъ на зло, подбиралось одно докучное, тяжкое, непріятное. Трудно было примириться съ исчезновеньемъ Анны Фоминичны. Разъ отъ разу дѣлалось тяжелѣе навѣщать бабушку. Варвара Матвѣевна тосковала по дочери, но не догорала еще, тоскуя. Большой запасъ ея физическихъ силъ пошатнулся, но не началъ таять. Съ Зиной она не говорила о недавней потерѣ, а какъ-то съеживалась, уходила въ себя съ своимъ горемъ. Она помногу молилась и Зину встрѣчала слегка недружелюбно, съ полунедовольнымъ выраженіемъ на постарѣвшемъ лицѣ. Будто хотѣла сказать: „мнѣ одной легче, ты мнѣ помѣшала."

Папочка-Штоль до неприличія скоро женился вторично. Кажется, не дождался и шести недѣль со дня смерти Анны Фоминичны. Дома тоже не много было радостнаго. Зину окружили плотнымъ кольцомъ недоразумѣнія, дрязги и стычки съ флигелемъ. То съ теткой Геннадія Ивановича, то съ сестрой, но то и дѣло выходили размолвки. Между флигелемъ и „домомъ" никакъ не налаживались сношенія дружественныхъ, хотя бы и не союзныхъ державъ. Стычки возникали изъ-за самыхъ ничтожныхъ поводовъ и, какъ казалось Зинѣ, рѣшительно не по ея винѣ. То Зина распоряжалась начать стирку бѣлья, и высокій чердакъ надъ домомъ занимали ея бѣльемъ, между тѣмъ какъ въ то же время шла стирка и во флигелѣ. И Феофанію Ивановну ничѣмъ нельзя было убѣдить, что произошло это случайно. То ссорились въ общемъ погребѣ кухарки. А потомъ ссора ихъ отражалась на дипломатическихъ сношеніяхъ дома и флигеля.

То выходило еще что-нибудь, такое же мелочное; Геннадій Ивановичъ, оберегая отъ волненій Зину, самъ настаивалъ теперь, чтобы она встрѣчалась съ обитательницами флигеля какъ можно рѣже. Изъ нихъ всѣхъ наилучшимъ дипломатомъ оказалась Тарасьевна. Ея симпатіи и сочувствіе всецѣло принадлежали флигелю. Но хорошо ладила она и съ домомъ. Была безъ угодничества почтительно-уравновѣшена съ Зиной, аккуратно являлась къ пріемамъ больныхъ, ревниво оберегая свои права отъ покушеній молодой горничной Сахновскихъ. И позиціи, занятыя Тарасьевной здѣсь и тамъ, были непоколебимо—прочныя.

Одно въ эту зиму увлекало и оживляло Зину, примиряя ее съ текущей жизнью,—это мысли о будущей дѣвочкѣ. Что будетъ дѣвочка, а не мальчикъ, Зина порѣшила твердо. Она

пріискивала имя для дочки покрасивѣе и остановилась на Аріаднѣ. Для Аріадны готовилось обильное приданое. Тюфячки, конвертики, пеленки, чепчики, распашонки, нагрудники, все—тоненькое, мягкое, какое-то необычайно-пріятное для осязанія, съ розовыми ленточками, съ мягкими, вышитыми гладью зубчиками вмѣсто рубцовъ. Все разукрашенное и настолько граціозное и привлекательное, что при взглядѣ на вещи заранѣе представлялась та, для которой все это предназначалось, и рисовалась такой же граціозной и привлекательной, мягкой и шелковистой, какой-то необычайно-пріятной для взора и осязанія.

И больше всего любила теперь Зина, когда навѣщала ее Берта Соломоновна Щебень,—акушерка, уходу которой поручалъ Геннадій Ивановичъ самыхъ отвѣтственныхъ своихъ паціентокъ. Она же должна была ухаживать при родахъ и за Зиной. Лицо Зины расцвѣчивалось улыбкой, едва появлялась Берта Соломоновна. Онѣ были—словно заговорщики, которыхъ тысячами неразрывныхъ нитей связывала общая тайна... Онѣ понимали одна другую съ полуслова, даже съ полувзгляда. Зинѣ все нравилось въ Бертѣ Соломоновнѣ, не исключая ея, иногда не совсѣмъ правильной, русской рѣчи.

— Ну, что? Какъ?—спрашивала Берта Соломоновна озабоченно, сочувственно, дѣловито.

И Зина отвѣчала, будто подчиненная начальству.

— Все то же.

— Бунтуется?

— Такъ, знаете, и дрыгаетъ ноженками... Начинаю бояться, не мальчикъ ли? Ужъ очень большой бунтарь.

— А чѣмъ мальчикъ плохо? Мальчикъ—даже лучше..

— Но я хочу дѣвочку. Мальчишка—буянъ, съ нимъ не найти сладу. Мнѣ больше нравится дѣвочка.

— Ну-у... Богъ дастъ, будетъ дѣвочка.

— А какъ вы думаете, Берта Соломоновна, какая она будетъ?

— Будетъ красавица. На васъ похожа.

— Ужъ вы скажете. Какая же я красавица. Я хочу, чтобъ она была получше.

— Ну-у... получше.

— Глазки будутъ у нея черные.. правда? И у меня, и у Геннадія глаза темные.

— Бываютъ и не въ родителей дѣти. Въ бабушку или дѣдушку. Въ тетокъ удактся.

— Ой... какъ удастся въ тетку Феофанію Ивановну? Вотъ-то выйдетъ уродецъ!

— И что вы придумываете, Зинаида Эрастовна! На что вы себя тираните. Она въ васъ выйдетъ.

— А губы какія?

— И губы ваши. Красныя, пухленькія.

— А ручки—если бы, какъ у Геннадія! У него красивая рука. У меня пальцы коротковаты. Рука—пусть его, а не моя.

— Богъ дастъ, все хорошо будетъ. Покажите-ка, что вы сработали за эту недѣлю?

Зина охотно идетъ къ зеркальному бѣльевому шкафу. Отъ удовольствія у нея заблестѣли глаза, она съ наслажденьемъ достаетъ съ средней полки обновки Аріадны.

— Вотъ это распашеночки еще одного сорта, фланелевыя. А это—вязаныя. Я заказывала.

— Къ чему вы такъ много? Она выростетъ раньше, чѣмъ износитъ. Дѣти же растутъ, какъ грибы.

— Да вѣдь постоянно перемѣнять будемъ. Не держать же ее мокрую. А выростетъ, я новыхъ пошью. Для меня ей шить—такое удовольствіе... ничего бы не захотѣла взамѣнъ. Хоть царство мнѣ цѣлое за нее давайте... не отдамъ за счастье сшить ей слюнявочку. Не возьму, не соглашуся!

Зина говоритъ и хочетъ улыбнуться иронически. Но улыбка выходитъ радостно-растроганной, и Зинѣ за себя немножко неловко.

Лицо Берты Соломоновны омрачается набѣжавшей тѣнью.

Зина видитъ эту тѣнь и соображаетъ, что Бертѣ Соломоновнѣ больно отъ ея изліяній. Вѣдь Берта Соломоновна сама жаждетъ имѣть ребенка. Но его нѣтъ, и нѣтъ даже надеждъ имѣть его. А у нея—молодой мужъ, въ котораго она влюблена до смѣшного, и ей впослѣдствіи не удержать будетъ мужа безъ ребенка... Зинѣ совѣстно передъ Бертой Соломоновной: какъ, въ сущности, неделикатно расхвасталась она большимъ достояніемъ передъ кѣмъ-то неимущимъ. И она говоритъ, чтобы показать, что и у нея не однѣ радости:

— А не умру я, Берта Соломоновна?

Берта Соломоновна опять въ своей тарелкѣ.

— Что?—смѣется она переливчато и звонко.—Еще что выдумайте. У васъ все нормально... почему вамъ умирать? Родите отлично. И выкормите. Кормить же сами будете?

— Обязательно.

Отъ наплыва расположенія Зина обнимаетъ Берту Соломоновну и говоритъ:

— Берта Соломоновна... дорогая. Какъ бы я желала... какъ бы хотѣлось мнѣ...

— Что? Чего?—спрашиваетъ Берта Соломоновна, покраснѣвъ, но будто не понимая.

Зинѣ ясно, что ея мысли уже разгаданы, однако она поясняетъ до конца.

— Чтобы и вы... чтобъ и у васъ тоже...

— Ухъ!..—вздыхаетъ Берта Соломоновна и добавляетъ самолюбиво:—А ужъ какъ мужъ мой желаетъ! Больше меня даже. Мы съ нимъ такъ хорошо живемъ. Онъ меня прямо обожаетъ. Душа въ душу живемъ... а дѣтей нѣтъ. Онъ спитъ и во снѣ ребеночкомъ бредитъ. Но мы хотѣли бы сына.

— Богъ дастъ, будетъ и сынъ,—говоритъ на этотъ разъ Зина авторитетно и утѣшительно.—Хотя мальчики—шалуны, неслухи. Изъ дѣвочки—что мать захочетъ, то и сдѣлаетъ. А съ мальчишкой...

Берта Соломоновна не согласна и возражаетъ:

— Нѣтъ, мы желаемъ сына. Сынъ,—это же мужчина. Это—человѣкъ, ему потомъ все открыто. А дѣвочка—что? Ихъ—какъ мусора, и имъ—труднѣе въ жизни. Дитя вѣдь не кукла. Надо думать, чтобъ ему, а не намъ было—какъ лучше.

И такъ онѣ могли бесѣдовать часами.

По общимъ вычисленіямъ выходило, что родить Зинѣ придется въ половинѣ марта. Но, какъ водится, всѣ ошиблись въ разсчетахъ. Вычисленія оказались произвольными, и было уже пятое апрѣля, а Зина, похожая на круглый арбузъ исполинскихъ размѣровъ, съ трудомъ, но еще передвигала свое отяжелѣвшее тѣло. Она изнемогала отъ физической тяжести и несбывающихся ожиданій. Боялась, не предстоитъ ли ей разрѣшиться двойней, а на рожденіе дѣвочки теряла послѣднюю надежду. Дѣвочекъ вѣдь, говорили ей, приходится носить нѣсколько меньше, чѣмъ мальчиковъ. Зина шутила, увѣряя, что дѣвочка, по свойственному ея полу любопытству—давно поторопилась бы явиться въ міръ. Уже припасены были вмѣсто розовыхъ голубыя ленточки,—на всякій случай, для мальчишки,—но и онъ все не появлялся.

Это началось восьмого апрѣля передъ вечеромъ, когда почему-то именно сегодня Зина не ждала ничего. Рѣзкая рѣжущая и тягучая, вдругъ объявившаяся, боль въ спинѣ чуть не свалила ее съ кушетки. Было такъ больно, что потъ выступилъ на лбу и на кожѣ головы подъ волосами. Почернѣло въ глазахъ, все кругомъ будто сдвинулось, проваливаясь куда-то, а Геннадій Ивановичъ еще не возвращался съ практики.

— Вотъ оно... начинается!—подумала Зина и, забывъ о звонкахъ, закричала горничной:

— Луша, Луша, скорѣй, Луша, за Бертой Соломоновной. Скажите въ телефонъ, чтобы сейчасъ же. Мнѣ нездоровится.

Было страшно. Но радость близкаго освобожденія и по-

явленія того, — кого-то невѣдомаго, но давно родного и милаго,—преодолѣвала и страхъ, и страданіе отъ боли. Боли повторялись, учащенныя и рѣжущія, но теперь, какъ будто, смягченныя. Зина оставалась мужественной, даже почти спокойной. И только, когда появилась запыхавшаяся отъ поспѣшности Берта Соломоновна, Зина, почувствовавъ себя въ надежныхъ рукахъ и въ сравнительной безопасности,— вдругъ утратила мужество и присутствіе духа и встрѣтила Щебень жалобнымъ растеряннымъ плачемъ.

— Берта Соломоновна... я боюсь. Мнѣ страшно, Берта Соломоновна.

А Берта Соломоновна приняла любовно-начальническій тонъ и повторяла, увлекая Зину въ спальную.

— Ну, и чего бояться? И вовсе нечего бояться. Ждали, ждали... вотъ и дождались... чего-жъ бояться? Васъ самъ Эбанъ смотрѣлъ. Нашелъ все хорошо, правильно, чего-жъ вы боитесь? Раздѣнемся сейчасъ, приляжемъ. Какъ это хорошо, что ванну сегодня взяли. Ну? ну, что такое? Зачѣмъ у васъ такіе круглые глаза? Зачѣмъ такъ пугаться? Богъ дастъ, все пройдетъ прекрасно. Вотъ Луша намъ припасетъ водицы горячей. Сейчасъ и Геннадій Ивановичъ будетъ. Я ужъ телефонировала ему. Угадала, гдѣ искать, поймала у больной.

— О-о-о-о!—пронзительно закричала Зина отъ новаго приступа боли.

Берта Соломоновна засуетилась среди приготовленій.

Когда Геннадій Ивановичъ вошелъ къ Зинѣ, боли временно утихли. Все было педантично заготовлено къ предстоящему событію, но вся эта, привычная для глазъ Геннадія Ивановича обстановка на этотъ разъ показалась ему невиданно-новой, ужасающе-грозной. Онъ растерялся, дрожалъ отъ волненія. Онъ позабылъ свои акушерскія познанія, отъ него точно отскочилъ весь его обширный врачебный опытъ. Геннадій Ивановичъ сдѣлался несвѣдущимъ, тупымъ, непонятливымъ, не соображающимъ простыхъ вещей,—будто никогда не видывалъ вблизи роженицы. И Берта Соломоновна, самая послушная изъ его ученицъ,—теперь успокаивала и почти-что учила его.

— Ну-у... что такое? Что особеннаго? Ну, начались схватки, теперь ослабѣли, вотъ и все. Чего же вы весь дрожите? Вамъ лучше уйти отсюда, вы только будете пугать и роженицу. Развѣ можно такъ? Все слава Богу... выжидать надо.

— Эбана,—нервно заикаясь, выговорилъ Геннадій Ивановичъ.—Эбана! Онъ обѣщалъ мнѣ... самъ напросился.

— Зачѣмъ Эбана? Рано еще. Эбанъ не любитъ ждать долго.

Я уже телефонировала Самофалову. Тотъ тоже самъ хотѣлъ. Велѣлъ вызвать, когда начнется.

— Благодарю. Вы дѣлайте, что надо, а я не могу. Ничего не могу сообразить сейчасъ. Все забылъ... ничего не помню. Вы... сказали, схватки?

— Не сильныя, пока.

— Это не хорошо, что не сильныя?

— Онѣ усилятся.

— А если нѣтъ?

— Мы ихъ усилимъ. Есть вѣдь средства.

— О-о-о!—закричала Зина, и оба бросились къ ней.

Геннадія Ивановича пришлось удалить: въ концѣ концовъ, онъ заражалъ своимъ волненьемъ Зину. Улучивъ минутку, когда Берта Соломоновна была въ корридорѣ, онъ остановилъ ее.

— А вы, Берта Соломоновна?—спросилъ онъ кротко, просительно, чуть не заискивающе.—Какъ по вашему? Нѣтъ опасности?

Щебень была и польщена, и растрогана, и вмѣстѣ поражена до изумленія. И жаль было ей Геннадія Ивановича, и хотѣлось разсердиться на него за его малодушіе. Не вѣрилось: Юркевичъ ли Сахновскій передъ ней, или его подмѣнили? Онъ — всегда освѣдомленный, вдумчивый, всегда съ твердой рукой и ясной головою, не теряющій присутствія духа въ минуты наибольшихъ опасностей? Онъ ли это покорно спрашиваетъ діагноза ея, Берты Соломоновны? И въ такомъ заурядномъ случаѣ, какъ нормальные роды? Тщательно взвѣшивая возлагаемую на нее отвѣтственность, Берта Соломоновна сказала серьезно:

— Мнѣ кажется, опасности пока—никакой. А дальше— что Богъ дастъ. Ребенокъ—нѣсколько большой.

— Развѣ большой?—ужаснулся Сахновскій.

— Немножко. Сидячая жизнь, излишки питанія. Я же говорила Зинаидѣ Эрастовнѣ: больше движенія. А она въ первой половинѣ возлѣ мамаши своей все сидѣла... а во второй—трудно было двигаться, она и не обременяла себя. Ну, да Богъ дастъ... Она же сложена... на заглядѣнье!

— Эбана! Надо Эбана!—теряя послѣднюю выдержку, закричалъ Геннадій Ивановичъ и самъ бросился къ телефону.

Самофаловъ продежурилъ ночь у постели Зины. Эбанъ предупредительно заѣзжалъ два раза, въ началѣ вечера и послѣ полуночи. Результатовъ пока никакихъ не было. Схватки то усиливались, то ослабѣвали, возбужденіе ихъ искусственными средствами удавалось плохо. Выжидательное положеніе затянулось. Прошелъ томительный день, за нимъ потянулась безсонная ночь, миновали опять слѣдую-

щія сутки. Лицо Зины посинѣло и припухло отъ натуги; казалось, все было испробовано, чтобы ускорить освобожденіе ея отъ страданій, и ничто не приносило облегченья. Самофаловъ стоялъ уже за хирургическое вмѣшательство, Эбанъ говорилъ: рано. Роды по настоящему начались лишь на четвертыя сутки. Они пошли бурно и болѣзненно, и уже не Геннадій Ивановичъ, а Берта Соломоновна, игнорируя присутствіе Самофалова, закричала:

— Эбана!..

Въ общей суетѣ обезумѣвшему отъ тревоги Геннадію Ивановичу трудно было разобрать, въ чемъ дѣло. Тарасьевна не отходила отъ него прочь и не пускала его въ спальную. Обезкураженный, пробѣжалъ къ телефону Самофаловъ. Поговорилъ съ Эбаномъ, сказалъ нѣсколько разъ: „да, да... Хорошо. Сейчасъ все будетъ“. И послѣ зазвонилъ на квартиру Вальтера. И опять: „да, да... Хорошо. Поскорѣе“. Геннадій Ивановичъ, не понимая фразъ, слышалъ отдѣльныя, хорошо знакомыя выраженія: „Хлороформировать... хлороформъ... Профессоръ Эбанъ проситъ профессора Вальтера“. И все: „поскорѣй, поскорѣе!“

Помимо участія разстроеннаго сознанія, Геннадій Ивановичъ дѣлалъ механически-правильный выводъ: вотъ когда, дѣйствительно, въ опасности Зина... Онъ не закричалъ, не заплакалъ, ничѣмъ другимъ не проявилъ своего отчаянія, а лишь склонился, опершись на локоть къ письменному столу Зины, и замеръ въ неудобной позѣ, полной выраженія безнадежности. Онъ вспомнилъ, что въ подобныя минуты молятся о чудѣ, поискалъ въ своей душѣ этой способности помолиться и, не найдя ея, продолжалъ сидѣть, не мѣняя позы. И такой ужасъ, такая безпомощность остраго терзанья запечатлѣлись на его склоненномъ лицѣ, что Самофаловъ, пробѣгая отъ телефона обратно въ спальную, остановился передъ Геннадіемъ Ивановичемъ и крикнулъ съ сердитымъ раздраженіемъ:

— Да будь же ты мужчиной! Дьяволъ бы тебя побралъ! Недостаетъ съ тобой еще возиться. Ну, чего? Она жива, и будетъ жить. Этакая здоровая женщина... съ ея сердцемъ! Да она десять разъ перенесетъ то же. Ну, чего? Ну...

Онъ назвалъ случай медицинскимъ терминомъ.

— И никакой безнадежности, все образуется: ребенка не спасти. Погибнетъ. Онъ уже погибъ. Я говорилъ, рѣзать раньше. Но Эбанъ... самъ Эбанъ! Куда же? А она... да она еще десятерыхъ...

Геннадій Ивановичъ истерически заплакалъ вмѣсто того, чтобъ дослушать.

— Вотъ-вотъ-вотъ. Какъ разъ въ пору,—скрипуче затя-

нулъ Самофаловъ. Однако, налилъ и подалъ Геннадію Ивановичу воды.—Ай да ты... хирургъ еще. Стыдно. Бери примѣръ съ жены, она героемъ себя ведетъ. Только и боится за ребенка, за себя—ни-ни. А ты? А еще врачъ. Подающій надежды.

— Вотъ и я то самое говорю,—вмѣшалась Тарасьевна,— да не слушаетъ. Пугни хоть ты его, батюшко. Великое дѣло, жонка рожаетъ? Да ты же на то и бралъ ее, чтобъ рожала. На что она намъ безъ дѣла этого?

Пронесся звонокъ, и Самофалова не стало. По дому зазвучало:

— Эбанъ... Эбанъ.

Онъ явился съ ординаторомъ на нѣсколько минутъ раньше Вальтера. И когда вошелъ въ бѣломъ халатѣ въ спальную, то сталъ походить на священнослужителя у алтаря недосягаемаго божества. У этого искуснаго, хотя уже померкающаго, свѣтила была репутація далеко небезукоризненнаго человѣка. О немъ говорили: жадный, недалекій, грубый, заносчивый. Говорили и многое другое—похуже. Но тутъ, у постели больной,—передъ поединкомъ съ подступившей къ Зинаидѣ Эрастовнѣ смертью,—точно преобразился обычный обликъ Эбана, и духовный, и внѣшній. Его движенія стали красивы, самоувѣренно-строги, торжественны. Одутловатое лицо приняло облагороженный, одухотворенный видъ, и теперь трудно было повѣрить, что носителю такого лица присуще что-либо низменное, грубо-земное. Онъ, какъ будто, подтянулся, подобралъ въ себя большой животъ, выпрямился, сдѣлался выше, моложе, стройнѣе. И вовсе не походилъ на того толстаго Эбана, котораго знали всѣ. Сейчасъ, въ приливѣ профессіональнаго вдохновенія, онъ глядѣлъ и одухотвореннѣй, и почти красивѣе Вальтера, выхоленнаго дамскаго баловня, Вальтера, котораго называли красавцемъ.

Операція сошла удачно, но ребенокъ погибъ. Это была— дѣвочка.

Едва Зинаида Эрастовна пришла въ себя послѣ хлороформа, какъ, оглядѣвшись кругомъ припухшими отъ натуги глазами, сознательно и довольно громко произнесла, будто здоровая:

— А гдѣ же дѣвочка?

Всѣ переглянулись невольно.

Откуда извѣстно ей, что дѣвочка? Засѣло ли въ ея одурманенной хлороформомъ головѣ слово дѣвочка, брошенное впопыхахъ кѣмъ-нибудь среди общей сумятицы? Угадала ли она истину инстинктомъ?—такъ и осталось неразрѣшеннымъ. Но странно было всѣмъ, что она говорила о дѣвочкѣ съ такой непоколебимой увѣренностью. Зина не

помнила о пережитыхъ мукахъ, о своей слабости, о своемъ изнеможеніи. Посинѣвшее, распухшее лицо ея отражало одно: недоумѣніе. Она видѣла въ бѣломъ халатѣ Вальтера—фигуру, знакомую ей еще со временъ первой болѣзни Анны Ѳоминичны. Рядомъ съ нимъ—торжественнаго Эбана и его незначительнаго ординатора. Видѣла утомленнаго безсонными ночами Самофалова, а подальше у окна—растерянную Берту Соломоновну,—тоже въ бѣломъ. Въ темномъ былъ одинъ Геннадій Ивановичъ, съ искаженнымъ, изстрадавшимся, бѣлымъ, какъ бумага, лицомъ. Всѣ прежніе персонажи оставались почти на прежнихъ своихъ мѣстахъ, а новаго и главнаго недоставало. Безпокойно и нетерпѣливо Зина произнесла вторично:

— Гдѣ же дѣвочка? Дайте мнѣ...

И оттого, что наполнились слезами глаза мгновенно отвернувшейся Берты Соломоновны, Зина поняла также мгновенно: дѣвочка родилась неживая... Быстрая, какъ молнія, охватила ее тревога, и тутъ же всплыла наполовину инстинктивная и такая же быстрая надежда, сверкнуло воспоминаніе, что дѣтей, родившихся неживыми, шлепаютъ и оживляють. Съ непередаваемой мольбой протянула Зина руки къ Вальтеру, какъ къ болѣе знакомому лично ей авторитету.

— Профессоръ... оживите мою дѣвочку!

Она плакала навзрыдъ, уже зная до конца истину, хотя никто еще не успѣлъ сказать ей ни слова. А Вальтеръ смущенно и безпомощно разводилъ руками, какъ бы иллюстрируя этимъ безсиліе науки.

Огорченіе и печаль замедляли выздоровленіе Зины. Но выздоравливала она несомнѣнно. Эбанъ посѣщалъ ее каждый день; Вальтеръ навѣстилъ спустя дней пять послѣ операціи. Онъ привезъ много восхитительныхъ красныхъ розъ на длинныхъ и сочныхъ, зелено-хрупкихъ стебляхъ. И, цѣлуя протянутую Зиной руку, спросилъ душевно и дружески:

— Ну-съ? Какъ мы?

— Жива,—печально сказала Зина.

— Благодареніе Богу, золотая моя. И не печальтесь, голубка. Ребеночка, конечно, жаль, жаль ужасно. Но... этакая Венера, какъ вы... да вы ихъ еще двадцать народите. Было бы ваше желаніе.

— Вамъ не понять, профессоръ.

— Расчудесно понимаю, золотая моя. Но...

— Нѣтъ, вы не поймете, не можете понять. Вы—мужчина.

— А по вашему что-жъ? Мужчина—такъ ужъ скотъ

тупочувственный? Товаряка, какъ говорятъ на югѣ хохлы? Скотина—значитъ иначе; товаръ, который, какъ всякую живность, купить и прод ать, сколько угодно, можно. Такъ что ли?

— Ничуть. Вы конфузите меня, а я не то хотѣла сказать. Совсѣмъ не то. Просто, вамъ труднѣе понять ощущенія матери. Вѣдь сколько ожиданія! Какая боль, муки... и даже не показали мнѣ ее. Хуже всего, что я ждала... такъ ждала! Все готовила для нея, сама готовилась... и ничего нѣтъ! Нѣтъ, вы не поймете.

— Великолѣпно понимаю, голубка. Вы и подъ хлороформомъ про чепчики толковали. Понятно это до ясности. Но мы всѣ безсильны тутъ. Надо примириться.

— Легко вамъ сказать. А я, какъ засну, такъ она мнѣ и видится. Большая такая, толстенькая. Бровки—темныя. Какъ у моей мамы покойной. Помните?

— Г-г-ммъ... а кто вамъ сказалъ?

— Что?

— Насчетъ бровей?

— Никто. Я сама... сама ее такой чувствую. Съ темными и тоненькими бровями.

— Ну, и Христосъ съ нею. Что подѣлаешь. Не воскресить ужъ ее, хоть бы всѣ мы легли трупами. Человѣкъ есть человѣкъ. И невозможное для него немыслимо. А у васъ другая будетъ. Такая же самая, еще лучше. Побожусь вамъ, что будетъ, голубка.

— И бровки будутъ такія же?—спросила полушутя, уже улыбаясь, Зина.

— И бровки, и ушки... Будетъ все, что полагается.

Зина задумалась и вздохнула.

— Нѣтъ, — проговорила она съ печальной убѣжденностью.—Другой не будетъ такой. Никогда ничто не случается такъ, какъ намъ хочется.

Вальтеръ глянулъ на нее чуть удивленно. И этотъ пытливый взглядъ не совпалъ съ его шуточнымъ тономъ, когда онъ забалагурилъ вслѣдъ затѣмъ:

— О? Брависсимо, голубка. Позвольте мнѣ записать это. Я собираю афоризмы хорошихъ женщинъ. Коллекціонирую. Но тѣ лишь, что вырвутся отъ души, какъ выводъ изъ жизни. А не тѣ, что ради краснаго словца пущены. И при томъ—только отъ хорошихъ женщинъ.

— А почему вы думаете, что я изъ хорошихъ?

— Вы-то? Да гдѣ васъ только откопалъ Геннадій Ивановичъ такую? Вы—рѣдкостная, мало сказать—хорошая.

— Ну, довольно, довольно. Вы захвалите меня.

— Да ужъ правду никуда не дѣнешь. Итакъ, какъ вы изволили изречь? Никогда... ничто?

Вернувшись съ практики, въ спальную вошелъ Геннадій Ивановичъ.

Афоризмъ не былъ записанъ.

Всплывала іюньская луна, когда Геннадій Ивановичъ пріѣхалъ на вокзалъ къ одиннадцатичасовому дачному поѣзду.

Лѣто Сахновскіе проводили въ Святомъ Ключѣ, въ получасѣ ѣзды отъ города, среди древняго дубоваго лѣса. Это былъ новый, самый модный дачный поселокъ, уступленный подъ дачи недавно, вблизи сосѣдняго монастыря. Торопливо застраивались здѣсь новыя и новыя лѣсныя просѣки, взамѣнъ вырубленныхъ деревьевъ выростали стильные и нестильные дома, а древній лѣсъ все будто не рѣдѣлъ, только расцвѣчивался разноколерными пятнами дачныхъ сооруженій да чуть отступалъ отъ береговъ хрустально-прохладной, неширокой рѣчки, что извивалась среди лѣсныхъ зарослей. Сперва Геннадій Ивановичъ собирался свезти Зину на лѣто въ Желѣзноводскъ или куданибудь къ морю на поправку. Но послѣ родовъ Зина быстро окрѣпла и поздоровѣла настолько явно, что въ курортѣ не оказалось надобности. Остановились на Святомъ Ключѣ, потому что цѣлебность этой мѣстности горячо пропагандировалъ профессоръ Вальтеръ. Онъ недавно достроилъ здѣсь свою виллу въ новомъ вкусѣ съ оригинально-внезапными архитектурными штрихами. Дачу, однако, Сахновскіе сняли не у Вальтера, а подальше, ближе къ монастырю, въ сторонѣ отъ рѣчки. По сосѣдству заняли дачу супруги Самофаловы. Зина хотѣла прихватить съ собой на лѣто дѣвочекъ Феофаніи Ивановны. Но Феофанія Ивановна капризно воспротивилась, не отпустила дѣтей, и, по обыкновенію, между матушкинымъ флигелемъ и Сахновскими вышла и изъ-за этого непріятная размолвка.

Сидя на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда, Геннадій Ивановичъ непрерывно думалъ о томъ новшествѣ, которое самовластно вошло въ его и Зинину жизнь, заставъ врасплохъ ихъ обоихъ. Вошло, внѣдрилось, заняло огромное, самое видное мѣсто и не хотѣло отступать назадъ. Геннадій Ивановичъ неукротимо желалъ, какою бы то ни было цѣною, оттѣснить, сокрушить это ненавистное *новое*, воплощавшееся для него въ одномъ имени и образѣ: Вальтеръ. Какъ то само собою вышло, что Вальтеръ вплотную подошелъ къ тихой жизни Сахновскихъ и заполнилъ собой

всѣ уголки этой жизни, овладѣвъ воображеніемъ Зины. Геннадій Ивановичъ говорилъ себѣ, что Зина, можетъ быть, еще и не понимаетъ этого отчетливо. А если начинаетъ понимать, то, безъ сомнѣнія, искренно борется съ собою, отпихиваетъ отъ себя самую мысль о Вальтерѣ, какъ о предметѣ стремленія. Ея сознаніе еще дремлетъ, уклоняясь отъ формулировки истины. Но для Геннадія Ивановича многое уже ясно, какъ подъ микроскопомъ. Ихъ недавнія отношенія съ Зиной медленно, но непрестанно отходятъ въ прошлое. Не стало ни ссоръ, ни пререканій, ни безпричинныхъ приливовъ гнѣва, но не стало и вспышекъ нѣжности со стороны Зины. Она сдѣлалась необыкновенно ровна съ Геннадіемъ Ивановичемъ.

Теперь съ нею трудно было поссориться,—даже при желаніи. Всегда во всемъ готова уступить, но зато всегда и настороже, какъ съ кѣмъ-то чужимъ. До сихъ поръ Вальтеръ проводилъ каждое лѣто заграницей. Въ этомъ же году остался въ Святомъ Ключѣ, какъ объяснялъ онъ, съ цѣлью обновить свою модернистскую виллу. Геннадій-же Ивановичъ былъ убѣжденъ, что задержался Вальтеръ исключительно ради Зины...

Геннадій Ивановичъ часто ѣздилъ въ городъ на операціи и на пріемы больныхъ. Сперва передъ операціями и ночевалъ въ городѣ, а потомъ пересталъ дѣлать это и торопился по вечерамъ на дачу, хотя бы съ опозданіемъ, но неуклонно. Ни на мигъ не сомнѣвался онъ въ честности Зины, не ждалъ отъ нея ни обмана, ни того, что принято называть измѣной,— ничего грязнаго. Но торопился къ вечеру изъ города, стремясь, все таки, чего-то не допустить, чему-то помѣшать на дачѣ. А пріѣзжая въ Святой Ключъ, сознавался передъ собою, что не допустить и помѣшать онъ безсиленъ, какъ безсиленъ всякій надъ душой другого. Онъ понималъ, что не вытравить ему изъ воображенія Зины налетѣвшее увлеченіе Вальтеромъ, и жестоко мучился, самъ отгоняя отъ себя думы объ этомъ, боясь обсуждать свое положеніе. Онъ все почему-то полагалъ, что у Зины это должно скоро пройти, какъ проходитъ угаръ или бредъ,—все наносное, временное. Онъ выжидалъ, наблюдалъ, и малодушно страшился выводовъ изъ своихъ наблюденій. Минутами приходило желаніе забрать Зину и увезти куда-нибудь далеко, какъ можно дальше отъ соблазна. Но стыдно было предложить ей это и страшно, какъ бы она не отвѣтила отказомъ. При томъ же, обидно было для самолюбія признаться передъ всѣми, что онъ,—Геннадій Ивановичъ,—испугался неотразимаго Вальтера, спасовалъ и прибѣгнулъ къ насилію, къ увозу Зины, чтобы сохранить ее для себя. И онъ молчалъ, съ ужасомъ

въ то же время подмѣчая, какъ разросталась въ будничной жизни Зины страничка дачнаго флирта въ страницы любви, опоэтизированной воображеніемъ. Чѣмъ больше встрѣтитъ Зина теперь препятствій,—думалъ онъ,—тѣмъ ярче и сильнѣе разгорится въ ней настойчивость. Безъ противодѣйствій же и насилій ураганъ, быть можетъ, пронесется мимо, не причинивъ разрушеній. Выжидать было мучительно тяжело, но другого выхода Геннадій Ивановичъ не видѣлъ. Оставалось еще поссориться съ Вальтеромъ, отдалить его отъ Зины искусственно созданными преградами. Но и это могло бы лишь подлить въ огонь масла. Да и держалъ себя Вальтеръ такъ тонко и ловко, что придраться къ нему не было поводовъ. Правда, онъ слишкомъ искалъ общества Зины. Всѣ эти затѣваемые имъ пикники, прогулки, концерты съ граммофонами и безъ граммофоновъ, сеансы гипнотизма и спиритизма,—все имѣло у Вальтера единую цѣль—постоянно подвертываться на глаза Зинѣ, подтасовывать и приноровлять все такъ, чтобы не разставаться съ нею. Встрѣчи—слишкомъ учащенныя. Но попробуй—докажи это? Вальтеръ иронически разведетъ руками и скажетъ: при недалекомъ дачномъ сосѣдствѣ это такъ естественно... Съ Зиной онъ не выходилъ изъ рамокъ благожелательной, любующейся почтительности. Это—его привычный тонъ со всѣми молодыми и недурными собою женщинами. И надо не мало наблюдательности, чтобы уловить разницу въ оттѣнкахъ его любезности, угадать степень интенсивности ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Зиной онъ заинтересованъ больше, чѣмъ другими, и, конечно, не отойдетъ отъ нея ни съ чѣмъ по своей волѣ. Скорѣе она отвѣтитъ отпоромъ. Но отвѣтитъ ли? Какъ далеко зайдетъ она въ своемъ увлеченіи? Этого Геннадій Ивановичъ не зналъ совершенно.

Въ вагонѣ было пустынно. Давно уже проѣхали дачники къ Святому Ключу; запоздавшихъ сегодня почти не было.

— Но какъ же это началось?—спрашивалъ у себя Геннадій Ивановичъ, возвращаясь который уже разъ къ заполонившей его темѣ.—Какъ я пропустилъ первые шаги, прелюдію, начало? Какъ произошло, что Зина... Зина,—прямая, стойкая, безстрастно-чистая,—вдругъ очутилась подъ властью этого юбочника, Вальтера? Или это зародилось тогда, послѣ Пасхи, когда Вальтеръ провелъ у нихъ цѣлый вечеръ? И кто-то изъ гостей, по желанію Вальтера, съ знойнымъ пафосомъ исполнялъ разную разухабистую цыганщину? „Гай-да тройка, снѣгъ пушистый... Ночь морозная кругомъ. Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый. Ѣдетъ парочка вдвоемъ". Вальтеръ, слушая пѣніе, плотоядно не отводилъ глазъ отъ затылка Зины, обнаженнаго вырѣзомъ праздничнаго платья. А послѣ самъ

декламировалъ что-то съ рефреномъ: „Господь съ тобой... а какъ бы чудно было. Господь съ тобой... того быть не должно“. И картинно поводилъ рукой, дѣлая краснорѣчиво-безнадежную паузу.

Сколько разъ, передъ сколькими женщинами онъ повторялъ и слова эти, и жесты, не давая себѣ труда ихъ варьировать. А Зина вѣрила. Слушала съ заблестѣвшими глазами, просила прочесть еще что-нибудь. Онъ не отказывался. Стиховъ онъ зналъ множество, оттѣнять ихъ наловчился, и читалъ—хоть сейчасъ на эстраду. А Зина вѣрила въ искренность его интонацій. Можетъ быть, тогда-то онъ и задѣлъ ея воображеніе? Или потомъ, позже, на дачѣ уже? Когда гипнотизировалъ дамъ и Зинѣ внушилъ однажды вынуть булавку изъ кушака Глафиры Онуфріевны и заколоть ее въ галстухъ Самофалову? И Зина въ состояніи гипноза выполнила все, что велѣно было... А что, если Вальтеръ внушилъ тогда Зинѣ и еще кое-что, помимо приказанія переколоть булавку? Отъ такого, какъ онъ, всего ждать можно. Не запнется ни передъ чѣмъ, если коснется дѣло достиженія побѣды. Тогда игра съ такой могущественной силой, какъ гипнозъ, не понравилась Геннадію Ивановичу. Онъ высказалъ это передъ всѣми, и сеансы гипноза прекратились. Зато начались спиритическіе сеансы, и имъ не предвидѣлось конца.

Поѣздъ остановился у освѣщенной платформы Святого Ключа. Усталый, раздосадованный и взволнованный, ѣхалъ Геннадій Ивановичъ на извозчикѣ и все думалъ о Зинѣ.

— Зина...

Онъ произносилъ это имя съ зовущей, почти сантиментальной пылкостью. Его сомнѣнія уже отступили куда-то въ даль, казались не столь грозными. Горячо хотѣлось ему застать Зину одну и дома. Чтобы не катались на лодкахъ, не концертировали, не играли въ фанты. Чтобы не было декламацій и Вальтера и никого изъ новыхъ дачныхъ знакомыхъ, такихъ неотвязныхъ и прилипчивыхъ на лонѣ природы.

Необхватные дубы Святого Ключа чернѣли, обступая дорогу. Подъ ними и среди нихъ стояла темнота, несмотря на высоко всплывшій мѣсяцъ. Было влажно, вѣяло ароматной лѣсной тишиной и ночной свѣжестью отъ рѣки. Извозчикъ миновалъ вторую и среднюю просѣки, свернулъ направо съ дороги.

Геннадій Ивановичъ досадливо прикусилъ губы. Зина—дома, но дача вся освѣщена, и съ боковой веранды дома,-

тоже освѣщенной, несутся взбудораженно-громкіе голоса. Смѣются, стучатъ посудой.

— Гости...

Геннадій Ивановичъ морщился, расплачиваясь съ извозчикомъ. Но къ верандѣ онъ приблизился съ привѣтливой миной, будто радуясь собравшимся. Гости допивали чай. Ихъ было много, преобладали, какъ вездѣ, дамы.

— А-а!—понеслось съ веранды, ему навстрѣчу.

— Вотъ это кто!

— Самъ хозяинъ.

— И властелинъ.

— Геннадій?—удивилась Зина, розовая и въ розовомъ платьѣ.—Такъ поздно? Мы ужъ не ждали тебя.

Щурясь отъ свѣта, онъ сказалъ Зинѣ:

— Мнѣ вечеромъ пришлось навѣстить больную. Ту, раковую. Потому и запоздалъ.

— А у насъ сеансъ... спиритическій. И какой удачный! Удивительныя явленія.

— Да. Это—явленія,—подтвердилъ и Самофаловъ, тономъ увѣровавшаго прозелита.

— Виталій Виталіевичъ—сильный медіумъ. Очень сильный. У спиритовъ это называется—чувствительный медіумъ. А я—его добавочная сила,—сообщила Геннадію Ивановичу Зина.—Безъ меня нѣтъ явленій.

Ему хотѣлось сказать: ну, конечно,—но онъ не говорилъ и лишь скептически усмѣхался.

Дамы тараторили.

— Въ цѣпь возьмемъ и васъ, Геннадій Ивановичъ.

— Увѣруете и вы, вотъ увидите.

— Да дайте раньше напоить его чаемъ!

— Зинаида Эрастовна, налейте мужу чаю.

— И поторопимся, господа. Не будемъ затягивать перерыва. Духъ всего три четверти часа назначилъ на отдыхъ.

Вальтеръ сидѣлъ въ центрѣ общества, окруженный дамами, въ бѣломъ шевіотовомъ костюмѣ, съ бѣлой хризантемо-подобной астрой на лацканѣ. Его самодовольное, возбужденно-покраснѣвшее лицо и полныя губы пронизаны были снисходительно-плутовской улыбкой. Она же мерцала въ полуприкрытыхъ глазахъ, самоувѣренныхъ и ясныхъ.

Зина, какъ и остальныя женщины, не сводила съ Вальтера взора. Всѣ были нервно-взвинчены, одинъ Самофаловъ оставался невозмутимымъ и глядѣлъ своимъ обычнымъ лѣниво-ироническимъ взглядомъ. Дамы на перебой разсказывали Геннадію Ивановичу, какія были только что явленія. Столъ ходуномъ ходилъ по комнатѣ. Во всѣхъ углахъ не-

объяснимые звуки, трески, стуки. Глухіе, будто подпольные. И все—безъ темноты, при полномъ освѣщеніи.

— Являлся врачъ, Андрей Кудиновъ. Товарищъ Виталія Витальевича по университету.

— Онъ заразился, бѣдный, сыпнымъ тифомъ и умеръ—почти юношей.

— Черезъ годъ по выходѣ изъ университета.

Геннадій Ивановичъ усмѣхался, не успѣвая вставить ни слова. И Зина недовольно сказала ему:

— Ты не вѣришь? А бываютъ явленія еще и не такія. Почитай-ка книжку о медіумизмѣ, что принесъ Виталій Виталіевичъ. Алланъ Кардека... это псевдонимъ маркиза Ривайля, спирита. Какъ интересно. Оказывается, явленія происходятъ при помощи периспри умершихъ людей. А периспри—вторая оболочка нашей души. Эфирная, полуматеріальная. Она служитъ связью между душой и тѣломъ.

— Виталій Виталіевичъ?—насильственно смѣясь, взмолился Сахновскій къ Вальтеру.—Что за туманъ сѣете вы? Что за ереси? Вы!—профессоръ, жрецъ позитивной науки?

Вальтеръ, молчавшій все время и не перестававшій улыбаться возбужденно-лукавой усмѣшкой, величественно повелъ плечами.

— Если вы, коллега, не вѣрите... мы не мѣшаемъ вамъ сомнѣваться. Смотрите на это, какъ на нашу дачную забаву.

— Странные у тебя взгляды, Геннадій,—строптиво вмѣшалась Зина.—Отрицать все, что тебѣ непонятно. Спиритизмомъ интересовались Менделѣевъ, Ломброзо, Скіапарелли, Шарко... извѣстный химикъ Круксъ. Что же они—тоже сѣяли туманъ и ереси? И еще у насъ въ Россіи были спиритами Аксаковъ и Вагнеръ,—Котъ-Мурлыка.

— Однако... ты хорошо вооружилась на защиту периспри? Но Менделѣевъ, насколько мнѣ помнится, разоблачалъ какихъ-то медіумовъ.

— Разоблачать шарлатанство—не значитъ не вѣрить въ возможность явленія,—спокойно отозвался Вальтеръ.

А одна изъ дамъ,—уже немолодая,—набросилась на Геннадія Ивановича:

— Не отрицайте такъ сплеча. Вы раньше взгляните. Тогда скажете.

— Но что же мы теряемъ золотое время?—спохватилась другая дама.—Виталій Витальевичъ, просимъ.

— Просимъ, просимъ.

— Не прекратить ли, mesdames? Можетъ, достаточно.

— О, что вы? Что вы? Давно пора начинать. Мы просимъ.

— Мы умоляемъ.

— Виталій Витальевичъ?—просительно произнесла Зина.

Виталій Витальевичъ сдался тотчасъ.

Въ сосѣдней съ верандой столовой стоялъ по серединѣ овальный столъ на трехъ ножкахъ, вокругъ него—безпорядочно сдвинутые стулья. На столешницѣ—картонный кругъ съ разрисованнымъ по окружности русскимъ алфавитомъ. Среди круга лежало опрокинутое блюдце, и на немъ была нарисована въ одномъ мѣстѣ на ободкѣ указующая стрѣла. На столикѣ рядомъ горѣли двѣ свѣчи возлѣ вороха бумаги и карандашей; тамъ одинъ изъ гостей писалъ протоколъ сеанса.

— Цѣпь, господа... цѣпь.

Вальтеръ, полуулыбаясь, положилъ на столъ свои руки съ заботливо-отполированными ногтями,—такія холеныя и бѣлыя, что руки сидѣвшей рядомъ съ нимъ Зины, покрытыя легкимъ загаромъ, казались сравнительно смуглыми.

— Геннадій Ивановичъ... въ цѣпь и вы.

Положилъ и Геннадій Ивановичъ на столъ свои руки.

Замкнулась круговая цѣпь, и вскорѣ столъ задрожалъ и качнулся, будто уплывая изъ-подъ рукъ.

— Добрый духъ, ты здѣсь?

Столъ стукнулъ ножкой два раза.

— Да. Онъ здѣсь. Стукъ два раза означаетъ да. Одинъ разъ—нѣтъ. Если четыре стука, значитъ, онъ требуетъ алфавита, чтобы разговаривать.

— Добрый духъ,—чуть повелительно произнесъ Вальтеръ,—въ доказательство твоего несомнѣннаго присутствія стукни два раза не въ столъ, а подальше. Въ сторонѣ отъ насъ всѣхъ.

Весь на свѣту,—крупный и плотный,—Вальтеръ сидѣлъ неподвижно, какъ каменный. А гдѣ-то, будто подъ поломъ и словно въ отдаленномъ отъ стола углу глухо, притупленно, но отчетливо стукнуло разъ и два

Всѣ переглядывались, одни съ благоговѣніемъ, другіе — недоумѣло. Зина восхищенно глядѣла въ глаза медіуму, и Геннадія Ивановича возмущало это.

— Добрый духъ, повтори. Просимъ еще разъ. Стукни три раза въ другомъ мѣстѣ.

Стукъ повторился трижды, болѣе громкій, увѣренный, и трудно было опредѣлить направленіе, откуда онъ шелъ. Каждому изъ присутствующихъ слышался онъ въ иномъ мѣстѣ.

Геннадію Ивановичу казалось, что стучитъ подъ правой ногой Вальтера. Но нога оставалась неподвижной все время. Геннадія Ивановича озарила неясно-смутная догадка. Онъ

ухватился за свое подозрѣніе и, не успѣвши продумать его до конца, заявилъ громко:

— Стукъ—несомнѣнно физическаго происхожденія. Похоже, словно постукиваетъ кто-то пальцами ногъ; ударяя одинъ о другой. Большой, напримѣръ, о второй палецъ. Остальная мускулатура ноги можетъ не принимать въ этомъ участія... оставаться недвижимой. Это можно наблюдать и на рукѣ. Вотъ такъ. Пальцы стучатъ, а рука не движется.

Аудиторія взволновалась. А Вальтеръ неуязвимо отвѣтилъ:

— Это случается. 'Хотя стучать такъ ногой—это очень рѣдкая способность. Извѣстный медіумъ-профессіоналъ... Кумберлендъ, если не ошибаюсь... практиковалъ этотъ способъ мошенничества. Но здѣсь? Среди насъ? Я не допускаю подозрѣнія въ обманѣ. Кому бы и зачѣмъ? Быть можетъ, стучитъ кто-нибудь безсознательно, въ самогипнозѣ? Провѣримъ себя. Можетъ ли кто изъ насъ произвесть подобный стукъ ногою?

Провѣрили, и никто не смогъ.

Возвратились къ прерванному сеансу. Геннадій Ивановичъ молчалъ, но думалъ о Вальтерѣ, въ упоръ на него глядя: „стучишь ты, другіе не сумѣли, а ты, какъ спортсмэнъ и хорошій гимнастъ, навѣрное, обладаешь и гибкостью, и ловкостью, нужной для этого".

При помощи блюдца и алфавита духъ врача Андрея Кудинова отвѣчалъ на рядъ заранѣе заготовленныхъ вопросовъ. О божествѣ, о сущности загробнаго бытія и т. д. Всѣхъ вопросовъ было шестнадцать. Отвѣты духа отличались пунктуальной точностью. Они были закругленно-законченные и въ то же время изворотливо-находчивые. И что удивительнѣй всего—не заключали въ себѣ мистическаго оттѣнка. О томъ, существуетъ ли божество и извѣстно ли оно загробнымъ духамъ,—послѣдовалъ отвѣтъ: не знаемъ, какъ и вы. Духовъ вообще докторъ Кудиновъ опредѣлялъ, какъ проявленіе одного изъ видовъ энергіи. Энергіи жизненной,—самостоятельной и еще неоткрытой человѣчествомъ. Спрашивали, почему духи сохраняютъ свою земную индивидуальность послѣ разрушенія земной оболочки? И Кудиновъ сказалъ, что таково свойство жизненной энергіи. Вѣдь электричество и магнетизмъ и всякая иная энергія — тоже имѣютъ свои, такъ сказать, индивидуальныя свойства и сохраняютъ ихъ при разныхъ обстоятельствахъ. Это было нѣсколько непонятно, но приняли къ свѣдѣнію и это. Затѣмъ духъ заявилъ, что скоро уйдетъ, такъ какъ истощаются „флюиды" медіума и его добавочной силы. А на смѣну явится духъ другой, болѣе низшаго порядка.

— А можешь ли ты, Андрей, передъ уходомъ произвесть левитацію? Поднять на высоту болѣе или менѣе тяжелый предметъ... хотя бы столъ этотъ?—спросилъ Вальтеръ.

Андрей согласился, но потребовалъ темноты, такъ какъ темнота усиливаетъ интенсивность медіумическихъ силъ.

Погасили свѣтъ, спустили драпри на прикрытой балконной двери. Держась цѣпью за руки, всѣ стояли вокругъ стола, положивъ кончики пальцевъ на столешницу. Геннадію Ивановичу было жарко. Тяжело дышалось при мысли о Зинѣ, которая въ этой темнотѣ стоитъ такъ близко къ Вальтеру, бокъ-о-бокъ съ нимъ. И неотступно вспоминался плотоядный взоръ Вальтера, прикованный къ открытому платью Зины тогда, весною.

Въ полной тишинѣ слабо качнулся столъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько килевыхъ толчковъ и плавно поднялся вверхъ. Взволнованные крики, возгласы изумленія и испуга наполнили комнату. Столъ подержался довольно высоко въ воздухѣ и рухнулъ со всего размаха на полъ, будто его выронилъ кто-то.

Кудиновъ исчезъ. Шумъ удивленія не стихалъ долго послѣ того, какъ зажгли свѣчи. Вальтеръ оставался спокойнѣе другихъ. Онъ не отходилъ отъ Зины, глядѣлъ въ горящіе отъ волненья глаза ея съ восхищенно-нѣжнымъ любованьемъ и точно сожалѣлъ, зачѣмъ причинено ей напрасное волненіе.

Геннадій Ивановичъ и относительно поднятія стола былъ увѣренъ, что это—продѣлка Вальтера. Онъ не догадывался, какъ это можно продѣлать, но Вальтеръ—одинъ изъ видныхъ участниковъ атлетическаго общества, онъ и велосипедистъ, и гребецъ, и гимнастъ. Ему ли не поднять ногою или незамѣтно освобожденной въ темнотѣ рукой—небольшой овальный столикъ?

Вмѣсто Кудинова явился странникъ Варфоломѣй, обладающій даромъ пророчества. Пророчествовалъ онъ всѣмъ, и небезыскусно.

Зина пожелала, чтобы и Геннадій Ивановичъ предложилъ вопросъ пророку.

Геннадій Ивановичъ отказался.

Зина настаивала.

— Геннадій... я прошу. Ну, для меня.

Тогда онъ спросилъ:

— Прекращать ли мнѣ на іюль пріемы и операціи? И не уѣхать ли на отдыхъ къ морю?

Блюдце категорически отвѣтило:

— Нѣтъ. Облегчать страданія—долгъ твой.

— Но это лишаетъ меня каникулъ?—возразилъ Сахновскій.—Новыя операціи заставятъ почти жить въ городѣ?

— Не думай о себѣ одномъ,—послѣдовалъ отвѣтъ странника.—Ты—слуга страждущаго человѣчества.

Послѣ того произошло что-то, совсѣмъ ужъ непонятное. Блюдце, видимо преодолѣвая сопротивленіе, завертѣлось въ обратную сторону. Геннадій Ивановичъ, присматриваясь къ Вальтеру, подмѣтилъ, что тотъ сперва удивился, потомъ сердито сжалъ губы, насупилъ брови. Самофаловъ же улыбался, и по лѣниво-ехидной усмѣшкѣ его Геннадію Ивановичу стало понятно, что теперь дирижируетъ блюдечкомъ Самофаловъ, а Вальтеръ не можетъ остановить его непримѣтнымъ для другихъ образомъ.

Быстро вращаясь вокругъ алфавита, блюдце заговорило въ рифму, подражая баснописцу:

Глаголетъ ложь пророкъ намъ сей,
Хозяина онъ хочетъ въ городъ сплавить,
А дома—стеречи съѣстное отъ мышей,—
Кота оставить.

— Шалитъ кто-то,—строго произнесъ Вальтеръ.

— Неужели? — спросилъ Самофаловъ младенчески-невинно.—А по моему, здѣсь два духа, и каждый говоритъ свое.

Вальтеръ не согласился съ этимъ.

— Мнѣ кажется, здѣсь мистификація. Духъ! Мы требуемъ... если кто-нибудь шутитъ, назови намъ имя мистификатора. Мы просимъ всѣ... и ждемъ.

— Просимъ, духъ. Просимъ.

Блюдце задвигалось, размалывая въ порошекъ картонъ, такъ напряженно, будто за гегемонію надъ нимъ боролись два атлета. Наконецъ, кто-то уступилъ, побѣжденный, и вышло требуемое имя: Самофаловъ, Александръ.

— Саня, Саня,—укоризненно протянула Глафира Онуфріевна.—И не стыдно тебѣ? Какъ мальчикъ... а, слава Богу, ужъ сѣдина въ бородѣ!

Вскорѣ, точно въ отместку за кота, явился духъ какой-то превеселой, архи-игривой женщины, которая назвала себя Варварой, подругой сердца Александра Митрофановича Самофалова. Она сообщила, что пришла исключительно ради него, чтобы вспомнить дни незабвенной юности. Глафира Онуфріевна пожелтѣла. Ея взглядъ, устремленный на мужа, былъ такъ краснорѣчивъ, что Самофаловъ сердито принялъ со стола руки.

— Что за неумѣстныя шутки. Никакой Варвары я не зналъ никогда.

— Ну-ну... что ужъ тамъ,—отшутился Вальтеръ,—быль молодцу не укоръ. И кто безъ грѣха? Дѣло житейское. Не разрывайте цѣпь, Александръ Митрофановичъ.

Глафира Онуфріевна зашипѣла:

— Кабы не зналъ, не являлась бы. Почему-жъ къ тебѣ, а не къ кому другому? Садись ужъ, садись, праведникъ. Не прерывай сеанса. Совѣсть-то нечиста, такъ и удираешь. Александра Митрофановича заставили опять сѣсть въ цѣпь.

Варвара потребовала завести граммофонъ и кружилась со столомъ по комнатѣ въ темпѣ то вальса, то мазурки, то кекъ-у-ока. Называла Самофалова: „мой миленькій дружокъ, хорошенькій Сашокъ". Спрашивала: „Сашокъ, помнишь ли ты?" и напоминала довольно таки рискованные эпизоды. Послѣ принималась энергично переворачивать столъ, заставляя его колесомъ ходить по комнатѣ, а участниковъ сеанса—едва поспѣвать съ круговой цѣпью за игривой Варварой.

Смущенный, побагровѣвшій Самофаловъ упорно не глядѣлъ на жену. Наконецъ, Глафира Онуфріевна не выдержала и язвительно освѣдомилась:

— Саня, можетъ, оставить васъ однихъ? Тебя... съ твоей Варварой?

Тогда взбѣшенный Александръ Митрофановичъ прорычалъ, ударяя по столу кулакомъ:

— Да вѣдь это же столъ, Глаша!

Зина раздѣлась и лежала въ постели, а одѣтый еще Геннадій Ивановичъ запальчиво спросилъ у нея:

— И ты вѣришь въ весь этотъ вздоръ?

— Почему же вздоръ?—кротко возразила Зина.—Вальтеръ—медіумъ, и...

Геннадій Ивановичъ злобно засмѣялся.

— Ха! Вальтеръ-медіумъ! Она вѣритъ Вальтеру!

— Тебѣ послѣднее время пересталъ нравиться Вальтеръ.

— Онъ мнѣ никогда не нравился.

— А теперь особенно. И ты пристрастенъ къ нему.

— Теперь я больше узналъ его, ближе приглядѣлся. И онъ нравится мнѣ еще меньше.

— Но... отчего?

— Пустой малый, хоть и ученый. Однѣ юбки у него въ головѣ. Потомъ меня задѣваетъ его тонъ. Держится свысока... спускаясь съ Олимпа. Это во всемъ у него. Въ обращеньи, въ манерѣ. Даже въ его: „коллега", когда онъ говоритъ со мной или съ Самофаловымъ. Такъ и чувствуется, это снисходитъ профессоръ и клиницистъ къ кому-то, кто—просто врачъ. Къ обыкновенному доктору.

— Вотъ ужъ нѣтъ. Ничуть, ни на волосъ. Ни вотъ настолько. Онъ сколько разъ говорилъ... что ставитъ тебя выше всѣхъ здѣшнихъ гинекологовъ.

— Скажите-съ. Ахъ, Боже мой... какъ я польщенъ.

Зина приподнялась съ подушки такъ, что одѣяло сполало съ нея до пояса, обнаруживъ плечи и шею, оттѣненную кружевами и голубымъ батистомъ сорочки.

— Геннадій?—чего-то испугавшись, испытующе произнесла она.

— Ну, что? Ну, да, да... мнѣ не нравится, что онъ такъ лѣзетъ къ намъ въ домъ. Такъ безпардонно льститъ тебѣ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Не нравится, что ты... а наипаче онъ... оба вы даете мнѣ поводъ... быть недовольнымъ. Его репутація, какъ дамскаго прихвостня... всѣ его похожденья... кто ихъ не знаетъ? А тутъ онъ... Словомъ, онъ то, что называется, ухаживаетъ за тобой. Я не люблю этого пошлаго слова, но иного не подобрать. Онъ ухаживаетъ... ищетъ тебя съ вполнѣ опредѣленными, самыми реальными цѣлями. А ты...

— Поощряю?

— Поощрять,—это, пожалуй, слишкомъ. Ты не препятствуешь, ты допускаешь. Но и того достаточно для такого, какъ онъ.

— Геннадій!

— Ты не сердись. Я не хочу, нимало не хочу тебя обидѣть. Винить тебя—тѣмъ болѣе. Но что правда,—правда. И ты не подумай, что я ревную. Нимало. Мнѣ непріятно, не скрою, но это не ревность. Я не сомнѣваюсь въ тебѣ и не признаю ревности, какъ насилія надъ другимъ. Если бы это, въ самомъ дѣлѣ, серьезно... серьезное чувство съ твоей и съ его стороны,—я бы не стоялъ на твоемъ пути. Сошелъ-бы, уступилъ дорогу. Насильно милъ не станешь, и если бы ты полюбила... ну, да. Полюбить—другое дѣло. То я признаю. Но не такъ же? И не Вальтера же! Онъ—фатъ, жуиръ, женщина для него—предметъ спорта. Какъ его автомобиль или гребныя гонки. Онъ...

— Да что мнѣ за дѣло до Вальтера? До его отношеній къ женщинамъ?—выкрикнула Зина.—Замолчи, пожалуйста, я не хочу слушать. А еще говоришь: не-ревную. Такъ что же это? Эти слова твои и подозрѣнье? Твои нападки на Вальтера?

— Желаніе поговорить съ тобой безъ увертокъ. Сказать про все, что волнуетъ меня. Онъ вѣдь тебя увлекаетъ, это же очевидно. Не мнѣ одному, всѣмъ ясно. Вонъ и блюдцемъ вывелъ кто-то... насчетъ кота, стерегущ...

— Это—Самофаловъ.

— Кто бы ни былъ. Хотя бы духъ небесный. Но намекъ ясенъ.

— Ты ревнуешь, ревнуешь.

— Да нѣтъ же. Ревность кричитъ: ты—моя, не смѣй. А я говорю: если любишь, люби, будь счастлива, я не мѣшаю. Но если это—такъ себѣ... пустое,—не мучь меня пустяками. Мнѣ отъ нихъ больно. Я признаюсь, не скрываю, что больно. Я оправдалъ бы всякое твое серьезное чувство къ другому. Но серьезное и къ другому, не къ Вальтеру. Къ нему—не могу. Это слишкомъ... Вѣдь это же дачный флиртъ. И съ кѣмъ? Съ Вальтеромъ.

— Выражайся осторожнѣй, Геннадій, ты оскорбляешь меня.

— Прости. Но не умѣю иначе. А ревность я отрицаю. Вѣрнѣе сказать, не допускаю ея въ свою душу. Это чувство атавистическое, его знаетъ и дикарь. Оно вытекаетъ изъ жадности собственника, изъ понятія: мое. Въ томъ то и должно быть отличіе ревнивца цивилизованнаго отъ некультурнаго, что первый по доброй волѣ сходитъ съ дороги... какъ бы ему ни было больно.

Зина задумалась, забывъ про свою обиженность. Она силилась припомнить что-то, очень значительное, сказанное Геннадіемъ Ивановичемъ среди его колкостей и разсужденій. Ей долго не удавалось вспомнить.

— Геннадій?—перепуганно произнесла она, наконецъ.— Что это ты сказалъ сейчасъ? Что ты бы... уступилъ меня кому-то, если бы я... вдругъ? Такъ ли я поняла? Ты уступилъ бы?

Онъ страдальчески усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— А что бы мнѣ оставалось иное? Насильно милъ не станешь. И разъ ищутъ не тебя, а другого,—баста!

Это растрогало Зину.

— Ахъ, какой же ты! — умиленно сказала она и обняла Геннадія Ивановича. — Знай, Геннадій, я никогда тебя не обманула бы. Такого, какъ ты, нельзя обмануть. Невозможно. Ты—хорошій, хорошій. Я не стою тебя.

Зина приласкала Геннадія Ивановича, и ощущеніе счастья захлестнуло его, помрачило сознаніе, перемѣшало всѣ теоріи о культурныхъ и некультурныхъ ревнивцахъ.

На утро послѣ сеанса Вальтеръ понавѣдался узнать, не разстроили ли Зину медіумическія явленія.

Зина встрѣтила его холодно. Она пообѣщала себѣ—съ нынѣшняго дня сторониться отъ Вальтера. И сегодня не поддавалась лести, холодновато помалкивала, а къ спиритизму отнеслась не только безъ вчерашняго увлеченія, но съ нѣкоторымъ скептицизмомъ. Вальтеръ моментально понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ не обидѣлся, не сдѣлалъ изумлен-

ныхъ глазъ, принялъ тонъ Зины такъ, будто иного никогда и не бывало. О спиритизмѣ же сказалъ:

— Я и самъ, голубка, не вѣрю, что это небожители. Что-то есть... а что? Кто знаетъ?

И заторопился домой, а, прощаясь, насмѣшливо замѣтилъ Зинѣ:

— Вы—какъ ребенокъ, которому воспретили что-то. Сказали: нельзя, и вы слушаетесь. Добросовѣстно слушаетесь, отъ всей души. Странная, право, вы... сказалъ бы, дѣвочка, да боюсь, еще разсердитесь. И такъ-съ, жестокая дама! позвольте пожелать вамъ всего наилучшаго. Имѣю честь кланяться.

Онъ ушелъ и не встрѣчался съ Зиной больше недѣли.

Зина нетерпѣливо ждала его, не признаваясь, впрочемъ, передъ собой. Она старалась не вспоминать, не думать о Вальтерѣ и—къ стыду своему—подмѣчала, что не можетъ. Раньше Вальтеръ будилъ въ ней жуткое, смѣшанное со страхомъ любопытство, тщеславіе, разгоравшееся въ ней отъ его рыцарскаго вниманія. Зина до сей поры полагала, что это и все, что ничего большаго въ ея отношеніяхъ къ Вальтеру нѣтъ и не будетъ. Теперь же она думала о немъ, не переставая; болѣзненно терзалась отъ предположенія, что онъ ушелъ навсегда, что не вернется больше, а если и вернется, то того, прежняго Вальтера,—влюбленно-поклоняющагося ей, — уже не удастся увидѣть. Онъ теперь станетъ другимъ, будетъ чужой, равнодушный. Зина была переполнена своей утратой... Мучительно недоставало Вальтера, его неустанной лести, восхищенныхъ глазъ, всей той атмосферы почти молитвеннаго обожанія, къ которой пріучилъ Зину Вальтеръ въ послѣдніе мѣсяцы. Безъ этого для Зины уже тускнѣли и блекли краски жизни. Все измѣнилось для нея кругомъ, и измѣнилось къ худшему. Не тотъ сталъ тѣнистый дубовый лѣсъ, не та прозрачность рѣчки, не тотъ зеленый полусвѣтъ въ лѣсной тишинѣ надъ рѣкою. И дачи сдѣлались непригдядными, и люди—докучливыми, наводящими тоску и раздраженіе. Одинъ видъ Геннадія Ивановича доводилъ Зину до неудержимой злости. Портилось ея настроеніе, она теряла способность разбираться въ своихъ поступкахъ, управлять собою, становилась вспыльчивѣй, раздражительнѣй, злѣе. Разнесся было слухъ, что Вальтеръ укатилъ заграницу. Это довело Зину до слезъ. Его отъѣздъ представился ей непоправимой, тяжелой потерей, понесенной по собственной винѣ. Потомъ стало извѣстнымъ, что онъ изъ города предпринялъ съ знакомыми велосипедистами отдаленную прогулку на велосипедахъ. Онъ вернулся и побывалъ кое у кого изъ дачницъ. А къ Зинѣ не собрался

зайти. Зина измучилась въ конецъ отъ этой безмолвной размолвки. Она ловила себя на мечтѣ—пойти къ Вальтеру, или какъ нибудь иначе, будто бы случайно, встрѣтиться съ нимъ. Она стыдилась этихъ мечтаній, боролась съ собой плакала, изнемогала. А Вальтеръ жизнерадостно организовывалъ новыя велосипедныя гонки. И каждый разъ прибывалъ первымъ къ намѣченнымъ пунктамъ. И, вѣроятно, былъ доволенъ собой и, вѣроятно, не вспоминалъ о Зинѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалось ей въ безсонныя и жаркія лѣтнія ночи, пока вблизи, на сосѣдней кровати, тоже безъ сна лежалъ Геннадій Ивановичъ и, притворяясь спящимъ, смятенно прислушивался къ сокрушеннымъ вздохамъ жены.

Встрѣтиться съ Вальтеромъ довелось въ Ольгинъ день, одиннадцатаго іюля, на имянинахъ у одной изъ дачницъ.

Вальтеръ запоздалъ и пришелъ, когда Зина уже потеряла надежду на его появленіе. Онъ загорѣлъ отъ велосипедныхъ путешествій, поздоровѣлъ, порозовѣлъ и, какъ всегда, былъ элегантенъ, жизнерадостенъ и привѣтливъ. Старательнѣй, чѣмъ когда либо, принарядилась Зина. Ей хотѣлось быть ослѣпительно-красивой, и все казалось, что именно отъ этого желанья она сегодня особенно неинтересна, неэффектна, заурядна. Вальтеръ поцѣловалъ, здороваясь, у нея руку, какъ и у другихъ дамъ. И сказалъ ей вслухъ, мимоходомъ:

— Все цвѣтете, цвѣтете. Что за счастливецъ, ей Богу, этотъ Геннадій Ивановичъ. Вотъ ужъ везетъ человѣку.

Но послѣ сейчасъ-же точно забылъ о Зинѣ и не вспомнилъ весь вечеръ. Вертѣлся въ сторонѣ вокругъ другой дамы,— тоже молодой, какъ и Зина,—возлѣ Ракитиной. Ракитина была на имянинахъ одна, безъ мужа, и Вальтеръ подвозилъ ее до дому въ своей мягко-рессорной коляскѣ. Зина вернулась домой удрученная. Все въ ней было возмущено, горѣло, какъ отъ жестоко-злой обиды. Она хотѣла и не могла не думать о Ракитиной.

— И что нашелъ въ ней? Мѣщанка, дура, не умѣетъ держаться. И какая дурнушка, какая банальная. Визжитъ, а не смѣется. Заливается, словно горничная за воротами.

Но фактъ оставался фактомъ. Великолѣпный Вальтеръ посвятилъ Ракитиной вечеръ. Онъ провожалъ ее на разсвѣтѣ и...

— Воображаю, — пренебрежительно и брезгливо думала Зина. Но ей хотѣлось изорвать простыню и подушки своей постели и плакать, плакать.

А рядомъ лежалъ, притворяясь, будто спитъ, Геннадій Ивановичъ и твердилъ себѣ, холодѣя отъ волненія:

— Что же дѣлать? Что дѣлать? Вся надежда на одно, на

ея самолюбіе. Она вѣдь—гордая. Но если и это не вывезетъ,— что же дѣлать?!

Черезъ день Вальтеръ зашелъ къ Зинѣ около полудня. Зина была на верандѣ и увидѣла гостя, когда онъ подошелъ совсѣмъ близко къ ступенямъ входа. Она покраснѣла, растерялась, обрадовалась и не умѣла скрыть своей радости.

— Наконецъ-то, — укоризненно залепетала она, сама негодуя на свои слова, но не умѣя остановиться.—Вы рѣшительно забыли насъ. Не были цѣлую вѣчность.

— А къ чему мнѣ бывать у васъ? — съ горькой, тоже упрекающей интонаціей произнесъ Вальтеръ.—Я и то золъ на себя, зачѣмъ пошелъ сегодня. Не слѣдовало идти вовсе,— добавилъ онъ съ безнадежностью.

— Не слѣдовало?—переспросила дрогнувшимъ голосомъ Зина.—Но... почему?

Вальтеръ поглядѣлъ на нее, будто спрашивая, говорить ли? Зина, видимо, ждала отвѣта. И онъ отвѣтилъ послѣ небольшого колебанья.

— Потому что это мучительно для меня. Я имѣлъ неосторожность полюбить васъ, Зинаида Эрастовна.

— Вы? Меня?..

Губы Зины побѣлѣли; она была недалека отъ обморока... Холодъ и оцѣпенѣніе властно охватывали все ея тѣло.

— Къ моему несчастью, да, — задушевно продолжалъ Вальтеръ. — Необходимо, какъ можно скорѣй, бѣжать отъ васъ... а не заходить къ вамъ. Я ужъ собрался заграницу, но... не хватаетъ рѣшимости. Отъ того и золъ, не на васъ, о нѣтъ. На себя, главнымъ образомъ. Какъ я позволилъ разростись этому чувству? Вѣдь я не мальчикъ. Какъ было не спохватиться сразу?

Онъ помолчалъ, выжидая, что скажетъ Зина. Она дрожала явно-примѣтной дрожью, глаза ея отражали страданіе. У нея былъ видъ смятенной и жалкой, а не осчастливленной признаніемъ женщины. Собравшись съ силами, она едва проговорила:

— Но... неужели это... настолько серьезно?

Вальтеръ подтвердилъ тихо и торжественно:

— Очень серьезно. Такъ серьезно, какъ не бывало еще со мною. Настолько серьезно, что я потерялъ голову. Я...

— Замолчите!—волнуясь и въ ужасѣ, попросила Зина.

Вальтеръ послушался и замолчалъ.

— Зинаида Эрастовна?—съ вкрадчивой, словно нечаянно сорвавшейся нѣжностью, полувопросительно произнесъ онъ потомъ, и попытался взять Зину за руку.

Она поспѣшно отдернула руку въ испугѣ.

— Не надо, не надо. Я васъ прошу, Виталій Витальевичъ... не надо. Уходите, пожалуйста, уходите. Конечно... вамъ—самое лучшее заграницу. Уѣзжайте. Такъ и для васъ, и для меня лучше.

— Значитъ, уѣхать?—спросилъ Вальтеръ почти съ угрозой. Зина стремительно, будто срываясь съ страшной высоты, отвѣтила:

— Да.

Вальтеръ пожалъ плечами, съ печалью подчиняясь ея волѣ.

— Слушаю-съ.

Онъ взялъ руку Зины, поднесъ къ губамъ своимъ, поцѣловалъ разъ, другой, словно прощаясь, и сказалъ, готовый подчиниться и впредь велѣньямъ Зины:

— Когда же прикажете?

— Что?—спросила Зина, волнуясь и не понимая.

— Вы сказали, уѣхать мнѣ? Когда же? Сегодня, завтра?

— Когда хотите.

Зина не отнимала у него своей руки, даже сжимала его пальцы, безсознательно стремясь удержать, не отпустить заграницу. Со страхомъ думала она:—Что же будетъ, если онъ уѣдетъ?—и готова была негодовать на него за готовность къ полному послушанію.

Оба молчали.

Вальтеръ не спускалъ глазъ съ лица Зины.

— Хорошо... я уѣду,—пообѣщалъ онъ еще разъ и неожиданно закончилъ:—только къ чему это, Зинаида Эрастовна? Вѣдь и вы любите меня?

Онъ ждалъ возраженій, протестующихъ жестовъ и словъ. Но Зина, выдернувъ, наконецъ, свою руку изъ его рукъ, не отрекаясь, произнесла шепотомъ:

— Можетъ быть. Тогда—тѣмъ болѣе вамъ надо уѣхать.

— Что?—возмутился Вальтеръ.—Уѣхать мнѣ? Одному? Теперь?.. Послѣ того, что вы сказали? Да ни за что въ мірѣ.

И онъ вдругъ горячо обнялъ Зину, не придавая значенія ея сопротивленію.

— Зинаида Эрастовна?

Зина нашла въ себѣ достаточно силъ, чтобы вырваться изъ объятія.

— Но вы же любите меня?—настаивалъ на прямомъ отвѣтѣ Вальтеръ.

Зина, тяжело дыша, сказала:

— Не знаю. Я не понимаю сама, что это.

— Ну, попытаемся разобраться вдвоемъ?—съ задушевной кротостью предложилъ Вальтеръ, опять становясь друже-

ски-настроеннымъ и корректнымъ.—Будьте откровенны со мной, золотая. Скажите мнѣ... нѣтъ, раньше я скажу. Помните, вы прогнали тогда меня? И...

— Я не...

— Все равно, я понялъ тогда васъ и ваши намѣренія и ушелъ. Ушелъ обиженный, но съ твердымъ желаніемъ преодолѣть все... не возвращаться къ вамъ больше. Мнѣ было тяжело. О, очень!.. Я старался разсѣяться, забыться... и, какъ видите, не достигъ этого. Сказалъ сегодня себѣ: если дѣло въ состязаніи самолюбій нашихъ, я пойду и сдамся. Сложу къ ея ногамъ и самолюбіе, и тщеславіе мое, и гордость. И вотъ, слагаю. Растопчите, если желаете.

Онъ сдѣлалъ движеніе, собираясь побѣжденно склониться къ ногамъ Зины. Зина испуганно задержала его.

— Не надо, не надо. Ради Бога... что вы!

Онъ подчинился и остался сидѣть на прежнемъ мѣстѣ. И, выдержавъ паузу, со вздохомъ началъ:

— Я сказалъ свое... а вы? Что вы думали и чувствовали безъ меня это время?

— Мнѣ было больно,—прямодушно призналась Зина.

— Больно?—обрадовался Вальтеръ.—Больно оттого, что мы разстались?

— А тутъ еще Геннадій... сколько изъ-за него мученій. Онъ молчитъ... онъ замолчалъ. Но я чувствую, онъ понимаетъ все, все, что со мной творится. Понимаетъ и молчитъ. Да, какое это, однако, несчастье—полюбить въ самомъ дѣлѣ!

— Золотая моя... это—счастье. Огромное, безкрайное, бездонное. Не надо пугаться его. Мы...

— Нѣтъ, Виталій Витальевичъ. Уйдите, я васъ прошу... уходите.

— Не уйду.

— Тогда я уйду изъ дому.

— Я—за вами. Зинаида Эрастовна, послушайте... не ребячьтесь. Вы же любите меня?

— Но я не хочу этой любви. Нѣтъ, никогда. Геннадій... Ахъ, я готова скорѣй умереть, чѣмъ обмануть Геннадія.

— Но и я не собираюсь его обманывать. О дачномъ флиртѣ у меня и не было помысла. Я полюбилъ васъ, и повторяю—серьезно. И вы любите меня, а не Геннадія Ивановича. И мы уѣдемъ съ вами—гласно, открыто, безъ тѣни обмана. Вы разведетесь и станете моей женой. Вѣдь такъ? Какъ же иначе?

— Не знаю,—вздохнувши, сказала Зина. И добавила, напряженно слѣдя за своими мыслями:—не нравится мнѣ выходить замужъ.

Вальтеръ разсмѣялся, несмотря на торжественность момента.

Онъ понималъ, что Зина высказала—въ нѣсколько комичной формѣ—сложную и угнетающую ее мысль. Онъ зналъ, что въ это мгновеніе ему слѣдуетъ оставаться сочувствующимъ, отзывчивымъ, тонко-понимающимъ. И все же не воздержался сперва отъ смѣха, а послѣ отъ фривольной шутки.

— Не нравится? Но... можетъ быть, я буду счастливѣй Геннадія Ивановича, и на этотъ разъ замужество понравится вамъ болѣе?

Зина вздохнула еще печальнѣй, а Вальтеръ поспѣшилъ смягчить грубость своей шутки.

— Простите. Я пошутилъ, и кажется, неудачно. Мнѣ понятно, что вы хотѣли сказать. О бракѣ я и самъ невысокаго мнѣнія. Но... обычай—деспотъ межъ людей. И вѣнчаться намъ съ вами придется.

— Чтобы черезъ годъ развестись? — иронически подсказала Зина.

— Этого я не знаю. Ничего не могу вамъ сказать на это. Любовь—увы!—преходящее чувство. Она—стихійна, ей не прикажешь. Можетъ быть, годъ, можетъ быть, пятьдесятъ лѣтъ,—какъ знать, сколько она продлится. Ни мнѣ, ни вамъ—никому нельзя ручаться за себя въ будущемъ, если человѣкъ хочетъ оставаться искреннимъ. Вы такъ молоды, и если бы довѣрились мнѣ, я взялъ бы на свою отвѣтственность и васъ, и вашу репутацію, и судьбу вашу. Я обязанъ былъ-бы,—хотя бы наперекоръ вамъ самой, охранить ваши интересы. Вотъ почему я прежде всего заговорилъ о бракѣ. Если бы даже намъ пришлось развестись... черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ... предусмотрѣть сроки чувствъ невозможно, но если бы пришлось, по вашей или по моей винѣ,—ваше положеніе при наличности брака лучше, чѣмъ безъ него. Тогда вы—разведенная жена профессора Вальтера, а не...

— Третья по счету? Какая честь!

— Да вѣдь и у васъ былъ бы въ прошломъ мужъ—до меня? Но я бы ни при какихъ обстоятельствахъ не поставилъ вамъ этого въ вину. Что дѣлать. Ужъ это мы безсильны измѣнить. А пожениться намъ неизбѣжно.

— Къ чему? Мнѣ же не помѣшало полюбить васъ то, что я замужемъ? И вы были женаты, и васъ не останавливало это, когда вы начинали любить другихъ женщинъ? Такъ что бракъ не гарантируетъ прочности союза.

— Болѣе того, золотая Зинаида Эрастовна. Бракъ часто ослабляетъ эту прочность. Но гдѣ найти вмѣсто него иныя формы? Все-таки, я за него, если вопросъ коснется такой

женщины, какъ вы.. и если я люблю эту женщину. Пока мы среди людей, а не на необитаемомъ островѣ, нельзя не считаться съ рамками, въ которыхъ предстоитъ намъ жить. Всѣ интересы женщины... Ея соціальное, ея юридическое положеніе... интересы дѣтей—все настойчиво продолжаетъ требовать брака. Именно—мѣщанскаго, церковнаго, съ метрической выписью и печатью, единственное доказательство полнаго и подлиннаго уваженія къ женщинѣ. И я буду счастливъ доказать вамъ, какъ глубоко и полно..

— Я не знаю,—упорно покачала головой Зина.—Можетъ быть, всѣ мы еще недостаточно совершенны для брака, только меня онъ не привлекаетъ больше. Я бы желала отойти, отказаться отъ васъ, но... мнѣ не по силамъ это...

Она вдругъ всхлипнула и, обвивъ руками шею Вальтера, скрыла у него на груди лицо.

— Зина... золотая... наконецъ-то!

— Но чтобы разрубить съ Геннадіемъ все, сейчасъ же,—твердо произнесла Зина.—Чтобы ни одной минуты обмана!

— Зина... Зина.

Вальтеръ забылъ о сдержанности и весь преобразился: сталъ красный, съ мутными, подернутыми маслянистой влагой глазами...

Зина освободилась изъ его рукъ и глядѣла на это новое лицо. Глаза его, не останавливаясь на одномъ пунктѣ, тревожно перескакивали съ предмета на предметъ. Губы, казалось, пополнѣли и оставались полуоткрытыми, будто имъ лѣнь было сомкнуться. Чувствуя на себѣ наблюдающій взглядъ Зины, Вальтеръ прилагалъ много усилій не выдавать на показъ своего волненія. Но оно оказывалось сильнѣе и устойчивѣе приказаній ума и воли.

— Геннадій... бѣдный Геннадій, что я дѣлаю? Какая низость!—пугаясь, говорила себѣ Зина. Но говорила и сама-же уличала себя въ лицемѣрности. Она сознавала, что образъ Геннадія, при всѣхъ его хорошихъ качествахъ, не вытѣснитъ образа этого другого, можетъ быть,—да и несомнѣнно,—менѣе благороднаго, но болѣе желаннаго. Ни для кого и ни для чего она не пожертвуетъ теперь Вальтеромъ, никому не уступитъ его... Ей милъ и дорогъ теперь этотъ плотный человѣкъ, съ его, можетъ быть, черезъ-чуръ земными настроеніями, съ его льстиво-вкрадчивымъ и повелительно-умоляющимъ голосомъ, съ его волнующими кровь и кружащими голову восхищенными похвалами. И, глядя на его упрямо склоненную на полной шеѣ голову, на кроваво-красныя, незакрывающіяся губы, Зина готова была оправдывать его во всемъ, простить ему все, безъ исключеній,

лишь бы онъ не уходилъ отъ нея и, тѣмъ болѣе, не уѣзжалъ за границу.

Вальтеръ опять, и на этотъ разъ крѣпче прежняго, обнялъ Зину. Мысль ея, безпомощно скользнувъ въ сторону, словно провалилась куда-то. И неизвѣстно откуда всплылъ опредѣленный, непреложный, хотя мало обоснованный выводъ: „а, все равно,—пусть будетъ, что будетъ!"

Геннадій Ивановичъ не дожилъ лѣта въ Святомъ Ключѣ. Послѣ отъѣзда Зины за границу онъ переѣхалъ въ городъ.

То, что свалилось на него, пришибло его до такой степени, что стали бояться за его разсудокъ. Чтобы Зина оставила его ради Вальтера, и оставила такъ скоро, послѣ того, какъ между нею и Вальтеромъ произошло нѣчто вродѣ разрыва—этого Геннадій Ивановичъ не ждалъ совершенно. Самое увлеченіе Зины Вальтеромъ не казалось ему настолько глубокимъ, а представлялось исключительно головнымъ, навѣяннымъ воображеніемъ. Да и относительно Вальтера Геннадій Ивановичъ не подозрѣвалъ, чтобы тотъ отнесся къ своему дачному ухаживанію такъ серьезно. Онъ все надѣялся: Вальтеръ поухаживаетъ, попытается добиться удачи, Зина не пойдетъ на пошленькій адюльтеръ, повздыхаетъ, потомится... и успокоятся оба.

Однако, вышло иначе.

Разсудокъ Геннадія Ивановича не поколебался, и, внѣшнимъ образомъ, Сахновскій продолжалъ прежнюю жизнь. Онъ не заболѣлъ, не свалился съ ногъ, даже не утратилъ работоспособности. Только, назначая больнымъ операціи, требовалъ обязательнаго присутствія Самофалова и Берты Соломоновны. И имъ обоимъ поручалъ слѣдить въ четыре глаза за операторомъ. Онъ ввелъ это послѣ того, какъ чуть было однажды не наложилъ швовъ оперируемой, не удаливъ изъ разрѣза губки. Геннадій Ивановичъ уже приготовился заливать рану и остановился пораженный, какъ ужаленный.

— Не такъ, не такъ, не такъ,—отдаленно сверкало въ его сознаніи. — Не такъ, — подтверждалъ инстинктивный, странно-настойчивый внутренній голосъ.

Полусознательно онъ приказалъ себѣ что-то припомнить, и вдругъ вспомнилъ: губка.

Лицо его мертвенно поблѣднѣло, затѣмъ залилось слабой краской. Губы задрожали, но дрогнуть рукѣ онъ не позволилъ. Не глядя ни на кого, Геннадій Ивановичъ сдѣлалъ, что требовалось, а послѣ, наединѣ съ Бертой Соломоновной, прямо спросилъ у нея:

— Вы замѣтили?

— Замѣтила,—такъ же прямо отвѣтила она.—Вы не бережете себя... устаете очень.

— Это не отъ того. Я просто... разстроенъ. И разсѣянъ становлюсь непозволительно. Кажется, прекращу оперировать.

Берта Соломоновна сочувственно опустила глаза. Она, будто, боялась за Сахновскаго, чтобы тотъ не сказалъ о себѣ лишняго, и поспѣшила подыскать ему выходъ изъ этого положенія.

— Берите съ собой Самофалова. Если что и не такъ... онъ напомнитъ.

— Да, вы правы, спасибо за совѣтъ.

Съ домашними своими Геннадій Ивановичъ такъ ни слова и не сказалъ про то, что постигло его въ Святомъ Ключѣ. Все узналось помимо его, черезъ прислугу. Онъ же, избѣгая лишнихъ разговоровъ, даже не заходилъ во флигель. Но тамъ и не собирались донимать его разспросами. Ему посылали на обѣдъ его любимыя блюда, приносили къ чаю хрупкій хворостъ и разсыпчатые коржики, пастилу и варенье. И какъ-то непримѣтно, безъ лишнихъ переговоровъ, изъ флигеля переселилась въ домъ Тарасьевна и молчаливо, безъ объясненій, начала ухаживать за Геннадіемъ Ивановичемъ, какъ за ребенкомъ. Его надо было выводить изъ его неподвижной задумчивости, и Тарасьевна негромко напоминала ему, когда пить чай, когда завтракать, выходить въ кабинетъ на пріемъ, обѣдать, ѣхать къ больнымъ или ложиться спать. Геннадій Ивановичъ слушался безпрекословно, и жизнь его стала похожей на автоматическую.

О. Н. Ольнемъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Мы ѣхали полемъ зимою.
Полозья по снѣгу гудѣли...
Холмы безконечной грядою,
Въ просторъ удаляясь, бѣлѣли.

Отъ вѣтра по снѣжной равнинѣ
Бѣлесыя змѣйки струились;
Блистая въ холодной пустынѣ,
Морозныя иглы роились.

На небѣ спокойно-далекомъ
Огнистое солнце сіяло
И блестками въ снѣгѣ глубокомъ
Печально лучами играло.

Покой безотрадный и сонный
Царилъ надъ пустынею снѣжной;
Напѣвъ ямщика монотонный
Былъ музыкой странной и нѣжной.

И стлались снѣга пеленою,
Бѣлѣя кругомъ безучастно...
Къ усталому сердцу змѣею
Тоска присосалася властно!

Александръ Студенцовъ.

СТИХІЯ.

Много дней и ночей въ океанѣ.
Много дней и ночей пароходъ,
Точно звѣрь въ безпощадномъ капканѣ,
Бьется въ пѣнѣ бушующихъ водъ,
И реветъ, и идетъ—не идетъ.

Солнце, мѣсяцъ и звѣзды пропали,
А безъ нихъ ненадеженъ компасъ.
Можетъ быть, мы и курсъ потеряли...
Истощается угля запасъ.
День и ночь не смыкаемъ мы глазъ.

Точно стадо въ удушливой ямѣ,
Въ трюмѣ воетъ и ропщетъ народъ.
Дѣло близится къ тягостной драмѣ:
Страшны волны,—страшнѣй этотъ сбродъ.
Насъ одно только чудо спасетъ.

Разорвались каптовы и скрѣпы.
Съ верхней палубы бочки вина
Унесло, какъ негодныя щепы.
Цѣпь штурвала въ конецъ порвана.
Смерть на насъ уже смотритъ со дна.

Хлопья снѣжной крутящейся вьюги,
Въ бѣлый саванъ свиваясь, слѣпятъ.
Гей, кто крикнулъ въ безумномъ испугѣ?
Смерть?.. — Не смерть, а спасеніе, братъ.
Тамъ — маякъ... Тамъ огни мельтешатъ.

Вы ослѣпли на вахтѣ, бѣдняги!
Но команда слышна: „Полный ходъ!
Портъ предъ нами“.
Кто полонъ отваги,
Тѣхъ стихія сама бережетъ.
На свободу изъ трюма, народъ!

А. М. Ѳедоровъ.

Захолустный деревенскій уголокъ послѣ паденія крѣпостного права.

I.

Окончивъ образованіе въ институтѣ и проживъ очень недолго въ Петербургѣ, я отправилась въ первыхъ числахъ мая (1862 г.) въ наше родовое имѣніе Погорѣлое (С-ской губ.), принадлежавшее въ то время моему брату.

Въ Петербургѣ я слыхала не мало разсказовъ о томъ, какъ родители недружелюбно смотрятъ на сближеніе ихъ дѣтей съ простонародьемъ и на разныя новшества, которыя такъ отстаивала молодежь, но совсѣмъ иное отношеніе встрѣтила я въ моей семьѣ. Когда я передавала матушкѣ слышанное мною на вечеринкахъ, устраиваемыхъ молодежью, о необходимости опрощенія и служенія народу, объ обязанности каждаго просвѣщать его, о стремленіи женщинъ къ самостоятельности и образованію, равному съ мужчинами, она просто приходила въ восторгъ. Правда, ей казалось смѣшнымъ, когда на дѣвушку нападали за то, что она вмѣсто чернаго платья надѣвала цвѣтное, или когда она, яко бы за неимѣніемъ времени на прическу, обрѣзывала свою длинную, густую косу; вообще она, какъ старая женщина, не могла сочувствовать формальной сторонѣ нигилистическаго ученія, но все существенное въ немъ, его основа и главнѣйшія требованія вѣка сдѣлались давнымъ-давно близкими ея душѣ, не даромъ же мы, ея взрослыя дѣти, называли ее первою нигилисткою въ Россіи. Когда я передала матушкѣ о томъ, что мнѣ совѣтуютъ сближаться съ крестьянами, она удивилась даже, что мнѣ приходилось это совѣтывать Она просто не понимала, какъ при жизни въ деревнѣ человѣкъ можетъ изолировать себя, обособиться отъ ближайшихъ своихъ сосѣдей, т. е. крестьянъ, какъ можно не чувствовать стремленія быть имъ чѣмъ-нибудь полезнымъ. Она твердо была убѣждена въ томъ, что, въ виду ихъ темноты и бѣдноты, каждый грамотный и благожелательный человѣкъ можетъ принести имъ много пользы. Она находила, что если я буду держать себя, какъ барышня,

отстраняться отъ интересовъ крестьянъ, я никогда не узнаю ихъ настоящаго положенія и пропаду отъ деревенской скуки. «Это какъ-то и не по человѣчески: жить и не знать, что подлѣ тебя дѣлаютъ люди! Да и какъ же тогда вы, молодежь, будете примѣнять ваши идеалы къ практической жизни? Неужели все ограничится разговорами о любви къ народу, о готовности ему помогать и просвѣщать его?»

О преслѣдованіяхъ со стороны полиціи за сближеніе съ крестьянами въ нашихъ краяхъ тогда не было и рѣчи, а тѣмъ болѣе не могло этого быть относительно членовъ моей семьи: моя мать съ ранней молодости жила въ этомъ захолустьѣ, съ утра до вечера имѣла дѣла съ крестьянами, мои сестры постоянно заходили въ ихъ избы. Матушка настаивала даже на томъ, чтобы я, когда въ первый разъ появлюсь въ той или другой крестьянской семьѣ, приходила съ какимъ-нибудь маленькимъ подаркомъ. И мы еще въ Петербургѣ закупали съ нею платки, ленты, кушаки, яркихъ цвѣтовъ ситцы.

Погорѣлое привлекало меня многимъ: и тѣмъ, что я родилась и провела въ немъ годы моего дѣтства, и тѣмъ, что я знала всѣхъ, жившихъ въ этой мѣстности. Въ этомъ имѣніи, къ тому же, жилъ мой братъ Андрей, который былъ въ то время мировымъ посредникомъ. Занимало меня и то, что къ нему приходили сосѣди въ гости и по дѣлу, а также крестьяне, съ которыми онъ почти ежедневно бесѣдовалъ о разныхъ дѣлахъ, а когда возвращался домой изъ своихъ поѣздокъ по должности,—сообщалъ мнѣ много новостей. Личность моего брата Андрея сама по себѣ меня очень интересовала. Съ подвижнымъ умомъ, очень неглупый отъ природы, весьма видный и красивый, онъ, будучи въ военной службѣ, отличался большою склонностью къ щегольству, мотовству и свѣтскому времяпрепровожденію. Свои внѣшнія преимущества и находчивость онъ употреблялъ на флиртъ за дамами, среди которыхъ имѣлъ большой успѣхъ. Но могучій потокъ идей шестидесятыхъ годовъ до неузнаваемости измѣнилъ его. Онъ весь отдался серьезному чтенію, а когда былъ выбранъ мировымъ посредникомъ перваго призыва, со страстнымъ увлеченіемъ и съ искреннимъ интересомъ окунулся въ новое для него дѣло. Когда я пріѣхала въ деревню и пожила въ ней, братъ произвелъ на меня впечатлѣніе серьезнаго общественнаго дѣятеля: онъ прилежно изучалъ законы, внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что могло ему выяснить и освѣтить его новыя обязанности. Онъ пользовался такимъ довѣріемъ крестьянъ, что даже впослѣдствіи, когда оставилъ должность и проживалъ въ своемъ помѣстьѣ, какъ частный человѣкъ, они приходили къ нему массами даже изъ отдаленныхъ деревень, упрашивая его быть то судьею въ ихъ спорѣ, то вырѣшить имъ какое-нибудь недоразумѣніе, то дать совѣтъ, то составить дѣловую бумагу.

Изъ разговоровъ мировыхъ посредниковъ, посѣщавшихъ брата, не трудно было понять, что нѣкоторые изъ нихъ старались толковать «Положеніе» по буквѣ, а не по смыслу закона, и что это въ большинствѣ случаевъ клонилось къ выгодѣ помѣщиковъ, а братъ мой смотрѣлъ на дворянъ и крестьянъ, какъ на лицъ равныхъ передъ закономъ, что вызывало къ нему страшную вражду дворянъ.

Однажды къ его крыльцу подъѣхалъ пожилой помѣщикъ В. Занятый дѣломъ, нетерпящимъ отлагательства, братъ просилъ меня выйти къ посѣтителю, извиниться передъ нимъ и сказать, что онъ не можетъ принять его ранѣе получаса. Уже одно это вызвало неудовольствіе помѣщика В., и онъ, несмотря на то, что видѣлъ меня въ первый разъ, сталъ на чемъ свѣтъ поносить моего брата, все громче выкрикивалъ, что онъ дѣлаетъ все, чтобы унизить дворянъ, а нѣсколько дней тому назадъ, по его словамъ, выкинулъ съ нимъ такую штуку: вслѣдствіе одного недоразумѣнія съ крестьянами, которое можетъ разрѣшить только мировой посредникъ, онъ, помѣщикъ В. письменно пригласилъ моего брата пріѣхать къ нему, а тотъ вмѣсто этого осмѣлился вызвать его для разбирательства къ себѣ и далъ объ этомъ знать крестьянамъ съ тѣмъ, чтобы они явились къ нему въ то же самое время. Такимъ образомъ разгнѣванный помѣщикъ обвинялъ моего брата въ томъ, что онъ его, дворянина, равняетъ съ крестьянами, вызываетъ какъ бы на очную ставку помѣщика съ его бывшими крѣпостными. Тутъ вышелъ мой братъ и началъ просить помѣщика пожалѣть его и явиться къ нему на другой день, когда соберутся и крестьяне: тогда его дѣло несравненно легче и нагляднѣе выяснится въ присутствіи двухъ сторонъ. Вѣдь иначе ему, какъ мировому посреднику, придется много разъ пріѣзжать въ его помѣстье и нѣсколько разъ созывать крестьянскіе сходы. Но помѣщикъ раздражался еще болѣе доводами брата и говорилъ, что возмущенъ и пораженъ до глубины души тѣмъ, что мой братъ, такой же дворянинъ, какъ и онъ самъ, не понимаетъ того, что, явившись на такое сборище, онъ, помѣщикъ В., унизитъ свое дворянское достоинство. Братъ старался умаслить его, отпуская, по своему обыкновенію, шутки и остроты, что мужики-де явятся къ нему, «какъ чернь непросвѣщенна», и будутъ стоять на дворѣ безъ шапокъ, а для него, помѣщика, будетъ приготовлено особое кресло на крыльцѣ. Мой братъ выставлялъ ему на видъ и то, что его, помѣщика, никто не смѣшаетъ съ «сиволапыми»: у него и одежда не та, и повадка говорить барская, властная, но не могъ ничѣмъ убѣдить посѣтителя, который, выведенный изъ себя, крикнулъ: «Да поймите же вы, наконецъ, несчастный человѣкъ, что дворянская честь не позволяетъ мнѣ ставить себя на одну доску съ моими рабами и крѣпостными! Какъ вамъ не стыдно не понимать этого? Вѣдь вы не только сами дворянинъ, но и бывшій

военный человѣкъ!» Тогда мой братъ уже серьезно замѣтилъ ему: «И вы постарайтесь же понять, Николай Николаевичъ, что они болѣе не рабы и не крѣпостные ваши, а лишь временно обязанные, и что законъ даетъ мнѣ право въ случаѣ подобныхъ недоразумѣній, призывать къ себѣ сразу обѣ стороны». Но тутъ разгнѣванный помѣщикъ разразился хохотомъ.

— Законъ, законъ! Вотъ уморили! Каждый знаетъ, что всѣ законы чиновники передѣлываютъ на свой ладъ! Если бы за это карали, то всѣ они давно были бы разосланы по каторгамъ.

— Очень возможно, что наши чиновники привыкли нарушать законы, но я не чиновникъ, а мировой посредникъ.

— Васъ должны убрать и уберутъ! Мировой посредникъ, батюшка мой, поставленъ правительствомъ для того, чтобы охранять интересы какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ. Помѣщики же нашей округи пришли къ единодушному заключенію, что вы заботитесь лишь объ интересахъ крестьянъ, а наши помѣщичьи интересы ни въ грошъ не ставите, умаляете и унижаете достоинство дворянина!.. Все ваше поведеніе сѣетъ великую смуту въ слабыхъ умахъ крестьянъ. Понимаете ли вы, чѣмъ это пахнетъ? И вотъ-съ помѣщики нашей округи рѣшили въ первую голову поставить въ дворянскомъ собраніи вопросъ о томъ, можетъ ли обязанности мирового посредника исполнять человѣкъ «красный» по своимъ убѣжденіямъ, просто на просто какой-ко фармазонъ! Да-съ, милостивый государь, мы до васъ доберемся, будьте благонадежны!..— грозилъ раздосадованный помѣщикъ, садясь въ свой экипажъ и не подавая на прощанье руки ни хозяину дома, ни мнѣ.

По словамъ брата, чрезвычайно было тяжело въ то время надлежащимъ образомъ исполнять обязанности мирового посредника по двумъ главнымъ причинамъ: 1) въ нашихъ помѣщикахъ совсѣмъ не было воспитано ни малѣйшаго уваженія къ законамъ: они давнымъ давно привыкли къ тому, что его постоянно нарушали. Правда, они знали, что при нарушеніи закона имъ придется платиться, но они находили это въ порядкѣ вещей, говоря: «Пусть каждый беретъ то, что ему при семъ полагается, лишь бы сдѣлалъ мое дѣло», т. е. совершилъ противозаконіе. На того же, кто въ этомъ отношеніи шелъ по иной дорогѣ, они смотрѣли какъ на «выжигу», который не удовлетворяется обычной взяткой.

Мировыхъ посредниковъ перваго призыва никакъ нельзя было заподозрить во взяточничествѣ, и тѣмъ изъ нихъ, которые не нравились помѣщикамъ, они давали кличку «красный, «смутьянъ», аттестовали ихъ, какъ людей опасныхъ для правительства, подтачивающихъ въ корнѣ всѣ устои русскаго государства. Нѣкоторые помѣщики, однако, допускали, что по новымъ временамъ можетъ быть и страшновато нарушать законъ, но этотъ страхъ, и то у нѣкоторыхъ изъ нихъ, явился въ нашей мѣстности лишь немедленно послѣ объявленія воли, а годъ-другой спустя они уже нахо-

дили, что давать и брать взятки опять можно безпрепятственно и безнаказанно. Вслѣдствіе множества недоразумѣній, порождаемыхъ положеніемъ 19 февраля, постепенно начали выходить циркуляры и «разъясненія», мало-по-малу ослаблявшіе нѣкоторые пункты этого закона. Вотъ эти-то разъяснительные циркуляры и давали лазейку обходить законъ, не неся за это никакой отвѣтственности, слѣдовательно—все больше и больше можно было дѣлать уступокъ несправедливымъ требованіямъ помѣщиковъ. Однако, въ 1862 г. въ нашихъ краяхъ большинство мировыхъ посредниковъ перваго призыва еще старалось быть вѣрными духу закона и всѣми силами защищать интересы крестьянъ.

Вторая причина, особенно тормазившая, по мнѣнію моего брата, исполненіе мировыми посредниками ихъ обязанностей,—необыкновенная алчность помѣщиковъ. Въ то время рѣдко какого помѣщика нашей мѣстности можно было назвать хорошимъ сельскимъ хозяиномъ: почти никто изъ нихъ серьезно не изучалъ хозяйства, и вели они его такъ же, какъ ихъ дѣды и прадѣды, по старымъ образцамъ. Даже запашку мало кто увеличивалъ, а нѣкоторые оставляли безъ обработки значительныя пространства земли, и у каждаго зря пропадали порядочной величины земельныя полоски, зароставшія негодною травой или превращавшіяся въ болота. При этомъ необходимо замѣтить, что земля въ нашей мѣстности въ то время цѣнилась крайне дешево, большія помѣстья продавались по баснословно дешевымъ цѣнамъ, и лишь въ концѣ 19-го столѣтія цѣны на землю поднялись у насъ до невѣроятности. Однако, несмотря на то, что помѣщики не придавали никакой цѣны небольшимъ клочкамъ своей земли и то и дѣло оставляли ихъ безъ обработки,—когда случалось, что въ такой полоскѣ нуждались крестьяне и просили помѣщика уступить имъ ее, онъ ни за что не соглашался, какъ бы это гибельно ни отозвалось на будущемъ хозяйствѣ крестьянъ.

Мировые посредники перваго призыва, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, являлись въ то время въ деревняхъ и провинціальныхъ городахъ «новыми людьми», поражавшими не только помѣщиковъ, но и крестьянъ. Послѣдніе долго не довѣряли имъ потому, что большинство ихъ было тѣми же дворянами, но скоро убѣдились, что эти дворяне — люди новаго типа. Одинъ знакомый крестьянинъ такъ характеризовалъ мнѣ ихъ: «Взятокъ не берутъ, скулы не сворачиваютъ, ни одинъ даже матерно не поноситъ, а насъ, темныхъ людей, наставляютъ, какъ быть должно». Конечно, и между мировыми посредниками перваго призыва были и сквернословы, и драчуны, и настоящіе баре, которые старались служить только своему брату-помѣщику, но такихъ было меньшинство, большинство же честно и даже съ превеликимъ увлеченіемъ исполняло свои обязанности. Крестьянамъ нравилось въ ихъ «посредственникахъ», какъ они ихъ называли, и то, что тѣ

ничего общаго не имѣютъ съ чиновниками даже въ своей одеждѣ: массивная бронзовая цѣпь съ бляхой, сверкавшая на солнцѣ, какъ золотая, вселяла въ народѣ несравненно болѣе довѣрія и уваженія, чѣмъ кокарда на картузѣ чиновника.

Только что мы успѣли проводить одного посѣтителя, какъ на крыльцо поднялся другой: сутуловатый старикъ, по одеждѣ представлявшій что-то среднее между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Это былъ мелкопомѣстный Селезневъ или, какъ его называли—«Селезень-вральманъ», разсказывавшій на именинахъ помѣщиковъ о томъ, какъ онъ съ царемъ селедку ѣлъ. Этотъ разсказъ я слыхала еще въ дѣтствѣ, имъ развлекалъ онъ слушателей и въ освободительную эпоху. Въ данную минуту онъ пришелъ просить брата разъяснить ему очень важный для него вопросъ. Онъ владѣлъ всего двумя крѣпостными и прекрасно понялъ, что когда пройдетъ двухлѣтній срокъ, они оба отойдутъ отъ него и получатъ право распоряжаться своею судьбою по своему усмотрѣнію.

— Насъ, что называется, ограбили среди бѣлаго дня!—жаловался Селезневъ.—А вотъ вы объясните мнѣ, А. Н., какъ же теперь будетъ насчетъ моихъ сыновъ? У меня, какъ вамъ извѣстно, четыре незаконныхъ сына, прижитыхъ мною отъ моей крѣпостной. Я не настолько былъ глупъ, чтобы поставить ихъ на барскую ногу: съ малолѣтства исполняли они у меня крестьянскую работу. Но, хотя они и были крѣпостными, какъ и всѣ остальные прочіе, но вѣдь выходитъ вотъ что: они были со дня своего рожденія крѣпостными моей крови, значитъ—вѣчными моими крѣпостными, такъ сказать, самимъ Богомъ назначенными мнѣ въ вѣчные крѣпостные. Скажите-ка мнѣ, какъ же теперь? Неужто царь ихъ тоже отыметъ у меня? Неужто и ублюдкамъ дана будетъ воля?

Братъ объяснилъ ему, что если бы они въ метрическомъ свидѣтельствѣ значились его сыновьями, то они и теперь могли бы, по его приказанію, пахать и скородить у него. Но, такъ какъ они въ метрикѣ показаны рожденными отъ крѣпостной и числились, какъ и остальные, его крѣпостными, то судьба ихъ будетъ такая же, какъ и всѣхъ крѣпостныхъ въ мелкомѣстныхъ имѣніяхъ: по истеченіи двухъ лѣтъ онъ, Селезневъ, можетъ пользоваться ихъ услугами лишь по взаимному съ ними соглашенію, то есть не иначе, какъ за плату, если они захотятъ у него служить.

Это объясненіе привело старика въ негодованіе.

— Значитъ,—говорилъ онъ,—царь хотѣлъ, чтобы я, столбовой дворянинъ, унизилъ свое дворянское достоинство, женившись на хамкѣ, на своей холопкѣ? Развѣ царю и такая воля дана, чтобы онъ распоряжался нашими родными дѣтьми? Какъ же онъ можетъ заставлять ихъ служить родителямъ только за плату? Этого быть не можетъ! Ни царь, ни псарь не можетъ указкой быть, какъ поступать мнѣ съ моею плотью и кровью!

Братъ проситъ Селезнева, если онъ ему не вѣритъ, обратиться

съ этимъ вопросомъ къ кому-нибудь другому, но тотъ чистосердечно признался, что двое мировыхъ, у которыхъ онъ уже побывалъ по этому поводу, совершенно такъ же объяснили ему это дѣло. «А потому я и пріѣхалъ къ вамъ, какъ къ моему мировому посреднику, заявить, что я отказываюсь повиноваться и царю, и вамъ, исполняющему его несправедливыя требованія». При этомъ онъ вынулъ изъ кармана присланную ему бумагу и съ сердцемъ сунулъ ее въ руки брата. «Вотъ извольте получить обратно: мнѣ ее прислали для подписи, а я не желаю ни подписывать, ни имѣть дѣло съ такими крамольниками, которые не признаютъ ни божескихъ законовъ, ни законовъ естества».

Когда мой братъ заѣхалъ къ другому, уже не къ мелкопомѣстному помѣщику, тотъ вынулъ уставную грамоту и сказалъ: «Подписывать не буду! не могу же я подтверждать своею подписью, что я радуюсь грабежу, надо мною учиненному среди бѣла дня. Такъ какъ такое приказаніе идетъ отъ самого царя, а жаловаться на него можно только Богу, то я при васъ и засовываю эту грамоту за икону. Ужъ пускай самъ Богъ разсудитъ меня съ царемъ на томъ свѣтѣ».

Случались и отказы подписать уставную грамоту, сопровождаемые угрозами и непріятностями всякаго рода, создававшими массу хлопотъ для мировыхъ посредниковъ. Но однажды такой отказъ сопровождался въ нашихъ краяхъ громкимъ скандаломъ, который долго волновалъ наше захолустье.

Верстахъ въ 15—16-ти отъ села Погорѣлаго находилась усадьба, принадлежавшія тремъ сестрамъ дѣвицамъ Тончевымъ, прославившимся даже въ то суровое крѣпостническое время своею жестокостью къ крестьянамъ, которыхъ у нихъ было 50—60 душъ. У нихъ не только была болѣе тяжелая «барщина», чѣмъ у другихъ помѣщиковъ нашей мѣстности, но ихъ крѣпостные несли и другія, весьма обременительныя, повинности. При этомъ двѣ старшія сестры щедро раздавали пощечины и колотушки своимъ дворовымъ и приказывали своему старостѣ, непремѣнно въ ихъ присутствіи, пороть мужиковъ и бабъ за самую ничтожную провинность. Вслѣдствіе этого у нихъ ежегодно оказывалось въ «бѣгахъ» нѣсколько крестьянъ, что постоянно уменьшало и безъ того небольшое число ихъ подданныхъ. Оставшіеся крестьяне мстили имъ напропалую: воровство и другіе ущербы не переводились въ ихъ хозяйствѣ, случались и поджоги, а однажды двухъ старшихъ сестеръ крестьяне даже выпороли и подвергли жестокимъ и позорнымъ истязаніямъ. Дѣло это было ночью, въ лѣсу, и узнать преступниковъ по ихъ внѣшнему виду или по голосу не было никакой возможности: люди, напавшіе на нихъ, были въ мѣшкахъ съ дырками для глазъ, а за щеками у нихъ, по показанію сестеръ, были наложены орѣхи или горохъ. Когда манифестъ 19-го февраля былъ обнародованъ, Тончевы разволновались до невѣроятности. Ихъ

невѣжество, алчность, безчеловѣчное отношеніе къ крестьянамъ, однимъ словомъ всѣ ихъ обычныя свойства проявились тутъ въ совершенной степени.

Въ то время, когда всюду шли разговоры о новой реформѣ, три сестры разъѣзжали по помѣщикамъ и священникамъ, разспрашивая ихъ о томъ, какъ имъ понимать новый манифестъ. Неужели и ихъ крестьяне тоже сдѣлаются свободными? Неужели и отъ нихъ, законныхъ помѣщицъ и столбовыхъ дворянокъ, отберутъ для тѣхъ же хамовъ часть ихъ собственной земли? Всѣмъ въ нашей мѣстности было достаточно извѣстно обостренное настроеніе чувствъ сестеръ Тончевыхъ, и вся мѣстная интеллигенція старалась избѣгать встрѣчи съ ними, но когда это уже было немыслимо, къ нимъ выходили безъ особеннаго удовольствія. Хотя нѣкоторые помѣщики сами враждебно относились къ крестьянской реформѣ, но сознавали, что, какъ бы они ни выражали сестрамъ свое неудовольствіе, все-таки они останутся въ ихъ глазахъ безъ вины виноватыми и въ концѣ-концовъ нарвутся еще сами на дерзость уже за одно то, что рѣшились принять эту реформу безъ сопротивленія, протеста и скандала. Одинъ изъ такихъ помѣщиковъ, чтобы избѣжать непріятностей со стороны сестеръ, старался всячески ихъ вразумлять: онъ утѣшалъ ихъ тѣмъ, что дворовые въ теченіе двухъ лѣтъ останутся въ ихъ полномъ повиновеніи, а крестьяне будутъ сначала временно-обязанными...

Но Эмилія, старшая изъ сестеръ, всегда вспыльчивая, а теперь дошедшая до невмѣняемости, уже кричала во все горло: «Не временно-обязанными будутъ передо мной мои хамы, а вѣчными моими рабами, понимаете, вѣчно-обязанными?...» Вторая сестрица подпѣвала: «Да-съ! Они будутъ нашими рабами до гробовой доски!»

Третья, опасаясь отстать отъ старшихъ сестеръ, выкрикивала: «Это не хорошо, что вы такъ говорите... Вы этимъ потакаете всѣмъ мерзавцамъ, а вы дворянинъ!.. А вотъ мы, какъ прежде, что хотѣли, то и дѣлали съ крѣпостными, такъ будемъ распоряжаться и теперь... и никакихъ подписей давать не будемъ!.. Да!.. очень гадко, очень низко съ вашей стороны!..»

— Да вы просто какія-то безтолковыя сороки! Я же тутъ при чемъ? Я такъ же, какъ и вы, страдаю отъ этой реформы! И не очень-то вы будете теперь дѣлать все, что захочется! Пришли другія времена, и съ вами не очень будутъ церемониться! Если вы добровольно не пойдете на требуемыя уступки, никто не посмотритъ на то, что вы дворянки.

Старшая Эмилія, которую ея сестры считали необыкновенно умной и находчивой, запальчиво выкрикнула въ лицо помѣщику: «Значитъ, вы, смотря по времени, либо хамъ, либо дворянинъ! Да и то сказать: оборотнемъ быть вамъ на роду написано. Если бы вы были настоящимъ дворяниномъ, то у васъ кровь вскипѣла бы отъ этихъ манифестовъ и реформъ! Вы не

допустили бы такого безобразія съ собою! Да что съ вами толковать! Вы-то увѣрены, что вы настоящій дворянинъ, а я-то очень и очень въ этомъ сомнѣваюсь: мнѣ издавна была извѣстна большая склонность вашей матушки къ одному черномазому козачку: и глазищи-то у васъ, и вихры,—все въ Мишку Безпалаго... Откуда же взять вамъ дворянскую честь?

Но тутъ, какъ у насъ всюду разсказывали въ ту пору, поднялся невѣроятный скандалъ. Помѣщикъ схватилъ Эмилію за плечи, повернулъ и вытолкнулъ за дверь, а двѣ младшія сестры осыпали въ эту минуту его самого градомъ колотушекъ. Этотъ скандалъ, какъ раскаты грома, немедленно прокатился по отдаленнѣйшимъ уголкамъ нашего захолустья.

Когда были назначены мировые посредники, Тончевы къ этому времени такъ или иначе поняли, что имъ не отдѣлаться отъ неизбѣжнаго, т. е. не обойтись безъ уступки крестьянамъ части своихъ земель, но онѣ, видимо, рѣшили биться до послѣдней капли крови, чтобы поменьше нести ущерба въ своей земельной собственности. Гдѣ была только какая-нибудь возможность, онѣ старались отводить подъ земельные надѣлы крестьянъ участки, самые негодные для хлѣбопашества. Крестьяне не соглашались получать ихъ въ надѣлъ, жаловались, указывая на причину своего отказа. Для разбирательства подобныхъ пререканій моему брату то и дѣло приходилось ѣздить къ нимъ: онъ упрашивалъ ихъ, доказывалъ, уламывалъ, объяснялъ, почему онѣ не имѣютъ права поступать такъ, а онѣ дерзили ему на пропалую. Потерявъ не только всякую сдержанность, но и элементарную женскую стыдливость и порядочность, Эмилія, а за ней и остальныя сестры позволяли себѣ самыя неприличныя вещи. Братъ прибѣгалъ къ шуточкамъ и лести, на которую прежде сдавалась иногда Эмилія, особенно, когда превозносили ея умъ, но тутъ она безъ словъ вдругъ совала подъ носъ своего мирового фигу,—дескать, на, выкуси! и остальныя сестры торопились продѣлать тотъ же жестъ. Иной разъ посредникъ бился изо всѣхъ силъ, пріѣзжалъ къ нимъ по нѣскольку разъ только для того, чтобы склонить къ уступкѣ крестьянамъ какого-нибудь ничтожнѣйшаго клочка земли, указывая на то, что для нихъ, Тончевыхъ, эта полоска не имѣетъ никакого значенія, а крестьянское хозяйство пропадетъ безъ него.—Вы, вѣроятно,— говорилъ мой братъ, рѣшили разорить ихъ штрафами за будущія потравы?

Эмилія безъ всякаго стѣсненія отвѣчала:—Еще умникомъ считается, а насилу-то догадался!

Въ концѣ-концовъ, полюбовное соглашеніе между Тончевыми и ихъ крестьянами для составленія уставныхъ грамотъ оказалось немыслимымъ. Чтобы это выяснить, такъ сказать, оффиціально, мой братъ рѣшилъ отправиться къ нимъ съ двумя другими мировыми посредниками той же губерніи, о чемъ онъ за нѣсколько

дней извѣстилъ какъ Тончевыхъ, такъ и крестьянъ. И вотъ посредники подъѣзжаютъ къ дому трехъ сестеръ-помѣщицъ, а на крыльцѣ... Мировые посредники рѣшительно недоумѣваютъ, что такое на крыльцѣ? Вглядываются, и что же оказывается: всѣ три сестрицы стоятъ въ рядъ, неподвижно одна возлѣ другой, а ихъ платья, юбки, рубашки подняты вверхъ, и все это поверхъ головы укрѣплено такъ, что ихъ головъ не видать, а сами онѣ стоятъ обнаженныя до пояса.

Въ ту минуту, когда подъѣзжали мировые, звонъ ихъ колокольчиковъ заслышали и крестьяне и толпою двинулись во дворъ, на который выходило крыльцо съ тремя обнаженными фигурами сестеръ. Всѣ были такъ поражены этимъ зрѣлищемъ, что никто не проронилъ ни звука, только одинъ старикъ громко плюнулъ и выругался, и вся толпа сразу совершенно безмолвно и быстро двинулась прочь со двора, а мировые, не входя на крыльцо, повернули назадъ и уѣхали.

II.

Однажды, въ воскресный день, матушка просила меня отвезти свертокъ съ гостинцами въ семью Пахома, нашего прежняго крѣпостного, жившаго въ 2-хъ верстахъ отъ нашего дома. Пахомъ, еще молодой крестьянинъ, уже лѣтъ семь какъ былъ женатъ на Василисѣ, бывшей нашей дворовой, которая въ это время лежала въ злѣйшей чахоткѣ. Знакомый докторъ, пріѣзжавшій къ намъ въ гости и посѣтившій больную, нашелъ ея положеніе совершенно безнадежнымъ. Вотъ въ эту-то семью я и отправилась въ экипажѣ съ братомъ, который по дѣлу ѣхалъ по той же дорогѣ за нѣсколько верстъ дальше.

Когда я вошла въ избу, хозяинъ, здоровый мужчина лѣтъ за тридцать, сидѣлъ за столомъ съ двумя гостями-крестьянами, а три его дѣвочки-погодки, лѣтъ шести, пяти и четырехъ, бѣгали тутъ же.

Большинство крестьянъ нашей мѣстности въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія были крайне бѣдны. Семья Пахома была тоже не изъ зажиточныхъ, но сидѣла безъ хлѣба рѣже другихъ. Пахомъ, кромѣ хлѣбопашества, занимался отхожимъ промысломъ и, въ качествѣ плотника, нерѣдко отправлялся въ Москву, откуда къ веснѣ приносилъ домой нѣсколько десятковъ рублей. Но въ то время, о которомъ я говорю, дѣла семьи были крайне плохи: жена, на рѣдкость работящая баба, простудилась, прохворала всю зиму, и хозяйство пришло въ полное разстройство.

Пахомъ встрѣтилъ меня очень радушно, благодарилъ за то, что я «не побрезговала ими, хоча и питерская, а не заспѣсивилась». Я поднялась на полати, чтобы поздороваться съ Василисою,

которая въ теплый весенній день лежала подъ овчиннымъ тулупомъ въ страшной лихорадкѣ. Когда я вручила ей отъ имени матери свертокъ съ чаемъ, сахаромъ и другими скромными приношеніями, на меня посыпались благословенія и добрыя пожеланія находящихся въ избѣ, а я, чтобы направить разговоръ на болѣе для меня интересную тему, спрыгнула съ полатей, сѣла къ столу и просила мужчинъ продолжать разговоръ, если только они имѣютъ ко мнѣ хотя маленькое довѣріе. Но крестьяне переглядывались между собою и молчали. Тогда съ полатей послышался беззвучный, надтреснутый голосъ больной. Ей, видимо, было чрезвычайно трудно говорить, и у нея, при первыхъ же звукахъ, что-то захрипѣло и заклокотало въ груди: она то кашляла и останавливалась, то пыталась говорить и пила воду изъ ковшика, который подавала ей старшая дѣвочка. Наконецъ она заговорила, но нѣкоторыя слова ея вылетали съ визгомъ, хрипомъ и съ какимъ-то высвистомъ. Я разобрала только: «Чаво отъ барышни таиться? Пущай послухаетъ»...

Пахомъ началъ мнѣ разсказывать, что когда на дняхъ докторъ объявилъ ему о томъ, что его жена не протянетъ и двухъ недѣль, онъ нашелъ необходимымъ передать ей это, чтобы сообща «удумать, какъ присноровиться, когда она помретъ, чтобы, значитъ, и за дѣвчонками, и за скотиной, и за домашностью настоящій приглядъ былъ, чтобы и избу было на кого оставить».

Я до невѣроятности смутилась тѣмъ, что все это говорилось въ присутствіи умирающей, и стала доказывать, что никому неизвѣстно, кто изъ насъ умретъ ранѣе другихъ, и что такими разговорами не слѣдуетъ тревожить больную. Но въ ту же минуту съ полатей снова послышались звуки точно испорченнаго часового механизма: больная заворошилась, въ груди ея опять что-то зашипѣло и заклокотало, она стала откашливаться и отплевываться и, наконецъ, скорѣе прошептала, чѣмъ проговорила: «Не... помру! барышня, помру!.. пущай ёнъ усё вамъ обскажетъ... Вы свое словечко за ребятенокъ моихъ замолвите... Ой... ой... продохнуть моченьки нѣту-ти! А энто дѣло... значитъ... наше семейственное... таково мутитъ... душенькѣ моей спокой буде, ежели мы семейственное порѣшимъ допрежъ, чѣмъ мнѣ представиться».

Изъ дальнѣйшихъ объясненій Пахома я поняла, что когда онъ заявилъ женѣ о ея близкой кончинѣ, оба они пришли къ заключенію, что ему необходимо жениться, во что бы то ни стало, и притомъ какъ можно скорѣе послѣ смерти Василисы, чтобы управиться съ женитьбою къ страдѣ, т. е. къ наиболѣе срочнымъ лѣтнимъ деревенскимъ работамъ, иначе хозяйство съ ребятами малъ-мала меньше непремѣнно погибнетъ безъ работницы, а нанимать ее не по карману. Но тутъ у нихъ вышло разногласіе: Пахомъ высказалъ желаніе жениться на Ксюшѣ, здоровой 18-лѣтней дѣвушкѣ изъ другой деревни, а Василиса требуетъ,

чтобы онъ, женился на Дунькѣ-хромоножкѣ. «А зачѣмъ мнѣ хромоножка, коли я мужикъ исправный и во всей силѣ, значитъ, взять могу за себя настоящую, здоровую дѣвку, безъ порока. А развѣ съ ей, съ Василисой, столкуешь? Какъ уперлась на своемъ—бери хромоножку, и ни тпру, ни ну. А ежели буде не по ейному, грозится проклясть на томъ свѣтѣ, и такъ себя эвтимъ изводитъ, такъ на меня серчаетъ, того и гляди, чтобъ чаво съ ей до времени не приключилось. А я, чтобъ худого ей, чтобъ, значитъ, смертушку ей накликать раньше, значитъ, того, какъ предѣлъ ей положенъ,—ни Боже мой, потому, какъ она завсегда была женкой честной и первой работницей на селѣ... Разѣ можно?

Несчастная опять заворошилась, но на этотъ разъ уже такъ разволновалась, что отъ жестокаго приступа кашля не могла выговорить ни слова. Ей давали пить, и разговоръ былъ прерванъ на нѣсколько минутъ. Когда я опять поднялась къ ней на полати, она схватила мою руку, чтобы поцѣловать, гладила по плечу своей высохшей, дрожащей рукой; показывала глазами и жестами, чтобы я осталась. Я просила ее не безпокоить себя и обѣщала ей все въ подробности выспросить у присутствующихъ.

Пахомъ, между прочимъ, упомянулъ, что, по желанію Василисы и по ея выбору, онъ пригласилъ двухъ крестьянъ, тутъ присутствующихъ, для того, чтобы сообща и по совѣсти порѣшить ихъ «семейственное» дѣло. Крестьяне эти, какъ оказалось, вошли въ избу только передъ моимъ приходомъ. При этомъ Пахомъ прибавилъ, что далъ женѣ слово передъ образомъ поступить послѣ ея смерти такъ, какъ будетъ здѣсь рѣшено. Одного изъ присутствующихъ онъ назвалъ Антономъ, охарактеризовалъ первымъ грамотѣемъ на селѣ, человѣкомъ бывалымъ: «въ разныхъ городахъ живалъ— виды видалъ, а отъ крестьянской работы не отбился, одно слово— мужикъ правильный». Про другого, Петрока, сказалъ только: «чтобъ душою покривить—ни Боже мой».

Антонъ былъ мужикъ лѣтъ за сорокъ, съ сильною просѣдью въ черныхъ, курчавыхъ волосахъ, съ симпатичнымъ и интеллигентнымъ лицомъ. Я просила объяснить мнѣ, что за дѣвушка Дунька-хромоножка и что представляетъ изъ себя Ксюша, почему первую предпочитаетъ Василиса, а вторую ея мужъ.

Антонъ не сразу отвѣтилъ, но внимательно посмотрѣлъ на меня и, точно что-то соображая нѣсколько минутъ, началъ говорить. Я старалась не прерывать никакими вопросами его неторопливую, степенную рѣчь. Сравнительно съ остальными крестьянами нашей мѣстности, онъ выражался лучше и правильнѣе, и лексиконъ его былъ обширнѣе; при этомъ у него попадалось меньше мѣстныхъ выраженій.

— Дунька не по своей винѣ хромоножка, а отъ Бога, значитъ, отъ рожденья одна нога длиннѣе другой. Дѣвка она не хворая,

но,—отъ ноги ли то, али отъ Бога,—только правда, что она не очень сильная: кули съ зерномъ таскать ей не подъ силу, да и то сказать—не бабье это дѣло, а всякую бабью работу она сробитъ и проворнѣе, и лучше другой. Долюшка выпала ей горе-горькая: почитай по восьмому годику осталась круглой сиротой, такъ и тогда куска никто ей не считалъ: кто зачѣмъ въ избу къ себѣ позоветъ, такъ она въ одночасье приберетъ, подмететъ, перечиститъ все до послѣдней плошки и такъ, что любо—дорого смотрѣть. И говорить ей не надо: дѣлай то, дѣлай это, все сама знаетъ,—сметкой большой Богъ наградилъ. Не было по сусѣдству избы такой, чтобъ она всѣхъ ребятъ не переняньчила, чтобъ при болѣзни старымъ и малымъ не пособляла. Свора и злоба на деревнѣ у насъ большая идетъ промежъ бабъ, но чтобъ, значитъ, Дуньку кто чѣмъ укорилъ, такъ, кажись, этого не бывало. А сама-то она съ измальства прицѣпилась къ Василисѣ, и такъ подружками онѣ доселѣ остались. Дѣвчонокъ Пахомовыхъ она страсть какъ любитъ, точно родныхъ своихъ ребятъ! Наймется кому въ работницы, али на поденщину, и ежели не очень далеко отъ Пахомовой избы, такъ въ вечеру къ нимъ прибѣжитъ, все у нихъ перечиститъ, ребятъ перемоетъ, рубашенки имъ перечинитъ. Ежелибъ не она, такъ за болѣзнь-то Василисы ихнія дѣвчонки въ конецъ бы обовшивѣли. Какъ же Василисѣ Христомъ Богомъ не молить мужа, чтобы онъ за себя взялъ Дуньку-хромоножку?

— Передъ смертнымъ часомъ,—заговорилъ Петрокъ строгимъ голосомъ,—и бабія завѣтъ, да еще насчетъ дѣтушекъ родимыхъ, мужъ должонъ свято хранить! Родима-то матушка лучше знаетъ, кто ейныхъ ребятъ въ обиду не дастъ.

— Не мачихой, а маткой родной будетъ дѣвчонкамъ!..—подтвердилъ Антонъ.

— Чудаки! Ей-ей чудаки! Я-жъ не перестарокъ какой! Чаво-жъ мнѣ за себя старуху-то брать!—запальчиво выкрикнулъ Пахомъ.

Антонъ и Петрокъ напомнили ему, что Дунька—ровесница Василисы.

— А мнѣ-то што изъ того? Хоча моложе ей буде! Перво-на-перво хромоножка она, а съ лица—што картошка печеная!—возражалъ Пахомъ запальчиво.

— Чаво зря языкъ чешешь? Честную дѣвку порочишь, да еще сироту безродную! Такое тебѣ и болтать не пристало!—сердито крикнулъ на него Петрокъ.—Правду сказывай: «какъ мальчишкѣ безбородому, Ксюшка-де мнѣ приглянулась!»

— Зенки-то Ксюшка не на одного тебя пялитъ! Пока въ дѣвкахъ,—можетъ, до конца себя соблюдетъ: больно батьки своего боится. А што тамъ впереди буде,—только Богу извѣстно...

— Такъ-то такъ!.. Усежъ...—понуря голову, смущенно бормоталъ Пахомъ.

— Еще чаво?—уже со злостью накинулся на него Петрокъ.— Женка-то еще жи́ва, на погостъ не время везти, а ужъ думки-то про баловство пошли! Ты не срамотину неси, а толкомъ, при людяхъ, послѣднее слово скажи.

Пахомъ съ остервенѣніемъ чесалъ затылокъ и долго молчалъ, наконецъ, махнулъ рукой и упавшимъ голосомъ промолвилъ:—Чаво мнѣ Василису передъ смертушкой обиждать? Грѣха на душу брать не хочу: супротивства ейнаго николи не видѣлъ! Какъ она, жалѣючи ребятъ, просила, чтобъ я, значитъ, взялъ за себя Дуньку, пущай такъ и буде. Пущай во сырой землѣ ейныя косточки спокой найдутъ.

Но тутъ раздался звонъ колокольчика,—мой братъ возвращался за мной. Я полѣзла на полати проститься съ Василисой и была поражена выраженіемъ ея исхудалаго лица: на провалившихся щекахъ пятнами игралъ яркій румянецъ, на тонкихъ растрескавшихся губахъ блуждала улыбка, глубоко запавшіе глаза сіяли счастьемъ. Она весело и часто закивала мнѣ головой и, по обыкновенію бывшихъ крѣпостныхъ, начала ловить мою руку для поцѣлуя. Когда ей это не удалось, она сказала тихимъ, дрогнувшимъ голосомъ: «Благослови васъ Богъ, барышнечка!»..

Чтобы не возвращаться снова къ описанію семьи этого крестьянина, я кстати скажу, что послѣ описаннаго событія Василиса прожила лишь нѣсколько дней. Пахомъ сдержалъ слово, данное ей при другихъ, и черезъ шесть недѣль послѣ похоронъ первой жены женился на Дунькѣ-хромоножкѣ.

Когда мы съ братомъ возвращались домой и проѣзжали мимо небольшого лѣсочка, до насъ явственно донеслись стоны и отрывочныя слова, видимо исходившія отъ человѣка, который находился по близости отъ дороги. Кучеръ остановилъ лошадей, и мы съ братомъ вышли изъ экипажа. Не успѣли мы сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ въ глубину лѣса, какъ увидали небольшую прогалинку, а посреди валялось что-то вродѣ огромнаго плаща, который точно шевелился. Когда мы подошли къ предмету, привлекавшему наше вниманіе, братъ вдругъ разразился неистовымъ хохотомъ. Косматая голова съ длинными волосами показалась изъ подъ плаща. Братъ, отъ душившаго его хохота, не могъ говорить, а я ничего не понимала. Только нагнувшись, я увидала, что это былъ священникъ въ рясѣ, лежавшій лицомъ къ землѣ и не имѣвшій возможности встать на ноги: черезъ оба рукава его рясы былъ продѣтъ длинный колъ или шестъ. Ясно было, что продѣть этотъ шестъ самому священнику не было ни нужды, ни возможности, и я приставала къ брату съ вопросомъ, что все это значитъ, но онъ продолжалъ хохотать. Когда онъ, наконецъ, сдержалъ приступъ душившаго его смѣха, онъ громко позвалъ кучера. Пока тотъ привязывалъ вожжи къ дереву и подходилъ къ намъ, мой братъ сказалъ священнику: «Преподобный отче, не можете ли объ-

яснить моей сестренкѣ, только знаете такъ, чтобы не совсѣмъ ее переконфузить, какимъ образомъ вы попали въ такое положеніе?»

Священникъ, распростертый на землѣ съ коломъ, продѣтымъ черезъ широкія рукава его рясы, могъ только немного двигать головой. Онъ узналъ брата и отвѣчалъ съ негодованіемъ и злобою: — Ваша сестрица сконфузится не изъ-за меня, а за своего братца, когда она узнаетъ, что его съ позоромъ протурятъ съ должности... Всѣмъ извѣстно, что вы развратили нашихъ крестьянъ! Изъ-за васъ они и вытворяютъ всякія безобразія!

Въ это время подошелъ кучеръ, и братъ съ его помощью началъ поднимать священника, приговаривая: «Вмѣсто того, чтобы поносить меня, вы бы объяснили сестрѣ, за что вы, отче святой, попали въ немилость къ крестьянамъ».

Но вотъ, наконецъ, попа поставили на ноги, осторожно придерживая его съ двухъ сторонъ. Въ эту минуту онъ имѣлъ видъ распятаго человѣка. Всклокоченная и запачканная борода, растрепанные, лохматые и длинные волосы, испачканное грязью лицо и глаза, сверкавшіе злобой, все показывало, что онъ не только безъ покорности и смиренія выноситъ свое испытаніе, но готовъ растерзать каждаго. Кучеръ, долго сдерживавшій свой смѣхъ, расхохотался во все горло; его хохоту вторилъ и братъ; наконецъ, оба они начали вытягивать шестъ, стараясь дѣлать это какъ можно осторожнѣе и легче, чтобы не расцарапать плечи попа и не разорвать его одежды. Какъ только его освободили отъ шеста, священникъ, не прекращая брани и упрековъ по адресу брата, схватилъ свой цвѣтной носовой платокъ и началъ вытирать имъ грязь съ лица и рукъ и всей пятерней расчесывать волосы. Братъ продолжалъ свои шуточки: «Отче, отче, такъ-то вы благодарите вашаго спасителя? Вѣдь безъ меня вы заночевали бы въ лѣсу»... Но священникъ, какъ только нѣсколько привелъ себя въ порядокъ, такъ и пустился въ путь.

Я просила кучера объяснить мнѣ, что все это означаетъ, и тотъ совершенно просто отвѣчалъ: «Ужъ коли колъ попу продѣли, значитъ, онъ больно охочъ до бабъ. Видно съ поличнымъ попался! Небось, въ судъ жаловаться не пойдетъ, даже попадьѣ своей не скажетъ!»

Когда я впослѣдствіи спрашивала крестьянъ, караютъ ли они попрежнему своихъ священниковъ за черезчуръ любезное отношеніе къ бабамъ, они отвѣчали мнѣ, что этого давно не случалось: «Наши-то колы имъ сразу отбили охоту... Теперешніе попы этимъ не займаются».

III.

Хотя мнѣ предсказывали, что я буду томиться однообразіемъ деревенской жизни, но этого не случилось: жизнь въ ней была несравненно болѣе оживлена, чѣмъ прежде. Къ тому же, все казалось мнѣ теперь значительнымъ и интересным: и разговоры мировыхъ посредниковъ, которые то и дѣло пріѣзжали къ брату, и отношенія помѣщиковъ къ новой реформѣ, и ихъ разсужденія по этому поводу, однимъ словомъ, общественное движеніе проникло и сюда и всколыхнуло даже такую захолустную деревню, какъ наша.

Помѣщики посѣщали другъ друга гораздо чаще, чѣмъ раньше; ихъ разговоры и споры нерѣдко принимали весьма оживленный характеръ. Много говорили они о предстоящемъ мѣстномъ самоуправленіи, о томъ, что скоро и у нихъ, среди низенькихъ деревенскихъ избъ будутъ возвышаться школы и больницы. За немногими исключеніями помѣщики (я говорю только о нашей мѣстности) просто издѣвались надъ этими будущими нововведеніями. Они доказывали, что такія затѣи могли возникнуть лишь въ головахъ кабинетныхъ ученыхъ, не знающихъ своего народа, что для того, чтобы заманить крестьянскихъ ребятъ въ школу, будущимъ земствамъ придется внести въ свой бюджетъ солидную сумму на пряники, какъ приманку для ребятъ, а чтобы умаслить родителей отпускать своихъ дѣтей въ школу, правительству понадобится издать новый законъ, по которому крестьяне получатъ право драть лыко въ панскомъ лѣсу, безвозмездно собирать грибы и ягоды, а въ панскихъ озерахъ и сажалкахъ ловить рыбу. Безъ этихъ приманокъ, утверждали они, школы будутъ пустовать, такъ какъ крестьяне могутъ понимать лишь свою непосредственную выгоду, а не ту, которая обнаружится для нихъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Не будутъ крестьяне, по ихъ мнѣнію, посылать своихъ дѣтей въ школу и потому, что каждый ребенокъ школьнаго возраста уже исполняетъ какую-нибудь работу, необходимую въ крестьянствѣ.

На именинахъ у нашего сосѣда собралось огромное общество: я была свидѣтельницею, какъ оно высмѣивало предполагаемое устройство лечебныхъ пунктовъ. Помѣщиковъ поражало то, что тамъ, въ Петербургѣ, не знаютъ даже того, что наши крестьяне испоконъ вѣка привыкли лечиться у знахарей и шептухъ. Всѣ они въ одинъ голосъ утверждали, что крестьяне не промѣняютъ ихъ на настоящихъ докторовъ, приводили множество примѣровъ того, какими ужасными средствами лечатъ деревенскіе знахари, и какъ, несмотря на то, что они то и дѣло отправляютъ своихъ паціентовъ на тотъ свѣтъ, это не уменьшаетъ довѣрія къ нимъ народа.

Собравшіеся гости были солидарны между собой во взглядахъ

на леченіе народа, только одна немолодая помѣщица внесла диссонансъ въ этотъ разговоръ, заявивъ, что они говорятъ противъ очевидности. Крестьяне, утверждала она, хотя и продолжаютъ лечиться у знахарей, но въ то же время изъ дальнихъ деревень отправляются въ тѣ помѣщичьи усадьбы, гдѣ хозяйка или ея дочь занимаются леченіемъ, а когда къ кому-нибудь въ деревню пріѣзжаетъ докторъ изъ города, больные крестьяне буквально осаждаютъ его. Она утверждала, что какъ только появятся земскіе врачи, отъ больныхъ крестьянъ у нихъ не будетъ отбою. Она предсказывала это на томъ основаніи, что крестьяне наблюдательны и сообразительны отъ природы, быстро распознаютъ, кто знаетъ свое дѣло, кто нѣтъ, и помимо этого они вообще любятъ лечиться. То, что они теперь лечатся у знахарокъ, это еще ничего не значитъ, вѣдь и очень многіе помѣщики прибѣгаютъ къ ихъ же помощи и не только изъ-за одного невѣжества и предразсудковъ. Посылать за докторомъ въ городъ не всегда возможно даже для людей богатыхъ, а когда близкій человѣкъ страдаетъ, трудно оставаться въ бездѣйствіи,—многіе только изъ-за этого обращаются къ знахарямъ.

Чтобы показать несостоятельность такого разсужденія, одинъ изъ присутствующихъ разсказалъ слѣдующее. Его сынъ, докторъ, гостилъ у него лѣтомъ. Какъ только онъ пріѣхалъ въ деревню, такъ и отправился по избамъ лечить крестьянъ. Одной бабѣ онъ прописалъ шпанскую мушку на затылокъ и какую-то микстуру, на свои деньги послалъ купить лекарство, а когда ему его доставили, онъ опять посѣтилъ бабу, опять растолковалъ ей, что и какъ дѣлать. Тѣмъ не менѣе, баба шпанскую мушку проглотила, а тряпку вымочила въ микстурѣ и привязала къ затылку. Это заставило всѣхъ хохотать. Помѣщица, говорившая въ защиту необходимости раціональнаго леченія, оказалась посрамленною.

Черезъ года четыре послѣ этого, когда я опять пріѣхала въ ту же мѣстность, въ ней уже существовали двѣ школы и устроенъ былъ лечебный пунктъ и больничка. Все, что я увидѣла и узнала въ то время относительно этихъ двухъ нововведеній, убѣдило меня въ томъ, какъ неосновательны были мнѣнія о нихъ помѣщиковъ, какъ мало знали они крестьянъ, среди которыхъ прожили всю свою жизнь. Какъ только открывалась школа, ребятъ, желающихъ въ ней учиться, и родителей, умоляющихъ принять въ нее своего ребенка, оказывалось несравненно болѣе, чѣмъ могли вмѣстить ея стѣны. То же было и съ леченіемъ. Когда земскіе врачи явились на назначенные имъ лечебные пункты, къ нимъ немедленно потянулся народъ не десятками, а сотнями.

О чемъ бы ни разговаривали помѣщики между собою, какъ бы ни бранили они правительство за крестьянскую реформу, какъ бы ни осмѣивали предстоящія новшества будущаго самоуправленія, какіе бы первобытные взгляды ни высказывали они при этомъ, но очень важно было уже и то, что они зашевелились, на-

чали думать и разсуждать не только объ опостылѣвшей всѣмъ обыденщинѣ, но и объ общественныхъ явленіяхъ. Такимъ образомъ, мертвая тишина и утомительное однообразіе, царившія до тѣхъ поръ въ помѣщичьей средѣ нашего захолустья, смѣнились теперь большимъ оживленіемъ.

Ко мнѣ то и дѣло пріѣзжала молодежь обоего пола, пока еще жившая въ помѣстьяхъ своихъ родителей. Они разспрашивали меня о взглядахъ петербургской молодежи на тѣ или другіе вопросы, брали книги для чтенія, но за совѣтами на счетъ своихъ недоразумѣній съ родителями обращались не ко мнѣ, а къ моей матери.

Совершенно незамѣтно ни для себя, ни для другихъ, душою молодого кружка нашей мѣстности сдѣлалась не я, только что нашпигованная новыми идеями, а моя мать, въ то время уже старая женщина. Не покладая рукъ, работала она всю жизнь, совершая въ этомъ отношеніи чудеса энергіи. Вотъ это-то и пріучило ее уже издавна уважать прежде всего людей труда, съ презрѣніемъ относиться къ шалымъ затѣямъ помѣщиковъ, къ ихъ барской спѣси и обломовщинѣ. Но все же это еще не дало ей возможности вытравить въ себѣ ядъ крѣпостничества, унаслѣдованный ею отъ отцовъ и дѣдовъ и проявлявшійся болѣе всего въ произволѣ родительской власти. Но когда то, что она совершила надъ своими дѣтьми подъ вліяніемъ общепринятыхъ традицій крѣпостнической эпохи, роковымъ образомъ отразилось на ихъ судьбѣ, это оставило въ ея душѣ тяжкія угрызенія совѣсти и совершенно измѣнило ея взгляды на многія стороны семейной жизни. Этой эволюціи помогли и идеи 60-хъ годовъ, настойчиво предписывавшія каждому борьбу съ произволомъ родительской власти. И она въ это время горячо стала порицать право родителей распоряжаться судьбою взрослыхъ дѣтей исключительно по своему усмотрѣнію.

Когда крестьянская реформа совершилась, оба ея сына, тогда уже взрослые люди, увлеченные идеями освободительной эпохи, бросили военную службу: старшій изъ нихъ, Андрей, явился въ качествѣ мирового посредника, а другой мой братъ получилъ частное мѣсто въ уѣздномъ городѣ по близости отъ родного села. Оба они часто посѣщали матушку, выписывали все, что тогда выходило лучшаго въ литературѣ, и нерѣдко сообща прочитывали многое. Матушка съ жадностью набросилась на чтеніе; теперь у нея было для этого гораздо больше свободнаго времени, чѣмъ прежде: заботы и труды по родовому имѣнію, поглощавшіе всю ея жизнь, она передала своему сыну Андрею. И вотъ, отдавшись чтенію, она начала впитывать въ себя новыя понятія. И не одна моя мать, будучи въ возрастѣ, смежномъ со старостью, сдѣлалась тогда послѣдовательницею идей шестидесятыхъ годовъ. Въ нашемъ захолустьѣ ходили тогда по рукамъ «Современникъ» со статьями Добролюбова, Чернышевскаго, «Колоколъ» Герцена и друг.

На измѣненіе міровоззрѣнія русскаго общества, какъ въ столицѣ, такъ и въ захолустныхъ деревенскихъ уголкахъ, вліяли не только названные писатели: въ основѣ каждой статьи, въ каждомъ беллетристическомъ произведеніи, въ газетныхъ фельетонахъ и сатирическихъ листкахъ, въ разговорахъ интеллигентныхъ людей, чаще прежняго заглядывавшихъ изъ столицъ въ наши края, лежала проповѣдь гуманныхъ и просвѣтительныхъ идей. Моя мать и въ крѣпостническую эпоху придавала большое значеніе пріобрѣтенію знаній, но тогда она смотрѣла на это съ утилитарной точки зрѣнія: «больше будешь знать, больше будешь зарабатывать», говорила она своимъ дѣтямъ. Но въ лихорадочную эпоху нашего возрожденія она уже разсуждала иначе: «мы всѣ совершали въ своей жизни великія преступленія, и не оттого, что были злыми и дурными, а прежде всего потому, что мы оказывались невѣжественными и неразвитыми умственно и нравственно». Какъ въ началѣ ея дѣятельности, когда она мужественно принялась за работу, чтобы поднять свое разстроенное хозяйство, надъ нею многіе подсмѣивались за то, что она работаетъ, какъ мужчина, и забываетъ свое дворянское происхожденіе, такъ нѣкоторые подшучивали и теперь. Но ея дѣловитость и честность, ея прямой и открытый характеръ, чуждый какой бы то ни было корысти и фальши, снискали ей въ нашей мѣстности всеобщее уваженіе молодежи. И теперь помѣщики сильно осуждали ее за высказываемыя ею новыя воззрѣнія, но она пріобрѣла много друзей среди ихъ дѣтей. Хорошо зная матеріальное положеніе и характеры помѣщиковъ, жившихъ часто даже на далекомъ разстояніи отъ нашего помѣстья, ей удалось въ ту пору многихъ молодыхъ дѣвушекъ удержать отъ тяжелыхъ жизненныхъ ошибокъ, иногда отъ ненужнаго разрыва съ родителями; очень часто умѣла она указать имъ на дѣятельность, бывшую у нихъ подъ руками въ деревнѣ. Однако, не мало было и такихъ, которымъ она совѣтовала порвать со всѣми своими близкими и ѣхать учиться въ Петербургъ,—и родители такихъ дѣтей дѣлали матушкѣ большія непріятности.

Однажды къ намъ пріѣхала крестница матушки, Варя Никитская, дѣвушка лѣтъ 23-хъ, средняго роста, съ симпатичнымъ выраженіемъ миловиднаго лица. Она была дочерью крайне бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянина, но съ 8-милѣтняго возраста осталась круглою сиротою, безъ всякихъ средствъ къ жизни и была взята на воспитаніе своими дальними родственниками, богатыми помѣщиками.

Варя съ ранней молодости высказала громадныя хозяйственныя способности, и, когда ей исполнилось 15 — 16 лѣтъ, на ея руки постепенно перешло не только огромное домашнее хозяйство со всѣми маринованіями, соленіями и вареніями, но управленіе и завѣдываніе женскою частью всего деревенскаго хозяйства. За свой напряженный и отвѣтственный трудъ, не оставлявшій ей

свободной минуты, она не получала никакого вознагражденія: ее только содержали и одѣвали. И вотъ Никитская задумала бросить деревню и уѣхать учиться въ Петербургъ, но ея добрую, привязчивую натуру крайне смущала мысль уйти отъ людей, которыхъ она считала своими благодѣтелями. Относительно этого она и пріѣхала посовѣтоваться съ своею крестною.

Матушка доказывала Варѣ, что ея добрыя чувства къ родственникамъ дѣлаютъ ей честь, но она не должна преувеличивать ихъ благодѣянія относительно себя. Конечно, ее обучили грамотѣ, и за это имъ большое спасибо,—другіе помѣщики въ нашихъ краяхъ не сдѣлали бы и этого,—но они не дали ей никакого образованія, ничего не сдѣлали для нея; хотя громадное хозяйство въ продолженіе семи лѣтъ лежитъ на ея плечахъ, они попрежнему только кормятъ и одѣваютъ ее и не думаютъ оплачивать ея тяжелый трудъ, и такимъ образомъ она уже давно съ лихвою расплатилась за свое содержаніе съ своими родственниками. Теперь, по словамъ матушки, Варя имѣетъ полное нравственное право поступить такъ, какъ она сама того пожелаетъ. Тѣмъ не менѣе, она находила, что желаніе Вари ѣхать въ Петербургъ немедленно— крайне легкомысленно. На что же она поѣдетъ, когда у нея нѣтъ ни копѣйки? На какія средства будетъ она тамъ жить, когда у нея нѣтъ ни друзей, ни знакомыхъ?

— На дорогу я достану, продамъ золотой браслетъ и сережки которые мнѣ подарили, а тамъ найду какія нибудь занятія... Вѣдь туда ѣдутъ не только люди со средствами... Неужели я одна такая злосчастная, что не сумѣю пробиться?—И молодая дѣвушка залилась слезами..

Но матушка убѣдила ее въ томъ, что для нея немыслимо теперь бросить деревню: она не имѣетъ никакихъ знаній для того, чтобы найти въ Петербургѣ какой-либо заработокъ, ея свѣдѣнія по сельскому хозяйству ни для кого тамъ не требуются. По совѣту моей матери, ей лучше всего поступить такимъ образомъ: она, ея крестная мать, берется уговорить ея родственниковъ не пользоваться болѣе ея трудомъ даромъ. Если они заартачатся, она пригрозитъ имъ, что сама найдетъ для своей крестницы какое-нибудь подходящее платное мѣсто въ другомъ хозяйствѣ. Бралась матушка уломать ея родственниковъ и относительно того, чтобы они, кромѣ жалованья, взяли ей еще помощницу, — тогда у нея будетъ свободное время для обученія крестьянскихъ ребятъ, а также и для самообученія: она, ея крестная, берется снабжать ее книгами и журналами и объяснять ей все, чего она не пойметъ, а въ затруднительныхъ случаяхъ обѣ будутъ обращаться къ моимъ братьямъ. Въ года два Варя скопитъ немного деньжонокъ, посредствомъ чтенія подвинется впередъ въ своемъ умственномъ развитіи и можетъ отправиться въ Петербургъ: тогда она будетъ въ со-

стояніи слушать лекціи, которыя тамъ читаютъ, а можетъ быть, и найдетъ себѣ заработокъ.

Этотъ проектъ привелъ Варю въ восторгъ, и она опасалась только того, что онъ не осуществится. И дѣйствительно, въ другое время это было бы невозможно, но не то было тогда: помѣщики, напуганные крестьянскою реформою, а также предстоящими нововведеніями и разрывомъ молодежи съ родителями, о чемъ у насъ только и ходили слухи, со страхомъ ожидали для себя все еще чего-то болѣе худшаго. Родственники Вари, дорожа ею, какъ превосходной и честной хозяйкой, поняли, что матушка легко можетъ найти для нея платное мѣсто въ другой семьѣ, и на все согласились, конечно, предварительно изругавъ и молодую дѣвушку, и ея покровительницу.

IV.

Меня очень интересовали разсужденія моего брата съ крестьянами, когда они приходили къ нему для выясненія своихъ недоразумѣній. По первое время я мало что въ нихъ понимала. Хотя мѣстный говоръ крестьянъ я знала съ дѣтства и, по пріѣздѣ въ деревню, легко вспомнила его, но ихъ жалобы на помѣщиковъ, ихъ недоразумѣнія съ ними, о которыхъ они сообщали своему посреднику, мнѣ были мало доступны. Для того, чтобы это понимать, нужно было имѣть ясное представленіе о помѣщичьихъ земляхъ, о мірскихъ передѣлахъ, о разверстаніи земель, необходимо было знать и пункты положенія 19 февраля, возбуждавшіе противорѣчивое толкованіе даже среди людей опытныхъ. Къ тому же, крестьяне говорили всѣ сразу, начинали обыкновенно свое объясненіе съ посредникомъ такимъ гвалтомъ, что я иной разъ ничего не могла разобрать въ этомъ галдѣніи; какъ отъ него, такъ и отъ усиленнаго напряженія понять что нибудь у меня сильно разболѣвалась голова, и я кончала тѣмъ, что уходила къ себѣ, не дослушавъ до конца. Тѣмъ не менѣе, мой братъ сильно подсмѣивался надъ моею упорною настойчивостью понять ихъ новыя деревенскія дѣла и приписывалъ это «миссіи», возложенной на меня молодежью. Онъ совѣтовалъ мнѣ лучше почаще посѣщать избы и вести разговоры съ отдѣльными крестьянами. Я послѣдовала его совѣту.

Въ домашнемъ быту прежде знакомыхъ мнѣ крестьянъ я нашла ничтожную перемѣну: вмѣсто лучины, у большинства изъ нихъ избу вечеромъ освѣщала 15-ти-копѣечная керосиновая лампочка, прибавилось число людей, носившихъ сапоги, а также количество семействъ, у которыхъ были самовары. Тѣмъ и другимъ, однако, обзаводились крестьяне, которые, кромѣ сельскаго хозяйства, занимались и отхожими промыслами. Но особенно бросалось въ

глава то, что сами крестьяне глядѣли теперь менѣе забитыми, казались болѣе смѣлыми и самостоятельными; въ сношеніяхъ съ господами я замѣтила менѣе приниженности и угодливости. Правда, что и послѣ освобожденія нѣкоторые изъ нихъ подходили къ господской ручкѣ, за то въ ихъ привѣтствіи слышалось менѣе рабскихъ словъ, и вышла изъ употребленіи фраза, которую я такъ часто слышала въ дѣтствѣ въ ихъ разговорахъ со своими помѣщиками: «Вы—наши отцы-благодѣтели, а мы — ваши дѣти». Не мало явилось и такихъ, особенно среди парней, которые не только не подходили къ господской ручкѣ, но не снимали даже шапки, проходили мимо помѣщика и его супруги, язвительно-насмѣшливо поглядывая на нихъ, что крайне возмущало послѣднихъ и служило даже предметомъ множества жалобъ со стороны помѣщиковъ. Мировые посредники, чему я не разъ была свидѣтельницею, уговаривали крестьянъ не раздражать господъ такими пустяками, доказывая имъ, что тѣ даже изъ-за этого зачастую не будутъ соглашаться на ту или другую необходимую для нихъ уступку. Однако, нѣкоторые изъ парней не сдавались ни на какія увѣщанія. Но тѣ же крестьяне совсѣмъ иначе относились къ помѣщикамъ, съ которыми у нихъ не было ни дрязгъ, ни тяжбъ, ни непріятныхъ столкновеній. Нужно замѣтить, что въ то время явилось не мало такихъ дворянъ, преимущественно среди ихъ сыновей, которые начали держать себя чрезвычайно просто съ крестьянами, заходили къ нимъ въ избы поболтать, давали имъ совѣты, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, писали имъ письма, дѣловыя бумаги, а то и жалобы на помѣщиковъ. Болѣе консервативные изъ нихъ съ ненавистью смотрѣли на новое, молодое поколѣніе изъ своей среды; ихъ страшно злило даже то, что крестьяне подаютъ ихъ сыновьямъ руку, въ то время какъ мимо нихъ они демонстративно проходятъ съ шапкою на головѣ.

Руку подавали крестьяне преуморительно: подойдутъ съ протянутой рукой и сунутъ ее, какъ палку; при этомъ парни не могли понять, нужно или нѣтъ снимать шапку, когда подаешь руку.

— Какъ же это ты, Иванъ, руку мнѣ подаешь, а шапку не снимаешь?—спросилъ однажды докторъ крестьянина.

— А нешто вы снимаете шапку, когда встрѣчаете насъ? — смѣло отвѣчалъ ему тоже вопросомъ молодой крестьянинъ.

— Конечно, снимаю: прежде шапку сниму, а потомъ руку подаю.

— Ахъ ты, Господи, вотъ и примѣтливъ я, а въ этомъ маленько сплоховалъ! Такъ за то-жъ вы съ нами тыкаетесь (на ты), а мы съ вами выкаемся (на вы).

— Да я къ вамъ не обращаюсь на «вы», потому что вамъ тогда кажется, что я говорю со всѣми, а не съ однимъ.

Изба старика Кузьмы была отъ нашего дома верстахъ въ десяти. Крестьянинъ этотъ былъ крѣпостнымъ одного изъ наиболѣе

зажиточныхъ помѣщиковъ нашей мѣстности. Молодухи двухъ старшихъ сыновей старика приходили къ намъ иногда за лекарствомъ для своихъ дѣтей, а лѣтомъ нанимались къ намъ на поденщину; младшій же сынъ Кузьмы — Федька, еще не женатый парень лѣтъ 20-ти, былъ въ то время работникомъ у моего брата. Матушка совѣтовала мнѣ познакомиться съ ними и отзывалась объ этой семьѣ, какъ объ одной изъ наиболѣе честныхъ и порядочныхъ въ нашей мѣстности, а о Кузьмѣ говорила, какъ о человѣкѣ очень сообразительномъ, но крайне угрюмомъ, даже озлобленномъ.

Когда въ одинъ изъ воскресныхъ дней я вошла въ его избу, вся семья была на лицо: и старики-родители, и двое женатыхъ сыновей, Петрокъ и Тимофѣй, со своими женами и малолѣтними дѣтьми, и Федька, пришедшій къ родителямъ въ праздникъ «на побывку». Я застала всѣхъ членовъ семьи за самоваромъ; при этомъ на столѣ лежала связка баранокъ. Малышамъ давали по баранку и выгоняли на дворъ. Меня болѣе всего поразилъ обликъ и вся фигура старика Кузьмы. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ 60-тъ, сухой, какъ жердь, сутулый, съ лицомъ, на которомъ выдавались скулы, обтянутыя желтою кожей, совершенно лысый, но съ очень густыми сѣдыми бровями, торчавшими какими-то кустиками. Онъ сидѣлъ подъ образами, и глаза у него были опущены внизъ даже тогда, когда онъ говорилъ: онъ точно разговаривалъ самъ съ собою, а когда изрѣдка подымалъ голову, глаза его бѣгали, какъ у затравленнаго звѣря.

Передъ двумя изъ крестьянъ стоялъ чай въ стаканахъ безъ блюдечекъ, и передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ за столомъ лежало по крошечному кусочку сахару. Когда кто-нибудь допивалъ чай, хозяйка наливала слѣдующимъ, такъ какъ въ семьѣ было всего два-три стакана и оловянная кружка. Чаепитіе продолжалось долго и происходило только по праздникамъ, или когда въ домѣ былъ больной или гость. Лицо старухи-хозяйки напоминало высушенную черносливину: такъ оно было черно, изборождено морщинами, и въ немъ чуть-чуть выдавался только носъ. Я спросила ее, сколько у нея выходитъ чаю. Она начала пересчитывать по пальцамъ: на Покрова брали восьмушку, на Илью восьмушку, и т. д., я насчитала полфунта въ годъ, и удивилась ничтожному количеству чая, выпиваемаго при большой семьѣ, даже если его употребляютъ только въ праздники. Она отвѣчала мнѣ, что гораздо чаще, чѣмъ чай, семья пьетъ сушеную землянику или малину, а при болѣзняхъ— липовый цвѣтъ.

На мои разспросы о волѣ, Кузьма отвѣчалъ вопросомъ же:

— Кака така воля? Ты, барышня, изъ Питера, значитъ поближе насъ къ царю стоишь, вотъ ты и растолкуй намъ, какую намъ царь волю далъ. А мы, почитай, воли-то энтой и не видывали!

— Показаться-то воля показалась, — замѣтилъ его старшій

сынъ Петрокъ,—да мужикъ-то и разглядѣть не успѣлъ, какъ она скрозь землю провалилась.

— Царь-то волю далъ заправскую,—заговорилъ Федька:—читальщики о ту пору вычитывали намъ не то, что попы въ манихфестахъ. Наши-то попы да паны подлинный царскій манихфестъ скрыли, а замѣсто его другой подсунули, чтобы, значитъ, имъ получше, а намъ похуже.

— Вы говорите, Федоръ, просто что-то несуразное, — возражала я.

— А вотъ, барышня, я сейчасъ разскажу, какъ отъ насъ настоящую царскую волю прикрывали,—упрямо доказывалъ Федька. Дѣло-то было на глазахъ, какъ есть у всей деревни. О ту пору, верстъ за 40 отъ насъ, старичокъ проявился поштенный, толковый мужикъ, большой грамотѣй. Чтобы, значитъ, задарма не тащиться ему къ намъ, мы по двѣ гривны съ семьи ему положили, а кому не подъ силу, лошадь и человѣка должонъ былъ дать, чтобы послать за имъ. Въ нашей семьѣ бабы взялись пироговъ ему напечь, а сусѣди водки купить. Вотъ въ воскресный-то денекъ, чуть забрезжился свѣтъ, наша подвода за имъ и выѣхала, а подъ вечеръ его къ намъ и доставили. Старичокъ-то хорошій, какъ лунь сѣденькій... Ну, мы его въ одночасье въ красный уголъ посадили, вмѣстѣ съ имъ выпили, закусили, все честь-честью. Вечерокъ-то выдался погожій, мы и высыпали изъ избы, на заваленку старичка посадили, а кругомъ-то уся деревня вплотную кругомъ его сгрудилась, да и много чужихъ понашло. Старичокъ-то всталъ съ завалинки, перекрестился, на всѣ стороны низко поклонился, вынулъ бумагу изъ за пазухи, да и зачалъ: — Православные, гритъ,—ежели значитъ я облыжно хоть словечко прочту, горѣть мнѣ не сгорѣть въ аду кромѣшномъ. Когда становой...

— Упустилъ... не всѣ его словечки обсказалъ! — вдругъ выкрикнула одна изъ молодухъ.

— И то правда,—поправился парень и, видимо, началъ прилагать всѣ старанія, чтобы дословно передать все сказанное старикомъ:

— «Чтобъ, значитъ, языкъ мой въ аду перелизалъ всѣ сковороды раскаленныя, чтобы змій жаломъ своимъ ядовитымъ всю утробу мнѣ разворошилъ, чтобъ душенька моя христіанская не знала въ аду спокоя до скончанія вѣка. Православные христіане, сказываю вамъ по всей правдѣ, что бумага моя списана съ подлинной царскаго указа—манихфеста: важнѣющій енералъ провозилъ ее на поштовыхъ. Пока коней-то перепрягали, прилегъ онъ отдохнуть въ Ведеркахъ, что отъ вашего-то села безъ малаго верстахъ въ 200 буде, да и захрапѣлъ... Одинъ грамотный паренекъ указъ-манихфестъ скралъ, а я въ одночасье и списалъ съ него. Какъ бумагу-то списали, такъ енералу опять за пазуху сунули. Будьте безъ сумлѣнія, православные, списалъ отъ слова до слова.—

Ну и началъ онъ читать. Тутъ то всего я не упомню, а выходило такъ, что усадебная земля, панскія хоромы, скотный дворъ со всѣмъ скотомъ помѣщику стойдутъ, ну, а окромя эвтого,—усё наше: и хорошая, и дурная земля, и весь лѣсъ наши; наши и закрома съ зерномъ, вѣдь мы ихъ нашими горбами набили. А замѣсто эвтого, извольте радоваться, что вышло: отрѣзали такую земельку, что ежели въ ей хоча половина годной для посѣва, такъ ты еще Бога благодари.

На мой вопросъ, куда дѣвался старичокъ, Федька закончилъ такъ свой разсказъ:—Заночевалъ онъ у насъ, а утрешкомъ потащили его къ становому и въ телегѣ отправили въ городъ, а куда дѣвался оттудова, такъ и не слыхивали.

— Вѣстимо, кто намъ правду откроетъ, такъ того паны да попы упрячутъ туды, куды Макаръ телятъ не гоняетъ,—на разные лады повторяли молодухи и ихъ мужья.

— Если вы не вѣрите ни попамъ, ни панамъ, то вамъ объясняютъ манифестъ ваши мировые. Вы же довѣряете своимъ мировымъ, ну хотя бы моему брату? Неужели онъ вамъ врать будетъ?

— Врать-то не буде, не таковскій, только и его поднадули,—замѣтилъ Петрокъ.—Разѣ паны и попы его одобряютъ? Невелика ему честь отъ ихъ-то.

— Нашъ-то попъ этотъ самый манихфестъ и поддѣлалъ,—упрямо стоялъ на своемъ Федька.

— Да какая же выгода попу отъ этого?—допытывалась я.

Тогда со всѣхъ сторонъ и мужики, и бабы начали выкрикивать: «Нашъ то попъ—Иродъ заправскій!» — «Разѣ трудно его подкупить?»

— «На деньгу-то ёнъ зарится, какъ муха на медъ... Съ живого и мертваго по сю пору деретъ!»—«Ежели что ему поперечишь, али въ чемъ отказъ дашь, такъ ужъ ёнъ и на тебѣ, и на бабѣ твоей, и на ребятахъ твоихъ усё выместитъ!»

Жена Петрока, расхаживая по избѣ, укачивала плакавшаго ребенка; она подошла ко мнѣ вплотную и быстро заговорила: «Ты послухай, барышнечка: лѣтось ёнъ, значитъ, попъ нашъ, звалъ къ себѣ Петрока—мужа мойво, чтобъ на помочь къ нему навозъ вывозить, а меня гряды окапывать, а Петрокъ-то и скажи: — Я, батька, приду, и женку приведу, коли ты самъ съ сынами къ намъ на косовицу придешь... Такъ ёнъ-то, попъ, мойму ребенку ротъ причастной ложкой разодралъ, а сусѣдка отказала ему сѣно грести, такъ ёнъ ейному мальченку такое имячко при крещеніи далъ, что усё село его досель просмѣиваетъ.

— Да развѣ возможно причастной ложкой ротъ разорвать?

— И, милая,—сразу затароторили, подходя ко мнѣ, обѣ молодухи.—Нашихъ-то дѣловъ ты знать не знаешь, вѣдать не вѣдаешь, вотъ и дивишься, а ты погляди: отъ струпьевъ и таперетка пятны остались.

— А я постомъ-то къ исповѣди пришла,—перебила ее другая молодуха, такъ ёнъ перво-на-перво какъ гаркнетъ:—«А пятакъ принесла?»—«Нѣту-ти, грю, батюшка, откелева же я тебѣ его возьму?»—«Денегъ нѣтъ, а грѣхи принесла? Неси, гритъ, моей попадьѣ гарнецъ овса, тогда и грѣхи ко мнѣ приноси».—«Какъ-же батюшка, грю, гарнецъ овса подороже пятака! Почто же ты съ меня дороже, чѣмъ съ другихъ хочешь?» Такъ и прогналъ отъ исповѣди, такъ и не исповѣдывалась цѣльный годъ!

— По крайней мѣрѣ, помѣщики не могутъ васъ теперь истязать, какъ прежде, бить, надругаться надъ вами!..—старалась я указывать имъ на выгодныя стороны новой реформы.

— Какъ было допрежъ, такъ осталось и нонѣ: и скулы выворачиваютъ, и зубы пересчитываютъ...—утверждалъ старикъ Кузьма, не подымая глазъ отъ стола.

— Но этого никто не имѣетъ права съ вами дѣлать! Вы можете жаловаться мировому. .

— Какъ жалобиться-то на пана? — возражалъ Петрокъ. По нашимъ мѣстамъ заработковъ, почитай, никакихъ нѣтути: чугунка далече, фабрика одна-одинешенька, да и та не близко, и народу въ ней завсегда болѣ, чѣмъ надоть. И не всякому сподручно хозяйство бросить... Вотъ и приходится путаться кругомъ свойво же пана: у его мужикъ наймается на косовицу, мосты чинить, лѣсъ рубить, бабы на жнитво, да на огороды... Паны куда лютѣй стали супротивъ прежняго! Ежели ты таперича у пана робишь, ёнъ ткнулъ тебя куда да какъ попало, либо палкой съ мѣдной головой, либо ногой, ажно духъ займется!.. А ему што? Допрежъ иной разбиралъ: ежели, значитъ, искалѣчитъ, загубитъ человѣка, ему изъянъ, а нонѣ хошь ты пропадомъ пропади! А пожалобился на его, къ примѣру сказать, хоча своему посредственнику, и не найдешь ты работы во всей округѣ, кажинный панъ буде тебя со двора, какъ собаку гнать, али потравами затравитъ, а ежели баба по грибы али за ягодами въ лѣсъ пошла, да онъ встрѣлся,—въ дрызгъ изобьетъ.

— Паны сказываютъ намъ: таперича земля у васъ своя, насъ изъ-за васъ разорили! А посмотрѣли-бъ, какіе доходы мы съ земли получаемъ! Да ежели ты и негодную полосу получилъ, такъ ты и эту землицу, мужичекъ миленькій, не токмо потомъ и кровью ороси, а безъ малаго полста лѣтъ выкупай, — съ горечью промолвилъ Тимофѣй, второй сынъ хозяина.

— Мужику, — заговорилъ старикъ Кузьма, — здѣсь, значитъ, на землѣ, николи не было управы и во вѣкъ не буде... Можетъ, на томъ свѣтѣ Богъ мужика съ паномъ разсудитъ! Какъ допрежъ кажинную копѣйку, добытую хребтомъ да потомъ, отбирали, такъ и нонѣ тянутъ съ тебя и на оброки, и за недоимки, и за выплату. Какъ допрежъ пороли до крови, и таперича тебѣ таковская же честь, а ежели народъ не стерпитъ, забуянитъ, подымется уся

деревня, такъ и таперича нагрянетъ военная команда, кого пристрѣлитъ, кого окалѣчитъ, кого какъ липку обдеретъ, али такой срамотиной опорочитъ, что лучше-бъ твои глазыньки на свѣтъ не глядѣли!.. И весь свой вѣкъ проходишь ты, какъ оплеванный.

Я была потрясена этимъ разсказомъ. Я не умѣла еще понять тогда, что даже такая грандіозная реформа, какъ крестьянская, не могла уничтожить всей неправды, вытравить всего ужаса безправія и произвола, вѣками въѣдавшихся въ нашу жизнь, не понимала и того, что, какъ бы зло нашей жизни ни было еще велико, но освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, несмотря на всѣ его дефекты, все же имѣло громаднѣйшее значеніе для всѣхъ классовъ русскаго общества и уже направило его на путь обновленія. Только что слышанное такъ угнетало, такъ удручало меня, такъ подрѣзало крылья моихъ дѣтскихъ надеждъ и упованій, что я тутъ же порѣшила двѣ вещи: обо всемъ немедленнно написать въ Петербургъ моимъ новымъ юнымъ друзьямъ и болѣе никогда не произносить фразы, которую такъ недавно еще я любила повторять:—«теперь, когда цѣпи рабства пали!..»

Е. Водовозова.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Разсказъ *Рудольфа Герцога.*

Пер. Э. К. Пименовой.

Весь городокъ пришелъ въ волненіе...

У воротъ постоялаго двора этого маленькаго мѣстечка, затерявшагося среди лѣсовъ, на разстояніи часа пути отъ желѣзной дороги, стояла коляска, въ которой пріѣхалъ со станціи какой то чужестранецъ. Дорожный сундукъ, обитый мѣдью, и большой саквояжъ изъ желтой пахучей кожи были уже внесены въ домъ.

Дѣти, какъ всегда, очутились на мѣстѣ первыми и теперь торопились разсказать объ этомъ взрослымъ, которые также спѣшили къ постоялому двору. Каждый изъ ребятъ непремѣнно хотѣлъ доказать, что онъ раньше другихъ увидѣлъ пріѣзжаго. Они перебивали другъ друга, и дѣло дошло до настоящей потасовки.

— Это что такое?—раздался вдругъ сердитый голосъ.— Чего вы тутъ горланите? Смирно!

— Господинъ учитель!..

— Я, господинъ учитель!..

Они бросились къ нему въ безпорядкѣ, отталкивая другъ друга, растрепанные, въ истерзанной одеждѣ, стараясь говорить наперерывъ и бросая другъ на друга гнѣвные взгляды.

— Молчать!—крикнулъ учитель. — Пусть говоритъ кто нибудь одинъ!.. Генрихъ Ламперцъ, вытри носъ и разсказывай, ну!..

Мальчикъ, пристыженный, вытеръ носъ. Его товарищи, другіе школьники и школьницы, вытолкнули его впередъ. Въ эту минуту подоспѣли взрослые, заинтересованные происшедшимъ.

— Ну, что-жъ?..

— Проѣхала... проѣхала .. коляска...—проговорилъ мальчикъ, запинаясь.

— Коляска?—повторилъ учитель и потомъ вдругъ крикнулъ:—Ты думаешь, что мы еще не проспались, дурачокъ? Ступай на мѣсто, а то я тебѣ задамъ! Иди ты сюда, Билла, и разскажи въ чемъ дѣло, мое дитя.

Билла, маленькая дѣвочка, дочь портного, выскочила впередъ, быстро облизнула свои губки краснымъ язычкомъ и затараторила:

— Въ коляскѣ сидѣлъ человѣкъ... нѣтъ, не человѣкъ, а господинъ! На головѣ у него была красивая мягкая шляпа... На немъ было красивое пальто съ мѣхомъ... И у него были красивые бѣлокурые усы... А на ногахъ были такіе блестящіе сапоги, что въ нихъ можно было смотрѣться, какъ въ зеркало... Когда онъ увидѣлъ насъ, то сказалъ намъ: „Godden Dag"...

— Какъ? Онъ сказалъ: „Godden Dag"? Значитъ, это не былъ господинъ, а кто-нибудь изъ здѣшнихъ!

Слушавшіе этотъ разговоръ жители мѣстечка съ удивленіемъ посмотрѣли на школьнаго учителя.

— Но вѣдь у него пальто на мѣху,—замѣтилъ какой-то ремесленникъ.—Здѣсь ни у кого нѣтъ такого пальто.

— Даже у бургомистра, у великаго Могола!—сказалъ кто-то.

— Я слышалъ вчера въ уѣздномъ городѣ, что нынче никто не заявилъ желанія арендовать наши общественныя земли для охоты, потому что...

— Посмотримъ! Если только тутъ не скрывается крупное мошенничество!..

— ... Потому... потому, что самъ господинъ бургомистръ отсовѣтовалъ это всѣмъ охотникамъ! По его словамъ, во всемъ округѣ нѣтъ никакой дичи, а вся община состоитъ лишь изъ неотесаннаго мужичья...

— Ага! Господинъ бургомистръ, значитъ, изъ простого чувства милосердія самъ взялъ эти земли въ аренду за... за бутербродъ!

— Эдакая подлость! Надо поднять вопросъ объ этомъ...

— Надо пожаловаться ландрату!

— Если тамъ не дѣйствуютъ съ нимъ заодно!..

Учитель вынулъ часы и посмотрѣлъ на нихъ.

— Какъ разъ время для вечерней кружки пива!—сказалъ онъ.

Коляска отъѣхала отъ постоялаго двора. Послѣдній чемоданъ былъ внесенъ въ домъ. Кучеръ прогналъ бичомъ шумливыхъ ребятишекъ, облѣпившихъ коляску, и быстро покатилъ по улицѣ. Кто-то изъ стоявшихъ потянулъ воздухъ носомъ и проговорилъ:

— Похоже на весну... хотя еще только конецъ февраля. Быть можетъ, дѣйствительно сюда пріѣхалъ кто-нибудь!..

Всѣ послѣдовали его примѣру и также, понюхавъ воздухъ, объявили, что онъ правъ.

— Старый Флендерсъ знаетъ свое дѣло. Не даромъ онъ расширилъ и отдѣлалъ заново свою гостинницу! Онъ хочетъ устроить здѣсь курортъ, и это привлечетъ въ нашъ городокъ много денегъ. Молодчина! Пойдемъ, значитъ, къ Флендерсу!..

И одинъ за другимъ, они отправились въ гостинницу „Золотого Льва“.

Булочникъ, мясникъ и колоніальный торговецъ робко переглянулись другъ съ другомъ. Они чувствовали нѣкоторыя обязательства по отношенію къ своимъ кліентамъ и, поэтому, сначала посмотрѣли на улицу, а потомъ уже пошли вслѣдъ за другими въ гостинницу, гдѣ велѣли кельнершѣ подать себѣ кружку дешеваго пива.

Хозяина въ комнатѣ не было.

— Эй, Бабетта, куда дѣвался старикъ?—спросили кельнершу.

Она лукаво усмѣхнулась и показала глазами наверхъ, гдѣ находились комнаты для пріѣзжающихъ, прибавивъ:

— Нельзя сказать!..

Всѣ тоже взглянули наверхъ, испытывая жгучее любопытство...

* * *

Сундукъ и остальныя вещи пріѣзжаго были внесены въ лучшую и самую просторную комнату наверху. Дворникъ устлалъ ковромъ лѣстницу. Старый Флендерсъ съ подобострастной улыбкой послюнилъ кончикъ карандаша и приготовился записать имя и званіе своего гостя.

Пріѣзжій посмотрѣлъ на него своими свѣтлыми блестящими глазами.

— Меня зовутъ Конрадъ Флендерсъ,—сказалъ онъ серьезно.

Старикъ, согнувшійся надъ книгой для пріѣзжающихъ, вдругъ выпрямился.

— Какъ вы сказали?—спросилъ онъ.

— Конрадъ Флендерсъ, сынъ хозяина этой гостинницы, Іосифа Флендерса... Ну, положи же на мѣсто карандашъ, отецъ, и протяни мнѣ руки!

— Ты... Ты?..

— Да, я, отецъ... послѣ пятнадцати лѣтъ!

Онъ схватилъ обѣими руками правую руку старика и крѣпко потрясъ ее: „Ты все еще не узнаешь меня, отецъ?..“

Старикъ какъ-то бокомъ посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ... узнаю. Я вижу—это ты, Конрадъ!..

Потомъ, вдругъ, взглянувъ прямо въ лицо сыну,—спросилъ:

— Что тебя привело сюда? Счастье начало измѣнять тебѣ?..

— О, нѣтъ, отецъ! Все идетъ хорошо и будетъ идти еще лучше!..

Старикъ глубоко вздохнулъ.

— А я подумалъ уже, что ты пріѣхалъ взять себѣ „Золотого Льва"...

Конрадъ весело и звонко расхохотался:

— Гостинницу?.. Нѣтъ, отецъ! Вѣдь она же принадлежитъ тебѣ?

— Въ прошломъ году она была перестроена на твои деньги.

— Мнѣ все равно. Я далъ тебѣ эти деньги безъ процентовъ и въ пожизненное владѣніе.

— Но у меня нѣтъ на это никакихъ юридическихъ доказательствъ.

Сынъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ взглянулъ на отца.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Поѣдемъ завтра въ уѣздный городъ, къ нотаріусу, если это можетъ успокоить тебя. А теперь поздоровайся же со мной!..

— Хорошо, поѣдемъ завтра... Здравствуй же, Конрадъ! Ты выглядишь недурно!

— Нѣтъ причинъ выглядѣть иначе, отецъ. Жаловаться мнѣ не на что,—весело отвѣчалъ молодой человѣкъ и снова энергично потрясъ руку отца.

— Ты зарабатываешь, значитъ, кучу денегъ своей музыкой? Вотъ ужъ никогда бы не думалъ этого!

— Но ты не сердишься на это?

— Сердиться? Деньги всегда деньги. Главное—самому зарабатывать ихъ, а не черезъ другихъ. Поэтому-то, въ моихъ глазахъ, музыка твоя—второстепенное дѣло. На первомъ планѣ у меня...

— Гостинница „Льва"!—перебилъ его, смѣясь, Конрадъ и отвѣсилъ ему шутливый поклонъ.

Но старый Флендерсъ не понялъ ироніи и, окинувъ испытующимъ взоромъ вещи сына, спросилъ его какъ бы вскользь:

— Ты пріѣхалъ только на нѣсколько дней?

— Я бы хотѣлъ пробыть здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Я нуждаюсь въ спокойствіи для моей новой работы. Притомъже, и тоска по родинѣ немного даетъ себя чувствовать... Вѣдь прошло пятнадцать лѣтъ!.. Или, можетъ быть, уже

всѣ комнаты въ „Золотомъ Львѣ" заранѣе удержаны, въ виду предстоящаго наплыва весеннихъ и лѣтнихъ гостей?..

Старикъ провелъ рукой по своему небритому подбородку.

— Если ты полагаешь, что можешь смѣяться надъ этимъ, то, значитъ, ты ничего не понимаешь! Ужъ конечно, старый Флендерсъ выстроилъ свою гостинницу не для воробьевъ и мышей! Наше мѣстечко будетъ курортомъ, и гости будутъ слетаться сюда, какъ мухи лѣтомъ. Можешь въ этомъ отношеніи положиться на своего отца!

— Ну, ну!—успокоилъ его сынъ.—До тѣхъ поръ я буду уже далеко, и комната будетъ свободна.

— Можетъ быть, ты согласишься занять комнату этажемъ выше?

— Господинъ хозяинъ, я удерживаю за собой эту комнату, если бы даже за нее мнѣ надо было платить въ день по золотому...

— Такъ, такъ... ты бы заплатилъ? Ты не хочешь ничего принимать даромъ? Ну, что-жъ, если твоя гордость не позволяетъ тебѣ, то я согласенъ.

— Нѣтъ, моя гордость не позволяетъ мнѣ...

Какая-то тѣнь легла на лицѣ молодого человѣка, но она тотчасъ же разсѣялась, когда онъ повернулся къ окну и увидѣлъ освѣщенные закатомъ лѣсъ и луга и вдали рѣку.

Старикъ не мѣшалъ ему. Онъ, видимо, о чемъ-то раздумывалъ и немного прищурилъ глаза. Наконецъ, сынъ подошелъ къ нему.

— А все-таки хорошо дома, отецъ!—воскликнулъ онъ.— Чудно хорошо!..

— Ты сдѣлался тамъ, на чужбинѣ, знаменитымъ человѣкомъ, Конрадъ? Когда ты бѣжалъ изъ дому, пятнадцать лѣтъ тому назадъ и потребовалъ свое материнское наслѣдство, вложенное въ эту гостинницу, то я думалъ, что сдѣлаюсь банкротомъ...

— Это было не совсѣмъ такъ, отецъ. Мое образованіе стоило денегъ, и надо же было жить какъ-нибудь, хотя и очень скромно! Но, такъ какъ ты наотрѣзъ отказался поддержать меня...

— Зачѣмъ тебѣ была нужна консерваторія? Поддержать гостинницу было важнѣе...

— А все таки, вѣдь это консерваторія причиной тому, что теперь „Золотой Левъ" заново отдѣланъ и расширенъ!—замѣтилъ, улыбаясь, Конрадъ.—Я съ удовольствіемъ посылалъ тебѣ деньги, какъ только ты попросилъ меня объ этомъ, и меня это нисколько не стѣснило.

— Ты, значитъ, очень знаменитъ? Я уже спрашивалъ тебя объ этомъ!

— Если тебя это можетъ порадовать, отецъ, то я скажу тебѣ: да, имя Конрада Флендерса извѣстно всему міру.

— Такъ, такъ... значитъ, твое имя должно имѣть притягательную силу. Вѣдь всегда находятся такіе дураки, которые бѣгаютъ за знаменитостями. Ну, вотъ, пойдемъ туда внизъ, въ залу. Учитель, навѣрное, будетъ тамъ. Съ нимъ ты долженъ постараться быть въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ часто пишетъ большія статьи въ газетѣ.

— Боже храни меня! И здѣсь то же самое?.. Но вѣдь я же пріѣхалъ сюда инкогнито!..

— Глупости! Въ „Золотомъ Львѣ"... инкогнито? Ну, пойдемъ же внизъ!..

Торжественная тишина воцарилась въ большой просторной комнатѣ, когда туда вошелъ старый Флендерсъ со своимъ гостемъ. Сидящіе за кружками пива уставили глаза въ полъ или въ потолокъ. Учитель поспѣшно схватилъ газету, дѣлая видъ, что читаетъ ее, но на самомъ дѣлѣ онъ поглядывалъ изъ-за нея на гостя. Всѣ старались сдѣлать видъ, будто знатные чужестранцы вовсе не составляютъ рѣдкости въ здѣшнихъ мѣстахъ, и въ то же время всѣ таили въ душѣ надежду въ скоромъ времени завязать знакомство съ пріѣзжимъ.

— Добрый вечеръ,—сказалъ Конрадъ.

— Добрый вечеръ,—отвѣчали ему.

— Вы позволите мнѣ присѣсть къ вамъ?

— Пожалуйста! Пожалуйста!..

Всѣ задвигали стульями. Конрадъ выбралъ для себя мѣсто между учителемъ и колоніальнымъ торговцемъ. И снова наступила тишина. Всѣ уставили взоры въ полъ или потолокъ, а учитель, сжавъ губы, посматривалъ изъ-за газеты. Очевидно всѣ ждали, чтобы пріѣзжій представился имъ.

— Бутылку рюдесгеймера!—приказалъ Конрадъ.—Но прежде дайте кружку здѣшняго вина, чтобы утолить жажду...

Учитель откашлялся и проговорилъ:

— Извините, меня, милостивый государь, но здѣшнее вино предназначается не только для утоленія жажды...

— Не только? Значитъ, также и для торжественныхъ случаевъ? Ну, что-жъ, вы видите, что я прежде всего этимъ виномъ приношу жертву домашнимъ богамъ, г. учитель!..

— Извините, милостивый государь, но я не хорошо разслышалъ... не знаю вашего имени...

— Но, господинъ учитель! Съ какимъ усердіемъ вы когда-то вколачивали въ меня азбуку, а теперь вамъ самимъ не хватаетъ нѣсколькихъ буквъ?

Учитель сбросилъ очки и, поднявъ голову, взглянулъ

на говорившаго. И вдругъ онъ схватилъ его за плечи и потрясъ.

— Конрадъ!.. Это ты... Конечно! Добро пожаловать, мой сынъ, добро пожаловать! Ты—украшеніе нашего города, украшеніе искусства и всего человѣчества!..

— Вижу, что вы дѣйствительно обрадовались мнѣ!..

— Еще бы! Что-жъ ты думаешь, что я совсѣмъ погрязъ здѣсь? Оттого, что тридцать лѣтъ сижу въ этомъ захолустномъ мѣстечкѣ? И ты удивляешься, что я отъ всего сердца радуюсь возможности поговорить, наконецъ, съ разумнымъ человѣкомъ, поговорить съ нимъ обо всемъ, къ чему я съ юности чувствовалъ влеченіе: объ искусствѣ, литературѣ, музыкѣ!.. Конрадъ... Нѣтъ! Если я и осмѣливаюсь говорить тебѣ „ты" по прежнему, то все же я долженъ называть тебя „маэстро"!..

— Ваше здоровье, господинъ учитель! Вы согрѣли мою душу.

— Будь здоровъ! И добро пожаловать на родину!

Всѣ сидящіе за столомъ пришли въ волненіе. Всѣ увѣряли, что они тотчасъ же узнали Конрада Флендерса, но только не рѣшались показать это, не зная, какъ отнесется Конрадъ, ставшій знаменитымъ и богатымъ, къ старымъ знакомымъ и допуститъ ли прежнее фамильярное обращеніе съ собой?

— Нѣтъ, онъ вовсе не гордецъ, Конрадъ!—сказалъ колоніальный торговецъ.—Онъ, вѣдь, знаетъ, куда онъ пріѣхалъ! Онъ помнитъ, конечно, какъ я не разъ совалъ ему въ ротъ леденецъ, когда онъ былъ мальчишкой! Поэтому я и считаю себя вправѣ говорить ему „ты".

— Дружище, Конрадъ! Еслибъ ты заглянулъ къ намъ въ мясную лавку!—Мясникъ ударилъ себя въ грудь.—У меня теперь есть машина для выдѣлки колбасъ... съ паровымъ двигателемъ! Говорю тебѣ только одно: съ паровымъ двигателемъ!.. Приходи завтра и осмотри все!..

— Сегодня же ночью я спеку для тебя крендель!—воскликнулъ булочникъ.—И всѣ стали тѣсниться къ Конраду со своими стаканами, чокаться съ нимъ и говорить разныя прибаутки, причемъ каждый вспоминалъ что-нибудь о немъ и этихъ воспоминаній было такъ много, что, пожалуй, хватило бы на цѣлую человѣческую жизнь. А Конрадъ былъ молодъ и смѣялся, съ удивленіемъ слушая эти разсказы о себѣ, о томъ, что онъ продѣлывалъ когда-то, хотя, въ сущности, этого никогда не было. Каждый изъ его согражданъ непремѣнно хотѣлъ въ эту минуту похвастаться тѣмъ, что онъ сохранилъ воспоминаніе о немъ вплоть до сегодняшняго дня, точно предвидя въ немъ будущее свѣтило.

Зала наполнялась людьми. Слухъ о пріѣздѣ Конрада быстро распространился по всему городу, и почти въ каждомъ домѣ хозяинъ требовалъ, чтобы ужинъ былъ поданъ раньше, чтобы тотчасъ же послѣ ужина отправиться въ „Золотого Льва". Старый Флендерсъ и кельнерши совсѣмъ съ ногъ сбились въ этотъ вечеръ. Даже позвали на помощь дворника, и онъ долженъ былъ разносить бутылки и стаканы. Въ этотъ день спрашивали болѣе дорогія вина, точно въ большой праздникъ!

— Эй, дружище!—слышались возгласы.—Вѣдь обыкновенное вино мы можемъ пить всегда, а Конрадъ пріѣзжаетъ сюда не каждый день!..

Конрадъ долженъ былъ разсказывать и отвѣчать на сотни вопросовъ. Каждый непремѣнно хотѣлъ говорить съ Конрадомъ. Къ нему обращались съ разными глупостями, всѣ подзывали его къ своему столу, и все это имѣло только одну цѣль: показать другимъ свою близость съ Конрадомъ.

— Да, да, это такъ и называется! Оперой это называютъ!.. Слушай, Конрадъ, то, что ты пишешь, называется операми?..

— Разумѣется, это пишутъ нотами и музыка это играетъ. Слушай, Конрадъ, ты пишешь ноты?..

— Во всѣхъ странахъ, гдѣ есть театры, играютъ оперы Конрада. Слушай, Конрадъ, твои оперы играютъ также и у французовъ, въ Парижѣ?

— Можетъ быть, Конрадъ обѣдалъ съ принцами?.. Можетъ быть, и папа приглашалъ его къ себѣ?..

— Скажи-ка, Конрадъ, гдѣ тебѣ лучше понравилось, у императора или у папы?

— Здѣсь мнѣ больше всего нравится!—воскликнулъ Конрадъ и вызвалъ этимъ такое ликованіе, какъ будто маленькое мѣстечко вдругъ было объявлено столицей!

— Слышали вы? Конрадъ! Онъ знаетъ, гдѣ хорошо и какое будущее ожидаетъ наше мѣстечко!..

— Конрадъ Флендерсъ!.. Нашъ Конрадъ Флендерсъ!.. Да здравствуетъ Конрадъ!.. Ура!..

— Ура!.. Ура!..

Кто-то затянулъ патріотическую пѣсню. Остальные подхватили ее, и скоро вся зала запѣла хоромъ...

Послѣдніе гости ушли только на разсвѣтѣ. За нѣкоторыми пришли жены и увели ихъ домой...

Конрадъ Флендерсъ проснулся послѣ неспокойнаго сна. Онъ открылъ глаза, и взоры его блуждали по незнакомой комнатѣ. Наконецъ, онъ вспомнилъ. Ахъ да, вѣдь онъ былъ на родинѣ! И родина вчера чествовала его. Кто это сказалъ, что никто пророкомъ не бываетъ въ своемъ отечествѣ?

Правда, немного шумно было вчера. Но здѣшніе люди по своему выражаютъ свою радость. Впрочемъ, это все же было довольно оригинально. Но теперь все кончилось, и можно приниматься за работу...

Конрадъ бѣжалъ отъ столичной сутолоки въ свою тихую, затерявшуюся въ глуши родину. Страстное желаніе увидѣть тѣ мѣста, гдѣ онъ провелъ дѣтство и юность, овладѣло имъ. Онъ еще не успѣлъ повидать ихъ, но сегодня же сдѣлаетъ это и пойдетъ туда, въ лѣса!

Ледяная вода освѣжила его. Онъ надѣлъ свѣжее бѣлье и платье и настежъ растворилъ окна. Передъ нимъ, какъ на ладони, лежало мѣстечко, пустынное и сонное, но солнце уже заливало все своими золотыми лучами, и часы показывали девять.

Конрадъ большими прыжками сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Завтракать!—крикнулъ онъ, войдя въ столовую. Но когда кельнерша вздумала фамильярно подсѣсть къ нему, онъ сухо сказалъ ей:

— Позаботьтесь о томъ, чтобы все, какъ слѣдуетъ, было выложено изъ моихъ сундуковъ и убрано въ шкафы.

Отецъ еще спалъ. Скорѣе туда, на чистый воздухъ, въ лѣсъ!..

Дорога черезъ лѣсъ шла въ гору. Въ воздухѣ уже чувствовалось вѣяніе весны, и кое-гдѣ на вѣтвяхъ ивы мѣстами замѣтны были молодыя почки и сережки.

Наконецъ, лѣсъ началъ рѣдѣть, и Конрадъ увидѣлъ передъ собой поросшую травой верхушку горы.

Это было его любимое мѣсто въ дѣтствѣ. Конрадъ быстро, чуть не бѣгомъ, взобрался туда. Пятнадцать лѣтъ ждалъ онъ этой минуты! Онъ хотѣлъ громко крикнуть отъ радости, привѣтствовать родину, но остановился и стоялъ тихо, тихо...

Родина... страна его дѣтства, юности!..

Вотъ она передъ нимъ, безъ всякихъ перемѣнъ, такая какъ была, и ему кажется, что въ ней заключаются всѣ сокровища міра.

Онъ сталъ старше на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, и теперь ему тридцать шесть лѣтъ. Да, онъ состарился, но то, что онъ видѣлъ вокругъ себя, осталось такимъ же, какъ было тогда. Его дѣтство и юность смотрѣли на него тутъ изъ-за каждаго куста. Ничто не измѣнилось вокругъ него. Тутъ была его родина. Здѣсь онъ рѣзвился на лугу, бродилъ по лѣсу, шумѣлъ на улицахъ мѣстечка, тайкомъ пробирался въ уѣздный городъ, средневѣковыя церкви и башни котораго виднѣлись тамъ въ долинѣ,—или лежалъ на берегу потока, глубоко задумавшись надъ вопросами будущаго.

Мысли тѣснились въ его головѣ и настойчиво искали выхода, точно волны рѣки, бѣгущія къ океану...

Онъ смотрѣлъ и думалъ:

— Какъ я люблю тебя, какъ люблю!.. Я люблю тебя, какъ музыку, которая еще не вылилась въ звукахъ, но, никому не слышная, живетъ въ моей душѣ!..

Онъ пролежалъ на полянкѣ до полудня. Солнце согрѣвало его своими лучами, и глаза точно впитывали въ себя окружающую природу. Когда прозвонилъ полдневный колоколъ, онъ медленно всталъ и потянулся. Руки его прикоснулись къ вѣтвямъ деревьевъ.

Тихо спускался онъ по тропинкѣ. На опушкѣ лѣса, у самаго городка, ему повстрѣчалась какая-то молодая женщина. Она шла быстро, не поднимая головы и прижимая къ себѣ темную ивовую корзинку, которую держала въ рукахъ. Когда она углубилась въ лѣсъ, онъ крикнулъ ей вслѣдъ:

— Здравствуйте! — Но въ отвѣтъ послышалось только хрустѣніе вѣтокъ.

— Вѣдь это была Фридель?—проговорилъ онъ громко.— Да, Фридель, я въ этомъ увѣренъ!

Онъ задумчиво продолжалъ свой путь въ освѣщенный солнцемъ городокъ, который точно купался въ золотомъ туманѣ.

— Выспался, отецъ?

— Я ждалъ тебя съ обѣдомъ...

— Чудный день сегодня!

— Чудный вечеръ былъ вчера! Сказать ли тебѣ, сколько у меня было въ кассѣ? А сегодня вечеромъ явятся всѣ ферейны. Будетъ большое собраніе бюргеровъ по вопросу о превращеніи нашего городка въ климатическій курортъ. Ну, ты можешь имъ что-нибудь поразсказать тутъ!

— Я?.. Неужели ты серьезно думаешь, что я опять... сегодня?..

— Ты не долженъ мѣшать мнѣ въ дѣлахъ. Я самъ знаю, что приноситъ пользу „Золотому Льву".

Конрадъ весело посмотрѣлъ на него, но потомъ заговорилъ о другомъ.

— Мнѣ казалось, что я видѣлъ сегодня Фридель въ лѣсу,—сказалъ онъ.—Что съ нею сталось, отецъ?

— Что сталось? Вышла замужъ. По крайней мѣрѣ, лѣтъ шесть тому назадъ. Пока жилъ ея отецъ и получалъ свою капитанскую пенсію, она держала себя гордо и неприступно. Но когда старикъ умеръ, ничего не оставивъ ей, то она согласилась выйти замужъ даже за бургомистра!

— Даже за бургомистра? Развѣ онъ не считался здѣсь лучшей партіей?..

— Онъ-то? Да его никогда не бываетъ дома, ни днемъ, ни ночью! Онъ все время проводитъ на охотѣ и въ охотничьемъ домикѣ. О дѣлахъ онъ совсѣмъ не заботится и лишь настолько занимается ими, чтобы доставлять намъ непріятности своими полицейскими мѣрами. Онъ боится всякаго прогресса, всякаго развитія нашего мѣстечка, опасаясь тогда остаться за штатомъ. Секретарь дѣлаетъ за него всю работу... Но сегодня вечеромъ мы покажемъ господину бургомистру, что отлично можемъ обходиться безъ него и даже можемъ дѣйствовать противъ его желанія.

— Но Фридель... Хорошо ли ей живется, по крайней мѣрѣ, съ такимъ мужемъ?..

— Какъ постелешь, такъ и будешь спать! Когда она была дѣвицей, то всегда держала себя недотрогой и гордилась своимъ воспитаніемъ и прекрасными манерами. А теперь, какъ жена бургомистра, она должна носить ему ѣду въ охотничій домикъ, на верху!

— Фридель!..—проговорилъ Конрадъ послѣ небольшой паузы. Онъ старался возстановить въ своей памяти образъ этой подруги своего дѣтства и товарища своихъ игръ, такой нѣжный и кроткій...—Жаль ее!

Вечеромъ Конрадъ сидѣлъ въ своей комнатѣ. Лампа горѣла, и передъ нимъ на столѣ лежали чистые листы нотной бумаги. Онъ рѣшилъ завтра начать работать. Въ душѣ его давно уже звучала мелодія, которую онъ хотѣлъ выразить въ нотахъ. Даже ночью, во снѣ, онъ прислушивался къ ней, пока, наконецъ, у него не явилась страстная жажда творчества. Онъ смотрѣлъ на чистые, не исписанные листы бумаги и, какъ всегда передъ началомъ новаго творенія, его охватило странное, неопредѣленное чувство, похожее на робость, но въ сущности представляющее лишь священный трепетъ и глубокое благоговѣніе передъ искусствомъ.

— На этотъ разъ мнѣ поможетъ родина! —сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Все пойдетъ хорошо!

Онъ всталъ и подошелъ къ старому піанино, которое было его материнскимъ наслѣдствомъ. Онъ велѣлъ перенести его въ свою комнату. Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ. Какой нѣжный тонъ сохранился у этого стараго инструмента! Въ струнахъ его, какъ будто, звучали мечты прежнихъ, давнихъ временъ. Не были ли это его собственныя мечты, которыя онъ воспроизводилъ въ звукахъ, когда, юношей, фантазировалъ на этомъ инструментѣ въ отсутствіи отца? Тѣ самыя, которыя онъ повѣрялъ маленькой Фридель, до-

чери отставного капитана, когда они сидѣли въ лѣсу или на полянѣ? Фридель была шестью годами моложе его, но она была единственной, понимавшей возвышенные порывы его души, среди шумной и глупо хихикающей толпы школьниковъ и товарищей его игръ.

И вотъ теперь эта самая Фридель, жена бургомистра, носитъ своему мужу обѣдъ въ охотничій домикъ, въ лѣсу!

Конрадъ ударилъ по клавишамъ и ближе придвинулъ стулъ къ инструменту.

— Дѣвичьи идеалы! Всегда одно и то же! Ради какого-нибудь бургомистра приносится въ жертву безсмертная душа!..

Онъ заигралъ... Звуки прогнали всѣ тѣни, и засіяли тысячи свѣтильниковъ, словно въ комнатѣ внезапно зажглась ярко освѣщенная елка. Звуки лились бурнымъ потокомъ, уносившимъ все, и онъ погружался въ нихъ все глубже и глубже...

Онъ самъ не зналъ, какъ долго продолжалась его игра. Но вдругъ за окномъ раздались апплодисменты. Дверь въ его комнату открылась, и на порогѣ показался учитель. За нимъ виднѣлись головы любопытныхъ, заглядывавшихъ въ комнату.

— Конрадъ! Маэстро Конрадъ!—воскликнулъ учитель и протянулъ къ нему руки.

— Добрый вечеръ, господинъ учитель.

— Маэстро Конрадъ, ты не долженъ сердиться на меня за то, что я вторгаюсь къ тебѣ безъ разрѣшенія. Клянусь, что вовсе не любопытство двигаетъ мной, какъ всѣми прочими! Это... это совсѣмъ особое чувство... да! Вѣдь я сижу здѣсь тридцать лѣтъ!..

Окончаніе фразы вышло какое-то спутанное, но въ немъ слышалось столько тоски по утраченной юности и такая усталость!

— Г. учитель, если вы хотите, я буду каждый день играть для васъ.

— О нѣтъ, не дѣлай этого, Конрадъ! Въ воскресенье, пожалуй, когда у меня праздникъ. Въ будни я долженъ заниматься въ школѣ, и я долженъ жить со здѣшними людьми. Понимаешь ты это? Нѣтъ, ты этого понять не можешь, потому что ты пріѣхалъ сюда только на время.. Если ты мнѣ поиграешь тогда, Конрадъ...

Конрадъ Флендерсъ поспѣшно протянулъ ему руку, и они нѣсколько мгновеній стояли молча, задумчиво глядя другъ на друга.

— Конрадъ,—послышались голоса за дверьми,—мы пришли просить тебя...

— Ну, говорите! Если и г. учитель съ вами...

— Онъ стоитъ во главѣ. У насъ сегодня собраніе бюргеровъ для обсужденія мѣстныхъ интересовъ... А ты вѣдь побывалъ вездѣ, и у тебя есть опытъ. Бургомистръ также приглашенъ.

— Приходи,—сказалъ ему учитель просительнымъ тономъ.—Мнѣ хочется еще побыть съ тобой.

Конрадъ пошелъ съ нимъ, и въ большой танцовальной залѣ, гдѣ происходило собраніе, его встрѣтили криками „ура".

— Ты будешь пить рюдесгеймеръ,—шепнулъ ему отецъ.—Тогда и другіе послѣдуютъ твоему примѣру.

Предсѣдатель собранія позвонилъ.

— Господа, къ дѣлу!—сказалъ онъ.

— Бургомистръ еще не явился. Она заставляетъ себя ждать.

— Господа, я послалъ за нимъ. А пока мы можемъ заняться обсужденіемъ дѣлъ и придти къ извѣстнымъ заключеніемъ. На повѣсткѣ стоитъ: газопроводъ и водопроводъ. Постройка трамвая къ городу, согласованнаго съ желѣзнодорожными поѣздами. Все это направлено къ развитію нашего городка и превращенію его въ климатическій курортъ. Я ставлю на обсужденіе пунктъ первый: газопроводъ и водопроводъ.

Онъ сѣлъ. Въ залѣ воцарилось смущенное молчаніе. Тогда быстро поднялся со своего мѣста вице-предсѣдатель и громовымъ голосомъ произнесъ:

— Предлагаю собранію выразить благодарность высокоуважаемому г. предсѣдателю!

Онъ съ воодушевленіемъ захлопалъ въ ладоши. Это послужило сигналомъ. Смущеніе исчезло, и всѣ начали неистово апплодировать, затѣмъ стали подталкивать другъ друга, предлагая говорить, и всѣ пили для приданія себѣ бодрости.

Наконецъ, старый Флендерсъ выступилъ впередъ.

— Господа!—сказалъ онъ.—Мы всѣ здѣсь знаемъ, что во всемъ мірѣ не найдется мѣста, болѣе пригоднаго для лѣченія воздухомъ, чѣмъ нашъ городокъ, благодаря своему положенію среди лѣсовъ. Только одному г. бургомистру это неизвѣстно!

— Браво! Хорошо сказано!—послышалось въ залѣ.

— Господа! Мы всѣ знаемъ также, что городъ, желающій стоять на высотѣ современныхъ требованій, долженъ имѣть газовое освѣщеніе, водопроводъ и трамвай, для болѣе быстрой доставки путешественниковъ. Этого не знаетъ только г. бургомистръ!..

— Онъ долженъ услышать это!.. Пусть онъ это послушаетъ!.. Пошлите ему депутацію, пусть она подниметъ его съ постели!..

— Тише!..

Прозвучалъ звонокъ предсѣдателя.

— Посланный сейчасъ вернется. Продолжайте свою рѣчь, г. Флендерсъ,—обратился онъ къ оратору.

— Господа! Мы всѣ знаемъ, что наплывъ пріѣзжихъ въ наше мѣсто можетъ помочь намъ и повысить цѣны. Мы знаемъ, что устройство курорта для лѣченія воздухомъ является наиболѣе выгоднымъ для насъ предпріятіемъ, такъ какъ воздухъ намъ ничего не стоитъ, а пріѣзжіе будутъ намъ платить за него. Мы знаемъ, что отъ этого выиграютъ не только постоялые дворы, но и каждый изъ жителей, такъ какъ онъ можетъ отдавать внаймы свои комнаты на лѣто и, если пожелаетъ, то можетъ еще получать экстренный доходъ въ качествѣ ремесленника или торговца. Мы всѣ это знаемъ, но это знаетъ и г. бургомистръ, только онъ не хочетъ этого знать, потому что онъ не сочувствуетъ нашему возвышенію и желаетъ оставаться среди насъ какъ турецкій паша!..

Поднялся неистовый шумъ, гнѣвные возгласы и ликованіе.

— Развѣ мы не пришли къ нему на помощь, когда загорѣлся его домъ и не помогли ему потушить пожаръ? Вотъ какова его благодарность!

— Привести его сюда! Привести его сюда... Пусть придетъ бургомистръ! Онъ долженъ сложить съ себя это званіе, даже если ему не хочется этого!.. Выбирайте бургомистромъ Іосифа Флендерса!

И у всѣхъ передъ глазами въ эту минуту носился золотой потокъ, который старый Флендерсъ долженъ привлечь въ городъ!..

Предсѣдатель ожесточенно звонилъ колокольчикомъ до тѣхъ поръ, пока язычекъ не сорвался съ петли.

— Спокойствія!.. Прошу спокойствія!—кричалъ онъ изо всѣхъ силъ.—Я долженъ прочесть вамъ записку г. бургомистра!..

Эти слова подѣйствовали. Любопытство было сильнѣе гнѣва, и въ залѣ воцарилась тишина. Предсѣдатель прочелъ:

„Сожалѣю, что не могу принять приглашенія комитета собранія, происходящаго у владѣльца гостинницы Іосифа Флендерса, но сегодня въ первый разъ начали токовать въ лѣсу тетерева. Затѣмъ, такъ какъ объ этомъ собраніи не было заявлено полиціи, то я оштрафую на одну марку

каждаго участника собранія, который не отправится немедленно домой.

Бургомистръ".

Въ залѣ воцарилась глубокая тишина. Всѣ сидѣли, притаивъ дыханіе, и никто не рѣшался заговорить первымъ.

Но старый Флендерсъ ничего не боялся. Будущность его „Золотого Льва" составляла для него главное.

— Не заявлено полиціи!—зарычалъ онъ громовымъ голосомъ.—Я самъ ходилъ въ канцелярію, чтобы заявить объ этомъ. А если не было получено разрѣшенія, то это произошло вслѣдствіе всѣмъ извѣстнаго служебнаго рвенія нашего бургомистра, который не былъ на службѣ цѣлый день, потому что былъ на охотѣ. Еще сегодня утромъ его жена носила ему туда обѣдъ, въ охотничій домъ, и это можетъ засвидѣтельствовать Конрадъ, который ее встрѣтилъ... Я сейчасъ же напишу жалобу г. ландрату, а если это не поможетъ, то обращусь прямо къ правительству!..

Это было какъ разъ то слово, которое было нужно. Правительство! Невидимое, карающее и милующее божество, которому достаточно моргнуть глазомъ, чтобы бургомистръ, и даже самъ ландратъ, поверженъ былъ въ прахъ!..

— Къ правительству! Къ правительству!—раздавались оглушительные крики.—Выбирайте депутацію! Пусть идетъ нашимъ представителемъ старый Флендерсъ и съ нимъ оба предсѣдателя!..

— Мужайтесь, господа! Выборы не за горами! Скажите прямо правительству, что весь округъ будетъ подавать голосъ за соціалъ-демократовъ, если у насъ останется этотъ бургомистръ!..

— Согласны! Согласны! Депутація принята!

Предсѣдатель всталъ:

— Господа! Предложеніе принято. Мы, въ свою очередь, выражаемъ благодарность за наше избраніе. Такъ какъ пунктъ первый, стоящій на повѣсткѣ, относительно газоваго освѣщенія водопровода, постройки трамвая и согласованія его съ поѣздами желѣзныхъ дорогъ также единогласно...

— Единогласно!.. Единогласно!.. Да! да!..

— ...также единогласно принятъ, то я закрываю сегодняшнее собраніе, приглашая васъ встать и вмѣстѣ со мною прокричать: да здравствуетъ правительство!

— Ура! Ура! Радуйся, бургомистръ!..

Конрадъ Флендерсъ тихо дотронулся до руки школьнаго учителя.

— Не выйдемъ ли мы на воздухъ?—сказалъ онъ.—Здѣсь будутъ пить и безъ помощи искусства... А все-таки было интересно, ужасно интересно!..

Онъ далъ волю своему веселью и расхохатался во все горло, когда они вышли.

— Не правда ли, г. учитель, вѣдь Гёте зналъ это, предвидѣлъ? Помните, въ „Фаустѣ", пасхальную прогулку всѣхъ добрыхъ бюргеровъ, осуждающихъ своего бургомистра?...

— Конрадъ! Конрадъ!—покачалъ головой старый учитель.—Тебѣ это можетъ казаться интереснымъ, даже очень интереснымъ!.. То, что должно составлять для меня жизнь, то для тебя лишь художественныя наблюденія... Ахъ, маэстро Конрадъ, какъ я радуюсь воскресенью и тому, что ты будешь играть для меня!..

На другое утро, когда солнце освѣтило полянку на вершинѣ горы, Конрадъ Флендерсъ принялся за свое новое произведеніе. Первую сцену своей оперы онъ написалъ однимъ взмахомъ пера, какъ хвалебный гимнъ солнечному дню. Ноты точно выливались у него изъ души на бумагу, и когда онъ останавливался, то передъ его взорами вставали зеленые лѣса, голубая даль и онъ черпалъ въ этихъ видѣніяхъ новую силу. Онъ писалъ, не отдыхая, и, напѣвая мотивъ, иногда взглядывалъ въ окно и затѣмъ снова принимался писать. Онъ писалъ до тѣхъ поръ, пока не прозвонилъ полуденный колоколъ, пока его не позвали обѣдать. А послѣ обѣда рѣшилъ наградить себя за трудолюбиво проведенное утро и отправился въ лѣсъ.

Туда, на полянку, въ страну своихъ мечтаній!..

Когда онъ вышелъ изъ лѣса и направился къ тому мѣсту, гдѣ такъ любилъ сидѣть и мечтать прежде, то увидалъ, что оно уже занято. Тамъ сидѣла Фридель, жена бургомистра.

У ногъ ея лежала пустая корзинка. Очевидно, она возвращалась изъ охотничьяго домика.

— Здравствуйте, госпожа бургомистрша!—крикнулъ онъ, и прежде чѣмъ она успѣла вскочить на ноги, онъ уже стоялъ около нея.—Нѣтъ, на этотъ разъ вы отъ меня не убѣжите! Считайте себя въ плѣну и, въ знакъ этого, давайте сюда обѣ руки!

— Вы остались такимъ же... молодымъ!—сказала она, протягивая ему руки.

Онъ взглянулъ на нее, на ея худенькое личико, на тонкую, стройную фигуру. И онъ могъ сказать ей то же самое. Это она прочла въ его взорахъ и, точно отвѣчая на его мысль, тихо проговорила: „Я стала старухой".

Цѣлый потокъ словъ обрушился на нее.

— Фридель, фрау Фридель... Моя старая, любимая подруга дѣтства! Вы такой и остались!.. Старуха? Погодите, дайте мнѣ сосчитать. Вамъ было пятнадцать лѣтъ, когда я

ушелъ отсюда. Теперь вамъ двадцать девять и въ этомъ году будетъ тридцать. Это самые лучшіе годы для женщины, когда сочетаются въ ней молодость тѣла съ мудростью души. Только тогда-то и начинаетъ истинная женщина жить собственной жизнью, тогда только она начинаетъ понимать настоящимъ образомъ страданія и наслажденія! О, фрау Фридель, вы молоды, и ваши глаза полны ожиданій, какъ бывало въ дѣтствѣ! Только вы блѣдны, слишкомъ блѣдны для сельской жительницы! Мнѣ это не нравится. Вы... не больны?

— Я здорова,—отвѣчала она и, отнявъ у него руки, сложила ихъ на колѣняхъ.

Онъ сѣлъ возлѣ нея на траву, какъ въ былое время, по-товарищески.

— Госпожа бургомистрша! — сказалъ онъ, улыбаясь.— Кто могъ это предполагать, фрау Фридель? А дѣти у васъ есть?

— Нѣтъ.

— Я остался холостымъ...—Онъ продолжалъ говорить, преслѣдуя свою мысль, и рѣзкій тонъ, которымъ она произнесла „нѣтъ", ускользнулъ отъ него.—Не знаю, оттого ли это случилось, что меня всего захватило искусство, или же я безсознательно искалъ чего-то такого, чего не находилъ нигдѣ...

— Вашъ отецъ, вѣроятно, очень обрадовался, увидѣвъ васъ послѣ столькихъ лѣтъ разлуки?

— Вы думаете? Ну, онъ могъ бы раньше доставить себѣ эту радость, еслибъ захотѣлъ. Но онъ не хотѣлъ и закрывалъ мнѣ дорогу домой. Только, когда онъ задумалъ перестроить гостинницу и услыхалъ, что я, кромѣ лавровыхъ вѣнковъ, получаю и звонкую монету, между нами наступило примиреніе...

— А вы... вы сохранили свою прежнюю любовь къ нему?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Но, фрау Фридель... именно такая примитивность, такая неизмѣнная приверженность этихъ людей къ своей землѣ и нравятся мнѣ въ нихъ. Я бы не хотѣлъ видѣть ихъ другими!

Она устремила взглядъ въ землю и медленно проговорила:

— Да... если самъ не принадлежишь къ нимъ... не долженъ къ нимъ принадлежать!.. Если можешь вспорхнуть и улетѣть, когда захочешь!.. Тогда, пожалуй...

Онъ удивленно возразилъ ей:

— Вчера старый учитель говорилъ то же самое...

— Онъ тоже былъ когда-то молодъ,—сказала она застѣнчиво,—и не можетъ забыть...

— Что?

— Свои юношескія мечты... и то, что онъ одинокъ среди всѣхъ этихъ примитивныхъ, твердо стоящихъ на своей землѣ людей.

Она встала и взяла корзинку.

— Мнѣ пора идти домой, заняться хозяйствомъ,—прибавила она.—Это былъ мой праздничный отдыхъ. Я допускаю это въ тихій послѣобѣденный часъ, когда возвращаюсь изъ охотничьяго домика.

— Я провожу васъ,—сказалъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, пошелъ рядомъ съ нею. Но они оба молчали, пока не вышли изъ лѣса.

— Не разсказать ли мнѣ вамъ о своихъ музыкальныхъ скитаніяхъ, фрау Фридель?

Она улыбнулась въ первый разъ и, продолжая улыбаться, отвѣчала ему:

— Что-нибудь новое? О, г. Конрадъ, развѣ есть что-нибудь такое, чего бы я не знала? Вѣдь это было моимъ единственнымъ духовнымъ наслажденіемъ слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ! Только такимъ путемъ я и могла продолжать свое образованіе...

Улыбка еще не исчезла съ ея лица, когда они вошли въ городокъ, и встрѣчавшіе ихъ прохожіе съ недоумѣніемъ смотрѣли на нихъ.

— Вы не любите здѣшнихъ людей?—спросилъ онъ ее послѣ небольшой паузы.

— Я замужемъ за однимъ изъ нихъ,—отвѣчала она.— Вотъ здѣсь мой домъ!

Онъ протянулъ ей руку.

— Вы позволите мнѣ навѣстить васъ?

— Мой мужъ будетъ очень радъ. Я скажу ему это сегодня же вечеромъ...

Онъ поклонился и ушелъ. Легкая досада зарождалась въ его душѣ. Противъ кого—онъ самъ не зналъ. Можетъ быть, противъ самого себя?

Онъ засталъ отца читающимъ газету съ видимымъ удовольствіемъ.

Когда вошелъ Конрадъ, старикъ указалъ ему на разложенную на столѣ газету, говоря:

— Прочти. Я самъ уже два раза прочелъ это и нахожу вполнѣ убѣдительнымъ.

Конрадъ взялъ газету и подошелъ къ окну. Его глаза тотчасъ же увидали статью, о которой говорилъ отецъ, такъ

какъ въ заголовкѣ было жирнымъ шрифтомъ напечатано: „Конрадъ Флендерсъ на родинѣ!“

Онъ поморщился, но тотчасъ же на лицѣ его появилась веселая гримаса: „Чортъ побери, этотъ школьный учитель ничего не пропустилъ, ни одной даты, съ самаго моего рожденія! И такъ удачно раздѣлилъ на три главы: школьные годы, годы странствованій, годы творчества. Каждый успѣхъ подчеркнутъ. Здѣсь, повидимому, не скупятся на прилагательныя въ превосходной степени. „Этотъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ современныхъ композиторовъ въ то же время превосходнѣйшій человѣкъ!“—Чортъ побери, для этого мнѣ, пожалуй, еще многаго не хватаетъ!—„Тотъ, дружбы котораго добиваются принцы...“—Добиваются? Ха! ха! О, мой милый учитель, куда залетѣла твоя фантазія!—„...остается, несмотря на свой внутренній аристократизмъ, какъ прежде, такимъ же скромнымъ сыномъ народа, для котораго нѣтъ ничего пріятнѣе бесѣды съ простыми людьми изъ народа, его земляками!..“—Ну! ну!..—„Въ получившей широкую извѣстность и превосходной гостинницѣ его отца, почтеннаго Іосифа Флендерса...“ — Ага, вотъ оно что! — „...можно ежедневно видѣть знаменитаго сына нашего городка, этого генія, прославляемаго въ мірѣ искусства и проводящаго теперь время въ дружеской, непринужденной бесѣдѣ. Само собою разумѣется, что это должно придать новую притягательную силу нашему благословенному городу, лучше всякаго другого мѣста приспособленному самой природой для лѣченія воздухомъ, тѣмъ болѣе, что нигдѣ, въ другомъ мѣстѣ, не найдется ничего, столь же возбуждающаго всеобщій интересъ, какъ присутствіе знаменитаго композитора!“

Конрадъ выпустилъ газету изъ рукъ. Его больше забавляло это, нежели сердило.

— Ну, что жъ, отецъ,—сказалъ онъ,—мы можемъ поздравить другъ друга. Уѣздная газета что-нибудь да значитъ!

— Еще бы. Ты можешь поблагодарить учителя за эту статью.

— Ну, этого я не стану дѣлать. Но голову я ему намылю, это вѣрно!

— Намылишь голову? Знаешь ли, я иногда побаиваюсь за твою голову, здорова ли она у тебя? Здѣсь рѣчь идетъ о „Золотомъ Львѣ“, понимаешь?..

Конрадъ хлопнулъ по плечу стараго ворчуна.

— Не сердись, отецъ. Пусть „Золотой Левъ“ растетъ, развивается, процвѣтаетъ... А теперь я опять примусь за работу.

Онъ проработалъ до поздней ночи. Только одинъ разъ

ему помѣшали. Колоніальный торговецъ пришелъ и принесъ ему газету. Когда же Конрадъ, съ благодарностью, отказался взять газету, говоря, что онъ уже читалъ „прекрасную" статью, напечатанную въ ней, торговецъ, переминаясь съ ноги на ногу и послѣ долгихъ побочныхъ разсужденій, наконецъ, рѣшился обнаружить истинную цѣль своего посѣщенія: онъ попросилъ взаймы триста марокъ.

— Только до конца этой четверти года, Конрадъ!—сказалъ онъ.—Это большое дѣло, и ты, я полагаю, скорѣе поддержишь своего стараго пріятеля, нежели его недобросовѣстныхъ конкуррентовъ?

Противъ этого ничего нельзя было возразить, и Конрадъ, конечно, оказалъ поддержку „честному торговцу".

Рано утромъ онъ снова сидѣлъ за работой, согнувшись надъ нотной бумагой. Иногда онъ смотрѣлъ въ окно, и тогда взоры его искали вершину горы. „Будетъ ли она тамъ сегодня послѣ обѣда?.." И мелодіи снова выливались у него изъ души, вылетая на свободу, точно весеннія ласточки. Родина!.. Родина!..

Онъ рѣдко испытывалъ такое наслажденіе творчествомъ, какъ въ эту минуту. Эти тихіе утренніе часы, когда онъ оставался наединѣ съ самимъ собой и со своимъ творческимъ геніемъ, были для него драгоцѣннѣйшими въ жизни. И вдругъ въ это уединеніе вторгся его отецъ. Онъ былъ въ сильномъ волненіи и, отодвинувъ нотные листы, схватилъ сына за руку:

— Пойдемъ скорѣе. Пріѣхали посѣтители изъ города!..

— Ну, что-жъ такое? Что мнѣ за дѣло до города! Они мнѣ не могутъ помѣшать.

— Помѣшать?.. Да вѣдь это баронъ со своей супругой и нотаріусъ со своей женой. Ради тебя баронъ велѣлъ запречь своихъ лошадей и заказалъ завтракъ на четверыхъ и притомъ съ лучшими винами! Ну, скорѣе, скорѣе, иди и покажи имъ, что въ „Золотомъ Львѣ" все въ порядкѣ.

Конрадъ съ досадой бросилъ перо.

— Въ самомъ дѣлѣ, отецъ, это невозможно...

— Не возражай! Потерянныя ноты ты вернешь черезъ часъ, а погибшая репутація гостинницы уже никогда не вернется!

Это разсмѣшило Конрада, и смѣхъ побѣдилъ досаду и гнѣвъ, поднимавшіеся въ его душѣ. Онъ сошелъ внизъ.

Тотчасъ же, какъ только онъ вошелъ въ комнату для посѣтителей, на него уставились двѣ лорнетки. Потомъ стукнули двѣ пары мужскихъ каблуковъ, дѣлая поклонъ, и онъ оказался уже сидящимъ за столомъ съ посѣтителями и разговаривающимъ съ ними, неизвѣстно о чемъ и почему!

Дамы разспрашивали его о жизни за кулисами: въ самомъ ли дѣлѣ тамъ господствуютъ такіе сумасбродные, легкіе нравы, нѣсколько шокирующіе утонченную душу художника? Баронъ насвистывалъ вальсъ изъ „Летучей мыши", а нотаріусъ говорилъ о „Фра-Дьяволо", о комическихъ операхъ, высказывая при этомъ мнѣніе, что Вагнеръ—настоящій скандалъ въ области искусства.

Завтракъ прошелъ очень оживленно и шумно. Дамы шепотомъ передавали другъ другу свои впечатлѣнія, находя „маэстро" очаровательнымъ и изумительно интереснымъ. Онѣ выражали надежду опять скоро увидѣться съ нимъ. Онѣ пріѣдутъ сюда и привезутъ съ собой своихъ знакомыхъ, которымъ онѣ могутъ поразсказать теперь столько новаго! „А можетъ быть, вы даже сыграете намъ что-нибудь, если мы васъ хорошенько попросимъ?.."

Весь этотъ шумъ и болтовня, а также выпитое утромъ вино, съ непривычки такъ подѣйствовали на Конрада, что голова у него пошла кругомъ. О работѣ нечего было и думать. Еще вопросъ, удалось ли бы ему найти прерванную мелодію, которая такъ ясно звучала въ его душѣ сегодня утромъ?

Съ досадой онъ вышелъ изъ дому тотчасъ же послѣ обѣда и направился въ лѣсъ.

На полянкѣ, какъ и тогда, сидѣла Фридель.

— Вы не находите, что Вагнеръ—скандалъ въ искусствѣ, и что утонченная душа художника..

— Что съ вами?.. Здравствуйте же, г. Конрадъ!..

— Здравствуйте, фрау Фридель.

Онъ бросился на траву возлѣ нея и началъ бить палкой по засохшимъ кустамъ.

— Что съ вами?—повторила она, послѣ небольшой паузы.

Онъ бросилъ палку и сѣлъ, выпрямившись.

— Скажите, фрау Фридель,—вдругъ заговорилъ онъ,— вы вѣдь прекрасно играли на фортепіано, когда были дѣвочкой. И вы беззавѣтно любили нашего великаго композитора! Какъ же вы могли сохранить здѣсь, въ этой обстановкѣ, и вашу любовь къ нему, и ваше искусство?

— Я и не могла сохранить.

— Какъ? Что вы не сохранили? Любовь къ великому композитору, или свое искусство?

— Ни то, ни другое. Мой мужъ совсѣмъ не музыкантъ и предпочитаетъ легкую музыку.

Онъ посмотрѣлъ на нее испытующимъ взглядомъ.

— Но вы... вы-то какъ примирились съ этимъ?.. Извините, быть можетъ, я задѣлъ больное мѣсто въ вашей душѣ?.. Нѣтъ? Или же я долженъ понять ваше качаніе головой,

какъ знакъ мужества?.. Ну, такъ какъ же? Не поиграть ли намъ опять въ четыре руки, какъ бывало въ дѣтствѣ? Согласитесь! Для насъ обоихъ это будетъ хорошо!

— Сыграйте вы мнѣ... что нибудь... изъ вашихъ произведеній... если вы хотите... доставить мнѣ радость.

— Когда?

— Мой мужъ приглашаетъ васъ въ воскресенье вечеромъ на обѣдъ. Я попросила его объ этомъ.

Онъ пожалъ ей руку.

— Я приду,—сказалъ онъ.—И радость будетъ всецѣло на моей сторонѣ.

Вдругъ имъ овладѣло веселое настроеніе, и онъ съ забавнымъ преувеличеніемъ разсказалъ ей про завтракъ съ гостями изъ города и про разговоръ съ ними.

— Но творческій подъемъ, который я чувствовалъ сегодня утромъ, исчезъ послѣ этого. Вѣдь все это было слишкомъ смѣшно, а смѣхъ убиваетъ!—прибавилъ онъ.

Она задумчиво ощипывала колосъ травы, слушая его разсказъ, и, наконецъ, проговорила:

— Вы здѣсь всего нѣсколько дней и уже испытываете это, несмотря на все ваше восхищеніе родиной. Знаете ли, что здѣсь проклятіе для человѣка? Быть не такимъ, какъ всѣ остальные! Сначала это нравится, доставляетъ славу. А потомъ становится неудобнымъ для остальныхъ, которые должны привыкать къ болѣе возвышенному образу мыслей. И постепенно... самъ начинаешь поддаваться, привыкать къ иначе думающимъ людямъ... Кто не можетъ бѣжать отсюда, тотъ будетъ или сломленъ, или высмѣянъ...

Она внимательно посмотрѣла на него.

— У меня есть просьба къ вамъ...

— Скажите, и она будетъ исполнена!

— Не оставайтесь здѣсь долго. Вы должны сохранить въ себѣ это чувство къ родинѣ и... лучше ужъ потомъ опять пріѣзжайте сюда!

— Моя старая подруга дѣтства прогоняетъ меня?

— Нѣтъ, она бы хотѣла сохранить своего стараго друга дѣтства!

— Такъ, такъ... такъ...

Его блуждающій взоръ, устремленный въ пространство, остановился на опушкѣ лѣса и на городкѣ у подножія горы. Онъ хотѣлъ отогнать отъ себя мысли, которыя снова и снова возвращались къ нему.

— Я такъ радовался родинѣ,—проговорилъ онъ задумчиво.—Вѣдь долженъ же человѣкъ чувствовать себя гдѣнибудь дома?..

Она тихо отвѣтила:

— Можетъ быть, мы потому такъ любимъ родину, что связываемъ съ нею наши первыя и, пожалуй, самыя лучшія воспоминанія? Когда же они исчезнутъ...

— Разскажите мнѣ про вашу жизнь,—сказалъ онъ внезапно.—Я бы хотѣлъ перешагнуть черезъ мостъ, отдѣляющій то прошлое отъ вашего настоящаго!

Ея тонкое личико вдругъ поблѣднѣло, и она смущенно потупилась.

— Это отъ радости,—замѣтила она, точно защищаясь.—Потому что я чувствую, что вы желаете мнѣ добра...

— Вздоръ!—сказалъ онъ рѣзко.—Я вѣдь не пасторъ. Я просто Конрадъ... Итакъ, васъ захватили колеса судьбы и измололи? Бѣдный маленькій другъ!

— Нѣтъ!—возразила она съ поспѣшностью.—Дѣло не такъ ужъ плохо. Я стала женой бургомистра, и, навѣрное, большинство женщинъ нашего городка завидуютъ мнѣ. И если я не оцѣниваю должнымъ образомъ всѣ хорошія стороны моего положенія, то, вѣроятно, въ этомъ виновата я сама. Это оттого, что я все еще мечтаю иногда, что мужъ и жена должны взаимно уважать духовный міръ другъ друга и стараться, чтобы между ними было единеніе. Но мой мужъ думаетъ иначе. И я научилась понимать это, въ концѣ концовъ!..

— Бѣдный маленькій дружокъ! Развѣ это было такъ трудно?.. У васъ на глазахъ слезы!..

— Часъ вечерняго отдыха прошелъ,—возразила она и поднялась съ мѣста.—А вы что будете дѣлать?

— Я провожу васъ, разумѣется.

И снова они прошли молча черезъ лѣсъ. Но онъ не замѣчалъ ни своего молчанія, ни того, что на нихъ подозрительно взглядывали прохожіе на улицѣ городка. Онъ молча довелъ ее до дома, но когда онъ сказалъ ей „до свиданія!“ то ей показалось, что его глаза говорили ей: „мужайтесь! мужайтесь!“ И ей вдругъ стало тепло и радостно на душѣ...

Но работа Конрада плохо подвигалась впередъ. Точно нарочно его не оставляли въ покоѣ. Конечно, въ городкѣ тотчасъ же стало извѣстно объ удачѣ колоніальнаго торговца, и просьбы о ссудѣ денегъ учащались. Но къ нему являлись не только мелкіе заемщики, а приходили также и крупные дѣльцы, которые предлагали ему купить у нихъ земельные участки.

— Это потому, что мы гордимся тобой, Конрадъ! Даже еслибъ самъ императоръ явился сюда, то онъ бы не получилъ ихъ отъ насъ. Проектированный трамвай какъ разъ пройдетъ черезъ участокъ. Тысяча талеровъ за моргенъ... что? Вѣдь это почти даромъ!

— Да, милый другъ, сердечно благодарю тебя. Но вѣдь я музыкантъ, а не земельный спекуляторъ.

— Что ты такое? Музыкантъ? Ты просто хитрецъ, ха! ха! Ну вотъ, чтобъ не испортить шутки,—это вѣдь лучшая земля для посадки картофеля во всемъ округѣ!—и чтобы тебѣ доставить удовольствіе и ты могъ бы посмѣиваться надъ моей глупостью, я уступаю тебѣ за 900 талеровъ три моргена!

— Милый другъ, я вовсе не желаю причинять тебѣ убытковъ...

— Видишь самъ, Конрадъ? И ты получишь вдвое за эту землю, когда пройдетъ трамвай, и городъ начнетъ развиваться.

— Благодарю, благодарю, но я предоставляю тебѣ самому извлечь изъ этого выгоду.

— А если я отдамъ тебѣ за восемьсотъ?.. За семьсотъ талеровъ? Ну, такъ... потому что я, какъ дуракъ, привязался къ тебѣ, и такъ какъ ты—слава нашего города, я...

— Милый другъ, я не возьму даже за сто талеровъ. Мнѣ не нужно. А теперь я хочу работать...

— Никакъ не думалъ, что у тебя такъ мало привязанности къ общинѣ!—проворчалъ недовольный посѣтитель.— Но такъ всегда бываетъ съ большими господами! Когда люди достигли чего-нибудь въ жизни, они забываютъ обыкновенно, откуда вышли...

Кто-то вдругъ открылъ дверь въ комнату Конрада и крикнулъ ему:

— Можешь сказать своему отцу, что съ сегодняшняго дня я пью свое вино въ трактирѣ „Быка“!

И многіе другіе послѣдовали его примѣру.

Вечеромъ въ воскресенье Конрадъ Флендерсъ отправился къ бургомистру. Въ гостинной уже сидѣли гости. Тутъ были разныя почетныя лица, родственники бургомистра. Самъ онъ, широкоплечій, самодовольный, съ толстой воловьей шеей, принималъ гостей въ изрядно поношенной охотничьей курткѣ.

— Ага, вотъ и вы, г. Флендерсъ!—сказалъ онъ новопришедшему, сухо представляя его другимъ гостямъ.—А теперь къ столу и безъ дальнихъ церемоній! Вѣдь вы, я думаю, тоже не всегда обѣдаете за княжескимъ столомъ!..

Мужчины громко засмѣялись, а жены ихъ хихикнули. Конрадъ съ удивленіемъ взглянулъ на хозяйку дома. Она потупила взоръ и густо покраснѣла. Тогда онъ, въ свою очередь, отвѣтилъ хозяину какой-то шуткой.

За столомъ всѣ жены сидѣли рядомъ съ мужьями. Таковъ былъ обычай. А такъ какъ мужья и жены давно уже

наговорились другъ съ другомъ, то теперь всѣ молчали. За то все вниманіе было обращено на ѣду. Мужчины пили, и лица у нихъ краснѣли. Они нарочно наступали сапогами на башмаки своихъ женъ, а тѣ хихикали, закрываясь салфеткой, какъ будто ихъ мужья говорили имъ что-нибудь неприличное.

Бургомистръ вытеръ ротъ и крикнулъ черезъ столъ Конраду:

— Что? Вкусно?.. Я думаю! Самъ застрѣлилъ. Въ „Золотомъ Львѣ“ ничего такого не найдется... Да! И они хотятъ, чтобы я допустилъ безтолковое мужичье прокладывать черезъ эти поля желѣзную дорогу, чтобы лѣтніе пріѣзжіе разогнали мнѣ дичь? Я былъ бы просто ночнымъ сторожемъ, а не бургомистромъ, еслибъ не имѣлъ власти наплевать на всѣхъ этихъ крикуновъ!.. Ахъ да, вѣдь и господинъ Флендерсъ старшій принадлежитъ къ ихъ числу! Прошу прощенія! Но вы можете это передать ему!

Благовоспитанность хозяина требовала отвѣта со стороны Конрада, но онъ не хотѣлъ увеличивать смущенія своей подруги дѣтства и усиливать чувство стыда, которое она и безъ того испытывала.

— Самое лучшее, еслибъ вы сами переговорили объ этомъ съ моимъ отцомъ, господинъ бургомистръ,—отвѣчалъ онъ спокойно.—Мой отецъ вовсе не дуракъ, и у него есть свои идеи.

— Это одному Богу извѣстно. Но у меня тоже есть свои идеи,—проворчалъ бургомистръ и со свирѣпымъ видомъ выпилъ водки.

Вдругъ заговорила хозяйка дома. Это было такъ непривычно, что всѣ съ изумленіемъ взглянули на нее. Но фрау Фридель произнесла самымъ спокойнымъ тономъ, точно она привыкла занимать гостей.

— Я могу предложить гостямъ нѣчто особенное. Нашъ дорогой маэстро, игравшій въ присутствіи императора и королей, согласился доставить намъ удовольствіе сегодня и сыграть что-нибудь изъ своихъ произведеній. Такъ какъ со стола уже убрано, то намъ ничто не помѣшаетъ... Могу я теперь просить васъ?..

Конрадъ Флендерсъ всталъ и послѣдовалъ за нею къ роялю, который одиноко стоялъ въ углу просторной комнаты. Фридель зажгла лампу надъ инструментомъ и стала за его стуломъ. Его близость сообщала ей увѣренность и какъ будто извлекала ее изъ круга всѣхъ этихъ людей, продолжавшихъ съ такимъ удивленіемъ смотрѣть на нее. Но при первыхъ же звукахъ все окружающее исчезло для нея и осталось только одно—его музыка!

Конрадъ Флендерсъ игралъ. Сначала это были отрывки изъ его оперъ, первыя сцены изъ его новаго произведенія, хвалебный гимнъ молодости, свободная пѣснь жаворонка въ небесахъ. Онъ игралъ, и для него такъ же, какъ для Фридель, стоявшей за его стуломъ, постепенно исчезало все окружающее, комната, люди, сидящіе за столомъ и тѣснѣе сдвинувшіе свои стулья... Онъ въ звукахъ обращался къ той, которая стояла позади него, говорилъ ей о родинѣ, о молодыхъ годахъ, о лѣсѣ, о лѣсной полянкѣ, о страстномъ стремленіи и мужествѣ гордыхъ и сильныхъ!.. Онъ чувствовалъ ея прерывистое дыханіе на своихъ волосахъ. Онъ угадывалъ біеніе ея бѣднаго, измученнаго сердца, преисполненнаго благодарностью къ нему... Онъ на мгновеніе повернулся къ ней и продолжалъ играть дальше, такъ какъ увидѣлъ ея молящій взглядъ, и теперь изъ-подъ его пальцевъ лились звуки, точно воспѣвающіе радость свиданія...

Вдругъ, въ углу комнаты, чья то сильная рука ударила по столу.

Конрадъ привскочилъ и, обернувшись, посмотрѣлъ на группу мужчинъ у стола, окруженныхъ своими женами. Бургомистръ въ смущеніи шевелилъ пальцами.

— Извините,—сказалъ онъ.—У меня выпала изъ рукъ карта. Не обращайте вниманія...

За столомъ играли въ скатъ!

А онъ, Конрадъ Флендерсъ, аккомпанировалъ имъ своей музыкой!

Глухой гнѣвъ закипалъ въ немъ. Это былъ священный гнѣвъ жреца искусства, встрѣчающагося съ невозмутимою пошлостью и самодовольствомъ. Онъ схватилъ рукой крышку рояля, чтобы захлопнуть ее, но тотчасъ же почувствовалъ прикосновеніе холодныхъ, какъ ледъ, пальцевъ молодой женщины.

— Только не обижайтесь, умоляю васъ...—шептала она, точно въ смертельномъ страхѣ.

И онъ доигралъ мелодію до конца, нарочно ударяя громко по клавишамъ, чтобы не слышно было его голоса, такъ какъ онъ говорилъ ей, продолжая играть.

— Не оскорбленное чувствот щеславія заговорило во мнѣ. Вы не должны считать меня такимъ мелочнымъ. Но во мнѣ возмутилось чувство приличія. А вы... развѣ вы, какъ женщина, не чувствуете этого еще больше?

— Ахъ, не спрашивайте меня!—прошептала она.

Онъ кончилъ мастерскими аккордами свою игру и, вставъ, осторожно закрылъ крышку рояля, глядя на нее черезъ плечо.

— Теперь я распрощаюсь,—сказалъ онъ.—Сегодня утромъ

я игралъ для стараго учителя. Для него стоило играть. А для васъ еще больше, я это знаю теперь! Понимаю я и ваши часы отдохновенія тамъ, наверху!.. Спокойной ночи.

— Я могу только благодарить васъ...

Конрадъ простился съ обществомъ, сидящимъ за картами. Мужчины шаркнули ногами, а жены ихъ взглянули другъ на друга и захихикали.

— Спѣсивый болванъ!—сказалъ бургомистръ и смѣшалъ карты.

Прошло два дня. Конрадъ не принимался больше за работу. Вдохновеніе оставило его. Уже не было того душевнаго подъема, того увлеченія родиной, которое онъ испытывалъ въ первые дни. Утромъ онъ поссорился съ отцомъ, который былъ недоволенъ воскреснымъ доходомъ гостинницы.

— Чего ты остаешься, а не играешь тутъ, для посѣтителей?—сказалъ ему отецъ.—Плюю я на твою музыку, если только она не приноситъ никакой пользы гостинницѣ!

А во вторникъ Конрадъ наотрѣзъ отказался сыграть для господъ, пріѣхавшихъ изъ уѣзднаго города въ трехъ колясках.

— Я не даю цирковыхъ представленій для любопытныхъ филистеровъ!—возразилъ Конрадъ.

— Это первые посѣтители изъ города!

— Тѣмъ хуже для нихъ.

— Ты разоряешь мнѣ гостинницу! Каждому ты наступаешь на ногу, и кліенты бѣгутъ отсюда. Понимаешь ли? Ты раззоряешь „Льва"!

— Не кричи такъ громко, отецъ.

— И чтобы тебѣ было извѣстно: мнѣ нужна будетъ твоя комната въ скоромъ времени! И на верху тоже всѣ комнаты сданы!..

— Хорошо, хорошо,—отвѣтилъ Конрадъ съ усталостью въ голосѣ.

На слѣдующій день онъ встрѣтилъ фрау Фридель на лѣсной полянкѣ, послѣ обѣда.

— Это уже въ послѣдній разъ,—сказалъ онъ, стараясь шутить.—Родина вышвырнула меня, какъ непригоднаго члена. Отецъ отказываетъ мнѣ въ квартирѣ. Здѣшніе люди смотрятъ на меня, словно обиженные мной, и не кланяются мнѣ. А сегодня утромъ приходилъ бургомистръ и объявилъ, что онъ, въ качествѣ оффиціальнаго лица, не можетъ принимать участія въ вопросахъ развитія города до тѣхъ поръ, пока въ нихъ вмѣшивается посторонній человѣкъ, не имѣющій на то никакого права, и который притомъ возбуждаетъ населеніе. Этотъ посторонній человѣкъ—я!

— Я все это знаю,—прошептала она.—Я отказала ему

въ повиновеніи... Въ воскресенье вечеромъ, послѣ того, какъ ушли гости.

— Изъ-за меня?

Она кивнула головой.

— Онъ поклялся, что выгонитъ тебя отсюда, и меня вмѣстѣ съ тобой, если я не буду ему повиноваться,—сказала она.

— Онъ посмѣлъ тебя тронуть?..

Она пожала плечами. Они оба не замѣчали, что перешли на „ты", какъ бывало въ дѣтствѣ.

— Онъ сдѣлалъ еще хуже. Онъ разсказалъ всѣмъ, что намѣренъ насъ выгнать. Это онъ сдѣлалъ, чтобы вернуть свою популярность. Здѣсь ничто такъ не уважается, какъ грубость. Надо перещеголять въ грубости другихъ, и тогда популярность обезпечена!..

Онъ гладилъ ея волосы, ея щеки, ея плечи... „Фридель, еслибъ я могъ взять тебя съ собой!.." прошепталъ онъ.

Она закрыла лицо руками.

— Благодарю тебя за эти слова,—сказала она.—Нѣтъ нѣтъ, я больше не боюсь... А теперь я должна идти. Уже смеркается, а мой мужъ остался дома.

На этотъ разъ они не шли молча, какъ прежде. Правда, говорила только она одна, но голосъ ея звучалъ почти радостно. Точно какая-то внутренняя сила побуждала ее скорѣе высказать ему все, что накопилось у нея на душѣ.

— Ахъ, Конрадъ, и отчего ты ни разу не далъ о себѣ знать за все это время?.. Да, конечно, тебѣ не трудно было забыть маленькую дѣвочку, которая всегда считала себя твоей подругой! Ты видѣлъ передъ собой великое и прекрасное въ жизни и искусствѣ. Но для меня ты одинъ совмѣщалъ все великое и прекрасное въ жизни, и чѣмъ больше я покорялась судьбѣ, тѣмъ ярче вставалъ предо мной твой образъ... Нѣтъ, ты этого не могъ знать!.. Я говорю это тебѣ сегодня, чтобы ты понялъ, почему я ежедневно прихожу на эту полянку. Это одно останется у меня, когда ты уѣдешь, и я буду еще чаще приходить сюда и мысленно разговаривать съ тобою...

Они вышли изъ лѣса и спустились къ мѣстечку. За ними шло нѣсколько человѣкъ, смѣясь и жестикулируя. Но они не замѣтили этого. Они ничего не замѣчали, поглощенные своими мыслями и чувствами; число людей, шедшихъ за ними, все возростало и, когда они подошли къ дому бургомистра, то образовалась цѣлая толпа. Вдругъ раздался рѣзкій свистъ и громкое улюлюканье...

У Конрада кровь застыла въ жилахъ. Но это было только

одно мгновеніе. Блѣдный, какъ смерть, онъ повернулся къ толпѣ и крикнулъ:

— Вы съума сошли?

Снова раздалось улюлюканье и дикіе крики.

Онъ взялъ за руку Фридель, поднялся съ нею на крыльцо и дернулъ звонокъ. Дверь не открывалась, но наверху открылось окно...

Конрадъ поднялъ голову и позвалъ повелительнымъ тономъ. Въ отвѣтъ послышался громкій, дрожащій отъ ярости, голосъ бургомистра, закричавшій ему:

— Я всажу въ васъ зарядъ дроби,—слышите ли вы оба?—если вы останетесь здѣсь еще одну минуту. Убирайтесь по добру по здорову! Мы честные бюргеры, а вы пара бродягъ! Маршъ!..

Громовое ура, раздавшееся въ толпѣ, было отвѣтомъ на слова бургомистра.

Тогда Конрадъ Флендерсъ обнялъ за талію дрожащую женщину и повелъ ее назадъ къ лѣсу, который уже былъ окутанъ вечерней мглой.

Толпа, орущая во все горло, сопровождала ихъ, но на опушкѣ лѣса остановилась. Они же углубились въ темноту и прошли черезъ лѣсъ и просѣку, по старой дорогѣ, прямо на полянку. Тамъ они остановились, тяжело дыша и взглянули въ глаза другъ другу.

— Не говори объ этомъ!—проговорилъ, наконецъ, Конрадъ.—Никогда! Никогда!

И вдругъ онъ притянулъ ее къ себѣ и крѣпко, со внезапно вспыхнувшею страстью, поцѣловалъ ее въ губы.

— Свершилось!—сказала она и, поднявъ руки, обняла его...

Они долго стояли, а внизу, у подножія горы лежала родина...

Онъ тяжело дышалъ, глаза его сверкали, но она прижалась къ его груди и закрыла ему глаза рукой, и онъ сталъ спокойнѣе.

— Надо идти,—сказалъ онъ.—Мы можемъ поспѣть къ скорому поѣзду.

— Мы?.. Какъ странно звучитъ это слово!—прошептала она.

Онъ бросилъ взглядъ внизъ. Тамъ былъ городокъ, гдѣ онъ родился и выросъ. Теперь онъ былъ окутанъ мглой.

— Да, мы думаемъ, что эта родина такъ сильно влечетъ насъ къ себѣ издалека, а въ дѣйствительности это только наша молодость, которая призываетъ насъ, чтобы мы не забыли ее!..—сказалъ Конрадъ задумчиво.

Онъ крѣпче прижалъ къ себѣ молодую женщину.

— Но я не забылъ ее, свою юность! Я беру ее съ собой! Пойдемъ же, дорогая родина!..

Они пошли черезъ горы прямо къ городу и пришли какъ разъ въ тотъ моментъ, когда подошелъ поѣздъ. Они вошли въ вагонъ.

Какой-то человѣкъ съ сѣдой бородой и въ очкахъ бѣжалъ по платформѣ. Они узнали его и дружески кивнули ему головой...

Поѣздъ тронулся. Старый учитель бѣжалъ за нимъ, махалъ шляпой и кричалъ имъ вслѣдъ:

— Передайте отъ меня привѣтъ міру!.. Привѣтъ жизни!..

ФЕЯ ТУНДРЫ.

Разсказъ.

Николай снова почувствовалъ приступы тяжелаго томленія, пока неопредѣленнаго, неуловимаго. Что-то гнететъ, какъ кошмаръ. Мысли тягучія, безсвязныя, а чаще—никакихъ мыслей, просто обрывки фразъ, туманная пустота въ головѣ. Но вотъ изъ хаоса выплыли образы, явились картины и снова стушевались. Надвигается то властное, что еще невидимо, но уже гнететъ, желанное, но не оформленное, что станетъ необходимымъ.

Въ такія минуты Николай уходилъ дальше отъ людей и подолгу бродилъ одинъ, задумчиво глядя въ землю.

Онъ подымался на высокій берегъ рѣки, гдѣ растетъ мохъ и жидкая трава межъ рѣдкимъ полярнымъ лѣсомъ.

Надоѣла ссылка.

Опротивѣли однообразные гольцы, грязно-желтые, покрытые крупнымъ и мелкимъ плитнякомъ, голые.

Безобразны эти низкія лиственницы, узловатыя, съ жилистыми вѣтвями, скупо прикрашенныя иглами.

Не радуютъ жалкіе желтенькіе, бѣлые и синіе цвѣты, разсѣянные по бурому мху, въ которомъ тонетъ нога.

Чахлая почва даетъ чахлую жизнь, жизнь на короткое лѣто.

Оттого на землѣ такъ много упавшихъ деревьевъ на обнаженныхъ черныхъ корняхъ, кусками виситъ мохъ и сѣрая земля, оттого здѣсь тускло и сѣро и не чувствуется жизни, источника бытія. И какъ-то печально и жаль смотрѣть на тоненькія молодыя лиственницы, у которыхъ не хватило силъ бороться съ сѣвернымъ вѣтромъ, и упали онѣ на землю, не давшую имъ пищи и силы; цѣпко охватилъ ихъ могильщикъ-мохъ, а тонкіе корни и вѣтви слабо повисли въ воздухѣ.

Тишина удивительная, нигдѣ сучекъ не треснетъ, не шелохнутся деревья; лишь изрѣдка вспорхнетъ сѣрая птичка, пискнетъ жалостно и смолкнетъ.

Только въ распадкахъ журчатъ ручейки, но такъ ровно и однообразно, что кажется, будто тишину ничто не нарушаетъ.

Николай по долгу бродитъ между сопокъ. Иногда ему попадаются кусты дикой смородины или морошка, онъ сорветъ нѣсколько ягодъ и идетъ дальше.

Невольно онъ начинаетъ поддаваться общей зачарованности, острая боль стихаетъ. Правда, становится еще грустнѣй, но уже безъ мыслей: созерцательно-спокойно онъ глядитъ впередъ.

Немного успокоенный, идетъ обратно, срывая колючій шиповникъ и цвѣты желтаго мака.

Косые лучи незаходящаго солнца вспыхиваютъ по лентамъ снѣга, еще сохранившагося на отрогахъ Верхоянскаго хребта, по ледянымъ глыбамъ на далекомъ правомъ берегу рѣки, весеннимъ разливомъ выброшеннымъ къ береговой линіи тайги и медленно разрушающимся. По горизонту, на вершинахъ горъ, застыли не то туманъ, не то тучки, темно-синія въ серединѣ, съ перламутровыми чуть позлащенными краями.

Тихо плещется Лена. Спокойная поверхность ея рельефно отражаетъ утесистый берегъ слѣва, гдѣ онъ дѣлаетъ изгибъ; голубое далекое небо, лѣсъ и горы потонули въ ея глубинѣ.

Рѣдко Лена бываетъ такой смирной. Безпрерывные вѣтры изъ далекаго океана раздражаютъ ее, и глухо тогда шумитъ она, бросаетъ темные валы съ бѣлой пѣной далеко на берегъ, прогоняетъ трусливыхъ якутовъ, сновавшихъ на вѣткахъ.

Сумрачно насупливаются тогда сопки, и шумитъ и стонетъ и плачетъ тайга. Наползаютъ съ океана темныя, тяжелыя тучи, гулко дробится громъ въ горахъ, молніи прорѣзываютъ сѣрыя сумерки, и обильный дождь насыщаетъ и безъ того болотистую почву.

По песчаной косѣ раскинуто нѣсколько безобразныхъ урасъ изъ синей заплатанной дабы и грязной ровдуги. Возлѣ нихъ и по самому берегу на толстыхъ жердяхъ сушатся невода, стоятъ бочки съ засоленной рыбой. На лиственичныхъ вѣткахъ сваленъ сегодняшній уловъ рыбы. Желтый песокъ загаженъ гніющими рыбьими внутренностями, брошенной икрой и мелкой рыбешкой, которую якуты не выбрасываютъ обратно въ воду, оставляя въ добычу чайкамъ, стаями и въ одиночку бродящимъ по песку.

Возлѣ берега на оленьей шкурѣ лежалъ Григорій и что-то читалъ. Николай подошелъ къ нему, ожидая, что услышитъ обычное:

— Ссылка, парень, это закалъ для насъ, а ты въ мерехлюндію пускаешься...

Но Григорій спросилъ:

— Опять захандрилъ?

— Лѣто вспомнилъ,—отвѣтилъ Николай.

— Н-да, въ Россію бы теперь славно...—замѣтилъ Григорій и закрылъ книгу, очевидно, желая „покапсекать“.

— Знаешь: на Волгу бы теперь... въ луга или въ лѣсъ—оживился Николай.—Восторгъ!

— Ну, Лена тоже ничего рѣка... воды-то какая уйма.

— Сравнилъ! Ты возьми Волгу въ Жигуляхъ... Чѣмъ дольше живешь на ней, тѣмъ она роднѣй становится, а здѣсь—разъ посмотрѣлъ, въ другой уже и не тянетъ.

— Публика-то теперь такъ по Волгѣ и снуетъ на лодкахъ. На островахъ сходки, рефераты,—вспоминалъ Григорій.—Жизнь, чортъ возьми!

— А мы тутъ рыбу ловимъ,—вздохнулъ Николай.—Тоска!

— Въ каждомъ мѣстѣ свое дѣло—оборвалъ Григорій.—Въ Россіи по сходкамъ или въ тюрьмѣ были бы, а здѣсь рыбу ловимъ,—спокойно уже закончилъ онъ.

Николай сѣлъ рядомъ съ товарищемъ и задумался.

Ему было 24 года, но онъ очень мало зналъ жизнь. Второй годъ уже въ ссылкѣ, до этого два года сидѣлъ въ тюрьмѣ, а до тюрьмы только лѣто и осень кипѣлъ въ гущѣ жизни и нырнулъ изъ нея прямо въ тюрьму, полный противорѣчивыхъ впечатлѣній, съ жаждой исключительной дѣятельности, но съ очень ограниченными знаніями.

И съ огромной жаждой личнаго счастья...

Любовь женщины ему представлялась чѣмъ-то исключительнымъ, что освѣтитъ его міропониманіе единственнымъ и вѣрнымъ свѣтомъ. Но дѣвушки, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Россіи, далеко, и онъ ихъ не знаетъ.

Окружающіе люди и природа слишкомъ убоги, чтобъ чѣмъ-либо завлечь его. Въ то время, какъ Григорій ловилъ рыбу, а зимой усиленно занимался, Николай на цѣлые дни пропадалъ съ ружьемъ, натыкался въ сопкахъ и тайгѣ на инородческія юрты и, заведя знакомство, возвращался усталый и разочарованный. Объѣхалъ съ однимъ купцомъ большой округъ въ нѣсколько тысячъ верстъ, видѣлъ тундру, Ледовитый океанъ, охотился на дикихъ оленей, и новизна впечатлѣній на время было захватила его, но послѣ осталось только гнетущее воспоминаніе о безконечномъ, бѣломъ мертвомъ полѣ, да опоенныхъ и обманутыхъ догорахъ.

Ему нужно было дѣло, которое его увлекло бы, кто-нибудь рядомъ, съ кѣмъ онъ вошелъ бы въ жизнь и занялъ въ ней мѣсто... И онъ смутно бродилъ въ надеждѣ, что

глаза сразу откроются, и онъ вдругъ все увидитъ. Нужно только натолкнуться на что-то...

— Славная погодка. Тутъ каждая минута дорога, а они и не думаютъ неводить,—прервалъ молчаніе Григорій, понимая подъ „они“ инородцевъ-рыболововъ.—За Кирсою наша очередь, а онъ, должно быть, спитъ: надъ урасою дыма нѣтъ. Возмутительно-безпечны!

— Чего же имъ спѣшить?—спросилъ Коля.—Уловъ рыбы хорошій. Они свою норму знаютъ: сколько нужно, чтобъ продать, сколько въ погреба, а времени впереди еще достаточно, наверстаютъ.

— Вотъ подуютъ вѣтры, разгуляется Лена, такъ на зиму безъ рыбы и останутся, даромъ что идетъ ея много.

— А осенняя кандевка?

— Въ прошломъ году тоже надѣялись на кандевку да морскую рыбу, а на морѣ и сѣтей нельзя было закинуть изъ-за вѣтровъ, и остались нипричемъ, однимъ чаемъ жили. Нѣтъ, слѣдовало бы намъ устроиться на свободномъ пескѣ. Очистить его хорошенько. Хоть дороже обошлось бы, зато очереди ждать не нужно.

— Вонъ, кажется, Кирсанъ сюда идетъ! Такъ и есть: рожа заспанная. И куда они спятъ!

Къ нимъ подошелъ низенькій якутъ въ грязнѣйшей отъ рыбьяго жиру рубахѣ и полосатыхъ портках. Посмотрѣлъ на гладкую Лену, на солнце, громко и протяжно зѣвнулъ и легъ рядомъ на песокъ.

— Энъ мухаленъ ду? *)

— Сохъ,—лѣниво протянулъ якутъ и закрылъ глаза.

— Такъ что же ты раньше не говорилъ?—возмутился Григорій.—За тобой наша очередь.

— У меня бочекъ нѣтъ и соли.

— Я пойду будить Апулку, а ты, Коля, сходи къ Хаютану.

Хаютанъ, бывшій съ ними въ «четверти», т. е. бравшій приходящуюся ему четвертую долю улова—семейный якутъ, жилъ отдѣльно въ урасѣ.

— Сегодня ко мнѣ пріѣдутъ гости,—продолжалъ Кирсанъ по-якутски.

— Вотъ какъ, откуда?

— Съ устьевъ.

— Несетъ же ихъ нелегкая такую даль!—пробормоталъ Коля.—Кто такіе?—обратился онъ къ якуту.

— Выборный. Ѣдетъ въ Управу дежурить. И дочка съ нимъ... Учугей кысъ *)—осклабился Кирсанъ.

---

*) Ты неводить будешь?

— Да это не они ли ѣдутъ?—указалъ Коля на двѣ точки внизу. Якутъ приподнялся и опять улегся:

— Они и есть.

— Ишь ты, какъ ловко работаетъ весломъ...—глядя на приближающіяся вѣтки, сказалъ Григорій. Первая бросилась ему въ глаза молодая тунгуска, умѣло и быстро гнавшая вѣтку противъ теченія.

— Ничего, ладно...—согласился и Николай, любуясь.— Знатно разогнала, чуть не вся вѣтка выскочила на берегъ!

— Кысъ-то, кажется, недурна...—сказалъ Григорій. Они подошли ближе.

Изъ второй вѣтки вылѣзъ старенькій тунгусъ, повязанный платкомъ, какъ будто отъ комаровъ, а на самомъ дѣлѣ— для прикрытія лысины, которой инородцы почему-то стыдятся. Рѣдкіе сѣдые волосы торчкомъ стояли на верхней губѣ и на подбородкѣ, лицо почти бурое отъ загара и вѣтра. Къ нему первому подошелъ Кирсанъ, пожалъ руку, потомъ поцѣловалъ ее, затѣмъ поцѣловались въ губы.

— Здорово!—сказалъ Кирсанъ.

— Здорово. Капсе.**).

— Учугей. Энъ капсе. ***)

— Учугей, тохъ до сохъ...

Коля и Григорій не обращали вниманія на привычную сцену и не спускали глазъ съ тунгуски.

Высокаго роста, гибкая и стройная, она легко и быстро поворачивалась изъ стороны въ сторону. Развитыя формы тѣла замѣтно и красиво выдѣляются при движеніяхъ изъ подъ платья. Черные густые волосы лѣзутъ изъ-подъ платка, лицо немного загорѣлое съ яркимъ румянцемъ, скулы выдаются мало, носъ почти правильный. Отъ всей фигуры вѣетъ страстью, жаждой движенія, дѣла, во всемъ сказывается своеобразная грація, рожденная дикой и свободной тундрой. Захвативъ-кое что изъ вѣтки, она подошла къ Кирсану, поцѣловала ему руку, потомъ губы, и всѣ трое направились къ урасамъ.

— Славная кысъ, впервой такую вижу...—проговорилъ Григорій.

— Славная!.. Да это, братъ, красавица...

— Ну, ужъ и красавица. Скоръ ты на заключенія. Не свихнись, парень.

— Чего, братъ, добраго... Все по боку и залькось съ ней въ тундру, на просторъ. Оленями я умѣю управлять, изъ

*) Красивая (хорошая) дѣвушка.

**) Сказывай, говори.

***) Все хорошо. Ты говори.

ружья стрѣляю довольно мѣтко... Нѣтъ, серьезно скажу тебѣ: точно толкнуло меня что, когда я увидѣлъ ее... кровь такъ и загорѣлась...

— То-то, что кровь...—недовольно процѣдилъ Григорій.

Они вошли въ свою урасу. Отъ костра, на которомъ якутъ Апулъ, тоже дольщикъ въ неводѣ, кипятилъ чайники и поджаривалъ рыбу, подымался дымъ и ѣлъ глаза. Согнувшись, чтобъ не задѣть разныхъ вещей и пучки коптящейся юкалы *) они прошли къ своимъ оронамъ **) и усѣлись на нихъ.

— Апу, брось чайники, я самъ присмотрю, сказалъ Коля, переставляя зачѣмъ-то съ мѣста на мѣсто чайникъ.— Пойди узнай, кто эта кысъ, что сейчасъ пріѣхала. Она у Кирсы.

— А неводъ кто будетъ раскладывать?

— Иди, потомъ разложишь. Апулъ вышелъ.

— Однако, тебя разбираетъ...—съ ѣдкой улыбкой сказалъ Григорій.

— Нѣтъ, меня поражаетъ, какъ при ихъ безобразной и грязной жизни могла сохраниться такая красавица. И замѣть: одѣта чисто, халдай не виситъ, какъ мѣшокъ, а почти въ обхватку, и цвѣтъ идетъ къ ней...

— Ну, теперь и грязныя руки покажутся намъ божественными, и косыхъ очей ея мы не замѣтимъ...

— У ней дивные глаза. Какъ глянула, такъ у меня ажъ дыханіе захватило! Удивительная! Вотъ, должно быть...

— Заврался, парень. Брось, ѣдемъ неводить.

— Не поѣду...

— Ну-ну, кусаганъ ***) дѣло.

Они замолчали. Николай, переворачивая рыбу на сковородѣ, ронялъ куски въ огонь, гдѣ они трещали, наполняя воздухъ угаромъ, и ежеминутно поглядывалъ на кожу, исполнявшую роль двери. Неудобно повернулся, задѣлъ за полѣно и пролилъ масло на угли,—они вспыхнули голубоватымъ пламенемъ.

— Абагый ****)—проворчалъ Николай.

Когда уже стали ѣсть рыбу, кожа приподнялась, и вползъ Апулъ.

— Ну, что? Капсекай...—кинулся къ нему Коля.

— Ладная баба...—сказалъ Апулъ подсаживаясь къ сковородѣ и хитро улыбаясь.

---

*) Тонкій, жирный верхній слой рыбы съ кожей,

**) Постель.

***) Плохо.

****) Чортъ.

— Такъ она замужемъ?—разочарованно спросилъ Коля.

— Зачѣмъ замужемъ? Нѣ-ѣтъ.

— Кысъ?..—обрадовался Николай.

— Дѣвкой баранчукъ *) имѣла, такъ какая-жъ кысъ?—пояснилъ Апулъ.

— Ну, сказывай, что ты еще узналъ?..

— Ай баба, абагый—не баба!..—самодовольно произнесъ Апулъ, съ чувствомъ чавкая рыбу.—Запряжетъ 15 оленей и ѣдетъ себѣ... Пурга, морозъ—ничего не боится. Лихая баба! Не всякій парень переловитъ тебѣ тридцать оленей, да заводныхъ еще штукъ пять. А олени-то у этихъ тунгусовъ дикіе, какъ они сами, всѣхъ надо мамыкаемъ **) ловить. Заарканитъ и пошелъ дальше. Лѣтомъ кочуетъ, дикаго оленя изъ винтовки добываетъ. Тастей штукъ сто, сама смотритъ и настораживаетъ, и всегда съ песцомъ. Сѣти ставитъ. Отецъ у ней такъ только, на воспитаніи, она всю работу исполняетъ...

— Я такъ и думалъ!—восторженно сказалъ Николай.—А гдѣ же отецъ ея ребенка?

— Прогнала. Говоритъ, и безъ него управлюсь,—отвѣтилъ Апулъ.

— Это понятно,—вмѣшался Григорій,—якуты и тунгусы любятъ у бабъ на шеѣ сидѣть, а ей нужно такого мужа, который бы ее за поясъ заткнулъ, а такихъ пока нѣтъ... А, можетъ быть?..—протянулъ онъ, прищуривъ глаза на Колю.

Въ другое время Николай не спустилъ бы шпильки,—теперь словно не замѣтилъ ея.

— Сказывали, сюда зайдутъ...—продолжалъ Апулъ.

— Зачѣмъ?

— Купить, видно, хотятъ чего.

— Ну, тогда тащи, братъ, суму съ табакомъ,—говорилъ Николай,—старикъ-то табаку спроситъ, а я развяжу ящикъ съ матеріями.

— Да не волнуйся,—замѣтилъ, раздражаясь, Григорій,—не спѣши. Пока они выпьютъ по двадцати чашекъ чаю да покалякаютъ, хорошихъ два часа пройдетъ...

Николай явно нервничалъ. Побродилъ по песку, осмотрѣлъ свой неводъ, сбросилъ въ воду нѣсколько громадныхъ щукъ.—Ишь черти, сами не ѣдятъ и обратно не выбрасываютъ!..

Скучно. Взялъ ружье и выстрѣлилъ по чайкамъ. Обрадовался, что сразу убилъ двухъ. Нетерпѣніе усиливается.

*) Ребенокъ (баранчукъ).

**) Родъ лассо.

Ноги невольно направляются къ урасѣ Кирсана, и робость охватываетъ, чего-то стыдно. Такъ и кажется, что всѣ поймутъ, зачѣмъ онъ пришелъ. Спросить развѣ еще разъ, будетъ ли онъ неводить, вѣдь за нимъ наша очередь... Вопросъ естественный... Онъ подошелъ уже къ урасѣ. Нѣтъ, глупо, сама придетъ...

Наконецъ, изъ урасы показался Кирса, за нимъ пріѣзжая съ отцомъ, жена Кирсы и нѣсколько неводчиковъ. Направляются къ ихъ урасѣ. Стараясь сохранить хладнокровіе, Николай идетъ туда же. Встрѣтились, поздоровались. На сильное пожатіе руки дѣвушки Николай отвѣтилъ еще сильнѣй. Любопытнымъ взглядомъ она скользнула по всей его фигурѣ. Вошли въ урасу; хозяева, по обычаю, предложили чай. Такъ какъ на маленькомъ столикѣ былъ еще сахаръ и бѣлый хлѣбъ, то они не отказались. Съ полчаса говорили, обмѣнивались новостями. Старикъ разсказалъ, что у нихъ въ озерѣ появилась такая большая щука, которая проглотила якута съ вѣткой. Ее рѣшили поймать, для чего привязали оленя крѣпкими, сыромятной кожи, веревками и согнали въ воду. Щука схватила, но не могла уйти, и ее вытащили на берегъ. У нея изъ горла виднѣлся конецъ вѣтки. Челюсти ея были похожи на ворота, и сквозь нихъ свободно на оленѣ проѣзжалъ тунгусъ.

— Оксе!..*)—удивлялись якуты.

— Басня,—сказалъ Григорій.

Николай все время волновался и то блѣднѣлъ, то загорался яркимъ румянцемъ. Тунгуска съ любопытствомъ разсматривала предметы и къ нѣкоторымъ притрагивалась руками, особенно къ блестящимъ. Случайно заглянула въ зеркало и тотчасъ же отвернулась: инородцы боятся и не любятъ смотрѣть на себя въ зеркало.

Просятъ показать товаръ. Николай засуетился, доставая ящики и суму, распаковывая и вынимая изъ нихъ вещи.

— Вотъ ситецъ, вотъ сибирь...

Руки плохо слушались его.

— Постой, кто же такъ раскладываетъ товаръ?—шепнулъ ему на ухо товарищъ.—Показывай другой.

— Серебряныя кольца, цѣпочки, чистый кумысъ...—вытаскивалъ Николай изъ ящика и клалъ передъ покупателями.—Вотъ платки, хорошіе платки,—и положилъ ихъ передъ тунгуской.

Та стала разсматривать.

— Ничего платки. А шелковые есть?

— Шелковыхъ нѣтъ.

---

*) Восклицаніе неопредѣленнаго значенія.

Замѣтивъ, что остальные заняты разсматриваніемъ товара, онъ тихонько сказалъ дѣвушкѣ:

— Минь таптырь...*) и... я дарю тебѣ этотъ платокъ.

И тотчасъ же ему самому стало неловко при мысли, что онъ не нашелъ болѣе деликатной формы для выраженія своего чувства, а прибѣгъ къ способу, какой обычно практикуется въ отношеніи якутокъ.

Глаза ея неопредѣленно блеснули; она засмѣялась, полупрезрительнымъ взглядомъ снова окинувъ его тонкую фигуру: русскій костюмъ всегда смѣшонъ и страненъ съ точки зрѣнія инородцевъ. Николай это зналъ и почувствовалъ себя страшно неуклюжимъ...

— Хочешь, я тебѣ дамъ два такихъ?—сказала она громко и отошла къ остальнымъ.

— Аргы**) у тебя есть?—спросилъ тунгусъ.

— Водки нѣтъ, табакъ есть...—машинально отвѣтилъ Николай.

— Это хорошо,—думалъ онъ про себя,—ее безъ борьбы не добудешь. Тѣмъ интереснѣй.

И все же ему было обидно, что она такъ сразу оттолкнула его, и при воспоминаніи о ея взглядѣ онъ невольно ежился.

Якуты еще долго смотрѣли товаръ, торговались, что-то купили. Николай бродилъ, какъ въ туманѣ, растерянный.

Когда вышли изъ урасы, Николай замѣтилъ большой треугольникъ гусей и схватился за ружье. Тунгуска, передавъ покупки отцу, бросилась къ вѣткѣ и вытащила свою винтовку. Николай выстрѣлилъ, гуси на минуту смѣшались и опять стали равняться. Тунгуска опустилась на одно колѣно и спустила курокъ на кремень. Одинъ гусь долго кувыркался въ воздухѣ и грузно упалъ на песокъ. Собаки, сбѣжавшіяся по первому выстрѣлу, кинулись къ нему. Дѣвушка дико взвизгнула и легко и быстро побѣжала туда-же, догнала собакъ и выхватила у нихъ добычу.

— Оксе!—качали головами якуты.—Ай-да!—Надъ Николаемъ же смѣялись. Онъ поблѣднѣлъ, сильно закусилъ губу и гипнотизирующимъ взглядомъ впился въ тунгуску.

А та, спокойная, съ легкой улыбкой превосходства, подошла къ толпѣ. По прежнему горѣлъ румянецъ на смуглыхъ щекахъ, губы полуоткрылись, показывая рядъ бѣлыхъ зубовъ. Платокъ упалъ на плечи, и черные волосы ярко оттѣнили бѣлую шею.

Николай болѣзненно вздрогнулъ, съ силой взмахнулъ

*) Признаніе въ любви—„ты мнѣ нравишься“.

**) Водка.

рукой, точно бросилъ что-то на землю, ушелъ въ урасу и легъ ничкомъ на оленьи шкуры, замѣнявшія матрацъ. Вскорѣ вошелъ Григорій.

— Ну, какъ мы себя чувствуемъ? — полунасмѣшливо, полуучастливо спросилъ онъ.—Платкомъ-то ее, видно, не удивишь.

Николай не отвѣтилъ.

— Да-а, хоть она и воплощеніе граціи и всего тамъ прочаго, но взвизгнула такъ, что собаки хвосты поджали.

Николай молчалъ и лежалъ неподвижно.

— Да ты что, друже, серьезно? Хоть и говорятъ, что съ одного взгляда можно влюбиться на всю жизнь, но подумай о разницѣ твоего и ея міропониманія. Къ тому же, ее купить надо, калымъ требуется...

— Не знаю—любовь ли, страсть ли это, только я долженъ получить ее!—съ какой то злобой отвѣтилъ Николай.— Я готовъ, не знаю, что сдѣлать...

— Дико!—перебилъ Григорій.

— Ей дикаря и нужно...

— Да вѣдь ты дикарь, пока въ тебѣ страстишка горитъ, а какъ остынешь, такъ и застонешь по культурнымъ привычкамъ.

— Тогда она сама уйдетъ отъ меня.

— Представляю себѣ твою жалкую фигуру послѣ такого казуса! Нѣтъ, парень, подумай самъ: продаваться она не станетъ, да и для тебя это неинтересно; полюбить тебя, во всякомъ случаѣ, не полюбитъ... ну, можетъ быть, такъ... на время. А вообще это, братъ, никчемная исторія, и при томъ скверная.

— Ты не долженъ такъ говорить,—обидѣлся Николай.— Ты не знаешь, какое чувство я къ ней питаю.

— Да какое же, кромѣ самаго обыкновеннаго, естественнаго? Смазливая бабенка...

— Вотъ то-то, что для тебя она смазливая бабенка, а для меня...

— Идеалъ?—усмѣхнулся Григорій.

— Дуракъ!

Григорій опѣшилъ. Этого онъ не ожидалъ.

— Благодарю покорно,—только и нашелся онъ отвѣтить.

Вошелъ Апулъ. Отъ него пахло водкой.

— Пьютъ тамъ...—пояснилъ онъ.—Сначала Кирса угостилъ, а потомъ пріѣзжій. Ну, баба! Вотъ пьетъ! Ни отъ одной рюмки не отказывается и всю до дна. Попробуй, Коля, походить за ней, ты парень-то изъ себя ладный... Матеріи хорошей подари... Водкой угости!..

Николай поднялся съ орона.

— Дѣло. Дай сюда водку.

— Ты съума сошелъ!—вскочилъ Григорій, — пускаться на такіе способы... Я не позволю.

— А поить водкой при покупкѣ рыбы?

— Это дѣло другое. Такой уже здѣсь обычай.

Николай круто повернулся и вышелъ изъ урасы. Пошелъ къ скалистому берегу и сталъ взбираться на вершину къ неподвижнымъ лиственницамъ. Легъ тамъ на мохъ и тщательно закрылся сѣткой отъ комаровъ, а руки спряталъ въ карманы. Рѣшилъ лежать такъ, пока не успокоится.

Ему вспомнилась тундра. Онъ видѣлъ ее зимой, безпредѣльную, бѣлую. Видѣлъ дикія, безжизненныя горы: хребетъ Тастумсу. По изгибамъ и крутизнамъ тянутся узенькія дорожки, протоптанныя дикими оленями: кылъ. Вотъ по одной изъ нихъ, цѣпляясь за выступы каменьевъ, скользя и тяжело дыша, пробирается *она*—тунгуска, въ сарахъ, въ сукуѣ до колѣнъ, въ лисьей шапкѣ, съ винтовкой въ рукахъ. Въ ущельи небольшое стадо кылъ. Часть лежитъ, часть тонкими стройными ногами разгребаетъ снѣгъ и достаетъ свѣтло-желтый мохъ. Подкралась, осмотрѣла кремневую винтовку, опускается на одно колѣно и цѣлится. Выстрѣлъ, эхо повторяетъ его... Вихремъ помчались олени, только вьется за ними снѣжная пыль; и вотъ уже черными точками взбираются на крутизну. Но на мѣстѣ остался одинъ. Упалъ на бокъ, дрыгаетъ ногами, безпомощно поводитъ вѣтвистыми рогами по снѣгу, пытаясь встать; въ огромныхъ черныхъ глазахъ видна мука, капаютъ слезинки... Она подходитъ къ оленю, и хищной радостью свѣтятся глаза; быстрымъ движеніемъ поправляетъ она волоса, вытираетъ потъ. Олень все еще бьется. Наклоняется надъ ранкой и съ наслажденіемъ тянетъ густую, пахучую кровь... Потомъ усѣлась возлѣ на камень и набила трубку табакомъ.

Непріятная дрожь пробѣжала по тѣлу отъ мысли: онъ стоитъ рядомъ съ ней.

— Фу, дико... но и заманчиво...

Недолго лежалъ Николай. Опять потянуло туда, къ урасѣ Кирсана. Пошелъ бродить по берегу, прислушиваясь къ шопоту волнъ, къ тому, что творилось въ душѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, что тянетъ меня къ ней? Красота? Но она красива только потому, что кругомъ безобразныя, скуластыя физіи... Она дика и свободна въ своихъ порывахъ, ничто насъ не свяжетъ...

Сѣлъ въ вѣтку, хотѣлъ ѣхать, но раздумалъ: а вдругъ она выйдетъ?..

Юноша не обманулся: Она вышла изъ урасы и пошла въ сторону высокаго берега. Онъ сталъ ее догонять. Должно

быть замѣтивъ его, она свернула въ другую сторону; онъ пошелъ туда же. Тогда тунгуска пошла навстрѣчу.

— Эн'еха тохъ надо (что тебѣ нужно)?—спросила она, рѣзко глядя въ упоръ.

— Я люблю тебя, и хочу, чтобъ ты была моей женой...

Голосъ дрожитъ и срывается, а хотѣлось бы говорить спокойно и убѣдительно.

Тунгуска подняла брови, потомъ прищурила глаза... Они, точно двѣ искорки, такъ и жгутъ!

— А ты на учахѣ *) умѣешь ѣздить?

Николай не разъ удивлялся инородцамъ: сколько нужно терпѣнія, выносливости и звѣриной цѣпкости, чтобъ удержаться на холкѣ, на переднихъ лопаткахъ оленя.

— Нѣтъ, не умѣю.

— Зачѣмъ же я тебѣ? Рубахи мыть?

Въ этомъ вопросѣ была уничтожающая иронія. Развѣ тунгусы стираютъ свое бѣлье? Носятъ, пока не изорвется на тѣлѣ, и бросаютъ.

— Тебѣ нужно толстую куропатку-якутку или русскую барыню...

Повернулась и пошла. Плечи вздрагиваютъ, должно быть отъ сдерживаемаго смѣха.

Съ океана, между тѣмъ подулъ вѣтеръ. Тунгусы, быть можетъ, отложатъ по этому случаю свой отъѣздъ. Въ этомъ была какая-то надежда для Николая...

II.

Вѣтеръ, какъ здѣсь это часто бываетъ, порывисто усилился, разсвирѣпѣлъ и погналъ по небу громоздкія черныя тучи, скрывшія голубую бездну и солнце, отчего стало сумрачно и холодно. Лена почернѣла, всколыхнулась валами, съ шумомъ и далеко выкатывая ихъ на берегъ, потомъ закипѣла, покрылась пѣной; валы въ безпорядкѣ разбивались другъ о друга, открывая бездонныя пропасти.

Апулъ, согнувшись и тяжело переступая, тащилъ лямкой бережникъ невода, а Григорій, Николай и Хаютанъ дѣлали то же въ лодкѣ. Григорій гребъ, Николай и Хаютанъ постепенно сбрасывали неводъ въ воду. Лодку начало сильно покачивать, объ низкіе борта ударялись волны и бросали въ лодку свои верхушки. Мальчикъ-якутъ безпрерывно вычерпывалъ таюзкомъ воду.

Глядя, какъ тяжело Апулу, Григорій думалъ про себя о

*) Верховой олень.

томъ, что нужно будетъ обязательно запрягать въ лямку собакъ, которыхъ у него имѣется шесть штукъ. Одинъ разъ онъ уже дѣлалъ опытъ, и собаки подъ управленіемъ бережничаго хорошо исполнили свою задачу, но якуты-промышленники почему-то сильно воспротивились этому новшеству.

Когда неводъ былъ весь въ водѣ, якутъ сѣлъ рядомъ съ Григоріемъ въ весла, а Николай сталъ держать корму. Плыли больше часа, гребцы работали изо всѣхъ силъ, и все же лодка еле подвигалась. Потомъ Григорій съ Хаютаномъ начали собирать неводъ въ лодку, а Коля сѣлъ въ весла. Когда матица подошла близко къ лодкѣ, Коля завернулъ къ берегу, бережничій продолжалъ мѣрно отчаливать, иногда по колѣни проваливаясь въ илъ. У берега Николай, какъ самый высокій, выскочилъ въ воду и сталъ надавливать ногами нижнюю клязь, чтобъ подъ нее не ушла рыба. Остальные трое быстро и умѣло вытаскивали на берегъ матицу. Блеснули серебристой чешуей крупныя нельмы, вынырнули горбоносыя физіономіи моксуновъ. Межъ ними стремительно шныряла разная мелкая рыба: омули, кандевка, метнулось нѣсколько стерлядей.

— А, попалась бѣлокожая московская купчиха!—смѣялся Григорій и толстымъ деревяннымъ концомъ крючка оглушилъ ее по головѣ. Купчиха неподвижно вытянула свое жирное тѣло.—И добрые молодцы максуны... Стой, не вертись, все равно не отпущу...

Они безцеремонно поддѣвали на крючки менѣе крупную рыбу и сбрасывали въ лодку.

— Ну, что же, у насъ еще одна тоня?..—сказалъ Григорій—будемъ продолжать?

— Тэлъ баръ *)—замѣтилъ Хаютанъ, съ опаской поглядывая на Лену.—Улаханъ тэлъ... **).

— Тогда ты бережничай, а Апулъ съ нами въ лодкѣ. Сёп дуу Апу?

— Сёп... ***)—не совсѣмъ охотно отвѣтилъ Апулъ.

Отчалили и снова стали сбрасывать неводъ.

— Въ общемъ не важно,—говорилъ Григорій.—Знаешь, Коля, если въ это лѣто хорошо промыслимъ, то на будущее состряпаемъ себѣ неводъ саженъ въ полтораста, а то и двѣсти, собакъ будемъ запрягать. А то у самаго берега полземъ; да развѣ сюда зайдетъ крупная рыба?

— Пожалуй,—неохотно отвѣтилъ Николай. Тунгуска все еще всецѣло владѣла его воображеніемъ, и онъ раздумывалъ о томъ, какъ бы встрѣтиться съ нею. Съ краской стыда

*) Вѣтеръ есть.
**) Большой вѣтеръ.
***) Ладно.

вспоминалъ онъ первое свое знакомство съ ней, какъ мальчишески глупы были всѣ его выходки!.. Считая ее выше остальныхъ, подошелъ онъ къ ней дорожкой мѣстныхъ донжуановъ... И хорошій получилъ урокъ!

Когда неводъ былъ уже сброшенъ, лодка вдругъ дернулась сзади, и наплавы потонули. Бросили весла.

— Зацѣпились...—сердито проговорилъ Григорій.

Снова собрали неводъ, приближаясь къ злополучному мѣсту, но, сколько ни дергали съ разныхъ сторонъ, клязь не освобождалась.

Съ сердцемъ выругавшись, Григорій раздѣлся и прыгнулъ изъ лодки (не рвать же было неводъ!).

— Брр, тай холодно-же!..—показался онъ черезъ нѣсколько секундъ.—За дерево зацѣпились... Вотъ какъ они травятъ пески,—кинулъ онъ въ сторону Коли и опять нырнулъ. Наплавки всплыли, слѣдомъ показался и Григорій. Съ длинныхъ волосъ текла вода, онъ фыркалъ посинѣвшими губами и въ нѣсколько взмаховъ догналъ лодку.

— Пропадешь тутъ...—ворчалъ онъ, натягивая штаны и рубаху на сильное крѣпкое тѣло, покрывшееся синими пятнами, и сѣлъ за весла грѣться. Съ берега на него съ удивленіемъ поглядывалъ Хаютанъ, не умѣвшій, какъ и всѣ якуты, плавать и боявшійся воды.

— Молёдецъ нюча!.. *)—крикнулъ онъ.

— Спасибо. Вы бы тутъ неводъ порвали, а мы отдѣлались маленькой дырой. — Коля, дай-ка сюда бутылку.—Онъ отпилъ нѣсколько глотковъ водки.—Фа, мерзость! Вонъ тотъ камень проѣдемъ,—тамъ, кажется, песчаный берегъ,—и будетъ. Вѣтеръ, правда, разгулялся...

— Какъ бы ты не простудился...—замѣтилъ Коля.

— Сейчасъ согрѣемся...—отвѣтилъ Григорій съ силой работая веслами.

Зловѣщія тучи все скоплялись, опускались ниже и стали цѣпляться за верхушки горъ. Чувствовалась ихъ тяжесть, и неувѣренно держали себя люди на черной вздымающейся водѣ подъ черной клубящейся и движущейся крышей.

Ослѣпительно сверкнула молнія, заставивъ всѣхъ вздрогнуть, пророкоталъ громъ. Пока подъѣзжали къ урасамъ, гроза разыгралась. Безпрерывныя молніи мгновеннымъ и длительнымъ свѣтомъ рѣзали тучи и сумерки, и взглядъ тогда ловилъ далекія зубчатыя верхушки, побѣлѣвшую отъ пѣны Лену, и громы, какъ пушечная кононада, дробились въ горахъ.

Полилъ дождь.

---

*) Русскій.

Непогода продолжалась нѣсколько дней, а къ вечеру послѣдняго дня такъ же неожиданно упала, какъ и началась.

Наши рыболовы лежали въ урасѣ, лѣниво перекидываясь фразами, и каждый думалъ свои думы. Апулъ забѣгалъ въ урасу только поѣсть, а все время проводилъ за картежной игрой, какъ и остальные якуты, проигрывая свою долю невода и не забывая при всякомъ удобномъ случаѣ выпить рюмку водки—этого запретнаго и дорогого для инородцевъ плода, котораго у купцовъ всегда неистощимый запасъ.

Григорій топилъ изъ рыбы жиръ и различными способами добивался химической очистки его. Николай набилъ патроны, тщательно вычистилъ ружье, смазалъ жиромъ сары. Григорію не нравились эти его приготовленія: вѣдь дорогъ каждый день. Есть рыба—есть деньги, а значитъ—и книги.

Когда солнце бросило изъ-за убѣгающихъ тучъ свои быстрые золотистые лучи, изъ падей поднялся густой туманъ; Лена и лиственницы застыли въ покоѣ; тунгуска и ея отецъ, простившись съ провожавшими якутами, уплыли вверхъ. Николай стоялъ возлѣ урасы и долго смотрѣлъ вслѣдъ, пока вѣтки не исчезли за поворотомъ Лены. Григорій и Апулъ раскладывали и чинили неводъ. Николай перетащилъ кое-что изъ пожитковъ въ маленькую, но устойчивую вѣтку.

— Поѣду въ Чубукулахъ,—сказалъ онъ Григорію, скучающимъ взглядомъ уходя вдаль.

Чубукулахъ—гора выше по теченію Лены, на правой сторонѣ, гдѣ водились дикіе бараны и кылъ.

— Свинство!—рѣзко отвѣтилъ Григорій.—Ты знаешь, что втроемъ неводить нельзя...

— Возьми кого-нибудь въ долю...

— Да ты-то самъ чѣмъ будешь зимой жить?

— Тамъ видно будетъ...—Николай уѣхалъ, и черезъ четверть часа вѣтка его слилась съ водной далью.

Хаютанъ нашелъ дольщика, но, проработавъ на нѣсколькихъ тоняхъ и получивъ свою долю,—онъ запьянствовалъ.

Неводить втроемъ было невозможно, и время пропадало даромъ. Покончивъ съ досолкой рыбы, Григорій ложился на берегу и читалъ или писалъ письма.

Какъ-то зайдя по дѣлу въ урасу Хаютана, онъ неожиданно увидѣлъ тунгуску. Она пила кирпичный чай, густой, какъ кофе, безъ сахару и хлѣба, отщипывая кусочки жирной юкалы... Въ то время какъ онъ говорилъ съ Хаютаномъ, она бросала короткія, рѣзкія слова женѣ Хаютана и не обращала, казалось, никакого вниманія на русскаго. Якутка подала ей жареную рыбу. Она брала ее прямо руками, громко

чавкала, пачкая жиромъ руки и губы. Григорію почему-то показалось непріятнымъ и удивительнымъ, что она ѣстъ, какъ и всѣ якутки.

— Фу, дурень!—оборвалъ онъ себя.—Что же она вилкой должна ѣсть, что-ли?..

При неводьбѣ онъ замѣчалъ, что дѣвушка издали смотритъ на ихъ работу; иногда она подходила близко и даже помогала собирать рыбу. Апулъ безцеремонно хваталъ ее за талію, прижималъ къ себѣ и обнюхивалъ ей лицо. Но тунгуска, сильная и ловкая, отталкивала его отъ себя, Апулъ отпускалъ грубыя остроты и восклицанія, и оба смѣялись.

— Неужели Апулъ счастливѣе Николая?—думалъ Григорій.—А впрочемъ, ничего мудренаго.

Утомившись послѣ неводьбы, Григорій съ удовольствіемъ растянулся на своемъ любимомъ мѣстѣ и незамѣтно уснулъ.

— Капсе, нюча!..—раздалось надъ нимъ.

Чѣмъ-то знакомымъ и близкимъ прозвучалъ голосъ, напоминая родное, но далекое, мелькнули сквозь дымку сна неясные образы. Онъ открылъ глаза. Возлѣ стояла тунгуска и улыбалась.

— Что ты дѣлаешь, русскій?..

Григорій приподнялся.

— Спалъ, какъ видишь...—недовольно отвѣтилъ онъ.— Такъ славно вздремнулъ... и надо же было...

— А еще что дѣлалъ?.. — продолжала спрашивать дѣвушка, и въ ея немного низкомъ, твердомъ голосѣ звучали игривыя нотки, будто довольство тѣмъ, что она помѣшала русскому спать, и онъ за это не разсердится. И въ глазахъ что-то странное—не то вызовъ, не то насмѣшка.

— Читалъ вотъ книгу...

Сонъ прошелъ.

Да, Николай правъ: есть въ ней что-то... Манятъ эти горящіе глаза, и вся она будитъ какую-то сладкую истому...

— И тебѣ не скучно читать?..

— Нѣтъ, не скучно.

— Вы всѣ, русскіе, умѣете читать?

— Нѣтъ, не всѣ...—отвѣчалъ Григорій живѣй, начиная чувствовать интересъ къ этой странной дѣвушкѣ.

— И ваши женщины читаютъ?

— Читаютъ и пишутъ... многія.

— А русскія дѣвушки красивы?..

— Всякія есть. Да вотъ купеческія дочки, онѣ вѣдь тоже русскія.

— Совсѣмъ какъ якутки...—пренебрежительно отвѣтила дѣвушка.

Григорій усмѣхнулся. Якутки не любятъ тунгусокъ, а послѣднія платятъ имъ той же монетой.

— Развѣ якутскія дѣвушки плохи?—спросилъ онъ.

— Ты самъ долженъ знать...—не смущаясь, отвѣтила она.

— Кокетничаетъ!—подумалъ Григорій.

— Я ихъ не знаю.

— Кысъ тоже говорятъ. Почему ты къ нимъ не ходишь? У тебя въ Россіи осталась невѣста. Красивая?

— У меня нѣтъ невѣсты...

— Неправда. Тогда бы ты ходилъ къ дѣвушкамъ и веселился бы съ ними, а то твое сердце засохнегъ. Онѣ не нравятся тебѣ? А я красивая?—смѣется, будто шутитъ, а голосъ дрогнулъ.

Григорію не понравилось направленіе этого разговора, прямого, вызывающаго. Такъ же вызывающе колеблются ея груди, ласкаетъ улыбка, бродящая по губамъ... Онъ отвернулся, блуждающимъ взоромъ скользнулъ по Ленѣ; взглянулъ на небо, гдѣ на мягко голубой тверди рѣдко и въ красивомъ безпорядкѣ застыли бѣлыя, легкія облачка, точно небрежныя мазки кисти невѣдомаго художника.

— Ты—хорошій промышленникъ,—продолжала дѣвушка—совсѣмъ, какъ тунгусъ...

Это былъ комплиментъ, но Григорій не отозвался на него. Тунгуска еще что-то спросила, но, должно быть, оскорбившись невниманіемъ, отвернулась и пошла прочь. Онъ проводилъ взглядомъ стройную, верткую фигуру и пожалѣлъ, что не умѣетъ обращаться съ женщинами. Некогда было ему въ Россіи учиться этой премудрости. Григорій полежалъ еще немного, потомъ сварилъ себѣ уху, поѣлъ, вычистилъ и вымылъ рыбу, засолилъ и легъ спать надолго и крѣпко. Только не спалось что-то. Фигура тунгуски, ея лицо, румяное и съ хищнымъ огонькомъ въ глазахъ, не разъ заманчиво рисовались воображенію; потомъ мерещились еще другія женщины, много женщинъ, и всѣ какъ-то странно смотрятъ и смѣются, и его неудержимо тянетъ къ каждой изъ нихъ... Каждая сулитъ что-то необыкновенное, горячее.

Проснувшись на утро, онъ напился чаю, предусмотрительно приготовленнаго Апуломъ, осмотрѣлъ неводъ. Читать не хотѣлось. Пошелъ побродить въ лѣсъ. Набрелъ на морошку, легъ на мохъ и сталъ ѣсть ягоды, думая про себя, что здѣсь, такъ далеко за полярнымъ кругомъ, въ сущности, не должно бы быть растительности, а между тѣмъ—деревья довольно большія, годятся на постройку юртъ и амбаровъ. Цвѣты мелькаютъ, ягоды, вообще—ничего себѣ. Вотъ комары только досаждаютъ. Вонъ птица порхнула. Присмотрѣлся—похожа на дятла. Право, ничего... И солнышко пригрѣваетъ.

Далеко въ сторонѣ прозвучалъ смѣхъ. Григорій взглянулъ туда и увидѣлъ якутокъ въ пестрыхъ халдаяхъ, собиравшихъ ягоды. Поднялся и пошелъ въ сторону, не желая встрѣчаться. Вдругъ услышалъ сзади быстрые, крадущіеся шаги, и возлѣ него очутилась тунгуска. Григорій окинулъ ее быстрымъ взглядомъ и удивился нарядности ея одежды. Черные, густые волосы причесаны, на нихъ накинутъ красный шелковый платокъ, оттѣняющій черноту бровей и глазъ и бѣлую красивую шею. Въ ушахъ большія узорныя серьги изъ серебра. Но въ общемъ самодѣльный, безвкусный костюмъ изъ краснаго и желтаго шелка, напоминающій бурятскій, слишкомъ кричащій серебряными отдѣлками,—не шелъ къ ней. На рукахъ широкіе, аляповатой работы, браслеты. Показнымъ чѣмъ-то повѣяло отъ ея фигуры... Обыкновенный халдай, восточнаго рисунка, больше ей къ лицу.

— Развѣ сегодня праздникъ?—подумалъ Григорій. Дѣвушка не то спѣшила, не то волновалась.

— Куда, нюча, идешь?—спросила она.

Что-то навязчивое почудилось ему.

— Къ себѣ иду!—отвѣтилъ онъ тономъ, не допускавшимъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Пойдемъ къ дѣвушкамъ... будемъ ягоды собирать говорить...—Она нагнулась къ Григорію, и быстрый обжигающій взглядъ метнулся въ его глаза. Въ груди у него что-то вспыхнуло, сильно забилось сердце, кровь огнемъ пробѣжала по тѣлу, прилила къ головѣ... Зашумѣло, завертѣлось въ дикой пляскѣ желаніе... Сильныя руки напряглись, жаждая обнять молодое тѣло... Григорій шагнулъ впередъ... Но это былъ только мигъ. Когда тунгуска, страстно прижавшись къ нему, обдала его горячимъ, прерывистымъ дыханіемъ („ротъ не полощетъ"—мелькнуло у Григорія охлаждающее соображеніе) и, вся раскраснѣвшаяся, сказала:— „Зачѣмъ ты носишь бороду? Вѣдь ты не огоніоръ *)..."

Онъ вырвался изъ ея рукъ и сталъ торопливо спускаться внизъ.

— Стой, нюча!—сказала властно дѣвушка и, догнавъ, взяла его за руку. Измѣнилась вся, смотритъ рѣшительно, поблѣднѣла...

— Ты придешь сюда... я буду ждать тамъ...—она махнула рукой вглубь лѣса и впилась въ него взглядомъ.

— Нѣтъ, я не приду!..—рѣзко отвѣтилъ Григорій.

— Бай!..—металлически прозвучало въ воздухѣ.

Григорій вздрогнулъ отъ этого негодующе - удивлен-

---

*) Старикъ.

наго возгласа; какое то сомнѣніе закралось было въ сердце... Но онъ не обернулся и шелъ къ урасамъ. „Какъ это все просто!—думалъ онъ по дорогѣ. — И какого чорта я сбѣжалъ? Любовь-то такой и должна быть... минутное влеченіе, ни къ чему не обязывающее... Фея тундры“...

Погода опять испортилась, и теперь, какъ говорили якуты, надолго. Вѣтеръ съ силой дулъ съ океана, дождя не было, но, нѣтъ-нѣтъ, пробѣжитъ мрачная туча и очернитъ густой тѣнью Лену и горы. Изъ-за волнъ неводить почти не приходилось, и рыболовы лежали по урасамъ, кутаясь въ одежды, поближе къ печкамъ или къ кострамъ.

Апулъ проигрался въ пухъ и прахъ и, какъ сурокъ, спалъ на своихъ кожахъ. Читать и заниматься на берегу не было возможности, въ урасѣ—темно и неудобно, и Григорій проводилъ время такъ же безцѣльно. Мечтать онъ не умѣлъ и не хотѣлъ, думать любилъ только надъ книгами. Ему стало скучно, но дѣятельный умъ скоро нашелъ занятіе. Ему все хотѣлось выработать въ себѣ ораторскія способности, и онъ рѣшилъ воспользоваться благопріятными условіями.

Сначала дѣло не клеилось, но потомъ, перейдя на излюбленную тему объ аграрномъ вопросѣ, онъ увлекся, повысилъ голосъ. Апулъ проснулся и съ изумленіемъ въ узкихъ черныхъ глазахъ глядѣлъ на „тойона“, какъ онъ называлъ Григорія, и на то, какъ послѣдній вырабатывалъ у себя жестикуляцію. Замѣтивъ устремленный на него взглядъ, Григорій смутился и оборвалъ.

— Этого еще недоставало! Завтра же всѣ будутъ говорить, что я мерякъ... „Нюча-мерякъ“, это—смѣшно...

Онъ сѣлъ на постель и сталъ думать. Вспомнилась недавняя сцена съ тунгуской. Что-то теплое и хорошее шевельнулось въ немъ, и стало жаль, что такъ грубо обошелся съ женщиной. Оригинальное существо, можно бы попытаться сдѣлать изъ нея кое-что... хотя едва-ли. Типъ уже законченный, свободный, признающій только свои желанія. Инстинкты хищника культурой не осилишь, только исковеркаешь.

— А гдѣ-то теперь Коля?—вспомнилъ Григорій, отвлекаясь.—Чортъ!—вдругъ свирѣпо выругалъ онъ не то себя, не то товарища.—Конечно, никакой провизіи съ собой не взялъ. И я — дуракъ, надо было заглянуть въ суму. Провѣримъ...

Онъ даже обрадовался, что нашелъ себѣ дѣло, и сталъ рыться по сумамъ и мѣшкамъ.

— Такъ, рису взялъ, но очень мало. Одинъ хлѣбъ, двѣ булки... сухарей... и только! Ну, и будешь сидѣть на пищѣ св. Антонія или на ягодахъ. Барановъ недѣлями стерегутъ,

и безъ толку; а то и на медвѣдя напорется. А можетъ быть, не надолго уѣхалъ? Ну, да все равно: въ такой вѣтеръ черезъ Лену на вѣткѣ не поѣдешь. Сидитъ теперь около костра, зябнетъ...—Григорій застучалъ ногами, нервно покусывая нижнюю губу.

Обычно отъ вынужденнаго бездѣлья его охватывала злоба. Злилъ безпрерывно храпѣвшій и свистѣвшій носомъ Апуль, раздражалъ порывистый вой вѣтра, возбуждали въ душѣ ненависть голыя облѣзлыя горы, тяжело придавившія землю.

Теперь и пароходъ опоздаетъ: куда ему бороться съ такимъ вѣтромъ, стоитъ гдѣ нибудь. А то и на мель загнало. А тамъ—письма, газеты изъ Россіи...

Мелкій дождь стучалъ ночь и день въ кожаныя стѣны урасы и заливалъ сверху въ дымовое отверстіе огонь. Когда дней черезъ шесть дождь, наконецъ, пересталъ, Григорій вышелъ пройтись. Середина Лены и горы за ней утонули въ туманѣ. Поверхъ тяжелыхъ тучъ, повиновавшихся сѣверному вѣтру, плыли легкія облачка, что́ указывало на южный вѣтеръ, а значитъ,—и скорую перемѣну погоды.

Когда повеселѣвшій Григорій возился возлѣ костра, дверь приподнялась—и ввалились два молодыхъ якута.

По ихъ движеніямъ, и безъ того мѣшковатымъ и неуклюжимъ, Григорій догадался, что они пьяны. Ему стало непріятно. Пьяные якуты безобразны: слюнявы, крикливы, лѣзутъ цѣловаться, клянутся въ дружбѣ, выставляя на видъ свои достоинства и качества, хвалясь пра-пра-прадѣдами, точно родовитые аристократы. Григорій вообще не любилъ пьяныхъ, и якуты это знали. Поэтому и въ урасу его заходили рѣдко: осторожно поговоривъ о серьезныхъ вещахъ, выпивъ нѣсколько чашекъ чаю съ сахаромъ, они съ поклономъ обыкновенно удалялись, и Григорій не жалѣлъ объ этомъ. Здѣшніе якуты слишкомъ дики и забиты природой и купцами. Хищнически, не умѣя распоряжаться богатствами края, они вылавливаютъ рыбу. Рыба черезъ вино и карты переходитъ къ купцамъ, а сами владѣльцы ея нерѣдко голодаютъ всю зиму.

На этотъ разъ якуты вошли развязно, свалили нечаянно пучки юкалы и опрокинули чайникъ. Въ другое время на ихъ скуластыхъ лицахъ изобразился бы ужасъ, посыпались бы извиненія, но теперь они, не смущаясь, направились къ нючѣ.

— Легче вы!..—крикнулъ Григорій.—Тохъ надо? *)

— Гости гуляй... водка угощай... уваженіе!..—увѣренно заявили посѣтители непослушными языками.

*) Что нужно?

— Нѣтъ у меня водки. Проваливайте! Слышь, догоръ, не видишь, что-ли?—повысилъ Григорій голосъ:—сарами на одѣяло залѣзъ!..

— Водка давай...—упрямо повторяли якуты и лѣзли къ нему ближе, обдавая перегаромъ вина и запахомъ тухлой рыбы.

— Къ купцу гуляй, у меня водки нѣтъ, говорю...

— Ты русскій... аргы баръ...*)

Григорій зналъ, что отъ пьяныхъ якутовъ добрыми словами не отдѣлаешься. Легонько повернулъ одного и толкнулъ къ выходу.

— Мы не баба... ты насъ не гоняй...—закричалъ другой якутъ и схватилъ Григорія съ намѣреніемъ повалить, а его товарищъ, повернувшись, вдругъ съ силой ударилъ Григорія по лицу.

Черная тьма съ золотыми, прыгающими въ ней искрами охватила его на мигъ; загудѣло что-то и оборвалось съ болью... Всколыхнулась бѣшеная злоба и хлестнула мучительнымъ желаніемъ испепелить ударившаго. Съ силой размахнулся онъ... но во время опомнился. Схвативъ за грудь якута, встряхнулъ такъ, что тотъ ляснулъ зубами, и отшвырнулъ прочь. Якутъ кинулся къ выходу и исчезъ за дверью. Апулъ проснулся отъ шума и, замѣтивъ драку, вытолкалъ другого якута, своимъ паденіемъ чуть не разрушившаго всю постройку урасы.

— За что они тебя, тойонъ?..—спросилъ Апулъ.

— Не знаю...—сердито отвѣтилъ Григорій, смутно догадываясь о причинѣ неожиданнаго нападенія.—Принеси лучше воды...

Якутъ умудрился задѣть ему глазъ и разбить носъ.

— Вотъ вѣдь пакость...—съ сокрушеніемъ произнесъ Григорій.

Когда Лена допѣвала еще тягостно-таинственную пѣсню вѣтра и могучаго, невѣдомаго океана, затихая подъ ласковымъ привѣтомъ юга,—Григорій вышелъ неводить.

Невдалекѣ отчалилъ каюкъ, полный якутовъ и женщинъ. Среди послѣднихъ Григорій замѣтилъ тунгуску.

Онъ долгимъ взглядомъ провожалъ лодку, но дикарка не обернулась въ его сторону.

Г. Н. Кутомановъ.

---

*) Водка есть.

Апостолъ правды.

(Къ 50-лѣтію смерти Т. Г. Шевченка).

I.

19-мъ февраля датируется освобожденіе крестьянъ, 26 февраля умеръ Шевченко.

Бываютъ такія знаменательныя совпаденія событій. Въ данномъ случаѣ судьба, какъ будто намѣренно, связала указанныя два событія, чтобы тѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе отмѣтить и подчеркнуть глубокую внутреннюю связь украинскаго поэта съ дѣломъ и стремленіями всей его многострадальной жизни—борьбой за освобожденіе крестьянской массы. Бывшій крѣпостной, испытавшій на собственной спинѣ весь ужасъ безграничной власти человѣка надъ человѣкомъ и лишь благодаря своимъ геніальнымъ способностямъ и благопріятному стеченію обстоятельствъ избавившійся отъ крѣпостного безправія, Шевченко никогда не порывалъ самыхъ живыхъ связей съ крѣпостной средой. Свою автобіографію, изложенную въ письмѣ къ редактору «Народнаго Чтенія», онъ оканчиваетъ въ буквальномъ смыслѣ слова воплемъ о «страшномъ уразумѣніи своего прошлаго», купленномъ цѣною невѣроятныхъ усилій не погибнуть. «Это уразумѣніе—пишетъ Шевченко—ужасно. Оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которыхъ мнѣ было тяжко вспоминать въ своемъ разсказѣ, до сихъ поръ крѣпостные. Да, м. г., они крѣпостные до сихъ поръ!» Во время своихъ пріѣздовъ на родину Шевченко первымъ долгомъ вступалъ въ самыя близкія отношенія съ крѣпостными, предпочитая ихъ общество обществу душевладѣльцевъ; сохранились трогательныя воспоминанія о немъ этихъ простыхъ людей, чуявшихъ въ своемъ поэтѣ искренняго друга, неутомимаго заступника и печальника. По смерти Шевченко среди народа выросли цѣлыя легенды о его заступничествѣ за родной подневольный народъ; одна изъ этихъ легендъ, до сихъ поръ сохранившаяся въ крестьянской массѣ, представляетъ Шевченка никогда не умиравшимъ, живымъ и въ настоящее время, только скрывающимся до дня «настоящей

воли», когда онъ придетъ устроить народную жизнь. Воля и Шевченко—два неразрывныя понятія въ народномъ міросозерцаніи, гдѣ о Шевченкѣ твердо установилось представленіе, какъ о человѣкѣ, который «писалъ волю» крестьянамъ. Въ крестьянскихъ хатахъ на Украинѣ не рѣдко можно встрѣтить характерный портретъ Шевченко въ «кожухѣ» (тулупѣ) и мужицкой шапкѣ, поставленный рядомъ съ «богами» въ почетномъ углу; не рѣдкость и его «Кобзарь», хранимый, какъ величайшее сокровище, завернутымъ въ кусокъ домашняго полотна. Можетъ быть, не совсѣмъ ясно и сознательно, но вполнѣ вѣрно крестьянская масса оцѣнила своего геніальнаго представителя: борьба съ крѣпостнымъ правомъ была, несомнѣнно, главнымъ дѣломъ всей жизни Шевченко. Кроткій и добродушный, Шевченко преображался, когда рѣчь заходила о представителяхъ крѣпостного режима; онъ весь вспыхивалъ и всю глубокую ненависть своей изстрадавшейся души къ рабовладѣльчеству изливалъ въ пламенныхъ строкахъ своихъ стихотвореній, не щадя ни лицъ, ни положеній. Неизлечимо больной, дрожащей рукой онъ набрасываетъ свои послѣднія могучія обличенія «людей неситих» въ защиту «малих отих рабів німих», какъ бы торопясь высказать все, что подсказывало ему его великое сердце. На смертной постели онъ нетерпѣливо справляется о положеніи крестьянской реформы, волнуется, переходя отъ надежды къ сомнѣніямъ и отчаянію за судьбу родного народа. И лишь за нѣсколько дней до смерти Шевченка великій актъ былъ подписанъ, но и тутъ судьба сыграла надъ украинскимъ поэтомъ одну изъ своихъ злыхъ шутокъ—объявленіе манифеста было отложено, и Шевченку уже не пришлось видѣть его своими глазами *). Какъ Моисей, онъ умеръ на порогѣ земли обѣтованной... Вся жизнь и дѣятельность Шевченка представляетъ, въ сущности, такой страшный обвинительный актъ системѣ угнетенія и произвола, которому вообще трудно найти равный по силѣ, цѣльности и непосредственности. И есть какой-то глубокій смыслъ въ томъ, что годовщина освобожденія крестьянъ совпадаетъ во времени съ годовщиной смерти украинскаго поэта, сплетая воспоминаніе о великомъ актѣ соціальной справедливости и о великомъ борцѣ за эту справедливость въ одно неразрывное цѣлое. Память о Шевченкѣ навѣки соединена съ лучшей стороной его литературной и общественной дѣятельности.

*) 19 февраля больного поэта посѣтилъ одинъ изъ его знакомыхъ, Черненко. Шевченко стоялъ около окна, опираясь на столъ; видъ его выражалъ глубокое волненіе и тревогу. „Что—есть?.. Есть воля? Объявленъ манифестъ?"—обратился онъ вмѣсто привѣтствія къ вошедшему и, взглянувъ въ глаза Черненко, понялъ отвѣтъ. Глубоко вздохнувъ, поэтъ сказалъ:—„Такъ нѣтъ? Нѣтъ? Когда же она будетъ?"—и, разразившись крѣпкой фразой, закрылъ лицо руками, упалъ на диванъ и заплакалъ. (О. Конисьский—Т. Шевченко-Грушівський, т. II. Львів, 1900, стр. 373).

Когда Шевченко выступилъ на литературное поприще, возродившаяся въ XIX в. украинская литература уже пережила первый, организаціонный, такъ сказать, періодъ своего развитія. Во главѣ ея стояли такіе признанные таланты, какъ Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Квитка, Костомаровъ, Метлинскій и др., которые сразу взяли вѣрный тонъ по отношенію къ окружающей крѣпостной дѣйствительности. Глубокимъ демократизмомъ вѣетъ отъ этихъ начальныхъ страницъ молодой литературы, и такое направленіе сдѣлалось въ ней традиціонно-господствующимъ до самаго послѣдняго времени. Заговоривъ языкомъ крѣпостного народа, эта «мужицкая литература» должна была, конечно, говорить и о томъ, что составляло насущный интересъ для этого народа—объ его страданіяхъ, нуждахъ и потребностяхъ. И она объ этомъ говорила. Въ литературѣ, такимъ образомъ, Шевченко нашелъ уже въ извѣстной степени подготовленную почву, въ которую ему предстояло бросить лучшія сѣмена украинской мысли. Но, не смотря на эту общность въ настроеніяхъ Шевченка и его предшественниковъ по литературной дѣятельности, между ними было и крупное различіе, сейчасъ же сказавшееся въ той страстной напряженности, съ которой повелъ Шевченко свои аттаки противъ того, что считалъ враждебнымъ народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ расширилъ понятіе враждебнаго до такой степени, которая была недоступна его предшественникамъ просто въ силу ихъ соціальнаго положенія.

Въ самомъ дѣлѣ, Шевченко былъ продуктомъ совершенно иной общественной среды и иныхъ соціальныхъ отношеній сравнительно со своими предшественниками. Исключая двухъ-трехъ разночинцевъ, то были люди дворянскаго происхожденія, и, не смотря на весь ихъ демократизмъ, традиціи благороднаго сословія все-таки имѣли надъ ними нѣкоторую власть. Шевченко былъ свободенъ отъ нея: онъ самъ былъ крѣпостнымъ; онъ вышелъ изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ народныхъ слоевъ и зналъ жизнь ихъ не только въ качествѣ посторонняго, хотя и благожелательнаго наблюдателя, но и непосредственно изъ собственнаго тяжелаго опыта. Предшественники Шевченка почти всѣ были уроженцами лѣвобережной Украины, гдѣ національныя отношенія не достигли еще въ то время крайней степени запутанности и обостренности. Шевченко явился первымъ въ украинской литературѣ представителемъ правобережной Украины, гдѣ соціальная пропасть между помѣщикомъ и крѣпостнымъ еще болѣе углублялась національными и вѣроисповѣдными различіями между полякомъ-католикомъ и православнымъ-украинцемъ. Національный и вѣроисповѣдный признаки еще болѣе обостряли здѣсь и безъ того обостренныя соціальныя отношенія между крѣпостной массой и кучкой паразитовъ, все, что возвышалось надъ уровнемъ крѣпостной массы, уже тѣмъ самымъ считало ее чуждой для себя и въ національномъ, и религіозномъ отношеніяхъ, что̀ въ тѣ времена вовсе не было безразличнымъ. Во время

дѣтства Шевченко въ его родномъ селѣ были еще живы воспоминанія о послѣднемъ возстаніи на правобережной Украинѣ, такъ называемой «гайдамачинѣ», и мальчику «не разъ довелось за титаря плакать», слушая изъ своего угла разсказы о прошломъ, о старой неправдѣ. Такія дѣтскія слезы и первыя впечатлѣнія едва-ли могутъ пройти безслѣдно, не затронувъ чуткой дѣтской души и не посѣявъ въ ней первыя сѣмена недѣтскихъ вопросовъ о человѣческихъ отношеніяхъ. Этотъ моментъ Шевченко и самъ отмѣчаетъ впослѣдствіи, какъ первый сознательный моментъ своей жизни:

Давно те минуло, якъ мала дитина,
Сирота в рядниші—я колись блукав
Безъ свити, безъ хліба по тій Украïні,
Де Зализняк, Гонта з свяченим гуляв.
Давно те минуло, як тими шляхами,
Де йшли гайдамаки—малими ногами
Ходивъ я та плакавъ та *людей шукав,*
Щоб добру навчили (Гайдамаки, эпилогъ).

Людей на жизненномъ пути мальчика не было—были большіе и маленькіе тираны и мучители. Была злая мачеха, издѣвавшаяся надъ сиротой, былъ дядя Павло, «великій извергъ» («катюга»), какъ рекомендуетъ его Шевченко; былъ дьячекъ-учитель—«первый деспотъ», внушившій, по собственному признанію поэта, ему «на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ»; былъ другой учитель—маляръ, заставлявшій сироту исполнять непосильную работу; былъ еще учитель-хиромантикъ, не постѣснявшійся прогнать жаждущаго учиться мальчика послѣ оригинальнаго испытанія его способностей по линіямъ ладони; былъ помѣщикъ, водворившій будущаго поэта казачкомъ въ своей передней съ обязанностью строгаго молчанія и неподвижности и наказывавшій пинками и розгами за несоблюденіе этой обязанности; былъ, наконецъ, мастеръ малярнаго цеха, въ своемъ лицѣ совмѣщавшій таланты дьячка-спартанца, діакона-маляра и дьячка-хиромантика и тяжестью этого тройного генія тѣмъ сильнѣе угнетавшій талантливаго юношу Шевченка. Но въ то же время въ душѣ его теплилась искра протеста, жило неугасимое исканіе правды и людей въ настоящемъ значеніи этого слова. Оно вывело художника-крѣпостного на истинный путь, привело его къ людямъ, отъ которыхъ онъ впервые услыхалъ человѣческое слово участія; оно дало ему перо въ руки и внушило ему вдохновенныя пѣсни. Въ 1840 г. Шевченко былъ уже авторомъ «Кобзаря», въ 1844 г. появились «Гайдамаки». На Украинѣ сразу было замѣчено появленіе выходящаго изъ ряда таланта. Наиболѣе сильно, можетъ быть, выразилъ впечатлѣніе, произведенное «Кобзаремъ» на Украинѣ, старый писатель Квитка. «У меня,—писалъ онъ молодому автору, волосы поднялись на головѣ, около сердца что-то оборвалось, въ глазахъ пошли зеленые круги... Я вашу книгу прижалъ къ сердцу,

ибо глубоко васъ уважаю; ваши мысли глубоко западаютъ въ душу». Когда, по окончаніи въ 1845 г. академіи художествъ, Шевченко появился на родинѣ, это былъ уже первый и наиболѣе популярный изъ украинскихъ поэтовъ, надежда и признанный вождь родной литературы, украинскій бардъ, къ которому земляки, по словамъ Кулиша, относились, какъ къ національному пророку. Въ Кіевѣ Шевченко находитъ сплоченную группу молодыхъ энтузіастовъ, во главѣ которой стоятъ Костомаровъ и Кулишъ; съ прибытіемъ сюда Шевченко, Кіевъ дѣлается центромъ украинской общественной жизни, тѣмъ пульсомъ, біеніе котораго отдается во всей Украинѣ. Здѣсь, среди упомянутой группы украинской молодежи, зарождаются первыя попытки общественно-политической программы украинства, во многомъ опередившей идеи своего времени и наложившей свою печать на дальнѣйшую исторію украинскаго движенія и литературы. Новое направленіе украинской общественной жизни выразилось особенно въ созданіи Кирилло-Меѳодіевскаго общества, а въ литературѣ лучшимъ представителемъ его былъ Шевченко.

II.

Кіевъ, естественный и историческій центръ Украины, былъ самымъ, повидимому, удобнымъ пунктомъ для возникновенія новаго направленія среди украинцевъ. И его старыя историческія традиціи, какъ очага культуры и просвѣщенія, и его географическое положеніе въ высокой степени благопріятствовали этому. Здѣсь, какъ писалъ около того же времени Гоголь, «дѣялись дѣла старины нашей»; здѣсь встрѣчались три національности—коренная украинская, оффиціальная русская и сильная въ мѣстныхъ кругахъ своимъ вліяніемъ польская, и уже одно это обстоятельство внушало мысли о необходимости какого-либо соглашенія между національностями. Здѣсь же, наконецъ, незадолго до описываемаго времени, былъ основанъ второй на территоріи украины университетъ, что опять-таки было моментомъ благопріятнымъ для умственной дѣятельности, такъ какъ привлекло сюда выдающіяся культурныя силы со всего края. Насколько Кіевъ былъ вообще выдающимся въ культурномъ отношеніи пунктомъ, показываетъ исторія популярнаго въ началѣ XIX в. масонства: здѣсь возникла еще въ 1818 г. одна изъ наиболѣе крупныхъ масонскихъ организацій, «Общество соединенныхъ славянъ», съ ясно выраженными—что опять-таки въ высокой степени характерно — зачатками федеративной программы. Въ названной ложѣ,—говоритъ историкъ масонства въ Россіи,—«членами были многіе поляки, русскіе и малороссы, и самое названіе ея показываетъ стремленіе къ установленію дружественныхъ отношеній между этими тремя составными

частями мѣстнаго населенія» *). Федералистическія традиціи «соединенныхъ славянъ» не заглохли въ Кіевѣ и долгое время спустя, и можно установить даже нѣкоторую преемственную связь между ними и Кирилло-Меѳодіевскимъ обществомъ; такъ, при арестѣ Костомарова въ 1847 г., у него взятъ былъ уставъ «Общества соединенныхъ славянъ». Такимъ образомъ, Кіеву предстояло сказать свое слово въ украинскомъ движеніи, и, выступивъ съ нимъ позже Полтавы и Харькова, онъ произнесъ его сильнѣе и громче. Именно кіевскіе дѣятели направили на новый путь все украинское движеніе, придавъ ему тѣ черты, какія украинская литература сохранила до послѣдняго времени и какія составляютъ лучшее ея пріобрѣтеніе и оправданіе ея существованія.

Въ половинѣ 40-хъ годовъ, какъ упомянуто выше, составилась въ Кіевѣ группа украинской молодежи, среди которой появился въ 1845 г. и Шевченко съ его колоссальнымъ поэтическимъ талантомъ, съ кипучей энергіей и широкими планами организованной дѣятельности на благо родного народа, съ бодрымъ протестомъ противъ насилія и угнетенія, съ пламенными пѣснями о прошломъ и настоящемъ своей родины. «Эти пѣсни,—говоритъ Кулишъ—на молодежь производили впечатлѣніе призывной трубы архангела. Если, дѣйствительно, бываетъ когда-нибудь, что сердце оживаетъ, глаза мечутъ искры и надъ головой у человѣка появляется огненный языкъ,—то это произошло тогда въ Кіевѣ» *). Это бодрое, высокое настроеніе лучше всего вылилось въ организаціи тайнаго общества подъ патронатомъ славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія, съ девизомъ: «увѣсте истину, и истина свободитъ вы». Ни по составу, ни по задачамъ это общество не походило на старыя масонскія ложи съ ихъ расплывчатой филантропіей и туманнымъ мистицизмомъ. Члены Кирилло-Меѳодіевскаго общества спустились съ абстрактнаго неба на реальную землю, поставивъ главной своей задачей борьбу съ недостатками современнаго общественнаго строя, обнаруживая этимъ какъ высоту своего общественнаго идеала, такъ и широту политическаго развитія. Цѣлью общества была пропаганда среди славянскихъ народовъ идей объединенія и федераціи на началахъ полной свободы и автономности каждаго народа (въ уставѣ общества упоминаются: великороссы, украинцы, поляки, чехи, лужичане, хорутане, иллиро-сербы и болгаре). Каждый народъ, по уставу общества, имѣлъ право на «правленіе народное», образовавъ для этого отдѣльную республику («Рѣчь Посполитую... не слитно съ другими») и управляя всѣми своими внутренними дѣлами вполнѣ самостоятельно и независимо:

*) В. И. Семевскій—Декабристы-масоны, „Былое“, 1908, Ш, 152—153.

**) Кулішъ П.—Хуторна поезія. Львівъ, 1882, стр. 8.

«чтобы каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устройство» **). Въ качествѣ законодательнаго федеральнаго органа проектировался сеймъ («Славянское собраніе») изъ представителей всѣхъ членовъ федеративнаго государства: компетенція сейма распространялась лишь на дѣла, общія всѣмъ народамъ. Во главѣ исполнительной власти каждой отдѣльной республики долженъ былъ стоять избираемый на время «правитель»; въ той же формѣ выборное начало должно было примѣняться по отношенію и къ «правителю» всей федераціи. Далѣе, въ уставѣ общества стоитъ совершенное равенство согражданъ, свобода личности и слова, уничтоженіе сословій и сословныхъ привиллегій и, въ особенности, «искорененіе рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ»; всеобщее народное образованіе, всеобщее избирательное право, избираемость чиновниковъ и т. п. Средствами для перестройки общественнаго строя сообразно своему идеалу общество считало соотвѣтственное воспитаніе молодыхъ поколѣній, распространеніе грамотности, просвѣщенія и литературы,—вообще мирную пропаганду своихъ идей «сообразно съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія». Уставъ дѣлаетъ при этомъ и спеціальную оговорку: «правило же—цѣль освящаетъ средство—общество признаетъ безбожнымъ». Въ высшей степени также характерно для настроенія членовъ общества «братское посланіе» «братьямъ великороссіянамъ и полякамъ» отъ имени Украины, «нищей сестры вашей, которую вы распяли и растерзали». Въ посланіи братскіе народы приглашаются очнуться для «важнаго дѣла вашего общаго спасенія», забыть «безразсудную ненависть другъ къ другу»... и образовать славянскій союзъ на началахъ всеобщаго равенства, братства и любви къ человѣчеству.

Это былъ открытый вызовъ мрачному деспотизму Николаевскаго режима, полный разрывъ со старой закваской традиціонной лойяльности и безразличнаго отношенія къ общественно-политическимъ формамъ. Несомнѣнно, что этотъ политическій актъ могъ бы оказать сильное вліяніе на формированіе вообще въ Россіи демократически-федералистическаго направленія, если бы общество могло хоть сколько-нибудь развить свою дѣятельность. Случилось, какъ извѣстно, нѣчто иное, вполнѣ соотвѣтствовавшее духу времени. Общество, въ которомъ насчитывалось уже около сотни членовъ, было разгромлено, неосторожные идеалисты очутились въ казематахъ и ссылкѣ, всякая работа прекращена. Впрочемъ, не совсѣмъ: идеи общества все-таки не были уничтожены, не распылились въ воздухѣ,—онѣ укрѣпились въ украинской литературѣ, и Шевченко былъ первымъ и самымъ сильнымъ выразителемъ въ ней новаго, сознательно-демократическаго направленія.

---

*) Изъ исторіи „Общества св. Кирилла и Меѳодія". „Былое", 1906. кн. II, стр. 75.

III.

Первыя стихотворенія Шевченка относятся къ концу четвертаго десятилѣтія XIX вѣка, и въ нихъ молодой поэтъ платитъ еще обильную дань господствовавшему недавно художественному романтизму и возвеличиванію прошлаго Украины. Но уже въ этихъ первыхъ поэтическихъ опытахъ Шевченка видна рука великаго мастера слова, который выросъ изъ условныхъ требованій своего времени и поднялся на недосягаемую до того времени въ украинской литературѣ высоту. Рядомъ съ такими романтическими произведеніями, какъ «Причинна» или «Тополя», появляется вполнѣ реальная по содержанію и пріемамъ «Катерина»; рядомъ съ яркими и сильными картинами прошлаго, какъ «Тарасова ніч», «Іван Підкова», съ ихъ сожалѣніемъ о быломъ, стоятъ уже проникнутыя высокой сознательностью произведенія—«На вічну памʼять Котляревскому», «До Основʼяненка», «Перебендя». Еще звучитъ въ произведеніяхъ Шевченка тоскливая нота сожалѣнія о прошломъ—

Була колись Гетьманщина,
Та вже не вернеться;
Було колись—панували,
Та більше не будем („Тарасова ніч");

но въ грустную мелодію врывается уже возгласъ возмущеннаго современностью чувства по поводу того, что «над дітьми козацькими поганці панують». Потому-то, можетъ быть, и обращается поэтъ къ окутанному дымкой привлекательности прошлому, что современность слишкомъ ужъ тяжела и неприкровенно цинична.

Було колись добре жити
На тій Україні...
А згадаймо,—може серце
Хоч трохи спочине,—

говоритъ поэтъ, отдыхая душой отъ тяжелыхъ впечатлѣній узенькой дѣйствительности на широкихъ картинахъ прошлаго. Этотъ мотивъ современности звучитъ все сильнѣе и сильнѣе въ произведеніяхъ Шевченка, пока не покрываетъ собой всѣ остальныя ноты. Шевченко сознаетъ, что, какъ бы ни было красиво и привлекательно это прошлое, ему уже нѣтъ мѣста въ настоящемъ, при совершенно измѣнившихся условіяхъ жизни,—

Не вернуться сподівані,
Не вернеться воля,
Не вернеться козаччина,
Не встануть гетьмани,
Не покриють Україну
Червоні жупани („До Основʼяненка").

И эта сплошная отрицательная частица относительно прошлаго тѣмъ настоятельнѣе выдвигаетъ предъ поэтомъ задачи настоящаго. Въ настоящемъ же главное, конечно, то, что его незабвенная родина

Обідрана сиротою
По-над Дніпромъ плаче,—

на радость враждебнымъ силамъ. И поэтъ находитъ въ себѣ силу отвѣтить гордымъ вызовомъ:

Смійся, лютий враже,
Та не дуже...

Не смотря на свое небольшое и случайное образованіе, Шевченко какой-то по-истинѣ геніальной интуиціей вѣрно оцѣниваетъ и прошлое своей родины, и ея настоящее; творческимъ взмахомъ поднимается до глубоко справедливаго взгляда на значеніе родной литературы («На вічну пам'ять Котляревскому» и «До Основ'яненка») и даетъ чудный образъ вдохновеннаго кобзаря-пророка въ «Перебенді». На Украинѣ, говоритъ Шевченко по поводу смерти перваго пѣвца новой украинской литературы, Котляревскаго—

Все сумує,—тільки слава
Сонцемъ засіяла.
Не вмре Кобзарь, бо на-віки
Його привітала („На вічну пам'ять К—му").

И слава невозвратнаго прошлаго также имѣетъ свою непреходящую цѣнность,—она вѣдь служитъ вѣчнымъ напоминаніемъ о томъ,

Чия правда, чия кривда
І чиї ми діти („До Основ'яненка).

Ясное сознаніе того, «чиї ми діти», служитъ основаніемъ для новой силы, значеніе которой все въ настоящемъ,—для великаго и свободнаго народнаго слова.

Наша дума, наша пісня
Не вмре, не загине...
От де, люде, слава наша,
Слава України (ib.),—

та могучая сила, которая введетъ украинскій народъ въ семью культурныхъ народовъ полноправнымъ членомъ.

Вотъ тѣ мысли, къ какимъ пришелъ Шевченко въ самой ранней стадіи своего развитія, и при томъ въ значительной степени самостоятельно, такъ какъ въ петербургскій періодъ его жизни мы не можемъ указать никого, кто бы глубже и вѣрнѣе оцѣнивалъ событія прошлаго и настоящаго Украины. Правда, не все еще ясно въ міровоззрѣніи Шевченка. Поэтъ пока смотритъ на міръ Божій широко раскрытымъ, пытливымъ взоромъ; онъ замѣчаетъ

отдѣльныя проявленія зла, но еще не умѣетъ связать ихъ въ одно цѣлое, не видитъ за ними системы, не можетъ установить цѣпи причинъ и слѣдствій. Въ первой стадіи своего развитія Шевченко еще не сознавалъ ясно, что тѣ или иныя проявленія зла въ современныхъ отношеніяхъ имѣютъ причиной не злую волю отдѣльныхъ личностей, а какія-то общія основанія, коренящіяся во всемъ укладѣ современной жизни. Даже касаясь конкретныхъ формъ зла, онъ все же воспринималъ ихъ въ значительной степени абстрактно, отрывая отъ той общей почвы, на которой онѣ возросли. Характерно, что въ первыхъ стихотвореніяхъ Шевченко зло производятъ «зліе люде», даже просто «люде», какъ напр., въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ поэмы «Катерина»:

Люде б сонце заступили,
Як би мали силу,
Щоб сироті не світило.
Сльози не сушило.

И это была обычная форма, въ какую тогда облекалъ Шевченко свои сильныя обличенія зла, и только временами проявляются уже зачатки того реалистическаго міровоззрѣнія, которое видитъ и болѣе конкретныя причины зла въ соціальныхъ отношеніяхъ. Такъ, встрѣчается, напр., сожалѣніе объ общественныхъ настроеніяхъ; національная борьба съ Польшей сильно окрашена уже въ соціальные тона («ляхи—п а н и»), но все это, повторяю, еще не развернулось полностью во всю ширь и глубину. Мысль поэта еще теряется среди житейской путаницы, еще не въ состояніи связать отдѣльные факты въ стройную систему и найти общія причины интересующихъ его явленій.

Шли годы, унося съ собой радости и печали, обрывая одинъ за другимъ лепестки юношескихъ надеждъ, принося взамѣнъ ихъ богатство жизненнаго опыта. «I я прозрівати став потроху»,—говоритъ Шевченко въ стихотвореніи «Три літа», которое можно считать поворотнымъ пунктомъ въ его міровоззрѣніи. Процессу «прозрѣнія» въ особенности содѣйствовало возвращеніе поэта на Украину, гдѣ онъ снова встрѣтился лицомъ къ лицу съ своимъ смертельнымъ врагомъ—крѣпостнымъ правомъ. Съ одной стороны, картины дикаго крѣпостного произвола, съ другой—тѣ дружескія бесѣды, которыя происходили на собраніяхъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Кіевѣ, многое помогли выяснить Шевченку. Здѣсь онъ получилъ отвѣты на волнующіе его вопросы, установилъ свое отношеніе ко многимъ непонятнымъ раньше явленіямъ, нашелъ выходъ неяснымъ прежде мыслямъ и стремленіямъ,—и уже дѣломъ его громаднаго поэтическаго дарованія было придать этимъ мыслямъ блестящую форму, перековать въ пламенное слово и послать стрѣлами въ лагерь враговъ добра и правды. Изъ-подъ пера Шевченка одно за другимъ появляются теперь уже совершенно зрѣлыя произ-

веденія—«Чигиринъ», «Сон», «Еретик або Іван Гус», «До живих і мертвих», «Кавказ», «Невольник», «Наймичка» и др., въ которыхъ прекрасная форма уже неотдѣлима отъ глубокаго общественнаго содержанія. Міровоззрѣніе и талантъ Шевченка пріобрѣтаютъ ту широту, которая свидѣтельствуетъ о неисчерпаемости его творческихъ силъ. Шевченко сталъ уже тѣмъ Шевченкомъ, къ которому земляки начали относиться не какъ къ писателю, но какъ къ національному пророку, учителю, символу національнаго возрожденія. Поэтъ пересмотрѣлъ свои прежніе взгляды и многое измѣнилъ въ нихъ. Онъ окончательно убѣдился, что пресловутая слава прошлаго—исторія, представляемая въ видѣ «поэмы вольнаго народа», вмѣстѣ съ примѣрами высокихъ подвиговъ обнаруживаетъ и много мрачнаго, низменнаго; что многіе національные герои—

Раби, підніжки, грязь Москвы,
Варшавське сміття;

что за чуждыя народу дѣла и по эгоистическимъ побужденіямъ проливали они потоками народную кровь

І нам, синам, передали
Свої кайдани...

И, окончательно порывая съ блестящими фантомами прошлаго, поэтъ выдвигаетъ предъ земляками рядъ новыхъ задачъ: быть самими собою, учиться добру изъ всякаго чистаго источника, но при этомъ не забывать своего родного народа, возвращая ему все пріобрѣтенное,—и какъ послѣдній аккордъ:

Обніміте ж, брати мої,
Найменшого брата („До живих і мертвих"...).

«Найменшій брат», и раньше занимавшій практически центральное мѣсто въ міровоззрѣніи Шевченка, теперь находитъ для себя твердую опору въ идеологическомъ основаніи. Ради этого «найменшого брата», т. е. народныхъ массъ, Шевченко поднимаетъ возстаніе противъ соціальныхъ отношеній, противъ государственныхъ формъ, даже противъ Бога, допускающаго несправедливость въ человѣческихъ отношеніяхъ. И ни тяжелая ссылка, ни терзанія одиночества, ни годы не угасили въ Шевченкѣ этого мятежнаго духа; онъ всегда возвращается къ предмету своей страстной любви и съ его точки зрѣнія судитъ все и всѣхъ

Таковъ былъ путь, который отъ первыхъ неясныхъ симпатій къ романтической народности привелъ Шевченка къ могучей любви къ конкретному народу, къ глубокому убѣжденію, къ готовности душу свою положить за родину.

Я так іі люблю,
Мою Украіну убогу
Що проклену самого Бога,
За неі душу погублю,—

кровью истерзаннаго сердца пишетъ Шевченко въ ссылкѣ. Такую же любовь завѣщалъ онъ и своимъ землякамъ:

Свою Украïну любіть,
Любіть ïï.., во время люте,
В останню тяжкую минуту
За неï Господа моліть.—

раздается его голосъ изъ стѣнъ Петропавловской крѣпости. Мысль о родинѣ одна поддерживаетъ одинокаго страдальца въ далекой ссылкѣ на чужбинѣ и даже желаніе смерти отступаетъ предъ надеждой увидѣть Украину и

Хоча серце замучене.
Поточене горем
Принести і положити
На Дніпрових горах.

Болѣзненно сжимается сердце при одной мысли,

Що не в Украйні поховають,
Що не в Украйні буду жить („В неволі тяжко»).

Но даже наиболѣе тяжелыя личныя страданія поэтъ забываетъ при видѣ грозы, надвигающейся на его родину. Даже въ моменты наивысшей степени отчаянія, когда человѣка охватываетъ холодное равнодушіе къ всему, мысль о родинѣ вызываетъ у Шевченка гнѣвное чувство, прерывающееся стономъ отъ сознанія своего безсилія.

Та не однаково мені,
Як Украïну злії люде
Присплять лукаві і в огні
Ії окраденую збудять.—
Ох, не однаково мені („Мені однаково").

Не знаю, найдется ли еще въ литературѣ подобный вопль сердца отъ безграничной тоски по родинѣ; найдется ли другой поэтъ, такъ сгоравшій отъ безнадежной любви къ ней. Правда, вообще не часто встрѣчаются люди, подобные Шевченку, и не всегда этимъ великимъ людямъ приходится переживать то, что пережилъ онъ. Біографія Шевченка—это сплошная трагедія высшаго избранника, непрерывно борющагося за то лучшее, что есть въ человѣкѣ, и въ концѣ концовъ все-таки выходящаго изъ этой борьбы побѣдителемъ.

IV.

Выше было уже отмѣчено, какое мѣсто въ міровоззрѣніи Шевченка занялъ народъ, особенно съ того времени, когда поэтъ «началъ прозрѣвать» и уразумѣлъ противорѣчія современнаго ему общественнаго строя. Никоимъ образомъ поэтому не могъ

Шевченко оставить безъ вниманія той язвы общественныхъ отношеній, которая скрывалась въ крѣпостномъ правѣ. Нечего и говорить, что даже собственное несчастье, заключавшееся въ продолжительномъ лишеніи свободы, не угасило въ Шевченкѣ того пламеннаго негодованія и возмущенія, которыя въ немъ всегда вызывало право одного человѣка распоряжаться жизнью, честью и совѣстью другого *). Въ этомъ отношеніи Шевченко оставался неизмѣннымъ и никогда не могъ вспоминать о народномъ рабствѣ безъ возмущенія и проклятій.

Скрізь на славній Україні
Людей у ярма запрягли
Пани лукаві... Гинуть, гинуть
У ярмах лицарскі сини («І виріс я на чужині»).

Какъ одна любовь была у Шевченка—къ родному краю и народу, такъ одна была у него и ненависть—ко всякому рабству, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, ненависть безграничная, неумолимая. На этомъ пунктѣ онъ не признавалъ уступокъ, не понималъ компромиссовъ; всю силу, на какую только способенъ былъ его могучій талантъ, онъ направилъ въ эту точку, чтобы почувствительнѣе ударъ нанести системѣ душевладѣльчества. Я не буду злоупотреблять цитатами изъ «Кобзаря», рисующими отношеніе автора къ крѣпостному праву, ибо въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы перепечатать значительную часть стихотвореній Шевченко. Отмѣчу поэтому лишь общія основанія, изъ которыхъ исходилъ поэтъ въ своихъ отношеніяхъ къ современнымъ ему условіямъ жизни. По его мнѣнію—земля прекрасна и чиста, какъ рай, но что люди сдѣлали изъ этого рая!

Он глянь—у тім раі, що ти покидаеш,
Латану свитину з каліки здіймають,—
З шкурою здіймають, бо нічим обуть
Панят недорослих. А он распинають
Вдову за подушне, а сина кують,
Единого сина, едину дитину,
Едину надію—в військо оддають,
Бо його, бач, трохи... А он-де під тином,
Опухла дитина голодная мре,
А мати пшеницю на панщині жне („Сон").

Вездѣ—«кров та сльози та хула,—хула всьому». Люди въ сплошной адъ превратили прекрасную свободную землю. И Шевченко даетъ намъ богатую галлерею типовъ, работающихъ надъ насажденіемъ

*) Ознакомившись по возвращеніи изъ ссылки съ произведеніями Щедрина, Шевченко записываетъ въ своемъ дневникѣ:—„Я благоговѣю предъ Салтыковымъ. О Гоголь, нашъ безсмертный Гоголь! какъ бы возрадовалась душа твоя, увидя вокругъ себя такихъ геніальныхъ учениковъ. Други мои! искренніи мои! пишите, подавайте голосъ за эту грязную чернь, за этого поруганнаго, безсловеснаго смерда".

ада на землѣ. Предъ нами длинной вереницей проходятъ и образы хищниковъ, ни предъ чѣмъ не останавливающихся для удовлетворенія ненасытныхъ апетитовъ, и люди изъ породы мягко стелющихъ, и патентованные патріоты, присосавшіеся къ «нѣжно-любимому отечеству», и торгаши человѣческими душами, ни во что ставящіе благо, честь и счастье ближняго. Разумѣется, образы изъ сферы крѣпостного права—«неволі тяжкої»—доминируютъ у Шевченка. Иначе, конечно, и не могло случиться, такъ какъ, «будучи, по выраженію самого Шевченка, по плоти и по духу сыномъ и братомъ нашего обездоленнаго народа», онъ не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ того, что наиболѣе угнетало народныя массы. Борьба съ крѣпостнымъ произволомъ сдѣлалась, безъ всякихъ эффектныхъ жестовъ со стороны Шевченка, задачей его жизни. И на закатѣ своей жизни Шевченко пришлось увидѣть и плоды своей борьбы, дни крѣпостничества были уже сочтены, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ поэтъ того дня, когда

Спочинуть невольничі
Утомлені руки
І колина одпочинуть
Кайданами куті.

Поэтъ колеблется между надеждою и сомнѣніями; ему начинаетъ казаться временами, что не придетъ желанная свобода, что нечего ожидать мирнаго исхода освободительной кампаніи, и онъ не останавливается тогда предъ рѣзкими призывами къ тому, чтобы «збудить хиренну волю»...

Ненависть къ соціальной неволѣ у Шевченка тѣсно переплеталась съ ненавистью къ неволѣ вообще, ко всякому порабощенію и угнетенію, откуда бы оно ни исходило и въ какихъ бы формахъ ни проявлялось. Можетъ быть, и прошлое Украины такъ привлекало его вниманіе именно потому, что тамъ онъ видѣлъ не только угнетеніе, но и борьбу съ нимъ, фактическое воплощеніе принципа равенства, когда:

Братерськая наша воля
Без холопа і без пана
Сама собі у жупані
Розвернулася весела („Чернецъ").

Переходя къ современности, Шевченко прекрасно понималъ связь между соціальной неволей и политической, прекрасно сознавалъ, что одна въ другой находитъ помощь и поддержку. Само собой, онъ долженъ былъ придти къ отрицанію тѣхъ формъ политической жизни, которыя усложняютъ и поддерживаютъ такія язвы, какою было въ его глазахъ крѣпостное право. Политическій гнетъ онъ ненавидѣлъ наравнѣ съ соціальной неволей, направляя въ эту сторону тяжелые удары.

Въ поэмахъ «Сонъ», «Кавказъ», «Юродивый» и др. Шевченко

останавливается на политическихъ вопросахъ и опять-таки съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣетъ отыскать у противника наиболѣе слабое мѣсто, чтобы нанести смѣлый ударъ, не останавливаясь предъ возможностью жестокой расплаты со стороны разсвирѣпѣвшаго врага. Оружіе тонкой ироніи, безпощаднаго сарказма неподдѣльнаго возмущенія пускаетъ онъ въ дѣло, чтобы дискредитировать систему произвола и насилія. Едва-ли найдется образованный человѣкъ въ Россіи, которому осталась бы неизвѣстной классическая характеристика страны, гдѣ

Од Молдавана аж до Фінна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденствує („Кавказъ“).

Точно также трудно пройти мимо такого великолѣпнаго по своей силѣ и искренности обращенія „къ всевидящему оку“:

Чи ти дивилося звисока,
Як сотнями в кайданах гнали
В Сибір невольників святих,
Як мордували, розпинали
І вішали?! А ти не знало?
І ти дивилося на них
І не осліпло? Око, око!
Не дуже бачиш ти глибоко!
Ти спиш в кіоті... („Юродивий“).

Даже обращаясь ко временамъ какого-нибудь «Нерона лютого», Шевченко кладетъ на свой рисунокъ такія краски, которыя не могутъ не задѣть больно сердце нашего современника, россійскаго гражданина XX вѣка. Вотъ эта, напр., картина—

Нема сем'ї, немає хати,
Немає брата, ні сестри,
Щоб не заплакані ходили,
Не катувалися в тюрьмі,
Або в далекій стороні
В Британских, Галльских легіонах
Не муштрувались („Неофити“)—

развѣ она не даетъ блестящаго образа той самой дѣйствительности, которая и автора, горячаго проповѣдника свободы, послала «муштруватись» въ далекихъ среднеазіатскихъ легіонахъ, которую и мы до сихъ поръ болѣзненно чувствуемъ? Но Шевченко, ненавидѣвшій всякое насиліе и обличавшій своимъ гнѣвнымъ словомъ насильниковъ, никогда не забывалъ, что ихъ сила основывается лишь на безмѣрной терпѣливости угнетенныхъ, на безсознательномъ пособничествѣ ихъ собственной трусости. И при всемъ сочувствіи Шевченка къ угнетеннымъ не разъ срывается у него горькое слово противъ этой безконечной терпѣливости и малодушія, не находящихъ силъ «за правду пресвятую стать, за свободу».

А ми дивились і мовчали
Та мовчки чухали чуби,—
Німії, подлії раби,

такъ характеризуетъ украинскій поэтъ отношеніе къ возмутительнымъ явленіямъ безмолвствующаго большинства, сильной по численности, но слабой вслѣдствіе темноты, эгоизма, трусости и неискренности массы. У Шевченка можно найти великолѣпныя по своему негодованію, въ стилѣ древнихъ пророковъ, обращенія къ безмолвствующимъ:

О, роде суетний, проклятий,
Коли ти видохнеш? Коли
Ми діждемося Вашингтона
З новим і праведним законом?
А діждемось таки колись! („Юродивий").

Послѣднія слова въ особенности характерны для поэзіи Шевченка, бодрой и оптимистической, не смотря на гнетущія картины человѣческой жадности, хищничества, неправды и насилія. Этотъ постоянный элементъ надежды на будущее, этотъ здоровый, свѣтлый оптимизмъ, зовущій къ борьбѣ, а не къ безплоднымъ жалобамъ, придаетъ всей поэзіи Шевченка бодрый и свѣтлый оттѣнокъ, никогда не оставляющій въ душѣ читателя слѣдовъ унынія и разочарованности. Въ этомъ, можетъ быть, главная причина того неослабѣвающаго успѣха, какимъ неизмѣнно пользуются стихотворенія украинскаго поэта, въ особенности на его родинѣ, такъ нуждающейся именно въ сильномъ, бодрящемъ словѣ. Шевченко никогда не ограничивается жалобами или проклятіями, не останавливается исключительно на темныхъ и отрицательныхъ сторонахъ человѣческой жизни. Сверкнувъ какимъ-нибудь могучимъ образомъ зла, обличеніемъ неправды, онъ всегда даетъ при этомъ и нѣчто положительное, что оставляетъ свѣтлый лучъ въ душѣ читателя, не допуская унынія, а вдохновляя свѣжей мыслью, огнемъ протеста, стремленіемъ жить всѣми фибрами человѣческаго существа. Человѣкъ долженъ жить, долженъ бороться за чистую, полную, неизуродованную жизнь,—такой выводъ самъ собою вытекаетъ изъ дышащихъ бодростью страницъ «Кобзаря».

Тяжко жить на світі, а хочеться жить:
Хочеться дивитись, як сонечко сяе,
Хочеться послухать, як море заграе,
Як пташка щебече, байрак гомонить,
Або чорнобрива в гаю заспіває...
О, Боже мій милий, як весело жить! („Гайдамаки"),—

такое жизнерадостное восклицаніе вырвалось у Шевченко еще въ то время, когда онъ не вполнѣ уяснилъ себѣ значеніе общественныхъ отношеній. Но крайне характерно, что это жизнерадостное отступленіе сдѣлано авторомъ вовсе не по радостному поводу. Если

помнитъ читатель, оно слѣдуетъ непосредственно за описаніемъ тѣхъ издѣвательствъ, какія выпадали на долю безроднаго сироты Яремы въ еврейской корчмѣ. И впослѣдствіи жизнерадостность никогда не оставляла Шевченка; напротивъ, въ немъ растетъ и усиливается жажда живой, настоящей жизни, хотя извѣстныя обстоятельства личной жизни поэта располагали если не къ безпросвѣтному отчаянію, то, во всякомъ случаѣ, и не къ розовому взгляду на вещи. «Встане правда, встане воля»—это лейтмотивъ поэзіи Шевченко, ибо глубоко жило въ немъ ничѣмъ не искоренимое убѣжденіе, что есть что-то въ человѣческой личности, чего никакое насиліе превозмочь не можетъ:

Не вмірає правда наша,
Не вмірає воля,
І несситий не виоре
На дні моря—поля,
Не скує душі живої
І слова живого („Кавказъ“).

Просто поражаешься, откуда у Шевченко это непоколебимое настроеніе, гдѣ онъ черпалъ такую громадную силу убѣжденія въ побѣдѣ правды надъ насиліемъ и зломъ. Казалось бы, въ мрачныя времена Николаевской реакціи невозможны были даже разговоры о томъ, что есть какія-то границы человѣческой жадности, хищничеству и грубой всесокрушающей силѣ кулака; казалось бы, дѣйствительность предъявляла такіе примѣры неограниченныхъ возможностей, предъ которыми должны были бы умолкнуть энтузіастическія надежды на какую-то совершенно безсильную на практикѣ правду. А между тѣмъ, Шевченко нашелъ и бодрый тонъ, и ту силу, которую можно противопоставить грубой физической силѣ, ставя предъ ней непреодолимую преграду, своего рода «предѣлъ, его же не прейдеши». Этой силой для Шевченко было неувядаемое стремленіе человѣческой души къ добру и правдѣ, воплощаемое въ живомъ словѣ, въ великихъ идеяхъ человѣчества. Какъ невозможно захватить въ собственность землю на днѣ моря, такъ невозможно взять въ оковы человѣческую душу и слово, невозможно уничтожить вѣчное стремленіе къ свободѣ и развитію, неуклонно ведущимъ къ единственной цѣли человѣческихъ отношеній, ко всеобщему счастью, основанному на справедливости общественныхъ и личныхъ отношеній, на братствѣ и равенствѣ всѣхъ людей. Недаромъ вѣдь великій борецъ за эти идеалы, Шевченко, завѣщалъ въ своемъ «Заповіті»:

І мене в сем'ї великій,
В сем'ї вільній, новій
Не забудьте пом'янути
Незлим, тихим словом.

Онъ твердо вѣрилъ, что **должна** быть эта великая семья, объединяющая все человѣчество; семья свободная, въ которой нѣтъ

мѣста произволу и насилію, жестокости и озвѣрѣнію человѣка противъ человѣка; семья новая, очищенная отъ современнаго зла, основанная на справедливости братскихъ отношеній. Шевченко не сомнѣвается, что въ конечномъ счетѣ побѣда все-таки останется за его идеалами. На вопросъ: «чи буде правда на землі»—онъ безъ колебаній, такъ же твердо, какъ и просто, отвѣчаетъ:

Повинна буть, бо сонце стане
І осквернену землю спалить.

Шевченко физически не могъ представить себѣ иного исхода человѣческихъ стремленій; побѣда правды для него была аксіомой, не смотря на всѣ удары гнусной дѣйствительности. Онъ даже предвидитъ это нетерпѣливо ожидаемое время, и здѣсь опять появляется у него какой-то библейскій тонъ и краски вдохновеннаго пророка:

Тоді як, Господи, святая
На землю правда прилетить
Хоч на годиночку спочить,
Незрячі прозрять, а криві
Мов сарна з гаю помайнують,
Німим отверзуться уста,
Прорветься слово, як вода,
І дебрь-пустина неполита,
Сцілющою водою вмита,
Прокинеться („Подражаніе Ісаії").

Измученная неправдой земля жаждетъ обновленія, и въ минуты особеннаго подъема надеждъ поэту кажется уже близкимъ тотъ идеальный общественный строй, когда

...на оновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буде син і буде мати,
І будуть *люде* на землі („І Архимед, і Галилей").

Мнѣ приходилось уже указывать на страницахъ «Русскаго Богатства» высокое общественное значеніе этого истинно-человѣческаго взгляда, сумѣвшаго совершенно отрѣшиться отъ обычныхъ представленій соціальной табели о рангахъ и выдвинуть общечеловѣческую сторону вопроса. Просто, съ необычайной красотой, по-человѣчески въ настоящемъ значеніи этого слова выразилъ Шевченко свой жизненный идеалъ, и при блестящей художественной красотѣ его произведеній это роднитъ его съ великими свѣточами человѣчества, вводя въ пантеонъ поэтовъ міроваго значенія.

V.

Какъ писатель, какъ дѣятель слова, Шевченко въ дѣлѣ обновленія человѣческихъ отношеній великія надежды возлагалъ именно на слово,—живое, огненное слово правды, бичующее торжествующую неправду и поддерживающее слабыхъ и угнетенныхъ. Возвеличу,—пишетъ поэтъ:

> Малихъ отих рабів німих!
> Я на сторожі коло їх
> Поставлю слово („Подражаніе XI псалму").

Слово и мысль, выраженіемъ которой оно служитъ, для Шевченка—святыня. Изъ слова поэтъ хочетъ выковать

> До старого плуга
> Новий леміш і чересло,

чтобы воздѣлать родную убогую ниву въ надеждѣ на будущій богатый урожай. Эту вѣру въ животворное дѣйствіе человѣческаго слова особенно интересно отмѣтить въ Шевченкѣ, потому что ему пришлось выступить дѣятелемъ чисто народнаго, по ходячимъ представленіямъ, низкаго и несовершеннаго слова, неспособнаго къ выраженію высшихъ понятій. Свою поэтическую дѣятельность на украинскомъ языкѣ Шевченко началъ вполнѣ сознательно; онъ вѣрно понялъ то психологическое положеніе, которое поставило слово «въ началѣ» всего сущаго, какъ символъ сознанія и мысли, правды и справедливости. Ставя слово «на стражѣ» интересовъ родного народа, онъ тѣмъ самымъ показалъ, какое значеніе приписываетъ народному языку въ распространеніи той правды, которая для него была высшей святыней, мѣриломъ жизненныхъ отношеній. Въ области этическихъ идеаловъ ничего выше правды для Шевченка не существовало и, какъ цвѣтокъ къ солнцу, онъ вѣчно обращается къ ней, ищетъ ее вездѣ; ради нея онъ вышелъ на борьбу со зломъ, ради нея претерпѣлъ всѣ мученія и чистымъ, незапятнаннымъ рыцаремъ правды сошелъ въ могилу. «Ми не лукавили з тобою»,—говоритъ онъ, обращаясь къ своей долѣ:

> Ми просто йшли,—*у насъ нема*
> *Зерна неправди* за собою („Доля").

Свою музу поэтъ молитъ только объ одномъ—

> Учи неложними устами
> Сказати правду (Муза").

Во время своего увлеченія славянской идеей онъ всѣмъ славянамъ прежде всего желаетъ быть «добрими братами і синами

сонца правди» («Іван Гус»); въ «Молитвахъ» Шевченка правда выставляется, какъ высшее благо, какого только можетъ онъ пожелать всѣмъ, къ кому относится съ любовью; «любити правду на землі» Шевченко и для себя лично считаетъ первою обязанностью, вытекающей изъ всего его міровоззрѣнія. Эта неутолимая жажда правды, вѣчное исканіе ея, вообще характерное для украинской литературы, придаетъ особенную этическую цѣнность, красоту и привлекательность поэзіи Шевченка, служащей неизсякаемымъ источникомъ высшей человѣческой правды. Уже почти на смертномъ одрѣ, предъ лицомъ неумолимой смерти, поэтъ въ мучительномъ раздумьѣ ставитъ тотъ же вѣчно его занимающій вопросъ: «чому не йде апостолъ правди і науки?»

Отвѣта на свой мучительный вопросъ Шевченко, конечно, не получилъ, но за то, благодаря его дѣятельности, мы теперь имѣемъ возможность отвѣтить на вопросъ объ апостолѣ правды. Приматъ правды въ произведеніяхъ и жизни Шевченка, его неустанные мучительные поиски идеала правды, его неизмѣнное служеніе этому идеалу даютъ намъ несомнѣнное право самого поэта назвать тѣмъ апостоломъ правды, прихода котораго онъ такъ страстно ожидалъ, въ приходъ котораго вѣрилъ и не переставалъ никогда, даже въ минуты остраго отчаянія, надѣяться. Наступленіе царства правды для Шевченка такъ же несомнѣнно, какъ то, что «сонце йде і за собою день веде»,—оно должно придти съ чисто стихійною необходимостью и неизбѣжностью. Въ правдѣ, какъ въ фокусѣ, для Шевченка сосредоточено все, за что онъ боролся—и свобода, и любовь, и братство.

Правда оживе,
Натхне, накличе, нажене
Не ветхее, не древле слово
Розтлінное, а слово нове
Між людьми крикомъ пронесе
І люд окраденій спасе („Осії глава XIV“).

И въ рѣдкія только минуты высшаго возмущенія неправдой жизни является у Шевченка «правда—мста» (месть), которая, по его глубокому убѣжденію, вездѣ найдетъ преступниковъ противъ завѣтовъ истинно-человѣческой правды. Наиболѣе страстнымъ выраженіемъ такой «правди—мсти» было извѣстное посланіе Шевченко «До живих і мертвих», съ его необычайной силы угрозой и предостереженіемъ: «схаменіться, будьте люде!» Но по большей части правда у Шевченка соединяется не съ местью, а съ милосердіемъ, является не грознымъ мстителемъ съ карающимъ мечомъ въ рукѣ, но мирнымъ существомъ съ масличной вѣткой всепрощенія. Въ чистомъ, незлобивомъ сердцѣ поэта не уживалась долго месть; онъ умѣлъ ненавидѣть бурно, страстно, но такъ же страстно умѣлъ и любить и—что всего главнѣе—умѣлъ прощать.

Я ни у кого не знаю такихъ поразительныхъ по красотѣ картинъ всепрощенія, какія мы часто встрѣчаемъ у Шевченка. Онъ скорбитъ по поводу неправды, неустанно борется съ ней, обличаетъ, — но прежде всего желаетъ, чтобы хотя во снѣ обездоленному явились

I люде добрі, і любов,
I все добро. I встане рано
Веселий, і забуде знов
Свою недолю; і в неволі
Познає рай, познає волю
I всетворящую любов („Відьма“),

Героиня поэмы «Відьма»—«все забула, всіх простила»,—простила даже того пана, который надругался надъ ея материнскимъ чувствомъ. Кто знаетъ, что для Шевченка значитъ материнская любовь и какъ вообще онъ благоговѣетъ предъ материнствомъ, тотъ пойметъ высоту и цѣнность принесенной «відьмою» жертвы. Но Шевченко возвысился до такого всепрощенія, образъ котораго смѣло можно поставить въ ряду величайшихъ созданій человѣческаго генія. Въ «Неофитахъ» поэтъ открываетъ предъ Нерономъ послѣдній моментъ его жизни:

Припливуть
I прилетять зо всього світа
Святії мученики—діти
Святої волі; круг одра,
Круг смертного твого предстануть
В кайданах і... *тебе простять.*

Это наказаніе прощеніемъ представляется мнѣ высшимъ пунктомъ, котораго можетъ достигнуть въ данномъ направленіи человѣческое чувство. Врагъ, обезсиленный и обезвреженный, уже не врагъ для Шевченка; онъ можетъ чувствовать отвращеніе и презрѣніе къ безсильному «людоїду, деспоту скаженому», но мстить ему онъ не станетъ, какъ не мстили души праведниковъ своему мучителю, лишенному уже возможности продолжать свою звѣрскую дѣятельность.

VI.

Трудно разстаться съ Шевченкомъ, разъ заговоривъ о немъ; трудно исчерпать до конца цѣнности, заключающіяся въ его произведеніяхъ; трудно изобразить достаточно ярко внутреннюю и внѣшнюю красоту его вдохновеннаго слова, одинаково сильнаго и въ описаніи идиллическихъ моментовъ свѣтлой человѣческой радости и счастья («Вечір», «I досі сниться», «На Великдень на соломі» і т. п.), и въ грозныхъ драматическихъ картинахъ гнѣва и возмущенія, одинаково глубокаго и въ описаніяхъ природы, и въ изображеніи человѣка. На палитрѣ у Шевченка такое богат-

ство и разнообразіе красокъ, обладающихъ при томъ же такой силой и яркостью, что безъ всякаго сомнѣнія онъ долженъ быть отнесенъ къ числу писателей непреходящаго значенія. Можетъ быть, наиболѣе удобно будетъ силу его творческой дѣятельности охарактеризировать его же собственными словами:

Неначе наш Днiпро широкий,
Слова його лились, текли
I в серце падали глибоко
I нiби тим огнем пекли
Холоднi душi („Пророк").

Для Украины, ея литературы и національнаго возрожденія значеніе Шевченка тѣмъ болѣе велико, что онъ самъ сдѣлался для нея тѣмъ лучезарнымъ свѣтиломъ, которое, по его выраженію, «за собою день веде». Его поэзія на долгое время сдѣлалась для Украины лучшимъ проявленіемъ національнаго самосознанія, какъ его личная судьба служитъ до извѣстной степени символомъ судьбы всего украинскаго народа. Геніальные люди вездѣ творятъ великое дѣло жизни, разсѣивая вокругъ себя лучи свѣта и открывая новые пути человѣчеству посредствомъ созданія новыхъ идей. Но для Украины этимъ не исчерпывается значеніе геніальнаго творчества Шевченка. Вѣдь дѣло идетъ здѣсь о цѣломъ народѣ, въ духовномъ отношеніи заживо погребенномъ, изнывавшемъ въ смертельной агоніи въ невѣроятныхъ усиліяхъ освободиться отъ мертвящаго холода, сковывающаго оцѣпенѣлые члены. Результатомъ этихъ усилій была украинская литература до-шевченковскаго періода. Однако она не въ состояніи была поставить дѣло возрожденія на незыблемую почву; честная въ своихъ стремленіяхъ, несомнѣнно значительная для начала, она, тѣмъ не менѣе, была безсильна обновить національный организмъ и указать народу новые пути общечеловѣческаго развитія. Это было подъ силу только генію міроваго значенія, и такимъ геніемъ для Украины и является Шевченко. Въ 50-лѣтнюю годовщину смерти великаго украинскаго поэта его «Кобзарь» по прежнему сіяетъ свѣжей, юной и чистой красотой, попрежнему служитъ неизсякаемымъ источникомъ большого идейнаго наслѣдства. Его поэтическія произведенія принадлежатъ къ категоріи не старѣющихъ и не увядающихъ, заставляя трепетать отвѣтнымъ звукомъ всякую истинно-человѣческую душу, независимо отъ условій времени и мѣста. Люди такого роста, какъ Шевченко, вѣчно смотрятъ впередъ, вѣчно сохраняютъ юношескую свѣжесть, и, какъ несокрушимыя временемъ вѣхи, обозначаютъ собою тотъ путь, какимъ неуклонно двигается человѣчество къ осуществленію вѣчныхъ идеаловъ правды, добра и красоты. И, еслибы украинская литература пользовалась большею извѣстностью за предѣлами Украины, то, несомнѣнно, ея величайшему

поэту давно уже было бы отведено то мѣсто, котораго онъ по справедливости достоинъ и которое признала за нимъ не только своя, украинская, но и въ извѣстной степени посторонняя, русская, критика въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. «Гигантъ южно-русской поэзіи», по опредѣленію Скабичевскаго, «послѣдній кобзарь и первый великій поэтъ новой великой литературы славянскаго міра», по удачному выраженію Аполлона Григорьева, заслуживаетъ почетнаго мѣста въ пантеонѣ міровой литературы и, конечно, онъ его займетъ. Уже и теперь переводы стихотвореній Шевченка имѣются не только на всѣхъ славянскихъ языкахъ, но и на всѣхъ почти европейскихъ и вездѣ онъ производитъ чарующее впечатлѣніе правдой и глубиной своей творческой мысли, силой и искренностью своего великаго таланта. Дѣятельностью Шевченко украинская литература введена въ кругъ европейскихъ литературъ, и со времени Шевченка будущность украинскаго слова вполнѣ обезпечена. Украинскій народъ, благодаря Шевченку, сдѣлалъ уже свой вкладъ въ великую сокровищницу общечеловѣческой поэзіи, и этотъ вкладъ не можетъ остаться незамѣченнымъ.

Вотъ почему на Украинѣ имя Шевченка не только имя великаго поэта, но и символъ національнаго возрожденія, символъ побѣды надъ насильственной смертью, на которую украинскій народъ былъ осужденъ близорукой политикой государственнаго централизма. На претензіи централизаторовъ, добивающихся казенной одноформенности, украинскій народъ спокойно можетъ отвѣтить указаніемъ на Шевченка и продолжать твердо идти своимъ путемъ. Путь этотъ отмѣченъ идеалами правды и свободы, равенства и братства, какимъ служилъ и продолжаетъ служить и до днесь своими произведеніями великій украинскій поэтъ.

Пятидесятилѣіе смерти Шевченка совпало съ нѣкоторыми, хотя, можетъ быть, и робкими признаками общественнаго оживленія послѣ не столько продолжительнаго, сколько тяжелаго упадка. Конечно, та «новая свободная семья», въ которой завѣщалъ поминать себя украинскій поэтъ, и для насъ остается такимъ же идеаломъ, какимъ была она и 50 лѣтъ тому назадъ. Мы лишены возможности такъ помянуть до сихъ поръ гонимаго и ненавидимаго апостола правды, какъ онъ заслуживаетъ и какъ мы бы желали. Но мы увѣрены, что возможность этого приближается съ каждымъ днемъ, какъ съ каждымъ же днемъ сокращается срокъ господства той неправды, противъ которой такъ страстно боролся пѣвецъ Украины.

Минуть,
Уже потроху і минають
Дні беззаконія і зла:
А львичища про те не знають,—
Ростуть собі, як та лоза
У темнім лузі, уповають
На корінь свій, уже гнилий,

Уже червивий і малий
І худосилий. Вітер з поля
Дихне—погне і полама,
І ваша злая своєволя
Сама скупається, сама
В своїй же крові... („Подражаніе Iезекіілю").

Такъ пророчествовалъ Шевченко. Остается только пожелать, чтобы свѣжій вѣтерокъ не замедлилъ своимъ дыханіемъ окончательно очистить атмосферу, въ которой могутъ еще произростать уродливыя растенія съ насквозь прогнившимъ корнемъ.

Сергій Ефремовъ.

Четыре наказанія.

Очеркъ *А. Я. Конисскаго.*

Переводъ съ украинскаго А. Д.

Послѣ окончанія слѣдствія о такъ называемомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ и въ связи съ нимъ, по дѣлу Тараса Шевченка, шефъ жандармовъ, извѣстный гр. Орловъ, въ своемъ докладѣ императору Николаю отъ 26 мая 1847 г., предлагалъ: «Шевченка, какъ одареннаго крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, опредѣлить рядовымъ въ Оренбургскій Отдѣльный Корпусъ съ правомъ выслуги, поручивъ начальству имѣть строжайшее наблюденіе, дабы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій».

Свой приговоръ гр. Орловъ мотивировалъ такъ: «все дѣло доказываетъ, что онъ (Шевченко) не принадлежалъ къ Украйно-Славянскому обществу, а дѣйствовалъ отдѣльно, увлекаясь собственною испорченностью. Тѣмъ не менѣе, по возмутительному духу и дерзости, выходящей изъ всякихъ предѣловъ, онъ долженъ быть признанъ однимъ изъ важныхъ преступниковъ. Шевченко,— продолжаетъ глава «III-отдѣленской» юстиціи,—вмѣсто того, чтобы сохранить въ своей душѣ благоговѣйное чувство къ царской семьѣ за то, что она способствовала выкупу его изъ крѣпостной зависимости, сочинялъ стихи на малороссійскомъ языкѣ самаго возмутительнаго содержанія. Въ нихъ онъ то выражалъ плачъ о мнимомъ порабощеніи и бѣдствіяхъ Украйны, то возглашалъ о славѣ гетманскаго правленія и прежней вольницѣ козачества, то съ невѣроятною дерзостью изливалъ клеветы и желчь на особъ Императорскаго дома, забывая въ нихъ личныхъ своихъ благодѣтелей. Шевченко пріобрѣлъ между своими друзьями славу знаменитаго малороссійскаго писателя, и потому стихи его вдвойнѣ вредны и опасны. Съ любимыми стихами въ Малороссіи могли посѣяться и впослѣдствіи укорениться мысли о мнимомъ блаженствѣ временъ гетманщины, о счастьѣ возвратить эти времена и о возможности Украйнѣ существовать въ видѣ отдѣльнаго государства».

Къ приведенному заключенію гр. Орлова императоръ въ своей конфирмаціи приговора собственноручно прибавилъ: «подъ строжайшій надзоръ, запретивъ писать и рисовать» («Русскій Архивъ», 1892 г., кн. VII).

30 мая этотъ приговоръ былъ сообщенъ Шевченку, и въ тотъ же день тюремщики III отдѣленія передали поэта въ распоряженіе военнаго начальства. Военное начальство отправило Шевченка съ командированнымъ спеціально фельдъегеремъ въ Оренбургъ, за 2105 верстъ отъ Петербурга. На восьмой день фельдъегерь доставилъ Шевченка къ мѣсту назначенія. Изъ Оренбурга отправили поэта дальше, въ Орскую крѣпость, опредѣливъ его тамъ рядовымъ во 2-ую роту 5 линейнаго баталіона 23 пѣхотной дивизіи. Это произошло на 33 году жизни Шевченка. «Роста онъ былъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 2 арш. и 5 (по другимъ извѣстіямъ $3^1/_2$) вершковъ, лицо имѣлъ чистое, волосы на головѣ темнорусые, глаза темносѣрые, носъ обыкновенный». Таковъ былъ по наружному виду тотъ «художникъ С.-Петербургской Академіи Тарасъ Шевченко», котораго въ силу царской конфирмаціи за «политическое преступленіе» опустили въ могилу, называвшуюся оффиціально «отдачей въ солдаты». Въ этой могилѣ художникъ, поэтъ и гражданинъ пробылъ, со дня ареста въ Кіевѣ, десять лѣтъ и четыре мѣсяца безъ трехъ дней.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на голову Шевченка обрушилось одновременно четыре тяжкихъ наказанія: ссылка въ отдаленныя мѣста, пребываніе въ этой ссылкѣ простымъ рядовымъ, запрещеніе писать и запрещеніе рисовать. Интересно разсмотрѣть и всесторонне взвѣсить, какое изъ указанныхъ четырехъ наказаній было наиболѣе тяжелымъ для поэта, наиболѣе гнетущимъ въ его подневольномъ положеніи.

Мы уже видѣли, что суровый приговоръ былъ всецѣло основанъ на единственной винѣ поэта: «сочиненіи возмутительныхъ стихотвореній». Изъ всѣхъ мотивовъ, приведенныхъ гр. Орловымъ, это былъ самый несомнѣнный, возражать противъ котораго нѣтъ основаній. Достовѣрной уликой преступленія служили, по мнѣнію гр. Орлова, такія произведенія Шевченка, какъ «Сонъ» и «Кавказъ». Ничего нельзя возразить и противъ той мысли гр. Орлова, что Шевченко на Украйнѣ пользовался славой знаменитаго писателя: извѣстность его уже и тогда, дѣйствительно, была велика, но доставили ее поэту едва-ли тѣ «возмутительныя» и «пасквильныя» стихотворенія, на которыя указывалъ гр. Орловъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что широкую извѣстность въ украинскомъ обществѣ создали Шевченку «Наймичка», «Катерина», «Гайдамаки» и другія цензурныя произведенія. Но, во всякомъ случаѣ, очевидно, нельзя было обвинять и наказывать Шевченка за ту славу, какой онъ пользовался на Украинѣ, и за то уваженіе и почетъ, какими земляки Шевченка окружили генія своей родной страны. Что же

касается остальныхъ мотивовъ гр. Орлова, то они представляются явно несообразными. Такова, напр., пресловутая «неблагодарность» Шевченко за помощь, якобы оказанную царской фамиліей при выкупѣ его изъ крѣпостной зависимости. Вспомнивъ какъ-то впослѣдствіи объ этомъ обвиненіи, Шевченко записываетъ въ своемъ «Дневникѣ» (19 іюня 1857 г.): «не понимаю, откуда взялась эта глупая выдумка, знаю только, что мнѣ она не дешево стоитъ. Бездушному сатрапу померещилось, что меня выкупили изъ крѣпостной зависимости и воспитали на царскій счетъ, а я отблагодарилъ своего благодѣтеля тѣмъ, что написалъ на него каррикатуру. Такъ пускай, дескать, восчувствуетъ неблагодарный!»

Покойный Костомаровъ передавалъ, что Шевченко выслушалъ приговоръ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и отвѣтилъ, что признаетъ себя достойнымъ кары, вполнѣ сознавая справедливость царской воли. Если это извѣстіе и вѣрно, то все-таки странно, что Костомаровъ могъ принять слова Шевченка при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ за чистую монету. Едва-ли кто-нибудь могъ бы остаться спокойнымъ, выслушавъ подобный приговоръ. И наружное спокойствіе Шевченка не было дѣйствительнымъ спокойствіемъ удовлетворенной совѣсти: то было спокойствіе души, подавленной неожиданной жестокостью приговора и тяжестью наказанія. Такой отвѣтъ Шевченка, если показаніе Костомарова справедливо, свидѣтельствуетъ только о безграничной безтактности тѣхъ, кто постарался вызвать поэта на откровенность въ томъ крайне тяжеломъ состояніи духа, какое неминуемо должно было послѣдовать за объявленіемъ суроваго приговора. Развѣ можно было ожидать иного отвѣта на вопросъ о «справедливости» приговора отъ безправной жертвы произвола? Свое искреннее мнѣніе о приговорѣ Шевченко высказалъ много времени спустя, въ своемъ дневникѣ подъ 19 іюня 1857 г.: «Трибуналъ подъ предсѣдательствомъ самого сатаны не смогъ бы вынести такого холоднаго и безчеловѣчнаго приговора... Еслибы я былъ разбойникомъ или кровопійцей, то и тогда нельзя было придумать для меня ужаснѣе кары».

Конечно, ссылка въ отдаленныя мѣста, за сотни миль отъ родной Украины, прежде всего должна была болѣзненно отозваться въ сердцѣ поэта. Главная тяжесть этого наказанія состояла въ томъ, что оно не было опредѣлено извѣстнымъ срокомъ; приговоренный къ ссылкѣ не видѣлъ конца ей. Уже одно это обстоятельство не могло не отравить души поэта крайней безнадежностью, не могло не приводить его въ состояніе, близкое къ отчаянію. Въ приговорѣ, правда, была оговорка: «съ правомъ выслуги», но это право оставалось лишь на бумагѣ; въ дѣйствительности же оно всецѣло зависѣло отъ доброй воли, отъ усмотрѣнія длинной цѣпи начальства, начиная отъ фельдфебеля и ротнаго командира

и оканчивая самимъ императоромъ. Нужно было особенно благопріятное стеченіе обстоятельствъ, чтобы указанное право могло пройти такую цѣпь начальственнаго усмотрѣнія, нигдѣ не запнувшись. Шевченко хорошо зналъ и понималъ, что дарованное ему право выслуги—не болѣе, какъ фикція. Кромѣ того, онъ зналъ и собственную натуру и, зная ее, понималъ, что правомъ выслуги онъ ни въ какомъ случаѣ не воспользуется. Горькая дѣйствительность доказала впослѣдствіи, что онъ не ошибся. Такимъ образомъ, поэтъ совершенно ясно сознавалъ, что его ожидаетъ ссылка безъ опредѣленнаго срока. Легко понять и оцѣнить жестокость приговора, не оставлявшаго мѣста надеждамъ.

Говорятъ, что человѣкъ ко всему можетъ привыкнуть, со всѣмъ примириться, кромѣ тюрьмы. Съ этимъ едва ли можно согласиться: если нельзя привыкнуть къ тюрьмѣ, то тѣмъ болѣе невозможно примириться съ мыслью о ссылкѣ безъ опредѣленнаго срока. Такая ссылка, еслибы даже она не ухудшалась обязательнымъ требованіемъ жить въ казармѣ,—гораздо хуже тюрьмы. Въ тюрьмѣ заключенный пользуется возможностью уединенія, во время котораго онъ можетъ углубиться въ самого себя, жить своими мыслями, отдаваться своимъ мечтамъ. Все это невозможно въ казармѣ,—окружающіе не дадутъ забыться, отвлечься хоть мысленно отъ гнетущей дѣйствительности. Впрочемъ, объ условіяхъ казарменной жизни рѣчь будетъ впереди,

Уже ссылка сама по себѣ, даже безъ отдачи въ солдаты, а просто такая ссылка, какая постигла Кулиша, Костомарова, Бѣлозерскаго и прочихъ товарищей Шевченка по заключенію, была тяжелымъ наказаніемъ, разбивавшимъ весь жизненный строй человѣка, измѣнявшимъ все его общественное и личное положеніе. Тяжело было, конечно, Костомарову послѣ университетской каѳедры въ Кіевѣ очутиться безъ опредѣленныхъ занятій въ Саратовѣ, не легко было и Кулишу, вмѣсто путешествія съ научной цѣлью по Европѣ, путешествовать въ Тулу и т. д. Но все-таки ихъ жизнь не была поставлена въ такія ужасныя условія, въ какихъ пришлось жить Шевченку: ихъ не разъединяли съ образованными людьми; ихъ не сажали въ тюрьмы-казармы; ихъ не отдавали подъ надзоръ темныхъ, пьяныхъ солдатъ; ихъ не принуждали жить общею жизнью съ обитателями дореформенной казармы. Все это постигло одного Шевченка. Правда, въ письмѣ своемъ къ княгинѣ Репниной отъ 24 октября 1847 г. онъ пишетъ, что считаетъ себя счастливымъ по сравненію съ Кулишемъ и Костомаровымъ: «у перваго—говоритъ онъ—прекрасная молодая жена, а у второго - бѣдная, добрая старуха-мать, а ихъ постигла та же участь, что и меня, и я не знаю, за какое преступленіе они такъ страшно поплатились». Если принять эти слова за искреннее выраженіе чувствъ Шевченка,—а это едва-ли подлежитъ сомнѣнію,—то они свидѣтельствуютъ лишь о безконечной добротѣ его сердца,

какой и въ самомъ дѣлѣ онъ обладалъ отъ природы, такъ какъ его собственную судьбу нельзя и отдаленно сравнивать съ судьбой его товарищей. Съ другой стороны, въ приведенномъ сочувствіи товарищамъ слѣдуетъ, кромѣ доброты сердца, видѣть также и необыкновенную скромность генія украинскаго слова, глубокое уваженіе его къ людямъ науки и ясное сознаніе той пользы, какую принесъ бы Украйнѣ такой, напр., свѣточъ, какъ Костомаровъ, еслибы онъ продолжалъ оставаться на университетской каѳедрѣ. Въ дѣйствительности, какое можетъ быть сравненіе участи того, кто все-таки оставался на волѣ, въ общеніи съ образованными людьми, въ обществѣ матери или жены, съ участью того, кто обреченъ на безпрерывное заключеніе въ тюрьмѣ-казармѣ, или въ казематѣ, кому товарищами были темные солдаты или клейменные каторжники! Нельзя, наконецъ, не замѣтить, что изъ самаго доклада гр. Орлова слѣдуетъ, что съ точки зрѣнія закона вина Шевченка была меньше сравнительно съ виной, напр., Костомарова, а между тѣмъ Шевченка постигло болѣе суровое наказаніе, даже еслибы оно ограничивалось ссылкой въ Орекъ, съ правами обыкновеннаго россійскаго обывателя, безъ сверхсмѣтныхъ, такъ сказать, добавленій, указанныхъ въ приговорѣ. Обратимъ вниманіе хотя бы только на то, что Шевченко съ береговъ красавца Днѣпра-Славуты, изъ древняго прекраснаго Кіева, переносится на берегъ однообразной, пересыхающей рѣченки Ори, въ крѣпостную казарму въ убогомъ мѣстечкѣ посреди голой, желтой, выжженной солнцемъ киргизской степи въ Азіи! Вокругъ—все чужое. Отъ совмѣстной жизни съ такими образованными друзьями, какими были Костомаровъ, Аѳанасій Марковичъ, Пильчиковъ и друг., изъ общества такихъ высокогуманныхъ людей, какъ княжна Репнина, такихъ украинокъ-энтузіастокъ, какъ Александра Мих. Кулишъ— поэтъ долженъ былъ перейти въ общество темныхъ, распутныхъ и пьяныхъ людей. Послѣ свѣтлыхъ обиталищъ Брюлова, Лизогуба, Репнина, Тарновскаго—поэтъ очутился въ «смрадной тюрьмѣ-казармѣ». Ожидаемую съ такимъ нетерпѣніемъ каѳедру живописи въ университетѣ родного Кіева художникъ долженъ былъ промѣнять на нары въ казармахъ далекой чужбины. Улыбавшуюся было надежду на блестящее будущее замѣняетъ темная безнадежность и отчаяніе...

Уже изъ доклада гр. Орлова о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ видно, что одной ссылки, какъ наказанія, было, по мнѣнію жандармовъ, для Шевченка недостаточно; такое наказаніе не удовлетворяло «третьеотдѣленской» юстиціи, представителямъ которой казалось, что ссылка не соотвѣтствуетъ совершенному поэтомъ преступленію. И потому къ ссылкѣ прибавили отдачу въ солдаты. Какъ бы внимательно ни разсматривали мы мотивы этой надбавки, мы ничего иного не найдемъ, кромѣ «крѣпкаго здоровья» Шевченко. «Шевченка же, какъ одареннаго крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, опре-

дѣлить рядовымъ въ Оренбургскій Отдѣльный Корпусъ», совѣтовалъ гр. Орловъ, опредѣляя такое тяжелое наказаніе единственно за крѣпкое тѣлосложеніе. Но самъ собою возникаетъ вопросъ: былъ ли фактъ «крѣпкаго тѣлосложенія» засвидѣтельствованъ и подтвержденъ компетентными въ вопросахъ здоровья людьми? И, съ другой стороны, еслибы у Шевченка крѣпкаго тѣлосложенія не оказалось, какое бы тогда наказаніе придумалъ для него гр. Орловъ? Наконецъ, третій вопросъ: какой цѣли желали достигнуть судьи, отдавая Шевченка въ солдаты: руководило ли ими элементарное и, конечно, понятное чувство мести, или, быть можетъ, они надѣялись, что тяжелая солдатская жизнь исправитъ ту «испорченность», какую они обнаружили въ Шевченкѣ? Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно, путемъ какихъ соображеній пришли судьи къ заключенію объ испорченности Шевченка,—вѣроятно, кромѣ его стихотвореній, у нихъ не было иныхъ поводовъ къ этому. Я не берусь отгадывать, да и трудно, конечно, проникнуть въ психологическія побужденія судей. За то съ юридической точки зрѣнія о приговорѣ надъ Шевченкомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Россійское «Уложеніе о наказаніяхъ», какъ извѣстно, раздѣляло наказанія за проступки и преступленія на двѣ категоріи: наказанія уголовныя и исправительныя. Къ первой категоріи относятся смертная казнь и каторжныя работы; всѣ же остальныя принадлежатъ къ категоріи исправительныхъ. Въ «Уложеніи» нѣтъ также и наказанія отдачей въ солдаты. Но приговоръ надъ Шевченкомъ былъ постановленъ не судебнымъ порядкомъ, а административнымъ, къ поэту не примѣняли и обычныхъ нормъ закона, потому-то авторъ приговора нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о какой-либо статьѣ закона, подъ которую было бы подведено преступленіе Шевченка.

Возможна, конечно, въ самомъ дѣлѣ наличность у гр. Орлова увѣренности, что солдатчина не только исправитъ «испорченность» Шевченка, но что такое наказаніе именно своею суровостью способно будетъ напугать и другихъ и отвратить отъ такихъ поступковъ, въ какихъ обвинялся Шевченко. Вѣроятно, по такому именно соображенію Орловъ совѣтовалъ не хранить въ тайнѣ рѣшеніе Кирилло-Меѳодіевскаго дѣла, а объявить его, «дабы всѣмъ извѣстно было, какую участь приготовили себѣ тѣ, которые занимались славянствомъ въ духѣ, противномъ нашему правительству». Но изъ этого совѣта видно, что гр. Орловъ не совсѣмъ хорошо зналъ человѣческую психологію вообще и психологію украинцевъ въ частности; не понималъ онъ и того, какія могутъ быть послѣдствія такого запугиванія. Не понялъ онъ и характера Шевченка, если надѣялся солдатчиной исправить его «испорченность». Гр. Орловъ полагалъ, вѣроятно, что, испытывая прелести ежедневной «муштровки», находясь ежедневно подъ надзоромъ въ «смрадной казармѣ» на далекой чужбинѣ, Шевченко будетъ все-

цѣло оторванъ отъ всего того, что наталкивало и привело его къ «преступленію», что онъ замкнется въ себѣ, оглянется на свое прошлое, а это приведетъ его и къ раскаянію. Тогда, вспомнивъ, что за нимъ есть право на выслугу, Шевченко усердно возьмется за военную службу и такимъ образомъ изъ сочинителя «возмутительныхъ стихотвореній» образуется бравый офицеръ россійской арміи. Такъ, въ лучшемъ случаѣ, можно представить себѣ побужденія судей Шевченка. Но они сильно ошиблись.

Назначенное наказаніе Шевченко считалъ за месть и имѣлъ къ этому всѣ основанія. Самъ Орловъ подсказывалъ ему такую мысль, упоминая въ докладѣ о неблагодарности Шевченка. Въ дневникѣ поэта отъ 19 іюня 1857 г. читаемъ: «въ незабвенный во вѣки день, когда прочли мнѣ приговоръ, я далъ себѣ слово: «не сдѣлаютъ изъ меня солдата!» И не сдѣлали. Я не только основательно, но даже по верхамъ не изучилъ ни одного ружейнаго пріема, и это льститъ моему самолюбію. Однажды маіоръ Мѣшковъ, желая задѣть меня за живое, сказалъ мнѣ, что, когда я буду офицеромъ, то не буду умѣть войти въ порядочную гостиную, если не выучусь, какъ слѣдуетъ бравому солдату, «вытягивать носки». Однако, это не задѣло меня за живое. Мнѣ казалось всегда, что бравый солдатъ меньше осла походитъ на человѣка, и потому я и въ мысли всегда боялся быть похожимъ на браваго солдата! Въ дѣтствѣ, сколько я помню себя, меня не занимали солдаты, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми. Когда же я началъ приходить въ возрастъ разумѣнія вещей, во мнѣ зародилась неодолимая антипатія къ христолюбивому воинству. Антипатія усиливалась по мѣрѣ моего сближенія съ людьми этого сословія и возросла до отвращенія. И надо же было коварной судьбѣ моей такъ ядовито, злобно посмѣяться надо мною, толкнувъ меня въ самый смрадный осадокъ этого сословія. Если бы я былъ разбойникомъ или кровопійцей, то и тогда нельзя было придумать для меня ужаснѣе кары, какъ сослать меня солдатомъ въ Отдѣльный Оренбургскій Корпусъ. Трибуналъ подъ предсѣдательствомъ самого сатаны не смогъ бы вынести такого холоднаго, безчеловѣчнаго приговора».

Чтобы такая оцѣнка приговора не показалась намъ утрированною, посмотримъ день за днемъ, какъ проводилъ ссыльный солдатъ Шевченко свое время въ Орскѣ. Яркую картину своей казарменной жизни изобразилъ онъ въ посланіи къ своему другу, доктору Козачковскому. Извѣстно, что единственный свободный день у солдата—это воскресеніе. Но, должно быть, и въ этотъ день отдыха поэтъ не могъ свободно выходить изъ казармы въ поле, потому что онъ пишетъ Козачковскому:

Неначе злодій по-за валами
В неділю крадуся я в поле;

Талами выйду по-надъ Уралом,
В степ широкий, мов на волю.

Но эта степь была вся желтая отъ палящихъ лучей, тоскливое и гнетущее впечатлѣніе оставляла она въ душѣ невольника. Глядя на разстилающуюся вокругъ пустыню поэтъ не могъ по контрасту не вспомнить родную Украину. И воспоминанія сами собой вставали въ памяти, и отъ нихъ:

...Болящее, побите
Серце стрепенеться,
Мов рибонька під водою
Тихо усміхнеться;
І полине голубкою
Понад чужим полем,
І я ніби оживаю
На полі, на волі...
І на гору високу̀ю
Вихожу, дивлюся
І згадую Україну—
І згадать боюся...
І там степи, і тут степи,
Та тут не такії:
Руді-руді аж червоні,
А там голубії,
Зеленії, мережані
Нивами, ланами,
Высокими могилами,
Темними лугами.
А тут бур'ян, піски, тали
І хоч би на сміх де могила
О давнім давні говорила—
Неначе люде не жили!

Уже одно это наводитъ на душу поэта гнетущую тоску, вызывающую болѣзненно-тяжелый вопль:

О моя доле! моя Вкраїно!
Чи я то вернусь з цїї пустині...
Чи може—крий Боже!
Тутъ і загину...

Кто не услышитъ въ этомъ воплѣ ужаснаго отчаянія; кто не замѣтитъ, какъ подъ грубою солдатскою рубашкой и шинелью трепещетъ и бьется нѣжное сердце поэта?! Душевная боль доводитъ мученика чуть не до галлюцинацій:

Айди в казарми! Айди в неволю!

слышится ему команда и украдкой возвращается поэтъ въ казарму. Здѣсь еще хуже, еще ужаснѣе,—здѣсь, въ «смрадной хатѣ»,

Осядуть думи, розіб'ють
На стократ серце, і надію,

І те, що вимовить не вмію
І все на світі проженуть,
І спинять ніч. Часи літами,
Віками глухо потечуть,
І я крівавими сльозами
Не раз постелю омочу...
Благаю Бога, щоб світало,
Мов волі, сонця – світу жду...
Цвіркун замовкне; „Зорю“ бьють
Благаю Бога, щоб смеркало,
Бо на позорище ведуть
Старого дурня муштрувати...

Впрочемъ, это—языкъ поэзіи. Можетъ быть, языкъ холодной прозы хоть немного смягчитъ темныя краски и покажетъ намъ жизнь Шевченко не въ такихъ нечеловѣчески ужасныхъ условіяхъ.

Въ томъ же 1847 г., когда было написано стихотворное посланіе къ Козачковскому, Шевченко писалъ и кн. Репниной. Письмо помѣчено 24 октября, слѣдовательно, прошло уже четыре мѣсяца послѣ прибытія поэта въ Орскъ. «Я прозябаю теперь въ киргизской степи, въ бѣдной Орской крѣпости... Вообразите себѣ неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами—и это буду я. Видно, правда, что я мало терпѣлъ въ своей жизни, и прежнія страданія мои въ сравненіи съ настоящими—были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько!» Въ казармѣ даже написать письмо не было возможности. Вотъ что пишетъ онъ о своемъ обиталищѣ въ письмѣ къ той же кн. Репниной: «Вчера (25 февраля 1848 г.) я не могъ докончить письмо къ Вамъ, потому-что по окончаніи ученія казарма наполнилась и начались разсказы о томъ, кого били, кого обѣщали бить... крикъ, шумъ, балалайки выгнали меня изъ казармы. Я пошелъ къ офицерамъ; они—спасибо имъ—относятся ко мнѣ по товарищески; началъ было писать, но здѣсь хуже, чѣмъ въ казармахъ». За два года жизнь и окружающая среда такъ повліяли на Шевченка, что онъ пишетъ Репниной: «Вы бы теперь не узнали прежняго глупо-восторженнаго поэта! Я сталъ теперь слишкомъ благоразуменъ. Вообразите: въ продолженіе почти трехъ лѣтъ ни одной идеи, ни одного помысла вдохновеннаго. У меня теперь почти нѣтъ ни грусти, ни радости, за то есть душевное спокойствіе вплоть до рыбьяго хладнокровія». И это еще было въ первые, сравнительно сносные годы ссылки, пока не забросили Шевченка въ Новопетровское укрѣпленіе. Тамъ его положеніе значительно ухудшилось.

Казарменная жизнь въ Орской крѣпости тотчасъ же сказалась на здоровьѣ Шевченка,—онъ заболѣлъ цынгою. Болѣзнь была настолько мучительна, что 10 января 1850 г. онъ рѣшился послать изъ Оренбурга письмо начальнику III отдѣленія, извѣстному ге-

нералу Дубельту, съ просьбой о смягченіи наказанія. Въ этомъ письмѣ (до сихъ поръ не напечатанномъ) Шевченко пишетъ: «годы и здоровье мое, расшатанное цынгою въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ возлагать какія-либо надежды на военную службу», т. е., очевидно, на выслугу.

Дѣйствительно, на это Шевченку нечего было разсчитывать. Въ апрѣлѣ того же года его заключили въ Оренбургскую тюрьму вмѣстѣ съ клеймеными каторжниками (дневникъ 25 іюня), а потомъ въ октябрѣ отправили въ Новопетровское укрѣпленіе. Здѣсь, почти до 1855 г., Шевченко не зналъ никакихъ послабленій. Жизнь его въ Новопетровскѣ вообще протекала въ такихъ условіяхъ, что, какъ пишетъ онъ въ дневникѣ отъ 12 іюня, «одно воспоминаніе о пережитыхъ десяти годахъ приводитъ меня въ ужасъ, а что было-бы, еслибы я описалъ подробно ту мрачную обстановку и тѣхъ лицемѣровъ, съ которыми пришлось мнѣ десять лѣтъ переживать темную, монотонную драму?» Такъ называемое интеллигентное общество Новопетровскаго укрѣпленія состояло почти исключительно изъ офицеровъ и ихъ семействъ, и вотъ какъ Шевченко характеризуетъ эту среду: «они, бѣдняги, кромѣ мундира, ничѣмъ не отличаются отъ солдатъ». Дальше, въ дневникѣ отъ 16 іюня, поэтъ называетъ гарнизонное общество болотомъ и съ ужасомъ замѣчаетъ: «и среди этой духовной мерзости я прозябаю уже восемь лѣтъ... Страшно!»

Не будемъ останавливаться на тѣхъ невыносимыхъ для интеллигентнаго человѣка терзаніяхъ, какія принужденъ былъ, скрѣпя сердце, переживать Шевченко въ качествѣ рядового,—отбывая каждодневную «муштру», караульную службу, подвергаясь безпрерывнымъ обыскамъ, арестамъ и другимъ наказаніямъ, вплоть до униженій и насмѣшекъ гарнизоннаго «общества». Все это кончилосъ только съ освобожденіемъ его изъ неволи. Правда, какъ только, въ іюнѣ 1857 г., пришло извѣстіе о помилованіи поэта, ему было разрѣшено не ходить на службу, не отбывать карауловъ и жить не въ казармахъ, а въ казарменномъ огородѣ. Уединенная жизнь въ огородѣ и освобожденіе, по крайней мѣрѣ, отъ казарменнаго общества были уже величайшимъ облегченіемъ для изстрадавшагося по тишинѣ поэта. Но и послѣдніе дни его пребыванія въ неволѣ были отравлены: помимо того, что поэтъ терзался мучительнымъ ожиданіемъ запоздавшаго почему-то оффиціальнаго извѣщенія объ освобожденіи, приходилось еще терпѣть всевозможныя издѣвательства ротнаго командира Косарева. 8 іюля, слѣдовательно, за нѣсколько дней до полученія оффиціальнаго приказа объ освобожденіи Шевченка, въ Новопетровскомъ укрѣпленіи распространился нелѣпый слухъ о пріѣздѣ какого-то великаго князя. Капитанъ Косаревъ принялся подтягивать свою команду. «Въ 7 часовъ утра—говоритъ Шевченко—солдатъ, а съ ними и меня, вывели на плацъ. Косаревъ прежде всего подошелъ ко мнѣ и

сказалъ: «А что, братъ, отставка? Нѣтъ! мы ещ сдѣляемъ изъ тебя браваго правофланговаго, а тогда и съ Богомъ». И приказалъ сейчасъ же учить меня маршировкѣ по четыре часа въ день. Меня объялъ ужасъ, когда я услыхалъ такой приказъ». Дальше: «неужели же не въ послѣдній разъ выводятъ меня на площадь, какъ безсловесное животное на показъ! Позоръ и униженіе! Трудно, тяжело, невозможно, заглушивъ въ себѣ всякое человѣческое достоинство, стать на вытяжку, слушать команду и двигаться, какъ бездушная машина. А каково было мнѣ въ первое время, когда я совсѣмъ не зналъ службы и долженъ былъ, похоронивъ въ себѣ человѣка, сдѣлаться бездушнымъ автоматомъ и молча выслушивать наставленія изъ устъ грабителей и кровопійцъ. Противно, гадко! Дождусь-ли я той счастливой поры, чтобы даже изъ памяти моей исчезла эта мерзость. Едва-ли! потому что медленно и глубоко впитывалась она въ мое существо».

Что же касается «права выслуги», то напомнимъ еще разъ, что это была фикція. Оренбургское начальство не потрудилось напомнить о помилованіи Шевченка даже въ силу манифестовъ 27 марта 1855 г. и 26 августа 1856 г. О нашемъ мученикѣ забыли, и надо было, уже послѣ общей амнистіи, ходить окольными путями, чтобы выхлопотать лишь въ 1857 г. спеціальную амнистію для Шевченка.

Такимъ образомъ, Шевченко провелъ въ тяжелой неволѣ, въ солдатахъ, десять лѣтъ и тридцать восемь дней. Чего же достигли этими мученіями? Какіе результаты дала солдатчина? Если стоять на почвѣ мести, то результаты, разумѣется, были самые неоспоримые. Солдатчина навсегда разрушила здоровье Шевченка и каждый день подвергала его невыносимой нравственной пыткѣ. Что же касается благотворнаго вліянія на такъ называемую «испорченность» Шевченка, то мы видимъ, что солдатчина вовсе не дала ожидавшихся судьями результатовъ. «Все это неисповѣдимое горе, всѣ роды униженія и поруганія прошли, какъ будто не касаясь меня,— пишетъ Шевченко въ дневникѣ 20 іюня:—малѣйшаго слѣда не оставили по себѣ. Опытъ, говорятъ, есть лучшій нашъ учитель; но горькій опытъ прошелъ мимо меня невидимкою. Мнѣ кажется, что я точно тотъ же, что былъ и десять лѣтъ назадъ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась. Хорошо ли это? Хорошо! По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, и я отъ глубины души благодарю моего Всемогущаго Создателя, что онъ не допустилъ ужасному опыту коснуться своими желѣзными когтями моихъ убѣжденій и младенчески-свѣтлыхъ вѣрованій. Кое-что просвѣтлѣло, округлилось, приняло болѣе естественный размѣръ и образъ; но это—слѣдствіе невозмутимо летящаго старика Сатурна, а никакъ не слѣдствіе горькаго опыта».

Что и требовалось доказать... Едва-ли еще нужно подтверждать цитатами изъ произведеній Шевченка, написанныхъ послѣ

1847 г., что въ приведенныхъ сейчасъ словахъ нѣтъ зерна неправды. Кто сомнѣвается, пусть прочтетъ въ «Кобзарѣ» стихотворенія этого періода, бывшія раньше подъ цензурнымъ запретомъ.

Третьимъ наказаніемъ, на которое осужденъ былъ Шевченко, является запрещеніе писать. Мотивъ этого запрещенія не возбуждаетъ сомнѣній: «стихотворенія самаго возмутительнаго содержанія, возмутительный духъ и дерзость, выходящая изъ всякихъ предѣловъ». Очевидно, что, по предположенію гр. Орлова, одна ссылка, даже съ отдачей въ солдаты, не въ состояніи была воздѣйствовать на этотъ «возмутительный духъ» Шевченка. Ссылка и солдатчина казались всесильному шефу жандармовъ недостаточно сильными въ этомъ случаѣ. Смотря на два первыя наказанія глазами военнаго генерала, Орловъ, быть можетъ, и не замѣчалъ въ нихъ ничего больше, кромѣ чисто физическаго воздѣйствія.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ съ точки зрѣнія какого-нибудь фельдфебеля можетъ считаться нравственнымъ наказаніемъ—ходить на ученіе, жить въ казармѣ и надѣяться на выслугу? Надо было изобрѣсти наказаніе чисто нравственнаго характера, такое, которое бы угнетало наказаннаго непрерывно, лишало бы его спокойствія ежеминутно, ни на мигъ не допуская его забыться и оторваться отъ сознанія своей вины и подсказывая соблазнительную мысль о раскаяніи. Для этого нужно было создать препятствія къ изложенію всякихъ иныхъ мыслей даже на бумагѣ, чтобы этимъ хотя отчасти «преступникъ» могъ облегчить свое положеніе и сдѣлать хоть одинъ шагъ въ направленіи, приведшемъ его къ «преступленію». Литературная дѣятельность сдѣлала изъ Шевченко «важнаго и вреднѣйшаго преступника», слѣдовательно, вполнѣ естественно было съ точки зрѣнія судей воспретить ему эту дѣятельность.

Можно думать, что и авторъ доклада, и императоръ Николай I подъ запрещеніемъ писать разумѣли писаніе только предосудительныхъ, на ихъ взглядъ, произведеній, да и то не самое писаніе, а печатаніе и распространеніе ихъ. Иначе трудно понять слѣдующія слова въ докладѣ гр. Орлова: «имѣть строжайшее наблюденіе, дабы отъ него (Шевченка) ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій». Совершенно логично было бы предположить, что здѣсь и намека нѣтъ на абсолютное запрещеніе всякой литературной дѣятельности, такъ какъ воспрещено писать только «возмутительныя» и «пасквильныя» сочиненія. Слѣдовательно, всѣ иныя произведенія Шевченка, которыя не могли быть занесены въ рубрику «возмутительныхъ и пасквильныхъ», должны были пропускаться совершенно свободно. Такъ понималъ вначалѣ указанное ограниченіе самъ Шевченко; такъ до ссылки его въ Новопетровское укрѣпленіе понимало, кажется, и его ближайшее начальство. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что въ періодъ времени съ 1847 до 1850 г. Шевченко написалъ много стихотвореній и въ числѣ написанныхъ

не встрѣчаемъ ничего такого «возмутительнаго» и «пасквильнаго», что хотя бы отдаленнымъ образомъ напоминало «Сонъ», «Кавказъ» и тому подобныя произведенія. Но въ 1850 г. запрещеніе писать было разъяснено и подвергнуто распространительному толкованію. Поводомъ къ этому послужилъ новый доносъ на Шевченко. При обыскѣ у него нашли два альбома рисунковъ и украинскихъ пѣсенъ и неформенное платье. За это Шевченко былъ подвергнутъ тюремному заключенію, во время котораго производилось, по высочайшему указу, новое разслѣдованіе. Было приказано узнать, кто разрѣшилъ Шевченку писать вообще и, въ частности, вести переписку съ знакомыми. Только тогда поняли, что разумѣлъ императоръ подъ запрещеніемъ писать. Слѣдствіе не обнаружило ничего преступнаго, кромѣ самаго факта литературныхъ занятій и переписки, но теперь уже самый этотъ фактъ былъ сочтенъ за преступленіе. Военный министръ, соотвѣтственно волѣ императора, приказалъ освободить Шевченка изъ тюремнаго заключенія и сослать въ Новопетровское укрѣпленіе, подтвердивъ при этомъ строжайшее запрещеніе писать и рисовать («Русская Старина», 1891, кн. II, стр. 429—436). На этотъ разъ запрещеніе понималось уже такъ широко, что при отправленіи Шевченка въ Новопетровское укрѣпленіе коменданту крѣпости было предписано установить строжайшій надзоръ за ссыльнымъ поэтомъ, чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ при себѣ письменныхъ принадлежностей—карандаша, пера, чернилъ и бумаги («Кіевская Старина», 1893 г., кн. II, стр. 249). Капитанъ Косаревъ увѣряетъ, что спустя нѣкоторое время Шевченку было разрѣшено писать, но только подъ контролемъ коменданта или кого-нибудь изъ офицеровъ. Къ сожалѣнію, Косаревъ не указываетъ, когда именно послѣдовало это облегченіе. Если оно было дѣйствительно, то нужно думать, состоялось во всякомъ случаѣ, не раньше 1856 г. Считаю при этомъ нужнымъ оговориться, что вообще воспоминанія Косарева не заслуживаютъ особаго довѣрія: по всей вѣроятности, онъ писалъ ихъ тогда, когда память начала уже ему измѣнять; многое онъ перезабылъ и наоборотъ сообщаетъ кое-что явно недостовѣрное.

Во всякомъ случаѣ, изъ произведеній Шевченка видно, что запрещеніе писать все, кромѣ писемъ, вычеркнуло изъ его поэтической дѣятельности цѣлыхъ шесть лѣтъ, лишивъ Украину и ея литературу лучшихъ, можетъ быть, произведеній его музы. Что же было достигнуто этимъ варварскимъ запрещеніемъ? Ровно ничего, кромѣ тяжелаго и никому, въ сущности, ненужнаго издѣвательства надъ личностью поэта: «испорченность» и «возмутительный духъ» устояли все таки предъ этимъ наказаніемъ и сохранились въ полной мѣрѣ и въ послѣднихъ произведеніяхъ Шевченка.

Четвертое наказаніе, назначенное уже лично императоромъ безъ подсказки Орлова,—запрещеніе рисовать я считаю, какъ счи-

талъ, впрочемъ, и самъ Шевченко, самымъ тяжелымъ и наиболѣе вреднымъ какъ для Украины, такъ и для всей Россіи и для искусства вообще. Оно же было и самымъ несправедливымъ, абсолютно ничѣмъ не оправдываемымъ. Въ докладѣ гр. Орлова ни однимъ словомъ не упоминается о преступной дѣятельности Шевченка, какъ художника, равно какъ не указано и ни одного рисунка на какую-либо «преступную» тему. Самъ Шевченко впослѣдствіи, въ письмѣ къ генералу Дубельту отъ 10 января 1850 г., совершенно искренно и правдиво могъ сказать: «свидѣтельствуюсь Всемогущимъ Богомъ, что я въ жизнь свою никогда ничего преступнаго не рисовалъ». Само собой разумѣется, что, еслибы у Шевченка былъ хотя одинъ рисунокъ, который по содержанію можно было бы считать преступнымъ, то ни Орловъ, ни Дубельтъ не преминули бы отмѣтить это въ своемъ докладѣ. Такимъ образомъ, запрещеніе рисовать было чѣмъ-то въ родѣ громового удара, разразившагося надъ Шевченкомъ неожиданно, должно быть, и для самого гр. Орлова, такъ какъ ни малѣйшаго основанія къ этому въ правительственныхъ актахъ мы не находимъ. Шевченко въ дневникѣ отъ 19 іюня 1857 г. такъ отзывается объ этомъ запрещеніи: «писать запретили за сочиненіе возмутительныхъ стихотвореній, а за что запретили рисовать? Этого не знаетъ и самъ верховный судія».

Уже это полное отсутствіе всякихъ поводовъ къ запрещенію рисовать дѣлало данное наказаніе наиболѣе тяжелымъ, обиднымъ и чувствительнымъ. Запрещеніемъ рисовать, говоритъ Шевченко, «отняли у меня самую благородную часть моей жизни». Не удивительно поэтому, что письмомъ отъ 10 января 1850 г. поэтъ буквально молитъ Дубельта исходатайствовать у императора, какъ «великую милость»,—разрѣшеніе рисовать. Такую милость Шевченко приравнивалъ къ возвращенію зрѣнія слѣпому. «Она, пишетъ онъ Дубельту, оживитъ мою убитую душу». Точно также и въ письмѣ къ Бодянскому изъ Новопетровска отъ 1852 г. поэтъ говоритъ: «за всю свою жизнь я не нарисовалъ ни одной преступной черты. Не давать человѣку работать для того искусства, для котораго онъ отдалъ всю свою жизнь — это наказаніе самое ужасное». Въ письмѣ къ Козачковскому отъ 15 іюля 1853 г. Шевченко точно также называетъ запрещеніе рисовать «ужаснымъ наказаніемъ»: «я невыразимо терзаюсь безъ карандаша, безъ красокъ! Горе, да и только!» И всякій разъ, какъ только поэтъ—въ письмѣ ли къ кому изъ пріятелей, или въ дневникѣ—вспоминаетъ о запрещеніи рисовать, изъ глубины наболѣвшаго сердца вырывается въ буквальномъ смыслѣ вопль, что это для него самое ужасное и невыносимо тяжелое наказаніе.

Мнѣ кажется, что и тѣ лица, отъ которыхъ зависѣла судьба Шевченка, считали запрещеніе рисовать самымъ дѣйствительнымъ наказаніемъ для «преступника». Потому-то, вѣроятно, и всѣ уси-

лія избавиться отъ этого наказанія разбивались, точно о каменную скалу. Выше уже упоминалось, что Шевченко письменно обращался съ просьбой объ этомъ къ генералу Дубельту. Изъ письма поэта къ княжнѣ Репниной отъ 1 января 1850 г. мы знаемъ, что послѣ экспедиціи Бутакова было сдѣлано представленіе по начальству объ амнистіи для Шевченка, но вмѣсто нея полученъ былъ новый приказъ строго слѣдить, чтобы Шевченко ни въ какомъ случаѣ не писалъ и не рисовалъ. 1 января 1850 г. Шевченко обратился съ письмомъ къ поэту Жуковскому, прося его заступничества передъ императоромъ *). Жуковскій былъ человѣкомъ весьма добраго и отзывчиваго сердца, поэтому можно предположить, что онъ не оставилъ безъ вниманія просьбу Шевченка о разрѣшеніи рисовать, если только до него дошло письмо поэта. Княжна В. Репнина, будучи освѣдомлена изъ писемъ поэта о его тяжелыхъ страданіяхъ, также ходатайствовала за него,—она вѣдь хорошо знала Шевченка и понимала, что значитъ для него запрещеніе рисовать. «А тутъ какъ нарочно—писалъ онъ ей—такое множество новаго, оригинальнаго. Киргизцы такъ удивительно живописны, такъ и просятся подъ карандашъ, и я съ ума схожу, когда смотрю на нихъ! Смотрѣть и не рисовать—это такая мука»! Дѣйствительно, это была мука Тантала. Поэтому княжна обращается къ гр. Орлову съ просьбой отмѣнить это нечеловѣческое запрещеніе, которое она называетъ «ненужной утонченной жестокостью». «Со сложенными на груди руками, я умоляю Васъ—писала княжна графу — исходатайствовать Шевченку у государя позволеніе рисовать». Излишне подробно разсказывать о финалѣ этой просьбы: гр. Орловъ отвѣтилъ княжнѣ Репниной только черезъ два года, отвѣтилъ въ крайне грубой формѣ, преподавъ при этомъ отеческое наставленіе, чтобы она не вмѣшивалась «въ дѣла Малороссіи» и не принимала «въ рядовомъ Шевченкѣ участія, неприличнаго по его порочнымъ и развратнымъ свойствамъ», если сама не желаетъ подвергнуться непріятностямъ.

Я уже упоминалъ, что при отправкѣ Шевченка въ Новопетровскъ было снова подтверждено прежнее распоряженіе—строго наблюдать, чтобы Шевченко не смѣлъ рисовать. Коменданту было предписано слѣдить, чтобы у поэта не было карандаша и бумаги. Прошло семь съ половиною лѣтъ. Стремленіе къ живописи такъ глубоко жило въ душѣ Шевченка и неудовлетворенность такъ измучила его, что онъ, наконецъ, снова рѣшился просить, чтобы ему позволили нарисовать на собственный счетъ запрестольный образъ въ Новопетровской церкви. Но и на это нужно было разрѣшеніе высшаго начальства. Капитанъ Косаревъ далъ о Шев-

*) Жуковскій, тогда состоявшій воспитателемъ наслѣдника престола, былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Шевченкомъ, который даже посвятилъ ему свою поэму „Катерину».

ченкѣ благопріятный отзывъ,—въ томъ смыслѣ, что ничего предосудительнаго за нимъ не замѣчено. Тогда комендантъ крѣпости, маіоръ И. А. Усковъ въ январѣ 1854 г. направилъ просьбу Шевченка «на милостивое разрѣшеніе начальства», и 16 апрѣля получилъ изъ Оренбурга отвѣтъ, что командующій Оренбургскаго военнаго округа «не изволилъ изъявить согласія на удовлетвореніе просьбы рядового Шевченка». Идти дальше, очевидно, было некуда: запрещеніе достигло уже крайнихъ предѣловъ безсмысленности. Послѣдній фактъ позволяетъ, между прочимъ, съ увѣренностью предполагать, что запрещеніе рисовать было вызвано исключительно местью и желаніемъ изобрѣсти такую утонченную пытку для Шевченка, отъ которой онъ ни въ какомъ случаѣ, даже на самое короткое время, не могъ избавиться. И эта пытка, дѣйствительно, преслѣдовала наказаннаго неуклонно и непрерывно. Не говоря уже о томъ, что за Шевченкомъ неустанно слѣдили, чтобы онъ не обзавелся такими преступными предметами, какъ карандашъ или бумага, сама техника дѣла не позволила бы ему рисовать, будь даже у него необходимыя для этого принадлежности. Рисовать вѣдь не то, что писать, для рисованія нужны хоть небольшія приспособленія и удобства, совершенно немыслимыя въ положеніи Шевченка. Всѣ офицеры и большинство солдатъ навѣрное знали о запрещеніи Шевченку рисовать. Значитъ, работу его могъ остановить первый встрѣчный доброволецъ однимъ словомъ: «нельзя-съ!»—не говоря уже о постоянномъ и вовсе нешуточномъ рискѣ такимъ нарушеніемъ царской воли вызвать новыя репрессіи. По всей вѣроятности, подобные случаи и въ дѣйствительности бывали. Капитанъ Косаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что ему приходилось «много разъ наказывать Шевченка арестомъ на гауптвахтѣ или въ казармѣ, или же запрещеніемъ выходить изъ казарменнаго двора» («Кіев. Стар.» 1893 г., февр., стр. 257). Къ сожалѣнію, Косаревъ не объясняетъ, за что именно онъ наказывалъ Шевченка, и вообще не приводитъ ни одного изъ его проступковъ. Что касается людей, падкихъ на доносы, то въ нихъ едва ли былъ недостатокъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Напомнимъ хотя бы слѣдующій эпизодъ, занесенный Шевченкомъ въ свой дневникъ. Случилось это уже въ послѣдніе дни пребыванія Шевченка въ крѣпости. Вечеромъ 27 іюня онъ шелъ въ казарму мимо офицерскаго флигеля, гдѣ офицерское общество собралось за тѣмъ благороднымъ занятіемъ, которое на гарнизонномъ жаргонѣ называлось «бить муху». Офицеръ Кампіони, увидавъ Шевченка, затянулъ и его въ пьяную компанію. Шевченко удалось вырваться и уйти изъ этого милаго общества, но неотвязчивый Кампіони послѣдовалъ за нимъ въ догонку, поднялъ крикъ, потребовалъ дежурнаго по ротѣ унтеръ-офицера и велѣлъ арестовать Шевченка. Цѣлую ночь просидѣлъ поэтъ подъ арестомъ, не зная, за что. На слѣдующій день Кампіони подалъ рапортъ ко-

менданту, что Шевченко оскорбилъ его, какъ офицера. Чтобы избѣжать слѣдствія и прекратить нешуточное дѣло объ оскорбленіи рядовымъ офицера, комендантъ посовѣтовалъ Шевченку просить прощенія у доносчика. «Спрятавъ гордость въ карманъ,—пишетъ Шевченко—натянулъ мундиръ и пошелъ просить прощенія. Въ передней у этого доносчика простоялъ цѣлыхъ два часа. Наконецъ онъ допустилъ меня къ своей уже опохмѣлившейся особѣ и послѣ долгаго упрашиванія, извиненій и униженій согласился даровать мнѣ свое прощеніе, но съ условіемъ, чтобы я сейчасъ же купилъ четверть ведра водки. Я послалъ за водкой, а онъ пошелъ къ коменданту взять свой доносъ. Принесли мою водку, а его ябеду. Онъ пригласилъ своихъ лихихъ ребятъ (офицеровъ) въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей. Одинъ изъ нихъ, протягивая ко мнѣ свою пухлую, дрожавшую съ перепоя руку, сказалъ: «Что, батенька! не хотѣли по доброй волѣ познакомиться съ нами, какъ слѣдуетъ людямъ благороднымъ, такъ мы васъ заставили сдѣлать это». Вся компанія захохотала, а я чуть-чуть не сказалъ: «мерзавцы, да еще патентованные мерзавцы!» (Дневникъ, 28 іюня 1857 г.).

Считая запрещеніе рисовать величайшимъ для себя наказаніемъ и невыразимо тяжелымъ лишеніемъ, Шевченко нисколько не преувеличивалъ. Онъ говорилъ правду, что художественному искусству онъ посвятилъ свою жизнь. Къ искусству онъ относился съ какой-то благоговѣйной любовью. Талантъ и дѣятельность художника онъ считалъ болѣе значительнымъ и высокимъ, нежели свое поэтическое дарованіе и произведенія. Благодаря Брюлову и другимъ, въ живописи Шевченко стоялъ вполнѣ на высотѣ современныхъ знаній и техники, кромѣ того, въ ней же онъ совершенно основательно видѣлъ единственный способъ зарабатывать средства къ жизни. За свою страсть къ рисованію Шевченку пришлось наибольше претерпѣть страданій и униженій въ жизни. И вотъ его любимое дѣтище сдѣлали теперь его злѣйшимъ мучителемъ. Развѣ это не могло причинять величайшихъ страданій?

Вспомнивъ хотя бы главнѣйшіе этапы, пройденные Шевченкомъ, пока онъ достигъ званія художника, мы легко поймемъ, что онъ слѣдовалъ по той дорогѣ, на которую направила его сама природа и оставить которую было выше его силъ. По врожденному призванію онъ д о л ж е н ъ былъ вступить на тотъ путь, на которомъ ему пришлось встрѣтить отъ судьбы и людей больше всего глумленій и издѣвательствъ не только надъ личностью, но и надъ любимой профессіей. Художественныя способности и влеченіе къ живописи у Шевченка были врожденными и обнаружились очень рано, сейчасъ же встрѣтивъ враждебное отношеніе со стороны окружающихъ. Въ дѣтскіе и юношескіе годы любовь къ живописи и страстное желаніе научиться рисовать подвергали Шевченка всевозможнымъ испытаніямъ; какъ извѣстно изъ біографіи поэта, изъ-за любви къ рисованію ему приходилось таскать ведрами воду

на гору, мыкаться у маляра въ батракахъ, терпѣть побои отъ Богорскаго и подобныхъ ему учителей.

...Ще в школі
Таки в учителя-дяка,
Гарненько вкраду п'ятака –
(Бо я було трохи не голе,
Таке убоге!) та й куплю
Паперу аркуш та й зроблю
Маленьку книжечку; хрестами
Та везерунками з квітами
Кругомъ листочки обведу,
Та й списую „Сковороду“,
Або „Три царіе со дари“.

За любовь къ рисованію Энгельгардтъ, какъ извѣстно, велѣлъ своему кучеру высѣчь Шевченка розгами. Кто пожелалъ бы узнать, что перенесъ поэтъ во время ученія у малярныхъ дѣлъ мастера Ширяева, тому рекомендуемъ прочесть автобіографическую повѣсть Шевченка «Художникъ». Большой художественный талантъ обнаружился въ Шевченкѣ уже при поступленіи его въ 1839 году въ Петербургскую Академію Художествъ. Во время пребыванія въ Академіи талантъ этотъ окрѣпъ, давая новое свидѣтельство того, какъ щедро и всесторонне одарила природа своего избранника. За первую картину масляными красками «Нищій мальчикъ, подающій кусокъ хлѣба собакѣ» Академія въ 1840 г. удостоила Шевченка почетнаго отзыва и серебряной медали, а въ 1845 г. выдала ему дипломъ на званіе художника. Тогда-то и слѣдовало ожидать расцвѣта его художественнаго дарованія, такъ какъ все, повидимому, благопріятствовало этому. Шевченко былъ приглашенъ сотрудникомъ въ Кіевскую археографическую коммиссію и при ея содѣйствіи могъ бы изучать исторію родного края, могъ бы брать историческіе сюжеты для своихъ работъ. Друзья Шевченка видѣли его большой художественный талантъ и старались по мѣрѣ возможности помочь его развитію. При содѣйствіи княжны Репниной Шевченку было предоставлено мѣсто преподавателя живописи при кіевскомъ университетѣ. «Мы всѣ—говоритъ Кулишъ въ предисловіи къ своей «Хуторной поезіи»,—понимали, что Шевченко подаетъ колоссальныя надежды, и смотрѣли на него, какъ на какой-то свѣтильникъ небесный»,—и это имѣло за собой вполнѣ реальныя основанія. Была мысль отправить Шевченка для усовершенствованія въ искусствѣ за границу. Средства для этого предоставляла А. М. Кулишъ изъ своего приданаго. Самъ Шевченко мечталъ объ основаніи академіи художествъ на Украинѣ. Въ это именно полное надеждъ время судьба сыграла свою недобрую шутку: доносъ Алексѣя Петрова, затѣмъ судъ III-го Отдѣленія разрушили и уничтожили всѣ надежды и мечты поэта-художника. Вмѣсто заграничной поѣздки и профессуры, надъ Шевченкомъ разразилось запрещеніе писать; вмѣсто живописной Украины—вокругъ

него раскинулась дикая киргизская степь, песчаная пустыня на берегу Каспійскаго моря; вмѣсто университета и академіи—открылись предъ нимъ двери тюрьмы, каземата, казармы... Но сверхъ всего этого ужасное наказаніе—запрещеніе рисовать, запрещеніе полное, жестокое, неумолимое... Нельзя не признать, что только хорошій знатокъ человѣческой души могъ выбрать такое наказаніе...

Во всемъ, что писалъ Шевченко послѣ запрещенія рисовать,—была ли то проза или стихи, письма или дневникъ,—вездѣ мы встрѣчаемся съ горькими жалобами, по-истинѣ кровавыми слезами, какими Шевченко оплакиваетъ это наиболѣе тяжелое для него наказаніе,—наказаніе, повторяю, ничѣмъ не вызванное, никому не нужное и совершенно безцѣльное. Въ самомъ дѣлѣ, чего достигло правительство Николая I этимъ наказаніемъ, кромѣ невыразимо тяжелыхъ мученій, перенесенныхъ Шевченкомъ? Впрочемъ, нѣтъ—достигло того, что былъ убитъ огромный художественный талантъ, который имѣлъ всѣ данныя сдѣлаться впослѣдствіи гордостью и Украины, и Россіи... Для художника десять лѣтъ разобщенности отъ любимаго искусства—это такой срокъ, котораго вполнѣ достаточно, чтобы погубить какое угодно сильное художественное дарованіе. Это понималъ прекрасно и самъ Шевченко. «О живописи—писалъ онъ по освобожденіи—теперь мнѣ и думать нечего. Это было бы похоже на вѣру, что на вербѣ растутъ груши. Десять лѣтъ неупражненія въ состояніи сдѣлать и изъ великаго виртуоза обыкновеннаго кабачнаго балалаечника. Я думаю посвятить себя безраздѣльно гравюрѣ aqua tinta. Для этого я полагаю матеріальное свое существованіе ограничить до крайней возможности и упорно заняться этимъ искусствомъ; достаточно будетъ двухъ лѣтъ прилежнаго занятія. Потомъ уѣду въ мою милую Малороссію и примусь за исполненіе эстамповъ... Быть хорошимъ граверомъ—значитъ, быть распространителемъ въ обществѣ свѣта и истины, быть полезнымъ людямъ» (Дневникъ, 20 іюня 1857 г.).

Извѣстно, что по возвращеніи изъ ссылки въ Петербургъ Шевченко, дѣйствительно, отдался гравюрѣ. За гравюру Академія Художествъ 2 сентября 1860 г. удостоила его званія академика...

Послѣдній фактъ не можетъ не навести на самыя тягостныя размышленія и скорбное сожалѣніе по поводу гибели въ лицѣ Шевченка крупнаго художественнаго дарованія: его убило, не давъ возможности развернуться, безсмысленно-жестокое запрещеніе рисовать...

НОВЫЙ МАКІАВЕЛЛИ.

Романъ *Г. Д. Уэльса.*

Ближайшее разсмотрѣніе показываетъ, что Абеляръ былъ номиналистъ подъ другимъ названіемъ.

Льюисъ. Ист. Филос.

Для нашей непосредственной цѣли довольно знать, что существуютъ люди съ душой нѣжной и люди съ душой грубой.

Уильямъ Джемсъ. Прагматизмъ

КНИГА ПЕРВАЯ.

Какъ я сдѣлался человѣкомъ.

Глава первая.

По поводу книги, которая никогда не была написана.

I.

Съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ сюда, я все время мучусь, напрасно стараясь начать писать книгу, которую мнѣ не удается сочинить. Въ сорокъ два года не легко начинать новую жизнь, особенно когда всѣ отголоски прежнихъ интересовъ жужжатъ въ головѣ словно рой пчелъ.

Умъ мой полонъ смутными протестами и самооправданіями. Во всякомъ случаѣ, мнѣ трудно изложить тѣ сложныя обстоятельства, о которыхъ мнѣ хочется говорить, тѣмъ болѣе, что у меня былъ великій предшественникъ: извѣстный Николо Макіавелли принужденъ былъ прекратить политическую дѣятельность именно въ моемъ возрастѣ и, чтобы занять свой безпокойный умъ, написалъ книгу, такую же, какую и мнѣ хотѣлось написать. Онъ написалъ объ отношеніи великаго творческаго духа въ политикѣ къ индивидуальному характеру и индивидуальной слабости; я задался такою же темою. Нѣсколько недѣль тому назадъ (въ теченіе ихъ мы сдѣлали большую экскурсію въ горы и чудную прогулку въ лодкѣ до Генуи по голубымъ и пурпурнымъ волнамъ, потопившимъ Шелли) я началъ писать точ-

ное подражение „Государю“. Сегодня ночью я долго сидѣлъ и перечитывалъ все написанное; потомъ развелъ небольшой костеръ изъ сучьевъ оливы и на немъ сжегъ всю свою работу, листъ за листомъ. Утромъ мнѣ приходится начинать все сначала.

Но теперь, когда я перечиталъ большую часть произведеній Макіавелли, я хоть и отказываюсь взять его себѣ за литературный образецъ, но нахожу, что онъ все таки принесетъ мнѣ нѣкоторую пользу. Несмотря на его широкую извѣстность, я чувствую въ немъ нѣчто родственное моей натурѣ и ставлю его имя на заголовкѣ этой книги, такъ какъ оно имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ моей исторіи. Онъ симпатиченъ мнѣ не только по тѣмъ идеаламъ, какіе преслѣдовалъ, и по гуманности своей политики, но и по смѣси дурного и хорошаго въ своей натурѣ. Онъ давно умеръ, и всѣ его непосредственныя отношенія къ партіямъ и фракціямъ потеряли всякое значеніе, остались только, съ одной стороны, сухое изложеніе его метода и его міропониманія, съ другой—точное изображеніе его личности до самыхъ глубокихъ закоулковъ души, такое изображеніе, какого не можетъ быть дано ни въ комъ изъ современниковъ. Мнѣ придется писать объ этихъ обѣихъ сторонахъ жизни, о мучительной борьбѣ инстинктивной страсти и желанія противъ абстрактной мечты руководить политикой. Но то, что въ дни Макіавелли лежало далеко другъ отъ друга, въ наше время сблизилось; мнѣ придется разсказывать не простую исторію бѣлыхъ страстей, борющихся съ красными.

Мечта преобразованія государства съ давнихъ поръ явилась въ исторіи міра. Правда, она играетъ незначительную роль въ романахъ. Платонъ и Конфуцій занимаютъ первое мѣсто среди умовъ, мечтавшихъ создать царство людей счастливыхъ, тонко развитыхъ, пользующихся безопасностью и хорошими законами. Они воображали себѣ, что собственными усиліями сдѣлаютъ народы богатыми и могущественными; одарятъ ихъ блестящимъ флотомъ, безопасными гаванями, чудными дорогами; расчистятъ заросли, заселятъ пустыни, положатъ конецъ болѣзнямъ, грязи, бѣдности, уничтожатъ войны и смуты, они думали обо всемъ этомъ такъ страстно, съ такою любовью, какъ другіе думаютъ объ изящныхъ формахъ и о красотѣ женщинъ. Въ настоящее время тысячи людей увлекаются страстью къ политикѣ, но во всякомъ человѣкѣ страсть эта смѣшана и затемнена другими болѣе близкими привязанностями.

Такъ было и съ Макіавелли. Я представляю себѣ, какъ онъ послѣ паденія республики жилъ въ Санъ-Кашіано, въ уединеніи своего помѣстья, можетъ быть, еще ощущая въ

членахъ боль отъ пытки, которою былъ наказанъ, какъ заговорщикъ. Эта боль не могла остановить его мечты. Тогда то онъ и написалъ своего „Государя“. Цѣлый день онъ ходилъ по своимъ личнымъ дѣламъ, видался съ сосѣдями, проводилъ время съ семьей, предавался разнымъ будничнымъ занятіямъ. Иногда онъ сидѣлъ въ лавкѣ Донато даль Корно и велъ двусмысленные разговоры съ легкомысленными посѣтителями ея, иногда бродилъ по пустыннымъ лѣсамъ помѣстья съ книгой въ рукахъ, погруженный въ горькія размышленія. Но вечеромъ онъ возвращался домой и шелъ въ свой кабинетъ. Входя туда, онъ, какъ самъ разсказываетъ, снималъ свое крестьянское платье, покрытое пылью и грязью непосредственной жизни, умывался, надѣвалъ „благородную одежку придворнаго“, запиралъ дверь, отрѣшался отъ этого міра страданій и стремленій, личной любви, личной ненависти, личныхъ сожалѣній и, со вздохомъ облегченія, принимался за свои широкія мечты.

Мнѣ пріятно представлять себѣ, какъ онъ при свѣтѣ свѣчей въ серебряныхъ подсвѣчникахъ читаетъ темныя книги или начинаетъ новую главу „Государя“, держа гусиное перо своею бѣлою изящною рукою.

Какъ писатель, онъ является для меня образцомъ; я не закрываю глазъ на его безстыдныя выходки, на подлый тонъ, проскальзывающій даже въ „посвященіи“, гдѣ онъ такъ настоятельно напоминаетъ Его Свѣтлости о постоянныхъ превратностяхъ судьбы. Эти пятна дополняютъ его. Благодаря имъ, я избираю своимъ образцомъ его, а не Платона, о неприглядныхъ сторонахъ котораго мы ничего не знаемъ, и котораго переписка съ Діонисіемъ Сиракузскимъ потеряна; и не Конфуція, изъѣздившаго весь Китай въ поискахъ за принцемъ, котораго онъ могъ бы обучать; какія ошибки и низости онъ дѣлалъ при этомъ — сокрыто для насъ туманомъ вѣковъ. Всѣ ихъ индивидуальныя свойства забыты, и они перешли въ область идеала. А Макіавелли, болѣе близкій къ намъ по времени и менѣе популярный, до сихъ поръ остался вполнѣ человѣкомъ и вполнѣ земнымъ, онъ нашъ падшій братъ и въ то же время благородно одѣтый и благородно мечтающій писатель за своимъ письменнымъ столомъ.

Эта мечта о государствѣ сильномъ и совершенномъ играетъ важную роль въ моей исторіи. Но когда я перечиталъ „Государя“ и сталъ обдумывать, какъ могъ бы осуществиться тотъ планъ, отъ котораго я теперь отказался, я увидѣлъ, что движеніе, вихрь человѣческой мысли, олицетворяемый словомъ „французская революція“, вполнѣ измѣнилъ всю постановку этого вопроса. Макіавели, такъ же, какъ Платонъ, Пи-

ѲагорЪ и Конфуцій, жившіе за много сотъ лѣтъ передъ нимъ, видѣли только одно средство, какимъ мыслитель, не обладающій властью, можетъ преобразовать государство: онъ долженъ овладѣть воображеніемъ государя.

Какъ только мысль ихъ обращалась къ осуществленію задуманнаго, такъ имъ приходилось занимать положеніе — какъ бы сказать? министровъ, что-ли? Макіавелли, правда, нѣсколько сомнѣвался, какой именно государь для него наиболѣе подходящъ, Цезарь ли Борджія, Джуліано или Лоренцо, но безъ государя онъ не могъ обойтись. Прежде чѣмъ я понялъ, насколько наше время отличается отъ его времени, я долго перебиралъ въ умѣ, кто бы изъ современныхъ людей могъ быть поставленъ наравнѣ съ его государемъ. Я нѣсколько разъ пытался сочинять посвященія принцу Уэльскому, императору Вильгельму, м. Иветаму, одному издателю газеты, бывшему моимъ школьнымъ товарищемъ, м. Рокфеллеру,—людямъ въ различныхъ сферахъ и обстоятельствомъ власть имущимъ. Но при всѣхъ этихъ попыткахъ перо мое какъ-то само собой впадало въ ироническій тонъ, потому что—сначала я этого не понялъ—потому что я самъ такой же свободный человѣкъ, какъ любой власть имущій. Старая порода государей, старые маленькіе властелины исчезли. Забота объ общемъ благѣ не лежитъ на обязанности и на отвѣтственности одного человѣка. Во времена Макіавелли это было въ значительной степени дѣломъ одного. Но тѣ дни, когда государь составлялъ планы и слѣдилъ за ихъ исполненіемъ, былъ источникомъ и центромъ всякой власти, давно миновали. У насъ явилось гораздо болѣе сложное положеніе дѣлъ, у насъ каждый правитель, каждый государственный человѣкъ до нѣкоторой степени слуга общества, и каждый интеллигентный человѣкъ до нѣкоторой степени правитель.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ удивительно, какъ власть ослабѣла, въ другомъ удивительно, какъ она усилилась. Вотъ я сижу здѣсь, безоружный, незначительный человѣкъ, сижу за маленькимъ письменнымъ столикомъ въ маленькомъ ничѣмъ не защищеннымъ домикѣ, среди виноградника, и ни одно человѣческое существо не можетъ остановить моего пера, если не рискнетъ убить меня, не можетъ уничтожить моего произведенія иначе, какъ путемъ воровства и преступленія. Никакой король, никакой соборъ не можетъ схватить меня и предать пыткѣ; никакая церковь, никакой народъ не могутъ заставить меня молчать. И все это не потому, что власть умалилась, а потому, что она возросла и размножилась, потому, что она распылилась и спеціализировалась. Теперь мы обладаемъ не отрицательною властью, а положительною; мы не можемъ предупредить зло, но мы можемъ дѣйствовать.

Нашъ вѣкъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ прежніе, богатъ сильными людьми, которые могутъ, если только захотятъ, свершать удивительныя вещи.

Сколько можно сдѣлать въ наше время и сколько уже сдѣлано! Когда я думаю объ успѣхахъ физики и техники, медицины и санитаріи въ теченіе послѣдняго столѣтія, о развитіи вообще воспитанія и образованія среди общества, о тѣхъ силахъ, которыя обращены на службу человѣчеству, и сравниваю все это съ тѣмъ, чѣмъ располагали люди прежняго времени, и когда я представляю себѣ, какое случайное, недисциплинированное, разрозненное меньшинство изобрѣтателей, изслѣдователей, воспитателей, писателей и организаторовъ открыли путь для этихъ человѣческихъ возможностей, открыли, несмотря на равнодушіе громаднаго большинства и на страстное противодѣйствіе активной косности, въ воображеніи моемъ возстаетъ ослѣпительная картина того, чего можетъ достигнуть человѣчество при правильной организаціи государства. Я вижу тѣ высоты, на которыя оно можетъ взойти, тѣ величественныя предпріятія, которыя оно можетъ выполнить...

Но призывъ къ этой цѣли дѣлается теперь не въ той формѣ, какъ прежде, дѣлается въ книгѣ, предназначенной не для государя, а для тысячъ читателей. Это тотъ же старый призывъ къ объединенію человѣческихъ усилій, къ прекращенію распрей, но, вмѣсто макіавеллистскаго льстиваго обращенія къ властелину, авторъ обращаетъ свое задушевное воззваніе къ невидимымъ товарищамъ, окружающимъ его. Послѣднее посвященіе изъ тѣхъ, что я жегъ прошлою ночью, относилось не къ отдѣльному человѣку, а къ творческой силѣ, присущей каждому человѣку...

Между моимъ міромъ и міромъ Макіавелли есть и другое громадное различіе: мы открыли женщинъ. Послѣ того времени онѣ, какъ будто, прошли огромное разстояніе и вошли прямо въ комнату государственнаго человѣка.

II.

По воззрѣніямъ Макіавелли, интересы женщины вращались въ сферѣ жизни, безконечно удаленной отъ его политики. Онѣ были производительницами дѣтей, но одинъ только императорскій Римъ да наше время поняли, какое значеніе онѣ могутъ имѣть въ государствѣ. По мнѣнію Макіавелли, онѣ исполняли свое назначеніе точно такъ же, какъ обработанная земля приноситъ жатву. Кромѣ своей обязанности дѣторожденія, онѣ придавали пріятность жизни, возбу-

ждали людей къ труду и увеселяли государей. Онъ отбрасывалъ мысль о женщинѣ вмѣстѣ съ прочими грязными вещами, когда входилъ въ кабинетъ, чтобы писать. Но нашъ современный міръ живо ощущаетъ громадное, еще полупризнанное значеніе женщины. Она стоитъ около его серебряныхъ подсвѣчниковъ, она говоритъ, пока Макіавелли пишетъ, и въ концѣ концовъ ему приходится бросить перо и обсуждать написанное вмѣстѣ съ ней.

Отбросивъ мысль писать трактатъ, я рѣшилъ дать исторію моей жизни, и, чтобы картина ея была вѣрна, мнѣ придется наряду съ политикой говорить о громадномъ вліяніи пола. Я началъ жизнь, совсѣмъ не зная женщинъ; первое знакомство съ ними принесло мнѣ тревогу и стыдъ; лишь постепенно, довольно поздно въ жизни, послѣ многихъ неудачъ, понялъ я силу и красоту любви между мужчиной и женщиной, понялъ, какую важную роль эта любовь должна играть въ усовершенствованномъ мірѣ. Любовь причесла мнѣ несчастье, потому что я заранѣе составилъ планъ жизни, не принимая во вниманіе ея возможностей и значенія. Но Макіавелли, какъ мнѣ кажется, удаляясь въ свой кабинетъ, оставлялъ за дверьми его не только земной прахъ жизни, а и ея душу, существованіе которой не подозрѣвалъ.

III.

Подобно Макіавелли въ Санъ-Кашіано, я тоже изгнанникъ. Оффиціальное положеніе и руководящая роль невозможны для меня. Политическая карьера, обѣщавшая мнѣ такъ много, навсегда закрыта.

Я гляжу съ этой веранды, увитой виноградомъ и осѣненной вѣтвями пиніи; передо мною разстилается долина, окаймленная террасами, по которымъ разсѣяны бѣлые и розовые домики; Генуэзскій заливъ блеститъ сафиромъ, и, точно облака, висятъ на небѣ отдаленныя горы, а я думаю о неуклюжихъ судахъ, пробирающихся по сѣрымъ водамъ Англійскаго канала, о темныхъ улицахъ мокрыхъ отъ дождя о грязи великана Лондона, о толпахъ, снующихъ взадъ и впередъ, о значеніи и вліяніи этого важнаго сердца современнаго міра.

Трудно себѣ представить, что мы оставили его на много лѣтъ, а, можетъ быть, и навсегда. Мысленно я опять хожу по его улицамъ, слышу стукъ колесъ экипажей и жужжаніе моторовъ; я опять сижу за обѣдомъ въ старой столовой въ подвальномъ этажѣ парламента; я вспоминаю шумъ и возбужденіе въ клубахъ при чтеніи бюллетеней о выборной

борьбѣ, съ которой началась моя карьера. Я вижу, какъ имена и цифры появляются на зеленомъ сукнѣ, одинъ избирательный округъ за другимъ, и встрѣчаютъ ихъ то ропотъ, то громкія рукоплесканія. Все это для меня прошло и исчезло. Вернуться къ прежнему я уже не могу. И вотъ я сижу за своимъ каменнымъ столомъ, уже наполовину ушедшій изъ жизни, въ тепломъ, тѣнистомъ пріютѣ, залитомъ солнечными лучами и увитомъ виноградными лозами, а передо мною бумага, на которую я, подобно Макіавелли, могу излить всю мою мудрость, все, что я узналъ и перечувствовалъ въ теченіе моей карьеры, закончившейся моимъ разводомъ съ женой.

Я началъ скромно и быстро возвысился. Не знаю, къ чему бы я пришелъ въ концѣ концовъ, если бы во мнѣ не вспыхнуло съ неопреодолимой силой пламя, положившее конецъ моей дѣятельности.

Глава вторая.

Брамстедъ и мой отецъ.

I.

Я сталъ мечтать о государствахъ, городахъ и политикѣ съ самаго ранняго дѣтства.

Когда я вспоминаю то время, въ памяти моей воскресаетъ огромная черная комната съ необыкновенно высокимъ потолкомъ, съ поломъ, покрытымъ оборванными кусками клеенки и какимъ-то грязнымъ ковромъ. По стѣнамъ ея стояли ящики и сундуки, около камина два шкафа и полки съ книгами, на стѣнѣ висѣла старая истрепанная геологическая карта южной Англіи. На каминѣ лежалъ большой кусокъ бѣлаго коралла и нѣсколько толстыхъ костей ископаемыхъ, а надъ ними висѣлъ портретъ какого-то ученаго джентльмена, нарисованный очень яркими красками.

Всего больше я вспоминаю полъ: на покрывавшихъ его кускахъ клеенки—они изображали у меня землю—возвышались города, деревни и крѣпости изъ деревянныхъ кирпичей; тома Оровой „Энциклопедіи наукъ" были крутыя горы, а незакрытыя мѣста пола и темныя панели вокругъ стѣнъ были каналы и моря. Я до сихъ поръ съ безконечною благодарностью вспоминаю дядю моего отца, который подарилъ мнѣ эти кирпичи. Это были большіе въ 5 дюймовъ длины и $2^1/_2$ д. ширины, дубовые кирпичи, кромѣ того полукирпичи и четверти кирпичей. Ихъ было много, нѣ-

сколько сотенъ, такъ что я могъ построить изъ нихъ шесть башенъ въ свой собственный ростъ. Мнѣ ихъ хватало для всевозможныхъ построекъ. Я могъ дѣлать изъ нихъ цѣлые города съ домами, церквами и крѣпостями, перекидывать мосты съ одного куска клеенки на другой, устраивать корабли, которые по открытымъ морямъ доходили до самаго отдаленнаго порта въ комнатѣ. Весь этотъ міръ былъ населенъ сотней-другой моряковъ и солдатъ пѣхоты, конницы и артиллеріи, которыхъ я выпрашивалъ себѣ въ подарокъ ко дню рожденія и при другихъ удобныхъ случаяхъ.

Писатели, которые пишутъ о дѣтскихъ игрушкахъ, обыкновенно всего болѣе останавливаются на дѣтскомъ театрѣ. У меня тоже былъ такой театръ, но я смѣло скажу, что кирпичики несравненно интереснѣе его. Какихъ только сложныхъ, разнообразныхъ построекъ ни воздвигалъ я, съ длинными корридорами, съ лѣстницами, съ окнами, черезъ которыя я съ помощью желобковъ изъ картъ или бумаги могъ спускать мраморные шарики прямо въ ожидавшіе ихъ корабли. У меня были крѣпости съ пушками и прикрытіями для солдатъ. У меня былъ торговый флотъ, который перевозилъ сѣмячки настурціи, тмина и лупинуса. По моей большой военной дорогѣ ѣздили вагоны съ товарами, запакованными въ коробочки отъ спичекъ и лѣкарствъ или въ перевязанные ниткой мѣшки изъ пальцевъ старой перчатки; они возили припасы въ осажденную крѣпость на границѣ Индіи. По дорогѣ встрѣчался непріятель, и происходили сраженія.

Эта большая дорога до сихъ поръ сохранилась у меня въ памяти. Какой то—не помню, какой именно благодѣтель—подарилъ мнѣ отрядъ страшныхъ красныхъ индѣйцевъ, отецъ помогъ мнѣ устроить ихъ жилища изъ коричневой бумаги, и я поселилъ ихъ въ пустынную до тѣхъ поръ страну около стараго сундука Затѣмъ я ихъ завоевалъ и занялъ страну ихъ своимъ гарнизономъ. Дальше по направленіе къ угольному ящику была малодоступная страна китайскихъ зулусовъ, грозно размахивавшихъ копьями, а затѣмъ скалистыя горы изъ наваленныхъ кучею кирпичей, среди которыхъ встрѣчались волшебныя пещеры и рудники изъ золотой и серебряной бумаги. Между этими скалами бродили остатки Ноева ковчега, разные страшные, хотя по большей части изуродованные звѣри. Чтобы усилить дикую неприступность этой мѣстности, я часто забрасывалъ ее прутьями и палками, принесенными изъ сада. По всѣмъ этимъ странамъ проходила та большая Императорская дорога; она перевозила товары съ одного пункта на другой, проходила по мостамъ, перекинутымъ черезъ дырки клеенки, и по туннелямъ, про-

рытымъ подъ мостами Энциклопедіи, и, наконецъ, по замѣчательно искусно сдѣланному подъему въѣзжала въ крѣпость, командовавшую надъ Индѣйскою территоріей.

Мои игры на полу продолжались нѣсколько лѣтъ и съ каждымъ годомъ становились разнообразнѣе и сложнѣе. Вѣроятно, онѣ занимали меня отъ семи до одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ. Я игралъ въ нихъ не постоянно, и иногда забывалъ ихъ на долго. Весной и лѣтомъ я большую часть времени проводилъ внѣ дома и рано сталъ ходить въ школу.

Моя имперія сохранилась гораздо полнѣе и живѣе въ моей памяти, чѣмъ обладатели юбокъ, ногъ и сапогъ, которые осторожно пробирались по моей территоріи. Но иногда, увы, они принимались мыть полъ и производили катастрофу, которая въ нѣсколько минутъ уничтожала медленный ростъ цивилизаціи, тянувшійся нѣсколько дней. Обыкновенно меня предупреждали заранѣе, и если я не обращалъ на это вниманія, грубыя красныя руки спускались, хватали гарнизоны изъ крѣпостей, матросовъ съ кораблей и бросали ихъ въ ящики такъ неосторожно, что ружья и мечи ихъ ломались; онѣ превращали Императорскую дорогу въ груды развалинъ, бросали въ огонь всѣ заросли страны Зулусовъ.

— Что же дѣлать, мастеръ Дикъ,—говорилъ голосъ этого космическаго бѣдствія,—зачѣмъ вы ихъ не убрали вчера вечеромъ. Я не могу ждать, пока вы перевезете всѣхъ ихъ на корабляхъ. Мнѣ надо дѣлать свое дѣло, и я дѣлаю.

И вотъ въ одну минуту всѣ мои материки и государства были залиты потоками воды...

Это былъ самый худшій изъ великановъ, являвшихся ко мнѣ. Но и моя мать тоже распространяла ужасъ среди этого микрокозма. Она носила толстые сапоги и шелковое платье съ фалборами, разрушавшими всѣ віадуки Императорской дороги. Насколько я помню, она всегда уводила меня куда-нибудь: то обѣдать, то гулять, то—верхъ нелѣпости! —мыться и причесываться, и повидимому, нисколько, не понимала государственнаго строя той имперіи, по которой шла ко мнѣ. Она запрещала мнѣ играть по воскресеньямъ, позволяла только строить изъ кирпичиковъ церкви, водить солдатъ на церковный парадъ, и изображать парадъ, присоединивъ къ остаткамъ Ноева ковчега деревянныхъ звѣрей изъ Швейцарской фермы. Но она никакъ не могла различить, что я строю церковь или крѣпость, и много воскресныхъ вечеровъ провелъ я за игрой въ Чикаго, увѣряя, что это ковчегъ новаго устройства.

Игра въ Чикаго была основана на разсказахъ моего отца

о свиной бойнѣ въ этомъ городѣ и на нѣсколькихъ видѣнныхъ мною картинкахъ. Всѣ животныя ковчега изображали свиней, главный мясникъ, бывшій Ной, убивалъ ихъ, а второй мясникъ, бывшая жена Ноя, приготовляла изъ нихъ сосиски для арміи.

Мать не понимала моихъ игръ, но отецъ отлично понималъ ихъ. Дома онъ всегда ходилъ въ туфляхъ и часто сидѣлъ на моемъ маленькомъ стулѣ и съ сочувствіемъ смотрѣлъ на мой микрокозмъ.

Онъ дарилъ мнѣ всѣ игрушки и, кажется, давалъ идею большей части игръ. Вотъ тебѣ кусокъ листоваго желѣза для крышъ и загородокъ,—говоритъ онъ мнѣ, подавая кусокъ крѣпкой морщинистой бумаги, въ которую завертываютъ банки лѣкарствъ. Или:—Дикъ, смотри, какой тигръ стоитъ около Императорской дороги,—какъ бы онъ не напалъ на твое стадо.—Я находилъ новаго блестящаго оловяннаго тигра и, конечно, снаряжалъ цѣлую охотничью экспедицію, чтобы поймать его.

Благодаря отсутствію всякой системы въ чтеніи отца, я имѣлъ счастье въ дѣтствѣ не получать никакихъ дѣтскихъ книгъ, кромѣ сочиненій Жюля Верна. Но отецъ доставалъ книги для себя и для меня изъ библіотеки Брумстедскаго Института и я прочелъ отъ доски до доски Фенимора Купера, Майнъ-Рида, иллюстрированныя исторіи русско-турецкой войны и экспедиціи Непира въ Абиссинію, Стэнли, Ливингстона, біографію Веллингтона, Наполеона и Гарибальди. Дома у насъ была „Естественная Исторія“ Вуда, иллюстрированная „Исторія Англійскаго народа“ Грина, „Товарищи Колумба“ Ирвинга, разрозненные тома какого-то путешествія вокругъ свѣта, Новый Завѣтъ Кларка съ картой Палестины и нѣсколько справочныхъ книгъ, купленныхъ на распродажахъ. Въ гостиной лежала „Ботаника“ Соуерби съ очень хорошими рисунками британскихъ растеній и еще нѣсколько дорогихъ книгъ, которыя мнѣ позволяли просматривать.

II.

Мой отецъ былъ худощавый человѣкъ, въ широкомъ поношенномъ платьѣ, съ руками, обыкновенно засунутыми въ карманы панталонъ. Онъ училъ естественной исторіи въ Брамстедскомъ институтѣ и давалъ уроки въ другихъ школахъ. Наши денежныя средства пополнялись ежегоднымъ

доходомъ матери въ 100 фунтовъ и полученными имъ въ наслѣдство тремя домами около Брамстедской станціи.

Это были большія неуклюжія постройки въ стилѣ начала правленія Викторіи, съ чуланами и кухнями въ подвальномъ этажѣ. Архитекторъ, строившій ихъ, очевидно задался злобной цѣлью устроить какъ можно менѣе удобное помѣщеніе для прислуги. И онъ превзошелъ себя, такъ какъ ни одна прислуга не соглашалась жить у насъ въ хатѣ иначе, какъ за самое большое жалованье или за самую полную снисходительность къ ея неумѣлости и дерзости. Каждый этажъ дома имѣлъ отъ 12 до 15 футовъ высоты; очень крутая лѣстница вела, въ концѣ концовъ, въ мезонинъ, до котораго было слишкомъ трудно добираться. На потолкахъ были большіе карнизы изъ штукатурки, украшенные классическими рисунками, и куски ихъ часто падали совершенно неожиданно. Обои на стѣнахъ были крупнаго, смѣлаго рисунка, но испорчены сыростью и во многихъ мѣстахъ прорваны.

Такъ какъ отецъ никогда не могъ отдать въ наемъ больше одного изъ этихъ домовъ, то онъ находилъ выгоднымъ жить въ которомъ-нибудь изъ остальныхъ, и деньги, получаемыя съ жильцовъ, тратилъ на необходимыя поправки всѣхъ трехъ. Нѣкоторыя изъ этихъ поправокъ онъ дѣлалъ самъ, и, кромѣ того, болѣе или менѣе неудачно разводилъ овощи въ незанятыхъ садахъ. Всѣ три дома выходили на сѣверъ, и задняя сторона того, въ которомъ мы жили, была покрыта виноградомъ, на которомъ весной появлялись зеленыя ягоды для пироговъ, а осенью не вполнѣ дозрѣлыя черныя ягоды для дессерта.

Я не помню отца молодымъ и энергичнымъ человѣкомъ. Я родился, когда и онъ, и мать были людьми средняго возраста. Отецъ женился 35 лѣтъ, матери было уже за сорокъ, и я помню только послѣдніе далеко не блестящіе годы его преподавательской дѣятельности.

Первыя общественныя школы были основаны при жизни отца, и многіе интеллигентные люди находили, что государство не должно браться за это дѣло. Когда онъ родился, въ Англіи было множество вполнѣ безграмотныхъ людей, которые не умѣли читать и съ трудомъ подписывали свое имя. Масса населенія не получала никакого образованія. Старыя грамматическія школы приходили въ упадокъ, и многія изъ нихъ закрывались. Въ новыхъ, большихъ центрахъ дѣти эксплуатировались на фабрикахъ среди самаго темнаго невѣжества и нищеты.

Плохо устроенныя и плохо обслуженныя, національныя

и Британскія школы, получавшія поддержку отъ добровольныхъ жертвователей и отъ соперничествующихъ сектъ, безсильно боролись противъ этого надвигавшагося мрака.

Такое положеніе дѣлъ настоятельно требовало исправленія. Но прежде всего надо было побороть много предразсудковъ и полное равнодушіе къ дѣлу.

Недовѣріе къ правительству было слишкомъ велико въ правленіе Викторіи, чтобы государство могло серьезно взяться за дѣло, воспитывать учителей, устраивать школы, поощрять педагогическія изслѣдованія и озаботиться изданіемъ хорошихъ учебниковъ. Общество чувствовало, что все это должно быть сдѣлано индивидуальными и мѣстными усиліями, а такъ какъ индивидуальной и мѣстной иниціативы не хватало, то рѣшено было вызвать ее посредствомъ денежныхъ выдачъ. Государство устроило систему экзаменовъ изъ наукъ и искусствъ, а также для элементарныхъ школъ. Сообразно съ результатомъ экзаменовъ назначены были денежныя преміи для школъ, представлявшихъ на нихъ учениковъ. По общераспространенному мнѣнію того времени, спросъ долженъ былъ породить предложеніе; начнется погоня за преміями и, какъ необходимый побочный продуктъ, явится образованіе.

Въ концѣ концовъ, эта система оказалась не выдерживающей критики, но когда я былъ мальчикомъ, она процвѣтала. Для экзаменовъ по наукамъ и искусствамъ назначали обыкновенно извѣстныхъ ученыхъ, по большей части вовсе не привыкшихъ учить. Эти ученые каждый годъ предлагали вопросы и поручали своимъ помощникамъ читать и записывать тысячи получаемыхъ отвѣтовъ. Приступая къ экзамену, они обыкновенно тщательно прочитывали всѣ документы, касающіеся предыдущаго, чтобы знать, что обыкновенно спрашивалось. Въ результатѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ можно было почти съ полною достовѣрностью знать, что и какъ будутъ спрашивать экзаменаторы, и послѣ этого цѣлью обученія стало не знаніе, а умѣнье отвѣтить на извѣстный рядъ вопросовъ. Издатели учебниковъ выпускали книги, тоже приспособленныя для этой цѣли. Онѣ были написаны тѣмъ слогомъ, который наиболѣе нравился экзаменаторамъ, и къ каждой главѣ былъ приложенъ рядъ вопросовъ, заимствованныхъ изъ отчетовъ предъидущихъ экзаменовъ. Благодаря этому, учитель могъ отлично подготовить свой классъ для полученія преміи и, понятно, держался этой системы: онъ предлагалъ ученикамъ вопросы, диктовалъ имъ отвѣты и заставлялъ ихъ заучивать эти отвѣты.

Отецъ преподавалъ точно такимъ же методомъ. Я учился

у него съ десяти лѣтъ до его смерти и отлично помню, какъ онъ сидитъ на концѣ стола и, подавляя зѣвокъ, диктуетъ безспорныя формулы, которыя ученики, сидящіе за партами, тщательно записываютъ въ тетради. Иногда онъ подходитъ къ классной доскѣ и медленно рисуетъ на ней цвѣтнымъ мѣломъ діаграмму, которую ученики должны срисовать цвѣтными карандашами, или показываетъ образецъ чего-либо, или подготовитъ какой-нибудь опытъ, чтобы показать имъ.

Но на самомъ дѣлѣ онъ никогда не дѣлалъ никакихъ опытовъ, только въ классѣ ботаники заставлялъ насъ разрывать на части простые цвѣты. Онъ избѣгалъ опытовъ, во-первыхъ, потому что на нихъ тратилось много времени, газа для горѣлки и разнаго матерьяла, во-вторыхъ, въ его неловкихъ рукахъ они подвергали опасности не только аппараты Института, но и жизнь слушателей; въ третьихъ, при опытахъ нужна была вода и обмыванье посуды; и, наконецъ, они никогда не удавались, что сильно скандализовало наблюдательныхъ учениковъ и вело къ деморализующимъ спорамъ. Я очень рано въ жизни пріобрѣлъ почти неискоренимое убѣжденіе въ антинаучности природы и въ томъ, что между систематической наукой и обыденными фактами лежитъ непроходимая пропасть. Напримѣръ: наука говоритъ, что если вы подуете въ стаканъ известковой воды, вода замутится, а если вы будете продолжать дуть, она снова станетъ свѣтлой; на самомъ же дѣлѣ, если вы станете дуть въ бутылку съ известковой водой, пока лицо ваше побагровѣетъ и подъ ушами заболитъ, вода нисколько не замутится. Я знаю также по наукѣ, что если положить хлористый калій въ реторту и подогрѣть ее на горѣлкѣ Бунзена, кислородъ отдѣлится и можетъ быть собранъ въ сосудѣ съ водой, но въ дѣйствительной жизни, если вы вздумаете сдѣлать что-либо подобное, ваша реторта съ трескомъ лопнетъ, хлористый калій зашипитъ на огнѣ, и вы такъ выразительно выругаетесь, что барышня-студентка, сидящая сзади васъ, поспѣшитъ выйти изъ комнаты.

Вотъ почему я вполнѣ понималъ, что отецъ предпочитаетъ дѣйствительнымъ опытамъ такъ называеные „примѣрные“. Онъ обыкновенно выставлялъ передъ классомъ всѣ необходимые аппараты, но безъ всякихъ матерьяловъ, и чистую холодную горѣлку; затѣмъ, онъ очень ясно описывалъ, какъ долженъ производиться опытъ и какой долженъ онъ дать результатъ. Онъ обладалъ способностью очень живой и картинной рѣчи, такъ что мы ясно представляли себѣ все, что онъ описывалъ. Классъ, свободный отъ всякаго

нервнаго напряженія, спокойно срисовывалъ всѣ выставленные аппараты, а если рисунокъ оказывался слишкомъ труднымъ, отецъ давалъ его на классной доскѣ въ упрощенномъ видѣ, и мы его срисовывали. На этой же доскѣ онъ писалъ намъ разныя мудреныя слова, которыми можно было щегольнуть на экзаменѣ, и мы должны были заучивать ихъ.

III.

Мой отецъ былъ въ высшей степени непрактичный человѣкъ. Онъ соединялъ практическую неспособность съ удивительнымъ стремленіемъ ко всякимъ практическимъ предпріятіямъ и съ необыкновенно сангвиническимъ темпераментомъ. Онъ постоянно старался устраивать что-нибудь новое вычитанное въ книгахъ или газетахъ или придуманное имъ самимъ. Такъ какъ онъ не привыкъ никакого дѣла доводить до конца, то проекты его были самые разнообразные и радикальные. Одно время онъ совсѣмъ запустилъ уроки изъ-за интенсивной культуры, такъ увлекся открываемыми ею перспективами. Я долго не могъ забыть особенно ѣдкаго запаха удобренія, которое онъ получилъ на основаніи своей собственной химической теоріи. Періодъ интенсивной культуры живо помнится мнѣ; онъ пришелся на послѣдніе годы его жизни, когда мнѣ было лѣтъ одинадцать, двѣнадцать. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось заниматься сбираніемъ гусеницъ и участвовать въ ночныхъ походахъ на улитокъ при свѣтѣ фонаря, что мѣшало мнѣ готовить уроки къ слѣдующему дню. Отецъ вскопалъ полянки передъ обоими домами, обнесъ ихъ канавами и удобрилъ, все это съ необыкновенной энергіей, прерывавшейся періодами отвращенія ко всякой садовой работѣ. За обѣдомъ онъ нѣсколько недѣль подъ рядъ толковалъ о 8000 ф., которые можетъ дать одинъ акръ земли.

Огородъ, даже когда его не мучаютъ интенсивной культурой, почти такъ же требователенъ, какъ маленькій ребенокъ; онъ не ждетъ, пока человѣку угодно имъ заниматься, а самъ распредѣляетъ свое время. Усиленная культура дѣлаетъ его еще болѣе своенравнымъ и капризнымъ. Отецъ съ самаго начала не поладилъ со своими грядами. Все безъ исключенія выросло не такъ, какъ слѣдуетъ. Горохъ былъ съѣденъ ночью прежде, чѣмъ выросъ на три вершка; бобы погибли; единственный замѣтный результатъ обрызгиванья овощей какою-то жидкостью состоялъ въ томъ, что кошка стала болѣть разстройствомъ желудка; парники съ огурцами стра-

дали отъ камней, которые запускали въ нихъ мальчишки, проходившіе по переулку сзади огорода, и всѣ наши огурцы оказались почему-то горькими. Этотъ переулокъ съ своими прохожими много мѣшалъ интенсивности работы, такъ какъ отецъ обыкновенно бросалъ все и быстро входилъ въ домъ, какъ только замѣчалъ, что за нимъ наблюдаютъ. Спеціально приготовленное имъ удобреніе невольно вызывало пытливые умы на вопросы...

Копая гряды и проводя границы своего опытнаго огорода, онъ не употреблялъ веревки для опредѣленія направленія, а полагался на свой глазомѣръ, и потому все шло у него вкривь и вкось; пугала, разставленныя тамъ и сямъ, начатое и не законченное приспособленіе для поливанья изъ водосточной трубы, которая должна была спускаться съ крыши дома № 2, нѣсколько упрямыхъ кустовъ бузины, которыхъ нельзя было истребить ни топоромъ, ни огнемъ, все это придавало огороду какой-то безпорядочный, запущенный видъ.

Въ концѣ концовъ, эта затѣя страшно надоѣла отцу. Всѣ эти растенія, которыя требовали отъ него заботы и ухода, выводили его изъ терпѣнія. Оставивъ ихъ безъ вниманія на день, на два, онъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа гулялъ со мной въ саду, говорилъ объ исторіи, или, можетъ быть, о соціальномъ строѣ или о вновь прочитанной книгѣ, вообще о томъ, что его интересовало. Черезъ нѣсколько минутъ онъ начиналъ замѣчать сорную траву. „Нѣтъ, это не годится", говорилъ онъ и выдергивалъ пучекъ. За однимъ пучкомъ слѣдовалъ другой, и разговоръ нашъ прерывался. Руки его покрывались землей, ногти становились черными, онъ злился, проклиналъ траву, и хорошее расположеніе духа оставляло его.

Помню, какъ онъ иногда вихремъ врывался въ домъ, руки и платье его были страшно перепачканы. „Проклятая дрянь вымазала меня всего, а у меня въ шесть часовъ урокъ химіи! Эхъ, чортъ!"

Мать не упускала случая отучать его отъ крѣпкихъ словъ. Она стояла неподвижно и не помогала ему доставать полотенце.—Когда ты говоришь такія слова...

Онъ топалъ ногами отъ злости и схватывался за мыло.

— Полотенце!—кричалъ онъ, разбрасывая во всѣ стороны мыльную пѣну. — Полотенце! Я брошу этотъ противный урокъ, если ты мнѣ не дашь полотенца! Я все брошу! Говорю тебѣ—все!..

Наконецъ, неудача съ латукомъ рѣшила дѣло. Я сидѣлъ въ маленькой беседкѣ и училъ неправильные латинскіе

глаголы, когда это случилось. Я до сихъ поръ вижу его, слышу его голосъ, какъ онъ во всеуслышанье провозглашаетъ свое мнѣніе объ интенсивной культурѣ. Съ недѣлю тому назадъ мы привязали латукъ мочалкой, а теперь половина его сгнила, а другая непомѣрно выросла. Отецъ держалъ въ рукахъ лопату, размахивалъ ею, и въ воздухѣ летѣли части неудачнаго салата. Насытивъ свой гнѣвъ на латукѣ, онъ набросился на другія жертвы: онъ уничтожилъ часть нашего лучшаго сладкаго горошка, срѣзалъ головки цѣлаго ряда артишоковъ и съ шумомъ бросилъ лопату на парникъ съ огурцами. Ужасъ, который я испытывалъ въ эти минуты, отчасти возвращается ко мнѣ и теперь, когда я описываю эту сцену.

— Ну, мой мальчикъ,—проговорилъ онъ, подходя ко мнѣ со счастливымъ видомъ. — Я покончилъ со своимъ огородничествомъ. Пойдемъ, погуляемъ, какъ разумныя существа. Довольно мнѣ быть — на лицѣ его скользнуло горькое чувство--въ рабствѣ у капусты.

IV.

Эта прогулка памятна мнѣ по многимъ причинамъ. Во первыхъ, мы прошли гораздо дальше, чѣмъ обыкновенно, и назадъ вернулись уже по желѣзной дорогѣ; во 2-хъ, отецъ много говорилъ о себѣ и о своей жизни, говорилъ не столько со мной, сколько самъ съ собой. Я слушалъ его съ недоумѣніемъ и въ то время не понималъ многаго, что стало мнѣ ясно впослѣдствіи. Только въ послѣдніе годы понялъ я, какъ одинокъ былъ мой отецъ, какъ мало пониманія своимъ мыслямъ и чувствамъ встрѣчалъ онъ, какъ жаждалъ сочувствія неразвитого мальчика, шагавшаго рядомъ съ нимъ.

— Я не огородникъ, говорилъ онъ, ни въ какомъ случаѣ. И съ чего это чортъ дернулъ меня огородничать? Можетъ быть, человѣкъ былъ созданъ, чтобы ходить за садомъ. Но послѣ грѣхопаденія онъ изъ него изгнанъ. А я для чего созданъ? Господи, для чего я созданъ? Быть рабомъ матерей! Заботиться о неодушевленныхъ вещахъ! Нѣтъ, это не мое дѣло. У меня не хватаетъ ловкости въ рукахъ и терпѣнія. Я загубилъ жизнь, загубилъ свою жизнь! — Онъ вдругъ обратился ко мнѣ, и я вздрогнулъ, точно пойманный шпіонъ. — Когда ты задумаешь что-нибудь сдѣлать, мальчикъ, составь себѣ прежде планъ. Составь себѣ хорошій планъ и держись его. Поставь себѣ цѣль въ жизни—

я этого никогда не могъ—и иди къ ней! Правда, это трудно...

— Эти отвратительные дома были проклятіемъ моей жизни. Бѣлые слоны изъ штукатурки! Собственность, какъ же! Бойся вещей, Дикъ, бойся вещей! Ты и самъ не замѣтишь, какъ тебѣ придется заботиться о нихъ, нянчиться съ ними. Онѣ съѣдятъ твою жизнь! Съѣдятъ все твое время, всю твою энергію, высосутъ твою кровь! Когда эти дома достались мнѣ, я долженъ былъ продать ихъ или бросить ихъ и уѣхать. Гробницы-людоѣды! О, сколько часовъ и дней работы, сколько ночей тревоги стоили мнѣ эти дома!

— Собственность, это проклятіе всей жизни. Собственность! Ухъ! Посмотри на всю эту землю, изрѣзанную на безобразные параллелограммы, посмотри на эти виллы, мимо которыхъ мы сейчасъ проходили, на эти огороды, на заборы. Въ каждой изъ виллъ живутъ люди, которые стерегутъ ее, которые привязаны къ ней, какъ собака къ телѣжкѣ. Они заботятся о ней, дрожатъ за нее. Дрожатъ и лаютъ на всякаго прохожаго. Взгляни на это объявленіе: какая-то дрянная маленькая скотина не пускаетъ насъ, другихъ маленькихъ скотинъ, ходить по своему участку, и Богъ знаетъ почему! Смотри, онъ весь поросъ травой, заборъ сломанъ!.. Нѣтъ, Дикъ, никакой собственности имѣть не стоитъ, развѣ деньги, ихъ хоть можно тратить. А вся эта дрянь только убиваетъ человѣческую душу! Я не дуракъ, Дикъ. У меня есть способности, воображеніе, инициатива. Я могъ бы лучше устроить свою жизнь. Я могъ бы что-нибудь сдѣлать. Но старики связали меня по ногамъ. Они вывели меня на ложную дорогу. Лучше сказать, совсѣмъ никуда не вывели. Я началъ понимать, что такое жизнь, не раньше сорока лѣтъ. Если бы я былъ въ университетѣ, если бы я получилъ сколько-нибудь правильное образованіе, если бы я не схватился за первое попавшееся мѣсто...

— Никто не остановилъ, не предостерегъ меня. А тебя, Дикъ, я предостерегъ заранѣе. Составь себѣ планъ, не жди, что кто-нибудь покажетъ тебѣ дорогу. Ты самъ долженъ проложить себѣ путь. Старайся получить образованіе, хорошее образованіе. Иди впередъ, не останавливайся посрединѣ. Я тебя хорошо знаю. Пріобрѣтать и охранять собственность, не твое дѣло. Въ этомъ тебя перещеголяетъ любой обыватель Брамстеда. Мы съ тобой оба люди головной работы, мы должны или стоять наверху, или быть ничѣмъ. А если эти проклятые дома достанутся тебѣ, развяжись съ ними поскорѣй. Отдай ихъ, взорви ихъ динамитомъ—и дѣлу

конецъ! Живи, Дикъ, это главное! Я постараюсь отдѣлаться отъ нихъ ради тебя, и если не успѣю, помни мои слова, Дикъ!

Такъ говорилъ со мною отецъ, можетъ быть, не этими самыми словами: вѣроятно, у меня въ памяти перемѣшались подробности разговора во время этой прогулки со многими другими разговорами. Я не вполнѣ понималъ его слова въ то время, но вполнѣ понималъ его настроеніе. Изъ его разговоровъ я усвоилъ себѣ двѣ идеи, которыя крѣпко засѣли у меня въ умѣ. Съ одной стороны, представленіе о необыкновенной безпорядочности и отсутствіи плана въ жизни окружающихъ насъ людей, съ другой — идеальное представленіе упорядоченнаго и усовершенствованнаго общественнаго строя; онъ называлъ это то наукой, то цивилизаціей, а въ нынѣшнее время многіе называютъ это соціализмомъ.

Онъ не опредѣлялъ, что подразумѣваетъ подъ словомъ наука, но постоянно стремился къ ней и относился вполнѣ отрицательно къ ограниченному міровоззрѣнію своего времени. Онъ не высказывалъ словами, но давалъ мнѣ понять, что приближается эта наука, этотъ духъ свѣта и порядка, который спасетъ міръ, изнемогающій во мракѣ и непосильной работѣ...

V.

Когда я теперь вспоминаю Брамстедъ, онъ у меня неизмѣнно связывается съ неудачнымъ огородничествомъ отца со странными заплатами и рисунками, безобразившими его дома. Одно удивительно подходитъ къ другому.

Я хочу дать небольшое описаніе Брамстеда и разсказать въ нѣсколькихъ словахъ его исторію. Это описаніе и эта исторія могутъ относиться къ тысячѣ мѣстечекъ, окружающихъ Лондонъ и другіе крупные центры населенія. Въ сущности, это до нѣкоторой степени относится и ко всему міру, къ тому его состоянію, изъ котораго мы, увлекающіеся политики, мечтаемъ создать упорядоченный строй.

Во первыхъ, представьте себѣ Брамстедъ 150 лѣтъ тому назадъ. Это была узкая, неправильная улица изъ крытыхъ соломою домиковъ, по дорогѣ между Лондономъ и Дувромъ. Населеніе его не достигало и двухъ тысячъ человѣкъ, занимавшихся большею частью земледѣліемъ или промыслами, имѣвшими отношеніе къ земледѣлію. Въ деревнѣ былъ свой кузнецъ, свой шорникъ, докторъ, цирюльникъ, продавецъ полотна, ветеринаръ, лавка желѣзныхъ товаровъ и два боль-

шихъ постоялыхъ двора. Церковь была достаточно велика, чтобы вмѣстить всѣхъ, желавшихъ посѣщать ее, а такихъ было большинство; всѣхъ младенцевъ въ ней крестили, всѣхъ желавшихъ жениться въ ней вѣнчали, всѣхъ покойниковъ хоронили на ея тѣнистомъ кладбищѣ. Въ срединѣ мѣстечка былъ старый домъ-базаръ, и въ немъ разъ въ недѣлю производился торгъ; каждый годъ происходила ярмарка, на которой были разныя увеселенія и изрядное пьянство; за пять миль отъ Лондонскаго моста охотники съ собаками гонялись за звѣремъ, а мѣстное дворянство устраивало игру въ крокетъ по 100 гиней партію къ великому удовольствію всего населенія.

Мѣстечко оставалось почти такимъ-же, какимъ было 300, 400 лѣтъ до того. Можетъ быть, число торговыхъ помѣщеній поувеличилось: они стали покрасивѣе и торговля въ нихъ дифференцировалась, дороги лучше содержатся, ѣзда по нимъ усилилась; населеніе нѣсколько увеличилось, духовенства стало меньше, людей средняго сословія больше. Но границы мѣстечка остались тѣ же, и основныя черты его ничуть не измѣнились.

Но послѣ 1750 г. въ мірѣ произошла какая-то перемѣна, которая отразилась на всемъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ. Эту перемѣну произвели машины, которыя вызвали смутное, но энергичное стремленіе улучшить всѣ матеріальные предметы. Въ другой части Англіи изобрѣтательные люди начали употреблять уголь при плавкѣ желѣза и производили такъ много металла и металлическихъ вещей, какъ никогда раньше. Новая „сила", существованія которой никто не подозрѣвалъ, вливалась въ общественный организмъ. Кажется, никто не предвидѣлъ появленія этой новой силы, и никто не разсчиталъ ея вѣроятныхъ послѣдствій. Вдругъ, совершенно неожиданно, люди стали дѣлать такія вещи, которыя привели бы въ изумленіе ихъ предковъ. Они начали гораздо легче и дешевле прежняго выдѣлывать колесные экипажи, прокладывать дороги и по нимъ перевозить предметы, которые раньше считались слишкомъ тяжелыми для перевозки; они стали сколачивать деревянныя вещи гвоздями, вмѣсто деревянныхъ ключей, они стали вести болѣе обширную торговлю, посылать свои произведенія за границу и привозить изъ-за моря не однѣ только пряности, но и массу разныхъ товаровъ. Новое вліяніе распространилось и на земледѣліе: желѣзныя орудія замѣнили деревянныя; бумажное производство и книгопечатаніе возросли и подешевѣли. Появились черепичныя и желѣзныя крыши вмѣсто соломенныхъ, конный путь въ Дувръ, по которому съ тру-

домъ проѣзжала карета, и то только въ сухую погоду, превратился въ Дуврскую дорогу, по которой ѣздилъ каждый день, сначала одинъ, а потомъ и нѣсколько дилижансовъ. Явились богатыя виллы, въ которыхъ жили купцы отдыхавшіе отъ дѣлъ; вдовы, находившія мѣстность здоровою, и вновь появившійся классъ людей,—ничѣмъ не занятые рентьеры. Открылось нѣсколько школъ-пансіоновъ для мальчиковъ, набиравшихъ себѣ учениковъ въ Лондонѣ. У моего дѣда была такая школа.

Но это было лишь начало періода роста, первыя капли надвигавшагося потока механической силы. На сѣверѣ производство желѣза росло, появилась сталь въ большихъ количествахъ, на фабрикахъ началось машинное производство. Брамстедъ почти удвоился въ объемѣ еще до появленія желѣзной дороги. На Высокой улицѣ исчезли соломенныя крыши, появились дома съ красивыми подъѣздами, большими окнами и магазинами, въ витринахъ которыхъ красовались цѣлыя стекла. Мѣстечко освѣтилось масляными фонарями, начали поговаривать о газѣ. Наконецъ, въ 1834 г. построенъ былъ газовый заводъ, а вскорѣ послѣ того—желѣзная дорога. Поля, которыя раньше подходили почти къ самой Высокой улицѣ, должны были отступить и дать мѣсто новымъ дорогамъ, потянувшимся во всѣ стороны. Предпріимчивые люди принялись строить дома и отдавать ихъ въ наемъ. Составился Мѣстный Совѣтъ Старшинъ, который съ большими колебаніями и съ грошевой экономіей началъ дренажныя работы. На площади появилась новая бѣлая церковь и другая красная кирпичная за кирпичными заводами по дорогѣ въ Чезингталь.

Населеніе удвоилось и еще разъ удвоилось и стало особенно многочисленно въ кварталѣ рабочихъ, въ грязныхъ, почернѣвшихъ отъ угля улицахъ около газоваго завода, прачешныхъ Блоджета и товарной станціи желѣзной дороги. Единственная національная школа обучала грамотѣ грубыхъ, немытыхъ, растрепанныхъ дѣтей этого новаго населенія. Деревня Бекинтонъ за три мили къ западу и Бламбей за четыре мили къ востоку отъ Брамстеда тоже росли, развивались и двигались навстрѣчу къ намъ. Всякая общественная связь между жителями мѣстечка уничтожилась раньше, чѣмъ я родился, они уже не знали другъ друга, у нихъ не было общихъ мѣстъ для собраній, старая ярмарка пришла въ упадокъ, никто въ ней не нуждался болѣе.

Мнѣ было лѣтъ пять, шесть, когда оказалось, что старое кладбище переполнено, и Кладбищенская Компанія принялась устраивать новое и засаживать его приличнымъ коли-

чествомъ печальныхъ, конусообразныхъ деревьевъ. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни, я попалъ въ гущу строительства: когда мнѣ было 11, 12 лѣтъ, строилась вторая желѣзная дорога со станціей въ сѣверной части Бромстеда, затѣмъ начались дренажныя работы, и всѣ мои дѣтскія воспоминанія соединены съ рытьемъ земли, съ подвозкой строительныхъ матерьяловъ, съ рубкой лѣса для построекъ, съ проведеніемъ новыхъ улицъ, съ проложеніемъ желѣзныхъ трубъ подъ землей, съ ужаснымъ запахомъ газа, съ людьми работающими въ глубокихъ ямахъ и рвахъ, со сломанными заборами, съ ручейками, остановленными въ своемъ теченіи и загнанными въ дренажныя трубы. Высокія деревья, особенно вязы, освобожденные отъ окружавшаго ихъ подлѣска и оставленные среди всего этого разгрома, производили впечатлѣніе какой-то ощипанности и нищеты: они стояли, точно печальныя вдовицы, видавшія лучшіе дни.

Равенсбрукъ казался мнѣ въ раннемъ дѣтствѣ великолѣпной рѣкой. Онъ текъ изъ какого-то таинственнаго далека, весело плескался около запруды, гдѣ когда то стояла мельница, и затѣмъ спокойно текъ вдоль тропинки; налѣво виднѣлись хорошенькіе крытые соломой котеджи, направо роща; потомъ берега его поднимались, и на нихъ росли высокія деревья, которыя сходились своими верхушками такъ, что образовывали сводъ надъ водой. Сквозь эти деревья трудно было пробираться, и мы съ матерью обыкновенно обходили ихъ по полевой дорожкѣ и снова выходили на рѣчку, когда она уже извивалась среди луговъ Ропера. Здѣсь берега ея, то холмистые, то низкіе, были покрыты всевозможными цвѣтами и густой травой, въ глубокихъ мѣстахъ водилась рыба, которая казалась мнѣ очень крупной; въ загончикѣ цвѣли желтыя лиліи и бѣлыя кувшинки. У рѣчки были и небольшіе пороги, въ одномъ мѣстѣ сонныя воды ея вдругъ начинали бурлить, пѣниться и стремительно бѣжать впередъ. До сихъ поръ живо помню я эту хорошенькую рѣчку и невольно сравниваю съ ней всякую рѣку, всякій водопадъ, какой мнѣ приходится видѣть. Но мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, мы еще не уѣзжали изъ Брамстеда, какъ вся эта прелесть и красота исчезли.

Вслѣдствіе дренажныхъ работъ количество воды въ рѣчкѣ стало быстро уменьшаться, пока она не превратилась въ узенькій ручеекъ. Сначала это не очень огорчило меня. Всякому мальчику пріятно ходить, не замочивъ ноги, по мѣстамъ, которыя прежде были недоступны. Но вскорѣ явились лопаты, доски, телѣги и полный разгромъ. Луга Ропера, которымъ болѣе не грозилъ разливъ рѣчки, были

раздѣлены на параллелограммы, перерѣзаны грязными улицами и застроены рядами котэджей для рабочихъ. Казалось, эти дома были построены въ одну ночь, такъ быстро шло дѣло. Люди поселились въ нихъ, какъ только они были покрыты крышами; это были, по большей части, рабочіе со своими молодыми женами. Не прошло и года, какъ многіе изъ этихъ, только что отстроенныхъ домовъ, стояли пустые за неимѣніемъ жильцовъ, окна ихъ были разбиты, деревянныя части гнили. Равенсбрукъ превратился въ свалку стараго желѣза, битой посуды, рваныхъ сапогъ и т. под. и снова дѣлался рѣчкой, когда сильные дожди наполняли его на нѣсколько дней мутною, темною водою...

Его судьба дала мнѣ особенно яркое представленіе о ростѣ Бромстеда. Равенсбрукъ занималъ важное мѣсто въ моемъ воображеніи. Гуляя съ матерью, я всегда шелъ къ его берегамъ, и быстрое исчезновеніе его заставило меня обратить вниманія на все, что произошло въ мѣстечкѣ до меня и что продолжало происходить при мнѣ. Я рѣшилъ, что строительство—мой врагъ. Я началъ понимать, отчего приходится постоянно натыкаться на лѣса вокругъ строющихся домовъ, на кучи всякаго хлама, на ломанные кирпичи и разбросанные угли, на разныя объявленія о продажѣ и отдачѣ въ наемъ домовъ, разныя надписи то запрещающія проходъ, то предостерегающія прохожихъ отъ опасности.

Мнѣ трудно различить теперь, что именно я понималъ въ то время, и что сталъ понимать лишь впослѣдствіи, но мнѣ кажется, даже и въ тѣ дѣтскіе годы я живо чувствовалъ, что на насъ надвигается все болѣе и болѣе растущій беспорядокъ. Можетъ быть, многіе видятъ въ этомъ, наоборотъ, замѣну стараго покоя, стараго равновѣсія новымъ порядкомъ. Но на мой взглядъ, обостренный замѣчаніями отца, во всемъ этомъ не было ни малѣйшаго порядка. Мы испытывали рядъ некоординированныхъ толчковъ, одинъ разрушительнѣе другихъ, но ни одинъ изъ нихъ не далъ ничего цѣльнаго, доделаннаго. Каждый оставлялъ въ наслѣдство другому разные продукты, даже людей—и все это въ движеніи. Это были какія-то случайныя перемѣны, происходившія необычайно быстро и не ведшія ни къ какой опредѣленной цѣли.

Нѣтъ, время Викторіи не было зарей новой эры. Это былъ громадный и очень поспѣшный опытъ, вѣроятно необходимый, какъ необходимо все на свѣтѣ. Прежде чѣмъ люди научатся сдерживать себя и дѣйствовать планомѣрно, они должны сотню разъ увидѣть ту глупость и ту сумятицу, которая является слѣдствіемъ безцѣльныхъ и непродуман-

ныхъ методовъ дѣйствія. 19-й вѣкъ былъ вѣкомъ весьма убѣдительныхъ опытовъ надъ новыми силами, пріобрѣтенными человѣчествомъ. Но какое прочное наслѣдіе оставилъ онъ потомкамъ? Кто черезъ сто лѣтъ захочетъ жить въ домахъ современниковъ Викторіи, ѣздить по ихъ желѣзнымъ дорогамъ, любоваться ихъ произведеніями искусства, наслаждаться ихъ литературой?

Люди того вѣка, въ который я родился, неожиданно для себя получили силу, богатство, новую свободу и не съумѣли сдѣлать разумнаго употребленія изъ всѣхъ этихъ благъ; они хватались то за одну идею, то за другую, увлекались то однимъ способомъ пріобрѣтенія, то другимъ. Въ общемъ выходило нѣчто весьма похожее на работы отца въ огородѣ. Я видѣлъ Бромстедъ въ прошломъ году. Онъ такъ же не законченъ, какъ былъ раньше. Улицы по прежнему идутъ куда-то въ пустыри и оканчиваются тупиками; претенціозныя виллы окружены грязью; публичный домъ и часовня стоятъ другъ противъ друга. Луга Ропера превратились въ самое откровенное болото; заднія двери и чуланы домовъ выходятъ на желѣзную дорогу, и на дворахъ ихъ безцеремонно развѣшено грязное бѣлье; а на дебаркадерѣ желѣзной дороги кишатъ объявленія о разныхъ пилюляхъ, разныхъ тоническихъ и укрѣпляющихъ средствахъ, необходимыхъ людямъ, утратившимъ здоровье и естественный аппетитъ.

Ну, ничего, мы должны поставить дѣло лучше. Неудачу нельзя назвать неудачей и потерю потерей, если онѣ уничтожаютъ иллюзію и освѣщаютъ путь къ созданію плана.

VI.

Хаотическій безпорядокъ, дурно направленныя усилія, неопредѣленныя цѣли—вотъ что соединяется у меня въ головѣ съ воспоминаніями о Бромстедѣ. Послѣднее изъ этихъ воспоминаній было страшно трагическое. Я помню блѣдное весеннее солнце въ это воскресное утро, неловкость отъ нарряднаго платья и отъ праздничной чистоты и чинности, когда мы съ матерью вернулись изъ церкви и нашли отца мертвымъ. Онъ подрѣзывалъ виноградныя лозы. У него не было лѣстницы, которая бы хватала до оконъ третьяго этажа, и онъ со своею обычною изобрѣтательностью замѣнилъ ее соединеніемъ садовой лѣстницы и стараго кухоннаго стола, который стоялъ въ амбарѣ и служилъ для разныхъ странныхъ цѣлей. Чтобы лѣстница не свалилась со стола, онъ приставилъ къ ней садовый катокъ, а катокъ покатился въ самую критическую минуту. Мы нашли его лежащимъ около

самой двери въ саду; голова его была откинута назадъ и лежала на сломанной и согнутой водосточной трубѣ, на лицѣ было выраженіе спокойнаго довольства; въ рукѣ онъ продолжалъ сжимать столовый ножикъ съ привязанной къ нему бамбуковой палкой. Мы нѣсколько времени стучали въ дверь съ улицы, и такъ какъ онъ насъ не слышалъ, то мы вошли черезъ калитку въ садъ и увидѣли его.

— Артуръ!—закричала мать какимъ-то странно прерывающимся голосамъ,—что ты тутъ дѣлаешь? Артуръ! И еще въ *воскресенье.*

Я шелъ за ней, не спѣша, когда ея странный голосъ поразилъ меня. Она стояла на мѣстѣ, какъ будто не рѣшаясь подойти къ мужу. Онъ часто проводилъ ее въ недоумѣніе своими поступками и манерами; въ первую минуту она и тутъ была озадачена. Но затѣмъ истина мелькнула въ умѣ ея. Она вздрогнула, какъ бы въ испугѣ, отошла назадъ къ калиткѣ, остановилась и всплеснула своими руками въ перчаткахъ. Я смотрѣлъ мрачно на распростертое тѣло отца и былъ такъ удивленъ, что не могъ ничего чувствовать. Вдругъ та же мысль пришла и мнѣ въ голову. Я подбѣжалъ къ ней.

— Мать!—вскричалъ я, чувствуя, что блѣднѣю: — развѣ онъ умеръ?

Двѣ минуты тому назадъ я думалъ о холодномъ яблочномъ пирогѣ, который обыкновенно подавался за нашими воскресными обѣдами, думалъ, что послѣ обѣда мнѣ, можетъ быть, удастся залѣзть на дерево въ концѣ сада и тамъ читать. И вдругъ фактъ грумадной важности спустился на меня и уничтожилъ весь мой дѣтскій міръ. Отецъ лежалъ мертвый у меня на глазахъ. Я замѣтилъ, что мать совсѣмъ растерялась, и что надо что-нибудь дѣлать.

— Мать!—сказалъ я, — надо сходить за докторомъ Везслей и внести отца въ комнаты.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Піо Бароха.

(Окончаніе).

VII.

Мнѣ остается разсмотрѣть два романа Піо Барохи, центральной фигурой которыхъ является оригинальный типъ, созданный авторомъ— Сильвестре Парадоксъ. Первый романъ «Приключенія, изобрѣтенія и мистификаціи Сильвестре Парадокса» *)—испанскіе критики относятъ къ категоріи сатирическихъ. Во второмъ романѣ «Король Парадоксъ» **) авторъ даетъ широкій просторъ своей фантазіи и далеко заходитъ за предѣлы дѣйствительности. Донъ Сильвестре—чудакъ, прошедшій длинную и суровую школу испытаній. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ уже зналъ нищету, потомъ у богатыхъ родственниковъ, къ которымъ попалъ послѣ смерти родителей, встрѣтилъ ханжество, злобу и самодовольство. Маленькій Сильвестре придумываетъ злыя проказы, чтобы отомстить родственникамъ, и, когда онѣ раскрываются, убѣгаетъ изъ дома. Онъ встрѣчается съ бродячими фокусниками и продавцами чудодѣйственныхъ лѣкарствъ, съ англичаниномъ и англичанкой, дающими на ярмаркахъ представленія подъ псевдонимомъ супруговъ Макбетъ. Въ ихъ обществѣ мальчикъ чувствуетъ себя великолѣпно. Компанія объѣзжаетъ всѣ далекія деревни, перебирается во Францію и достигаетъ до Парижа. Все это даетъ возможность автору рисовать яркія, сочныя бытовыя картины. Въ Парижѣ однажды утромъ супруговъ Макбетъ арестовали, какъ воровъ, по распоряженію изъ Лондона. Услышавъ это, Сильвестре поспѣшилъ убраться изъ гостинницы. Не смотря на сильный испугъ, мальчика занималъ одинъ вопросъ. «Если Макбетъ и жена его воры, то неужели воры единственные сострадательные и ласковые люди въ мірѣ?» Вспомнивъ своихъ родственниковъ, которыхъ всѣ считали людьми честными и безупречными, мальчикъ думалъ, не означаетъ ли «честность» то же, что подлый, низкій и злой? ***).

---

*) «Aventuras, Inventos y Mistificaciones de Silvestre Paradox».

**) «Paradox, Rey».

***) «Aventuras», etc. p. 73.

«Такъ заканчивается лѣтопись раннихъ лѣтъ жизни Сильвестре, которую мы могли опубликовать, благодаря любезности дона Елосъ Самлераіо. Послѣ этого жизнь Парадокса окутана тайной. Извѣстно только, что имя его значится въ спискахъ неимущихъ, возвращенныхъ на родину на средства, данныя итальянскими консулами въ Парижѣ, Америкѣ, Лондонѣ, Петербургѣ и въ Христіаніи. Лицо, заслуживающее безусловнаго довѣрія, сообщало намъ, что видѣло въ Александріи нѣсколько лѣтъ тому назадъ вывѣску «Пиротехникъ Парадоксъ» *).

Сильвестре Парадоксъ появляется въ Мадридѣ. Ему теперь сорокъ пять лѣтъ. Онъ изрядно потертъ и потрепанъ жизнью, для которой онъ совершенно неприспособленъ. Парадоксъ занимаетъ чердакъ, гдѣ, вмѣсто мебели, можно найти чучела каймана и дрофы, террарій съ прирученной гадюкой, куски минераловъ, элементы Бунзена и модели разныхъ машинъ. Голова дона Сильвестре вѣчно наполнена проектами многочисленныхъ изобрѣтеній, поражающихъ своимъ разнообразіемъ. Тутъ химическіе огнетушители, торпеда, управляемая съ берега, новый глицеро-желѣзисто-глюкозо-фосфатный хлѣбъ, пульсометры, плавательные аппараты, научная квашня, соска для деревьевъ (приборъ для впрыскиванія въ деревья и въ виноградныя лозы новаго удобренія, устраняющій необходимость выкапывать и удобрять землю у корней), охладитель к с и р о д а т ъ, новое взрывчатое вещество мелино-пироксилино-парадокситъ, гальванопластическая фотографія, новая наковальня и даже «мышеловка-зеркало». Всѣ изобрѣтенія дона Сильвестре прекрасны въ теоріи; но при осуществленіи ихъ всегда оказывается, что упущена какая-нибудь мелочь, или кто-нибудь другой додумался до того же раньше и взялъ патентъ. И вообще мысль занимаетъ дона Сильвестре только до тѣхъ поръ, покуда она опредѣляется. Донъ Сильвестре только теоретически любитъ людей и потому предпочитаетъ одиночество. Покуда не вышли небольшія деньги, доставшіяся ему послѣ смерти родственника, донъ Сильвестре проводилъ цѣлые дни на своемъ чердакѣ. «Когда дону Сильвестре надоѣдало читать, онъ шагалъ изъ угла въ уголъ или произносилъ длинныя рѣчи своей собакѣ или прирученной гадюкѣ. Послѣднюю онъ усыновилъ во время одной изъ своихъ экскурсій. Дровосѣки усмотрѣли змѣю на деревѣ и собрались убить ее, но Парадоксъ схватилъ ее, завернулъ въ платокъ и принесъ домой... Сильвестре такъ привыкъ къ одиночеству, что довольствовался бесѣдами съ собакой, чучеломъ дрофы или съ прирученной гадюкой. Свои наблюденія даже на улицѣ донъ Сильвестре дѣлалъ вполголоса не для того, чтобы ихъ услыхали, но чтобы лучше обсудить ихъ. Онъ замѣчалъ, что собственныя идеи, выраженныя словами, звучатъ уже по иному и порождаютъ желаніе опровергать ихъ. Донъ Сильвестре

*) ib., p. 71.

очень любилъ всѣхъ обиженныхъ и обойденныхъ. Онъ любилъ дѣтей и веселыхъ людей, ненавидѣлъ сварливыхъ и хмурыхъ. Къ животнымъ онъ чувствовалъ большую привязанность. Бесѣды серьезныхъ и хмурыхъ людей о политикѣ и партіяхъ приводили его въ отчаяніе... Если бы ему предложили на выборъ бесѣду съ папуасомъ, депутатомъ, академикомъ или журналистомъ, донъ Сильвестре предпочелъ бы компанію дикаря, какъ болѣе пріятную и поучительную». «Донъ Сильвестре считалъ метафизику роскошью, науку необходимостью, а религію—красивой легендой... Сильвестре признавалъ прогрессъ и цивилизацію, и новыя изобрѣтенія и открытія приводили его въ восторгъ; но крайне скептически онъ относился къ ученію, что мораль эволюціонируетъ сильныхъ.

Когда небольшой запасъ денегъ кончается и наступаетъ голодъ, донъ Сильвестре переживаетъ у себя на чердакѣ періоды остраго пессимизма и человѣконенавистничества, характеризующіеся своеобразнымъ мрачнымъ юморомъ.

«Всегда у людей тѣ же занятія,—думалъ Сильвестре,—тѣ же работы! Вѣчное утомленіе, причиняемое вѣчной безсмысленностью жизни! Зачѣмъ люди живутъ такимъ образомъ? Хорошо организованное общество непремѣнно должно имѣть бойни для людей. Туда побредутъ всѣ неудачники, всѣ потерпѣвшіе крушеніе, всѣ побѣжденные, чтобы избавиться отъ жизни, для которой они не приспособлены. Бойня такого типа необходима. Она должна быть раемъ, въ которомъ въ одинъ часъ несчастные испытаютъ всѣ наслажденія жизни, всѣ утонченности ея, чтобы потомъ переступить черезъ порогъ вѣчности, пресытившись всѣмъ, какъ римскіе императоры временъ упадка.

«Да, современному обществу недостаетъ бойни для людей! И такъ какъ Сильвестре не могъ думать иначе, какъ образами, то онъ сейчасъ же представлялъ себѣ громадный волшебный дворецъ, въ которомъ живутъ прекрасныя женщины и красивые мужчины, облеченные обществомъ альтруистической миссіей вести неудачниковъ на бойню. И Сильвестре представилъ себѣ изящную, красивую, нарядную, надушенную молодую маркизу, входящую къ нему на чердакъ.

— «Идемъ, другъ мой,—говоритъ она,—карета моя внизу.

«Сильвестре проситъ обождать только одну минуту, чтобы пріодѣться по возможности. Затѣмъ онъ предлагаетъ руку прекрасной дамѣ, и они вмѣстѣ спускаются съ лѣстницы. На улицѣ, дѣйствительно, дожидается карета. Сильвестре держитъ руку маркизы и говоритъ своей дамѣ: «ты такъ прекрасна!» А карета, между тѣмъ, мягко катится по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ и останавливается у подъѣзда дворца, т. е. у бойни. Сильвестре и его дама входятъ въ залу, гдѣ садятся за накрытый столъ. Со стѣнъ на обѣдающихъ глядятъ загадочно улыбающіяся дамы Леонардо да-Винчи, страстныя женщины Тиціана и мистическія дѣвы Россети. Маркизѣ и

Сильвестре подаютъ лукулловскія блюда, которыя они запиваютъ виномъ, налитымъ въ кубки, чеканенные Челлини, издалека доносится сладкая музыка. Мозги опьяняются странными благовоніями. Затѣмъ маркиза, не замѣчая того, что Сильвестре Парадоксъ старъ, некрасивъ, неинтересенъ и грустенъ, шепчетъ ему, побуждаемая чувствомъ высшаго состраданія: «я люблю тебя!» И въ этотъ же моментъ Сильвестре чувствуетъ электрическій ударъ въ нѣсколько тысячъ вольтъ. Парадоксъ вкушаетъ высшее сладострастіе смерти и, преисполненный восторга, превращается въ ничто. Сильвестре думалъ о томъ, что даже сухіе листья, собранные въ кучу, должны испытывать радость, сгорая и превращаясь въ черный дымъ. Нѣтъ! человѣческое общество еще недостаточно прогрессивно, чтобы устроить бойню для людей. Существуй она, какую радость принесла бы она всѣмъ паріямъ, несчастнымъ и обойденнымъ!—думалъ донъ Сильвестре» *). «Человѣческая жизнь—заблудившаяся чайка, безцѣльно мечущаяся съ крикомъ взадъ и впередъ. Гонитъ ее необходимость. Впереди нѣтъ маяка. Сверху—черное небо. Внизу—мутное и грязное море человѣческихъ глупостей и страданій. Гдѣ искать успокоенія для души? Въ другую эпоху можно было бы искать миръ въ кельѣ монастыря молчальниковъ; но теперь вѣра обанкротилась, и въ монастыряхъ грязь еще большая, чѣмъ въ мірѣ...» **).

На своемъ чердакѣ Сильвестре занялся изученіемъ философіи, и въ результатѣ явилась своеобразная философская система, изложенная въ чертежахъ. Какъ всюду въ романѣ, серьезное и патетическое и здѣсь мѣшается съ каррикатурой и съ пародіей. Бароха имѣетъ въ виду тѣ философскія упражненія, которыя появляются теперь въ Испаніи, какъ и въ Россіи. Надо оговориться, впрочемъ, что испанскіе «философы» новой формаціи пишутъ все же болѣе вразумительно, чѣмъ г. Вячеславъ Ивановъ у насъ. «Послѣ трехмѣсячнаго изученія философіи донъ Сильвестре пришелъ къ заключенію, что Кантъ есть Кантъ, а Шопенгауэръ—пророкъ его. Прошло лѣто. Сильвестре, не имѣвшій другихъ занятій, кромѣ двухъ уроковъ французскаго языка, убѣдилъ себя, что всѣ истины, провозглашенныя его любимыми философами, должны быть сгруппированы въ одну стройную систему въ гармоніи съ открытіями современной науки. Но Сильвестре находилъ, что формулировать словами свои мысли—вульгарно и старо. Гораздо болѣе оригинально изложить свои мысли при помощи чертежей. Такъ именно онъ и сдѣлалъ. Впослѣдствіи онъ увидѣлъ, что всѣ его чертежи и рисунки могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Къ первой относятся всѣ чертежи, объясняющіе происхожденіе *я*, ко второй—все, относящееся къ волѣ и рефлексу».

---

*) «Aventuras», etc., p. 100-101.
**) Ib., p. 204.

Первый чертежъ изображалъ серію кружочковъ, въ которыхъ стояли буквы «Ny» (*no—yo*, т. е. *не—я*), и одинъ побольше съ буквой y (*yo*, т. е.—*я*). Подпись подъ чертежомъ гласила: «*я* происходитъ отъ *не-я*». Затрудненія не останавливали Сильвестре. Его философія была всеобъемлюща *). Не стану здѣсь знакомить читателей съ философской системой дона Сильвестре, которую Бароха излагаетъ пространно. Достаточно сказать, что философъ напрасно ищетъ издателя, покуда новый журналъ «Свѣточъ» рѣшается, наконецъ, помѣстить великій трудъ на своихъ страницахъ. Піо Бароха, разсказывая исторію журнала, даетъ рядъ очень яркихъ и жизненныхъ очерковъ быта мадридской литературной и художественной богемы.

Не смотря на нищету, въ которую впалъ донъ Сильвестре, пріятель убѣждаетъ его принять къ себѣ слугой еще болѣе нуждающагося дона Пелаіо. Это тоже изобрѣтатель, но только въ другомъ родѣ, чѣмъ донъ Сильвестре. Донъ Пелаіо носится съ проектомъ новаго страхового общества. «Цѣлью нашего общества,—объясняетъ донъ Пелаіо,—является спасеніе душъ. Дѣловые люди, какъ купцы, фабриканты, врачи и такъ далѣе, очень часто не успѣваютъ передъ смертью выполнить свой долгъ передъ Богомъ. Наше общество гарантируетъ имъ всѣмъ достаточное количество панихидъ, отслуженныхъ или устно, или при помощи граммофона.

— Но это уже будетъ нѣчто неподобное!—прервалъ Дисъ де ла Иглесія.

— Неподобное! Проектъ получилъ одобреніе епископа... Представьте себѣ только, сеньоры, двѣсти, триста, а то и тысячу граммофоновъ въ громадной церкви. Пятьдесятъ граммофоновъ поютъ «Отче нашъ», восемьдесятъ—«Ave Maria», сто пятьдесятъ читаютъ «Вѣрую»... Потомъ подумайте о бѣдныхъ душахъ, которыя погибнутъ безъ нашего Общества» **). Свой благочестивый проектъ донъ Пелаіо выработалъ, находясь на службѣ у священника-вольтеріанца дона Мартина. «То былъ ужасный человѣкъ — сокрушенно разсказываетъ донъ Пелаіо.—Талантливый на рѣдкость. Врядъ-ли другой священникъ зналъ такъ хорошо писаніе. И при томъ донъ Мартинъ былъ пьяница, картежникъ, бабникъ. Онъ жилъ со своей экономкой, доньей Сокорро Мидинъ, которую называлъ доньей Socorros Mutuos para incendios (Взаимное страхованіе отъ огня). Донъ Мартинъ, отправляясь въ церковь, повторялъ каждый разъ, что пора бы человѣчеству ввести уже новый культъ новому божеству... И если бы вы видѣли, какъ онъ умиралъ! Донъ Мартинъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Узнавъ объ этомъ, къ умирающему явился падре Moралесъ и предложилъ исповѣдаться.

*) «Aventuras», p. 122.

**) Ibid., p. 244.

— Знаете, отче,—шутливо отвѣтилъ ему донъ Мартинъ:—я глухъ, да при томъ же потерялъ память. Но вотъ тутъ донья «Взаимное страхованіе отъ огня». Она жила со мною десять лѣтъ, хорошо знаетъ всѣ мои дѣла и вамъ разскажетъ про нихъ.

— Теперь не время шутить!—замѣтилъ падре Моралесъ.

— Да я не шучу! Исповѣдайте ее. Она вамъ отвѣтитъ за меня.—Донъ Мартинъ повернулся спиной къ исповѣднику. Падре Моралесъ, думая, что больной бредитъ, сталъ задавать ему вопросъ за вопросомъ. Донъ Мартинъ отвѣчалъ только хрипѣніемъ. И вотъ исповѣдникъ дошелъ до шестого вопроса: «Были ли вы сластолюбивы?»

— Былъ ли я сластолюбивъ, донья «Взаимное страхованіе»? Отвѣтьте!—сказалъ вдругъ донъ Мартинъ.

— Немножко!—отвѣтила растерявшаяся отъ неожиданности экономка.

— Вы слышите, сеньоръ кура, немножко!—отвѣтилъ умирающій съ безстыднымъ смѣхомъ.—Кому, какъ не доньѣ «Взаимное страхованіе», знать это? Она знаетъ про всѣ мои грѣшки. Исповѣдуйте ее, а меня оставьте въ покоѣ.

Падре Моралесъ ушелъ, не давъ отпущенія грѣховъ. Но такъ какъ донъ Мартинъ былъ каноникъ, то его похоронили торжественно, во избѣжаніе скандала и соблазна» *).

Донъ Сильвестре Парадоксъ терпитъ полное крушеніе въ Мадридѣ. И, когда одно изобрѣтеніе принесло Сильвестре три тысячи песетъ, эти деньги у него укралъ благочестивый донъ Пелаіо. Сильвестре уѣзжаетъ изъ Мадрида въ Валенцію. Продолженіемъ дальнѣйшихъ приключеній Сильвестре является книга «Paradox Rey», въ которой авторъ даетъ широкій просторъ своей фантазіи.

VIII.

Когда презрительно отзываются о реализмѣ, то имѣютъ въ виду обыкновенно примитивный реализмъ, т. е. «фотографію въ словахъ», если можно такъ выразиться. Такой реализмъ совершенно неспособенъ къ синтезу и умѣетъ описывать только конкретные предметы, находящіеся въ его узкомъ полѣ зрѣнія. «Фотографія въ словахъ» имѣетъ, конечно, извѣстное значеніе, если выполнена тщательно и любовно, но очень небольшое. Дѣйствительный художникъ-реалистъ до извѣстной степени поступаетъ, какъ Фрэнсисъ Гальтонъ при изученіи человѣческихъ способностей. Этотъ ученый, интересовавшійся закономъ наслѣдственности, разсказываетъ въ своемъ трудѣ «Inquiries into Human Faculty and its development», какъ онъ получалъ «коллективный

*) «Aventuras», p. 200.

типъ», необходимый для обобщенія. Гальтону надобенъ былъ, напр., типъ пьяницы или убійцы. Онъ доставалъ пятьдесятъ карточекъ алкоголиковъ или убійцъ. Всѣ эти карточки должны были быть en face. Затѣмъ Гальтонъ переснималъ ихъ въ одинаковомъ размѣрѣ. Карточки наклеивались на отдѣльныхъ листахъ альбома, который укрѣплялся на стѣнѣ. При помощи особаго прибора листы можно было переворачивать одинъ за другимъ, стоя на нѣкоторомъ разстояніи отъ альбома. Затѣмъ передъ альбомомъ помѣщался фотографическій аппаратъ, Гальтонъ открывалъ объективъ и при помощи своего прибора переворачивалъ листъ за листомъ, стоя у камеры. Въ результатѣ на пластинкѣ получался крайне интересный коллективный портретъ пьяницы или убійцы, состоящій изъ пятидесяти отдѣльныхъ портретовъ *). Въ книгѣ своей Гальтонъ даетъ нѣсколько такихъ портретовъ. Художникъ-реалистъ тоже даетъ намъ «коллективные типы», составившіеся путемъ наблюденія надъ многими отдѣльными индивидуумами. Роль аппарата исполняетъ память художника. Въ моментъ творчества является тотъ подъемъ, который даетъ возможность художнику претворить въ слово воспринятый матеріалъ. Не художника воспринятый матеріалъ подавитъ совершенно, какъ это мы видимъ въ произведеніяхъ французскихъ натуралистовъ семидесятыхъ годовъ. Чтобы показать, какъ претворяются у дѣйствительнаго реалиста изученные матеріалы въ художественное произведеніе, я приведу нѣсколько выдержекъ изъ недавно вышедшей книги Эдуардо Самакоиса о Бласко Ибаньесѣ *). Передъ нами типичный реалистъ, тщательно изучающій ту жизнь, которую описываетъ. Въ «Flor de Mayo» описана жизнь рыбаковъ и контрабандистовъ. Чтобы уловить вполнѣ couleur locale, авторъ отправился въ Танжеръ, откуда возвратился въ лаудесъ, т. е. въ баркѣ контрабандистовъ, возившихъ табакъ. Для романа «Мертвые повелѣваютъ» Ибаньесъ отправился на Балеарскіе острова, гдѣ едва не утонулъ во время бури. Въ романѣ «Орда» есть поразительная глава, въ которой описывается, какъ браконьеры пробираются въ заповѣдный королевскій лѣсъ, рискуя получить пулю въ голову. Чтобы написать эту главу, Бласко Ибаньесъ предварительно самъ присоединился къ экспедиціи браконьеровъ. Для романа «El Intruso» (Непрошенный; въ русскомъ переводѣ заглавіе передано некрасивымъ словомъ Втируша) Ибаньесъ жилъ въ Бильбао. Чтобы написать романъ «Кровь и песокъ», авторъ жилъ въ обществѣ матадоровъ. Такимъ образомъ Бласко Ибаньесъ, подобно французскимъ натуралистамъ, тщательно изучаетъ матеріалы, но не дозволяетъ,

*) Sir Francis Galton, «Inquiries into Human Faculty», p. p. 6—7, изданіе Deut and C°.

**) Eduardo Zamacois, «Mis Contemporances: Vincente Blasco Ibanez. Madrid, 1910.

чтобы они подчинили его себѣ. «Авторъ «La barraca» (въ русскомъ переводѣ—«Проклятый хуторъ»),—говоритъ Самакоисъ,—не дѣлаетъ предварительныхъ замѣтокъ и выписокъ, какъ, напр., дѣлалъ Зола. Онъ не записываетъ слышанныхъ словечекъ и фразъ. Всѣ собранные для романа матеріалы хранятся въ памяти Бласко Ибаньеса. И, какъ только онъ садится писать, «матеріалы» возрождаются сами... Испанскій романистъ не знаетъ совершенно мучительной борьбы между задуманной мыслью и попыткой оформить ее, той борьбы, о которой говорятъ многіе романисты и поэты. Произведенія искусства, по мнѣнію Ибаньеса, или ясно представляются художнику, или только смутно чувствуются имъ. Въ первомъ случаѣ произведеніе до такой степени овладѣваетъ авторомъ, что онъ не знаетъ покоя, покуда не передастъ образовъ на бумагу. Когда Бласко Ибаньесъ пишетъ, произведеніе захватываетъ его всего. Онъ тогда едва знаетъ сонъ и ѣду и проводитъ за письменнымъ столомъ по семнадцати и даже восемнадцати часовъ... Когда романистъ садится за работу, онъ имѣетъ въ головѣ только общій планъ. Намѣчены лишь три-четыре главныя фигуры. Второстепенныя дѣйствующія лица и отдѣльные эпизоды опредѣляются уже сами собою во время работы. Когда романъ конченъ, онъ представляетъ собою своего рода непроходимую чащу. Начинается упорная «расчистка». Исчезаетъ романистъ и выступаетъ суровый критикъ, который безжалостно вычеркиваетъ, урѣзываетъ, сокращаетъ. Сатурнъ пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей. Двѣ-три главы сокращаются въ одну. Авторъ старается, чтобы мысли его были выражены возможно болѣе ясно и просто. И такимъ образомъ достигаетсят а благородная, сильная простота стиля, которая такъ восхищаетъ насъ въ романахъ Ибаньеса» *).

Мы видимъ, что тщательное изученіе «быта» не исключаетъ высокаго подъема въ моментъ творчества. «Коллективные портреты» по способу Гальтона мы находимъ у художника, стоящаго выше, чѣмъ Бласко Ибаньесъ: у Толстого. «Основной» типъ сохраняется на «коллективной» карточкѣ у Гальтона; но къ нему прибавляются новыя черты. Мы знаемъ, напр., что «основнымъ» прототипомъ старика Николая Андреевича Болконскаго былъ дѣдъ Л. Н. Толстого по матери (кн. Волконскій), княжны Марьи—мать романиста, графа Ильи Ростова—дѣдъ его по отцу, Николая Ильича Ростова—отецъ его. Мы знаемъ дальше, что въ Наташѣ Ростовой есть много чертъ Татьяны Берсъ, сестры гр Софьи Андреевны Толстой **), въ Сонѣ узнаютъ Татьяну Ергольскую, а въ Долоховѣ—графа Ѳедора Толстого («Ночной разбойникъ, дуэлистъ. Въ Камчатку сосланъ былъ—вернулся алеутомъ»). Но это только «основные» типы, къ которымъ творчествомъ художника

*) «Mis Contemporaneos», p. 110.

**) См. «The Life of Leo Tolstoy», bu A. Maude, vol. I, p. 428.

прибавлены новыя черты, подмѣченныя у аналогичныхъ характеровъ.

Но если дѣйствительно реалистическое произведеніе является синтезомъ всѣхъ наблюденій романиста надъ цѣлой серіей однородныхъ лицъ или явленій, то оно поддается также широкимъ обобщеніямъ. Другими словами, дѣйствительно реалистическое произведеніе будетъ въ то же время и символическимъ. Есть ли болѣе символическое произведеніе, чѣмъ Донъ-Кихотъ? Есть ли въ міровой литературѣ болѣе реальное произведеніе, чѣмъ геніальный романъ Сервантеса?

Теперь относительно элемента «выдумки» въ реалистическомъ произведеніи. Мнѣ припоминается одно разъясненіе Л. Н. Толстого по этому поводу. Художникъ можетъ, если захочетъ, написать, что у него въ саду гуляли Францъ-Іосифъ и Викторія или кучеръ Иванъ и прачка Маланья,—сказалъ Толстой своему знакомому.—Такая выдумка будетъ вполнѣ допустима. Но, если художникъ при этомъ заставитъ Франца-Іосифа говорить, какъ кучера Ивана, а прачку Маланью, какъ королеву Викторію, то это будетъ уже недопустимая выдумка.

Если не ошибаюсь, Л. Н. Толстой говорилъ по поводу героевъ Максима Горькаго. Смыслъ разъясненія тотъ, что повидимому реалистическое произведеніе можетъ быть «недопустимой» выдумкой. Съ другой стороны, совершенно фантастическое произведеніе можетъ быть вполнѣ реалистическимъ. Если г. Андреевъ напр., помѣщаетъ Время на крышу колокольни, то это еще не бѣда. Бѣда та, что Время при этомъ философствуетъ, какъ тотъ дьячекъ у Глѣба Успенскаго, который пришелъ въ смущеніе отъ «хиліастовъ». Великія произведенія остаются реальными, не смотря на фантастичность содержанія.

Стоитъ вспомнить «Бурю», «Неистоваго Орланда», «Фауста» и всѣ народныя сказки отъ примитивнаго фольклора полярныхъ народовъ до «Тысячи и одной ночи».

IX.

Содержаніе „Paradox Rey“, сводится къ слѣдующему. Донъ Сильвестре Парадоксъ въ очень пестрой компаніи плыветъ на кораблѣ Корнукопія, чтобы, по порученію милліонера банкира, англійскаго еврея, основать на берегу Гвинейскаго залива еврейскую республику. Банкиръ навербовалъ главнымъ образомъ будущую администрацію. Въ особенности великолѣпенъ странствующій Редедя, будущій военный министръ республики, Ардибрасъ. У Канарскихъ острововъ корабль захваченъ бурей, которая уноситъ мачты и руль. Судно долго носятъ волны, покуда вдали показывается неизвѣстный берегъ. Капитанъ и его помощники заби-

раютъ единственную лодку и ночью покидаютъ корабль. Оставшимся пассажирамъ удается, однако, въ концѣ концовъ, добраться до берега, гдѣ ихъ забираютъ въ плѣнъ негры и отвозятъ въ столицу королевства Уганга, въ Бу-Таты. Мы видимъ совершенное съ точки зрѣнія негровъ королевство Уганга, находящееся подъ спеціальнымъ покровительствомъ неба. Мы видимъ всесильныхъ жрецовъ, которымъ дана исключительная привилегія успокаивать гнѣвъ боговъ при помощи навоза, положеннаго въ священную тыкву. Мы видимъ могущественнаго короля Кири, прерогативы котораго заключались въ слѣдующемъ:

— Вотъ великій король,—говоритъ черный министръ Фунанге *).—Несчастные иностранцы! презрѣнные черви! Пресмыкающіяся твари! Я вамъ въ немногихъ словахъ изложу совершенный строй нашего государства. Внимайте и восхищайтесь! Въ Угангѣ все принадлежитъ королю: дома, земли, деревья, мужчины, женщины. Словомъ, все.

Парадоксъ. Очень хорошая идея.

Симпсонъ. А въ особенности, очень оригинальная.

Фунанге. Что остается отъ короля, то принадлежитъ его матери. Далѣе его сыновьямъ и братьямъ. Потомъ свою часть берутъ двоюродные братья короля, остальные родственники, дяди, слуги, далѣе—я, за мною—знать, жрецы и, наконецъ, солдаты.

Ганеро. А народъ?

Фунанге. Народъ довольствуется честью, что онъ работаетъ для поддержанія короля, его семьи, меня, жрецовъ, знати и солдатъ. Государственный строй въ Угангѣ—лучшій въ мірѣ.

Парадоксъ. А знать не работаетъ?

Фунанге. Нѣтъ, знатные люди слишкомъ совершенныя существа, чтобы унижать свою честь презрѣнной работой. Они охотятся, разъѣзжаютъ верхомъ на верблюдахъ и собираютъ доходы.

Парадоксъ. И какія заслуги дали имъ право жить такимъ образомъ?

Фунанге. Они—сыновья своихъ отцовъ.

Парадоксъ. Всѣ?

Фунанге. Быть можетъ, нѣкоторые—нѣтъ.

Парадоксъ. А жрецы тоже не работаютъ?

Фунанге. Вполнѣ естественно. Они посвятили себя чтенію книги будущаго.

Парадоксъ. Что-же? Читаютъ хорошо?

Фунанге. Нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ жрецы ошибаются. Когда они, напримѣръ, предсказываютъ ведро, льетъ дождь. Но это ужъ не ихъ вина.

Парадоксъ. Конечно, то вина облаковъ. А солдаты?

Фунанге. Въ мирное время солдаты грабятъ, что могутъ.

---

*) Pio Baroja, «Paradox, Rey», p. 134–137.

Парадоксъ. А во время войны?

Фунанге. Во время войны они бѣгутъ.

Парадоксъ. Очень хорошая гимнастика для воинства!

Фунанге. Государственный строй Уганги—самый совершенный въ мірѣ. Теперь вы, презрѣнные черви, уже знаете ваши обязанности. Вамъ надлежитъ работать на короля, на его высокую семью, на меня, жрецовъ, знать и на солдатъ. Мы вамъ дадимъ достаточно пищи, чтобы вы не умерли съ голоду.

Потерпѣвшіе крушеніе уходятъ изъ плѣна съ частью негровъ на небольшой островокъ и здѣсь устраиваютъ идеальное общество. Подданные короля Кири сперва хотятъ завоевать островъ, но инженеръ Симпсонъ уже успѣлъ построить укрѣпленія, на которыя донъ Сильвестре поставилъ пушки съ разбитаго корабля. Нападающихъ пугаютъ не столько пушки, какъ электрическій прожекторъ. Нападеніе отбито. Разумъ торжествуетъ надъ грубой силой, и маленькой колоніи предоставлена возможность спокойно жить и работать. Колонія процвѣтаетъ. И вотъ происходятъ великія событія: населеніе Уганги устраиваетъ революцію и является къ островитянамъ, какъ новгородцы къ варягамъ, т. е. за порядкомъ.

— Мы возстали противъ короля Кири и убили его,—говоритъ черный Гостомыслъ.

— Мы принесли вамъ голову короля и просимъ васъ отнынѣ управлять нами. (Негръ передаетъ Парадоксу и Симпсону, чего именно хотятъ его земляки. Вожди колоніи выходятъ изъ крѣпости. Возставшіе преклоняются передъ Парадоксомъ и Симпсономъ и подносятъ имъ окровавленные останки короля Кири).

Парадоксъ. Бросьте это сперва въ рѣку. Потомъ будемъ говорить. Что вы сдѣлали?

Одинъ изъ возставшихъ. Преступленія этого человѣка довели насъ до отчаянія. Мы составили заговоръ и сегодня на разсвѣтѣ ворвались во дворецъ короля и убили его. Весь народъ, когда узналъ про это, присоединился къ намъ. Теперь все ликуетъ по поводу того, что кровавое царствованіе этого чудовища кончилось. Но потомъ...

Парадоксъ. Вы раскаялись въ томъ, что сдѣлали?

Одинъ изъ возставшихъ. Нѣтъ, не то. Но мы не знаемъ, что намъ дѣлать теперь: не знаемъ, кого назвать королемъ. И вотъ мы рѣшили обратиться къ вамъ.

Симпсонъ. Что же, собственно, вамъ нужно отъ насъ?

Одинъ изъ возставшихъ. Ты много знаешь. Тебѣ вѣдомо то, о чемъ мы не имѣемъ понятія. Мы хотимъ справедливаго и добраго короля. И мы просимъ васъ указать намъ его.

Симпсонъ. Трудную работу вы намъ задали. Дайте намъ, по крайней мѣрѣ, время подумать.

Возставшій. У насъ есть въ распоряженіи одинъ день.

Больше этого народъ не можетъ обойтись безъ короля. Начнутся ссоры, и вспыхнетъ гражданская война.

Парадоксъ. Но поймите, что одинъ день недостаточенъ для совѣщанія. Вы потомъ будете жаловаться и протестовать противъ нашего рѣшенія.

Возставшій. Мы не будемъ жаловаться. Кого вы укажете, того мы выберемъ. Рѣшайте. Мы ждемъ вашего приговора. Смотрите: весь народъ ѣдетъ сюда. Онъ знаетъ про наше намѣреніе.

Симпсонъ. Хорошо. Раньше заката мы вамъ скажемъ, кто будетъ вашимъ королемъ *).

И вотъ бѣлые островитяне и одинъ изъ негровъ—Угу обсуждаютъ проектъ новой конституціи для Уганги. Донъ Сильвестре предсѣдательствуетъ. Каррикатурный республиканецъ французъ Ганеро негодуетъ по поводу того, что Уганга останется монархіей.

— Король! Зачѣмъ неграмъ король!—восклицаетъ онъ.

Парадоксъ. Король такъ же пригоденъ для многихъ функцій, какъ и президентъ. Онъ, напр., будетъ охотиться на кроликовъ, стрѣлять голубей и, въ извѣстной степени, управлять.

Ганеро. Мое достоинство не дозволитъ мнѣ повиноваться королю.

Парадоксъ. Но повинуются не королю, а цѣлой серіи законовъ. Въ этомъ нѣтъ ничего привлекательнаго. Мы имѣемъ главой государства родъ военнаго, въ смѣшной курткѣ съ блестящими пуговицами, увѣшанной бляхами и золотыми пластинками странной формы. Вашимъ главой является родъ нотаріуса во фракѣ, круглой шелковой шляпѣ и съ тряпочкой въ петличкѣ.

Ганеро. Я хочу сказать, что туземцы Уганги не подозрѣваютъ про существованіе другой формы правленія, кромѣ монархической.

Симпсонъ. И вы хотите, чтобы мы убѣдили ихъ въ этомъ въ нѣсколько часовъ! (Тихо). Этотъ человѣкъ, повидимому, полагаетъ, что онъ на митингѣ въ Монружѣ.

Парадоксъ. Мнѣ кажется, что мы вообще не должны предлагать населенію Уганги правительства на европейскій образецъ.

Ганеро. Если мы назначимъ короля съ абсолютной властью, то населенію грозитъ опасность получить еще худшаго тирана, чѣмъ былъ Кири.

Парадоксъ. Что же тогда намъ дѣлать? Выработать ли намъ Угангѣ конституцію, или просто указать на кого-нибудь, какъ на будущаго короля?

Ганеро. Мнѣ кажется, что конституція имѣетъ большія преимущества. Надо набросать нѣсколько проектовъ и обсудить ихъ.

---

*) «Paradox, Rey», paginas 204—206.

Парадоксъ. Принимается ли предложеніе Ганеро?

Всѣ. Принимается. Попробуемъ, не дастъ ли это какихъ-нибудь результатовъ.

Французъ и пріятель дона Сильвестре — Дисъ принимаются писать каждый въ своемъ углу. Черезъ полчаса всѣ снова собираются вмѣстѣ.

Парадоксъ. Вы кончили, господа?

Ганеро и Дисъ. Да.

Парадоксъ. Хорошо. Такъ посмотримъ, каковы выработанные проекты.

Ганеро. Я отбросилъ всѣ мотивировки, чтобы придать параграфамъ конституціи болѣе рѣшительный и категорическій характеръ. Основы государственнаго органическаго статута заключаются въ слѣдующемъ. Первое. Все населеніе Уганги отнынѣ свободно.

Парадоксъ (тихо говоритъ Момъ Фромажъ). Свободны ѣсть, если имѣютъ что, свободны чесаться, ловить блохъ и гулять, но не свободны питать отвращеніе къ тому, что имъ навязываютъ.

Ганеро. Второе. Всѣ граждане Уганги равны между собою во всемъ.

Парадоксъ (той же Момъ Фромажъ). Они продолжаютъ оставаться неравными во всемъ, чѣмъ надѣлила ихъ природа.

Ганеро. Третье. Всѣ граждане Уганги должны отнынѣ признавать другъ друга братьями.

Парадоксъ. Это не помѣшаетъ тому, что кусающемуся брату надѣнутъ соотвѣтствующій намордникъ.

Ганеро. Четвертое. Правительство избирается всеобщей подачей голосовъ.

Тонельгебенъ. Стойте. Мнѣ кажется, намъ не слѣдуетъ вводить парламентскую систему, какъ она существуетъ въ Европѣ.

Дисъ. Я того же мнѣнія.

Парадоксъ. Я также противъ представительной системы. Я не вѣрю въ совершенство порядка, при которомъ большинство всегда право.

Ганеро. Какъ же, въ такомъ случаѣ, будетъ управляться страна?

Парадоксъ. Мнѣ кажется, что наиболѣе подходящей системой для Уганги будетъ отеческая.

Тонельгебенъ. По моему мнѣнію, самымъ лучшимъ порядкомъ будетъ соціалистическая диктатура. Диктатора надо смѣнять время отъ времени, когда онъ устанетъ, или когда не будетъ хорошо справляться со своей задачей. Мнѣ кажется, надо начать съ провозглашенія, что земля въ Угангѣ составляетъ общую собственность, что обобществляются орудія производства, и что каждому будетъ дано по потребностямъ.

Парадоксъ. Мнѣ кажется, мой другъ, вы переоцѣниваете развитіе населенія Уганги.

Тонельгебенъ. Отнюдь нѣтъ. Коммунизмъ соотвѣтствуетъ природѣ вещей. Европейское общество потому такъ искусственно, что удалилось отъ дѣйствительности, т. е. отъ экономическаго реализма.

Парадоксъ. Мнѣ кажется, мы начали слишкомъ длинный и отвлеченный споръ, который насъ только удаляетъ отъ задачи, поставленной передъ нами.

Тонельгебенъ. Не думаете ли вы, что прежде всего намъ нужно выработать мѣру, которая сдѣлала бы угангскій народъ счастливымъ?

Парадоксъ. Совершенно вѣрно. Въ этомъ мы всѣ согласны. Мы расходимся только въ средствахъ достиженія счастья.

Гонсуета. А религія? Я полагаю, что прежде всего надо обратить этихъ негровъ въ христіанство.

Парадоксъ. Зачѣмъ? Пусть каждый держится какой угодно вѣры. Пожалуй, даже между нами нѣтъ единомыслія въ вопросѣ о религіи. Я, напримѣръ, пантеистъ.

Дисъ. Я—гегеліанецъ.

Тонельгебенъ. Также и я.

Ганеро. Я деистъ, какъ Вольтеръ.

Парадоксъ. А вы, Симпсонъ?

Симпсонъ. Я принадлежу къ англиканской церкви, хотя, правду сказать, обрядовая сторона не сильно занимаетъ меня.

Парадоксъ. А вы, Тэди Брэй?

Тэди Брэй. Я—пресвитеріанинъ.

Дора. Я католичка.

Беатриса. И я также.

Гонсуета. И я. Наша религія единственно вѣрная.

Гаши Омаръ. Истинно только то, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Магометъ его пророкъ.

Гонсуета. Замолчи, мавританская собака! Твой Магометъ—обманщикъ (Гаши Омаръ перебираетъ четки и молится).

Парадоксъ. А вы, Пиперацини, какой вѣры?

Пиперацини. Corpo di Baco! Мнѣ кажется, я—язычникъ!

Парадоксъ. А вы, Угу?

Негръ Угу. Я еще вѣрю въ тыкву съ чудотворными кусками навоза въ ней.

Парадоксъ. А вы, Беппо?

Беппо. Я, сеньоръ, только поваръ.

Парадоксъ. А вы, Ардибрасъ?

Ардибрасъ. Моя религія—военная дисциплина и солдатская честь.

Парадоксъ. Въ такомъ случаѣ, сеньоры, у насъ существуетъ трогательное единодушіе! Какая пропасть между Беппо, вѣрующимъ

только въ свои кастрюли и сковороды, и поклонниками библіи и Корана! (Споръ принимаетъ бурный характеръ. Дора требуетъ, чтобы въ органическій статутъ Уганги внесено было воспрещеніе многоженства. Беатриса поддерживаетъ это предложеніе. Ганеро доказываетъ, что прежде всего необходима декларація правъ, а потомъ однопалатная система. Дисъ и Тонельгебенъ стоятъ за то, что необходимо начать съ провозглашенія земли національной собственностью. А между тѣмъ, близится закатъ. Симпсонъ часто выходитъ на балконъ и убѣждается, что возбужденіе среди негровъ растетъ. Инженеръ, наконецъ, подходитъ къ Тонельгебену).

Симпсонъ. Ужасно жаль, что мы напрасно теряемъ время. Негры теряютъ терпѣніе.

Тонельгебенъ. Но что же намъ дѣлать?

Симпсонъ. У меня готовъ одинъ проектъ.

Тонельгебенъ. Какой именно?

Симпсонъ. Провозгласимъ Парадокса королемъ *).

Проектъ одобренъ всѣмъ бѣлымъ населеніемъ Счастливаго Острова и восторженно принятъ неграми.

X.

Въ Бу-Тата начинается новая эра всеобщаго благополучія. «Долженъ сознаться,—говоритъ республиканецъ Ганеро,—что я наблюдаю всюду замѣчательное преуспѣяніе. Земля распредѣлена между всѣми такъ, что никто не имѣетъ больше, чѣмъ можетъ обработать самъ со своею семьею. Эту мѣру я вполнѣ одобряю. Тонельгебенъ ввелъ систему рабочихъ квитанцій для полученія по нимъ товаровъ и для обмѣна. Она тоже дала хорошіе результаты. Но почему мы не идемъ дальше? Почему не введена представительная система?

Парадоксъ. Но зачѣмъ именно?

Ганеро. Хотя бы для достоинства страны.

Парадоксъ. Оскорблено ли ваше достоинство тѣмъ, что я король? Такъ я, въ такомъ случаѣ, отрекусь отъ престола.

Ганеро. Нѣтъ, нѣтъ... Но что можетъ быть прекраснѣе парламентской системы, дѣйствующей свободно?

Парадоксъ. И поддерживаемой закономъ, установленнымъ большинствомъ? Меня раздражаетъ и приводитъ въ негодованіе подобный порядокъ!

Симпсонъ назначенъ судьею. Онъ спрашиваетъ у товарищей, что ему дѣлать съ негромъ, убившимъ старика. Судьѣ напоминаютъ, что законодатели условились всѣхъ убійцъ отвозить на другой берегъ озера, окружающаго городъ.

---

*) «Paradox Rey», paginas 205—217.

— Навсегда?—справляется Симпсонъ.

— Конечно, навсегда,—отвѣчаютъ ему. Уличенныхъ въ воровствѣ изгоняютъ изъ города временно на одинъ изъ острововъ. Дисъ докладываетъ, что въ городѣ упразднены казарма и тюрьма. Онъ рекомендуетъ основать школы. Парадоксъ отвѣчаетъ, что надо открыть школы безъ учителей.

— Да, безъ учителей, безъ авторитетовъ, коль хотите,—объясняетъ Парадоксъ.

— Но для каждой школы необходимы учителя?

— Мнѣ кажется, нѣтъ. Преподаватель, это—птица изъ отряда Psittaci (попугаевъ), семейства Stringopidae (совиные попуган),—отвѣчаетъ донъ Сильвестре, обладающій слабостью причислять людей къ различнымъ отрядамъ и семействамъ млекопитающихъ, птицъ или пресмыкающихся.

— Какъ хотите, а безъ учителей школы немыслимы.

— Рѣшительно не вижу надобности въ нихъ,—говоритъ донъ Сильвестре.—Человѣкъ можетъ научиться безъ учителей.

— Мы въ этомъ случаѣ несогласны,—говоритъ Дисъ.

— Вспомните только, что почти всѣ, выдвинувшіеся въ наукѣ или въ искусствѣ, пріобрѣли свои знанія не въ школахъ. Неужели какой-нибудь профессоръ научилъ Дарвина, какъ наблюдать, Клода Бернара, какъ производить опыты, Шекспира, какъ писать драмы, а Наполеона, какъ одерживать побѣды?

— Вы называете геніевъ первой величины, проявившихъ раннюю и ясно выраженную склонность. Ну, а какъ поступить съ тѣми, которые не имѣютъ ярко выраженной индивидуальности?

— Тѣмъ менѣе нужно оказывать на нихъ давленіе. Надо завести рядъ мастерскихъ, куда будетъ открытъ доступъ взрослымъ и дѣтямъ. Пусть приходящіе видятъ, какъ мы работаемъ. Если у нихъ есть склонность, она проявится, и любопытные останутся. Въ противномъ случаѣ они уйдутъ.

— Неужели вы думаете, что у кого-нибудь изъ негровъ, которые заглянутъ въ мастерскую, гдѣ инженеръ Симпсонъ дѣлаетъ выкладки, проявится талантъ и охота изучать высшую математику?

— Конечно, нѣтъ. Но зачѣмъ неграмъ теперь математика? Когда они дойдутъ до сознанія ея необходимости, то изучатъ ее. У насъ въ школахъ за семь-восемь лѣтъ мальчики не выучиваются толкомъ переводить одну строчку съ англійскаго и французскаго. Когда же кому-нибудь дѣйствительно понадобится знаніе иностраннаго языка, то при помощи словаря оно пріобрѣтается въ шесть мѣсяцевъ. Зачѣмъ насильно знать, когда нѣтъ надобности?

Ганеро задаетъ вопросъ, что станетъ съ искусствомъ. Донъ Сильвестре даетъ тотъ же отвѣтъ, какъ Цезарь въ романѣ «Cesar ó nada», о которомъ я говорилъ въ прошлой статьѣ. Дѣйствительное искусство является проявленіемъ свободнаго сильнаго духа.

Оно явится поэтому тогда, когда люди будутъ смѣлы, сильны и свободны. Теперь искусство есть проявленіе рабскаго духа издерганныхъ, изломанныхъ людей, не знающихъ жизни во всей сложности ея и не могущихъ знать. Эти будто бы свободные художники и поэты—рабы школы и моды. Чѣмъ такое искусство, лучше уже до времени ограничиться полезнымъ.

— Но искусство полезно,—вставляетъ республиканецъ Ганеро.

— Искусство, какъ его понимаютъ теперь,—говоритъ донъ Сильвестре—обречено на гибель. Оно—продуктъ изломанной, издерганной эпохи, запутавшейся въ метафизическомъ туманѣ... Перейдемъ теперь отъ искусства къ творцу его. Есть ли болѣе отталкивающее, болѣе мѣщанское, надутое, наивно-самовлюбленное и глубоко-антипатичное существо, чѣмъ человѣчекъ съ развинченными нервами, который всю жизнь подбираетъ риѳмы, мажетъ кистью или пиликаетъ на скрипкѣ?

— Вы мнѣ скажете тогда, что и наука безполезна!—продолжаетъ свой допросъ Дисъ.

— Если вы сильно будете ко мнѣ приставать, я отвѣчу вамъ, что она вредна.

— Но почему?

— Потому, что она производитъ варвара, мозги котораго развиты насчетъ остальныхъ органовъ. Въ человѣческомъ организмѣ, какъ въ обществѣ, необходима гармонія. Никто не долженъ властвовать.

— Въ такомъ случаѣ,—саркастически восклицаетъ Дисъ,—долой науку! Долой искусство! Станемъ варварами!

— Да, станемъ варварами! Будемъ жить свободными людьми! Удалимъ съ пути всѣ помѣхи, выработанныя человѣчествомъ. Намъ не надобны такія школы, въ которыхъ убивается индивидуальность и оригинальность ума! Будемъ жить безъ законовъ, безъ художниковъ, безъ наставниковъ и безъ шарлатановъ, морочащихъ легковѣрныхъ!

— Браво!—иронически вставляетъ Симпсонъ.—Да здравствуетъ лѣсной человѣкъ (тутъ игра словъ, построенная на имени героя: его зовутъ Silvestre, а Симпсонъ восклицаетъ: «hombre silvestre»), хотя бы онъ былъ королемъ!

— Долой университеты, институты, консерваторіи, спеціальныя школы и академіи, въ которыхъ забаррикадировались педанты!

— Долой!—кричитъ Симпсонъ.

— Долой пустыя тыквы, именующія себя новыми эллинами!

— Долой!

— Долой всѣ методы преподаванія!

— Долой!

— Въ концѣ концовъ, намъ все же придется основать школы, хотя и новаго типа,—говоритъ Дисъ.

— Да, но мы не будемъ обучать въ нихъ дѣтей musa musae.

— Съ этимъ я согласенъ.

— Ни исторіи...

— Конечно, нѣтъ,—говоритъ Дисъ.

— Ни реторикѣ...

— Понятно.

— Ни психологіи, логикѣ и этикѣ...

— Ну, разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ на школы,—заканчиваетъ донъ Сильвестре Парадоксъ*).

XI.

Въ Бу-Тата, въ которомъ Парадоксъ насаждаетъ реформы, прибываютъ другіе европейцы. Это—бывшій капитанъ Корнукопіи и помощники его, бѣжавшіе во время бури. Ихъ взяли въ плѣнъ негры. Европейцы претерпѣли много страданій и униженій, покуда добрались до Бу-Тата. Прибыли они въ самомъ жалкомъ видѣ, оборванные, голодные. Въ числѣ прибывшихъ и донъ Пелаіо, который когда-то былъ слугою дона Сильвестре, обокралъ его и убѣжалъ. Король разрѣшаетъ вновь прибывшимъ остаться въ городѣ.

— Значитъ, донъ Сильвестре, мы можемъ оставаться здѣсь?—спрашиваетъ донъ-Пелаіо.

— Земли хватитъ на всѣхъ,—отвѣчаетъ король.—Правительство безплатно уступаетъ земледѣльческія орудія. Кромѣ того, вамъ выстроятъ домикъ.

— Признаться, перспектива стать земледѣльцемъ меня не соблазняетъ,—говоритъ капитанъ Минготе.—Я предпочелъ бы мѣстечко въ какомъ-нибудь департаментѣ.

— Здѣсь нѣтъ ни департаментовъ, ни чиновниковъ.

— Чѣмъ же живутъ здѣсь люди?—восклицаетъ изумленный Минготе, привыкшій къ тому, что въ Испаніи, какъ въ Россіи, почти все дворянство «кормится» на правительственной службѣ.

— Здѣсь всѣ работаютъ и живутъ трудами рукъ своихъ.

— И это вы называете цивилизовать страну?—укоризненно спрашиваетъ Минготе.

— Мы такъ понимаемъ цивилизацію.

— Что же? Если ничего другого не остается, придется заняться хлѣбопашествомъ. Я найду десятокъ здоровыхъ негровъ, которые станутъ обрабатывать мнѣ поля.

— Это невозможно,—говоритъ Дисъ.—У насъ нельзя пользоваться наемнымъ трудомъ.

— Неужели? Что же въ такомъ случаѣ разрѣшается у васъ?

---

*) «Paradox Rey», p. 225—235.

Ссудите мнѣ небольшую сумму. Я буду тогда зарабатывать мой хлѣбъ, отдавая въ ростъ деньги по 50%.

— У насъ нѣтъ ростовщиковъ, ни денегъ,—съ улыбкой сообщаетъ донъ-Сильвестре.

— Что? Нѣтъ денегъ?

— Нѣтъ.

— Но это нелѣпость!

— Что дѣлать! Тамъ, гдѣ есть деньги, одни имѣютъ ихъ очень много, а другіе очень мало. Всѣ же чувствуютъ себя скверно!

— Какъ же вы живете?

— Мы живемъ прекрасно.

— И вы живете безъ денегъ? Что же вы дѣлаете, когда приходится крикнуть: «Малый, принеси-ка мнѣ десятокъ папиросъ въ сорокъ пять сантимовъ»?

— У насъ нѣтъ табака, поэтому и звать мальчика не приходится. Итакъ, вы знаете условія. Если хотите, вамъ построятъ домикъ, дадутъ землю и земледѣльческія орудія. Если вы несогласны, васъ доставятъ возможно ближе къ французскимъ факторіямъ. Минготе и донъ-Пелаіо предпочитаютъ остаться и поселяются вмѣстѣ. («Paradox Rey», paginas 248—251).

Имѣя передъ глазами испанскій судъ, описанный въ романахъ «Mala Hierba» и «Aurora Roja», о которыхъ я уже говорилъ въ прошлой статьѣ, Піо Бароха даетъ картину суда, установленнаго въ государствѣ, гдѣ донъ Сильвестре король. Обязанность судьи исполняетъ инженеръ Симпсонъ. Въ залъ суда два пристава впускаютъ негра и его жену.

— Мой мужъ—лѣнтяй,—жалуется судьѣ негритянка. — Каждый день я его посылаю въ общественный складъ за земледѣльческими орудіями, а лежебокъ этотъ не хочетъ. Онъ валяется у порога и грѣется на солнцѣ. И такъ какъ я поэтому не получаю рабочихъ квитанцій, то моимъ дѣтишкамъ нечего ѣсть.

— Ну, а ты, человѣче, что скажешь на это?—спрашиваетъ судья.

— Я скажу, что не работаю, потому что нѣтъ охоты,—отвѣчаетъ спокойно негръ.—Была бы охота, такъ сталъ бы работать.

— Очень хорошо,—говоритъ судья.—Я бы велѣлъ отколотить этого бродягу палками, и завтра онъ сталъ бы работать, какъ негръ. Но всѣ, начиная отъ короля до послѣдняго обывателя Бутата обрушились бы на меня за подобный приговоръ.

— Что прикажете, сеньоръ судья, намъ дѣлать съ этимъ человѣкомъ?—спрашиваютъ судебные пристава.

— Поставьте его пилить бревна, а заработанныя квитанціи отдайте женѣ.

— А свобода? Такъ вотъ какая у насъ свобода личности!—протестуетъ негръ, своеобразно понявшій тезисъ: «все можно!»

Пристава выталкиваютъ чернаго анархиста, за которымъ слѣдуетъ отчитывающая его жена. Входятъ еще тяжущіеся: старикъ и юноша.

— Я развелъ куръ—объясняетъ старикъ—и много времени удѣлялъ имъ. И вотъ этотъ молодой человѣкъ, живущій со мною по сосѣдству, укралъ всѣхъ моихъ куръ.

— Правда это?—спрашиваетъ судья.

— Совершенно вѣрно. У меня нѣтъ терпѣнія выводить куръ; но такъ какъ онѣ мнѣ нравятся, то я ихъ забралъ у сосѣда.

— Но вѣдь куры не твои?

— Такъ что же изъ того? Развѣ король Парадоксъ не объявилъ, что каждому дано будетъ по потребностямъ? Моя потребность—куры.

— Этотъ Парадоксъ съ ума сошелъ,—ворчитъ про себя судья.— Скоро съ этимъ народомъ справы не будетъ.

— У старика, жалующагося теперь, есть болѣе скверная привычка, чѣмъ у меня,—продолжаетъ юноша.

— А именно?

— Онъ собираетъ и прячетъ рабочія квитанціи, такъ какъ хочетъ быть богатымъ. Какъ будто теперь времена короля Кири.

— Прекрасно,—рѣшаетъ судья.—Сегодня же ты, старикъ, сдашь въ магазинъ всѣ накопленныя тобою рабочія квитанціи. А ты, молодой человѣкъ, будешь беречь куръ старика. Ступайте!

Являются двѣ женщины, одна молодая, а другая старуха, и два негра.

— Узнай у нихъ, чего хотятъ эти люди,—предлагаетъ приставу судья. Дѣло оказывается совершенно исключительнымъ: оба негра спорятъ, чья теща? Оба предъявляютъ права на нее.

— Возможно ли это?—удивляется судья.

— Одинъ говоритъ, что эта старуха его теща, потому что дочь старухи—его жена. Другой утверждаетъ то же самое.

— А на кого изъ двухъ, какъ на своего мужа, указываетъ молодая женщина?

— Ни на кого. Она послѣ того, какъ сильно испугалась, онѣмѣла и оглохла. Она ничего не слышитъ и не умѣетъ сказать ни слова,—объясняетъ приставъ.

— Вотъ такъ задача!—восклицаетъ судья.—Какъ тутъ разобрать дѣло? Подойдите сюда! —Тяжущіеся приблизились къ судьѣ. Одинъ изъ негровъ серьезенъ и печаленъ, а другой веселъ и лукаво улыбается.

— Ну, посмотримъ теперь,—начинаетъ судья.—Кто изъ васъ мужъ этой женщины?

— Я,—отвѣчаетъ серьезный негръ.

— Я,—отвѣчаетъ улыбающійся.

— Какъ же вы оба можете быть въ одно и то же время мужьями одной женщины?—недоумѣваетъ судья.

— Я—настоящій и единственный мужъ,—говоритъ серьезный негръ.

— Настоящій мужъ —я,—утверждаетъ веселый негръ.

— Ну, а вы, молодуха, что скажете? Кто изъ двухъ вашъ мужъ?

— М-м-м!—мычитъ глухонѣмая.

— Кто вашъ зять?—обращается судья къ старухѣ. Она указываетъ на улыбающагося негра.—Всѣ сосѣди могутъ подтвердить, что это мужъ моей дочери.

— Какъ же ты смѣешь утверждать, что ты ея зять!—обращается судья къ серьезному негру.

— Потому что это правда,—отвѣчаетъ онъ.—Вотъ уже годъ, какъ я живу съ ея дочерью. Мы были счастливы, покуда не явилась эта старуха и не пошутила. Она убѣдила мою жену оставить меня и жить съ другимъ.

— Эта женщина живетъ вотъ уже цѣлый годъ со мною,—говоритъ улыбающійся негръ.—И теща моя подтвердитъ это. И вотъ теперь въ мой домъ явился этотъ человѣкъ и хочетъ занять мое мѣсто.

— Чистая правда, сеньоръ судья,—вставляетъ старуха.—Вотъ мой зять. Другой—бродяга, котораго никогда я въ глаза не видала.

— Повидимому, баба эта сильно ненавидитъ человѣка, котораго называетъ бродягой, и увѣряетъ, что никогда его не видала въ глаза,—говоритъ судья.—Ну, мудрый Соломонъ! Я тебѣ пара! Дайте каждому изъ этихъ мужчинъ по ножу. Пусть они себѣ раздѣлятъ тещу пополамъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же дѣлать такъ? Почто убивать добрую женщину?—протестуетъ улыбающійся негръ.

— Дайте скорѣе ножъ!—восклицаетъ серьезный негръ.—Старуха эта колотырка и смутьянка!

— Ты, желающій старухѣ всякаго зла, несомнѣнно ея зять!—говоритъ новый Соломонъ.—Такъ возьми же свою жену и тещу!

Карикатуристъ Бароха вошелъ во вкусъ пародій, и онъ заставляетъ судью произнести еще одинъ соломоновскій приговоръ. На этотъ разъ тяжущимися являются бѣлые, капитанъ синьоръ Минготе и донъ Пелаіо, тѣ самые, которые изумлялись, что въ Бу-Тата нѣтъ департаментовъ и чиновниковъ. Минготе является въ судъ бѣлый, какъ бумага, а у дона Пелаіо вспухла щека.

— Сеньоръ судья! Сеньоръ судья!—вопитъ Минготе.

— Что случилось?

— Донъ Пелаіо погнался за мною съ ножемъ и хотѣлъ меня зарѣзать.

— Правда это?—обращается судья къ дону Пелаіо.

— Да. Но правда также и то, что этотъ баринъ вообразилъ, будто я его слуга и долженъ поэтому на него работать. Сегодня

онъ приказалъ мнѣ пахать для него. Я отвѣтилъ, что онъ самъ можетъ пойти. Онъ тогда далъ мнѣ пощечину и подбилъ кулакомъ глазъ. Я схватилъ ножъ, а Минготе убѣжалъ.

— Что вы скажете на это? — обращается судья къ Минготе.

— Онъ говоритъ правду; но Пелаіо былъ непочтителенъ и оскорбилъ меня.

— Сеньоры,—говоритъ судья.—Самое лучшее, что можете сдѣлать, это—помириться и предать случившееся забвенію.

— Я требую правосудія!—кричитъ донъ Пелаіо.—Пусть виновника накажутъ. Вы судья и *должны* поэтому найти, чья вина и кто правъ.

— Но зачѣмъ же? Неужели не можете покончить дѣло по дружески?

— Нѣтъ, сеньоръ!—отрѣзаетъ Минготе.

— Нѣтъ, сеньоръ!—не менѣе рѣшительно протестуетъ донъ Пелаіо.

— Не лучше ли будетъ, если вы столкуетесь какъ-нибудь?

— Мы не можемъ столковаться!

— Это невозможно!

— Вы меня заставите, господа, прибѣгнуть къ героическому рѣшенію,—убѣждаетъ судья. Тяжущіеся отвѣчаютъ, что именно этого они добиваются.

— Въ такомъ случаѣ, ладно!—продолжаетъ судья.—Если вы ужъ такъ непремѣнно желаете, чтобы я вмѣшался, пусть будетъ такъ. Донъ Пелаіо, снимите панталоны!

— Сеньоръ судья! Бога ради!

— Обнажайтесь! Сеньоръ Минготе! Берите этотъ хлыстъ и дайте десять ударовъ вашему другу.

— Прекрасно! Какой мудрый приговоръ!—восклицаетъ Минготе.

Онъ сѣчетъ своего друга, но ужъ не слишкомъ усердно.

— Беззаконіе!—восклицаетъ негръ, сидящій среди публики.

— Кто скажетъ слово, тому будетъ то же самое!—предостерегаетъ судья.—Вы кончили, сеньоръ Минготе?

— Да, сеньоръ.

— Вы дали ему десять ударовъ? Не больше и не меньше?

— Совершенно вѣрно.

— Очень хорошо. Теперь, сеньоръ Минготе, ваша очередь: обнажайтесь и ложитесь.

— Я?

— Вы.

— Но знаете ли вы, кто я?

— Пристава, свяжите и обнажите этого человѣка! — приказываетъ судья неграмъ, которые немедленно повинуются.

— Караулъ! На помощь!—вопитъ сеньоръ Минготе.

— Теперь, донъ Пелаіо, возвратите вашему другу тѣ десять ударовъ, которые вы отъ него получили.

У дона Пелаіо загораются глаза отъ удовольствія. Онъ хватаетъ хлыстъ, плюетъ на ладонь и бьетъ, что есть силы.

— Теперь вы довольны? — спрашиваетъ судья, когда донъ Пелаіо возвратилъ должокъ полностью.—Вы меня заставили прибѣгнуть къ этимъ исключительнымъ мѣрамъ, и я примѣнилъ къ вамъ соціалистическое правило: «каждому по заслугамъ въ зависимости отъ его трудовъ!» Ступайте! *)

Идеальному государству скоро приходитъ конецъ. Изъ ближайшей французской колоніи являются войска, чтобы пріобщить Уганту къ цивилизаціи. Начинается обстрѣлъ города Бу-Тата изъ пушекъ.

— Почему насъ заставляютъ разстрѣливать этихъ людей?— недоумѣваетъ капралъ Рабуло.

— Ихъ надо цивилизовать,—сентенціозно отвѣчаетъ сержантъ Мишель.

— Но если они не хотятъ этого?

— Мало ли что не хотятъ! Цивилизація есть цивилизація! Къ вечеру того же дня Бу-Тата пылаетъ со всѣхъ сторонъ. Французскія пушки засыпали городъ гранатами, начиненными мелинитомъ. Горятъ дома и общественные магазины. Еще черезъ часъ два батальона дагомейцевъ и рота бѣлыхъ солдатъ пододвинулись къ городу, выкатили пулеметы и покончили съ тѣми, которые уцѣлѣли отъ бомбардировки. Солдаты разсыпались, чтобы грабить. Въ единственномъ уцѣлѣвшемъ зданіи начальникъ экспедиціи составляетъ напыщенную реляцію о побѣдѣ. И когда военный министръ прочитываетъ въ палатѣ депутатовъ эту реляцію, вскакиваетъ Деруледъ и кричитъ: «Да здравствуетъ армія!» Правые депутаты восторженно апплодируютъ и машутъ платками. Черезъ нѣсколько часовъ «всѣ поварята и мясники Парижа» устраиваютъ на бульварѣ патріотическую манифестацію. Они несутъ трехцвѣтное знамя и кричатъ: «Да здравствуетъ армія!» «Да здравствуетъ Деруледъ!»

Мнѣ пришлось приводить большія выдержки, чтобы дать представленіе объ авторѣ; но это обусловливалось тѣмъ, что Піо Бароха неизвѣстенъ не только въ Россіи, но и вообще за предѣлами своей родины. Мнѣ хотѣлось познакомить читателей съ міровоззрѣніемъ испанскаго беллетриста и выяснить, насколько возможно, соціальныя причины, создавшія подобное міровоззрѣніе.

Піо Бароха, какъ я пытался показать въ первой статьѣ, смотритъ на жизнь сквозь очень мрачныя очки и склоненъ думать, что сильный человѣкъ, человѣкъ «динамическаго состоянія», который поставитъ себѣ девизомъ «Cesar ó nada» (Цезарь или никто), вѣр-

*) Pio Baroja, «Paradox Rey», paginas 253—263.

нѣе всего станетъ «nàda». Но испанскій романистъ—реалистъ и дѣйствительно сильный человѣкъ. Какъ реалистъ, онъ не сдѣлалъ грубой художественной ошибки и не превратилъ безчисленныхъ бродягъ, воровъ и убійцъ, фигурирующихъ въ его романахъ, въ «сверхъ-человѣковъ». Этихъ людей, типъ которыхъ у насъ еще недавно идеализировали, Бароха изображаетъ слабыми, безвольными, злыми (злость всегда признакъ не силы, а моральной слабости). Какъ реалистъ, Бароха является постоянно символистомъ. Нагляднымъ примѣромъ является тотъ же романъ «Cesar ò nada». Какъ дѣйствительно сильный человѣкъ, Піо Бароха не можетъ дать такихъ рѣшеній вопроса о смыслѣ жизни и о цѣли ея, какія предлагаются трусами, неврастениками и дряблыми, истощенными развратниками, могущими уже только вожделѣть, но не грѣшить. Въ смутныя эпохи общественнаго разгрома, публика склонна усматривать трагическое и страшное въ такихъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя, въ дѣйствительности, по сильному выраженію Щедрина, представляетъ собою лишь «бредъ куриной души».

Піо Бароха не восхваляетъ самоубійства и не говоритъ, что единственное въ жизни — сладострастіе. Для сильныхъ героевъ Піо Барохи борьба за жизнь, упорная и настойчивая, уже является самоцѣлью.

Испанскіе критики указываютъ на то, что въ двухъ романахъ Барохи, разобранныхъ въ этой статьѣ, чувствуются часто вольтеровскія ноты. Я не стану здѣсь разбирать, насколько это вѣрно. Но мнѣ припоминается конецъ геніальной сказки Вольтера. Панглоссъ, Мартэнъ, старуха Кандидъ, Кюнегонда, Пакетта и Какомба, всѣ сильно помятые жизнью, собираются въ Константинополѣ и ведутъ безконечные философскіе споры о смыслѣ жизни.

— Cela est bien,—отвѣчаетъ Кандидъ,—mais il faut cultiver notre jardin (все это хорошо, но надо обрабатывать нашъ садъ)! И этотъ вольтеровскій отвѣтъ звучитъ въ самыхъ мрачныхъ романахъ Барохи. «Notre jardin», это—жизнь, въ которую мы брошены. Нытье и отчаянье не помогутъ намъ ничѣмъ. Надо работать, бороться, потому что работа, въ которую мы можемъ вложить нашу индивидуальность, и борьба представляютъ собою самоцѣль. Это то, безъ чего люди высшаго типа, т. е. сильные люди, люди динамическаго состоянія, жить не могутъ. И, если дѣйствительность не дозволяетъ людямъ «осуществлять свою индивидуальность», надо дружными усиліями устранить препятствія. Соотечественникъ Барохи, обладающій талантомъ высшаго калибра (Бласко Ибаньесъ). учитъ вѣдь насъ, что всѣ препятствія, кромѣ смерти, устранимы.

Діонео.

Обозрѣніе иностранной жизни.

(Вмѣсто введенія).

Смыслъ современнаго момента: явленія общаго прогресса и частичной реакціи.—Иллюстраціи этого положенія на примѣрѣ отдѣльныхъ странъ: Германія и Франція; Италія и Англія; Сѣверо-Американскіе Штаты; Австро-Венгрія; Испанія и Португалія; ближній и дальній Востокъ: Персія, Турція, Китай и Японія.

I.

Приступая къ заграничной хроникѣ на страницахъ «Русскаго Богатства», я хотѣлъ бы для перваго раза не столько останавливаться на различныхъ событіяхъ иностранной жизни, сколько охарактеризовать въ общихъ чертахъ современный историческій моментъ. Съ перваго на второе десятилѣтіе XX-го вѣка человѣчество переходитъ, дѣйствительно, при обстоятельствахъ, которыя поверхностному наблюдателю могутъ показаться симптомомъ сплошной реакціи. Мнѣ, напр., уже пришлось встрѣтить въ передовой прессѣ Запада сближеніе между настоящей эпохой и вторымъ десятилѣтіемъ XIX-го вѣка, когда полагались основы общей политики реставраціи и Священнаго союза монарховъ съ цѣлью подавленія народовъ. Говорится, что какъ сто лѣтъ тому назадъ, послѣ Великой революціи, так теперь послѣ бурнаго періода перваго десятилѣтія XX-го вѣка, начавшагося съ торжества радикализма и вообще свободной мысли во Франціи, продолжавшагося русской революціей, пробужденіемъ ближняго и дальняго Востока, мы снова вступаемъ въ затяжную полосу политической и соціальной реакціи.

И, однако, при болѣе внимательномъ изученіи вы приходите къ выводу, что общее поступательное движеніе современнаго человѣчества несомнѣнно. Но этотъ общій напоръ свѣжихъ силъ нисколько не исключаетъ частичныхъ, порою очень важныхъ, отступленій отъ хода вещей въ его цѣломъ. То, въ чемъ проявляется реакція, лишь свидѣтельствуетъ, что новая жизнь не можетъ взять сразу и безраздѣльно верха надъ старой; и что за прогрессъ въ одномъ отношеніи людямъ приходится расплачиваться регрессомъ въ другой.

Такъ, общая прогрессивная черта даннаго момента заключается въ двойной тягѣ человѣчества съ одной стороны къ обобществленію, къ соціализаціи матеріальныхъ силъ или, по крайней мѣрѣ, къ поставленію ихъ подъ контроль общества, а съ другой стороны—къ демократизаціи политическихъ учрежденій и къ возрастанію участія широкихъ массъ въ управленіи своими судьбами. Но эта

положительная сторона парализуется зачастую сопротивленіемъ традиціонныхъ силъ стараго міра, которыя, во чтобы то ни стало хотятъ затормозить это обширное поступательное движеніе.

Прежде всего мы повсюду замѣчаемъ ростъ міровоззрѣнія труда, или такъ называемаго соціализма, въ теоріи и на практикѣ. Въ индивидуалистическое общество, основанное на необузданной конкурренціи въ экономической области и на цензовомъ господствѣ имущихъ классовъ въ сферѣ политики, врываются все болѣе и болѣе могучія струи новаго теченія. Организованное общество такъ или иначе вмѣшивается въ сферу личныхъ отношеній и договоровъ, остававшихся раньше заповѣдною областью для законодателя. Нѣкоторыя предпріятія переходятъ въ руки или подъ контроль государства, муниципалитетовъ и другихъ общественныхъ учрежденій. Слагаются все болѣе и болѣе крупные рабочіе союзы. Соціалистическія партіи становятся исторической силой въ большинствѣ культурныхъ странъ. Съ другой стороны, идетъ процессъ дальнѣйшей демократизаціи. На политическую сцену выступаютъ все болѣе и болѣе обширныя группы людей. Пробуждаются какъ отдѣльныя индивидуальности, — личности, — такъ и коллективныя индивидуальности, — націи. Онѣ требуютъ себѣ мѣста на солнцѣ широкой дѣятельности и изъ простого матеріала, изъ глины въ рукахъ привилегированнаго горшечника сами становятся живыми факторами преобразованія. Мудрено ли, что этотъ двоякій общественный прогрессъ соціализаціи экономическихъ силъ и демократизаціи политическихъ учрежденій находитъ ожесточенныхъ враговъ въ лицѣ старыхъ историческихъ силъ эксплуатаціи и гнета, т. е. среди имущихъ классовъ и привилегированныхъ группъ, до сихъ поръ успѣвающихъ сохранять за собой если не юридическую, то фактическую монополію управленія государственною машиною? Отсюда тѣ, порою странныя, сочетанія поступательнаго и попятнаго движенія, которыя заставляютъ горячихъ друзей прогресса говорить о сплошной реакціи.

Указаніе на историческія особенности даннаго момента въ разныхъ культурныхъ странахъ всего лучше дастъ понятіе читателю о пестрой картинѣ современной цивилизаціи. Такъ, общее прогрессивное движеніе въ соціальной и политической области замѣтно усложняется реакціонными явленіями въ двухъ сосѣднихъ и столь непохожихъ одна на другую странахъ европейскаго континента: Германіи и Франціи. Въ цементированной желѣзомъ и кровью Германской имперіи вотъ уже сколько лѣтъ растетъ могущество рабочаго класса. И, какъ бы отрицательно ни относиться къ нѣкоторымъ чертамъ нѣмецкаго пролетаріата, переданнымъ ему въ наслѣдство исторіей, вы все таки не можете закрывать глаза на крупную роль, которую «четвертое сословіе» Германіи,—чтобы употребить терминологію Лассаля,—начинаетъ играть въ общественной и политической жизни націи. Въ борьбѣ съ этими новыми силами

разбился даже такой закаленный рыцарь реакціи, какимъ былъ Бисмаркъ. Самъ пресловутый «государственный соціализмъ» былъ лишь ослабленнымъ подражаніемъ, лишь злостной поддѣлкой подъ настоящій соціализмъ. Работа германскаго законодательства (1883, 1884, 1889 гг.) надъ охраною пролетарія отъ несчастныхъ случаевъ, отъ болѣзней и отъ старости и вообще отъ неспособности къ труду была сознательно пущена въ ходъ «желѣзнымъ графомъ» для того, чтобы отнять у соціалистической арміи вліяніе на широкія массы. Это была такъ называемая политика «кнута» и «пряника» *). И на этихъ дняхъ мы могли читать на столбцахъ нѣмецкихъ газетъ интересную полемику, завязавшуюся по поводу разоблаченій о роли, какую игралъ антисемитствующій демагогъ и придворный проповѣдникъ Штеккеръ въ переговорахъ между бисмарковскимъ правительствомъ и соціалъ-демократами, тщетно стараясь соблазнить вожаковъ нѣмецкихъ рабочихъ, Бебеля, Либкнехта и Хазенклевера, обѣщаніемъ великихъ и богатыхъ милостей со стороны могущественнаго канцлера, лишь бы они не становились къ нему въ принципіальную оппозицію. Наконецъ, что̀ какъ не ростъ соціализма заставилъ Вильгельма II, отнюдь не отличающагося демократическими замашками, созвать международную конференцію для охраны труда, надѣлавшую такого шуму въ 1890 г.?

Съ тѣхъ поръ безпрерывный ростъ нѣмецкой рабочей партіи, которая развивалась и развивается, несмотря ни на августѣйшее кокетничаніе съ соціальнымъ вопросомъ, ни на преслѣдованія, заставилъ представителей государства и капитала окончательно занять рѣзко враждебную позицію по отношенію къ свѣжей общественной силѣ. И этимъ объясняются многія явленія современной нѣмецкой жизни, заставляющія искреннихъ друзей прогресса меланхолически покачивать головою. О соціальномъ законодательствѣ уже нѣтъ и рѣчи. Изсякла та реформаторская жила попеченія о широкихъ массахъ, которою гордились правители Германіи. Съ другой стороны, каждый день приноситъ новое доказательство ослабленія оппозиціонной энергіи и чувства политическаго достоинства среди большинства представителей нѣмецкаго либерализма. Такъ, если въ ноябрѣ 1908 г. неосторожныя слова императора, брошенныя имъ въ интервью съ англичаниномъ, вызвали рѣзкое движеніе противъ его абсолютизма среди самыхъ, казалось бы, лояльныхъ партій, то ровно два года спустя, въ ноябрѣ 1910 г., вполнѣ абсолютистское Credo Вильгельма II, съ чрезвычайною откровенностью развивавшееся имъ въ цѣломъ рядѣ рѣчей на оффиціальныхъ пиршествахъ въ Кенигсбергѣ, Маріенбургѣ, Бейронскомъ монастырѣ и т. п., почти совсѣмъ не произвело никакой

*) Franz Mehring, «Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie»; Штуттгартъ, 1894 г., 2-е изд., т. IV, стр. 231—235 и сл.

сенсаціи и заставило даже благомыслящіе элементы націи упрекать крайнюю оппозицію въ томъ, что эти враги Имперіи лишь придираются къ случаю для пропаганды недопустимыхъ въ столь лояльной странѣ республиканскихъ идей. Правда, во время дебатовъ, возникшихъ по этому поводу въ германскомъ парламентѣ, высказывалась неоднократно та мысль, что раньше дѣло шло, молъ, о международныхъ сношеніяхъ, а теперь рѣчь идетъ лишь о внутренней политикѣ. Но отъ этого суть вопроса не измѣнялась. Послѣ попытки вступить на почву принципіальной оппозиціи свободомыслящіе элементы бюргерства возвращались значительнымъ большинствомъ къ близорукому піэтету предъ личностью монарха. И именно тотъ самый аргументъ, что на сей разъ дѣло шло лишь о внутренней жизни, могъ бы быть повернутъ противъ нихъ, такъ какъ во внѣшней политикѣ особенно рѣзкіе капризы абсолютизма находятъ коррективъ въ общемъ отрицательномъ отношеніи къ войнѣ мирныхъ людей и классовъ во всѣхъ странахъ, тогда какъ внутри Германіи импульсивная воля императора можетъ сдерживаться лишь энергичнымъ сопротивленіемъ свободолюбивыхъ гражданъ.

Посмотрите, съ другой стороны, какъ германское правительство, которое ведетъ себя съ такимъ высокомѣріемъ по отношенію къ оппозиціи свѣжихъ общественныхъ силъ, принимаетъ гораздо болѣе смиренный видъ, когда встрѣчается съ притязаніями такого заклятаго врага свѣтской цивилизаціи, какимъ является католицизмъ. Даже органы умѣренной оппозиціи съ грустью отмѣчаютъ, что въ то время, какъ имперское правительство съ необыкновенною торжественностью, достойною лучшей участи, заявляетъ устами канцлера Бетмана-Хольвега, что оно «отнюдь не служитъ парламенту», въ это же самое время оно не находитъ въ себѣ достаточно силы, чтобы съ достоинствомъ отвѣтить на невѣроятно реакціонную кампанію папы противъ модернизма и на требованія Ватикана «отречься отъ лжеумствованій или подать въ отставку», предъявляемыя къ католическимъ ученымъ и профессорамъ Германіи *). Прибавьте къ этому то цинично-корректное издѣвательство надъ реформою избирательнано права, которому министерство предается въ Пруссіи. Прибавьте чудовищный произволъ и кровавую расправу съ населеніемъ полицейскихъ властей, проявившіеся въ дѣлѣ Моабитскихъ безпорядковъ съ такою силою, что даже одинъ

*) Въ особенности это поражаетъ по отношенію къ Пруссіи. См., напр. передовую статью «Preussen und der Vatikan» въ «Vossische Zeitung» № 50 отъ 30 января 1911 г. Но и въ Германской имперіи дѣло дошло до того, что долго не рѣшался вопросъ, ѣхать или нѣтъ Вильгельму II въ Римъ на пятидесятилѣтіе провозглашенія королемъ Италіи Виктора Эммануила I (19 марта 1861 г.), чтобъ не огорчить папу и германскій католическій центръ. Окончательно рѣшено, что императоръ будетъ замѣненъ кронпринцемъ, и клерикализмъ шумно празднуетъ эту побѣду.

изъ высшихъ представителей лояльной прусской юстиціи во время разбора возникшаго процесса оправдывалъ обращеніе гражданъ къ оружію для защиты отъ беззаконнаго нападенія полиціи,—той самой полиціи, на которую щедро изливался какъ разъ въ это самое время дождь орденовъ и прочихъ наградъ по волѣ высшей власти... *) Но эта реакція не въ состояніи помѣшать развитію живыхъ народныхъ силъ. Имущая и правящая Германія въ высшей степени озабочена цѣлымъ рядомъ удачныхъ дополнительныхъ выборовъ, которые подливаютъ все новыя и новыя струи воды подъ соціалъ-демократическую мельницу, и чрезвычайно боится, чтобы эти успѣхи не оказались предвѣщаніемъ настоящаго тріумфа крайней оппозиціи на предстоящихъ всеобщихъ выборахъ. Такія грандіозныя похороны, какія недавно видѣлъ Берлинъ, гдѣ сотни тысячъ провожали соціалиста Зингера до его послѣдняго жилища, показываютъ, что на лицо тѣ элементы общественнаго прогресса, которые должны рано или поздно вывести Германію изъ состоянія политическаго застоя; и что не вѣкъ торжествовать въ Европѣ великой милитаристской имперіи, опирающейся на эгоистическіе разсчеты нѣмецкихъ юнкеровъ и нѣмецкихъ капиталистовъ.

По другую сторону Вогезовъ, на территоріи Французской республики, замѣчаются своего рода проявленія реакціи, затемняющія общій поступательный ходъ страны. Нельзя отрицать того, что еще не такъ давно, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ дѣла Дрейфуса, вызвавшаго спасительную встряску во всей Франціи, среди буржуазіи, давно ставшей здѣсь госпожею положенія, обнаруживалось болѣе смѣлое и искреннее стремленіе идти на встрѣчу соціальнымъ и политическимъ требованіямъ массъ. Особенно въ министерство Комба было замѣтно желаніе правительства не становиться непремѣнно на сторону капитала въ его столкновеніяхъ съ трудомъ. Увы! по мѣрѣ того, какъ дрейфусіада отходила въ даль прошлаго, а въ особенности по мѣрѣ того, какъ въ лицѣ боевого синдикализма выростала непокорная сила, неподдававшаяся даже воздѣйствію парламентскихъ соціалистовъ, Франція снова начинала вступать въ полосу соціально-политической реакціи.

Надо сказать, что въ теченіе довольно долгаго времени французская буржуазія оставалась глуха къ требованіямъ реформъ, предъявлявшимся рабочимъ классомъ **). Территорія Третьей республики была излюбленной ареной капиталистическаго хозяйничанья, выжимавшаго изъ республиканскаго строя всевозможныя воспособленія имущимъ классамъ, но оказывавшагося чрезвычайно тугимъ на ухо, когда дѣло заходило объ улучшеніи условій, окружающихъ съ колыбели до могилы трудящіеся классы. Пусть чи-

---

*) Ср. статью «Widerstand gegen die Staatsgewalt» въ «Vossische Zeitung», № 56 отъ 2 февраля 1911 г.

**) Paul Louis, «L'ouvrier devant l'Etat»; Парижъ, 1904, стр. 23.

татель не забываетъ, что въ 1883 г., т. е. въ тотъ самый моментъ, когда на континентѣ Европы буржуазное манчестерство начинало терпѣть пораженія, въ республиканской Франціи такъ называемыя «злодѣйскія конвенціи» передавали желѣзныя дороги въ распоряженіе частныхъ компаній на необыкновенно выгодныхъ для нихъ условіяхъ*). И если исключить законъ 1884 г. о синдикатахъ, обязанный въ значительной степени своимъ проведеніемъ авторитарному республиканцу, Вальдэку-Руссо, напоминавшему нѣкоторыми сторонами своей личности дальновидныхъ политиковъ Англіи, то первымъ мало-мальски серьезнымъ актомъ, относящимся къ сферѣ рабочаго законодательства, былъ законъ 1892 г., ограничивавшій трудъ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и прошедшій не безъ дѣятельной поддержки соціальныхъ католиковъ, вродѣ графа де-Мэна. Лишь въ 1900 г., въ министерство того же Вальдэка-Руссо, былъ проведенъ законъ Мильрана-Кольяра, ограничивавшій предѣлы рабочаго дня для мужчинъ въ заведеніяхъ, пользующихся смѣшаннымъ трудомъ взрослыхъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей, и притомъ на нѣсколько лѣтъ даже ухудшавшій прежнее положеніе двухъ послѣднихъ категорій на фабрикахъ **). Прибавьте къ этому, что лишь 5 апрѣля 1910 г. прошелъ законъ о рабочихъ и крестьянскихъ пенсіяхъ, который пока не столько на практикѣ, сколько, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ кладетъ первое основаніе обезпеченію тружениковъ, истощившихъ свои силы въ процессѣ вѣчной работы изъ-за куска хлѣба. Припомните также, что до сихъ поръ, при постоянной смѣнѣ министровъ финансовъ, никакъ не можетъ выйти изъ состоянія проекта законъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, который еще два года тому назадъ былъ предложенъ Кайльо, въ кабинетѣ Клемансо.

А, съ другой стороны, посмотрите, какимъ крушеніемъ старой радикальной программы, защищавшей личную и политическую свободу гражданъ, является отношеніе двухъ послѣднихъ радикальныхъ министерствъ къ рабочему классу, навлекшему на себя гнѣвъ авторитарныхъ кормчихъ республиканскаго корабля, какъ только наиболѣе инйціативная и энергичная часть его, объединенная Всеобщей конфедераціей труда, рѣшила отстаивать право стачекъ и по отношенію къ государству, какъ она отстаиваетъ его при столкновеніяхъ съ частными предпринимателями. Въ то самое время, какъ синдикалистское движеніе растетъ въ ширь и идетъ въ глубь

*) Лишь въ послѣдніе годы дѣлаются робкія попытки увеличить сѣть государственныхъ дорогъ путемъ выкупа линій изъ рукъ компаній, начиная съ дурно проведенной выкупной операціи Западной желѣзной дороги. И однако, крупная буржуазія жестоко сопротивляется даже этой половинчатой политикѣ.

**) См. подробный разборъ этого закона въ моемъ этюдѣ «Современная Франція», входящемъ въ «Исторію нашего времени»; Москва, 1910, изд. бр. Гранатъ и К°, выпускъ второй, стр. 92—94.

захватывая въ послѣднее время порою такія курьезныя группы, какъ городовыхъ, министерства, насчитывающія въ своихъ рядахъ людей, или составившихъ свою карьеру на проповѣди всеобщей стачки (Бріанъ), или защищавшихъ въ оппозиціи право цѣлыхъ категорій государственныхъ служащихъ на стачку (Барту), считаютъ цѣлесообразнымъ прибѣгать къ самымъ драконовскимъ мѣрамъ для подавленія стачечнаго движенія на желѣзныхъ дорогахъ, принадлежащихъ, не забудьте, главнымъ образомъ частнымъ компаніямъ. Въ пылу раздраженія послѣдній кабинетъ Бріана вноситъ въ парламентъ такіе законы, наказующіе забастовку, которые, по мѣрѣ того, какъ палата выходитъ изъ-подъ гипноза воинственнаго настроенія, подвергаются все болѣе и болѣе рѣзкой критикѣ самихъ же прежнихъ защитниковъ министерства и, вѣроятно, въ концѣ-концовъ превратятся въ законодательныя нормы, исполненныя внутренняго противорѣчія и лишенныя серьезнаго значенія *).

И, однако, можно ли видѣть въ теперешнемъ положеніи Франціи лишь одинъ регрессъ? Наоборотъ, не замѣчаете ли вы, что, съ одной стороны, ростъ рабочей организованности и энергіи вырываетъ у французской буржуазіи, долго остававшейся манчестерскою, уступку за уступкой, а съ другой стороны—что само усиленіе правительственныхъ репрессалій, оказывающихся невыполнимыми на практикѣ, знаменуетъ увеличеніе удѣльнаго вѣса трудящихся массъ? Сквозь эти усложненія современныхъ задачъ, нельзя не видѣть общихъ очертаній того поступательнаго движенія, какое увлекаетъ Третью республику по пути соціальнаго прогресса и какое было косвенной, но немаловажной причиной только что совершившагося «добровольнаго» ухода отъ власти Бріана, напутствуемаго сожалѣніями консервативной буржуазіи **).

II.

У старшей, слѣдующей непосредственно за Франціею латинской сестры ея,—Италіи,—замѣчается приблизительно, но не совсѣмъ, такой же историческій ходъ развитія. Послѣ періода реакціи, достигшей своего кульминаціоннаго пункта въ министерство генерала Пеллу и кончившейся съ замѣною Гумберта I Викторомъ-Эммануиломъ III (29 іюля 1900), наступилъ періодъ ослабленія соціальной вражды, когда министерство Цанарделли-Джіолитти

*) Жорэсъ хорошо оттѣнилъ эту сторону предлагающихся мѣръ словами: «Такимъ образомъ буржуазное общество, поскольку дѣло идетъ о жизненныхъ функціяхъ націи, приперто къ страшному противорѣчію: безграничная свобода стачки съ его точки зрѣнія нелѣпа, а уничтоженіе этого права невозможно и преступно» (См. статью «La portée du débat» въ «L'Humanite» № 2455 отъ 6 января 1911 г.).

**) Въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, формируется кабинетъ Мониса, повидимому, желающій передвинуть ось политики нѣсколько влѣво.

«изъ уваженія къ политической свободѣ представило радикальную программу соціально-экономическихъ реформъ» *). Необычайная разбитость и разрыхленность политическихъ партій Италіи, которая отражалась и на характерѣ итальянскаго соціализма, помѣшала, однако, осуществленію крупныхъ преобразованій за это время. Наоборотъ, такая мѣра, какъ переходъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства (іюль 1905 г.), мѣра, въ которой можно было бы привѣтствовать расширеніе сферы общественнаго вмѣшательства въ крупныя предпріятія, сопровождалась отягченіемъ условій стачки для желѣзнодорожныхъ служащихъ, которыхъ правительство желало, въ силу обычной государственнической аберраціи буржуазіи, уподобить солдатамъ и въ значительной степени само довело до всеобщей забастовки 11—15 октября 1907 г., вызвавшей крайнее раздраженіе имущихъ классовъ. Однако, въ общемъ притупленіе прежней остроты отношеній между правительствомъ и крайними партіями на Апеннинскомъ полуостровѣ шло параллельно съ развитіемъ соціалистическихъ и рабочихъ организацій, правда, принадлежащихъ къ различнымъ оттѣнкамъ трудового міровоззрѣнія и проводящихъ значительную часть времени въ междуусобной войнѣ, но все больше и больше пропитывающихъ широкіе слои новыми идеями.

Въ настоящее время можно даже сказать, что собственно правительственная реакція принимаетъ въ Италіи гораздо менѣе рѣзкія формы, чѣмъ во Франціи. Очень, напр., вѣроятно, что крайне ожесточенныя столкновенія между «желтыми» республиканцами-половниками (mezzadri) и между «красными» соціалистами-батраками (braccianti) Романьи, которыя въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ прошлаго года носили характеръ настоящей аграрной войны, были бы кабинетомъ Бріана подавлены съ гораздо большей стремительностью, чѣмъ то дѣлало министерство Луццати, видимо позволявшее своимъ чиновникамъ и мѣстнымъ полицейскимъ «служить посредниками между синдикатами и независимыми рабочими и извѣщать оффиціозно послѣднихъ о мѣрахъ бойкота, которыя было рѣшено примѣнить къ нимъ, заклиная ихъ во имя безопасности входить въ угрожавшія имъ лиги» **).

Это любопытное земельное движеніе, къ которому мы, вѣроятно, будемъ имѣть случай возвратиться, свидѣтельствуетъ о ростѣ живыхъ соціальныхъ силъ, можетъ быть еще и не находящихъ себѣ правильно очерченнаго русла, но указывающихъ на то, что организація труда въ деревняхъ достигла на почвѣ Апеннинскаго

*) Проф. А. Анджіолини, „Исторія соціализма въ Италіи“; русскій пер., Спб., 1907, т. II, стр. 395.

**) См. жалобы на такое положеніе вещей въ довольно интересномъ этюдѣ консервативнаго французскаго экономиста, изслѣдовавшаго этотъ вопросъ на мѣстѣ: Maurice Pernot, „Le socialisme agraire en Italie“; „Revue des Deux Mondes“, № отъ 1 января 1911, стр. 115.

полуострова размѣровъ, какими не могутъ похвалиться другія страны, ранѣе Италіи затронутыя пропагандой соціализма.

Современное движеніе итальянскихъ ferrovieri (желѣзнодорожныхъ служащихъ) въ свою очередь, знаменуетъ, что развитіе корпоративныхъ организацій не остановилось и въ городѣ. И законопроектъ, недавно внесенный въ палату депутатовъ министромъ публичныхъ работъ, Сакки, является показателемъ того, что, несмотря на крайне умѣренный характеръ реформъ, въ особенности тѣхъ, которыя относятся къ улучшенію матеріальнаго положенія служащихъ (увеличеніе на 21 милліонъ лиръ годового жалованья всему персоналу, не получающему болѣе 7,000 лиръ оклада *), правительство все же находитъ нужнымъ считаться съ растущей силой этихъ хорошо организованныхъ рабочихъ. Характерно уже то, что если кабинетъ не идетъ за соціалистами, предлагающими гораздо болѣе радикальныя мѣры для улучшенія быта желѣзнодорожниковъ и требующими признанія права на стачку въ государственныхъ предпріятіяхъ и принятія забастовщиковъ, уволенныхъ правительствомъ послѣ стачки 1907 г., то съ другой стороны онъ отказывается отъ солидарности и съ консерваторами, которые, въ лицѣ сенатора Чефали, основываясь на единичныхъ фактахъ остановки поѣздовъ на пути и порчи желѣзнодорожнаго матеріала, необыкновенно рѣзко нападаютъ на рабочихъ и не только громогласно заявляютъ о томъ, что они не согласны ни на какое увеличеніе заработной платы этому «неблагодарному и своевольному люду, недостойному получать новыя выгоды», но настойчиво предлагаютъ предупредить готовящуюся желѣзнодорожную забастовку вотумомъ новыхъ строжайшихъ мѣръ пресѣченія **).

Еще болѣе ослабла внѣшняя страстность борьбы между парламентарными представителями капитала и труда въ Англіи, гдѣ послѣдніе годы характеризуются сотрудничествомъ такъ называемой рабочей партіи съ либеральнымъ министерствомъ. Было бы, конечно, трудно предугадать, протянется ли еще долго такое положеніе вещей. Во всякомъ случаѣ, двѣ причины опредѣляютъ этотъ характеръ современнаго періода въ Соединенномъ королевствѣ. Съ

*) Въ то время какъ Италія тратитъ громадныя суммы на все расширяющуюся программу военныхъ и морскихъ „реформъ", улучшеніе быта желѣзнодорожныхъ рабочихъ встрѣчаетъ недружелюбное отношеніе имущихъ и правящихъ классовъ, которые въ лицѣ крупныхъ инженеровъ и техниковъ дѣлаютъ всяческія выкладки, чтобы показать невозможность произвести сокращенія въ желѣзнодорожномъ бюджетѣ при столь дорого (!) обходящемся и нерачительномъ персоналѣ служащихъ,—какъ, напр., пытается это установить авторъ спеціальной статьи по этому вопросу: Ing. F. Benedetti, «Le maggiori difficoltà per ridurre le spese dell'» exercizio ferroviario di stato"; „Nuova antologia", № отъ 1 февраля 1911, стр. 499—518.

**) „Il Secolo" отъ 31 января 1911, въ парламентарномъ отчетѣ, носящемъ многозначительное заглавіе „Враждебное выступленіе сената противъ желѣзнодорожниковъ" (L'atteggiamento ostile del senato verso i ferrovieri).

одной стороны, правящіе слои Англіи издавна привыкли къ политикѣ компромисса, которая исключаетъ черезчуръ раздражительное отношеніе къ противникамъ даже послѣ того, какъ миновала борьба. Консерваторы и либералы этой своеобразной страны, выработавшіе у себя хорошіе задерживающіе центры, умѣютъ во время уступать требованіямъ массъ и добиваются этой тактикой результатовъ, не уступающихъ съ государственной точки зрѣнія тѣмъ пріобрѣтеніямъ, которыя дѣлаются болѣе импульсивными министрами континента, вносящими личную страсть въ борьбу съ врагомъ и въ расправу съ побѣжденнымъ. Пусть не забудутъ тотъ давно отмѣченный историками фактъ, что въ Англіи едва ли не большая часть реформъ, пропагандировавшихся предварительно либералами, была проводима консерваторами, т. е. людьми, которые съ континентальной точки зрѣнія должны отличаться необыкновенною прямолинейностью и твердостью въ отказѣ народнымъ требованіямъ. Англійскіе консерваторы при случаѣ не отступятъ отъ такого предложенія, которое въ состояніи сбить съ толку своею «революціонностью» даже очень прогрессивныхъ политиковъ континента. Возьмите, напр., брошенное во время послѣдней избирательной борьбы Бальфуромъ предложеніе обратиться къ референдуму народа по вопросу о тарифной реформѣ. И въ этомъ умѣньи предлагать во время смѣлыя рѣшенія, отмѣченныя печатью государственнаго макіавелизма высшей школы, и заключается одно изъ объясненій того, почему, со временъ распада чартистскаго движенія, представители имущихъ и правящихъ сферъ Англіи умѣютъ до сихъ поръ находить поддержку въ болѣе или менѣе широкихъ слояхъ населенія.

Другая причина, ослабляющая рѣзкость внѣшнихъ проявленій борьбы между трудомъ и капиталомъ, заключается въ томъ, что сами англійскіе рабочіе до послѣдняго времени не умѣли складываться въ независимую политическую,—я не говорю: корпоративную,—партію и по большей части шли на буксирѣ у двухъ великихъ историческихъ партій Соединеннаго королевства. Несмотря на всѣ усилія послѣдовательныхъ соціалистовъ, въ Англіи не было широкой рабочей соціалистической партіи въ континентальномъ смыслѣ. Образовавшаяся въ послѣдніе годы партія англійскихъ трудовиковъ пробуетъ говорить свои собственныя слова и выставлять свою собственную программу. Но эти слова и эта программа настолько отличаются отъ боевыхъ лозунговъ континентальныхъ партій труда, что въ нихъ можно видѣть лишь самыя первыя проявленія соціалистическаго сознанія, несмотря на присутствіе въ рядахъ англійской рабочей партіи нѣсколькихъ несомнѣнныхъ соціалистовъ *). Какъ пойдутъ дальше отношенія между

*) Брумъ Вилліерсъ, авторъ исторіи англійскаго соціализма, крайне сочувствующій трудовикамъ, говоритъ: „утверждать, что большинство или даже значительное меньшинство трэдъюніонистовъ — соціалисты въ томъ

этими представителями труда и англійскими традиціонными партіями,—сказать трудно. Уже дѣлаются, напримѣръ, предположенія, что въ случаѣ ослабленія реформистской энергіи либераловъ англійскіе трудовики найдутъ почву соглашенія и съ консерваторами, если тѣ станутъ съ дальновидностью, характеризующей британскихъ дѣятелей, на почву реформъ, которыя могутъ удовлетворять трудовиковъ. А пока англійскому рабочему классу удалось получить въ результатѣ парламентарной дѣятельности послѣднихъ лѣтъ законъ 1 августа 1908 о «пенсіяхъ для стариковъ» (Old Age Pension Act), аналогичный вотированному позже французскому закону и, подобно послѣднему, имѣющій, по мнѣнію пишущаго эти строки, не столько непосредственное практическое, сколько принципіальное значеніе мѣры, признающей право членовъ общежитія на общественную же помощь, какъ выраженіе соціальной солидарности *).

И въ чисто политической области Англіи, повидимому, суждено,—суждено, по крайней мѣрѣ, до поры до времени,—осуществлять прогрессъ не столько непримиримой борьбой двухъ рѣзко противоположныхъ партій и разгромомъ одною другой, сколько компромиссомъ между различными теченіями. Возьмите, напр., вопросъ объ отнятіи у палаты лордовъ права останавливать своимъ вето тѣ законопроекты, которые проходятъ палату общинъ. Гдѣ, въ какой странѣ континента можно было бы видѣть зрѣлище, какъ послѣ январскихъ выборовъ 1910 г. и продолжавшейся въ новой палатѣ борьбы между либералами и консерваторами, со смертью короля Эдуарда VII (6 мая 1910) и съ наступленіемъ парламентскихъ вакацій, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ засѣдала конференція изъ представителей обѣихъ партій и терпѣливо вырабатывала условія соглашенія, которыя можно было бы положить въ основаніе реформы палаты лордовъ,—реформы, необходимость которой стали допускать и хранители традицій? Да и теперь послѣ того, какъ вторые выборы въ декабрѣ 1910 г. оставили относительную силу партій безъ измѣненія, а конференція кончилась фіаско, врядъ ли можно предполагать, чтобы на склонной къ компромиссамъ политической почвѣ Англіи выработалось въ ближайшемъ будущемъ среди либераловъ рѣшеніе совсѣмъ уничтожить палату лордовъ, какъ хотѣлось бы этого трудо-

---

смыслѣ, въ какомъ былъ соціалистомъ Уильямъ Моррисъ, было бы нелѣпостью... Они лишь чувствуютъ, гдѣ жметъ сапогъ, и повсюду стараются устранять непосредственное и гнетущее въ данный моментъ зло" (Brougham Villiers, „The Socialist Movement in England"; Лондонъ, 1908, стр. 176).

*) Въ настоящее время въ прессѣ уже начинаетъ обсуждаться вопросъ, какимъ образомъ расширить число могущихъ пользоваться пенсіями (которыя начинаются лишь съ 70 лѣтъ), и дополнить настоящую „схему" мѣрами, приближающими ее къ германскому страхованію неспособности къ труду. Укажу хотя бы на статью: Dr. Ernest J. Schuster, „National Insurance against Invalidity and Old Age"; "The Nineteenth Century and After", 1911, февраль, стр. 351—369.

викамъ и ирландцамъ. Ловкій и тонкій публицистъ Гарвинъ, снабжающій зачастую идеями консервативную партію Англіи, говоритъ, пожалуй, не безъ основанія, что если въ самомъ лучшемъ случаѣ либералы и ихъ союзники имѣютъ за собой $^{11}/_{20}$ всего населенія, а консерваторы остальныхъ $^{9}/_{10}$, то насиловать волю этого сравнительно столь значительнаго меньшинства значило бы раздирать англійскую націю почти на двѣ части и увѣковѣчивать борьбу между ними на манеръ той, какая ведется съ 1789 г. по другую сторону Ламанша между старой и новой Франціей *).

Съ другой стороны, очень возможно, что частичная реформа палаты лордовъ и ирландскій гомъ-руль для чисто мѣстныхъ дѣлъ будутъ проведены въ самомъ непродолжительномъ будущемъ въ результатѣ компромисса между обезкураженными уніонистами и не обнаруживающими желанія зарваться либералами.

III.

Гораздо скептичнѣе приходится смотрѣть на ближайшую судьбу соціальнаго и политическаго прогресса въ великой Заатлантической республикѣ. Сѣверо-Американскіе Штаты представляютъ собою, дѣйствительно, страну, гдѣ широкая правовая возможность трудящихся элементовъ руководить политикой націи идетъ рука объ руку съ фактической слабостью ихъ въ государственной жизни. Казалось бы, нѣтъ страны, болѣе приспособленной къ тому, чтобы воля и власть народа, т. е., значитъ, громаднаго большинства, могли проявляться съ большей легкостью и опредѣленностью. Демократическая конституція, опирающаяся на всеобщую подачу голосовъ; давнишняя практика свободныхъ учрежденій, вызывающая вкусъ и умѣнье жителей интересоваться общественными вопросами; общая грамотность и сравнительно высокій уровень развитія массъ; отсутствіе историческихъ традицій, воспѣваемое съ такимъ пафосомъ еще Гёте, который противоставлялъ старой Европѣ свободную Америку, «не имѣющую дворцовъ»,—все это, казалось, должно было бы обезпечивать возможность для націи осуществлять соціальный прогрессъ, берясь твердой рукою за рычагъ политической реформы. И, однако, нѣтъ, пожалуй, другого широко демократическаго государства, гдѣ политика могла бы заражать душу всякаго искренняго сторонника прогресса болѣе горькимъ скептицизмомъ. Поставьте хотя бы передъ своими глазами результаты вѣковой борьбы двухъ большихъ историческихъ партій, борьбы, которая позволяетъ удерживаться въ политической сферѣ преимущественно безсовѣстнымъ интриганамъ и профессіональнымъ

*) J. L. Garvin, „The King, the Government, andthe Crisis"; „The Fortnightly Review", 1911, январь, стр. 2—3 и 6.

демагогамъ; между тѣмъ какъ рядъ эфемерныхъ, всплывавшихъ одна за другой «третьихъ» партій поражаетъ фантастичностью и дѣтскостью своихъ программъ, захватывающихъ, однако, временно довольно широкіе слои населенія и дѣлающихъ изъ нихъ довѣрчивую жертву нелѣпыхъ рецептовъ политическихъ знахарей: биметаллистовъ, инфляціонистовъ (проповѣдниковъ возможно обширнаго выпуска бумажныхъ денегъ), абстенціонистовъ, спиритовъ, теософовъ, представителей всевозможныхъ сектъ и ученій,—только по большей части не того міровоззрѣнія (мы говоримъ о соціализмѣ), которое, дѣйствительно имѣетъ въ виду интересы массъ...

Какъ бы то ни было, искренніе американскіе патріоты и посторонніе проницательные наблюдатели вотъ уже сколько десятковъ лѣтъ очень скептически смотрятъ на политическую стряпню въ Соединенныхъ Штатахъ. Когда читаешь хотя бы у очень доброжелательно относящагося къ Америкѣ Брайса описаніе политическихъ организацій, носящихъ названіе «ринговъ», или «круговъ», размѣщающихся вокругъ центральной фигуры «босса», или вожака, который словно паукъ дергаетъ нитями хитрой механики, уловляя въ эту паутину избирателей и вообще сторонниковъ той или другой партіи, то вполнѣ начинаешь понимать игру естественнаго отбора на изнанку среди политическаго персонала Заатлантической республики, вслѣдствіе чего наиболѣе способные, энергичные и благородные люди брезгливо отстраняются отъ политики и предоставляютъ ея веденіе профессіональнымъ политиканамъ, переносящимъ въ сферу государственныхъ вопросовъ замашки финансовыхъ спекуляторовъ.

Было бы долго перечислять причины этого явленія. Но нѣкоторыя настолько бросаются въ глаза, что ихъ нельзя пройти молчаніемъ. Съ одной стороны, Сѣверо-Американскіе Штаты, въ силу самихъ условій мѣстной жизни, довольно долго сочетавшей первобытность физической среды съ необыкновенной развитостью среды соціальной въ ея капиталистической формѣ, поглощаютъ неимовѣрное количество силъ и энергіи населенія на производительныя, матеріальныя функціи въ узкомъ смыслѣ этого слова. Нигдѣ, кажется, въ мірѣ техническій прогрессъ не совершается съ такою головокружительною быстротою. И нигдѣ въ мірѣ переходъ отъ прежнихъ патріархальныхъ условій піонерской жизни къ самымъ сложнымъ формамъ грандіознаго капиталистическаго хозяйничанья не происходитъ такимъ ускореннымъ темпомъ. Въ лихорадочно живущей Заатлантической республикѣ открывается до сихъ поръ широкое поле возможностей добиться самыхъ исключительныхъ положеній для всякаго выдающагося по энергіи и предпріимчивости человѣка, если только онъ не хочетъ обременять себя въ этой скачкѣ съ препятствіями излишнимъ нравственнымъ багажемъ. До сихъ поръ такъ называемая интеллигенція страны проявляетъ себя гораздо больше въ геніальныхъ планахъ предпри-

нимателей и спекуляторовъ, чѣмъ въ творчествѣ артистовъ и въ идейной работѣ философовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по извѣстному закону соціальной инерціи, донынѣ масса американцевъ сохраняетъ иллюзію, будто не только единичнымъ личностямъ, но цѣлымъ группамъ, цѣлому трудящемуся люду, возможно пробираться въ верхніе этажи общественной пирамиды или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣтать себѣ независимое положеніе. Желѣзное давленіе уже сформировавшихся рамокъ высоко развитого капитализма донынѣ игнорируется среднимъ американцемъ изъ трудящихся элементовъ, который въ наивности своей души полагаетъ, что злоключенія, постигающія его самого и его ближнихъ, объясняются не фатальной и неизбѣжной игрой уже упомянутыхъ отношеній разнузданной конкурренціи, а хитростью отдѣльныхъ спекуляторовъ, недобросовѣстностью отдѣльныхъ политиковъ, несовершенствомъ отдѣльныхъ мѣропріятій, частными изъянами той или другой партійной программы. И вотъ онъ становится или рабомъ издавно существующихъ политическихъ организацій, или же жертвою уже упомянутыхъ «третьихъ» группировокъ, которыя пишутъ на своемъ знамени, въ видѣ цѣлебныхъ средствъ противъ политическихъ золъ, наивные или шарлатанскіе лозунги рѣшенія серьезныхъ вопросовъ.

Въ статьяхъ мыслящихъ англійскихъ публицистовъ, писавшихъ по поводу послѣднихъ выборовъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, вы встрѣтите сплошь и рядомъ мысль относительно того, что, кого бы колесо политической фортуны ни вознесло теперь на верхъ, ни республиканская, ни демократическая политика въ сущности не могутъ дать ничего новаго общественной жизни. Разгромъ республиканской партіи на выборахъ 8 ноября 1910 г. и появленіе въ первый разъ съ 1894 г. у кормила правленія демократовъ могутъ, конечно, объясняться нѣкоторыми вполнѣ реальными причинами, вродѣ недовольства населенія черезчуръ протекціонистской политикой республиканцевъ или поистинѣ безпримѣрнымъ хозяйничаньемъ этой партіи во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ страны, но не предвѣщаютъ серьезнаго измѣненія въ общемъ ходѣ политики.

Личный уронъ, который претерпѣлъ при этомъ Рузвельтъ, старавшійся пропагандировать реформы въ республиканской партіи, опираясь на симпатіи такъ называемыхъ «бунтовщиковъ» лѣваго крыла, отнюдь не имѣетъ того важнаго значенія, которое стараются приписать ему европейскіе политики, мудрящіе надъ общественной эволюціей Заатлантической республики. Рузвельтъ интересенъ, какъ личность, по своей энергіи, импульсивности, иниціативѣ. Но онъ отнюдь не представляетъ собою историческаго дѣятеля въ истинномъ значеніи этого слова. Въ одномъ изъ американскихъ журналовъ былъ недурно вскрытъ смыслъ его политики. Сѣверо-американская буржуазія, которая ведетъ въ общемъ тираннически свою линію, колеблется однако между двумя воззрѣніями на верховную

національную власть. Порою она сознаетъ себя достаточно сильною, чтобы и въ политической области считать возможной и цѣлесообразной ту тактику безграничной свободы, какую она проводитъ въ экономической жизни: это такъ называемая джефферсоновская традиція. Въ другіе моменты своего существованія или же въ лицѣ другихъ группъ, она полагаетъ наоборотъ, что именно строй, основанный на безграничной конкурренціи, требуетъ сильной центральной власти, которая могла бы при случаѣ возстановлять нарушенное тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ нормальное теченіе исполинской экономической дѣятельности: это такъ называемая гамильтоновская традиція. Рузвельтъ и является представителемъ этихъ послѣднихъ взглядовъ. Конечно, онъ до мозга костей буржуа, яростный защитникъ частной собственности и свободной конкурренціи со всею свитою бѣдъ и злоключеній, которыя вытекаютъ изъ нея. Но онъ стоитъ за необходимость обузданія нѣкоторыхъ особо рѣжущихъ глаза злоупотребленій капитализма вродѣ гигантскихъ трёстовъ и старается своею политикою напоминать милліардерамъ о томъ, что надъ борющимися партіями стоитъ нѣчто высшее, а именно принципъ абстрактной верховной власти, гордо утверждающей, что она ни съ чѣмъ не связана и ни на что не опирается, кромѣ сознанія общегосударственныхъ интересовъ. Личныя свойства Рузвельта, вродѣ его сильнаго властолюбія, его воли къ власти, Wille zur Macht, какъ сказалъ бы Ницше, лишь драматизируютъ и придаютъ индивидуальный характеръ его государственническому утопизму, который именно на почвѣ Заатлантической республики является порожденіемъ ума, мало считающагося съ желѣзной дѣйствительностью.

Утверждать, что при современныхъ условіяхъ и на почвѣ принципіальной защиты настоящаго экономическаго и соціальнаго порядка вещей можетъ высоко стоять надъ партіями какая-то отвлеченная, независимая государственная власть, значитъ не понимать основной пружины настоящаго режима, фатально держащагося особенно въ Америкѣ не только на употребленіи, но и на злоупотребленіи частной собственностью. Пусть читатель обратитъ вниманіе хотя бы на то обстоятельство, что при этихъ условіяхъ нигдѣ въ мірѣ законодательная дѣятельность не стѣснена столь сильно, и стѣснена на чисто легальной почвѣ, другимъ аппаратомъ государственной машины, какъ въ Заатлантической республикѣ. Этотъ аппаратъ—государственная юстиція. Дѣятельность федеральнаго суда и судовъ отдѣльныхъ штатовъ, которымъ принадлежитъ право «истолковывать конституцію», отметать, какъ незаконное, все то, что уже прошло черезъ законодательныя учрежденія страны, можетъ такимъ образомъ подъ предлогомъ нарушенія основныхъ законовъ сводить на нѣтъ всѣ тѣ реформы, какія могло бы провести прогрессивное общественное мнѣніе страны, но какія идутъ противъ интересовъ имущихъ классовъ. Сколько реформъ въ области соціаль-

наго законодательства, подоходнаго налога, права рабочихъ на стачку, ограниченія рабочаго дня, были безжалостно вычеркиваемы рѣшеніями американскихъ судовъ, якобы за ихъ противорѣчіе основнымъ принципамъ, вписаннымъ въ вѣковую конституцію формировавшихся штатовъ!

Съ другой стороны, въ Америкѣ соціальная борьба ведется въ формахъ откровеннаго цинизма, оставляющихъ за собою далеко все то, къ чему мы привыкли въ борьбѣ капитала съ трудомъ на почвѣ старой Европы. Потворство власти могуществу капитала, организація частной полиціи, провокація и цинизмъ подавленія, словомъ, соціальная вражда, не останавливающаяся на сторонѣ капиталистовъ ни передъ какими злоупотребленіями и находящая лишь нѣкоторый отпоръ въ громадной инстинктивной энергіи и солидарности корпоративныхъ рабочихъ группъ,—вотъ чѣмъ характеризуется хозяйственная жизнь Америки. И рабочій классъ, по конституціи способный играть исключительно важную роль въ направленіи общей политики страны, до сихъ поръ является жертвою обмана или традиціонныхъ партій, или тѣхъ соціальныхъ знахарей, которые въ разсчетѣ на его политическое невѣжество предлагаютъ ему различныя лекарства противъ соціальныхъ недуговъ, коренящихся въ конституціонной болѣзни капитализма.

Опять-таки и здѣсь было бы долго останавливаться на всѣхъ причинахъ, которыми опредѣляется такой уклонъ въ психологіи американскаго пролетаріата. Помимо уже указанной иллюзіи средняго американца, заставляющей его думать, что на почвѣ Заатлантической республики возможно завоеваніе самостоятельнаго положенія для цѣлыхъ широкихъ общественныхъ группъ и классовъ, помимо этой иллюзіи, разлитой, такъ сказать, уже въ самомъ воздухѣ страны, тутъ вѣроятно, играетъ еще роль вѣчный приливъ на почву Америки широкихъ волнъ рабочей эмиграціи изъ другихъ странъ, зачастую стоящихъ гораздо ниже по культурѣ и потому понижающихъ и общій уровень пониманія мѣстнаго рабочаго населенія. Правда, наиболѣе передовые элементы изъ нѣмцевъ или евреевъ, которые попадаютъ въ Амдрику, могутъ считаться, наоборотъ, очагами распространенія болѣе здравыхъ мыслей о соціальномъ вопросѣ. Но громадное большинство этихъ эмигрантовъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ низшимъ категоріямъ рабочей арміи и своимъ отсутствіемъ культуры, жалкимъ уровнемъ потребностей, малою степенью сопротивляемости давленію капиталистовъ, тянетъ къ низу требованія всего рабочаго класса.

Любопытенъ тотъ фактъ, что нѣкоторый ростъ американскаго соціализма на послѣднихъ выборахъ, давшихъ однако партіи труда всего 5% общаго числа голосовъ избирателей (около 650000 — 700000, по приблизительнымъ разсчетамъ соціалистическихъ организацій) замѣчается не въ восточныхъ Штатахъ Америки, обращенныхъ къ Европѣ, и вообще не въ самыхъ громадныхъ город-

скихъ центрахъ, переполняемыхъ эмигрантами, а въ центральныхъ и западныхъ Штатахъ и среди умѣренно большихъ городовъ этой части территоріи, гдѣ сравнительно великъ процентъ старыхъ туземныхъ американцевъ, успѣвшихъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій продвинуться на западъ и до нѣкоторой степени очистить почву для вновь приливающихъ волнъ иммиграціи въ восточныхъ Штатахъ *).

Здѣсь, въ этомъ смѣшеніи національностей на почвѣ Америки и лежитъ еще одна изъ причинъ, почему соціальный вопросъ до сихъ поръ не находитъ себѣ въ этой странѣ раціональнаго отвѣта. Существованіе въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ значительнаго количества негровъ, составляющихъ по крайней мѣрѣ 1/8 всего населенія; приливъ эмигрантовъ изъ странъ съ низшими потребностями (особенно китайцевъ, до запрещенія 1882 г.) вызываютъ въ умѣ туземныхъ американцевъ гибельное заблужденіе, что серьезные шаги по пути соціальнаго прогресса могутъ быть сдѣланы не при помощи сближенія различныхъ національностей и дружной работы ихъ, а наоборотъ—на почвѣ отгораживанія типичнаго американца отъ другихъ элементовъ и приниженнаго состоянія этихъ послѣднихъ. Держать, гдѣ возможно, въ черномъ тѣлѣ бѣдныхъ и малограмотныхъ эмигрантовъ; питать чувства враждебнаго отчужденія къ неграмъ; прибѣгать къ законамъ, стѣсняющимъ вполнѣ свободный притокъ рабочихъ силъ другихъ національностей, всѣ эти близорукіе пріемы рѣшенія соціальнаго вопроса отодвигаютъ общій напоръ трудящихся рабочихъ массъ Заатлантической республики на капиталистовъ и ихъ представителей въ правительствѣ и создаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ условія, благопріятныя для роста всевозможныхъ соціальныхъ шарлатановъ и мнимыхъ спасителей отечества.

Однако, и по отношенію къ Сѣверной Америкѣ было бы врядъ ли разумно держаться пессимистическаго взгляда, исключающаго надежду на скорый соціальный прогрессъ страны. По мѣрѣ того, какъ прежняя текучесть населенія уменьшается, по мѣрѣ того, какъ становятся болѣе рѣдкими случаи перехода съ низшихъ ступеней общественной лѣстницы на высшія, по мѣрѣ того, какъ нормальная игра капиталистической конкурренціи перестаетъ затемняться патріархальными условіями прежней піонерской, на половину свободной первобытной жизни, будетъ расти и сознаніе трудящихся массъ, а подъ давленіемъ ихъ идеаловъ и потребностей будутъ вырабатываться и болѣе раціональныя программы рѣшенія соціальнаго вопроса. Въ самой предпріимчивости американцевъ и оригинально сочетающейся съ нею способности слагаться въ крупныя организаціи, въ умѣніи дѣйствовать густыми батальонами, въ

*) Algernon Lee, Die sozialistischen Stimmen bei den Wahlen in der Vereinigten Staten»; «Die Neue Zeit», № отъ 16 декабря 1910.

высокой степени порабощенія матеріальныхъ производительныхъ силъ техническимъ геніемъ человѣка, наконецъ—въ умѣ и даровитости націи лежитъ залогъ быстраго хода Америки по пути общественнаго прогресса, какъ только ослабнутъ условія, придающія этой странѣ смѣшанный характеръ соціальнаго Януса, одно лицо котораго обращено въ сторону первобытной, почти дикой, жизни со всею ея независимостью и значеніемъ индивидуальныхъ свойствъ человѣка, а другое лицо—въ сторону самыхъ послѣднихъ усовершенствованій капиталистическаго строя, подавляющаго, наоборотъ, индивидуума всесильною тягою общественныхъ и экономическихъ формъ эксплуатаціи.

IV.

Національный вопросъ является серьезною помѣхою общему прогрессу и въ Австро-Венгріи. Ожесточенная борьба расъ въ двойственной имперіи подымаетъ на аренѣ политической жизни такую густую пыль предразсудковъ, что въ ней родственныя группы часто принимаютъ другъ друга за враговъ и, наоборотъ, враги успѣваютъ, по крайней мѣрѣ временно, складываться въ союзническіе отряды. Такъ, если почему-либо въ Цислейтанской части имперіи всеобщая подача голосовъ, введенная закономъ 26 января 1907 г., не дала благопріятныхъ результатовъ, то именно потому, что возможность болѣе рѣшительнаго прогресса въ соціальной и политической области на почвѣ всеобщаго избирательнаго права нейтрализуется безпрестаннымъ столкновеніемъ многочисленныхъ національностей, составляющихъ уродливое тѣло Австріи. Нѣтъ, кажется, ни одного вопроса, въ который бы не примѣшивался здѣсь элементъ шовинизма, мѣшающаго опознаться въ борьбѣ за существенные интересы истиннымъ друзьямъ и истиннымъ врагамъ. Пусть припомнятъ недавнее столкновеніе чеховъ съ нѣмцами въ нѣдрахъ соціалъ-демократической австрійской партіи, которая по самому характеру своей международной общечеловѣческой программы должна была бы способствовать ослабленію расового антагонизма среди своихъ членовъ. Этотъ печальный фактъ, обсуждавшійся на Копенгагенскомъ конгрессѣ и возникшій вслѣдствіе того, что чехи претендовали на образованіе самостоятельной организаціи даже внутри профессіональнаго движенія, пришелъ къ логическому концу. Выдѣленіе чеховъ изъ рядовъ кооперативной организаціи австрійскихъ рабочихъ окончательно завершилось. И трудно представить себѣ, какія причины могутъ на почвѣ Австріи, насыщенной атмосферой національной борьбы, въ скоромъ времени привести виновниковъ раскола къ лучшему пониманію общихъ интересовъ рабочаго класса.

Замѣтьте, мы говоримъ здѣсь о явленіи, которое обнаружилось

среди австрійскихъ соціалистовъ, т. е. партіи, дающей наименѣе волю расовымъ инстинктамъ вражды и отчужденія. Но что сказать относительно буржуазныхъ и вообще традиціонныхъ группъ внутри различныхъ національностей? Здѣсь борьба одной народности съ другою принимаетъ такія ожесточенныя формы, что получается нѣчто въ родѣ концентрическихъ круговъ расовой ненависти. Одна какая-нибудь національность, охваченная окружающимъ ее кольцомъ болѣе многочисленной или болѣе сильной національности, кажется, только затѣмъ, и отстаиваетъ себя отъ притязаній сильнѣйшаго врага, чтобы въ свою очередь давить всѣмъ вѣсомъ компактной непріязни на вкрапленные въ нее самое островки болѣе мелкихъ народностей. Посмотрите только на отношенія нѣмцевъ къ чехамъ, поляковъ къ русинамъ и евреямъ и т. п.

Такой же процессъ неумолкающей вражды-войны между расами и національностями замѣчается въ Транслейтанской части имперіи. Подобно тому, какъ въ Австріи возрождающееся, словно фениксъ изъ пепла, министерство Бинерта, держится благодаря вѣчной игрѣ центральной власти одной національностью противъ другой, такъ и въ Венгріи мнимо «примирительное» министерство Куэна-Хедервари почерпаетъ на самомъ-то дѣлѣ значительную долю своей устойчивости лишь изъ безпрестаннаго столкновенія народностей, столь помогающаго господству мадьяровъ, точнѣе выражаясь, господству крупныхъ землевладѣльцевъ феодальнаго или слегка модернизированнаго типа. Этой безпрестанной враждой различныхъ національностей, мадьяръ противъ нѣмцевъ, нѣмцевъ противъ славянъ, славянъ противъ румынъ и итальянцевъ и всѣхъ ихъ между собою, объясняется и то, почему до сихъ поръ правительству удается затормазить избирательную реформу, аналогичную австрійской, которая вотъ уже сколько времени настойчиво требуется значительною частью населенія. И здѣсь, какъ въ Австріи, соціальный и политическій прогрессъ чрезвычайно парализуется тою громадною тратою силъ, какою сопровождаются безпрестанныя тренія между національностями. А между тѣмъ, пока общая работа различныхъ національностей въ рамкахъ всеобщей подачи голосовъ не притупитъ хоть до нѣкоторой степени тѣ острыя грани, которыми соприкасаются между собою и больно ранятъ себя враждующія національности, пока самое утомленіе безплодностью результатовъ національной борьбы не научитъ каждую изъ борющихся сторонъ не увеличивать затрудненій, и безъ того возникающихъ изъ традиціонной обособленности расъ и народностей, до тѣхъ поръ трудно разсчитывать на быстроту прогресса въ Австро-Венгріи.

V.

Есть, впрочемъ, теперь страны, поступательное движеніе которыхъ должно тѣмъ болѣе радовать друзей цивилизаціи, что до послѣдняго времени онѣ почти выключали себя изъ участія въ широкой культурной жизни. Иберійскій полуостровъ представляетъ намъ картину, въ которой на общемъ фонѣ давнишняго застоя начинаютъ загораться свѣтлыя точки прогрессивнаго развитія какъ человѣческой мысли, такъ и политическихъ учрежденій. Въ Испаніи, послѣ кроваваго министерства Мауры, запятнавшаго себя убійствомъ свободомыслящаго Феррера, и послѣ министерства Морета, пытавшагося идти по невозможной равнодѣйствующей реакціи и прогресса, политическая жизнь нѣсколько освѣжилась съ образованіемъ кабинета Каналехаса, увы, тоже не чуждаго порою поползновеній къ излишней уступчивости, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ сближаться съ моретистами, но во всякомъ случаѣ считающагося съ требованіями современной свѣтской цивилизаціи. Горе Испаніи заключается до сихъ поръ въ томъ, что соціальный и политическій прогрессъ этой страны парализуется крайне низкимъ умственнымъ уровнемъ массъ, въ теченіе столькихъ вѣковъ эксплуатировавшихся союзомъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Нѣтъ спору, что нѣкоторыя части Испаніи, напр., промышленная Каталонія, уже вошли въ общее теченіе міровой культурной жизни, и какой-нибудь пролетарій Барселоны отнюдь не уступаетъ въ пониманіи задачъ современности нѣмецкому или французскому рабочему. Но эти передовыя мѣстности еще болѣе оттѣняютъ общую отсталость другихъ частей королевства, гдѣ простая грамотность—рѣдкое явленіе *), и предразсудки царятъ въ размѣрахъ, въ какихъ они почти уже не встрѣчаются болѣе въ другихъ странахъ Европы.

Вѣковой гнетъ духовенства; слабое участіе широкихъ массъ въ политической дѣятельности, двери которой закрыты для нихъ въ силу самой организаціи выборовъ, производящихся подъ постояннымъ давленіемъ центральнаго правительства и мѣстныхъ заправилъ, такъ называемыхъ касиковъ; правильное, заранѣе условленное между двумя крупными партіями колебаніе политическаго маятника, который переноситъ власть то къ консерваторамъ, то къ либераламъ, всѣ эти обстоятельства тормазили до сихъ поръ движеніе Испаніи по пути развитія личности и прогресса учрежденій. Но въ последніе годы, по всей вѣроятности, не безъ вліянія рѣзко анти-

*) Въ 1889 г., только 28,5% жителей имѣли читать и писать. Съ тѣхъ поръ число грамотныхъ увеличивается лишь очень медленно. Ср. J. Scott Keltie, „The Statesman's Year-Book for the year 1910“; Лондонъ, 1910, стр. 1221.

клерикальной политики Франціи, волны которой уже улегаются на почвѣ Третьей республики, но еще продолжаютъ докатываться до другихъ латинскихъ странъ, въ Испаніи прокидывается все болѣе и болѣе яркое прогрессивное теченіе, сказывающееся на ожесточенной борьбѣ свѣтскаго міровоззрѣнія съ теократическимъ. Именно жертвою сопротивленія темныхъ силъ вѣкового католицизма и палъ въ прошломъ году Ферреръ, виновный собственно лишь въ томъ, что въ теченіе не одного десятка лѣтъ распространялъ свѣтское образованіе, чуждое всякаго религіознаго элемента.

Роль современнаго министерства и заключается въ томъ, чтобы поддержать это свѣжее теченіе мысли въ наводненной клерикалами Испаніи, явиться его выразителемъ, создать такія политическія формы, которыя бы дали возможность развиваться и дальше росткамъ современной мысли. Пусть читатель подумаетъ только о томъ, что до сихъ поръ господствующей религіей государства является католицизмъ, и что другія вѣроисповѣданія только терпятся. Католическіе ордена, числомъ до 3.300, обладаютъ громадными имуществами въ бѣдной странѣ, которая обязана, сверхъ того, платить болѣе 40 милліоновъ песетъ ежегодно на содержаніе церквей и клира. Черная армія чувствуетъ себя до сихъ поръ стоящей во главѣ угла королевства и говоритъ со свѣтскими властями голосомъ побѣдительницы. Теряя съ каждымъ днемъ вліяніе среди широкихъ слоевъ населенія, подвергающихся пропагандѣ передовыхъ политическихъ партій, испанскій клерикализмъ находитъ зато въ послѣдніе годы сильную поддержку со стороны двора и прежде всего вдовствующей королевы, равно какъ со стороны знати, крупной буржуазіи и военной аристократіи, не желающихъ выпускать изъ рукъ этого могущественнаго рычага воздѣйствія на душу населенія. Передъ министерствомъ Каналехаса стоитъ, такимъ образомъ, задача провести дѣйствительную равноправность и, стало быть, свободу вѣроисповѣданій, секуляризировать громадныя церковныя имущества, поставить въ зависимость отъ разрѣшенія правительства существованіе богатыхъ орденовъ, организовать свѣтскую школу, которая до сихъ поръ въ лучшемъ случаѣ существуетъ только на бумагѣ. Найдется ли достаточно энергіи у Каналехаса для исполненія лежащей на немъ исторической миссіи.

Измѣненія, происшедшія въ началѣ года въ составѣ министерства, были встрѣчены разочарованіемъ и скептицизмомъ наиболѣе послѣдовательныхъ приверженцевъ прогрессивной демократіи Испаніи. Приглашеніе въ кабинетъ Алонзо Кастрильо, новаго министра внутреннихъ дѣлъ, разсматривается, какъ чисто личный актъ премьера, который въ Кастрильо пріобрѣтаетъ преданнаго друга, но не дѣятельнаго реформатора на отвѣтственномъ посту. Сальвадоръ, становящійся министромъ народнаго просвѣщенія, тоже представляетъ собою не столько находку для кабинета,

сколько человѣка партіи Сагасты. Наконецъ, назначеніе министромъ Гассета, выражающаго интересы вліятельнаго газетнаго трёста умѣренно-либеральнаго направленія, «Heraldo», «Imparcial» и «Liberal», имѣющаго при томъ связи съ Моретомъ, завершаетъ характеръ происшедшей перетасовки и заставляетъ истинныхъ друзей прогресса опасаться, чтобы и безъ того въ розовое вино умѣреннаго радикализма Каналехаса не было подлито черезчуръ много безцвѣтной воды традиціоннаго либерализма, который въ Испаніи до сихъ поръ ничего не умѣлъ дѣлать лучшаго, какъ пускать въ ходъ практику такъ называемыхъ «коловратныхъ партій» (partidos turnantes), соотвѣтствующую португальской системѣ «ротативизма» (rotativismo), т. е. условнаго соглашенія съ консерваторами по очереди кормиться на счетъ народа.

Во всякомъ случаѣ, пока въ заслугу реформаціоннаго кабинета Каналехаса нужно поставить выработку и проведеніе закона объ ассоціаціяхъ, который долженъ быть окончательно разсмотрѣнъ и вотированъ въ своихъ подробностяхъ при открытіи кортесовъ 2 марта этого года. Представляя собою нѣсколько ослабленное подражаніе французскому закону 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ, проведенному въ министерство Вальдэка-Руссо, законодательная мѣра, вырабатываемая прогрессивнымъ правительствомъ Испаніи, подобно французской, обнимаетъ своими опредѣленіями союзы всякаго рода, въ томъ числѣ и рабочія ассоціаціи. Но главной задачей своею она имѣетъ положить предѣлъ распространенію безчисленныхъ, какъ мы видѣли, религіозныхъ орденовъ, обладающихъ крупными капиталами и громадной недвижимостью. Это такъ называемый параграфъ «замка» или «засова» (candado), направленнаго противъ дальнѣйшихъ стяжательныхъ дѣйствій «мертвой руки» (католическихъ корпорацій), что и объясняетъ этотъ странный на первый взглядъ терминъ.

Можно предположить, кромѣ того, что непримиримая позиція, въ которую становится теперь повсюду Ватиканъ, управляемый іезуитами, вліяющими на фанатизмъ Пія X, рано или поздно должна вызвать рѣшительный разрывъ дипломатическихъ сношеній между папскимъ престоломъ и старой католической страной и, въ концѣ концовъ, поведетъ за собою и въ Испаніи отдѣленіе церкви отъ государства. Съ другой стороны, министерство народнаго просвѣщенія занято въ настоящее время выработкой новаго законопроекта, касающагося народнаго образованія и имѣющаго задачею поставить просвѣщеніе на уровень демократическихъ требованій, вытекающихъ изъ роста свѣтской мысли.

Въ сосѣдней съ испанскимъ королевствомъ Португаліи замѣчается подобное же стремленіе въ сторону политическаго и идейнаго прогресса, стремленіе, выразившееся осенью прошлаго года даже въ такомъ рѣзко революціонномъ фактѣ, какъ изгнаніе изъ Португаліи Браганцской династіи и установленіе республики

(15 октября 1910 г.). Не предрѣшая вопроса объ окончательномъ упроченіи здѣсь новаго режима, можно, однако, пока констатировать, что приверженцы стараго порядка вещей обнаруживаютъ большую слабость и разрозненность. Сенсаціонныя новости о поворотѣ общественнаго мнѣнія въ сторону короля и о всяческаго рода финансовыхъ и политическихъ затрудненіяхъ, выростающихъ передъ временнымъ правительствомъ, въ значительной степени должны быть отнесены къ измышленіямъ монархистовъ, опирающихся на заинтересованные круги въ другихъ европейскихъ государствахъ и старающихся распространять ложныя извѣстія о положеніи страны.

Въ данный моментъ республиканское правительство занято тѣмъ, чтобы провести рядъ реформъ, разрывающихъ связь Португаліи съ вѣковымъ господствомъ клерикализма *). Вырабатывается программа новой народной школы, которая, по словамъ министровъ, установившихъ привычку бесѣдовать еженедѣльно съ представителями прессы о политическихъ дѣлахъ, является раціональнымъ сводомъ принциповъ, лежащихъ въ основаніи устройства народнаго образованія въ наиболѣе передовыхъ странахъ Европы и лишь приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ. Продолжаются мѣры, клонящіяся къ отдѣленію церкви отъ государства. Вводится законъ о разводѣ. Всѣ акты гражданской жизни переходятъ изъ рукъ духовенства въ руки свѣтскихъ властей. Подготовляется обширная система передачи церковныхъ имуществъ изгнанныхъ католическихъ орденовъ въ руки націи. Государство берется оплачивать лишь приходскихъ священниковъ, и притомъ пока живы лица, занимающія эти мѣста еще со времени стараго режима. Новые священники должны содержаться на счетъ общинъ.

Тѣневой стороной реформаціонной дѣятельности временнаго правительства является недостаточность соціальнаго законодательства, почти полное отсутствіе мѣръ экономическаго и фискальнаго характера, которыя могли бы сразу прійтись по вкусу широкимъ массамъ и упрочить среди нихъ симпатіи къ новому порядку вещей. Къ этой категоріи могутъ быть отнесены лишь декреты, касающіеся уменьшенія заставныхъ пошлинъ на предметы необходимости, отмѣны рыболовной монополіи и ослабленія гнета собственниковъ недвижимостей на арендаторовъ и съемщиковъ,—главнымъ образомъ въ городахъ. Хорошо уже то, что попытки возстановить цензуру, якобы для предупрежденія распространенія ложныхъ новостей монархистами, равно какъ возвращеніе къ королевскимъ традиціямъ

*) Интересно утвержденіе одного англійскаго писателя, повидимому знакомившагося на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ на Иберійскомъ полуостровѣ, что антиклерикальная политика гораздо легче осуществима въ Португаліи, чѣмъ въ Испаніи: „церковь жива въ Испаніи и уже почти умерла въ Португаліи",—читаемъ мы въ статьѣ: William Archer, «The Portuguese Republic»; «The Fortnightly Review», 1911, февраль, стр. 247.

подавленія рабочаго движенія путемъ репрессивныхъ мѣръ, вызванныхъ будто бы опрометчивымъ примѣненіемъ всеобщей стачки въ желѣзнодорожныхъ, газовыхъ и тому подобныхъ объединенныхъ предпріятіяхъ страны, теперь оставлены правительствомъ. И въ настоящее время рабочія массы Португаліи сами стараются не создавать особенно крупныхъ затрудненій новому правительству, какъ бы ни увѣряли Европу органы международной консервативной буржуазіи въ политической незрѣлости португальскаго народа.

Можно считать серьезнымъ промахомъ людей, стоящихъ нынѣ у власти въ Португаліи, ихъ стремленіе сохранить при реформѣ избирательнаго права требованіе грамотности, какъ необходимаго условія участія въ выборахъ. Ставить грамотность гранью между «легальной страной» и отстраняемымъ отъ урнъ населеніемъ было бы очень рискованной политикой вездѣ, а въ особенности въ странѣ, гдѣ образованіе народа стоитъ еще на столь низкомъ уровнѣ. Забывая знаменитое изреченіе Лассаля: «всеобщая подача голосовъ — это копье Ахилла, которое исцѣляетъ тѣ самыя раны, что нанесло», республиканское правительство Португаліи продолжаетъ выбрасывать такимъ образомъ за бортъ активной политической жизни широкія массы. Между тѣмъ эти послѣднія, даже и будучи неграмотными, способны прекрасно ощущать свои основныя потребности и потому могли бы дѣятельно поддерживать удовлетворяющее имъ реформаціонное правительство, хотя бы и не обладали школьнымъ дипломомъ. Чѣмъ скорѣе обширные слои населенія на почвѣ страны, только что подвергшейся великому политическому потрясенію, пріобщатся къ политической жизни, тѣмъ быстрѣе пойдетъ ростъ ихъ сознанія, и тѣмъ труднѣе станетъ восторжествовать реакціи, ищущей случая воспользоваться ошибками новаго правительства, которое именно теперь должно было бы идти твердыми и смѣлыми шагами по пути одновременнаго проведенія культурныхъ и соціальныхъ реформъ.

VI.

Но, можетъ быть, всего ярче сказалось общее поступательное движеніе человѣчества на ближнемъ и дальнемъ Востокѣ, гдѣ до сихъ поръ царили безраздѣльно, какъ казалось и не совсѣмъ поверхностнымъ наблюдателямъ, вѣковыя традиціи деспотизма власти и безучастной пассивности массъ. Русско-японская война, которая изъ международной сферы перенесла свои слѣдствія во внутреннюю политику прежде всего въ Россіи, очевидно продолжала оказывать свое воздѣйствіе на страны, стоявшія раньше внѣ круговорота живыхъ культурныхъ силъ. Въ самомъ началѣ 1906 г., когда въ Россійской имперіи еще широко катились валы великаго освободительнаго движенія, и правительство Персіи принуждено было возвѣстить населенію, волновавшемуся въ теченіе цѣлаго года тре-

бованіями свободы, о своемъ твердомъ намѣреніи удовлетворить этому національному желанію. И въ октябрѣ того же года уже былъ собранъ второпяхъ первый меджилисъ. Лѣтомъ 1908 г. побѣдоносная революція возстановила въ Турціи на развалинахъ деспотизма Абдулъ-Гамида ноябрьскую конституцію 1876 г. А на отдаленномъ Востокѣ, въ сентябрѣ 1906 г., правительство Срединной имперіи, казалось бы олицетворявшей собою вѣковую неподвижность, объявило, что намѣрено дать странѣ конституціонныя учрежденія, какъ только найдетъ народъ достаточно созрѣвшимъ для нихъ. Наконецъ, въ Индіи, въ Египтѣ пробуждались національныя тенденціи среди угнетаемыхъ бѣлой расой народностей, которыя выставляли требованія самостоятельности и политической свободы.

Разумѣется, это поступательное движеніе въ странахъ дальняго и ближняго Востока натыкается на значительныя препятствія, поставляемыя комбинаціей международныхъ и внутреннихъ условій. И намъ приходится отмѣтить нѣкоторые изъ тормозовъ, останавливающихъ быстрое развитіе политической жизни въ этихъ странахъ, которыя начинаютъ пріобщаться къ міровому культурному прогрессу послѣ долгой спячки. Всѣмъ извѣстна, напр., печальная судьба перваго меджилиса, разгромленнаго вѣроломнымъ шахомъ и его реакціонными приспѣшниками. Теперь вмѣшательство Россіи и Англіи, защищавшихъ свои торговые интересы въ раздираемой гражданскою войною странѣ, помогло конституціоналистамъ положить предѣлъ дальнѣйшей тиранніи шаха, но вмѣстѣ съ тѣмъ создало прецедентъ воздѣйствія иностранцевъ на внутреннее развитіе Персіи, которая въ лицѣ своихъ лучшихъ элементовъ съ недовѣріемъ и страхомъ смотритъ на господство чужеземцевъ въ родной землѣ. Между тѣмъ, въ старомъ Иранѣ есть на лицо и внутреннія условія, унаслѣдованныя отъ прежней исторіи, которыя дѣлаютъ особенно тяжелымъ переходъ къ новымъ формамъ жизни. Въ странѣ, гдѣ почти отсутствуютъ и промышленность и торговля, гдѣ финансовое хозяйство основано на владычествѣ откупщиковъ доходовъ, грабящихъ населеніе, гдѣ феодальный и чиновный строй образуютъ могучій гидравлическій прессъ для выжиманія всѣхъ живыхъ соковъ изъ населенія, въ этой странѣ прогрессъ необходимо долженъ встрѣчать до поры до времени серьезныя препятствія.

Обратите вниманіе на громадную пропорцію въ населеніи полудикихъ кочующихъ племенъ, которыя, живя грабежемъ и набѣгами, не въ состояніи примѣниться къ современнымъ политическимъ учрежденіямъ, требующимъ мирнаго и правильнаго развитія. Обратите, съ другой стороны, вниманіе даже на такое, казалось бы, прогрессивное явленіе, какъ группы тѣхъ, если можно такъ выразиться, профессіональныхъ революціонеровъ современной Персіи, которые подъ именемъ фидаевъ (или, какъ произносятъ чаще персіяне, федаевъ) выступаютъ въ исторіи послѣднихъ лѣтъ

наиболѣе энергичными и отчаянными элементами народныхъ возстаній. Не надо упускать изъ виду, что если значительная часть этихъ федаевъ, вербующаяся изъ бездомнаго и голоднаго пролетаріата городовъ, наводненныхъ продуктами иностранной капиталистической промышленности и потому кишащихъ выброшенными на мостовую рабочими старинныхъ ремесленныхъ заведеній, принимала самое дѣятельное участіе въ возстаніи противъ приверженженцевъ стараго строя и въ разгромѣ ихъ реакціонныхъ попытокъ, то съ другой стороны, когда сталъ складываться новый порядокъ вещей, и страна начала входить въ норму, нерѣдко отряды тѣхъ же самыхъ федаевъ, гонимыхъ голодомъ, бросались, словно волки, на разживу, гдѣ представлялась къ тому возможность, не разбирая, кто былъ за революцію, и кто противъ. Уже довольно двухъ такихъ безпокойныхъ элементовъ соціальнаго строя,—одного чисто реакціоннаго, другого—бунтовского и могущаго стать при лучшихъ условіяхъ сознательной революціонной силой,—какъ номады и голодный пролетаріатъ, не находящій себѣ приложенія силъ въ обездоленной и только что начинающей оправляться Персіи, для того, чтобы придать значительную неустойчивость новому порядку вещей...

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ революція, совершенная свѣтской, а особенно военной интеллигенціей въ Турціи, прославлялась прогрессистами Европы и Америки, какъ образецъ чрезвычайно ловко произведеннаго переворота. Неоднократно среди этого хора голосовъ, восхищавшихся революціонной дѣятельностью младотурокъ, прорывались даже ноты сожалѣнія по отношенію къ другимъ, казалось бы, болѣе культурнымъ государствамъ, гдѣ, однако, молъ, революціи не доводились до конца и подавлялись силами реакціи въ самомъ зародышѣ. Но у Оттоманской революціи тоже есть своя оборотная сторона. И эта сторона заключается въ томъ, что побѣдоносная инсуррекція была дѣломъ партіи, пропитанной сильными націоналистическими и узко либеральными тенденціями и пренебрежительно смотрѣвшей какъ на низшіе слои населенія, проявляющіе еще слабую иниціативу вслѣдствіе недостаточнаго обостренія соціальнаго вопроса, такъ и на другія народности, составляющія причудливый конгломератъ, именуемый Оттоманской имперіей.

Эти отрицательныя стороны сказываются теперь очень рельефно. Малая производительность законодательной работы турецкаго парламента объясняется прежде всего тѣмъ, что господствующая, но сравнительно съ совокупностью всѣхъ прочихъ малочисленная турецкая раса черезчуръ заражена принципами оттоманскаго государственнаго централизма и не считается въ достаточной степени съ насущными потребностями и стремленіями другихъ, отнюдь не менѣе ея культурныхъ народностей. На этой почвѣ выростаютъ столкновенія и съ болгарами, и съ албанцами, и съ греками и т. п.

Съ другой стороны, желаніе проводить во что бы то ни стало государственническіе взгляды, игнорирующіе потребности широкихъ слоевъ населенія, вызываетъ къ жизни драконовскіе законы, направленные, напр., противъ организаціи рабочихъ элементовъ, которые начинаютъ неизбѣжно шевелиться въ рамкахъ болѣе свободнаго конституціоннаго государства, уже прибѣгаютъ къ обычному оружію стачекъ и находятъ своими выразителями соціалистическія группы, сростающіяся постепенно въ партію труда *). Когда читаешь въ корреспонденціяхъ изъ Турціи извѣстія о жестокомъ подавленіи въ послѣднее время свободы прессы, наказываемой въ лицѣ демократическихъ писателей, ссылаемыхъ въ неизвѣстныя страны по приговору тайно судящихъ военныхъ трибуналовъ, или о чрезвычайно тяжелыхъ наказаніяхъ, постигающихъ, по капризу военной юстиціи, цѣлыя группы населенія въ Македоніи и Албаніи, или, наконецъ, о свирѣпыхъ карахъ, которыми оттоманское правительство обрушивается на организующихся рабочихъ, то начинаешь понимать, что молодая Турція вступаетъ въ эру серьезныхъ политическихъ затрудненій. И не послѣдній министерскій кризисъ, не замѣна министра внутреннихъ дѣлъ, Талаата, Халиломъ-Беемъ, еще болѣе типичнымъ представителемъ централистовъ-государственниковъ молодой Турціи, можетъ устранить препятствія съ дороги общаго прогресса.

Довольно благопріятно для развитія страны складываются обстоятельства въ Китаѣ. Условія преобразованія политической жизни въ Срединной имперіи настолько любопытны и своеобразны, что мы въ скоромъ времени должны будемъ возвратиться къ подробной характеристикѣ настоящаго положенія вещей въ этой странѣ. Читатель увидитъ тогда, какія различныя, порою очень прогрессивныя теченія сливаются на почвѣ Китая въ общій поступательный потокъ, подмывающій старинныя твердыни многовѣковой деспотіи и бросающій громадную 400-милліонную массу человѣческихъ существъ въ водоворотъ культурной жизни. Преобразованіе Китая является равнодѣйствующею не однихъ умѣренно прогрессивныхъ и либеральныхъ, но и крайнихъ направленій, которыя близко подходятъ къ тому, что называется у насъ соціализмомъ, и даже устами нѣкоторыхъ изъ своихъ выдающихся представителей выражаютъ твердую увѣренность въ томъ, что

---

*) Въ № отъ 4 февраля 1911 „Il Secolo" помѣщена довольно любопытная корреспонденція нѣкоего Тедески о „Симптомахъ оттоманскаго рабочаго движенія", которое вступаетъ теперь въ періодъ „объединенія пролетарскихъ организацій", нашедшаго выраженіе въ январьской Салоникской конференціи и подготовляющемся обще-турецкомъ соціалистическомъ конгрессѣ. Соціалисты Турціи называютъ себя интернаціоналистами и, признавая автономію своихъ различныхъ національныхъ секцій, считаютъ необходимымъ сохраненіе общаго федеральнаго турецкаго государства. Они представлены пока въ парламентѣ единственной крупной силой, Вякдофомъ-Эффенди.

рѣшеніе соціальнаго вопроса въ Китаѣ двинетъ значительно впередъ дѣло соціализма во всемъ мірѣ *). Можно, конечно, улыбаться надъ благородною патріотическою самоувѣренностью крайнихъ китайскихъ реформаторовъ, не отличающихся, впрочемъ, въ этомъ отношеніи отъ прогрессивныхъ борцовъ всего міра. Но, во всякомъ случаѣ, изъ этого мы можемъ заключить, что и въ отдаленномъ Китаѣ, которымъ реакціонные политиканы пугаютъ насъ, какъ носителемъ желтой опасности, уже существуютъ элементы развитія, родственные знакомой намъ цивилизаціи. И какими ребяческими пугалами должны казаться сторонникамъ общечеловѣческаго прогресса расписываемыя нашими шовинистами картины ужаснаго нашествія желтыхъ варваровъ, которые будто бы наводнятъ своими полчищами и сокрушатъ старый культурный міръ. Но не будемъ заходить такъ далеко впередъ! Пока важно отмѣтить тотъ фактъ, что предварительный парламентъ, превращающійся силою вещей въ Національное Собраніе, уже заставилъ правительство Срединной имперіи передвинуть срокъ созыва представителей народа съ 1917 на 1913 г., а, вѣроятно, заставитъ и еще приблизить этотъ моментъ наступленія гражданской и политической зрѣлости Китая.

Въ гораздо менѣе розовыхъ краскахъ рисуется намъ положеніе современной Японіи, по словамъ самихъ же представителей передовыхъ элементовъ этой страны. У насъ слишкомъ привыкли поклоняться внѣшнему успѣху и распространяютъ мнѣніе о могуществѣ Японской имперіи въ военной сферѣ на всѣ стороны жизни этого во многихъ отношеніяхъ любопытнаго государства. Послушать иныхъ европейскихъ реакціонеровъ, людямъ старыхъ культурныхъ странъ надо бы отправляться въ «Имперію Восходящаго Солнца» учиться патріотизму и самопожертвованію, съ какимъ и отдѣльныя личности, и цѣлыя сословія предаются закланію своихъ интересовъ на алтарѣ отечества. Увы! дѣйствительность, по отзывамъ самихъ же японцевъ, далеко не представляетъ такой идилліи. Союзъ двухъ крупнѣйшихъ политическихъ партій,— правительственной, «Кауріото», и либеральной, «Сейюкай», т. е. феодаловъ и вылупляющихся капиталистовъ,—подъ верховнымъ руководствомъ такъ называемаго «генро», закулиснаго правительства, состоящаго изъ старыхъ государственныхъ дѣятелей, испытанныхъ въ политическихъ интригахъ, создалъ въ Японіи, особенно послѣ войны, такую тяжелую атмосферу народнаго безправія, политической продажности и свирѣпаго подавленія массъ въ ихъ профессіональныхъ и идейныхъ организаціяхъ, о какой не

*) „Когда мы разреволюціонизируемъ Китай,—заявляетъ соціалистъ Суэнъ-И-Сіэнъ,—то не только начнется новая эра для нашего прекраснаго отечества, но и весь человѣческій родъ будетъ одушевленъ болѣе блестящей надеждой“, и т. д. См. Albert Maybon, „La politique chinoise. Etude sur les doctrines des partis en Chine 1898—1908; Парижъ, 1908, стр. 180.

можетъ имѣть и представленія читатель европейскихъ газетъ, пробавляющійся сенсаціонными новостями *). Сфабрикованный усиліями провокаторовъ недавній процессъ противъ мнимыхъ заговорщиковъ, якобы покушавшихся на жизнь «божественнаго» микадо, захватившій въ свои сѣти 25 человѣкъ, происходившій при закрытыхъ дверяхъ и достойно завершившійся казнью половины подсудимыхъ, въ томъ числѣ женщины, является лишь логическимъ выводомъ того невыносимаго полицейскаго гнета, подъ которымъ стонутъ въ Японіи не только анархисты, но и соціалисты, желающіе мирно дѣйствовать на пользу рабочихъ массъ. И, однако, тѣ самые передовые дѣятели Японіи, у которыхъ мы беремъ эти печальныя новости, выражаютъ непоколебимую вѣру въ близкое торжество народныхъ и трудовыхъ идеаловъ даже въ ихъ нынѣ столь милитаризированной родинѣ.

Итакъ, повсюду кипитъ жизнь. Повсюду человѣчество тяготѣетъ къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ, которые стучатъ въ дверь всего культурнаго міра, простирающагося нынѣ на самыя отдаленныя и, казалось бы, находящіяся внѣ общаго развитія человѣчества страны. Конечно, намъ нечего быть сторонниками сплошного оптимизма, который упорно закрываетъ глаза на самыя реальныя несчастія, на страданія массъ, на попраніе человѣческаго достоинства, на торжество угнетателей и эксплуататоровъ, и находитъ, что все окружающее «добро зѣло». Но близоруко было бы отрицать и то, что человѣчество неудержимо стремится впередъ, къ лучшимъ формамъ существованія; и что даже тѣ тяжелыя препятствія, которыя реакція воздвигаетъ народамъ на пути прогресса, являются доказательствомъ общаго движенія въ сторону свободы и справедливости, столь ненавидимыхъ силами мрака и насилія. Мы не можемъ предвидѣть, въ какія формы выльется борьба людей за лучшее будущее въ той или другой странѣ. Есть серьезныя основанія предполагать, что нѣкоторые организмы могутъ вступить на путь правильнаго развитія лишь послѣ самыхъ радикальныхъ операцій. Но отсюда нельзя заключать, будто потеряно дѣло людей, воодушевленныхъ глубокою вѣрою въ человѣчество и отдающихъ всѣ свои силы на то, чтобы осуществилось, наконецъ, новое общество, основанное на коллективной работѣ и коллективномъ счастіи трудящихся.

Н. С. Русановъ.

---

*) J. S. Katayama, „Die politischen Zustände Japans"; „Die Neue Zeit" № отъ 28 октября 1910, стр. 107—111.

Хроника внутренней жизни.

1.—Разочарованіе въ мужикѣ. Методы патріотической пропаганды и ея плоды. — 2. Крестьянство — «врагъ внутренній». Слабость опоры и проекты укрѣпленія ея. Земля опорѣ.—3. Воля опорѣ. Успѣхи вотчинной идеи въ земствѣ.—4. Новый этапъ въ исторіи земскихъ начальниковъ. Успѣхи вотчинной идеи въ сословныхъ отношеніяхъ деревни. Крестьянско-дворянскій вопросъ наизнанку. — 5. Итоги академическихъ волненій.— 6. Кончина М. М. Стасюлевича.

I.

«Хозяева» подходятъ къ тому, чтобъ взять, наконецъ, быка за рога: поставить на очередь проклятый крестьянско-дворянскій вопросъ,—поставить по своему, задомъ напередъ, лицомъ наизнанку, но откровенно, во весь ростъ. Разныя есть для этого причины. Вопервыхъ, шило само лѣзетъ остріемъ изъ мѣшка. Въ Думѣ заговорили о пьянствѣ, «мужики», даже правые, напоминаютъ: «а земля»? Въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждается законопроектъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ. И даже не мужики, а гр. Витте и кн. Мещерскій критикуютъ проектъ съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ, нарушаемыхъ правительственнымъ законопроектомъ въ пользу «русскихъ» и польскихъ землевладѣльцевъ. И на столько, между прочимъ, это наболѣвшее мѣсто, что упоминаніе о немъ графомъ Витте придало дебатамъ въ Государственномъ Совѣтѣ исключительную страстность и привлекло къ нимъ большое вниманіе со стороны широкихъ общественныхъ круговъ. Во-вторыхъ, «побѣдители 3 іюня» дошли до такого градуса, что имъ теперь море по колѣно. Они твердо увѣровали во всемогущество бронированнаго кулака. И, видимо, полагаютъ, что подъ охраною этого идола все можно. Даже «Россія», связанная своимъ оффиціознымъ положеніемъ и разсылаемая по волостямъ, не стѣсняется утверждать, что «соціальная реформа» 19 февраля 1861 г. въ сущности— ошибка,—«все приходится начинать сызнова». Безотвѣтственные рядовые правительственнаго большинства окончательно впали въ куражъ и азартъ,—какъ оно, впрочемъ, и подобаетъ людямъ, твердо вѣрящимъ во всемогущество своихъ боговъ. Съ чрезвычайнымъ куражемъ прошелъ, между прочимъ, сезонъ очередныхъ губернскихъ, земскихъ и дворянскихъ собраній. Балы «на всю губернію» гремѣли такіе, какихъ давно не видывано. Да и рѣчи шли, какихъ давно не слыхивали; къ рѣчамъ мы подойдемъ вплотную ниже. Въ-третьихъ,—и это, пожалуй, самое главное—надо же когда нибудь... Надо не только потому, что къ постановкѣ проклятаго вопроса задомъ напередъ клонятся естественныя соціальныя сим-

патіи «хозяевъ» и власти. Для послѣдней назрѣваетъ и объективная необходимость.

Начать хотя бы съ того, что въ крестьянской стихіи наблюдаются крайне неожиданныя явленія. Долгое время она отличалась,—по крайней мѣрѣ, въ оффиціальныхъ представленіяхъ о ней,—смиреніемъ, терпѣніемъ, беззавѣтною преданностью властямъ предержащимъ,—вообще, всѣми качествами, которыя предполагаетъ оффиціальное понятіе: «народность». А теперь въ мужикѣ «народности» то и не оказывается. Исчезла ли она, или ея просто не было, а мужикъ лишь обманывалъ начальство, стараясь показать, будто она у него есть, объ этомъ теперь судить и трудно, и поздно. Но отсутствіе «народности» сказывается на каждомъ шагу,—въ большихъ достопримѣчательныхъ явленіяхъ и въ тысячахъ повседневныхъ мелочей.

Мелочи, разумѣется, неисчислимы. Но вотъ одна изъ нихъ,—пожалуй, не очень яркая, но для примѣра и она годится. Аткарскій уѣздъ—Саратовской губ.; село Большія Рельны. Приблизительно въ 1896 г. крестьяне купили у помѣщика 6000 десятинъ земли при помощи крестьянскаго банка. «Каждый годъ они аккуратно вносили въ банкъ проценты и погашали долгъ». Межъ тѣмъ подошли неурожаи 1905—1906 гг. Разоренные крестьяне возбудили ходатайство передъ банкомъ объ отсрочкѣ платежей. Банкъ отказалъ и отобралъ землю вмѣстѣ съ произведенными на ней крестьянскими посѣвами. Этимъ моментомъ, когда село оказалось разореннымъ буквально до тла, и рѣшили воспользоваться саратовскіе союзники. Ихъ пропагандисты явились въ село и стали убѣждать, «что если крестьяне запишутся въ члены союза, то земля будетъ имъ возвращена». Утопающій, говорятъ, хватается за соломинку. Выхода большерельнинцамъ не было: либо иди съ семьей по міру, либо «запишись» въ союзъ,—«запишись» хотя бы чисто формально, не раздѣляя въ душѣ союзнической программы. И, тѣмъ не менѣе, въ союзъ согласились записаться «только нѣсколько стариковъ»*). Конечно, строптивцевъ примѣрно наказали,—земля окончательно отобрана, ее торопливо разбили на хуторскіе участки. Но каково упорство: по міру пойдемъ, съ голоду умремъ, а вступить въ организацію, учрежденную для поддержанія власти, для борьбы съ ея внутренними врагами, несогласны!

Конечно, это частный случай. Села разныя бываютъ: однихъ страхомъ голодной смерти къ поддержкѣ начальства не склонишь, другія приговорами присоединились къ истинно-русскому союзу. Возьмите другое уже болѣе общее явленіе на той же почвѣ. Стараніями нѣсколькихъ архіереевъ, минскаго Шмида и другихъ «патріотовъ» была проведена мысль объ учрежденіи въ сѣверо-западномъ краѣ «безпартійнаго» религіозно-профессіональнаго

*) „Саратовскій Вѣстникъ", 1908 г. № 208.

союза «братчиковъ». По мысли учредителей, эта организація должна была явиться своеобразнымъ подражаніемъ «христіанскимъ соціалистамъ» западной Европы. Одинъ изъ главныхъ пунктовъ «братской» программы—дополнительное надѣленіе православнаго крестьянскаго населенія землей. Сверхъ земли, «братчики» ставятъ своей цѣлью: открытіе кредитныхъ товариществъ, ссудо-приходскихъ кассъ, сельско-хозяйственныхъ кружковъ, учрежденіе школъ, библіотекъ, читаленъ, стремленіе сосредоточить въ рукахъ православнаго населенія торговлю, промышленность, всѣ мѣстныя операціи по казеннымъ, монастырскимъ и церковнымъ подрядамъ и поставкамъ... И все это, конечно, на фонѣ заботъ о поддержаніи православія, благолѣпія церквей и т. д. Примѣсь демагогіи несомнѣнна. Но по внѣшности дѣлу былъ приданъ серьезный видъ. Между прочимъ, на виленскомъ съѣздѣ «братчиковъ» начальство не только позволило говорить о дополнительномъ надѣленіи крестьянъ западнаго края землей, но и присоединилось къ «ходатайству» съѣзда объ этомъ *). Казалось бы,—попытка такой организаціи должна пользоваться среди крестьянъ большимъ успѣхомъ. И тѣмъ не менѣе, виленскій съѣздъ жестоко разочаровалъ организаторовъ.

— Что это за съѣздъ!—жаловался, напр., г. Шмидъ-минскій.— Понаѣхали архіереи, генералы, архимандриты... Гдѣ представители народа? Ихъ нѣтъ *).

Кромѣ архіереевъ, генераловъ, архимандритовъ, были члены Думы, было много священниковъ, были даже кое-какіе крестьяне,— особенно церковные старосты. Но «представители народа», дѣйствительно, отсутствовали. Оставалось надѣяться, что они будутъ впослѣдствіи, когда организація окрѣпнетъ. Съѣздъ въ своихъ постановленіяхъ написалъ почти всю намѣченую учредителями программу. Чиновные и сановные участники съѣзда собрали даже 900 р. на вспомоществованіе «братствамъ». По предложенію архимандрита Макарія, не «обошли молчаніемъ и пролетарскій вопросъ»: такъ какъ «мы сами должны заняться организаціей такихъ трудовыхъ обществъ, которыя могли бы привлекать пролетарскую массу»:

— Я изучалъ эти вопросы въ Германіи и Швейцаріи,—говорилъ архимандритъ—и знаю достовѣрно, какъ полезны подобныя общества».

Въ заключеніе назначили для слѣдующаго съѣзда и время—начало іюля 1910 г., и мѣсто—городъ Холмъ люблинскій. Къ моменту этого съѣзда въ Холмщину «понаѣхали», какъ извѣстно, гг. Бобринскіе, Пуришкевичи, Замысловскіе, Марковы; «понаѣхали» архіереи, генералы, миссіонеры, архимандриты... Но народа, изъ котораго должна была состоять мощная организація, на лицо опять не ока-

*) См., напр., „Сѣверо-Западный Голосъ", 6 августа 1909 г.
**) „Смоленскій Вѣстникъ" августа 1909 г.

залось. И самый съѣздъ «братчиковъ» не то былъ, не то его не было; и организація, задуманная, какъ будто, широко и остроумно, не то существуетъ, не то нѣтъ. Чрезвычайно заманчивыя обѣщанія давало начальство мужику; и пропаганда велась широко; а мужикъ все-таки отъ единенія съ начальствомъ явно уклонился. И замѣтьте: географически это одинъ изъ тѣхъ мужиковъ, естественныя права которыхъ отвергаетъ правительственный законопроектъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ. Возражая противъ законопроекта, гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ «просилъ примѣнить къ православнымъ крестьянамъ (западныхъ губерній) ту же милость и дать имъ въ земствѣ такое же вліяніе, какое проектъ предоставляетъ полякамъ (помѣщикамъ)»:

Не забывайте, что русское крестьянство сохранило этотъ край для Россіи, представляя собой того быка, который кровью своей орошалъ историческую ниву западныхъ губерній.

Исторически оно такъ: кровью орошалъ, и при томъ «въ духѣ вѣрности Россіи» и ея государственной власти *). Ну, а какъ онъ теперь къ власти относится,—объ этомъ лучше знаютъ организаторы «братчиковъ», а черезъ нихъ освѣдомлено, безъ сомнѣнія, и правительство.

Вспомнимъ другое, еще болѣе общее явленіе,—какъ велась пропаганда охранительными «союзами» и «палатами». Надо отдать справедливость черносотенцамъ разныхъ наименованій, — какъ агитаторы и пропагандисты, они проявили чрезвычайную энергію. И для успѣха ихъ агитаціи существуетъ, казалось бы, много данныхъ.

Уже простое ношеніе союзническаго значка—писали, напр., „Кіевскія Вѣсти"—весьма лестно для нетронутаго культурой крестьянина. Онъ не чуждъ властолюбія, и для него привлекательна возможность быть своего рода начальствомъ, каковымъ союзники силятся быть въ деревенскомъ быту. Наконецъ, крестьянину пріятна и даже выгодна союзническая неприкосновенность и благосклонное отношеніе начальства всѣхъ ранговъ.

Въ годы чрезвычайныхъ репрессій записаться въ союзъ значитъ застраховать себя отъ крайне разорительныхъ недоразумѣній съ полиціей. И уже это—большой козырь въ рукахъ «союза». Существеннѣе другіе козыри. Тѣми же «Кіевскими Вѣстями» такъ характеризовались пріемы союзниковъ-пропагандистовъ:

Параллельно съ бесѣдами на патріотическія темы проливаются слезы о тяжеломъ положеніи крестьянства, объ обидахъ и т. д... Упорно ведутся бесѣды на аграрныя темы, основной смыслъ которыхъ сводится къ тому, что нужно теперь переловить всѣхъ революціонеровъ, а затѣмъ будетъ раздѣлъ земли, и союзникамъ будетъ дана земля въ первую очередь *).

*) „Кіевскія Вѣсти", 6 октября 1908 г.

**) Цит. по „Русскимъ Вѣдомостямъ", 5 февраля 1911.

Записывайтесь скорѣй,—кто первымъ запишется, тому первому и земля будетъ. Полагаю, эта игра на земельномъ вопросѣ общеизвѣстна, и доказывать, что она примѣнялась довольно широко, едва ли нужно. Игра велась на нашихъ глазахъ. И потому ограничусь напоминаніемъ лишь о немногихъ недавнихъ примѣненіяхъ этой тактики. Я уже упомянулъ о наѣздѣ депутатовъ и разныхъ начальствующихъ лицъ въ холмскія мѣста лѣтомъ 1910 г. въ связи съ предполагавшимся съѣздомъ братчиковъ. А помимо этой связи, былъ, какъ извѣстно, и прямой предлогъ для путешествія,—законопроектъ «о присоединеніи» Холмщины. Къ пріѣзду членовъ Государственной Думы была организована, при участіи духовенства, полиціи и съ вѣдома мѣстнаго губернатора, подача петицій крестьянами-депутатами. Въ этихъ петиціяхъ говорилось «о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель и о передачѣ ихъ крестьянамъ за плату или даже безплатно».

Напримѣръ:

„земли дворянъ, перешедшія въ собственность не-родственниковъ иностранныхъ подданныхъ, передать крестьянамъ на правахъ выкупа черезъ крестьянскій банкъ".

„Отнять отъ священниковъ земли и передать въ пользу крестьянъ, по оцѣнкѣ съ распоряженія епархіальнаго начальства".

„Земли, находящіяся... въ собственности крестьянъ до времени высочайшаго указа 19 февраля 1864 г. и послѣ перешедшія во владѣніи помѣщиковъ, возвратить крестьянамъ, родственникамъ таковыхъ (прежнихъ собственниковъ), или безземельнымъ—безплатно" *).

И такіе „вполнѣ опредѣленные дѣятели, какъ гр. Бобринскій, гг. Замысловскій, Марковъ 2-й, Алексѣевъ (варшавскій), Пуришкевичъ, давали крестьянамъ положительныя обѣщанія на счетъ земли:

— Земля будетъ... «Мы объ этомъ думаемъ».

Соотвѣтственно обѣщаніямъ, произносились рѣчи, говорились проповѣди: «паны—враги народа, паны пьютъ народную кровь и живутъ на его счетъ, владѣютъ его землей и т. д.» Корреспондентъ «Рѣчи» такъ описывалъ свои впечатлѣнія отъ одной изъ такихъ проповѣдей миссіонера-священника Захарчука въ церкви во время обѣдни:

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проповѣди мнѣ становилось жутко за миссіонера. Вотъ, думаю себѣ, здѣсь же въ храмѣ стоитъ люблинскій губернаторъ. Сейчасъ онъ прикажетъ стражникамъ стащить миссіонера съ каѳедры и отвезти его въ тюрьму.. Ничуть не бывало. Всѣ выслушали, и литургія мирно продолжалась.

Это въ Холмщинѣ. И почти одновременно, въ іюнѣ 1910 г., агитація велась, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поволжья. Для иллюстраціи приведу хотя бы такую газетную замѣтку:

*) „Кіевская Мысль", 18 іюня 1910 г.

Вчера (22 іюня) по всѣмъ концамъ Симбирска носились пріѣзжіе гастролеры съ черносотенными листками, громко выкрикивая: «Земля и воля! Монаршая милость! Надѣленіе крестьянъ землей и облегченіе положенія рабочихъ». Крестьяне, думая, что въ самомъ дѣлѣ пришло извѣстіе о надѣленіи ихъ землей, „сыпали свои пятаки... Довольно страннымъ кажется то, что полиція, на основаніи обязательнаго постановленія, запрещаетъ разносчикамъ дѣлать обычное предложеніе періодическихъ изданій, гастролеры же безпрепятственно кричали до хрипоты вышеприведенныя фразы". Въ продаваемыхъ этими гастролерами прокламаціяхъ: „Земля и воля", напечатано, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ настоящее время черезъ своихъ министровъ Государь объявилъ Думѣ, что желаетъ прежде всего надѣлить землею дарственниковъ, и что для сего назначаетъ за самое незначительное и необременительное для крестьянъ вознагражденіе казенныя земли... Прочихъ малоземельныхъ крестьянъ Царь повелѣлъ надѣлить, кромѣ государственной земли, еще изъ земель частновладѣльческихъ, которыя въ потребномъ количествѣ будутъ пріобрѣтаться казною у помѣщиковъ и затѣмъ продаваться крестьянамъ по такой же сходной цѣнѣ, какъ и казенныя земли. Если же земли у помѣщиковъ казною будутъ куплены дороже, чѣмъ ихъ придется продать крестьянамъ, то излишекъ будетъ разложенъ на всѣ другія платежныя силы" *).

Прокламація—не единственная въ своемъ родѣ. А помимо прокламацій, въ распоряженіи патріотовъ все время есть спеціалисты для бесѣдъ на эти темы. Назову хотя бы нашумѣвшаго іеромонаха Иліодора. Г. А. Столыпинъ недавно писалъ въ «Новомъ Времени», что проповѣдь Илліодора въ существѣ направлена противъ высшихъ сословій во имя «простого народа и царя». Въ значительной степени это вѣрно. Основной лозунгъ Илліодора, какъ и саратовскаго протоіерея Кречетовича, тоже въ свое время нашумѣвшаго, сводится къ тремъ положеніямъ: «Православіе, Царь и земля». Протоіерей Кречетовичъ шелъ дальше,—къ полному отрицанію частной собственности на землю, такъ какъ, по его мнѣнію, институтъ частной земельной собственности не можетъ и не долженъ существовать въ православномъ государствѣ. О. Кречетовичъ доказывалъ это ссылками на священное писаніе. О душевномъ равновѣсіи этихъ проповѣдниковъ можно быть разныхъ мнѣній. Но, во всякомъ случаѣ, легко понять, какъ не шуточно желаніе найти связь съ крестьянствомъ, если они не только терпятся, но и пользуются особымъ покровительствомъ. Найти связь, очевидно, такъ хочется, что люди идутъ на усвоеніе чужого, явно вреднаго для нихъ языка, рискуютъ играть крайне опасными, съ ихъ точки зрѣнія, идеями. А въ результатѣ—дубровинскіе «милліоны»,—перифразъ «сороковыхъ бочекъ» Загорѣцкаго.

Пусть бы неудача постигла Дубровиныхъ, Пуришкевичей, Иліодоровъ. Иліодоръ — фигура маніакальная; Дубровинъ и Пуриш-

*) „Волжскія Вѣсти", 23 іюня 1910.

кевичъ пріобрѣли слишкомъ невыгодную для политическаго дѣятеля популярность. Но, вѣдь, не только они работали «на нивѣ народной». Пытались основать, между прочимъ, спеціально крестьянскую «Народную партію» и нѣкоторые видные руководители октябристовъ. По свѣдѣніямъ екатеринославской Южной Зари», въ организаціи «народной партіи видное участіе принималъ г. Родзянко, нынѣшній предсѣдатель думской фракціи союза 17 октября. Выработана была программа, на почвѣ которой предполагали объединять болѣе или менѣе значительную группу изъ низшихъ, главнымъ образомъ, крестьянскихъ слоевъ населенія. Недавно «Южная Заря» напоминала г-ну Родзянку, какіе пункты онъ внесъ въ эту программу:

«Всѣ россійскіе граждане безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности равны передъ закономъ. Никакихъ сословныхъ, національныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій не должно существовать».

«Никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію и наказанію иначе, какъ на основаніи закона—судебной властью и по суду».

«Ни одно постановленіе, распоряженіе, приказъ и тому подобный, не основанный на постановленіи народнаго представительства, актъ какъ бы онъ ни назывался, не можетъ имѣть силы закона» *).

И тѣмъ не менѣе, отъ «народной партіи» не осталось матеріала даже для римскаго огурца. Выходитъ словно такъ, что пріятныя и необходимыя для крестьянства вещи теряли въ глазахъ мужика цѣну, когда ихъ обѣщали охранители,—люди, близкіе къ начальству и дѣйствующіе съ благословенія начальства. Откуда, казалось бы, мужику, невѣжественному, лишенному элементарныхъ въ наше время благъ культуры, знать мудрый завѣтъ древности: «бойтесь данайцевъ, и дары приносящихъ»? А вотъ подите-жъ... Но допустимъ, впечатлѣнія не произвели чисто словесные дары данайцевъ. Языкомъ-то они предлагали и землю, и волю, но здравый смыслъ крестьянства сумѣлъ разобраться въ этой низкопробной демагогіи и въ общемъ правильно оцѣнить ее. Не все жъ, однако, демагогія, и не все у данайцевъ было только на языкѣ. Напомню, напр., что, по крайней мѣрѣ мѣстами, черносотенцы не шутя пытались вступить въ живую связь съ народомъ на почвѣ общекультурной работы. Преосвященный Серафимъ, напримѣръ, нынѣ кишиневскій, въ бытность свою епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ, сумѣлъ подмѣтить кооперативное движеніе среди крестьянства, и не мало потрудился, чтобъ если не взять это движеніе въ свои руки, то хотя бы только воспользоваться имъ для «христіанскаго» сближенія съ паствой. Преосвященный убѣждалъ подчиненное ему приходское духовенство всячески способствовать возникновенію производительныхъ, потребительныхъ и всякихъ иныхъ товариществъ и орга-

*) «Южная Заря», 1 декабря 1910 г.

низацій, брать на себя, гдѣ нужно, хлопоты передъ начальствомъ устраивать, помогать. Призывъ преосвященнаго, правда, не всколыхнулъ духовенства. Не многихъ дѣятелей нашелъ епископъ Серафимъ. А все-таки нашлись и дѣятели. И среди нихъ, сколько я знаю по личнымъ впечатлѣніямъ, были люди толковые, дѣятельные, горячо ухватившіеся за брошенную преосвященнымъ идею. Конечно, они оставались самими собою; они старались дать паствѣ то, что можетъ дать православный священникъ, сохраняя преданность начальству. Но всѣ попытки душевнаго, любовнаго сближенія съ паствой на почвѣ обще-культурной реботы разбились о массовое недовѣріе, о массовую холодность и отчужденность.

Допустимъ, только жертвы, отъ чистаго сердца приносимыя, угодны Богу... Архимандритъ Макарій видѣлъ въ Германіи и Швейцаріи пріятныя для него организаціи трудовыхъ массъ. Епископъ Серафимъ тоже, быть можетъ, видѣлъ, можетъ быть, слышалъ, читалъ, изучалъ. Допустимъ, и архимандритъ Макарій, и епископъ Серафимъ пришли къ намѣренію подражать западнымъ образцамъ чисто головнымъ путемъ, единственно изъ политическаго разсчета. Допустимъ, въ основѣ этихъ попытокъ не было искренняго желанія придти на помощь обездоленному народу. И народъ чутьемъ понялъ, что не отъ чистаго сердца приносится даръ, и оттолкнулъ протянутую ему руку. Допустимъ... Но вѣдь, не все же не отъ чистаго сердца. Есть пункты, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, часть черносотенцевъ могла бы сойтись съ крестьянствомъ по убѣжденію. Дотаточно напомнить отрицательное отношеніе разныхъ охранительныхъ группъ къ правительственному натиску на общину. И мѣстами именно черносотенцы оказываютъ наиболѣе серьезную помощь крестьянамъ, вынужденнымъ напряженно бороться съ разрушителями общины и расхитителями общинныхъ земель. Въ этомъ пунктѣ такъ называемые «прогрессисты», «умѣренные либералы», «приличные» и «неприличные» октябристы часто, на крестьянскую оцѣнку, оказываются большими врагами, чѣмъ откровенные черносотенцы. Примѣровъ много. Укажу хотя бы на послѣднее Бессарабское губернское земское собраніе: «прогрессисты» ничего не имѣли противъ земской ассигновки на поддержаніе аграрной политики нынѣшняго правительства, и рѣшительно протестовалъ противъ той ассигновки непримиримый крѣпостникъ г. Митрофанъ Пуришкевичъ, старшій представитель фамиліи Пуришкевичей, отецъ извѣстнаго члена Государственной Думы:

Хуторское хозяйство—говорилъ г. М. Пуришкевичъ на земскомъ собраніи—не является у насъ потребностью населенія, и искусственно насаждается правительствомъ. Мы не имѣемъ права облагать все населеніе въ пользу небольшой группы хуторянъ. Можетъ быть, въ центральной Россіи насаждать хутора имѣетъ какой-либо смыслъ, у насъ—никакого. Попробуйте сказать въ селѣ крестьянамъ, что ихъ

Иванъ уходитъ на хуторъ, и они поэтому должны ему помочь,—они васъ забьютъ *).

И не только на словахъ это у черносотенцевъ. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, сельское духовенство Саратовской губерніи, руководимое епископомъ Гермогеномъ, съ его благословенія, не разъ выступало ходатаемъ за интересы общинниковъ, въ случаѣ нарушенія ихъ тѣми или иными хутороманскими эксцессами. Черносотенцы Ярославской губерніи одно время занимали гораздо болѣе рѣшительную позицію. Помнится, въ началѣ 1909 г. газеты увѣряли даже, будто

октябристы предполагаютъ внести запросъ о дѣйствіяхъ ярославскаго губернатора Римскаго-Корсакова, являющагося принципіальнымъ противникомъ закона 9 ноября и въ своей губерніи примѣняющаго рядъ мѣръ къ ограниченію примѣненія этого закона.

Крестьянскіе протесты противъ аграрной политики г. Столыпина неоднократно находили пріютъ и въ руководящемъ органѣ «союза русскаго народа». И послѣдній не разъ пытался соглашенія съ крестьянствомъ на этой почвѣ использовать для пропагандированія своей обще-политической программы.

„Ученыя учрежденія—писало, напр., „Русское Знамя“ въ декабрѣ 1908 г.—отдѣльныя лица изъ занимавшихся спеціально вопросами по изученію крестьянской общины, газеты всѣхъ лагерей, кромѣ издаваемыхъ октябристами, и, наконецъ, сами крестьяне, которыхъ касается это ближе всего, всячески протестуютъ противъ возмутительнаго насилія обновленнаго государственнаго строя надъ обычаями и склонностями стамилліоннаго крестьянскаго населенія. *Ничего подобнаго и представить себѣ нельзя было при прежнемъ строѣ*, когда законопроекты обсуждались Государственнымъ Совѣтомъ и *подносились на утвержденіе* въ различныхъ мнѣніяхъ, принятыхъ отдѣльными группами Совѣта *).

Помощь справа въ борьбѣ съ закономъ 9 ноября мужикъ принималъ,—даже съ благодарностью; нѣкоторымъ священникамъ Саратовской губ. крестьяне собирали деньги, необходимыя для поѣздки, напр., въ Петербургъ и ходатайства предъ высшимъ начальствомъ о смягченіи мѣстныхъ землеустроителей. И все таки «черная сотня» осталась при дубровинскихъ пяти милліонахъ... По разному можно объяснять эту недоступность мужика. Суть, конечно, въ томъ, что народной массѣ совсѣмъ не по дорогѣ съ охранителями. Народная масса полуинстинктивно-полусознательно идетъ туда, куда ее толкаютъ исторически назрѣвающія потребности. Путь охранителей лежитъ въ совершенно противоположную сторону. Никакими словесными уловками и даже дѣловыми соглашеніями по частнымъ поводамъ этого противорѣчія не устранить. Въ

*) «Одесскія Новости», 14 декабря 1910 г.

**) Цит. по „Голосу Москвы“, 14 декабря 1908 г.; „курсивъ мой“, *А. П.*

лучшихъ случахъ получается соглашеніе на минуту, и при первой же попыткѣ сдвинуться съ мѣста обнаруживается рознь: одному нужно идти впередъ, другому—назадъ. Утверждать, что все крестьянство вполнѣ сознаетъ рознь между нимъ и охранителями было бы рискованно. Плачевные результаты получаются у охранителей въ значительной мѣрѣ стихійно, въ силу общихъ роковыхъ причинъ. И, какъ разъ, именно общія-то причины наиболѣе непонятны «черной сотнѣ». Тамъ, гдѣ многое зависитъ отъ сложнаго взаимодѣйствія тонкихъ соціальныхъ силъ, охранитель предполагаетъ массонскую или кадетскую интригу, умыселъ. Ну, и мужикъ, конечно, злоумышленникъ. Онъ, въ сущности, огорчилъ всѣ направленія русской охранительной мысли. Огорчилъ тѣхъ охранителей, которые противъ закона 9 ноября. Огорчилъ и тѣхъ охранителей, которые за этотъ законъ. Огорчилъ тѣхъ, кто, подобно епископу Серафиму, искалъ сближенія съ мужикомъ на почвѣ безпартійной по внѣшности культурной работы. Огорчилъ и откровенныхъ погромщиковъ, въ родѣ г. Дубровина. «Темныя деньги» вотъ уже больше 5 лѣтъ текутъ рѣкою. И пока цѣною щедрыхъ ассигнованій доказано только одно: ключъ къ сердцу мужика нынѣшней властью утерянъ.

Опытомъ доказано, что мужикъ не идетъ туда, куда его тащутъ. Попутно обнаружилось и другое, уже положительное, качество: мужикъ упорно лѣзетъ туда, куда его «не велѣно пущать». Недавно представители правительства объясняли въ Государственномъ Совѣтѣ это свойство основной массы населенія ея «некультурностью»: по невѣжеству, видите ли, мужикъ поддается внушенію лѣвыхъ агитаторовъ и увлекается враждебными существующему строю ученіями. Точно также, конечно, по невѣжеству этимъ свойствомъ отличается и значительная часть русской профессуры, писателей, интеллегенціи... По невѣжеству, разумѣется, это свойственно подавляющему—какъ признаетъ даже г. Меньшиковъ—большинству студенчества. И, наоборотъ, если Гамзѣй или старецъ Распутинъ политически благонадежны, то, вѣроятно, потому, что они высоко-образованные и вполнѣ культурные люди... Серьезно критиковать подобныя объясненія значитъ оказывать имъ слишкомъ много чести. Да въ этомъ теперь для насъ и нѣтъ нужды. Главное,—даже предсѣдатель совѣта министровъ не отрицаетъ факта: было время, когда правительство надѣялось найти въ крестьянствѣ друзей, но «эта карта, по выраженію г. Столыпина, бита». Признаніемъ факта, что среди мужиковъ очень трудно найти друзей, началась эра 3 іюня. О немъ напоминаютъ итоги земскихъ выборовъ по крестьянской куріи. Неблагонадежность не только крестьянскихъ, но и вообще низшихъ слоевъ населенія, волнуетъ охранителей, подготовляющихся къ выборамъ въ 4-ю Думу,—и охранители не скрываютъ, что это ихъ волнуетъ. Увѣренность, что крестьянство подвержено вліянію идей, враждеб-

ныхъ «существующему государственному строю», легла въ основу законопроекта о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ. Изъ страха передъ невыгодными начальству вліяніями деревню изолировали сплошнымъ кордономъ, наводнили сыщиками; отчасти подъ вліяніемъ того же страха примѣнена аграрная политика, обостряющая внутреннія противорѣчія деревни. Подъ страхомъ мужицкой «некультурности», въ деревню старательно не допускаются даже вполнѣ легальныя книги и газеты, преслѣдуется всякая попытка сближенія съ культурными интеллигентными силами страны.

«Благонадежныхъ» элементовъ въ деревнѣ на лицо оказывается слишкомъ мало. Это карта, на которой правительство могло бы отыграться, дѣйствительно, бита. Мужика вообще приходится разсматривать и оцѣнивать, какъ врага внутренняго. И это объективное обстоятельство, независимо отъ естественныхъ соціальныхъ симпатій власти, вынуждаетъ послѣднюю къ болѣе тѣсному сближенію съ «опорой». А, съ другой стороны, сама «опора», хорошо понимая, что она стала еще болѣе необходима, чѣмъ прежде, подымаетъ голову и повышаетъ требованія. Уже одного этого достаточно, чтобъ возвратиться къ прошлому, имѣющему 50-лѣтнюю давность, и начать «все сызнова». Но особенно понуждаетъ къ возврату крайне невыгодное для г. Столыпина соотношеніе силъ: враговъ внутреннихъ цѣлое море, опора, по самому оптимистическому разсчету, не превышаетъ «130 тысячъ» А сверхъ того, она разлагается, какъ сословіе, внутри, и разрушается подъ натискомъ противниковъ извнѣ. Разлагается внутри, ибо лучшія отрасли дворянства, отъ Радищева, декабристовъ и до нашихъ дней, оказываются противниками сословныхъ привилегій, сторонниками демократизаціи общественнаго строя,—словомъ, систематически уходятъ въ лагерь внутреннихъ враговъ. А объ интеллектуальномъ и моральномъ уровнѣ остающихся вѣрными защитниками сословныхъ принциповъ можно судить уже потому, что въ званіи всероссійскихъ лидеровъ «объединеннаго дворянства» оказываются такіе люди, какъ, напр., г. Марковъ-курскій.

Въ опорѣ слишкомъ большіе аппетиты. Но она поражена органическимъ порокомъ: въ ней нѣтъ большихъ людей; не достаетъ даже просто людей на общественныя роли. «Смута» выдвинула въ первые ряды такихъ дѣятелей, какъ г.г. Дубровинъ, Марковъ, Гурко, Крупенскій, даже Пуришкевичъ... Въ короткое время они составили себѣ вполнѣ опредѣленную репутацію. Теперь вотъ выборы въ четвертую Думу приближаются; да и вообще самими дворянами, видимо, чувствуется, что надо бы на руководящія роли выдвинуть другія имена. Но гдѣ ихъ взять? Мѣстами до того дошло, что некого выбрать въ предводители дворянства. Газеты отмѣчаютъ время-отъ-времени болѣе прискорбныя обстоятельства: нѣтъ людей даже для провинціальнаго, уѣзднаго фактическаго руководства «сословіемъ» и его дѣлами. Искать приходится руко-

водителей; въ иныхъ случаяхъ прямо содержать на службѣ, пристроивъ на ту или другую должность. Курмышское (Симбирской губ.) уѣздное дворянство, напр., въ прежніе годы нашло себѣ «человѣка съ головой»,—барона Фредерикса. Формально онъ занималъ должность секретаря мѣстной земской управы. Но фактически былъ «правой рукою помѣщиковъ; безъ его совѣта они ни къ чему не приступали; онъ былъ для нихъ отцомъ, наставникомъ, идеаломъ». Недавно онъ умеръ. «И дворяне растерялись, ...кѣмъ замѣнить» умершаго? Не безъ трудовъ нашли новаго человѣка съ головой,—отставного курмышскаго исправника. Есть, положимъ, въ Курмышѣ и другіе люди съ головой. Но они, несмотря на просьбы, отказались занять должность секретаря и выполнять обязанности «отца, наставника, руководителя». А отставной исправникъ согласился. *) Можетъ быть, онъ и не замѣнитъ вполнѣ барона Фредерикса, а все таки, вѣроятно, знаетъ законный порядокъ теченія дѣлъ, сумѣетъ дать юридическую справку, написать докладъ, разобраться въ томъ или иномъ запутанномъ дѣлѣ, обладаетъ дѣловой цѣпкостью и сообразительностью. Какъ ни элементарны эти таланты, но и ими сословіе оскудѣло.

Опора слаба качественно. Таетъ она и количественно. Давно замѣчено это таяніе. И много противъ него принято мѣръ. Но жизнь неизмѣнно напоминаетъ, что самыя рѣшительныя мѣры дѣйствительны не вполнѣ. Вотъ одно изъ новыхъ напоминаній: опора мѣстами дошла до того, что фактически не можетъ законно пользоваться предоставленными ей привиллегіями. Правительство вынуждено считаться съ такими, напр., фактами. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губ., на послѣднихъ земскихъ выборахъ дворянская курія не доизбрала одиннадцати гласныхъ. По закону, ей предоставлено въ мѣстномъ земствѣ 18 мѣстъ, — большинство. Разъ недоизбрано 11, а на лицо остается 7 (хотя законный минимумъ—12), первенствующіе сословіе должно занять роль слабаго меньшинства. И причину, почему это произошло, корреспондентъ «Рѣчи» объясняетъ такъ: «перевелись дворяне въ уѣздѣ!» Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ выходъ,—ссылаясь на разныя формальныя основанія, правильность которыхъ «Рѣчь» оспариваетъ, министерство предписало: новые выборы отмѣнить и «утвердить старый составъ гласныхъ» *) хотя изъ общаго законнаго числа 34, ихъ на лицо осталось только 17. И стоитъ на собраніе не явиться хоть одному человѣку, или стоитъ хоть одному уйти изъ залы во время собранія, и не окажется кворума. Пока, на годъ, 53 статья земскаго положенія помогла,—веденіе земскихъ дѣлъ оставлено въ рукахъ прежней управы. Но вообще что дѣлать, если уже теперь дворянская курія мѣстами физически не способна занять даже требуемыхъ закономъ $^2/_3$ предоставленныхъ ей въ земствѣ мѣстъ?

*) „Волжскія Вѣсти". 20 января 1911

**) «Рѣчь». 15 декабря 1910 г.

И правительственная, и сословная мысль ищетъ выхода. На екатеринославскомъ дворянскомъ собраніи губернскій предводитель кн. Урусовъ произнесъ программную рѣчь, въ которой онъ коснулся и больного вопроса: «ряды дворянъ, черпающихъ свою силу изъ земли, порѣдѣли». Но, по мнѣнію кн. Урусова, эта бѣда поправимая. Вообще «поправить допущенныя ошибки не поздно». А въ частности, надо вспомнить исторію. Изъ исторіи же кн. Урусову извѣстно, что

русское дворянство... всегда было тѣсно связано со всѣмъ складомъ родины и. широко растворяя свои двери, охотно принимало въ свою среду, освященную вѣками нерушимыми чистыми идеалами и благородными традиціями, все выдающееся, все лучшее въ странѣ *).

Кто не вѣритъ, что «русское дворянство всегда охотно принимало въ свою среду все выдающееся, все лучшее въ странѣ», того можно пристыдить хотя бы такой фактической справкой. На послѣднемъ тульскомъ дворянскомъ собраніи возникъ вопросъ какъ быть съ памятью только что умершихъ тульскихъ дворянъ— Л. Н. Толстого и С. А. Муромцева. Обсудили это дѣло дворяне въ частномъ засѣданіи и рѣшили такъ: по Л. Н. Толстомъ, конечно, нельзя даже и панихиды отслужить, ибо онъ—Толстой, а по Муромцевѣ тоже нельзя панихиды отслужить, ибо онъ за свою политическую дѣятельность исключенъ тульскимъ дворянствомъ изъ сословія...***) Впрочемъ, не будемъ спорить объ исторіи. Для насъ важнѣе политическій смыслъ сдѣланнаго кн. Урусовымъ заявленія: оно идетъ навстрѣчу одному изъ новыхъ, назрѣвающихъ, хотя и не поставленныхъ откровенно, тактическихъ лозунговъ. Между прочимъ, по словамъ «Рѣчи», въ послѣднее время

среди нижегородскихъ милліонеровъ замѣтно любопытное движеніе. Они подмѣтили стремленіе правительства привлекать наиболѣе богатыхъ купцовъ въ дворянскіе ряды жалованіемъ потомственнаго дворянства... Блескъ дворянскаго герба манитъ многихъ нижегородскихъ милліонеровъ, особенно ихъ женъ, которыя увѣрены, что новый губернаторъ выведетъ ихъ мужей въ „аристократію..."

По свѣдѣніямъ «Рѣчи», «новый губернаторъ», поддерживая эту слабость нижегородцевъ, пользуется пока ею, главнымъ образомъ, для того, чтобы склонить жаждущихъ дворянства купцовъ къ щедрымъ пожертвованіямъ на патріотическія цѣли... Лозунгъ, повторяю, окончательнаго признанія не получилъ. Да и неизвѣстно, какъ съ нимъ примирится сословный гоноръ. Но почему бы, въ самомъ дѣлѣ, и не открыть широко двери, и при томъ сразу на двѣ стороны. Въ одну широко открытую дверь выгонять Муромцевыхъ, Долгорукихъ, а въ другую гостепріимно принимать всѣхъ, кт.

*) «Рѣчь», 15 декабря 1910 г.
**) „Рѣчь", 26 января 1911 г.

подобно петербургскому г. Глазунову или московскому г. Гучкову обнаруживаетъ преданность «чистымъ идеаламъ и благороднымъ традиціямъ»? Петербургское дворянство только что исключило Набокова и Кедрина. Между тѣмъ, среди негоціантовъ, напр., Сѣнного рынка можно найти людей, которые и капиталами обладаютъ и землю имѣютъ, а главное, если имъ дать дворянство, то не хуже каждаго природнаго дворянина будутъ защищать историческія и вмѣстѣ божественныя права сословія.

Въ случаѣ крайности можно раскрыть двери». Но нужны и другіе выходы. Кн. Урусовъ въ своей рѣчи отмѣтилъ, что хотя дворянствомъ многое потеряно, но не потеряна надежда вернуть утраченное. На томъ же екатеринославскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи русскій дворянинъ г. Фромандіеръ высказанную кн. Урусовымъ общую мысль развернулъ въ особомъ докладѣ. Основныя положенія г. Фромандіера таковы:

> Поразительно быстрая ежегодная убыль дворянскаго землевладѣнія обязываетъ дворянъ изыскивать такія радикальныя мѣры, которыя не только остановили бы эту убыль, но и содѣйствовали бы увеличенію дворянскаго землевладѣнія. Необходимо создать земельный фондъ для распродажи его на льготныхъ условіяхъ отдѣльнымъ обезземеленымъ дворянамъ въ размѣрѣ цензовыхъ участковъ въ 150—200 десятинъ *).

Это не только намѣчающійся, но и окончательно признанный программный лозунгъ: «Земля!» Крестьянскій банкъ, кстати сказать, уже и нарѣзываетъ изъ скупленныхъ имъ земель «полные цензовые участки». Но г. Фромандіеръ идетъ дальше. Во-первыхъ, по его мысли, въ государственный земельный фондъ для дворянъ должны отойти земли, скупленныя и скупаемыя не только у дворянъ, но и у другихъ сословій. Во-вторыхъ, земли, разъ попавшія въ государственный дворянскій фондъ, должны быть объявлены заповѣдными, не отчуждаемыми отъ дворянства ни въ какомъ случаѣ,—онѣ могутъ переходить изъ рукъ въ руки только въ предѣлахъ дворянскаго сословія. Въ-третьихъ, г. Фромандіеръ отвѣчаетъ и на вопросъ, какъ можетъ обезземеленный дворянинъ купить «полный цензовый участокъ» при отсутствіи средствъ. Очень просто: участокъ «передается» обезземеленному «во временное 2—3 лѣтнее пользованіе съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи этого срока и выполненія выработанныхъ условій», была выдана «данная» на владѣніе. На основу же этихъ выработанныхъ условій должны быть положены: милліонная ссуда казны губернской дворянской кассѣ взаимопомощи, усовершенствованіе соловексельнаго кредита дворянамъ въ государственномъ банкѣ, выдача ссудъ дворянскимъ банкомъ по полной рыночной цѣнѣ земли и т. д... Финансовая часть проекта г-номъ Фромандіеромъ разработана слабо. Его докладъ со-

*) „Южная Заря“, 25 января 1911 г.

браніе передало въ особую комиссію. Но для насъ пока детали не важны.

Главное,—земля; земля въ Европейской Россіи, гдѣ уже, повторяю, начато выдѣленіе полныхъ цензовыхъ участковъ. Смыслъ этого мѣропріятія вообще не возбуждалъ сомнѣній. И заслуга г. Фромандіера въ томъ, что онъ, кажется, первый во всеуслышаніе провозгласилъ истиной подготовляемое намѣреніе,—такъ сказать, поставилъ точку надъ і. Членъ третьей Государственной Думы г. Кривцовъ на курскомъ дворянскомъ собраніи провозгласилъ истиной другое намѣреніе,—поставилъ точку надъ другимъ і. Есть еще земля въ Сибири. Относительно Сибири тоже намѣчены кое-какія мѣропріятія. Путешествіемъ двухъ министровъ доказано, что Сибирь крайне нуждается въ крупномъ частномъ землевладѣніи. Доказано это, впрочемъ, давно, но было препятствіе: въ Сибири нѣтъ рабочихъ рукъ. За послѣдніе годы переселенческое вѣдомство трудилось усиленно; рабочія руки въ Сибири заготовлены. И теперь можно приступить къ реализаціи стараго сипягинскаго закона (8 іюля 1901 г.) о продажѣ казенныхъ земель въ частную собственность. Уже и намѣчено къ распродажѣ 135000 десятинъ: у киргизъ въ Семипалатинской области оказалось не нужныхъ имъ 35000 десятинъ, да въ Пріамурскомъ краѣ 100000 десятинъ. Съ своей стороны, г. Кривцовъ разработалъ и представилъ курскому дворянскому собранію докладъ: необходимо «испросить Высочайшее разрѣшеніе на пріобрѣтеніе дворянами на льготныхъ условіяхъ земли въ Сибири». И вотъ почему необходимо. Во-первыхъ, до сихъ поръ сибирскія земли предоставляются только крестьянамъ,—т. е. мы заводимъ въ Сибири вредный «демократизмъ», создаемъ «рознь между Европейской и Азіатской Россіей» Во-вторыхъ,—добавилъ отъ себя г. Марковъ, нужно вѣдь и мужика пожалѣть: переселяютъ его, несчастнаго, въ Сибирь, и оставляютъ тамъ безъ «старшаго брата», безъ «дворянскаго руководительства»,—мудрено ли что младшій братъ разоряется? Можетъ случиться и худшее: младшіе братья въ Сибири, лишенные руководства старшихъ братьевъ, «подпадутъ подъ вліяніе интеллигенціи». Дворянское собраніе постановило: «повергнуть къ стопамъ ходатайство о предоставленіи возможности возникнуть въ Сибири помѣстному дворянскому сословію» *).

III.

Проклятый крестьянско - дворянскій вопросъ, въ сущности, уже поставленъ задомъ напередъ. Поставленъ онъ, какъ вопросъ земельный, и въ центрѣ и на мѣстахъ. Ставится онъ и какъ вопросъ правовой: сверхъ земли, конечно, нужна и воля,—полнота

*) «Биржевыя Вѣдомости», 28 января 1911 г.; утреннее изданіе.

политическихъ правъ. Не тѣхъ правъ, которыя предусматриваются конституціями, гарантируются парламентами и называются свободами: для использованія ихъ нужно обладать интеллектуальными силами, какими «опора» не располагаетъ. Опора требуетъ иной «воли»: Курская «губернія» подымаетъ, напр., вопросъ, чтобъ въ кадетскіе корпуса принимались только дѣти дворянъ, чтобъ офицеры были только изъ дворянъ; *) Екатеринославская губернія ходатайствуетъ, чтобы во всѣ мѣстныя учебныя заведенія дѣти дворянъ принимались внѣ конкурса... **) Группа, не чувствующая себя способной устоять въ жизненной борьбѣ, желаетъ, чтобъ ее поставили вообще „внѣ конкурса“. Внѣ конкурса должна быть помѣщичья курія въ земствахъ западнаго края. Внѣ конкурса она, конечно, должна быть и въ земствахъ центральныхъ губерній. Разговоры о демократизаціи земства въ оффиціальныхъ рѣшающихъ инстанціяхъ смолкли. «Эта карта бита». Но ходатайства, законопроекты, проекты — пока теорія. Для правильныхъ сужденій о томъ, какъ поставленъ вопросъ о волѣ, надо обратиться къ практикѣ.

Напомню сначала кое-какіе конкретные примѣры. Въ скопинскомъ, Рязанской губерніи, земствѣ уже давно обнаруживается „крайне разстроенное финансовое положеніе“. Въ концѣ концовъ «положеніе» это достигло такой крайности, что министръ внутреннихъ дѣлъ назначилъ ревизію. Для ревизіи были приглашены бухгалтера различныхъ учрежденій. При провѣркѣ текущей отчетности ревизорамъ понадобилось заглянуть въ архивы. И среди документовъ недавняго прошлаго обнаружилось много любопытнаго. Всего не разскажешь. Но вотъ нѣкоторыя частности.

Урожаямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ вообще предшествовали „недороды“. Между прочимъ, и въ скопинскомъ уѣздѣ голодало населеніе, нечѣмъ было кормить скотъ. Скопинское земство рѣшило снабжать голодающихъ крестьянъ хлѣбомъ и кормовыми средствами «по заготовительной цѣнѣ». И подъ этимъ предлогомъ производились,напр., такія операціи. Управа закупила сѣно, и оно ей обошлось съ накладными расходами, въ 43 коп. пудъ, хотя рыночная цѣна была въ то же самое время $37^1/_2$ коп. пудъ. На закупленное сѣно управа установила двѣ продажныхъ цѣны: 38 коп. пудъ для всѣхъ и 30 коп. спеціально для крестьянъ. И по этой крестьянской цѣнѣ—30 коп. пудъ — продавалось сѣно «не только крестьянамъ, но и помѣщикамъ». Сверхъ того, значительную партію сѣна управа какъ бы изъяла изъ мѣстнаго торговаго оборота вплоть до мая мѣсяца, и въ маѣ эта партія была продана кому-то по 7 коп. за пудъ. То же по существу произошло и со снабженіемъ крестьянъ хлѣбомъ и мукой „по заготовительнымъ цѣнамъ“. Въ то время, когда

*) „Рѣчь“, 29 января 1911 г.

**) «Русскія Вѣдомости“, 2 февраля 1911 г.

частные торговцы покупали рожь по 60—65 к. пудъ, земство платило по 75 коп. такъ что цѣна пуда ржи съ доставкою въ Скопинъ достигла 98 коп. Продавали рожь по заготовительной цѣнѣ опять таки не только крестьянамъ, но и помѣщикамъ,—причемъ для последнихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ «заготовительная цѣна» опредѣлялась въ 67 и даже 60 коп. пудъ Для голодающихъ крестьянъ были куплены, между прочимъ, отруби; они обошлись земству по 55 коп. И какому-то г. Лаптохину земство продало сразу 610 пудовъ „по заготовительной цѣнѣ"—9 коп. пудъ. И всѣ эти операціи производились отчасти за счетъ тѣхъ суммъ, которыя были отпущены скопинскому земству общеземской организаціей на оказаніе помощи голодающимъ.

Разумѣется, отчетность по этимъ операціямъ своевременно была разсмотрѣна обычной ревизіонной комиссіей, признана въ общемъ правильной и сдана въ архивъ. Послѣ правительственной ревизіи земскому собранію снова пришлось обсудить продовольственныя дѣла, извлеченныя изъ архива. И собраніе ихъ недавно обсуждало. Картину этого собранія „Русское Слово" рисуетъ такъ. „Гласные дворяне все время сидятъ молча". Гласный Леоновъ, членъ третьей Государственной Думы, предлагаетъ предать дѣло забвенію,— „теперь поднимать этотъ вопросъ не къ чему". Бывшій предсѣдатель земской управы, г. Харнскій, благородно протестуетъ:

— Мы не предполагали, что члены ревизіонной комиссіи полѣзуть въ архивы. Мы считали, что продовольственныя операціи мы вели правильно, а теперь съ гордостью заявляю, что онѣ были проведены безукоризненно...

Волнуется лишь гласный отъ крестьянъ г. Варсобинъ (депутатъ первой Государственной Думы):

— Мы—говоритъ онъ—мерли съ голоду, раскрывали крыши на кормъ скоту, рѣзали заборы на топливо, а управа, по ея же собственному признанію, занималась комиссіонерствомъ,—выписывали цѣлые вагоны сѣна и хлѣба для помѣщиковъ. Продажу сѣна крестьянамъ ограничали 15 пудами въ однѣ руки, а въ то же время помѣщикамъ отпускали сотнями пудовъ.

Земское собраніе большинствомъ голосовъ не усмотрѣло во всемъ, раскрытомъ правительственной ревизіей, злоупотребленія. Признано, что и нынѣшняя и прежняя управа дѣйствовали «по неопытности». Предложеніе гласнаго Варсобина о преданіи суду отклонено *). И въ самомъ дѣлѣ, что тутъ преступнаго? Былъ неурожай. Земство, имѣя на рукахъ земскіе, продовольственные и благотворительные капиталы, постаралось: во-первыхъ, поддержать цѣны, покупая несоразмѣрно дорого продукты первой необходимости, во-вторыхъ—поднять доходы, снабжая землевладѣльцевъ

*) См. „Русское Слово", №№ 24 ноября и 7 декабря 1910.

тѣми же продуктами несоразмѣрно дешево. Это называется умѣньемъ использовать обстоятельства народнаго бѣдствія во благу «культурныхъ очаговъ». Если и можно въ чемъ управу упрекнуть, то именно въ «неопытности»: надо было производить операціи болѣе неуязвимо, не оставляя прицѣпокъ и придирокъ въ архивахъ.

Это—взятая мною для примѣра одна изъ крупныхъ скопинскихъ операцій, въ результатѣ которой земскіе плательщики должны покрыть убытки въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Такія операціи случаются не часто. Пожалуй, характернѣе будничныя, повседневныя мелочи. У скопинскаго земства есть мастерская. У мастерской—заказчики. Ревизіей обнаружено, что расплачиваются заказчики за произведенныя земской мастерской работы нѣсколько странно. Такъ, нынѣшній предсѣдатель земской управы г. Усовъ заплатилъ на 38 р. 42 коп. меньше, чѣмъ нужно. На собраніи г. Усовъ заявилъ, что этотъ разсчетъ ошибоченъ; у него, г. Усова, работали не слесари, а помощники. «Помощники» получаютъ дешевле слесарей. Но въ счетѣ мастерской ошибочно записано, будто у него работали настоящіе слесари. На основаніи этой ошибки и сдѣланъ выводъ о недоборѣ въ 38 р. 42 коп. Гласный Варсобинъ провѣрилъ это заявленіе и документально установилъ на собраніи, что работали у г. Усова не «помощники», а именно слесари, хотя г. Усовъ заплатилъ за ихъ работу не «по рублику», какъ бы слѣдовало, а «по полтиннику». Гласный Леоновъ заявилъ, что съ нимъ случилось то же самое, помимо его вѣдома: за произведенныя у него работы слѣдовало 13 р. 20 коп., а взяли 7 р. 39 коп.

Онъ, г. Леоновъ, только что узналъ объ этомъ. Недобранные съ него 5 р. 81 коп. онъ немедленно внесетъ, но отъ услугъ земской мастерской откажется навсегда, такъ какъ не желаетъ, чтобы его имя фигурировало въ грязныхъ исторіяхъ.

Съ своей стороны гласный Варсобинъ просилъ собраніе

обратить вниманіе на характерную черту: не добирала мастерская всегда съ дворянъ и перебирала только съ крестьянъ.

Систематически одни платили меньше, чѣмъ слѣдуетъ, съ другихъ требовалось больше, чѣмъ нужно... Собраніе все это разсмотрѣло, и большинствомъ признано такое веденіе дѣла въ мастерской правильнымъ *). Мелочь, повторяю. Но господствующая тенденція, нерѣдко именно въ мелочахъ-то и сказывается наиболѣе убѣдительно.

А затѣмъ, разъ ужъ есть такая тенденція, то и въ повседневномъ быту она найдетъ, въ чемъ проявиться и помимо мелочей. Чтобъ не останавливаться исключительно на Скопинѣ, перехожу къ другому земству,—порховскому, Псковской губерніи.

Былъ въ Порховѣ предсѣдатель земской управы. И оказывалъ

---

*) „Русское Слово", 7 декабря, 1910.

онъ нѣкоторымъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ маленькія услуги: открывалъ кредитъ изъ земской кассы,—кредитъ, конечно, «дружескій», на слово, безъ процентовъ и безъ векселей. Послѣ смерти этого добраго человѣка остались, впрочемъ, расписки нѣсколькихъ должниковъ земства. Судя по распискамъ, кредитъ открывался на довольно солидныя суммы: 1700, 1500, 1200 р. Разумѣется, ежегодно работали обычныя ревизіонныя комиссіи. Но даже теперь, когда обнаружилось, что земство играло роль дружескаго банка для мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ составѣ ревизіонной комиссіи все-таки продолжалъ оставаться одинъ изъ гласныхъ, который не только кредитовался, но и не оплатилъ выданной имъ росписки на 1200 р. Словомъ, все обстояло благополучно. Порховское земство задолжено. По своимъ долгамъ оно платитъ большіе проценты. При этихъ условіяхъ широко открытый дружескій безпроцентный кредитъ и вообще-то неминуемо велъ не къ добру. А тутъ случилось такъ, что предсѣдатель управы вдругъ заболѣлъ и умеръ. Послѣ него не оказалось въ земской кассѣ 40000 р. **). И еще удивляются, что «черносотенцы» полюбили земство. Да какъ же не полюбить столь благодѣтельное учрежденіе? Случись что-либо экстренное,—съ рабочими надо въ лѣтнее время разсчитаться, по закладной платить,—поѣзжай, попроси и получай, безъ процентовъ, безъ векселей: это лучше даже, чѣмъ проектируемый нынѣ сельско-хозяйственный банкъ или соловексельный кредитъ.

«Черносотенцамъ» нравится даже вести земскую культурную работу... Помнится, г. Марковъ въ одной изъ своихъ думскихъ рѣчей приглашалъ въ Курскую губернію посмотрѣть, какъ много «нами, черносотенцами», сдѣлано и дѣлается для народа. На примѣрѣ скопинскаго земства мы уже видѣли, какъ хорошо устраивать для народа мастерскія, снабжать бѣдный народъ сѣномъ, рожью... Примемъ, однако, приглашеніе г. Маркова и посмотримъ, какія благодѣянія оказаны народу въ Курской губерніи. «Благодѣяній», дѣйствительно, такъ много, что не знаешь, съ котораго начать. Но вотъ хотя бы такой примѣръ. Старооскольское земство очень старается поднять крестьянское хозяйство. Для этой надобности, между прочимъ отъ старыхъ, домарковскихъ, временъ уцѣлѣлъ сельскохозяйственный складъ, снабжающій крестьянъ, конечно, на самыхъ льготныхъ условіяхъ лучшими сѣменами, орудіями. Когда въ земствѣ окончательно водворились тенденціи гг. Марковыхъ, завѣдываніе складомъ было поручено близкому родственнику предсѣдателя управы. И все пошло прекрасно.

Затѣмъ, по разнымъ сложнымъ причинамъ, на которыхъ я останавливаться не буду, ревизіонная коммиссія рѣшила возможно точнѣе разобраться въ дѣлахъ сельскохозяйственнаго склада. И открылось, между прочимъ, слѣдующее. За счетъ склада неизвѣстно

**) „Русское Слово“ 30 іюня 1910 г.

для кого пріобрѣтаются вещи, казалось бы, не имѣющія отношенія къ сельскому и особенно крестьянскому хозяйству: напр., «куплены въ Курскѣ выкройки для дамскихъ платьевъ». Такихъ «безхозяйственныхъ расходовъ» произведено въ общемъ на сумму около 7300 р.,—за два года. Сѣмена отчасти покупаются у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, — и, между прочимъ, рожь поставлялъ самъ завѣдующій складомъ и его супруга. На возможныя при такихъ условіяхъ покупныя цѣны сѣмянъ складъ прибавлялъ 35—40%,—и получалась продажная цѣна «для народа». Кассовой наличностью склада кто-то пользовался безпроцентно, какъ ссудой. Сверхъ того, въ складѣ обнаружилась недостача разныхъ товаровъ и инвентаря тысячъ на 14, такъ что вмѣстѣ съ «безхозяйственными расходами» общій «убытокъ» по складу свыше 21 тысячи рублей; изъ нихъ около 17000 р. такъ и записаны въ убытокъ земской управой, которая своевременно провѣряла отчетность по складу и признавала ее правильной. Открылись и разныя другія мелочи. Такъ, складомъ въ числѣ оправдательныхъ документовъ представлена росписка въ полученіи денегъ «неграмотнымъ» поставщикомъ Дьяковымъ. За неграмотнаго Дьякова расписался завѣдующій складомъ. И это тѣмъ болѣе смѣло, что названный Дьяковъ, по заявленію ревизіонной комиссіи, мѣстный землевладѣлецъ, человѣкъ вполнѣ грамотный. Противъ такихъ «матеріаловъ» ревизіи были предъявлены слѣдующія возраженія. Завѣдывающій складомъ заявилъ: «не забывайте, господа,—я дворянинъ». Земская управа полагала, что ничего криминальнаго нѣтъ и не было,—просто по складу образовался «дефицитъ». Это мнѣніе было принято и большинствомъ земскаго собранія. Дѣло оффиціально имѣетъ такой видъ: земство для поднятія сельскохозяйственной культуры не пожалѣло истратить въ 2 года свыше 20000 р. Такая жертва въ пользу нашего бѣднаго народа, согласитесь, достойна похвалы, а не порицанія. Можно лишь признать ее чрезмѣрною. И на земскомъ собраніи, когда докладъ ревизіонной комиссіи былъ выслушанъ, раздались голоса:

— На что намъ этотъ складъ? Не лучше ли его уничтожить *).

За это рѣшеніе, во-первыхъ, простое чувство деликатности: завѣдывающаго складомъ приходится всетаки уволить, и для него гораздо лучше, если онъ можетъ сказать: уволенъ, потому что самый складъ упраздненъ. А во-вторыхъ, израсходовали 20,000 р. на культуру—и будетъ; можно найти и другіе способы оказать благодѣяніе нашимъ бѣднымъ крестьянамъ. И, повторяю, много такихъ «благодѣяній» оказано за послѣдніе годы народу въ Курской губерніи. Въ ней пока не обнаружено кредитныхъ операцій.

*) Исторія старооскольскаго сельскохозяйственнаго склада наиболѣе подробно была разсказана спеціальнымъ корреспондентомъ „Русскаго Слова". Его разсказомъ я, главнымъ образомъ, и пользуюсь (см. „Р. Сл." 9 іюля 1910 г.).

какія намъ извѣстны изъ практики порховскаго земства. Зато существуетъ оригинальный «запасный фондъ»: напр., у гласнаго губернскаго земства М. Я. Говорухи-Отрока уже нѣсколько лѣтъ находится 600 р.; эта сумма и называется въ денежныхъ отчетахъ управы «запаснымъ фондомъ» **). Если въ земской кассѣ не окажется наличныхъ, то можно обратиться къ «запасу», хранящемуся у гласныхъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ стараніями г. Маркова былъ учрежденъ и другой фондъ, «на противопожарныя мѣры». Губернское земское собраніе на эти «мѣры» ассигновало сразу 135 тысячъ рублей. Сумма эта поступила въ распоряженіе особаго комитета, состоящаго изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя управы и третьяго лица, избраннаго предводителемъ и предсѣдателемъ. Финансовое положеніе земства не позволило повторить эту ассигновку. А куда дѣлись 135.000 р.,—до сихъ поръ тайна. Никакого отчета не представлено. Мѣстное земское большинство полагаетъ, что 135 тысячъ были ассигнованы въ «безотчетное» распоряженіе особаго «комитета» ***). Удалось, впрочемъ, выяснить нѣкоторыя частныя назначенія изъ противопожарнаго фонда. Такъ, напр., извѣстно, что именно изъ него взяты 12.000 руб. на изданіе газеты «Курская Быль». А почему эта газета попала въ число противопожарныхъ средствъ, г. Марковъ объяснить не желаетъ. Детальное же знакомство съ земскими расходами на газету приводитъ къ такимъ, напримѣръ, открытіямъ. Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ «Курской Были», кромѣ г. Маркова, состоитъ нѣкто г. Жердевскій. О немъ изъ газетъ извѣстно, между прочимъ, слѣдующее:

„Жердевскій обвинялся кишиневскимъ окружнымъ судомъ въ нехорошихъ поступкахъ. Но скрылся. Два года его разыскивали и, наконецъ, разыскали въ самомъ подходящемъ для него мѣстѣ,—въ редакціи „Курской Были". Его арестовали. Но были пущены въ ходъ связи Маркова и Пуришкевича. Внесли залогъ въ 500 р., и Жердевскаго освободили" ***).

А затѣмъ веденіе судебнаго дѣла оказалось почему-то отнесеннымъ—по крайней мѣрѣ, частично—на земскій счетъ. И въ расходныхъ статьяхъ курскаго земства появились записи: «Свидѣтельство въ окружный судъ Жердевскаго», «Телеграмма въ кишиневскій окружный судъ», «Жердевское пособіе» ****).

Всѣхъ курскихъ благодѣяній народу, повторяю, не перечислишь. Но и сказаннаго достаточно, чтобъ оправдать слѣдующій отзывъ мѣстныхъ людей объ этихъ благодѣяніяхъ:

Когда гг. Марковы забрали власть, изо всѣхъ поръ повылѣзли

*) „Русское Слово", 15 декаяря 1910 г.
**) „Русское Слово", 22 апрѣля 1909 г.
***) „Русское Слово", 15 декабря 1910 г.
****) Тамъ же.

общипанные крѣпостники. И прямо къ пирогу: намъ-то побольше дайте... Готовы вырвать кусокъ изо рта. Ихъ кормятъ, но всѣхъ не накормишь, и вотъ въ этомъ-то ахиллесова пята гг. Марковыхъ. Они, какъ фараоновы коровы, съѣдятъ другъ друга и сами умрутъ отъ голода. Уже теперь ропотъ и недовольство среди нихъ: того обдѣлили, иного не накормили.

Этотъ отзывъ мѣстныхъ людей былъ напечатанъ «Русскимъ Словомъ» въ апрѣлѣ 1909 г. Надежда на то, что «фараоновы коровы» станутъ бодать одна другую, отчасти оправдалась. Значительная доля того, о чемъ я только что напомнилъ, раскрыта вслѣдствіе междоусобія: не подѣлили, есть обиженные, они обличаютъ тѣхъ, кому больше досталось, и такимъ образомъ тайное становится явнымъ. Взаимно бодаются «фараоновы коровы» и понынѣ. Но надежда, что воронъ ворону глаза выклюетъ, разумѣется, ни на чемъ не основана. Всѣхъ голодныхъ земскимъ пирогомъ не накормишь. Но, вѣдь, въ распоряженіи гг. Марковыхъ не только земскіе пироги. Въ той же Курской губерніи нашлись для голодающихъ и другіе куски. Въ Курскѣ, напр., удалось добиться, чтобы служившій нѣсколько трехлѣтій городскимъ головою А. В. Алехинъ не былъ утвержденъ въ этой должности. И такимъ образомъ, мѣсто городского головы очистилось для назначеннаго отъ правительства «ставленника марковцевъ», г. Тулубѣева. Выполнять обязанности городского головы г. Тулубѣеву некогда, онъ въ городскую управу не приходитъ, а «заходитъ» при случаѣ въ свободное время, на часокъ, на полчасика, на нѣсколько минутъ. Но жалованье получаетъ. И не онъ одинъ получаетъ:

Г. Тулубѣевъ удалилъ многихъ прежнихъ служащихъ и пригласилъ своихъ. Новый, поставленный г. Тулубѣевымъ, секретарь управы былъ бывшій чиновникъ губернскаго правленія. Его пришлось вскорѣ удалить, такъ какъ онъ оказался совершенно больнымъ. Второй секретарь, тоже бывшій чиновникъ губернскаго правленія, удаленный за служебные проступки. Съ нимъ также пришлось разстаться. Прошло только 13 мѣсяцевъ службы г. Тулубѣева, а въ городской управѣ ужъ третій секретарь, бывшій помощникъ исправника. Составъ городской канцеляріи, которой управляетъ секретарь, ужасный... Оставшіеся за бортомъ казенныхъ учрежденій нашли себѣ пріютъ въ курской городской управѣ *).

Россія—пирогъ большой, на всѣхъ хватитъ. Важно лишь отстоять самую идею сословнаго господства въ мѣстной жизни, а тѣмъ самымъ и сословнаго кормленія за счетъ мѣстныхъ средствъ (о сословномъ кормленіи за общегосударственный счетъ говорить нечего,—это само собою разумѣется). Торжеству этой идеи мѣшаютъ разныя препятствія. Во-первыхъ, слишкомъ свѣжи обѣщанія государственной власти расширить права низшихъ слоевъ населенія и снять сословныя перегородки. Этого препятствія ко-

*) „Русское Слово", 16 декабря 1910 г.

нулся, между прочимъ, въ своей упомянутой выше программной рѣчи на екатеринославскомъ дворянскомъ собраніи кн. Урусовъ. «Приглашенный въ засѣданіе совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства въ Петербургъ», я,—говорилъ кн. Урусовъ,—какъ и подавляющее большинство членовъ отъ дворянства и земствъ, не могъ согласиться» съ предполагаемой правительствомъ реализаціей обѣщаній, ибо эта реализація, даже въ томъ видѣ, какъ ее проектировало правительство, по мнѣнію кн. Урусова и подавляющаго большинства другихъ «приглашенныхъ», грозила «значительной ломкой существующаго строя и почти полнымъ умаленіемъ значенія уѣздныхъ предводителей дворянства». Съ этимъ препятствіемъ надо считаться. Но, во всякомъ случаѣ, реализація обѣщаній задержана. И успокоительное заявленіе кн. Урусова: «реформа» задержана, вполнѣ подтверждается всѣми объективными данными. Препятствіе сверху, въ сущности, уже сломлено,—вѣрнѣе, пожалуй, оно само сломалось. Остается лишь убрать обломки, въ родѣ обновленнаго въ 1906 г. крестьянскаго представительства въ земствѣ. Во-вторыхъ, есть препятствіе снизу,—со стороны интеллигенціи, крестьянства и т. д. Но это ужъ задача борьбы съ внутренними врагами. Наконецъ, есть препятствія внутри самого сословія. Часть дворянства политически неблагонадежна. Не уходя изъ сословія и пользуясь его правами, это лѣвое крыло противится идеѣ кормленія, отстаиваетъ лучшія земскія традиціи. Къ лѣвому крылу примыкаетъ средній промежуточный слой, зараженный «слюнтявымъ народничествомъ», какъ выражаются нынѣ нѣкоторые оффиціозные органы въ родѣ «Голоса Москвы» и «Новаго Времени». Это—враги сословія, но и не вполнѣ друзья. Они склонны насаждать всеобщее обученіе, библіотеки, не замѣчая, что этимъ роютъ себѣ яму. Они заражены земскими народолюбивыми бреднями, и открытое кормленіе ихъ коробитъ. Отчасти именно они заставляютъ прибѣгать къ обходнымъ и замаскированнымъ путямъ, хотя можно бы идти къ цѣли напрямки. Эти въ буквальномъ смыслѣ слова внутренніе враги сословія во многихъ земствахъ продолжаютъ и понынѣ давать основной тонъ. Но во многихъ мѣстахъ уже удалось если не сломить ихъ окончательно, то въ значительной степени обезвредить. И тамъ, гдѣ они сломлены или хотя бы только обезврежены, принципъ сословнаго господства и сословнаго кормленія сдѣлалъ огромныя завоеванія.

IV.

Въ старой сословной «волѣ» было и еще одно благо. Г. Меньшиковъ недавно назвалъ его «дисциплинарной властью» помѣщика надъ крестьянами. Всѣ мы знаемъ, какъ болѣе 20 лѣтъ назадъ эта «дисциплинарная власть» отчасти возрождена въ формѣ «близ-

кой къ народу власти» земскихъ начальниковъ. Либеральная печать до сихъ поръ возмущается этимъ судебно-административнымъ «институтомъ». Однако, теперь даже г. Щегловитовъ ничего не имѣетъ противъ отобранія у этого «института» судебныхъ функцій. Да и пора ихъ отобрать. Старая штука—земскіе начальники. Отжили они свой вѣкъ. «Дисциплинарная власть» возродилась на столько, что для дальнѣйшаго укрѣпленія ея нужны уже другія, болѣе совершенныя формы.

Недавно печатью было отмѣчено, какая судьба постигла земскаго начальника Сызранскаго уѣзда Самарской губ., г. Ясинскаго, вынесшаго обвинительный приговоръ управляющему мѣстнаго землевладѣльца Ушкова по судебному дѣлу съ крестьянами: г. Ясинскій былъ устраненъ отъ должности. Столичная печать заинтересовалась преимущественно заключительнымъ актомъ маленькой уѣздной драмы. Между тѣмъ, акты, предшествующіе устраненію, пожалуй, болѣе характерны и симптоматичны. Дѣломъ Ушковъ-Ясинскій мѣстная, самарская, печать интересуется уже нѣсколько мѣсяцевъ. Въ іюлѣ 1910 г. въ «Голосѣ Самары» появилась рѣзкая обличительная корреспонденція противъ г. Ясинскаго изъ села Рождествена, сызранскаго у., за подписью: «Р—скій». Земскій начальникъ написалъ опроверженіе. Г. Р—скій напечаталъ въ отвѣтъ новую корреспонденцію. И во время этой полемики г. Ясинскій предложилъ редакціямъ мѣстныхъ газетъ прислать въ село Рождествено сотрудниковъ и ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Приглашеніемъ этимъ воспользовалась, между прочимъ, редакція «Волжскаго Слова». Ея сотруднику земскимъ начальникамъ, дѣйствительно, была предоставлена возможность кое съ чѣмъ ознакомиться. И такимъ образомъ, самарскій губернаторъ, устранившій Ясинскаго, можетъ сказать, что кара наложена вовсе не за обвинительный приговоръ противъ помѣщика, а, напр., за приглашеніе газетныхъ сотрудниковъ и открытіе передъ ними оффиціальныхъ документовъ. Но это между прочимъ,—просто для того, чтобъ отмѣтить, что причина устраненія достовѣрно неизвѣстна, и о ней можно лишь догадываться. Да и не въ ней суть. Важнѣе другое,—что выяснено мѣстными литераторами при обзорѣ открытыхъ предъ ними г. Ясинскимъ дѣлъ и документовъ.

С. Рождествено—дарственное. Надѣлы «куриные». Экономически крестьяне съ 1861 г. зависятъ отъ «экономіи». Но въ послѣдніе годы экономія возстановила и дисциплинарную власть. И вотъ противъ этой-то дисциплинарной власти крестьяне и начали въ 1910 г. легальную борьбу. Въ одномъ изъ приговоровъ волостного схода общая картина отношеній между крестьянами и экономіей рисуется такъ. Служащіе владѣльца экономіи, г. Ушкова, дѣлаютъ, что хотятъ. Крестьянъ. протестующихъ противъ несправедливости или насилія, «черкесы, служащіе экономіи, бьютъ нагайками, а потомъ заявляютъ уряднику, который составляетъ актъ,

и протестующихъ предаютъ суду или наказываетъ административнымъ порядкомъ, какъ нарушителей будто бы обязательнаго постановленія г. губернатора». Кстати сказать, эти «черкесы», ингуши и вообще стражники при помѣщичьихъ экономіяхъ—явленіе общеимперскаго характера. На какомъ «положеніи» они въ имѣніи г. Ушкова, мнѣ неизвѣстно. Но каждый владѣлецъ можетъ придать личной его стражѣ государственный характеръ,—для этого стоитъ лишь, по соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей, жалованье стражникамъ платить черезъ административныя учрежденія *). И разъ эти формальности соблюдены, каждый такой «черкесъ», ингушъ, просто стражникъ за причиненное имъ оскорбленіе или иное правонарушеніе «при исполненіи служебныхъ обязанностей» можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности лишь въ томъ сложномъ порядкѣ, который защищаетъ лицъ, состоящихъ на правительственной службѣ. Какъ вообще дѣйствуетъ своеобразная вотчинная полиція, объ этомъ недавно имѣло поводъ освѣдомиться общественное мнѣніе всѣхъ культурныхъ странъ: извѣстно, что расправа экономическихъ стражниковъ съ крестьянскими причиняла много горя Л. Н. Толстому въ послѣдніе годы и мѣсяцы его жизни въ Ясной Полянѣ. Легальный протестъ противъ «черкесовъ»—дѣло вообще мудреное. Но рождественскіе крестьяне нашли способъ протестовать легально. Дѣло въ томъ, что г. Ушкову сдана мѣстнымъ земствомъ «аренда» перевоза. Служащіе экономіи при перевозѣ поступаютъ, по отзыву волостного схода, съ крестьянами нехорошо, несправедливо, задерживаютъ, а въ случаѣ протеста черкесы бьютъ, отводятъ къ уряднику и т. д. Обо всемъ этомъ сходъ составилъ приговоръ, въ которомъ проситъ уѣздное земство не сдавать перевозъ г. Ушкову. Приговоръ былъ составленъ 24 января. А 9 апрѣля волостное правленіе донесло земскому начальнику, что управляющій экономіей г. Степановъ,

узнавъ частно о приговорѣ волостного схода, запретилъ крестьянамъ волости пастьбу скота на арендуемой ежегодно крестьянами у Ушкова землѣ и поемныхъ лугахъ... И крестьяне приходятъ въ бѣдственное положеніе...

Г. Степановъ заявилъ крестьянамъ, что онъ позволитъ пасти скотъ только при томъ условіи, если, во-первыхъ, волость пришлетъ ему копію приговора отъ 24 января, и если, во-вторыхъ, десять-

*) О томъ, какъ просто все это дѣлается, можно судить по слѣдующей замѣткѣ въ хроникѣ «Орловскаго Вѣстника» (№ 14 марта 1909 г.). «резолюціей г. губернатора команда пѣшей полицейской стражи, учрежденная въ имѣніи Карцева при с. Петровскомъ, Ливенскаго у., упразднена за невнесеніемъ на ея содержаніе денегъ»... Подано заявленіе, внесены деньги,—команда учреждается. Не внесены деньги—команда упраздняется. Она можетъ оставаться на службѣ у землевладѣльца, но разъ деньги не внесены въ административныя учрежденія, то это уже не «полицейская команда», а просто сторожа, частныя лица.

дворники, подписавшіе этотъ приговоръ, явятся въ экономію «для допроса». Волость это послѣднее требованіе отвергла. Тогда г. Степановъ обратился непосредственно къ сельскимъ обществамъ съ требованіемъ составить приговоры, опровергающіе приговоръ волостного схода. Въ противномъ случаѣ—заявилъ г. Степановъ—экономія, помимо запрещенія пасти скотъ, увеличитъ на нѣсколько рублей съ десятины арендныя цѣны на землю. Два общества рѣшили составить такіе приговоры для врученія г. Степанову, но одновременно составили другіе приговоры, въ которыхъ изложили требованія г. Степанова, его угрозы и свой протестъ. Такъ тянулось дѣло до 20 іюня, когда волостной сходъ, разсмотрѣвъ всѣ насилія управляющаго экономіей надъ обществомъ, постановилъ привлечь г. Степанова къ судебной отвѣтственности. Въ отвѣтъ на это г. Степановъ наложилъ на всѣхъ подписавшихъ приговоръ «штрафы». Правда, формально все поставлено такъ, что «штрафы» г. Ушковъ можетъ называть «добровольной сдѣлкой». Но объ этой формальности и существѣ дѣла можно судить хотя бы по такому примѣру:

За городьбу со всѣхъ крестьянъ экономія брала по 50 коп., съ участниковъ же послѣ составленія приговора потребовала по 2 рубля; при этомъ объявлялось: „если не хочешь платить лишнихъ полтора рубля,—выпишись изъ приговора".

«Никто, однако,—замѣчаетъ сотрудникъ «Волжскаго Слова»—изъ приговора не выписался, предпочитая уплатить лишнихъ полтора рубля»... Таково, въ общихъ и краткихъ чертахъ судебное дѣло, поступившее къ земскому начальнику Ясинскому по жалобѣ волостного схода *)... Какъ бы ни оцѣнивать земскаго начальника, все таки онъ оффиціально мѣстный представитель государственной точки зрѣнія. Его административной и судебной власти подчинены тѣ самые крестьяне, которыхъ служащіе совершенно частнаго человѣка г. Ушкова бьютъ нагайками, за малѣйшее невиннѣйшее проявленіе протеста караютъ разными другими способами, заставляютъ угрозами принимать тѣ или иныя рѣшенія. И все это, помимо земскаго начальника, до желаній и намѣреній котораго ни г. Ушкову, ни его управляющему въ сущности нѣтъ никакого дѣла. Ясно, что такого двоевластія, а при существованіи нѣсколькихъ владѣльцевъ и многовластія, земскій начальникъ терпѣть не можетъ. Дѣло не только въ административномъ самолюбіи. И по существу, вѣдь, такая система недопустима. А съ другой стороны,—зачѣмъ, собственно, г. Ушкову земскій начальникъ теперь, когда есть «черкесы»? Повторяю, мнѣ неизвѣстно, на какомъ положеніи они служатъ въ ушковской экономіи. Но вообще каждому Ушкову предоставлено обзавестись «черкесами», занесенными въ списки лицъ, состоящихъ на полицейской службѣ. И этотъ новый придатокъ къ ста-

*) «Волжское Слово», 6 августа 1910 г.

рому механизму во многихъ случаяхъ совершенно измѣняетъ установившіяся было деревенскія отношенія. Прежде «земскій» старался ладить съ помѣщиками,—отъ нихъ часто зависѣла его карьера. Но и помѣщики имѣли надобность ладить съ «земскимъ». Имѣлъ бы въ этомъ надобность въ былыя времена и г. Степановъ. Въ случаѣ какого-либо недоразумѣнія съ крестьянами, скажи земскому,—и онъ распорядится. Если желательно получить тотъ или иной приговоръ отъ схода, или добиться отмѣны уже состоявшагося приговора,—опять-таки попроси земскаго. Земскій былъ благожелательнымъ къ одной изъ сторонъ и во многомъ зависимымъ отъ этой стороны, но третейскимъ судьей между бариномъ и мужикомъ. Теперь именно третейскій-то судья и не нуженъ. Если нужно «распорядиться», у г. Ушкова есть собственные черкесы. Если нужно кого-либо посадить подъ арестъ, тотъ же черкесъ задержитъ подлежащаго наказанію мужика впредь до разбора дѣла урядникомъ; на рукахъ у урядника цѣлый арсеналъ обязательныхъ постановленій. Все это скорѣй, проще, чѣмъ обращеніе къ земскому начальнику. Послѣдній былъ хорошъ, когда вотчинная идея начинала возрождаться. Теперь она настолько укрѣпилась, что знаменитая «близкая къ народу власть» стала машиной неуклюжей, устарѣвшей, громоздкой конструкціи. Мало того, какъ машина разсчитанная на относительно несовершенное осуществленіе вотчиннаго начала, институтъ земскихъ начальниковъ естественно склоненъ отстаивать именно тѣ несовершенныя формы, къ которымъ онъ наиболѣе приспособленъ. Третируемый помѣщикомъ, земскій начальникъ въ иныхъ случаяхъ легко можетъ оказаться невольнымъ союзникомъ крестьянина.

Какъ разъ именно это и произошло въ дѣлѣ Ушковъ-Ясинскій. Земскій начальникъ, по жалобѣ крестьянъ, вызвалъ управляющаго экономіей въ качествѣ обвиняемаго. Владѣлецъ экономіи обратился по телеграфу къ губернатору. Губернаторъ предписалъ г. Ясинскому—по телеграфу же—«отложить» разсмотрѣніе крестьянской жалобы и представить ее ему, губернатору. 30 іюня г. Ясинскій разсмотрѣлъ жалобу и приговорилъ обвиняемаго управляющаго къ трехмѣсячному аресту, а на другой день 1 іюля получилось предписаніе губернатора. И г. Ясинскому предстояло: либо объявить свой только что вынесенный судебный приговоръ несуществующимъ и очутиться въ невозможномъ положеніи предъ жалобщиками-крестьянами, либо игнорировать приказъ губернатора. Г. Ясинскій предпочелъ послѣдній, болѣе почетный выходъ. Что за этимъ лично для г. Ясинскаго послѣдовало, мы уже знаемъ. А его судебный приговоръ былъ, разумѣется, отмѣненъ.

Г. Ушкова газеты называютъ «милліонеромъ». Онъ, во всякомъ случаѣ, крупный землевладѣлецъ. Крупные землевладѣльцы вообще у насъ на особомъ положеніи. Для нихъ «законы не писаны». Они могутъ игнорировать не только земскихъ начальниковъ, но и

губернаторовъ. И въ данномъ случаѣ можно было бы утѣшать себя мыслью, что порядокъ въ экономіи г-на Ушкова—явленіе исключительное, объясняемое исключительно благопріятными для владѣльца обстоятельствами. Но вотъ случай въ имѣніи дюжиннаго землевладѣльца верхнеднѣпровскаго у., Екатеринославской губ. г. Бѣлокрыса. У г. Бѣлокрыса произошла «порубка»: по оффиціальнымъ версіямъ, нѣсколько крестьянъ замѣчены въ томъ,что «самовольно рубили и копали саженыя деревья». Кстати сказать, случилось это около деревни Владимировки, которую мѣстный священникъ считаетъ «самой лучшей въ приходѣ»: «населеніе спокойное и тихое», «ни о воровствѣ, ни о прочихъ безобразіяхъ не слышно»; а по словамъ прокурора, вся порубка состояла въ томъ, что «какой-то мальчишка срубилъ шелковицу въ саду Бѣлокрыса». По старому порядку, надо бы просто обратиться къ земскому начальнику, и земскій бы «разсудилъ». Но теперь, порядки новые, усовершенствованные. И г. Бѣлокрысъ написалъ становому приставу (г. Дементьеву) записку: «Дорогой Всеволодъ Константиновичъ! Пришлите казачковъ, необходимо кое-кого выпороть». По этому приглашенію приставъ пріѣхалъ лично съ тремя стражниками и урядникомъ. Г. Бѣлокрысъ сообщилъ ему имена «порубщиковъ». Кстати ужъ рѣшено было свести счета и съ тѣми крестьянами, которые арендуютъ у г. Бѣлокрыса землю, и которыми онъ недоволенъ. Затѣмъ позвали старосту, велѣли ему привести намѣченныхъ помѣщикомъ крестьянъ. Староста привелъ человѣкъ 12. И началась экзекуція.

Въ данномъ случаѣ дѣло осложнилось тѣмъ, что г. Бѣлокрысъ передъ экзекуціей щедро угостилъ пріѣхавшую по его пріятельской запискѣ полицейскую команду. Команда изрядно перепилась, стала производить экзекуцію не только нагайками, но и кулаками, шапками, избитыхъ арестовала; опьянѣвъ еще больше отъ этихъ упражненій, „команда" пустилась ловить стариковъ, дѣтей, занялась вымогательствами. Всѣ эти эксцессы и привели ее во главѣ съ становымъ приставомъ на скамью подсудимыхъ. Но это уже крайность, излишество. Не будь излишествъ, все было бы просто, естественно и безъ уголовныхъ послѣдствій для полицейской команды. Вотъ разсказъ свидѣтеля, крестьянина Оловаренка, на судѣ:

Бѣлокрысъ отдалъ намъ въ аренду землю на 7 лѣтъ. Другіе арендаторы предложили ему дороже. И онъ, желая, чтобъ мы отказались отъ аренды, сталъ тѣснить насъ: не позволялъ сѣять, не принималъ денегъ за аренду. Деньги мы аккуратно отвозили въ городъ и сдавали въ депозитъ мирового судьи. Такъ и шло дѣло. Жили и бѣды надъ собою не чуяли. Пашу это я 14 октября. Прибѣгаетъ десятскій, зоветъ на сходъ. Пошелъ. Пріѣхалъ приставъ. Сталъ дѣлать перекличку. А Бѣлокрысъ ему и говоритъ: «что вы спрашиваете ихъ,—всѣ они воры и мошенники».

Затѣмъ „приставъ приказалъ ложиться". Описаніе экзекуціи опускаю.

Выпороли меня'— разсказываетъ далѣе Оловаренко.—Уходить теперь, что ли?—спрашиваю урядника. «Нѣтъ, говоритъ, подожди еще немного: еще кулачнаго боя приставъ не пробовалъ".

Между прочимъ: пристрастіе къ „кулачному бою", въ сущности, не повредило г. Дементьеву: преданный суду за истязаніе крестьянъ, онъ былъ назначенъ вслѣдъ затѣмъ на должность начальникомъ тобольской каторжной тюрьмы,—для станового пристава карьера вовсе не плохая; да и судъ отнесся не слишкомъ строго,—г. Дементьевъ приговоренъ къ 2-мѣсячному тюремному заключенію, причемъ приговоръ этотъ подвергнутъ на высочайшее благовоззрѣніе. *) Личныя свойства г. Дементьева привели къ излишеству. Внѣ этихъ личныхъ свойствъ—система. Главнѣйшей задачей уѣздной полиціи поставлено—охрана культурныхъ гнѣздъ; соотвѣтственно этой цѣли подбираются люди; ихъ одѣваютъ въ полицейскую форму и снабжаютъ вполнѣ опредѣленными инструкціями. Да и помимо инструкцій, каждый исправникъ, становой, урядникъ, стражникъ хорошо понимаетъ, „какое нынче время": за пересолъ по охранѣ культурныхъ гнѣздъ даже похвалятъ, а за недосолъ, по жалобѣ землевладѣльцевъ, „слетишь съ мѣста". Логическимъ выводомъ изъ этого общаго положенія является посылка записочки: „пришлите казачковъ, необходимо кое-кого выпороть". Такими выводами слишкомъ богата жизнь. Рѣшаюсь напомнить еще примѣръ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогичный тому, что происходило во владѣніяхъ г. Бѣлокрыса.

У помѣщика Чуйкова въ имѣніи Бутыркахъ, ельнинскаго уѣзда, Смоленской губ., крестьянинъ Григорій Корніенко арендовалъ мельницу по домашнему условію на 3 года. Прежде чѣмъ срокъ аренды кончился, нашелся другой арендаторъ, предложившій болѣе высокую цѣну. Но Григорій Корніенко желалъ до конца использовать свое право, обусловленное договоромъ. Что тутъ дѣлать владѣльцу? Обратиться къ земскому начальнику? Но, во-первыхъ, это путь долгій. А во-вторыхъ, на рукахъ у Корніенко договоръ,—документъ, игнорировать который земскому начальнику, какъ судьѣ, мудрено. Гораздо проще—попросить урядника. И вотъ помѣщикъ вмѣстѣ съ урядникомъ отправляются наложить дисциплинарное взысканіе на арендатора за отказъ подчиниться требованію владѣльца. Корніенка урядникъ вытаскиваетъ изъ избы, связываетъ возжами и отвозитъ сначала въ барскую экономію, а потомъ въ волость. При этомъ допускаются и „эксцесы": бьютъ Корніенка такъ, что онъ потерялъ трудоспособность; бьютъ и его жену. У побитаго есть отецъ, человѣкъ энергичный. Онъ подаетъ

*) Данныя о дѣйствіяхъ г. Бѣлокрыса и полицейской команды заимствую изъ судебнаго отчета „Южной Зари"; № 13 января 1911 г.

жалобу исправнику. «Исправникъ жалобу принялъ, но на томъ дѣло и кончилось». Въ концѣ концовъ Корніенко-отецъ вынужденъ ѣхать въ Петербургъ, такъ какъ нигдѣ онъ не „находилъ правды". Но и въ Петербургѣ къ его жалобамъ относятся внимательно лишь редакціи газетъ. Редакціи выслушали, разсмотрѣли документы, напечатали, какъ и почему старикъ Корніенко поѣхалъ въ Петербургъ „за правдой". По старымъ газетамъ—1909 года—и я теперь разсказываю эту исторію. Но что изъ газетныхъ разговоровъ вышло,—я не знаю. Да если и вышло что, если урядника накажутъ, то система отъ этого, вѣдь, не измѣнится. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, вслѣдствіе настойчивости и энергіи обиженнаго или по причинѣ чрезмѣрныхъ эксцессовъ, которыя вызываютъ вмѣшательство судебныхъ властей, наиболѣе яркіе эпизоды жизни, слагающейся на почвѣ этой системы, становятся достояніемъ гласности,—утѣшеніе, довольно таки платоническое. Вообще же система слагается изъ фактовъ, до того обыденныхъ, что на нихъ сама «гласность» махнула рукой: „въ концѣ концовъ это даже скучно". Факты похожи другъ на друга, какъ капли дождя: арестовали, побили нагайками, выпороли; и такъ же часты они, какъ капли дождя. Это—современная намъ погода, господствующая въ соціальныхъ отношеніяхъ деревни. И въ явленіяхъ, составляющихъ эту погоду, уже довольно явственно обозначились нѣкоторые характерные типы.

Что дѣлаютъ теперь въ деревнѣ земскіе начальники,—говорить не буду. И вообще-то не секретъ, какія блага принесло крестьянству это дѣтище Д. А. Толстого. А въ атмосферѣ «успокоенія» толстовскій цвѣтокъ разроссся буйно и пышно. Жизнь, однако, настолько ушла впередъ, что по нынѣшнимъ временамъ земскіе начальники попали въ положеніе, аналогичное прокуратурѣ. Каковъ бы ни былъ прокуроръ, а все таки онъ въ силу своего подзаконнаго положенія не можетъ быть такъ изобрѣтателенъ и предпріимчивъ, какъ околоточный надзиратель или исправникъ. Да и относится уѣздная полиція къ земскимъ приблизительно такъ же, какъ въ городахъ, положимъ, полицеймейстеръ относится къ судьѣ или прокурору: почтительно, но и съ сознаніемъ собственнаго превосходства. Конечно, въ деревняхъ эта двойственность обнаруживается въ формахъ простыхъ и грубыхъ. И накопилось уже не мало конфликтовъ между урядниками и становыми, съ одной стороны, и земскими начальниками—съ другой... Словомъ, времена настали такія, что даже земскіе начальники оказываются—если оставить въ сторонѣ многочисленные случаи злоупотребленій—представителями, какого ни на есть, но закона. «Земскій что,—кабы только земскій, то жить бы еще можно»...

Гораздо совершеннѣе и полнѣе помогаетъ осуществлять вотчинную идею полицейская власть. Требуется только одно условіе: чтобы землевладѣлецъ не числился въ разрядѣ политически неблагона-

дежныхъ элементовъ, чтобы за нимъ не было поручено производить особое наблюденіе становому и уряднику. Если это условіе соблюдено, то обыкновенно по первому зову землевладѣльца является власть и предоставленными свыше въ ея распоряженіе средствами водворяетъ дисциплину.

Есть, однако, способъ, еще болѣе совершенный. Послѣднее слово административной техники: «внести деньги» на содержаніе при экономіи «форменной полицейской команды». Мы уже видѣли, къ какимъ все таки сложнымъ путямъ должны были прибѣгнуть гг. Бѣлокрысъ и Чуйковъ, чтобъ освободиться отъ арендныхъ договоровъ съ крестьянами: надо писать записку становому или уряднику, просить, угощать, благодарить. Будь у владѣльца собственные «черкесы»,—по его распоряженію, они, кого нужно, выгонятъ, кому нужно—не позволять пахать, виновныхъ немедленно покараютъ. А тамъ, крестьяне, если они находятъ себя обиженными, пусть возстановляютъ свои права въ судебномъ порядкѣ... Конечно, это послѣднее слово техники нуждается въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи. Нѣкоторые изъ недостатковъ новаго механизма легко замѣтить съ перваго же взгляда: «черкесы» все таки стоятъ дорого; какъ должностныя лица, они со стороны крестьянъ почти неуязвимы, между тѣмъ фактическаго хозяина, владѣльца экономіи, каждый крестьянинъ можетъ потащить въ судъ, къ тому же хотя бы земскому начальнику... Дальнѣйшія усовершенствованія нужны. Но и теперь старая барская воля довольно хорошо возрождена. Возродилась, сообразно этому, и старая барская идеологія и психологія. Понятія крѣпостного времени, въ теченіе 50 лѣтъ тлѣвшія подъ налетомъ реформъ, стыдливо скрываемыя отъ свѣта, ожили и непостыдно заявили о себѣ, какъ только явилась надежда, что старина, можетъ быть, еще и вернется.

Не только подъ перомъ г. Меньшикова они ожили. Екатеринославскій баринъ съ полнымъ сознаніемъ своего права пишетъ: «необходимо кое-кого выпороть». Смоленскій баринъ видитъ крестьянскаго мальчика, который подошелъ къ его верандѣ, чтобъ посмотрѣть его акваріумъ, и опять таки съ полнымъ сознаніемъ своего права приказываетъ кучеру: «выпори тамъ, на конюшнѣ». Тульская барыня случайно уронила глубокою осенью гребенку изъ волосъ въ прудъ и посылаетъ въ деревню: сгоните-ка мужиковъ, пусть найдутъ... Сычевскій мужикъ ударилъ барскую собаку, испугавшую ребенка, и за это попалъ въ кордегардію... собака, вѣдь, «господина Хомякова». Саратовская барыня Ирина Петровна экстренно требуетъ къ себѣ изъ земскаго амбулаторнаго пункта фельдшера какъ разъ во время пріема больныхъ. Времена такія, что отказать нельзя. Фельдшеръ бросаетъ больныхъ, ѣдетъ; его ведутъ къ барынѣ, барыня приказываетъ:

— Приготовьте мнѣ крысиной мази.

Фельдшеръ пробуетъ робко напомнить, что сейчасъ у него въ

амбулаторіи пріемъ, ждутъ больные. Ирина Петровна сердито повышаетъ голосъ:

— «Не околѣютъ ваши мужики безъ васъ» *).

И это еще либеральная барыня,—«выкаетъ». Возвращается мода «тыкать»...

Учитель вольскаго уѣзда не всталъ почтительно при входѣ барина (земскаго начальника) въ волостное правленіе. Баринъ возмущенъ:

— Чей ты?
— Здѣшній... учитель.
— Не видишь? Сидишь? А?

Два дня учитель отсидѣлъ въ «холодной»,—конечно, безъ суда, и даже безъ административнаго порядка, а просто такъ: посадили, а черезъ два дня выпустили **).

Баринъ петровскаго уѣзда (Саратовской губ.) увидѣлъ, что два мужика идутъ по дорогѣ, по которой онъ запретилъ ходить:

— Запорю! Мерзавцы! Молчать! На колѣни! Ѣшьте землю...

Ничего не подѣлаешь,—пришлось «ѣсть землю»: страшно, вѣдь, попасть въ передѣлку къ стражѣ.

Четверо симбирскихъ крестьянъ торговали лѣсъ у барина. Прежде, чѣмъ купить, надо, разумѣется, посмотрѣть. Пошли вчетверомъ осматривать. Стоятъ рядомъ два участка, одинъ одного владѣльца, другой—другого. Остановились покупщики, стали сравнивать. Въ это время ѣхалъ мимо другой владѣлецъ. Видитъ,—стоятъ мужики и пальцами на его собственность показываютъ. Крикнулъ своихъ лѣсныхъ сторожей; у тѣхъ нагайки, немедленно проявили «дисциплинарную власть»:

«Избили такъ, что одинъ изъ мужиковъ еле доплелся до дому, слегъ въ постель и нѣсколько дней проболѣлъ» ***).

Потому,—не своевольничай, не разсматривай чужое имущество безъ разрѣшенія.

Молодой баринъ, служащій по полиціи (становымъ приставомъ въ Саратовскомъ у.) пріѣхалъ ночью въ село. Скучно, знаете ли... Позвалъ старосту и десятскаго и распорядился:

— Вотъ что,—сходите къ мужику Кочеваеву, приведите ко мнѣ его дочку...

Мужики нынче—народъ строптивый. Дочку Кочеваевъ не пустилъ. Мало того,—на другой день явился требовать объясненій:

— Зачѣмъ, ваше благородіе, вамъ понадобилась моя дочь въ первомъ часу ночи?

---

*) „Саратовскій Листокъ", 2[?] декабря 1910 г.

**) „Саратовскій Листокъ". 5 ноября 1908 г.

***) «Саратовскій Листокъ"; годъ въ сохранившейся у меня вырѣзкѣ не обозначенъ,—кажется, 1908 г. № 207.

****) Народныя Вѣсти, 16 мая 1909 г.

Вмѣсто отвѣта, баринъ сталъ бить мужика плетью, а затѣмъ накинулъ ему плеть на шею и потащилъ его со словами:

— Иди на съѣзжую, тамъ узнаешь *).

Порядки же, установившіеся на съѣзжей, лишь дополняютъ картину. Они—обратная сторона медали: если барину воля, то по отношенію къ мужику все дозволено. И по мѣрѣ продолжительности нынѣшнихъ порядковъ у защитниковъ крѣпостныхъ традицій растетъ увѣренность, что такъ и быть должно, что это-то и есть порядокъ нормальный, въ которомъ осуществляется ихъ естественное, «божественное», право. Его нарушеніе или неполное осуществленіе кажется обидой, несправедливостью. На полпути, очевидно, остановиться нельзя: какъ ни велики завоеванія вотчиннаго принципа, но именно потому, что они велики, открывается надобность удалить все, что этому принципу мѣшаетъ и противорѣчитъ. Да и аппетитъ приходитъ по мѣрѣ ѣды. Разъ ужъ «воля барину», то баринъ неминуемо скажетъ: «полная воля». А гдѣ «полная воля», тамъ и «вся земля».

Тѣмъ болѣе нельзя остановиться на полпути, что «чистые идеалы» кн. Урусова возрождаются въ значительной мѣрѣ по тактическимъ соображеніямъ. Мужикъ — «врагъ внутренній». Въ частности это значитъ, очевидно, что онъ не хочетъ,—да и не можетъ, по многимъ причинамъ,—примириться съ уцѣлѣвшими даже de jure въ русской жизни остатками крѣпостныхъ отношеній. И для борьбы съ нимъ, какъ врагомъ внутреннимъ, въ значительной мѣрѣ возрождено и возрождаются именно эти волнующія крестьянскую стихію отношенія. Другими словами, лекарство усиливаетъ болѣзнь. А такъ какъ болѣзнь — недовольство, озлобленіе и раздраженіе мужика—усиливается, то необходимо съ каждымъ днемъ увеличивать дозу лекарства. Словомъ, отъ того, чтобъ взять, наконецъ, быка за рога, никуда не уйдешь. И не мудрено, что 19 февраля 1911 года Россія встрѣчаетъ весьма откровенной постановкой рокового вопроса, полурѣшеннаго 50 лѣтъ назадъ, наново и въ обратномъ смыслѣ.

V.

Правительство противъ «крамолы» и профессорской, и студенческой; профессорское большинство и противъ правительства, и противъ студентовъ; студенческое большинство и противъ правительства, и противъ профессоровъ,—таково въ общихъ и грубыхъ чертахъ распредѣленіе дѣйствующихъ силъ во время послѣднихъ академическихъ волненій. Изъ тактики каждому юнкеру извѣстно, что такое положеніе наиболѣе желательно сторонѣ нападающей (въ данномъ случаѣ, правительству) и наименѣе выгодно сторонѣ

*) „Русское Слово“ 1 августа 1909 г.

обороняющейся (въ данномъ случаѣ, профессорамъ и студентамъ). Студенты понесли огромный матеріальный уронъ. Профессора потерпѣли не только матеріально, но и морально. Говоря о моральномъ уронѣ, я разумѣю, конечно, не обвиненія оффиціозной печати, сводящіяся къ тому, что профессора въ сущности сочувствуютъ студенческимъ «забастовкамъ» и «безпорядкамъ» и лишь изъ страха передъ правительствомъ и ради сохраненія служебныхъ выгодъ принимаютъ чисто показныя мѣры противъ забастовщиковъ. Отъ обвиненій справа не спасешься. И на нихъ можно бы не обращать вниманія. Гораздо хуже, что многіе профессора дали нѣкоторый поводъ для такихъ обвиненій. И дали, главнымъ образомъ, потому, что въ ихъ дѣйствіяхъ нѣтъ принципіальной ясности.

Задолго до нынѣшнихъ студенческихъ волненій либеральное большинство профессоровъ усвоило въ обращеніи къ студентамъ, напр., такой аргументъ: не надо допускать никакихъ «рѣзкостей», протестовъ, «исторій»,—и не надо, между прочимъ, потому, что это повредитъ автономіи, — ее значительно урѣжутъ или вовсе отымутъ. Этотъ аргументъ предъявлялся студентамъ и во время послѣднихъ волненій. Въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣло доходило до болѣе откровенныхъ запугиваній. Такъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, студенткамъ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ было заявлено, что если онѣ забастуютъ, то курсы будутъ правительствомъ надолго закрыты. Попытка дѣйствовать на студенческую массу такими средствами естественно привела къ выводу, что въ профессорской средѣ подобные аргументы считаются убѣдительными,—т. е. въ поведеніи самихъ профессоровъ чувство страха играетъ большую роль. Не только студентамъ, но и посторонней публикѣ трудно стало найти границу, что̀ въ профессорскихъ увѣщаніяхъ высказано по глубокому внутреннему убѣжденію, что изъ страха. Ядъ недовѣрія, просочившійся въ отношенія между профессурой и студенчествомъ, разумѣется, отравляетъ всю вообще атмосферу академической жизни. Естественно, вѣдь, должно явиться недовѣріе даже къ тому, что профессоръ говоритъ съ каѳедры: по убѣжденію ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ, или ему подсказываетъ многое страхъ передъ какимъ-либо «академистомъ», который можетъ донести о слышанномъ на лекціи, а начальство воспользуется доносомъ, чтобъ урѣзать автономію?

Не принципіальна аргументація. Не принципіальны и нѣкоторыя практическія средства, употребленныя профессорскимъ большинствомъ многихъ высшихъ школъ. Г. Родичевъ въ думской рѣчи, при обсужденіи запроса объ университетскихъ событіяхъ, внесеннаго к.-д. фракціей, напомнилъ давній эпизодъ изъ дѣятельности профессора Рѣдкина.

Рѣдкинъ былъ ректоромъ петербургскаго университета въ то время, когда начались протесты противъ профессора Ціона. Полиція явилась въ университетъ, вызванная по доносу инспектора. „Вы

приглашены мною сюда?"—обратился ректоръ къ приставу.—„Нѣтъ, я явился по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ".—„Потрудитесь выйти!"

Рѣдкинъ не только удалилъ пристава, но немедленно уволилъ и того инспектора, по доносу котораго полиція явилась. «Волненія—говорилъ далѣе г. Родичевъ—прекратились, какъ будто ихъ рукой сняло. Почему? Потому что вѣрящій въ правду и безтрепетно стоящій на почвѣ закона ректоръ показалъ студентамъ, что они не беззащитны» *). Этотъ примѣръ принципіальной защиты самъ собою подчеркиваетъ, въ чемъ основной грѣхъ многихъ нынѣшнихъ профессоровъ, которые, продолжая занятія въ университетахъ, наполненныхъ полиціей, читая лекціи подъ охраной полиціи, утверждаютъ, что они защищаютъ автономію. Одно изъ двухъ: либо надо прекратить либеральные разговоры объ автономіи, и тогда полицейская охрана займетъ логически понятное мѣсто въ высшихъ школахъ; либо, ужъ если автономія дѣйствительно дорога, необходимо дѣйствовать по примѣру профессора Рѣдкина. Защищать автономію, прибѣгая къ средствамъ, уничтожающимъ ее, значитъ впасть въ полное внутреннее противорѣчіе. Противорѣчіе тѣмъ нагляднѣе, что многіе профессора, объявляющіе себя защитниками автономіи, не только читаютъ лекціи подъ охраной полиціи, явившейся «по собственной инціативѣ»; въ отдѣльныхъ случаяхъ, они сами приглашали полицейскую охрану. Естественно создалась почва для догадокъ: чѣмъ объяснить не примиримое противорѣчіе. Есть-ли это тактическая ошибка, недоразумѣніе, отчасти оправдываемое крайне неблагопріятными условіями, при которыхъ протекаютъ нынѣшнія студенческія волненія? Или передъ нами мелкое политиканство, фальшь, неискренность? Одни заподозрили именно политиканство. И дѣло дошло до того, что въ томскомъ, напр., технологическомъ институтѣ попечитель округа «распекалъ» профессоровъ, какъ мальчишекъ, за неискреннее и фальшивое, по его мнѣнію, поведеніе. Другіе, въ томъ числѣ и студенты, просто не вѣрятъ большинству профессуры. Не вѣрятъ, въ сущности, одинаково и студенты правые, и студенты лѣвые. И этотъ моральный уронъ наиболѣе тяжекъ. И строго говоря, причиненъ онъ не правительствомъ. Либеральному большинству профессуры приходится пенять на себя, на свои тактическія ошибки, чѣмъ бы ни были онѣ обусловлены.

И профессора, и студенты понесли огромный уронъ. Что выиграло правительство? Увы, мы опять «безъ побѣдителей». Когда я пишу эти строки, въ большомъ проигрышѣ и гг. Столыпинъ съ Кассо. Обѣщаніе быстро, «въ 3 дня», прекратить «забастовку», безъ промедленія возстановить правильное теченіе дѣлъ, оказалось легкомысленной похвальбой. Московскій университетъ, за массо-

*) Цит. по „Рѣчи" № 8 февраля.

вымъ выходомъ многихъ профессоровъ въ отставку, не скоро придетъ въ норму, если даже забастовку студенты прекратятъ. А пока они бастуютъ. Цѣлый рядъ учебныхъ заведеній фактически закрытъ, такъ какъ некому слушать лекціи. Въ большинствѣ высшихъ школъ чтеніе многихъ лекцій сведено къ жалкой формальности. Въ аудиторіи, въ лучшихъ случаяхъ, 10—15 слушателей, да и тѣ часто набираются изъ «академистовъ», приходящихъ съ чужихъ курсовъ. Нерѣдко и такихъ слушателей нѣтъ: лекцію слушаютъ 2—3 студента, а то и просто ассистентъ да сторожъ, да городовой, наблюдающій «за порядкомъ». Мало того, въ движеніе вовлекаются постороннія группы. Вовлекаются не только родители студентовъ, подвергшихся массовымъ увольненіямъ, ссылкамъ, высылкамъ, арестамъ и т. д. Съ непріятными правительству заявленіями выступила группа гласныхъ московской городской думы. Повидимому, еще болѣе непріятно правительству коллективное заявленіе 65-ти крупнѣйшихъ капиталистовъ Москвы. Сами по себѣ эти протесты, конечно, безсильны. Но они подчеркиваютъ, что правительство г. Столыпина такъ же, въ сущности, одиноко, какъ и правительство покойнаго Плеве. Подчеркнутое одиночество повышаетъ духъ враговъ. Сознаніе собственнаго одиночества ведетъ къ упадку духа.

Остается вѣра въ «бронированный кулакъ». Но и онъ пока оказался безсильнымъ водворить желательный г. Столыпину порядокъ. Можно сказать, что это лишь пока. А потомъ «мы» оправимся. Всѣ безпокойные элементы студенчества будутъ разсѣяны. Всѣ неблагонадежные профессора будутъ изгнаны. Правда, послѣ радикальной чистки профессоровъ, большинство каѳедръ обречены на полное запустѣніе. Но это бѣда поправимая. При желаніи можно найти «научныя силы» даже среди околоточныхъ надзирателей,—нашелъ же генералъ Толмачевъ прекраснаго бактеріолога среди своихъ чиновниковъ. А на будущія времена у г. Кассо, если вѣрить «бесѣдѣ» съ нимъ, напечатанной «Новымъ Временемъ», есть проектъ: командировать за границу молодыхъ людей для подготовки къ профессорской дѣятельности. И молодые люди, пригодные для такой командировки, есть: организованы группы «академистовъ». Располагая временемъ (если, конечно, событія позволятъ имъ располагать) и бронированнымъ кулакомъ, гг. Столыпинъ и Кассо заведутъ повсюду «автономіи» одесскаго образца. Это—единственно возможная для нихъ и наиболѣе желательная, съ ихъ точки зрѣнія, «побѣда». Но теперь даже московскіе промышленники понимаютъ, что такая «побѣда» равносильна полному упадку высшаго образованія. Да и ни къ чему она не можетъ привести, кромѣ новыхъ и безконечныхъ волненій молодежи.

Тонкій аппаратъ высшей школы радикально испорченъ. Отказаться отъ политики, приведшей его въ бездѣйствіе, правительство,

конечно, не согласится. Тутъ своего рода психологія, подсказывающая, что отступать нельзя. И примѣры свѣжи въ памяти: вонъ, отступили при Ванновскомъ, завели «сердечное попеченіе»,—ну, и подняла революція голову... Да и то сказать: при Ванновскомъ и даже Глазовѣ была вѣра въ благонадежность, по крайней мѣрѣ, крестьянской массы. Нынѣ приходится вѣрить единственно въ бронированный кулакъ; и признать его безсиліе значило бы дискредитировать даже въ собственныхъ глазахъ послѣдній ресурсъ. Отступить нельзя. Надо идти впередъ по разъ избранному пути—къ окончательному и всестороннему «успокоенію» высшей школы.

VI.

23 января на 85 году отъ рожденія скончался Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ. Хоронить такихъ людей вообще больно. Въ Россіи передъ свѣжей могилой крупнаго человѣка нельзя не страдать вдвойнѣ. Вдвойнѣ больно уже потому, что слишкомъ бѣдна страна культурными силами. И вмѣстѣ обидно и горько, ибо своеобразна судьба многихъ крупныхъ русскихъ людей. Своеобразна была и судьба Стасюлевича.

Михаилъ Матвѣевичъ былъ однимъ изъ выдающихся русскихъ профессоровъ. Но полвѣка назадъ, въ 1861 г., почти въ самомъ началѣ своей профессорской дѣятельности, онъ, одновременно съ Кавелинымъ, Пыпинымъ, Спасовичемъ, Утинымъ, не призналъ возможнымъ примириться съ обычными мѣропріятіями правительства относительно университета и вышелъ въ отставку: потеря для страны и понятная каждому душевная рана лично для покойнаго на всю жизнь. Интересы высшей школы были ему неизмѣнно близки и дороги. До конца дней онъ чутко слѣдилъ за ея судьбами. А судьба была почти сплошнымъ мартирологомъ. И послѣдними, такъ сказать, предсмертными впечатлѣніями Михаила Матвѣевича были: выступленія боевого академизма и цѣлый рядъ другихъ мѣръ, приведшихъ къ полной дезорганизаціи высшаго образованія.

Въ лицѣ Стасюлевича сошелъ въ могилу одинъ изъ выдающихся русскихъ педагоговъ. Но и педагогическая дѣятельность его, какъ преподавателя, пресѣклась почти одновременно съ профессорской,—въ шестидесятыхъ годахъ. Русскій климатъ оказался для нея слишкомъ суровымъ. Таланту крупнаго общественнаго дѣятеля и педагога пришлось довольствоваться тѣмъ скромнымъ поприщемъ, какое открылось передъ Стасюлевичемъ уже въ 80-хъ годахъ, послѣ избранія въ гласные петербургской городской думы. Условія работы были исключительно неблагопріятны. Массу энергіи приходилось тратить на борьбу съ административными препонами и разными реакціонными силами, господство которыхъ въ городскомъ

управленіи обезпечено закономъ. И если Петербургъ все-таки по развитію и постановкѣ начальнаго образованія занялъ среди русскихъ городовъ одно изъ передовыхъ мѣстъ, то этимъ онъ обязанъ въ значительной мѣрѣ Стасюлевичу. Двѣ награды ждали его за эту напряженную работу въ теченіе почти 20 лѣтъ. Одна формальная—титулъ почетнаго гражданина. Другая—по существу: подъ конецъ дней Михаилу Матвѣевичу суждено было видѣть, какъ поставленныя имъ начальныя школы Петербурга преданы въ руки тѣхъ самыхъ «стародумскихъ» реакціонныхъ силъ, отъ натиска которыхъ ему приходилось защищать свое дѣло.

Въ литературѣ съ именемъ Стасюлевича тѣсно связанъ важный моментъ въ исторіи либеральнаго направленія русской общественной мысли. Подъ его редакторствомъ въ созданномъ имъ «Вѣстникѣ Европы» опредѣлились особенности пореформеннаго русскаго либерализма, усвоившаго не только извѣстные политическіе лозунги, но и признаніе необходимости соціальныхъ реформъ. Эта важная работа совершена при невозможныхъ, въ сущности, условіяхъ. Достаточно напомнить, чѣмъ окончилась попытка Михаила Матвѣевича издавать газету: «Прогрессъ и Порядокъ». «Прогрессъ» даже въ лучшія времена Лорисъ-Меликова оказался у насъ не ко двору. Газету пришлось назвать просто: «Порядокъ». Но и «Порядокъ», послѣ цѣлаго ряда административныхъ репрессій, вынужденъ былъ прекратиться. Самый «Вѣстникъ Европы» цѣлыя десятилѣтія существовалъ подъ страхомъ «предостереженій», пріостановки и закрытія. 42 года работы протекло при такой обстановкѣ. И работа эта оставила крупный слѣдъ. А затѣмъ... Вотъ, что пишетъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ покойнаго Л. З. Слонимскій.

«Самымъ печальнымъ временемъ для Михаила Матвѣевича былъ 1908 годъ, когда обстоятельства заставили его отказаться отъ любимаго привычнаго дѣла и передать его въ другія руки. Бодрый и здоровый физически, онъ внутренно страдалъ отъ сознанія, что «Вѣстникъ Европы» ушелъ отъ него, и что ему не удалось заботливо провести журналъ до порога своей могилы; онъ всегда думалъ, что разстанется съ своимъ дѣтищемъ въ моментъ смерти,— и этой надеждѣ его не суждено было осуществиться» *).

Журналъ перешелъ въ другія, но въ близкія, дружественныя и надежныя руки. Важнѣе, быть можетъ, другое. На глазахъ Михаила Матвѣевича сдѣланы были попытки провести въ жизнь ту программу направленія, которая была развернута подъ его редакціей въ «Вѣстникѣ Европы». Какова судьба этихъ попытокъ теперь, во времена г. Столыпина и третьей Думы, и говорить не приходится...

Крупныя силы, высоко развитое чувство личнаго достоинства,

*) «Рѣчь», 24 января 1911 г.

благородная жажда широкой общественной работы: въ условіяхъ русской жизни все это вело къ душевнымъ ранамъ и страданіямъ,— ранамъ на всю жизнь, страданіямъ изо дня въ день. Упорный напряженный трудъ въ теченіе болѣе полувѣка, и вѣнецъ трудовъ— опять таки страданія. Таковъ былъ жизненный путь Михаила Матвѣевича, плодотворный для общества и скорбный лично для него.

А. Петрищевъ.

Предвидѣнія и наблюденія въ беллетристикѣ.

«Конченъ, конченъ дальній путь»... Мы, наконецъ, у желанной точки, если положимся на точность наблюденій г-жи Гиппіусъ.

Давно ли Максимъ Горькій мечталъ, какъ о мыслимомъ, но недостижимомъ для насъ счастьи: счастьи быть гармоничнымъ въ самомъ себѣ! Именно потому, что это было для насъ, людей 19—20 вѣка, имѣющихъ душу сложную, состоящую изъ напластованій различныхъ моментовъ культуры, — Максимъ Горькій, умный человѣкъ, мечталъ о пришествіи другого человѣка, которому это все будетъ возможно. Создастъ онъ гармонію въ самомъ дѣлѣ. Разберется и въ окружающемъ мірѣ и въ самомъ себѣ, и будетъ цѣлостно-спокоенъ духомъ: «найдетъ гармонію между собой и міромъ, въ самомъ себѣ гармонію создастъ».

Двѣ строки, превосходныя, ясныя и тонкія по выраженію того, что человѣку нужно сейчасъ и во-вѣки вѣковъ (нужно полагать).

Это искреннія строки изъ риторичнаго стихотворенія въ прозѣ о «Человѣкѣ», которыя тѣмъ болѣе характерны, что онѣ выражали тоску по внутренней гармоніи у человѣка, не заѣденнаго «грамматикой», какъ иронически именовалъ плоды душевной культуры одинъ изъ героевъ того же Максима Горькаго.

И оказывается, что М. Горькій напрасно относилъ свои мечты въ область далекаго, лишь въ лирикѣ мечтаній существующаго времени.

Оно уже пришло это время—время душевной гармоніи, и г-жа Гиппіусъ—крайній пророкъ этой гармоніи.

Впрочемъ, она даже не пророкъ—эти вѣдь тоже живутъ о будущемъ. А г-жа Гиппіусъ въ нѣкоторомъ родѣ пророкъ о настоящемъ. Она рисуетъ существующихъ людей, обрѣтшихъ такой душевный рай гармоніи, что вы хотѣли бы авторской ремарки: греза о будущемъ. Вы хотѣли бы изъ малодушія.

Но авторъ разсказываетъ не грезу, а быль.

Разсказъ называется «Чертова кукла», и мѣсто нахожденія его—въ первой книжкѣ «Русской Мысли» за текущій годъ.

Пусть читатель не посѣтуетъ, если мы задержимъ его вниманіе на характеристикѣ героя неконченнаго разсказа г-жи Гиппіусъ.

Это универсально симпатичный человѣкъ. По описанію г-жи Гиппіусъ, его всѣ любятъ, онъ всѣмъ нравится. И это утвержденіе отнюдь не голословно: въ жизнеописаніи, сдѣланномъ г-жей Гиппіусъ, поименно отмѣчаются люди, которымъ безмѣрно нравится герой.

Вотъ разнообразный перечень этихъ людей:

1) революціонерка;
2) графиня;
3) сенаторъ;
4) депутатъ Государственной Думы;
5) офицеръ;
6) критикъ-журналистъ;
7) просто юноша;
8) подростокъ-сестра;
9) содержанка депутата;
10) ея пріятельница и товарка по ремеслу,
11) горничная;
12) еще горничная, высшаго ранга;
и 13) кухарка.

Какъ видите, тринадцать человѣкъ въ одной только январьской книжкѣ (жизнеописаніе не окончено) безъ различія пола, возраста, сословія, убѣжденій и профессій. «Всѣ промелькнули передъ нами»...

Но больше всѣхъ очарованъ героемъ самъ авторъ. Нѣтъ словъ у г-жи Гиппіусъ, чтобъ описать даже внѣшность своего Юрули: у «него изумительная улыбка: сіяющая и умная». Глаза у него «каріе съ золотомъ». По фигурѣ онъ—«тонкій, крѣпкій, высокій какъ молодая елка». А черезъ 4 страницы дается переописаніе фигуры, съ указаніемъ, что «Юруля смахиваетъ на узкую flûte для шампанскаго». Послѣднее сравненіе, вѣроятно, особенно лестно для героя.

Было бы, однако, ошибкой думать, что Юруля очаровываетъ внѣшними качествами. Онъ привлекателенъ и этими качествами, но не только ими, и даже не главнымъ образомъ—ими.

Онъ обаятеленъ цѣльностью своей красоты; онъ «весь» нравится (г-жа Гиппіусъ двукратно употребляетъ именно это выраженіе: «весь» нравится). Для многихъ, которымъ онъ нравится,—самимъ было неясно и непонятно, за что они любили героя. Но всетаки любили. Таково, напр., было отношеніе къ нему «революціонеровъ» за время, когда Юруля съ ними сталкивался и совмѣстно занимался революціей.

Юная «революціонерка» Наташа, встрѣтившись съ Юрулей въ Парижѣ, немедленно вспоминаетъ: «Любили его всѣ, неизвѣстно за что».

Совершенно такъ же относится къ нему графиня-бабушка: «закаменѣвшая старуха, питавшая спокойное и даже мало-объяснимое отвращеніе» къ отцу Юрія—сенатору.

«Но удивительно—прибавляетъ г-жа Гиппіусъ — Юрія, сына Николая Юрьевича, отъ перваго брака, старая графиня съ годами все больше и больше миловала... Нравился Юрій».

«Мало объяснимое» отвращеніе графини къ отцу Юрія—въ дѣйствительности вполнѣ объяснимо. Это—старый брюзга, озлобленный тѣмъ, что онъ не у дѣлъ, что онъ «забытъ». Но и сенаторъ-брюзга только до тѣхъ поръ, пока не сталкивается съ обаятельнымъ сыномъ—студентомъ: «Врядъ-ли онъ любилъ сына; однако цѣнилъ посѣщенія; они развлекали и утѣшали его. Веселый, красивый, увѣренный и здоровый Юрій ему нравился»:

Нравился онъ и депутату Государственной Думы (какъ видите, дѣйствіе происходитъ совсѣмъ «сегодня»), своему троюродному дядѣ—«очень богатому южному помѣщику». Какъ ни велика была разница между ними въ лѣтахъ—депутату было «за 50 лѣтъ»,—«съ Юрулей (онъ) сразу вступилъ въ пріятельскія отношенія».

Мы умышленно разнообразимъ перечень лицъ, влюбленныхъ въ героя г-жи Гиппіусъ. Поэтому отъ «революціонеровъ» мы перешли къ людямъ солиднаго общественнаго положенія.

Теперь отъ сѣдыхъ людей перейдемъ къ сверстникамъ героя.

Сестра героя никакъ не опредѣляетъ своего отношенія; но это дѣлаетъ за нее авторъ, утверждая, что подростокъ сестра не понимала: «Кому это онъ—ея братъ—можетъ не нравиться».

Объ офицерѣ Левковичѣ говорится еще тверже: «Левковичъ обожалъ Юрулю. Вѣрилъ ему, совѣтовался съ нимъ». Настолько вѣрилъ, по словамъ г-жи Гиппіусъ, что—будучи женатъ—не боялся приглашать его къ себѣ въ гости.

— Ты такой красивый, Юра, что будь это не ты, я бы тебя побоялся звать къ намъ,—сказалъ онъ шутливо.—Ревновалъ бы тебя.
Юрій усмѣхнулся.
— Не бойся. И за сто Мурочекъ я не захочу тебя огорчить.

Какъ мы увидимъ дальше, это успокоительное завѣреніе со стороны Юрули нѣсколько странно («я не захочу»), но пока намъ важенъ не онъ, а только общее отношеніе къ нему, выраженное устами автора или непосредственно самими персонажами. Критикъ-журналистъ, конечно, говоритъ самъ за себя и говоритъ почти стихотвореніемъ въ прозѣ:

Съ такимъ лицомъ, какъ ваше, съ такимъ... я бы сказалъ, рисункомъ всей вашей личности, можно не написать ни одной строки, но не быть поэтомъ—нельзя.

Къ слову будетъ замѣтить, что этотъ гимнъ «рисунку личности» декламируется въ увеселительномъ саду «за столикомъ», въ присутствіи соотвѣтственныхъ дамъ. При этомъ, по описанію г-жи Гиппіусъ, была «злая ночь мая». При этомъ, небо было «глупое», а «гдѣ-то слишкомъ вверху честно желтѣла безполезная луна».

Глупое небо не мѣшало, однако, собравшимся говорить умныя вещи, и нѣкто Сгасикъ, совсѣмъ юнецъ, говоритъ восторженно все тому же Юрію—«Юрулѣ»: «Не видишь—не помнишь, а увидишь—почему то любишь (васъ). Вы—такой красивый».

Даже соотвѣтствующія мѣсту дамы находятся подъ обаяніемъ личности героя, и это спасаетъ отъ непріятности одного «революціонера, присутствующаго тутъ же въ восторженной компаніи. Одна изъ дамъ хотѣла высунуть языкъ хмурому «революціонеру», но присутствіе всеподчиняющаго Юрули спасаетъ положеніе:

Грубоватая Жюлька захохотала и не высунула ему языкъ только потому, что Юруля былъ съ нимъ ласковъ.

Кто можетъ—послѣ этого—учесть точно силу обаянія «счастливой» личности въ современномъ обществѣ?

Остается упомянуть объ отношеніи къ герою представителей «низовъ». Въ разсказѣ фигурируютъ кухарка и горничная изъ простыхъ, съ которой Юруля занимается флиртомъ, переодѣваясь приказчикомъ. Но переодѣваніе ничего не скрываетъ, и кухарка «съ ума по немъ сходитъ», зоветъ «самовоспитаннымъ», а горничная «Машка большеротая» даритъ поцѣлуями.

Предѣлъ поклоненія «низовъ», однако, находимъ у горничной въ домѣ бабушки-графини. По словамъ г-жи Гиппіусъ, «горничная Гликерія, степенная и вымуштрованная, такъ любила Юрія, что даже имя его произносила громче обыкновеннаго».

Это—предѣлъ поклоненія.

Чѣмъ же объясняется энтузіазмъ тринадцати человѣкъ, взятыхъ авторомъ во всѣхъ слояхъ петербургскаго населенія?

Кратко объясненіе можетъ быть дано словами автора въ X главѣ: «Отъ его (Юрія) улыбки въ комнатѣ дѣлается уютнѣе».

Эта универсальная симпатичность героя входитъ въ замыселъ г-жи Гиппіусъ; именно этимъ и доказывается, что ея герой стоитъ на вѣрномъ пути къ достиженію всеобщаго счастья въ юдоли плача.

Для болѣе подробнаго анализа намъ придется остановиться на жизнепониманіи Юрули.

Именно здѣсь секретъ обаянія Юрули. Онъ, несмотря на молодость, понялъ, что нужно людямъ. Понялъ и осуществилъ.

II.

Юруля очень жалѣетъ людей. Ибо «люди еще такіе глупые, еще такіе несчастные!..—Ну, да пусть ихъ,—прибавляетъ Юруля.— Научатся жить когда-нибудь».

Тѣмъ болѣе, что научиться вовсе не трудно: Юруля вовсе не собирается накладывать никакого неудобоносимаго бремени. Нужно только, чтобы люди научились о себѣ заботиться, какъ это умѣетъ Юруля.

«Не то что осуждаю,—говоритъ Юрій своему собесѣднику,— а... просто жалѣю, что вы такъ неумно живете и скверно о себѣ заботитесь»...

Именно въ этомъ недостатокъ жизни: люди слишкомъ скверно заботятся о себѣ. Поэтому они страдаютъ всякими «вѣрами» (множ. отъ «вѣра»). А никакихъ «вѣръ» человѣку не нужно.

„...Что же дѣлать? Какъ жить?—тихо сказала Наташа („революціонерка").

„Ахъ, не знаю"—отвѣчалъ Юрій.—„Я другимъ не совѣтчикъ. Просто живите, вѣръ никакихъ не ищите".

Въ жизни важно не только для себя, какъ мы видѣли, но и «вообще»—совсѣмъ другое. Нужно разсѣвать кругомъ радость отъ лицезрѣнія счастливыхъ, а для этого нужно умѣть «чувствовать себя сильнымъ и веселымъ. Веселымъ, свободнымъ, крѣпко связаннымъ въ одинъ узелъ». Такъ какъ герой въ эту минуту катится на велосипедѣ, то заключительный выводъ приводится въ видѣ сравненія съ велосипеднымъ рулемъ. Герой «весело» констатируетъ, что «стальной руль (такъ же) легко послушенъ ему, какъ его тѣло, его жизнь—послушны его мысли, волѣ, желанію, капризу, удовольствію, забавѣ»... При этомъ по контрасту герой вспоминаетъ о людяхъ и восклицаетъ: «О, какъ вчужѣ досадно иногда, что люди еще такіе глупые, еще такіе несчастные!» (Мы уже приводили этотъ тезисъ).

Что же нужно, однако, чтобы быть всегда «умнымъ», а потому и «счастливымъ»?

Юруля не скрываетъ ни отъ кого: «Я откровенно забочусь прежде всего о себѣ, но мнѣ важно дѣлать это съ наименьшимъ вредомъ для другихъ». А въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ почти формулу: «себя крѣпко любить надо. Поняли?»

Это и есть основная мысль всей жизни Юрули,—его вѣра, хотя онъ и говоритъ: «вѣръ не ищите». Самъ онъ умѣетъ «крѣпко любить»...

Можно ли солгать изъ любви къ себѣ? Не только можно, но непремѣнно слѣдуетъ,—заявляетъ онъ, ошеломляя собесѣдницу, «революціонерку» Наташу:

...Васъ нечего бояться, вы—счастливый.
— Я счастливый,—сказалъ онъ просто.
— И вы не лжете.
— Нѣтъ, непремѣнно лгу, когда нужно. Непремѣнно. Но только когда нужно...

Вредить другимъ?—Надо и непремѣнно, но опять-таки только тогда, когда это нужно. Отнюдь не тогда, когда это безполезно. Въ этомъ отношеніи герой почти фанатикъ: безполезнаго вреда другимъ онъ не допускаетъ ни въ какомъ случаѣ.

Вредить другимъ можно лишь въ крайнемъ, въ самомъ послѣднемъ случаѣ.
Литта (сестра-подростокъ) смотрѣла него широкими глазами.
— Вредить? Да развѣ я не знаю? Никогда нельзя.
— Никогда отъ глупости, никогда отъ неосторожности. Никогда для собственнаго удовольствія. Но вотъ единственный случай: если приходится выбирать между другимъ и собой, — то надо разумно, неизбѣжно повредить другому, а не себѣ.
— О, Юра! А если маленькій вредъ себѣ?

Но герой г-жи Гиппіусъ не способенъ на компромисы. Ему все равно, маленькій или большой. Безполезный вредъ другому—нелѣпость, но вредъ самому себѣ — это нѣчто абсолютно недопустимое.

— Никогда. Вредъ другому — это непріятная глупость, вредъ себѣ—какъ бы сказать? Ну, грѣхъ, что ли...

Вотъ и весь маленькій секретъ Юрули. Вотъ почему онъ вѣчно счастливъ и спокоенъ душой. Вотъ почему всѣмъ радостно его видѣть; вотъ почему, когда онъ улыбается, въ комнатѣ становится уютнѣе, а горничная Гликерія громче произноситъ его имя.
И когда люди «научатся жить»—какъ надѣется Юруля — всѣ будутъ такими счастливыми...

III.

Но, какъ ни простъ секретъ Юрули, если разсматривать его съ теоретической стороны, все-таки нельзя возражать противъ одного авторскаго положенія. Для автора герой—«средній человѣкъ»; г-жа Гиппіусъ заставляетъ самого Юрулю считать себя такимъ: по ея описанію, «радовалъ себя онъ самъ, — веселый студентъ, простой, средній человѣкъ, такъ просто и свободно живущій».
Это безусловное преувеличеніе, какъ ни относиться къ Юрулѣ. Онъ безусловно человѣкъ исключительной одаренности. Онъ не только хочетъ наслаждаться, онъ умѣетъ наслаждаться, умѣетъ изобрѣтать наслажденія, находить ихъ тамъ, гдѣ никто «средній» не нашелъ бы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ чуть не на каждой страницѣ не кто иной, какъ авторъ.

«Куда бы зайти однако?—думаетъ изображаемый ею герой и сейчасъ же рѣшаетъ: «Вездѣ хорошо».

И это на самомъ дѣлѣ такъ. Ему вездѣ хорошо, и все хорошо—все радость и наслажденіе.

У него, напр., въ одной январьской книжкѣ двѣ любви. Одной онъ пользуется въ квартирѣ, стоющей полторы тысячи въ годъ, какъ сообщаетъ г-жа Гиппіусъ, а другой онъ занимается, флиртуя на черной лѣстницѣ. На черной лѣстницѣ пахнетъ всегда не очень пріятно, а на черной лѣстницѣ въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» запахъ былъ совершенно исключительный: пахло, по описанію г-жи Гиппіусъ, «тяжелыми холодными (!) кошками. Но герою ея это какъ-разъ на руку, недаромъ онъ «смахивалъ на узкую flûte для шампанскаго. Пусть тяжелыя холодныя кошки! Онъ всетаки переодѣнется приказчикомъ, принесетъ букетъ «шикарныхъ» (по описанію) цвѣтовъ и будетъ наслаждаться поцѣлуями горничной, некрасивой и «большеротой», именно здѣсь, на лѣстницѣ, гдѣ пахнетъ тяжелыми холодными кошками!

Неужели къ этому художнику въ душѣ примѣнимы слова: «простой, средній человѣкъ», т. е. такой, который не понялъ бы, пожалуй, самаго смысла словъ: «пахнетъ холодными, тяжелыми кошками»!?..

Это, конечно, не единственное доказательство исключительныхъ душевныхъ качествъ героя. Мы видѣли, что офицеръ Левковичъ обожалъ Юрулю и всегда совѣтовался съ нимъ, такъ какъ самъ никогда не зналъ, по замѣчанію Юрули, гдѣ ему, Левковичу «лучше, гдѣ хуже». А Юруля это знаетъ и за себя, и за Левковича. Знаетъ и за дядю-депутата. Знаетъ и за свою возлюбленную Лизочку (изъ 1500 рублевой квартиры). Впрочемъ, пусть объ этомъ разсказываетъ авторъ. Предупредимъ читателя только о манерѣ г-жи Гиппіусъ разсказывать въ тонѣ тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Такъ и въ данномъ случаѣ:

„Хотя Воронину (дядѣ-депутату)—разсказываетъ г-жа Гиппіусъ—перевалило за пятьдесятъ, онъ глядѣлъ еще молодцомъ и съ Юрулей сразу вступилъ въ пріятельскія отношенія.

И такъ хорошо сошлось: у Лизочки (любовь Юрули) покровитель былъ неважный, а дядя Воронка томился случайностями петербургской жизни давно. Юруля зналъ, что Лизочка ему понравится. Дѣйствительно (продолжаетъ г-жа Гипппіусъ), такъ понравилась, что дядя Воронка еще недавно на лѣстницѣ графини съ лукавымъ взглядомъ поблагодарилъ Юрулю, а Лизочкина квартира на Преображенской стоитъ полторы тысячи, обстановка самая новая, Всѣ остались довольны.

Для полноты справки прибавимъ, что въ этой квартирѣ оказалась комната, куда Юруля могъ прятаться во время неожиданныхъ наѣздовъ дяди-депутата (бѣдный депутатъ!).

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ съ Юрулей совѣтуются, но трудно повѣрить, что этотъ удачливый совѣтчикъ и устроитель—

«простой, средній студентъ». Средній студентъ могъ бы наговорить по поводу такихъ комбинацій—и съ Лизочкой и съ дядей—весьма непріятныхъ вещей.

О немъ гораздо правильнѣе сказать, что онъ виртуозъ во всемъ, за что берется. Мы видѣли его въ крупномъ, но таковъ же онъ и въ мелочахъ.

Когда онъ шелъ къ «Машкѣ большеротой», онъ взялъ цвѣты у Лизочки (ихъ ежедневно привозитъ ей «дядя Воронка»). Но ихъ нужно завернуть, чтобы они были какъ изъ магазина. Юруля и это умѣетъ. Объ этомъ считаетъ нужнымъ сообщить сама г-жа Гиппіусъ.

Съ большой ловкостью завернулъ онъ цвѣты въ бѣлый листъ бумаги, закололъ булавками,—совсѣмъ какъ въ магазинѣ.

И Юруля получаетъ возможность совершенно правдоподобно разсказывать «Машкѣ» и кухаркѣ, ея подругѣ по мѣсту служенія, что онъ приказчикъ изъ шикарнаго цвѣточнаго магазина!

А какъ онъ входитъ, крадучись ночью, въ дверь квартиры на Преображенской, когда тамъ ночуетъ дядя-депутатъ! Но пусть объ этомъ разсказываетъ авторъ (отъ своего имени):

Отворилась и затворилась внутренняя дверь. Совсѣмъ шепотомъ. Точно ничего не было. Такъ, просто тишина вздохнула.

Чѣмъ не стихотвореніе въ прозѣ! Можно было бы опасаться только, что при такомъ искусствѣ «простого средняго студента» никто не услышалъ, какъ онъ вошелъ. Но недаромъ онъ «счастливый».

Такъ какъ онъ счастливецъ во всемъ, то Лизанька услыхала, какъ «вздохнула тишина», и выбѣжала въ сорочкѣ съ продернутой сиреневой ленточкой. «Дрыхнетъ Воронка»,—сообщила она.

Изъ дальнѣйшаго явствуетъ, что она выбѣжала, чтобы узнать, счастливо ли игралъ въ карты Юруля и не бралъ ли денегъ на игру отъ «Юльки», ея товарки по профессіи. Юруля сообщаетъ, что онъ въ проигрышѣ: всѣ 400 рублей, которые далъ на игру «Лизокъ», онъ проигралъ, а отъ «Юльки» не бралъ:

„У Юльки не бралъ". «Смотри не ври».

. . . .

Вотъ глупая! Если тебѣ веселѣе, чтобъ я твои деньги проигрывалъ, такъ зачѣмъ мнѣ лгать.

Онъ только поддразниваетъ Лизочку, обѣщая найти для соперницы лучшаго «покровителя», чѣмъ нашелъ для нея, Лизочки.

Какъ видите, онъ хотя и не признаетъ никакихъ «вѣръ», но своей вѣрѣ преданъ почти фанатично и лгать безъ пользы, по прежнему, не согласенъ.

Какой же онъ «простой средній человѣкъ»!

Но тѣмъ лучше для насъ, если всетаки всѣ впослѣдствіи съумѣютъ быть такими, какъ надѣется Юруля.

Къ сожалѣнію, это будетъ слишкомъ поздно, какъ думаетъ пессимистически настроенный «революціонеръ» г-жи Гиппіусъ—Кнорръ: тотъ, которому «грубоватая Юлька» хотѣла высунуть языкъ, но удержалась только потому, что съ Кнорръ былъ ласковъ Юруля.

...долго не сводилъ глазъ съ Юрія, облокотившись, положивъ голову на руку и вдругъ сказалъ:

— Чортъ возьми какой ты красивый, Рулька!

Юрій спокойно улыбнулся.

— Счастливый. Потомъ всѣ такіе будуть. Qu'une vie est heureuse...

— Красивые?

— Счастливые...

— Это когда мы р ы л а м и несчастными с д о х н е м ъ?

Выраженіе это немножко непонятно, какъ и «холодныя тяжелыя кошки», но, повидимому, это значитъ, что мы всѣ успѣемъ умереть прежде, чѣмъ міръ уподобится Юрулѣ, станетъ собирательнымъ Юрулей...

Юрій развелъ руками.

Ну, конечно. Надо людямъ еще долго умнѣть.

Damit Punctum.

IV.

Но вотъ вы раскрываете послѣднюю повѣсть г. Арцыбашева: «У послѣдней черты».

У г-жи Гиппіусъ рѣчь шла о современности. И у г. Арцыбашева идетъ рѣчь о современности.

Тѣмъ не менѣе, когда перелистываешь повѣсть г. Арцыбашева, то и дѣло—вмѣсто пріятно-радостныхъ сценъ г-жи Гиппіусъ — мелькаютъ отрывки фразъ о «стиснутыхъ», «сцѣпленныхъ» зубахъ и пр.:

...стискивая зубы отъ желанія, сказалъ Михайловъ... (стр 179).

...стиснувъ зубы, Михайловъ схватилъ женщину въ объятія, грубо безъ словъ, какъ звѣри хватаютъ свою лукавую самку (стр. 207).

...Михайловъ застоналъ, какъ звѣрь (стр. 208).

...оскаливая бѣлые, какъ у волка широкіе зубы, блеснувшіе даже въ сумеркахъ (стр. 220).

...Ему хотѣлось оскорбить ее, обидѣть, сорвать ту жгучую физическую злобу, отъ которой дрожало все тѣло и судорожно стискивались зубы (стр. 243).

... Блѣдное съ закрытыми глазами и стиснутыми зубами лицо (стр. 245).

... грубо тащилъ на траву. Какой то стонъ вырвался изъ его сцѣпленныхъ зубовъ.

...блестя зубами... (стр. 231).

...широкій подбородокъ его почти съ яростью сжалъ твердые крупные зубы. И въ этомъ движеніи было что-то звѣриное (стр. 219),

...сцѣпивъ зубы, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, адъютантъ боролся съ Давиденко.

Читатель вправѣ прійти въ недоумѣніе. Что это за странные люди, обрекающіе своего изобразителя на монотонное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, однихъ и тѣхъ же описаній: оскалилъ зубы, стиснулъ зубы, стиснутые зубы, сцѣпленные зубы?.. И почему у нихъ такъ часто въ ходу зубы?

Особенно дико звучитъ это по сравненію съ пріятной дѣйствительностью г-жи Гиппіусъ. Тамъ — эпидемія пріятныхъ улыбокъ; здѣсь—эпидемія стиснутыхъ, оскаленныхъ и сцѣпленныхъ зубовъ. А между тѣмъ, и то, и другое вы должны считать безспорной дѣйствительностью, хотя одна дѣлаетъ комнаты уютными, а другая, съ непривычки, отпугиваетъ.

Естественно, что вы склонны объяснить отпугивающую дѣйствительность разницей въ душевномъ складѣ дѣйствующихъ лицъ. Если у г-жи Гиппіусъ всѣ улыбаются, а здѣсь скалятъ зубы, то—можно думать—герои г. Арцыбашева, въ противность Юрулѣ, «не умѣютъ еще быть счастливыми» и слишкомъ заражены всяческими «вѣрами» и живутъ «не крѣпко любя себя».

При провѣркѣ оказывается, что такая гипотеза невозможна. Главное дѣйствующее лицо у г. Арцыбашева умѣетъ «крѣпко любить себя» и тоже никогда безъ надобности не «лжетъ».

У него была побѣда по любовной части (одна изъ многихъ); побѣда закончилась трагически для «Нелли», а для Михайлова—перспективой двухъ новыхъ побѣдъ. Создавшееся положеніе Михайловъ формулируетъ въ бесѣдѣ съ докторомъ.

Я ее не бросалъ...—говоритъ Михайловъ доктору. Мнѣ просто хочется жить! Съ какой стати я принесу себя кому бы то ни было въ жертву?.. Женщинъ много, всѣ онѣ красивы, мнѣ нужны всѣ женщины, а не одна, а я буду себя мучить, коверкать, притворяться кого-то обманывать!.. Ей нужна была какая то вѣчная любовь, у меня ея нѣтъ... ну и разошлись!

Какъ видите, все одно и то же: что Юруля г-жи Гиппіусъ, что знаменитый художникъ Михайловъ (по рекомендаціи г. Арцыбашева). Они—товарищи по вѣрѣ въ ненадобность никакихъ вѣръ, и оба фанатики «крѣпкой любви къ себѣ», долженствующей, по Юрулѣ, устроить, наконецъ, міръ въ сносной и даже красивой, счастливой жизни.

Но откуда же, въ такомъ случаѣ, столько «зубовъ» въ повѣсти г. Арцыбашева?

Объясняется это, пожалуй, просто, если вспомнить одну изъ заповѣдей Юрули: «...вотъ единственный случай: если приходится выбирать между другимъ и собой, то надо разумно, неизбѣжно повредить другому, а не себѣ».

Этотъ «единственный случай», надо думать, все и объясняетъ.

Герой г-жи Гиппіусъ съ этимъ единственнымъ случаемъ не сталкивался, а знаменитый художникъ г. Арцыбашева столкнулся. Вотъ и все, повидимому.

Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать художнику, которому нужны всѣ женщины, а не всѣ женщины хотятъ его, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ?

Нѣсколько неэстетично это выходитъ: скалить и сцѣплять зубы, но что же дѣлать?

V.

Волей-неволей приходится ухаживать за дамами со «сцѣпленными» зубами.

Это, по-истинѣ, проклятіе въ жребіи писательскомъ г. Арцыбашева. Онъ не символистъ, не схематикъ, а реалистъ. Онъ думаетъ образами, а не схемами; ему нужны детали для обрисовки своихъ героевъ въ каждый данный моментъ разсказа. И эти детали портятъ композицію.

Нужно замѣтить, что, цитируя выше «зубы» во всевозможныхъ степеняхъ сжатія, мы намѣренно отложили часть цитатъ, наиболѣе яркихъ.

Вотъ эти краснорѣчивѣйшія цитаты:

... холодное, звѣриное чувство съ ужасающей силой охватило его сильное, крѣпкое тѣло (стр. 219).

...У него темнѣло въ глазахъ и была ярость, точно у звѣря вырвали полузадушенную добычу (стр. 178).

...Злоба, доходящая до ненависти къ ней, охватила его. Растерянно, страдая отъ желанія ударить ее, схватить, смять и швырнуть на траву... (стр. 197).

...Какая то звѣрская сила толкнула Михайлова. Онъ быстро кинулся къ ней, сорвалъ и куда то бросилъ шарфъ, грубо... съ бѣшеной яростью рвалъ платье (стр. 201).

...И онъ, сдерживая желаніе схватить ее, повалить... (стр. 242).

...сгибалъ... грубо тащилъ на траву (стр. 245).

...схватилъ ...смялъ, бросилъ на траву (стр. 245).

Что это: психологія? Зоопсихологія? Уголовная антропологія?

Какъ мы уже видѣли, это—психологія, ибо герой повѣсти—художникъ и даже—съ глубокимъ и красивымъ талантомъ.

Это—психологія «единственнаго случая», когда можно и должно изъ «крѣпкой любви къ себѣ» сцѣпить зубы, кинуться, схватить, смять, бросить, повалить!

И когда люди поумнѣютъ, всѣ будутъ такими гармоничными счастливцами, всѣ будутъ другъ другу сіять и дѣлать уютно въ комнатахъ.

Это отнюдь не парадоксъ, такъ какъ героя г. Арцыбашева въ повѣсти тоже любятъ, и онъ тоже нравится,—хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ Юруля.

Наша замѣтка о новомъ героѣ г. Арцыбашева была бы неполна, если бы мы не закончили ее разсказомъ, какъ онъ, на манеръ Іоанна Дамаскина, благословилъ поля и безъ словъ вознесъ благодареніе кому-то доброму и свѣтлому.

Вотъ этотъ короткій психологическій документъ о двухъ «глубокихъ» художникахъ: Михайловѣ и его авторѣ:

Михайловъ сѣлъ на скамейку подъ деревомъ и запѣлъ про себя. Потомъ замолчалъ, провелъ рукою по вьющимся мягкимъ волосамъ и уже спокойно посмотрѣлъ кругомъ прекрасными, еще немного утомленными глазами.

„А все таки хорошо!“ подумалъ онъ.

Точно благодарилъ кого-то добраго, свѣтлаго за вечернее небо, за тихій садъ, за молодыхъ женщинъ, за свою молодость и талантъ, такой глубокій и красивый.

Выходитъ, что «кто-то добрый и свѣтлый» озабоченъ доставленіемъ «молодыхъ женщинъ» Михайлову и очень заинтересованъ въ томъ, чтобы Михайловъ сцѣпилъ зубы, кинулся, смялъ, бросилъ, и повалилъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній между нами и читателемъ, оговоримся, что мы совсѣмъ не желаемъ отождествить г. Арцыбашева съ г-жей Гиппіусъ въ отношеніи таланта. Намъ интересна лишь общность между ними въ «наблюденіяхъ», сдѣланныхъ относительно «новаго человѣка».

По этой же причинѣ мы должны остановиться на новомъ разсказѣ г. Брюсова въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли».

VI.

У серьезнаго, солиднаго поэта—поэта «чиселъ» и защитника научной поэзіи—В. Брюсова тоже «новые запросы духа», приближающіеся къ успѣшному разрѣшенію. Но, какъ бы ни настраивались вы серьезно по отношенію къ этимъ исканіямъ человѣка, пользующагося широкой и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заслуженной извѣстностью, результатъ получается одинъ тотъ же. Нельзя не улыбаться при чтеніи «Изъ дневника женщины».

Герой г. Брюсова ненавидитъ современность; его «мучитъ пошлость», и ему, чтобы легко дышать, нужно уйти отъ „ненавистной и нестерпимой стихіи современности“.

Разсказъ г. Брюсова написанъ въ видѣ отрывка изъ дневника женщины, выдающейся духовно и по праву выдвигающей себя изъ толпы. И она, и ея другъ—тоже крупный художникъ, какъ и герой г. Арцыбашева—одиноки. Въ дневникѣ героини имѣются сильныя строки въ укоръ

«среднему» присяжному, сѣрому, международному вершителю человѣческихъ судебъ, безликому голосо-подавателю, когда-то приго-

рившему Сократа къ чашѣ съ омегой и недавно Уайльда къ Рэдингской тюрьмѣ!

Героиня права, противоставляя себя и художника сѣрому голосо-подавателю. Она, на самомъ дѣлѣ, выдающаяся женщина. Хотя, по ея собственному замѣчанію, получила лишь «поверхностное» образованіе, она пересыпаетъ дневникъ именами: Сократъ, Беллини, Сансовино, Тиціанъ, Тинторенто, Байронъ, Шелли, и пр. При этомъ она основное настроеніе свое формулируетъ по Пушкину:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей!

Совершенно такъ же исключительна героиня и въ сферѣ чувства. Она—вольный душою, гармоничный человѣкъ.

Она съумѣла понять полностью и осуществить въ жизни то, о чемъ лишь безсильно мечтаетъ одинъ изъ второстепенныхъ персонажей—офицеръ Треневъ—въ повѣсти г. Арцыбашева:

Смутно, но радостно рисовалась передъ нимъ новая жизнь на свободѣ. Грезились молодыя, бѣлокурыя, чернокудрыя нѣжныя женщины, къ которымъ онъ подходитъ, какъ пчела къ цвѣтку, легко и радостно, безъ страха выпивая наслажденіе и уходя дальше, вольный, какъ вѣтеръ въ полѣ.

Для героини г. Брюсова это не мечта, а естественный фактъ Ея трагедія заключается именно въ томъ, что для нея это очень просто, а для окружающихъ—исключительно до непонятности. Для нея непонятно, какъ ей жить иначе, а для толпы не понятно, какъ она можетъ быть такой, какъ она есть:

Мнѣ говорятъ, что я красива, и что красота обязываетъ. Но я не таю своей красоты, какъ скупецъ, какъ скряга. Любуйтесь мною, берите мою красоту! Кому я отказывала изъ тѣхъ, кто искренно добивался обладать мною? Но зачѣмъ же вы хотите сдѣлать меня своей собственностью и мою красоту присвоить себѣ? Когда же я вырываюсь изъ цѣпей, вы называете меня проституткой...

Вотъ трагедія героини г. Брюсова. Ея несчастье въ томъ, что она слишкомъ рано родилась. Ей нужно было бы подождать родиться. Теперь же ей приходится, вмѣсто огромнаго счастья, сужденнаго ей природой, и всѣмъ, кого съ ней столкнула бы судьба,—испытывать терзанія борьбы и непониманія.

Само собой разумѣется, что героиня живетъ мыслями въ будущемъ. И ей, и ея другу-художнику нужны эти мечты.

Имъ нужны эти мечты о будущемъ, которое прекратитъ обезсиливаніе лучшихъ людей: позволитъ довести душевныя переживанія до высшей степени культурной сложности, ни въ чемъ не парализуя волю и рѣшимость, свойственныя когда-то первобытному человѣку.

Сейчасъ возможно, конечно, только предчувствіе такихъ спокойныхъ душой, сильныхъ и красивыхъ людей.

Такимъ прообразомъ будущаго человѣка является послѣдній герой героини г. Брюсова:

Что до меня, я убѣждена, что Модестъ—одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей нашего времени. Онъ прообразъ тѣхъ людей, которые будутъ жить въ будущихъ вѣкахъ и соединять въ себѣ утонченность поздней культуры съ силой воли и рѣшимостью первобытнаго человѣка. Я убѣждена также, что Модестъ—великій художникъ, и что при другихъ условіяхъ жизни его имя было бы вписано въ золотую книгу человѣчества и всѣми повторялось бы съ трепетомъ восхищенія. Но что до этого «среднему» присяжному... голосоподавателю и т. д. (мы уже приводили конецъ этой цитаты).

Мы назвали Модеста «прообразомъ» будущаго человѣка, а не осуществленіемъ (въ родѣ Юрули). Онъ на самомъ дѣлѣ лишь прообразъ, такъ какъ у него нѣтъ того характернаго спокойствія духа *), которое есть у первобытнаго человѣка и есть у Юрули г-жи Гиппіусъ.

Напримѣръ, Модестъ убилъ мужа героини. И онъ не спокоенъ; у него нашлась сила воли и рѣшимость первобытнаго человѣка, но не сполна, не до конца. Онъ самъ это съ грустью признаетъ:

Да, я—убилъ. Убилъ затѣмъ, чтобы сознавать, что любви къ тебѣ я пожертвовалъ всѣмъ: своимъ именемъ, своей жизнью, своей совѣстью.

Я хотѣлъ убѣдиться въ своей силѣ и узнать, достоинъ ли я обладать тобой. И вотъ я побѣжденъ, увидѣлъ, что тебя я недостоинъ, и ты отвергла меня,—и я покорно принимаю свой приговоръ.

Обратили ли вы вниманіе на перечень жертвъ, принесенныхъ героемъ во имя героини. По его словамъ, онъ пожертвовалъ «всѣмъ» и перечисляетъ это все: своимъ именемъ, своей жизнью, своей совѣстью. Объ одномъ онъ забываетъ упомянуть: жизнью другого человѣка.

Мы, пожалуй, уже и знаемъ, какъ это объяснить, если взять въ разсчетъ катехизисъ Юрули: «вотъ единственный случай»...

И все проклятіе Модеста въ томъ, что онъ не можетъ скинуть съ себя душу противорѣчиваго культурнаго человѣка и облечься въ душу первобытнаго. Онъ убилъ для цѣлей иллюстраціи своей любви къ героинѣ и, увы, неспокоенъ!

Не пугайтесь, однако, читатель! Если въ будущемъ станется по Юрулѣ, то страшиться за будущее нечего, такъ какъ онъ противникъ страстей.

Дѣло въ томъ, что онъ принципіальный—если такъ можно вы-

---

*) По нѣкоторымъ тревожнымъ признакамъ можно думать, что и героя г. Арцыбашева въ будущемъ (повѣсть еще не закончена) ожидаетъ утрата душевнаго равновѣсія и спокойствія. Относительно же героя г-жи Гиппіусъ никакихъ догадокъ сдѣлать пока невозможно.

разиться—противникъ страстей въ человѣческой душѣ. Для него всякое сильное чувство «варварство», такъ какъ оно мѣшаетъ спокойно наслаждаться, и потому онъ «уважаетъ» христіанство за то, что оно боролось со страстями: «Большая въ этомъ культурная сила»—замѣчаетъ Юруля.

Такимъ образомъ, нѣтъ причинъ смотрѣть на царство будущаго даже при теоріи «единственнаго случая», если судить о будущемъ по Юрулѣ. Тогда не будетъ варварскихъ чувствъ; не будетъ страстей. И всѣмъ будетъ «уютно» отъ взаимныхъ улыбокъ.

Такъ, однако, будетъ лишь по предчувствію Юрули; по предсказанію же героини г. Брюсова, будетъ иное, какъ мы уже говорили. Примиреніе души въ самой себѣ не потребуетъ уничтоженія страстей. Оно явится результатомъ другой комбинаціи: соединенія въ душѣ будущаго человѣчества «утонченности поздней культуры» съ «силой воли и рѣшимостью первобытнаго человѣка». Первобытный же человѣкъ былъ способенъ, какъ извѣстно, весьма спокойно закусывать своимъ «ближнимъ». Такъ будетъ и вновь.

VII.

Надъ этими различіями въ беллетристическихъ теоріяхъ о будущемъ человѣкѣ доминируетъ одна черта сходства: художественное безсиліе, безрезультатность попытокъ оправдать, хоть сколько-нибудь, теоріи въ образахъ.

Всѣ мы давно слышимъ, что въ моральной сферѣ давно произошла революція; что никакія «вѣры» и никакія этическія формы не свойственны человѣку; что всѣ эти нормы совсѣмъ не нормальны; что въ будущемъ человѣчество будетъ жить безъ нихъ и уже живетъ—въ лицѣ наиболѣе одаренныхъ—и сейчасъ безъ нихъ.

Какъ ни противорѣчитъ это тому, что еще вчера считалось безспорной истиной, но вѣдь безспорной истины пока еще не существуетъ. И, быть можетъ, то, что считалось вчера безспорной истиной, было простымъ предразсудкомъ въ честь этики.

Почему же не допустить, что мы всѣ ошибались: ошибались тѣ, кто видѣлъ въ игрѣ моральныхъ чувствъ высшее достоинство человѣческой природы; ошибались тѣ, кто считалъ, что въ человѣческой душѣ этическое чувство достигло лишь высшаго развитія по сравненію съ міромъ животныхъ, который тоже не чуждъ—и весьма—моральныхъ побужденій; ошибались тѣ, кто считали, что въ исторіи человѣческой культуры все перемѣнно, все движется,—не мѣняется (почти) только одно: моральное чувство, какъ думалъ когда-то Бокль; ошибались тѣ, кто, изучая душевныя болѣзни, приходилъ къ поразительному наблюденію, что прежде всего разрушаются въ душѣ наиболѣе утонченныя способности, и въ томъ числѣ какъ разъ этическое чувство.

Объ этомъ говорили ученые, философы, поэты, живописцы. Но истины безспорной нѣтъ. Почему не можетъ быть, что міру засіяла новая звѣзда, ведущая къ новой истинѣ, и эта истина—имморализмъ.

Развѣ не происходитъ теперь кризисъ въ мірѣ болѣе простыхъ идей: въ представленіи о внѣшнемъ мірѣ, подъ давленіемъ радіактавныхъ чудесъ, обнаруженныхъ въ дѣйствіи химическаго элемента, открытаго женщиной-химикомъ?

Почему же не допустить такого же чуда въ области сложнѣйшихъ душевныхъ переживаній?

Теоретически, конечно, нѣтъ основаній, чтобы не допустить и не допускать.

Есть только фактическія основанія.

Нельзя не прочитать никакой дерзновенной книги, никакого переворотнаго романа, чтобы не прійти къ заключенію, что переворотъ, къ счастью для человѣчества, пока только въ чернильницахъ.

Въ результатѣ—сочинительство и художественная сухорукость, если такъ можно выразиться.

Мы не хотимъ, конечно, сказать, что такихъ людей не бываетъ въ дѣйствительности, какихъ мы видимъ у г.г. Гиппіусъ, Арцыбашева и Брюсова.

Навѣрно, такіе есть; существуютъ и Юруля, и Михайловъ, и Модестъ. Но, навѣрно, они не сполна такіе, какими они изображены у трехъ нашихъ изобразителей.

Студентъ, подыскивающій «покровителей» для дамъ, навѣрное, существуетъ; навѣрное, онъ, если не читалъ, то слышалъ о Ницше (бѣдный геній парадокса!). Но, навѣрное, отъ его улыбки не становится уютно, и, навѣрное, онъ не такъ универсально симпатиченъ, безъ различія взглядовъ, положеній, возрастовъ и пола, какъ это разрисовано въ повѣсти г-жи Гиппіусъ.

То же самое и глубокій художниковъ г. Арцыбашева со сцѣпленными зубами. Навѣрное, такихъ мародеровъ въ дѣйствительности существуетъ не мало. И если бы они въ повѣсти ходили со сцѣпленными зубами, встрѣчая другихъ Михайловыхъ съ оскаленными зубами, возражать бы не приходилось (въ принципѣ). Но автору не это нужно. Ему нужно сдѣлать красивымъ этого человѣка, придать значеніе прообраза — человѣка будущаго, но уже существующаго; ему нужно доказать, что онъ—в ѣ р о я т н а я норма человѣческаго поведенія, которая не встрѣчаетъ никакого инстинктивнаго протеста. И разсудку вопреки, наперекоръ непосредственному чувству, онъ это доказываетъ. А читатель...?

Любопытнѣе всего, что самъ г. Арцыбашевъ чувствуетъ иначе. Мимоходомъ онъ заставилъ своего глубокаго художника почувствовать присутствіе вокругъ себя «кого-то добраго и свѣтлаго». Но если есть въ душѣ такой позывъ чувствовать весь міръ завися-

щимъ отъ «кого то добраго и свѣтлаго», то какой же вздоръ вся гармоничность Михайлова, добытая путемъ того, что онъ сбилъ, смялъ, повалилъ и пр. и пр.?

Такое же, конечно, сочинительство и у г. Брюсова.

Чего стоила бы философія его героини, если бы она оказалась какой-нибудь ученой дамой? Для читателя было бы ясно, что вся ея философія—плоды демоновъ книжной пыли, воспѣтыхъ не кѣмъ инымъ, какъ авторомъ «Изъ дневника женщины».

А ему нужно, чтобы читатель повѣрилъ въ прирожденность свободной души у его героини. Она—вольный душою человѣкъ, вполнѣ понимающій самыхъ утонченныхъ представителей новыхъ запросовъ духа.

И онъ дѣлаетъ ее такой, предваряя читателя, что его героиня получила «поверхностное» образованіе.

Но въ ту же минуту забываетъ объ этомъ и накачиваетъ свою героиню книжной пылью. О чемъ, о чемъ она не пишетъ въ своемъ дневникѣ!

...«Съ глазами Гизехскаго сфинкса»—говоритъ она мимоходомъ.

...Трагедіи прекрасны на сценѣ и въ книгахъ; но въ жизни Мариво куда пріятнѣе Эсхила.

...Любовь и страсть прекрасны, но свобода—лучше вдвое!

...День былъ ясный, «Тютчевскій».

...Я бѣгала по поблекшей травѣ, какъ Марія Стюартъ въ третьемъ актѣ трагедіи Шиллера.

Именемъ Тютчева она положительно злоупотребляетъ. А всяческіе художники и поэты для нея, какъ мы уже видѣли, все равно, что термины журнала дамскихъ модъ. Съ такой легкостью она ими занимается.

Правда, авторъ попытался выйти изъ этого затрудненія тѣмъ, что заставилъ героиню вписывать все это въ дневникъ со словъ нарочито-ученаго художника Модеста. Но онъ упустилъ изъ виду, что и записать съ чужихъ словъ такой каталогъ именъ—не шутка; и у любой женщины съ поверхностнымъ воспитаніемъ отъ такихъ археологическихъ изліяній возлюбленнаго глаза—что называется—на лобъ выскочили бы.

Но еще лучше другая подробность. Г. Брюсову нужно, чтобы все приписанное имъ своимъ героямъ не было тѣмъ, чѣмъ является на самомъ дѣлѣ: кулинарнымъ вывертомъ въ области литературы.

Поэтому его герой обращается къ его героинѣ съ такими простыми словами: «Люблю тебя, какъ любитъ простой человѣкъ, не мудрствующій надъ любовью, какъ любили въ прежніе вѣка и какъ сейчасъ любятъ всюду, кромѣ нашего, такъ называемаго культурнаго общества, играющаго въ любовь».

И — гдѣ-жъ бы вы думали—устраиваетъ свиданіе этотъ простой человѣкъ, не мудрствующій надъ любовью, а любящій, какъ любили въ прежніе вѣка и какъ сейчасъ любятъ всюду?

Описаніе свиданія и обстановки «простой» любви поистинѣ великолѣпно. Его не жаль привести полностью:

Обстановкѣ комнатъ тоже былъ приданъ восточный, древне-халдейскій характеръ... ...онѣ были всѣ убраны въ древне-ассирійскомъ стилѣ. Модестъ откуда-то досталъ множество статуй и барельефовъ, изображающихъ ассирійскихъ боговъ и царей.

... разсказывалъ мнѣ миѳы о героѣ Издубарѣ и о схожденіи богини Истаръ въ Адъ. На какой-то странной дудкѣ онъ игралъ мнѣ простую, но своеобразную мелодію, которую назвалъ гимномъ Лунѣ. Потомъ онъ шепталъ мнѣ нѣжныя признанья въ своей любви, превращая ихъ почти въ псалмы, говоря каданцированной прозой, употребляя пышныя, чисто восточныя выраженія.

При этомъ герой говорилъ, а героиня точно записала въ дневникъ, не сдѣлавъ ошибокъ въ транскрипціи: «Хочу молить, чтобы меня поддержалъ герой Мардукъ, а тебѣ дала силы богиня Эа».

При этомъ герой совершалъ соотвѣтствующія Мардуку и Эѣ куренія, а героиня, уже безъ подсказыванія, почувствовала себя въ древнемъ Вавилонѣ «въ ожиданіи бога Бэла»:

Модестъ бросилъ на жаровню какія-то зерна и палъ ницъ. Длинная его одежда распростерлась на полу, и черная его голова коснулась самаго пола. Ему такъ шла эта жреческая поза, что я почувствовала себя въ древнемъ Вавилонѣ, ночью въ башнѣ, отроковицей, ждущей сошествія бога Бэла...

Читателю уже не приходится удивляться, что женщина съ поверхностнымъ образованіемъ заканчиваетъ разсказъ рецензіей.

Съ обнаженной грудью и шеей онъ былъ похожъ на ассирійскаго героя.

Еще бы ей не знать, какой видъ долженъ былъ имѣть ассирійскій герой въ отличіе отъ вавилонскихъ и египетскихъ!

Признаемся, мы готовы повиниться въ нѣсколько пренебрежительномъ отношеніи къ универсально-симпатичному герою г-жи Гиппіусъ, который уклонялся отъ истины, когда это было нужно, и даже «непремѣнно» уклонялся, но «только когда это нужно».

По сравненію съ беллетристикой о новомъ человѣкѣ, о новыхъ душахъ, съ уклоненіями отъ истины совершенно безъ всякой надобности, герой г-жи Гиппіусъ почти фанатикъ правды, на самомъ дѣлѣ.

VIII.

Итакъ, чтобы любить, какъ простые люди, герою г. Брюсова понадобилась ассирійская обстановка.

Но что ассирійская обстановка въ этихъ переживаніяхъ героя г. Брюсова—простая случайность, свидѣтельствуютъ аналогичныя переживанія—при совершенно иной обстановкѣ—у одного персонажа г. Каменскаго.

Онъ тоже авангардный писатель по части освобожденія отъ всяческихъ «вѣръ».

Онъ тоже хотѣлъ бы сбросить съ себя сложную и ложную душу культурнаго человѣка XX вѣка.

И у него тоже есть сцены, гдѣ происходитъ желанное совлеченіе неподходящей души.

Такая сцена изъ романа «Люди» вспомнилась намъ при чтеніи разсказа г. Брюсова.

Герой сцены—инженеръ Нарановичъ, который ненавидитъ пошлость окружающей жизни.

Ему нужна для стройной простоты въ душѣ тоже необычайная,—не ассирійская обстановка, а дворницкая. Настоящая петербургская дворницкая.

Такая именно комната есть въ квартирѣ Нарановича. Она такъ и называется въ романѣ «дворницкой» (въ кавычкахъ). Здѣсь герой принимаетъ героинь, приходящихъ къ нему въ силу «простой любви, какой любили въ древніе вѣка и какой любятъ и сейчасъ всюду».

Въ романѣ есть полное описаніе этой комнаты:

„...носила имя „дворницкой“ и вмѣсто обоевъ была оклеена газетной бумагой, вперемежку съ иллюстраціями „Родины“ и „Нивы“. Посреди нея стоялъ большой кухонный некрашеный столъ, окруженный табуретками, а весь передній уголъ былъ увѣшанъ образами, съ горящими лампадками и восковыми свѣчами, торчащими изъ промежутковъ вербовыми вѣтвями и аляповатыми, опутанными золотымъ дождемъ розанами отъ куличей“.

Чѣмъ замѣненъ ассирійскій костюмъ? Чѣмъ замѣнено жреческое одѣяніе? Неужели стиль «дворницкой» выдержанъ до конца вплоть до костюма съ бляхой установленнаго образца?

Нѣтъ, здѣсь персонажъ г. Каменскаго не выдержалъ стиля дворницкой; авторъ вернулся къ своему собственному стилю: на его героѣ просто ничего нѣтъ, если не считать за костюмъ черную шелковую женскую сорочку безъ рукавовъ и красныя туфли на босую ногу.

Чтобы читателю было ясно, что не эстетическое убожество вызвало къ бытію эту «дворницкую», рядомъ съ ея описаніемъ

сказано, что слѣдующая комната «ласкала глазъ изысканнымъ подборомъ мебели, картинъ и бездѣлушекъ».

«Дворницкая» должна быть такой во имя душевнаго освобожденія, для дарованія хозяину ея, инженеру, возможности уйти отъ своей собственной душевной сложности и противорѣчій.

IX.

Герою г. Брюсова для пресуществленія души необходимо вернуться къ такимъ условіямъ, въ которыхъ жили ассиріяне. Для героя г. Каменскаго нужна «дворницкая».

Теоретически едва ли можно разрѣшить вопросъ, что лучше: способъ персонажа г. Каменскаго, или методъ героя г. Брюсова.

Но съ точки зрѣнія практическихъ соображеній между ними разница существенная.

Методъ ассирійскихъ переживаній, требующій чуть не экспедицію археологическую снарядить для добычи «множества статуй и барельефовъ ассирійскихъ боговъ и царей»—представляетъ значительныя затрудненія.

Способъ героя г. Каменскаго, который поставилъ на кухонный столъ въ «дворницкой» бутылку водки, огурецъ (по описанію) и достигъ тѣхъ же философскихъ и художественныхъ результатовъ, несомнѣнно, экономичнѣе, такъ какъ герой все равно обрѣлъ гармонію между собой и міромъ, въ самомъ себѣ гармонію обрѣлъ.

Выдвигая «дворницкую» г. Каменскаго, мы имѣли въ виду освободить разсказъ г. Брюсова отъ такихъ случайныхъ элементовъ, какимъ является художественно-археологическая обстановка. Эти случайные элементы заставляли принимать какую-то особенную утонченность душевныхъ побужденій героя, заставляя проходить мимо его собственнаго заявленія, что онъ хочетъ только «простой любви, какой любили во всѣ вѣка». Такъ какъ художественная обстановка при этомъ простая случайность, то г. Каменскій правильно отвергъ ее и упростилъ психологическое положеніе до крайней очевидности.

То, что у г. Брюсова было искусно завуалировано на манеръ душевной сложности, у г. Каменскаго оказалось раскрытымъ и очень простымъ.

У поименованныхъ героевъ есть общая душевная основа; всѣмъ имъ свойственна одна и та же заповѣдь Юрули: «себя крѣпко любить надо». Это—общій фундаментъ ихъ жизнеотношенія. Разница только въ подробностяхъ поведенія, вытекающихъ изъ общаго жизнеотношенія, сообразно съ «рисункомъ личности» героевъ.

Изображенный нормальный «средній» человѣкъ занимается подыскиваніемъ «покровителей», какъ деликатно выражается разсказчица, счастливымъ Лизочкамъ и Юлькамъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нащего времени, по отзыву разсказчицы, убиваетъ для провѣрки самого себя, сильно ли онъ любитъ героиню. И т. д.

Читатель склоненъ растеряться и, быть можетъ, даже испугаться за будущее человѣка.

Къ счастью для человѣчества и къ несчастью для читателя, какъ таковаго, вѣнчикъ выдумки такъ ярко свѣтится надъ «ликами» новоизобрѣтенныхъ людей, что читателю волей-неволей приходится успокоиться.

Новый человѣкъ, конечно, гдѣ-то растетъ. Конечно, этотъ идущій на смѣну не устанетъ искать гармонію между собой и міромъ и въ самомъ себѣ. И нужно думать, что онъ будетъ въ этомъ отношеніи счастливѣе насъ.—Какими путями этотъ грядущій найдетъ, гдѣ будетъ искать желанную гармонію—угадать, конечно, трудно. Несомнѣнно лишь одно: онъ, конечно, не будетъ имѣть ничего общало съ беллетристическими людьми, которыхъ намъ показали.

Мы назвали выше фанатикомъ правды Юрулю, который уклоняется отъ правды «только когда это нужно». Но въ самомъ дѣлѣ онъ не фанатикъ правды по сравненію съ г. Каменскимъ, изобрѣвшимъ «дворницкую»? О ликахъ его героевъ нельзя даже сказать, что они свѣтятся выдумкой. Они горятъ этимъ предательскимъ пламенемъ, чистосердечно выдвигаясь вульгарной простотой выдумки и этимъ раскрываютъ псевдонимъ, если такъ можно выразиться, родственной выдумки у болѣе талантливыхъ людей.

X.

У г. Каменскаго, въ томъ же романѣ «Люди», есть еще одна мелочь, имѣющая почти символическій смыслъ. Авторъ заставилъ своего Нарановича участвовать въ маскарадѣ, на балу у художниковъ; заставилъ «изобрѣсть» великолѣпный (по описанію) костюмъ сатира; заставилъ одѣться и имѣть ноги точь-въ-точь, какъ у козла, но при этомъ заставилъ его бѣгать по залу и блеять по бараньи: «бе-э»! И это вовсе не опечатка вмѣсто козлинаго «мэ». Авторъ три раза заставляетъ своего героя войти въ роль современнаго сатира и три раза заставляетъ его «блеять» встрѣчнымъ участникамъ маскарада все то же самое «бе-э»!

Можно, пожалуй, повѣрить въ существованіе гармоніи въ душахъ хоть сейчасъ!

Можно, пожалуй, повѣрить, что для этого нужно крѣпко любить себя и нужно воскресить въ себѣ «звѣря»!

Можно, пожалуй, повѣрить, что лучшее въ человѣкѣ именно этотъ «звѣрь»!

Но зачѣмъ же этотъ звѣрь кричитъ «бе-э»!

А. Е. Рѣдько.

Легенда о царѣ и декабристѣ.

(Страничка изъ исторіи освобожденія).

I.

10 сентября 1856 года губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Александръ Николаевичъ Муравьевъ.

Послужной списокъ новаго губернатора былъ не совсѣмъ обыкновенный. Родился въ 1792 году, девятнадцати лѣтъ участвовалъ въ отечественной войнѣ, получилъ знакъ отличія за кульмское сраженіе. Двадцати четырехъ лѣтъ былъ уже полковникомъ, но въ 1816 году, заразившись заграничными идеями, внезапно бросилъ службу и, вмѣстѣ съ Никитой Муравьевымъ, основалъ первое въ Россіи тайное общество «Союзъ благоденствія». Еще шагъ—и онъ очутился въ средѣ декабристовъ.

Въ «Росписи государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ» по дѣлу о возстаніи 14 декабря, А. Муравьевъ значится въ разрядѣ VI, гдѣ о немъ сказано такъ:

«Полковникъ Александръ Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ въ учрежденіи тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго совершенно удалился, но о цѣли онаго не донесъ» *).

По приговору суда, государственные преступники этого разряда (которыхъ, впрочемъ, было только двое: полковникъ Муравьевъ и дворянинъ Люблинскій) подлежали ссылкѣ въ каторжныя работы на шесть лѣтъ и поселенію въ Сибири. Но, въ виду «чистосердечнаго раскаянія», участь А. Н. Муравьева была смягчена. Онъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь безъ лишенія чиновъ и орденовъ, а черезъ два года получилъ право опредѣлиться на государственную службу. Бывшій полковникъ, основатель «Союза

*) См. «Декабристы» (оффиціальные документы). Изд. В. М. Саблина.

благоденствія» и декабристъ, сталъ въ 1828 году иркутскимъ городничимъ.

Съ этихъ поръ онъ проходилъ разныя ступени чиновничьей іерархіи, былъ послѣдовательно предсѣдателемъ—сначала иркутскаго, потомъ тобольскаго губернскаго правленія, исправлялъ временно должность тобольскаго губернатора, затѣмъ въ 1834 году возвратился въ Европейскую Россію, въ качествѣ предсѣдателя вятской уголовной палаты. Потомъ занималъ ту же должность въ губерніи Таврической, потомъ сталъ губернаторомъ въ Архангельскѣ. Въ 1854 году опять поступилъ на военную службу и участвовалъ въ севастопольской кампаніи. Здѣсь застала его перемѣна царствованія.

Молодой императоръ не скрывалъ своего желанія приступить къ освобожденію крестьянъ. Искренность этихъ его тогдашнихъ намѣреній обнаружилась, между прочимъ, въ томъ, что онъ окружилъ себя людьми, настроенными освободительно: параллельно съ оживленіемъ въ обществѣ и народѣ, въ бюрократіи тоже происходили соотвѣтственныя перемѣщенія и перемѣны. Муравьевъ рѣшилъ опять бросить военную службу и отдать великому дѣлу свою административную опытность, пріобрѣтенную въ сибирскихъ, вятскихъ и архангельскихъ чиновничьихъ дебряхъ.

Такимъ-то образомъ, въ тревожные, какъ грозовое весеннее утро, годы наканунѣ реформы, когда въ воздухѣ уже рѣяли всевозможные слухи и превратныя толкованія, когда въ народѣ разносились крамольныя вѣсти о предстоящей свободѣ, а дворянство и власти растерялись и не знали, какъ отнестись ко всему происходящему,—Нижній-Новгородъ былъ осчастливленъ вѣстью о назначеніи губернаторомъ основателя перваго въ Россіи тайнаго общества, бывшаго участника «въ замыслѣ цареубійства», декабриста, приговореннаго нѣкогда къ каторгѣ.

Что же представлялъ онъ на самомъ дѣлѣ, и каково то «искреннее раскаяніе», которое позволило «каторжнику» подвигаться по ступенямъ службы и занять, наконецъ, одинъ изъ важнѣйшихъ послѣ Петербурга и Москвы губернаторскихъ постовъ? Да еще въ такое тревожное время?

Естественно, что этотъ вопросъ, очень важный, пожалуй, трагическій для тогдашнихъ «командующихъ классовъ» нижегородскаго губернскаго міра, занималъ всѣхъ при этомъ назначеніи. Ждать его разрѣшенія пришлось недолго. Губернаторъ-крамольникъ обнаружилъ свою личность выразительно и ярко, надолго оставивъ по себѣ память въ Нижегородскомъ краѣ.

II.

Въ то время, когда я поселился въ Нижнемъ, то есть въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, тамъ еще сохранялись кое у кого списки многочисленныхъ сатиръ и пасквилей, въ которыхъ поэты, главнымъ образомъ дворянскаго сословія, пытались воспроизвести фигуру Муравьева въ томъ видѣ, какъ она представлялась съ дворянской точки зрѣнія. Лѣтописецъ Нижегородскаго края, извѣстный въ свое время «областникъ», А. С. Гацискій тщательно собралъ и сохранилъ отъ забвенія эту рукописную литературу, передавъ ее въ мѣстную архивную коммиссію. Въ 1897 году нѣкто г. Юдинъ извлекъ изъ архивныхъ нѣдръ и напечаталъ въ «Русской Старинѣ» (сентябрь) самое объемистое изъ произведеній этого «муравьевскаго цикла», такъ и озаглавленное: «Муравіада». Нужно сказать съ нѣкоторымъ прискорбіемъ, что это поэма очень грязная, написанная неуклюжимъ стихомъ и вообще бездарная до оскорбленія вкуса. Но для характеристики Муравьева въ ней всетаки есть интересныя черты. Г. Юдину показалось даже, что она выражаетъ отрицательное отношеніе къ Муравьеву всего населенія. Это—наивность тѣмъ большая, что «всего населенія» тогда, пожалуй, вовсе и не было. Были мужики, нетерпѣливо ждавшіе свободы и глухо волновавшіеся въ этомъ своемъ нетерпѣніи; было образованное общество, съ восторгомъ встрѣчавшее всякій шагъ на пути освобожденія, и было большинство дворянъ, растерянныхъ и испуганныхъ реформой. И у каждаго изъ этихъ элементовъ было свое отношеніе ко всему, въ томъ числѣ, конечно, и къ Муравьеву. Не трудно было разглядѣть, что «Муравіада» отражала губернатора-декабриста въ крѣпостническомъ зеркалѣ. Вся она проникнута острой, но безсильной враждой, вынужденной питаться пошловатыми мелкими сплетнями, направленными вдобавокъ (не совсѣмъ поджентльменски) не столько даже противъ самого Муравьева, сколько противъ жившей у него племянницы, фрейлины Муравьевой.

Надо, однако, отдать справедливость дворянской музѣ. Она не ограничилась одной «Муравіадой» и въ нѣкоторыхъ, не столь объемистыхъ ея произведеніяхъ видны, пожалуй, и искренность, и одушевленіе. Искренность вражды, одушевленіе ненависти, но все же эти чувства подымаютъ тонъ, диктуютъ порой яркіе, гнѣвные, иной разъ даже слишкомъ выразительные эпитеты.

Напримѣръ:

И отъ злости ты ревѣлъ,
Лиходѣй лукавый,
Что въ крестьянахъ не успѣлъ
Бунтъ возжечь кровавый.

Или:

Ты хитрѣйшій санкюлотъ,
Хуже всѣхъ французскихъ.
Девяносто третій годъ
Готовилъ для русскихъ.

Самые мягкіе изъ этихъ отзывовъ обвиняютъ Муравьева въ томъ, что онъ

... популярности искалъ,
Свободы духъ распространялъ,
Прогрессомъ бредилъ и народъ
На бунтъ подталкивалъ впередъ.

Особенно часто и злорадно дворянская сатира останавливается на такъ называемой «Муравьевской башнѣ». Въ 80-хъ и даже девятидесятыхъ годахъ остатки ея еще можно было видѣть на высокомъ берегу Оки, противъ ярмарки, и нужно признать, что сооруженіе вышло не изъ удачныхъ. Предполагалось водрузить на ней огромный циферблатъ, видный «со стрѣлки», который, повидимому, долженъ былъ напоминать всероссійскому купечеству обязательные часы открытія и закрытія лавокъ, во избѣжаніе законнаго штрафованія. Оказалось, однако, что часы видны плохо. Башня, кромѣ того, дала трещины, и верхній ея этажъ пришлось для безопасности проходящихъ снять. Дворянская сатира нашла въ этомъ предметѣ обильную пищу, и около «муравьевской дылды» зароились стишки, остроты, обвиненія, какъ грачи около старой колокольни. Много неуклюжихъ строкъ посвящено этой башнѣ въ «Муравіадѣ». Другой поэтъ видитъ въ ея постройкѣ скрытую цѣль:

— Ты башню здѣсь соорудилъ...
...Чтобъ поколѣнія земли
Въ виду ея съ почтеньемъ шли,
Воспоминая каждый разъ,
Какъ ты господствовалъ у насъ,
Какъ вольность здѣсь возстановилъ,
Вопросъ крестьянскій въ ходъ пустилъ.

Здѣсь дворянская муза непосредственно простодушна и искренна: она ставитъ вопросъ прямо, не прибѣгая къ мелкой сплетнѣ. Для нея преступленіе Муравьева состоитъ въ томъ, что онъ «возстановилъ вольность» и «пустилъ въ ходъ крестьянскій вопросъ», что и было на самомъ дѣлѣ.

Однако,—много было на Руси губернаторовъ, которые, по приказу свыше и по долгу службы, «возстановляли вольность» и содѣйствовали, по мѣрѣ силъ и усердія, рѣшенію крестьянскаго вопроса, однако, сколько извѣстно, ни одинъ не вдохновлялъ въ такой степени и такое количество дворянскихъ сатириковъ, какъ Муравьевъ. Вѣроятно потому, что въ нихъ видѣли просто исполнителей; на Муравьева же смотрѣли иначе: старый мечтатель и заговорщикъ,—

Тайнымъ дѣйствуя путемъ,
Съ молоткомъ масона,
Онъ хотѣлъ быть палачомъ
И дворянъ, и трона.

Крѣпостническое дворянство чувствовало въ Муравьевѣ не простаго, хотя бы даже энергичнаго и умѣлаго исполнителя реформы. Въ его лицѣ, въ тревожное время, передъ испуганными взглядами явился настоящій представитель того *духа*, который съ самаго начала столѣтія призывалъ, предчувствовалъ, втайнѣ *творилъ* реформу и, наконецъ, накликалъ ее. Старый крамольникъ, мечтавшій «о вольности» еще въ «Союзѣ благоденствія» въ молодые годы, пронесъ эту мечту черезъ крѣпостные казематы, черезъ ссылку, черезъ иркутское городничество, черезъ тобольскія и вятскія губернскія правленія и, наконецъ, на склонѣ дней сталъ опять лицомъ къ лицу съ этой «преступной» мечтой своей юности. Только теперь,—съ горечью говоритъ дворянскій поэтъ,—

...все измѣнилося:
За что онъ погибалъ,
За то теперь возвысился,
Въ чести и въ славѣ сталъ.

И былъ это уже не мечтатель изъ романтическаго «Союза благоденствія», а старый администраторъ, прошедшій всѣ ступени дореформеннаго строя, не примирившійся съ нимъ, изучившій взглядомъ врага всѣ его извороты, вооруженный огромнымъ опытомъ. Вообще противникъ убѣжденный, страстный и—страшный!.. Научившійся выжидать, притаиваться, скрывать свою вѣру и выбирать время для удара. Когда,—говоритъ авторъ «Муравіады»,

...на губернаторство
Къ намъ прибылъ Муравьевъ,
Скрывалъ свое онъ варварство,
Покуда здѣсь былъ новъ.

Скоро, однако, онъ выпустилъ когти и, прежде всего, по свидѣтельству того же поэта,—«*верхушки сталъ ломать*». Поэма съ нескрываемымъ сочувствіемъ называетъ (иниціалами) нѣсколькихъ крупныхъ дѣятелей откупного и чиновничьяго міра, которыхъ «сломалъ» сбросившій маску декабристъ, и затѣмъ продолжаетъ съ негодованіемъ:

Да развѣ мы причиною,
Что съ нѣкоторыхъ поръ
Идетъ здѣсь подъ сурдиною
Всѣмъ людямъ переборъ.
Помѣщиковъ, сановниковъ
Всѣхъ гонитъ нашъ кащей
И душитъ онъ чиновниковъ,
Какъ жирный котъ мышей.

Къ статьѣ А. А. Савельева («Р. Старина» іюнь 1898 г.), изъ которой я заимствовалъ нѣкоторыя изъ цитированныхъ фрагментовъ дворянской сатиры, приложенъ и портретъ Муравьева. Въ широкомъ нѣсколько скуластомъ лицѣ сѣдого человѣка въ генеральскомъ мундирѣ сразу можно уловить типичныя муравьевскія черты; близкое родственное сходство съ его печально знаменитымъ виленскимъ братомъ сказывается ясно: та же энергія, тотъ же властный, только болѣе спокойный взглядъ, тотъ же отпечатокъ суровой угрюмости, только болѣе одухотворенный и благородный. Губы энергическаго склада, густыя брови надъ выразительными молодыми глазами. И мнѣ кажется теперь, когда я знаю основныя черты этого характера, что, спокойные на портретѣ, эти глаза должны легко вспыхивать, а около губъ ютится предчувствіе угрюмо насмѣшливой улыбки...

Еще характерная черточка бывшаго заговорщика.

Въ 80-хъ годахъ въ одномъ изъ журналовъ (кажется, въ «Вѣстникѣ Европы») печатались записки крестьянина кустарнаго села Павлова, Сорокина. Это былъ мечтатель, человѣкъ безпокойный, типическій «ходокъ», много и безуспѣшно воевавшій съ господствовавшей тогда партіей павловскаго старшины Варыпаева. Дѣло это было сложное и запутанное. Несомнѣнно только, что Сорокинъ былъ человѣкъ убѣжденный, и что противникъ у него былъ опасный. Варыпаева знали при дворѣ, жаловали кафтанами; въ консервативной прессѣ писали о немъ статьи, какъ о патріотѣ-самородкѣ, и начальство его всячески поддерживало. Сорокина, наоборотъ, гнали, преслѣдовали и разоряли. Идти противъ знаменитаго павловскаго старшины—значило тогда возставать противъ «устоевъ». Когда однажды Сорокинъ явился со своимъ дѣломъ къ Муравьеву, тотъ принялъ его, выслушалъ очень внимательно, а затѣмъ подвелъ къ иконѣ и заставилъ поклясться, что онъ дѣйствительно стоитъ только за интересы міра и не отступитъ передъ гоненіями. Послѣ этого до конца своей (недолговременной, впрочемъ) службы Муравьевъ горячо поддерживалъ Сорокина.

Мнѣ извѣстенъ и другой случай. Въ Нижнемъ я былъ знакомъ съ Василіемъ Михайловичемъ Воронинымъ (о которомъ мнѣ еще придется говорить дальше). Въ годы своей юности онъ служилъ при Муравьевѣ чиновникомъ особыхъ порученій и тоже былъ приведенъ старымъ декабристомъ къ такой сепаратной присягѣ. Муравьевъ нѣкоторое время присматривался къ нему, давалъ разныя порученія. Однажды, оставшись съ нимъ наединѣ въ своей канцеляріи, онъ посмотрѣлъ на него особеннымъ, глубокимъ и, какъ показалось Воронину, растроганнымъ взглядомъ и затѣмъ сказалъ:

— Молодой человѣкъ. Вотъ вы только начинаете жизнь, прямо со школьной скамьи. Вы—не изъ дворянъ. Ваши отцы были мужики. Хотите вы дѣйствительно послужить дѣлу народа?

Удивленный и озадаченный этимъ необычнымъ обращеніемъ

суроваго начальника, внушавшаго всѣмъ трепетъ, молодой чиновникъ отвѣтилъ утвердительно. Муравьевъ поднялся съ кресла, взялъ его за руку, подвелъ къ иконѣ и заставилъ поклясться, что онъ будетъ служить народу, не отступая ни передъ приманками, ни передъ угрозами.

Воронинъ былъ уже старикъ, когда я съ нимъ познакомился, но и по прошествіи четверти вѣка объ этой минутѣ вспоминалъ съ волненіемъ... Старый декабристъ, очевидно, не вполнѣ довѣрялъ устойчивости реформаторскихъ теченій, зналъ, что старое еще постоитъ за себя, и, кромѣ оффиціальныхъ сотрудниковъ, вербовалъ для предстоящей борьбы своего рода членовъ тайнаго союза благоденствія.

Къ такимъ своимъ присяжнымъ приближеннымъ Муравьевъ и относился особенно. Для остального чиновничьяго міра это была гроза. „При проклятомъ Мурашѣ, — говорилъ А. С. Гацискому одинъ изъ тогдашнихъ чиновниковъ, — никто покоенъ не былъ. Того и гляди, бывало, ляжешь спать судьей, а проснешься свиньей» *).

III.

— Да, страшный былъ,—говорилъ тотъ же В. М. Воронинъ.— Хватка, понимаете, мертвая. Все въ немъ было необычайное какое-то, непривычное, приноровиться было трудно. Мужикамъ былъ доступъ къ губернатору чуть не во всякое время. Въ важныхъ случаяхъ — уводилъ ходоковъ въ канцелярію и тутъ опрашивалъ часами. Потомъ, обдумавъ, начиняетъ дѣйствовать.

Для характеристики муравьевской «мертвой хватки» Воронинъ очень одушевленно, почти художественно разсказывалъ разные эпизоды, которые я тогда же, — къ сожалѣнію, слишкомъ краткими чертами,—набросалъ на клочкахъ. Постараюсь возстановить здѣсь одинъ такой случай.

Являются однажды ходоки отъ N-ской волости (Воронинъ назвалъ одну изъ волостей, кажется, Семеновскаго уѣзда). Волость заволжская, богатая, промышленная. Завелись въ ней издавна крупныя злоупотребленія. Застарѣлыя, такъ сказать, освященныя обычаемъ... традиціи! При назначеніи въ уѣздъ, такъ и считалось: жалованья столько-то, ну тамъ, квартирныя, разъѣздныя, да еще съ N-ской волости. Кромѣ уѣздныхъ властей, перепадало и губернскимъ чиновникамъ, и такъ эта традиція укрѣпилась, что никому и въ голову не приходило посягать на нее. Куда тамъ! Твердыня и только. Мужичишки и жаловались, особенно новымъ губернаторамъ, на всякіе сверхестественные поборы и растраты, да сами же всегда оставались виновны. Прослышавъ о Муравьевѣ, не въ дол-

*) А. С. Гацискій. „Люди Нижегородскаго Поволжья".

гомъ времени по его назначенію, опять послали ходоковъ. Служили молебны, снаряжали, точно на войну. Знали уже по опыту, что дѣло это опасное.

Принялъ ихъ «Мурашъ», долго и секретно бесѣдовали. Потомъ зоветъ меня: — Займитесь, молодой человѣкъ, разсмотрѣніемъ дѣлъ по прежде бывшимъ жалобамъ мужиковъ N-ской волости. Потребуйте изъ канцеляріи дѣлопроизводство. Черезъ нѣсколько дней спрашиваетъ: — Ну, что? Разобрались? Поняли, въ чемъ дѣло? — Нѣтъ, ничего не понялъ, ваше превосходительство. По документамъ, какъ будто, все правильно. — Ну, конечно, говоритъ. Конечно.

Черезъ нѣсколько дней, такъ уже передъ вечеромъ, прибѣгаетъ за мной курьеръ. — Пожалуйте, спѣшно требуетъ губернаторъ.—Бѣгу во дворецъ *). У крыльца стоитъ уже тройка, запряженная въ простой крытый тарантасъ. Являюсь. — Ну, молодой человѣкъ, собирайтесь въ дорогу.

— Когда прикажите?—Сейчасъ прикажу. Видѣли: лошади уже поданы. Со мной поѣдете. Сбѣгайте домой, захватите важнѣйшія бумаги по N-ской волости и черезъ двадцать минутъ, чтобъ уже были здѣсь.—Слушаю! — Повернулся я, бѣгомъ пустился на квартиру, захватилъ кое-какія бумаги и одѣлся. Прибѣжалъ раньше, чѣмъ черезъ двадцать минутъ. Смотрю: старикъ уже готовъ. Ни дать, ни взять—сибирскій прасолъ. Ничего сановнаго.

Сѣли въ тарантасъ.—Куда прикажете ѣхать?—Къ перевозу за Волгу. — Подъѣхали къ Борскому перевозу. Темнѣетъ уже, дождь моросить, дѣло осенью. Паромъ на той сторонѣ. Я было засуетился, хотѣлъ прикрикнуть:—Не знаете, дескать, кто дожидается! — Но старикъ остановилъ: «ничего, молодой человѣкъ. Подождемъ, люди небольшіе!».. Сидимъ въ тарантасѣ, дождикъ на рѣку падаетъ, паромщики не торопятся. Не узнали или прикидываются канальи, что не узнали, кто ихъ тамъ разберетъ. А только вѣрнѣе, что прикидываются. Исправникъ орелъ былъ, молодчина. Давно уже прослышалъ, что и мужичишки, то нажаловались, и бумаги затребованы... Все бросилъ. Днюетъ и ночуетъ на той сторонѣ у перевоза, чтобы встрѣтить, если командируютъ какую нибудь внезапную ревизію. Сидимъ мы, вдругъ это лодочка отъ берега шасть... Черезъ минуту уже и не видно, — на серединѣ рѣки! Я и вниманія не обратилъ, а старикъ высунулъ голову, смотритъ вслѣдъ.—Понимаете, молодой человѣкъ? — Никакъ нѣтъ, ваше-ство... Не понимаю.—Скоро поймете. Учитесь все понимать, Простота, молодой человѣкъ, хуже воровства!..

Подошелъ, наконецъ, и паромъ. Такъ же, не торопясь, ввели нашъ тарантасъ, двинулись мы за Волгу. Это былъ первый вы-

*) Губернаторскій домъ въ Нижнемъ принадлежитъ дворцовому вѣдомству и называется „дворцомъ“.

ѣздъ не то и самого Муравьева, не то мой съ Муравьевымъ. Не помню. Холодно, дождь подъ навѣсъ забиваетъ, рѣка черная. Тихо. Пароходовъ тогда было еще мало, да и время глухое. Подошелъ паромъ къ берегу, свели нашу тройку.—Трогай! —Только было лошади взяли на взвозъ, вдругъ—стопъ! Остановка. Прямо на дорогѣ стоитъ большая фигура.

— Что такое?—спрашиваетъ старикъ. Ямщикъ наклонился и говоритъ:—Исправникъ.—Ну, что, молодой человѣкъ? — говоритъ губернаторъ. — Теперь поняли? Лодочка то? А? Спросите, пожалуйста у г-на исправника, что ему нужно.

Только успѣлъ я соскочить, а исправникъ ужъ тутъ. Вытянулся и руку подъ козырекъ держитъ, по военному; фигура бравая, заглядѣнье.—Съ рапортомъ, — шепчетъ мнѣ, по должности... На границѣ уѣзда... Только было началъ! «Честь имѣю»... какъ губернаторъ не далъ ему докончить и зоветъ меня:

— Молодой человѣкъ!

— Слушаю-съ.

Наклонился ко мнѣ изъ повозки и тоже шепчетъ:—Скажите ему, пожалуйста, что я подъ надзоромъ полиціи давно не состою...

Исправникъ такъ и поперхнулся, скосивши на меня глаза. А старикъ опять:

— Спросите, молодой человѣкъ: приказъ онъ читалъ?

А дѣйствительно, былъ приказъ: никакого начальства на границахъ уѣздовъ и становъ не встрѣчать, а ждать вызова. Положимъ... и послѣ этого много такихъ приказовъ было, а и до сихъ поръ встѣрчаютъ. Да и невозможно это, правду сказать, то есть, чтобы не встрѣчать... Самъ я потомъ исправникомъ былъ, понимаю. Вѣдь это, подумайте только: пытка. Знаешь, что начальство уже вступаетъ въ твои предѣлы, въ родѣ, такъ сказать, переправы черезъ Березину. А ты сиди у себя въ канцеляріи, жди вызова. А вдругъ тамъ какое нибудь неблагополучіе... Долго ли, въ самомъ дѣлѣ, до грѣха? Ну, тогда еще молодъ былъ, въ исправникахъ не служилъ и, кромѣ того, воспламененъ былъ до извѣстной степени. Сочувствія къ положенію бѣдняги не ощущалъ.—Такъ и такъ, говорю довольно даже строгимъ голосомъ:—согласно приказу отъ такого-то числа, потрудитесь отправиться въ свою канцелярію и ждать приказаній.—Щелкнулъ бѣдняга каблуками въ грязи, откозырялъ, повернулся и пошелъ. Скоро и колокольцы забрякали.

— Уѣхалъ?—говоритъ мой старикъ.—Ну, слава те Господи! Садитесь, молодой человѣкъ. Поѣдемъ и мы. Ямщикъ,—валяй въ N—ское село...

Зѣвнулъ, перекрестился и, кажется, заснулъ...

Поздно ночью подъѣхали къ волости. Соскочилъ я, стучу въ запертую ставню. Долго не могъ добудиться... Спять себѣ крѣпкимъ деревенскимъ сномъ, и не снится имъ, что гроза на носу. Наконецъ, засвѣтили огонь.—Кого, дескать, Богъ принесъ?

— Отворяйте.

— Кто тамъ?

— Губернаторъ!

— Ну, легко представить, какой это произвело эффектъ. Писарь не знаетъ, одѣваться ему или такъ выскочить. Глаза безумные,—все еще не проснулся, и душитъ его кошмаръ. Однако, ничего. Вошли мы. Старикъ поздоровался. Видитъ писарь, что тотъ на него не кидается, и даже на губернатора не похожъ. Ободрился. Самоварчикъ поставилъ, обогрѣлись мы. А ужъ тутъ и старшина явился. Стоитъ у двери, глядитъ непонимающими этакими глазами, вздыхаетъ.

Послѣ чаю, разумѣется, предлагаютъ его превосходительству отдохнуть: постели готовы. Утро, дескать, вечера мудренѣе. Я было, признаться, уже и потянулся. Хорошо вѣдь это, послѣ долгой дороги, да по грязи, да въ слякоть. А старикъ, какъ будто, и не замѣчаетъ.—Ну, говоритъ, теперь, молодой человѣкъ, приступимъ къ ревизіи.—Господи,—думаю,—что это такое?—Не прикажете-ли, говорю, ваше превосходительство, отложить до завтра?—Нѣтъ, говоритъ, не прикажу. Приступайте къ обозрѣнію дѣлопроизводства. — Дѣлать нечего. Разложилъ я на столѣ бумаги-принялся обозрѣвать. Тутъ и днемъ-то чортъ ногу сломитъ, а тутъ не угодно ли: ночью. Спать хочется. Сижу, хлопаю глазами, дѣлаю видъ, что читаю, листы поворачиваю. А онъ, злодѣй, закурилъ трубку. Съ длиннымъ этакимъ чубукомъ трубку все, бывало, куритъ... И ходитъ изъ угла въ уголъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Еще посмѣивается. Остановился, показываетъ на меня чубукомъ:

— Видите?—говоритъ.—Тѣ вскинули на меня глазами и говорятъ:—видимъ, ваше-ство.—Вотъ вѣдь и молодой, а дока! Сквозь бумагу и то все досмотритъ.

И опять ходитъ... Вы только представьте, господа, эту картинку. У порога писарь и старшина стоятъ, поднятыя со сна точно трубой архангела. Я за столомъ, уткнулся въ дѣла и строчекъ не вижу. Только бы носомъ не клюнуть. На дворѣ дождь все шумитъ этакъ томительно, часы тикаютъ, сверчокъ свиститъ... Вздохнетъ кто-нибудь... А онъ все ходитъ. Остановится, посмотритъ на писаря и старшину и опять зашагаетъ.

И вдругъ... точно промчалось что-то среди этой томительной тишины... Прокинулся я,—сна, какъ не бывало. Гляжу, стоитъ мой старикъ противъ двери, даже ростомъ выше сталъ. Глаза, какъ свѣчки. Голосъ рѣзкій, точно по желѣзу ударяетъ:

— Ну, будетъ! Что тутъ играть. Все равно разберемъ. Говори прямо: воровали?

Писарь-бѣдняга, до сихъ поръ какъ съ креста снятый, тутъ вдругъ будто даже обрадовался.

— Такъ точно,—говоритъ—ваше-ство.—Воровали. Искони-бѣ...

— Ну, вотъ и отлично. Поди, показывай, въ чемъ дѣло.

Кинулся писарь къ столу, самъ листы переворачиваетъ, показываетъ мнѣ, разъясняетъ... И даже старшина нѣтъ-нѣтъ, слово вставитъ. Съ меня и сонъ долой... Рука такъ и бѣгаетъ по бумагѣ... Часа въ три вся суть этихъ долголѣтнихъ махинацій была какъ на ладонкѣ.

Къ вечеру слѣдующаго дня, не заѣзжая въ уѣздный городъ, опять были мы на перевозѣ. А тамъ пошло: «потребовать исправника! Потребовать того, другого»... Началась переборка, пошелъ по губерніи трезвонъ: новый губернаторъ въ одинъ день раскопалъ всю N-скую твердыню, стоявшую, можно сказать, съ незапамятныхъ временъ... Да... вотъ какой былъ нашъ старикъ. Рѣзвый... Одно, два, понимаете, такихъ дѣла,—по канцеляріямъ пошла паника. Ужасъ почти суевѣрный. «Отъ проклятаго Мураша», дескать, не скроешься. Все видитъ насквозь... Ну, а такъ какъ, извѣстно, кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ, то всякій только молитъ Господа: помилуй и заступи! Всѣ дескать подъ Мурашомъ ходимъ. Зато ужъ,—приказалъ... изъ кожи вылѣзутъ. Мы, молодые чиновники, за совѣсть, по клятвенному обѣщанію. Старые служаки изъ страха. Знаютъ, что Мурашъ своими зоркими глазами видитъ ихъ насквозь и значитъ, чуть что... Кончено!

. . . .

Образъ, который рисуется въ этомъ разсказѣ современника, выступаетъ въ такомъ же видѣ и въ «Муравіадѣ». Авторъ дворянской сатиры свидѣтельствуетъ, что ненавистный Мурашъ дѣйствовалъ такъ-же неожиданно и въ другихъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло не съ одними писарями. Вскорѣ, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, онъ

...по всѣмъ вѣдомствамъ
Верхушки сталъ ломать
И камуфлеты ловкіе
Сюрпризомъ задавать...
...Помѣщиковъ, сановниковъ
Всѣхъ гонитъ нашъ кащей
И душитъ онъ чиновниковъ,
Какъ жирный котъ мышей.

Но, разумѣется, старый крамольникъ, которому, вѣроятно, надоѣло гоняться за хищниками въ Сибири и Архангельскѣ,—не затѣмъ попросился опять на гражданскую службу, чтобы играть роль кота въ чиновничьемъ подпольѣ. Онъ только готовился такимъ образомъ къ предстоящей реформѣ, которая должна была повернуть въ корнѣ самые устои дореформеннаго порядка... Ему нужно было укрѣпиться, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть. И скоро это было достигнуто.—То диво-ль,—съ горечью спрашиваетъ авторъ «Муравіады»

...что полицію,

Имущества, удѣлъ,
Финансы и юстицію
Дѣдъ все къ себѣ поддѣлъ.

И далѣе:

...Къ несчастью,—это такъ:
Давно ужъ всю губернію
Зажалъ нашъ дѣдъ въ кулакъ.

Теперь у стараго заговорщика все уже было готово для генеральной битвы...

IV.

Извѣстно, что императоръ Александръ II, готовясь нанести ударъ главнѣйшей изъ дворянскихъ привилегій — владѣнію людьми, — въ то же время желалъ непремѣнно, чтобы дворянство само потребовало этой реформы. Такъ порой родители, придя къ убѣжденію, что любимому ребенку необходима операція,—стараются убѣдить его, что, въ сущности, и самъ онъ желаетъ, чтобы ему сдѣлали больно. Дворянство не очень-то желало, чтобы ему сдѣлали больно, и дворянская Россія молчала, не понимая очень ясныхъ намековъ.

Наконецъ, въ октябрѣ 1857 года въ Петербургъ прибылъ виленскій ген.-губернаторъ Назимовъ и привезъ довольно скромное по существу ходатайство дворянъ трехъ литовскихъ губерній: виленской, гродненской и ковенской. Хотя по этому проекту освобожденіе предполагалось безъ земли, и заявленіе исходило отъ поляковъ, но все же въ Петербургѣ схватились за него, какъ за первое открытое выраженіе «дворянскихъ желаній». Послѣдовалъ историческій рескриптъ на имя Назимова, разосланный затѣмъ при циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского черезъ губернаторовъ всѣмъ предводителямъ дворянства русскихъ губерній. Ждали, что велико-русское дворянство, въ свою очередь, поддастся патріотическому порыву...

Отъ этого зависѣло многое. Если бы это не удалось, — кто знаетъ, рѣшился ли бы Александръ II на эту тяжелую операцію.

«Первоначальное впечатлѣніе циркуляра отъ 24 ноября, — писалъ Муравьевъ Ланскому, съ которымъ состоялъ въ дѣятельной перепискѣ,—заключалось въ общемъ недоумѣніи. Дѣло было слишкомъ новое, никто его не ожидалъ въ такой скорости». Пока большинство пребывало въ этихъ недоумѣнныхъ чувствахъ, дѣло, какъ это бываетъ часто,—рѣшилъ героическій порывъ небольшой кучки. Въ Нижнемъ въ то время была либеральная группа дворянъ-ополченцевъ, вернувшихся изъ похода, наслушавшихся въ Москвѣ пылкихъ рѣчей славянофиловъ. На губернскомъ собраніи 17 декабря эта молодежь, выслушавъ прочитанный предводителемъ рескриптъ Назимову,—закричала, что дворяне «желаютъ не только улучшить,

но и покончить навсегда съ крѣпостнымъ правомъ». Эти же ополченцы-дворяне, не давъ опомниться другимъ, тотчасъ же составили постановленіе, заставили подписать его и избрали А. Х. Штевена для поднесенія своего акта отреченія государю.

Такъ разсказываетъ объ этомъ моментѣ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ участниковъ, дворянинъ Н. И. Русиновъ. «Все это, — продолжаетъ онъ, — было дѣломъ чуть не минуты». Прямо изъ собранія восторженно настроенная молодежь явилась съ копіей адреса къ Муравьеву. Это было въ три часа ночи. Русиновъ говоритъ, что «старый революціонеръ, какъ его втихомолку называли, громко зарыдалъ». Въ ту же ночь, съ 17 на 18 декабря, онъ экстренно отправилъ правителя канцеляріи Разумова въ Москву, чтобы сообщить о событіи телеграммой (въ Нижнемъ телеграфа еще не было). А на слѣдующій день спѣшно выдалъ Штевену курьерскую подорожную и всѣми мѣрами спѣшилъ отправить его въ Петербургъ съ подлиннымъ постановленіемъ. «Тогда только—прибавляетъ Русиновъ—(то есть увидѣвъ радость «стараго революціонера» и его торопливость) многіе и многіе почесали свои затылки, но было уже поздно» *).

Дѣло было сдѣлано. Въ Петербургѣ тоже торопились ковать желѣзо, пока горячо, и уже 24 декабря, т. е. наканунѣ Рождества, въ сочельникъ, былъ подписанъ высочайшій рескриптъ нижегородскому дворянству на имя губернатора. Онъ пришелъ въ Нижній на святкахъ, и 1-го января новаго 1858 года губернаторъ препроводилъ его губернскому предводителю, разумѣется со всякими поздравленіями. Такимъ образомъ, въ видѣ новогодняго подарка, старый декабристъ поднесъ дворянству пріятное признаніе, что оно первое заявило желаніе не только улучшить, «но и совсѣмъ уничтожить» крѣпостное право.

Плотина была прорвана, пауза кончилась. За нижегородскихъ адресомъ послѣдовали другіе... Во исполненіе этихъ «горячихъ желаній» самого дворянства, стали одинъ за другимъ возникать «комитеты».

И вмѣстѣ съ этимъ патріотическое одушевленіе схлынуло, уступая мѣсто отрезвленію. Едва начались засѣданія нижегородскаго губ. комитета подъ предсѣдательствомъ либеральнаго предводителя Болтина, едва комитетъ, такъ сказать по инерціи, — составилъ нѣсколько пунктовъ своего проекта, болѣе или менѣе «согласно съ видами правительства», какъ поднялась рѣзкая оппозиція большинства. Всѣ предложенія «либераловъ» были отвергнуты, и Болтинъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить предсѣдательство представителю реакціоннаго большинства, Я. И. Пятову.

Такимъ образомъ, дворянство, «первымъ откликнувшееся на

*) А. С. Гацискій. «Люди Нижегородскаго Поволжья».—«Дѣйствія Нижегор. Арх. Коммиссіи» т. III, Ст. Спѣхневскаго.

великодушный призывъ монарха» — теперь первое ударило отбой, и къ нему обратились взоры всѣхъ крѣпостниковъ Россіи. Съ Пятовымъ заодно оказались теперь многіе, радостно кричавшіе ура и украсившіе своими подписями первый адресъ. Впослѣдствіи тѣ же подписи стояли подъ проектомъ контръ-адреса, гдѣ «отреченіе» объяснялось непониманіемъ значенія реформы и зложелательностью нѣкоторыхъ дворянъ къ своему сословію.

V.

Положеніе Муравьева стало очень труднымъ. Пятовъ въ дворянствѣ былъ человѣкъ новый, выскочка, до тѣхъ поръ не пользовавшійся особымъ значеніемъ. Но за нимъ стояла фигура, гораздо болѣе значительная и опасная: Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ.

Это имя памятно еще и до сихъ поръ въ Нижегородскомъ краѣ. Спускаясь на пароходѣ внизъ по Волгѣ отъ Нижняго къ Василь-Сурску, на лѣвой луговой сторонѣ можно видѣть издали грузныя постройки довольно мрачнаго вида. Это шереметевское имѣніе Юрино. Если вы спросите о немъ какого-нибудь стараго лоцмана, онъ разскажетъ вамъ, что это мѣсто называлось въ старину «Шереметевской Сибирью». Домъ, который теперь виднѣется надъ заволжскими лугами, сравнительно новый. Прежде здѣсь было нѣчто въ родѣ феодальнаго замка, впослѣдствіи сгорѣвшаго. Надъ этимъ пепелищемъ носятся до сихъ поръ мрачные разсказы о казематахъ и даже подземельяхъ, въ которыхъ томились шереметевскіе ослушники. Полиція едва смѣла показываться въ шереметевскихъ владѣніяхъ, и никто не могъ вмѣшаться въ отношенія Шереметева къ его рабамъ.

Главныя имѣнія С. В. Шереметева были въ другомъ мѣстѣ,— село Богородское, съ прилегающими 28-ю деревнями. Богородское и теперь славится кожевеннымъ производствомъ, которое повелось тамъ изстари, и шереметевскіе крѣпостные, народъ предпріимчивый, промышленный, жили зажиточно. Они купили, на имя помѣщика (еще отца или дѣда Сергѣя Васильевича), собственную землю, нѣкоторые изъ нихъ гоняли по Волгѣ баржи, торговали кожами, хлѣбомъ и лѣсомъ. Большая часть изъ нихъ жили на оброкѣ, выплачивая помѣщику огромные платежи за право торговли и промысловъ. Въ дѣлахъ нижегородской архивной коммиссіи есть окладныя книги села Богородскаго за 1858 годъ, изъ которыхъ видно, что девять такихъ крѣпостныхъ платили въ годъ оброка отъ 500 до 1500 рублей, 24 человѣка отъ 200 до 375, сто человѣкъ до 95 рублей... Устанавливалось это понемногу, и можно думать, что при прежнихъ Шереметевыхъ суровый режимъ казался все-таки переносимымъ. Это было настоящее царство патріархальнаго феодализма. Получая огромные доходы, владѣльцы

проявляли нѣкоторую заботу о своихъ «оброчникахъ»: въ Богородскомъ былъ докторъ, аптека, богадѣльня для престарѣлыхъ съ отдѣленіемъ для рожепицъ, три школы.

Въ переходное время отношенія всегда обостряются. Мракъ часто сгущается передъ разсвѣтомъ,—привидѣнья снуютъ передъ крикомъ пѣтуха. Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, подъ вліяніемъ толковъ о волѣ, которая, конечно, должна была прекратить эти источники небывалыхъ доходовъ,—задумалъ сразу выжать изъ своего владѣльческаго права все, что возможно, хотя бы и путемъ полнаго разоренія крестьянъ. Онъ выработалъ планъ «добровольнаго выкупа», назначивъ за каждый рубль оброка по 25 рублей выкупной суммы. По этому плану, съ одного, напримѣръ, богатаго крестьянина помѣщикъ долженъ бы получить 38.250 рублей. Совершенно понятно, что крестьяне «оказали упорство» и отъ добровольной сдѣлки отказались. Тогда. Шереметевъ созвалъ выборныхъ, которые въ шереметевскихъ вотчинахъ назывались «думчими», и потребовалъ, чтобы они подписали актъ соглашенія отъ лица всѣхъ. Думчіе тоже отказались. Шереметевъ пришелъ въ совершенное неистовство: онъ лично избивалъ упрямцевъ, отсылалъ ихъ на расправу къ становымъ, сажалъ въ тюрьмы, сдавалъ въ рекруты и ссылалъ въ свою Сибирь,—Юрино, захватывая на мѣстѣ дома и усадьбы ссыльныхъ.

Призракъ умирающаго крѣпостного строя всталъ передъ зарей надъ шереметевскими владѣньями, кидая свою мрачную тѣнь на весь край, наводя ужасъ на однихъ и ободряя другихъ. Губернія наполнилась чудовищными разсказами, воплями, жалобами. Было извѣстно, что Шереметевъ «лично извѣстенъ», что при дворѣ у него огромныя связи, близкая дружба съ Адлербергами и другими высокопоставленными противниками реформы. Его примѣръ ободрилъ остальныхъ. Пошли слухи, что «правительство перемѣнило намѣреніе, и все останется по старому». Члены губернскаго комитета перестали собираться, надѣясь сбить всѣ эти проекты изморомъ. Когда же Муравьевъ объявилъ, что постановленія комитета будутъ считаться дѣйствительными при наличности хотя бы трехъ членовъ, то комитетъ возобновилъ свои засѣданія, но вскорѣ принялъ рѣшеніе—«уничтожить все доселѣ сдѣланное и начать всю работу снова на началахъ выкупа личности...»

Муравьевъ почувствовалъ, что наступаетъ рѣшительная минута, и выступилъ противъ Шереметева. Понятно, съ какимъ захватывающимъ вниманіемъ всѣ слѣдили за исходомъ этой борьбы бывшаго декабриста съ властнымъ крѣпостникомъ. Молва еще усиливала драматизмъ этой схватки. Говорили, будто 14 декабря, когда Муравьевъ стоялъ на площади вмѣстѣ съ бунтовщиками и когда исходъ возстанія былъ еще сомнителенъ,—Шереметевъ, тогда еще молодой артиллеристъ, первый направилъ въ бунтовщиковъ пушечный выстрѣлъ, рѣшившій дѣло. Это, разумѣется, была фанта-

стическая легенда, но она придавала борьбѣ особую окраску: вѣрный царскій слуга и усмиритель бунта отстаивалъ интересы крѣпостническаго дворянства; бывшій заговорщикъ, участвовавшій въ умыслѣ на цареубійство и бунтовщикъ стоялъ за дѣло крестьянъ и реформы... Легко представить себѣ, что было бы съ Муравьевымъ при такой постановкѣ вопроса въ наше время?

Тогда не такъ боялись страшныхъ словъ, но все-же положеніе Муравьева поколебалось. Ланской, человѣкъ убѣжденный и искренно связавшій свою судьбу съ дѣломъ реформы, находилъ все таки, что декабристъ - губернаторъ дѣйствуетъ слишкомъ круто. Муравьеву все казалось просто: онъ принималъ крестьянъ, выслушивалъ ихъ жалобы и обѣщалъ защиту. Большинству комитета грозилъ даже народной местью «Прошу размыслить о томъ, — писалъ онъ, — что укоръ въ сопротивленіи высочайшей волѣ можетъ быть произнесенъ тѣмъ сословіемъ, надъ устройствомъ быта котораго дворянство трудится. Страшно можетъ выразиться приговоръ и пробужденіе народа, признавшаго себя по произволу лишеннымъ права и надежды выкупомъ пріобрѣсти то, *что ему всенародно обѣщано словомъ монаршимъ*». Что-же касается Шереметева, который все усиливалъ свои жестокости и къ этому времени затѣялъ захватить въ свои руки всѣ вотчинныя бумаги,—то губернаторъ послалъ въ Шереметевскую столицу своихъ чиновниковъ, и они (дѣло небывалое)— въ центрѣ его владѣній опечатали бумаги. У Ланского Муравьевъ требовалъ немедленнаго назначенія формальнаго слѣдствія надъ Шереметевымъ, чтобы сразу сломить центръ крѣпостническаго упорства, причемъ указывалъ даже и слѣдователя, вице-губернатора, «на котораго одного можно положиться».

Противники тоже не остались въ долгу. Комитетъ составилъ постановленіе, въ которомъ жаловался, что бумага губернатора «есть ничто иное, какъ «*слово и дѣло*», оффиціальною властью пущенное въ народъ» и угрожающее страшными послѣдствіями. Шереметевъ прямо обвинялъ губернатора въ подстрекательствѣ къ бунту. Жалуясь на опечатаніе вотчинныхъ бумагъ, онъ писалъ ядовито, что это, какъ извѣстно, дѣлается только съ государственными преступниками, къ числу которыхъ я не могу быть причисленъ... Въ родѣ Шереметевыхъ (мы всѣ гордимся этимъ) — измѣнниковъ никогда не бывало и, съ Божіей помощью, не будетъ», а «подстреканіе крестьянъ къ бунту врядъ ли можетъ обезпечить общественное спокойствіе»... «Въ такомъ случаѣ строгой отвѣтственности должны подвергаться не крестьяне, а тѣ, которые ихъ поджигаютъ»... Еще яснѣе: «тѣ злоумышленные люди..., которые, пользуясь своимъ *вліяніемъ и властью*, — побуждаютъ ихъ къ противозаконнымъ дѣйствіямъ».

Вліяніе Шереметева въ высшихъ кругахъ было такъ сильно, что Ланской не посмѣлъ своей властью поддержать губернатора.

Онъ доложилъ обо всемъ Государю, и 28 марта Муравьевъ получилъ извѣщеніе: по высочайшему повелѣнію въ Нижегородскую губернію командируется флигель-адъютантъ гр Бобринскій, который долженъ истребовать у Шереметева объясненій и, «если окажется нужнымъ, убѣдить его къ прекращенію неблаговидныхъ дѣйствій».

Графъ Бобринскій и понялъ, и исполнилъ порученіе очень своеобразно. На свою миссію онъ посмотрѣлъ, какъ на командировку для приведенія шереметевскихъ крестьянъ къ повиновенію. Пріѣхавъ въ Богородское, онъ вскорѣ извѣстилъ Муравьева, что крестьяне къ повиновенію приведены, «чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что передъ отъѣздомъ моимъ они служили молебенъ за милости, оказанныя имъ помѣщикомъ». Самыя милости состояли въ томъ, что Шереметевъ обѣщалъ сбавить по 25 копѣекъ съ оброчнаго рубля.

Игра стараго декабриста казалось проигранной. Шереметевъ торжествовалъ, и, конечно, вскорѣ крестьяне почувствовали, что его рука стала еще тяжелѣе. Дворянство шумно ликовало, и демонстративно проводило Бобринскаго обѣдомъ, на которомъ произносились тосты и рѣчи со всякими намеками. Надежды на то, что правительство «перемѣнило намѣреніе», росли. Могло казаться, что и вся реформа сведется къ «шереметевской милости».

VI.

Все, что я написалъ до сихъ поръ, основано на достовѣрныхъ письменныхъ матеріалахъ и документахъ. Теперь, при описаніи заключительныхъ актовъ борьбы крамольнаго губернатора съ его противниками, мнѣ придется прибѣгнуть къ разсказу уже упоминавшагося раньше В. М. Воронина.

Долженъ сказать, къ сожалѣнію, что въ нѣкоторыхъ чертахъ разсказъ этотъ имѣетъ характеръ почти легендарный, и я не рѣшился бы стоять за его историческую точность во всѣхъ деталяхъ. Но все же это, во-первыхъ, разсказъ современника и очевидца, а во-вторыхъ, самъ по себѣ онъ чрезвычайно характеристиченъ и рисуетъ во весь ростъ фигуру Муравьева. Если коечто и было бы опровергнуто фактически, то легендѣ нельзя отказать въ большой колоритности и своего рода художественной правдѣ.

Нѣсколько словъ о самомъ разсказчикѣ. Я познакомился съ нимъ въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія, поселившись въ Нижнемъ послѣ своей ссылки, и сначала онъ казался мнѣ самой заурядной, неинтересной обывательской фигурой.

Происходилъ изъ мѣщанъ. Отецъ — мелкій довѣренный по откупу; сына опредѣлилъ въ гимназію, гдѣ тотъ учился съ А. С.

Гацискимъ и П. Д. Боборыкинымъ. Затѣмъ юноша поступилъ въ Демидовскій лицей, по окончаніи котораго опредѣлился на службу чиновникомъ особыхъ порученій... Послѣ этого, въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ, служилъ на разныхъ должностяхъ, въ томъ числѣ даже и по полиціи. Какъ исправникъ, считался полицейскимъ стараго типа: рукоприкладствовалъ и по уѣзду возилъ съ собой верзилу десятскаго, извѣстнаго чисто физическими дарованіями: огромнымъ ростомъ и пудовыми кулаками. Взятокъ, кажется, не бралъ или, если и касался, то безъ излишества, ниже, такъ сказать, средняго исправницкаго положенія. По крайней мѣрѣ когда умеръ, то имущество оставилъ умѣренное. Отличился на службѣ поимкой нѣкоего Рузаева, долгое время свирѣпо и дерзко разбойничавшаго въ окружностяхъ Нижняго и считавшагося неуловимымъ. Рузаева разстрѣляли въ полѣ за острогомъ,—происшествіе тогда рѣдкое и страшное, о которомъ долго вспоминали старожилы, соединяя имя разстрѣляннаго съ именемъ удалого исправника Воронина. Рузаева зарыли тамъ же, въ полѣ, надъ оврагомъ. А Воронинъ подвинулся по службѣ. Получивъ чинъ статскаго совѣтника и орденъ Владиміра, сынъ бывшаго довѣреннаго по откупу сталъ и самъ нижегородскимъ дворяниномъ, чѣмъ очень гордился.

Выйдя въ отставку, служилъ по выборамъ мировымъ судьей, былъ гласнымъ, вступалъ на этой почвѣ въ разные союзы и конфликты. Особую идейную руководящую нить въ этихъ земско-политическихъ комеражахъ Воронина замѣтить было трудно. Одни и тѣ же лица бывали попеременно то его союзниками, то врагами. Выдвинулъ его нѣкто Андреевъ, человѣкъ сильный, ловкій, безсовѣстный, по убѣжденіямъ крѣпостникъ, по нравственному складу хищникъ и растратчикъ. Одно время Воронину показалось, что Андреевъ зарвался слишкомъ неосторожно, и онъ попытался свалить его на выборахъ, нацѣлившись на его предсѣдательство. Разсчетъ оказался ошибочнымъ. Времена не назрѣли, хищническая звѣзда уѣзднаго генія стояла высоко. Андреевъ уцѣлѣлъ еще на нѣсколько лѣтъ, и сильной хваткой выбилъ заговорщика изъ позиціи, проваливъ на всѣ выборныя должности. Послѣ этого бывшій исправникъ перешелъ въ оппозицію, выступалъ, гдѣ могъ противъ своего бывшаго покровителя. Дворянская ретроградная партія его ненавидѣла. Либералы принимали: это былъ все таки «выборный голосъ» и притомъ человѣкъ ловкій, знавшій отлично слабыя стороны противниковъ. Бывалъ онъ и на предвыборныхъ совѣщаніяхъ, и запросто на карточныхъ вечерахъ. Разсказывалъ разные любопытные случаи изъ дворянскаго и монашескаго быта, которые собралъ за время своей полицейской службы, ненавидѣлъ дворянъ двойной ненавистью: какъ бывшій мѣщанинъ, и какъ новый дворянинъ, выскочка, отвергнутый дворянской средой. Однажды, получивъ афронтъ на какомъ-то торжествен-

номъ дворянскомъ обѣдѣ (гдѣ для него «случайно» не поставили прибора) — довольно громко назвалъ губернскаго предводителя «жбанной затычкой». Вообще фрондировалъ.

Въ этотъ періодъ я съ нимъ и познакомился въ средѣ, которая мнѣ въ Нижнемъ была наиболѣе близкой. Мои нижегородскіе знакомые, хотя и водились съ Воронинымъ, какъ съ бывшимъ школьнымъ товарищемъ и нынѣшнимъ союзникомъ, но «своимъ» его не считали, памятуя и его исправницкое прошлое, и десятскаго съ природными физическими дарованіями и то, что на земской службѣ онъ дебютировалъ подъ покровительствомъ Андреева... Вообще это были отношенія «тонкія», такія, при которыхъ чувствуется, что могутъ встрѣтиться всякіе новые перевороты, и неизвѣстно еще, какая сторона этой «сложной натуры» опредѣлится, какъ коренная и настоящая. Будетъ ли это демократъ, ненавидящій нынѣшнихъ вершителей губернскихъ судебъ (это несомнѣнно въ немъ было), или же, наоборотъ, воспрянетъ бывшій полицейскій, обогащенный опытомъ за время своего пребыванія въ либеральномъ станѣ.

Наружности Воронинъ былъ довольно типичной. Средняго роста, съ расположеніемъ къ округленности, но не рыхлый, волосы стригъ ежомъ, подстригалъ сѣдую бороду и отпускалъ усы. Костюмы носилъ широкіе, изъ солиднаго матеріала, по большей части въ крупную клѣтку. Былъ подвиженъ, говорилъ оживленно, либеральничалъ желчно и нѣсколько безпокойно: желчь была настоящая, безпокойство истекало изъ инстинктивнаго сознанія, что искренности его либерализма, быть можетъ, не всѣ вѣрятъ.

Однимъ словомъ, — фигура, какихъ и въ «затишные» восьмидесятые годы, и въ наше время можно встрѣтить не мало, т. е. полинявшая и неинтересная. Однако...

Въ жизни почти каждаго человѣка есть свой героическій періодъ. И, какъ-бы далеко впослѣдствіи превратности жизни или еще чаще—ея тихое теченіе ни унесли его отъ прежнихъ путей, онъ будетъ постоянно возвращаться мыслью къ этому періоду. Будетъ вспоминать о немъ, будетъ о немъ разсказывать, будетъ, можетъ быть, слегка украшать его и расцвѣчивать. И въ такія минуты такой человѣкъ преображается: изъ-подъ будничнаго житейскаго налета просвѣчиваетъ что-то далекое, необычное, точно отсвѣтъ далекихъ праздничныхъ огней.

Былъ такой именно героическій періодъ и въ жизни Воронина, и относился онъ къ тому времени, когда, прямо со школьной скамьи, онъ попалъ въ чиновники особыхъ порученій къ губернатору-декабристу. Къ сожалѣнію, онъ не писалъ мемуаровъ, а только повременамъ разсказывалъ разные эпизоды этой своей ранней службы. Разсказывалъ съ любовью, съ увлеченіемъ, вспыхивая и вдохновляясь. И каждый разъ это было не простое повтореніе, а своего рода творчество: онъ постепенно обрабатывалъ детали, какъ поэтъ

совершенствуетъ черновые наброски поэмы, пока она не пріобрѣтетъ художественной законченности. Въ такія минуты Воронина можно было заслушаться. Забывалось и послѣдующее исправничество, и десятскій съ природными дарованіями, и сомнительные земско-дворянскіе союзы. Полинявшій человѣкъ становился поэтомъ, воспѣвавшимъ свою молодость и своего героя. Правда, быть можетъ, именно вслѣдствіе этого одушевленія нѣкоторыя детали этой поэмы не вполнѣ совпадаютъ съ оффиціальными реляціями о тѣхъ-же событіяхъ. Впрочемъ, кому неизвѣстно, что оффиціальныя реляціи часто тоже являются продуктомъ творчества, только въ направленіи обратномъ: тамъ, гдѣ поэзія стремится расцвѣтить и украсить жизненную правду, — реляція изсушаетъ ее, превращая въ сухой остовъ. И очень можетъ быть, что поэма Воронина о царѣ и декабристѣ не дальше отъ исторической истины, чѣмъ оффиціальные отчеты Правительственныхъ Вѣстниковъ... Я постараюсь, какъ могу, возстановить ее, безъ всякой, впрочемъ, надежды сравняться съ устнымъ оригиналомъ...

III.

Однажды, придя къ своимъ знакомымъ, я засталъ тамъ цѣлое общество, центромъ котораго былъ опять В. М. Воронинъ со своими разсказами о Муравьевѣ. Онъ былъ особенно въ ударѣ: разсказы касались побѣдъ его героя въ трудной борьбѣ.

Въ августѣ 1858 года Александръ, какъ извѣстно, предпринялъ поѣздку по губерніямъ средней Россіи, чтобы оживить движеніе реформы. Въ разныхъ городахъ, принимая представителей дворянства, онъ произносилъ рѣчи, въ которыхъ призывалъ дворянъ къ содѣйствію.

Появленію государя въ Нижнемъ предшествовали самые противорѣчивые толки. Въ концѣ іюля получено было предписаніе Ланского, въ которомъ сообщалось высочайшее повелѣніе, неблагопріятное для реакціоннаго большинства комитета: Пятову, позволившему себѣ въ изложеніи своего отзыва неумѣстныя выраженія, оставить строгій выговоръ. Меньшинству изъявлялось высочайшее благоволеніе. «Дворянамъ-же, подписавшимъ ни съ чѣмъ несообразное мнѣніе, Пятова сдѣлать строгое замѣчаніе». Эти послѣднія слова Государь на докладѣ Ланского написалъ собственноручно.

Повидимому, ни эта резолюція, ни рѣчи, которыя государь произносилъ въ разныхъ городахъ, направляясь къ Нижнему, не могли обѣщать ничего хорошаго реакціонерамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было извѣстно, что крѣпостническая партія при дворѣ не сдавалась, и Ланской уже просилъ у государя отставки по вопросу о введеніи генералъ-губернаторовъ. Отставка не была принята, но государь сдѣлалъ на докладѣ Ланского нѣсколько гнѣвныхъ за-

мѣчаній. Шереметевъ и нижегородскіе крѣпостники получали ободряющія письма. Муравьевъ, по словамъ Воронина, одно время сталъ мраченъ. Потомъ, получивъ письма Ланского, перемѣнился. Для постороннихъ эта перемѣна не сказалась ни въ чемъ, но мы-то, близкіе, говорилъ Воронинъ,—видимъ: въ глазахъ у старика забѣгали какіе-то огоньки... Значитъ, можно думать, готовится какая-нибудь неожиданность.

А все-таки... положеніе было сомнительное. Все время носились какъ вихри, самые различные слухи, и каждый день могло повернуться по иному... Газетъ тогда было мало, извѣстія о высочайшихъ пріемахъ и рѣчахъ сначала печатались въ оффиціальныхъ органахъ и потомъ уже развозились въ провинцію. Частныя письма и пріѣзжіе, какъ это бываетъ всегда, распространяли самые противорѣчивые слухи.

Наконецъ, 18 августа царскій поѣздъ появился въ виду Нижняго и переправился черезъ Оку. «Дворецъ» наполнился блестящей придворной свитой. Утромъ 19-го предстоялъ въ большомъ дворцовомъ залѣ пріемъ дворянства.

Залъ уже заранѣе сталъ наполняться: кто только могъ пріѣхать изъ самыхъ дальнихъ уѣздовъ,—всѣ, конечно, явились: случай увидѣть Государя, да еще въ такую историческую минуту, представляется не часто. Скоро въ залѣ стало тѣсно отъ дворянскихъ мундировъ. Особенно выдѣлялась фигура Шереметева. Къ нему подходили, жали руки, съ тревогой или надеждой смотрѣли ему въ глаза. Видъ у Шереметева въ это утро былъ самоувѣренный и великолѣпный.

— Потомъ вышелъ и «старикъ»,—разсказывалъ Воронинъ.— Посмотрѣлъ я на него,—сердце такъ и упало: узнать нельзя,— сгорбился, опустился весь, даже ростомъ сталъ меньше. Точно его въ эту ночь расшибло параличемъ, и онъ едва поднялся, чтобы встрѣтить государя. А послѣ, дескать,—хоть въ могилу. Идетъ, на палочку опирается. Велѣлъ поставить себѣ стулъ у стѣнки, недалеко отъ входа, сѣлъ, опустилъ голову на посошекъ... Чисто сирота казанская. Мы, муравьевцы, стали около него, стоимъ, какъ отверженные. Что будетъ? Только разъ подозвалъ меня старикъ распорядиться о чемъ-то, по надобности, и встрѣтилсяя съ его глазами. Лицо удрученное, а въ глазахъ огонь бѣгаетъ...

Нѣтъ, думаю, что-нибудь не такъ. Что-то, должно быть, знаетъ.

Вернулся я,—въ залѣ становится тише. Скоро государь долженъ выйти. Одинъ за другимъ входятъ свитскіе. И какъ войдетъ, взглянетъ кругомъ, — сейчасъ къ Шереметеву. Все вѣдь друзья старинные, пріятели,—всякій прежде всего къ нему и подходитъ. Губернатора на стульчикѣ у двери никто не замѣчаетъ. Адлербергъ,—великолѣпная тоже фигура, огромнаго роста, весь въ регаліяхъ,—кажется, и замѣтилъ, но посмотрѣлъ этакъ вскользь сверху и тоже прошелъ къ Шереметеву. Кругомъ Сергѣя Василье-

вича сразу точно цвѣтущій островъ образовался: эполеты, ленты, звѣзды, живой, веселый разговоръ, французскія фразы, со всѣми почти на ты. Однимъ словомъ, потентатъ, такъ сказать, олицетвореніе силы... Ну, а вокругъ нашего старика—пустота. Подойдетъ кто-нибудь изъ «либераловъ», поздоровается съ озабоченнымъ этакимъ видомъ и отходитъ... Вдругъ, все затихло. «Государь!»..

Сталъ въ дверяхъ. Молодой, красивый, точно въ сіяніи какомъ-то. Бросилъ быстрый взглядъ и увидѣлъ «старика». Тотъ,—все такъ же, разслабленный, незначительный, при самомъ уже входѣ государя, поднялся со стула. Царь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, остановившись противъ него, спросилъ:

— Это у васъ крестъ за что?

— За сраженіе при Кульмѣ, Ваше Величество.

— Вы были ранены? Вамъ трудно стоять? Пожалуйста, садитесь.

И потомъ повторилъ опять милостивымъ, но настойчивымъ голосомъ: «Садитесь!» Старикъ съ такимъ же убитымъ и покорнымъ видомъ сѣлъ. Въ залѣ наступила такая тишина, что можно было слышать полетъ мухи. Государь повернулся и началъ рѣчь...

VIII.

Рѣчь Александра II въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ она напечатана въ оффиціальныхъ изданіяхъ, теперь звучитъ довольно блѣдно.

«Господа. Я радъ, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступали добросовѣстно: ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ благодарю васъ за то, что вы первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта. По этому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ вашихъ депутатовъ.. Вы знаете цѣль мою: общее благо. Ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды съ общей пользой. *Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности. А личности всякое дѣло портятъ. Это—жаль. Устраните ихъ.* Я надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ больше не будетъ, и тогда это общее дѣло пойдетъ... Я полагаюсь на васъ, я вѣрю вамъ, вы меня не обманете... Путь указанъ, не отступайте отъ началъ изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ»...

И затѣмъ—нѣсколько заключительныхъ фразъ въ томъ же родѣ...

Такъ передана эта рѣчь въ оффиціальныхъ отчетахъ, но въ изложеніи Воронина она звучала совершенно иначе.

— Да, что тутъ говорить,—горячо отмахнулся онъ, когда кто-то изъ присутствующихъ напомнилъ, что рѣчь была напечатана въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, и текстъ ея есть у А. С. Гацискаго. Что тамъ оффиціальные отчеты! Небо и земля. Напечатано, какъ было заранѣе заготовлено, а Царь говорилъ не по ихъ бумажкамъ. До сихъ поръ вотъ... Закрою глаза,—вижу эту фигуру. Прямой этакой, голова откинута, брови сжаты, и каждый звукъ летаетъ въ затихшемъ залѣ, точно въ колоколъ бьетъ.

Дойдя до того мѣста, что вотъ шло хорошо, царь остановился. Стало еще тише, не дохнетъ никто. Точно вотъ всѣмъ сейчасъ съ крутой горы спускаться. Ждутъ, что-то будетъ за этой паузой. Прошла, можетъ, секунда, другая, а повѣрите, мнѣ показалось, что прошелъ часъ...

Вдругъ, выпрямился еще больше, брови сдвинулись...

— Теперь, узнаю, что среди васъ завелась... измѣ-на...

Пролетѣло это слово, какъ громъ среди яснаго неба... И весь залъ, все мундирное и расшитое дворянство повалилось сразу на колѣни... А надъ колѣнопреклоненной толпой неслись слова царской рѣчи, возбужденные, гнѣвные...

Кончилъ, повернулся и вышелъ...

И какъ только вышелъ, дворяне, какъ одинъ человѣкъ, кинулись къ Муравьеву, который подъ конецъ рѣчи всталъ со своего стула, даже роль свою забылъ.—Кругомъ поднялся гулъ:—Ваше сіятельство. Верните Государя! Увѣрьте его: здѣсь нѣтъ измѣнниковъ... Мы всѣ готовы... Ваше сіятельство... Дворянство васъ умоляетъ...

Но старикъ опять опустился, одряхлѣлъ и сталъ меньше ростомъ Махнулъ рукой. Помолчалъ минутку, потомъ покачалъ этакъ прискорбно головой и говоритъ:

— Нѣтъ, господа. Не могу. Не рѣшаюсь... Подумайте сами: какъ мнѣ теперь явиться къ государю на глаза? У меня... въ губерніи... измѣна! Господи Боже!

Опять поднялись крики и просьбы. Старикъ опять махнулъ рукой... Гляжу, въ глазахъ искорки такъ и бѣгаютъ, бѣгаютъ...

— Ну, что дѣлать... Для васъ, господа, попробую.

Посмотрѣлъ въ толпу, намѣтилъ нѣсколько «своихъ» изъ меньшинства разгромленнаго комитета, и говоритъ:

— Прошу васъ, господа, ко мнѣ, надо посовѣтоваться. А вы, господа, погодите. Я сейчасъ...

Черезъ нѣсколько минутъ возвращается, совсѣмъ убитый, еще болѣе сгорбившійся, чѣмъ прежде, и говоритъ почти шопотомъ:

— Нѣтъ... Не м-могу. Государь въ страшномъ гнѣвѣ... У себя... Можетъ быть, отдыхаетъ. Скоро депутаціи отъ горожанъ и крестьянъ. Теперь вамъ всего лучше на время уйти. Поѣзжайте въ свое собраніе, ждите тамъ, а я, можетъ быть, осмѣлюсь... Сдѣлаю, что могу.

Потомъ повернулся ко мнѣ глазами и говоритъ:

— А пока, чтобъ не тревожить государя... молодой человѣкъ! Проводите, пожалуйста, господъ дворянство по другой лѣстницѣ... Знаете?

У меня по спинѣ даже мурашки прошли... Вѣдь это, значитъ, мнѣ придется проводить ихъ чернымъ ходомъ. Посмотрѣлъ я на старика умоляющимъ этакимъ взглядомъ: дескать, — что вы со мной-то дѣлаете?.. Но встрѣтился съ его глазами: вижу—ничего не подѣлаешь,—сталь. Повернулся я, ни живъ ни мертвъ.—«Пожалуйте, господа».

И повелъ. Вы, господа, знаете, этотъ ходъ? Дворецъ - постройка довольно старая: съ лица—парадъ, широкая лѣстница, колонны,— а съ изнанки—тѣснота, темнота, вообще весьма непривлекательно. Иду впереди, дворяне, ошеломленные, еще ничего не соображающіе—за мной. Повѣрите: какъ сталъ спускаться съ лѣстницы впереди этой толпы,—ощущеніе такое: будто валится на меня обвалъ какой-то, лавина. Сейчасъ вотъ хлынетъ и задавитъ. И прямо за собой слышу,—грузные шаги... Шереметевъ. Дошли до половины лѣстницы,—смотрю - чья-то рука, большая, сильная схватилась за перила... Дрожитъ, и перила дрожатъ. Оглянулся я: Шереметевъ стоитъ, покачивается. Вотъ-вотъ—кондрашка. И говоритъ сквозь стиснутые зубы:

— Кат-торжникъ... Проклятый!..

Въ этомъ мѣстѣ своего разсказа Воронинъ, иллюстрировавшій его очень выразительными жестами, остановился въ волненіи. Было-ли это волненіе отъ воспоминанія дѣйствительно пережитой минуты, или это было волненіе «творчества»—сказать трудно. Никогда больше я не слышалъ подтвержденія этой драматической легенды, изображающей какъ бы апоѳеозъ «демократическаго самодержавія». И нигдѣ она не встрѣчается въ письменныхъ мемуарахъ. Несомнѣнно только, что Воронинъ въ ту минуту вѣрилъ въ свои видѣнія или воспоминанія, и мы, его слушатели, вѣрили тоже. Все было здѣсь закончено, цѣльно, согласовано. Вопросъ о кульмскомъ крестѣ, забвеніе освободительныхъ увлеченій изъ-за освободительныхъ заслугъ есть указаніе, что настоящая измѣна— въ козняхъ противъ великаго дѣла свободы...

Въ концѣ концовъ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что этого не было, по крайней мѣрѣ, въ такой полнотѣ... Что, загораясь воспоминаньями о героическомъ періодѣ своей жизни, Воронинъ черта за чертой создавалъ свою легенду и, въ концѣ концовъ, завершилъ ее апоѳеозомъ самодержавія, твердой рукой, въ сознаніи своей силы и власти, направлявшаго дѣло освобожденія черезъ рифы сословныхъ и иныхъ препятствій... Хотя несомнѣнно также, что въ періодъ великой реформы еще мелькали эти черты измечтаннаго славянофилами самодержавія... И что безъ нихъ колесо исторіи повернулось бы иначе... Къ худшему или къ лучшему, но—иначе...

IX.

— То, что Воронинъ разсказывалъ дальше, — опять можетъ быть слегка прикрашено фантазіей, но въ главномъ совпадаетъ съ фактами, установленными мѣстной исторіей. Комитетъ былъ возстановленъ, либеральное меньшинство вновь пріобрѣло значеніе въ союзѣ съ прогрессивной администраціей. Но въ жизни продолжалась борьба, упорная, страстная. Шереметевъ не сдавался. Надежды остановить ходъ надвигавшейся катастрофы не умирали. Въ народѣ росло нетерпѣніе и глухія темныя вспышки. Исправники и становые почти не жили въ своихъ квартирахъ, то и дѣло вызываемые жалобами помѣщиковъ на непокорство и бунты. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы въ то время существовало могучее орудіе нынѣшнихъ ретроградовъ, — провокація, то вскорѣ на мѣсто освобожденія съ землей выступилъ-бы лозунгъ: «прежде успокоеніе»...

Но провокаціи не было, а народное нетерпѣніе, глухое и темное, сдерживалось надеждой. Несмотря на жалобы помѣщиковъ, недвусмысленно обвинявшихъ декабриста-губернатора въ подстрекательствѣ, въ Нижегородскомъ краѣ народныхъ вспышекъ и бунтовъ было менѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было... Особенно жестокихъ помѣщиковъ начали удалять изъ имѣній...

Однажды, уже въ 1859 году, Муравьевъ опять передъ вечеромъ позвалъ Воронина. У крыльца стояла наготовѣ почтовая тройка. Губернаторъ ждалъ въ своемъ кабинетѣ и при входѣ Воронина заперъ дверь.

— Ну, молодой человѣкъ, послужите. Садитесь къ столу. Вотъ подорожная. Впишите въ нее свою фамилію... съ будущимъ. Теперь возьмите вотъ этотъ приказъ. Впишите фамилію: «тайный совѣтникъ Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ».

Это былъ приказъ губернскому секретарю Воронину отправиться немедленно въ село Богородское и, предъявивъ тайному совѣтнику Сергѣю Васильевичу Шереметеву, на основаніи ст. такой-то, распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ за номеромъ такимъ-то,—предложить немедленно съ нимъ-же, Воронинымъ, прибыть въ Нижній Новгородъ, гдѣ и проживать безвыѣздно.

Воронинъ дрожащей рукой вписалъ грозную фамилію и спросилъ:

— Съ кѣмъ прикажете мнѣ отправиться?

— Одному.

— Ваше превосходительство...—взмолился бѣдняга.

— Ну, что?

— Какъ же это... Кто онъ, а кто я?

— Онъ — тайный совѣтникъ Шереметевъ, а вы — чиновникъ, исполняющій порученіе.

Въ глазахъ его засверкалъ огонекъ, и онъ прибавилъ:

— Вы поѣдете одинъ, чтобы не огорчать его превосходительство излишней оглаской. Не бойтесь, молодой человѣкъ, не бойтесь... Я вамъ говорю: поѣдетъ! Ну, а...

И глаза Мураша загорѣлись...

— Поѣзжайте съ Богомъ. Надо служить, молодой человѣкъ. Я на васъ надѣюсь.

По правиламъ, слѣдовало сообщить жандармской власти и требовать содѣйствія. Но, такъ какъ были примѣры, что жандармскій полковникъ затягивалъ свой отъѣздъ, а подъ рукой предупреждалъ пріятелей-помѣщиковъ, то Мурашъ приказалъ своему чиновнику выѣхать немедленно, не дожидаясь «содѣйствія». Извѣщеніе жандарму было послано уже передъ утромъ.

— Никогда я не забуду этой ночи,—говорилъ Воронинъ.

— Струсили?—спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Подите вы! Какъ тутъ не струсить... Правду сказать: проклиналъ Мураша. Ему что. Игра у него крупная, и козыри въ рукахъ... А мнѣ каково! Вотъ, думалъ, въ клубъ сходить, въ картишки переметнуться, потомъ въ постель. А тутъ — не угодно-ли. Ночь, темнота, колокольчикъ. И какъ подумаю, что придется одному, съ мужикомъ-старостой явиться передъ грознымъ взглядомъ магната... Брр... пропалъ ты, думаю себѣ, Василій Михайловъ, ни за грошъ. Гдѣ тебѣ, губернскому секретаришкѣ, этакій дубъ голыми руками вырвать... Ну, а все таки, не ослушаешься. Не доѣзжая до села,—велѣлъ колокольцы подвязать, потомъ разбудилъ старосту, подъѣзжаемъ къ барскому дому.—Кто такой? Что нужно?—«По указу его императорскаго величества!» Сначала не смѣли и подумать будить барина, но я настоялъ. Самому, положимъ, страшновато, но за спиной чувствую Мураша. Подняли. Семья уже поднялась, дворня... точно муравейникъ, растревоженный среди ночи... Вышелъ мрачный, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы. Жутко, но все таки взглядъ выдержалъ, подаю бумаги. Взялъ онъ, распечаталъ пакетъ и опять, какъ тогда, на лѣстницѣ, схватился рукой за столъ. Закрылъ глаза, лицо то краснѣетъ, то блѣднѣетъ. И опять слышу: «кат-торжникъ проклятый»... Такъ прошло съ минуту... Я стараюсь храбриться, вспоминаю про Мураша, а чувствую: точно надо мной скала повисла. Вотъ - вотъ обрушится. Вдругъ Шереметевъ раскрылъ глаза, точно отъ сна очнулся... «Ѣдемъ!» И сразу опустился, какъ Мурашъ передъ царской рѣчью. Мѣшокъ мѣшкомъ! Собираться даже не сталъ, самъ торопитъ. Снарядили его домашніе наскоро, одѣли... Вышли мы, сѣли въ тарантасъ. «Гони!»—Взвилась наша тройка!.. Ѣду я обратно, шевельнуться не смѣю: самъ себѣ не вѣрю, что это рядомъ со мной сидитъ самъ Шереметевъ. А на душѣ все-таки гордое чувство...

Завтра по всему Нижнему грянетъ, какъ громъ. И кто это исполнилъ? Воронинъ! Передъ самымъ городомъ, совсѣмъ разсвѣло, — глядимъ: мчится, сломя голову, жандармскій полковникъ. Запоздалъ бѣдняга. До сихъ поръ еще передъ глазами стоятъ его выпученные глаза и испуганная физіономія, когда мы съ громомъ и звономъ пронеслись мимо..

Послѣ этого Шереметевъ выхлопоталъ разрѣшеніе выѣхать заграницу, и столпъ нижегородскаго крѣпостничества исчезъ съ горизонта.

IX.

Теперь, послѣ этой неполной, конечно, характеристики губернатора-декабриста, читателямъ понятны причины той глубокой ненависти, которая такъ вдохновляла крѣпостную музу. Понятно также, съ какой жадностью большинство дворянъ ловило всякій слухъ объ удаленіи Муравьева.

Вотъ новость первоклассная,
Вотъ новость на расхватъ,
Газетная, прекрасная,
И кто-же ей не радъ.

Такъ начинается «Муравіада».

Конецъ долготерпѣнію!
Нашъ прѐфектъ, нашъ тиранъ,
По царскому велѣнію
Переведенъ въ Рязань.

Оказалось, что ликованіе было преждевременно: переведенъ былъ другой Муравьевъ, племянникъ Александра Николаевича, вятскій губернаторъ. Вскорѣ, однако, пришла очередь и декабриста.

Въ апрѣлѣ 1861 года Ланской увидѣлъ себя вынужденнымъ подать въ отставку, уступая мѣсто Валуеву. Это былъ первый ударъ начинавшейся реакціи. Муравьевъ понялъ, что и его роль кончена, написалъ Валуеву замѣчательное по откровенной прямотѣ письмо и въ октябрѣ тоже подалъ въ отставку. Либеральная часть дворянства и общества провожала его торжественнымъ обѣдомъ. Губернскій предводитель Болтинъ отмѣтилъ твердость и тактъ, съ которымъ якобинецъ и заговорщикъ сумѣлъ предупредить обычныя въ то время крестьянскія волненія. Онъ достигъ этого, внушивъ крестьянству, что и для тѣхъ, «кто въ теченіе двухъ столѣтій терпѣлъ притѣсненія и насилія,—есть правосудіе, есть законъ». Благодаря только этому, «въ то самое время, какъ въ большинствѣ другихъ губерній потребовалось содѣйствіе войскъ для прекращенія безпорядковъ, въ Нижегородской губерніи для этого было достаточно личнаго появленія и устныхъ разъясненій губернатора» *).

*) А. А. Савельевъ. «Р. Старина», іюнь, іюль 1898 г.

Въ отвѣтной рѣчи Муравьевъ сказалъ, между прочимъ, что въ этомъ «много содѣйствовали ему сами крестьяне, которые съ глубокою благодарностью къ великимъ милостямъ императора приняли новое положеніе и въ совершенномъ порядкѣ, тишинѣ и спокойствіи исполнили всѣ требованія онаго... Тѣмъ самымъ,—закончилъ растроганный декабристъ,—равно, какъ и дарованными имъ правами гражданства, они удостоились участія въ настоящемъ обѣдѣ».

Дѣйствительно, за столомъ среди дворянскихъ и чиновничьихъ мундировъ, виднѣлись мужичьи кафтаны. Какъ они чувствовали себя въ этомъ положеніи, — вопросъ другой, но въ газетныхъ статьяхъ по поводу знаменательнаго обѣда указывалось на это «явленіе», какъ на символъ новаго строя, воплощеніе наступившаго равенства и братства...

Съ этихъ поръ о Муравьевѣ ничего уже не слышно. За праздникомъ освобожденія наступили будни. Вверху на мѣстѣ Ланскихъ и Милютиныхъ водворились Валуевы и Толстые. Внизу—пережившіе свой героическій періодъ Воронины становились исправниками обычнаго типа. И только порой, въ глухіе восьмидесятые годы, проносились воспоминанія о героическомъ подъемѣ освободительной эпохи...

А. С. Гацискій, историкъ и знатокъ Нижегородскаго края, въ статьѣ, посвященной Муравьеву, находитъ, что онъ ушелъ во время. Это, можетъ быть, правда. Революціонеръ и мечтатель въ юности, прошедшій долгую школу дореформеннаго режима,—самъ онъ стоялъ на грани двухъ періодовъ русской жизни. Свободолюбецъ мечтой, всѣми привычками и пріемами,—онъ принадлежалъ къ старому типу самовластнаго дореформеннаго чиновничества. Необыкновенно даровитая натура, онъ въ совершенствѣ овладѣлъ этими пріемами и направилъ ихъ, какъ новый Валленродъ, на разрушеніе основъ этого строя.

Но когда стѣна вѣкового рабства, наконецъ, рухнула, увлекая за собою и многое другое,—старый декабристъ и бывшій городничій очутился лицомъ къ лицу съ новыми требованіями жизни, къ которымъ примѣниться ему уже было трудно. Мы видѣли пріемы его борьбы. Они были старые и годились только въ примѣненіи къ старому...

А стремился онъ къ новому до конца. И черезъ всѣ человѣческіе недостатки, тоже, можетъ быть, крупные въ этой богатой, сложной и независимой натурѣ, свѣтится все таки рѣдкая красота ранней мечты и борьбы за нее на закатѣ жизни.

Вл. Короленко.

Новыя книги.

Академическая Библіотека Русскихъ Писателей. Вып. II—IV. Полное собраніе соч. Лермонтова. Спб. 1910.

«Разрядъ Изящной Словесности» при Императорской Академіи Наукъ задался въ самые послѣдніе годы почтенной и достойной всякаго сочувствія цѣлью—представить родныхъ писателей-классиковъ въ научныхъ и вмѣстѣ общедоступныхъ по цѣнѣ изданіяхъ, отвѣчающихъ требованіямъ науки и школы.

Особая коммиссія была организована для выработки программы такихъ изданій, и важнѣйшей и первѣйшей ихъ задачей признано—установленіе текста. На первую очередь поставлены: Кольцовъ (уже и выпущенный въ нѣсколькихъ изданіяхъ), Лермонтовъ и Грибоѣдовъ. Редакція сочиненій Лермонтова (въ 5 т. т.) поручена проф. Д. И. Абрамовичу, и три тома уже издано.

Работа подвигается, такимъ образомъ, быстро и методически-правильно, что и естественно при тѣхъ солидныхъ средствахъ и связяхъ, какими располагаетъ Академія Наукъ по сравненію съ частными предпринимателями: изданіе «гарантировано отъ случайностей», какъ нѣсколько даже излишне-горделиво заявляетъ сама редакція.

Кромѣ своевременности выхода въ свѣтъ новыхъ выпусковъ «Библіотеки», равно какъ и сравнительной дешевизны ихъ,—внѣшнее изящество и даже роскошь изданія не оставляютъ, кажется, желать ничего лучшаго. При сочиненіяхъ любимыхъ писателей и поэтовъ читатель получаетъ массу автографовъ, портретовъ и иллюстрацій. Не малый интересъ представляютъ, напр., два—повидимому, нигдѣ не бывшихъ еще въ печати—портрета Лермонтова, одинъ въ краскахъ съ акварели, сдѣланной самимъ поэтомъ въ 1837 г., другой—Лермонтовъ-студентъ (1832 г.), съ оригинальнаго портрета тушью. Украшеніемъ новаго изданія является и вновь найденная, впервые теперь публикуемая, юношеская поэма Лермонтова «Сынъ вольности», вещь сама по себѣ, разумѣется, слабая, но уже отмѣченная могучимъ талантомъ автора, его яркимъ стихомъ и бурнымъ темпераментомъ.

Полюбовавшись наружной красотою этихъ чистенькихъ, изящно переплетенныхъ томиковъ, отпечатанныхъ такимъ четкимъ и пріятнымъ для глазъ шрифтомъ, переходимъ къ внутреннимъ достоинствамъ изданія. Какъ выполнила Академія Наукъ свою главную задачу, сознательно поставленную ею самой себѣ: имѣемъ ли мы, наконецъ, если не окончательный, то болѣе или менѣе прочно «установленный» текстъ Лермонтова?

Тщетно искали мы, къ сожалѣнію, подробнаго, обстоятельнаго объясненія редакціи относительно того основного принципа, какой былъ принятъ ею въ дѣлѣ установленія текста. Только изъ кой-какихъ фразъ и указаній, бѣгло брошенныхъ тамъ и сямъ въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ (въ концѣ каждаго тома), читатель можетъ сдѣлать самъ нѣкоторые интересующіе его выводы, а между тѣмъ—вѣдь изданіе имѣетъ въ виду, какъ видѣли мы изъ предисловія, не одну только чистую, отвлеченную «науку», но и «школу», т. е. сравнительно большую, мало подготовленную публику, которая не можетъ, напр., удовлетвориться сухой и краткой ссылкой примѣчанія: «Ср. *От. Зап. 1839 г.* или *Стихотворенія 1840 г.*» Гдѣ найдетъ средній, особенно провинціальный, читатель эти рѣдкія въ настоящее время изданія? Работу сравненія (если она вообще представляется любопытной), конечно, долженъ былъ сдѣлать самъ редакторъ «примѣчаній». Думается, его прямой обязанностью было вообще подробно отмѣтить при каждомъ произведеніи поэта—гдѣ, когда и даже *въ какомъ видѣ* было оно впервые напечатано. Если еще при жизни автора, то съ какими измѣненіями повторено въ изданной въ 1840 г книжечкѣ стихотвореній? Въ высокой степени любопытно было бы знать и то (если бы, конечно, сохранились какія-либо свѣдѣнія объ этомъ), принималъ ли самъ Лермонтовъ какое-либо участіе въ корректированіи и выпускѣ въ свѣтъ этой книжечки, или хотя бы видѣлъ ли ее, былъ ли ею доволенъ?

Мы рѣшительно не понимаемъ, почему, напр., ученая редакція пренебрегла извѣстнымъ разсказомъ современника о томъ, какъ Лермонтовъ лично принесъ въ редакцію «От. Зап.» стихотвореніе «Есть рѣчи» и, сдѣлавъ неудачную попытку исполнить желаніе Краевскаго—исправить стихъ «изъ *пламя* и свѣта», сказалъ: «Сойдетъ и такъ! Ничего не могу придумать».

Даже какъ анекдотъ (хотя почему—анекдотъ?), разсказъ этотъ довольно характеренъ и, во всякомъ случаѣ, заслуживалъ бы, думается, упоминанія въ «примѣчаніи».

Намъ кажется, далѣе, что долгомъ редакціи было дать подробнѣйшее описаніе *всѣхъ* сохранившихся автографовъ и даже болѣе или менѣе признанныхъ критикой списковъ, а также сравнительную оцѣнку ихъ достоинствъ и недостатковъ. Ничего подобнаго академическое изданіе не дѣлаетъ: пр. Абрамовичъ, наоборотъ, какъ-то необычайно-скупъ на слова во всемъ, что касается именно текста Лермонтова, доходя при этомъ нерѣдко до какого-то загадочнаго лаконизма... Выше мы сказали уже, что читателю приходится собственными усиліями дознаваться, какого, въ концѣ концовъ, критерія держался онъ при своей работѣ: въ тѣхъ случаяхъ, когда существовалъ автографъ, отдавалъ ему предпочтеніе передъ всякимъ инымъ источникомъ, а когда автографа не было—первоначальный текстъ предпочиталъ всякому чужому списку.

Вообще говоря, критерій, несомнѣнно, превосходный, хотя, увы! и не всеобъемлющій. Если автографъ, напр., завѣдомо ранняго происхожденія или же дата его вовсе неизвѣстна, то почему обязаны мы, во что бы то ни стало, отдавать ему преимущество вопреки всѣмъ доводамъ разума и художественнаго вкуса? Или, если первопечатный текстъ явно искаженъ посторонней рукой (цензуры или редакціи),—неужели и въ этомъ случаѣ нельзя отступить отъ принятаго разъ основного принципа?

Пр. Абрамовичу, по всей вѣроятности, не стоило бы особеннаго труда удовлетворительно отвѣтить на большинство нашихъ недоумѣнныхъ вопросовъ, но вся бѣда въ томъ, что онъ не хочетъ снизойти до этого банальнаго труда и предпочитаетъ чисто-спартанскую краткость объясненій съ читателемъ, если не полное, олимпійски-величавое молчаніе.

Приведемъ цѣлый рядъ примѣровъ такихъ, остающихся безъ отвѣта, недоумѣній читателя.

Въ примѣч. къ «Тремъ пальмамъ» кратко говорится: «Издается по *Стихотвореніямъ 1840 г.* На необходимость перестановки словъ въ 54 стихѣ указано въ изданіи И. М. Болдакова (т. II, 366.)» Конечно, рѣдко кто не знаетъ наизусть чуднаго «восточнаго сказанія», и многіе читатели, быть можетъ, сами обратятъ вниманіе на то, что стихъ

А вѣтромъ и х ъ в ъ с т е п и потомъ разнесло,

какъ привыкли они произносить по ефремовскому и другимъ прежнимъ изданіямъ, въ академическомъ читается нѣсколько иначе:

А вѣтромъ въ с т е п и и х ъ потомъ разнесло.

Мелочь, конечно; но если этой мелочью все же кто-нибудь заинтересуется? Какъ пойметъ онъ цитированное выше объясненіе редакціи? Съ одной стороны, текстъ взятъ ею изъ «Стихотвореній 1840 г.», а съ другой «перестановка словъ» въ 54 ст. сдѣлана лишь позже—И. М. Болдаковымъ. Значитъ ли это, что передъ нами текстъ, въ сущности, сводный?

Въ знаменитомъ стих. «Памяти А. И. Одоевскаго» читаемъ про облака:

И послѣ и х ъ на небѣ нѣтъ слѣда.

Точно такъ же читался онъ и во многихъ прежнихъ изданіяхъ, и намъ хотѣлось бы лишь знать, всѣ ли источники Лермонтова согласны въ такомъ чтеніи? Въ примѣчаніи сказано кратко: «Издается по О т е ч. З а п. 1839 г. Ср. въ изданіи С т и х о т в о р е н і й 1840 г. Черновой набросокъ (хранится) въ тетради автогр. Чертковской библ.,—съ варіантами» (послѣдніе далѣе перечисляются, и между ними есть и такой:

И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда.

Больше ничего. Казалось бы, не вправѣ ли мы заключить отсюда, что никакихъ другихъ списковъ стихотворенія и не сохранилось? Къ удивленію, рядомъ съ печатнымъ текстомъ дается и рукописное его факсимиле, въ которомъ вполнѣ отчетливо читается:

И послѣ нихъ на небѣ нѣтъ слѣда...

Почему же, спрашивается, въ данномъ случаѣ, при существованіи прекраснаго автографа, сдѣлано всетаки отступленіе отъ «основного принципа» и предпочтенъ первопечатный текстъ? Кстати, укажемъ еще, что извѣстный стихъ того же стихотворенія:

И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ,

такъ именно и читающійся въ приложенномъ, но, какъ видно, плохо просмотрѣнномъ пр. Абрамовичемъ автографѣ,—въ академическомъ изданіи читается по «Отеч. Зап». 1839 г.:

И свѣтъ не пощадилъ и рокъ не спасъ!

Не простой ли это, однако, слѣдъ боязливой руки цензора 30-хъ годовъ?..

«Сынъ вольности» напечатанъ съ эпиграфомъ изъ Байрона, но почему нѣтъ его въ прилагаемомъ рядомъ автографѣ поэта?

Въ общеизвѣстной пьесѣ «И скучно, и грустно» мы давно привыкли читать:

И радость, и муки, и все такъ ничтожно,

пр. же Абрамовичъ почему-то возстановляетъ первопечатное чтеніе:

И радость, и муки и все тамъ ничтожно.

Но зато «Родину» или «Отчизну», впервые помѣщенныя подъ первымъ изъ этихъ заглавій въ «Отеч. Зап.», съ картиннымъ варіантомъ

И взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,

неизвѣстно опять-таки почему, академическое изданіе даетъ намъ по рукописи Лерм. Музея, съ заглавіемъ «Отчизна» и варіантомъ «медленно пронзая ночи тѣнь».

«Демонъ», лучшимъ текстомъ котораго считалось до сихъ поръ такъ называемое «карлсруйское изданіе», получаемъ опять-таки изъ «Отеч. Зап.» Правда, поэма не была тамъ напечатана (въ виду цензурнаго запрета), но сохранились корректурные листы, исправленные и подписанные Краевскимъ 9 дек. 1841 г., т. е. почти полгода уже спустя послѣ смерти поэта. И вотъ какой перлъ встрѣчаемъ на первой же страницѣ:

Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья;
Когда, безпечный, онъ не зналъ (чего?),
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья...

Подчеркнутаго стиха мы прежде не знали, да, кажется, и къ лучшему, такъ какъ не могъ же Лермонтовъ употребить здѣсь этотъ безсмысленный и лишенный даже соотвѣтственной риѳмы стихъ:

Когда, безпечный, онъ не зналъ!..

Не очень-то большимъ поэтическимъ достоинствомъ отличается и новый варіантъ:

Тебѣ принесъ я въ утѣшенье
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.

Прежнее чтеніе «въ умиленьи», думается, болѣе отвѣчало настроенію кающагося Демона.

Текста «Мцыри» мы не провѣряли, и потому ограничимся замѣчаніемъ, что хотя вмѣстѣ съ пр. Абрамовичемъ не прочь были бы поблагодарить академика Н. Я. Марра за «любезное разъясненіе», что грузинское произношеніе названія этой поэмы—«мцири» а не «мцыри», но вводить это новшество въ основной текстъ знаменитой поэмы считали бы совершенно лишнимъ...

Нельзя, вообще, не отмѣтить довольно страннаго пристрастія ученой редакціи къ ссылкамъ на авторитеты.

«По наблюденіямъ И. М. Болдакова,—пишетъ пр. Абрамовичъ по поводу «Воздушнаго Корабля» (изъ Цедлица),—изъ двухъ поэтовъ нужно отдать предпочтеніе Лермонтову, благодаря большей простотѣ выраженія и отсутствію чрезмѣрной фантастичности (?)». Въ другомъ мѣстѣ, относительно стих. «Выхожу одинъ я на дорогу»: «По наблюденіямъ Болдакова тема навѣяна стихами Гейне Der Tod das ist die kühle Nacht». И еще по поводу «Разстались мы»: «По наблюденіямъ Спасовича, два послѣднихъ стиха заимствованы изъ Мицкевича, а по Вогюэ—изъ Шатобріана». Можно подумать, рѣчь идетъ о какихъ-то астрономическихъ или метеорологическихъ наблюденіяхъ, которыхъ самъ пр. Абрамовичъ, въ виду ихъ особливой спеціальности, произвести не могъ! Между тѣмъ, читателю было бы, конечно, любопытно узнать именно его мнѣніе, а если ужъ такого мнѣнія у почтеннаго профессора не было, развѣ не могъ онъ достать оригиналы тѣхъ поэтовъ, въ заимствованіи у которыхъ обвиняется Лермонтовъ, и привести ихъ безъ всякихъ комментаріевъ, предоставивъ рѣшать вопросъ самому читателю?

Къ сожалѣнію, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда самъ почтенный редакторъ пускается въ область художественныхъ наблюденій и домысловъ, они отличаются у него крайней загадочностью. Такъ, по поводу «Сосны» онъ кратко пишетъ: «Стихотвореніе принадлежитъ столько же Гейне, сколько и нашему поэту». Т. е. что же это значитъ?..

На этомъ можно бы, пожалуй, и кончить нашъ разборъ академическаго изданія Лермонтова. Если кто-нибудь назоветъ его черезчуръ мелочнымъ или даже придирчивымъ, то мы напомнимъ извѣстное изреченіе: кому много дано, съ того много и спрашивается,— и не скроемъ, что отъ разряда изящной словесности ожидали несравненно большаго по части установленія Лермонтовскаго текста. Врядъ ли такому «установленію» можетъ содѣйствовать и рядъ замѣченныхъ нами, при бѣгломъ даже просмотрѣ,—довольно грубыхъ опечатокъ въ текстѣ самыхъ знаменитыхъ стихотвореній. Вотъ образчики:

I т. 99 стр. „Я счастливъ былъ любовію твоей,
Но всетаки слезамъ очей твоихъ" (вм. твоихъ очей)
II т. 208. „ Въ стих. „Я, Матерь Божія":
„Яркимъ сіяньемъ" „вм. сіяніемъ". Первый куплетъ законченъ, кромѣ того, точкой вм. запятой.
— 255. „ Въ стих. „Ребенка милаго рожденье": «свѣтлой тины» вм. «свѣтской тины».
— — „ Въ стих. «Не вѣрь, не вѣрь себѣ»: «Отрыть въ душѣ, давно безмолвной» вм. „открыть".
— 293. „ Въ стих. „На свѣтскія цѣпи":
„На ней сохранились примѣты» вм. «сохранилась примѣта»,чего требуетъ и рифма.
— 340. „ Въ стих. «Сонъ»:
„По каплѣ кровь сочилася моя" вм. „точилася". Мы потому видимъ здѣсь простую опечатку, что чтеніе „точилася" не отмѣчено пр. Абрамовичемъ даже среди варіантовъ.
— 348. „ Въ стих. «Выхожу одинъ я на дорогу»:
«Чтобъ въ груди дремали жизни силы" вм. «дрожали», какъ прочиталъ—и, повидимому, болѣе правильно—еще покойный Ефремовъ въ томъ же альбомѣ Одоевскаго, на который ссылается и пр. Абрамовичъ. Одно только странно: Ефремовъ указывалъ 20—21 стр. альбома, а пр. Абрамовичъ 22—23...
— 355. „ Въ „Демонѣ":
„Во то время" вм. „въ то время".
— 357. „ «Храпя, несется съ крутизны на пѣну скачущей волны" вм. „косится".
— 359. „ „Чей конь примчался запыленный" вм. «запаленный».
— — „ „Чья мысль душѣ твой шептала" вм. „твоей".

Одно еще слово, въ заключеніе, по поводу страннаго пуризма, проявленнаго Академіей Наукъ. Мы не ждали, конечно, что она напечатаетъ цѣликомъ всѣ порнографическія стихотворенія Лермонтова (менѣе всего нужныя для славы самого поэта), но удивились пропуску и замѣнѣ точками тѣхъ начальныхъ стиховъ одной изъ такихъ «поэмъ», которые появлялись уже въ печати (въ «Русск. Старинѣ» и у Ефремова). Лишенные особыхъ поэтическихъ красотъ, стихи эти не заключаютъ въ себѣ и никакой специфической грязи, и какъ-то дико въ изданіи ученѣйшаго изъ русскихъ учрежденій встрѣчать такой ребусъ:

35. Гошпиталь.

(Разсказъ).

1. . . . .

. . . .

. . . .

162. . . . .

Да, установленіе текста по прежнему, видно, остается дѣломъ будущаго, и дефинитивнаго изданія второго изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ мы пока не имѣемъ.

Семенъ Юшкевичъ. Комедія брака. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1911 г., стр. 99. Ц. 60 коп.

«Давайте, лучше посчитаемъ, кто съ кѣмъ живетъ — говоритъ въ первомъ актѣ пьесы г. Юшкевича купецъ Гольдманъ фактору Янкелевичу:—оставимъ дѣла, нѣмцевъ, молотилки. Поднимите палецъ, какъ я. Мадамъ Райская живетъ съ господиномъ Криворукъ, такъ? А мадамъ Криворукъ живетъ съ господиномъ Динеромъ. Загните-ка два пальца». Янкелевичу не до этой статистики, но онъ подсаживается къ патрону и подхватываетъ: «Мадамъ Мейеръ живетъ съ господиномъ Давидсономъ». А Гольдманъ продолжаетъ: «Мадамъ Зильберманъ живетъ съ присяжнымъ повѣреннымъ Марморштейномъ» Во второмъ актѣ, однако, мы узнаемъ, что и самъ господинъ Гольдманъ живетъ съ мадамъ Розенъ, а мадамъ Гольдманъ съ управляющимъ Брикомъ. Затѣмъ перечисленіе продолжается. «Я вамъ насчитаю сколько угодно», говоритъ мадамъ Шнайдерманъ. Г. Юшкевича и его героевъ не тошнитъ отъ этой статистики: наоборотъ, они чувствуютъ себя въ ней, какъ рыба въ водѣ. Развратъ, безконечная пошлость, обжорство, тупость, сытость, самодовольство, гнусный эгоизмъ: вотъ чѣмъ исчерпывается жизнь среды, изображенной г. Юшкевичемъ. Цѣлый актъ проходитъ въ пріемной врача-гинеколога, спеціалиста по искусственнымъ выкидышамъ; здѣсь собралось полтора десятка женщинъ, и всѣ онѣ, бѣдныя и богатыя, знакомыя и незнакомыя, открыто разсказываютъ другъ другу, зачѣмъ пришли сюда. Сцена, созданная г. Юшкевичемъ, залита грязью, и онъ копается въ ней безъ всякой боли, а наоборотъ, съ нѣкоторымъ увлеченіемъ. Это не обличительное увлеченіе моралиста, но и не изобразительное увлеченіе художника. Въ этомъ увлеченіи есть что-то спортсменское: грубая, жестокая игра, меньше всего принимающая въ разсчетъ живыхъ людей.

Пьеса г. Юшкевича навлекла на него обвиненіе въ антисемитизмѣ. Антисемитской ее сдѣлали, несомнѣнно, толкованія, а не намѣренія автора. «Комедія брака» должна изображать темныя стороны брачнаго быта городской буржуазіи; автору ближе другихъ

буржуазія еврейская; естественно, что пьеса кажется сатирой на еврейство». Объ этомъ не грѣхъ бы задуматься г. Юшкевичу. Но онъ объ этомъ не хочетъ думать: онъ выше этого; онъ Божьей милостью художникъ и потому не обязанъ считаться съ преходящими требованіями жалкой современности. Формально онъ, пожалуй, неуязвимъ, и потому рѣчь должна идти именно о художественности. Въ обличеніи темныхъ сторонъ еврейской жизни не было бы ничего ужаснаго, если бы сатира была удачна. Еврейство достаточно устойчиво, чтобы не бояться правдиваго слова, и могло бы только выиграть отъ правильнаго указанія на свои слабыя стороны, облеченнаго въ художественную форму. Къ сожалѣнію, пьеса г. Юшкевича грѣшитъ противъ еврейства не прямо, а косвенно: эта пьеса не антисемитская, а антихудожественная; или вѣрнѣе: постольку антисемитская, поскольку мало художественная. Подлинное искусство сдѣлало бы эти образы сложнѣе, выдвинуло бы имъ человѣческую сторону; люди Юшкевича были бы индивидуальнѣе —и отъ нихъ отпали бы ярлыки: еврей, буржуй, обжора, распутникъ.

Спорить съ г. Юшкевичемъ на счетъ сообщаемыхъ имъ фактовъ мы не станемъ. Едва ли возможно убѣдить его въ томъ, что цинизмъ этихъ разговоровъ есть его цинизмъ, а не цинизмъ изображаемой имъ среды. Кто пишетъ шваброй, тому не кажется, что въ мірѣ есть оттѣнки; а вѣдь истина въ оттѣнкахъ. Да, все это дѣлается: и жены измѣняютъ мужьямъ, и мужья женъ надуваютъ, и узаконенную половую жизнь ведутъ въ невыразимой гнусности, и за выкидышами къ спеціальнымъ врачамъ ходятъ, и циничныя конфиденціи дѣлаютъ. Но не такъ все это, какъ у Юшкевича: не такъ именно потому, что Юшкевичъ не сказалъ намъ ничего своего, новаго, нужнаго. Та маленькая правда, которую онъ сообщаетъ, была извѣстна и безъ него, а форма, въ которую объ облекъ эту правду, дѣлаетъ изъ нея полу-правду, то есть худшій видъ неправды. Быть можетъ, онъ фотографиченъ, но чѣмъ онъ точнѣе, тѣмъ дальше онъ отъ жизни. Мы не вѣримъ его образамъ уже потому, что всѣ они говорятъ однимъ языкомъ, вздернутымъ, условнымъ, сочиненнымъ языкомъ Юшкевича, съ утомительными юшкевическими ужимками, съ безконечными вопросительными знаками. *Оля*: «Я влюбилась... Кто? Я. Мнѣ не вѣрится, что я—мать четырехъ дѣтей». — *Брикъ*: «Ну да, ты, ты. Что тутъ такого? Кого же тебѣ любить? Мужа? Какая женщина любитъ теперь своего мужа? Ну, поцѣлуй же меня... Какіе у тебя чудные глаза». Удивительно, какъ самому г. Юшкевичу не надоѣли эти всѣмъ надоѣвшія штучки, это клише пошлости, эти пріемы открытой сцены, эти программные разговоры, эти «постоянныя фигуры». Самое ужасное то, что во всемъ этомъ чувствуется, какъ будто, какая-то злостная пародія на Юшкевича; то, что у него было свѣжо и самобытно десять лѣтъ тому назадъ, здѣсь представлено въ застывшей, огрубѣвшей формѣ. Что-то безнадежно

абстрактное есть въ этомъ настойчивомъ реализмѣ послѣднихъ произведеній Юшкевича. Какъ будто разъ въ жизни на одно мгновеніе онъ увидѣлъ жизнь — и могъ тогда сказать о ней не многое, но свое; и съ тѣхъ поръ дедуцируетъ жизнь на свой образецъ, строитъ ея схемы въ стилѣ своихъ мимолетныхъ впечатлѣній, но уже давно не видитъ ея и ничего не говорить о ней.

Анатолій Каменскій. Сочиненія. Томъ третій. Спб. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Ц. 1 р. 25 к.

Разрѣшите, не вдаваясь въ критическій анализъ, передать содержаніе перваго же разсказа въ рецензируемомъ третьемъ томѣ. Разрѣшите передать только содержаніе «Женщины». Все прочее приложится само собой.

Было очень скучно въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ, и герою разсказа захотѣлось продѣлать «мальчишескую» выходку—по отзыву автора, которая, однако, превратилась въ *«умную»* тонкую, возбуждающую игру настроеній, съ высокимъ идейнымъ смысломъ. Герою захотѣлось одѣться женщиной. Онъ выполнилъ свое желаніе и... почувствовалъ въ себѣ душу женщины. По мѣрѣ того, какъ онъ надѣвалъ на себя разныя части женскаго туалета, онъ все опредѣленнѣе переживалъ психологію хорошенькой женщины. Впрочемъ, хорошенькой—сказать мало. Когда герой переодѣлся, онъ превратился въ женщину исключительной красоты.

Какъ только «женщина» вышелъ на улицу, за нимъ вслѣдъ немедленно пустились цѣлыхъ три уличныхъ преслѣдователя. Приключенія одного изъ нихъ—присяжнаго повѣреннаго—и составляютъ тему философскаго разсказа. Увидѣвъ героя на улицѣ, присяжный повѣренный помчался за нимъ на извощикѣ, догналъ на Царскосельскомъ вокзалѣ и объяснился въ любви въ Павловскомъ паркѣ. При этомъ, хотя онъ адвокатъ, то есть человѣкъ, привыкшій говорить, но отъ избытка чувствъ потерялъ, въ изображеніи г. Каменскаго, всякую способность выражаться иначе, какъ влюбленный писарь. Онъ говорилъ герою: «какая волшебная, какая невѣроятная красота!» А про голосъ героя говорилъ:—волшебный, неповторяемый (!) голосъ!» И про улыбку тоже: «волшебная, неповторяемая, какъ на старинныхъ портретахъ»!

Герой слушалъ и «по женски» наслаждался. Онъ не возразилъ присяжному повѣренному ничего насчетъ писарскаго стиля его дифирамба, ни о непостижимости словъ: «неповторяемый голосъ» и «неповторяемая улыбка, особенно если такія улыбки имѣются «на старинныхъ портретахъ». Онъ не возражалъ ничего, ибо велъ свою «умную тонкую, возбуждающую игру, пріобщившую его къ недоступному, казалось бы, міру женскихъ переживаній.

Какъ же это вышло? Неизвѣстно, но фактъ, что герой окунулся

съ головой въ женскую психологію, какъ только надѣлъ «ажурные чулки».

Читатель, однако, готовъ перебить вопросомъ:—а сколько же лѣтъ волшебному мужчинѣ въ «прелестномъ» бѣльѣ и «великолѣпномъ» корсетѣ?

Авторъ не скрываетъ этого: его герой окончилъ курсъ университета три года назадъ. Но, въ такомъ случаѣ, что же его усы и борода? О, это ничего не значитъ:—герой ихъ сбрилъ въ очень хорошей парикмахерской. Сбрилъ и напудрился. И потому адвокатъ цѣлый вечеръ любовался, цѣловалъ руки и подъ пудрой ни усовъ, ни бороды не видѣлъ.

Вы думаете, что это простая чепуха. Ничуть не бывало. Это, по автору, «умная, тонкая волнующйя игра» въ обогащеніе переживаній. Да еще игра, окончившаяся высокимъ моральнымъ выводомъ.

Само собой разумѣется, что присяжный повѣренный предлагалъ изъ Павловска съ концерта поѣхать прямо къ нему на квартиру. Но «волшебная женщина» не согласился, конечно, и прочелъ присяжному повѣренному наставленіе.—«Я единственная женщина въ вашей жизни, о которой вы по-настоящему сохраните красивую, поэтическую память».

При этомъ, конечно, его снова охватило множество неожиданно новыхъ волнующихъ ощущеній.

Онъ говорилъ уже новымъ, какимъ-то свѣтлымъ голосомъ, увлекаясь уже новой неожиданной ролью... онъ былъ воплощенной тоской по утраченной людьми чистотѣ первыхъ встрѣчъ, воплощенной грустью за пошлую мимолетность, за обыденщину, способную обезцвѣтить самый волшебный случай...

Вотъ философія и мораль разсказа.

Прибавимъ и мы мораль къ волшебному случаю.

Если вамъ, читатель, будетъ скучно въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ, попробуйте надѣть ажурные чулки, побрейтесь и поѣзжайте въ Павловскъ. Вы переживете множество новыхъ волнующихъ поэтическихъ впечатлѣній.

А, можетъ быть, и не переживете.

Дѣло въ томъ, что у героя г. Каменскаго въ душѣ, по всей вѣроятности, жило «женственное начало». Это догадка автора, съ которой вполнѣ согласенъ герой, почувствовавшій «странный интересъ «къ возбужденному, выплывшему изъ тайныхъ нѣдръ женственному своему существу».

Итакъ, какъ видите, для успѣха нужны двѣ вещи: женственное начало для души и искусный парикмахеръ—для бороды и усовъ. Только тогда вы почувствуете очарованіе отъ «прелестнаго» бѣлья и сами сумѣете очаровать въ Павловскѣ присяжнаго повѣреннаго.

Въ томъ же томѣ находится философскій романъ «Люди».

Первые литературные шаги. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ. Москва. 1911. Стр. 268. Ц. 1 р.

Это не «автобіографіи современныхъ русскихъ писателей», какъ гласитъ подзаголовокъ: это ихъ отвѣты на рядъ вопросовъ, поставленныхъ имъ Ф. Ф. Фидлеромъ. Вопросы, разнообразные и не всегда удачно редактированные, касались наслѣдственности писательскаго дара, жизненной обстановки, въ которой появилось первое произведеніе, литературныхъ вліяній, «мытарствъ по редакціямъ», редакторскихъ измѣненій, цензурныхъ злоключеній, отношенія критики, нравственнаго удовлетворенія, доставленнаго первымъ напечатаннымъ произведеніемъ, перваго гонорара, нынѣшняго матеріальнаго положенія. Есть среди вопросовъ психологическіе («фантазія или наблюдательность, какъ элементы первыхъ творческихъ попытокъ»), есть бытовые («неисправность въ платежахъ издателя или редактора»), есть серьезные, есть пустяшные («опечатки: а) искажающія смыслъ произведенія и б) буквенныя»). На вопросы г. Фидлера откликнулось болѣе полусотни литераторовъ, тоже очень разнообразныхъ,—беллетристовъ, публицистовъ, драматурговъ, поэтовъ, отъ К. К. Арсеньева до Е. М. Безпятова, отъ Леонида Андреева до Дмитрія Цензора. Одни отозвались дѣйствительно чѣмъ-то вродѣ автобіографій, другіе дали сухой отвѣтъ по каждому, поставленному имъ вопросу—и въ общемъ получилась книга, которой никакъ нельзя отказать въ извѣстномъ интересѣ.

Авторъ этой замѣтки отказался принять участіе въ этой литературной анкетѣ, отказался обдуманно, по совершенно опредѣленнымъ соображеніямъ, и въ общемъ не жалѣетъ объ этомъ, хотя нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на предпріятіе Ф. Ф. Фидлера. Онъ очень хорошо знаетъ, какое серьезное научное значеніе имѣли бы сдѣланныя выдающимися писателями сообщенія о началѣ ихъ литературной дѣятельности. Среди тѣхъ путей, которыми мы можемъ проникнуть въ загадку творчества, признанія творцовъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ. Но именно къ тѣмъ, чей разсказъ о своихъ первыхъ творческихъ попыткахъ можетъ быть интересенъ и нуженъ, онъ не могъ причислить ни себя, ни, очевидно, громадное большинство тѣхъ, къ кому обращалась анкета. Ему казалось, что современные русскіе писатели и такъ слишкомъ много пишутъ и говорятъ о себѣ. Болѣе чѣмъ когда-либо «le moi est haïssable», а между тѣмъ если какое-нибудь чувство можно въ наши дни назвать вымирающимъ, то это, несомнѣнно, скромность. Ссылками на индивидуализмъ прикрывается непристойная реклама. бездардонная шумиха проиходитъ вокругъ третьестепенныхъ литературныхъ дѣятелей. Литераторъ сообщаетъ печатно о томъ, что имѣетъ одну пару штановъ и очень любитъ свою жену; въ кинематографѣ показываютъ семейную жизнь писателя, который позволяетъ вытащить на улицу интимность своей домашней обстановки. Это уже почти карикатуры, а вѣдь рядомъ съ ними—болѣе

серьезныя, болѣе сдержанныя, менѣе безвкусныя и болѣе опасныя формы этого буквально безстыдства, то есть отсутствія стыдливости. Хочется спрятаться отъ этого базара; въ нежеланіи видѣть себя предметомъ празднаго и пошлаго любопытства, хочется утрировать эту законную сдержанность. Естественно, что въ этомъ настроеніи—читатель, задумывавшійся надъ безобразной крикливостью, нынѣ господствующей въ литературѣ, не откажетъ ему въ законности—каждый призывъ къ признаніямъ, къ исповѣди, къ сообщеніямъ о себѣ кажется не только покушеніемъ на твою личность, но и подстрекательствомъ къ участію въ дальнѣйшей порчѣ, литературныхъ нравовъ. Пусть, думается, говорятъ о себѣ тѣ кому хочется, чтобы о нихъ побольше говорили другіе; кто въ этомъ не видитъ цѣли своей жизни, имѣетъ въ наши дни болѣе чѣмъ основательныя побужденія не выступать съ сообщеніями узко-личнаго характера.

Ясно, что когда въ этомъ настроеніи подходишь къ книгѣ Ф. Ф. Фидлера, многое кажется въ ней карикатурно пошлымъ и мелкимъ. Забавной кажется самая мысль, что кого бы то ни было на свѣтѣ могутъ интересовать свѣдѣнія о томъ, какъ относились родители къ развитію литературнаго таланта г-жи Клавдіи Лукашевичъ, или какія опечатки были въ первомъ произведеніи В. В. Туношенскаго, или какова была «нравственная удовлетворенность или неудовлетворенность» г. Ратгауза при напечатаніи его перваго произведенія. Литературная мелкота воспользовалась случаемъ и—за немногими исключеніями—можно прямо установить, что въ книгѣ г. Фидлера словоохотливая откровенность писателя оказалась обратно пропорціональной его значительности. Равнымъ образомъ и самодовольство; и это можно было бы иллюстрировать цѣлымъ рядомъ очень поучительныхъ образцовъ.

Но за всѣмъ этимъ совершенно неожиданно выдвигается въ анкетѣ г. Фидлера иная сторона, способная въ значительной степени измѣнить отрицательное отношеніе къ ея результатамъ. Это—возможность и, быть можетъ, необходимость подойти къ отвѣтамъ, полученнымъ г. Фидлеромъ не съ ихъ индивидуальной стороны, а съ массовой, такъ сказать, статистической точки зрѣнія. Пока смотришь на отдѣльнаго писателя, то, конечно, можетъ быть только смѣшно и противно, когда г-жа Гриневская входитъ въ изслѣдованіе того, «кто препятствовалъ развитію ея литературнаго таланта», и сообщаетъ, что одна изъ ея тетокъ со стороны отца очень любила «Die Braut von Messina», или когда г. Иванъ Рукавишниковъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что о гонорарѣ онъ никогда не торговался. Но когда проходишь всю книгу г. Фидлера, когда разрозненныя впечатлѣнія складываются въ одно цѣлое, то видишь, что здѣсь возможны итоги, что собранные матеріалы все таки даютъ основаніе для нѣкоторыхъ общихъ выводовъ, бытовыхъ, психологическихъ и эстетическихъ, которые самой своей возмож-

ностью оправдываютъ опытъ, сдѣланный въ книгѣ о первыхъ литературныхъ шагахъ русскихъ писателей и заставляютъ желать его продолженія. Можно считать несомнѣннымъ, что если бы на анкету, организованную Ф. Ф. Фидлеромъ откликнулось не пятьдесятъ четыре, а тысяча русскихъ литераторовъ, хоть и второстепенныхъ, но несомнѣнныхъ—такихъ у насъ и больше тысячи наберется—и если бы они, не поддаваясь соблазну поболтать о глубинахъ своей души и прихотяхъ своей судьбы, отвѣтили бы сжато, дѣловито и содержательно,—какъ это сдѣлали, напримѣръ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Измайловъ, И. А. Бунинъ, М. А. Альбовъ, В. А. Тихоновъ, К. С. Баранцевичъ, И. Н. Потапенко и др., то такое собраніе отвѣтовъ по единообразному плану могло бы быть цѣннымъ матеріаломъ для сужденія, напримѣръ, о писательскомъ бытѣ, о литературныхъ вліяніяхъ и т. п. Уже и теперь книга г. Фидлера иногда заставляетъ задуматься, иногда выдвигаетъ проблемы, очевидно, доступныя освѣщенію. Любопытно, напримѣръ, что никто изъ современныхъ писателей не отмѣчаетъ вліянія Гончарова, Писемскаго, Лѣскова, Успенскаго, а вліяніе Диккенса отмѣчено нѣсколько разъ, что о вліяніи Достоевскаго говорится гораздо чаще, чѣмъ о вліяніи Толстого или Тургенева и т. д. Болѣе богатые матеріалы сдѣлали бы менѣе случайными такіе выводы, въ значеніи которыхъ не можетъ быть сомнѣнія. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что средній путь, выбранный Ф. Ф. Фидлеромъ, не пригоденъ: надо брать, такъ сказать, или количествомъ или качествомъ. Въ извѣстной нѣмецкой «Geschichte des Erstlingwerks», изданной покойнымъ К. Э. Францозомъ лѣтъ двадцать тому назадъ — всего двадцать именъ, но каждое изъ нихъ есть для своего времени признанное литературное имя. Можно, какъ мы видѣли, не безъ пользы для дѣла и понизить оцѣнку, но тогда надо, какъ во всякой массовой анкетѣ, добыть дѣйствительно **много** показаній. Во всякомъ случаѣ самые вопросы и споры, возбуждаемые книгой Ф. Ф. Фидлера, показываютъ, что онъ задумалъ и выполнилъ интересное дѣло. Чистый доходъ съ его книги поступаетъ въ пользу Литературнаго Фонда.

Г. Риккертъ.—Науки о природѣ и науки о культурѣ. Пер. со втор. нѣм. изд. подъ ред. С. Гессена. Спб. 1911, 195 стр., ц. 85 к

Имя Риккерта уже довольно хорошо извѣстно русской публикѣ, такъ какъ наши поклонники этого философа перевели на русскій языкъ главнѣйшія его работы. Философская репутація Риккерта связана, главнымъ образомъ, съ одной его основной идеей, развитію которой и посвящена разбираемая нами книга.

Вотъ, какъ резюмируетъ самъ авторъ свое ученіе: «Мы можемъ абстрактно (begrifflich) различать два вида эмпирической научной дѣятельности. На одной сторонѣ стоятъ науки о природѣ или

естествознаніе. Слово «природа» характеризуетъ эти науки, какъ со стороны ихъ предмета, такъ и со стороны ихъ метода. Они видятъ въ своихъ объектахъ бытіе и бываніе, свободное отъ всякаго отнесенія къ цѣнности, цѣль ихъ—изучить общія абстрактныя отношенія, по возможности законы, значимость которыхъ распространяется на это бытіе и бываніе. Особое для нихъ только «экземпляръ». Это одинаково касается какъ физики, такъ и психологіи. Обѣ эти науки не проводятъ между разными тѣлами и душами никакихъ различій съ точки зрѣнія цѣнности и оцѣнокъ, обѣ онѣ отвлекаются отъ всего индивидуальнаго, какъ несущественнаго, и обѣ онѣ воспринимаютъ въ свои понятія обыкновенно лишь то, что присуще извѣстному множеству объектовъ. При этомъ нѣтъ объекта, который былъ бы принципіально изъятъ изъ-подъ власти естественно-научнаго метода. Природа есть совокупность всей дѣйствительности, понятой генерализующимъ образомъ и безъ всякаго отношенія къ цѣнностямъ»

«На другой сторонѣ стоятъ историческія науки о культурѣ. У насъ нѣтъ подходящаго одного слова, которое, аналогично термину «природа», могло бы охарактеризовать эти науки какъ со стороны ихъ предмета, такъ и со стороны ихъ метода. Мы должны поэтому остановиться на двухъ выраженіяхъ, соотвѣтствующихъ обоимъ значеніямъ слова природа. Какъ науки о культурѣ, названныя науки изучаютъ объекты, отнесенные ко всеобщимъ культурнымъ цѣнностямъ; какъ историческія науки, онѣ изображаютъ ихъ единичное развитіе въ его особенности и индивидуальности; при этомъ то обстоятельство, что объекты ихъ суть процессы культуры, даетъ ихъ историческому методу въ то же время и принципъ образованія понятій, ибо существенно для нихъ только то, что въ своей индивидуальной особенности имѣетъ значеніе для руководящей культурной цѣнности. Поэтому, индивидуализуя, онѣ выбираютъ изъ дѣйствительности въ качествѣ «культуры» нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ естественныя науки, разсматривающія генерализующимъ образомъ ту же дѣйствительность, какъ «природу». Ибо значеніе культурныхъ процессовъ покоится въ большинствѣ случаевъ именно на ихъ своеобразіи и особенности, отличающей ихъ отъ другихъ процессовъ, тогда какъ, наоборотъ, то, что у нихъ есть общаго съ другими процессами, т. е., то, что составляетъ ихъ естественно-научную сущность, несущественно для историческихъ наукъ о культурѣ» (стр. 142—3).

Ученіе Риккерта вызвало въ Германіи довольно оживленную полемику. Риккертъ упрекаетъ многихъ своихъ критиковъ въ неправильномъ пониманіи его ученія; конечно, нѣкоторые критики, дѣйствительно, виноваты въ этомъ, но главная вина, по нашему мнѣнію, лежитъ на самомъ авторѣ, который не продумалъ достаточно глубоко своего ученія. Онъ, безспорно, нащупалъ нѣчто до-

стойное вниманія, но, при этомъ, самъ хорошенько не понялъ что собственно онъ нащупалъ...

«Индивидуальность» и «отнесеніе къ цѣнности»—вотъ, согласно Риккерту, основная характеристика «наукъ о культурѣ» въ противоположность «генерализаціи» и безразличнаго отношенія къ «цѣнностямъ», характеризующимъ «науки о природѣ». Мы не будемъ касаться вопроса о томъ, насколько «индивидуальность» и «отнесеніе къ цѣнности» логически связаны другъ съ другомъ, мы разсмотримъ здѣсь лишь то, насколько оба эти признака «наукъ о культурѣ» отличаютъ эти науки отъ «наукъ о природѣ».

Начнемъ съ «отнесенія къ цѣнностямъ». Авторъ самъ энергически предостерегаетъ читателей отъ смѣшенія «отнесенія къ цѣнностямъ» съ «оцѣнкой». Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что не дѣло науки хвалить или порицать; нѣтъ, «отнесеніе къ цѣнностямъ» означаетъ просто обработку того, что считается цѣннымъ, все равно, основательно или неосновательно считается это цѣннымъ. Но развѣ въ наукахъ о природѣ нѣтъ такого же «отнесенія къ цѣнностямъ»? Науки о культурѣ, говоритъ Риккертъ, дѣлаютъ выборъ: онѣ проходятъ мимо всего, не имѣющаго значенія, и сосредоточиваютъ все свое вниманіе на яркомъ, значительномъ. Онъ говоритъ: «отклоненіе германской императорской короны Фридрихомъ Вильгельмомъ IV исторически существенно, портной же, который шилъ ему костюмъ, для исторіи, напротивъ, безразличенъ» (стр. 132). На это Эд. Мейеръ замѣтилъ ему, что, конечно, для политической исторіи Германіи портной безразличенъ, но, напримѣръ, для исторіи костюмовъ этотъ портной могъ имѣть весьма большое значеніе, тогда какъ отклоненіе императорской короны могло быть для исторіи костюмовъ вполнѣ безразличнымъ. И самъ Риккертъ принужденъ былъ признать силу этого возраженія. Слѣдовательно, все это «отнесеніе къ цѣнности» въ наукахъ историческихъ сводится къ тому, что при изученіи исторіи какого-либо процесса мы должны принимать во вниманіе лишь то, что имѣетъ отношеніе къ этому процессу. Но теперь, спрашивается, развѣ въ наукахъ о природѣ не слѣдуетъ дѣлать то же самое? Вѣдь вся трудность научнаго эксперимента именно и заключается въ необходимости отдѣлить существенное отъ несущественнаго. Геніальный экспериментаторъ именно и характеризуется тѣмъ необычайно тонкимъ чутьемъ, которое дозволяетъ ему отдѣлить существенное отъ несущественнаго.

Теперь объ «индивидуальности» въ наукахъ о культурѣ. Въ этой части ученія Риккерта и заключается та истина, которую, какъ мы выразились, онъ нащупалъ, но сущности которой онъ не понялъ. Науки о природѣ, говоритъ Риккертъ, «генерализуютъ». Это вѣрно. Но могутъ ли науки о природѣ обойтись одной «генерализаціей»? Конечно, нѣтъ. Какъ высшій примѣръ математиче-

ской гордости генерализующаго ума, выставляется заявленіе Лапласа, что абсолютный математическій умъ, зная вполнѣ состояніе вселенной въ данное мгновеніе, могъ бы предугадать состояніе этой вселенной въ любой будущій моментъ. Но для подобнаго вычисленія достаточно ли одной «генерализаціи»? Конечно, нѣтъ. Зная, напримѣръ, лишь то, что тѣла тяготѣютъ другъ къ другу пропорціонально массамъ и обратно-пропорціонально квадратамъ разстоянія, мы ничего не можемъ предугадать, если при этомъ не знаемъ, **гдѣ и какія** массы тѣлъ существуютъ. Слѣдовательно, даже въ этой самой «генерализующей» изъ наукъ, въ небесной механикѣ, мы нуждаемся не только въ знаніи математическихъ **законовъ**, но еще и въ знаніи **фактической данности**.

Вотъ эта раздвоенность между «закономъ» и «фактической данностью» и есть вѣрное зерно ученія Риккерта. Но если мы поставимъ вопросъ подобнымъ образомъ, тогда сразу исчезнетъ противоположность между науками о природѣ и науками о культурѣ. Сдѣлается яснымъ, что и тамъ, и здѣсь мы должны быть освѣдомлены какъ относительно содержанія «закона», такъ и относительно «фактической данности».

Риккерта ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что относительное значеніе «закона» и «фактической данности» въ различныхъ наукахъ неодинаковы. Безконечно большая сложность «наукъ о культурѣ» ведетъ къ тому, что въ нихъ «фактическая данность» играетъ гораздо большую, а «законъ» —гораздо меньшую роль, чѣмъ въ «наукахъ о природѣ». Напримѣръ, если мы установимъ два такихъ положенія: «всѣ тѣла тяготѣютъ другъ къ другу пропорціонально массамъ и обратно-пропорціонально квадратамъ разстоянія», и «всѣ люди стремятся къ счастію», если, повторяемъ, мы установимъ эти два положенія, то сейчасъ же увидимъ, что первый законъ даетъ намъ возможность понять и предсказать громадное количество явленій, а второй законъ самъ по себѣ почти ничего не даетъ намъ, ибо вслѣдствіе сложности человѣческой природы и человѣческихъ отношеній, люди понимаютъ свое счастіе такъ различно и стремятся къ его достиженію такими разнообразными способами, что для пониманія или предсказанія общественныхъ явленій мы должны прибѣгнуть къ выясненію фактической данности, т. е., должны выяснить, какъ понимаютъ свое счастье различные представители общества.

Это и есть то, что Риккертъ называетъ «индивидуализаціей» наукъ о культурѣ. Здѣсь можно отмѣтить характерный эпизодъ. Среди человѣческихъ стремленій есть одно, которое, вслѣдствіе своей элементарности, болѣе или менѣе одинаково проявляется у всѣхъ людей. Это то, которое Риккертъ, вслѣдъ за Лассалемъ, называетъ «идеалами желудка». И именно, такъ какъ эти «идеалы желудка» болѣе или менѣе однородны среди всѣхъ людей, то они и

послужили основой для «генерализующаго» ученія о культурѣ, ученія извѣстнаго подъ именемъ «экономическаго матеріализма». Элементарная простота «идеаловъ желудка» дозволила творцамъ этого ученія не заботиться о выясненіи фактической данности наличнаго существованія носителей этого идеала.

Повторяемъ, это очень характерный и важный эпизодъ. Онъ прекрасно показываетъ, что то, что Риккертъ называетъ «индивидуализаціей» наукъ о культурѣ, есть, въ сущности, какъ мы выражаемся, выясненіе фактической данности, и что это выясненіе фактической данности въ наукахъ о культурѣ важнѣе, чѣмъ въ наукахъ о природѣ, просто вслѣдствіе большей сложности и большаго разнообразія культурныхъ явленій. А разъ среди элементовъ культурныхъ явленій имѣется одинъ, который, вслѣдствіе своей простоты, не даетъ существенныхъ варіацій, то и наука о культурѣ обходится безъ того, что Риккертъ называетъ индивидуализаціей, и что въ сущности есть выясненіе фактической данности.

Въ качествѣ постъ-скриптума замѣтимъ, что въ развитіи своего ученія Риккертъ не разъ подходитъ довольно близко къ ученію Н. К. Михайловскаго, но интересная сама по себѣ параллель между Риккертомъ и Михайловскимъ не входитъ въ задачи нашей замѣтки.

Конрадъ. Сельское хозяйство и аграрная политика. Ч. I. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. А. А. Мануилова, I. М. Гольдштейна и С. О. Загорскаго. Москва. 1910.

Изданная на русскомъ языкѣ книжка представляетъ собою переводъ части курса «экономической политики» Конрада. Она вызвана, по указанію редакторовъ, «отсутствіемъ въ русской литературѣ въ достаточной мѣрѣ полнаго и въ то же время не слишкомъ обширнаго научнаго изслѣдованія по важнѣйшимъ вопросомъ экономіи сельскаго хозяйства и аграрной политики, которое можно было бы рекомендовать, какъ учащимся нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и лицамъ, занимающимся самообразованіемъ, въ качествѣ дополнительнаго пособія при прохожденіи курса политической экономіи».

Курсы Конрада по экономической теоріи и экономической политикѣ, вообще говоря, не отличаются большими достоинствами; ни чистой теоріей, ни исторіей хозяйственной жизни Конрадъ никогда не занимался, и поэтому курсы его по необходимости страдаютъ поверхностностью и къ имѣющимся на нѣмецкомъ языкѣ многочисленнымъ учебникамъ ничего новаго не прибавляютъ. Однако, выбранный въ данномъ случаѣ отдѣлъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Въ сферѣ вопросовъ сельскаго хозяйства и аграрной политики Конрадъ является большимъ знатокомъ, и поэтому его взгляды въ этой области заслуживаютъ безусловнаго вниманія. Правда, отдѣльныя проблемы изложены

въ его курсѣ экономической политики, изъ котораго взята лежащая предъ нами книжка, весьма кратко; на взглядахъ другихъ лицъ и направленій, несогласныхъ съ нимъ, авторъ останавливается весьма мало. Но все же русскій читатель—переводъ сдѣланъ хорошо—получаетъ ясное представленіе о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ, касающихся экономіи сельскаго хозяйства.

Въ первомъ выпускѣ, изданномъ на русскомъ языкѣ, разсматриваются системы интенсивнаго и экстенсивнаго хозяйства, законъ убывающей производительности почвы, крупное и мелкое хозяйство, роль капитала въ сельскомъ хозяйствѣ, крѣпостной строй и освобожденіе крестьянъ, общинная собственность, разверстаніе земли и т. д. Къ сожалѣнію, о Россіи трактуется при этомъ чрезвычайно мало. Кое-что упоминается объ установленіи у насъ крѣпостного права и объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но въ другихъ главахъ о Россіи ничего не говорится.

Между тѣмъ, разъ книжка предназначена служить пособіемъ для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при прохожденіи курса политической экономіи, то необходимо было къ переводу Конрада внести соотвѣтствующія, хотя бы краткія, добавленія относительно условій сельскаго хозяйства и аграрной политики въ Россіи. Вѣдь въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о сочиненіи описательнаго характера, дающемъ обзоръ сельскаго хозяйства въ западно-европейскихъ государствахъ, а о систематическомъ курсѣ сельскохозяйственной экономіи. Устанавливаются общія положенія развитія и современнаго состоянія сельскаго хозяйства и факты, касающіеся отдѣльныхъ странъ, приводятся лишь въ качествѣ иллюстраціи къ нимъ, причемъ Конрадъ не ограничивается одной Германіей, а повсюду старается изложить положеніе дѣлъ и въ другихъ государствахъ.

При такихъ условіяхъ русскій читатель будетъ несомнѣнно удивленъ, когда въ главѣ о распредѣленіи земельной собственности между различными классами населенія онъ найдетъ свѣдѣнія не только о древнемъ Римѣ, Германіи, Франціи, Англіи, но даже объ Испаніи, Аргентинѣ, Дакотѣ и Калифорніи, но ничего не узнаетъ о нашемъ крупномъ землевладѣніи, о томъ, въ чьихъ рукахъ у насъ сосредоточивается земельная собственность и къ какимъ это приводитъ послѣдствіямъ. Между тѣмъ, и статистическихъ матеріаловъ, и монографій имѣется весьма много по этому вопросу. Точно также по поводу мірскихъ земель, по поводу черезполосицы и т. д. въ систематическомъ курсѣ слѣдовало прибавить нѣсколько словъ о Россіи.

Странное впечатлѣніе производитъ и библіографія, приводимая въ началѣ каждой главы. Конрадъ въ началѣ каждаго параграфа указываетъ важнѣйшія сочиненія по данному вопросу, причемъ, по обычаю нѣмецкихъ профессоровъ, приводитъ одни только

изслѣдованія на нѣмецкомъ языкѣ. Но имѣя въ виду русскаго читателя, нельзя было, конечно, ограничиться перепечатываніемъ приводимой имъ библіографіи. Слѣдовало прежде всего указать по каждому вопросу важнѣйшія сочиненія, имѣющіяся на русскомъ языкѣ, оригинальныя или переводныя, а затѣмъ назвать и наиболѣе цѣнные труды на иностранныхъ языкахъ, но, конечно, не только нѣмецкіе, но и англійскіе, и французскіе; устарѣлыя же нѣмецкія сочиненія, приводимыя Конрадомъ, или статьи изъ малодоступныхъ нѣмецкихъ журналовъ можно было выбросить—въ учебникѣ такія литературныя указанія не нужны. Отъ всего этого, несомнѣнно, книга бы много выиграла.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріообрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-во „Атенеумъ". М. 1911.—***Изр. Зангвилль***. Плащъ пророка. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.—***Его же***. Мечтатели и фантазеры Гетто. Ц. 1 р. —***Берн. Шоу***. Женщина съ саблей. Ц. 25 к.—***Матильда Серао***. Собр. соч. Т. II. Прощай любовь. Ц. 1 р.

Изд. „Сфинксъ". М. 1911. — ***Поль Аданъ***. Полн. собр. соч. Т. III. Самоотверженныя сердца. Ц. 1 р.—***Э. и Ж. Гонкуры***. Полн. собр- соч. Т. I. Элиза. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Космосъ". М. 1911.—***Пьеръ Жане***. Неврозы. Пер. С. Вермеля подъ ред. Л. Минора. Ц. 2 р. 50 к.—***Э. Кюстеръ***. Половой процессъ и размноженіе у растеній. Пер. подъ ред. Л. Кречетового. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1911.—***И. Трояновскій***. Курсъ природовѣдѣнія. Ч. II-я. Ц. 70 к.—***С. Бондаревъ***. Ариѳм. задачникъ, Ч. I. Ц. 25 к.—***А. Курочкинъ***. Очерки естественной исторіи. Ч. I. Ц. 55 к.—***А. Елистратовъ***. Административное право. Ц. 50 к.—Крѣпостное право въ Россіи и 19-е февраля. Подъ ред. А. Дживелегова, С. Мельгунова и В. Пичета. II. 1 р. 10 к.—***Кл. Лукашевичъ***. Школьный праздникъ въ память 19-е февраля. Ц. 80 к.—Крѣпостное право и крестьянская жизнь. Общедост. сборникъ Подъ ред. С. Мельгунова. Ц. 1 р.—***Вас. Немировичъ-Данченко***. Рыцари горъ. Историч. романъ. Ц. 1 р. 50 к.—***А. Алтаевъ***. Сумерки возрожденія. Ист. повѣсть. Ц. 75 к.—***Н. Тулуповъ***. Л. Н. Толстой какъ педагогъ. Ц. 30 к.—***П. Корвуновъ***. Темы, планы и матеріалы для сочиненій. Ч. I. Ц. 40 к.—***Н. Тулуповъ*** и ***Шестовъ***. Разсказы изъ русской исторіи для нач. училищъ. Ц. 30 к.—***Кл. Лукашевичъ***. Почитаешь—другимъ скажешь! Для дѣтей ср. возр. Ц. 1 р. 25 к.—***Л. Хавкина***. Руководство для небольшихъ библіотекъ. Ц. 35 к.—***С. Разумовскій***. Апоѳеозъ воли. 2 изд. Ц. 50 к.—Народная энциклопедія. Т. VI. 2 части.

Кн-во „Современныя проблемы". М. 1911.—***К. Валишевскій***. Иванъ Грозный. Пер. В. Потемкина и В. Херсонской. Ц. 3 р.—***М. Конопницкая***. Собраніе соч. Т. II. Пер. М. Троповской. Ц. 1 р.—***М. Сивачевъ***. Собр. сочин. Т. I. Прокрустово ложе. Ц. 1 р.

Изд. ***О. Богдановой***. Спб. 1911.—***К. Форлендеръ***. Исторія философіи. Т. I. Пер. проф. В. Саваевскаго. Ц. 3 р.—***П. Наторпъ***. Соціальная педагогія. Пер. А. Громбаха. Ц. 2 р. 50 к.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911.—***В. Г. Бѣлинскій***. Собр. соч. подъ ред. Н. Носкова. Ц. 3 р.—***Кн. М. Оболенская***. Сумбуръ. Картинки

провинціальной жизни. Ц. 90 к.—Великое сраженіе японскаго моря (Цусимскій бой). Пер. съ япон, В. Семенова. Ц. 60 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1911.—Альманахъ. Книга XIV. Ц. 1 р. 25 к.—***Маркъ Криницкій***. Разсказы. Т. II. Ц. 1 р. 25 к.—***Гюи-де-Мопассанъ***. Полн. собр. сочин. Т. XV. Ц. 1 р. 25 к.—***Георгій Чулковъ***. Сочин. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-во „Знаніе". Сборникъ Т-ва Знаніе. XXXIV. Ц. 1 р.—***С. Найденовъ***. Т. II. Пьесы. Ц 1 р.

Изд. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1911.—***Ольга Шапиръ***. Собр. соч. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.—***А. Амфитеатровъ***. Собр. соч. Бабы и дамы. Ц. 1 р. 50 к.

Кн во „Образованіе". Спб. 1911.—***Ив. Глинка***. Опытъ по методѣ физики. Ц. 70 к.—***В. Оствальдъ***. Аналитическая химія. Пер. А. Комаровскаго. Ц. 1 р. 40 к.

Кн-во „Другъ". Спб. 1911.—Наша библіотека. ***Гюи - де - Мопассанъ***. Разсказы о животныхъ. Ц. 15 к. ***Его же***. Изъ жизни франц. крестьянъ. Ц. 20 л.—***Розенеръ***. Зимніе вечера. Ц. 10 к.—***В. Карринъ***. Сказки-картинки. 3 в. по 10 к.

Н. Реулло (псевд). Пѣсни ранняго заката. Тифл. 1910. Ц. 1 р.

„Земля". Сборникъ пятый. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Ол. Бѣлавенцева. Трагедія падшихъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.

Ал. Соколинскій. Двѣ смерти и др. разсказы. М. 1911. Ц. 1 р.

П. Михеевъ. Разсказы. Орелъ. 1910.

Ю. Словацкій. Три драмы. Пер. К. Д. Бальмонтъ Ц. 1 р. 60 к.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. 1911.—Фіорды. Сборникъ 6 и 7 по 1 р. 25 к.

А. Өедоровъ. Собр. сочиненій. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.

Н. А. Мерцаловъ. Забытые аккорды. Стихотв. Ц. 1 р. 50 к.

Софія Дубнова. Осенняя свирѣль. Стихотв. Спб. 1911. Ц. 1 р.

М. Вайсфельдъ. Идеалы воспитанія. 1911. Ц. 40 к.

Анри Бергсонъ. Время и свобода воли. Пер. С. Гессена. Изд. журн. „Р. Мысль". 1911. Ц. 1 р. 50 к.

В. Вересаевъ. Живая жизнь. Ч. I. О Достоевскомъ и Л. Толстомъ. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Александровъ. Студенческія квартиры въ Кіевѣ. 1910.

В. Г. Бѣлинскій. Собраніе сочиненій въ 3-хъ томахъ. Подъ ред. Иванова-Разумника. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

Исторія нашего времени. Современная культура и ея проблемы. Подъ ред. проф. М. Ковалевскаго и К. Тимирязева. Вып. I и II. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ. Ц. по 1 р. 40 к. за вып.

Ф. Гульдъ. Герои древности. Пер. съ англ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

В. И. Синайскій. Необходимо-ли намъ спѣшить съ изданіемъ гражданск. уложенія. 1911. Ц. 30 к.

В. В. Святловскій. Мобилизація земельной собственности въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

С. Гвоздевъ. Записки фабричнаго инспектора. М. 1911. Ц. 1 р.

А. Фаресовъ. Жизнь и поэзія А. Н. Меженинова. Спб. 1911. Ц. 75 к.

Я. Магазинеръ. Чрезвычайное указное право въ Россіи Спб. 1911. Ц. 1 р.

Н. Заполпскій Гр. Н. С. Мордвиновъ. Вязники. 1910. Ц 75 к.

Ал. Шумахеръ. Великая крестьянская реформа при царѣ-освободителѣ. Спб. 1911. Ц. 20 к.

Современное значеніе педагогич. идей Н. И. Пирогова. Спб. 1911. Ц.

С. Князьковъ. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи. Историч. очеркъ подъ ред. А. Кизеветтера. М. 1911. Ц 30 к.

Г. А. Ивановъ. Новая теорія права и нравственности. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Е. М. Ч. Изъ временъ крѣпостного права. Сборникъ изъ произведеній русскихъ писателей. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Д-ръ А. Ишириовъ. Болгарія. Пер. К. Масиркова. Од. 1911. Ц 1 р. 20 к.

Б. Мэннель. Школы для умственно-отсталыхъ дѣтей. Пер. М. Владимірскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросы теоріи и психологіи творчествъ. Т. I. Изд. 2. Статьи Е. Аничкова, А. Горнфельда, Д. Овсянико-Куликовскаго, Т. Райнева, К. Тіандера, В. Харціева и Б. Лезина. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

А. Д. Соколовъ. Борьба съ фальсификаціей (предм. потребленія). М. 1910. Ц. 40 к.

А. Алферовъ. Родной языкъ въ средн. школѣ. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

А. Шиплей и ***Э. Менъ-Брандъ***. Курсъ зоологіи. Пер. В. Львовъ и М. Мензбиръ. М. 1911. Ц. 3 р.

В. П. Дроздовъ. Проблемы сель-

ско-хоз. прогресса въ Россіи. М. 1911. Ц. 20 к.

Проф. П. Осадчій. Къ вопросу о принципахъ профессіон. этики инженеровъ. Спб. 1911. Ц. 35 к.

Дм. Ройтманъ. Задача раціональнаго естествознанія и математики. Спб. 1910.

Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

М. Новорусскій. Приключенія мальчика меньше пальчика. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Энциклопедическій словарь Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°, Седьмое совершенно перераб. изд. подъ ред. проф. В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева. Тт. 1, 2, 3 и 4-й. Ц. 2 р. 50 к. за томъ, въ перепл. по 3 р.

Обзоръ финансоваго положенія земствъ Пермской губ. Пермь. 1910.

Сельско-хоз. обзоръ Нижегород. губ. за 1908—1910 гг. Н.-Новг. 1910.

Балаклава. Климато-лечебный морской курортъ. Севастополь. 1910. Ц. 20 к.

Матеріалы къ исторіи и изученію сектантства и старообрядчества. Подъ ред. Вл. Бончъ-Бруевича. В. IV. Новый Израиль. Спб. 1911. Ц. 5 р.

Опроверженіе.

Печатается на основаніи п. 11 прил. къ ст. 114 Уст. о ценз. и печ. по прод. 1906 г.

Въ № 10 журнала «Русское Богатство» за 1910 годъ помѣщена статья Вл. Короленко «Черты военнаго правосудія». Не касаясь содержанія всей вообще статьи, я считаю своимъ долгомъ опровергнуть свѣдѣнія, содержащіяся въ главахъ: «Фантастическая исторія поручика Пирогова» и «Не обрадованные», такъ какъ эти свѣдѣнія даютъ неправильное представленіе о дѣятельности военныхъ судовъ въ Пріамурскомъ военномъ округѣ вообще и объ отправленіи правосудія лично мною, въ качествѣ военнаго судьи въ частности.

Что касается Пирогова, то этотъ офицеръ, въ чинѣ подпоручика, бѣжалъ въ концѣ 1905 года съ военной службы въ Японію, а, будучи въ 1907 году, по возвращеніи въ Россію, пойманъ, былъ преданъ суду не «по такъ называемому Уссурійскому дѣлу», а по обвиненію въ томъ, что въ 1907 году, возвратясь изъ Японіи, онъ изъ политическихъ видовъ подстрекалъ нижнихъ чиновъ гарнизона села Раздольнаго, вошедшихъ въ составъ образованной имъ военной организаціи, истребить весь офицерскій составъ мѣстнаго гарнизона, замѣнивъ таковой выборными нижними чинами этой организаціи. Вмѣстѣ съ нимъ было предано суду 28 нижнихъ чиновъ. Дѣло это было разсмотрѣно 23-го Сентября 1907 года во временномъ военномъ судѣ въ сел. Раздольномъ подъ моимъ предсѣдательствомъ, причемъ Пироговъ и 5 нижнихъ чиновъ признаны виновными въ подстрекательствѣ къ бунту, за что именно они и были преданы суду. На точномъ основаніи 110 и 112 ст. Воин-

скаго Устава о наказаніяхъ, изъ коихъ послѣдняя устанавливаетъ правило, что въ нѣкоторыхъ воинскихъ преступленіяхъ подстрекатели подвергаются воинскимъ наказаніямъ, установленнымъ за совершеніе преступленій, къ коимъ они подстрекали, даже и въ томъ случаѣ, если бы тѣ дѣянія, на которыя они подстрекали, не были совершены, они были приговорены къ смертной казни. Изъ нихъ одинъ Пироговъ подалъ кассаціонную жалобу. Командующій войсками Приамурскаго военнаго округа, инженеръ - генералъ Унтербергеръ, дѣйствительно на основаніи 1401 и 1409 статей Военно-Судебнаго Устава не далъ движенія этой кассаціонной жалобѣ и конфирмовалъ приговоръ, но при этомъ не «утвердилъ» его, а смягчилъ назначенное судомъ наказаніе какъ Пирогову, такъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ, приговореннымъ къ смертной казни, замѣнивъ это наказаніе ссылкой въ каторжныя работы безъ срока.

Приговоръ этотъ въ отношеніи Пирогова, по объявленіи въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ приказѣ, былъ приведенъ немедленно въ исполненіе и никогда никѣмъ не отмѣнялся. Поэтому тѣ строки въ статьѣ г. Вл. Короленко, гдѣ говорится о какихъ то энергичныхъ защитникахъ въ Петербургѣ, добившихся того, что приговоръ былъ пріостановленъ, возстановленъ срокъ подачи кассаціонной жалобы, и о томъ, что Главный Военный Судъ будто бы отмѣнилъ этотъ приговоръ, совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Дѣйствительный фактъ, заключался въ томъ, что Пироговъ подстрекалъ нижнихъ чиновъ къ возстанію и убійству офицеровъ не только въ Раздольномъ, но и въ гарнизонѣ г. Никольска-Уссурійскаго.

Дознаніе, производившееся жандармскими властями о его дѣятельности въ Никольскѣ-Уссурійскомъ, связанное съ обвиненіемъ нѣсколькихъ гражданскихъ лицъ, было окончено лишь въ 1908 году, когда и было разсмотрѣно, также подъ моимъ предсѣдательствомъ, въ г. Владивостокѣ; и Пироговъ, въ то время уже ссыльно-каторжный, былъ за преступныя дѣянія въ Никольскѣ-Уссурійскомъ вновь приговоренъ къ смертной казни, какъ лицо, состоявшее во время совершенія преступленія на военной службѣ, а судившіяся съ нимъ гражданскія лица—къ каторжнымъ работамъ. По поданной всѣми осужденными кассаціонной жалобѣ, пропущенной командующимъ войсками округа исключительно по собственному его усмотрѣнію, а не вслѣдствіе какого либо посторонняго давленія, Главный Военный Судъ отмѣнилъ приговоръ лишь относительно одного Пирогова, признавъ нарушеніемъ недопущеніе къ его защитѣ присяжнаго повѣреннаго, такъ какъ онъ, помимо воинскаго преступленія, обвинялся и въ общеуголовномъ по 102 ст. Угол. Улож. Тогда это второе дѣло было разсмотрѣно во 2-ой разъ не подъ моимъ предсѣдательствомъ, а другого военнаго судьи, причемъ, несмотря на участіе въ дѣлѣ гражданскаго защитника, судъ при-

зналъ Пирогова виновнымъ и приговорилъ его, дѣйствительно, въ 3 разъ къ смертной казни. Была подана новая кассаціонная жалоба, разсмотрѣвъ которую, Главный Военный Судъ отмѣнилъ приговоръ по второму дѣлу Пирогова съ самаго акта преданія его Суду, но только не вслѣдствіе того, какъ увѣряетъ г. Вл. Короленко, что въ Главномъ Военномъ Судѣ не нашли въ признанной судомъ виновности Пирогова признаковъ преступнаго дѣянія, а потому, что всѣ дѣйствія Пирогова, какъ въ Раздольномъ, такъ и въ Никольскѣ-Уссурійскомъ, представляютъ собою одно длящееся преступленіе, и такъ какъ Пироговъ уже осужденъ за свои дѣйствія въ Раздольномъ, то новое его осужденіе является неправильнымъ. Такимъ образомъ, разсужденія г. Вл. Короленко: «Поручикъ Пироговъ свободенъ. Поручику Пирогову представляется вмѣнить все, что съ нимъ случилось, яко не бывшее», противорѣчитъ истинѣ, и въ дѣйствительности Пироговъ въ настоящее время, согласно конфирмованному приговору временнаго военнаго суда въ Раздольномъ, отбываетъ наказаніе въ Нерчинской каторгѣ.

Въ слѣдующей главѣ «Не обрадованные», между прочимъ, упоминается о стрѣлкѣ Итунинѣ, какъ о лицѣ, будто бы несправедливо казненномъ. Итунинъ, а съ нимъ и 50 другихъ нижнихъ чиновъ обвинялись въ томъ, что, состоя членами Никольско-Уссурійско военной организаціи, они, также, изъ политическихъ видовъ, подстрекали другихъ нижнихъ чиновъ къ умерщвленію офицеровъ этого гарнизона. Дѣло это было разсмотрѣно подъ моимъ предсѣдательствомъ во временномъ военномъ судѣ въ г. Никольскѣ-Уссурійскѣ въ октябрѣ 1907 года, причемъ Итунинъ и еще четыре человѣка изъ всего количества подсудимыхъ, коимъ было предъявлено указанное обвиненіе, были судомъ признаны виновными въ полномъ составѣ именно этого предъявленнаго имъ, а не какого-либо другого, какъ утверждаетъ г. Короленко, обвиненія и приговорены, согласно 110 и 112 ст. Воинскаго Устава о наказаніяхъ, къ смертной казни; другіе же, какъ менѣе виновные, были приговорены къ каторжнымъ работамъ. Г. Вл. Короленко, обсуждая участь Итунина, восклицаетъ: «онъ казненъ невинно». Между тѣмъ, Итунинъ не казненъ, такъ какъ ему, равно какъ и другимъ приговореннымъ къ смертной казни по этому дѣлу, командующій войсками округа при конфирмаціи приговора, вновь, по собственному его усмотрѣнію, безъ участія какихъ-либо оффиціальныхъ или неоффиціальныхъ защитниковъ, замѣнилъ смертную казнь ссылкою въ каторжные работы безъ срока. Вообще не только по этимъ двумъ дѣламъ, но по всѣмъ дѣламъ организацій, за исключеніемъ бунта во Владивостокѣ 16 и 17 Октября, во время коего бунтовщики убили и ранили нѣсколькихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, всѣ смертные приговоры смягчались лицами, ихъ утверждавшими.

Такимъ образомъ, слова Вл. Короленко о томъ, что «пока поручикъ Пироговъ боролся за жизнь, другихъ казнили», а также

сравненіе участи якобы свободнаго Пирогова съ участью его соучастниковъ нижнихъ чиновъ, томящихся на каторгѣ, совершенно несправедливы.

Въ этой же главѣ говорится, что «Генералу Шинкаренко дано законное право не пропускать кассаціонныхъ жалобъ. Онъ не пропускаетъ жалобъ на явно незаконный приговоръ». Такое присвоеніе мнѣ чрезвычайныхъ правъ и обвиненіе меня въ злоупотребленіи этими правами является болѣе чѣмъ необоснованнымъ, такъ какъ такого права ни мнѣ, ни кому-либо другому изъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства не давалось; по самому духу военнаго законодательства это право можетъ принадлежать лишь высшимъ военно-административнымъ лицамъ, а мнѣ или мнѣ подобнымъ могло бы быть даровано лишь по особому Высочайшему повелѣнію, чему въ дѣйствительности не было мѣста.

Подписалъ: Бывшій военный судья, а нынѣ Военный Прокуроръ Приамурскаго Военно-Окружнаго суда,

Генералъ-Маіоръ *Шинкаренко*

Отъ С.-Петербургскаго Литературнаго Общества.

С.-Петербургское Литературное Общество поставило себѣ задачей собрать и разработать—въ связи съ подготовкой правительствомъ, проекта новаго устава о печати, а также въ качествѣ историческаго матеріала переживаемой переходной эпохи—возможно больше фактическихъ данныхъ, освѣщающихъ современное правовое положеніе періодической печати за періодъ времени послѣ манифеста 17 октября и временныхъ правилъ 24 ноября 1905 г.

Съ этой цѣлью С.-Петербургскимъ Литературнымъ Обществомъ разосланъ редакціямъ выходящихъ въ настоящее время въ Россіи періодическихъ изданій прилагаемый вопросникъ, выработанный состоящей при Совѣтѣ Общества Комиссіей о правовомъ положеніи печати, съ просьбой, обращенной къ редакціямъ, доставить возможно болѣе полныя свѣдѣнія по всѣмъ его пунктамъ.

Но, кромѣ того, С.-Петербургское Литературное Общество было бы весьма благодарно за сообщеніе согласно вопроснику свѣдѣній относящихся и до другихъ, уже прекратившихъ свое существованіе, періодическихъ изданій.

Просьба—адресовать отвѣты секретарю Комиссіи о правовомъ положеніи печати **гр. П. М. Толстому, Петербургъ, Большая Дво-**

рянская, 23, кв. 9, и писать (по параграфамъ вопросника) на писчей бумагѣ обыкновеннаго формата по одной сторонѣ страницы съ точнымъ указаніемъ въ заголовкѣ того изданія, о которомъ сообщаются свѣдѣнія, и того промежутка времени, за который сообщаются свѣдѣнія.

Вопросникъ о правовомъ положеніи періодической печати послѣ манифеста 17 окт. и врем. правилъ 24 ноября 1905 года.

А. Административныя распоряженія вообще.

I. § 1. Извѣстны ли Вамъ случаи несоблюденія явочнаго порядка выдачи свидѣтельствъ на право выпуска въ свѣтъ новаго періодическаго изданія или на право измѣненія условій выпуска въ свѣтъ прежняго періодическаго изданія, какъ то: случаи отказовъ (и на какомъ основаніи) въ выдачѣ свидѣтельствъ лицамъ, удовлетворяющимъ формальнымъ условіямъ, установленнымъ врем. прав. 24 ноября 1905 г.? Или случаи задержекъ (и на какомъ основаніи) въ выдачѣ свидѣтельствъ сверхъ установленныхъ сроковъ?

II. § 2. Предъявлялись ли Вашей редакціи требованія что либо не печатать въ Вашемъ органѣ и что именно? Въ какой формѣ (устной или письменной), съ ссылкой ли на опредѣленныя и какія именно статьи закона, съ отобраніемъ ли отъ Васъ соотвѣтствующей подписки, съ указаніемъ ли на возможныя послѣдствія неисполненія означенныхъ требованій и т. п.?

§ 3. Предъявлялись ли Вашей радакціи требованія представлять на предварительный просмотръ, до выпуска въ свѣтъ очереднаго нумера Вашего органа, тотъ или другой газетный матеріалъ и какой именно? или не входила ли Ваша редакція, ради практическихъ соображеній, сама въ соглашеніе на счетъ возстановленія, въ той или иной формѣ и въ какой именно, прежняго порядка представленія всего газетнаго матеріала на предварительную цензуру?

§ 4. Случалось ли въ Вашей практикѣ, что редакторъ или кто либо другой изъ лицъ, близко стоящихъ къ Вашему органу, приглашался явиться (и являлся ли) къ мѣстному начальству (и къ кому именно) для полученія тѣхъ или другихъ указаній на счетъ Вашего органа (и какихъ именно)?

III. § 5. Были ли случаи пріостановленія Вашего органа (и на какой срокъ) на основаніи чрезвычайной охраны или военнаго положенія?

§ 6. Были ли случаи и какіе именно закрытія, на основаніи исключительнаго положенія, типографіи, печатающей Вашъ органъ, въ качествѣ мѣры направленной противъ Вашего органа? Или случаи предупрежденія о закрытіи типографіи?

§ 7. Принимались ли мѣры и какія именно противъ выхода въ свѣтъ Вашего органа во время лишенія редактора свободы въ виду отсутствія собственноручной редакторской подписи на выпускаемыхъ нумерахъ?

IV. § 8. Были ли случаи и какіе именно примѣненія другихъ

административныхъ мѣръ, на основаніи исключительнаго положенія, къ редактору, или издателю, или сотрудникамъ, или корреспондентамъ Вашего органа въ связи съ газетной работой въ Вашемъ органѣ, какъ то: случаи высылокъ изъ предѣловъ губ. (или градонач.), арестовъ, обысковъ, выемокъ и т. п.? Или случаи предупрежденія о принятіи такихъ мѣръ?

§ 9. Были ли случаи и какіе именно примѣненія такихъ формъ воздѣйствія на Вашъ органъ, какъ: воспрещеніе тѣмъ или другимъ лицамъ или учрежденіямъ выписывать Вашъ органъ или давать свѣдѣнія Вашему органу? Воспрещеніе розничной продажи (разносчиками или въ кіоскахъ) нумеровъ вашего органа, безпрепятственно выпущенныхъ въ свѣтъ въ мѣстѣ его печатанія, въ другихъ городахъ или раіонахъ его распространенія? Препятствія или задержки въ выдачѣ разрѣшеній на печатаніе объявленій въ Вашемъ органѣ? Требованія, обращенныя къ редакціи Вашего органа, раскрыть псевдонимы авторовъ статей или сообщеній и т. п.?

Б. Примѣненіе обязательныхъ постановленій.

V. § 10. Были ли вообще изданы въ Вашей губерніи (или градонач.), когда именно въ первый разъ и какого содержанія обяз. постановленія противъ оглашенія и публичнаго распространенія извѣстныхъ статей, сообщеній и т. п.? Издавались ли еще, когда именно и какого содержанія какія либо дополнительныя обяз. постановленія на этотъ счетъ? Или новыя обяз. постановленія взамѣнъ первоначально изданныхъ.

Весьма желательно получить полныя копіи обяз. постановленій.

§ 11. Дѣйствуютъ ли обяз. постановленія противъ печати досихъ поръ? Или дѣйствіе ихъ прекратилось и когда именно? Въ частности, если усил. охрана была снята въ Вашей губерніи (градонач.), но за губернаторомъ (градонач.) сохранены полномочія по изданію обяз. постановленій, то было ли продолжено (и о томъ объявлено) дѣйствіе обяз. постановленій противъ печати?

VI. § 12. Сколько было случаевъ наложенія взысканій за нарушеніе обяз. постановленій и какихъ именно взысканій: въ альтернативной формѣ штрафа (и въ какомъ размѣрѣ) или ареста (и на какой срокъ?) въ формѣ ареста «безъ замѣны штрафомъ» (и на какой срокъ?)

§ 13. Въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе назначалось въ формѣ штрафа или ареста (при несостоятельности) и въ виду невнесенія штрафа примѣнялся арестъ, всегда ли допускалось освобожденіе отъ дальнѣйшаго отбыванія ареста послѣ внесенія штрафа и по какому разсчету?

§ 14. Были ли случаи и какіе именно отмѣны или смягченія или измѣненія разъ наложеннаго взысканія? По непосредственному ли распоряженію губернатора (или градоначальника), или во исполненіе распоряженія высшей власти и какой именно? По жалобѣ или безъ жалобы? Носило ли смягченіе или отмѣна взысканія индивидуальный характеръ или характеръ общаго прощенія (и по какому случаю)?

§ 15. Подвергался ли Вашъ органъ взысканіямъ только въ

лицѣ редактора, подписавшаго инкриминируемый нумеръ, или также въ лицѣ запасныхъ редакторовъ, или издателей, или авторовъ и др.?

§ 16. Каковъ общій итогъ наказаній, понесенныхъ Вашимъ органомъ за нарушеніе обяз. постановленій —сумма всѣхъ штрафовъ, наложенныхъ на Вашъ органъ? Внесенныхъ Вашей редакціей? И продолжительность всѣхъ наказаній лишеніемъ свободы, назначенныхъ къ отбытію? Отбытыхъ?

§ 17. Въ какомъ помѣщеніи, при какихъ условіяхъ приходилось отбывать арестъ?

VII. § 18. За какія именно статьи или сообщенія (оригинальныя или перепечатки) Вашъ органъ подвергался взысканіямъ и за нарушеніе какихъ именно пунктовъ обяз. постановленій?

Весьма желательно получить экземпляры соотвѣтствующихъ нумеровъ или копіи инкриминируемыхъ статей и сообщеній, а также копіи распоряженій о наложеніи взысканій съ ихъ мотивировкой.

§ 19. Въ частности, налагались ли взысканія преимущественно за освѣщеніе мѣстной жизни или политики центральнаго правительства?

§ 20. Случалось ли, что взысканія назначались спустя болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени (и какой именно) послѣ напечатанія инкриминируемыхъ статей или сообщеній?

VIII. § 21. Были ли Вами вообще обжалованы какія-либо распоряженія администраціи, касавшіяся Вашего органа и какія именно? Кому? Съ какимъ результатомъ?

XI. § 22. Кому принадлежитъ въ Вашемъ городѣ надзоръ за печатью (комитету или инспектору по дѣламъ печати, особо командированному лицу, вице-губернатору) и кто фактически его осуществляетъ?

В. Отвѣтственность передъ судомъ.

X. § 23. Сколько было случаевъ конфискаціи отдѣльныхъ нумеровъ Вашего органа: по распоряженію администраціи? по непосредственному опредѣленію суда въ распорядительномъ засѣданіи?

§ 24. Сколько разъ конфискаціи отмѣнялись судомъ безъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія?

§ 25. Были ли случаи и какіе именно пріостановленія Вашего органа судомъ въ распорядительномъ засѣданіи до судебнаго разбирательства при утвержденіи конфискаціи или при опредѣленіи о конфискаціи?

§ 26. Были ли случаи и какіе именно, когда судъ при отсутствіи основанія къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія постановлялъ приго-

воръ объ уничтоженіи конфискованнаго нумера Вашего органа?

XI. § 27. Сколько было случаевъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ Вашего органа и за нарушеніе какихъ статей карательнаго закона, и сколько изъ нихъ (и какіе) кончились: прекращеніемъ уголовнаго преслѣдованія до судебнаго разбирательства? вступленіемъ въ законную силу оправдательныхъ судебныхъ приговоровъ? обвинительныхъ судебныхъ приговоровъ съ осужденіемъ и по какимъ статьямъ карательнаго закона—при первомъ же судебномъ разбирательствѣ? или послѣ второго или третьяго судебнаго разбирательства и въ такомъ случаѣ послѣ какого или какихъ первоначальныхъ приговоровъ?

§ 28. Были ли случаи привлеченія къ судебной отвѣтственности, кромѣ отвѣтственнаго редактора, другихъ лицъ: какихъ именно (фактическаго редактора, издателя, автора) и съ какимъ въ отношеніи ихъ окончаніемъ процесса?

XII. § 29. Къ какому наказанію присуждалъ каждый вступившій въ законную силу обвинительный приговоръ и по какой статьѣ карательнаго закона?

§ 30. Въ частности, случалось ли, что обвинительные приговоры, вступившіе въ законную силу, сопровождались опредѣленіемъ суда о пріостановкѣ Вашего органа? Или о запрещеніи онаго навсегда? Или о запрещеніи редактору или издателю принимать на себя въ теченіе извѣстнаго срока званіе редактора или издателя періодическаго изданія?

§ 31. Каковъ общій итогъ наказаній, къ которымъ былъ присужденъ Вашъ органъ вступившими въ законную силу судебными приговорами—продолжительность всѣхъ наказаній лишеніемъ свободы и сумма всѣхъ штрафовъ? Въ томъ числѣ, какова продолжительность всѣхъ отбытыхъ наказаній лишеніемъ свободы и сумма всѣхъ внесенныхъ штрафовъ, за поглощеніемъ болѣе легкихъ наказаній болѣе тяжкими, по принципу совокупности наказаній?

§ 32. Напечатаніе какихъ именно статей или сообщеній инкриминировалось Вашему органу и за нарушеніе какихъ статей карательнаго закона?

Весьма желательно получать соотвѣтствующіе нумера Вашего органа или копіи инкриминируемыхъ статей и сообщеній, а также копіи обвинительныхъ актовъ и судебныхъ приговоровъ, съ указаніемъ, за напечатаніе какихъ статей и сообщеній: 1) были постановлены обвинительные приговоры, вступившіе въ законную силу? 2) были постановлены обвинительные приговоры, отмѣненные затѣмъ въ апелляціонномъ порядкѣ или послѣ кассаціи? 3) были составлены обвинительные акты или постановленія о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности, по которымъ уголовное преслѣдованіе было прекращено до судебнаго разбирательства? 4) была произведена конфискація нумеровъ, отмѣненная потомъ судомъ въ распорядительномъ засѣданіи безъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія?

XIV. § 33. Какая мѣра пресѣченія примѣнялась къ обвиняемому (подписка о неотлучкѣ, отдача на поруки, взятіе залога, домашній арестъ, взятіе подъ стражу)?

§ 34. Были ли случаи какихъ либо стѣсненій защиты при судебномъ разбирательствѣ по дѣламъ, возбужденнымъ противъ Вашего органа, и въ чемъ они выражались (отказы въ вызовѣ свидѣтелей и т. п.)?

§ 35. Были ли случаи закрытія дверей засѣданія суда при судебномъ разбирательствѣ и на какомъ основаніи?

XV. § 36. Не имѣется ли въ Вашей практикѣ еще какихъ либо фактовъ, относящихся къ современному правовому положенію періодической печати?

§ 37. Реагировалъ ли какъ нибудь кругъ Вашихъ читателей на кары, постигавшія Вашъ органъ?

§ 38. Не имѣется ли у Васъ, на основаніи Вашего опыта, какихъ либо общихъ соображеній о современномъ правовомъ положеніи періодической печати послѣ манифеста 17 окт. и врем. прав. 24 ноября 1905 г. Въ частности, о вліяніи современнаго правового положенія печати на редакціонную сторону газетнаго (журнальнаго) дѣла? на издательскую его сторону? на матеріальныя условія сотрудничества въ періодической печати? на уровень литературныхъ нравовъ и т. п.?

ПОПРАВКА.

Въ январьской книжкѣ „Р. Богатства“ въ статьѣ А. С. Пругавина „Декабристъ кн. Ф. П. Шаховской въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ», на страницѣ 71-й, въ концѣ перваго абзаца пропущена ссылка на источникъ, которую слѣдуетъ возстановить такъ: „Лѣтопись историко-родословнаго Общества въ Москвѣ“, 1905 г., выпускъ 4, сообщеніе Н. А. Мурзанова.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу вдовы Н. А. Некрасова: отъ Амазара—5 р.; отъ А. Н. Суслова—3 р.; отъ А. Н. Волкова—1 р.; отъ С. Г. Ѳомина—1 р.; отъ А. В. Ѳедорова—1 р.; отъ Н. А. Федоравцева—1 р.; отъ И. А. Моракулина—1 р.

Итого . . . 13 р. —

Съ благотворительной цѣлью: отъ А. В. С.—25 р.; отъ N—22 р. 15 к.; отъ Натана В. и Розы М. 17-го Января—3 р.; отъ учащихся средн. учебн. завед. г. Чернигова—12 р.; отъ Х.—10 р. 50 к.; отъ Я. Яковлева—3 р. отъ Н. М. Г.—16 р.; отъ А. Брандтъ—3 р.; отъ Я. Т. Дуновича изъ Москвы 13-го февр. 1911 г. 2 р.;

Итого . . . 96 р. 65 к.

На пріобрѣтеніе книгъ съ картинками. отъ Е. И. Х.—5 р.; отъ С. П. К.—8 р.

Итого . . . 13 р. —

Въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Семирѣченской обл. отъ К. Герасимовой—7 р. 50 к.; отъ О. Ваньковичъ—1 р. 50 к.;

Итого . . . 9 р. — к.

На народную школу имени В. Г. Короленко: отъ Я. Т. Дуновича изъ Москвы 13-го февраля 1911 г.—3 р.

На школу Г. И. Успенскаго: отъ Коршунъ-Осмоловскаго, изъ Златополя—50 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко*.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору журнала.

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору журнала и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору журнала (не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала) съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ или его №.

(Продолженіе см. на слѣдующей страницѣ).

Книжн. складъ П. П. КРЫЛОВА. (*Продолженіе*).

пословицъ и поговорокъ. К. 904 г. Вм. 3 р. за 2 р.

Леманъ, д-ръ. Иллюстрир. исторія суевѣрія и волшебства со 105 рисунк. М. Вм. 4 р. за 2 р 50 к.

Лемке. М. Очерки по исторіи русск. цензуры и журналистики XIX ст. съ 19 портрет. и 81 каррикатур. Спб. Вм. 3 р. за 1 р.

Савичъ. Русское горное законодательство, съ разъяснен., уст. горный. Спб. 905. Вм. 7 р. за 3 р.

Бабиковъ. Продажн. женщины, проституція и развратъ въ античн. мірѣ. средн. вѣка и наст. время. Спб 910 г. Вм. 1 р. 50 к. за 50 к.

фонъ-Аминторъ. За правду и за честь женщины. противъ Крейцеровой сонаты Толстого. Спб. 50 к.

Красота, молодость, грація. Курсъ лекціи посвящается русск. женщинамъ съ иллюстрац. въ роскошн. пер. Вм. 10 р. за 1 р.

Вейнингеръ. Полъ и характеръ. 3 изд. съ портр. автора. Спб. 910 Вм. 2 р. за 1 р. 50 к.

Форель, Авг. Половой вопросъ. Подъ редакц. Акад. Бехтерева. 2 тома съ табл. рисунк. Вм. 2 р. 50 к за 1 р.

Моргенстіэрнъ. Психографологія, или наука объ опредѣлен. внутрен. міра челов. по его почерку. Спб. Вм. 8 р. за 3 р.

„Великоруссъ“ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. д. Матер., собр. и привед. въ порядокъ П. В. Шейномъ, 2 т. Спб. Вм. 6 р. за 4 р.

Преступленія, раскрытыя начальникомъ СПБургск. сыскной полиціи, И. Д. Путилинымъ. Съ рисунк. Спб. Вм. 3 р. за 1 р.

Беротовъ. Страна свободныхъ земель (Киргизская степь). Спб. Вм. 50 к. за 25 к.

Дингельштедтъ, Н. Опытъ изученія ирригаціи Туркестанск. края. 2 т. съ 17 картами. Спб. Вм. 6 р. за 3 р.

Лашкаревъ, А. Сѣно и сѣно-прессованіе. Спб. Вм. 30 к. за 10 к.

Лашкаревъ, А. Сѣнные прессы, ихъ описаніе и устройство съ 22 чертеж., Спб Вм. 50 к. за 20 к.

Легувэ, Эд. Воспитаніе дѣтей въ первые годы и въ юношествѣ въ 2-хъ част. Ч. I. Дѣтство, ч. II. Юношество. Спб. Вм. 2 р. за 1 р.

Проаль. Л. Воспитаніе и самоубійство дѣтей. Психологич. и соціологическ. этюдъ. Спб. 908. Вм. 1 р. за 50 к.

Теккерей. В. „Исторія Пенденниса“, его приключен. и бѣдствія. Переводъ Введенскаго. 2 т. Спб. Вм. 3 р. за 1 р.

Теккерей, В. „Ньюкомы“ семейная хроника одной очень почтенной фамиліи. 4 т. Вм. 5 р. за 1 р. 50 к.

Шардинъ, А. Повѣсти и разсказы. Спб. Вм. 1 р. 50 к. за 50 к.

Шарпантье-де Коссиньи. Земледѣльческая гидравлика. (Руководство къ орошенію). Со 170 чертеж. и рисунк. Спб. 95. Вм. 6 р. за 1 р. 50 к

Ванъ-деръ Борнъ, д-ръ. Избѣжаніе материнства. Съ 19 рис. Спб. 909 г. Вм. 1 р. 50 к. за 75 к.

Вудъ-Алленъ. М. «Что надо-бы знать дѣвочкѣ». Вм. 1 р. за 75 к.

Вудъ-Алленъ. «Что надо-бы знать дѣвушкѣ». Спб. Вм. 1 р 25 к. за 75 к.

Кауфманъ, Г. Центральн. союзъ германскихъ потребительн. товариществъ. Спб. 908 г. Вм. 80 к. за 40 к.

Скиндеръ, Вл. Основн. понятія и законы химіи. Спб. Вм. 1 р. за 25 к.

Онъ-же. Новый основн. законъ химіи. Спб. Вм. 1 р. за 25 к.

Онъ-же. Распаденіе матеріи передъ судомъ физическ. химіи. Спб. Вм. 2 р. за 75 к.

Онъ-же. Протоевропеецъ и протоаріецъ, геологическ. періодъ ихъ исторіи. Спб. Вм. 1 р. 75 к. за 75 к.

Никитенко, А. «Моя повѣсть о самомъ себѣ», записки и дневникъ съ портр. авт. (1804—1877). 2 т. Вм. 7 р. за 3 р.

Бессонъ, Э. Бюджетный контроль во Франціи и за границей. Спб. за 1 р.

Никольскій. О выдачѣ преступниковъ по началамъ международн. права. Спб. Вм. 3 р. 50 к. за 50 к.

Вайнштейнъ. Сборн. узаконеній о пивоварен. и торговлѣ пивомъ. Спб 99 г. Вм. 2 р. за 1 р.

Ераковъ. Сборн. свѣдѣній для любителей садоводства и садовниковъ-самоучекъ. Спб. Вм. 1 р. 50 к. за 50 к.

Майэръ. Учебн. земледѣльческ. химіи, 4 т. Спб. Вм. 5 р. 75 к. за 1 р.

Верещагинъ. Очерки путешеств. по Гималлаямъ. 2 т. Вм. 2 р. 25 к за 75 к.

Риль. Гражданское общество. Вм. 2 р. за 50 к.

Очеркъ дѣятельности М-ва Императорскаго Двора, по приготовлен. и устройствамъ торжествъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. 1896 г. Изд. Коронаціонной Канцеляріи. 6 томовъ, роскошн. изд. въ продажу не поступало. 25 руб.

Сапелкинъ. Потребительн. и сельскохоз. О-ва Россійск. Имперіи. Изд. 2-ое. 1907, больш. томъ. Вм. 2 р. за 50 к.

Мин-во Финансовъ. Фабр.-заводск. промышлен. Россіи. перечень фабрикъ и заводовъ. Спб. 1897, больш. томъ, Вм. 7 р. за 1 р.

Какъ причесываться и одѣваться со вкусомъ Съ рис. 2-ое изд. 1911 г. 1 р. 50 к.

Моргенъ, Д-ръ Женскій бюстъ, развитіе и укрѣпленіе женской груди. новѣйшее руководство. 3-е изд. 1911 г. 1 р. 50 к.

(Продолженіе см. на слѣдующей стр.).

П. Въ такомъ случаѣ, прибавленіе къ пищѣ минеральныхъ солей излечиваетъ больныхъ и предохраняетъ отъ болѣзней здоровыхъ?

В. Безъ сомнѣнія! Вотъ уже 15 лѣтъ я горячо рекомендую регулярное и постоянное употребленіе физіологическихъ солей. Я даю ихъ не только при острыхъ и хроническихъ заболѣваніяхъ, но и здоровымъ. Я слѣдую примѣру такихъ медицинскихъ свѣтилъ, какъ Гензель, Гартунгъ, Ламанъ, Бильфингеръ и указаніямъ собственнаго многолѣтняго опыта.

П. Итакъ, каждый взрослый человѣкъ, больной или здоровый, можетъ съ пользой принимать эти соли! Прекрасно. Но дѣти? Моему младшему ребенку только что исполнился годъ. Неужели ихъ можно давать такой крошкѣ? Можно ли ихъ принимать по своему усмотрѣнію, безъ указаній и контроля врача? Не нужно ли соблюденіе какихъ-нибудь особыхъ правилъ, особой діэты и проч.?

В. Не безпокойтесь, многоуважаемая! Абсолютно никакого вреда физіологическія соли никому, даже грудному младенцу, принести не могутъ. Нужно только слѣдить, чтобы ихъ ежедневныя дозы не превышали извѣстнаго, точно установленнаго наукой, количества (максимума). Разумѣется, что для дѣтей этотъ максимумъ значительно ниже, чѣмъ для взрослыхъ. При каждомъ флаконѣ физіологическихъ солей находится, кромѣ способа употребленія, указатель такого максимума (для взрослыхъ и дѣтей). Никакихъ особенныхъ правилъ соблюдать не слѣдуетъ; не слѣдуетъ также измѣнять обычной пищѣ.

П. Бывали ли въ вашей практикѣ случаи излеченія минеральными солями различныхъ болѣзней?

В. Конечно. Мнѣ приходилось наблюдать прекрасные результаты на себѣ самомъ и на сотняхъ моихъ паціентовъ. Раньше у меня было глубокое недовѣріе и предубѣжденіе ко всякимъ «средствамъ». Теперь я долженъ съ полнымъ и глубокимъ убѣжденіемъ заявить, что при многихъ, особенно хроническихъ, болѣзняхъ, львиная доля въ исцѣленіи больныхъ принадлежитъ именно питательнымъ солямъ. Всякій врачъ, испытавшій на практикѣ эти соли, скажетъ вамъ то же самое. При острыхъ и заразныхъ болѣзняхъ (тифѣ, скарлатинѣ, дифтеритѣ) и при тяжелыхъ хроническихъ недугахъ (хлорозѣ, малокровіи, сахарной болѣзни, туберкулезѣ легкихъ, неврастеніи) кровь распадается на свои составныя части (дизэмическая кровь). Въ этихъ случаяхъ самое важное — возстановить нормальный составъ крови. Для этого необходимо быстрое и энергичное примѣненіе питательныхъ солей, которыя своими минеральными соединеніями прекрасно дѣйствуютъ на кровь. Но и большинство «внутреннихъ» болѣзней происходитъ отъ разстройства питанія и обмѣна веществъ и отъ «діэтическаго» перерожденія крови; а послѣднее происходитъ исключительно отъ непоступленія въ организмъ достаточнаго количества минеральныхъ солей, отъ «голоданія на соли».

П. Еще одинъ вопросъ, докторъ! Вы знаете, что черезъ 5 мѣсяцевъ наша семья увеличится еще ребенкомъ. Могу ли я въ моемъ положеніи принимать минеральныя соли и въ какомъ количествѣ?

В. Это — вашъ священный долгъ! Каждая беременная женщина должна снабжать свой организмъ физіологическими солями: натріемъ, каліемъ, известью, желѣзомъ, марганцемъ, магнезіей, кремневой кислотой, сѣрой, фосфоромъ, хлоромъ и фторомъ. Въ періодъ беременности эти вещества необходимы и матери, и ребенку. Часто утробный младенецъ не находитъ въ материнской крови достаточнаго количества неорганическихъ минеральныхъ веществъ; а эти вещества ему настоятельно нужны для роста. Тогда онъ «похищаетъ» ихъ, откуда только можетъ, даже изъ «запаснаго капитала» матери, что приноситъ величайшій вредъ материнскому организму. Поэтому выводъ изъ всей нашей бесѣды таковъ: Всѣ, больные и здоровые, и прежде всего, беременныя женщины должны снабжать свою кровь питательными солями.

(*Продолженіе см. на слѣдующей стр.*).